

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЮБИЛЕЙНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 50-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

16–18 ноября 2022 года

Ответственные редакторы:
Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев,
А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова,
А. В. Юревич, И. И. Ветрова

The logo consists of a red triangle with a white dotted border. Inside the triangle, the word "eBook" is written in a white, sans-serif font.

eBook

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Посвящается
50-летию
создания
Института
психологии РАН

Российская академия наук
Институт психологии

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Материалы Международной юбилейной научной конференции,
посвященной 50-летию создания Института психологии РАН,
16–18 ноября 2022 г.
Москва

Ответственные редакторы

Д. В. Ушаков
А. Л. Журавлев
А. В. Махнач
Н. Е. Харламенкова
А. В. Юревич
И. И. Ветрова

Москва
Институт психологии РАН
2022

УДК 159.9

ББК 88

И 90

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *В. В. Знаков*,
доктор психологических наук, профессор *С. А. Хазова*

Редакционная коллегия:

И. О. Александров, Ю. И. Александров, К. И. Ананьева, А. Л. Журавлев (отв. ред.), С. С. Белова, Н. В. Борисова, Ю. В. Быховец, И. И. Ветрова (отв. ред.), Е. В. Волкова, А. Е. Воробьева, Г. М. Головина, Н. Б. Горюнова, А. Н. Занковский, И. А. Зачесова, А. Н. Книголюбова, М. Г. Колбенева, А. А. Костригин, А. В. Махнач (отв. ред.), Л. Ш. Мустафина, Т. А. Нестик, Д. А. Никитина, Е. А. Никитина, В. Н. Носуленко, Н. Д. Павлова, М. А. Падун, О. В. Рунец, П. А. Сабадош, Т. Н. Савченко, Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, А. Ю. Уланова, Д. В. Ушаков (отв. ред.), Н. Е. Харламенкова (отв. ред.), А. В. Юревич (отв. ред.)

И 90 История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. – 947 с.

doi: 10.38098/conf_22_0451

ISBN 978-5-9270-0451-5

УДК 159.9

ББК 88

Сборник опубликован к юбилейной научной конференции «История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук», посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, которая состоялась 16–18 ноября 2022 г. Материалы, подготовленные авторами из разных городов Российской Федерации и ближнего зарубежья, отражают широту научных интересов современных исследователей в области психологии, а также подводят итоги 50-летней научной работы Института психологии РАН и задают перспективы дальнейших исследований. Издание адресовано широкому кругу специалистов в области психологии.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2022

ISBN 978-5-9270-0451-5

Содержание

Предисловие. 31

Методологические проблемы психологии. Проблема метода в современной психологии

Н. В. Борисова, А. Л. Журавлев. Предисловие к разделу. 45

Г. В. Акопов. Категориальный и типологический подходы
в постановке и решениях проблемы сознания 48

И. О. Александров, Н. Е. Максимова. Реликтовые демаркации
в психологической науке 50

В. Г. Аникина. Философские основания как источник развития
научных подходов в психологии рефлексии. 52

В. Д. Балин, Д. В. Балин. Психофизиология и принцип презумпции
невиновности 55

Д. Р. Белодед. Психологическая безопасность личности
в условиях цифровизации жизнедеятельности 56

Н. В. Борисова. Актуальные задачи психологии в контексте проблем
духовно-нравственного самоопределения современного человека . . 59

Т. П. Войтенко. Принцип субъектного подхода: попытка осмысления
в свете христианской антропологии. 61

Ю. Я. Голиков. Концептуальные представления
о материальной природе человека и его эволюции
с позиции новых парадигм естествознания 63

А. А. Гостев. О теоретико-методологических проблемах изучения
информационно-психологических войн. 65

А. М. Двойнин. О соотношении категорий «религиозность»,
«личность верующего» и «религиозная личность» 68

А. А. Криулина. Перспективные направления развития
современной психологии 70

М. Ш. Магомед-Эминов. Философско-методологическое основание
деконструкции психического 72

В. А. Мазиллов. Методологические проблемы общей психологии
на современном этапе 74

И. А. Мироненко. Измерительный подход в психологии
и актуальная реальность психического:
к вопросу о парадигмальном статусе психологии 76

В. И. Моросанова. Осознанная саморегуляция как метаресурс
преодоления различных ситуаций неопределенности 78

В. И. Панов. Парадигмальное расширение представления о психике как объекте исследования.	79
В. Ф. Петренко, А. П. Супрун. К проблеме категориального строя психологической науки	81
А. О. Прохоров. Ментальная регуляция психических состояний: структурно-функциональный аспект	84
Е. А. Сергиенко. Путь к психологии субъекта	86
И. Г. Скотникова. Преемственность теоретико-методологических подходов в ИП АН СССР и ИП РАН в контексте отечественной науки и в психофизических исследованиях института	88
Е. В. Славутская. Проявление интегро-дифференционного принципа развития при системном анализе личностных характеристик	91
М. А. Степанова. Философия психологии П. Я. Гальперина	93
А. Г. Сулейманиян. Психология будущего: новое осмысление спора К. Д. Кавелина и И. М. Сеченова.	95
Н. Е. Харламенкова. От психологии мышления к психологии мудрости – становление динамического подхода	98
А. П. Якунин. Индивидуальный субъект: к методологическим проблемам психологии человека	100

**История психологии и историческая психология
в контексте актуальных проблем современного общества**

А. Л. Журавлев, А. А. Костригин. Предисловие к разделу	105
Г. В. Акопов, Л. С. Акопян. Психологическая позиция Ю. В. Португалова в «эпоху» становления объективизма в психологии.	108
О. А. Артемьева. Проблема общей психологии и институционализация психологии в СССР.	110
В. И. Белопольский, А. А. Костригин. История Института психологии АН СССР–РАН в зеркале книжных публикаций: библиографический и тематический анализ	112
С. А. Богданчиков. Сравнительный анализ советских и зарубежных рецензий на книгу Т. Р. Пейна о советской психологии	114
О. В. Гордякова. Российская психология рекламы в конце 1990–начале 2000-х годов	116
С. Г. Елизаров. Курский ученик С. Л. Рубинштейна	118
И. Н. Елисева. Роль отдела военной психологии Общества ревнителей военных знаний в становлении отечественной военной психологии.	120

А. Н. Ждан. Творческие связи факультета психологии МГУ и ИП РАН.	122
А. Л. Журавлев, Т. А. Сарыева. Неизвестные фрагменты предыстории создания Института психологии в составе Академии наук.	124
К. Б. Зуев. Доминанты научного творчества М. И. Воловиковой.	126
К. Б. Зуев, И. И. Ветрова. Наукометрический анализ издательской серии «Труды молодых ученых ИП РАН».	128
Г. Иванович. История психологии и историческая психология во времена пересмотра истории	130
П. Н. Казберов. Исторические аспекты теоретико-концептуального обеспечения функционирования психологической службы УИС	132
А. А. Костригин. Психологические исследования в советском научно-популярном ежегоднике «Наука и человечество»	135
Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец. Историко-культурная феноменология в построении практик безопасности: диалектика иррационального и оптимального	137
Н. А. Логинова. Искажение истории психологии	140
В. А. Мазилев, Ю. Н. Слепко, В. С. Филатов в борьбе за марксистскую психологию.	141
Л. В. Нагибина, И. И. Ильясев, Г. И. Челпанов как выдающийся российский педагог и просветитель.	143
Н. Г. Немировская. Развитие идеи когнитивного ресурса по В. Н. Дружинину: описание методики измерения объема кратковременной памяти	145
О. Г. Носкова. Вопросы истории и современного состояния теории и методологии отечественной психотехники	148
М. Д. Няголова, Ю. Н. Олейник. Советско-болгарские научные связи в психологии 1960-х и 1970-х годов	150
Ю. Н. Олейник. К вопросу о единице анализа знания и процесса познания в историко-психологических исследованиях.	152
Ю. Н. Олейник, А. Л. Журавлев. Разработка В. А. Кольцовой проблем источниковедения истории отечественной психологии (к 75-летию со дня рождения ученого)	154
В. П. Позняков, Е. В. Шорохова. Историко-психологический анализ социально-экономических преобразований в России в 1920–1930-е годы	156
В. А. Рафикова. К проблеме репрезентации исторического знания на примере немецкой истории психологии	158

Д. С. Самохвалов. Психоистория Ллойда де Моса: опыт междисциплинарной дисциплины.	160
И. Н. Семенов. Методологическая рефлексия предыстории зарождения и истории развития Института психологии РАН	162
О. Е. Серова. Психологическое исследование как формула смысла: историко-методологический аспект	165
Ю. Н. Слепко. История кафедры психологии Ярославского педагогического университета: возможности периодизации	167
Е. Е. Соколова. Обсуждение роли категории «взаимодействие» в психологии (по архивным материалам дискуссии 1948 года). . . .	169
Н. Ю. Стоюхина. К истории психологии труда в СССР: выступление К. К. Платонова на совещании 1952 г.	171
Э. В. Тихонова. История психологии в провинциальном контексте. . .	173
Б. Н. Тугайбаева, Е. В. Харитонова. Историческая динамика ценности семьи и ее отражение в российском менталитете	176
Е. В. Харитонова. Понятие «историческое время» в исторической психологии.	178
Е. Н. Холодович. Научные и социокультурные предпосылки создания лаборатории истории психологии в ИП АН СССР.	179
М. Г. Чеснокова. Новейшая история психологии и принципы ее исследования.	182
М. А. Щукина. Роль ИП РАН в разработке проблемы историографии постсоветского периода отечественной психологии.	184
И. А. Юров. С. Л. Рубинштейн: идеализм, материализм, экзистенциализм	186

Познание и общение

В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко. Предисловие к разделу	191
А. С. Алексеева, О. В. Ломтатидзе, И. Г. Скотникова. Половозрастные и деятельностные факторы формирования порогов зрительного восприятия у младших подростков.	194
К. И. Ананьева, А. А. Демидов, А. В. Фёдорова. Соотношение показателей согласованности и адекватности межличностной оценки при восприятии другого человека	196
Н. Г. Артёмцева, С. В. Москалев. Актуальность исследования механизмов межличностного восприятия и познания	198
Н. Г. Артёмцева, С. А. Малкина. Понимание и регулирование эмоций как компоненты эмоционального интеллекта (обзор современных зарубежных исследований)	200

В. А. Барабанщиков, М. М. Маринова. Динамика восприимчивых качеств «невозможного лица» в зависимости от длительности экспозиции	203
В. А. Барабанщиков, Е. В. Суворова. Идентификация мультимодальных эмоциональных состояний при изменении времени экспозиции	205
И. А. Басюл. Разработка программного обеспечения для реализации интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами.	206
Е. Д. Бреус, Н. А. Лунькова. Формально-содержательные характеристики представлений родителей о ребенке как трудном партнере общения	208
И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, А. И. Матвеева. Выражение эмоций педагогами и обучающимися в цифровой коммуникации.	210
С. А. Гильманов. Иллюзии понимания в учебном процессе.	212
Е. В. Головина. Уверенность в себе и фундаментальные мотивы	215
Гура О. Р. Влияние тревожности на субъективную значимость внешнего облика в романтических отношениях	217
А. А. Демидов, И. А. Басюл, А. Д. Самба. Этнические стереотипы тувинцев и готовность к межэтническим контактам	220
Д. А. Дивеев. Роль индивидуально-психологических характеристик наблюдателя в оценке доверия к незнакомому человеку в различных коммуникативных ситуациях	222
А. В. Жегалло. Принципы параллельного анализа движений глаз и речевой продукции наблюдателя	224
Р. В. Желанкин. Сравнительные характеристики принятия решения разными видами рептилий при зрительном различении	225
А. В. Корбут, Е. С. Самойленко. Общее и специфичное в субъективных представлениях о функциональном значении межличностного и внутриличностного сравнения	229
О. А. Королькова, Е. А. Лободинская. Структура субъективного пространства восприятия естественных индуцированных экспрессий лица	231
Е. Н. Мартынова, Д. В. Люсин. Влияние радости и тревоги на эмоциональный эффект Струпа	233
В. Н. Носуленко. Когнитивно-коммуникативная парадигма Б. Ф. Ломова в когнитивных науках сегодня.	235
А. Ю. Разваляева. Сонификация как средство невербальной коммуникации: классификация методов и способы применения.	238

Е. С. Самойленко, К. И. Ананьева, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. Восприятие человека человеком: роль коммуникативной ситуации	240
Е. Л. Серов, О. А. Королькова. Влияние эмоций лица на определение его привлекательности	242
Т. П. Скрипкина. Антропология доверия в образовательном пространстве	244
П. В. Ткаченко, О. В. Ломтатидзе. Роль восприятия невербальных сигналов в формировании готовности к поликультурному диалогу	247
А. Н. Харитонов, К. И. Ананьева. Перцептивно-коммуникативный подход в исследованиях межрасового восприятия	249
Е. Г. Хозе, О. А. Королькова. Восприятие базовых эмоций: кросс-культурный аспект	251
А. С. Шунто. Представления о ценностных ориентациях человека при разных способах изображения его лица.	253

Психология творчества

С. С. Белова Предисловие к разделу	259
Е. Л. Бобылев. Специфика психологического анализа литературного творчества	261
Е. И. Буданова, Л. К. Тушнова, Н. В. Еркин. Развитие креативных способностей младших школьников	263
Е. Е. Васюкова. Деятельностный подход к изучению шахматного творчества	265
В. А. Грудинин, А. А. Матюшкина. Связь переживания познавательной потребности в форме интеллектуальных эмоций с успешностью решения проблемных задач	267
В. Г. Грязева-Добшинская. Креативность как динамический социокультурный феномен: проблемы креативности и стрессоустойчивости в условиях интенсивных социокультурных изменений	270
В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, С. Ю. Коробова, П. С. Глухов. Психологические ресурсы лидерства в критических ситуациях: идентичность, креативность, экзистенциальные ценности	272
Л. А. Дикая, В. А. Егорова. Личностная креативность и исследовательский потенциал: в какой мере креативность способствует повышению вероятности обучающихся обладать высоким исследовательским потенциалом?	274

В. Д. Илюшичев, А. В. Чистопольская. Экспериментальная проверка эволюционной гипотезы возникновения эффекта зловещей долины	276
V. Koncha, A. Kharkhurin, M. Charkhabi. The effects of plurilingualism and pluriculturalism on divergent thinking: Testing the moderating role of personality traits	279
С. Ю. Коровкин, А. Д. Савинова. Управляющие функции рабочей памяти в решении инсайтных задач	280
О. П. Макушина. Соотношение творчества и зависимости	282
А. А. Медынцева, М. А. Левшина, А. И. Комаровская, Н. Л. Левина. Преодоление ограничений на результат при решении ассоциативных задач	284
А. А. Пантина, С. Ю. Коровкин. Ага-переживание в условиях социального взаимодействия.	288
И. В. Серафимович. Ресурсность профессионального мышления: системогенетический подход	290
Н. П. Тяпкина, С. Ю. Коровкин. Негативное эмоциональное состояние подавляет поиск сложных решений	292
И. В. Черемисова. Музыкально-творческое развитие личности в образовательном процессе с позиций эстетико-семиотического подхода	294

Социальная и экономическая психология

Т. А. Нестик. Предисловие к разделу	299
В. Д. Альперович. Особенности взаимодействия субъекта со «своими» и «чужими» партнерами по общению в его нарративных «образах мира»	302
И. В. Атаманова, С. А. Богомаз, И. А. Филенко. Трансформации личностных ценностей и характеристик инновативности молодежи во время пандемии	304
В. А. Баранова. Отношение к дому современного жителя мегаполиса	306
Е. В. Булатова, Ю. С. Мурзина. Ценностно-мотивационная сфера потенциальных предпринимателей сферы услуг	308
Ф. И. Валиева. Резильентность как фактор адаптации у представителей разных культур (на примере студентов-иностранцев)	310
А. В. Воронцова, Т. А. Воронцова, О. В. Денисова. Музыкальные предпочтения и самоофективность представителей различных возрастных групп	313

Т. А. Воронцова. Механизмы «сравнения» и «оценки» при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников	315
Т. А. Воронцова, А. Г. Артамонова. Соотношение хронологического, субъективного, воспринимаемого возраста, желаемой продолжительности жизни у взрослых в возрасте 50–59 лет.	318
К. М. Гайдар. Особенности принятия совместных решений в группах с разным социально-психологическим климатом.	320
М. М. Дробышева. Поиск эмоциональной поддержки как способ совладания горожан в период второй волны распространения COVID-19	322
Т. В. Дробышева, В. М. Касьянов. Экономическая социализация фрилансеров в новых геополитических условиях	325
Т. П. Емельянова, М. А. Гагарина, Е. Н. Викентьева. Факторы состояния тревоги у лиц предпенсионного возраста: восприятие будущего	327
М. Н. Ефременкова. Субъективная значимость профессиональной идентичности и эмиграционная активность: характер связи у студенческой молодежи трех стран.	329
П. А. Кисляков, А.-Л. С. Меерсон. Когнитивные ресурсы информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам	331
К. И. Ключева, Г. Н. Ларина. Мироощущение современных подростков	333
О. А. Ключева. Теоретико-методологические аспекты структурно-функционального анализа конкурентоспособности личности	335
К. Ю. Кондратьева, О. Г. Лопухова, Ю. В. Пайгунова. Взаимосвязь эмоционального выгорания с характеристиками командной сплоченности юных футболистов.	337
Д. С. Корниенко, М. В. Балева, Н. П. Ячменева. Взаимосвязь материализма и управления личными финансами у студентов	339
С. А. Кузнецова. Проблема изучения территориального самоопределения жителей Северо-Востока России	341
С. А. Кузнецова, Н. М. Мельникова, Е. В. Чарина. Предикторы миграционных установок молодежи Северо-Востока России	344
Ж. Э. Кузьмичева. Диспозиционные и ситуационные предпосылки принятия решения в условиях неопределенности (на примере задачи «дилемма заключенного»)	346
Е. В. Куптяк, В. И. Косицина. Оценка копинг-стратегий: адаптация экспресс-опросника COPE	348

Г. Н. Ларина. Свобода временных подростковых групп	350
Г. Н. Ларина, С. В. Сарычев. Исследование мироощущения и социального самоопределения городской и сельской молодежи Курской области	351
И. В. Ларионов. Особенности социально-психологической пресыщенности условиями жизни в городе в разных группах жителей мегаполиса	353
А. Н. Лебедев. Психологические механизмы ценностно-аффективной поляризации социальной группы.	356
О. И. Маховская. Коммуникативный опыт личности: проблема сильных и слабых связей	358
О. А. Мирошниченко, С. В. Сарычев. Актуализация многоуровневого группового субъекта: социально-психологическое исследование	359
Н. В. Муращенкова. Готовность российских студентов к межкультурному взаимодействию в период пандемии: роль страха перед COVID-19.	362
Н. В. Муращенкова, В. В. Гриценко, М. Н. Ефременкова. Эмигрировать или остаться жить в России: ценностные основания намерений студенческой молодежи.	363
Ю. С. Мурзина. Этичны ли ценностные ориентации владельцев малого бизнеса?	365
Ю. С. Мурзина, Е. А. Седова. Ценностные ориентации преемников семейного бизнеса	368
В. И. Панов, Э. В. Патраков. Трансформация социальных взаимодействий высокоорганизованных групп в условиях цифровизации: экпсихологическая модель	370
В. П. Позняков, Ю. М. Панфилова. Личностные факторы ориентации во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке	372
И. С. Прусова, Н. И. Богатырева. Личностные и идеологические предиспозиции в оправдании системы.	374
С. А. Решетко. Факторы психологического отношения к табакокурению	376
Ж. Ж. Ромашева. Связь субъективного благополучия с эмиграционными установками российской молодежи	377
Е. С. Синельникова. Благодарность как личностный ресурс в период социально-экономической трансформации и социальных кризисов	380
В. Л. Ситников, А. А. Стреленко, С. И. Кедич, А. В. Комарова, Т. В. Слотина. Особенности родительско-детского взаимодействия матерей с приемными и родными детьми разного пола.	382

В. Л. Ситников, С. И. Кедич, С. М. Момбей-оол, А. М. Салчак, А. А. Стреленко. Социально-перцептивные образы и жизнестойкость тувинской молодежи из семей разного типа	384
С. В. Тарасов, Т. В. Дробышева. Предикторы суверенности психологического пространства личности в учебных группах полузакрытого типа	386
Н. В. Ткаченко, О. Е. Хухлаев. Осознанность в межкультурной коммуникации: феноменологический анализ	388
В. А. Хашенко. Экономический эгоизм и морально-нравственные ценности личности в современном российском обществе: разработка методики измерения.	389
Н. Н. Хащенко. Актуальное экологическое сознание и потребительское поведение личности: программа исследования	392
Е. Г. Щелокова. Карьерные ориентации и жизнеспособность молодежи в период профессионального обучения в университете.	394

Психология личности

А. Н. Лебедев, А. М. Борисова, Л. Ш. Мустафина. Предисловие к разделу	399
Л. Н. Азарова, Л. И. Ларионова, О. В. Кондратенко, Н. Ф. Кочемирова. Автобиографическое изучение личности в студенческом возрасте	402
Т. А. Антопольская, А. С. Силаков. Субъектность подростков поколения Z: возможности развития	404
И. В. Атаманова, С. А. Богомаз, А. Е. Федоровский, И. А. Филенко. Специфика ценностных ориентаций и личностной готовности к деятельности вузовской молодежи в условиях пандемии COVID-19.	406
А. В. Баранова. Субъектность и ее связь с параметрами возможных Я у молодежи	408
В. А. Баранова, О. О. Савина. Самочувствие личности в изменяющейся образовательной среде в условиях пандемии COVID-19	410
О. А. Белобрыкина. Половозрастная специфика ценностных ориентаций личности	412
С. В. Бородулина, Т. Л. Крюкова. Понимание обмана в различных контекстах	415
Н. А. Буравлева. Психологические характеристики готовности к деятельности студентов в различных жизненных обстоятельствах: до пандемии и во время пандемии.	417

Е. А. Вагер, О. К. Войтко. Отношение студентов-психологов первого курса к идеологии чайлдфри	420
М. Е. Валиуллина, М. И. Каргашева, И. С. Басина. Роль темперамента в структуре взаимосвязей между компонентами системы «Я» и способами саморегуляции психических состояний на примере студентов Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета	422
А. В. Визгина. Эмпирическое изучение внутреннего диалога как формы существования внутреннего конфликта.	424
В. А. Егорова, В. С. Рыжова. Особенности взаимосвязи смысложизненных ориентаций, учебной мотивации и коммуникативных характеристик обучающихся, ориентированных на исследовательскую деятельность.	426
В. Г. Ерофеева, В. А. Бардадымов, А. К. Серобян, М. Р. Хачатурова. Паттерны компонентов настойчивости и ментальной здоровье учащейся молодёжи разных ступеней образования	429
И. А. Колинченко, С. А. Никулина, Л. Б. Воронкина. Представления об идентичности и типы отношения к беременности будущих матерей	431
М. А. Крылова. Ментальная репрезентация трудных жизненных ситуаций как предиктор защитного и совладающего поведения взрослых с когнитивными стилями: ригидный/гибкий познавательный контроль, когнитивная простота/сложность	433
Л. М. Кузнецова, А. М. Лесин. Жизнестойкость и смысложизненные ориентации молодых людей	435
А. С. Кучеренко, О. Г. Холодкова. Ценностные ориентации младших и старших подростков	438
Ч. Х. Ле, С. А. Мудрак. Психологические барьеры адаптации к условиям учебной деятельности вьетнамских студентов в России.	440
О. Г. Лопухова, Л. Р. Фёдорова. Устойчивость спортивной направленности личности: модель и диагностический инструментарий	442
Д. В. Люсин. Измерение склонности к конструктивной и деструктивной зависти: адаптация опросника ВеМаS	444
С. К. Нартова-Бочавер. Аутентичность личности и мораль: есть ли связь?	446
А. А. Ощепков, В. Б. Салахова. Роль эгоцентризма как формы девиантного поведения в развитии моральной сферы личности	447

Д. А. Парфенова, А. Г. Портнова, А. М. Иванова. Взаимосвязь асертивности и агрессивности личности	449
М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкая. Средовые факторы как предикторы благополучного старения	452
Л. М. Попов, П. Н. Устин. Скаффолдинг – метод актуализации когнитивных и коммуникативных предикторов субъекта научного творчества	454
В. Е. Потехина. Переживание чужести в контексте жизненных отношений личности	456
А. С. Распопова. Личностные особенности родителей, воспитывающих детей с аутизмом.	458
Д. А. Ремезов. Влияние решений в отношении значимого Другого на проявление самоактуализации личности	460
З. И. Рябикина, Н. А. Яворчук. Магистратура как часть жизненного проекта личности на различных этапах зрелости	462
Н. Р. Салихова, А. Б. Салихова. Особенности структур связей ценностей в зависимости от толерантности личности к неопределенности	465
А. Г. Самохвалова, Е. В. Тихомирова. Связь близости в романтических отношениях и сепарации от родителей в юношеском возрасте	467
Е. Е. Сапогова. «Текущий субъект»: трансформации современной идентичности.	469
Е. А. Семенова. Эмпирическое исследование мотивационной сферы студенческой молодежи	471
Л. Л. Скворцова. Регуляторный потенциал имплицитных концепций личностной зрелости.	473
О. Ю. Стрижицкая, М. Д. Петраш. От выученной к стереотипизированной беспомощности: теоретический подход	475
И. В. Терелянская. Особенности формирования Я-концепции конкурентоспособной личности у молодежи	477
А. Е. Фрай. Нравственная элита как форма репрезентации нравственного идеала личности.	479
А. Р. Халфиева. Взаимосвязь психических состояний и регуляторно-личностных свойств студентов на экзамене	481
Т. Е. Черчес, А. М. Савельева. Мотивационные характеристики готовности педагогов к инновационной деятельности	484
Т. Л. Чудакова, Л. Ю. Субботина. Об интегративном и континуальном характере состояния безопасности.	486

Е. Ф. Яценко. Самоактуализационные характеристики и субъективное благополучие будущих психологов с высоким уровнем самоактуализации	488
--	-----

Многомерность способностей и ментальных ресурсов человека

Е. В. Волкова. Предисловие к разделу	493
К. П. Алексеенко. Духовно-нравственная регуляция поведения как фактор морального компонента духовных способностей	494
А. П. Бачкала, О. В. Митина. Биологическая обратная связь как опосредующий знак бессознательно протекающих процессов. Новые внутриспихические возможности человека	496
Е. Г. Бударина. Когнитивный стиль «Гибкий/ригидный познавательный контроль» и академическая успеваемость	498
Е. В. Волкова, И. О. Куваева. Многомерная природа совладающего интеллекта.	500
Н. Э. Волкова. Темперамент и понятийные способности как факторы жизнестойкости	502
Е. В. Воробьева, М. Д. Петровская. Взаимосвязь показателей эмоционального интеллекта и способности к эмпатии	505
А. Н. Воронин, Н. Б. Горюнова. Эмпирическая верификация когнитивного ресурса: сопоставление различных подходов	507
С. М. Гайнуллина. Многомерность способности ко лжи	508
А. А. Гофман. Факторы эффективности намеренного забывания: эмпирическое исследование	510
А. А. Гофман, В. В. Нуркова. Целенаправленное действие забывания в перспективе деятельностного подхода к памяти	512
Д. А. Докучаев. Поиск психологических и психофизиологических маркеров когнитивных стилей «Импульсивность/рефлексивность»	514
Т. Ю. Ивчина. Академическое отчуждение и духовно-нравственная ориентация студентов	517
М. М. Кашапов. Многомерность ментальных ресурсов как основа профессионального мышления субъекта	519
И. А. Кибальченко, Т. В. Эксакусто. Интеллектуально-личностные предикторы учебной успешности студентов	521
А. С. Кирсанов, Е. И. Перикова, М. Г. Филиппова, Е. Д. Благовещенский, К. Г. Мирошник, О. В. Щербакова, Ю. Ю. Штыров. Эксплицитное и имплицитное научение новым словам: глубина интеграции семантических свойств в ментальный лексикон	523

Т. П. Коваленок. Когнитивные способности и саморегуляция у студентов инженерно-технического профиля	525
Т. И. Короткина, А. П. Якунин. Психология субъекта способностей: к многомерному определению способностей	527
М. А. Крылова, У. Ю. Севастьянова. Представления о ресурсах у подростков с тяжелыми нарушениями речи.	529
В. М. Ланевская. Принципы формирования метакогнитивной компетентности будущих воспитателей дошкольного образования	531
М. А. Матюшина. К вопросу о необходимости психолого-педагогического сопровождения soft skills в условиях вуза	533
А. Ф. Машарина. Сопряженность показателей саморегуляции и духовно-нравственных качеств личности	535
Н. Н. Мехтиханова. Мудрость и личностные характеристики	537
В. А. Мосс. Вопросы определения и изучения способностей кинорежиссера	539
Д. А. Наумова, К. А. Скуратова. Стратегия выполнения прогрессивных матриц Равена	541
И. А. Новикова, М. В. Гридунова, А. Л. Новиков, Д. А. Шляхта. Межкультурная компетентность и интеллектуальные способности личности: перспективы комплексных исследований	543
Г. В. Ожиганова. Духовные способности: взаимосвязь духовно-нравственных качеств и добродетелей-ценностей	545
А. Н. Певнева. Когнитивная гибкость как предиктор исследовательского потенциала личности	547
Т. А. Ребеко. Размерность телесного опыта при алекситимии	549
П. А. Сабадош. Актуальные тренды психологии способностей: библиометрический анализ	551
В. Е. Семёнов. Способность художников выразить ментальность своей эпохи.	553
Я. И. Сиповская. Факторы совладающего поведения, лежащие в основе академических достижений в старшем подростковом возрасте	554
К. А. Скуратова. Особенности движений глаз при ментальном вращении	557
М. А. Холодная. Многомерная (нелинейная) природа рефлексии и арефлексии.	558

А. В. Чернов. Взаимосвязь составляющих системы Я и рефлексии в процессе саморегуляции психических состояний студентов . . .	560
В. С. Чернявская. Самораскрытие способностей: диагностические возможности.	562
А. А. Шахов, С. А. Башкатов. Опросник «Склонность к совершению ошибок» как средство диагностики способности к критическому мышлению	564

**Принцип развития в современной психологии.
Проблемы возрастной психологии**

Е. А. Сергиенко. Предисловие к разделу	569
Е. И. Буданова, Л. К. Тушнова, Н. В. Еркин. Специфика мотивационной готовности современных дошкольников к обучению в школе	572
С. В. Велиева. Психические состояния в разных ситуациях образовательной деятельности.	574
Г. А. Виленская. Контроль поведения у младших школьников и стиль родительского отношения	576
А. А. Вихман. Динамика востребованности запросов родителей на психолого-педагогическую консультацию от начальной к старшей школе	579
Е. С. Волкова, А. В. Капцов. Взаимосвязь стадий становления субъектности и смысложизненных ориентаций старшеклассников	581
А. А. Гец, Е. Е. Марченко. Представления студентов об эмоциональной саморегуляции	583
К. Б. Зуев, А. В. Махнач. Монородительство как макро- и микрофактор формирования жизнеспособности подростка	585
Е. В. Куфтяк. Проактивное совладание со стрессом: возрастной контекст	587
Е. В. Куфтяк, А. А. Бехтер, О. А. Филатова. Валидизация шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера: результаты конфирматорного факторного анализа (исследование на молодой русскоязычной выборке).	590
А. И. Лактионова. Динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин в разных возрастных группах	592
Е. И. Лебедева. Взаимосвязь модели психического и популярности в кругу сверстников у детей младшего школьного возраста	594
Э. В. Лидская, М. О. Мдивани, Р. И. Суннатова, Г. В. Шукова. Условия становления субъектности в подростковом возрасте	596

А. С. Мальцева. Динамика психоэмоционального состояния детей дошкольного возраста на занятиях с интерактивным оборудованием с применением технологий дополненной реальности	599
А. В. Микляева. Образовательные и карьерные перспективы у подростков с различными траекториями взросления	601
Е. А. Никитина. Факторы психологического благополучия женщин старшего возраста	603
Н. С. Павлова, О. Г. Ворончихина. Исследование психологического благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем, в позднем онтогенезе	605
Н. И. Романова-Африкантова, В. Ю. Карпинская, В. А. Ляховецкий. Моторная и вербальная оценка иллюзий Понзо и Мюллер-Лайера у детей дошкольного и младшего школьного возраста в сравнении со взрослыми испытуемыми	608
Т. Е. Титовец. Реализация деятельностного подхода в высшем образовании как фактор развития личности студента	609
А. Ю. Уланова, Е. И. Лебедева, Г. А. Виленская, Н. С. Павлова, О. Е. Филиппу. Взаимосвязь понимания ментальных состояний по выражению лица и социальной компетентности, измеренной учителями, у детей школьного возраста	612
Н. Е. Харламенкова, Н. Е. Шаталова. Эмоциональная оценка жизненных ситуаций детьми 8–12 лет	614
Е. М. Цыганова, А. А. Бочавер. Родительские практики воспитания ответственности как компонент развития детской самостоятельности.	616
А. И. Чернова. Взаимосвязь саморегуляции с рефлексивностью и самооценкой у подростков	618
А. М. Щербакова. Характеристика картины мира детей-сирот в контексте их жизнеспособности	620

Проблемы современной клинической психологии

М. А. Падун, Ю. В. Быховец. Предисловие к разделу	625
И. Р. Абитов, Р. Р. Акбиров. Особенности проявления суеверности лицами, страдающими хроническими соматическими заболеваниями	626
О. М. Бойко, О. Ю. Воронцова, С. Н. Ениколопов, О. Ю. Казьмина, Т. И. Медведева. Пандемия COVID-19 и психическое здоровье людей, ранее обращавшихся за психиатрической помощью	629

- Д. Ю. Борисова.** Особенности моторики и невербальных коммуникаций пациентов психиатрического стационара в процессе танцевально-двигательной терапии 631
- Ю. В. Быховец.** Эмпирическое исследование представлений о невидимых угрозах: вирусная угроза и террористические акты. . 633
- И. С. Виноградова, А. Г. Фаустова.** Влияние опыта материнства на терминальные ценности у женщин с онкогинекологическими заболеваниями 636
- А. А. Золотарева.** Психопатология и ее диагностика с помощью русскоязычной версии SCL-K-9 638
- Д. В. Лубовский.** Структура жизнеспособности семей, воспитывающих детей с инвалидностью 640
- А. И. Мелёхин.** Субъективный возраст как предиктор хронической инсомнии у пожилых людей. 642
- Д. А. Пилчев, Ю. В. Микадзе, В. В. Вандыш-Бубко.** К проблеме объективизации критериев экспертной оценки: возможности применения методов нейропсихологического обследования 644

**Математическая психология:
методология, теория, модели**

- Т. Н. Савченко, Г. М. Головина.** Предисловие к разделу 649
- М. М. Басимов, П. М. Басимова.** Реальная типология зависимостей и «значимая» корреляция в психологическом исследовании 650
- В. Е. Дубровский, Е. Г. Луныкова.** Движения глаз как случайный процесс: методы статистического анализа. 653
- А. А. Кислёнкова, М. Ю. Лебедева, Ю. В. Судоргина, Ю. А. Тюменева.** Попарное упорядочивание и рейтинги по пятибалльной Ликертовской шкале для оценки нетранзитивности и сходства мотивов 655
- А. А. Кулинич.** Семиотическая модель ментального пространства . . . 657
- О. В. Митина.** Возможности использования частных корреляций для анализа данных психологических исследований 659
- Т. Н. Савченко, Г. М. Головина.** Современные направления развития российской и зарубежной математической психологии. 661
- Н. А. Хохлов.** Количественная оценка диагностических проб в детской нейропсихологии: унификация, стандартизация, нормирование 664
- В. М. Шендяпин.** Задачно-ориентированная модель принятия решения и оценки уверенности в восприятии. 666

Психология дискурса современного информационного общества

И. А. Зачесова, Т. А. Кубрак, В. В. Латынов. Предисловие к разделу . . .	671
Н. А. Алмаев, О. В. Мурашева, Т. Д. Сальников. Новые возможности и старые проблемы контент-анализа	673
Т. Я. Аникеева, Л. В. Матвеева, Ю. В. Мочалова. Восприятие школьниками образов героев отечественных и зарубежных мультфильмов как элементов современного медиадискурса.	676
В. А. Афиногенова, Н. Д. Павлова. К проблеме словаря интенциональных категорий сетевого дискурса	678
Н. Б. Горюнова. Роль репрезентации в обработке нарратива (на примере решения текстовых задач)	680
И. А. Зачесова. Линии развития обсуждения в экологическом интернет-дискурсе	682
А. Н. Воронин, О. В. Чвилёва. Изменение психотерапевтического дискурса в условиях дистанционного консультирования	685
Т. А. Кубрак. Психологические закономерности выбора фильмов в период распространения пандемии COVID-19	687
М. А. Лаппо, А. А. Уразбекова. Интерпретация семантики и функционирования иноязычных элементов в художественном тексте (на материале психолингвистического эксперимента)	689
Т. Г. Лешкевич. О влиянии информационного дискурса: к постановке проблемы	691
Н. Д. Павлова, В. А. Афиногенова, Т. А. Кубрак, И. А. Зачесова. Речевые намерения субъектов интернет-дискуссий	693
М. А. Семёнова. Экспериментальное исследование влияния семантического прайминга	696
А. А. Старостина, Т. А. Кубрак. Состояние транспортиции: определение и методы измерения	698
А. Г. Харазян. Оценка понимания речевых намерений интернет-пользователей.	700

Психология труда, эргономика, инженерная и организационная психология в Институте психологии РАН: продолжая традиции Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина, В. А. Бодрова и др.

А. Н. Занковский. Предисловие к разделу	705
А. А. Алдашева, О. Н. Сиваш, О. В. Рунец. Роль образа приемного ребенка в деятельности приемного родителя	706

А. С. Баканов. Исследование феномена доверия в профессиональном взаимодействии, опосредованном информационными системами	708
Н. Б. Баканова. Возможности использования информационных систем в организационном управлении	710
Ю. В. Бессонова. Психологические уязвимости человеко-компьютерного взаимодействия.	711
А. В. Богомолов, С. О. Коронков. Методика и технические средства исследования рабочей нагрузки летчика вертолета	714
А. Э. Валеев, Ю. В. Пайгунова. Развитие саморегуляции юных кадетов как фактор мотивации успеха в профессиональной деятельности будущего военнослужащего	716
И. И. Васильева. Научное наследие Г. Е. Журавлева	718
Н. М. Воищева, В. Ю. Слабинский. Возможности применения «Тренинга проактивного поведения» при формировании приверженности врача профилактической работе	721
Б. Г. Гарамян, Г. А. Мишина, А. С. Поляков. К вопросу о рассмотрении коммуникации детских врачей-стоматологов в условиях инклюзии.	722
А. А. Грачев. Гражданское поведение работника: развитие концепции	724
Л. Н. Гридяева, Ю. В. Клепач, В. Р. Петросяни, Т. Л. Худякова. Психологическая безопасность личности педагогов в условиях внедрения цифровых образовательных технологий . . .	726
А. В. Данилова-Релина. Особенности временной перспективы у сотрудников с ненормированным графиком работы	728
А. Н. Занковский. Психология труда, эргономика, инженерная и организационная психология в Институте психологии РАН: традиции, достижения, перспективы.	730
Л. Н. Захарова. Организационная жизнеспособность и субъективное благополучие персонала в условиях внедрения инноваций	733
В. А. Капустина, А. А. Осинцева. Теоретический обзор зарубежных исследований профессиональной жизнеспособности специалистов помогающих профессий.	736
В. А. Капустина, В. А. Марчук. Особенности жизнеспособности личности творческих работников (на примере профессиональных танцоров)	738
А. В. Карпов. К вопросу о субъектных детерминантах информационной деятельности	740

С. В. Котовская. Особенности скрытой мотивации специалистов экстремальных профессий с оптимальным и базовым уровнями жизнеспособности	742
Н. Г. Кондратюк, А. В. Бурмистрова-Савенкова, Н. В. Копалина. О влиянии личностных и регуляторных ресурсов на профессиональные планы молодежи	745
В. М. Мельников, И. А. Юров. Описание личности в спортивной психологии	747
Т. А. Мухаджиева. Отдельные характеристики совместной деятельности тренера и спортсмена как основные критерии ее успешности	749
А. А. Обознов. Инженерно-психологическое проектирование: проблемы и перспективы развития	751
Ю. А. Полещук. Проявление профессионального типа личности студентов-психологов в процессе обучения	753
Ю. В. Постылякова. Индивидуальная жизнеспособность студентов в период обучения в вузе	754
М. В. Прохорова. Структурные особенности мотивации труда в эпоху среднего возраста	757
М. В. Прохорова, А. В. Савичева. Профессиональные предпочтения поколений Y и Z	759
В. Б. Рябов. Организационно-фрактальная концепция психологической жизнедеятельности человека.	761
В. А. Толочек, А. С. Машкова. Компетентностный и ПВК-подход: задачи, возможности, ограничения, перспективы	763
Е. А. Романюк, Д. Э. Синюк. Сформированность у спортсменов волевых качеств личности.	765
Е. А. Трофимов. Горизонты эргономики	767
Е. В. Эгамбердиева. Этапность личностно-профессионального развития студентов	769
Взаимодействие фундаментальных и практико-ориентированных исследований в психофизиологии и нейронауках	
Ю. И. Александров. Предисловие к разделу	773
Ю. И. Александров, А. В. Бахчина, А. А. Созинов. Обучение с чередованием заданий и «цена переключения» при их воспроизведении	775
В. В. Апанович, Э. А. Арамян, Д. Л. Гладилин, К. С. Юдаков. Мозговое обеспечение и его динамика при приобретении нового навыка различения коротких интервалов времени.	777

А. В. Белинский. Использование показателей тремора в фундаментальных и практико-ориентированных психофизиологических исследованиях.	779
Д. Н. Берлов, Т. С. Глинин, К. Е. Калашникова, Е. А. Никитина. Влияние бианодной транскраниальной стимуляции постоянным током на обучение человека бимануальным движениям	781
А. И. Булава, Ю. И. Александров. Практико-ориентированное исследование выраженности стрессовой регрессии	784
В. В. Гаврилов. Психофизиологическое исследование совместного поведения у крыс	786
А. Г. Горкин, Е. А. Кузина. Проявление структуры опыта в параметрах активности популяции корковых нейронов	788
Т. Н. Греченко. Осцилляторы живых организмов	790
Е. Л. Сумина, Д. Л. Сумин, Т. Н. Греченко. Роль скелетообразования в развитии психики.	792
Б. В. Чернышев, Г. Л. Козунова, А. С. Мясникова, К. И. Пульцина, В. Д. Третьякова. Психофизиологические механизмы принятия решения в условиях дилеммы между стратегиями исследования и использования: магнитоэнцефалографический анализ динамики бета-осцилляций	794
Е. А. Кокушева, О. Е. Сварник. Спектральный анализ ЭЭГ при научении: от рассогласования к эффективному поведению	796
М. Г. Колбенева. Увеличение телесной составляющей в школьном обучении как способ повышения его эффективности.	797
Т. О. Колотова, А. П. Бачкала, О. В. Митина. Особенности восприятия танца людьми с разным танцевальным опытом.	800
А. К. Крылов. Оценки сложности нейронной активности	802
Е. Ю. Никонова, Г. Е. Рупчев, М. А. Морозова, Д. С. Бурминский. Динамика variability сердечного ритма в условиях релаксационной VR-среды как показатель адаптационных ресурсов у людей с шизофренией в состоянии лекарственной ремиссии	804
А. А. Новак, Л. А. Троицкая, О. П. Шевченко. Нейропсихологический дефицит у детей с первичной цилиарной дискинезией	806
Е. И. Перикова, Е. Н. Блинова, Е. А. Андриюшенко. Влияние ТМС первичной моторной коры на семантическое усвоение новых слов при выполнении обучающих заданий с элементами движения	808

А. В. Пилечева, С. А. Исайчев, А. М. Черноризов, Т. В. Адамович, Ю. В. Микадзе. Пространственно-временные паттерны мозговой активности, связанные с реализацией номинативной и денотативной языковых функций	810
В. А. Разживин, А. И. Ковалёв, Г. В. Разживин. Психофизическая проверка предположений А. Н. Леонтьева о механизмах формирования кожно-оптической чувствительности	812
А. А. Созинов, А. В. Бахчина, Ю. И. Александров. Показатели variability сердечного ритма студентов при достижении поощрения и избегании потери	814
К. А. Фадеев, Т. А. Обухова, Д. Е. Гояева, Т. А. Строганова, Е. В. Орехова. Латерализация обработки высоты тона и формантной структуры гласных в слуховой коре детей и взрослых	816
Л. К. Хлудова. Пластичность мембран нейронов и механизмы действия экотоксикантов	818
Д. Н. Церфус. Взаимосвязь компонентов жизнеспособности и психофизиологических характеристик функционального состояния организма обучающихся в вузе	820
Е. А. Юматов. Методология выявления и распознавания психической деятельности мозга человека на основе вейвлетного анализа электроэнцефалограммы	822

Актуальный, повседневный, травматический стресс и его психологические последствия

Н. Е. Харламенкова. Предисловие к разделу	827
А. А. Агишева. Роль типа стрессора высокой интенсивности в формировании специфического профиля тревожности у женщин	829
Т. Д. Азарных. Высокая тревожность: связь с полом, стрессами, акцентуациями характера.	831
Т. Н. Березина. Биопсихологические аспекты пенсионного стресса в Российской Федерации	834
А. А. Бузина. Давность переживания оскорбления и посттравматический стресс в период средней зрелости	835
Ю. В. Быховец, Д. О. Хохоня. Половозрастные особенности взаимосвязи чувства вины как признака посттравматического стресса и смысложизненных ориентаций	837
Ф. И. Валиева, М. С. Стёпкина. Выгорание студентов, обучающихся в российских вузах: кросс-культурный аспект	839

О. С. Галашева, Л. А. Головей. Структура стрессоров повседневной жизни девушек-подростков.	842
Е. С. Гусарова, Д. В. Лубовский. Особенности жизнеспособности семей и эмоциональной семейной коммуникации лиц с инвалидностью	843
Ю. А. Дмитриева. Ресурсы стрессоустойчивости студентов с разным уровнем социальной адаптации	845
Е. Н. Дымова, Д. А. Никитина. Удовлетворенность социальной поддержкой и восприятие стрессовой ситуации младшими школьниками	847
О. А. Екимчик. Особенности диадического копинга на разных этапах близких отношений партнеров	850
Е. В. Зинченко, А. А. Осипова. Организация работы с эвакуированными жителями Украины: опыт психологов ЮФУ	852
Е. А. Истомина, Н. Ф. Михайлова. Предикторы буллинга и кибербуллинга	854
Н. Н. Казымова. Особенности переживания вирусной угрозы при разном уровне жизнеспособности	857
К. В. Карпинский. Переживание военной угрозы: содержание, структура, функции	859
И. В. Ковынев, С. И. Смирнова. Особенности взаимосвязи стрессоустойчивости и активности медицинских работников	862
Н. Г. Кондратюк. Проблема надежности и гибкости системы осознанной саморегуляции человека в условиях стресса и неопределенности	864
В. И. Косицина. Черты «темной триады» и совладающего поведения у военнослужащих различных категорий	865
О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, А. И. Матвеева. Стрессогенность вандално поврежденных объектов городской среды и личностные факторы сензитивности.	867
М. Ш. Магомед-Эминов, Е. А. Карачева, О. Г. Квасова, О. И. Магомед-Эминова, О. О. Савина. Применение деятельностно-смыслового подхода в анализе экстремальной ситуации пандемии.	869
Т. И. Медведева, О. М. Бойко, С. Н. Ениколопов, О. Ю. Воронцова. Пандемия COVID-19 и моральные решения	871
С. Г. Мелик-Карамян. Признаки посттравматического стресса в различных культурно-психологических контекстах	873
М. А. Одинцова, А. О. Саркисян. Копинг-стратегии и жизнестойкость подростков-инвалидов и их родителей	875

А. Г. Одношвикина. Особенности переживания утраты домашнего питомца у подростков и молодых взрослых.	878
У. Ю. Севастьянова. Взаимосвязь родительского стресса и удовлетворенности родительство	880
И. В. Тихонова, Т. Н. Адеева. Содержание и субъективная оценка травматических стрессов «нормативного» родительства	882
А. Д. Трусова, А. Г. Фаустова. Выраженность ранних дезадаптивных схем и отношение к собственному телу у людей, имеющих травматический опыт в детском и подростковом возрасте	885
А. М. Федосеева, Н. В. Бабкина. Психологическое благополучие педагогов, работающих в инклюзивном и специальном образовании	887

Психология индивидуальных различий. Психология индивидуальности

Е. А. Сергиенко, С. С. Белова, Н. Е. Харламенкова. Предисловие к разделу.	893
И. Р. Абитов. Взаимосвязь предикторов иррационального поведения с некоторыми индивидуально-типологическими особенностями личности: пилотажное исследование.	895
Л. А. Дикая, В. С. Рыжова. Смыслоразнообразные ориентации обучающихся образовательных центров по работе с одаренными детьми.	897
Л. Я. Дорфман, А. Ю. Калугин. Индивидуально-интеллектуальные интеграции: каузальный след	899
В. С. Емельянов, И. А. Юров. Индивидуальность как система.	901
Е. Н. Левшунова. Трансформация эмоционального интеллекта в условиях цифровизации.	903
С. И. Малахова. Изучение индивидуальных различий психодиагностическими методами	906
Е. В. Зайцева, И. Г. Скотникова. Соотношения между индивидуально-психологическими особенностями принятия решения	907
М. А. Одицова, Н. П. Радчикова, М. Г. Сорокова. Ответы студентов с инвалидностью и их здоровых сверстников на вызовы цифровой образовательной среды	910
О. И. Титова. Четырехфакторная модель гендера: структурный анализ	912

**Традиционные и новые подходы
к проведению междисциплинарных исследований
в современной психологии**

- Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, А. Н. Лебедев, С. С. Белова, В. В. Латынов.** Предисловие к разделу 917
- О. Р. Гура, Е. В. Капитанова, В. А. Лабунская.** Сравнительно-иерархический анализ воздействия ценностных ориентаций на значимость привлекательного внешнего облика в сфере межличностного общения, романтических отношений 919
- И. И. Дроздова, Г. В. Сериков.** Отношение личности к негативным оценкам и самооценкам внешнего облика в связи с ее социально-психологическими характеристиками 921
- Н. Д. Елисеева.** Исследование межличностных отношений в семье с помощью социограммы 923
- В. Ф. Енгальчев, Д. А. Курдин.** Система поддержки принятия решений в судебной психологической экспертизе на основе искусственной нейронной сети 924
- О. А. Капцевич.** Исследование особенностей восприятия различных элементов архитектурной среды города в рамках психологии окружающей среды 927
- В. Ю. Литвинов, Л. В. Матвеева.** Междисциплинарное исследование образа России и образов ее регионов у молодежи из различных субъектов страны 929
- Е. И. Перикова, Д. С. Гнедых, М. Г. Филиппова, Д. Н. Макарова.** Поиск различий между быстрым картированием и явным кодированием: новый подход 931
- О. М. Разумникова, М. А. Бакаев, А. В. Давыдов.** Психологические и психофизиологические характеристики виртуальной экотерапии 934
- Ю. А. Роголева, А. И. Ковалев.** Способ организации обучения в виртуальной среде и выраженность эффекта присутствия как факторы успешности обучения 936
- В. В. Семикин.** Психологические аспекты здоровья и жизнеспособности педагогов школ-интернатов в условиях Крайнего Севера 938
- К. А. Скуратова, А. В. Косякова, Д. А. Наумова.** Импульсивность и особенности движений глаз при восприятии эмоционально-окрашенных изображений 940
- Е. А. Сучкова, Д. В. Люсин.** Сопоставление разных методов измерения эмоциональной дифференцированности 942
- О. Р. Тучина, Л. А. Посметюха.** Культурное пространство как фактор формирования городской идентичности 944

Предисловие

Настоящее издание подготовлено к юбилейной дате — 50-летию со дня основания Института психологии Российской академии наук, которая, наряду с другими научными мероприятиями, отмечается проведением 16—18 ноября 2022 г. Международной юбилейной научной конференции «История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук».

Основные направления конференции тематически соответствуют фундаментальным и прикладным задачам, которыми традиционно занимаются ученые Института психологии РАН.

Юбилейная конференция представлена 16 научными направлениями.

Первое направление конференции «Методологические проблемы психологии. Проблема метода в современной психологии» посвящено обсуждению исторически сложившихся традиционных методологических проблем психологии, а также новым тенденциям в исследованиях. В целом отмечается, что актуальными в настоящее время остаются такие теоретико-методологические подходы, как комплексный, междисциплинарный, системный, субъектно-деятельностный, культурно-исторический, системно-субъектный, динамический и др., идет процесс осмысления современных теоретико-методологических принципов и концепций. Фундаментальная наука откликается на актуальные проблемы, связанные с современными глобальными вызовами и угрозами, а также появлением исследований, направленных на теоретико-методологический анализ духовно-нравственной природы человека. Проблемы человека как субъекта, его нравственного и гражданского самоопределения в изменяющихся условиях жизнедеятельности, сознания, рефлексии, правосознания выступают сегодня как приоритетные. Проблемы методологии психологии освещены в 26 тезисах докладов.

Направление «История психологии и историческая психология в контексте актуальных проблем современного общества» представлено 38 тезисами, в которых отражены вопросы, содержательно соответствующие данной области психологии. Тематика направления интересна преемственностью научного знания, его принципиальной недизъюнктивностью, поступательным характером и одновременно сохранением самых лучших исследовательских традиций. Важной характеристикой современных историко-психологических исследований является обращенность к проблемам развития отечественной дореволюционной, советской и современной российской психологии. Новизна методологической и методической основ представленных работ проявилась в использовании библиометрических и наукометрических методов, проведении источниковедческих и историографических исследований, выделении новых исторических объектов и феноменов. Обсуждаются актуальные проблемы исторической психологии.

«Познание и общение» — еще одно крупное научное направление — представлено на конференции 28 тезисами. Работы в этой секции демонстрируют развитие идей Б. Ф. Ломова о неразрывной связи общения с познавательными процессами и их востребованность для решения задач, которые определяют многие современные исследования в когнитивных науках. В качестве актуальных проблем развития когнитивно-коммуникативной парадигмы следует назвать изучение универсальных механизмов и культурно-специфичных особенностей межличностного восприятия в контексте общения и профессиональной деятельности, исследование восприятия эмоций и их роли в познавательных процессах. Особое внимание уделено изучению слухового восприятия, в частности обсуждению возможности создания невербальных коммуникативных средств, выполняющих роль интерфейса при управлении техникой. Отдельным и не менее важным аспектом исследования является анализ познавательных и коммуникативных процессов в контексте разных видов деятельности. Активность авторов, приславших свои тезисы в секцию «Познание и общение», свидетельствует об актуальности научных проектов, тематическая направленность которых касается изучения познавательных процессов при учете требований экологической состоятельности к современным научным разработкам.

Направление «Психология творчества» восходит своими корнями к методолого-теоретическим и эмпирическим исследованиям Я. А. Пономарева и вбирает в себя все самые лучшие традиции изуче-

ния психологии творчества в Институте психологии РАН, других научных коллективах. Современные тренды в разработке актуальных проблем психологии творчества, развитие методической базы исследований, методолого-теоретические решения отражены в 16 тезисах. Тематика материалов представлена четырьмя крупными темами: «Когнитивные механизмы и их измерение», «Эмоционально-мотивационная феноменология творчества», «Социально-культурные детерминанты творчества», «Творчество в художественной сфере». Высокий теоретический уровень анализа, продемонстрированный в исследованиях участников юбилейной конференции, научный интерес к проблемам творчества человека способствуют продвижению психологического знания вперед, вносят весомые эмпирические аргументы в профессиональную дискуссию.

Традиционно крупное научное направление «Социальная и экономическая психология» по своей тематике соответствует актуальным задачам современности и представлено 46 тезисами. В них отражены самые сложные социально-психологические проблемы, требующие быстрого, содержательно полного и адекватного ответа ученых. Среди множества проблем стоит выделить такие, как психологические аспекты партнерства и предпринимательства, динамика ценностных ориентаций в условиях глобальных социальных вызовов, эмоциональные и социально-психологические характеристики подростковых и молодежных групп разных регионов России, психологические аспекты конкурентоспособности, миграционных процессов, принятие решений в группе. В целом следует сказать, что, преодолевая кризис воспроизводимости эмпирических результатов, социальные психологи обращаются к изучению реальных групп и повышают экологическую валидность исследований; ищут механизмы, выступающие в качестве медиаторов и модераторов связи между изучаемыми переменными. Они также стремятся рассматривать социально-психологические феномены в их динамике, сочетая разные уровни анализа: внутрличностный, межличностный, групповой, межгрупповой и макропсихологический. Растущая доступность больших данных о поведении людей, связанная с развитием социальных сетей и возможностями анализа цифровых следов личности и группы, открывает новые перспективы изучения индивидуальных и групповых феноменов. В той или иной степени проблемы социальной психологии отражены в большом количестве тезисов докладов этого направления.

Проблемы изучения личности и личностных особенностей, представленные направлением «Психология личности», традиционно вызывают большой интерес, о чем свидетельствует количество поступивших работ – 41 тезис докладов. Спектр рассматриваемых вопросов настолько широк, что в кратком аннотированном тексте его достаточно трудно охватить. Наиболее актуальные и перспективные проблемы в рамках данного направления – это структура личности, характеристики личности (черты), мотивация развития личности и феномен саморазвития, самоактуализация и личностный рост, Я-концепция, индивидуально-психологические различия, ценности и нормы, морально-нравственная регуляция личности, идентичность и самоопределение личности (нравственное, профессиональное и пр.), личность и технический прогресс, выявление направленности и творческих способностей, психологическая устойчивость личности в экстремальных условиях, возрастные изменения личности, личность и новые психические патологии и др. Перечисленные проблемы конкретизированы в тезисах докладов, обоснованы с позиции методологии, теории, требований к планированию и проведению эмпирических исследований, а также социальной актуальности исследований. Более развернутый анализ тематики представлен в предисловии к разделу «Психология личности».

Тематика направления «Многомерность способностей и ментальных ресурсов человека» содержательно связана с классической для психологии проблемой способностей. Однако, несмотря на существующие традиции изучения способностей в психологии с позиции определенных парадигмальных установок, современные методолого-теоретические основания изучения способностей выходят за рамки принятых методологических рамок и соотносятся с решением крупной научной проблемы ментальных ресурсов человека. Тема многомерности способностей представлена в нескольких материалах, касающихся, например, многомерности понятийных и духовных способностей, способности ко лжи, многомерной природы рефлексии и арефлексии и др. Многомерность способностей соразмерна проблеме ресурсов – когнитивных, моральных, духовно-нравственных, а также связанных с ними содержательных и формально-динамических свойств психики. Способности и ментальные ресурсы изучаются в соответствии с оценкой их успешности в разных видах деятельности, в соотношении с эмпатией, эмоциональностью, темпераментом и другими психологическими особенностями. Значительная роль отводится анализу проблемы субъекта способностей, возвращая совре-

менный научный мир к философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна. По направлению «Многомерность способностей и ментальных ресурсов человека» поступило 36 тезисов докладов.

«Принцип развития в современной психологии. Проблемы возрастной психологии» – актуальное направление, в рамках которого решаются крупные научные задачи, представлено 23 тезисами, в содержании которых отражены современные вопросы возрастной психологии, а также темы, традиционно относящиеся к психологии развития. Существенно то, что привычно «детская» тематика психологии развития постепенно расширяется и включает вопросы, касающиеся в целом онтогенеза человека, психическое развитие которого осуществляется на протяжении всей жизни. Отмечается, что основной акцент в современной психологии развития связан с изучением интегративных способностей, а именно: жизнеспособности, модели психического, саморегуляции, контроля поведения, эмоционального интеллекта, совладания и других системных конструктов, рассматриваемых в перспективе всего онтогенеза человека. Психология развития, возрастная психология охватывают широкий круг вопросов, в который включаются и сугубо возрастные проблемы, и проблемы, связанные с изучением субъективного возраста, анализом когнитивных, эмоциональных и социальных оценок человеком себя в категориях психологического возраста.

Традиционной тематикой для любой крупной конференции остаются вопросы психической нормы и отклонений от нее. «Проблемы современной клинической психологии» освещаются в 9 тезисах докладов. Несмотря на их малочисленность участникам конференции будет интересно познакомиться с трансдиагностическим подходом к диагностике и лечению психических нарушений, позволяющим описать общие и специфические психологические факторы развития разных расстройств, с результатами разработки и апробации экспресс-методики оценки психического неблагополучия (SCL-9-K), с изучением факторов уязвимости в развитии психических расстройств в рамках диатез-стресс моделей, с анализом стрессовых факторов, вызывающих негативные психические состояния у наиболее уязвимых групп населения, и многими другими вопросами, решение которых имеет значение не только для клинической психологии, но и для других областей знания.

Уникальное по своему содержанию и методическому обеспечению направление исследований – «Математическая психология: мето-

логия, теория, модели» — также представлено небольшим числом тезисов. Однако традиции выделения данной дисциплины, заложенные еще Б. Ф. Ломовым и В. Ю. Крыловым, неизменно сохраняются в Институте психологии РАН и при решении конкретных вопросов, которые касаются не столько методов обработки данных, сколько методологии и теории особой предметной области — математической психологии. В материалах 8 тезисов докладов представлены разные проблемы данного направления исследования, в том числе и новые решения, позволяющие снизить степень артефактности вывода при переходе от этапа анализа результатов к их обобщению. Серьезной заявкой на повышение уровня методолого-теоретических исследований в этой области знания является анализ и систематизация современных направлений развития российской и зарубежной математической психологии, представленных в одном из тезисов докладов данного направления.

В материалах направления «Психология дискурса современного информационного общества» освещаются вопросы построения содержательной и структурированной коммуникации в условиях интенсивного обмена информацией с использованием современных средств общения. Отмечается, что описание механизмов формирования дискурса и эмпирическое изучение дискурсивной реальности имеют исключительную важность для оценки динамики сетевых процессов, решения вопросов, связанных с формированием образа мира в сознании, таргетированного воздействия, противодействия угрозам информационно-психологической безопасности. Закономерный интерес появляется к постсобытийному интернет-дискурсу, возникающему как отклик на сообщение, новость, событие и приобретающему первостепенное значение в осмыслении опыта и формировании картины мира. Научная и научно-практическая значимость исследований в этой области знания подтверждается неизменным интересом к этому направлению исследования и постоянным адресным обращением к специалистам данного профиля представителей других наук и организаций с целью решения вопросов, связанных с психологическими проблемами дискурса. Остро стоит проблема решения задач методического характера. В настоящее время в русле интенционального анализа разрабатываются новые инструменты изучения дискурсивного пространства интернета, реализуется задача обнаружения маркеров речевых интенций субъектов, намечается разработка технологии оценки интенциональных характеристик речи на основе методоло-

гии экспертного интент-анализа и математических методов анализа естественного языка. Часть вопросов психологии дискурса отражена в 13 тезисах докладов.

Крупное научное направление – «Психология труда, эргономика, инженерная и организационная психология в Институте психологии РАН: продолжая традиции Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина, В. А. Бодрова и др.» представлено 32 тезисами. Психология труда и инженерная психология, целенаправленно создаваемые первым директором Института психологии РАН Б. Ф. Ломовым и усилиями ряда сотрудников, объединяют исследования, основная задача которых состоит в изучении психологии человека, находящегося на разных этапах интеграции в профессиональную деятельность. Как и полвека назад, специалисты в области психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии откликаются на самые актуальные и животрепещущие темы, связанные с трудовой деятельностью, вопросами организации труда, сферой взаимодействия человека и техники. Прошедший период ознаменовался интенсивным развитием высоких технологий, что существенно изменило содержание основной тематики. Проблематика представленных работ наглядно отражает те социальные, экономические и технологические изменения и вызовы, которые сегодня стоят перед психологией труда, инженерной и организационной психологией. В подготовленных к публикации работах находят отражение и использование подходы, традиционно разрабатываемые в Институте психологии РАН, анализируются новейшие теории и концепции. Широкий и разнообразный спектр применяемых исследовательских методов и методик. Научный и практический потенциал исследований в этой области знания создает возможности для развития тесных деловых связей между специалистами-психологами и представителями других наук, конструкторами, инженерами, специалистами в области эргономики и сферы организации производства, определяет перспективы такого сотрудничества и возможности принятия совместных решений в определении приоритетных задач развития междисциплинарных исследований.

По направлению «Взаимодействие фундаментальных и практико-ориентированных исследований в психофизиологии и нейронауках» поступило 24 тезиса докладов, в которых содержательно отражены современные проблемы данных областей. В них исследуются психофизиологические корреляты приобретения нового навыка различения коротких интервалов времени, показатели динамики функ-

ционального состояния и выраженности стресса, психофизиологические механизмы принятия решения, формирования нового опыта, пространственно-временные паттерны мозговой активности, связанные с реализацией номинативной и денотативной языковых функций и др. Для фиксации различных эффектов в обучении, развитии навыков, достижении поощрения, избегании потери и др., используется целый спектр психофизиологических показателей, например, электроэнцефалографические показатели, показатели тремора, вариабельности сердечного ритма и т. д. Представлены результаты исследования компонентов жизнеспособности и психофизиологических характеристик функционального состояния организма, данные исследования показателей нейропсихологического дефицита у детей с первичной цилиарной дискинезией и др. Интересным представляется работа, направленная на психофизиологическую проверку гипотезы А. Н. Леонтьева о механизмах формирования кожно-оптической чувствительности. В целом следует заметить, что данные, получаемые в последнее время в психофизиологии и нейронауке (в частности, когнитивной нейронауке), оказывают существенное влияние на развитие подходов в фундаментальных и практико-ориентированных исследованиях, а также на взаимодействие этих групп исследований. От того, насколько профессионально, методологически обоснованно используются эти данные и представления в психологии, социологии, экономике, политологии, медицине, образовании, технике, юриспруденции, организации труда, искусстве, лингвистике, философии и в других областях науки и практики, зависит эффективность использования научного знания в жизни человека, а также развитие самой фундаментальной науки и ее авторитет в обществе.

Направление «Актуальный, повседневный, травматический стресс и его психологические последствия» представлено 28 тезисами докладов. Тематика повседневного, травматического и посттравматического стресса широко освещается в научной литературе благодаря исследованиям ученых и работе практических психологов. Среди наиболее острых вопросов — психологические последствия военной, вирусной угроз, угроз, связанных с физическим, эмоциональным и другими видами насилия. В качестве новых тенденций в исследовании стресса следует назвать дифференцированное исследование групп стрессоров, в том числе, повседневных, выделение их структуры и построение профиля психопатологических признаков в зависимости от типа стрессора. Системный характер стрессогенного влияния исследуется

в разных возрастных группах с учетом фактора пола. Существенное внимание обращается не только на традиционно изучаемый учебный стресс, но и на анализ так называемого пенсионного стресса, родительского стресса в разных его проявлениях, в том числе и в условиях «нормативного» родительства, в семьях, воспитывающих ребенка с ОВЗ и др. В современных исследованиях — и это отражено в материалах тезисов — формулируются не только научные, но и практические проблемы, решение которых может устранить угрозу нарушения адаптации человека, перенесшего тяжелое жизненное событие — реальную ситуацию военной агрессии. Актуальной остается тема субъективного переживания военной угрозы, тема повреждающего характера угрозы у косвенных жертв.

Направление «Психология индивидуальных различий. Психология индивидуальности» — одна из уникальных областей психологической науки, благодаря которой так или иначе решаются давние споры о номотетическом и идиографическом методах и возможностях их использования для репликации научного знания в психологии. Выделяя различные типы мышления, например, рассматриваемые как предикторы иррационального поведения, особенности эмоционального интеллекта, доминирующие мотивы, стратегии регуляции эмоций и мн. др., исследователь определяет критерии, в соответствии с которыми допустима та или иная классификация, типология. Одновременно с этим общее знание о части реальности не теряет своей структуры и может быть верифицировано на истинность и при наличии его вариативности. Современные исследования в области психологии индивидуальных различий строятся на традиционных для психологии приемах определения этих различий, ориентируются на новейшие данные в этой области. По данному направлению было подано 9 тезисов.

По направлению «Традиционные и новые подходы к проведению междисциплинарных исследований в современной психологии» было представлено 13 тезисов докладов, тематика которых касается самых разных аспектов проведения исследований на стыке нескольких научных дисциплин. Научная ценность и значимость междисциплинарных исследований подтверждается усиливающейся в настоящее время тенденцией, направленной на тематическое сближение разных наук. Несмотря на важность исследований такого плана, в некоторых случаях тема междисциплинарности проявляется в рассматриваемых работах достаточно фрагментарно, что требует серьезного обсуждения.

Обзор основных тем, планируемых для обсуждения на конференции «История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук», хотелось бы завершить некоторыми статистическими данными.

Общее количество материалов настоящего издания составляет 390 тезисов, подготовленных 562 авторами.

97 работ поддержано фондами РФ и РФФИ, грантами Президента РФ и Правительства РФ, а также Министерством науки и высшего образования РФ, Министерством образования Белоруссии, Фондом новых форм развития образования и Научными школами МГУ.

Среди авторов тезисов – 2 академика и 2 чл.-корреспондента РАН, 6 чл.-корреспондентов РАО, 97 докторов и 206 кандидатов наук.

Города России представлены максимально широко: Арзамас, Ахтубинск, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Георгиевск, Грозный, Димитровград, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калуга, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Кызыл, Липецк, Магадан, Москва и Московская область, Нижний Новгород, Новосибирск, Обнинск, Пермь, Пенза, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Солигорск, Сочи, Таганрог, Томск, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Челябинск, Шуя, Ярославль.

Кроме того, достаточно много и зарубежных авторов из таких городов, как Орхус (Дания), Белград (Сербия), Брест, Бобруйск, Витебск, Гродно, Минск (Белоруссия), Будапешт (Венгрия), Ереван, Капан (Армения), Ташкент (Узбекистан), село Брестница (Болгария).

Наибольшее количество авторов из Москвы представляет такие ведущие научные и образовательные центры, как Психологический институт РАО, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Институт коррекционной педагогики РАО, НИИ Федеральной службы исполнения наказаний, НИИ нормальной физиологии им. П. К. Анохина, НМИЦ психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова, Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Государственный академический университет гуманитарных наук, Государственный университет управления, Гуманитарный институт им. П. А. Столы-

пина, Финансовый университет при Правительстве РФ, Московский государственный психолого-педагогический университет, Московский педагогический государственный университет, Московский городской педагогический университет, Московский институт психоанализа, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Московский государственный областной университет, Московский государственный строительный университет, Московский гуманитарный университет, Московский психолого-социальный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Научно-исследовательский центр психологии и развития человека «Новые технологии», Институт развития профессионального образования. Институт психологии РАН представляют 87 сотрудников и 6 аспирантов.

Высокопрофессиональный состав участников конференции и представленные в тезисах докладов социально релевантные темы исследований свидетельствуют о значимости этого мероприятия и выраженной потребности его участников в обсуждении актуальных проблем психологии, наиболее острых вопросов современности, требующих своего рассмотрения в контексте решения задач, стоящих перед фундаментальной наукой.

Редколлегия

**Методологические проблемы психологии.
Проблема метода
в современной психологии**

Предисловие к разделу

Н. В. Борисова, А. Л. Журавлев

Количественные и содержательные показатели тезисов, присланных на конференцию по направлению «Методологические проблемы психологии. Проблема метода в современной психологии», демонстрируют высокую востребованность данной проблематики. О возрастающем к ней интересе свидетельствуют и крупные научные конференции, организованные за последние несколько лет Институтом психологии Российской академии наук: «Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития» (2017), «Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления» (2019).

Постнеклассический тип философствования в эпоху постмодерна строится на отрицании единства мира, его упорядоченности и структурности. Такие категории, как «порядок» и «закон», вытесняются категориями «хаос» и «случайность». Подобный взгляд на мир исключает возможность познания объективной истины и раскрытия глубинных смыслов, так как их существование подвергается сомнению. Равнодушие к истине и ее поиску выражается в недоверии к авторитетам, доминировавшим ранее универсальным идеям и концепциям — «метарассказам» (Ж.-Ф. Лиотар). Возросла роль плюрализма и релятивизма, разнообразия и эклектики.

Данные тенденции оказывают влияние и на научную деятельность. Вследствие потери четких идейно-концептуальных ориентиров она переживает многофакторный кризис: нравственности, содержательности и рациональности. Фундаментальная наука не может существовать без постановки больших и благородных целей, решения серьезных задач, строгости и доказательности. А имеющие место

в пространстве современной науки постмодернистские утилитарные взгляды, доходящие порой до крайности эклектичность и субъективность значительно снижают ее общий уровень и престиж.

В любых кризисных явлениях как переходных состояниях какого-либо процесса, помимо негативных моментов, заложены и новые возможности. Человека они ставят перед необходимостью осмысления, рефлексии, духовной и интеллектуальной работы. Современных психологов подталкивают к постановке множества вопросов, главные из которых касаются перспектив развития психологии. Желание преодолеть послужившие причиной кризиса заблуждения стимулирует использование критического анализа: и предметного поля психологии, и теоретико-методологических подходов, и категориально-понятийного аппарата.

Актуальными в настоящее время остаются такие теоретико-методологические подходы, как комплексный, междисциплинарный, системный, субъектно-деятельностный, культурно-исторический, системно-субъектный, динамический. Осмысление современных теоретико-методологических подходов ведет к их первоисточникам – философским традициям: трансцендентальным, герменевтико-экзистенциальным, марксистским. Потенциал развития видится в воссоздании их аутентичного контекста. Отмечается, например, что субъектно-деятельностный подход опирается на гегелевскую категорию субъекта, разработанную в религиозном ключе, а потому знание христианской антропологии необходимо для его лучшего понимания.

Высокую актуальность по-прежнему сохраняют проблемы, связанные с современными глобальными вызовами и угрозами, имеющими беспрецедентный характер. Речь идет не об отдельных преобразованиях в политической, экономической, социальной, культурной, духовно-нравственной и других сферах жизнедеятельности человека и общества, а о глобальных трансформациях всего уклада общественной жизни и человеческого бытия. Эти фундаментальные изменения стали возможны благодаря усилению влияния идеологии трансгуманизма, быстрому развитию и активному внедрению высоких технологий.

Данные процессы осуществляются на фоне экзистенциального кризиса, суть которого заключается в постепенной утрате ценностных и культурных скреп, обеспечивающих нормативность социального поведения, устойчивое и стабильное функционирование и развитие общества. Человек XXI в. во многом дезориентирован, легко манипулируем, подвержен интенсивным информационным, идеоло-

гическим и другим воздействиям. Одновременное обострение крупных геополитических конфликтов, столкновение мировоззрений усиливают агрессивность информационно-психологического давления на человека, что создает серьезные и многообразные социально-психологические проблемы.

В связи с этим исследования теоретико-методологической направленности отличает ориентация на более глубокое раскрытие духовной и социальной природы человека. Проблемы человека как субъекта, его нравственного и гражданского самоопределения в изменяющихся условиях жизнедеятельности, сознания, рефлексии, правосознания выступают сегодня как приоритетные. Психологи размышляют о границах вмешательства в биологическую и социальную жизнь личности, о социально-психологических последствиях реализации проектов с привлечением высоких технологий, таких как нарушение прав и свобод граждан, нанесение ущерба здоровью нации, рост безработицы, социального напряжения и др.

К поискам ответов на актуальные вопросы психологов стимулируют и междисциплинарные исследования как внутриспихологического, так и внешнепсихологического характера. Их вдумчивое планирование и реализация обеспечивают целостный, многосторонний подход к человеку, социально-психологическим явлениям и способствуют более продуктивному их пониманию. Отметим один из параметров важности подобных исследований. Обратившись к аккумулирующим духовные аспекты познания человека и мира — истории, философии, праву, искусству, религии и др., психология получает возможность лучше понимать такие феномены, как совесть, любовь и другие сложнейшие явления.

Ошибочно возведя разум в культ, Новое время и эпоха Просвещения провозглашали и любовь, и совесть предрассудками. Плоды этого колоссального заблуждения человечество пожинало и пожинает весь XX и XXI в. Совесть, ответственность, честность, глубокая вовлеченность исследователя в проблему, его исследовательская интуиция и пр. способствуют построению науки в целом и психологической науки в частности на новых началах и больших идеях.

Категориальный и типологический подходы в постановке и решениях проблемы сознания*

Г. В. Акопов (СГСПУ, Самара)

Категориальный аппарат психологии находится в стадии трансформации, связанной с существенным расширением предметной области психологии, а также возрастанием ее междисциплинарных связей. В современных исследованиях определено новое междисциплинарное направление, обозначенное как наука о сознании, формируется новая методология, призванная способствовать решению так называемой «трудной проблемы сознания».

Оформленный ранее категориальный аппарат психологии (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, А. В. Петровский, К. К. Платонов, М. Г. Ярошевский и др.) не обеспечивает решение задач новой методологии. Версии понятия «категория» определяются в связи с новой совокупностью ее производных, таких как: «категориальный анализ», «категориальный строй», «категориальная система» (А. В. Петровский, В. А. Петровский и др.); «категориальная фокусировка» и ее виды, «категориальный дискурс», «категориальная упорядоченность» (А. А. Пископель). Заявлен расширительный психологический статус категорий как «посредников» между естественными и социогуманитарными науками (А. Н. Кричевец). Предпосылки нового оформления категориального подхода сложились также в связи с положениями о структуре психологических теорий (А. В. Юревич). Это, в частности, положения о центральной (ключевой) категории и базовых утверждениях теории, связанных с центральной категорией.

Фиксация ключевых категорий и теоретических положений позволяет дифференцировать различные категориальные пространства постановок проблемы сознания. Размерность этих пространств определяется числом привлекаемых категорий. Возможны монокатегориальные, би-категориальные, поликатегориальные пространства.

Так, к монокатегориальным можно отнести следующие существующие теории: информационная (Д. И. Дубровский, Д. Тонони), атенционная (М. Грациано), рефлексивная (М. Велманс), «субъективная» (У. Кригель), гиперсетевая – «когнитом» (К. В. Анохин) и др.

К бикатегориальным можно отнести: сенсомоторную теорию сознания (А. Ное, К. О'Риган); теорию сознания низкого и высоко по-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 19-013-00816.

рядка (Д. Розенталь, Р. Дженнаро); сенсорно-аффективную теорию сознания (А. Дамасио); комплексную теорию высшего порядка и глобального рабочего пространства (K. V. Gulick). В отечественной психологии это структурные представления о сознании: Л. С. Выготского (общение и обобщение); В. П. Зинченко (бытийный и рефлексивный слой сознания); Г. В. Акопова (коммуникация и инстаурация) и др.

К поликатегориальным можно отнести: теорию множественного микросознания (С. Зеки); нейросоциокультурную теорию сознания (Ч. Вайтхед и др.); представления о категориальном составе сознания: знание, отношение, рефлексия (С. Л. Рубинштейн); различные виды субъектности (В. И. Панов).

С категориальным подходом органично связан типологический подход (Г. В. Акопов).

Расширенное оформление типологического подхода включает девять типов постановки проблемы сознания:

- 1) территориально-культурный контекст, в частности, национальная традиция научных исследований сознания;
- 2) исследования, основанные на широком определении сознания: разновидность материи (нервная энергия, лептонное поле, осцилляции и др.); идеальное явление (информация, коммуникативное поле, социокультурное пространство и др.);
- 3) исследования, основанные на тех или иных атрибуциях носителя («собственника» – Г. Г. Шпет) сознания: Человек (тело, нервная система, мозг); Общество; Живые организмы; Космос и др.;
- 4) исследования на границах внешней и внутренней регуляции сознания: поиск нейронных коррелятов сознания (биологическая детерминация); гипотеза лингвистической относительности и др. (социокультурная детерминация);
- 5) типы взаимосвязи (взаимодействия) внешнего и внутреннего: отражение (репрезентация); порождение (конструирование); независимое (параллельное) существование; консолидирующее взаимодействие;
- 6) типы психологических «инструментов» идентификации сознания: интеллектуально-рефлексивное (когнитивизм); эмоционально-образное (интуитивизм); мотивационно-действенное (бихевиоризм); нарративно-аналитическое; комплексное (энактивизм); экопсихологическое;
- 7) избираемые для исследования феномены сознания: языковое (речевое) сознание; рефлексивное (интроспективное) сознание; ком-

- муникативное сознание, в том числе невербальное сознание; поведенческое сознание; особые и измененные состояния сознания, включая сновидное сознание, созерцание и др.;
- 8) разнообразии видов человеческой активности в идентификации сознания: экономическое сознание; политическое сознание; правовое сознание; управленческое сознание; религиозное сознание; этническое сознание и др.;
  - 9) ценностные ориентации (установки), определяющие тот или иной тип мышления исследователя: локальность (точечность)—глобальность; монизм—дуализм; элементаризм—холизм; самоидентифицируемость объекта—редукционизм; реализм (практицизм)—идеализм (космизм); рационализм—интуитивизм; причинный—целевой детерминизм; объективизм (от 3-го лица)—субъективизм (от 1-го лица) и др.

Реликтовые демаркации в психологической науке*

И. О. Александров (ИП РАН, Москва),

Н. Е. Максимова (ИП РАН, Москва)

В дискурсивном поле психологической науки выделяются четыре дискуссии, поляризующие сообщество, в которых не достигается согласие или даже компромисс. Темы этих дискуссий образуют четыре непреодолимые демаркации в психологии: 1) описательная либо объяснительная; 2) гуманитарная либо естественно-научная; 3) идиография либо номотетика; 4) качественное либо количественное исследование.

Начало этим дискуссиям положено в конце XIX в. в работах профессиональных историков В. Дильтея, И. Г. Дройзена, В. Виндельбанда, Г. Риккерта для реформирования истории как особой науки (лишь Дильтей специально анализировал психологическое знание с целью использовать его как основу понимания исторического процесса). Общность взглядов этих авторов можно объяснить также их принадлежностью (или интересом) к неокантианству (характерно, что Дильтей дал название своему проекту обоснования гуманитарного знания по кантовскому образцу: «Критика исторического разума»). Для обоснования своей позиции Дильтей использовал антиномию «естественных на-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0002.

ук» («Naturwissenschaft») и «наук о духе» («Geisteswissenschaft»), которая возникла как побочное следствие немецкого перевода понятий «Системы индуктивной и дедуктивной логики» Дж. Ст. Милля — «Natural Sciences» и «Moral Sciences», не противопоставляемых в английском оригинале. Такому разделению наук Дильтей поставил в соответствие антиномию «объяснительных» и «описательных» наук; к последним он относил историю и психологию (позже этот список был расширен до всего цикла гуманитарных дисциплин). Эта антиномия обозначила первую демаркацию, а поскольку к «объяснительным» были причислены естественные науки, то вторая демаркация следует из принятия первой. Идеи Дильтея были радикализованы Виндельбаном, который разделил весь корпус научного знания по направленности исследований на установление общих закономерностей (номотетика, естественные науки) или на описание уникальных индивидуальных объектов/явлений (идиография, гуманитарные науки) и обозначил третью демаркацию. Четвертая демаркация, производная от первых трех, определилась позже, по-видимому, в связи с неприятием требований статистической доказательности результатов исследований.

Четыре демаркации можно рассматривать как проявление стремления преодолеть развивающийся кризис общенаучного индуктивного метода, особенно в науках, обозначенных выше как гуманитарные. Индуктивный метод, составивший в XIX в. сердцевину «твердого ядра» молодой доктрины позитивизма, столкнулся с логическими и философскими противоречиями, с отходом от норм, определенных его основателями — Ф. Бэконом и во многом Р. Декартом. В соответствии с основоположениями Бэкона для Дильтея было неприемлемым применение гипотез и процедур вывода (дедукции) для обоснования нового знания. Для «объяснительной» науки он допускал использование гипотез, хотя и описывал негативные последствия этого, например, невозможность строгого обоснования истинности только одной из возможных гипотез. В процедуре [дедуктивного] вывода, требующего формулирования гипотез, он усматривал, вслед за Бэконом, источник ошибочного знания. Как и другие основатели отмеченных демаркаций, Дильтей следовал картезианской версии метода и фундаментальному положению «*cogito*». Им постулирована непосредственная данность «душевных явлений» в их «истинном» виде. В соответствии с картезианскими (и бэконовскими) основаниями, преобразованными в позитивистский идеал, этот постулат снимает необходимость гипотетических конструкций, а также дает возмож-

ность прямой фиксации и «истинного» описания «психической реальности». В обосновании «описательной психологии», «гуманитарной науки» и «идиографии», предложенном Дильтеем, Дройзенем, Виндельбантом, Риккертом, проявляется направленность не на создание новой методологии, а на возрождение ранних форм методологии классической науки, бэконских и картезианских (XVII в.), в модификации позитивизма и неокантианства (XIX в.), касающихся общенаучного метода как логико-эмпирической конструкции. В первой трети XX в. в математике, а затем в методологии науки начинается развитие противостоящих индуктивизму новых представлений о роли таких средств обоснования нового знания, как аксиомы, постулаты и гипотезы, разработка гипотетико-дедуктивного метода, продолжающаяся и в настоящее время.

Безысходность дискуссий XXI в., воспроизводящих реликтовые демаркации в психологии, объясняется тем, что они направлены на устранение противоречий между проявлениями сущностных и неразрешимых антиномий двух общенаучных методов — индуктивного и гипотетико-дедуктивного, и познавательных установок классической и постклассической науки. Следует обсуждать именно проблему построения метода как логико-эмпирической конструкции, исключая тупиковый вариант гибридизации индуктивного и гипотетико-дедуктивного методов.

Философские основания как источник развития научных подходов в психологии рефлексии

В. Г. Аникина (МГППУ, Москва)

В отечественной психологии рефлексии можно выделить ряд подходов, большая часть которых, оформилась в последней четверти XX в. В ходе своего развития в каждом из них возникают проблемы методологического характера, которые, как нам видится, можно конструктивно решать, обращаясь к истокам — различным философским традициям рассмотрения рефлексии.

Первым в историческом аспекте рассмотрения сформировался системо-деятельностный подход (Г. П. Щедровицкий, В. А. Лефевр, О. И. Генисарецкий, Н. Г. Алексеев, И. С. Ладенко, В. Е. Лепский, В. А. Лекторский, О. С. Анисимов, В. А. Петровский, Э. Г. Юдин и др.).

Для данного подхода характерны разработки формализованных моделей рефлексии с использованием потенциала математики, стремление к поиску решений комплексных, методологически сложных научных проблем. Одной из проблемных областей данного подхода, с нашей точки зрения, является разработка психологических моделей субъектов рефлексии.

Оформление второго подхода обусловлено стремлением ученых уйти от формализации и направить вектор исследований рефлексии на изучение ее как процесса становления и развития личности, понимания в более широком – культуродигмальном масштабе. Такой ракурс рассмотрения рефлексии представлен в праксиологической концепции И. Н. Семенова (В. М. Дюков, Е. П. Варламова, С. Ю. Степанов и др.). Рефлексия в данном подходе представлена механизмом инновационного развития личности и культуры. Развитие данного подхода связано с необходимостью расширения философских оснований для раскрытия его потенциала.

В субъектно-деятельностном подходе (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, А. К. Абульханова, В. В. Знаков и др.) акцент делается на изучении роли рефлексии в становлении субъективного бытия личности (В. В. Знаков) как механизма, непосредственно включенного в процессы самопонимания, саморазвития и т. д. С. Л. Рубинштейн заложил философско-теоретические основы данного подхода, рассматривая рефлексию как особый, присущий только человеку способ существования, как процесс, включенный в творческое и осознанное становление жизни субъекта. Развитие данного подхода, с нашей точки зрения, связано с необходимостью конструктивного осмысления его философских основ с учетом новых реалий – перехода науки в эпоху постнеклассической рациональности.

К ведущим можно отнести когнитивный и метакогнитивный подходы изучения рефлексии (А. В. Карпов, М. А. Холодная, И. М. Скитяева и др.). В рамках данных подходов рефлексия рассматривается в контексте изучения когнитивных стилей, организации ментального опыта (М. А. Холодная), как метапроцесс в общей организации психики (А. В. Карпов). В концепции А. В. Карпова рефлексия представлена как целостная процессуальная система, обеспечивающая реализацию метакогнитивных и метарегулятивных процессов. Данные, полученные в рамках этого подхода, требуют более глубокой интерпретации и понимания природы данных процессов в психике человека.

На современном этапе развития психологии рефлексии наиболее заметным становятся исследования в области экзистенциального подхода, представленного в работах Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина и др. В экзистенциализме рефлексии не рассматривают источником развития личности, однако модели рефлексии в психологии представляют ее как механизм качественного раскрытия Я. Возникающее противоречие требует теоретического обоснования с опорой как на положения экзистенциализма, так и других философских систем, например феноменологии.

Анализ проблем современных подходов к исследованию рефлексии позволяет говорить об актуальной необходимости обращения к новым и опора на потенциал уже существующих философских традиций. Выделяют три философские традиции, в рамках которых осуществлялись разработки базовых моделей рефлексии: трансцендентальная (Р. Декарт, Дж. Локк, Г.-В. Лейбниц, Г.-В. — Ф. Гегель, И.-Г. Фихте, И. Кант, Э. Гуссерль, М. К. Мамардашвили); герменевтико-экзистенциальная (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, М. Бубер, М. М. Бахтин и др.); марксистская традиция (К. Маркс, С. Л. Рубинштейн, Э. В. Ильенков, В. Я. Дубровский и др.).

Необходимо отметить, что каждая из философских традиций задает системные ориентиры в разработке моделей рефлексии. В наших исследованиях было показано, что трансцендентальная традиция определяет модели рефлексии, которые могут быть применены на так называемых константных системах, т. е. системах, в которых количество элементов не изменяется (модель В. Лефевра). В герменевтико-экзистенциальной традиции возможны разработки моделей, которые связаны с неконстантными системами, т. е. системами, в которых происходит изменение числа элементов, например, диалогическая модель рефлексии (В. Г. Аникина).

Нам представляется, что марксистская философская традиция как основа культурно-исторической психологии Л. С. Выготского имеет огромный потенциал, в рамках этой традиции рефлексия может быть рассмотрена в психотехническом аспекте как феномен, порожденный и транслируемый культурой.

Психофизиология и принцип презумпции невиновности

В. Д. Балин (СПбГУ, Санкт-Петербург),

Д. В. Балин (МаиндКрафт, Санкт-Петербург)

Многолетняя практика проведения психофизиологических экспериментов на больших группах людей позволила выявить те особенности психики, которые не наблюдаются при изучении малочисленных групп или отдельных испытуемых. Каковы же эти особенности?

1. Влияние одних показателей на другие. Если в нашем распоряжении, допустим, 4 группы испытуемых, а группы содержат примерно по 20–25 человек, то в каждой группе наблюдается подравнение показателей группы, т. е. показатели каким-то образом влияют друг на друга. При этом вмешательства экспериментатора в эксперимент нет. Другими словами, если у одного в группе наблюдается хорошо выраженный альфа-ритм, то альфа-ритм такого же свойства отмечается у всех членов этой группы. Такое явление наблюдается только внутри отдельной группы. Если же внутри другой группы, допустим, у одного испытуемого наблюдается плохо выраженный альфа-ритм, то он будет плохо выражен и у другого испытуемого той же группы. В качестве объяснения причины такого явления первое, что приходит в голову, — простое совпадение. Но если такое явление наблюдается из года в год, раз за разом, то такого объяснения недостаточно. Это же наблюдается и относительно других экспериментальных показателей: ЭКГ, КГР и т. д. и т. п. Почему этого не замечали? Просто ЭЭГ хорошо видна, а другие показатели замаскированы, чтобы их получить, нужно проводить дополнительные расчеты.
2. Влияние диагноза на регистрируемый показатель. Многолетняя практика факта неустойчивости регистрируемых показателей позволила выявить и другое явление. Если проводится комплексное психофизиологическое исследование с целью создания целостного описания состояния человека, создания его всесторонней картины, то мы встречаемся с другим обстоятельством. Если дать целостное описание состояния человека, то это сформированное целостное описание начинает влиять на отдельные показатели, входящие в него. Сформированная картина требует подравнивания отдельных показателей под составленную картину.

Это обстоятельство давно было замечено в судебной практике. Там существует понятие презумпции невиновности. Этот принцип в ряде правовых систем означает, что обвиняемый невиновен, пока не доказано обратное. Другими словами, если у правоохранительных органов сформирована гипотеза относительно участия подозреваемого в преступлении, то эта гипотеза начинает влиять на отдельные показатели, заставляя органы «подгонять» отдельные показатели под гипотезу. При этом правовая система заранее на практике исходит из того обстоятельства, что все люди заранее виновны. Существует шутовское высказывание: будь человек, а статья для него найдется. Другими словами, правовая система сама подталкивает людей к преступлениям. Презумпция невиновности и его правоприменение расходятся на практике. Но не об этом речь.

Это же проявляется и в налоговой практике. Наше налоговое законодательство устроено так, что каждый, по определению, виновен, склонен нарушать закон. Речь идет о разговорной речи, которая достаточно консервативна. Сами же законы справедливы. Это определение проявляется только в разговорной речи, как говорится *де факто*, а не *де юре*.

Вернемся к психофизиологии, где тоже нужно формировать картину мира, сводя воедино множество показателей, т. е. те же, по сути, задачи, что и в судебной практике. Сводя множество показателей в один образ, мы подспудно, подчас не сознавая этого, исходим из того, что все люди больны, тем самым «заставляя» людей болеть. Так исторически сложилось, что мы используем показатели, полученные в медицинских исследованиях. Но медицина ориентирована на больных людей, подспудно заставляя людей болеть. Так может надо исходить из того, что все люди здоровы? Тогда надо уйти от ориентации людей на медицину и ориентировать людей на спорт?

Психологическая безопасность личности в условиях цифровизации жизнедеятельности

Д. Р. Белодед (КГУ им. К. Э. Циолковского, Калуга)

Современные достижения IT-области позволяют людям хранить большие объемы данных, совершать покупки, получать образовательные услуги в дистанционном формате, иметь доступ к развлекательным

сервисам, взаимодействовать с государственными органами, оперативно решать бизнес-задачи и др. Цифровые технологии вносят много положительных перемен в повседневную жизнь людей. Но каждая из положительных перемен сопряжена с киберрисками, которые могут наносить ущерб физической, финансовой, культурной, духовной сферам жизни и негативно отражаться на психологической безопасности личности. Хранение личных данных нередко приводит к утечке информации и краже персональных данных в целях совершения мошеннических действий. Виртуальное общение оборачивается для некоторых участников склонением к обмену фотографий интимного характера с дальнейшим их использованием в качестве объекта шантажа и вымогательства денежных средств.

В условиях цифровой трансформации широкое распространение получают фейковые новости, очерняющие честь и достоинство отдельно взятого человека или подрывающие деловую репутацию целой компании. Большая часть пользователей Интернета всё чаще испытывают потребность проводить время виртуально, жертвуя общением в реальном мире и на живых встречах. Распространение социальных сетей также внесло негативный вклад в психологическую защищенность. Постоянное сравнение собственной жизни с демонстрируемыми идеалами, которым люди невольно начинают стремиться соответствовать, даже если изначально не имели таких потребностей. Подобные примеры приводят к социальной разобщенности и могут становиться истоком множества психологических расстройств. Некоторые исследования показали, что отсутствие контактов с людьми из-за чрезмерного использования социальных сетей вызывает у людей множество психических заболеваний, таких как депрессия и другие формы. Это один из негативных эффектов цифровизации.

Цифровизация – одна из сложнейших задач государства и общества в целом, она имеет непростой характер и различные влияния в различных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства. Исходя из этого, данная задача является междисциплинарной и включает, помимо подходов естественных и технических наук, также и методологию социально-гуманитарных знаний.

Современными направлениями научных исследований, востребованными обществом и государством, в целях обеспечения психологической безопасности являются:

- 1) исследование общественного мнения в вопросах цифровой трансформации, формирования цифрового пространства;

- 2) составление прогнозов развития цифрового пространства и цифровых технологий;
- 3) прогнозирование социальных, экономических, политических и психологических последствий, которые могут наступить от оцифровки, возможного нарушения прав и свобод граждан, нанесение ущерба здоровью нации, рост безработицы и социального напряжения; оценка предполагаемых угроз для отдельных лиц, прав и свобод человека в цифровом пространстве;
- 4) установление общественных и культурных последствий оцифровки;
- 5) исследование опыта и моделей, регулирующих осуществление прав и свобод населения ведущих стран мира.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии потребности во всестороннем изучении имеющихся последствий цифровизации на данном этапе внедрения высоких технологий и вовлечения пользователей в онлайн-среду. Уже в настоящее время текущий уровень киберугроз достигает критических значений, и темпы внедрения государственного регулирования (в том числе разработка технического инструментария) не в состоянии обеспечить в полной мере психологическую безопасность участников процесса цифровизации. Многие ученые обеспокоены проблемами информационно-психологической безопасности, в том числе для образовательной среды (А. В. Хавыло, В. Ф. Енгальчев, Е. В. Леонова).

Осознавая всю пользу и значимость цифровизации, необходимо также внедрение комплексных мер предотвращения рисков нежелательных последствий оцифровки данных в целях соблюдения прав и свобод граждан, реализации научно-технического и социально-экономического развития России, решения задач обеспечения безопасного информационного пространства, ограждение российского общества от разрушительных социально-психологических последствий для культурного развития общества и роста человеческого потенциала Российской Федерации, безопасности личности, общества и государства.

Актуальные задачи психологии в контексте проблем духовно-нравственного самоопределения современного человека*

Н. В. Борисова (ИП РАН, Москва)

Немецкий психолог К. Ясперс ввел термин «осевое время» как исторический период, отмеченный выдающимися мыслителями, поставившими под сомнение воззрения и нравы «мифической эпохи», учившими познавать себя, собственные границы, задавать радикальные смысловые вопросы. Возникшее в I в. н. э. христианство усилило призыв к самоуглублению, следованию голосу совести, обретению предельной осознанности и осмысленности жизни. Христианство быстро распространялось и формировало основанные на евангельских заповедях базовые ценности, ставшие со временем традиционными. К их числу можно отнести: милосердие, взаимопомощь, жертвенность, верность, справедливость, труд, семью, служение Отечеству.

Представления о традиционных идентичностях кристаллизовались в средневековом обществе, в котором «человек был вплетен в устойчивую стративную систему и идентифицировался по месту жительства, роду деятельности, религиозной принадлежности» (А. Н. Крылов). В процессе модернизации ценностные ориентации и «координаты идентификации» постепенно менялись. Сегодня люди все более представляют собой «изолированные социальные атомы», что в теории постмодерна называют «фрагментирование субъекта» (В. С. Малахов).

Для представителя современного общества, особенно западного, все меньшее значение имеет самоидентификация как члена семьи, носителя определенной семейной роли. Пересмотру подвергаются гендерная культура и гендерные стереотипы, а следовательно, и гендерная идентичность. Набирает обороты свобода выбора сексуальной идентичности. Культурную, национальную, этническую, государственную идентичность ослабляют глобализация и деятельность мультинациональных корпораций. Константность профессиональной идентичности ставят под вопрос: исчезновение одних профессий и появление других, существование которых в будущем никто не может гарантировать; перманентная переквалификация; возрастающая безработица (А. Н. Крылов).

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

В трансформирующемся обществе нормативная система размывается и перестает выполнять свою регулирующую функцию (Н. Ю. Прокопьева). Теряют свой авторитет обеспечивающие нормативность поведения социальные нормы. Данные нормы не являются неизменными, их разные типы отличаются большей или меньшей пластичностью. История знает, а современность с особой выразительностью демонстрирует множество примеров, когда нормой становится то, что ранее ей не являлось и даже подвергалось осуждению как неприемлемое, выходящее за рамки принятого.

Исследователи выделяют следующие типы социальных норм: идеологические, политические, производственные, этические, культурные, правовые, моральные, нравственные, религиозные (М. И. Бобнева). Все перечисленные нормы, кроме нравственных и религиозных, в процессе истории всегда подвергались коррекции, их зависимость от мировоззренческих взглядов, установок, идеалов той или иной эпохи очевидна. На разных географических территориях и в разные исторические периоды доминировали те или иные социальные нормы. В Средние века, например, главным ориентиром служили религиозные нормы. В советском обществе, считает М. И. Бобнева, регуляторами поведения являлись идеологические, политические, правовые и производственные нормы.

Моральные и нравственные нормы авторы разводят, считая мораль системой требований, предъявляемых индивиду извне, а нравственность связывают с совестью. Нравственные и религиозные нормы стабильны, однако в современном обществе менее востребованы. Особая роль в их сохранении принадлежит «нравственной элите» — людям высокой нравственной жизни (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко). Среди представителей этой малочисленной социальной категории встречаются подлинные духовные лидеры, оказывающие исключительное влияние на большие социальные группы. Такие люди дают духовно-нравственную оценку историческому периоду, в котором живут, занимают активную гражданскую позицию, осуществляют духовное руководство современниками.

В то время как западное общество стремительно прощается с христианским прошлым, Россия является страной, в которой традиционные ценности продолжает разделять значительная часть населения. Сегодня очевидно, что ее миссия в удержании духовно-нравственных достижений человечества велика. Для того чтобы в современном мировоззренчески и технологически меняющемся мире достойно ее осуществить, необходимо:

- дать подробную характеристику изменениям, происходившим с нравственным и правовым сознанием на разных этапах отечественной истории;
- проанализировать парадигмальные, мировоззренческие установки, которыми эти изменения сопровождались;
- проследить влияние этих процессов на содержание социальных норм;
- описать, какие социальные нормы доминировали в разные периоды истории;
- выявить психологические причины приоритетности одних социальных норм и меньшей востребованности других;
- раскрыть «механизмы и закономерности» воздействия духовных лидеров на регуляцию поведения населения (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко).

Принцип субъектного подхода: попытка осмысления в свете христианской антропологии

Т. П. Войтенко (СДА, Москва)

Принцип субъектного подхода, введенный в психологическую науку С. Л. Рубинштейном, занимает важнейшее место в деятельности Института психологии РАН: в 1980–1990 гг. категория «субъект» должна была выступить основой интеграции психологической науки (А. В. Брушлинский). К сожалению, эта задача осталась нерешенной. Интенсивные исследования субъекта обернулись высокой противоречивостью. Разногласия обнаруживались уже на уровне исходных представлений о субъекте, порождая дальнейшие разрывы. Сложилось два направления исследований – эволюционно-генетическое, рассматривающее субъектность как универсальное свойство живой материи, и антропоцентрическое, отводящее человеку роль единственного субъекта. Крайне дискуссионными оказались вопросы о соотношении понятий «субъект» и «личность», об атрибутивных характеристиках субъекта (активности, сознательности, свободы и др.).

Препятствием к осуществлению замысла А. В. Брушлинского, на наш взгляд, во многом явилось отсутствие антропологической рефлексии при проведении исследований в области субъектной проблематики. Нашу попытку осмысления обсуждаемого принципа

в контексте христианской антропологии можно было бы посчитать излишней, ибо она касается самоочевидного: принцип субъектного подхода С.Л. Рубинштейна опирается на гегелевскую категорию субъекта, разработанную философом именно в контексте христианского вероучения. Однако на протяжении многих лет в силу особенностей социально-политической обстановки, как отмечает К.А. Абульханова, даже «категория субъекта в психологической концепции Рубинштейна присутствовала лишь имплицитно». В силу этого экспликация аутентичного антропологического контекста принципа субъектного подхода видится крайне актуальной.

Философия Г.В.Ф. Гегеля выросла из религиозных исканий мыслителя. Учение о субъекте занимает в ней центральное место и раскрывается через представление о «пути Божественного Логоса в мире». Нисходящий этап этого пути представляет собой отчуждение Божественного Логоса в природу в форме субъективности, которая в бытии человека обретает форму сознания. На восходящем этапе инобытие Абсолюта снимается как субъект, проявляющий себя в форме духа. Проявление духа в полной мере возможно лишь при наличии сознания; полным субъектом является человек.

Такое представление о субъекте снимает противопоставление эволюционно-генетического и антропоцентрического направлений и раскрывает субъектность как универсальную характеристику бытия. Универсальное понимание субъекта имело место и у С.Л. Рубинштейна, на что обращала внимание К.А. Абульханова.

Антропология Гегеля в соответствии с христианским вероучением вплетена в онтологию: человек в ней выступает как единосущее со всем миром и принцип мироустройства. В свете христианских представлений о человеке вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» решается диалектически.

Личностное начало в человеке, образ Божий, — «неполно и ограничено»; человек призван к преобразованию образа в подобие. Призванность человека сопряжена с его свободой: он может и принять, и отвергнуть этот призыв, неся ответственность за свой выбор. В силу единства человека и мира, мера этой ответственности определяется далеко вне формата индивидуальной человеческой жизни. Субъект выступает как «орудие» личности: преобразование образа Божия в подобие есть снятие субъекта личностью.

Заметим, что С.Л. Рубинштейн, как и Гегель, говорит о человеке в предельно широком контексте, включая в общее понимание ми-

ра. Он «рассматривает человека как эпицентр бытия», а его качество как субъекта связывает со «способностью преобразовывать бытие» (К. А. Абульханова).

Экспликация аутентичного антропологического контекста принципа субъектного подхода позволяет снять разногласия в понимании характеристик субъекта.

В качестве системообразующей характеристики субъекта А. В. Брушлинский указывает активность, утверждая, что словосочетание «субъектная активность» является тавтологией. Однако ученые говорят и о существовании «досубъектных» и «надсубъектных» форм активности (А. К. Осницкий, В. И. Слободчиков и др.). В свете христианской антропологии активность является общей, универсальной характеристикой субъекта, качественно различающейся на разных уровнях; системообразующей характеристикой – выступает подответность (ответственность).

Дискуссионным является и вопрос о свободе субъекта (С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, А. Н. Леонтьев, В. И. Слободчиков и др.). С точки зрения христианской антропологии важно различать свободу субъекта и свободу личности. Свобода субъекта ограничена несовершенством человека, форматом его земной жизни и связана с ответственностью.

Важной атрибутивной характеристикой субъекта считается стремление к идеалу, которое связывается с ощущением «полноты проживания и переживания жизни» (К. А. Абульханова). Такое понимание субъекта является высококогерентным христианским представлением о призванности человека к достижению Богоподобия. Осуществление этого призвания и дает полноту жизни.

Концептуальные представления о материальной природе человека и его эволюции с позиции новых парадигм естествознания*

Ю. Я. Голиков (ИП РАН, Москва)

Настоящее исследование посвящено психологическим проблемам создания гуманистически ориентированной идеологии развития высоких технологий, которая соответствовала бы положениям совре-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

менных парадигм естествознания (универсального эволюционизма, синергетики, квантовой теории поля).

Результаты анализа особенностей разработки высоких технологий показали, что технологические вызовы нашего времени – прежде всего, формирование трансгуманизма, направленного на трансформацию природы человека, создание электронной копии человека, – требуют принципиальной переориентации научной практики: доминирующими должны стать теоретико-методологические позиции гуманистической направленности, посвященные решению фундаментальных проблем определения приоритетных целей, смыслов, ценностей жизни человека и общества, более глубокого раскрытия биологической, социальной и духовной природы человека и его эволюции, выбора рациональных путей развития высоких технологий и технической реальности в целом.

На данном этапе формирования такого рода гуманистически ориентированной идеологии развития высоких технологий, которая могла бы противостоять доминирующим сегодня технократическим и сциентистским методологическим позициям, был выполнен анализ современного состояния концептуальных представлений о человеке и его эволюции в научной практике, а также в религиозных и основных духовных направлениях.

Настоящий этап развития научного познания характеризуется многообразием концептуальных представлений о материальной природе человека и его эволюции как в научной практике, так и в религиозных и духовных направлениях. В доминирующих научных концепциях человек рассматривается как субъект общественно-исторического процесса, развития материальной и духовной культуры, как биосоциальное и психосоциальное существо; в процессе изучения эволюции человека и всей нашей цивилизации основными являются представления об уникальности человека во Вселенной, завершенности его эволюции, искусственной эволюции в трансгуманизме, цивилизационной экспансии. В религиозных и духовных направлениях человек в основном интерпретируется как существо двухслойной природы, состоящее из физического (видимого) тела и духовной (невидимой) оболочки (души и духа).

Это концептуальное пространство встречается с серьезными проблемами соответствия их теоретических оснований и содержания постулатам формирующейся постнеклассической рациональности и новых парадигм естествознания, ведущей среди которых является

универсальный (глобальный) эволюционизм, определяющий взаимосвязь между всеми уровнями организации неживой и живой природы и представляющий общую картину эволюции материи как единый универсальный эволюционный процесс, детерминируемый общими закономерностями.

С позиции новых парадигм естествознания — универсального эволюционизма, а также синергетики (как науки о самоорганизации) и квантовой теории поля (доказывающей общую природу как барионных, так и полевых объектов) — выявлены существенные ограничения представлений о человеке, в частности, недостаточность исследований синтетического, обобщающего характера по целостному рассмотрению его материальной природы, непосредственному, целенаправленному изучению потенциальных свойств, источников самоорганизации и ее взаимосвязей с другими свойствами, а также практическое отсутствие познавательных средств исследований по выявлению общих закономерностей эволюции разумной жизни, прежде всего, человека и нашей цивилизации.

Соответственно, на последующих этапах создания гуманистически ориентированной методологии разработки объектов высоких технологий должны быть поставлены задачи по обобщению результатов анализа основных особенностей концептуальных представлений о человеке в научных, религиозных и духовных направлениях и развитию существующих представлений с учетом их ограничений, а также формированию обобщенного варианта новых представлений о материальной природе человека и его эволюции.

О теоретико-методологических проблемах изучения информационно-психологических войн*

А. А. Гостев (ИП РАН, Москва)

Сегодня, особенно в связи с происходящими событиями на Украине, возрастает актуальность осмысления механизмов информационно-психологических войн в русле изучения психологических аспектов глобальной трансформации (А. А. Гостев).

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

Укажем на следующие теоретико-методологические проблемы.

1. Раскрытие информационно-психологических войн как сложной системы (СИПВ) — одного из главных элементов мировой войны гибридного типа. СИПВ является многомерной и многоуровневой, обладает высокой психоманипулятивной силой, имеет глобальный/тотальный характер, проецируясь (в различной степени и разным содержанием) на геополитические процессы.
2. Изучение структуры и функционирования субъект-объектных информационно-психологических взаимодействий, обобщение соответствующей феноменологии, выявление тенденций и закономерностей гибридной войны коллективного Запада и России, в частности, применительно к украинским событиям за последние 30 лет.
3. Изучение роли в СИПВ идеолого-мировоззренческого, религиозного и секулярного духовно-нравственного факторов.

СИПВ предполагает информационное, психологическое, духовно-нравственное, национально-культурное (цивилизационное) воздействие на оппонента/врага с целью переформатировать сознание и неосознаваемые установки его индивидуальных и групповых представителей. Объектом и субъектом воздействия может быть страна, международная организация, политическая структура, общество, социальная группа, национальный лидер, представители элит.

Низшим уровнем СИПВ является пропаганда и обмен информацией о событиях в диапазоне «достоверность — ложь». Особую роль играют подтасовка фактов, создание правдоподобных постановочных провокаций, фэйков и т. п.

На концептуальном уровне СИПВ идет «битва» интерпретаций информационных сообщений (в определенных дискурсах) относительно исторической памяти, текущих и прогнозируемых событий. Используются политические, экономические, философские понятия, опора на определенные концепции человекознания.

При учете многоуровневой целостности СИПВ подчеркнем значимость следующих двух уровней.

Третий уровень СИПВ имеет более выраженное мировоззренческое, духовно-нравственное содержание, затрагивает область высших коллективных смыслов/ценностей/идеалов. Соответственно информационные баталии усиливаются на «фронтах» философии, религии, истории. Особенно сильными и высокоинерционными являются ци-

визационные войны, опирающиеся на национально-культурные различия, на столкновение мировоззрений. Поэтому СИПВ учитывает национально-культурные особенности противника (особенно национальные комплексы, исторические обиды, геополитические фантазии и т. п.).

Внедрение в оппонента чуждых ему смыслов, ценностей подталкивают его к негативным оценкам — себя, значимого референтного окружения, своей страны и к определенному поведению. В РФ это, например, навязывание образа «России как неполноценной Европы» с атаками на советское прошлое.

Четвертый СИПВ-уровень назовем метаисторическим (А. А. Гостев, В. А. Кольцова). Он связан с проекцией на исторический процесс борьбы духовно-метафизических сил Добра и Зла и предполагает соприкосновение с теологическим контекстом (в христианстве, в частности, это допущение идеи Божьего Промысла как творца человеческой истории). Отметим, что сегодня формирование структуры глобальной власти имеет религиозно-мистические основания (А. А. Гостев).

К метаисторическому уровню отнесем СИПВ на основе столкновения цивилизаций (С. Ф. Хантингтон). Результаты их геополитической субъектности должны раскрываться в СИПВ (А. А. Гостев). В этой связи укажем на многовековое противостояние коллективно-Запада и исторической России на всех указанных СИПВ-уровнях.

Перспективной и первоочередной задачей видится приложение СИПВ к событиям на Украине.

С одной стороны, понимание конфликта невозможно вне глобального контекста. С другой, необходимы исследования, раскрывающие мотивацию обеих сторон конфликта. А это предполагает, например, раскрытие динамики социально-политических установок жителей Украины относительно соотношения в них антирусского; прорусского; европоцентричного. Необходимо понять реальное отношение людей к спецоперации, к «воинствующему украинскому национализму» (в ретроспективе), наличие спектра коллективных чувств (например, мстительных или позитивных).

Сложной задачей является изучение асимметричной биполярности отношения к спецоперации в российском обществе.

Заявленная проблематика изучается в рамках формирования «макросоциополитической психологии глобальной трансформации» (А. А. Гостев).

О соотношении категорий «религиозность», «личность верующего» и «религиозная личность»

А. М. Двойнин (НИУ ВШЭ, Москва)

Для исследований в области психологии религиозной личности принципиальным является исходное теоретическое видение ключевой категории — *религиозной личности*. Неопределенность этого конструкта и многообразие его трактовок создают серьезные трудности на пути конкретно-психологических исследований личностных особенностей верующих. Теоретическую путаницу можно преодолеть, если соотнести категорию религиозной личности с другими, схожими по содержанию наполнению понятиями «религиозность» и «личность верующего».

Религиозность. Понятие «религиозность», как правило, используется при реализации определенной исследовательской стратегии: изучение специфических религиозных явлений (уровня религиозности, религиозных представлений, религиозных ценностей и т. п.) у различных групп людей, выделенных по *нерелигиозному* признаку. Данный конструкт позволяет неплохо категоризировать социальных индивидов (по уровням, типам и т. п.), но при наложении на реальность личности он является настолько грубой «оптикой», что не позволяет выйти на сколько-нибудь сложно дифференцированное видение внутриличностной организации верующего. Выделяя различные типы религиозности, исследователи произвольно «зашивают» в них различные психические образования: от смыслов, ценностей, мотивов, эмоциональных переживаний и психологических защит до ментальных репрезентаций Бога, ритуальных практик и отношения к религиозным символам. Получается, что для раскрытия внутриличностной структуры у верующего и изучения ее динамики необходимо не столько измерять «религиозность», сколько обратиться к тем самым психическим образованиям, которые в нее произвольно «упакованы».

Личность верующего. Конструкт «личность верующего», как мы полагаем, также не может претендовать на статус самостоятельного феномена и соответствующего объекта психологического исследования. Так называемые исследования личности верующих, как правило, реализуются в рамках стратегии изучения личностных особенностей или компонентов личности у различных групп верующих. При этом исследователи сфокусированы не на некой якобы общей для верую-

щих внутриличностной структуре, а на отдельных личностных образованиях и характеристиках, которые потом либо (в лучшем случае) получают какое-то обобщение или объяснение в рамках той или иной существующей *общепсихологической теории личности*, либо (в худшем случае) вообще теоретически не обобщаются и никакой теорией личности впоследствии не абсорбируются. Такая работа представляется не очень перспективной, потому что *особой структуры личности верующего* не существует, как не существует особой структуры личности философа-постмодерниста, коммуниста, музыканта или пекаря. Полагать противоположное — значит фактически совершить ошибку онтологизации.

Религиозная личность. В личностном плане верующие могут быть весьма разными. Это неудивительно, ибо нет фактов, которые свидетельствовали бы, что только люди с какой-то определенной личностной структурой могут быть носителями религиозных убеждений. Скорее, наоборот, к религии обращаются люди с многообразно варьирующимися личностными чертами и особенностями. Вместе с тем психологией религии накоплено определенное количество данных о различных аспектах личности у верующих разных конфессий (в контексте возраста, половой и этнической принадлежности и т. п.): о самосознании, идентичности, системе ценностей, копинг-стратегиях, нарциссизме и др. Если не пытаться выделить особую «структуру личности верующего» на основе эмпирического обобщения каких-либо личностных характеристик, а двигаться по пути раскрытия *личностных механизмов* индукции и регуляции поведения человека на основе рецепции им религии, то возможно построение *функциональной теории религиозной личности*. В ее основу должны быть включены базовые психологические представления о личности. Например, в рамках нашего исследовательского подхода в качестве таких базовых представлений выступают идеи С. Л. Рубинштейна о личности как о субъекте жизненного пути, а категория личности рассматривается в контексте отношений «человек—мир» (С. Л. Рубинштейн). При этом жизненные отношения понимаются нами как «сущностные динамические разноплановые взаимосвязи человека с миром и самим собой, в которых человек, целенаправленно реализуя планы и программы своей жизни, преобразовывает себя, собственную жизнь и окружающую действительность» (Е. В. Селезнева).

Таким образом, *религиозную личность* можно определить (в функциональном плане) как набор (архитектуру) личностных механизмов

индукции и регуляции поведения, строящихся на опосредствовании жизненных отношений человека религией. Это означает, что у реального верующего может быть разная мера сформированности этих личностных механизмов. Другими словами, можно сказать, что верующий может находиться на разном *уровне зрелости религиозной личности*.

Перспективные направления развития современной психологии

А. А. Криулина (ФГБОУ ВО КГУ, Курск)

Данное сообщение посвящено построению целостного представления о перспективах развития психологии, вступившей в переходный этап своего развития. Отметим, что характерной особенностью данного этапа является сосуществование в психологии классических, неклассических и постнеклассических исследований. На языке исследователей переходного периода общества в целом данная характеристика названа множественностью. Она дополняется еще двумя характеристиками: изменчивостью и неопределенностью, что также свойственно науке в целом и психологии в частности.

Методологической основой создания целостного образа ожидаемого будущего психологии послужил принцип целостности. В мировую психологию понятие «целостность» пришло вместе с гештальт-психологией. Принцип целостности введен в отечественную психологию еще в 1984 г. (В. А. Ганзен). Он многократно и эффективно применен учениками и последователями Б. Г. Ананьева, а также другими учеными.

Отправным моментом в создании целостного образа будущего психологии послужили семь направлений ее развития, названных неклассическим вектором и описанных на языке дихотомий (Д. А. Леонтьев):

- 1) от поиска знаний к социальному конструированию;
- 2) от монологизма к диалогизму;
- 3) от изолированного индивида к жизненному миру;
- 4) от детерминизма к самодетерминации;
- 5) от потенциализма к экзистенциализму;
- 6) от количественного подхода к качественному;
- 7) от констатирующей стратегии к действенной.

Данный перечень не является исчерпывающим, на что обратил внимание и сам автор. Основанием для его продолжения могут служить работы других ученых, известных своим вкладом в методологию психологии. Анализ их работ позволяет выявить и сформулировать еще пять направлений:

- 8) от монопарадигмальности к полипарадигмальности (Т. Д. Марцинковская), или к мультипарадигмальности (Т. В. Корнилова);
- 9) от внутродисциплинарной интеграции психологического знания в рамках самой психологии к междисциплинарной (А. Л. Журавлев);
- 10) от тактической психологии к стратегической психологии глобализации, (А. И. Юрьев).
- 11) от микропсихологии к макропсихологии (А. В. Юревич, Д. В. Ушаков);
- 12) от номотетики к идиографии (О. Г. Носкова).

К обновленному списку векторов развития психологии целесообразно добавить перспективные ее направления, содержащиеся в явном и неявном виде в грандиозном по масштабу интервью российских психологов (Интервью о будущем психологии, 2019):

- 13) от рафинированности и специализированности теоретических психологических исследований к интеграции их авторов с другими психологами, представляющими разные ее области, с учеными из других гуманитарных наук (и, возможно, естественных);
- 14) от замкнутости и изолированности российской психологии и отечественных психологов к интеграции в мировое сообщество психологов;
- 15) от сугубо академического языка описания научных результатов к другим способам представления и интерпретации эмпирических данных;
- 16) от автономного языка отдельных психологических школ к созданию единого языка психологической науки;
- 17) от дефицитарной линии в психотерапии к самоактуализационной линии.

Приоритетной проблемой, обсуждаемой в интервью, оказалась проблема необходимости возрождения междисциплинарных психологических исследований. В психологии имеется опыт междисциплинарных исследований, о котором поведала Т. Д. Марцинковская. Во-первых,

это опыт Государственной академии художественных наук, в которой психологи, философы, культурологи, биологи и физиологи совместно разрабатывали проблемы человека. Во-вторых, это опыт Института человека РАН, в котором с 1992 по 2004 г. предметом междисциплинарных исследований служили сознание человека, его поведение в труде и экстремальных ситуациях, перспективы развития личности. Возможность возрождения междисциплинарных исследований А. Е. Войскунский видит в появлении науки о человеке, охватывающей и биологию, и экспериментальную медицину, и биохимию, и математику, и информатику, и физику. В. А. Ключарев главным вызовом для психологии назвал ее междисциплинарное измерение.

Завершая описание синтезированного образа будущего психологии, отметим, что могут существовать и другие векторы развития современной психологии, не отраженные в широкоизвестных научных источниках. Возможно, что со временем будут появляться новые векторы, пока еще не проявленные исследователями.

Философско-методологическое основание деконструкции психического

М. Ш. Магомед-Эминов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Актуальность работы определяется, во-первых, парадигмальными трансформациями современной научной и философской рациональности, требующей деконструкции понимания субъекта в условиях возвратного проекта реконструкции субъекта. Во-вторых, онтологической трансформацией бытия человека (личности, субъекта) в условиях экстремального модуса существования, бросающего вызов пониманию конкретного человека в психологии. В-третьих, практическим поворотом философии и психологии, требующим фундаментального научного понимания практики, а не сугубо прикладной ее трактовки.

Философско-методологическое основание деконструкции психики строится, во-первых, на повороте философии практики К. Маркса и практического существования учений Ницше, Фрейда, Кьеркегора и др. и касается не только понимания (на чем фокусированы М. Хайдеггер и М. Фуко), но и практики осуществления человеком изменений, преобразований, созидания, творения, конструирования, овладения окружающим миром и самим собой, согласно духу

революционно-критической практики К. Маркса. Таким образом мы расширяем принцип практики, охватывая принцип заботы, деконструируя феномен онтологической заботы (М. Хайдеггер) и культуру заботы о себе (М. Фуко) в гетерогенной диалектике принципа практики – в соотношении заботы о себе и заботы о другом во внутренних переходах. Все эти трансформации продумываются в логике нового прочтения принципа историзма психики человека К. Маркса и практического поворота (М. Ш. Магомед-Эминов). Во-вторых, постулируется единство биологической и социальной природы человека на основе социокультурной сущности, реализуемой в практике, с учетом многообразия и взаимодействий социокультурных трактовок человека (экономической, политической, социальной и т. д.), взглядов современной эволюционной эпистемологии, достижений наук о сознании, нейронаук, когнитологии, исследования искусственного интеллекта, биотехнологий, в том числе mind-brain problem, embodiment, энактивизма (F.J. Varela, E. Thompson, E. Rosch) и др.

Психическое деконструируется в двух планах – собственно психологическом и метапсихологическом. Внутренняя и внешняя деятельность субъекта 1) опосредствована психической работой: отражательно-конструктивной и экзистенциальной работой, или работой осуществления (составляет психологический план); 2) основывается на экзистенциально-личностной работе, практике человека – субъекта, личности, Я, идентичности, самости, над собой и над Другим (над другим Я и Я Другого), – который составляет метапсихологический план. В соответствии с этим положением конкретный человек – сингулярный человек, или человеческая индивидуальность, понимается не столько как особость, качество, структура (согласно модернизму) или процесс, разнообразие (в оптике постмодернизма), но как практика над собой как над Другим. Через эту идею мы вписываем в существо субъекта, личности конкретного человека, рекурсивную экзистенциально-онтологическую работу, которая является досубъектной, допредикативной и в которой создается, собирается человеческая субъектность на многообразии измерений, ипостасей и воплощений. Мы дифференцируем в процессах жизни живого действительного индивида план предметно-интенциональной деятельности субъекта (субъекта либо как «чистого» носителя паттерна свойств, либо как этот особый паттерн – особость) и план эвентуальной – событийной деятельности, в котором индивид осуществляет тотальное событие. Круговая трансформация (цикл рождения, су-

ществования, умирания и воскресения) и определяет личность как рекурсивную аутопоэтическую работу, в которой и совершается деятельность субъекта, в том числе самообъективация и саморефлексия. В этой экзистенциально-антропологической практике человек обращается как с собственной жизнью, бытием, деяниями и недеяниями, так и бытием, жизнью Другого, в процессах которых творится единство многообразия собственных воплощений человека и способов его существования в мире в повседневном и неповседневном бытии в со-бытии с другим (Магомед-Эминов).

Методологические проблемы общей психологии на современном этапе*

В. А. Мазилев (ЯГПУ, Ярославль)

Скоро научная психология будет отмечать полуторавековой юбилей: в 1874 г. В. Вундт обосновал физиологическую психологию как «самостоятельную область знания». Однако настроение научных психологов не вполне праздничное. Prestиж психологии как науки снижается, позиции психологов заметно теснят представители нейронаук и когнитивной науки. В этом нет ничего страшного, более того, конкуренция в науке имеет и позитивные следствия. Стоит заметить, что знание о психике, полученное в рамках, скажем, тех же нейронаук или когнитивной науки – другое знание – и фундаментальные психологические вопросы при этом принципиально остаются без ответов.

Современная психология вплотную подошла к той черте, за которой вероятно ее исчезновение как фундаментальной науки. Подчеркнем, что речь идет именно о существовании психологии как фундаментальной науки. Конечно, изучение психических явлений вряд ли исчезнет совсем, но опасна перспектива «размывания» психологии, при котором психологическая наука рискует «раствориться» в большом количестве частных поддисциплин («букет областей знания», «конгломерате наук о человеке»). Отмечается, что, возможно, психология и не представляет собой единой науки, а скорее конгломерат различных наук о человеке (В. Ф. Петренко).

Психология еще не стала полностью самостоятельной научной дисциплиной, процесс ее становления не завершен, что констати-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 18-18-00157.

ровал С. Л. Рубинштейн в 1940 г. Классик психологии наметил три задачи, подлежащие решению для завершения этого процесса (создание системы психологии, разработка методологии и соответствующих методик). Как можно полагать, эти задачи в полном объеме не решены и поныне, несмотря на все предпринимаемые попытки. Здесь не место комментировать приведенные соображения, отметим лишь, что создание системы необходимо, конечно, не само по себе, но как необходимое условие для накопления и последующей интеграции научного знания.

Как хорошо известно, в советской и постсоветской психологии попытки представить систему понятий принимались неоднократно. В настоящее время активность в данном направлении снизилась. Как нам представляется, причина в том, что современная психология уделяет недостаточное внимание проблеме предмета психологии: при традиционном подходе не удается преодолеть как многократно критиковавшийся функционализм, так и отмечаемый многими авторами разрыв между процессами и психическими свойствами. Иными словами, традиционный подход ведет к распаду психологии на ряд поддисциплин (психология сознания, психология деятельности, психология личности), что вряд ли может быть сочтено успешным результатом.

В психологии до сих пор происходит конкуренция подходов, претендующих на разработку общих теорий и концепций того или иного психологического явления, тогда как в действительности в соответствии с природой психологического знания могут порождать лишь парциальные (В. А. Мазилев). Главная проблема заключается в недооценке роли методологии в целом и проблемы предмета психологии в частности. Обсуждение предмета превращается в ритуальные рассуждения, тогда как конструкт «предмет психологии», который должен выполнять важные функции в системе психологического знания, работает пока что крайне неэффективно.

Возможный выход из сложившейся ситуации может быть обнаружен в работах В. Д. Шадрикова, который предложил использовать в качестве предмета психологии понятие внутренний мир человека.

Конструкт «внутренний мир человека» соответствует совокупному пониманию предмета, полностью охватывает пространство психической реальности. Достоинством такой трактовки предмета психологии является то, что она максимально близка традиционной номенклатуре психических явлений. Пересмотр категории «способности» и введение в употребление понятия «мысль» позволили В. Д. Шадрикову

выстроить архитектуру внутреннего мира человека, где каждый компонент внутреннего мира выполняет свои функции в рамках целого. Проведенные изменения позволили преодолеть функционализм и непротиворечиво соединить в рамках целого компоненты внутреннего мира человека. Поскольку архитектура внутреннего мира представлена как уровневое образование (выделяются индивидуальный уровень, а также уровни субъекта и личности), архитектура приобретает объем. Особым достоинством представленной модели является то, что она имеет значительный потенциал в плане интеграции психологического знания, поскольку может выступать своего рода «площадкой для сборки» и сопоставления результатов исследований тех или иных явлений в разных подходах, использование конструкта «внутренний мир человека» позволяет использовать возможности причинно-следственного объяснения, избегая редукции психического к непсихическому (В. А. Мазилев).

Измерительный подход в психологии и актуальная реальность психического: к вопросу о парадигмальном статусе психологии*

И. А. Мироненко (СПбГУ, Санкт-Петербург)

В 1923 г. на вопрос, что такое интеллект, Э. Г. Боринг ответил: это то, что измеряют тесты интеллекта. Измерительный подход к определению сущности психических явлений стал обыденной реальностью психологии. В. Н. Дружинин отмечает: «Любой психологический конструкт, описывающий психологическое свойство, процесс, состояние, имеет смысл лишь в сочетании с описанием процедуры исследования, диагностики, измерения поведенческих проявлений этого конструкта. При изменении процедуры измерения конструкта изменяется и его содержание» (В. Н. Дружинин). Измерительный подход основывается на подмене реальности ее моделью, запечатленной в процедуре измерения, или в словесной конструкции, обозначаемой каким-либо понятием («экзистенциальная тревога», «кризис среднего возраста» и пр.). Последнее мы считаем возможным отнести к измерительному подходу в силу популярности в психологии по-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

нения шкал наименований. Давая «научное» название чему-либо, мы реализуем измерительный подход.

Измерительный подход — неизбежная и необходимая сторона развития психологической науки, что отрицать было бы бессмысленно. Но бессмысленно и забывать о том, что в русле этого подхода то, что мы полагаем в качестве предмета исследования, лишь в той мере остается реальностью, в какой теоретический «конструкт», который мы используем, адекватен реальности, а не является симулякром. Когда исчезает сомнение в тождестве актуальной реальности и измеряемого конструкта — значимость результатов исследования для познания реальности уже ничем не гарантирована.

Что же обеспечивает и ограничивает в психологии применимость измерительного подхода?

Социально-гуманитарные науки отличаются от естественных, в частности, тем, что предмет их изменяется с существенно большей скоростью. Если есть основания утверждать, что температура — это то, что измеряет термометр — и так было, есть и будет, то утверждать, что для событий, происходящих с личностью нашего современника, адекватным отражением может служить теоретическая модель, созданная полвека, а то и больше назад, — таких оснований существенно меньше. Измерительный подход реализует кумулятивную сторону науки, накопленное вчера знание. Но в оптике измерительных процедур и понятий, разработанной для вчерашней реальности, невозможно увидеть реальность новую, возникающую сегодня.

Изменения, происходящие в человеческой цивилизации и культуре на протяжении последних десятилетий, носят радикальный характер и качественным образом изменили и изменяют социокультурную реальность жизни человека. В соответствии с культурно-исторической теорией и субъектным подходом, из сказанного следует необходимость признать радикальный и качественный характер изменений человеческой психики, прежде всего, личности человека.

Скорость изменений социально-культурной сферы уже в прошлом столетии достигла того предела, когда встал вопрос о несоответствии аппарата науки ее предмету. Социологи поставили его в явной форме, заявляя, что «старые» теории просто не годятся для анализа новой реальности.

Психологический дискурс в западно-центрическом мейнстриме, а во многом и в России, остается верен представлению о «вечном» человеке, как будто меняется лишь программное обеспечение, а сам

компьютер остается тем же. «Большие» теории здесь мыслятся наделенными вечной жизнью (А.Л. Журавлев, И.А. Мироненко), однако симптомы устаревания аппарата науки и здесь очевидны для всех — горы и горы новых фактов, получаемых в принятой методологической оптике, не приводят больше к сколько-нибудь существенному продвижению в познании действительности. Наука буксует в этих множущихся на страницах научных журналов фактах, как в зыбучих песках. Проявлением растущего осознания бессмысленности их накопления стал кризис воспроизводимости, активно обсуждаемый в последние десятилетия.

Для того чтобы научное познание имело смысл, теоретико-методологический аппарат науки не должен отставать от изменений предмета исследования. Измерительный подход должен непрерывно изменяться, чтобы оставаться адекватным актуальной реальности. Это становится возможным при условии его реализации во множестве вариантов, каждый из которых, таким образом, не является единственным и безальтернативным, сохраняет статус одной из возможных интерпретаций, таким образом, подвергается сомнению и с неизбежностью отменяется в свой час. Единая парадигма, о которой спорят и мечтают методологи с момента становления психологической науки, стала бы концом психологии (И.А. Мироненко). Подобно тому, как рост мутаций обеспечивает выживаемость вида в ситуации изменений среды, рост методологического разнообразия — запас жизнеспособности психологии как науки, предмет которой изменяется с возрастающей скоростью.

Осознанная саморегуляция как метаресурс преодоления различных ситуаций неопределенности

В. И. Моросанова (ПИ РАО, Москва)

Характерным для нашего времени является кардинальные изменения в самых различных сферах жизни. Изменения климата, эпидемиологической ситуации, миропорядка и социальной стабильности, привели к резкому повышению неопределенности в самых различных ситуациях. Приносят страдания людям не только угрозы жизни и здоровью в связи с распространением коронавирусной инфекции, но и вынужденные изменения привычного образа жизни, условий труда и отды-

ха, вызывающие стрессовые реакции, нарушающие психологическое благополучие. В сфере образования характерным для нашего времени является бурное развитие и внедрение цифровых технологий, создание новых образовательных сред дистанционного обучения. В это сложное время особое значение имеет актуализация психологических ресурсов существования человека в условиях неопределенности.

В докладе будет обосновано, что развитие осознанной саморегуляции является психологическим метаресурсом, который позволяет организовывать свою жизнь в условиях нарастающих информационных потоков, эффективно работать, взаимодействовать, решать разнообразные задачи в цифровых средах, быть механизмом поддержания психологического благополучия человека. Эти положения будут обоснованы в докладе как теоретически, так и на основе обобщения результатов целого ряда кросс-секционных и лонгитюдных исследований психологических ресурсов преодоления последствий повышенной неопределенности на выборках людей разного возраста, проведенных за последние годы в лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО.

Парадигмальное расширение представления о психике как объекте исследования*

В. И. Панов (ПИ РАО, Москва)

Рассматривая разнообразие психических явлений в качестве объекта исследования, мы сталкиваемся с ее особым методологическим статусом. Он определяется тем, что в психологических исследованиях психика выступает одновременно как объект/предмет исследования и в то же время как средство (способ мышления) этого исследования, т. е. имеет место совпадение психики как объекта и как средства ее исследования (В. В. Давыдов, А. И. Миракян, Ф. Т. Михайлов). Ф. Т. Михайлов называл это парадоксом Мюнхаузена, который пытался вытащить себя из болота за свои же собственные волосы. Именно по этой причине психика в качестве объекта и предмета исследования всегда опосредована и ограничена способом, парадигмой мышления (а это тоже продуктивное, феноменальное проявление психики). Такой парадоксальный статус психологии приводит к ряду методологических труд-

* Исследование выполнено по Государственному заданию ФГБНУ ПИ РАО.

ностей изучения психических явлений, особенно процесса их порождения. Кратко перечислим некоторые из них.

Процессуально порождающая сторона психических явлений остается скрытой от непосредственного наблюдения (А. И. Миракян). Поэтому исследователю приходится концептуально представлять процесс порождения психических феноменов, образно говоря, «с конца», опираясь на данность продуктов этого процесса. Это подобно тому, как если бы мы пытались по свойствам апельсина (одного или многих) представить себе то апельсиновое дерево, продуктом которого он является.

Доминирующее положение гносеологической парадигмы, в основе которой лежит логическое отношение «субъект познания—объект познания» и которое конкретизируется в виде отношений «субъект восприятия—объект восприятия», «субъект мышления—объект мышления», «субъект действия—объект действия» и т. д. Методологической особенностью указанного отношения является исходная заданность его компонентов, а также требование соответствия (тождества) между свойствами объекта (предмета) познания и результатом его познания субъектом познания. Это позволяет изучать психические явления как продукт свершившегося процесса их порождения в соотношении с другими психическими, физиологическими или социальными явлениями. Но не позволяет концептуализировать процесс порождения этих психических новообразований.

В рамках экпсихологического подхода в качестве методологической предпосылки называется не «человек как субъект психики», а отношение «индивид (как субъект психической активности)—окружающая среда» (далее — отношение «индивид—среда»). Это приводит к расширению представления о психике как объекте психологического исследования, так как в концептуальном плане она предстает в четырех формах существования (бытия), соответствующих трем разным парадигмам изучения психических явлений (В. И. Панов):

1. Психика в собственной форме действительного существования — это психика в виде феноменологической данности психических процессов, состояний, сознания, способностей и поведения человека (или другого живого существа), находящегося во взаимодействии с окружающей средой. Это традиционный объект и предмет психологических исследований в рамках гносеологической парадигмы, что максимально нашло свое выражение в нейрокогнитивном подходе. Пример: констатирующий эксперимент.

2. Психика в превращенной (опредмеченной) форме действительного существования в виде данности психологических и квазипсихологических качеств антропогенной и естественной окружающей среды, отчужденных от создавшего их человека (предметы культуры, орудия труда, интернет и т. д.). Психика в этой форме бытия выступает объектом эколого-психологических исследований, а также междисциплинарных исследований на стыке культурологии, психологии образования и др.
3. Психика в становящейся форме (переход психики из «бытия в возможности» по Аристотелю в «бытие в действительности») представляет собой становление психической реальности в виде психических новообразований (феноменов, процессов, состояний, сознания). При этом система отношений «индивид—среда» обретает онтологический статус как метасубъект порождения психической реальности. Происходит переход от гносеологической парадигмы к онтологической, когда предметом исследования выступает не собственно психические феномены, а условия и механизмы их порождения. Пример: формирующий эксперимент, психотренинг и т. п.
4. Психика в виртуальной форме — психика в форме «бытия в возможности». Виртуальной она названа в том смысле, что имеет возможность и интенцию к самопроявлению, к порождению форм своего действительного существования (в виде реальности психических феноменов) посредством взаимодействия в системе «субъект психической активности (человек или иное существо)—окружающая среда». Психика в виртуальной форме бытия психологическому исследованию не подлежит. Предметом исследования становятся трансцендентальные принципы, обеспечивающие возможность порождающего процесса как психической реальности. Но это уже не психология, а метафизика.

К проблеме категориального строя психологической науки

*В. Ф. Петренко (МГУ им. М. В. Ломоносова, ИП РАН, Москва),
А. П. Сунрун (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

50 лет тому назад в системе институтов РАН был создан Институт психологии РАН. Директором был назначен доктор психологических наук Б. Ф. Ломов. Назначение Ломова ознаменовалось дискуссией: являет-

ся ли «деятельность» основной базовой психологической категорией (А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия), к которой сводятся все иные психологические категории, или же категория «общения» является столь базисно-рядоположной, как и категория «деятельность» (Б. Ф. Ломов, А. А. Бодалев, Ю. М. Забродин). С. Л. Рубинштейн, первоначально введший понятие «деятельность» в понятийный аппарат психологической науки, в этой дискуссии участия не принимал, так как к этому времени уже ушел из жизни. В его гениальной книге «Человек и мир» он отошел от объектного понятия «объективная реальность», заменив его понятием «Мир как сфера человеческого бытия и страдания», окрасив этот Мир человеческими эмоциями и пристрастиями. Нейтральную позицию в этой дискуссии заняли и ближайшие ученики Рубинштейна: А. В. Брушлинский и К. А. Абульханова-Славская, развивавшие психологические исследования не с позиции «Объективная реальности», безучастной к человеку, а с позиции пристрастного и заинтересованного человека. Позиция Ломова базировалась на представлении того, что понятие «деятельность» связует полюса субъекта и объекта и, по сути, близка понятию «промежуточная переменная» бихевиористов. А. Н. Леонтьев рассматривал «деятельность» как интегральное трансцендентальное понятие, близкое «феноменологии духа» Гегеля и содержащее субъект и объект как предельные полюса деятельности.

Успехи квантовой физики и такие феномены как ЭПР (А. Einstein, В. Podolsky, N. Rosen, А. Aspect, P. Grangier, G. Roger), показывающие сохранность взаимосвязи распавшихся элементарных частиц, наличие иных, непредметных причинных связей, феномен «квантового ластика» (X.-S. Ma, J. Kofler), позволяющего стирать следы неотрасселированного прошлого (Д. Гринштейн, А. Зайонц), диктуют развитие интегративного подхода в интенции содержащегося в позиции А. Н. Леонтьева и намечают возможные объяснения целому классу загадочных психологических феноменов (телепатии, предвидению, креативности и др.). Идея нелокальности Бытия — мысль, которую теоретически обосновывали еще в древнебуддийской философии, наличие квантовой сцепленности и эксперименты Аспекта (1976—1982) позволили Р. Пенроузу высказать мнение о целостности Вселенной и тотальной зависимости всех объектов в ней. Явление редукции волновой функции при наблюдении квантовой системы привели Дж. фон Неймана к гипотезе о неразрывной связи субъекта и объекта.

В книге «Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики (В. Ф. Петренко, А. П. Супрун) дается обоснование того, что даже преобразование Лоренца, лежащее в основании специальной теории относительности А. Эйнштейна, имеет отношение не только к физике, а присуще всем семиотическим системам и имеет психологическую природу. В этой же книге рассматриваются проблемы категоризации как перехода от множественной подсознательной («квантовой») неопределенности к однозначной (классической) предметной интерпретации мира. Системное изложение данной позиции дается в монографии «Schrodinger's Cat Smile» В. Ф. Петренко, А. П. Супрун, С. П. Супрун (2022).

Перспективной линией развития современной физики является движение в сторону личного и коллективного бессознательного (К.-Г. Юнг, В. Паули), к которым можно подступиться в результате создания целостных междисциплинарных теоретических моделей, объясняющих в том числе единичные случаи психологических феноменов (case study).

Интуитивно наши представления об окружающем мире строятся на ощущении реальности как совокупности объектов, локализованных в пространстве-времени. Но еще сто лет назад А. Пуанкаре обратил внимание на то, как и почему может возникать, например, ощущение пространства, внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного) мира. Пуанкаре подчеркивал мысль, что единственным источником представлений о *внешней реальности* являются наши ощущения («*внутренние*» переживания). Мы всегда остаемся в пространстве своих ощущений, но считается, что они имеют «разные» источники: внутренние и внешние.

В научной литературе уже давно обсуждаются параллели между восточной философией буддизма и современными научными представлениями в физике (Э. Шредингер, Н. Бор, Д. Бом и др.). Это совсем не случайность. Западная методология (В. Russell) последовательно реализовывала преимущественно объектную декомпозицию мира (стерильную от субъекта), которую пытается продолжать даже в системной парадигме квантовой физики, порождая таких «кентавров», как «волновая механика», «волна-частица» и пр. Восточная схоластика изначально разрабатывала целостный, системный взгляд на реальность, в которую человек органично входил как подсистема.

Можно сделать несколько предварительных заключений. Субъектный (целостный) подход к универсуму и его объектная интерпре-

тация в индивидуальном сознании предполагают две различные методологии исследования реальности. Субъектный подход предполагает системную декомпозицию реальности, а объектный — классическую, локализованную пространственно-временную. При системном подходе к психофизической проблеме, согласно «бритве Оккамы», лишней сущностью оказывается «внешняя среда», поскольку она эквивалентна бессознательному. Сознание, по сути, — это просто семиотическое описание содержимого бессознательного, его логическая объектная пространственно-временная формализация (или представление).

Ментальная регуляция психических состояний: структурно-функциональный аспект*

А. О. Прохоров (КФУ, Казань)

Анализ отечественных и зарубежных концепций саморегуляции психических состояний показывает, что в исследованиях регуляторного процесса чаще всего «опорой» являются психологические качества субъекта, а вектором — деятельность или поведение. В то же время в «осознанном» регуляторном процессе ведущими являются ментальные механизмы и структуры сознания: невозможно представить направленного целевого действия без участия структур сознания в регуляции. Но эти структуры и механизмы чаще всего остаются за рамками анализа в исследованиях, предметом изучения которых является регуляторный процесс.

В контексте этой проблемы изучение отношений между «сознанием» и «состоянием» может позволить объяснить механизмы ментальной регуляции последних и развития регуляторных способностей субъекта.

Проведенные нами исследования позволили установить, что основными составляющими со стороны структур сознания, влияющих на саморегуляцию состояний являются: ментальный (субъективный) опыт, система Я, целевые характеристики, репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры. Ментальная регуляторная система выполняет управляющую функцию по отношению к состояниям субъекта, процесс ее влияния, в свою очередь, опосредуется социальными факторами (ситуациями/событиями, пространством

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07072.

культуры, образом жизни) вкупе с операциональными действиями и обратной связью, а также психологическими свойствами личности (темпераментом, характером, способностями и др.), особенностями протекания психических процессов (когнитивными и метакогнитивными, мотивационными и др.).

Отношения между компонентами модели ментальной регуляции, на наш взгляд, представляют собой следующую организацию: субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания, отражающие значимость для субъекта ситуаций жизнедеятельности. Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях, что приводит к связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Осознание субъектом необходимости в регуляции и выбор средств осуществляется благодаря рефлексии и образу собственного состояния. Переживание, включенное в ментальный опыт, изменяет смысловые структуры и психическое состояние. Регуляторный процесс опосредуется ситуациями жизнедеятельности, пространством культуры и образом жизни. Операциональная сторона регуляторного процесса связана с действиями субъекта, направленными на изменение состояния, обратной связью и временными характеристиками.

Существенным звеном в ментальной регуляции, на наш взгляд, является система Я, выполняющая узловую регулируемую функцию в организации включения ментальных структур в саморегуляцию состояний, влияющая на выбор операциональных средств (способы, приемы) и регуляторных действий.

Не акцентируя внимание на опосредующих факторах, влияющих на ментальную регуляцию состояний, отметим только то, что регуляторный процесс связан с образом жизни субъекта. В свою очередь, связь образа жизни и ситуации реализуется через пространственно-временные характеристики, в которых жизнедеятельность социальных субъектов осуществляется как единство условий сознания и деятельности, а «ситуации» понимаются как прошедшие сферу сознания и включенные в повседневную жизнедеятельность людей условия жизни.

В функциональном плане в основании саморегуляции находятся механизмы регуляции отдельного психического состояния. Достижение цели – желаемого состояния – связано с включенностью в регуляторный процесс означенных выше ментальных структур (смысловых, рефлексивных, переживаний и др.) и осуществляется через цепь переходных состояний.

Переход от состояния к состоянию осуществляется при использовании различных психорегулирующих приемов и средств. Информация о достижении желаемого состояния реализуется при помощи обратной связи. Регуляция совершается при активном участии психических процессов и с опорой на психологические свойства (темперамент, характер, способности и пр.).

Регуляторный процесс осуществляется в конкретной социальной среде на фоне культуральных, этнических, профессиональных и других влияний, в определенной социальной ситуации жизнедеятельности: экономической, юридической, связанной с местом субъекта в малой группе (его социальными ролями, статусами и пр.) – и связан с характерным для него образом жизни.

«Развертывание» регуляторного процесса, а также его параметры и их изменения в жизнедеятельности определяются требованиями социального функционирования субъекта, спецификой профессиональной деятельности и субъектно-личностными особенностями человека.

Путь к психологии субъекта*

Е. А. Сергиенко (ИП РАН, Москва)

За 50 лет работы в Институте психологии РАН произошел переход автора от когнитивной психологии к психологии субъекта. Автор прошла путь от стажера-исследователя до заведующей лабораторией когнитивной психологии и главного научного сотрудника лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях в настоящий момент. Начало работ было связано с изучением сенсорно-перцептивных способностей младенцев, вопросов истоков познания. В тот период можно выделить новаторские достижения в области раннего когнитивного развития. Было разработано и обосновано представление о репрезентативном младенце, оснащенном базовыми способностями познания физического и психического мира вместо господствующей в то время идеи о сенсомоторном младенце. Важнейшими в аргументации стали исследования антиципации в младенческом возрасте, продемонстрировавшие неразрывные связи восприятия—мышления—действия, которые пришли на сме-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0005.

ну схеме ощущение—восприятие—представление—мышление. Продемонстрирован антиципирующий характер развития, возможность категоризации опыта на основе базовых конструктов, динамика когнитивного развития и ее генетико-средовой континуум, становление индивидуальности как взаимодействие внешних и внутренних условий и их конкретизация, соотношение восприятия и действия в самые ранние периоды развития ребенка. Важнейшим итогом стала демонстрация революционных изменений в представлениях об истоках познания мира от рефлексивной психологии к репрезентативной, соединение принципа иерархии с гетерархией, демонстрация становления роли субъекта на всех этапах его развития. Отсюда логичным представляется переход от когнитивного подхода к субъектному, что наилучшим образом реализуется на основе принципа развития как взаимодействия субъекта с миром. Сформулирован системно-субъектный подход в психологии развития. Автором предложены гипотезы о функциях субъекта (когнитивная — понимание, регулятивная — контроль поведения и коммуникативная — субъект-субъектные взаимодействия) и личности (когнитивная — смыслообразование, регулятивная — переживание, коммуникативная — избирательность взаимодействия) как двух ипостасей человека. В рамках данного подхода предложена процессуальная гипотеза психологической зрелости, которая имеет свои критерии на каждом этапе психического развития как согласованность функций субъекта и личности. Теоретически и эмпирически разрабатываются гипотезы модели психического как когнитивного механизма понимания субъектом мира, контроля поведения — регулятивной функции субъекта. Контроль поведения — новое понятие, интегративная характеристика субъектной регуляции, психологический уровень регуляции поведения, опирающийся на индивидуальные ресурсы психики человека. Он включает три компонента: когнитивный, эмоциональный и произвольный/волевой контроль. Системно-субъектный подход послужил основанием выделения уровней психического развития субъекта (субъектогенеза). Субъективный возраст рассматривается как субъектно-личностная характеристика, выступающая индивидуальным ресурсом организации и регуляции поведения. Включение когнитивного подхода в субъектный позволяет перейти к интегративному изучению субъекта развития.

Во всех работах автора принцип развития являлся и является важнейшим в системе методологических принципов психологии, разработка которого ведется автором, продолжая традиции Л. И. Анцыферовой.

Основные теоретические представления о развитии субъекта через анализ его функций были верифицированы в эмпирических исследованиях автора и его учеников (под руководством автора подготовлены и защищены 20 кандидатских и 1 докторская диссертация).

Преимственность теоретико-методологических подходов в ИП АН СССР и ИП РАН в контексте отечественной науки и в психофизических исследованиях института*

И. Г. Скотникова (ИП РАН, Москва)

Основатель ИПАН СССР (ИП РАН) Б. Ф. Ломов, разработав теорию системной структуры психики, возглавил второй этап объединения исследований в психологии. Системные представления реализованы в теории функциональных систем П. К. Анохина – тоже основоположника ИПАН СССР – и далее в системно-эволюционном подходе (В. Б. Швырков, Ю. И. Александров) и теории когнитива (К. В. Анохин), теории системной организации функций мозга (А. Р. Лурия), системно-деятельностном подходе (В. В. Давыдов, В. А. Петровский, Д. А. Леонтьев, А. Г. Асмолов). Затем А. В. Брушлинский выявил системный характер категории субъекта, включающей все аспекты и уровни психического, и на ее основе конкретизировал специфику системной парадигмы в психологии.

В разработке категории субъекта в философии и отечественной психологии выделены две основные традиции (И. Г. Скотникова). В немецкой классической философии сформировалась эволюционная традиция (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель). От нее исходно отталкивались С. Л. Рубинштейн и К. А. Абульханова. Но позже в этой школе велся анализ субъектности лишь человека (как и в школах Д. Н. Узнадзе и Б. Г. Ананьева), причем взрослого человека, и потому эволюционная линия уже не актуализировалась. Сформировалась антропоцентрическая традиция в понимании субъектности как присущей лишь человеку на высшей ступени нравственного, когнитивного и культурного развития (а не любому человеку).

Эволюционная же линия развивалась в школе А. Н. Леонтьева. Ключевым является гегелевское представление об уровнях субъект-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

ности как активности, самоуправляемой на разных уровнях (к которому вернулась К. А. Абульханова). Это показано на филогенетическом материале (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Г. Г. Филиппова, И. А. Хватов, А. Н. Харитонов), психофизиологическом (Ю. И. Александров), онтогенетическом (Е. А. Сергиенко), социально-психологическом (А. Л. Журавлев), психологии труда (Е. П. Ермолаева), психофизики (И. Г. Скотникова). Идея уровней субъектности стала конструктивным выходом из дилеммы эволюционной и антропоцентрической традиций. В русле системно-субъектного подхода (В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко) фундаментально проработаны критерии и возрастные уровни субъектности как системообразующего фактора развития и самоорганизации личности (Е. А. Сергиенко).

Системная триада Б. Ф. Ломова (когнитивная, регулятивная и коммуникативная подсистемы) в психофизике проявляется в сенсорной чувствительности наблюдателя, принятии им решения, когнитивно-коммуникативных процессах (Ю. М. Забродин, К. В. Бардин, Ю. А. Индлин, В. Н. Носуленко). К. В. Бардин обосновал принцип активности субъекта в психофизике в дополнение к традиционной для нее объектной парадигме. Системообразующее значение категории субъекта в психофизике экспериментально и теоретически раскрыто во внутреннем содержании его активности в сенсорных изменениях как индивидуально-психологической сенсорной деятельности, структурные компоненты которой: сенсорная задача, операциональные средства ее решения, интер- и интраиндивидуальные механизмы выбора этих средств (свойства личности и когнитивные стили, функциональные состояния и рефлексивные переживания), их психофизиологическое обеспечение. Наш подход в психофизике системно объединяет на уровне субъекта соответствующие исследования, и потому является субъектно-деятельностным (созвучным системно-деятельностному подходу – А. Г. Асмолов, А. Н. Гусев), в русле которого предложена иерархическая схема детерминации свойствами индивидуальности и структурами когнитивного опыта когнитивных стилей и познавательных стратегий, непосредственно определяющих дифференциально-психологические различия результатов когнитивной деятельности (И. Г. Скотникова). Обнаружены корреляции между индивидуальными особенностями принятия решения (ПР) человеком: прямые между импульсивностью и тревожностью, риском и тревожностью; обратные между импульсивностью и силой воли, риском и принятием борьбы, уверенностью в себе и тревожностью, тревожностью

и принятием борьбы. Видимо, у животных импульсивность, склонность к риску и смелость взаимосвязаны, но проявляются в разных поведенческих реакциях; отобраны методики изучения этих свойств (Матвеева, Скотникова).

Основные характеристики ПР – правильность/ошибочность, время и уверенность/сомнения (колебания субъекта) (D. Luce). Последние типичны в пороговых задачах с неопределенностью в силу дефицита входной информации и выступают как интраиндивидуальный механизм ПР. Обнаружено, что в пороговом зрительном различении временных интервалов ошибочные ответы более медленные и чаще неуверенные, чем верные. Видимо, человек перед ошибкой колеблется и потому медлит, а верные ответы дает без особых колебаний и потому формулирует быстро, хотя и не знает, когда ошибется (И. Г. Скотникова). Так проявляется неосознанное предвосхищение правильности/ошибочности будущих ответов в задачах с неопределенностью, обеспеченное активностью перед их совершением нейронов-детерминаторов ошибок (Н. П. Бехтерева и др.).

Отчасти сходным образом безногие ящерицы при зрительном различении размеров кругов и цветовых тонов в ходе выбора пути к ним в Т-лабиринте неоднократно поворачивались к сравниваемым стимулам перед выбором, что, видимо, отражало их ориентировку, сбор зрительной информации колебания. Различение ящерицами цветовых тонов характеризовалось меньшими значениями времени, чисел ошибок и поворотов, т. е. было легче для них, чем различение размеров кругов. При этом время ошибочных выборов цветов было меньше времени верных, а в случае кругов больше, т. е. проявилась аналогия известному для человека правилу Р. Свенссона. Среди особей трех видов рептилий при зрительном различении цветовых тонов, форм и размеров фигур выделены 4 индивидуально-типологические группы: импульсивные, медленные/точные, быстрые/точные и медленные/неточные, аналогичные группам людей, выделяемым в тесте Дж. Кагана по зрительному выбору. Эти новые для рептилий данные подтверждают представление об импульсивности как одной из базовых характеристик индивидуальности (Р. В. Желанкин, И. Г. Скотникова). Здесь субъектно-деятельностный подход в психофизике продолжен как субъектно-поведенческий подход в зоопсихологии – в изучении собственной активности и индивидуальности животных как внутренних механизмов психики и поведения (И. Г. Скотникова).

Мы разработали задачно-ориентированную модель ПР и Ув в сенсорно-перцептивных процессах на основе байесовского вероятностного прогнозирования, теорий функциональной системы, обнаружения сигнала, случайных блужданий, векторного кодирования сигналов в сенсорном пространстве. Впервые математически обоснована переменная формирующегося у субъекта информационного свидетельства в пользу выбираемой альтернативы решения, что обеспечило следующее.

1. Теоретическое описание ПР и Ув в трех усложняющихся задачах: выбор либо наиболее правильного ответа, либо наиболее полезного, либо гарантирующего успех в связи с затратами. Задача выступила системообразующим фактором в модели, что стало новым шагом в развитии задачного подхода в психофизике (А. Г. Асмолов, М. Б. Михалевская, Ю. М. Забродин, А. Н. Гусев).
2. Переход от описания ПР в восприятии по признакам, отображаемым на отдельных сенсорных осях, к описанию его на обобщенной оси свидетельства, где интегрируются сенсорные признаки по каждой отдельной оси. Т.е. ПР моделируется на более высоком уровне целостного восприятия (например, лиц), чем уровень сенсорных впечатлений.
3. Дано математическое описание на «зрительном языке» мозга визуального восприятия неограниченного числа объектов с помощью ограниченного числа нейронов – детекторов простых универсальных признаков. Экспериментально подтверждены основные предсказания модели (В. М. Шендяпин, И. Г. Скотникова).

Проявление интегро-дифференционного принципа развития при системном анализе личностных характеристик*

Е. В. Славутская (ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, Чебоксары)

Системный подход ставит задачу анализа и синтеза систем как сложных и целостных объектов. Б. Ф. Ломов отмечал, что «основным (если не единственным) объектом психологических исследований является человек – сложнейшая из известных науке систем, обладающая уни-

* Исследование выполнено при поддержке конкурса научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров, проект № 16/1/2022 от 01.04.2022.

кальными характеристиками». Он предлагал рассматривать психику как многоуровневую систему, где базовый уровень относится к психофизиологическим факторам, а на верхнем уровне — психосоциальные регуляторы психики и поведения человека. Разноуровневые характеристики и взаимосвязи между ними могут быть проанализированы и описаны с применением системного подхода как позволяющего рассматривать их в виде целостной системы в динамике ее развития. Одним из основных критериев развития (изменения) структуры системы объекта является присутствие в динамике принципа «системной дифференциации», который отражает всеобщий универсальный закон развития, а одним из критериев для описания уровня развития системы является «количество и разнообразие „горизонтальных“ (между элементами внутри каждого уровня) и „вертикальных“ (между элементами разных уровней) связей» (Н. И. Чуприкова).

На основе структурной теории личности Р. Б. Кеттелла, которая является наиболее известной факторной моделью личности, показано проявление интегро-дифференционного принципа в развитии структуры личностных черт учащихся предпубертатного и пубертатного возраста (лонгитюдное исследование). Применялись 12-факторный опросник Р. Б. Кеттелла и Р. В. Коана (CPQ) для детей 8–12 лет (3–4-й классы), 12- (HSPQ) и 14-факторные опросники Р. Б. Кеттелла (респонденты 11–15 лет, 5–8-й классы). При выделении количества значимых факторов использовался критерий Кайзера (собственные значения факторов больше 1). В течение всего лонгитюда из 12–14 факторов вклад первых наиболее весомых 4–6 факторов составлял более 50%.

Структурный анализ предполагает оценку взаимосвязей между элементами системы. Суммарный вклад наиболее значимых факторов в общую дисперсию позволяет рассмотреть уровень взаимосвязей между чертами личности в ее структуре в целом. Динамика этой интегральной характеристики у учащихся с возрастом может быть одним из показателей их личностного развития. Проанализированы показатели вклада первых четырех факторов в течение всего лонгитюдного исследования (целостный горизонтальный анализ) в зависимости от возраста детей. Временной отрезок исследования: начальная школа, период предпубертатного кризиса, переход в среднюю общеобразовательную школу и подростковый возраст. Вклад первых четырех факторов в общую дисперсию значительно меняется и находится в диапазоне 50–75%. С третьего по седьмой класс выделились четыре значимых фактора, в восьмом — пять факторов.

Максимальному уровню взаимосвязей между личностными чертами соответствует возраст 11–11,5 лет – пик предпубертативного кризиса. На кризисный период в развитии указывает ситуация, когда 4 фактора из 12 исходных признаков дают вклад в общую дисперсию 70–80%. Высокий уровень взаимосвязи (интегрированности) эмоциональных и коммуникативных черт проявляется в феномене, получившем название «дезадаптационный синдром пятого класса», он более выражен у пятиклассниц. Выявлена гетерохронность в психическом развитии детей разного пола, гендерные особенности взаимосвязанных в кластеры психологических характеристик.

Интересен результат по волевым показателям G (соблюдение норм и правил) и Q3 (самоконтроль поведения), которые в динамике возраста связаны с разными личностными чертами. В первых четырех факторах с основной нагрузкой эти волевые характеристики не проявляются до шестого класса (приблизительно до 12 лет). И только после предпубертативного кризиса, уже в шестом классе, волевые черты и взаимосвязанные с ними характеристики впервые обнаруживаются в 4 основных факторах. Волевая черта Q3, например, оказывается связана с эмоциональными показателями (тревожность и мягкость – робость), также наблюдается взаимосвязь интеллектуальных и волевых характеристик. Впервые появление в факторах с основной нагрузкой свидетельствует о значимости волевых характеристик для данного возраста. После предпубертативного кризиса в целом наблюдается дифференциация по отдельным сферам (интеллектуальной, эмоциональной, коммуникативной).

Таким образом, через проявление интеграции и дифференциации в структурировании личностных черт можно наблюдать динамику развития в предпубертативном и пубертативном периоде, проследить особенности возрастного психологического кризиса, переходного периода, как процессов и изменений в структуре личности.

Философия психологии П. Я. Гальперина

М. А. Степанова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В историю отечественной психологии П. Я. Гальперин вошел как автор оригинальной общепсихологической концепции, которая в многочисленных публикациях его учеников и последователей получила

название системы психологии (А. И. Подольский), научной школы (А. Н. Ждан), научного направления (В. П. Зинченко), общей (генетической) психологии (Л. Ф. Обухова). Кроме того, теория П. Я. Гальперина рассматривается на двух уровнях: на общепсихологическом как авторское обоснование предмета и метода изучения и на конкретно-психологическом как теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий в узком смысле слова.

Обращение к работам П. Я. Гальперина позволяет предположить, что такое представление развиваемого им подхода хотя и не искажает его научную позицию, но является недостаточным, не отражающим в полной мере авторского понимания места психологии в системе научного знания. В этой связи видится актуальным рассмотрение философских оснований психологических воззрений П. Я. Гальперина, тех выходящих за узкие рамки психологии причин, которые побудили его к поиску ответа на вопрос о предмете и методе нашей науки.

В книге «Введение в психологию» П. Я. Гальперин обосновывает с философской точки зрения необходимость определения предмета психологического исследования: признание психологии в качестве самостоятельной науки требует четкого выделения ее предметной области. Для П. Я. Гальперина принципиально важным является обозначение той стороны психических процессов, которая должна изучаться именно психологией, а не другими науками. П. Я. Гальперин писал: «Ведь речь идет не то том, чтобы объяснить предмет психологии, а о том, чтобы выделить его и сделать его предметом подлинно научного исследования». П. Я. Гальперин отмечает, что, с одной стороны, психические явления изучаются не только психологией, но и другими науками, а с другой стороны, зачастую имеет место подмена объяснительного принципа, когда психика сводится к физиологическим процессам или логическим построениям, вытекающим из специфики той предметной области, с которой сталкивается в данном конкретном случае субъект.

Также П. Я. Гальперин уделяет специальное внимание философскому обоснованию метода исследования, который тесно связан с предметом изучения. П. Я. Гальперин подчеркивает, что процесс формирования умственных действий начинается с действия, имеющего материальную форму, далее через речевую форму он переходит в умственный план, а потом в ходе изменений вместо действия с объектами имеет место мысль об этом действии, субъективно неуловимое явление сознания. В таком завершенном виде оно уже недоступно

объективному исследованию. Таким образом именно формирующий метод позволяет ответить на философский вопрос о происхождении психического: «Мы имеем действие, которое воспитали как внутреннее и которое продолжает оставаться действием... только уже не выступает... ни в каком наблюдении – ни во внутреннем, ни во внешнем – не отрывается. ... Оно из объекта, находящегося вне нас, стало нашим внутренним достоянием». В этом истинном содержании поэтапное формирование открывается как метод «открытого для наблюдения формирования новых конкретных психических процессов и явлений». Полученные с помощью этого метода результаты позволяют проникнуть в психологические механизмы интериоризации.

Нужно сказать, что вопрос о предмете психологии имел для П. Я. Гальперина и практическое значение, поскольку признание за психологией статуса самостоятельной научной области позволяло четко обозначить, какие вопросы может и должен решать психолог, а какие психологическими не являются и потому не могут быть решены с помощью психологии. Причем, разработанный П. Я. Гальпериным метод исследования реализует методологию практики, о которой писал Л. С. Выготский: это психотехническая методология, позволяющая непосредственно работать с психикой, что в конечном итоге способствует преодолению разрыва между психологической теорией и социальной практикой.

Таким образом, П. Я. Гальперин дает философское обоснование необходимости ограничения предмета психологии: психология изучает не всю психическую деятельность, а лишь ее ориентировочную часть, но ее претензии оправданны в том смысле, что «процесс ориентировки составляет главную сторону каждой формы психической деятельности и всей психической жизни в целом». Сказанное П. Я. Гальпериным без малого полвека назад не только не потеряло своего значения, но стало еще более актуальным, что лишний раз доказывает мировоззренческое значение его подхода.

Психология будущего: новое осмысление спора К. Д. Кавелина и И. М. Сеченова

А. Г. Сулейманян (МПСУ, Москва)

Предмет психологии, методология исследований, единая терминология и психофизическая проблема – вопросы, не решенные до сих пор.

Поэтому актуально новое осмысление знаменитого научного спора К. Д. Кавелина и И. М. Сеченова, продолжавшегося два года с 1872 по 1874 г. Кроме того, этот спор имеет важное значение и для решения, казалось бы, уже решенного вопроса о дате институционализации психологии как науки в России и Европе. Несомненно, его можно отнести к одной из самых знаменитых дискуссий в истории науки вообще (Х. Хеллманн).

Имеет смысл кратко изложить его хронологию. Книга К. Д. Кавелина вышла в 1872 г., в ней он полемизировал с И. М. Сеченовым, не называя его имени. И. М. Сеченов ответил двумя публикациями: «Замечания на книгу г. Кавелина „Задачи психологии“» и «Кому и как разрабатывать психологию?». Они появились в «Вестнике Европы» в 1872 и 1873 гг.

В свою очередь Кавелин отвечает Сеченову в 1874 г. в журнале «Вестник Европы» «По поводу замечаний и вопросов профессора Сеченова». В этом же году и в том же журнале Сеченов откликнулся статьей «Несколько слов в ответ на письма г. Кавелина». На этом диспут прекратился. Мы полагаем, что до сих пор не потеряло научного значения утверждение Кавелина, что «психология и теперь еще есть сборное место самых невероятных гипотез, самых произвольных построений» (К. Д. Кавелин).

Прежде чем проанализировать эту дискуссию по прошествии почти 150 лет, бесполезно сделать несколько предварительных замечаний. Один из недостатков «цеха» психологов вообще — наличие «священных коров» и «верных гусаров». Наглядное подтверждение — изгнание З. Фрейдом всех противников классического психоанализа. Об этом феномене рассуждает С. С. Степанов. Сходной теме была посвящена публичная лекция R. Robert — покойного президента EFPA на XV Европейском психологическом конгрессе, суть которой в том, что психологи разных школ и направлений почти не сотрудничают друг с другом.

Для преодоления хронического кризиса психологии, на наш взгляд, путь, указанный Кавелиным, перспективен, а его подход к психологии как к ядру наук о человеке незаслуженно забыт: «В психологии лежит ключ ко всей области знания, — эта мысль уяснилась мне исподволь, вследствие занятий юридическими и политическими науками, историей, философией и народными верованиями» (К. Д. Кавелин).

Основные разногласия касаются вопроса о субстанциональности души, а следовательно, и психофизической проблемы. Кавелин продолжает традицию, идущую от Платона, и утверждает «необходимость принять существование особого и самостоятельного психического начала» (К. Д. Кавелин). А «изгнание» души из психологии связывает с отказом Дж. Локка признать наличие «врожденных идей», что в дальнейшем под влиянием бурного развития естествознания с «культом» материи и числа привело к принятию большинством членов научного сообщества точки зрения, согласно которой существует только то, что может быть обнаружено приборами и измерено.

Сеченов отрицает наличие души как нематериальной субстанции, пусть и связанной с телом, и утверждает, что источник всех психических проявлений – головной мозг. В современной парадигме принята точка зрения Сеченова, но, на наш взгляд, этот ключевой вопрос не решен до сих пор. В частности, не подтверждена материальная природа телепатии, очевидность которой отрицать нельзя (например, знаменитый сон Ломоносова). Является ли мозг источником всех психических феноменов? Или это всего лишь компьютер? Более того, что если прав Э. Дюбуа-Реймон, утверждавший, что наука никогда не откроет тайну сознания.

Расходятся они и в вопросах методологии исследований. Кавелин полагает, что необходимо применять преимущественно качественные методы. Основное возражение Сеченова не потеряло значения до сих пор: метод исследования должен давать возможность проверять полученный результат.

Следует согласиться с Сеченовым, что до наших дней нет общей научной терминологии: «Попробуйте поговорить об одном и том же предмете с психологами разных школ, – что школа, то новое мнение» (И. М. Сеченов).

Когда началась психология по «духу, а не букве»? 1879 г. – это всего лишь начало экспериментальной психологии в западноевропейской парадигме.

Будущее психологии – синтез наследия всех великих цивилизаций. Также необходимо преодолеть мелкотемье: без большой цели или сверхзадачи нет большой науки. С этой точки зрения этот знаменитый спор имеет неопределимое значение. «Всемирная отзывчивость» (П. Я. Достоевский) российского культурно-исторического типа (Н. Я. Данилевский), на наш взгляд, будет способствовать достижению этой цели.

От психологии мышления к психологии мудрости — становление динамического подхода

Н. Е. Харламенкова (ИП РАН, Москва)

Работы Людмилы Ивановны Анцыферовой хорошо известны в России и за рубежом. В основном это исследования, касающиеся методологии и истории психологии, теоретических вопросов изучения мышления и личности, особенностей психического развития человека на поздних этапах жизни. Уникальность данных разработок состоит в том, что, начиная с экспериментальных работ по психологии мышления, которые были проведены под руководством С.Л. Рубинштейна, и заканчивая исследованиями психологии пожилого человека и психологии мудрости, Анцыферова последовательно формировала свой методолого-теоретический подход к человеку как динамично развивающейся личности. Истоки этого подхода лежат в области теоретического осмысления проблемы психического, рассматриваемого как процесс, в частности мышления как процесса (Н. Я. Рубинштейн). Положение о том, что в ходе решения мыслительной задачи анализируемый предмет включается субъектом во все новые связи и отношения, легло в основу динамического подхода к исследованию личности, который был апробирован Анцыферовой в ходе глубокого изучения проблемы совладания субъекта с трудными жизненными ситуациями, вопросов психологии повседневности и др.

Проведение экспериментальных исследований, анализ теоретических воззрений представителей Вюрцбургской и Французской психологических школ, персонологического и психоаналитического направлений и многих других научных сообществ создавали основы для определения своей позиции в понимании личности. Широкий спектр поставленных проблем — от экспериментального исследования мышления до системного анализа мудрости как психологического феномена, не был случаен, но логически выстроен исследователем с целью последовательного обоснования собственной точки зрения.

С нашей точки зрения основными чертами динамического подхода к исследованию личности являются:

1. Базирующаяся на критике феноменологического подхода к анализу личности убежденность автора в необходимости исследования реального человека в реальном мире.

2. Выделение имманентно присущей личности склонности к непрерывному образованию, рассматриваемой в качестве типичной для взрослой, зрелой личности формы жизни; обоснование положения о том, что непрерывное образование — не только и не столько приобретение знаний, но, благодаря активному функционированию человека в реальном мире — открытие в себе новых возможностей и способностей.
3. Понимание личности как открытой системы, как субъекта, который непрерывно «творит свой мир повседневности»; анализ жизненного пути личности с учетом самых разных обстоятельств, включая трудные жизненные ситуации, позволяющие наиболее контрастно рассмотреть всё многообразие «жизненных миров» личности, а также верифицировать теоретическое положение о ее способности к развитию даже в самых непростых условиях.
4. Подтверждение положения о непрерывном образовании и развитии личности в процессе жизненного пути на примере анализа влияния на человека трудных ситуаций, а также при исследовании психологического благополучия личности на отдельных (малоресурсных) этапах онтогенеза — в пожилом и старческом возрасте; выделение особого предмета исследования — феномена мудрости, рассматриваемого, с нашей точки зрения, в качестве своеобразного системного копинга.
5. Интеграция номотетической и идиографической традиций в психологии; анализ индивидуально-психологических различий с целью более точной формулировки общепсихологических закономерностей.

Выделенные нами особенности динамического подхода к исследованию личности в полной мере подтверждают его истинность и актуальность, что было доказано Л. И. Анцыферовой всей историей более чем полувековой профессиональной деятельности ученого, в процессе которой основные характеристики авторской концепции были прослежены при исследовании самых разных областей психологии, однако оставшихся в представлении ученого в качестве инвариантных характеристик психики.

Индивидуальный субъект: к методологическим проблемам психологии человека

А. П. Якунин (ЦДС «Потенциал», Санкт-Петербург)

Целью доклада является анализ методологических проблем психологии в определении теоретической схемы человека как индивидуального субъекта.

Важнейшей методологической проблемой психологии человека является проблема «индивидуального-социального», определяющая исследования «изолированного» субъекта (А. В. Брушлинский). Проблема того, каким образом должны сочетаться в пределах конкретного человека как индивидуального субъекта, с одной стороны, его принадлежность к социуму, а с другой – обособленность от социума, остается актуальной и нерешенной. Одним из решений этой проблемы выступает разрабатываемая автором доклада концепция «субъекта как отражающей и регулирующей системы человека» и предлагаемая на основе этой концепции теоретическая схема психологии человека как индивидуального субъекта (А. П. Якунин). Основаниями разработки концепции и схемы являются положения принципов субъекта, жизнедеятельности, детерминизма, развития и трансформации.

Главным положением принципа субъекта является положение о диалектике субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности (К. А. Абульханова), на основе которого была выдвинута гипотеза о том, что в категории «индивидуальный субъект» понятие «субъект жизнедеятельности» отображает социальную принадлежность человека, а понятие «субъект психической деятельности» – индивидуальную обособленность человека от социального. Работы А. В. Брушлинского обосновали следующие понимание сущности категории «индивидуальный субъект»:

- 1) качества человека «индивид», «личность», «индивидуальность» являются базовым единым структурным образованием человека как субъекта;
- 2) психическое континуально и непрерывно с момента рождения человека до его смерти;
- 3) процессы экстерииоризации и интериоризации обеспечивают субъективацию и объективацию психологического потенциала человека (А. В. Брушлинский).

Таким образом, была составлена обобщенная теоретическая модель человека как индивидуального субъекта, согласно которой качества человека «индивид», «личность» и «индивидуальность» составляют организацию субъекта жизнедеятельности, а субъект психической деятельности — структуру психических свойств, процессов, состояний и т. д. в процессах интериоризации и экстериоризации. Проведенный анализ работ разных авторов по проблеме субъекта показал, что наиболее полно положениям и диалектике субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности соответствуют работы В. Н. Панферова. Исходя из сформулированной общей схемы категории «индивидуальный субъект», модели субъектов разных уровней В. Н. Панферова были объединены в единую модель индивидуального субъекта (А. П. Якунин).

Существенным достоинством модели субъекта жизнедеятельности, по В. Н. Панферову, стало определение объект-субъектных признаков человека как человека, индивида, личности и индивидуальности на основе эмпирически установленных данных, полученных в ходе социально-психологических исследований. Мной было предложено рассматривать каждый из данных признаков как свойство социальной принадлежности человека, которое (свойство) в соответствии со своей особенностью определяет феноменологию процессов, свойств, состояний и т. д. как элементов психической деятельности в процессах интериоризации и экстериоризации (А. П. Якунин). Подчеркну, что признак социальности определяет феноменологическое содержание процесса, свойства, состояния и т. д., не их структурную организацию, которая остается единой для каждого признака. Например, мышление как когнитивный психический процесс по своей структуре остается единым для человека как этнофора, члена социальной организации, представителя социального класса, мужчины или женщины. Таким образом, психическая деятельность в процессах интериоризации и экстериоризации является механизмом индивидуализации, обособления от социального, принадлежащего исключительно конкретному человеку с момента его рождения до смерти. Именно в такой диалектике, диалектике субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности человека как индивидуального субъекта определяется методологическая проблема психологии, а именно «индивидуальное—социальное».

**История психологии
и историческая психология
в контексте актуальных проблем
современного общества**

Предисловие к разделу

А. Л. Журавлев, А. А. Костригин

Представленные в материалах Международной юбилейной научной конференции «История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук» работы в области истории психологии и исторической психологии отражают актуальные тенденции в данных отраслях психологии.

Среди историко-психологических исследований можно выделить как традиционные, так и новые направления. К *традиционным* можно отнести работы, посвященные биографиям и научным взглядам ученых (М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина, К. Д. Кавелина, В. А. Кольцовой, А. Ф. Лосева, К. К. Платонова, Ю. В. Португалова, С. Л. Рубинштейна, И. М. Сеченова, В. С. Филатова, Ш. А. Френкеля, Г. И. Челпанова, Е. В. Шороховой и др.), истории организации и функционирования различных научных и образовательных учреждений (Института психологии АН СССР (РАН), МГУ им. М. В. Ломоносова, Отдела военной психологии Общества ревнителей военных знаний, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского и др.), социальной истории психологической науки (институционализации психологии, влияния государственных и общественных запросов на развитие психологических исследований, международных связей болгарских и советских психологов и др.), истории развития различных отраслей психологии (общей психологии, психотехники) и научных понятий (взаимодействия, когнитивного ресурса), методологии истории психологии (о единице научного знания, проблемах историографии и источниковедения).

В качестве *новых тенденций* можно обозначить библиометрические и наукометрические работы, в которых на основе количественного анализа публикаций делаются выводы об особенностях научно-исследовательской деятельности научных центров в различные

периоды (Института психологии РАН), а также о структуре и содержании исследований в рамках определенной категории изданий (например, издательской серии «Труды молодых ученых ИП РАН»). Кроме того, стоит отметить обращение авторов к тому, как отражалась советская психология в зарубежных источниках, к новейшему этапу развития психологической науки и практики (психологии рекламы, экзистенциальной психологии, психологической службы и др.).

Важной характеристикой современных историко-психологических исследований является то, что их подавляющее большинство посвящено отечественной дореволюционной, советской и современной российской психологии, что свидетельствует, с одной стороны, о большом потенциале российского психологического наследия для дальнейшего его изучения, с другой — о присутствии значимой совокупности нерешенных историко-психологических проблем и неизученных персоналий, институций, периодов и отраслей в истории российской психологии.

Новым в методологической и методической части представленных в материалах юбилейной конференции работ можно считать, во-первых, использование *библиометрических и наукометрических методов*, что в настоящее время становится все более востребованным и распространенным в отечественной истории психологии, во-вторых, проведение *источниковедческих и историографических исследований* (в том числе и архивных), на основе которых уже выводятся логико-научные и социально-исторические аспекты развития психологического знания. Кроме того, использование этих методологических и методических подходов позволило выделить *новые исторические объекты и феномены*, через которые выявлялись характеристики формирования психологической науки в конкретные исторические периоды. К этим объектам и феноменам можно отнести репрезентацию советской психологии в зарубежной истории науки (обзор зарубежных рецензий на книгу Т. Р. Пейна о советской психологии) и анализ материалов различных официальных научных мероприятий (Совещания по вопросам психологии, 30 июня—5 июля 1952 г.), на основе которых складываются представления о становлении советской психологии и дальнейшем развитии психологических исследований.

Содержание историко-психологических работ данного сборника материалов конференции позволяет наметить пути дальнейшего *развития* этой отрасли психологических исследований. Оно будет выражаться в усилении тренда библиометрических и наукометрических

работ, расширении источниковой базы (в первую очередь, за счет архивных материалов) и поиске новых историко-психологических объектов и феноменов, которые сочетают в себе потенциал одновременного анализа логико-научных и социально-исторических аспектов становления психологической науки.

Исследования по *исторической психологии*, включенные в материалы юбилейной конференции, в основном направлены на изучение конкретных психолого-исторических феноменов — рациональных и иррациональных компонентов сознания человека в современном российском обществе, семейных ценностей в российском менталитете. Поднимаются теоретико-методологические проблемы при рассмотрении категории «историческое время» в психолого-исторических исследованиях, а также анализе современных подходов к интерпретации исторических событий. Наконец, можно выделить традиционную преимущественно для истории психологии и малораспространенную в исторической психологии проблематику — взгляды ученых в данной области психологии (например, Ллойда де Моса). Ключевой характеристикой актуальных тенденций психолого-исторических исследований является анализ сознания, личности и внутреннего мира человека на современном историческом этапе, что свидетельствует об отклике авторов на современные вызовы общества.

Из-за небольшого количества представленных в данном направлении работ отсутствует возможность составить полноценное мнение о содержании психолого-исторических исследований, однако их перспективой может выступить все чаще встречающееся сегодня *сближение исторической психологии с историей психологии* в рамках анализа вопросов интеллектуальной истории, искусства, художественной и публицистической литературы, исторических личностей прошлого. Таким образом, в объединении теоретико-методологических подходов этих двух отраслей современной психологии видится проявление принципа междисциплинарности психологического знания.

Психологическая позиция Ю. В. Португалова в «эпоху» становления объективизма в психологии

Г. В. Акопов (СГСПУ, Самара), Л. С. Акопян (СГСПУ, Самара)

Имя Юлия Вениаминовича Португалова (1876—1936), весьма крупного, по современным оценкам, ученого, психолога, психиатра, литературоведа, организатора психологических исследований, педагога, просветителя, общественного деятеля почти неизвестно (Г. В. Акопов, Н. Ю. Стоюхина, В. В. Шестерикова). Масштаб личности Ю. В. Португалова как ученого можно косвенно определить по тем характеристикам, которыми он наделяет ранее работавшего у него А. А. Гайворовского, обратившегося к нему за отзывом в 1929 г. «для ведения кафедры при педвузе» (Н. Ю. Стоюхина, М. Н. Акимова, Л. С. Акопян). Профессиональные характеристики А. А. Гайворовского: «самостоятельный научный деятель, разрабатывающий тщательно, уверенно и с полным знанием дела новейшие психологические проблемы и заявляющий себя как оригинальный автор новых методов, тестов, программ», Ю. В. Португалов дополняет такими личностными особенностями, как «спокойная осторожность, чувство меры, несклонность благоговеть перед модными случайными направлениями, захватившими нестойких и пассивных научных работников, самостоятельность, редкая усидчивость и трудоспособность, совершенно объективное беспристрастное отношение к борющимся лагерям в современной психологии». Эти характеристики, на наш взгляд, можно отнести и к самому Ю. В. Португалову. Прямые свидетельства, суждения и оценки коллег и людей, знавших его близко, отсутствуют, однако личностные черты Ю. В. Португалова отчетливо просматриваются в стилистическом своеобразии различных по содержанию и направленности текстов опубликованных им работ. Психология, обретя статус самостоятельной науки в конце XIX в., в поисках новой постфилософской методологии оказалась под сильным влиянием естественно-научной методологии. Односторонность естественно-научного объективизма связана с установкой материалистического мировоззрения в противоположность идеалистическому монизму Г. Гегеля, И. Ньютона и др.

Расширению сторонников и укреплению этого мировоззрения способствовала также логическая простота монистических связей и объяснений, несопоставимых со сложностью дуальных процессов, многомерных и нелинейных систем, понимание которых стало при-

ходить несколько позже. В этом контексте понятно, что методологический кризис в психологии, о котором писал Л. С. Выготский, стал общей проблемой психологов и разделил их по отстаиваемым позициям. Если до революции 1917 г. позиции и приоритеты в отношении психологии высказывались достаточно свободно, то после известных ограничений в науке советского периода принималась исключительно официальная точка зрения. В соответствии с этим опубликованные Ю. В. Португаловым работы по психологии в той или иной мере различаются в аспектах методологии и авторской позиции.

Подготовленные им к ежегодному изданию четыре выпуска «Детской психологии и антропологии» (1925–1928) впечатляют научной обстоятельностью, самостоятельностью поиска новых, соответствующих времени и задачам решений, спокойствием (что чувствуется в стилистике текстов), уверенностью в себе (что показывает бесстрастное отношение Ю. В. Португалова к авторитетам и лидерам). В первом выпуске (1925) помещена его большая статья «Как исследовать детскую психику», где дан обзор рефлексологических и иных течений в их отношении к психологии вообще и к детской психологии в частности. Показательны с точки зрения отношения Ю. В. Португалова к рефлексологии такие словосочетания, как «рефлексологическая ортодоксия», «научный деспотизм», «новые течения, страдающие психофобией» и др.

Второй выпуск (1926) предвзывает краткое предисловие профессора А. П. Нечаева и вступительная статья профессора В. А. Вагнера, посвященная «взаимоотношению физиологии, биопсихологии и социологии», что, по мнению автора, «имеет не только теоретическое, но и практическое значение». Также во втором выпуске опубликованы статьи Ю. В. Португалова в соавторстве: «Об умственном развитии детей Самарской Болгарской (Чувашской) школы 2-й ступени», «Литературно-творческий процесс у детей (экспериментально-психологическое исследование)», «Детские переживания как причины преступлений в зрелом возрасте», «К психологии упрямства».

В третьем выпуске (1927) можно отметить статью Ю. В. Португалова «К исследованию одаренности», а также совместную с К. С. Левиной статью «О детской неподчиняемости (по материалам Самарской психоневрологической школы-санатория)».

Последний выпуск (1928) открывает большая статья Ю. В. Португалова «Предпосылки педологии». Помещены также совместно подготовленные статьи: с А. В. Винокуровой «Умственно-отсталые

в нормальной школе...» и с М. И. Широковой «О состоянии непосредственной репродукции зрительных образов высшими интеллектуальными процессами».

Позиция Ю. В. Португалова вполне соотносима с современными представлениями о предмете психологии.

Проблема общей психологии и институционализация психологии в СССР*

О. А. Артемьева (ИГУ, Иркутск)

Проблема общей психологии проходит красной нитью через социальную историю становления психологии в России первой половины XX в. Основные этапы институционализации отечественной психологии связаны с постановкой и решением задачи определения общих теоретических основ психологических исследований. Это требовало коллективных усилий ученых, работавших на базах крупных научных и научно-образовательных центров. В сборе и обработке значительного объема эмпирических данных для построения общепсихологических теорий участвовали сотрудники Института по изучению мозга и психической деятельности, Психологического института, Экспериментального дефектологического института и др. Полученные данные использовались для определения основ общей психологии в форме концепций рефлексологии В. М. Бехтерева, эмпирической психологии Г. И. Челпанова, теоретико-методологических основ общей психологии Л. С. Выготского и др. Названные авторы были первыми организаторами психологической науки и образования в России, деятельно оценившими значение коллективной работы для определения общих основ психологии на этапе ее становления как «большой науки».

Г. И. Челпанов и Л. С. Выготский, объединившие вокруг себя психологов на базе московского Института психологии в 1910-е и в 1920-е годы, соответственно, вели целенаправленную работу по определению основ общей психологии. Организуя Институт психологии в 1912 г., Г. И. Челпанов стремился к «удержанию внутреннего единства психологии как науки», при котором «общая психология и ее основные

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00675.

принципы будут иметь руководящее значение для всех возможных видов психологического исследования: для психологии детского возраста, для зоопсихологии и др.». В 1920-е годы с определением методологических основ практико-ориентированной общей психологии Л. С. Выготский связывал возможность преодоления кризиса «многих психологий». И, по сути, решал эту задачу, объединяя на основе собственной научно-исследовательской программы ученых из разных научных и образовательных центров Москвы, Ленинграда и Харькова.

Линию исследований по разработке основ общей психологии — «для психологии детского возраста, для зоопсихологии» и других областей — на протяжении нескольких десятилетий продолжал сотрудник Л. С. Выготского А. Н. Леонтьев. Последний возглавлял научные и научно-образовательные коллективы в Харькове и в Москве, в том числе на базе кафедры, а позднее и факультета психологии МГУ.

Собственно решение проблемы общей психологии предложено С. Л. Рубинштейном во второй половине 1930-х годов. Определение «марксистских» «основ общей психологии» стало возможным не только благодаря гению автора, но и обобщению значительного эмпирического материала, собранного в ходе коллективной работы под его руководством на организационной базе Ленинградского государственного педагогического института им А. И. Герцена. Как писал в предисловии к «Основам общей психологии» сам автор, «в этой книге почти каждая глава опирается на материал советских психологических исследований, в том числе и неопубликованных. В ней впервые, пожалуй, широко представлена работа советских психологов» (С. Л. Рубинштейн). Публикация этого фундаментального труда предварила такие события в институционализации советской психологии, как открытие при непосредственном участии С. Л. Рубинштейна кафедры и отделения психологии на философском факультете Московского университета, Академии педагогических наук, а также сектора психологии Института философии АН СССР в 1942–1945 гг.

Научно-исследовательские программы ведущих ученых по построению общей психологии объединяли и направляли работу коллективов советских психологов. Более того, масштаб решаемой задачи при их талантливом руководстве позволял раскрыть и реализовать личностный потенциал каждого научного сотрудника. Создать сплоченный научный коллектив, в котором межличностные отношения и самореализация ученых опосредованы содержанием исследовательской программы.

Таким образом, коллективные формы организации психологической науки, эффективно реализованные ведущими отечественными учеными, выступили важным условием разработки основ общей психологии в СССР.

История Института психологии АН СССР–РАН в зеркале книжных публикаций: библиографический и тематический анализ*

В. И. Белопольский, А. А. Костригин (ИП РАН, Москва)

Книги, опубликованные сотрудниками Института психологии АН СССР, а затем РАН (ИП РАН) с момента его создания в 1972 г. представляют собой материализованную историю его становления и развития. За 50 лет своей деятельности вместе со страной и академией ИП РАН претерпевал серьезные изменения – менялись директора, локация, ведущие сотрудники, численный состав и вместе со всем этим проблематика и приоритетные направления исследований. Принимая во внимание юбилейный характер этой публикации, мы предприняли попытку проанализировать динамику издания трудов сотрудников ИП РАН как количественно, так и содержательно, воспользовавшись для этого методами библиометрии, статистического анализа и корпусной лингвистики.

Библиографическую базу нашего анализа составили три выпуска «Аннотированного указателя трудов сотрудников Института психологии РАН» (2007, 2018, 2022), в которых собраны библиографические описания 840 монографий (авторских и коллективных), а также сборников научных трудов. Следует упомянуть, что в указанных выпусках приведены также сведения о публикациях сотрудников ИП РАН в других жанрах – учебники, справочники, популярные книги и брошюры, сборники материалов и тезисы конференций, которые не были включены в наш анализ, но, безусловно, также свидетельствуют о вкладе сотрудников ИП РАН в общий культурно-образовательный ландшафт страны в разные исторические эпохи. Количественный анализ проводился над текстовыми корпусами, составленными из базы библиографических описаний и аннотаций к ним.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00680.

При оценке динамики публикационной активности за 50 лет (1972–2021) были использованы показатели количества и общего объема изданных книг по годам, а также их среднего ежегодного объема. Была также проанализирована частотность участия сотрудников ИП РАН в качестве авторов и ответственных редакторов изданий по отдельным временным периодам.

Для количественного сравнения отдельных корпусов текстов были применены меры лексического сходства частотных словарей, представляющих разные временные периоды публикаций (показатель SFM), а также оценка относительной частотности слов (или словосочетаний), так называемая «ключевость».

Полученные результаты коротко можно суммировать следующим образом:

1. Отмечается общий повышательный тренд показателей, характеризующих количество и объем книжных изданий в год. Локальные отклонения от этого тренда в ту или иную сторону могут быть объяснены как внутренними, так и внешними событиями академической и общественной жизни. После организации в 1996 г. «Издательства „Институт психологии РАН“» наладилась планомерная работа по выпуску книг. В последние 5 лет в среднем в год издается 21 книга объемом 412 страниц.
2. Что касается авторов и ответственных редакторов, то отмечается историческая тенденция к постепенной «демократизации» их состава, а именно к увеличению авторского списка за счет ученых, не занимающих административных позиций. Это может свидетельствовать о постепенном выравнивании научного потенциала ученых и увеличении числа научных направлений.
3. Частотный анализ позволил вычлениить те слова-термины и словосочетания, которые отличают публикации последнего 5-летнего периода от предыдущих. Появление новых терминов служит индикатором концептуальных сдвигов, характеризующих современный статус научной психологии.

Таким образом, оценивая публикации сотрудников ИП РАН в целом за 50 лет и за последние годы, можно сделать вывод о том, что академическая психология находится в состоянии устойчивого развития и ее современный этап характеризуется быстрым откликом на актуальные запросы общества и широкой диверсификацией направлений исследования.

Сравнительный анализ советских и зарубежных рецензий на книгу Т. Р. Пейна о советской психологии

С. А. Богданчиков (МИП, Москва)

В 1973 г. во втором номере журнала «Вопросы психологии» под заголовком «Советская психологическая наука в освещении западноевропейского психолога» была опубликована рецензия Е. А. Будиловой и К. А. Славской на вышедшую в 1968 г. книгу Т. Р. Пейна „S. L. Rubiňštejn and the philosophical foundations of soviet psychology“ («С. Л. Рубинштейн и философские основы советской психологии»). Содержательно с этой рецензией перекликается вышедшая в 1973 г. монография К. А. Абульхановой-Славской «О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии», в которой несколько страниц (с. 42–45) также посвящены анализу книги Т. Р. Пейна.

У нас есть возможность сравнить рецензии К. А. Абульхановой и Е. А. Будиловой с зарубежными рецензиями на книгу Т. Р. Пейна: это вышедшая в 1970 г. в журнале „The Russian Review“ рецензия Й. Брожека и опубликованная в 1974 г. в журнале „Slavic Review“ рецензия Д. Джоравски. Сравнительное изучение этих источников, а также самой книги Т. Р. Пейна позволило нам обнаружить ряд интересных моментов и сделать ряд важных выводов содержательного и методического характера.

Рецензии К. А. Абульхановой и Е. А. Будиловой стилистически несут на себе характерные признаки советской психологии как «особой» (партийной, марксистской, идеологизированной, единой, воинствующей и передовой) науки и вместе с тем содержат детальное обсуждение ключевых философских и методологических проблем советской психологии — о сущности психики, материалистическом и идеалистическом подходе, механицизме и диалектике в трактовке предмета психологии, объективности и субъективности и т. д., что само по себе представляет интерес как концентрированное выражение идей того времени, той эпохи.

В книге Т. Р. Пейна центральный тезис заключается в том, что советская психология стоит перед неразрешимым противоречием, будучи детерминирована двумя прямо противоположными силами: с одной стороны, «физиологической психологией», прежде всего «павловизмом» («Pavlovism», «Pavlovian science»), т. е. рефлексорной теорией

И. П. Павлова, и, с другой стороны, диалектическим материализмом (марксизмом, марксизмом-ленинизмом). В этой связи авторы рецензии приходят к весьма критическому обобщающему выводу о том, что «признание зарубежными историками значения философии диалектического материализма для советской психологии при раскрытии этого значения оборачивается трактовкой его либо в духе идеализма, либо в духе механицизма. Эта беспомощность буржуазных исследователей в понимании уже решенных советской психологией методологических проблем — лишнее свидетельство остроты и сложности последних, их принципиального характера, свидетельство огромных достижений советской науки».

Рецензия Й. Брожека показательна тем, что она невелика по объему и практически не содержит каких-либо оценочных суждений относительно высказываемых в книге Т. Р. Пейна идей. Й. Брожек обращает внимание лишь на некоторые отдельные моменты (такие, например, как неудачный перевод Т. Р. Пейном на английский язык прилагательного «психический» или сведение всей философии к марксизму-ленинизму). Думается, эта краткость и сдержанность объясняется тем, что фактически Й. Брожек не увидел в рецензируемой книге каких-либо существенных достижений и достоинств.

Напротив, рецензия Д. Джоравски содержит предельно острые и негативные оценки, причем не только относительно книги Т. Р. Пейна, но и взглядов С. Л. Рубинштейна и философских основ всей советской психологии. Так, Д. Джоравски подчеркивает, что советские психологи «сумели, хотя и с трудом, сохранить свои разнообразные школы мысли, идя на различные компромиссы между профессиональными стандартами и политической целесообразностью». Далее Д. Джоравски отмечает: «Не совсем вина Пейна в том, что Рубинштейн кажется нудным, туманным мыслителем, банальным, когда он не бессодержателен. Это также не совсем вина Рубинштейна». Свою рецензию Д. Джоравски заключает словами: «Очевидно, Пейн избегает социологии знания, боясь быть несправедливым. <...> К сожалению, есть некоторые виды мысли, которые не имеют смысла, если абстрагироваться от их социального и политического контекста».

Как видим, Т. Р. Пейн, сам того не желая, оказался под беспощадным огнем критики сразу с двух сторон.

Думается, проведенный анализ наглядно свидетельствует о том, что только многоплановое и разностороннее изучение первоисточников и историографических источников (не только отечественных,

но и зарубежных) в сочетании с тщательным учетом как социальной, так и интеллектуальной истории психологии позволит нам в конечном итоге максимально приблизиться к постижению сущности еще совершенно недостаточно изученного феномена «советская психология», органично вписав его в мировой историко-психологический контекст.

Российская психология рекламы в конце 1990—начале 2000-х годов

О. В. Гордякова (МИП, Москва)

Социально-экономические изменения, которые произошли в России в 1990-е годы существенно повлияли на отечественную психологию. Возникла уникальная для мирового сообщества ситуация: экономика огромной страны из плановой постепенно превращалась в рыночную.

В психологии появились новые научные направления, в частности, психология рекламы, маркетинга и маркетинговых коммуникаций (А. Н. Лебедев-Любимов, А. Н. Лебедев, О. В. Гордякова). Практически одновременно выходят работы нескольких российских авторов, посвященные этой проблематике. В 1992 г. публикуется небольшая брошюра В. Г. Зазыкина «Психология в рекламе», в которой с психологической точки зрения анализировались проблемы воздействия рекламы и взаимодействия в системе «реклама—потребитель». В 1995 г. издается книга А. Н. Лебедева и А. К. Боковой «Экспериментальная психология в российской рекламе», где реклама рассматривалась как социально-психологическая установка.

Большую роль в развитии новых научных направлений сыграл Институт психологии РАН. Именно здесь приказом директора Института А. В. Брушлинского в 1996 г. в стране была создана первая хозяйственная лаборатория психологии рекламы, руководителем которой был назначен А. Н. Лебедев.

В 1996 г. в Институте психологии РАН по инициативе А. Н. Лебедева была проведена первая всероссийская конференция по психологии рекламы и создана первая в стране общественная организация — Психологическая ассоциация для рекламных исследований (ПАРИ), которая в 1998 г. в соответствии с изменением законодательства была преобразована в Психологическое агентство для рекламных ис-

следований. Ассоциация насчитывала более ста человек и ее членами стали ведущие российские психологи: В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, Д. А. Леонтьев, С. К. Рошин и др.

Научные исследования в области рекламы и маркетинга, проводимые на основе экспериментальных методик в рамках нового научного направления, способствовали открытию целого ряда психологических феноменов, характерных для российской рекламной практики. В частности, был описан «феномен трансформации условных рекламных образов в нормы реального поведения потребителей», феномен рекламы как «коммуникации для коммуникации» и др. (А. Н. Лебедев-Любимов).

Для оценки эффективности воздействия рекламы на потребителей в лаборатории были разработаны новые, не имеющие аналогов психологические методики. В частности, тесты: Group Retention Test (GRT), Color Compatibility Test (CCT), Product Table Brand Test (PTBT) (А. Н. Лебедев-Любимов). Результаты исследований публикуются в большом количестве статей и ряде книг. Так, монографии, «Психология рекламы», «Психология в маркетинге: Cool-Brand-стратегия», изданные в издательстве «Питер», до сих пор востребованы в рекламном бизнесе и используются в качестве учебных пособий во многих вузах РФ.

Лаборатория психологии рекламы Института психологии РАН и Психологическая ассоциация для рекламных исследований были представлены как экспертные организации в Рекламном совете России при Торгово-промышленной палате РФ, выполняли исследования для многочисленных частных компаний, государственных организаций, например, Федеральной антимонопольной службы (ФАС), Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), Общества потребителей России, для многочисленных средств массовой информации и др.

Сегодня традиционная реклама (телевизионная, наружная, в прессе и др.) рассматривается как одна из многочисленных маркетинговых коммуникаций. В современной практике их насчитывается более 30, каждая из них имеет свою психологическую специфику воздействия на потребителей (А. В. Ульяновский, А. Н. Лебедев, О. В. Гордякова). В арсенале инструментов маркетинга появился Интернет, в рамках которого интенсивно развиваются новые технологии продвижения товаров и услуг, в частности, MLM (сетевой маркетинг), SMM (продвижение в социальных сетях), нативная реклама, контекстная реклама и др. В связи с этим исследования в области психологии ре-

кламы и маркетинговых коммуникаций не только не теряют своей актуальности, но и становятся более дифференцированными; они направлены на изучение специфики воздействия различных маркетинговых коммуникаций на мотивацию, мышление и поведение потребителей. При этом появляются новые проблемы, представляющие интерес не только для прикладной, но и для фундаментальной науки, в частности, скрытая реклама в виртуальном пространстве, роль фейков в формировании социальных норм и ценностей, политических взглядов и пр. Также в настоящее время актуальными становятся фундаментальные и прикладные научные исследования в области социальной и политической рекламы (О. В. Гордякова).

Курский ученик С. Л. Рубинштейна

С. Г. Елизаров (КГУ, Курск)

Обычно упоминание курской психологической школы среди психологов разных поколений ассоциируется с именами ее признанных лидеров, учителя и ученика — Льва Ильича Уманского и Алексея Сергеевича Чернышева. В то же время немалый вклад в становление и развитие психологической научной школы в Курском государственном педагогическом институте (в настоящее время Курский государственный университет) и организацию кафедры психологии в нем внес ученый, чье имя менее известно большинству специалистов, — Шай Аронович Френкель (1899—1981).

Шай Аронович родился в 1899 г. в м. Кутузове тогдашней Житомирской губернии, на территории современной Украины в бедной еврейской семье. С десятилетнего возраста проходил рабочие «университеты» в портняжной и обувной мастерских и только после 1917 г. смог получить образование сначала в школе для взрослых, а затем в Киевском институте народного образования. По окончании института Шай Аронович навсегда связал свою судьбу с педагогикой и психологией.

До 1933 г. молодой учитель работал в ряде образовательных учреждений Киевской и Житомирской областей. Понимание необходимости психологического знания в педагогической деятельности приводит Ш. А. Френкеля в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Именно здесь он, успешно сдав вступительные экзамены в аспирантуру по психологии, становится аспи-

рантом Сергея Леонидовича Рубинштейна. Годы учебы и исследовательской деятельности под руководством классика отечественной психологии позволили Ш. А. Френкелю в 1938 г. успешно защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук. Предположительно именно его фамилию включает С. Л. Рубинштейн в именной указатель второго издания своего фундаментального труда «Основы общей психологии», увидевшего свет в 1946 г.

Проработав некоторое время в Новозыбковском педагогическом институте Брянской области в должности заместителя директора по учебной части и доцента кафедры психологии, Шай Аронович осенью 1938 г. переходит на работу в Курский госпединститут, с которым связана вся его последующая педагогическая деятельность. В тяжелые годы войны он вместе с коллективом института эвакуируется в г. Сарапул Удмуртской АССР, но уже в 1943 г. после освобождения Курской области от немецко-фашистских захватчиков возвращается в Курск, возглавив только что открывшийся в возвратившемся из эвакуации Курском госпединституте географический факультет.

В последующие годы Ш. А. Френкель в течение ряда лет возглавлял коллектив географического факультета КГПИ, был заведующим кафедры педагогики, активно участвовал в восстановлении разрушенного в годы оккупации института. Все эти годы много внимания Шай Аронович уделял научной работе. Он руководил научной работой преподавателей кафедры, под его руководством осуществлялась исследовательская деятельность аспирантов. К сожалению, пока не удалось установить, осуществлялась ли связь Шая Ароновича со своим учителем, для которого эти годы, как известно, также стали годами сложнейших испытаний.

В 1968 г. Ш. А. Френкель успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук по теме «Мировоззрение и психолого-педагогическая система К. Д. Ушинского». По этой теме им опубликована монография и более 20 научных работ. Возглавив психологический сектор кафедры педагогики и психологии КГПИ, Ш. А. Френкель разрабатывает ряд учебно-методических пособий, способствовавших совершенствованию преподавания психологии, а также сам ведет ряд психологических дисциплин. Его лекции, по воспоминаниям студентов тех лет, были всегда интересными, содержащими много фактического материала, убедительными и аргументированными, давали молодым умам пищу для размышлений. Никаких неясностей и недоговорок — все в нужном месте, все

в свое время. Шай Аронович никогда не считал студентов «незнайками», относился к ним с уважением, старался помочь им понять и усвоить основы психологии и показать значимость этой науки для их будущей педагогической профессии. За тридцать пять лет плодотворной работы в вузе Ш. А. Френкелем подготовлены десятки дипломированных педагогов и психологов, многие из которых стали преподавателями вузов страны, и закономерным представляется, что у истоков образования уже самостоятельной кафедры психологии в КГПИ в 1971 г. стояли Лев Ильич Уманский, ученик Бориса Михайловича Теплова, и Шай Аронович Френкель, достойный ученик Сергея Леонидовича Рубинштейна, воспринявший от своего учителя высокую философскую и психологическую культуру.

Роль отдела военной психологии Общества ревнителей военных знаний в становлении отечественной военной психологии

И. Н. Елисеева (МосГУ, ВАГШ ВС РФ, Москва)

История отечественной военной психологии рассматривается в нескольких фундаментальных трудах, где важное место на этапе становления этой дисциплины отводят отделу военной психологии Общества ревнителей военных знаний (П. А. Корчемный, Е. С. Сеньявская). Изучение архивных источников позволило уточнить представления о месте этого объединения в развитии военной психологии.

Идея об организации отдела возникла в 1907 г., в этом же году Н. Н. Головин обратился к члену совета Общества ревнителей военных знаний Н. А. Корфу с проектом создания отдела.

Первое заседание отдела состоялось 31 марта 1908 г. при участии 8 человек. На этом заседании Н. А. Корф представил историческую справку, где указал, что впервые вопросы военной психологии прозвучали на лекциях генерала Г. А. Леера в 1890-х годах, позднее рассматривались в трудах Н. А. Корфа, В. Ф. Новицкого, А. Д. Нечволодова, А. С. Зыкова и др. Это стало первыми попытками ввести в дискурс офицерского сообщества вопросы военной психологии, а Русско-японская война продемонстрировала необходимость активного развития военной психологии (Протокол заседания отдела военной психологии от 31 марта 1908 г. РГВИА).

Программа отдела объединяла теоретическое и практическое направления. Теоретическое направление включало: историю военной психологии; место военной психологии в системе других наук; методологию военной психологии (адаптация психологических методов и разработка специальных методов военной психологии); «наблюдательную военную психологию» (проведение «коллективных опросов», разработка программы военно-психологического наблюдения и т. д.); «опытную и физиологическую военную психологию» (разработка программы военно-психологических экспериментов и т. д.). Практическое направление включало вопросы «индивидуальной военной психологии», военную психологию народов и масс; педагогическую, «патологическую» и «криминологическую» военную психологию и т. д. Также планировалась работа по систематике тематической литературы и популяризации военной психологии.

Отдельным вопросом в практическом направлении было выделено «применение военно-психологических знаний в тактике, стратегии и других военных науках» (Программа отдела военной психологии. РГВИА). Этот вопрос нередко возникал в докладах и обсуждениях на заседаниях отдела как дискуссионный.

Одной из основных форм работы отдела были заседания, на которых, как правило, заслушивались доклады и проводилось их обсуждение. В нескольких докладах был представлен личный опыт непосредственных участников боев, изложенный в соответствии со схемой Г. Е. Шумкова: особенности психического состояния (мышление, память, внимание, речь, критичность, общий эмоциональный фон, восприятие, поведение и т. д.), физического состояния (мышечная система, сухожильные рефлексy и т. д.).

Далеко не всегда прения завершались консенсусом. Так, Г. Е. Шумков не согласился с предложением В. Я. Анфимова использовать методы экспериментальной психологии, А. С. Зыков критиковал положения доклада Г. Е. Шумкова «Военная психология как наука и методы ее исследования» (Протокол заседания отдела военной психологии от 30 октября 1908 г. РГВИА) и т. д. На заседаниях многократно подчеркивалась важность разработки единой терминологии, поскольку участвующие в заседаниях врачи опирались на медицинскую терминологию, а офицеры использовали бытовые понятия.

В список членов отдела к апрелю 1910 г. было включено 67 человек, из них 11 докторов медицины и врачей. При этом в заседаниях

отдела принимало участие не более 15 человек, а состав участников нельзя назвать постоянным.

Протоколы заседаний позволяют сделать вывод, что большая часть программы отдела не была реализована. За время работы отдела проведено анкетирование участников Русско-японской войны, разработана схема анализа «впечатлений» в ходе боя и представлен анализ личного опыта участников боев, опубликованы некоторые доклады. Попытки организовать системную научную работу не были в полной мере успешными, а деятельность отдела, как и Общества ревнителей военных знаний в целом, можно соотнести с работой общественного объединения (Т. Л. Абашидзе).

Усилия энтузиастов в этот период не были поддержаны институтами власти, практическая значимость исследований не была очевидна, отсутствовало достаточное число подготовленных специалистов. Несмотря на вклад отдела в становление отечественной военной психологии, признаки ее институционализации можно отнести к более позднему времени — к 1920 г., когда «созрели» для этого условия: обнаружены практически значимые результаты психологических исследований, возросла численность подготовленных специалистов, сформулирован «государственный заказ» на развитие военной психологии (Ю. Н. Олейник и др.).

Творческие связи факультета психологии МГУ и ИП РАН

А. Н. Ждан (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В психологии был период, когда наука и преподавание соединились в одном лице: в Московском университете профессор (или доцент) должен был также вести научную работу. Такое положение дел было закреплено в Уставе Психологического института, первого в России специального учреждения, созданного Г. И. Челпановым при Императорском московском университете (1912), предназначенного для разработки и распространения знаний в этой области.

После Октябрьской революции 1917 г. в 1920-е годы происходила неоднократная реорганизация института, обновление структуры и состава его сотрудников, а в 1926 г. Психологический институт был выведен из состава университета, исследования и преподавание этой

науки прекратились и восстановились лишь в первой половине 1940-х годов. В декабре 1941 г. институт был включен в состав философского факультета, а 1 октября 1942 г. в его структуре была создана кафедра психологии. Заведующим кафедрой был назначен С. Л. Рубинштейн, книга которого «Основы общей психологии» (1940) в 1942 г. была удостоена государственной премии. В 1943 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Кадровый состав кафедры, включавший 7 единиц (вместе с заведующим), состоял из совместителей, научных сотрудников бывшего Челпановского института: А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, Б. М. Теплов, А. А. Смирнов, П. М. Якобсон, В. А. Артемов (последний вскоре перешел в Институт иностранных языков). Таким образом под руководством С. Л. Рубинштейна оказались связанными воедино Психологический институт, философский факультет МГУ, а также сектор психологии Института философии АН СССР, созданный С. Л. Рубинштейном в 1945 г. и нацеленный на разработку фундаментальных проблем психологии. На работу в сектор он пригласил С. В. Кравкова, Н. Н. Ладыгину-Котс и др. В 1946 г. С. В. Кравков был избран членом-корреспондентом РАН и стал вторым психологом, вошедшим в АН СССР.

16 декабря 1971 г. Президиум АН СССР принял решение об организации Института психологии. Инициатором и первым директором Института до своей кончины (1989) был Б. Ф. Ломов. Реально Институт психологии АН СССР начал функционировать в марте 1972 г. Сюда в полном составе был переведен Сектор психологии из Института философии. Руководившая Сектором после смерти С. Л. Рубинштейна Е. В. Шорохова стала по приглашению Б. Ф. Ломова заместителем директора. В развитие концепции С. Л. Рубинштейна Б. Ф. Ломов заложил методологические основы научно-исследовательской деятельности Института: определяемая системным подходом комплексность исследований, гармоничное сочетание фундаментальных и прикладных работ, многовариантность конкретно-научных подходов к изучению актуальных проблем.

В 1989–2002 гг. директором ИП РАН был А. В. Брушлинский. Он разработал новый вариант системного подхода – континуально-генетический (недизъюнктивный) метод исследования человека как субъекта и его психики. На основе этого метода он изучал мышление как деятельность и как непрерывный процесс прогнозирования. А. В. Брушлинский – ученик С. Л. Рубинштейна. Как совместитель он был про-

фессором факультета психологии, читал курсы лекций в русле своей концепции и развивал взгляды своего учителя.

Научная деятельность ставшего директором ИП РАН в 2002 г. А. Л. Журавлева, специалиста в области социальной, организационной и экономической психологии, строилась на продолжении традиций Б. Ф. Ломова и других деятелей института.

В настоящее время Институт возглавляет Д. В. Ушаков, выпускник психологического факультета МГУ, известный специалист в области психологии интеллекта и творчества. По совместительству он является заведующим кафедрой общей психологии. В своей деятельности он органично связывает академическую и университетскую науку.

Неизвестные фрагменты предыстории создания Института психологии в составе Академии наук

А. Л. Журавлев (ИП РАН, Москва), Т. А. Сарыева (ИП РАН, Москва)

Созданию Института психологии Академии наук СССР в декабре 1971 г. предшествовал долгий путь, начало которому было положено еще во второй половине 1940-х годов. Одним из главных инициаторов организации этого академического учреждения можно считать Сергея Леонидовича Рубинштейна.

Еще в статье 1943 г. в журнале «Под знаменем марксизма» он писал о необходимости организации — желательнее всего в составе Академии наук — авторитетного психологического центра, способного в масштабах всей страны осуществлять координацию работы психологов по самым разным направлениям развития, которые будут нужны после Победы. В том же году С. Л. Рубинштейн был избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «философия», что, по замечанию М. Г. Ярошевского, «придало новый импульс его плану обеспечить психологии достойное место в академии». В 1945 г. в академическом Институте философии он создал сектор философских проблем психологии. Этот постепенно сформированный С. Л. Рубинштейном научный коллектив можно считать, по словам М. Г. Ярошевского, «первым камнем в фундаменте будущей академической психологии», на котором уже после смерти основателя наконец выросло здание отдельного академического Института психологии. Как и задумывал

С.Л. Рубинштейн, члены этого сектора перешли в новый Институт психологии с 1 сентября 1972 г. почти в полном составе.

Но почему идея С.Л. Рубинштейна осуществилась только спустя четверть века? Что он предпринимал для ее реализации в жизнь? Анализ обнаруженных нами в НИОР РГБ документов проясняет некоторые важные подробности этой истории. Мы имеем документальные подтверждения факта двух обращений С.Л. Рубинштейна в Президиум АН СССР с предложением о создании академического Института психологии: к президенту Академии наук, академику С. И. Вавилову в 1947 г. и к главному ученому секретарю Президиума академику А. В. Топчиеву предположительно в 1955 г., причем текст первого обращения послужил основой для второго (НИОР РГБ. Ф. 642. К. 32. Ед. хр. 33).

В этих двух документах, отметив, что советская психология не справляется в полной мере с задачами современности, С.Л. Рубинштейн констатировал прежде всего отсутствие работ в области психологии труда и военного дела, обусловленное, в частности, недостаточной развитостью экспериментальных исследований. Этим он обосновал необходимость создания соответствующего научного координационного центра в области психологии. По замыслу С.Л. Рубинштейна, институт, не беря на себя решение конкретных проблем, мог бы создавать «общие научные предпосылки для их разрешения в специальных ведомственных институтах или лабораториях».

С.Л. Рубинштейн определил место будущего института в ряду уже существующих, сформулировал круг проблем, на которые должна быть нацелена его деятельность: это прежде всего теоретическая и экспериментальная разработка проблем общей психологии, психофизиологии и генетической психологии, а также, по версии 1947 г., истории психологии. Соответственно, по замыслу С.Л. Рубинштейна, институт должен был состоять из отдела общей психологии «с рядом постепенно развертываемых экспериментальных лабораторий», отдела психофизиологии (с секторами психофизиологии мозга и психофизиологии органов чувств) и отдела генетической психологии («в будущем с обезьяньим питомником»), а по версии 1947 г. — «отдела (или кабинета) истории психологии».

Институт должен был стать базой для формирования новых научных кадров. С.Л. Рубинштейн писал, что к нему нужно прикрепить аспирантов и докторантов не только из Института философии, но и из других учреждений Москвы и других городов.

Понимая, насколько значимо оборудование для экспериментальной работы, он писал и о необходимости обеспечить новый институт аппаратурой (упомяная в том числе и оборудование, полученное из Германии в порядке репарации и сделанное по специальному заказу), а также просил предоставить новому учреждению отдельное «помещение в 250–300 метров».

Между первым обращением 1947 г. и созданным на его основе предположительно в 1955 г. вторым прошло несколько лет, и надо отдать должное стойкости, мужеству и терпению С. Л. Рубинштейна, нашедшего в себе силы – после публичных «проработок», необоснованных обвинений в космополитизме, увольнения с руководящих должностей в 1949 г., после своего известного выступления на Объединенной сессии АМН и АН СССР в 1950 г. в защиту психологии как самостоятельной дисциплины – вновь вернуться к вопросу о создании Института психологии в системе Академии наук СССР. Надеемся, что дальнейший анализ этих и сопутствующих им документов позволит проследить развитие идеи С. Л. Рубинштейна о создании нашего института и восстановить новые фрагменты его предыстории.

Доминанты научного творчества М. И. Воловиковой*

К. Б. Зуев (ИП РАН, Москва)

Маргарита Иосифовна Воловикова (1947–2021) была очень продуктивным автором, оставившим научный след в ряде отраслей психологии. Всего за годы творческой активности ей было подготовлено свыше 200 публикаций. И практически любая из них (особенно это относится к последним работам) заставляет читателя задуматься, по-новому взглянуть на рассматриваемую проблему и приглашает к дискуссии.

Для рассмотрения научного творчества М. И. Воловиковой в целом недостаточно выстроить работы в хронологическом порядке. На всех этапах своего творческого пути Маргарите Иосифовне были свойственны определенные особенности научного поиска, которые в своей работе мы обозначаем как доминанты (используя термин А. А. Ухтомского, который он трактовал максимально широко и не только в физиологическом смысле).

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

Первой доминантой творчества М. И. Володиковой является междисциплинарность исследований. Обычно в современном научном дискурсе под междисциплинарностью понимается широкое взаимодействие между психологией и естественными и техническими науками. Например, использование математических методов в психологии, изучение различных аспектов цифровизации современного мира, взаимодействие психологии с нейронауками и медициной. Зачастую психология в этом взаимодействии выступает на вторых ролях. И практически полностью выпадает из поля зрения взаимное обогащение социогуманитарных дисциплин научными наработками друг друга. И именно в этом, нетипичном, но важном ключе работы М. И. Володиковой были междисциплинарными. Определенную роль здесь сыграло базовое образование Маргариты Иосифовны, полученное на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Но фундаментальной философской подготовкой дело не ограничивалось. В своих исследованиях она использовала идеи и выводы литературоведов, искусствоведов, антропологов, историков, этнографов, социологов.

Второй доминантой творчества М. И. Володиковой является высокая общественная значимость исследований. Обоснование практической значимости проводимой работы никогда не носило для Маргариты Иосифовны формального характера. Она занималась теми исследованиями, которые казались лично ей важными в общественном плане. Эта тенденция проявляется уже в первых самостоятельных работах, посвященных соотношению нравственного и интеллектуального развития. Во вводной части своей работы М. И. Воловикова справедливо указывает: «Известно, что выбор в реальном поведении может отличаться от суждений об этом выборе. Однако изучение моральных суждений необходимо для понимания процесса становления нравственного сознания». Т. е. налицо интерес к значительно более широкой и несомненно общественно значимой проблематике. Более того, автор подчеркивает, что «особенность истинно морального поведения заключается в его «невыгодности» для человека» (М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко). Таким образом моральные суждения и моральное поведение конкретного индивида ставятся в зависимость от общественной значимости. Данный тезис может показаться типичным для советского времени. Однако для М. И. Володиковой, как нам представляется, он носит совершенно иной мировоззренческий смысл. Гармоничное развитие общества невозможно без самоотвержения человека, что и пыталась показать Маргарита Иосифовна в своих исследовани-

ях: «Выбор способов решения, которые приносят минимальный вред самому действующему в задаче лицу, его близким людям или *всему сообществу*, зависит не только от когнитивного, но и от морального развития» (М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко; курсив мой. — К. 3.). Таким образом, свои работы она видела в контексте развития всего общества. Но общество не было для нее абстрактной единицей, а тем, что имеет отношение к жизни каждого человека. Через изменение этой конкретной человеческой жизни может измениться и общество в целом.

И отсюда следует третья доминанта творчества — внимательное и чуткое отношение ко всякому человеку, то, что А. А. Ухтомский называл «доминантой на лицо другого» (А. А. Ухтомский). Основной используемый в работах М. И. Воловиковой метод микросемантического анализа подразумевал интерес к конкретному человеку, логике его рассуждений, особенностям его нравственных суждений и т. д. Однако в полной мере доминанта на лицо другого раскрылась в поздних работах М. И. Воловиковой, где она выступала в роли историка психологии.

И последняя, четвертая, доминанта — вневременной характер работ Маргариты Иосифовны. Ей абсолютно не была свойственна сиюминутность. Даже те работы, которые готовились в неповторимых исторических условиях (распад СССР), были впоследствии вписаны в более широкий контекст, который подразумевает рассмотрение вопросов, которые никогда не потеряют своей актуальности для человечества.

Маргарита Иосифовна была целостным человеком. Те вопросы, о которых она писала в своих трудах, не являлись для нее абстрактными и отчужденными. Лицемерие и двойные стандарты были ей чужды. Она приглашала читателей обсуждать то, что волновало лично ее.

Наукометрический анализ издательской серии «Труды молодых ученых ИП РАН»*

К. Б. Зуев (ИП РАН, Москва), И. И. Ветрова (ИП РАН, Москва)

Издательская деятельность в Институте психологии АН СССР началась практически с момента его образования. В 1986 г. Институт получает право на собственную издательскую деятельность, которая начинается осуществляться параллельно с подготовкой рукописей

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

для издательства «Наука». В 1996 г. создается издательство «Институт психологии РАН», которое было реформировано в начале 2000-х годов и успешно функционирует по настоящее время. В среднем в издательстве ежегодно выходит порядка 20 книг. Это не только авторские монографии, но и материалы и тезисы конференций, а также сборники статей, которым посвящена данная работа. И именно к двухтысячным годам относится формирование издательских серий. На данный момент их насчитывается около 20 единиц. Одна из них – «Психологические исследования» («Труды молодых ученых ИП РАН»), которую мы рассмотрим подробнее. Хотелось бы выразить надежду, что наша работа откроет ряд публикаций, посвященных издательской деятельности Института (пока их крайне мало) и анализу издательских серий (подобных публикаций нет совсем). Подобные исследования представляются особенно актуальными в свете 50-летия Института, которое отмечается в 2022 г.

Работа выполнена в русле наукометрических исследований в истории психологии, однако основной акцент делается на кадровых показателях: динамике редакционной коллегии, центрах подготовки научных кадров и др.

Состав редакционной коллегии рассматриваемой нами серии является достаточно стабильным. Ответственными редакторами всех выпусков выступили А. Л. Журавлев и Е. А. Сергиенко. В последних двух выпусках к ним присоединилась Н. Е. Харламенкова. Среди членов редакционной коллегии два человека выступили редакторами всех сборников, шесть человек редактировали более половины выпусков. Подобная стабильность, когда «зона ответственности» за конкретное серийное издание на длительный срок закрепляется за определенным научным коллективом (чаще всего это конкретная лаборатория) свойственно именно для ИП РАН.

Всего за время существования издательской серии молодыми учеными было опубликовано 207 статей. Авторами стали более 180 человек из 50 организаций. Публикации московских авторов составляют более половины в общем потоке. При этом представлены все значимые московские центры подготовки научных кадров. Лидерами по числу московских публикаций являются Институт психологии РАН и факультет психологии ГАУГН.

В роли научных руководителей выступили 91 ученый. Наибольшее количество исследований было подготовлено в ИП РАН под руководством Е. А. Сергиенко, В. В. Знакова, Н. Е. Харламенковой. Представи-

тели всех лабораторий ИП РАН выступали научными руководителями статей.

Более половины авторов статей защитили кандидатские диссертации, один — докторскую. Что свидетельствует о высоком качестве отбора статей и мотивирующей функции публикации. Ряд авторов впоследствии стали научными руководителями статей в сборниках издательской серии, причем это относится к представителям и столичной, и региональной науки.

В то же время с сожалением приходится констатировать, что сборники издательской серии слабо представлены в наукометрических базах и практически недоступны для полнотекстового ознакомления. Количество цитат также весьма невелико и не позволяет проводить полноценный анализ цитируемости.

История психологии и историческая психология во времена пересмотра истории

Г. Йованович (Белградский университет, Белград, Сербия)

Целью данного материала является анализ истории психологии и исторической психологии в контексте как активно пропагандируемых, так и оспариваемых изменений в оценке и осмыслении исторических событий. Дискуссии на эту тему уже вышли за рамки академической сферы и стали актуальной политической повесткой дня — наиболее ярким примером этого являются радикальные пересмотры ранее принятых интерпретаций хода и результатов Второй мировой войны.

Первый вопрос, который необходимо обсудить: что же позволяет считать ревизионистскими новые взгляды на прошлые события и изменения в их интерпретации? При этом необходимо помнить, что получение новых знаний — отличительная черта научной формы познания, учитывая при этом и герменевтически необходимые реинтерпретации (переинтерпретации) как результат слияния прошлого и горизонта современности в процессах понимания (H.-G. Gadamer).

Следующий вопрос: почему ревизионистские оценки вообще приобрели такой статус в современных условиях, какие социальные, политические и культурные факторы способствовали их возникновению и продвижению? Каким критериям должна соответствовать ревизионистская теория, чтобы быть включенной в корпус достоверных зна-

ний о конкретных рассматриваемых явлениях? Какая эпистемология необходима для обоснования и понимания новых точек зрения и суждений? Является ли коммуникативная эпистемология, которая определяет знание по соглашению, предоставленному соответствующим сообществом (M. Kusch), подходящим теоретическим инструментом для понимания распространения ревизионистских подходов? Должна ли эпистемология добродетелей быть в этом случае необходимым дополнением соответствующих взглядов (A. Fairweather, L. Zagzebski)? После изучения этих общих эпистемологических проблем анализ должен быть сосредоточен на психологии, имплицитно содержащейся в ревизионистских позициях и установках.

В представленном материале основное внимание уделяется двум дисциплинам психологии, которые имеют наибольшее отношение к вопросу пересмотра истории, поскольку и история психологии, и историческая психология по понятным причинам относятся к истории вообще. Несмотря на то, что современная история психологии уже содержит обоснования и разработки, радикально изменившие общепринятые взгляды – наиболее ярким примером этого являются радикальный пересмотр оценки и положений психологии В. Вундта (A. L. Blumenthal, K. Danziger, G. Jovanović), – эти новые взгляды и идеи не изменили основной нарратив, зафиксированный в учебниках по психологии, не приобрели дискурсивного статуса, сравнимого с кризисом репликации, хотя предшествовали последнему более чем на три десятилетия. Как понять нежелание или даже сопротивление современной психологии тому, чтобы заниматься пересмотром своей собственной истории? Может ли это быть следствием ее общего довольно неисторического подхода к психическим явлениям и их концептуализации? Укрепляют или ослабляют нынешние ревизионистские теоретические и политические движения «историческую чуткость» и историко-научный подход? Можно ли было ожидать, что они повлияют на отношение психологии к пересмотру собственной истории и истории вообще?

Анализ позиции исторической психологии еще более сложен и труден, поскольку она действует как на объектном, так и на метауровне. Историческая психология имеет дело с историческими трансформациями психических явлений, а психические явления реконструируются в тесной связи с мировоззрением и их пониманием людьми, которые осуществляют эту реконструкцию. Для понимания этих феноменов люди используют доступные интерпретационные инструмен-

ты и источники — мифы, религию, культурно-исторические нарративы, научные дискурсы, которые, очевидно, со временем претерпевают изменения. Все эти изменения подвергаются интерпретациям и переинтерпретациям, следовательно, истории этих изменений обязательно ревизионистские — «вся история есть ревизионистская история» (J. M. Banner). Поэтому историческая психология «обречена» быть ревизионистской историей. Однако, поскольку психология строится на предположении, что человеческая психика в основе своей неисторична, историческая психология вряд ли может коренным образом изменить вообще неисторическое самопонимание психологии.

Поскольку широко распространяемые переоценки, пересмотры, реинтерпретации истории не могут быть объяснены только изменением индивидуальных установок — а это и есть предмет исследования психологии, — кажется, что даже та сложная познавательная среда, которую создают возникающие и продвигаемые ревизионистские взгляды, даже оторванные от каких-либо фактов и убедительных аргументов, вряд ли может спровоцировать рефлексивный поворот психологии в сторону понимания историчности человека и его мира.

Исторические аспекты теоретико-концептуального обеспечения функционирования психологической службы УИС

П. Н. Казберов (НИИ ФСИН России, Москва)

Институт психологии РАН, отмечая 50-летие своего создания, проводит конференцию, в ходе которой обсуждается ряд актуальных методолого-теоретических проблемы разных отраслей психологии, в том числе вопросы соотношения фундаментальных и прикладных исследований и взаимодействия науки и практики.

История Института психологии РАН насчитывает много славных страниц среди которых есть и целые разделы конструктивного взаимодействия с психологическими службами различных министерств и федеральных служб (ведомств), т. е. примеры интеграции академической и прикладной науки.

Уже не один десяток лет в рамках круглых столов и конференций, проводимых Институтом психологии РАН, обсуждаются и прорабатываются с позиций академической науки важные для Федеральной

службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН России) и ее психологической службы проблемные научные вопросы, имеющие прикладной характер. Сотрудники Института психологии РАН являются частыми гостями, участниками научных мероприятий, проводимых образовательными и научно-исследовательскими учреждениями ФСИН России.

К числу важных проблемных научных вопросов, имеющих прикладной характер, совместно разрешаемых сотрудниками Института психологии РАН и образовательными и научно-исследовательскими учреждениями ФСИН России относятся:

- психологическая профилактика распространения идеологии экстремизма и терроризма в учреждениях ФСИН России;
- методическое обеспечение психологической работы с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС);
- проблемные аспекты имиджа сотрудников ФСИН России;
- организация и проведение психодиагностической работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в учреждениях УИС;
- теоретико-концептуальное обеспечение функционирования психологической службы УИС и т. д.

Ретроспективный анализ процесса функционирования психологической службы УИС, рассмотрение его исторических аспектов, позволяют определить различные периоды в развитии психологической службы, исходя из характеристик работы по ее теоретико-концептуальному обеспечению.

Так, ранний (1992–2000) и основной (2001–2005) периоды формирования и развития психологической службы УИС можно охарактеризовать как периоды активной фазы работы по ее теоретико-концептуальному обеспечению.

В рамках раннего периода формирования и развития психологической службы была проведена значительная и результативная работа по теоретико-концептуальному обеспечению только появившейся психологической службы, о необходимости возникновения которой указывалось еще в начале (С. В. Познышев) и середине (Б. С. Утевский) XX в.

На начальном этапе формирования психологической службы УИС ее теоретико-концептуальное обеспечение получило мощную подпитку от видных психологов-методологов отечественного МВД

России. Коллеги из Академии управления и ВНИИ МВД России оказали как помощь научного характера, так и «помощь в разработке примерных положений о психологических лабораториях ИТУ, а также методических рекомендаций для психологов УИС» (М. Г. Дебольский). В результате богатейший опыт иных министерств и ведомств по формированию ведомственных психологических служб способствовал зарождению пенитенциарной психологической службы на качественной методологической и теоретико-концептуальной основе.

Основной этап формирования психологической службы УИС также можно охарактеризовать как этап значительной и эффективной работы по теоретико-концептуальному обеспечению активно развивавшейся тогда психологической службы. В 2000 г. совместно с НИИ и образовательными организациями ФСИН России УВСПРО ФСИН России была разработана Концепция развития психологической службы УИС 2001–2005 гг.

Появление вышеуказанной концепции нашло свое отражение в важнейших нормативных правовых документах, регламентирующих функционирование психологической службы УИС, например, в Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы (далее – Инструкция). Действующая до сих пор Инструкция является интегративным сплавом всего необходимого в сочетании теоретических (уровень осмысления функционирования службы) и практических аспектов (реальные механизмы задуманного для службы) функционирования психологической службы. Во многом благодаря Концепции развития психологической службы УИС 2001–2005 гг. эту службу стало возможно позиционировать как «типичную ведомственную модель психологической службы» (М. Г. Дебольский).

Концепцией развития психологической службы УИС 2001–2005 гг. обосновывалась система принципов и взглядов, которые определяли, как стратегию развития службы, так и приоритеты, определявшие основные направления ее деятельности. Среди принципов развития службы, были определены:

- принцип гуманистического отношения к личности;
- принцип законности и уважения к правам личности;
- принцип работы с клиентом с опорой на его личностные положительные качества и т. д.

Содержание концепции в целом определяло веру в возможность саморазвития и совершенствования клиентов психологов УИС.

Современный этап функционирования УИС и ее психологической службы характеризуется актуальностью теоретико-концептуального обеспечения функционирования этой службы. Действительность и 30-летний опыт функционирования психологической службы УИС определяют необходимость теоретико-концептуального определения актуальных: миссии, цели, задач, функций и других организационных атрибутов службы.

Предполагается целесообразным объединение усилий по реализации работы по теоретико-концептуальному обеспечению функционирования психологической службы УИС со специалистами научно-исследовательских и образовательных учреждений различных министерств и ведомств, включая специалистов Института психологии РАН.

Психологические исследования в советском научно-популярном ежегоднике «Наука и человечество»*

А. А. Костригин (ИП РАН, Москва)

На развитие психологической науки влияют три группы факторов — логико-научные, социально-исторические и личностные (В. А. Кольцова; М. Г. Ярошевский). В историко-психологических исследованиях наибольшее внимание уделяется логико-научным и личностным факторам формирования психологических концепций, так как они наиболее доступны для изучения. Определение социально-исторических причин развития психологии часто напрямую невозможно. Для решения этой задачи исследователям необходимо реконструировать различные косвенные связи между происходящими в обществе и государстве событиями и проводящимися научными исследованиями.

Одним из наиболее перспективных периодов для изучения социально-исторических факторов в процессе становления психологии является советское время. Социально-исторические условия развития психологических исследований чаще всего отражены в официаль-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

ных документах, однако отдельным направлением может выступить изучение научно-популярных изданий, в которых обсуждались наиболее востребованные для государства и общества вопросы. К таким изданиям относится международный ежегодник «Наука и человечество», который издавался с 1962 по 1997 г. Он курировался Всесоюзным обществом «Знание» и Академией наук СССР. В нем печатались статьи крупных ученых из различных областей науки и из разных стран. Как представляется, публикация в этом издании означала высокий интерес государства и Академии наук к определенной научной области исследований, институционализировала ее и способствовала ее дальнейшему развитию.

В ежегоднике «Наука и человечество» публиковались статьи по физиологии, медицине, археологии, этнологии, истории, геологии, химии, физике, механике и др. В рамках данной работы будут рассмотрены публикации советских ученых по психологии, вышедшие в рассматриваемом сборнике и будут показаны те направления психологических исследований, к которым был интерес со стороны государства и других наук и которые стимулировались к последующей разработке.

Наибольшее количество психологических работ в «Науке и человечестве» было посвящено психофизиологии и нейрофизиологии. Хотя в рамках этих направлений не всегда исследовались непосредственно психологические феномены, авторы публикаций оказали значимое влияние на развитие представлений о комплексности и системности психической деятельности и ее связи с физиологическими процессами. К этой категории работ относятся статьи Э. А. Асратяна «В глубинах мозга» (1963) о роли ретикулярной формации в функционировании внимания и эмоциональных состояний, П. К. Анохина «Новое о работе мозга» (1965) о теории функциональной системы, И. С. Бериташвили «Память» (1968) о нейрофизиологических механизмах памяти, Н. П. Бехтеревой и П. В. Бундзена «Нейрофизиология психической деятельности человека» (1974) о морфофункциональных единицах нейрофизиологических механизмов памяти, Н. П. Бехтеревой и Д. К. Камбаровой «СМФП – ключ к познанию эмоций» (1985) об изучении эмоциогенных зон мозга с помощью регистрации сверхмедленных физиологических процессов, совместная статья К. В. Судакова с немецким (Д. Гантен) и болгарским (Н. А. Николов) соавторами «Эмоциональный стресс и болезни: модель конфликта» (1986) об изучении поведенческих и физиологических проявлений у живот-

ных на основе концепции стресса и теории функциональных систем, а также совместная статья А. В. Котова и югославского ученого М. Баича «Потребность—мотивация—поведение» (1988) о нейрофизиологических механизмах целенаправленного поведения организма.

В ежегоднике было опубликовано несколько работ по социальной психологии: А. В. Петровского «Психология коллектива» (1980) о деятельностном подходе при исследовании межличностных отношений и других социально-психологических феноменов в коллективах, А. В. Юревича и М. Г. Ярошевского «Психология научного коллектива» (1989) о социально-психологических отношениях между учеными при реализации научной коммуникации и исследовательской деятельности, А. В. Петровского «По ступеням развития личности» (1990) о социально-психологических и возрастных аспектах функционирования личности в малой группе.

В качестве значимого направления была обоснована инженерная психология в двух работах Б. Ф. Ломова «Инженерная психология» (1970) и «Принцип активного оператора в инженерной психологии» (1982), в которых ученый определил психологические аспекты взаимодействия человека и техники и показал перспективы приложения инженерно-психологических знаний в различных областях промышленности и практики.

На основе рассмотренных работ можно сделать вывод о том, что наиболее востребованными областями психологии для государственных органов и Академии наук выступали те, которые представляли наиболее объективные данные (психофизиология и нейрофизиология), были связаны с решением социальных и социально-психологических вопросов общества и ориентировались на промышленность и практику.

Историко-культурная феноменология в построении практик безопасности: диалектика иррационального и оптимального

Т. М. Краснянская (МосГУ, Москва), В. Г. Тылец (МГЛУ, Москва)

Цивилизационная актуальность вопросов безопасности определяет настойчивый социальный запрос в научно обоснованной содержательной и технологической разработке соответствующих ей практик,

понимаемых как совокупность некоторых действий человека, имеющих конечной целью его собственную безопасность и безопасность значимого для него окружения. При всем своем интересе к обеспечению благополучия человека современная психология все еще оставляет на периферии рассмотрения обширный массив историко-культурной феноменологии, имеющей непосредственное отношение к его безопасности. Речь идет о так называемых иррациональных элементах обыденного сознания, проистекающих из исторического пласта социальной ментальности, — суевериях, предрассудках, поверьях, находящихся выражение в поведении, слабо поддающемся рационализации (следование приметам, ритуалам, обрядам и т. п.), но обладающих повышенной жизненностью во времени и пространстве. Видя объяснение подобной периферийности в слабой локализованности проблематики среди отраслей психологии, чаще всего рассматриваемой в контексте социальной психологии (например, работы М. Ю. Стrogальщиковой, Т. М. Краснянской, В. Г. Тыльца и др.), отметим, что признание филогенетического происхождения такого рода феноменов позволяет их отнести к предметному полю исторической психологии, что отчасти подтверждается, среди прочего, проведением Всероссийской научной конференции «Суеверия и предрассудки сквозь призму исторической психологии» (Санкт-Петербург, 2011). В свою очередь, историко-психологический ракурс обращения к обозначенным феноменам создает почву для изучения диалектики иррационального и оптимального в их функциональности и на этой основе обнаруживает перспективу применимости в свете актуальных проблем современного общества.

Зафиксированная во многих работах позиция об архаичности, алогичности и стереотипизированности природы суеверий, предрассудков, поверий и прочих подобных историко-культурных феноменов сопровождается прямым или косвенным указанием на их ключевую целесообразность — обеспечение разных граней безопасности человека и его близких (сохранение жизни, здоровья, успеха, возможности развиваться, воплощать свои мечты). Не случайно всплески их востребованности связывают с трудными (напряженными, рискованными) в силу каких-либо обстоятельств годами общественно-развития и периодами (ситуациями, обстоятельствами) индивидуального неблагополучия и опасности для человека. Присутствие в различных социальных средах и органичное включение во многие культуры в обозначенной функциональности позволяет объединить

рассматриваемые феномены общим названием «социокультурные практики безопасности».

Анализ показывает, что социокультурные практики безопасности очень редко напрямую декларируют свою нацеленность на безопасность (защиту) человека (исключение составляют, пожалуй, ношение оберегов и амулетов). Заложенными в них действиями они, по сути, запрещают некоторую потенциально опасную для него активность или направляют ее в другое, менее рискованное русло, что позволяет говорить о них как о практиках пролонгированного действия. Ожидаемый эффект при всей внешней иррациональности достигается через снятие для человека элементов неопределенности происходящего: данные практики как бы восполняют пробел между нестандартностью ситуации и ее пониманием, переводя разворачивающееся нетипичное в плоскость привычного, активизируя имеющиеся умения и навыки на преодоление нежелательного. В отношении всего массива социокультурных практик безопасности допустимо и более широкое обобщение, по которому они противостоят всем элементам реальности, трансформирующим ее в опасность: позволяют преодолеть неожиданность (например, через приметы), настраивают на будущее (ритуальные действия, практики гадания), вооружают минимальными средствами противостояния угрозе на уровне веры (обереги, амулеты) и активных (ритуальных) действий. Конечно, полное решение задач безопасности на этой основе требует особо удачного стечения обстоятельств и состояния субъекта («дается по вере»). Вместе с тем проявления рассматриваемыми практиками оптимального, в составе которого видим визуализацию «точек чувствительности» для приложения усилий противодействия опасностям (ее обнаружения, профилактики, первого реагирования), наиболее заинтересованного в них контингента (профессионального – сотрудников экстремальных служб, военнослужащих, бытового – брачующихся, беременных женщин, новорожденных и т. п.), позволяет позиционировать их предвесниками современных технологичных, научно обоснованных практик безопасности различных профессиональных сообществ и субъектов реагирования на массовые социальные (природные, техногенные) и частно бытовые угрозы жизни и здоровья.

Историческая психология видится отраслью науки, способной обеспечить инструментарием перевода иррационального в оптимальное поднятой проблематики.

Искажение истории психологии

Н. А. Логинова (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Борьба за научную истину в области истории науки включает и такой щепетильный вопрос, как выяснение первенства того или иного ученого в открытии новых подходов, направлений, фактов и законов. Не каждому ученому удастся выйти на уровень первооткрывателя. В истории психологии, как и в истории других наук, известны примеры вторичного, но независимого открытия. Известны и случаи утверждения мнимого первенства, в том числе и собственного, по причине недостаточной осведомленности автора ошибочного мнения. Есть и примеры замалчивания извне и по причине скромности автора открытия или другой новации. Нередки случаи недопонимания значения теории и всего творческого наследия ученого. Все это и другие обстоятельства, скажем, отсутствие нормальных международных контактов, идеологическая зашоренность мешают установлению истины в отношении вклада ученого.

Обозреть все, что сделано в науке за определенный период времени, становится все труднее. В море информации вполне могут утонуть истинные открытия, революционные идеи и такие факты, которые могут стать поворотными точками в процессе развития данной науки, а то и целого куста смежных наук, вызвать изменение научной парадигмы.

В этой связи стоит задуматься о такой функции историко-научного исследования, как доказательное утверждение первенства того или иного ученого в каком-либо новаторстве. Такой жанр историко-научного, в частности психологического, исследования не популярен. Он вызывает раздражение у тех, кто привык думать иначе, чем историк — исследователь этого вопроса.

На примере обращения ныне авторитетных авторов с научным наследием Бориса Герасимовича Ананьева видно, как его новаторские оригинальные идеи и концепции укладывают на архивную полку или несправедливо замалчивают. Так происходит на наших глазах с явлением «антропологический поворот», который совершил Ананьев в своих комплексных исследованиях и в специальных методологических трудах еще в 1960-е годы. Конечно, предыстория антропологического поворота в психологии уходит корнями в древность и не имеет

точной даты своего начала. Но его история в новейшее время начинается в определенный, документально датированный период прошлого века, и роль Ананьева в этом повороте неоспорима. Об этом есть книги и статьи его учеников, знатоков его творчества (Л. А. Головей, А. Л. Журавлев, Н. А. Логинова и др.). Для проведения научного исследования по истории психологии высокого качества, в том числе по вопросу первенства, необходим доступ ко всем релевантным архивным материалам. Необходима свобода исследователя от идеологических и политических запретов, нужны дискуссии по всем научным вопросам с широким спектром мнений и фактов.

В. С. Филатов в борьбе за марксистскую психологию*

*В. А. Мазилев (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль),
Ю. Н. Слепко (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль)*

В отечественной истории психологии накопилось (несмотря на очевидные успехи и достижения) значительное число проблем и нерешенных вопросов разного уровня. Обсуждение проблем потребовало бы значительного увеличения объема публикации, поэтому лишь отметим, что одной из самых злободневных проблем является «бухгалтерский» подход к истории психологии, при котором предпринимается скрупулезное описание происшедших событий, дискуссий и т. п. Однако авторы систематически уклоняются не только от попыток объяснения происшедшего, но даже и от интерпретации, с чем согласиться трудно, поскольку при такого рода подходе задачи, стоящие перед историей психологии, фактически не решаются.

В рамках настоящего текста остановимся лишь на одной проблеме. Для отечественной истории психологии характерен, в частности, «столицентризм» (как разновидность «географического провинциализма» по Роберту Уотсону), в соответствии с которым наиболее важными и значимыми признаются лишь процессы, происходящие в столицах. Периферии при этом не уделяется должного внимания. Конечно, вряд ли стоит отрицать как то, что наиболее важные события обыкновенно происходят именно в столицах, «судьбоносные» для науки решения принимаются там же, так и тот несомненный факт, что наибо-

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00089.

лее крупные ученые имеют тенденцию концентрироваться в ведущих столичных центрах. Однако для понимания общей картины развития психологии в масштабах страны рассмотрения только столичных событий и публикаций может оказаться недостаточным. Кроме того, для отечественной истории психологии характерно рассмотрение взглядов и работ почти исключительно представителей «первого ряда» научного сообщества, что несколько обедняет общую картину. Для истории психологии важно понимать весь существующий диапазон взглядов на те или иные проблемы в тот или иной момент.

В СССР в начале 1930-х годов сложилась уникальная ситуация (В. А. Мазилев). Ввиду отсутствия удовлетворительного решения ключевого вопроса — какой быть марксистской психологии? — полномочия по ее решению были делегированы «на места»: в вузах, в первую очередь педагогических, продолжалось преподавание психологии. Психология должна быть только марксистской, это понимали даже самые осторожные психологи. Как она должна обосновываться? Ответ на этот вопрос вузы должны были определять самостоятельно, поскольку даже учебных программ по психологии не было. Состоялся своего рода удивительный социальный эксперимент по принуждению вузовских преподавателей заниматься методологией психологии, который заслуживает внимательного анализа. Анализ «принуждения к занятиям методологией» важен не сам по себе; трудно предположить, что преподаватели психологии периферических вузов могли осуществить более глубокое исследование, чем С. Л. Рубинштейн, заложивший основы марксистской психологии в СССР. Подчеркнем, что, на наш взгляд, наличие собственных — пусть несовершенных — методологических представлений о марксистской психологии является ключом к пониманию рецепции методологических установок, которые с середины 1930-х годов транслировались «сверху». Более того, полагаем этот опыт методологической работы совершенно необходим для понимания генезиса провинциальных научных школ в психологической науке в СССР: без него трудно представить становление лидера той или иной провинциальной научной школы.

В качестве примера рассмотрим проект построения марксистской психологии, представленный В. С. Филатовым, будущим создателем и лидером ярославской психологической школы в 1950—1960-х годах. Проект был реализован в учебном пособии «Психология (Конспект лекций)» (В. С. Филатов, Н. М. Александров). В нем раскрываются вопросы предмета, задач, истории и основных направлений психо-

логии, физиологии ЦНС, учения о личности и высших психических процессах, обсуждаются вопросы психотехники и методики преподавания психологии. Отдельный раздел посвящен основам марксистско-ленинской психологии. В качестве предмета психологии авторы определяют изучение закономерностей психических процессов и их материального субстрата как психофизического единства. Отметим, что для того времени подход В. С. Филатова к определению предмета психологии является оригинальным. Он соотносится с позициями В. М. Бехтерева, К. Н. Корнилова, И. П. Павлова, в том числе и зарубежными подходами – бихевиоризмом, психоанализом, структурализмом и др. В работе анализируются исключительно подходы, в которых марксистская психология рассматривается как наука о поведении. Другие подходы в советской психологии были еще не так широко известны. Анализ представленного и других текстов начала 1930-х годов представляется полезным, так как вносит дополнительные важные штрихи, помогая объемно представить развитие психологии в СССР, в том числе в провинции. Работающие в вузах психологи вынуждены были самостоятельно принимать методологические решения, в том числе решения о сути новой марксистской психологии.

Г. И. Челпанов как выдающийся российский педагог и просветитель

Л. В. Нагибина (Научно-исследовательский центр психологии и развития человека «Новые технологии», Москва),

И. И. Ильясов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Мировая история – кладезь «экспериментов, на которые ссылаются». Каким должен быть педагог – воспитатель гениев? В России XIX–XX вв. есть, по крайней мере, три ярчайших примера педагогов, которые воспитали более десятка выдающихся талантов и гениев каждый в своей области. Стоит отметить, что сами эти педагоги остались в истории науки и культуры несколько забытыми и, на наш взгляд, недостаточно оцененными в педагогической и психологической литературе. В музыкальном искусстве – это основатель «Могучей кучки» М. А. Балакирев (весь мир знает его учеников – М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, А. П. Бородин и др.), в математике – основатель «Лузитании» Н. Н. Лузин (учитель А. Н. Колмо-

горова, П. С. Александрова, М. А. Айзермана, А. С. Конрода и др.), в психологии – это, безусловно, Г. И. Челпанов, учитель Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, П. П. Блонского, К. Н. Корнилова, А. А. Смирнова, Б. М. Теплова и др.

В чем секрет их педагогической гениальности? Все эти педагоги были как профессионалами в своей предметной области, так и просветителями и идеологами нового пути в науке и искусстве, горячими патриотами России. Способность поднять деятельность своих учеников до уровня государственного значения и мировых культурных масштабов определяла высочайший уровень педагогического мастерства этих выдающихся педагогов и мыслителей.

Г. И. Челпанов получил образование в землях Новороссии (Мариуполь, Одесса) и реализовал свой педагогический и организаторский талант в Киевском и Московском университетах. Ему удалось гармонично соединить в себе лучшие черты ученого и философа, педагога и психолога, экспериментатора и теоретика.

Выделяются два периода в педагогической и организаторской деятельности Г. И. Челпанова – киевский и московский.

В. В. Зеньковский писал в своих воспоминаниях: «В киевский период деятельности Челпанов выделился исключительным педагогическим талантом – в публичных лекциях, происходивших во всегда переполненном актовом зале Университета, в организации замечательного философского семинара, наконец, в организации психологической лаборатории». Один из известных учеников Г. И. Челпанова Н. А. Бердяев отмечал: «Челпанов был в философии прежде всего педагогом. Но он был очень живой человек, всем интересовавшийся, он был для того времени новым типом профессора».

Автор наиболее глубоких исследований педагогической и научной деятельности Г. И. Челпанова С. А. Богданчиков предлагает свою периодизацию творчества Григория Ивановича: «Учитывая, что в 1904 г. И. Челпанов защитил докторскую диссертацию и в 1905–1910 гг. выпустил ряд учебников и учебных пособий по психологии („Учебник психологии“ (1905), „Мозг и душа“ (3-е изд., 1906), „Психология. Основной курс“ (1909), „Лекции по экспериментальной психологии“ (1910)), а также то, что к этому времени сложились определенные традиции преподавания, можно сделать вывод, что в течение первого периода психологическая школа Г. И. Челпанова полностью сформировалась в своей образовательной функции, т. е. как научно-образовательная школа, а в конце этого периода (в 1909 г.) начался

процесс трансформации школы в „школу – исследовательский коллектив“».

Главная цель московского периода педагога и ученого Г. И. Челпанова – создать российский институт психологии, не уступающий мировому уровню. Традиции Г. И. Челпанова сохраняются в лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии ПИРАО: «Научная деятельность лаборатории подчинена цели наполнения конкретным психологическим и психофизиологическим содержанием понимания индивидуальности как „органического целого, которое никак нельзя понять из соединения отдельных частей“» (Г. И. Челпанов).

К сожалению, нет пророка в своем отечестве: могила педагога-ученого утеряна, нет ни памятников, ни улиц, названных в его честь. Радует, что Г. И. Челпанову в г. Мариуполь установлена мемориальная доска с надписью: «Челпанов Георгий Иванович 1862–1936. Ученые ПГТУ – великому мариупольцу. Мемориальная доска установлена в ознаменование 150-летия со дня рождения великого педагога и ученого, уроженца г. Мариуполя». В связи с последними событиями, нет уверенности, что она сохранилась.

На наш взгляд, великий ученый и педагог России достоин большего!

Развитие идеи когнитивного ресурса по В. Н. Дружинину: описание методики измерения объема кратковременной памяти*

Н. Г. Немировская (ИП РАН, Москва)

Научные взгляды В. Н. Дружинина анализируются многими современными учеными (Д. Б. Богоявленская, А. Н. Воронин, Н. Б. Горюнова, В. В. Знаков, А. В. Карпов, В. А. Мазилев, Г. В. Ожиганова, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков и др.). В данной работе представлено краткое изложение авторской разработки по развитию идеи когнитивного ресурса Дружинина.

Понятие «когнитивный ресурс», по мнению ученого, соответствует современным представлениям, сложившимся в рамках когнитивных наук и теории информации, и определяется объемом крат-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

ковременной памяти и внимания (В. Н. Дружинин). Когнитивный ресурс — это мощность множества связанных когнитивных элементов, отвечающих за активное создание многомерных моделей реальности в процессе решения задач разного уровня сложности. Когнитивный элемент, в свою очередь, рассматривается как минимальная единица когнитивной структуры. Когнитивный ресурс как интегральная характеристика проявляется в предельных показателях внимания, памяти и позволяет объяснить индивидуальные различия в интеллектуальной продуктивности через особенности структурной организации когнитивной системы.

Множество когнитивных элементов, одновременно актуализирующихся при построении модели задачи в ментальном плане, определяют успешность ее решения. Если для решения задачи требуется число когнитивных элементов, превышающих имеющийся ресурс, то задачу решить без привлечения дополнительных стратегий не удастся. Если индивидуальный ресурс превосходит ресурс, необходимый для решения задачи, то остается определенный «свободный» резерв, который может быть использован для параллельного решения других задач. В качестве основных коррелятов (дескрипторов) общего интеллекта Дружининым рассматривались: размерность когнитивного пространства, характеристики сенсорной и оперативной памяти, время реакции выбора.

Таким образом, Дружинин вплотную подошел к проблеме ресурсной основы психометрического интеллекта и психометрической креативности: чем более сформирован индивидуальный когнитивный ресурс, тем выше уровень интеллектуальных и креативных способностей. Дальнейшее развитие проблема когнитивного ресурса получила в работах Воронина и Горюновой.

Мы предлагаем измерять когнитивный ресурс именно как объем хранения информации в кратковременной памяти. При этом мы понимаем под кратковременной памятью систему модально-специфичных хранилищ информации ограниченного объема.

При создании методики для измерения объема кратковременной памяти нами взята в качестве отправной точки проба Лурия «2 группы по три слова». Однако перед нами встали две основные задачи:

- 1) ввести постепенное усложнение задания и адаптировать методику к количественному обсчету;
- 2) создать аналогичные задания для других модальностей.

В результате наша методика выглядит следующим образом.

На каждом «уровне» испытуемому последовательно дается на запоминание 5 серий слов (5 серий по 3 слова, 5 серий по 4 слова и т. д.). Проба продолжается до тех пор, пока испытуемый справляется с запоминанием хотя бы одной серии «уровня».

В каждой серии проверяется непосредственное запоминание и удержание следа памяти после гомогенной интерференции (от гетерогенной интерференции мы были вынуждены отказаться в целях облегчения архитектуры методики и сокращения времени ее подачи). В качестве гомогенной интерференции для слухоречевой модальности выступает произвольно выбираемое исследователем слово из набора «солнце, небо, вода, земля». Общая схема серии выглядит следующим образом: подача—воспроизведение—интерференция—воспроизведение.

Каждое верное воспроизведение серии оценивается в один балл, т. е. в целом за серию можно набрать:

- 0 баллов, если серия не была воспроизведена или была воспроизведена ошибочно;
- 1 балл, если серия непосредственно после подачи была воспроизведена правильно, а после интерференции не воспроизведена или воспроизведена ошибочно;
- 2 балла, если серия была воспроизведена правильно как непосредственно после подачи, так и после интерференции.

Итого за каждый «уровень» максимальное количество баллов равно десяти.

Для исследования объема кратковременной памяти кинестетической модальности в качестве элементов запоминания выступает загибание исследователем пальцев одной руки испытуемого в определенной последовательности. В качестве интерференции – самостоятельное сгибание пальцев в кулак три раза.

Для исследования объема кратковременной памяти зрительной модальности в качестве элементов запоминания выступают последовательности геометрических фигур, предъявляемые исследователем со скоростью, исключающей возможность «выучивания» последовательности. В качестве интерференции выступает последовательность из десяти фигур.

Таким образом, дальнейшие исследования когнитивного ресурса, по Дружинину, являются важными как в теоретическом плане для по-

нимания механизмов интеллектуальной деятельности, так и в прикладном для разработки новых методов оценки интеллектуальных возможностей человека.

Вопросы истории и современного состояния теории и методологии отечественной психотехники

О. Г. Носкова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

1. Термин «психотехника» был введен В. Штерном в книге «Die Differentielle Psychologie in ihren methodischen Grundlagen» (Leipzig, 1911) и был поддержан и распространен Г. Мюнстербергом в 1912 и 1913 гг. («Основы психотехники», 1996). Этот термин обозначал новое направление прикладной психологии, которое дополняло психогностику или психологию культуры как область исследований, где лишь объяснялись уже состоявшиеся события и явления. Психотехника же бралась предсказывать будущие события, либо воздействовать на внешние условия, либо на самих людей с целью изменения в нужном для общества направлении их поведения, состояние сознания и пр. В перспективе психотехника могла охватывать любые области общественной жизни, где требовалось учитывать действия людей и их субъектные характеристики.
2. В России психотехника и психотехническое движение получили развитие в начале 1920-х годов благодаря деятельности И. Н. Шпильрейна и его единомышленников (среди них — С. Г. Геллерштейн, А. И. Розенблюм, Н. Д. Левитов, М. Ю. Сыркин, С. М. Василейский, А. П. Болтунов, М. А. Юровская, А. А. Толчинский и др.). Вопросы теории и методологии психотехники (в частности, тех ее разделов, которые были связаны с изучением профессионального труда) были предметом анализа в публикациях И. Н. Шпильрейна, С. Г. Геллерштейна и А. И. Розенблюма. И. Н. Шпильрейн подчеркнул неизбежную политическую ориентацию психотехники в классовом обществе. Ученый наметил контуры теории психотехники как дисциплины биосоциальной, а не чисто естественно-научной. С. Г. Геллерштейн в статье «Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки» (1932) проанализировал наиболее важные области индустриальной психотехники (профотбор, из-

учение профессионального утомления и содействие росту производительности труда, психология в профилактике травматизма и аварийности, психологические аспекты профессионального обучения и пр.), рассмотрел причины ошибок и недостатков психотехнической практики, а также пути их профилактики. Он выдвинул принцип соответствия предмета научного исследования содержанию объекта воздействия (своеобразия психической реальности, которая должна оказаться объектом воздействия в каждом конкретном случае). Тем самым С. Г. Геллерштейн обозначил способ построения специальной объяснительной теоретической концепции, которую должен выдвигать психотехник, ориентируясь на поставленную практическую задачу. Так, оказалось оправданным сосуществование разных научных концепций в психотехнике, которые должны вырабатываться адекватно многообразию практических задач, затрагивающих разные стороны психической реальности. Не потеряла актуальности идея ученого о замене пассивной позиции психотехника на позицию активную, предполагающую выполнение разведочного этапа работы, направленного на получение фактов для обоснования практико-ориентированного проекта. В работах харьковского психотехника А. И. Розенблюма идеи С. Г. Геллерштейна получили развитие. Наибольший интерес представляет рукопись Розенблюма «Факты и закономерности в психологии труда» (1932) (Архив ИП РАН).

3. Несмотря на трудности, ошибки разной природы, именно опыт военной, промышленной психотехники и других ее направлений начала XX в. был высоко оценен Л. С. Выготским в его рукописи «Исторический смысл психологического кризиса» (1927); был сделан вывод о ее ключевой роли в становлении новой психологической науки, подчеркнута методологическое значение психотехники для всей научной психологии.
4. Практическая психология (психотехника) получила широкое развитие в СССР, начиная с 1960-х годов, однако термин «психотехника» был отчасти реабилитирован лишь в конце 1980-х. С распространением личного консультирования термин «психотехника» стал рассматриваться в узком значении (Ф. Е. Василюк, А. А. Пузырей, Е. Ю. Патяева). Современная психотехника в широком ее понимании охватывает разные сферы общественной жизни. Соответственно задачам практики востребованы и используются разные, адекватные им психологические теории, однако

для оценки достоверности теорий недостаточно применять лишь критерий практики, необходимо соответствие психотехнических теорий общепсихологическим научным понятиям и категориям. В этой связи логично ожидать как исследований, инициированных психотехниками, так и интереса к обозначенной тематике со стороны представителей фундаментальной психологии. В процессе такой работы возможны случаи дополнения или пересмотра отдельных понятий, концепций, в том числе претендующих на общепсихологическое значение. В этом отношении можно приветствовать масштабную работу, проведенную в последние годы сотрудниками ИП РАН под руководством А. Л. Журавлева и его коллег, а именно книги «Разработка понятий современной психологии» (2018, 2019, 2021); «Психологическое знание...» (2018, 2021); «Новые тенденции и перспективы психологической науки» (2019) и др.

Советско-болгарские научные связи в психологии 1960-х и 1970-х годов

*М. Д. Няголова (ВТУ, Велико-Тырново, Болгария),
Ю. Н. Олейник (МосГУ, Москва)*

Научное сотрудничество российских и болгарских психологов в области психологии, имеет давнюю историю. Предпосылки исследуемого периода относятся к 1950-м годам, когда по предложению болгарского организатора научной психологии – профессора Асена Киселинчева Министерство образования Народной республики Болгарии организовало государственную стипендиальную программу для подготовки психологов в СССР. А. Киселинчев прекрасно понимал, что на данный момент стране нужны специалисты, хорошо знающие суть советской психологической теории и практики, в том числе и советской экспериментальной психологии. Он планировал проведение «будущих комплексных исследований человека» и разработку «проблем социальной психологии».

С 1954 по 1962 г. многие болгарские студенты и аспиранты учились на психологических отделениях советских вузов и институтов. К научному руководству деятельностью болгарских аспирантов по психологии А. Киселинчев на основе своих личных знакомств привлекает

целый ряд ведущих советских психологов того времени, среди которых можно назвать Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева. Таким образом, по возвращении на Родину болгарские кандидаты наук, получившие свои дипломы в СССР, оказались представителями разных советских научных школ.

На рубеже 1950–1960-х годов этому новому поколению болгарских шестидесятников открылась возможность пойти по новому научному пути в психологии. Бывшие советские аспиранты и впоследствии преподаватели психологии болгарских вузов внесли большой вклад в разные психологические направления: педагогическую психологию – Любен Десев (аспирант А. Г. Ковалева), психологию труда – Димо Йорданов (аспирант А. Н. Леонтьева), общую психологию и методологию психологии – Дмитрий Васильев (аспирант С. Л. Рубинштейна), социальную психологию – Минчо Драганов (стажер Б. Д. Парыгина).

Экспериментальные исследования болгарских психологов данного периода, проведенные в области педагогической, спортивной, клинической психологии и психологии труда, основывались на достижениях советской экспериментальной психологии. В теоретической сфере Д. Д. Васильев критикует гносеологическое понимание психики, идущее от павловского периода советской психологии 1940–1950-х годов и предлагает ее разработку с позиции онтологического подхода.

В 1970-е годы с открытием Института психологии АН СССР роль ведущей фигуры болгаро-российского сотрудничества выполняет Б. Ф. Ломов. Он оказывается инициатором создания организации психологов придунайских стран, творческих объединений психологов социалистических стран. Большое количество его статей и работ других советских психологов были переведены и опубликованы в болгарском журнале «Психология». Лично Б. Ф. Ломов помогал болгарским психологам, владеющим русским языком, опубликовать свои работы в СССР. Книга Любена Десева «Психология малых групп» выдержала два издания на русском языке в 1977 и 1979 г.

Несмотря на смену политических режимов, советско-болгарские, а настоящее время и российско-болгарские научные отношения в психологии имеют свое будущее, поскольку основываются на прочных традициях прошлого. Они являются частью культурного и научного развития двух стран, на которое наложила отпечаток общая борьба за духовное развитие болгарского народа в XIX в. и непреходящее историческое значение национального Освобождения Болгарии, в результате Русско-турецкой Освободительной войны 1877–1878 гг.

К вопросу о единице анализа знания и процесса познания в историко-психологических исследованиях

Ю. Н. Олейник (МосГУ, Москва)

Как известно, развитие науки определяется степенью разработанности ее теоретико-методологических оснований.

История психологии в этом отношении не является исключением, именно рассмотрение ключевых вопросов теории, методологии и методики проведения историко-психологических исследований в настоящее время определяет новые *познавательные возможности* этой области психологии, *характер и цели* исследований, *тематику* проводимых разработок и *обоснованность* получаемых результатов.

Таких вопросов, стоящих перед современной отечественной историей психологии, достаточно много: соотношение субъектной позиции историка психологии с необходимостью получения им максимально объективизированного знания; содержание и операционализация теоретического метода в изучении конкретных вопросов истории психологии; сопоставимость и соотнесенность различных составляющих источниковедческой базы проводимых исследований; критерии периодизации развития и психологии и ее отдельных проблемных областей и др. Известный методолог и историк психологии В. А. Мазиров указывает на актуальность и других методологических проблем.

К числу указанных выше методологических проблем, требующих своего решения, относится и вопрос о *единице историко-психологического знания и познания*. Важность ответа на этот вопрос определяется тем, что «осознанное выделение единицы анализа — признак методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории» (Н. Д. Гордеева, В. П. Зинченко)

Отметим, что вопрос о единице логико-методологического анализа научного познания в целом достаточно активно обсуждался и обсуждается в науковедении и эпистемологии науки. Для психологии этот вопрос тоже не является новым. Достаточно вспомнить позицию Л. С. Выготского, который различал анализ по единицам и анализ по элементам.

Однако определение такой единицы применительно именно к *историко-психологическим исследованиям* практически не фиксируется в научной литературе. Явно или неявно в качестве такой единицы анализа часто рассматриваются собственно объекты историко-психоло-

гического исследования — хронологический период, наследие ученого, конкретные события, развитие научных отраслей и т. д. Порой это приводит к созданию своего рода *фрагментарной* истории психологического познания в отличие от необходимости реконструкции *целостной* истории психологии. Отдельные попытки выявления таких единиц (например, категории и понятия у М. Г. Ярошевского), несмотря на их конструктивность, лишь частично решают вопрос. Во-первых, они не могут быть в полной мере применимы к некоторым направлениям историко-психологического исследования (история научных центров, развитие региональной психологии и др.) и, во-вторых, не во всем соответствуют фиксируемому в науковедении и истории науки свойствам, которым должны отвечать такие единицы.

В качестве таких свойств указывают:

- 1) самостоятельность;
- 2) наличие устойчивого содержания;
- 3) информативность (Е. В. Ушаков);

или:

- 1) конструктивность и операциональность;
- 2) целостность и компактность;
- 3) унифицированность;
- 4) историчность (В. В. Умрихин).

Систему требований, которым должна соответствовать единица анализа, указывают и другие ученые (Н. Д. Гордеева, В. П. Зинченко).

Представляется, что достаточно эвристичным будет использовать в качестве такой единицы анализа истории психологии понятие «*проблема*», тем более, что она (проблема) отвечает большинству перечисленных критериев, указываемых разными авторами. Именно проблема может выступить одновременно и формой фиксации уровня знания (постановке проблемы предшествует анализ существующего знания и определение границ пространства незнания об изучаемом объекте), и формой научного познания (формулирование и решение проблемы приводят к накоплению знания, обеспечивая его новизну и тем самым отражая динамику результатов познавательной деятельности). Проблема может выступать в качестве *единицы анализа развития психологического знания и, соответственно, процесса историко-психологического познания*, поскольку составляет и их цель, и основание, и показатель динамики.

Разработка В. А. Кольцовой проблем источниковедения истории отечественной психологии (к 75-летию со дня рождения ученого)

Ю. Н. Олейник (МосГУ, Москва), А. Л. Журавлев (ИП РАН, Москва)

Фактологической основой историко-психологических разработок является источниковая база проводимых исследований. Этот вопрос был в центре внимания В. А. Кольцовой с ее первых шагов в области истории отечественной психологии. Отметим, что она ориентировалась на рассмотрение всех аспектов источниковедческой работы: от осмысления роли источников для историко-психологических исследований (эти вопросы подробно рассмотрены во второй главе ее монографии «История психологии: проблемы методологии») до конкретной работы по выявлению, описанию, систематизации и введению в научный оборот этих источников.

Как подчеркивала ученый, «воссоздание и ретроспективный анализ развития психологического познания во всей его полноте, конкретности и многообразии возможно лишь на основе изучения исторических источников, что предполагает формирование надежной источниковой базы истории психологической науки». Она даже предлагала в качестве одного из разделов методологии истории психологии выделить психологическое источниковедение как область интеграции «истории психологии с источниковедением, культурологией и науковедением» и была убеждена, что «глубина и достоверность научного анализа в области истории психологии непосредственно определяется адекватностью и полнотой используемой исследователем источниковой базы».

Неслучайно одной из приоритетных задач исследовательской группы по истории психологии, созданной в Институте психологии РАН под руководством В. А. Кольцовой, являлся сбор архивных материалов, характеризующих разные этапы развития психологии в нашей стране и раскрывающих жизнь и творческий путь отдельных психологов. Сегодня созданный В. А. Кольцовой и ее коллегами Научный архив Института психологии РАН содержит несколько десятков личных фондов отечественных психологов, включающих уникальные материалы по истории психологии в нашей стране. Отметим, что многие архивные материалы были введены в научный оборот (В. И. Кауфман,

Р.А. Каничева, А.В. Ярмоленко, А.П. Нечаев, Б.И. Хотин и др.) благодаря именно созданию Научного архива ИП РАН.

Особую ценность для историков психологии представляет разработка, систематизация и характеристика В.А. Кольцовой принципов формирования базы источников – объективность, валидность, полнота и репрезентативность, комплексность, системно-иерархическое строение, историзм, конкретность, субъектно-деятельностный подход, единство логического и исторического. Несомненный интерес представляет обоснованная ею классификация источников изучения истории психологии.

Отметим, что все эти теоретические и методические разработки были выполнены не только на основе теоретического изучения трудов ведущих специалистов в области источниковедения, но и опирались на личный опыт В.А. Кольцовой. Они были апробированы в ходе ее непосредственной работы по разбору и каталогизации личных архивов К.К. Платонова, Б.Ф. Ломова и ряда других ученых.

Значительную роль В.А. Кольцова сыграла и в систематизации научных трудов сотрудников Института психологии РАН. Она выступала неизменным участником подготовки и ответственным редактором аннотированных указателей научных трудов сотрудников этого института. Последний из них является, по сути, наиболее полной источниковедческой базой для изучения научных достижений первого психологического института в структуре Академии наук (Аннотированный указатель). Интересно отметить, что в соответствии с материалами этого указателя первыми двумя монографиями, изданными сотрудниками Института психологии РАН в первый год его работы (1972), являются монография Е.А. Будиловой «Философские проблемы советской психологии», которая посвящена истории психологии, а вторая «О системе психологии» подготовлена историком психологии К.К. Платоновым.

Таким образом, можно говорить, что публикационная активность Института начиналась с рассмотрения вопросов истории и теории психологии – вопросов, которым в значительной мере посвящено творчество В.А. Кольцовой. Она являлась своего рода носителем научных традиций института и именно В.А. Кольцова возглавляла работу по созданию Музея истории Института психологии РАН, который был организован в 2006 г. и сегодня содержит уникальные архивные материалы и артефакты по истории этого учреждения.

Существенным вкладом в пополнение источников историко-психологических исследований явилась серия переизданий труднодоступных трудов известных русских психологов в серии «Памятники психологической мысли», одним из инициаторов и руководителем которой выступила В. А. Кольцова. После долгого забвения в научный оборот были возвращены важные работы В. М. Бехтерева, А. Ф. Лазурского, В. А. Вагнера, Г. Г. Шпета и др.

Таким образом, можно констатировать, что В. А. Кольцова не только обосновала теоретически, но и на практике всей своей творческой жизнью доказала необходимость самого пристального внимания историков психологии к проблеме сохранения и использования источников как инструмента повышения объективности историко-психологических исследований.

Е. В. Шорохова. Историко-психологический анализ социально-экономических преобразований в России в 1920–1930-е годы*

В. П. Позняков (ИП РАН, Москва)

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения Екатерины Васильевны Шороховой – выдающегося советского и российского психолога, многие годы работавшей в должности заместителя директора Института психологии АН СССР, руководителя сектора, а затем лаборатории социальной психологии, одного из основателей и лидеров московской академической школы социальной психологии. Сложилась так, что заключительный период научного творчества Екатерины Васильевны Шороховой совпал по времени с периодом радикальных социально-экономических трансформаций в российском обществе, начало которым было положено в 1990-е годы. В этот же период в российской психологической науке формировалось новое научное направление, впоследствии представленное как новая отрасль науки – экономическая психология. Значительный вклад в становление этой отрасли внесла и Е. В. Шорохова. Детские и юношеские годы Шороховой прошли в сельской местности. Именно этим можно объяснить особый интерес автора к психологическим особенностям российско-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

го крестьянства, к анализу которых Шорохова обращалась еще в советский период своей научной жизни (О. И. Зотова, В. В. Новиков, Е. В. Шорохова). На протяжении своей жизни Шорохова была не только свидетелем, но и активным участником радикальных социально-экономических преобразований в жизни российского общества: новой экономической политики, коллективизации. Поэтому научный интерес автора к психологическим аспектам и проблемам социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве во многом объясняется и особенностями ее жизненного пути.

Исследования и размышления Шороховой по поводу этих преобразований носили фундаментальный и междисциплинарный характер. Результаты этих исследований представлены в ряде научных статей, опубликованных в «Психологическом журнале» и коллективных монографиях. Основным методом научного анализа работ Шороховой этого периода выступал метод историко-психологической реконструкции, что позволяет отнести эти труды к области исторической психологии. В качестве эмпирической базы историко-психологической реконструкции выступали многочисленные и разнообразные источники: научные труды философов, социологов и экономистов, публицистические и художественно-литературные произведения. Объектом исследований выступали социально-психологические особенности российского крестьянства, а в рамках теоретико-эмпирического исследования, проведенного под руководством Шороховой вьетнамским психологом Данг Тъи Тханем, это были особенности отношения к собственности вьетнамских крестьян (Т. Т. Данг, Е. В. Шорохова). Поэтому результаты этих исследований можно рассматривать и как вклад в этническую психологию. Предметом историко-психологического анализа в этих исследованиях выступали социально-психологические явления, протекающие на разных уровнях общественной жизни: личностном, групповом, межгрупповом и социальном. Сквозным, центральным понятием, интегрирующим результаты научного анализа, выступало понятие отношений, рассматриваемое Шороховой на всех уровнях анализа: психологических отношений личности (прежде всего — отношений к собственности), межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений.

Фундаментальной научной проблемой, разрабатываемой Шороховой в работах этого периода, была проблема взаимосвязи и взаимодействия социально-экономических и социально-психологических феноменов в изменяющемся обществе. В результате историко-пси-

хологического анализа социально-экономических преобразований 1920–1930-х годов в России автор приходит к выводу о том, что самая существенная характеристика этого периода состоит в том, что он был переходным периодом, специфика которого определялась своеобразием отношений собственности, разнообразием их форм при одновременном сосуществовании и процессом смены форм собственности. Объективные экономические отношения в рамках каждой из этих форм собственности отражались в социально-психологических отношениях между индивидами и группами. В свою очередь, «отражая объективные экономические отношения, социально-психологические феномены выполняли функцию регуляторов экономического и социального поведения личности и групп» (Е. В. Шорохова). Изменение отношений собственности выступало важным фактором социально-психологической динамики личности и групп. Вместе с тем социально-психологические феномены, выполняя функцию регуляторов деятельности и поведения, оказывали обратное влияние на ход экономического развития, способствуя или препятствуя ему. Актуальность и практическая значимость результатов историко-психологического анализа социально-экономических преобразований в России в 1920–1930-е годы виделась автором в их исключительной важности для более глубокого понимания современного состояния нашего общества и извлечения исторических уроков при проведении дальнейших социально-экономических преобразований.

К проблеме репрезентации исторического знания на примере немецкой истории психологии*

В. А. Рафикова (СПбГУ, Санкт-Петербург)

В эпоху постнеклассической рациональности проблема репрезентации исторического факта становится как никогда острой ввиду отсутствия единства мнений в отношении способов интерпретации исторической реальности, а также постоянного расширения поля рефлексии в отношении вопроса связи между субъектом и объектом познания, которой характеризуется современный этап развития научного знания. Для истории психологии анализ возможных и уже существующих

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-313-90004.

способов интерпретации исторической реальности особенно важен: основные вехи развития психологической науки связаны, в частности, с эпохой тоталитарных политических режимов, что отражается на специфике направлений научных исследований, способов взаимодействия научного сообщества с властью и т. д. В этой связи особый интерес представляет историография немецкой психологии периода национал-социализма. Современное состояние проблемы интерпретации этого периода находится в положении открытой дискуссии: поставить точку в вопросе не представляется возможным не столько из-за отсутствия необходимых документальных свидетельств, сколько из-за отсутствия перспектив восполнения этих пробелов вообще (например, сложности возникают на этапе исследования внеинституциональных практик и специалистов, задействованных в них; реальное участие психологов в гражданском секторе, а не только в военном до сих пор неизвестно). Проблема усугубляется тем, что большинство практикующих психологов публиковались очень мало; также совершенно закономерно, что в библиотечных фондах, журналах и федеральных архивах они упоминаются гораздо реже, чем их коллеги из научно-академической сферы. То же справедливо для больших централизованных архивов армии, промышленности или НСДАП. Таким образом, мы видим необходимость в анализе существующих парадигм интерпретации исторических фактов в истории немецкой психологии периода национал-социализма в зависимости от социально-политических обстоятельств разных периодов.

В ходе исследования было показано, что на сегодняшний день в немецкоязычной историографии существует два конкурирующих нарратива: одна из первых и во многом до сих пор доминирующих концепций, существующих в историографии по этой тематике с 1980-х годов, была предложена У. Гойтером, который утверждал, что немецкая психология прошла через процесс ускоренной «профессионализации» в период национал-социализма; несмотря на политические и расовые преследования, обрушившиеся на многих членов психологического сообщества за время правления А. Гитлера, а также масштабную миграцию многих известных психологов того времени, психологическая наука в целом извлекла из вынужденного сосуществования с национал-социалистическим режимом выгоду. В первую очередь гипотеза У. Гойтера касается периода участия Германии во Второй мировой войне: он показывает, что немецкие психологи принимали участие в милитаризации страны, вносили свой вклад в идеологию расово-

го превосходства, а психологи-практики были задействованы в сфере военной промышленности и профессионального отбора. Альтернатива доминирующему до недавнего времени нарративу появилась только недавно: в двух своих публикациях В. Шенпflug бросил вызов этой точке зрения и выдвинул гипотезу, согласно которой психология понесла значительные потери в кадровом отношении, а также качестве преподавания и научных исследований. На наш взгляд, причины существования столь противоречивых нарративов кроются не только в отсутствии необходимых документальных свидетельств: заочный спор восходит к расколу между двумя психологическими институтами Берлинского университета, имевшему место в Западной Германии в 1960-е годы, с которыми были ассоциированы упомянутые авторы: помимо более глобального и ставшего для психологии традиционным «спора о позитивизме», берущего начало в столкновениях между Венским кружком и Франкфуртской школой в 1930-е годы (М. Horkheimer), дебаты также вращались вокруг вопроса о том, должны ли психологи нести ответственность за использование своих знаний и практик в обществе. На этом фоне вопрос о том, какую роль играла психология в национал-социализме, стал особенно спорным.

Результаты настоящего исследования показывают зависимость репрезентации исторической реальности от идеологических факторов, что особенно явно осознается в русле постнеклассической науки: вопрос о том, что приобрела немецкая психология, оказавшись в ситуации вынужденного взаимодействия с национал-социалистическим режимом, остается открытым. Однако, как показало наше исследование, особого внимания сегодня требует не только проблема поиска достоверных исторических свидетельств в пользу той или иной гипотезы, но и их переосмысление в связи с условиями их возникновения.

Психоистория Ллойда де Моса: опыт междисциплинарной дисциплины

Д. С. Самохвалов (БГУ, Минск, Белоруссия)

Психоистория как направление междисциплинарной интеграции сложилась в США во второй половине XX в. Работы психоисториков 1960–1970 гг. существенно различаются по концептуальной направленности, поэтому можно говорить о разных психоисториях. Психо-

история Л. де Моса изначально отличалась тем, что выделялась в самостоятельную дисциплину и содержала парадигму для исследований. Л. де Мос (1931–2020) получил образование социолога в Колумбийском университете и заинтересовался психологией, поскольку не находил в изучаемых предметах ответ на свой главный вопрос «Почему они делают это?». В качестве теоретической базы для толкований им был избран психоанализ, поскольку в те годы это направление имело значительный опыт интерпретации социальных процессов.

Получив грант на изучение истории детства, Л. де Мос изложил результаты исследования в 1974 г. в книге «Эволюция детства» и тогда же на конференции в Бостоне выступил с программой создания психоисторической дисциплины о моделях исторической мотивации, базирующейся на антихолистической философии методологического индивидуализма. Под последним понимался принцип, согласно которому социальные процессы могут целиком объясняться психологическими законами, управляющими мотивацией и поведением личности, а также чертами текущей исторической ситуации, которая является результатом предшествующих мотивационных действий (L. DeMause).

Свою парадигму Л. де Мос назвал психогенетической теорией истории. Она основана на представлении о том, что переживания детства формируют особенности взрослого поведения, в том числе на уровне популяций. Способность взрослых психологически регрессировать до уровня ребенка и проявлять эмпатию лежит в основе совершенствования моделей воспитания. Оно представляет собой постепенные шаги в каждом поколении, складывающиеся в психогенезис. На примере истории детства на Западе Л. де Мос выделил 6 таких моделей, доминировавших в разные эпохи. Каждая из них влияла на взрослое общество, так как была направлена на формирование определенных типов личности и психоклассов, групп, воспитанных в рамках определенной модели. Занимая ключевые позиции в обществе, представители психоклассов преобразуют его сообразно своим потребностям и интересам.

Тематическое пространство психоистории было разделено на три сферы: история детства, психобиографии, психоистория групп. Последняя дополнялась теориями циклов политического лидерства, насилия как повторного переживания детских травм. Наиболее критикованной частью его исследований было изучение «исторических фантазий» посредством психоаналитических интерпретаций (О. Шутова). При-

чем к существующему арсеналу толкований он добавил теорию фетальных (пренатальных) «источников истории».

Для популяризации своих взглядов Л. де Мос создал «Журнал психоистории» и Международную психоисторическую ассоциацию (P. Elovitz). Региональные и национальные организации психоисториков образовывались и в других странах. Благодаря этому направление психоистории, созданное им, всегда заметно выделялось среди всех течений интеграции психологии и истории. Он был уверен, что психоистория вытеснит традиционную описательную историю, станет альтернативой существующим социологическим и политологическим учениям (L. DeMause). Тем не менее этого не произошло. Психоистория и другие междисциплинарные проекты на основе психологии и истории занимают скромное место в море социально-гуманитарных исследований.

Л. де Мос признавал, что его взгляды вызывают дискуссии и порой — открытое неприятие. Однако главный вызов его психоистории скрыт в ней самой. Ее теоретическая база формировалась в первое десятилетие развития, преимущественно усилиями самого создателя. За дальнейшие почти 40 лет теория психоистории не претерпела существенных трансформаций. Это не свидетельствует о кризисе, так как доминирование той или иной парадигмы в рамках направления определяется не временем существования, а накоплением противоречащих данных. Последователи Л. де Моса расширяют тематику и проблематику исследований. Но изменения, происходящие в психологии и истории, внимание к изучению когнитивных процессов, микроисторический анализ делают психоисторию малоактуальной для молодых исследователей.

Будущее психоистории после Л. де Моса не определено. Тем не менее, опыт существования этого направления остается важным для психолого-исторических исследований как прошлого, так и будущего.

Методологическая рефлексия предьстории зарождения и истории развития Института психологии РАН

И. Н. Семенов (МГПУ, Москва)

Ключевым институциональным событием эволюции в XX в. российского человекознания является открытие в 1972 г. Института психологии АН СССР (ИП АН). Его создание глубоко укоренено в историю

науки, что составляет предысторию зарождения идеи об Институте психологии в системе Академии наук. Феноменология основания Б. Ф. Ломовым ИП АН освещается в целом его участниками и историками психологии. Проектируя ИП АН, он опирался на трактовку системного подхода и помощь В. П. Кузьмина, методологию человекознания Б. Г. Ананьева и его проект создания в ЛГУ НИИ комплексных социальных исследований. Однако в методологическом плане этих фактов все же недостаточно для полноты картины рефлексивной реконструкции генезиса ИП АН. Поэтому актуальны такие историко-научные проблемы, как анализ социокультурных корней зарождения идеи об открытии в Академии наук центрального в стране института психологии, так и науковедческое изучение путей построения его организационного проекта и исследовательских стратегий их предметной и персональной реализации в конкретно-исторических условиях. Институционально-персонологическое изучение более, чем столетней (И. Н. Семенов) эволюции российского человекознания показывает, что идея о необходимости академического института психологии восходит к началу 1920-х годов. Ибо после революции рушились старые институты (в 1923 г. уволен директор Психологического института при МГУ Г. И. Челпанов, да и сам МГУ был разделен на 1-й и 2-й вузы), но при этом на пассионарной волне авангардно-проектного энтузиазма быстро создавались новые. Так возникли Государственная академия художественных наук (ГАХН), руководимая в том числе философом-психологом Г. Г. Шпетом, и созданный им же Институт научной философии (ИНФ), директором которого он был в 1921–1923 гг. Хотя Г. Г. Шпет в ИНФ так и не успел создать академически мощный отдел психологии, он все же реализовал эту идею как вице-президент ГАХН открытием психологических лабораторий. Они стали пристанищем для учеников Г. И. Челпанова (Н. И. Жинкина, С. В. Кравкова, А. Ф. Лосева, В. М. Экземплярского), уволившихся с ним в 1924 г. из реформированного К. Н. Корниловым Института экспериментальной психологии (ИЭП). Четверть века спустя спроектированная Г. Г. Шпетом структура ИНФ во многом стала прообразом создания Института философии в системе АН СССР (ИФАН). Им после войны руководил – на посту заместителя директора – философ-психолог С. Л. Рубинштейн, учитывая опыт как Г. Г. Шпета, так и свой, когда во время войны был директором ИЭП. Реализуя (из-за подчиненности АПН РСФСР) прикладной педагогический профиль ИЭП, С. Л. Рубинштейн не смог организовать в нем обще-

психологических исследований фундаментальных проблем связи сознания и деятельности (что было малозначимо для ветеранов ИЭП). Ставший в 1945 г. заместителем директора ИФАН, С. Л. Рубинштейн мечтал в перспективе о выделении из него будущего ИП АН. С этой целью он: 1) создал сектор психологии (Б. Г. Ананьев, Н. Н. Ладыгина-Котс, Б. М. Теплов и др.) с лабораторией во главе с С. В. Кравковым; 2) добился доставки из Германии по репарациям лабораторного оборудования; 3) для его монтажа отремонтировал верхний этаж ИФАН, пробив стены для обустройства лаборатории. Параллельно проводя эксперименты с восприятием и мышлением, он обосновал проект создания будущего ИП АН, передав его в Президиум АН СССР. Возглавившая с 1960 г. созданный С. Л. Рубинштейном сектор в ИФАН Е. В. Шорохова организовала по его проектам (И. Н. Семенов): 1) две конференции по философским вопросам естествознания и психологии с изданием их материалов; 2) публикацию книг по истории зарубежной психологии; и 3) по обобщению достижений зарубежной и советской психологии мышления; 4) издание сборников по прикладной психологии. В 1972 г. она приняла приглашение Б. Ф. Ломова и перевела в ИП АН этот сектор. Став заместителем директора ИП АН, Е. В. Шорохова развернула в нем систему методологических и социально-психологических исследований личности и групп. Ее сектор из ИФАН вместе с лабораториями (В. Д. Небылицына, О. К. Тихомирова, В. Ф. Рубахина и др.) образовали костяк нового ИПАН, который с 1992 г. в виде ИП РАН является флагманом современной российской психологии. Начавшаяся в 1972 г. 50-летняя история ИПАН/ИП РАН в институциональном плане делится на 4 периода под руководством его директоров: 1) Б. Ф. Ломова (с 1972 г.), 2) А. В. Брушлинского (с 1989 г.), 3) А. Л. Журавлева (с 2002 г.), 4) Д. В. Ушакова (с 2018 г.). Ими разработаны исследовательские стратегии развития отечественной психологии, адекватные актуальным условиям прогресса общества и формирования человеческого капитала (И. Н. Семенов, А. Н. Татарко) его граждан в социокультурной перспективе рубежа XX–XXI вв.

Психологическое исследование как формула смысла: историко-методологический аспект

О. Е. Серова (ПИ РАО, Москва)

Значимой и недостаточно изученной составляющей теоретико-методологического опыта русской психологической науки являются разработки А. Ф. Лосева в области исследований онтологических и категориальных первооснов психологической науки, которая, по словам ученого, могла бы описать самое бытие человеческой души, проникнуть в тайну самопознания и творческой интуиции.

Научное творчество А. Ф. Лосева (1893–1988) отличается непосредственностью связи авторских концептов с целым интенционального пространства русской философской мысли, соразмерного общему объему проблематики человеческого существования. Мировоззренческую платформу мыслителя, порождающую критерии его научной картины мира и профессионально-психологических дефиниций, правомерно определить как интеграцию опыта античной и новоевропейской философской мысли на основании традиции православного духовного онтологизма и мистического символизма. Психология являлась средоточием его общего религиозно-философского интереса к исследованию природы человеческого бытия и мышления. Для того чтобы органично «влиться в вечный поток всемирно-исторического творчества человека» и обрести бытийную глубину, русская психология, по убеждению ученого, должна преодолеть узкие пределы рационалистической картины мира, претензии «стать математической и естественно-научной дисциплиной» и вернуться к своему живому православному культурно-историческому корню (А. Ф. Лосев).

Преемственно восприняв психологические идеи фундаментального труда своего учителя Г. И. Челпанова «Проблема восприятия пространства» (1896–1904), А. Ф. Лосев в принадлежащей ему уникальной по высоте замысла работе «Исследования по философии и психологии мышления» (1915–1919) предложил методологический проект построения онтологических основ психологии как самодостаточной науки. Его инновационное понимание существа психологического исследования обуславливалось теоретической установкой на необходимость выхода на первичные уровни реальной, живой психики.

Ученый доказал бесперспективность характерного для науки физикалистского взгляда на психику «как на вещь или на собрание вещей» и своевременность коренного пересмотра ее функционального потенциала — «различение в реальном познавательном опыте идеального, т. е. не подверженного эмпирическим переменам», а также на дифференцирование «смысла и явления» (А. Ф. Лосев). Он первым указал на уровень «до-теоретического описания этих смыслов» как на перспективную цель психологических исследований.

Весь объем психологических выводов А. Ф. Лосева был интегрирован в новое для психологии понятие «непосредственной данности». Уникальность реальности, стоящей за этим определением, создавала уникальный контекст инновационной методологической ситуации для построения ее определения: вненаучное понятие должно быть построено для целей науки, но на основе умозрения, т. е. без помощи характерных для науки средств и методов, поскольку, еще не предполагая их. Поиски непосредственной данности — это поиск ответа на вопрос о том, что есть то первоначальное, из чего и образуются все известные структурные формы сознания (представление, образ, понятие, суждение и пр.). Теоретические аналогии в учениях Г. И. Челпанова, Н. О. Лосского, В. Джеймса и Э. Гуссерля позволили уточнить координаты поискового поля и параметры искомого явления как состояния, в котором предмет не представляется и не мыслится, но переживается и присутствует в той или иной полноте, но всегда адекватно, а именно: «Первичная и непосредственная данность есть то „переживание“ предмета, в котором еще не выделены субъект и объект познания и в котором одинаково участвуют как тот, так и другой, производя вместе некое объективное состояние, лишенное как каких-нибудь структурных форм сознания, так и материально-психических определений и лишь в рефлексии разложимое на субъект и объект» (А. Ф. Лосев). Эту «принципиальную координацию», являющуюся первичной данностью, ученый определил как «объективный смысл». Понятие объективного смысла выражало психологическую суть онтологического понятия непосредственной данности, и на его основе — как исходном понятии психологии — А. Ф. Лосев считал возможным построение новой теории психологии как соразмерного средства познания сокровенных глубин души и научного мышления.

История кафедры психологии Ярославского педагогического университета: возможности периодизации*

Ю. Н. Слепка (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль)

Сегодня центрами Ярославской психологической школы являются кафедра общей и социальной психологии ЯГПУ и факультет психологии ЯрГУ. Они давно заняли особое место среди других школ и направлений отечественной психологии. Хорошо известны достижения ярославских психологов в области теории, истории и методологии психологии (А. В. Карпов, В. В. Козлов, Ю. К. Корнилов, В. А. Мазиллов, В. Д. Шадриков и др.), психологии труда (А. В. Карпов, В. Е. Орел, Ю. П. Поваренков, В. Д. Шадриков и др.), педагогической психологии (Е. В. Карпова, М. М. Кашапов, Н. В. Нижегородцева и др.), социальной психологии (В. В. Козлов, В. А. Мазиллов, В. В. Новиков и др.), психологического консультирования (Л. Г. Жедунова, Н. В. Ключева, О. Н. Посысоев и др.). Названные направления характеризуют современный этап развития Ярославской психологической школы, акцентируя внимание на хронологических рамках между 1970-ми годами и сегодняшним днем. В этой связи изучается роль отдельных ученых (Н. П. Ерастова, В. В. Карпова, В. В. Новикова, М. С. Роговина, Л. П. Урванцева, В. Д. Шадрикова и др.) в развитии психологии в Ярославле (Т. Б. Венцова, В. В. Козлов, М. М. Кашапов, В. В. Мазиллов, Ю. Н. Слепка, В. Д. Шадриков). Описывается история создания и развития факультета психологии (А. В. Карпов, В. А. Мазиллов).

Между тем знакомство с источниками (публикации, Ярославский областной архив, Архив ЯГПУ и др.) позволяет значительно расширить хронологические рамки истории Ярославской психологической школы и определить в качестве значимого научного, образовательного, кадрового, организационного центра ее зарождения и развития кафедру психологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Обоснованность данного утверждения подтверждается исследованиями, посвященными более ранней истории развития психологии в Ярославле. Речь идет об изучении жизни и деятельности первых психологов (А. Аристова – 1812–1860, И. А. Кедрова – 1811–1846) в Ярославле (В. А. Мазиллов, Н. М. Соколова), преподавании психологии в Ярославском учитель-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07156.

ском институте (1908–1918) и создании кафедры психологии в ЯГПУ (Г. А. Мурашов, Ю. Н. Слепко), роли В. С. Филатова в развитии психологии в Ярославле (В. А. Мазилев), ранних этапах развития психологии труда, трудового обучения и воспитания в ЯГПУ (В. А. Мазилев, Ю. Н. Слепко) и др.

Опираясь на источники, можно утверждать, что начало институционализации психологии в Ярославле связано с созданием в 1918–1919 уч. г. в ЯГПУ кафедры психологии. На истории последней мы и сконцентрируемся в настоящем тексте. Вплоть до сегодняшнего дня преподавание психологии в ЯГПУ не прерывается, несмотря на известные события в отечественной психологии в 1930–1940-е годы.

Используя в качестве основы изучения истории кафедры психологии имеющиеся источники (приказы по ЯГПУ, списки преподавателей и их личные дела, программы учебных дисциплин и др.), можно описать данный процесс как непрерывный и имеющий определенные этапы.

1-й этап (1918–1936). Данный этап можно назвать классическим с постепенным смещением научных интересов к педологии и психотехнике. В это время на кафедре работали С. А. Голованенко, И. О. Зубов, А. Ф. Опочинский, М. П. Поливанов, Н. А. Соколов, И. П. Четвериков и др. Учитывая начало развития психологии в ЯГПУ, с 1930 г. преподавателями работают приезжие психологи И. Н. Дьяков, П. А. Рудик, Л. М. Шварц.

2-й этап (1937–1945). В связи с известным постановлением СНК в 1936–1937 уч. г. кафедра педологии и психологии (так она называлась с 1926 г.) была объединена с кафедрой педагогики. Между тем, преподавание ряда психологических дисциплин осуществлялось кандидатом педагогических наук (по психологии) (с 1943 г.) И. М. Цветковым.

3-й этап (1946–1969). Данный этап можно назвать периодом активного решения проблем психологии воспитания, психологии труда и трудового обучения. Начало этапа связано с приездом в 1946 г. в ЯГПУ в качестве заместителя директора института и заведующего кафедрой психологии В. С. Филатова (1900–1974). Наиболее ярким событием в эти годы стало создание на базе кафедры в 1964 г. головной для Министерства просвещения РСФСР проблемной лаборатории психологии труда, трудового обучения и воспитания.

4-й этап (1970—с.д.). Современный этап развития берет свое начало с перехода ведущих преподавателей кафедры психологии (М. М. Князев, В. В. Новиков, В. С. Филатов, В. Д. Шадриков и др.) на факультет психологии созданного в 1970 г. Ярославского государственного университета. Между тем на кафедре под руководством В. В. Карпова, Н. П. Ерастова были продолжены исследования проблем психологии труда, трудового обучения и воспитания, педагогической психологии и др.

В истории кафедры психологии ЯГПУ хорошо отражается не только развитие Ярославской психологической школы, но и история развития психологии в России в XX—XXI вв.

Обсуждение роли категории «взаимодействие» в психологии (по архивным материалам дискуссии 1948 года)*

Е. Е. Соколова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В настоящем сообщении речь пойдет об одной линии обсуждения и критики монографии А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» (1947) в дискуссии 1948 г., стенограммы которой до сих пор не только не опубликованы, но и не изучены, на наш взгляд, в должной мере. Эта линия имеет отношение к самым фундаментальным вопросам психологии, историко-методологическая рефлексия которых не потеряла своей актуальности. В данном случае имеется в виду проблема выбора исходной философской категории как основания для построения системы собственно психологических понятий. Для А. Н. Леонтьева таковой выступила категория «взаимодействие».

Осуществленный нами анализ архивных материалов указанной дискуссии (в сравнении с более поздними работами А. Н. Леонтьева и его школы, а также с трудами С. Л. Рубинштейна, с одной стороны, и исследованиями философской школы Э. В. Ильенкова, с другой) позволил выделить существенные различия в точках зрения диспутантов на суть категории взаимодействия и ее роль в психологии. Для А. Н. Леонтьева (и ряда его единомышленников) всеобщее взаимодействие выступало аналогом Спинозовской субстанции, а деятель-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 20-18-00028.

ность — одной из форм взаимодействия, являющейся субстанцией сознания (и психики в целом). Тем самым, утверждал в ходе дискуссии по «Очерку развития психики» Н. И. Жинкин, «преодолевается метафизическое противопоставление субъекта и действительности. <...> Это единство и обеспечивается деятельностью. Деятельность становится предметом изучения психологии». Однако С. Л. Рубинштейн, признав верным положение о том, что надо «снять противопоставление индивида, организма, мозга, внутренних условий и внешней, в частности, общественной среды, как внешних „факторов“, порознь определяющих психику», посчитал, что «из этого никак не следует, что можно признать определяющей самое деятельность как взаимодействие и как взаимоотношение <...>. Принципиально нельзя сказать, что взаимодействие является ведущим, а нужно сказать, что является ведущим в этом взаимодействии, что является его основой».

Нами были проанализированы выделенные С. Л. Рубинштейном в его выступлении в дискуссии 1948 г. три точки зрения на обсуждаемый вопрос, включая его собственную, и ответ А. Н. Леонтьева в его заключительном докладе на возражения Рубинштейна. Главным возражением было то, что, согласно С. Л. Рубинштейну, у А. Н. Леонтьева «прямо не названной основой» взаимодействия является субъект, а это С. Л. Рубинштейн назвал в своих подготовительных материалах к дискуссии «уступкой идеализму», поскольку при таком истолковании взаимодействия «снимается определяющая роль условий жизни, в которые своей жизнью и деятельностью включается человек». Именно эти внешние материальные условия общественной жизни, утверждал С. Л. Рубинштейн в ходе дискуссии, и должны быть признаны основой взаимодействия.

В заключительном докладе А. Н. Леонтьев весьма подробно ответил своему главному оппоненту на претензии, высказанные в его, как выразился Леонтьев, «кружевном» выступлении, показав при этом, что предлагаемое С. Л. Рубинштейном «третье» решение проблемы — далеко не новое, поскольку «условия жизни» понимаются по-прежнему как внешняя среда. Однако, по мнению А. Н. Леонтьева, это противоречит исходному марксистскому определению бытия «как реальной жизни людей в определенных условиях», и поэтому нельзя противопоставлять бытию — деятельность, а бытие отождествлять с внешними его условиями. Впрочем, судя по выступлениям других участников дискуссии (Н. Х. Швачкина, В. А. Артемова и др.), подобное отождествление было весьма характерно для ученых того времени, что было об-

условлено, кроме всего прочего, определенными социокультурными обстоятельствами, создававшими благодатную почву для вульгаризации аутентичного марксизма.

Вместе с тем следует отметить, что в последующие годы позиции А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна, в частности в отношении категории взаимодействия, стали в известной мере сближаться и не противостояли друг другу уже так радикально, как в дискуссии 1948 г. Однако обсуждение данного вопроса не входило в задачи настоящего сообщения.

К истории психологии труда в СССР: выступление К. К. Платонова на совещании 1952 г.

Н. Ю. Стоюхина (ННГУ им. Лобачевского, Нижний Новгород)

Развитие психологии труда в Советском Союзе отличалось неравномерностью. Бурное начало и яркое становление первых двух десятилетий советской власти было прервано в 1936 г. и возобновилось после совещания по психологии труда (28 февраля—4 марта 1957 г.) (Н. Ю. Стоюхина). Однако предпринимались еще попытки возобновить деятельность психологов труда — К. Н. Корниловым в 1944 г. и С. Г. Геллерштейном в 1946 г. Мы остановимся еще на одном выступлении советского психолога труда — К. К. Платонова (Н. Ю. Стоюхина) на совещании по вопросам психологии (30 июня — 5 июля 1952 г.), где психологи должны были отчитаться за сделанную ими работу после объединенной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова (А. Л. Журавлев, Н. Ю. Стоюхина).

После полагавшихся хвалебных слов в честь гениальных трудов И. В. Сталина о языкознании и бессмертного учения И. П. Павлова К. К. Платонов перешел к волнующим его вопросам. Он сказал: «Министерство трудовых резервов и ряд других ведомств... не занимаются вопросами психологии труда. Психологи-одиночки, разрабатывающие на кафедрах и в институтах вопросы психологии труда, занимаются ими в отрыве от вопросов трудовой экспертизы, производственного обучения, в отрыве от проблемы восстановления функций. Согласования и обсуждения выполняемых ими работ не проводятся». Он считал, что следует установить взаимодействия с педагогичес-

кой психологией (производственное обучение), клинической психологией (трудотерапия и врачебно-трудовая экспертиза), психологией спорта, а также открыть центр, объединяющий всеобщие силы, экспериментальные базы, специальный психологический журнал, единый план работы.

Вопрос соотношения предмета психологии труда и предмета общей психологии также требует решения, а ведь он «определяется практическими жизненно важными задачами, которые могут и должны решаться этой наукой (или ее отраслью) и которые не могут быть полноценно решены без помощи данной науки (или ее отрасли)».

К. К. Платонов наметил несколько задач отрасли:

- Следует ответить на вопрос, как с позиций учения И. П. Павлова научиться использовать закономерности развития трудовой деятельности, к которым можно отнести проблемы творческого труда, планирования труда, стахановского труда.
- Необходимо найти ответы на ряд вопросов: почему в одних и тех же условиях «различные лица в различные сроки и с различной степенью мастерства овладевают определенным видом трудовой деятельности? Как своевременно это учесть и поставить прогноз хода их производственного обучения? Какие качества и какими способами необходимо развивать у учащихся, чтобы они быстрее и полноценнее усвоили данный вид трудовой деятельности?», т. е. решить проблему способностей к труду, которая совсем не разрабатывается, и целенаправленно формировать способности к определенным видам труда. В советской психологии только Б. М. Теплов занимается разработкой проблем способностей, но музыкальных, а не способностей к труду. Причина этого лежит: а) в педологии, педологи считали фатальную обусловленность судьбы человека двумя «факторами»; б) в полном отождествлении способностей со знаниями и навыками; в) в излишнем отрыве способностей от знаний и навыков.
- Изучить вопросы, связанные с качеством трудовой деятельности, что сближает этот участок психологии труда с клинической психологией.
- Создать новый метод, который заменил бы «трудовой метод изучения профессий, строившийся на интроспекции и давно сданный в архив», для чего нужна современная техника, «станки-лаборатории», «паровозы-лаборатории», «самолеты-лаборатории»,

«которые позволили бы объективно регистрировать все те внешние воздействия среды, которые детерминируют соответствующие трудовые движения, регистрировать эти трудовые движения вплоть до направления взгляда, которые позволили бы регистрировать эмоциональные реакции».

Как считал К. К. Платонов, решение этих задач необходимо для ликвидации отставания психологической науки от запросов практики и вполне посилено для советской психологии. Он надеялся, что это совещание не только поможет разобраться в ряде трудных и спорных теоретических вопросов психологии, но и поможет создать условия для дальнейшей творческой экспериментальной работы, которая обеспечит ликвидацию отставания психологической науки от запросов практики.

На совещании 1952 г. больше никто из выступавших не поднимал вопросы психологии труда. Этот небольшой эпизод в историческом масштабе — один звучащий голос ученого — свидетельствует о важности произошедшего: совершенно неважно, что для возрождения психологии труда потребовалось совершение нескольких исторических условий, важно, что К. К. Платонов не дал забыть коллегам об исчезнувшей отрасли — психологии труда.

История психологии в провинциальном контексте

Э. В. Тихонова (Арзамасский филиал ННГУ, Арзамас)

В данной работе дается краткое описание одной из форм сотрудничества Института психологии РАН с образовательными центрами России, благодаря чему возникла традиция проведения научного методологического семинара «Арзамасские чтения по истории психологии».

История психологии занимает особое место среди многочисленных отраслей данной науки. Она не только выполняет познавательную функцию, но несет миссию по формированию облика психологической науки в целом. Всем нам хорошо известно, что без истории нет ни теории, ни практики. В связи с этим уместно вспомнить слова Г. И. Челпанова, который призывал не быть ремесленниками от науки, ведь «ремесленник знает, как надо делать, но не знает, почему надо делать именно так».

Перед историей психологии стоит задача сохранить всё ценное, что создано на предшествующих этапах развития психологического знания, дать объективную оценку достижениям прошлого и современного состояния психологии и на этой основе выделить перспективные линии ее дальнейшего развития (В. А. Кольцова). Решение столь ответственных задач, определяемых запросами времени, требует консолидации и координации усилий историков психологии, активизации научных дискуссий по наиболее актуальным проблемам психологии с целью повышения достоверности историко-психологических исследований. Особое значение приобретает проведение регулярных обсуждений проблем истории психологии как на страницах научных журналов, так и на конференциях, симпозиумах, семинарах.

Одной из таких площадок для профессионального общения историков психологии является старинный русский город Арзамас, где с 2008 г. проводятся «Арзамасские чтения по истории психологии». Это научное мероприятие – плод сотрудничества Института психологии Российской академии наук, Московского гуманитарного университета и Арзамасского филиала ННГУ (ранее – Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара). Особая роль в идеологической и организационной поддержке данного мероприятия принадлежит ведущим российским ученым А. Л. Журавлеву, В. А. Кольцовой и Ю. Н. Олейнику.

Формой проведения трех первых Арзамасских чтений по истории психологии, которые прошли соответственно в 2008, 2011 и 2014 гг., был методологический семинар, но со временем интерес к данному научному мероприятию возростал, а соответственно увеличивалось число его участников – как российских, так и зарубежных. В связи с этим четвертые Арзамасские чтения по истории психологии было решено провести в форме масштабной Всероссийской научной конференции с международным участием. Проект на проведение данной конференции весной 2019 г. победил во Всероссийском конкурсе научных мероприятий и получил финансовую поддержку (грант) Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Это позволило привлечь к участию в четвертых Арзамасских чтениях известных ученых в области истории психологии из ведущих научных центров нашей страны – Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Рязани, Астрахани, Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Иркутска, Сочи, Ханты-Мансийска, Хабаровска, Ярославля. Международную

географию представляли участники конференции из Болгарии, Германии, Италии. В ходе конференции были выявлены современные тенденции в области истории психологии и исторической психологии и определены перспективные направления дальнейшего поступательного развития этих научных отраслей. Впервые на конференции по истории психологии была организована молодежная секция, что должно способствовать преемственности ученых разных поколений и повышению у начинающих исследователей интереса к истории психологии, пониманию ее значения и привлечению в научную отрасль молодых ученых.

Масштаб и форма проведения мероприятия позволяет назвать «Арзамасские чтения» младшим братом главного историко-психологического форума в нашей стране «Московских встреч по истории психологии», который проводится с периодичностью раз в 5 лет.

Главной особенностью «Арзамасских чтений по истории психологии» является возможность профессионального общения в камерной обстановке, на «нейтральной территории» (не в столицах, а в русской провинции). На несколько дней (традиционно осенью – в сентябре–октябре) старинный город становится центром обсуждения актуальных направлений и проблем историко-психологических исследований, проведения круглых столов, презентаций книг, журналов. Выездные заседания секций проводятся в местах, связанных с культурой и историей нашей страны – в усадьбе А. С. Пушкина Болдино, в духовном центре России Дивеево.

По результатам работы «Арзамасских чтений по истории психологии» издаются сборники трудов ученых (2009, 2012, 2014, 2019).

Проведение очередных пятых чтений запланировано на 2023 г.

Таким образом, организация ряда мероприятий «Арзамасские чтения по истории психологии» является примером успешного сотрудничества и творческого взаимодействия ведущих федеральных научных центров и региональных образовательных организаций (А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова).

Историческая динамика ценности семьи и ее отражение в российском менталитете*

Б. Н. Тугайбаева (ИП РАН, Москва), Е. В. Харитонова (ИП РАН, Москва)

Исследование менталитета продолжает оставаться одной из значимых проблем социогумантарных наук, предполагается, что познание менталитета того или иного народа поможет прогнозировать, интерпретировать, объяснять модели поведения людей, их реакции на события, основные ценности и установки. Менталитет, являясь достаточно устойчивым образованием, имеет тенденцию к некоторым инновациям, особенно под массивным воздействием современных социально-политических, экономических и глобализационных процессов.

Задачей нашего историко-психологического проекта является исследование тенденций изменения менталитета через призму семьи, в том числе и изучение ценностного отношения к семье вообще. Одним из наиболее устойчивых институтов трансляции менталитета остается семья, в которой, с одной стороны, отражаются все ментальные характеристики народа, с другой стороны, семья (внутрисемейные отношения, роли в семье, структура семьи, ценности и др.) также трансформируется в историческом времени. Кроме того, сама ценность семьи претерпевает закономерные изменения в зависимости от исторического контекста. Ценность семьи относится к общечеловеческим ценностям, она эволюционно и исторически обусловлена несколькими факторами: экономическим, что подразумевает материальное обеспечение ресурсами, их распределение, их производство и т. п.; социальным — семья как «ячейка общества»; духовно-нравственным и эмоциональным, обеспечивающим психологическое благополучие и сплоченность членов семьи. В рамках исторической психологии представляется возможным рассмотреть, как в определенные исторические периоды происходят динамические преобразования во всех этих областях жизни и какое влияние они оказывают на социально-психологические характеристики семьи и ценностное отношение к семье.

В конце XIX—начале XX в. в России ценностные установки по отношению к семье во многом определялись экономическим и религиозным факторами. Создание семьи считалось обязательным дол-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00390.

гом каждого человека перед обществом и Богом, что способствовало и раннему вступлению в брак, относительной стабильности браков, высокой рождаемости; внутрисемейные отношения выстраивались по авторитарному, патриархатному типу. Экономические интересы главы семьи, сословная и конфессиональная принадлежность определяли возможности вступления в браки молодых, часто заключающиеся по договоренности между родителями; личные предпочтения и чувства будущих супругов не всегда учитывались. Октябрьская революция 1917 г. способствовала значительным изменениям в понимании ценности семьи, особенно после принятия нового «Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекунском праве РСФСР» 1918 г. Законодательно были устранены все религиозные, национальные, сословные и социальные запреты для вступления в брак, создание семьи становится свободным решением равноправных граждан, так как женщины юридически были признаны равными во всех правах с мужчинами. Расторжение брака стало доступным для всех. Значительные изменения в семейных отношениях стали отмечаться в советском государстве с 1920-х годов, они отражали пагубные явления в межполовом взаимодействии мужчин и женщин, распад традиционной семьи, сдвиги в ментальности представителей разных слоев общества (Л. И. Сеницына, О. М. Здравомыслова, А. А. Семенов и др.). Дальнейшее регулирование семейной, брачной и сексуальной жизни граждан со стороны государства, изменения политики в отношении семьи в 1930-е годы и последующие десятилетия советского периода истории страны, меняющиеся социоэкономические условия привели к оформлению «традиционной советской» семьи и ее восприятию как значимой ценности у граждан. Эта семья также претерпела разрушение и трансформацию в последующее историческое время, на рубеже XX–XXI в. в период коренных преобразований.

В современных ценностях семьи происходят закономерные изменения, связанные, в частности, с инновациями в российском менталитете, прежде всего выраженными в приоритете ценности отдельной личности, преобладании индивидуализма, который не свойствен нашему менталитету. В семейной сфере отмечаются новые тенденции: с одной стороны, более поздний возраст вступления в брак, сознательный отказ от родительства, отрицание нужности брака так такового, разнообразие форм семейно-сексуальных отношений и гражданско-го брака (гостевой, однополые и т. п.), с другой стороны, ответствен-

ное родительство, планирование деторождения, равноправное партнерство, увеличение числа религиозных браков. Семья становится все более неустойчивой с нарастанием внутренних конфликтов, требующей внешней поддержки.

В целом можно сказать, что ценность семьи находится в конкурентных отношениях с внесемейными ценностями. Однако семья представляет собой модель общества, и все общественные преобразования находят свое отражение и на уровне семьи.

Понятие «историческое время» в исторической психологии

Е. В. Харитонова (ИП РАН, Москва)

Любая дисциплинарно организованная наука формирует свой понятийный аппарат, что является сложным и длительным процессом, когда изучаемое явление посредством перехода от непосредственного чувственного познания действительности через теоретико-мыслительные операции приобретает статус рационального отражения объективной реальности. Понятия как форма научного знания той или иной науки, таким образом, становятся воплощением результатов научного познания. Обогащение понятийного аппарата осуществляется в постоянном режиме и способствует развитию научной дисциплины. Многие понятия являются междисциплинарными, что способствует их переходу в разряд категорий, более широких и обобщенных, способных отражать существенные признаки или связи объективной реальности.

Проблема понятийно-категориального аппарата остается актуальной для любой науки, но есть дисциплины, в которых пока нет специальных исследований по этому вопросу и понятийный аппарат которых недостаточно разработан. В полной мере это можно отнести к исторической психологии. Историческая психология относится к области междисциплинарного знания, она несет в себе черты истории и психологии, заимствуя понятия, методы исследования. Одним из общих понятий, которое, на наш взгляд, претендует на переход в разряд категорий, является «историческое время». В истории и в исторической психологии объект познания и познающий субъект всегда отдалены друг от друга временем и исследуют именно историческое время, которое не однолинейно как физическое время, в нем коор-

динаты прошлого, настоящего и будущего пересекаются в человеке, темп исторического времени, его плотность, насыщенность событиями также не одномерны. Для исторической психологии представляют интерес не сами события, происходящие в то или иное время, а историческая детерминация этих событий, обусловленная историческим временем, которое прежде всего выражает главные мировоззренческие идеи эпохи, господствующие в данном обществе (В. Г. Герасимов).

Историческое время создает смыслы и ценности, определяет траекторию развития личности. «Историческое время, как и все общественное развитие... есть фактор первостепенного значения для индивидуального развития человека. Все события... всегда располагаются относительно к системе измерения исторического времени. События в жизни отдельного народа и всего человечества... определяют даты исторического времени и конкретные системы его отсчета» (Б. Г. Ананьев).

Историческое время, таким образом, связано не столько с календарным временем, на которое человек не имеет возможности воздействовать, сколько с социальным временем, с теми идеями, ценностями, общественными настроениями, которые определяют «дух эпохи», именно в силу этого отдельные временные промежутки, благодаря особой активности людей, увеличивают ценность единицы исторического времени. Такое «историческое время» более насыщено событиями, социальными явлениями, действиями, нежели другие, и поэтому представляется более продолжительным.

Историческое время, таким образом, несмотря на сложность его точного содержательного определения в исторической психологии, безусловно, является одним из важнейших понятий, без которого исследования в данной области не представляются возможными.

Научные и социокультурные предпосылки создания лаборатории истории психологии в ИП АН СССР*

Е. Н. Холодovich (ИП РАН, Москва)

В октябре 1984 г. в ИП АН СССР была создана научная группа по истории психологии. В состав группы вошли три сотрудника: руководитель группы В. А. Кольцова, Е. А. Будилова, Ю. Н. Олейник.

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

Создавая ИП АН СССР, Б. Ф. Ломов решал важнейшие задачи практики и разрабатывал фундаментальные проблемы науки, опираясь на выдвинутый В. М. Бехтеревым принцип единства теории, методологии и практики. Являясь представителем ленинградской школы психологии и непосредственно учеником Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломов был убежденным сторонником развития исследований по истории психологии. Он видел необходимость изучения истории отечественной психологии, которая являлась бы базисом теоретических исследований и помогла избежать повторов в научных разработках, увидеть новые тенденции и направления в науке. Подобные исследования должны опираться на документально подтвержденные факты, в том числе архивные документы, поэтому нужно создать архивный банк данных, куда бы собирались документы, относящиеся к истории отечественной психологии.

Привлечение к работе группы Е. А. Будиловой, известного историка психологии, ученицы С. Л. Рубинштейна, стало важнейшей предпосылкой для формирования исследовательской программы по истории психологии. В своих воспоминаниях о С. Л. Рубинштейне Е. А. Будилова писала, что в конце 1940-х годов в секторе психологии Института философии АН СССР под руководством С. Л. Рубинштейна начали проводиться первые исследования по истории отечественной психологии. В этот период бытовало мнение, что «отечественных исследований в этой области не было и речь может идти лишь о заимствованиях извне», с чем С. Л. Рубинштейн был категорически не согласен. Он инициировал разработку психологических идей И. М. Сеченова, которые стали темой кандидатской диссертации Е. А. Будиловой, а становление и развитие психологической науки в России выступило основной темой ее историко-психологических исследований в целом. Причем С. Л. Рубинштейн негативно относился к не подтвержденным документально фактам в историко-психологических работах и указывал на необходимость их тщательной проверки и обоснования, что также сказалось на разработанной в ИП АН СССР программе по истории психологии и дальнейших исследованиях в этой области.

Выбор руководителем группы молодого перспективного сотрудника В. А. Кольцовой, которая имела базовое историческое образование, прекрасно себя зарекомендовала и издала несколько статей по истории психологии, был верен. В. А. Кольцова выступила достойным разработчиком намеченных Б. Ф. Ломовым и Е. А. Будиловой идей: идеи Б. Ф. Ломова о комплексном и системном исследовании в области исто-

рии психологии, введенного в историю психологии Е. А. Будиловой принципа исторического и логического. Именно ей удалось собрать воедино и оформить в виде монографии теоретико-методологические проблемы истории психологии: общенаучные и конкретно-научные принципы историко-психологических исследований, задачи и функции этой дисциплины, очертить предметное поле истории психологии, выделить ее объект, осуществить классификацию методов, предложить процедуру психолого-исторической реконструкции, обозначить вненаучные формы психологического знания; создать архив и музей ИП РАН. Именно она под руководством Б. Ф. Ломова и Е. А. Будиловой сформулировала программу работы группы по истории психологии, которая определила на многие годы линию развития изучения историко-психологического знания в Институте психологии.

Эта программа включала конкретные историко-психологические исследования: изучение истории научных проблем и направлений; анализ состояния разработки психологии в определенные историко-хронологические периоды; историко-биографические исследования, посвященные анализу научного наследия ученых; изучение истории психологических центров и учреждений; разработку проблем методологии истории психологии; историографию и источниковедение истории отечественной психологии и подготовку источниковой базы ее изучения; создание информационных систем для проведения поисковых исследований; подготовку кадров по истории психологии; популяризацию истории отечественной психологии.

На рубеже 1980–1990-х годов в советском обществе возростал интерес к историческим корням, что не обошло и науку. Как писала Е. А. Будилова, «когда прошлое столь настойчиво требует к себе внимания и когда проблеме истории культуры в нашей стране отводится все больше места, необходимо изучать роль психологических знаний в жизни общества, а также истоки русской психологической науки и ее предысторию».

Таким образом, субъектный и личностный факторы, логика развития науки того времени и ее направленность на решение новых практических и теоретических задач, а также возрастающий интерес в обществе к истории культуры своей страны стали важнейшими предпосылками к институализации истории психологии, т. е. оформлению ее в организационную структуру в составе Института психологии АН СССР в 1984 г., которая в 1991 г. получила официальный статус лаборатории истории психологии.

Новейшая история психологии и принципы ее исследования

М. Г. Чеснокова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Среди актуальных вопросов истории психологии особо стоит выделить два. Это анализ современного состояния психологической науки и рефлексия принципов историко-психологического исследования. С момента написания Л. С. Выготским работы «Исторический смысл психологического кризиса» прошло без малого сто лет. С тех пор ничего близкого по глубине анализа общего положения, основных тенденций и задач развития науки в отечественной психологии не появлялось. В современных учебниках по истории психологии никак не представлена новейшая история науки, развивавшаяся после 1980-х годов. Отсутствует общая картина действующих научных подходов и применяемых методов. Историки предпочитают браться за «безопасные» темы, относящиеся к отдаленному прошлому, и избегают давать какие-то оценки современной ситуации в психологии. Между тем психология продолжает развиваться, и все больший период ее новейшей истории продолжает оставаться неосмысленным. Основная причина такого положения дел связана, на наш взгляд, с отсутствием у историков адекватного инструментария для проведения подобной работы.

Отказ от монизма в пользу плюрализма, относительно безболезненно прошедший для психологов-исследователей и даже открывший перед ними новые перспективы, по-настоящему поставил в тупик историков психологии. Как возможен плюрализм в истории психологии? Как вообще его понимать? Как возможны альтернативные картины истории науки? Как возможно безоценочное отражение всего спектра имеющихся позиций? Тогда какими средствами и на каких основаниях обеспечивать системность научного знания? Как осуществлять передачу плюралистического знания? История — это всегда отбор. Она не может объять необъятное. Это все реальные вопросы, на которые отечественная история психологии пока не имеет ответов.

Если обращаться к оценке общих трендов современной психологии, то здесь можно констатировать определенное снижение по сравнению с началом 2000-х годов интегративных тенденций и обусловленного ими стирания специфики разных подходов. Среди направлений,

претендующих на лидирующие, авангардные позиции в психологии, всё чаще называют экзистенциальную психологию как наиболее близкую к самой жизни и острым проблемам времени. По мнению В. В. Знакова, с конца XX в. интересы психологов все больше смещаются с когнитивной парадигмы на экзистенциальную. На наш взгляд, об отказе от когнитивной парадигмы в психологии говорить рано. Развернувшаяся и усиленная условиями пандемии цифровизация общества активно питает современные когнитивные исследования. И надо полагать, что в ближайшее время эта тенденция сохранится. С другой стороны, в сфере социально-гуманитарных наук проявляется и другая тенденция, продиктованная беспокойством по поводу нарастающей антигуманизации общества, изменений культурных и ценностных ориентиров, утраты человеком своего человеческого бытия и растворения его в цифровой массе. Все это роднит сегодняшнюю человеческую ситуацию с ситуацией начала XX в., против которой и выступил экзистенциализм. В настоящее время имеет смысл говорить не столько о смене парадигм исследования (с когнитивной на экзистенциальную), сколько об их активном оппонировании. При этом каждая из парадигм имеет свою социокультурную базу для дальнейшего развития и переживает в определенном смысле новый расцвет.

Экзистенциализм с момента своего возникновения выступал против объективного познания и «больших» философских систем. Идее системного строения знания он противопоставлял принцип диалога. М. Бубер утверждал: «У меня нет учения, есть только диалог». М. Бубер выступал против двух по видимости противоположных тенденций современного ему общества — нетерпимости и толерантности. Нетерпимость исходит из отрицания любой точки зрения, кроме своей собственной. По своей форме это всегда монолог. Толерантность основывается на безразличии к другому. Форма ее реализации — два параллельных монолога. Монистическая психологическая теория, строящаяся на основе единого понятия и общего объяснительного принципа, к созданию которой призывал Л. С. Выготский, по определению, монологична. Но и принятие плюралистической позиции не выводит за пределы параллельного монолога. И никакая интеграция на этой основе невозможна. Возникают вопросы. Возможно ли построение научного знания на основе принципа диалога? И реализуется ли принцип диалога в психологии сегодня? В области психотерапии однозначно да. В научных исследованиях — в какой-то степени

в сфере применения качественных методов. В свое время М. Г. Ярошевский выдвинул понятие «творческий диалог с прошлым». Принцип творческого диалога с прошлым и настоящим, а не просто «препарирование» прошлого как мертвого объекта позволяет, на наш взгляд, привести в соответствие современные тенденции в психологии, связанные с принятием экзистенциальной парадигмы, с принципами анализа ее истории.

Роль ИП РАН в разработке проблемы историографии постсоветского периода отечественной психологии

М. А. Шукина (НМИЦ им. В. А. Алмазова, Санкт-Петербург)

Анализ современной историко-психологической литературы обнаруживает недостаточную представленность истории постсоветского периода отечественной психологии в диссертационных исследованиях, учебных и научных изданиях, где своеобразным «концом истории» становятся 1980-е годы, демонстрируя неготовность под влиянием иллюзии современности рассматривать данный период как исторический. Профессиональное сообщество обнаруживает патовое мышление на подступах к рассмотрению проблем историографии последних трех десятилетий: неопределенность методологических и аксиологических оснований исторической разработки необыкновенно документально насыщенного, идеологически неоднозначного, богатого противоречивыми смыслами и ценностными контрастами времени. В данном контексте необычайно важными представляются публикации, где имеются заделы для перехода к специальным систематическим исследованиям обозначенного периода. Среди них значительное место занимают труды сотрудников Института психологии РАН.

Вспомним одну из первых попыток обобщенного взгляда на картину постсоветского десятилетия в коллективной монографии ведущих ученых ИП РАН «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» (1997), где авторы констатируют неоднозначность и противоречивость происходящих к тому периоду изменений, смену идеологического давления на давление финансовое, определившую смещение приоритетов научных поисков от фундаментальных к прикладным и практико-ориентированным. При этом

подчеркивается, что открытая критическая настроенность в адрес наследия советского периода не привела к его дискредитации, но скорее позволила убедиться в неисчерпанности творческого потенциала методологии отечественной психологии.

За последние десять лет по научной специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии – защищено около 450 диссертаций, из которых только 16 рассматривают вопросы истории психологии. При этом лишь одна работа связана с постсоветским периодом (Н. Г. Немировская) и обязана этим ИП РАН: диссертация посвящена В. Н. Дружинину, одному из лидеров постсоветской психологии, безвременно ушедшему из жизни на рубеже веков и при этом оставившему интересное наследие, чему отведена дань памяти в современном наименовании лаборатории психологии ментальных способностей и ментальных ресурсов ИП РАН имени В. Н. Дружинина.

В печатных изданиях ИП РАН систематически представляются историко-аналитические обзоры различных научных подразделений института, включая важнейшие вехи и достижения последних десятилетий. Большое внимание уделяется наследию ведущих ученых института, вышедших из советской эпохи, но во многом определивших научное лицо новейшего периода отечественной психологии (Л. И. Анцыферова, В. А. Бодров, А. В. Брушлинский и др.).

Представляется, что существенным дополнением к обозначенным усилиям для историографических исследований рассматриваемого периода может стать масштабная серия организованных ИП РАН (Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик) интервью ведущих психологов о будущем психологии – проект «Навстречу прошлому – интервью с живыми свидетелями недавних событий». Ускользающая реальность внутренней картины движения истории глазами самих участников может внести важный вклад в решение основных задач целостной панорамной историографии постсоветского периода: выделения основных черт контекста, факторов влияния, событий, микропериодов и ведущих персоналий периода; обозначения основных институциональных изменения в организации науки, психологическом образовании и практике; систематизации основных достижений и потерь, новообразований и противоречий.

С. Л. Рубинштейн: идеализм, материализм, экзистенциализм

И. А. Юров (фриланс, Звенигород)

В 1913 г. С. Л. Рубинштейн в Марбургском университете успешно защищает докторскую диссертацию (как ученик идеалистов П. Наторпа и Г. Когена), в которой доказывает неприменимость естественно-научного метода к гуманитарному знанию (к которому относилась психология) и для раскрытия типа причинности гуманитарного знания выдвигает в качестве ключевой идею субъекта. Он отвергает и материализм, который «совершил уже свое опустошительное шествие», а также другую, «более утонченную форму натурализма — психологизм». По мнению А. В. Брушлинского, Рубинштейн творчески, критически использует все новое и ценное, что дала немецкая классическая философия, особенно в лице гегелевского идеализма. Но он сразу же и сознательно начинает преодолевать идеалистическую трактовку деятельности как чистой активности духовного субъекта, безотносительно к материальному субъекту. Рубинштейн вместе с тем критически относится также и к философскому материализму, характеризует его как пассивизм и подвергает резкой и справедливой критике, в том числе следующие его положения: бытие определяет сознание; изначальная соотносительность природы и человека; слитие в одну науку естествознания и общественных наук и др. (А. В. Брушлинский).

Рубинштейн первым из отечественных философов в своей работе «Проблемы психологии в трудах К. Маркса» блестяще, научно и аргументированно (по А. В. Брушлинскому) использует и оригинально развивает по-новому открывшуюся теперь марксову философию для углубления и дальнейшей разработки своего субъектно-деятельностного подхода. Исходя из теории Маркса, Рубинштейн принимает и использует для развития своей концепции те положения, которые раскрывают диалектику взаимодействия субъекта с объектом — прежде всего диалектику изначальной практической деятельности людей. Последнее выступает у Маркса как опредмечивание субъекта, т. е. как процесс объективирования, объективного выявления и раскрытия сущностных сил человека. Рубинштейн ссылается на слова Маркса: «История промышленности и возникшее предметное

бытие промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией». Таким образом, считает Рубинштейн, в труде субъект воздействует на материальный объект и преобразует его. И наоборот, объект воздействует в то же время на субъекта, детерминирует его действия и трудовые операции. Эта зависимость, идущая от материального объекта к субъекту, означает, что человек и его психика не только проявляются в продуктах своего труда, они именно формируются и развиваются в ходе такой деятельности, детерминируемой объектом и преобразующей его. После выхода статьи И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», которая сразу же становится официальным документом для всех гуманитарных наук, Рубинштейн не мог не руководствоваться основными положениями сталинской статьи и внес соответствующие коррективы в систему своих философско-психологических идей и положений, усилив аргументацию диалектико-материалистического принципа детерминизма и принципа единства сознания и деятельности. Связь сознания и деятельности оказывается лично опосредована. Сознание регулирует деятельность, а личность, обладающая сознанием, способна регулировать свои действия. Мысли Рубинштейна о личности, сознании, деятельности соответствуют идеологическим воззрениям того времени. Например, он пишет: «Сознательное общественное отношение к труду является стержнем, на котором перестраивается вся психология личности; оно же становится основой и стержнем ее самосознания». В 1942 г. первое издание «Основ общей психологии» Рубинштейна было удостоено высшей в то время Сталинской премии. Не было ни одного случая, чтобы гуманитарий был награжден такой премией, не руководствуясь идеологическими положениями сталинизма как одной разновидностей тоталитаризма.

В работе «Человек и мир» Рубинштейн выступает против фундаментального положения субъективного идеализма о том, что «бытие не существует, а полагается мыслью», что «мысли ничего не может быть дано, мысль сама порождает все свое содержание, содержание бытия». Вместе с тем он отвергает и прямолинейный, жесткий детерминизм, обосновывая свое положение о внешнем через внутреннее. Таким образом, Рубинштейн фактически предлагает идею третьего пути, не связанного ни с субъективным идеализмом, ни с материализмом, т. е. фактически идею психологического экзистенциализма. Именно Рубинштейн впервые заявил о мире и человеческом бытии;

выдвинул идею о научном направлении, не связанном ни с идеализмом, ни с механистическим материализмом; рассмотрел проблемы сущности и существования, свободы и воли, индетерминизма, аутентичности; развел понятия «личность» и «субъект». Проведенный анализ позволяет утверждать, что Рубинштейн стоял у истоков создания диалектико-материалистической и экзистенциальной психологии.

Познание и общение

Предисловие к разделу

В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко

Направление «Познание и общение» демонстрирует развитие идей Б. Ф. Ломова о неразрывной связи общения с познавательными процессами и их востребованность для решения задач, которые требуют междисциплинарного подхода и определяют многие современные тренды исследований в когнитивных науках. Общение является одной из важнейших детерминант познавательных процессов, которые, в свою очередь, определяют его характер. Предложенный Ломовым принцип системности определил разные планы и измерения изучения коммуникативных ситуаций и познавательных процессов, требующих системной интеграции данных, получаемых в рамках разных подходов и с помощью разных методов. Эти идеи становятся особо актуальными в связи с возрастающими требованиями практики, где необходимо не просто сопоставлять разные типы данных, но и определять общую теоретическую и методологическую позицию, позволяющую осуществлять такое сопоставление.

Одна из актуальных линий развития когнитивно-коммуникативной парадигмы связана с изучением межличностного восприятия, играющего важную роль в эффективности общения и профессиональной деятельности. Многие современные работы в этой области фокусируются на анализе психологических характеристик человека по внешнему облику и по данным эмоциональных экспрессий лица. Отдельно изучаются особенности межличностного восприятия у детей и подростков, представления о ребенке как трудном партнере общения у родителей с различной выраженностью личностных свойств. Большое внимание уделяется вопросам повышения экологичности таких исследований. Это обеспечивается, в частности, использованием в качестве стимульного материала не схематичных, а реальных

изображений лиц, а также видеозаписей динамических и естественных актов межличностной коммуникации. Один из примеров — исследование соотношения показателей согласованности и адекватности оценки психологами, имеющими разный опыт консультативной практики, выраженности личностных качеств человека при восприятии его фото- и видеоизображений. Другой пример — исследование представлений наблюдателей о ценностных ориентациях одного и того же человека, изображенного на художественном портрете и фотографии. Показана также динамика субъективных оценок личностных характеристик человека в зависимости от перцептивных ситуаций, имеющих потенциально различную степень эмоциональной напряженности. Обнаружена связь между индивидуально-психологическими характеристиками наблюдателя и оценками доверия к незнакомому человеку в различных коммуникативных ситуациях, представленных в видеозаписи.

Другая линия работ ориентирована на изучение восприятия эмоций и их роли в познавательных процессах. Так, например, исследуется степень влияния эмоциональных состояний на выраженность эмоционального эффекта Струпа. Изучается структура субъективного пространства восприятия экспрессий лица человека, а также их влияние на оценку его привлекательности другими. Исследование темпоральной структуры восприятия мультимодальных динамических эмоций человека показало, что в разных модальностях их восприятие развертывается по-разному не только в смысле точности идентификации, но и в зависимости от общей структуры категориальных полей. В методическом плане показана эффективность проведения интегрального анализа, с одной стороны, вербальных данных, полученных от участника при восприятии и сравнении эмоциональных экспрессий лица, а, с другой стороны, данных его окуломоторной активности.

В отдельную линию работ встраиваются исследования межличностного восприятия в межкультурном общении. В частности, изучаются этнические стереотипы и связь особенностей восприятия человеком представителя другой культуры с его готовностью к межэтническим контактам. Показано, что «эффект межрасового восприятия» представляет собой сложный и многомерный феномен. Изучаются кросс-культурные особенности восприятия базовых эмоций на материале статических экспрессий лица. В эмпирических исследованиях широко используется дизайн, разработанный в рамках

когнитивно-коммуникативной парадигмы Б. Ф. Ломова, при котором осуществляется сравнение результатов индивидуального и совместного решения перцептивной задачи. Такой подход позволяет ставить исследовательские задачи на выявление сходства и специфики особенностей категориальности восприятия, вербальной категоризации, проявления «эффекта другой расы» и т. д. в разных культурах.

В рамках проблематики познания и общения при изучении слухового восприятия особое внимание уделяется задачам создания невербальных коммуникативных средств, выполняющих роль интерфейса при управлении техникой. Одним из перспективных направлений такого использования звука является сонификация (преобразование в звук данных о состоянии техники), наибольший эффект которой проявляется в сложных системах, требующих одновременного контроля многоплановых параметров. Для таких исследований создан программный комплекс, который обеспечивает возможность организации эмпирического исследования пространственных свойств слуха в интерактивных задачах слежения за звуковыми объектами.

Изучение познавательных и коммуникативных процессов осуществляется в контексте разных видов деятельности. Исследуются иллюзии понимания в учебном процессе, способы их профилактики, выявления и преодоления. При изучении порогов восприятия у младших подростков показан вклад регулярной внеучебной деятельности, связанной со зрительными оценками, в организацию функциональной системы решения сенсорных задач зрительного пространственного восприятия. Обнаружена специфика средств выражения эмоций, используемых педагогами и учащимися в условиях цифрового опосредования учебной деятельности.

Таким образом, работы, представленные в данном разделе, демонстрируют разнообразие ракурсов исследования проблемы познания и общения, а также применяемых методических подходов и процедур.

Половозрастные и деятельностные факторы формирования порогов зрительного восприятия у младших подростков

*А. С. Алексеева (УрФУ, Екатеринбург),
О. В. Ломтатидзе (УрФУ, Екатеринбург),
И. Г. Скотникова (ИП РАН, Москва)*

Информационное обеспечение восприятия определяется динамическими особенностями как среды, так и индивида (В. А. Барабанщиков). Точность зрительных оценок зависит от уровня созревания сенсорных систем, индивидуальных характеристик пола и возраста. Но для визуального восприятия размеров двумерных фигур младшими подростками не определен период окончательного формирования пространственных эталонов и их зависимость от индивидуальных характеристик. Зрительно-пространственное восприятие значительно изменяется у детей к 6–7 годам (М. М. Безруких, М. М. Теребова). Пороги различения размеров постепенно уменьшаются в период 8–16 лет и положительно коррелируют с остротой зрения (В. М. Бондарко, В. А. Семенов).

Согласно задачному и субъектно-деятельностному подходам в психофизике (А. Г. Асмолов, М. Б. Михалевская, К. В. Бардин, Ю. А. Индлин, Ю. М. Забродин, И. Г. Скотникова, А. Н. Гусев), для решения сенсорной задачи формируется функциональная система (П. К. Анохин), соответствующая индивидуальности субъекта, характеру протекания деятельности, что обеспечивает ее продуктивность. Взаимодействие ситуационных и индивидуально-психологических факторов при выполнении сенсорной задачи создает особую доминанту, обеспечивающую динамическую и избирательную концентрацию ресурсов субъекта (А. Н. Гусев).

Это позволяет предположить, что при зрительной оценке размеров двумерных фигур связанная с ней регулярная внеучебная деятельность (художественный труд, прикладное ремесло, изобразительное искусство, каллиграфия) тренирует сформированную функциональную систему, изменяя пороги восприятия. Поэтому целью нашего экспериментального исследования было изучение роли внеучебной деятельности и половозрастных различий на пороги восприятия у младших подростков.

Участвовали 90 школьников 10–12 лет, разделенных на две группы, примерно уравниваемые по полу и возрасту: 42 человека с наличием регулярной внеучебной деятельности, связанной со зрительными оценками (экспериментальная выборка) и 48 человек с отсутствием такой деятельности (контрольная выборка). Методом постоянных раздражителей измерялись дифференциальные пороги зрительной оценки размеров предъявляемых одновременно двумерных объектов (стандартного и сравниваемого кругов разного радиуса). Путем анализа полученных психометрических функций определено значение дифференциального порога каждого испытуемого.

Обнаружены достоверные различия дифференциальных порогов ($U < U_{кр}$, $p < 0,05$) между контрольной и экспериментальной выборками в целом, а также при сравнении подгрупп мальчиков и девочек, пороги экспериментальных групп достоверно ниже, при этом различия между подгруппами девочек выражены сильнее. Сравнение возрастных групп показало, что различия дифференциальных порогов в контрольной и экспериментальной выборках нарастают с возрастом: от их отсутствия в 10 лет до максимальных в 12 лет, при этом наиболее выражены различия у 12-летних девочек.

Возрастную динамику демонстрируют обе выборки, но с разным знаком. В 12 лет дифференциальные пороги школьников, регулярно занимающихся ручной деятельностью, достоверно ($H < H_{кр}$, $p < 0,05$) уменьшаются, больший вклад при этом вносит подгруппа девочек, а у школьников, не занимающихся такой деятельностью, пороги растут.

Значимые межполовые различия ($U < U_{кр}$, $p < 0,05$) обнаружены в контрольной выборке, дифференциальные пороги ниже у мальчиков, при этом наибольший вклад внесен возрастными 10 и 11 лет. В экспериментальной же выборке межполовые различия не обнаружены ни в одной из возрастных групп.

Итак, регулярная внеучебная деятельность младших подростков, связанная со зрительными оценками, улучшает различение размеров двумерных фигур, перевешивая роль половозрастных факторов, которая более выражена у их сверстников, не занимающихся такой деятельностью и, видимо, поэтому обнаруживающих менее точное различение. Это указывает на значительный вклад деятельности в организацию функциональной системы решения сенсорных задач зрительного пространственного восприятия у подростков.

Соотношение показателей согласованности и адекватности межличностной оценки при восприятии другого человека*

*К. И. Ананьева (МИП, ИП РАН, Москва),
А. А. Демидов (МИП, Москва), А. В. Фёдорова (МИП, Москва)*

На протяжении достаточно длительного времени проблематика согласованности и адекватности личностных суждений была в фокусе внимания социальных психологов и персонологов. Более полувека назад Г. Олпорт описал программу исследований, направленную на изучение восприятия личностных особенностей человека посредством наблюдения за его экспрессивным поведением. До середины 1950-х годов было проведено большое количество исследований по проблематике адекватности межличностных оценок, в которых адекватность почти всегда отождествлялась либо с согласованностью друг с другом оценочных суждений, вынесенных разными наблюдателями, либо с совпадением самооценки натурщика и оценки наблюдателя.

В начале 1980-х годов стратегия исследования межличностных оценок начала меняться. В работах Э. Брунсвика и Дж. Гибсона обосновывалась необходимость сосредоточить внимание на изучении связи между восприятием и реальностью, с которой имеет дело человек в повседневных ситуациях своей жизни. Последователями этих авторов обосновывалась мысль, что изучение процесса вынесения межличностных оценок следует проводить относительно реальных, живых людей, а не гипотетических, искусственных стимулов, а также критерии адекватности следует брать из самой социальной среды (включая согласованность межличностных оценок, совпадение оценок наблюдателей и самооценок натурщиков, предсказание поведения оцениваемых натурщиков), вместо того чтобы основываться исключительно на мере совпадения межличностных оценок с предполагаемой нормативной моделью данного процесса.

В нашем исследовании мы попытались рассмотреть, как соотносятся разные методические приемы оценки «результативности» межличностного восприятия, на примере межличностного оценивания натурщиков психологами, имеющими разный опыт консультативной практики, и в зависимости от особенностей стимульного материала.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00900а.

В исследовании приняло участие 75 студентов-психологов (первого курса обучения) и 20 психологов-консультантов с опытом работы не менее 5 лет.

Исследование проводилось в индивидуальном формате, где каждому из участников исследования на экране ПК были предъявлены лица натурщиков-добровольцев, отобранных по итогам проведения с ними психодиагностического обследования по методикам «Большая пятерка» (А. Б. Хромов), «Личностный опросник ЕРІ» Г. Айзенка, «Краткий опросник Большой пятерки» – далее КОБП (Т. В. Корнилова, М. А. Чумакова) и «Личностный дифференциал» (Е. Ф. Бажин, А. М. Эткин). Критерием отбора натурщиков выступала согласованность данных по перечисленным выше психодиагностическим методикам.

В задачи участников исследования входило выполнить оценку выраженности личностных качеств у натурщиков по шкалам методики КОБП. Изображения натурщиков предъявлялись в нескольких условиях: фото, видеоролики, на которых натурщики формулировали свой первичный запрос психологу (видео было предъявлено без звука), видеофрагменты со звуком.

На первом этапе работы с полученным эмпирическим материалом был произведен расчет показателей «согласованности» межличностных оценок натурщиков (agreements). В данной работе под согласованностью оценок мы понимали расхождения индивидуальных значений оценок наблюдателем натурщика и значением моды для оценок натурщиков, сделанных группой студентов и профессиональных психологов-консультантов. Еще одним вариантом анализа полученных данных стало определение показателей «адекватности» межличностных оценок натурщиков (assigasy) по факторам методики КОБП. Под адекватностью мы понимали совпадение оценок, сделанных наблюдателями, с данными, полученными от натурщиков при заполнении методики КОБП.

Поскольку распределения исходных данных значимо отличались от нормального распределения, анализ проводился с использованием методов непараметрической статистики, а именно критерия U Манна–Уитни и H Краскела–Уоллиса.

Сравнительный анализ значений согласованности оценки наблюдателями натурщиков по группе студентов-первокурсников и психологов-консультантов показал существование статистически значимых различий для большинства оцениваемых характеристик. Студенты-

первокурсники чаще оценивают натурщиков более отзывчивыми, добросовестными и эмоционально стабильными, но менее экстравертированными, чем их оценивают психологи-консультанты, причем данные тенденции в целом сохраняются при всех вариантах демонстрации внешности натурщиков.

Статистически значимые различия в показателях адекватности оценок были обнаружены лишь для ситуации оценки натурщиков по фотоизображению и только для факторов «Отзывчивость» и «Добросовестность». Другими словами, психологи-консультанты оказались ближе в своих суждениях к оценкам натурщиков, полученным по указанным факторам с помощью психодиагностического инструментария.

Выполненный корреляционный анализ показателей согласованности и адекватности межличностных оценок показал отсутствие статистически значимых связей между указанными параметрами, что демонстрирует важность вопроса о выборе принципов анализа данных для изучения специфики межличностного оценивания.

Актуальность исследования механизмов межличностного восприятия и познания*

Н. Г. Артёмцева (ИП РАН, Москва),

С. В. Москалев (РНИМУ им. Н. И. Пирогова, ИПРАН, Москва)

Актуальность исследования механизмов межличностного восприятия и познания обусловлена влиянием данных процессов на продуктивность межличностного взаимодействия. Понимание личностного содержания происходит путем интерпретации информации, полученной вследствие визуального восприятия, об элементах внешности, мимики, поведения и поступков индивида. В свою очередь, сформированный в результате интерпретации в сознании человека когнитивный образ другого человека, являющийся репрезентацией субъективного опыта, выполняет регуляторную функцию коммуникации и достаточно длительное время играет роль своеобразной психологической установки на восприятие личности. Элементы внешности, поведения и поступков индивида в совокупности составляют не единст-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

венный фактор, определяющий процесс межличностного восприятия. Столь же существенное влияние оказывает ситуация, социальный фон и его особенности, в условиях которого происходит процесс межличностного познания.

Указанные аспекты межличностного восприятия и познания, в свою очередь определяющие продуктивность межличностной коммуникации, на наш взгляд, играют важную роль в эффективности деятельности многих профессиональных областей, требующих определения психологических особенностей личности: кадровая работа, предпринимательская деятельность, медицина и др.

Анализируя исследования процесса межличностного восприятия и познания, стоит отметить, что в общей психологии данный процесс рассматривается с точки зрения общей познавательной способности человека как субъекта познания окружающей действительности, что можно считать недостатком данных исследований, так как, на наш взгляд, межличностное восприятие носит более функциональный характер, является несоизмеримо более активным процессом, чем восприятие других объектов окружающего мира.

В последние несколько лет (2020–2022) в зарубежной и отечественной психологической науке активно разрабатывается проблема межличностного восприятия и познания, проводятся исследования в различных аспектах: восприятие психологических характеристик человека по внешнему облику (Н. Г. Артемцева, Р. Баррисс, Т. А. Воронцова, Р. Е. Косовцев, М. Раттер, Х. Роулэнд, Е. Д. Стефанова, К. Торстенсон), восприятие эмоционального выражения лица (В. А. Барабанщиков, К. Демили, М. Жаффиоль, А. В. Жегалло, О. А. Королькова, И. Н. Майнина, М. Макбит, М. М. Маринова, Ф. Понсе, Е. В. Суворова, Н. Сусиньян, Ю. Такарай, Н. Франк и др.), исследование особенностей межличностного восприятия у детей и подростков (А. В. Федорова, В. И. Кунникова), исследование особенностей межличностного восприятия в коммуникативной ситуации (К. И. Ананьева, В. Г. Аникина).

Анализируя современные исследования, можно сделать вывод о том, что они демонстрируют разнообразие методических процедур (предъявление стимульного материала в условиях разного освещения, применение грима, корректировку контраста, привлечение актеров, моделирование физиологических аспектов внешнего вида человека и др.). Однако, на наш взгляд, использование статических изображений в качестве стимульного материала не позволяет дифференциро-

вать механизмы межличностного восприятия, так как в центре внимания оказываются лишь отдельные аспекты ситуации восприятия, отсутствует целостный взгляд на сущность перцептивного процесса.

На наш взгляд, изучение глубинных механизмов межличностного восприятия и познания требует пересмотра методических процедур, к примеру, использования в исследованиях в качестве стимульного материала динамических и естественных актов межличностной коммуникации для повышения экологичности эксперимента.

Мы полагаем более актуальным проведение экспериментального исследования с применением для предъявления респондентам в качестве стимульного материала видеороликов, отражающих реальную ситуацию межличностного взаимодействия. В качестве респондентов можно привлечь людей, задействованных в кадровой работе, педагогической практике и медицине. Специфика выборки обусловлена тем, что, на наш взгляд, именно в данных профессиональных областях, имеющих ограниченные временные рамки и конкретные когнитивно-коммуникативные задачи по определению психологических особенностей личности, происходит формирование когнитивного образа человека с целью его понимания.

Исследование механизмов межличностного восприятия и познания в ситуации, максимально приближенной к реальной жизни, представляет собой перспективную область исследований как для общей, так и для социальной психологии, открывая возможности понимания и прогнозирования результатов межличностного взаимодействия.

Понимание и регулирование эмоций как компоненты эмоционального интеллекта (обзор современных зарубежных исследований)*

Н. Г. Артёмцева (ИП РАН, Москва), С. А. Малкина (ИП РАН, Ярославль)

Отношение к окружающим людям является содержанием, постоянно присутствующим в психической реальности каждого индивидуума как ее составляющая, и естественным образом (через механизм проекции) входит во все виды активности. Новые технологические

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

процессы часто приводят к необходимости не только хорошо распознавать эмоции, но и конструктивно обращаться со своими и чужими эмоциональными проявлениями в процессе общения. Так, например, психотерапевтическая работа обязательно включает коррекцию когнитивных ошибок клиентов (через осознание и понимание), а также работу по повышению эмоционального интеллекта. В связи с этим очень важным оказывается изучение эмоционального интеллекта во всех его разнообразных проявлениях.

Чаще всего для описания эмоционального интеллекта используют модель, которую предложили П. Сэловей и Дж. Майер. Они определяли эмоциональный интеллект как способность к отслеживанию и различению своих и чужих эмоций, а также способность к использованию этой информации для «направления мышления и действий». В других моделях эмоционального интеллекта авторы выделяли разные компоненты в составе эмоционального интеллекта. Почти все классификации включали в себя способность регулировать эмоции и способность их понимать и оценивать (см., напр.: V. Bodrogi, T. Bereczkei, A. Deak).

Некоторые исследователи считали, что предпосылкой регуляции является восприятие и понимание аффектов, другие определяли способность регулировать эмоции как неотъемлемый компонент эмоционального интеллекта, третьи рассматривали эмоциональный интеллект как общий потенциал для регуляции. Постепенно начали появляться исследования, демонстрирующие, что различные типы процессов эмоциональной регуляции могут вызывать разные последствия, независимо от уровня эмоционального интеллекта, т. е. способность к регулированию эмоций постепенно начала выделяться исследователями из общего конструкта эмоционального интеллекта и рассматриваться во взаимосвязи с другими его компонентами.

Например, Л. Сандвик и С. Дэвис опубликовали в 2022 г. результаты исследования, где показано, что эмоциональный интеллект может быть измерен двумя способами: как способность воспринимать, понимать эмоции (СЭИ) и как черта, отражающая способность реагировать (ЧЭИ). Авторы утверждают, что способность и черта как компоненты эмоционального интеллекта являются полезной дополнительной информацией, способствующей пониманию того, насколько эмоционально осведомлен человек и насколько легко он применяет эти знания на практике в повседневной жизни. В их исследова-

нии изучалось влияние СЭИ и ЧЭИ на способность справляться со стрессом.

Результаты исследования показали, что для поддержания психического здоровья при проживании стресса важна эмоциональная уверенность в себе (ЧЭИ), а не способность разбираться в эмоциях (СЭИ). Также выяснилось, что более высокие уровни ЧЭИ способствуют эффективному внедрению способов преодоления трудностей для уменьшения воздействия стрессоров на психическое здоровье, в то время как СЭИ играет важную роль в восстановлении настроения.

Авторы другого исследования (В. Bodrogi, Т. Bereczkei, А. Deak) опубликовали в 2020 г. результаты изучения взаимосвязи эмоционального интеллекта (ЭИ) и эмоционального реагирования (ЭР) и их роли в сдерживании аффективных реакций. За теоретическую основу авторы взяли две модели, объясняющие, как мы справляемся с эмоциональными ситуациями: с помощью эмоционального интеллекта и с помощью отреагирования эмоциональных состояний. ЭИ относится к индивидуальным различиям в знании, идентификации и регулировании эмоций. ЭР описывает процессы, в ходе которых эмоции переживаются, выражаются и изменяются. Авторы пришли к выводу, что высокий ЭИ способствует правильной оценке ситуации, смягчает аффект посредством межличностного или внутриличностного использования эмоций, что позволяет эффективно реагировать, в то время как ЭР оказывает влияние на весь процесс (от восприятия до оценки) через индивидуальные различия в возбуждении и импульсивности. В этом же исследовании были обнаружены гендерные различия: у женщин ЭР выше и интенсивнее, чем у мужчин, независимо от уровня эмоционального интеллекта.

Таким образом, отдельное рассмотрение компонентов ЭИ, таких как понимание эмоций и способность их регулировать, позволяет изучить взаимосвязь между ними, а также их влияние на отдельные аспекты жизни человека. Результаты исследований можно использовать в индивидуальной терапевтической работе, направленной на повышение уровня ЭИ через работу с пониманием, осознанием и через усвоение определенных поведенческих моделей реагирования.

Динамика воспринимаемых качеств «невозможного лица» в зависимости от длительности экспозиции*

В. А. Барабанищikov (МГППУ, Москва),

М. М. Маринова (МГППУ, Москва)

Изучаются особенности восприятия «невозможного лица» в статике и динамике при изменении длительности экспозиции на примере химерического лица, объединяющего в одном изображении его правую и левую половины, принадлежащие разным людям. Стимульная модель создавалась с помощью нейросетевой технологии Deepfake. Видео с участием двух актрис объединялись в единый формат, после чего на левую половину лица малоизвестной актрисы (Натурщица 1) накладывалась соответствующая половина популярной актрисы (Натурщица 2). Итоговая модель не содержала выраженной границы в верхней части лица, а в нижней включала излом, выполняющий роль дистрактора. В ходе эксперимента варьировались статика и динамика, прямая и инвертированная экспозиция стимульных моделей, наличие и отсутствие звуковой дорожки. Основная независимая переменная – длительность экспозиций, которая составляла 500, 1000, 1500 или 2000 мс. Испытуемые были разделены на 4 группы по 40 человек в каждой ($N = 160$, 67 мужчин и 93 женщины, возраст от 18 до 60 лет ($M = 32,82$; $SD = 10,88$)). От наблюдателей требовалось оценить качества увиденного лица с помощью биполярных шкал: гармоничное/дисгармоничное, естественное/искусственное, обычное/причудливое, привлекательное/непривлекательное. Для каждой шкалы рассчитывался коэффициент асимметрии, указывающий предпочтения испытуемым одного из полюсов шкал (Кас). Значимость различий устанавливалась с помощью критерия χ^2 . При обработке данных использовалась среда R. Результаты исследования показывают, что в большинстве случаев воспринимаемые качества химерического лица оцениваются отрицательно как негармоничные, неестественные, причудливые и непривлекательные. Исключение составляет инвертированное подвижное химерическое лицо, качества которого с ростом длительности экспозиции оцениваются на низком уровне положительных значений (Кас = 0,43; 0,17; 0,15; 0,15). При демонстрации прямоориен-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00350-П.

тированного видеоизображения химерического лица его оценки также снижаются с увеличением длительности экспозиции ($K_{ас} = -0,16; -0,84; -0,75$); при максимальной длительности (2000 мс) уровень оценок стабилизируется ($K_{ас} = -0,37$). Статичное изображение инвертированного химерического лица воспринимается отрицательно во всех случаях: ($K_{ас} = -0,21; -0,34; -0,31$), особенно при экспозиции 1000 мс ($K_{ас} = -0,59$). Прямоориентированное статичное изображение химерического лица оценивается на пределе низких значений ($K_{ас} = -0,7; -0,86; -0,76$), но до экспозиции в 2000 мс ($K_{ас} = -0,53$). Аналогичная ситуация складывается после демонстрации динамичного инвертированного оригинального лица натурщицы 2: с увеличением времени экспозиции его положительные оценки растут ($K_{ас} = 0,95; 0,98; 1$); при экспозиции 2000 мс даются более низкие оценки ($K_{ас} = 0,46$). Коэффициент асимметрии в оценках прямоориентированного динамичного оригинального лица натурщицы 2 имеет высокие положительные значения ($K_{ас} = 0,95; 0,99; 1; 0,99$). Статичное инвертированное оригинальное лицо натурщицы 1 оценивается на шаг ниже ($K_{ас} = 0,61; 0,57; 0,74$); еще более низкие результаты получены при демонстрации этого же лица в 2000 мс ($K_{ас} = 0,46$). Оценки статичного прямоориентированного оригинального лица натурщицы 1 стремятся к положительному полюсу и растут с увеличением длительности экспозиции ($K_{ас} = 0,72; 0,74; 0,83; 0,8$). Оценки динамичного инвертированного химерического лица со звучащей речью приближаются к нулевому значению ($K_{ас} = 0,1; -0,18; -0,12; -0,01$). Это же видео в прямой ориентации воспринимается на уровне отрицательных значений ($K_{ас} = -0,33; -0,66; -0,72; -0,59$). Полученные результаты согласуются с ранними исследованиями, где время экспозиции составляло 15 с (В. А. Барабанщиков, М. М. Маринова). Таким образом, в большинстве случаев воспринимаемые качества химерического лица оцениваются отрицательно независимо от длительности экспозиции; исключения составляют оценки инвертированного видеоизображения, которые с увеличением длительности стремятся к положительному полюсу. Существует тенденция, согласно которой с наращиванием длительности экспозиции оценки качеств химерического лица снижаются. Выявлена синхронность изменений оценок при короткой (500 мс) и наиболее продолжительной (2000 мс) экспозиции. Лица без деформаций при любых длительностях оцениваются на уровне положительных значений.

Идентификация мультимодальных эмоциональных состояний при изменении времени экспозиции*

В. А. Барабанщиков (МГППУ, Москва),

Е. В. Суворова (МГППУ, Москва)

Изучаются особенности темпоральной структуры восприятия мультимодальных динамических эмоций людей, незнакомых наблюдателям. Испытуемым (N=78, средний возраст – 25, SD=9,6 л.) в случайном порядке предъявлялись аудиовидеоролики четырнадцати ключевых эмоциональных состояний, выраженных десятью специально обученными актерами (В. А. Барабанщиков, Е. В. Суворова). Стимульный материал отражал мимику, жесты, движения головы и глаз, изменения положения корпуса тела натурщиков, которые озвучивали псевдолингвистические высказывания, сопровождаемые аффективными интонациями. Высказывания содержали стандартизированные фонемы со звучанием, потенциально схожим с группой западноевропейских языков: а) «не кал ибам суд молен!» (ne kal ibam sud molen!) и б) «кун се мина лод белам?» (kun se mina lod belam?). Аудиовидеоизображения разделялись на фрагменты, длительностью 1–3 с в соответствии с паузой в середине каждого высказывания: первая часть включала фонемы а) «не кал ибам»; либо б) «кун се мина»; вторая – а) «суд молен!»; б) «лод белам?». От наблюдателей требовалось после экспозиции каждого фрагмента из представленного списка эмоций выбрать ту, которая максимально соответствует увиденной. Наряду с отдельными эпизодами испытуемыми идентифицировались целостные эмоциональные состояния натурщиков. Анализировались точность оценок и структура категориальных полей наблюдателей в зависимости от модальности и формы (целое/часть) экспозиции аффективных состояний. По исходной гипотезе предполагалось, что точность идентификации в завершающем фрагменте будет более высокой, чем в начальном, но ниже, чем при полной экспозиции. Согласно полученным данным, действительная картина оценок носит более сложный характер. При усреднении ответов по соответствующим условиям точности идентификации эмоций первого и второго фрагментов практически совпадают, но значимо меньше, чем при полной экспозиции.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00350-П.

Детальный анализ ответов показывает, что в зависимости от модальности восприятие каждой эмоции разворачивается по-разному, имеет собственную логику, охватывающую не только точность идентификации, но и структуру категориальных полей в целом. Перцептогенез мультимодальных экспрессий совершается гетерохронно. Регулирующую роль в оценках эмоций играют интонации речи и жесты натурщиков, особенно на заключительных стадиях выражений. Выделяются две тенденции динамики оценок аудиовидеофрагментов: падение точности идентификации во второй части экспозиции эмоций (развлечение, интерес, удивление, горе, печаль, отвращение, раздражение) и ее непрерывный рост (гордость, удовольствие, облегчение, тревога, страх, гнев). Радость — единственная эмоция, которая при всех условиях воспринимается одинаково точно. Для большинства аффективных состояний периферия категориального поля — число и интенсивность нерелевантных оценок — широко разворачивается на начальных стадиях и редуцируется в завершающих. Влияние степени возбуждения на распознавание эмоций проявляется в конце экспозиции, в частности, страх отождествляется с тревогой, горе — с печалью, гнев — с раздражением. Перцептогенез мультимодальных эмоциональных состояний отличен от перцептогенеза статичных выражений лица.

Разработка программного обеспечения для реализации интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами*

И. А. Басюл (ИП РАН, Москва)

Задача слежения является удобным инструментом исследования особенностей взаимодействия человека с объектами различного типа. В общем виде испытуемому предлагается наблюдать (следить) за определенным объектом (одним или несколькими), фиксировать различные характеристики наблюдаемого объекта и выполнять определенные действия в соответствии с поставленной задачей и получаемой в ходе наблюдения информацией.

Применительно к звуковым объектам относительно несложно реализовать задачу слежения за их интонационным «составом» — повы-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

шением или понижением тона, щелчками и т. д. Реализовать задачу слежения за пространственными характеристиками звукового объекта существенно сложнее. Для этого необходимо либо 1) непосредственное перемещение источника звука в ходе исследования, либо 2) применение сложных методов обработки звукового сигнала для внесения в звуковой объект дополнительной информации о его локализации в пространстве. Современные программные средства предоставляют ряд возможностей по реализации второго направления разработки.

Для реализации интерактивной задачи слежения за звуковыми объектами был разработан программный комплекс в среде MaxMSP. Комплекс состоит из трех модулей: 1) прием, обработка и вывод звукового потока, 2) синхронизация и логирование, 3) инструменты пользователя для управления локализацией звука.

Звуковой модуль рассчитан на обработку до 16 звуковых «источников». Источниками могут являться входы используемой аудиокарты и многоканальный wav-файл. Каждый из источников получает определенную начальную локализацию в пространстве в соответствии с заданными настройками. Звуковое пространство с расположенными в нем источниками (от 1 до 16) реконструируется при помощи пакета модулей ICST Ambisonics Tools, реконструирующих пространственную звуковую картину. Для реконструкции используется модель 3-го порядка. Реконструированное звуковое пространство декодируется в реальный звуковой сигнал при помощи бинаурального декодера для среды Faust*, скомпилированного для MaxMSP. Бинауральный декодер является оптимальным для использования с наушниками, так как учитывает усредненные особенности головы человека как преобразователя звукового сигнала.

В процессе работы каждые 40 мс записывается состояние (пространственное расположение) всех 16 звуковых источников, состояние органов управления и поступающих внешних команд. Комплекс принимает внешние команды по UDP-протоколу. Команды могут быть двух видов: 1) информационные – просто записываются в общий лог работы, 2) управляющие – действуют как внешний джойстик, изменяя пространственное положение источников звука. Кроме того, каждые 40 мс выполняется отправка лога на заданный сетевой адрес по udp-протоколу, что позволяет реализовать интерактивный экспериментальный дизайн. Например, модифицировать звуковой источник в соответствии с определенными действиями испытуемого.

* URL: <http://sekisushai.net/git/sekisushai/ambitools>.

Управление пространственной локализацией звуковых источников испытуемый осуществляет при помощи джойстика – Logitech X56 Н. О. Т. А. S. Для настройки доступны чувствительность управления – насколько быстро будет меняться положение звукового источника при одном и том же отклонении джойстика, а также оси, вращение вокруг которых задает та или иная ось джойстика.

Разработанный программный комплекс позволяет реализовать интерактивные экспериментальные исследования с широкими возможностями по модификации звукового пространства, в котором находится испытуемый.

Формально-содержательные характеристики представлений родителей о ребенке как трудном партнере общения

*Е. Д. Бреус (ЮФУ, Ростов-на-Дону),
Н. А. Лунькова (ЮФУ, Ростов-на-Дону)*

Содержание представлений о партнере, как известно, может влиять на степень и характер затруднений, испытываемых субъектами в общении. Тема затрудненного общения разработана и исследована за последние 30–40 лет достаточно полно (А. А. Бодалев, В. Н. Куницына, В. А. Лабунская, Б. Д. Парыгин Е. В. Цуканова и др.) и тем не менее продолжает привлекать внимание огромного количества исследователей. Большое количество работ посвящено изучению затрудненного общения в педагогическом процессе (О. Н. Вишневская, О. И. Ефремова, Д. И. Попенкова, М. М. Рыбакова). Затрудненное общение изучается в связи с различными личностными и социально-психологическими характеристиками (Е. Д. Бреус, Е. В. Гончарова, Ю. А. Менджеричкая, Д. Б. Петрова, Н. А. Мишанкина и др.). Изучению затруднений в детско-родительских отношениях посвящены работы, описывающие факторы их формирования (А. Г. Самохвалова, В. И. Кашницкий, Г. Н. Иксанова).

Несмотря на внушительное количество работ, посвященных изучению широкого спектра проблем затрудненного общения, вопрос изучения представлений субъектов друг о друге (как детерминант затруднений в общении) требует дальнейшего изучения. Поэтому в исследовании проверялась гипотеза о том, что формально-содержатель-

ные характеристики представлений о ребенке как трудном партнере общения могут различаться у родителей с различной выраженностью локуса контроля и центрации. В работе использовался следующий методический инструментарий: методика «Социально-психологические характеристики субъекта общения» В. А. Лабунской, направленная на выявление представлений о другом как трудном партнере общения; тест «Эгоцентрических ассоциаций» Т. Шустровой, направленный на определение уровня центрации личности и методика определения уровня субъективного контроля Е. Ф. Бажина, К. А. Голынкиной, А. М. Эткинды, направленная на выявление уровня личной ответственности за происходящие в жизни субъекта события. В качестве эмпирического объекта исследования выступили 73 родителя, в возрасте от 24 до 63 лет.

В исследовании использовался метод сравнения крайних групп, в соответствии с которым в первую группу вошли родители с высоким уровнем общей интернальности и низким уровнем центрации (21 респондент). Вторую группу составили родители с низким уровнем общей интернальности и высоким уровнем центрации (17 респондентов), данные остальных родителей соответствовали средним значениям и не принимали участие в проверке выдвинутой гипотезы.

Выявленные в первой и второй группе родителей средние значения степени затрудненности имели существенные различия в отношении всех групп характеристик партнера (ребенка): экспрессивно-речевых (7,243/9,126), социально-перцептивных (7,267/9,315), отношения-обращения (8,088/10,071), умений и навыков организации взаимодействия (7,818/10,098), условий общения (6,268/8,850).

Значимость указанных различий была выявлена с помощью U-критерия Манна–Уитни в отношении всех групп характеристик: в отношении экспрессивно-речевых характеристик ($p=0,029$); социально-перцептивных характеристик ($p=0,014$), отношения-обращения ($p=0,049$), навыков организации взаимодействия ($p=0,024$), условий общения ($p=0,004$). Оказалось, что родители с низким уровнем интернальности и центрацией на себе рассматривают ребенка в качестве более трудного партнера в сравнении с родителями с высоким уровнем интернальности и низким уровнем центрации на себе (децентрацией).

Для проверки существования различий содержательной стороны представлений о ребенке как трудном партнере общения были созданы групповые портреты «трудного ребенка» в каждой группе родителей. Для родителей первой группы (с низким уровнем общей интер-

нальности и высоким уровнем центрации) трудный ребенок – это тот, кто проявляет безразличное, неприязненное (враждебное), властное и высокомерное отношение к родителям; при этом ребенок больше говорит, чем слушает, имеет привычку перебивать разговор и навязывает свою точку зрения; не умеет поставить себя на место другого человека и при этом он интенсивно жестикулирует. Для родителей второй группы (с высоким уровнем общей интернальности и низким уровнем центрации) трудный ребенок – это тот, кто проявляет высокомерие по отношению к родителям.

Таким образом, родители первой группы наделяют детей большим набором характеристик трудного партнера общения, чем родители второй группы. При этом важно отметить, что наиболее трудными характеристиками ребенка в представлениях родителей с низким уровнем общей интернальности и высоким уровнем центрации являются характеристики, нарушающие субъект-субъектную форму общения. Это характеристики отношения-обращения и навыков взаимодействия. В меньшей степени их затрудняют экспрессивно-речевые и социально-перцептивные характеристики ребенка (внешнее выражение чувств, отношений и т. д.).

Таким образом, гипотеза о различиях формально-содержательных характеристик представлений о ребенке как трудном партнере общения у родителей с различной выраженностью локуса контроля и центрации полностью подтвердилась.

Выражение эмоций педагогами и обучающимися в цифровой коммуникации*

*И. В. Воробьева (УрГПУ, Екатеринбург), О. В. Кружкова (УрГПУ,
Екатеринбург), А. И. Матвеева (УрГПУ, Екатеринбург)*

Цифровизация образования сформировала новые условия коммуникации педагога и обучающихся, выстраивая которую, субъектам педагогического взаимодействия необходимо по-прежнему эффективно осуществлять профессиональную и учебную деятельность. При этом, по мнению специалистов (В. И. Панов, Э. В. Патраков), трансформа-

* Исследование выполнено по Государственному заданию Министерства просвещения РФ по теме «Исследование эмоционального интеллекта субъектов образовательной среды в условиях цифровизации».

ция затронула практически все элементы образовательной среды, изменила содержание и методы, инструменты и средства педагогического общения. Одним из наиболее заметных дефицитов стал процесс обмена эмоциями, для которого в цифровой коммуникации используются специальные ресурсы. Для изучения выражения эмоций педагогом и обучающимися в условиях цифровой коммуникации было организовано и проведено эмпирическое исследование по типу констатирующего эксперимента. Выборку составили 1059 педагогов (средний возраст – 43 года, средний стаж педагогической деятельности – 18 лет, из них 13,7% мужчин, 86,3% – женщин) и 1004 обучающихся (средний возраст – 19 лет, из них 24% юношей, 76% – девушек).

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью авторской анкеты, которая включала несколько содержательных блоков – общая информация; демонстрация эмоций в коммуникации; распознавание эмоций; поведенческие проявления эмоций. Последний блок содержал 2 кейса (с положительным и отрицательным контекстом) и включал открытые вопросы, предполагающие развернутый ответ – реакцию на заданную ситуацию, таким образом респонденты демонстрировали общую репрезентацию эмоционального состояния, интерпретацию чужих состояний и управление собственными эмоциями в заданных ситуациях. Полученные данные обрабатывались методами контент-анализа и математической статистики (дескриптивная статистика, критерий Фишера).

Результаты позволили определить наиболее популярные средства выражения эмоций у педагогов и обучающихся. Так, в ситуациях письменной коммуникации (в кейсах предлагалось написать сообщение партнеру по взаимодействию) и педагоги, и обучающиеся демонстрируют идентичные варианты выбора инструментов: знаки препинания и их сочетания (50,8% педагогов используют в позитивной ситуации и 53,8% в негативной ситуации; обучающиеся – 60,9% и 75,1%, соответственно); написание текста заглавными буквами (50,2% педагогов используют в позитивной ситуации и 51,1% в негативной ситуации; обучающиеся – 59,3% и 62,4%, соответственно); смайлы (46,8% педагогов используют в позитивной ситуации и 40,7% в негативной ситуации; обучающиеся – 36,2% и 25%, соответственно). Сравнение частоты использования данных средств в зависимости от контекста кейса (положительного или отрицательного) с использованием критерия Фишера показало, что педагоги чаще используют смайлы для выражения эмоций в ситуациях похвалы обучающихся ($f = 2,81$, $p < 0,01$).

Обучающиеся также предпочитают графическое обозначение своего эмоционального состояния (смайлы) когда пишут сообщение педагогу при получении высокой отметки ($f=5,45$, $p<0,01$), при этом знаки препинания они используют чаще в ситуациях отреагирования своего неуспеха ($f=6,88$, $p<0,01$). Анализ ответов респондентов на кейс, связанный со взаимодействием педагога и обучающихся в режиме видеоконференц-связи, показал, что при устной коммуникации в цифровой среде выбор средств выражения эмоций оказался более специфичным. Так, вне зависимости от контекста ситуации (успех/неуспех) педагоги и обучающиеся предпочитают словами выразить свои переживания (64,7% педагогов используют в позитивной ситуации и 65,7% в негативной ситуации; обучающиеся – 58,2% и 65,5%, соответственно); на втором месте аудиальные средства – интонации, громкость голоса и т. п. (58,1% педагогов используют в позитивной ситуации и 56,8% в негативной ситуации; обучающиеся – 38,6% и 40,6%, соответственно). Однако на третьем месте у педагогов использование мимики, жестов и поз (50,8% педагогов используют в позитивной ситуации и 53,8% в негативной ситуации), а обучающиеся предпочитают письменно в чате обозначать свое эмоциональное состояние (39,5% в позитивной ситуации и 38,1% в негативной ситуации). Детальное сопоставление кейсов показало, что выбор средств выражения эмоций у педагогов не обусловлен контекстом ситуации, а обучающиеся используют вербальное обозначение своих эмоций преимущественно при переживании неуспеха в учебной деятельности ($f=3,40$, $p<0,01$).

Таким образом, можно констатировать, что выбор средств для выражения эмоций в цифровой коммуникации у педагогов и обучающихся специфичен, при этом педагоги в большей степени ориентированы на использование привычных для реального общения инструментов выражения эмоций, тогда как обучающиеся более свободно владеют специфическими для цифровой среды вариантами.

Иллюзии понимания в учебном процессе

С. А. Гильманов (ЮГУ, Ханты-Мансийск)

Традиционно иллюзиями (при всей полисемичности этого слова) считаются ложные представления и убеждения, связанные с искаженным восприятием действительности или с ошибочными умозаключениями.

ми о ее свойствах, а также несбыточные намерения и ожидания. К термину «иллюзия» аналитики обращаются в связи с характеристиками заблуждений, непонимания, недостоверности, неистинности и т. д. — в случаях, когда объясняют то, что не соответствует истинному знанию, основанному на понимании существующего. По нашему мнению, наряду с предлагаемыми в типологиях и классификациях иллюзий (физические, физиологические, когнитивные, аффективные; ощущения, восприятия, мышления и пр.) можно выделить их особый вид, когда иллюзией становятся представления познающего человека о понимании познаваемого. Существование таких иллюзий как отдельного феномена подтверждается использованием этого термина при характеристиках процесса познания многими психологами и философами: «эгоцентрическая иллюзия» (Ж. Пиаже), «иллюзия очевидной понятности» (Л. А. Ясюкова), «иллюзия понимания» (Н. Н. Талёб) и др.

Мы считаем, что иллюзии понимания, как представление обучающихся о том, что изучаемое ими понято и им понятно, сопровождающееся чувством уверенности в этом, представляют для процесса обучения как целенаправленного и систематизированного способа организации познания особую опасность. Они могут оказывать разрушительное влияние не только на освоение знания, но и на организацию учебной деятельности, на формирование опыта познания. В предлагаемой работе мы попытались изложить наши представления, основанные на практическом опыте, о факторах и причинах формирования иллюзий понимания и предложить способы профилактики и преодоления их возникновения в учебном процессе.

Мы выявляли характеристики иллюзий понимания изучаемого на примере анализа прочитанных студентами научных статей и на примере понимания содержания лекций. После прочтения статьи (после прослушивания лекции) студентам предлагалось ответить на вопрос «Поняли ли вы содержание и смысл прочитанного (прослушанного)?». Предлагались варианты ответа: «Понял все»; «Понял основное содержание»; «Понял частично», «Скорее не понял основного содержания»; «Не понял». Затем предлагалось изложить то, что было понято. Это позволяло выявить, было ли представление студентов об их понимании изученного истинным или иллюзорным и сделать выводы о причинах и факторах, влияющих на возникновение иллюзий понимания.

Разумеется, основной причиной возникновения иллюзий понимания оказались известные в психологии ошибки мышления. Это

прежде всего слабость мышления понятийного, когда, по Л. С. Выготскому, за понятием не стоит «сложный и подлинный акт мышления». Довольно распространенными являются проявления некритического восприятия информации, произвольного «доставания» фрагментов информации до целостного образа в сочетании с неприятием разрушающих иллюзию доводов.

Действует и ряд факторов, связанных с содержанием изучаемого знания и организацией учебного процесса. В знании, эмпирически тестируемом, выявление иллюзий познания достигается достаточно точно, но в знании теоретическом, методологическом, гуманитарном границы истинности в силу субъективности формулировок знания и трудностями его верификации весьма размыты. Вербальное изложение знания также содержит вероятность формирования иллюзий.

Каковы же способы профилактики, выявления и преодоления иллюзий понимания в учебном процессе?

В знании естественно-научном обнаружение иллюзорности возможно при задавании вопросов, решении задач и пр. — в действиях применения; но в социогуманитарном знании обнаружение иллюзий понимания возможно при выявлении степени обоснованности рассуждений, при опоре на теоретические положения, при формировании открытой для разных точек зрения позиции в познании.

Наш опыт показывает, что одной из самых успешных тактик профилактики и преодоления иллюзий понимания является организация такой коммуникации, когда обучаемым предлагается сформулировать и задать вопросы на выявление понимания изученного своим соученикам. В ходе дискуссии, когда выявляется определенное понимание изученного участниками обсуждения, задается вопрос: «Какие иллюзии могут возникнуть, если нет понимания того, что мы обсуждаем?». Ответы на него («Будет казаться...»; «Сложится мнение...»; «Сформируется образ...»; «Будут понимать как...» и т. д.) помогают удержать обучаемых от формирования иллюзий познания. В такой коммуникации возникает возможность живого препарирования представлений, сопоставления интерпретаций, осуществляется подбор аргументов для обоснования своей позиции, происходит «нащупывание» границ понимания и (иногда незаметное для познающего) исчезновение иллюзий.

Преодоление иллюзий понимания всегда связано с включением мысленно представляемой информации в более широкий контекст в его ключевых отношениях: к общему содержанию дисциплины

ны, структурному составу, способам использования в практической деятельности.

Уверенность в себе и фундаментальные мотивы*

Е. В. Головина (ИП РАН, Москва)

В работе сопоставляются результаты эмпирического исследования взаимосвязи уверенности и фундаментальных мотивов с современными зарубежными и отечественными теориями мотивации и базовых психологических потребностей.

На основании факторного анализа переменных уверенности: уверенность в себе, социальная смелость, инициатива в контактах (В. Г. Ромек) и фундаментальных социальных мотивов (ФСМ) (Fundamental Social Motives Inventory): самозащита, избегание заболеваний, принадлежность группе, независимость от группы, беспокойство об исключении из группы, статус, поиск партнера, беспокойство о расставании с партнером, удержание партнера, забота о семье, забота о детях (D. Kenrick et al.) были реконструированы факторы «уверенность в защищенности», «семейно-социальные ценности» и «статус» (Е. В. Головина).

Для осмысления полученных результатов мы обратились к теоретической модели социальных мотивов эволюционного американского психолога Д. Кенрика, чей опросник был использован для их оценки. Ученый предложил обновленную и пересмотренную иерархию человеческих мотивов, основанную на теоретических и эмпирических разработках на стыке эволюционной биологии, антропологии и психологии. Его теория сохраняет идеи А. Маслоу об иерархической структуре и базовые потребности, такие как физиологические, безопасность (самозащита) и уважение (статус).

Отличия иерархии базовых потребностей Д. Кенрика состоит в следующем. Во-первых, хотя самоактуализация имеет большое психологическое значение, она вряд ли является функционально отдельной потребностью человека. Д. Кенрик с соавт. сдвинули ее с привилегированного места на вершине пирамиды и предположили, что в новой структуре она в значительной мере включена в статус (уважение)

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

и мотивы, связанные с продолжением рода. Второе отличие состоит в том, что потребности изображаются не наложенными одни на другие, а перекрывающимися. Это изменение отражает предположение о том, что рано развивающиеся мотивы вряд ли будут полностью заменены более поздними, а вместо этого продолжают оставаться важными на протяжении всей жизни (D. Kenrick et al.). На основании этих идей Д. Кенриком был разработан опросник ФСМ, состоящий из 11 шкал, включающих самозащиту, статус, а также шкалы, связанные с отношением с группой, партнером и семьей.

Для интерпретации результатов мы обратились к теории самодетерминации – современному подходу к изучению человеческой мотивации, личности и психологического благополучия (Э. Диси, Р. Райен). Она состоит из 5 мини-теорий, центральной из которых является теория базовых психологических потребностей; она постулирует существование у человека трех базовых потребностей: в автономии, компетентности и связанности с другими людьми (Т. О. Гордеева).

Потребность в автономии означает стремление самостоятельно контролировать собственные действия и поведение, быть их независимым инициатором, стремление чувствовать выбор и собственную детерминацию поведения. Первый фактор, полученный в результате проведенного нами исследования – «Уверенность в защищенности», объединивший уверенность в себе, социальную смелость и инициативу в контактах, а также уверенность в собственной защищенности может в той или иной мере служить показателем потребности в автономии.

Под потребностью в компетенции понимается стремление индивида чувствовать себя эффективным деятелем, способным справляться с разного уровня сложности задачами окружающей среды. Изначально Э. Диси предположил, что потребность в компетенции направляет людей к поиску и решению трудных задач, оптимальных с точки зрения уровня их способностей, что приводит к ощущению мастерства и компетентности. А. Маслоу связывал со статусом понятие мастерства, которое способствует повышению самооценки, уверенности в себе и навыкам, обеспечивающим престиж. Выделенный нами третий фактор, включающий мотив статуса и отсутствие беспокойства об исключении из группы и названный «Статус», вполне соответствует этой базовой потребности.

Третья базовая потребность – во взаимосвязи с другими людьми, или связанности (relatedness) – касается качества человеческих от-

ношений. Она включает стремление к установлению надежных отношений с другими людьми, основанных на чувстве привязанности и дающих ощущение принятия, поддержки. Выделенный нами фактор, включающий потребности в заботе о семье, беспокойстве о расставании с партнером и названный «Семейные ценности», может соответствовать этой базовой потребности.

Удовлетворение базовых потребностей рассматривается Э. Диси и Р. Райеном как условие возникновения внутренней мотивации и достижения оптимального функционирования. Напротив, фрустрация базовых потребностей подрывает счастье, рост и здоровое развитие индивидов и ведет к неблагополучию (Е. Н. Осин, Т. О. Гордева). Полученные нами факторы могут определять психологическое благополучие человека и эффективность его деятельности.

Влияние тревожности на субъективную значимость внешнего облика в романтических отношениях*

О. Р. Гура (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

В данной работе представлены результаты анализа взаимосвязей между степенью значимости внешнего облика и тревожностью в отношениях с романтическим партнером. В данной работе мы изучаем внешний облик в рамках психологии социального познания. Мы полагаем, что внешний облик как социально-психологический конструкт выступает способом визуальной коммуникации и во многом обуславливает возникновение и развитие романтических отношений (Е. П. Ильин, Л. Я. Гозман, Н. И. Ажгихина). Под романтическими отношениями будем понимать вид диадических отношений, основанный на привязанности, сексуальном влечении партнеров, который отличается особой значимостью, продолжительностью, устойчивостью и амбивалентностью переживаний (А. А. Кроник, Е. А. Кроник). Мы исходим из того, что романтические отношения основаны на межличностной привлекательности, причинами которой, в частности, является внешняя привлекательность партнеров (В. Суэми, А. Фернхем). С понятием «романтические отношения» тесно связана теория привязанности Дж. Боулби. Данная теория выделяет четыре основных

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-01641.

типа привязанности: надежный, избегающий, тревожный и дезорганизованный стили (Дж. Боулби). При этом тревожность рассматривается как «модель себя», так для лиц с тревожным типом привязанности характерна негативная модель себя и позитивная модель Другого. Стил привязанности формируется в детстве, однако в последующем каждый раз воспроизводится в отношениях с объектом привязанности (Т. В. Казанцева). В данной работе мы исходим из того, что тип привязанности определяет выбор стратегии поведения в романтических отношениях.

Исходя из тезиса о том, что внешний облик выступает предиктором возникновения романтических отношений, мы выдвигаем гипотезу о наличии взаимосвязи между значимостью внешнего облика и выбором тревожной стратегии в отношениях с романтическим партнером. Таким образом, актуальность данной работы будет заключаться в попытке рассмотрения тревожности в отношениях с романтическим партнером в качестве социально-психологического фактора значимости внешнего облика в романтических отношениях.

Эмпирическую базу исследования составили 136 человек в возрасте от 18 до 30 лет, 73% – женщины, 27% – мужчины. Все респонденты имеют опыт романтических отношений, на момент участия в исследовании 58% респондентов имели романтического партнера, а 42% не состояли в романтических отношениях.

Методы исследования

1. Для определения тревожности как стратегии поведения в межличностных отношениях: опросник «Опыт близких отношений» («ECR-R») К. Brennan и R. K. Fraley, адаптация Т. В. Казанцевой.
2. Для определения значимости внешнего облика в романтических отношениях: опросник «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В. А. Лабунской.

Результаты исследования

1. Участники исследования полагают, что внешний облик значительно влияет на романтические отношения ($M = 4,8$), и считают для себя важными оценки своего внешнего облика романтическим партнером ($M = 4,2$). Также большинство респондентов испытывает смущение ($M = 4,1$), чувство неловкости ($M = 4$) и скованности ($M = 3,9$) в ситуации предъявления своего внешнего облика романтическому партнеру.

2. Частотный анализ ответов респондентов показал, что большинство респондентов имеют повышенную тревожность в отношениях с романтическим партнером (51%). Из них более половины (56%) имеют крайне высокую степень тревожности (12 из 12 баллов по шкале).
3. Было обнаружено, что для респондентов с тревожным типом привязанности характерна более высокая значимость внешнего облика в романтических отношениях. Результаты рангового дисперсионного анализа по Н-критерию Краскела–Уоллиса показали, что есть значимая разница ($p = 0,003$) в уровне переживаний при предъявлении внешнего облика романтическому партнеру между группой с тревожной стратегией поведения и остальными респондентами.
4. Тревожность в близких отношениях значимо влияет на ощущение смущения при предъявлении внешнего облика романтическому партнеру ($F = 1,76$ при $p = 0,05$).

Выводы

Эмпирическое исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу, согласно которой между тревожностью в романтических отношениях и значимостью внешнего облика существуют сильные взаимосвязи. Мы можем полагать, что лица с тревожной стратегией в отношениях с романтическим партнером наделяют внешний облик большей значимостью, испытывают большее смущение при предъявлении своего внешнего облика романтическому партнеру, а также более чувствительны к оценкам их внешности романтическим партнером. Исходя из базисной негативной модели себя и позитивной модели романтического партнера, данная группа лиц испытывает высокую степень тревожности в романтических отношениях по поводу собственного внешнего облика, так как негативная модель себя обуславливает низкие представления о собственных внешних достоинствах.

Этнические стереотипы тувинцев и готовность к межэтническим контактам*

*А. А. Демидов (МИП, Москва), И. А. Басюл (ИП РАН, Москва),
А. Д. Самба (ФНИСЦ РАН, Москва)*

Многие исследователи отмечают взаимосвязь между социальными представлениями и реальным поведением (Т. П. Емельянова), в том числе в контексте межэтнического взаимодействия (Н. М. Лебедева). Наше исследование было нацелено на изучение представлений разных поколений жителей Тывы о людях своего и другого этноса, о готовности взаимодействовать с представителями других этнических групп.

В исследования приняло участие 185 жителя Эрзинского кожууна Республики Тывы. Участники были разделены по возрастам на три независимые выборки: молодежь, среднее поколение, старшее поколение.

Для проведения исследования использовалась модифицированная шкала Э. Богардуса (В. Н. Павленко, С. А. Таглин). Помимо основных шкал методики, в анкету были включены дополнительные авторские вопросы, составленные на основе знакомства с литературой, посвященной этнографическим исследованиям Тывы и на основе собственных исследований. Задача испытуемых состояла в оценке представителей тувинского, монгольского и русского этносов, а также «собирающего этноса» — «жителей Кавказа» с помощью набора шкал.

Данные анализировались аналогично процедурам, предложенным В. Н. Павленко и С. А. Таглин для модифицированной версии шкалы Э. Богардуса (см.: Н. М. Лебедева). Были получены следующие показатели степени принятия респондентами представителей разных этнических групп.

Лидирующую позицию по всем возрастным группам занимают выборы собственной этнической группы, т. е. представителей тувинского этноса. А далее с существенным отрывом располагаются предпочтения русского, монгольского этносов и жителей Кавказа. Таким образом, можно заключить, что тувинцы-эрзинцы, несмотря на территориальную близость к Монголии, значительно психологически дистанцированы от представителей данного этноса, с которым они имеют очень много общих культурных, языковых, религиозных и других связей (по сравнению, например, с русским этносом, кото-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 21-18-00597.

рый получает более высокие рейтинговые значения, что свидетельствует о меньшей социально-психологической дистанции по отношению к русским). Максимальная дистанция наблюдается для жителей, проживающих в Кавказском регионе РФ.

В отношении значимости этнической принадлежности потенциальных коммуникантов были получены следующие результаты: для всех возрастных групп испытуемых этническая принадлежность оказывается важной для «политических» ролей – глава района, глава республики, президент страны. А также весьма значимым фактор этноса коммуникантов является для оценки «создания семьи» (роль «супруг/супруга»), причем для группы испытуемых среднего возраста этнос является несколько более важным, чем для старшего поколения, и еще более важным, чем для тувинской молодежи. Фактор этноса является незначимым для респондентов всех возрастных групп, если речь идет о встрече и размещении гостя в доме на ночлег, а также о встрече попутчика, причем последние две позиции чаще выражены для групп младшего и среднего возраста. Это свидетельствует об межпоколенческой устойчивости данной культурной нормы по отношению к гостям, характерной для кочевой тувинской культуры.

Еще один этап анализа данных по модифицированной методике Богардуса заключался в определении общего числа сделанных респондентами выборов. Средние значения весьма близки по всем возрастным группам, таким образом, можно заключить, что предпочтения представителей того или иного из оцениваемых этносов у тувинцев разных возрастных групп не различается.

Дополнительный статистический анализ позволил обнаружить статистически значимые различия во всех возрастных группах и по всем вопросам, предложенным в методике Богардуса, между частотами выборов социальных ролей приемлемых, по мнению респондентов, для тувинского этноса и не приемлемых для русских, монголов и представителей Кавказского региона. По всем позициям предпочтения отдаются представителям своей этнической группы, т. е. тувинцам. Исключение составляет лишь отсутствие статистически значимых различий между частотами выбора русского и тувинского этносов при ответе на вопрос о главе Российского государства для группы старших респондентов. Так, старшее поколение тувинцев-эрзинцев сообщает о предпочтении для данной роли как представителя русского этноса, так и тувинца, причем большая доля выборов приходится на русский этнос, хотя как уже нами отмечалось,

эта тенденция не является статистически значимой. Также следует отметить, что во всех возрастных группах не обнаружены статистически значимые различия частот выбора на те или иные социальные роли монголов и жителей Кавказа.

Таким образом, мы получили результаты, свидетельствующие о весьма позитивном отношении тувинцев-эрзинцев не только к представителям тувинского, но и русского этносов и довольно неожиданный результат о невысоком предпочтении представителей монгольского этноса, несмотря на то, что Эрзин расположен на границе Монголии и России.

Роль индивидуально-психологических характеристик наблюдателя в оценке доверия к незнакомому человеку в различных коммуникативных ситуациях*

Д. А. Дивеев (МИП, Москва)

Многие решения, суждения и действия в нашей жизни происходят из коротких и даже мгновенных взаимодействий друг с другом. Например, нам надо понять за короткое время, хорош ли лечащий врач, можем ли мы ему довериться или нет. К кому мы обратимся за помощью, когда потребуется. Принятые решения в этих и подобных ситуациях оказывают значительное и последовательное влияние на наше дальнейшее социальное взаимодействие с другими.

Исследования показывают, что мы способны довольно точно оценивать незнакомых людей на основе коротких взаимодействий или даже намеков на них. Как правило, в этих исследованиях незнакомые люди и испытуемые оценивали себя и друг друга по разнообразным измерительным шкалам и опросникам. Схожесть оценок незнакомцев с самооценками неожиданно оказалось довольно высокой (S. Raunonen). Показано, что точность таких оценок улучшается при знакомстве испытуемых друг с другом (D. C. Funder, C. R. Colvin).

Хотя точность суждений в ситуациях с нулевым знакомством высокая, до сих пор не очень понятна роль психологических характеристик самих наблюдателей, оценивающих незнакомцев в этих ситуациях? Вследствие этого данная работа главным образом нацелена

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00516.

на изучение роли индивидуально-психологических характеристик наблюдателей в связи с оценками доверия/недоверия к незнакомцам, участвующих в различных коммуникативных ситуациях.

Парадигма фрагментов поведения или «тонких срезов» поведения (Thin Slices of Behavior). Тонкие срезы поведения – это термин, введенный Набини Амбади и Робертом Розенталем в их исследовании, посвященном изучению точных оценок эффективности учителей. Они обнаружили, что очень короткие, динамические и беззвучные видеоклипы (10-секундные и даже 2-секундные) предоставляют достаточно информации для наивных наблюдателей, чтобы оценить эффективность преподавателя. Эти оценки имеют большую корреляцию с оценками своих преподавателей студентами последних курсов. Тонкие срезы, таким образом, определяются как короткие фрагменты выразительного поведения, отобранные из поведенческого континуума преподавателя.

Исследование. Стимульный материал. Независимая переменная представлена видеоматериалом, записано взаимодействие оцениваемого человека (натурщика) и нашего специалиста в трех коммуникативных ситуациях: 1) проходная – натурщик входит в институт, подходит к проходной, происходит разговор с нашим специалистом, играющим роль охранника, а потом проходит в институт; 2) экзамен – натурщик находится в аудитории, ему дается задание ответить на ряд вопросов, его вызывает наш специалист, играющий роль экзаменатора, происходит разговор, учитель задает уточняющие вопросы; 3) психологическая консультация – натурщик входит в психологический консультативный центр, стучит в кабинет психолога, роль которого играет наш специалист, проходит, садится, далее консультант задает вопросы, а натурщик излагает свои трудности. Общее время продолжительности каждого ролика составляло 2–3 минуты.

Натурщики. В качестве натурщиков привлечены 8 человек, из них 4 мужчины и 4 женщины, средний возраст испытуемых – 39 лет. Натурщики не были знакомы. С каждым натурщиком записывались три видеосюжета в соответствии с изучаемыми ситуациями.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 128 человек, студентов МИП и ГАУГН.

Процедура проведения. На первом этапе испытуемым необходимо было оценить себя по шкалам методики «Личностный дифференциал». Далее им необходимо было оценить степень доверия к незнакомцам по 7-балльной шкале.

Результат. Исходя из результатов данного исследования, мы обнаруживаем, что самооценка наблюдателей оказывает значительное влияние на оценку доверия/недоверия к незнакомому человеку по видеофрагментам его поведения. Треть характеристик, измеренных методикой «Личностный дифференциал» влияют на оценку доверия. Похоже, что положение о том, что чем позитивнее себя рассматривает человек, тем больше он доверяет незнакомцам, подтверждается. Больше доверяют те, кто себя оценивает добросовестнее, справедливее, дружелюбнее, сильнее, решительнее, увереннее, общительнее, более открытым, деятельным, спокойным, расслабленным, самостоятельным. Профили самооценок испытуемых, выразивших недоверие к натурщику или сомнение, не отличаются друг от друга.

Принципы параллельного анализа движений глаз и речевой продукции наблюдателя*

А. В. Жегалло (ИП РАН, Москва)

При изучении восприятия эмоциональных экспрессий лица представляет интерес совместный анализ даваемых участниками вербальных описаний эмоциональных экспрессий и сопровождающих их движений глаз. В ходе решения данной задачи реализована оригинальная программа для параллельного воспроизведения записей окуломоторной активности и аудиозаписей вербальной активности участников исследования. Программа реализована на языке программирования Python. Реализация программы выполнена с использованием библиотек PyQt (интерфейс программы), matplotlib (пространственная и временная развертка данных), numpy (выбор данных для визуализации), wave (загрузка аудиозаписи для дальнейшей визуализации).

Пилотный анализ показывает, что отдельным элементарным единицам анализа соответствуют последовательности из нескольких зрительных фиксаций, причем локализация фиксаций может лишь частично соответствовать описываемым элементам лица. Так, например, при описании имеем две последовательные единицы: «лицо выглядит агрессивно тоже» (1,9 с); «рот открыт в крике» (2,4 с). При этом в начале первой единицы – «лицо выглядит» (0,8 с) – имеется две зри-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

тельные фиксации, локализующиеся в зоне глаз. Окончанию первой единицы и началу второй – «агрессивно тоже... рот» (2,3 с) – соответствует единственная фиксация в зоне рта (внутри фиксации имеются плавные движения, не выходящие за пределы зоны рта). Далее окончанию второй единицы – «открыт в крике» (1,2 с) – соответствуют 5 коротких фиксаций в зоне глаз–переносицы. Таким образом, рассматривая данный пример, можно обнаружить зрительную активность как первичную, обуславливаемую структурой лица. Речевая продукция опосредуется локализацией взгляда наблюдателя, его пониманием задачи и прежним коммуникативным опытом. При относительно продолжительном фиксированном времени экспозиции вербальное описание может завершиться раньше, чем экспозиция изображения, при этом наблюдатель на завершающей стадии продолжает осмотр изображения уже без порождения речевой продукции. Т.е. фактическое выполнение поставленной экспериментатором задачи не приводит к прекращению зрительной активности.

Приведенный пример наглядно показывает, что начало и конец зрительных фиксаций могут не соответствовать началу и окончанию вербальных единиц. Возможно как наличие нескольких зрительных фиксаций на протяжении одной вербальной единицы, так и продолжительная зрительная фиксация, соответствующая нескольким словам наблюдателя. В таком случае во избежание потери информации необходимо обеспечить множественное перекрестное кодирование, при котором отдельному элементу каждого ряда может соответствовать несколько элементов параллельного ряда. Для каждой зрительной фиксации должна автоматически кодироваться ее отнесенность к зонам интереса, соответствующим элементам изображения, фактически описываемым наблюдателем.

Сравнительные характеристики принятия решения разными видами рептилий при зрительном различении

Р. В. Желанкин (ГБУ «Мосветобъединение», Москва)

Понятие «принятия решения» (ПР) как ключевого компонента функциональных систем поведенческих актов человека и животных (П. К. Анохин) обычно характеризует выбор альтернатив поведения. Установлено соответствие между психологическими законо-

мерностями ПР человеком и данными нейронаук о ПР животными (P. Smith, R. Ratcliff). Рептилии занимают принципиально важное место на эволюционной лестнице между низшими и высшими позвоночными. Рептилии ряда видов различают цветовые тона и геометрические фигуры, что помогает им в поиске добычи и полового партнера, распознавании врагов по форме, размеру, цвету, запоминании местообитания или экологической ниши, избегании опасностей, нахождении мест отдыха.

Представлено впервые изучаемое ПР рептилиями по зрительному различению с одновременной регистрацией трех основных характеристик: правильности/ошибочности, времени, поведенческих реакций перед выбором – и квадриполярным анализом индивидуальных различий по импульсивности (М. А. Холодная).

Цель – изучить выбор альтернатив поведения при различении геометрических фигур и цветовых тонов у трех видов рептилий.

Задачи

1. Выяснить, могут ли веретеницы ломкие, ужи обыкновенные и гекконы-эubleфары различать формы и размеры геометрических фигур и цветовые тона.
2. Путем анализа элементарных двигательных актов описать ПР рептилиями при выборе альтернатив поведения в ходе зрительного различения.

Методика

Эксперименты проводились в Т-образных лабиринтах (большом для ужей, малом для веретениц) и установке-ящике для гекконов. Животные выходили из стартовой камеры к развилке и выбирали правый либо левый путь (менявшиеся случайным образом) к подкрепляемому целевому стимулу. Их поведение фиксировали веб-камерой. Опыт завершали после остановки особи у выбранного стимула более чем на 1 минуту. Регистрировали число ошибочных выборов, время каждого выбора (от развилки до остановки особи) и число поворотов к сравниваемым стимулам перед выбором. Значимость различий времени выбора оценивалась по тесту χ^2 Пирсона, а процента ошибки числа поворотов по U-тесту Манна–Уитни. После научения по различению круга и квадрата проведено по 10 опытов с каждой из 6 особей каждого вида, по различению зеленого и красного цветовых тонов – по 10 опытов с каждой особью из групп по 6 ужей и 4 верете-

ницы, а с последними также — по 10 опытов по различению размеров двух кругов (ужы и гекконы на них почти не реагировали).

Результаты и обсуждение

1. При различении круга и квадрата:

- а) у каждого вида рептилий средний по группам животных процент верных выборов выше процента ошибок, $p < 0,05$, т. е. все они научились отличать круг от квадрата; высокий процент ошибок (43,3%) указывает на наибольшую трудность различения у ужей (вида змей), чем у обоих видов ящериц, у которых он оказался почти равным (37,2% и 37,5%);
- б) у гекконов более чем вдвое большее среднее число поворотов к сравниваемым стимулам перед выбором (7,6), чем сходные их числа у веретениц (3,3) и ужей (3,1); в связи с этим среднее время выбора у гекконов (312,5 с) в 6 раз больше, чем у ужей (53,4 с), и втрое, чем у веретениц (105,7 с); это указывает на осторожное ПР эублефарами, адекватное для их ночной активности, что меньше требуется ужам и веретеницам для их дневной и вечерней активности, соответственно;
- в) у ужей высокий процент ошибок (43,3% — различение ниже порога) и большее время ошибочных выборов (56,8 с), чем верных (43,4 с), $p < 0,05$, может характеризовать трудное различение по аналогии с правилом Р. Свенссона, установленным для человека; для гекконов эта задача на грани трудной и легкой (37,5% ошибок — порог различения), а меньшее время ошибочных ответов (259,1 с), чем верных (302,1 с), $p < 0,05$, может характеризовать легкое различение по аналогии с правилом Свенссона.

2. Различение веретеницами цветовых тонов характеризуется меньшими средними значениями процента ошибок (20,9%), времени выбора (118,2 с) и числа поворотов (3,5), т. е. оно легче для них, чем различение размеров кругов (30,9%, 141,6 с, 4,5 с, соответственно). Среднее время ошибочных выборов цветов (110,1 с) меньше времени верных (123,9 с), что характерно именно для легкого различения по аналогии с правилом Свенссона, а при различении кругов оно больше (160,9 с и 133,0 с, соответственно), что характерно для трудного различения по аналогии с правилом Свенссона.

Наши данные указывают на сходство с правилом Свенссона: в одном из двух его утверждений при различении круга и квадрата ужами и гекконами и в обоих утверждениях при сравнении различения веретеницами размеров кругов и зеленого/красного цветов.

3. При различении этих цветов средний процент ошибок составил у ужей 48% (почти случайный выбор), а у веретениц 20,9%. Это указывает на слабое различение зеленого и красного цветов ужами и успешное веретеницами.
4. При различении круга и квадрата среди особей каждого вида рептилий и при различении цветов среди особей ужей (по различению же цветов и кругов веретеницами мало особей), по медианам процента ошибок и времени выбора выделены 4 индивидуально-типологические группы по импульсивности (аналогично анализу данных человека в тесте Дж. Кагана по зрительному выбору – М. А. Холодная), подобные импульсивному, рефлексивному, быстрому/точному и медленному/неточному паттернам поведения людей в когнитивных задачах. У рефлексивных и медленных/неточных рептилий перед выбором были более частые повороты к сравниваемым стимулам (видимо, отражающие требуемый им первым в силу большей «внимательности», вторым в силу низких когнитивных ресурсов – развернутый анализ зрительной информации), чем у импульсивных и быстрых/точных (которым такой анализ, видимо, не требовался: первым в силу меньшей «внимательности», вторым в силу высоких когнитивных ресурсов). Учащенные же повороты у ряда импульсивных особей могли быть непродуктивными ориентировочными реакциями, не служащими анализу информации, так как велики были проценты ошибок. Ввиду объема тезисов нет возможности включить в п. 4 большой массив числовых данных.

Наши результаты, впервые полученные у рептилий, подтверждают представление об импульсивности как одной из базовых характеристик индивидуальности. В целом найдены сравнительные характеристики ПР разными видами рептилий в зрительном различении (Р. В. Желанкин, И. Г. Скотникова), перекликающиеся с данными, полученными у человека.

Общее и специфичное в субъективных представлениях о функциональном значении межличностного и внутриличностного сравнения*

*А. В. Корбут (Военный университет им. Князя Александра Невского
МО РФ, Москва), Е. С. Самойленко (ИП РАН, Москва)*

Межличностное сравнение себя с другими людьми и внутриличностное сравнение себя в настоящем, прошлом и прогнозируемом будущем являются необходимыми когнитивно-оценочными процессами, играющими важную роль в самопознании и общении. Наряду с многоаспектными психологическими исследованиями механизмов данных видов социального сравнения (напр.: Е. С. Самойленко, S. Albert, L. Festinger, T. Mussweiler, J. Suls, A. Tesser, L. Wheeler, A. Wills, J. Wood и др.) интересен вопрос о том, каковы субъективные представления людей о функциональном значении межличностного и внутриличностного сравнения.

С целью изучения этого вопроса проведено исследование с участием 188 студентов и служащих, в котором применялась количественная и качественная методология. Респондентам было предложено ответить на вопросы о том, считают ли они, что межличностное сравнение себя с другими людьми и внутриличностное сравнение себя в настоящем с собой в прошлом и с тем, каким хочется стать в будущем, имеют значение (полезны/вредны) или не имеют значения для людей, а затем объяснить в свободной форме свои ответы.

Обнаружено, что и межличностное, и внутриличностное сравнение значимо чаще оценивалось респондентами как имеющее значение для человека, чем как не имеющее. Применительно к внутриличностному сравнению преобладание его оценки как имеющего значение над его оценкой как не имеющего значения было более выраженным по сравнению с межличностным сравнением (Difference test, $p < 0,001$).

Выявлено, что и межличностное, и внутриличностное сравнение значимо чаще субъективно оцениваются как имеющие положительную валентность (положительное жизненное значение), чем как имеющие отрицательную валентность (отрицательное жизненное значение). Отличительная особенность внутриличностного сравнения

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

выразилась в том, что преобладание его оценки как имеющего положительную валентность над его оценкой как имеющего отрицательную валентность было значимо более выраженным, чем в случае межличностного сравнения (Difference test, $p < 0,001$).

Индуктивный контент-анализ объяснений респондентами того, почему они считают полезным межличностное сравнение (104 утверждения) и внутриличностное сравнение (162 утверждения), позволил выделить несколько общих категорий утверждений. Оба эти вида сравнения способствуют самосовершенствованию, самопознанию, саморазвитию, целеполаганию, дают ориентиры, создают мотивацию, позволяют прогнозировать свою жизнедеятельность, работать над собственными ошибками. Для межличностного сравнения наиболее часто встречались высказывания, относящиеся к категориям «самосовершенствование», «самопознание», «саморазвитие», доля встречаемости которых среди общего количества ответов, касающихся положительного функционального значения этого вида сравнения, составила 26%, 23% и 14%, соответственно. Для внутриличностного сравнения наиболее часто встречались высказывания, относящиеся к категориям «самопознание», «целеполагание», «работа над собственными ошибками» и «самосовершенствование», доля встречаемости которых составила 41%, 16%, 12% и 11%, соответственно. Специфичным для межличностного сравнения оказались такие категории, как «повышение самооценки», «самоудовлетворение», «познание мира», «социальная адаптация», «представляет интерес», «способствует решению проблем». Специфичными для внутриличностного сравнения были категории: «корректировка собственной деятельности», «помогает делать выводы», «помогает совладать с трудностями».

Интересно, что для межличностного и внутриличностного сравнения не обнаружено общих категорий субъективных представлений об их отрицательном функциональном значении для людей. Отрицательное значение межличностного сравнения, зафиксированной в 40 утверждениях респондентов, обнаруживалось в том, что оно может способствовать появлению зависти, депрессивных состояний, комплексов, невротизации, стресса, отрицательных эмоций, искаженной самооценки, может мешать самосовершенствованию, отрицательно влияет на деятельность, снижает адаптацию к трудностям, может привести к зависимости от успехов окружающих, потере мотивации и собственной индивидуальности. Наиболее часто встречались две категории высказываний: «искаженная самооценка» (35%)

и «потеря собственной индивидуальности» (28%). Что касается внутриличностного сравнения, то его отрицательное функциональное значение фактически не отмечалось респондентами: на всей выборке обнаружено всего четыре релевантных утверждения, заключающиеся в том, что этот вид социального сравнения может привести к застреванию человека в прошлом, отсутствию переживания настоящего, риску самобичевания и появлению чувства сожаления об упущенных возможностях.

Среди 26 утверждений, содержащих объяснения незначимости межличностного сравнения, выделены три наиболее часто встречающиеся категории: «все люди уникальны» (60%), «всё зависит от самого человека» (20%), «главное значение имеет собственная личность» (16%), а также категория «бессмысленность сравнения вне учета целей и контекста» (4%). Единичные объяснения незначимости внутриличностного сравнения (их оказалось всего четыре) касались того, что прошлое или будущее не важны и что сравнение и самооценка субъективны.

Результаты проведенного количественно-качественного исследования, позволившего определить общее и специфичное в субъективных представлениях людей о функциональном значении межличностного и внутриличностного сравнения, имеют практическое значение в рамках психологического консультирования.

Структура субъективного пространства восприятия естественных индуцированных экспрессий лица*

О. А. Королькова (МГППУ, Москва), Е. А. Лободинская (МГППУ, Москва)

Экспрессии лица играют ключевую роль в процессах межличностной коммуникации. В частности, лицо человека способно передавать информацию как о сильно выраженных эмоциональных состояниях, так и о тонких нюансах и переходах между ними. Однако зачастую для изучения восприятия эмоций в условиях лабораторного эксперимента используются стандартизованные изображения экспрессий, которые представляют ограниченный набор мимических паттернов, соответствующих выражениям базовых эмоций. Структура эмоциональных категорий, которые могут быть восприняты наблюдателем

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00350-П.

на таких изображениях, представляется упрощенной по сравнению с реальной ситуацией оценки состояния партнера по общению. Цель настоящего исследования – выявление структуры восприятия естественных выражений эмоций. Нас интересовало, какие категории выделяются при просмотре широкого диапазона видеоизображений естественных эмоциональных реакций.

В качестве стимульного материала использовалась разрабатываемая авторами база индуцированных эмоциональных экспрессий лица «БЕВЭЛ». В ходе создания данной базы натурщикам демонстрировались предварительно подобранные эмоционально окрашенные видеоклипы, вызывающие базовые эмоции – радость, удивление, интерес, страх, гнев, отвращение, презрение, печаль. Во время просмотра клипов велась видеозапись лиц натурщиков в высоком качестве. Далее из видеозаписей выделялись короткие фрагменты (1–5 с), которые затем демонстрировались отдельной группе наблюдателей. Наблюдатели (N = 250), используя Шкалу дифференциальных эмоций (К. Изард), оценивали по пятибалльной шкале выраженность 33 эмоциональных состояний на каждом из 210 видеофрагментов естественных экспрессий, принадлежащих 5 натурщикам.

Данные анализировались в среде статистической обработки R v. 3.6.3. На основании оценок наблюдателей для каждого видеофрагмента строилась порядковая линейная модель, в качестве предиктора включающая субшкалы ШДЭ. По предсказанным моделью значениям строились эмоциональные профили экспрессий. Далее на основании полученных профилей рассчитывались попарные корреляции Пирсона между видеофрагментами, чтобы получить меру сходства экспрессий. Структура категорий эмоций определялась при помощи кластерного анализа (метод K средних). Количество кластеров варьировалось от 2 до 10; итоговое число кластеров определялось методом максимизации ширины силуэта.

Кластерный анализ показал, что оптимальное число кластеров составляет 5; максимальный показатель ширины силуэта составил 0,415. В первый кластер вошли 54 экспрессии, в эмоциональном профиле которых были наиболее сильно выражены состояния «внимательный», «сконцентрированный», «собранный», «спокойный». Во второй кластер вошли 43 экспрессии, охарактеризованные наблюдателями как «наслаждающиеся», «счастливые», «радостные», «умиротворенные». В третий кластер вошли 45 экспрессий, выражающих состояния «изумленный», «удивленный», «пораженный». В четвертый кластер

вошли 40 экспрессий, оцененных как «внимательные», «печальные», «подавленные». Наконец, в пятый кластер вошли 28 экспрессий, выражающих состояния «чувствующий неприязнь, отвращение, омерзение», «презрительный», «пренебрежительный». Для экспрессий страха и гнева не было выделено отдельных кластеров.

Результаты проведенной работы свидетельствуют о том, что, несмотря на значительную вариативность естественной эмоциональной мимики, наблюдатели способны эффективно распознавать переживаемое натурщиком состояние и относить его к той или иной категории. В отличие от стандартизованных позированных экспрессий, которые содержатся в большинстве баз изображений эмоциональных лиц, видеофрагменты из разрабатываемой базы БЕВЭЛ представляют более широкий диапазон естественных выражений эмоций, возникающих при просмотре эмоционально окрашенных видеоклипов.

Влияние радости и тревоги на эмоциональный эффект Струпа

*Е. Н. Мартынова (НИУ ВШЭ, Москва),
Д. В. Люсин (НИУ ВШЭ, ИП РАН, Москва)*

Эмоциональный эффект Струпа (ЭЭС) проявляется в большей задержке при назывании цвета эмоциональных слов по сравнению с нейтральными (D. Algom et al.). Согласно феномену эмоциональной конгруэнтности, если эмоциональная окраска стимула схожа по валентности с эмоциональным состоянием (ЭС) человека, то обработка этого стимула облегчается (C. L. Rusting). Имеется большое количество данных, описывающих влияние настроения на ЭЭС, а также специфику его зависимости от эффектов эмоциональной конгруэнтности. Некоторые авторы пишут, что при использовании стимулов, эмоциональная окраска которых не конгруэнтна эмоциональному ЭС, ЭЭС будет выражен больше (напр.: E. Gilboa-Schechtman et al.). Другие наоборот, утверждают, что ЭЭС будет больше при использовании неконгруэнтных ЭС стимулов (напр.: S. Schwager, K. Rothermund). Третьи же обращают внимание на то, что эффекты эмоциональной конгруэнтности в ЭЭС можно получить у испытуемых с определенными эмоциональными личностными чертами или аффективными расстройствами, а силы индуцированного ЭС для этого недостаточно (I. H. Gotlib, C. D. McCann).

Целью данной работы является изучение того, как такие ЭС, как радость и тревога, влияют на размер ЭЭС, а также возможно ли получение эффекта эмоциональной конгруэнтности на этом материале.

Гипотеза эмоциональной конгруэнтности предполагает, что ЭЭС будет выражен больше при использовании стимулов, эмоциональная окраска которых не конгруэнтна ЭС испытуемого. Гипотеза эмоциональных состояния основана на Attentional Control Theory (M. W. Eysenck et al.), предполагающей, что в состоянии тревоги ухудшается работа целенаправленной системы внимания, и broaden-and-build theory (B. L. Fredrickson), предполагающей, что положительный аффект расширяет фокус внимания, поэтому ЭЭС в тревожном состоянии будет больше, чем в радостном.

В исследовании приняло участие 89 человек ($M = 20,25$, $SD = 2,69$, 60 женщин). Испытуемые выполняли эмоциональную задачу Струпа, включающую нейтральные, радостные и угрожающие стимулы; радость и тревога индуцировались при помощи музыки, во время нейтрального состояния испытуемые слушали белый шум. После каждой индукции испытуемые заполняли методику ЭмоС-15 (Д. В. Люсин), в которой оценивали свое ЭС.

Для оценки эффективности индукции ЭС сравнивались средние оценки по шкалам «Позитивный аффект» и «Напряжение» после индукции радости, тревоги и нейтрального состояния. Результаты двухфакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями, где первым фактором было ЭС, а вторым – шкалы ЭмоС-15 ($F(2,87) = 55,36$, $p < 0,01$, $p = 0,05$), говорят о том, что оценки по шкале «Напряжение» были выше после индукции тревоги, чем после индукции радости, а оценки по шкале «Положительный аффект» были выше после индукции радости, чем после индукции тревоги. Из этого можно заключить, что индукция ЭС была успешной.

Для проверки гипотез использовался двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями, где первым фактором был тип стимулов (радостные и угрожающие), а вторым – ЭС (тревога и радость). Зависимой переменной была выраженность ЭЭС в ВР и количестве ошибок.

Взаимодействие факторов для ВР оказалось незначимым ($F < 1$). Взаимодействие факторов для количества ошибок также оказалось незначимым ($F(1,87) = 3,11$, $p = 0,08$, $p = 0,03$). Однако мы обнаружили, что ЭЭС был больше для стимулов, чья эмоциональная окраска была неконгруэнтна ЭС. Мы предположили, что эффект не достиг конвен-

ционального уровня значимости, потому что не у всех испытуемых удалось индуцировать необходимые ЭС. Чтобы проверить это предположение, мы отобрали группу испытуемых ($N = 70$), у которых ЭС были индуцированы более эффективно. В эту подвыборку вошли люди, у которых оценки по шкале «Позитивный аффект» после индукции радости были выше, чем по шкале «Напряжение» после индукции радости, а оценки по шкале «Напряжение» после индукции тревоги были выше, чем по шкале «Положительный аффект» после индукции тревоги. Хотя взаимодействие факторов опять оказалось незначимым ($F(1,68) = 3,47$, $p = 0,07$, $p = 0,05$), размер эффекта (0,5 vs 0,3) был больше на меньшей выборке. Из этого можно сделать вывод, что гипотеза эмоциональной конгруэнтности была частично подтверждена. Взаимодействие между автоматической обработкой эмоционального значения слова и настроением может менять выраженность ЭЭС, однако для этого необходимо, чтобы ЭС было более интенсивным.

Влияние фактора «Эмоциональное состояние» оказалось незначимым как для ВР, так и для количества ошибок ($F_s < 1$), следовательно, настроение не влияет на выраженность ЭЭС напрямую. Это может быть связано с тем, что теории, описывающие влияние эмоций на внимание не применимы к предсказаниям относительно ЭЭС, так как до конца не ясна специфика работы внимания в случае наличия двух измерений стимула (цвет и значение).

Когнитивно-коммуникативная парадигма Б. Ф. Ломова в когнитивных науках сегодня*

В. Н. Носуленко (ИП РАН, Москва)

Проблема взаимосвязи познания и общения занимала особое место в творчестве Б. Ф. Ломова. Идея о том, что общение определяет развитие психических процессов, а психические явления, в свою очередь, регулируют процесс общения и являются условием его развития определила в начале 1980-х годов отдельное направление теоретических и экспериментальных исследований. Это направление приобретает особую актуальность в современных условиях, требующих коренного пересмотра многих представлений об организационных, технологи-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

ческих и экономических возможностях обеспечения жизни общества. Когнитивно-коммуникативная парадигма оказалась особо востребованной для решения междисциплинарных задач, которые определяют многие современные тренды исследований в когнитивных науках (В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко).

Общение является элементом естественной ситуации, в которой формируются отношения между людьми и их представления об окружении. При этом сам процесс общения, являясь внешне наблюдаемым, может быть зарегистрирован для последующего анализа. Эти два момента определили главное направление исследований не только познавательных процессов в условиях общения, но и деятельности. Как считал Ломов, деятельность нельзя рассматривать вне связи с коммуникативными процессами, а одним из феноменов их интеграции является совместная деятельность. Исследование совместной деятельности существенно расширяет область приложения парадигмы «Познание и общение». Говоря о совместной деятельности, Ломов особо подчеркивал ее большие возможности по сравнению с индивидуальной в решении когнитивных задач, связанных с анализом и синтезом поступающей информации.

При анализе проблем совместной деятельности Ломов фокусировал внимание на вопросах соотношения индивидуальных и совместных целей участников этой деятельности. В зависимости от наличия или отсутствия совместных целей у членов группы их деятельность становится или не становится совместной. Эти положения особо актуальны в современных условиях, когда совместная деятельность людей оказывается опосредованной информационно-коммуникационными технологиями. Цифровая среда коренным образом изменила отношения между участниками совместной деятельности (V. Nosulenko). Субъекты совместной деятельности и их орудия неоднозначно локализируются в физическом пространстве, а взаимодействие между участниками может быть асинхронным. Но они должны быть объединены общей целью и составлять «совокупный» (Б. Ф. Ломов), или «коллективный» (А. Л. Журавлев), субъект. Поэтому особую остроту приобретает задача определить вклад каждого участника в построение этого «совокупного или коллективного субъекта».

Примером такой совместной деятельности является научно-организационное совещание с дистанционным участием, где особенно важно знать, как тот или иной участник «трансформирует общую цель в собственную... а также как он понимает цели и роли других

участников» (Б. Ф. Ломов). Другие вопросы касаются, согласно Ломову, создания средств для координации и планирования действий между участниками и средств, благодаря которым «образуется общий фонд информации, которым пользуется каждый». Эти вопросы определили содержание исследования, практической целью которого было разработать новые организационные средства (В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко, S. Lahlou, V. Nosulenko, E. Samoilenko). В результате были созданы методы выявления личных целей участников совещания и разработаны цифровые средства, способствующие пониманию каждым участником общей цели. Для улучшения планирования предложены средства контроля процесса исполнения уже принятых решений и принятия новых. Задача образования общего фонда информации решена путем создания средств видеосинтеза сообщаемой на совещании информации, отсроченного доступа к материалам совещания, визуализации протокола совещания и т. д. Это позволило снизить число обсуждений, не относящихся к повестке дня, а также увеличить процент выполненных решений по отношению к принятым.

Поставленные Ломовым вопросы изучения совместной деятельности легли в основу реализации проекта в Центре управления полетами (ЦУП). Проводился анализ совместной деятельности и общения операторов ЦУПа при решении нештатных ситуаций полета (В. Н. Носуленко). Этот анализ показал ряд нарушений установленного регламента взаимодействия, которые позволили, однако, оперативно выйти из критической ситуации. Именно об этом писал Ломов, отмечая, что «благодаря общению... формируются своеобразные – и более экономные – способы обмена информацией, приемы и способы координации действий».

Эти исследования потребовали интеграции данных, получаемых разными методами, как качественными, так и количественными. Как отмечал Б. Ф. Ломов, такая теоретическая и методическая интеграция разнородных данных, предполагает не просто сопоставление и объединение данных, полученных разными методами, а выработку общей теоретической и методологической позиции рассмотрения их в единой системе. Это главное условие обеспечения междисциплинарного исследования, само понятие которого означает синтез знаний, полученных в разных областях и разными способами. А методологические различия между разными дисциплинами должны способствовать научной дискуссии и созданию основы для генерации новых знаний, отсутствующих в отдельных дисциплинах.

Отметим, что именно эти вопросы обсуждаются в современных работах в контексте выработки интегративной стратегии применения качественных и количественных подходов и установления отношений между разными методами и подходами (L. Åkerblad et al., M. Fetters, J. F. Molina-Azorin, J. M. Morse, L. Niehaus, A. Tashakkori et al.).

Сонификация как средство невербальной коммуникации: классификация методов и способы применения*

А. Ю. Разваляева (ИП РАН, Москва)

Звук можно рассматривать как один из природных ресурсов и как часть культурного наследия человечества (В. Н. Носуленко, А. Н. Харитонов). Одна из важнейших функций звука – сигнальная; благодаря ей человек может быстро классифицировать ситуации, обнаружить возможную опасность или благоприятную возможность. Эта функция звука может использоваться для коммуникации и улучшения взаимодействия с окружающим миром, что получило отражение в таком прикладном направлении исследований, как сонификация.

Сонификацию определяют как использование неречевых звуков для передачи информации или содержаний восприятия (G. Parseihian et al.). Примером сонификации, вошедшим в число звуковых эталонов, является дозиметр, передающий уровень радиации как частоту щелчков.

Сонификация может применяться для решения ряда задач:

- для создания устройств, помогающих ориентироваться людям с нарушениями зрения (M. Vujacz, P. Strumillo);
- для разработки аудиоинтерфейсов, помогающих операторам (водителям, летчикам, хирургам) управлять различными системами в условиях повышенной когнитивной нагрузки, снижения видимости или для улучшения эффекта погружения в виртуальную среду (G. Parseihian et al.);
- для реабилитации двигательных функций (интерактивная сонификация) и для обучения детей различным навыкам, например, чтению и письму (J. Danna et al.);

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

– для фасилитации обмена научными знаниями, популяризации науки (N. Sawe et al.) и анализа данных (S. L. Franjou et al.).

Систематический обзор публикаций по 60 проектам сонификации физических свойств объектов показал, что самой частой акустической категорией, применявшейся в исследованиях, выступает высота тона. Ей могут соответствовать локализация, расстояние, плотность, ориентация в пространстве, скорость, движение и спектральное распределение энергии. Самой же частой парой связанных категорий выступило положение объекта в пространстве и положение источника звука в пространстве и времени (G. Dubus, R. Bresin).

Классификации методов сонификации могут строиться на соответствиях между типом данных и характеристиками звука. Так, Насир и Робертс разделяют не только свойства звука, но и исходные данные на пространственные (содержащие информацию о положении или структуре, например, карты, прогнозы погоды, молекулы) и непространственные (T. Nasir, J. C. Roberts). Другие классификации строятся на функциональном назначении устройства (простые детекторы препятствий и устройства, выстраивающие акустическую «картину» пространства – M. Vujacz, P. Strumiłło) и взаимосвязях между звуком и пространством (психоакустический подход, предполагающий наличие и использование непосредственных связей, и искусственный подход, в котором моделируются свойства окружающей среды, не имеющие соответствий в акустике – P. R. Sanz et al.).

Выделяют два общих подхода к сонификации пространственной информации. В первом характеристики звука – тембр, высота, амплитуда, темп, флуктуации, паузы между звуками – соответствуют данным о положении объекта в трехмерной координатной системе, о расстоянии до цели или препятствия. Во втором используются пространственные характеристики звука, передающиеся с помощью бинауральной/многоканальной записи или использования преобразований (передаточной функции головы, HRTF). Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки: второй более экологически валиден и не требует долгого обучения, однако демонстрирует ограничения при передаче информации о подъеме и дистанции (G. Parseihian et al.).

Говоря о более частных стратегиях сонификации, следует отметить важность контекстуальных подсказок. Они могут моделироваться как дополнительный источник звука, «привязанный» к целевому объекту (G. Parseihian et al.). Другой метод заключается в построении

отражений звука, издаваемого «целью», от других компонентов виртуального пространства (А. Gonot et al.). Введение контекстуальных переменных помогает пользователям быстрее ориентироваться, повышает точность нахождения цели и связывается с меньшей когнитивной нагрузкой.

Таким образом, применение принципов сонификации и проектирование акустических систем управления представляется многообещающей областью. Однако следует учитывать эффекты взаимодействия характеристик звука и индивидуальные особенности слушателя, различия между музыкантами и наивными слушателями (J. G. Neuhoff). В качестве направлений будущих исследований в области сонификации можно указать на применение экологического подхода, в рамках которого можно создать условия для лучшего опредмечивания акустических событий, а следовательно, для более точного выполнения ими сигнальной функции.

Восприятие человека человеком: роль коммуникативной ситуации*

*Е. С. Самойленко (ИП РАН, Москва), К. И. Ананьева (МИП, Москва),
А. А. Демидов (МИП, Москва), Д. А. Дивеев (МИП, Москва)*

Проблема межличностного восприятия неизменно является актуальной и значимой как с точки зрения практики, так и теории психологического знания. Существует довольно много теоретических подходов к изучению познания человека человеком. В нашей работе мы обратили внимание прежде всего на взаимодействие основных «составляющих» этого феномена — субъекта и объекта восприятия.

Важно отметить давнюю традицию изучения субъекта и объекта восприятия как отдельных составляющих, что, по сути, хорошо фиксируется «психофизической парадигмой», в которой субъект восприятия рассматривается как некий регистрирующий прибор (чьи функциональные характеристики следует изучить), а объект восприятия как некий набор параметров среды (зачастую физической), относительно которых необходимо установить связь с возникшим перцептивным образом (см. напр.: В. А. Барабанщиков, G. Allport, К. Hasan). Если мы

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00516.

обратимся к современным исследованиям восприятия (напр., представленным в таких авторитетных изданиях, как *Perception*, *Journal of Experimental Psychology*, *Human Perception and Performance* и др.), то большая часть из них реализована именно в этой «психофизической парадигме», которая позволяет реализацию экспериментальных планов исследования, выявление количественных зависимостей, использование современных методов математической статистики и т. д., но при этом за скобками остается понимание восприятия как формы «связи живого существа с окружающим миром. <...> Совсем не доступным для такого [подхода] остается восприятие человека человеком; это последнее вовсе выпадает из „научной“ теории восприятия» (С. Л. Рубинштейн).

Обращаясь к разработке обозначенной проблемы, мы опираемся на онтологический подход, представленный в работах В. А. Барабанщикова и его сотрудников (В. А. Барабанщиков, В. Н. Носуленко и др.). Как отмечают авторы, «общее направление решения проблемы объекта восприятия связывается с все более полным включением в содержание объекта, как воспринимающего индивида, так и различных обстоятельств его жизни и деятельности (не только физических и экологических, но и социокультурных). Взятые в совокупности, они выступают как относительно самостоятельное развивающееся целое – объект-ситуация, вне анализа которого трудно установить действительное содержание восприятия, дать адекватную характеристику субъекту и формам его активности» (В. А. Барабанщиков).

Экспериментальная реализация онтологического подхода порождает целый ряд конкретно-научных вопросов. Как операционализировать перцептивную ситуацию в качестве единого целого? Как провести дифференциацию предмета восприятия (функционального центра объекта восприятия, который определяет течение восприятия на данном конкретном этапе) и других элементов объекта восприятия (его функциональной периферии)? Как и какие психологические особенности субъекта восприятия и перцептивные задачи обуславливают динамику перцептивной ситуации (и, возможно, их типологию)? В какой мере динамика конкретной перцептивной ситуации обусловлена ее встроенностью в ситуации других рангов (иерархия ситуаций)?

Для реализации исследования, связанного с решением указанных проблем, нами был разработан оригинальный стимульный материал, обладающий высокой степенью экологической валидности (ситуации собеседования, консультации, прохождение визуального контроля).

Выполненное исследование позволило обнаружить закономерности динамики субъективных оценок личностных характеристик объекта восприятия в зависимости от характера перцептивных ситуаций, относящихся к разным сферам жизнедеятельности и имеющих потенциально различную степень эмоциональной напряженности, а также в зависимости от эпизода развития самой ситуации.

Было выявлено, что оценки одного и того же человека, показанного в разных ситуациях взаимодействия, действительно определяются не только внешностью и поведением, но и самой ситуацией восприятия. В ситуациях формального общения натурщик оценивается как имеющий менее социально привлекательные черты, нежели в ситуации, предполагающей неформальное доверительное общение. Следовательно, сама ситуация взаимодействия детерминирует не только поведение человека, находящегося в ней, но и побуждает стороннего наблюдателя соответствующим образом изменять свое впечатление о человеке.

Таким образом, проведенные эмпирические исследования в определенной степени подтверждают наши исходные теоретические и эмпирические предположения, а также вносят вклад в понимание процессов социальной перцепции и, в частности, процессов восприятия наблюдателем личностных характеристик другого человека, находящегося в разных жизненных ситуациях межличностного взаимодействия. Полученные нами результаты в некотором роде подтверждают результаты исследования Д. Карней с соавт. о том, что контекст и стадия развития ситуации коммуникативного взаимодействия определяют оценку личности натурщика, но она носит избирательный характер.

Влияние эмоций лица на определение его привлекательности*

Е. Л. Серов (МГППУ, Москва), О. А. Королькова (МГППУ, Москва)

Изучается влияние эмоций лица на определение его привлекательности. В данном исследовании приняло участие 39 человек, средний возраст которых составил 28 лет. Стимульным материалом выступил набор изображений лицевых экспрессий ВЕПЭЛ. Видеостимулы пред-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00350-П.

ставляют собой динамичные переходы от одной экспрессии к другой. Фотоизображения были взяты из этих видеофрагментов. Для оценки привлекательности каждого стимула использовалась семибалльная шкала «Непривлекательный—Привлекательный». Исследование проводилось в дистанционном формате в два этапа. Сначала респондентам демонстрировался короткий видеоролик, под которым была расположена семибалльная шкала. Испытуемые после просмотра видео выставляют нужную оценку на этой шкале при помощи компьютерной мыши. После этого им демонстрируются фотоизображения, которые они оценивают аналогичным способом. Для участия в этом исследовании от испытуемых требовалось наличие ПК с разрешением монитора не ниже 1280x720 пикселей, а также микрофон, звуковыводящие устройства и интернет-соединение для связи с экспериментатором. Стимульный материал демонстрировался при помощи платформы Google-формы. Экспериментатор постоянно находился на связи с респондентами по Skype. Некорректно заполненные формы не учитывались на этапе обработки полученных результатов. Анализ результатов осуществлялся при помощи статической среды R v. 3.6.3. Была реализована проверка следующих гипотез: 1) средние оценки привлекательности лица различаются во время просмотра видео-стимулов в зависимости от перехода экспрессий; 2) средние оценки привлекательности различаются во время просмотра фотоизображений; 3) оценки привлекательности видео- и фотостимулов отличаются друг от друга. Статистический критерий Фридмана с апостериорным попарным сравнением использовался для проверки гипотезы 1 и 2. Проверка третьей гипотезы осуществлялась при помощи теста Вилкоксона.

Указанная аналитическая обработка полученных результатов показала следующее. Во-первых, существует ряд различий в определении привлекательности лица во время просмотра видеостимулов. Наименее привлекательными респондентами воспринимались следующие переходы: «страх—гнев» (2,18); «страх—отвращение» (2,26); «страх—печаль» (2,23); «печаль—отвращение»(2,35); «отвращение—гнев» (2,4); «отвращение—спокойствие» (2,4). Наиболее привлекательными воспринимались переходы с положительной валентностью экспрессий, а именно спокойствие-радость (5,32, $p < 0,04$). Во-вторых, различия были выявлены во время просмотра фотоизображений. Респондентами высоко оценивались фотостимулы с положительной эмоциональной валентностью (радость — 4,93). Соответственно, негативно оценива-

лись изображения с отрицательной валентностью: грусть, отвращение ($p < 0,0002$). Извлеченные фотоизображения из видеостимулов: «удивление—отвращение»; «страх—печаль»; «гнев—удивление»; «спокойствие—страх», оценивались респондентами положительно, в отличие от динамичных условий их демонстрации ($p < 0,011$), тогда как видеофрагмент «гнев—радость» был лучше ими принят, чем извлеченные из него статичные изображения ($p = 0,004$).

Полученные результаты объясняются влиянием валентности эмоции на формирование суждений об облике человека. Положительные экспрессии, такие как радость, тесно связаны с такими личностными качествами, как доброжелательность и открытость. Следовательно, лица с данной эмоцией будут восприниматься положительно. Негативные экспрессии, такие как печаль и гнев, могут характеризовать с одной стороны болезненность, а с другой стороны такое личностное качество, как агрессия. Помимо этого, на определение привлекательности лица влияют условия его демонстрации. Видеостимулы сильнее воздействуют на наблюдателя, чем фотоизображения. Просматривая их, наблюдатели могут непроизвольно повторять лицевые действия натурщика, что усиливает впечатление о нем. Здесь также следует учитывать гендерный фактор, возможно, он связан с особенностями восприятия экспрессий и чувствительностью к движениям лица.

Антропология доверия в образовательном пространстве

Т. П. Скрипкина (ГУУ, Москва)

Давно известно, что доверие является универсальным императивом всех типов социальных отношений. Именно доверие переводит факт безличной коммуникации в факт общения. В настоящее время существует большое количество трактовок доверия, и ученые еще не пришли к единой точке зрения о его сущности, условиях порождения, и роли в разных контекстах взаимодействия.

Наше внимание привлекла проблема доверия учителей к ученикам. По нашему мнению, доверие учителя к учащимся является ключевым фактором коммуникативной компетентности учителя при взаимодействии с учащимися. Существует довольно большое количество прикладных исследований, посвященных данной проблеме, как в оте-

чественной, так и зарубежной психологии, и, начиная с 1990-х годов, эта проблема не теряет своей актуальности (А. И. Донцов, Е. Б. Перелыгина, Т. П. Скрипкина).

Более того, в последние годы количество исследований, посвященных роли и функциям доверия в образовательной практике, значительно увеличилось. Краткий анализ современных англоязычных исследований, позволил выделить следующие моменты. Так, в исследовании, посвященном выявлению роли отношений в системе «учитель—ученик» в личном развитии учителя и его эмоциональном истощении и выгорании, было высказано предположение о том, что качество взаимоотношений учителей с учащимися влияет как на психологическое самочувствие учителя, так и на результаты обучения. В исследовании, основанном на транзактной модели стресса и совладания был получен результат, свидетельствующий о том, что позитивная связь и открытость в отношениях с учениками позволяет учителям испытывать удовлетворение от своей профессиональной деятельности, чувствовать себя компетентным, и, напротив, конфликтные отношения с учащимися приводят к стрессам и выгоранию (С. М. Corbin, Р. Alamos, А. Е. Lowenstein, J. T. Downer, L. J. Brown). А. Л. Карузо, изучая эмоциональное выгорание у учителей, показал взаимосвязь эмоционального выгорания и уровня межличностного доверия у учителей, с одной стороны, и взаимосвязь между психологической безопасностью ученика и его уровнем доверия к учителю, с другой (А. L. Caruso). В нашем исследовании (Т. П. Скрипкина, Ю. В. Селезнева) также было показано, что эмоциональные деформации и эмоциональное выгорание взаимосвязаны с деформациями доверительных отношений у воспитателей дошкольных учреждений.

Таким образом, многими авторами было показано, что психологическое и профессиональное здоровье учителя можно сохранить в образовательном пространстве лишь на основе позитивной коммуникации и наличия доверия.

В статьях других авторов, которые изучали взаимосвязь между удовлетворением психологических потребностей учителей, таких как автономия, связанность и компетентность, и их самооценкой своей эмоциональной вовлеченности и эмоционального истощения, показано, что для педагогов значительно большее значение имеет удовлетворение потребности в общении с учащимися, чем с коллегами и другими сверстниками. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что общению с учащимися в иссле-

дованиях уделяется недостаточно внимания, а потому это самый недооцененный компонент психологических потребностей педагогов (R. M. Klassen, N. E. Perry, C. A. Frenzel).

Наши исследования безопасной образовательной среды как фактора конструирования психологически безопасного образовательного пространства (Т. П. Скрипкина) нашли свое подтверждение в статье П. А. Дженнингс и М. Т. Гринберга, авторы предлагают разработанную ими модель просоциального класса, в которой показана роль социально-психологической компетентности и благополучия педагогов, которые более эффективно управляют тем классом, в котором используют программы, основанные на социально-эмоциональных отношениях с учащимися, такие учителя меньше выгорают и менее подвержены стрессу (P. A. Jennings, M. T. Greenberg).

Еще одно, с нашей точки зрения, важное 3-летнее исследование было проведено группой авторов, доказавших необходимость психологической поддержки подростков, связанной с их самоутверждением. Авторы исследования зафиксировали, что такого рода поддержка повышает доверие к школе и к классным руководителям, а также улучшает их поведение (K. R. Binning, J. E. Cook, V. P. Greenaway, J. Garcia, S. Chen, N. Apfel, D. K. Sherman, G. L. Cohen). Результаты данного исследования согласуются с выводами исследования О. В. Голубь, проведенного под нашим руководством, в котором доказано, что подростковый возраст является наиболее чувствительным для формирования доверия к себе в связи со становлением чувства взрослости в этот возрастной период.

Однако необходимо коснуться и другой стороны доверия. Ведь его можно использовать по-разному. Речь идет о доверии, используемом в качестве фактора манипуляции, оно разрушает так трудно устанавливаемое доверие. Авторами (J. A. Yip, M. E. Schweitzer) было показано, что, несмотря на то, что доверие — решающий фактор сотрудничества, доверие можно использовать для эксплуатации и неэтичного поведения. Однако эта проблема исследована в значительно меньшей степени, нежели положительные стороны доверия. Вместе с тем необходимо понимать, что таким образом используемое доверие приводит к конфликтам и разрыву отношений.

Роль восприятия невербальных сигналов в формировании готовности к поликультурному диалогу

*П. В. Ткаченко (УрФУ, Екатеринбург),
О. В. Ломтатидзе (УрФУ, Екатеринбург)*

Восприятие играет важную роль в жизни человека. Данный познавательный процесс определяется как наглядно-образное отражение действующих в данный момент на органы чувств предметов и явлений действительности в совокупности их различных свойств и частей. Восприятие особенно важно при межличностном общении: нам необходимо понять настроение человека, его состояние, является ли он безопасным для нас.

По словам американского психолога А. Меграбяна, около 55% всей информации от собеседника мы воспринимаем невербально, т. е. через позу, мимику, жесты и т. д. С целью изучить, каким образом восприятие влияет на готовность вступить в коммуникацию с представителем другой культуры мы провели пилотный эксперимент по изучению восприятия невербальных аспектов французской речи.

Выборка состояла из 10 человек (7 девушек и 3 юноши) в возрасте от 19 до 21 года, которые были поделены на две группы. В первую группу входили испытуемые, не владеющие французским языком, во вторую – владеющие им на уровне В1 по классификации уровней владения иностранными языками Совета Европы.

Перед началом исследования испытуемых просили указать пол, возраст, язык повседневного общения и их уровень владения французским языком. Эксперимент состоял из нескольких частей. Первая часть представляла собой психофизическую пробу, во время которой испытуемым предлагалось субъективно оценить длину 7 полосок и площадь 7 кругов по сравнению с фигурами-идеалами. С помощью данной части мы измеряли способность испытуемых визуально оценивать одно- и двухмерное пространство.

Вторая часть эксперимента состояла из двух видео по 9 секунд, где говорили пожилые мужчины-французы, и из трех вопросов к каждому из видео. Вопросы звучали следующим образом: «Оцените свои эмоции по отношению к спикеру от 1 до 5», «Насколько вам была понятна и близка речь спикера в эмоциональном плане? (1 – совсем непонятна, 2 – скорее непонятна, 3 – скорее понятна, 4 – абсолютно понятна)» и «Готовы ли вы общаться с человеком на видео? (1 – не го-

тов, 2 – скорее не готов, 3 – скорее готов, 4 – готов)». Посредством данной части эксперимента мы исследовали, как люди оценивают невербальные сигналы, получаемые от представителей иной культуры, и их готовность вступить в коммуникацию с человеком, который является носителем французской культуры, только на основе его жестов и мимики.

Эксперимент был полностью построен в программе PsychoPy. Все ответы испытуемых автоматически фиксировались в индивидуальные таблицы в Excel.

Для интерпретации визуальных оценок, которые давали испытуемые, мы вычислили логарифм каждой оценки и нашли средний логарифм для трех серий предъявлений стимулов у каждого из испытуемых. После этого мы сравнили полученные числа с коэффициентом Стивенса (1,1 для одномерного пространства и 0,7 для двумерного). Для наибольшей наглядности мы построили единый график, где средние логарифмы всех испытуемых представляли два множества: первое для оценки одномерного пространства, второе – двумерного. Такие же графики были построены как отдельно для каждой группы, так и индивидуально для всех участников эксперимента. На основании общего графика мы пришли к выводу, что все испытуемые в среднем оценивали одномерное пространство в 2 раза лучше, чем двумерное. На основании этих данных можно сделать предположение, что испытуемые могли оценивать невербальные сигналы спикеров недостаточно точно либо же их восприятие было как-либо искажено.

Для более детального изучения тех испытуемых, которые выразили свою неготовность общаться с представленными спикерами, мы сравнили их индивидуальные графики и график, на котором изображены результаты их группы. В ходе сравнения стало заметно, что у этих студентов отличался диапазон оценок предъявляемых стимулов в первой части эксперимента в большую сторону. Иными словами, они менее точно оценивали пространство, чем остальные испытуемые.

Далее мы изучили ответы испытуемых после просмотра видео. Участники первой группы в большинстве испытывают положительные эмоции по отношению к спикерам и высказали свою готовность общаться с ними (33,33% всех ответов – «скорее готов», и 50% – «готов»). Во второй группе люди так же позитивно расположены к спикерам: 75% опрошенных испытывали положительные эмоции во время просмотра видео, и 87,5% испытуемых выразили свою готовность к диалогу. Таким образом, можно сделать предположение, что в случае

восприятия невербальных сигналов готовность к коммуникации мало зависит от уровня владения языком, на котором говорит собеседник.

Есть необходимость в проведении более масштабного исследования, чтобы получить более полные данные по изучаемой нами проблеме. Настоящее пилотное исследование помогло выявить слабые места построенного нами эксперимента, такие как неточности в формулировке инструкций, а также визуальное оформление стимульного материала. Все ошибки будут учтены при построении полномасштабного исследования на основе данного эксперимента.

Перцептивно-коммуникативный подход в исследованиях межрасового восприятия*

А. Н. Харитонов (ИП РАН, Москва), К. И. Ананьева (ИП РАН, Москва)

Вследствие ряда географических и исторических причин Россия как географическое и государственное образование предоставляет широкие возможности для межкультурных и культурно-специфических психологических исследований. В стране имеется большое разнообразие зон, для которых характерны как совместное проживание тюркского (монголоидного), славянского и угро-финского (европеоидного) населения, так и места компактного проживания населения, практически полностью состоящего из представителей одной из этих групп.

Теоретические истоки кросс-культурных исследований в психологии тяготеют в основном к двум фокусам: отечественной культурно-исторической психологии и таким ее аналогам на Западе, близким к отечественным исследованиям школы Л. С. Выготского, как (социо-) культурная психология, и к вариантам системного подхода. Отечественные работы в этой области рассматривают культуру и психику как взаимоопределяющие компоненты развития и существования человека и человеческой деятельности, они посвящены формированию и функционированию психологических структур и функций, а также психических процессов как «вверх», в сторону их сложного взаимодействия в структурах общения и деятельности, так и «вглубь», в сторону их отдельных компонентов и операций.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

В кросс-культурной психологии выделяемые исследователем элементы конкретной культуры выступают в качестве независимых переменных, являясь как бы представителями на самом деле сложных культурных процессов, а зависимыми – результаты отдельных культурных процессов в таких структурах, как деятельность и общение. Напротив, культурная психология пытается изучить сами процессы. Для этого ею разрабатывается свой особый набор инструментов и методов. Некоторые из них заимствованы и адаптированы из антропологии. Другие методы, например использование видеорегистрации, позволяют этому направлению стать частью когнитивной психологии, психологии развития и ряда других областей психологии.

Методы исследований традиционных сообществ, как правило, строятся на стандартных психологических методиках, таких как опросники, и имеют выраженную тенденцию к изучению переменных, а не процессов.

Несколько обособленным выглядит широкий пласт исследований «эффекта своей/другой расы» (известного также как «эффект межрасового восприятия»), впервые исследованного Р. Малпассом на примере запоминания лиц представителей европеоидной и негроидной рас представителями обеих расовых групп. Обнаружение кросс-культурных различий в проявлении эффекта потребовало вскрытия механизма их возникновения в онто- и актуалгенезе. В дальнейших экспериментальных исследованиях использовались задачи на запоминание и дискриминационные задачи. Относительно предмета исследования здесь можно выделить несколько групп: 1) изучение ключевых признаков при идентификации расового типа, 2) изучение идентификации эмоциональных состояний по выражению лица, 3) изучение представлений человека о человеке и 4) исследование детерминант проявления «эффекта своей/другой расы».

Эффект исследовался с использованием разнообразия методов и приемов: от энцефалографических и регистрации направления взора до стандартизованных опросников, по результатам которых было построено несколько разных теоретических моделей. В то же время наметилась тенденция к методологической конвергенции, к поиску общих теоретических оснований (П. Гринфилд).

В наших работах мы исходили из методологического требования изучения эффекта «другой расы» как сложного и многомерного феномена. При этом, учитывая то, что общение является одной из двух ключевых, наряду с деятельностью, структур организации существо-

вания человеческих сообществ, мы исходно имели в виду такой тип эмпирических исследований, который позволял бы сравнивать результаты, получаемые индивидуально и в общении. Этот методический прием исходно использовался в парадигме исследования общения, заложенной работами Б. Ф. Ломова и его сотрудников. Опираясь на феномен категориальности восприятия, мы попытались объединить методологию выполнения индивидуального и совместного решения перцептивной задачи.

Сопоставление результатов индивидуального и парного эксперимента на категоризацию изображений лиц, переходных между расами, показывает лучшее различение на границе смешения расовых признаков, причем это происходит как в индивидуальном, так и в парном эксперименте, а относительный сдвиг, полученный в парном эксперименте, может быть отнесен на счет большей когнитивной сложности диадной экспериментальной задачи.

Использованная методология перцептивно-коммуникативного подхода позволяет подойти к решению сразу нескольких исследовательских задач в контекстах разных культур в аспектах их сходства и специфики, включая категориальность восприятия, вербальную категоризацию и сравнение лиц представителей своей и другой расы, проявление «эффекта другой расы» в конкретных культурно-исторических условиях. При межкультурном сравнении методология позволяет учитывать не только межэтнические, но и внутриэтнические особенности.

Восприятие базовых эмоций: кросс-культурный аспект*

Е. Г. Хозе (МГППУ, Москва), О. А. Королькова (МГППУ, Москва)

Основную роль в процессе межличностного взаимодействия людей играет восприятие эмоций по выражению лица. Эмоциональные экспрессии лица преимущественно считаются универсальным языком эмоций (С. Darwin, Р. Ekman, К. Izard), хотя и существуют кросс-культурные различия. Так, например, в ряде исследований показано, что представителями восточных культурных групп некоторые негативные эмоции по выражению лица оцениваются закономерно менее

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00350-П.

точно в отличие от оценок, выполненных представителями западного сообщества (Н. А. Elfenbein, N. Ambady, J. A. Russell, B. Mesquita, N. H. Frijda). Рейчел с соавт. в исследовании с использованием айтрекера показали, что восточные наблюдатели используют культурно-специфическую стратегию декодирования, которая, по мнению авторов, не позволяет надежно различать эмоциональные экспрессии страха и отвращения. В отличие от представителей западного мира, распределяющих фиксации равномерно по лицу, фиксации восточных участников преимущественно локализуется в области глаз, что, по мнению авторов, способствует сбору неоднозначной информации и значительно искажает точность восприятия эмоций (R. E. Jack et al). Рейчел с соавт., опираясь на полученные результаты, ставят под сомнения универсальность эмоциональных экспрессий лица, подчеркивают их истинную сложность и предполагают возможные последствия в межкультурной коммуникации и глобализации.

Исследования кросс-культурных различий в распознавании эмоций обычно показывают, что базовые эмоции действительно распознаются в разных культурах на уровне выше случайного (Н. А. Elfenbein, N. Ambady, U. Hess, P. Thibault). Однако эти результаты относятся к прототипичным – ярко выраженным экспрессиям лица, демонстрируемым без контекста, но даже в таком случае наблюдаются различия в точности распознавания (Н. А. Elfenbein, N. Ambady). Различия вполне вероятны, поскольку в повседневной жизни эмоции, как правило, менее яркие (М. Т. Motley, С. Т. Camden, Р. Ekman) и возникают в контексте (U. Hess, S. Hareli). Расшифровка таких более тонких эмоциональных экспрессий требует знания стереотипов и социокультурных норм, касающихся «правильного» отображения эмоций (G. Kirouac, U. Hess). Такие правила действительно существуют, они определяют культурные отличия в отображении эмоций (Р. Ekman, W. Friesen, D. Matsumoto et al.). В то же время правила социального отображения имеют обратную сторону – социального декодирования (R. Buck, U. Hess), исходя из чего воспринимающие, как правило, хуже расшифровывают экспрессии не принятые в культуре. Исходя из этого, Харели с соавт. предположили, что культуры, отличающиеся правилами отображения, например гнева, будут различаться и в восприятии гнева (S. Hareli, K. Kafetsios, U. Hess).

В нашем исследовании изучаются кросс-культурные особенности восприятия базовых эмоций на материале статических эмоциональных экспрессий лица шести базовых эмоций по Экману из базы

ВЭПЕЛ (О. А. Куракова) Ранее получены данные на индийской, китайской, немецкой, итальянской, кабардинской и российской культурных группах (Е. Г. Хозе и др.). В качестве основного инструмента оценивания использовалась Шкала дифференциальных эмоций Изарда (ШДЭ) (К. Izard). Шкала предназначена для тонкодифференцированной оценки 10 базовых эмоций по Изарду.

В данной работе представлены материалы, полученные на турецкой культурной группе (N = 29, 16 мужчин, 13 женщин; возраст – 20–52; M = 33) с участием респондентов, проживающих в Турецкой Республике. Родной язык всех участников – турецкий.

Для анализа данных использовалась порядковая регрессионная модель и односторонние контрасты. Проверялись гипотезы о том, что среднее значение оценки значимо больше 2 баллов и/или 3 баллов (поправка Бенджамини–Хохберга, $p < 0,05$). Результаты анализа оценок показали, что все шесть базовых эмоций оцениваются значимо выше 3 баллов. В то же время, за исключением экспрессии «радость» (выше 3 баллов) и спокойного выражения лица (оценивается по шкалам «интереса» выше 2 баллов), каждая экспрессия имеет дополнительные оценки по шкалам других эмоций, не превышающие 2 баллов. Так, например, «гнев» оценивается с признаками презрения, «отвращение» с признаками презрения и гнева, «печаль» – отвращения и вины, «страх» – удивления и интереса, «удивление» – интереса и страха.

Полученные результаты показывают высокую точность распознавания базовых эмоциональных экспрессий лица представителями турецкой культурной группы, а дополнительные оценки по шкалам других эмоций имеют закономерный характер.

Представления о ценностных ориентациях человека при разных способах изображения его лица

А. С. Шунто (МИП, Москва)

Экспериментально исследовались представления наблюдателей о ценностных ориентациях одного и того же человека, изображенного на художественном портрете и фотографии. Представлены результаты методики М. Рокича «Ценностные ориентации» в модификации Б. С. Круглова с присвоением каждой из ценностей степени значимос-

ти по пятибалльной шкале без возможности отбора. В качестве стимульного материала использовались 14 изображений: 7 фотографий и 7 изображений лица на художественном портрете одних и тех же персонажей – известных личностей России рубежа XIX–XX вв. (4 мужских и 3 женских), выполненных примерно в одном и том же возрасте. С помощью программы Adobe Photoshop CS4 изображения были подвергнуты специальной обработке: удалены все детали интерьера, фон, оставлены только изображения лица анфас без украшений и излишних деталей прически, отцентрированные по линии глаз. Наблюдатели в индивидуальном порядке сначала оценивали значимость предъявленного списка ценностей в отношении самих себя, а затем аналогичным образом оценивали стимульный материал. Изображения в случайном порядке последовательно экспонировались на экране ЖК монитора, продолжительность экспозиции не ограничивалась. Одновременно с изображением на экране в его нижней части отображалась шкала с названием ценности, значимость которой наблюдателю предлагалось оценить от 1 до 5 баллов, выбрав соответствующую отметку при помощи компьютерной мыши. В эксперименте принял участие 51 человек (средний возраст – 23 года), 44% мужчин и 56% женщин. Обработка результатов производилась при помощи статистического пакета программ SPSS v. 21.0. Согласно полученным данным, интегральные профили ценностных представлений о личностях, изображенных на портретах и фото, имеют сходную структуру и близкие балльные оценки ($M_p = 3,65$ и $M_f = 3,59$). Высокий и средний уровень согласованности оценок человека на портретах и фотографиях в целом и отдельно по категориям поддержан соответствующими коэффициентами корреляции Спирмена ($K_r = 0,765$) и конкордации Кендалла ($K_t = 0,581$). Вместе с тем персонажи на портретах оцениваются статистически выше, чем на фотографиях. Эффект проявляется и в целом, и при дифференциации ценностей по категориям с вероятностью $p < 0,001$. Внутри категорий значимыми различиями обладают по шесть ценностей: терминальные – Познание, Любовь, Материальная обеспеченность, Красота, Счастливая семейная жизнь, Удовольствия; инструментальные – Воспитанность, Образованность, Исполнительность, Терпимость, Чуткость, Жизнерадостность. Статистически неразличимые по отношению к фотоизображениям ценности (68% списка) играют роль фона, или периферии. Архитектоника ценностных представлений зависит и от выражения лица натурщика, и от индивидуальных особенностей наблюдателя. Собственные

ценностные предпочтения участниками исследования по отношению к оценкам других наделяются большей значимостью ($M_s = 4,0$). Исключение составляет небольшая группа наименее предпочитаемых ценностей, оценки которых свидетельствуют о возможном влиянии фактора социальной желательности. Самооценки относительно оценок других на портретах и фотографиях различаются на статистически значимом уровне ($p < 0,001$). Значимые различия получены по двенадцати терминальным и тринадцати инструментальным ценностям. На слабую взаимосвязь между оценками персонажей на изображениях и самооценкой указывают показатели коэффициента корреляции Спирмена и Кендалла ($K_r = 0,111$ и $K_t = 0,137$). В отличие от оценок персонажей самооценки наблюдателей имеют иную структуру.

Психология творчества

Предисловие к разделу

С. С. Белова

Психология творчества – уникальное направление психологической науки. Его предмет – творчество человека – многогранен в своем содержании, реализуется в различных предметных и социальных областях, в различных формах. Психологические основы творчества особенны ввиду той системности, с которой они включают в себя индивидуальные, социальные и культурные грани психологии человека. Эта многомерность создает научному направлению репутацию обширного, концептуально многопланового, активно включенного в междисциплинарные связи. При этом особенно важно подчеркнуть, что все разнообразие оптики психологии творчества объединяется вокруг ее ценностного начала. За каждым исследованием творчества, креативности, решения конкретных задач и т. д. стоит научный интерес к человеку как созидателю, продвигающемуся от текущего видения ситуации к новому, более совершенному.

Эта ценность в ее конструктивной форме лежит и в основе 16 исследований, представленных в рамках данного раздела на юбилейной конференции Института психологии РАН. Их тематику можно описать четырьмя крупными направлениями, которые фокусируются, соответственно, на когнитивных механизмах и измерениях, эмоционально-мотивационных феноменах и факторах, социально-культурных детерминантах творчества и на творчестве в художественной сфере. В рамках академической конференции особенно ценно, как уникальны и разнообразны теоретические основания представленных работ.

Так, когнитивное направление обращается к теоретизированию о роли управляющих функций в процессе решения творческих задач и об ограничениях, накладываемых индивидуальным опытом на его продуктивность. Развивается системогенетический подход к ресурс-

ности профессионального мышления, уточняются его измерения и корреляты исследовательской продуктивности.

В исследованиях эмоционального направления представлены идеи о взаимодействии эффектов эмоций со сложностью способа решения творческой задачи и с этапом ее решения, о специфике ага-переживания в условиях социального взаимодействия, об эволюционной обусловленности эмоциональной окрашенности восприятия лиц. Особое внимание уделено познавательным потребностям и эмоциям, эмоционально-мотивационной регуляции мышления в шахматном творчестве, личностным ресурсам лидерства. Обсуждаются варианты соотношения эмоциональных характеристик, связанных с креативностью и склонностью к зависимости. В дифференциально-психологической перспективе проверяется ряд предположений о взаимосвязях личностных диспозиций с творческой продуктивностью, эффектах их взаимодействия с социокультурными факторами.

Динамичность современной культуры и ее макротренды, владение иностранными языками и индивидуальный опыт взаимодействия с различными культурами концептуально закрепляются в качестве факторов, определяющих креативность и как индивидуально-психологический, и как социально-культурный феномен.

И, наконец, предметно-специфические исследования музыкального, литературного, шахматного творчества также имеют оригинальные теоретические основания, среди которых – психологическая теория деятельности, эстетико-семиотический подход, уточнение теорий эстетических переживаний в сфере искусства.

Примечательно, как активно исследовательские вопросы ставятся на стыке общей психологии и культурологии, истории искусства, прикладной лингвистики, эволюционной биологии. Обращение к положениям психологии образования и социальной психологии обеспечивает опоры для разработки тематики развития творческих способностей в учебной и профессиональной деятельности.

На высоком теоретическом уровне анализа, характерном для исследований участников юбилейной конференции, творчество человека по-прежнему пристально изучается как предмет науки, в рамках которой продвижение вперед даст профессиональная дискуссия и эмпирический аргумент. Хочется верить, что ценность творчества, устремленного в мирное и созидательное будущее человека, будет поддержана профессиональными усилиями научного психологического сообщества.

Специфика психологического анализа литературного творчества

Е. Л. Бобылев (Арзамасский филиал ННГУ, Арзамас)

Интерес к вопросу изучения сферы искусства не ослабевал никогда. Творческая деятельность являлась предметом повышенного внимания для представителей философии, эстетики, психологии, психотерапии, отечественного и зарубежного литературоведения и т. д.

Психология искусства и психология творчества, несмотря на тесную связь с философией, литературоведением и эстетикой, имеет свою специфику и сферу исследования. Эстетика есть некоторая область представлений, а искусство есть художественная деятельность, которая может быть подвержена психологическому анализу. Разные психологические школы по-разному понимали эстетику и ее место в науках об искусстве. Так, психологическая школа в литературоведении объявляла эстетику чисто психологической наукой. Л. С. Выготский вслед за Т. Липпсом считал, что эстетику можно определить как дисциплину прикладной психологии (Л. С. Выготский). Современный исследователь вопросов эстетики и психологии искусства О. А. Кривцун считал последнюю достаточно самостоятельной сферой эстетического знания. Таким образом, четкую и однозначную границу между философским, литературоведческим, эстетическим и психологическим пониманием искусства и творчества провести очень сложно, но возможно. Эстетика, в отличие от психологии искусства и других психологических подходов к художнику и творчеству, придает особое значение когнитивным и сознательным феноменам, таким как восприятие. Эстетический опыт и эстетические категории, такие как гармония, высокое качество, вкус и возвышенное, изучаются философией. Философское, литературоведческое и эстетическое изучение искусства, следуя терминологии О. А. Кривцуна, представляет собой обобщенный макроанализ этой сферы человеческой деятельности, а психологический анализ может рассматриваться как специальное психологическое исследование, т. е. преимущественно микроанализ, изучение под конкретным психологическим углом зрения (О. А. Кривцун).

Разносторонний интерес к психологическим аспектам искусства породил появление целого ряда сложных и неоднозначных понятий. Наибольшие противоречия вызывают такие понятия, как «психоло-

гия искусства», «психология художественного творчества» и «психология литературного творчества». «Психология искусства» — это более широкое понятие, в которое «психология художественного творчества» входит лишь как составная часть. «Психология художественного творчества» предполагает изучение только психологических механизмов и принципов создания продукта искусства, т. е. изучение психологической активности и деятельности конкретного писателя, художника, музыканта и т. д., результатом которой является роман, картина, симфония. «Психология искусства», кроме всего перечисленного, включает в себя объективные психологические основы и законы самого произведения искусства как культурного явления, а также оказываемое им психологическое воздействие на воспринимающего субъекта в конкретной жизненной ситуации.

В итоге можно сделать вывод о том, что в сферу «психологии искусства» и «психологии художественного творчества» входят все виды современного искусства и творческой деятельности людей, начиная с литературы и музыки и заканчивая актерским мастерством и танцами. В этой связи актуально введение более частных понятий, таких как «психология литературного творчества», в сферу которого входит изучение конкретных психологических механизмов и закономерностей создания литературных произведений в конкретных социальных условиях, а также оказываемое ими эмоционально-психологическое воздействие на воспринимающего субъекта в конкретной жизненной ситуации. Особенно это актуально в историческом аспекте вопроса, так как в период наиболее активного и продуктивного становления психологии искусства как самостоятельной области знания (конец XIX—30-е годы XX в.) понятия «психология искусства» и «психология художественного творчества» не различались и употреблялись как синонимы, а под «психологией художественного творчества» понималась только психология литературного творчества. Эта ситуация объяснялась особым положением русской классической литературы XIX в. в период разработки психологических аспектов искусства. Литература являлась наиболее популярным, разработанным и признанным видом художественного творчества. А. А. Блок в публицистической статье «Без божества, без вдохновенья» (1921) неслучайно оценивал русскую литературу как всеобъемлющее и объединяющее начало отечественной культуры: «Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия. Общественность, даже — политика. Вместе они

и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры». Молодая психология, нуждающаяся в популяризации и общественном признании, именно поэтому обратилась к лучшим образцам русской классической литературы. Кроме того, художественные тексты давали широчайшую базу для психологических исследований тайн человеческой души.

Развитие креативных способностей младших школьников

*Е. И. Буданова (СГТИ, Обнинск),
Л. К. Тушнова (ГНИИ ВМ, Санкт-Петербург),
Н. В. Еркин (ГБОУ «Школа № 2117», Москва)*

На протяжении многих лет проблема поиска средств развития креативных способностей привлекает к себе пристальное внимание многих исследователей и представителей самых различных областей научного знания – философии, педагогики, психологии, лингвистики. Это связано с постоянно возрастающими потребностями современного общества в специалистах, способных нетрадиционно ставить новые проблемы, креативно подходить к любым изменениям, находить качественные решения в условиях неопределенности, множественности выбора, постоянного совершенствования накопленных обществом знаний, так как в наши дни талант и креативные способности становятся залогом успеха творческой деятельности и научно-технического прогресса.

Многообразие трактовок понятия «креативных способностей» свидетельствует о том, что исследователи рассматривают креативность в двух основных характеристиках: с одной стороны, как высокий уровень развития процессов мышления, с другой стороны, как эмоционально-аффективные состояния личности при решении проблемы (В. Н. Дружинин).

Под креативными способностями учащихся в современной психологической литературе понимают возможности в совершении деятельности и действий, направленных на созидание новых образовательных продуктов. Изучение креативных способностей ведется в основном в двух направлениях. Одно связано с вопросом о том, зависят ли креативные способности от интеллекта, и ориентируется на измерение

познавательных процессов в связи с креативными способностями. Другое направление занимается выяснением того, является ли личность с ее психологическими особенностями существенным аспектом креативных способностей и характеризуется вниманием к личностным и мотивационным чертам (Т. А. Барышева, В. А. Шекалов).

С целью изучения креативных способностей младших школьников мы провели исследование учащихся в возрасте 7–8 лет, в котором приняли участие 2 педагога, 15 мальчиков и 17 девочек. Исследование проводилось поэтапно. На первом этапе проводилось тестирование учащихся по методике диагностики креативности Э. Торренса. На втором – получение экспертных оценок педагогов относительно креативности их учащихся.

Проанализировав результаты диагностики, мы пришли к выводу, что по методике Э. Торренса учащиеся набрали $153,91 \pm 10,98$ баллов, что свидетельствует о среднем уровне креативности в данной группе. Исключение составили четверо учащихся, уровень креативности которых был выше среднего. Анализируя структуру факторов креативности, важно отметить, что среди показателей преобладает фактор гибкости (51%). Следующим идет фактор беглости (24%), затем фактор точности (15%) и оригинальности (10%).

С поставленной задачей дети справлялись достаточно быстро, при этом предложенные ими идеи были оригинальны. Однако, решая задачу, дети младшего школьного возраста не уделяли должного внимания качеству выполняемой работы.

Далее нами было проведено интервьюирование педагогов по поводу проявления детьми креативности в процессе занятий. Учитывая, что креативность имеет многозначный спектр проявлений, высокие успехи в креативной сфере, по мнению учителей, часто сопровождаются слабым развитием саморегуляции. В силу такой неоднозначности ребенок с хорошо развитыми креативными способностями часто воспринимается педагогами как неуправляемый, трудновоспитуемый. Было выявлено, что дети, которые характеризуются более высоким уровнем креативности, были охарактеризованы педагогами как «всегда имеющие свое мнение», «неусидчивые», «невнимательные». При дальнейшем расспросе мы выяснили, что такая «невнимательность» и «неусидчивость» объясняется тем, что эти дети быстрее других справляются с заданием на уроке и начинают отвлекать окружающих в классе. И чем выше был результат по методике, тем чаще детей оценивали как «гиперактивных, которые любят пошалить», тем не ме-

нее вне занятий эти дети оценивались преподавателями как «артистичные, открытые, фантазеры».

На основании проведенного исследования нами сделаны выводы о том, что развитие креативных способностей — это достаточно сложный процесс, успешной реализации которого помогает тесное сотрудничество школы и семьи. А сам учитель должен быть готов к поддержке проявлений творчества детей, преодолению сложностей, связанных с непониманием креативного ребенка, и создавать атмосферу для воспитания и обучения вдумчивого, творчески мыслящего школьника. Именно в младшем школьном возрасте необходимо проводить целенаправленную работу по развитию креативных способностей у детей. Целесообразно использование на уроках дидактических игр, упражнений, проблемных задач. С их помощью учащиеся привыкают оригинально мыслить, использовать полученные знания в нестандартных условиях в соответствии с поставленной задачей.

Деятельностный подход к изучению шахматного творчества

Е. Е. Васюкова (МГУ, Москва)

Цель доклада — представить деятельностный подход к изучению шахматного творчества.

Шахматная игра есть частный случай процессов выбора практического действия в конкретной ситуации на основе изучения особенностей этой ситуации. Выбор хода составляет сущность шахматной игры и феномен мышления.

Мышление в рамках деятельностного подхода характеризуется как человеческая деятельность, деятельность особая — познавательная. Мыслительная деятельность является сложно регулируемой. Она еще регулируется эмоционально. Когда речь идет о деятельности мышления, это творческая проблематика. И роль мотивации, и роль эмоций раскрываются перед нами в проблематике творческого мышления. Специфицирует мыслительную деятельность и то, что мыслительное действие происходит при неполных условиях.

Смысловая концепция мышления О. К. Тихомирова как реализация деятельностного подхода к изучению мышления была создана на шахматной модели. Поэтому основные ее положения и разви-

тие смысловой теории мышления — вклад в психологию шахматного творчества.

Методологический принцип, лежащий в основе деятельностного подхода, — изучать в мыслительной деятельности структурные компоненты, первоначально выделяемые в предметно-практической деятельности (мотивы и эмоции, соотносимые с самой деятельностью, цели, соотносимые с действиями, и условия, соотносимые с операциями).

Мы рассматриваем основные результаты следующих направлений исследования шахматного творчества: эмоционально-мотивационная и смысловая регуляция мышления, особенности творческой деятельности, преобразованной информационными технологиями, принципы функционирования эпизодической памяти шахматиста, внимание шахматиста, вопрос как эвристика в структуре мышления шахматиста. К числу наиболее значимых относятся следующие результаты.

Показано, что продуктивные решения возможны только при эмоциональной активации, возникающей по ходу решения задачи (Ю. Е. Виноградов). При рассогласовании эмоциональных и вербальных оценок эмоции могут выполнять функцию «коррекции» поиска и приводить к верным результатам.

Структурирующая функция мотива в мышлении обоснована нами применительно к специфичной для мышления познавательной потребности (ПП). Дифференцированы два вида ее функционального развития — в ходе всей предшествующей деятельности (макрогенез) и в процессе решения мыслительной задачи (микрогенез). Выявлены три уровня макрогенеза познавательной потребности, каждый из которых характеризуется определенным предметным содержанием, динамикой и связью ПП с другими потребностями субъекта. Обнаружено, что с повышением уровня макрогенеза ПП повышается креативность мышления. Особенности ситуативной ПП соответствуют характеристикам уровней развития устойчивой ПП. С ростом уровня макрогенеза ПП повышается результативность решения (0,11 и 28% решивших эту задачу испытуемых, соответственно с 1-м, 2-м и 3-м уровнями).

Изучение экстернизированных компонентов мышления (глазодвигательной активности зрячих и осязательной активности слепых шахматистов) позволило исследовать механизмы мышления как процесса, поиска, ориентировки. Обнаружено, что значительное место в деятельности шахматиста занимают движения проигрывания ходов, а также обратные проигрывания. Проигрывание испытуемым возможных в определенной ситуации ходов выявляет имеющие место

функциональные взаимоотношения между элементами ситуации (защита, нападение и др.). Выявлены также «объединяющие» движения, связанные с укрупнением единиц деятельности. Элемент по-разному отражается, когда включается в разные взаимодействия. Это отражение меняется на протяжении периода подготовки хода, практического действия. Объем и структура зоны ориентировки – индикатор того, как ситуация выступает для субъекта. Важный момент – проигрывание хода, после которого происходит сокращение поиска и прекращение обследования отдельных элементов. Испытуемый неоднократно повторяет это взаимодействие, носящее характер хода, между элементами. Это критерий предрешения. Что предшествует предрешению? Формирование поисковой потребности. Общей чертой структуры поиска, предшествующего возникновению поисковой потребности, является выявление свойств (путем установления взаимодействий) тех элементов ситуации, которые связаны с общими принципами игры. Поиск строится от результата к ходу: сначала испытуемый оперирует элементом ситуации как уже обладающим некоторыми свойствами, и лишь затем осуществляется проигрывание возможного преобразования ситуации, обеспечивающего ему эти свойства.

Итак, деятельностный поход позволяет выявлять механизмы творческой деятельности шахматистов, представлять ее как сложный феномен. Творческое мышление как деятельность осуществляется на разных уровнях – вербальном и невербальном – и имеет свою регуляцию – мотивационно-эмоциональную, личностную, смысловую. Деятельностный подход позволяет ассимилировать идеи, развиваемые в других подходах, например в когнитивном, ставить новые проблемы и решать их. Одна из таких проблем – роль вопросов как эвристик.

Связь переживания познавательной потребности в форме интеллектуальных эмоций с успешностью решения проблемных задач

*В. А. Грудинин (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
А. А. Матюшкина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

Одной из актуальных проблем в исследовании творческого мышления выступает анализ условий, при которых субъект достигает решения проблемной задачи. К таким процессуальным и личност-

ным условиям, по мнению многих исследователей (С. Л. Рубинштейн, А. М. Матюшкин, Я. А. Пономарев, Д. Б. Богоявленская, О. К. Тихомиров и др.), относится познавательная потребность. В проблемной ситуации мышления со стороны субъекта потребность в открытии нового знания выступает одним из необходимых структурных компонентов структуры наряду с познавательными возможностями, определяющими успешность решения. Познавательная потребность переживается в форме интеллектуальных эмоций на разных фазах (этапах) процесса мышления, выполняя различные функции в решении (И. А. Васильев, В. Л. Поплужный, О. К. Тихомиров). Значимыми в контексте анализа личностных детерминант успешности решения проблемных задач представляются взгляды Р. Петти (R. Petty) Дж. Качиоппо (J. Cacioppo): потребность познания (need for cognition) понимается как связанная со стремлением субъекта к решению трудных проблем на основе их глубокого анализа. При этом соотношение процессуально переживаемой познавательной потребности и познавательной потребности как личностной характеристики в контексте проблемы успешности решения проблемных задач остается неоднозначным и малоизученным вопросом.

С позиции смысловой теории мышления, теории проблемных ситуаций нами проведено исследование, цель которого — изучение связи успешности решения проблемных задач и познавательной потребности как процессуальной и личностной характеристик. Объект исследования — процесс решения проблемных задач научного (2 на материале геометрии) и художественного (2 литературного) содержания; предмет — формы переживания познавательной потребности субъектом на разных этапах решения проблемных задач.

Гипотезы

- 1) переживание интереса на этапах понимания и выдвижения гипотез в решении проблемных задач положительно связано с успешностью; сомнение на этапе формулировки окончательного решения отрицательно связано с успешностью решения проблемных задач научного содержания;
- 2) познавательная потребность как личностная характеристика положительно связана с успешностью решения проблемных задач;
- 3) ситуативная выраженность познавательной потребности различным образом включает познавательные возможности субъекта в решение проблемной задачи в связи с ее содержанием.

Процедура

120 испытуемых (60 студентов 1-го, 2-го курса факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, 60 студентов 1-го, 2-го курса Московского государственного университета спорта и туризма, 53 муж., 67 жен., возраст — от 17 до 20 лет) решали 4 проблемных задачи (2 «научные» — задача М. Вертгеймера «площадь геометрической фигуры», А. М. Матюшкина «Универсальная пробка»; 2 «художественные» — задачи методики «Понимание смысла отрывка художественного текста» А. А. Матюшкиной), трижды оценивая возникшие интеллектуальные эмоции на этапах понимания проблемы (1), выдвижения гипотез (2) и формулировки решения (3) по 10-балльной шкале: интерес, удивление, ощущение противоречия, чувство близости к решению, сомнение-уверенность, удовлетворенность решением. Испытуемые также выполняли следующие диагностические методики: тест интеллекта «Прогрессивные матрицы Равена»; методика «Сложные аналогии»; тест структуры интеллекта Амтхауэра (субтесты «Пространственное воображение», «Пространственное обобщение»); тест «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина; шкала «Потребность в познании» опросника личностных ориентаций Шострома (в адаптации А. В. Лазукина, Н. Ф. Калина); методика «Шкала потребности в познании» Качиоппо, Петти и Као (в адаптации С. А. Щетбенко).

Результаты и выводы

Корреляционный анализ Спирмена выявил значимые положительные и отрицательные связи между успешностью и переживанием познавательной потребности на разных этапах в связи с содержанием и трудностью задачи; потребностью познания как личностной характеристикой и успешностью решения нетрудных проблемных задач («научной» $r=0,213$, $p<0,01$; «художественной» $r=0,255$, $p<0,01$); общим (Равен) интеллектом (трудная художественная $r=0,388$, $p<0,001$, нетрудная научная $r=0,476$, $p<0,001$), логикой и успешностью решения; эмоциональным интеллектом для задач «художественного» содержания (для трудной — контроль экспрессии $r=-0,257$, $p<0,01$). Результаты позволяют принять гипотезы 2, 3 частично и сделать следующие выводы.

1. Вклад в успешность решения трудных проблемных задач научного содержания вносит процессуальная динамика интереса.

2. Познавательная потребность как личностная характеристика выступает предпосылкой успешного решения нетрудных проблемных задач научного и художественного содержания.
3. Успешнее трудные проблемные задачи научного содержания решают студенты с большей выраженностью интереса, ощущением противоречия на протяжении всего процесса решения при сопоставимых с другими студентами интеллектуальными и личностными характеристиками.

Креативность как динамический социокультурный феномен: проблемы креативности и стрессоустойчивости в условиях интенсивных социокультурных изменений

В. Г. Грязева-Добшинская (ЮУрГУ (НИУ), Челябинск)

Современный контекст исследования креативности и стрессоустойчивости задан динамичной культурой, предлагающей человеку вызовы — возможности креативности как условие повышения статуса и стрессогенность как фон понижения психологической безопасности.

Характеристики динамичной культуры определяют: интенсивные, разнонаправленные информационные потоки, высокий темп технологических изменений, взаимопроникновение культур и эволюцию их традиционных ценностей, открытость коммуникаций и персонального пространства, нарастание видимого неравенства (Т. А. Несвик, А. Л. Журавлев, А. А. Пелипенко, Р. Флорида, Р. Инглхарт, Ф. Фукуяма, Д. Некрасов).

Актуальные запросы динамичной культуры к ее субъектам и обществам включают повышение и креативности, и стрессоустойчивости.

В эволюции креативности как совокупности созидательных способностей человека в культуре выявляются несколько экзистенциальных тенденций.

1. От прорывных явлений отдельных гениев, талантов — к появлению массовой креативности в глобальном коммуникативном пространстве (Р. Флорида, В. Г. Грязева-Добшинская).

Массовая креативность отличается меньшим уровнем оригинальности и риска, приспособительной направленностью — это адаптивная

креативность (М. Kirton, К. Н. Kim, Р. А. Pierce). Задачи адаптивной креативности – адаптировать продукты и технологии к индивидуальным особенностям потребителей.

Эффект «адаптивной креативности» – снижение стрессовой нагрузки, обеспечение комфортной социализации субъектов в динамичном информационном и инновационном пространстве современной культуры.

2. От экзистенциальной ценности творчества – к инструментальной ценности креативных компетенций как культурного стандарта существования человека в новом тысячелетии.

Экзистенциальная ценность творчества обеспечивает сохранение высших мотиваций, уникальности дара и жизнотворчества (А. Маслоу, Р. Мэй, М. Чиксентмихайи). Однако одаренные люди отказываются от творческой карьеры из-за заданности сложной судьбы. Прагматизм современных субъектов творчества направлен на формирование эффективных компетенций, успешность которых типологически обусловлена (М. Гладуэлл, Д. Голдстейн, О. Крегер).

3. От индивидуальных инициатив творцов «поверх требований ситуации» – к институализации творчества на всех этапах, от идеи до продукта.

Управление развитием творческой и инновационной деятельности, моделированием будущего и формированием запроса к творцам повышает эффективность решения существующих проблем. Програмируемое творчество менее неопределенно, что значимо для переживания субъектами критических ситуаций.

Сохранение авторского творчества с индивидуальной инициативой, напряженностью и экзистенциальной ценностью необходимо для выявления неявных проблем, как преадаптация к неопределенному будущему. Принятие творцами уровня напряжения (уровня стрессоустойчивости–креативности) определяет границы авторского (уникального) и програмируемого (массового) творчества.

4. От культурной специфичности творчества – к глобализации творчества, включающей технологии, коммуникации, идентичности субъектов.

Глобализация влияет на идентичность субъектов в мультикультурном мире. Это проявляется как принятие культурных различий (космополитическая ориентация), переживание принадлежности к человеческому роду (глобальная идентичность) или сохранение этноцентризма (Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев).

В человеке сосуществуют противоречивые тенденции идентификации, связанные с его адаптацией как субъекта культуры в мультикультурном мире, что создает варианты взаимодействия креативности и стрессоустойчивости (В. Г. Грязева-Добшинская).

5. От реального пространства созидания новых форм в объективном мире, включающем и подчиняющем субъективность человека, — к виртуальному пространству информационных платформ с перспективами доминирования субъективного.

Исследования специфики «доменов креативности» выявляют особенности соотношения внутреннего и внешнего миров человека (М. Чиксентмихайи, В. Г. Грязева-Добшинская). В реальном пространстве творческого созидания субъективность человека объективируется в предмете, образе, слове, символе, действии и имеет множество ограничений. Виртуальное пространство информационных платформ открывает перспективы доминирования субъективного, массовых форматов воображаемого.

Креативные и технологические возможности информационного общества увеличивают интенсивность, массовость воздействия символических игровых форм и их стрессогенность (В. Г. Грязева-Добшинская, С. Ю. Коробова).

В экзистенциальных тенденциях изменений в творческом процессе и творческих способностях человека возможно выявить инварианты активности (выход за пределы стандартов, преодоление критических состояний). Эти инварианты активности субъектов осуществляются в культуре как динамической системе с ее символично-смысловыми и технологическими ресурсами на границах «порядок—хаос—порядок».

Психологические ресурсы лидерства в критических ситуациях: идентичность, креативность, экзистенциальные ценности

*В. Г. Грязева-Добшинская (ЮУрГУ, Челябинск),
Ю. А. Дмитриева (ЮУрГУ, Челябинск), С. Ю. Коробова (ЮУрГУ, Челябинск),
П. С. Глухов (ЮУрГУ, Челябинск)*

Актуальность дифференцированного подхода в организационном консультировании и обучении менеджеров связана с необходимостью эффективного формирования личностных компетенций, обеспечиваю-

щих лидерство в неопределенных, критических ситуациях. Решение этой проблемы значимо для менеджеров в ситуациях организационных изменений, задающих необходимость персональной динамики, для менеджеров инновационных проектов, реализация которых сопряжена с ситуациями неопределенности, напряженности. Выбор технологии обучения может быть основан на дифференциации и типизации ресурсов лидерства менеджеров инновационных проектов.

Цель – выявить особенности личностных ресурсов лидерства в неопределенных, критических ситуациях у менеджеров с разным типом переживания. Выборка: 165 менеджеров инновационных проектов на индустриальных предприятиях.

Методики: Многофакторный опросник лидерства (MLQ by B. Bass, V. Avolio) для диагностики трансформационного и транзакционного стилей лидерства; тест Роршаха для диагностики типов переживания (экстратензивного, интроверсивного, амбиэквального, коартированного), личностных свойств; психосемантическая методика «Рольевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ В. Г. Грязевой-Добшинской, Н. Ю. Бакунчик, В. А. Глуховой, А. С. Мальцевой) для диагностики социально-ролевой и персональной идентичности, эзистенциальных ценностей как оснований идентификации субъектов.

Выборка была разделена на 2 группы: менеджеры с высоким и низким уровнями трансформационного лидерства («лидеры» и «менеджеры»), уровень транзакционного лидерства у всей выборки был в пределах нормы. Эти две группы дифференцировались по типам переживания: подгруппы «лидеров» и «менеджеров» с экстратензивным, интроверсивным, амбиэквальным и коартированными типами переживания.

Для выявления свойств, дифференцирующих подгруппы «лидеров» и «менеджеров» в пределах каждого типа переживания, проводился дискриминантный анализ.

По результатам дискриминантного анализа выявлены личностные свойства, дифференцирующие «лидеров» и «менеджеров» каждого типа переживания (точность дифференциации от 97,4% до 99,8%). Вклад в различие «лидеров» и «менеджеров» с экстратензивным типом переживания вносят ресурсы ролевой идентичности (роли «начальника», «криэйтора»). «Лидеров» и «менеджеров» с интроверсивным типом переживания отличают ресурсы ролевой идентичности (персональные роли «криэйтора», «спасателя в кризисе»), ресурсы

креативности. «Лидеров» и «менеджеров» с амбивальным типом переживания дифференцируют ресурсы социально-ролевой идентичности (роли «начальника», «заместителя начальника»), креативности, интеллектуальной инициативы, ценности любви, жизни. Вклад в различие «лидеров» и «менеджеров» с коартированным типом переживания вносят ресурсы социально-ролевой идентичности (роль «начальника»), креативности, эмоциональной реактивности, психофизической активности, ценностей игры, познания.

Выявленные ресурсы лидерства, опосредуемые типом переживания, могут выступать основаниями дифференцированного подхода к выбору оптимальной технологии обучения менеджеров личностным компетенциям, стратегиям ролевого поведения руководителя, обеспечивающим эффективное лидерство в критических ситуациях.

Личностная креативность и исследовательский потенциал: в какой мере креативность способствует повышению вероятности обучающихся обладать высоким исследовательским потенциалом?*

Л. А. Дикая (ЮФУ, Ростов-на-Дону), В. А. Егорова (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

В современной науке активно разрабатывается вопрос взаимосвязи креативности и исследовательской деятельности. Так, Н. И. Вурста обращает внимание на тот факт, что исследовательская деятельность является особым видом интеллектуально-творческой деятельности, в результате которой добывается новое знание (Н. И. Вурста). Вслед за ней вопрос развития креативности посредством исследовательской и проектно-исследовательской деятельности среди обучающихся общеобразовательных учреждений рассматривается М. Е. Ланских. Тогда как Н. А. Астахова изучает ресурсы креативного подхода и творческой активности для подготовки профессионалов-исследователей в высших учебных заведениях. Таким образом, креативность и исследовательская деятельность в современной науке рассматриваются взаимосвязанно. Однако в научной литературе исследования вклада креативности в эффективность исследовательской деятель-

---

* Исследование выполнено при поддержке Южного федерального университета, 2022, № ВнГр-07/2020-20-АП.

ности недостаточно представлены. Среди факторов ее эффективности выделяют исследовательский потенциал как «систему индивидуально-психологических качеств личности, которые обеспечивают эффективную и результативную исследовательскую деятельность» (Н. В. Бордовская и др.).

Цель исследования – изучить степень и характер влияния личностной креативности на вероятность обладания обучающимся высоким уровнем исследовательского потенциала.

Выборка исследования составила 308 обучающихся в возрасте от 12 до 17 лет общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону и Специализированного учебного научного центра ЮФО. Для изучения личностной креативности использовалась методика «Диагностика личностной креативности» Е. Е. Туник, исследовательского потенциала – Методика изучения исследовательского потенциала и оценки его развития у студентов (адаптированная нами для обучающихся школ).

Сравнительный анализ между группами обучающихся с высоким, средним и низким уровнем исследовательского потенциала показал, что обучающиеся с высоким уровнем исследовательского потенциала обладают статистически значимо более высокими показателями по всем шкалам личностной креативности по отношению к группам с низким и средним уровнем исследовательского потенциала ($p < 0,01$), в то время как никаких значимых различий между группами со средним и низким уровнем исследовательского потенциала обнаружено не было.

Результаты логистической регрессии показали, что у обучающихся с низким уровнем суммарного показателя личностной креативности по сравнению с обучающимися с его высоким уровнем вероятность обладать высоким уровнем исследовательского потенциала снижается на 36% ($p < 0,05$), со средним уровнем личностной креативности – на 14%, причем результаты, полученные по группе со средним уровнем личностной креативности, носят характер статистической тенденции ($p < 0,1$).

Выявлено, что среди показателей личностной креативности любознательность повышает вероятность обучающегося обладать высоким уровнем исследовательского потенциала. Причем данное влияние обнаруживается лишь в группе с низким уровнем любознательности. Именно ее низкий уровень по сравнению с высоким снижает вероятность того, что обучающийся будет обладать высоким уровнем как интегрального показателя, так и компонентов исследовательского

потенциала на 33% ($p < 0,01$). Тогда так снижение вероятности на 13% у обучающихся со средним уровнем любознательности по сравнению с высоким не является статистически значимым.

Следовательно, при повышении любознательности в группе обучающихся с ее низким уровнем будет повышаться вероятность обладания высоким уровнем исследовательского потенциала, а в группе обучающихся со средним уровнем любознательности схожих изменений происходить скорее не будет.

Таким образом, обучающиеся, обладающие высоким уровнем личностной креативности по ее суммарному показателю, т. е. обучающиеся склонные отстаивать свои идеи вне зависимости от реакции окружающих, ставящие и достигающие высокие цели, самокритичные, независимые от одобрения, любознательные, обладающие высоким уровнем развития воображения, ориентированные на решение трудных задач, познание сложных явлений, самостоятельность в обучении, с большей вероятностью будут обладать высоким уровнем исследовательского потенциала. Наибольшую роль в повышении вероятности обладания высоким уровнем исследовательского потенциала среди показателей личностной креативности играет любознательность. Таргетированные интервенции по повышению любознательности в группах с низким уровнем данного конструкта будут значительно повышать вероятность обладания высоким исследовательским потенциалом.

Экспериментальная проверка эволюционной гипотезы возникновения эффекта зловещей долины*

*В. Д. Илюшичев (ЯрГУ им П. Г. Демидова, Ярославль),
А. В. Чистопольская (ЯрГУ им П. Г. Демидова, Ярославль)*

Развитие роботостроения в XX в. поставило перед инженерами ряд вызовов, одним из которых стала проблема дизайна. ИмPLICITно принятая идея о том, что роботы (и любые другие искусственные агенты) должны быть как можно более человекоподобными для того, чтобы взаимодействие с ними было максимально комфортным, оказалась не до конца верной. Первым этот конфликт был сформулиро-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ, проект № МК-495.2022.2.

ван Масахиро Мори в 1970-е годы. Так, в своем эссе «Зловещая долина» (M. Mori) он приводит график, который должен описать динамику эмоциональной оценки объекта по мере его приближения к человекоподобию. На графике отмечено, что при почти полном, но не достаточном приближении объекта к человекоподобию, люди, взаимодействующие с ним, будут испытывать негативные переживания, которых не наблюдается при более высоком или низком уровне. Этот переход к негативному аффекту получил название эффекта «зловещей долины». В концепции, зародившейся исключительно как эвристика для практической деятельности, долгое время фактически не уделялось внимания возможным объяснительным механизмам. С ростом интереса к проблеме начало появляться все больше академических работ, ставивших именно вопрос механизмов эффекта. Так, одним из наиболее популярных объяснений стала эволюционная гипотеза (S. Steckenfinger et al.). Основным ее концептом является «система избегания патогенов» — эволюционный механизм, отвечающий за индукцию отвращения в ответ на вид больного представителя вида (P. Rozin, A. E. Fallon). Больной представитель вида актуализирует концепт «человек», но проявления заболевания выходят за рамки этой категории, что вызывает негативную эмоциональную реакцию. Предполагается, что в формировании эффекта зловещей долины вовлечена та же система. В основе нашего исследования лежит работа Д. Марра, в которой описывается способ анализа любой системы переработки информации на трех уровнях: вычислительном, алгоритмическом и физическом. Логично предположить, что в одной системе одинаковый тип стимулов будет обрабатываться одинаково, что может быть отражено в скорости и точности переработки.

Выборка

В исследовании приняли участие 40 студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 4 мужчины, 36 женщин ($M = 19,4$, $SD = 1,2$).

Методика

С началом эксперимента в программе PsychoPy 2.0 перед испытуемым появлялась инструкция, предлагающая относить изображения к двум категориям: живое и неживое. После получения инструкции на 0,3 секунды и перед каждым изображением предъявлялся фиксационный крест, вслед за которым появлялось стимульное изображение. Всего в работе использовалось 64 изображения, разделен-

ные на группы «человек», «болезнь», «животное», «неживой предмет», «зловещее». В ходе работы фиксировались 2 показателя: время реакции и точность категоризации. Гипотеза: данные показатели не будут отличаться для групп «зловещее» и «болезнь».

Результаты

Точность категоризации в зависимости от типа изображаемого стимула оценивалась с помощью статистического критерия χ^2 Пирсона. Были обнаружены значимые различия в точности категоризации для категорий «Человек» ($M = 0,92$, $SD = 0,27$) и «Зловещее» ($M = 0,86$, $SD = 0,35$) $\chi^2(1) = 725,3$, $df = 3$, $p < 0,001$. Для остальных групп значимые различия отсутствуют, хотя интересными могут оказаться данные сравнения категорий «Зловещее» и «Болезнь» ($M = 0,93$; $SD = 0,26$) $\chi^2(1) = 0$, $p = 1$).

Анализ времени реакции с использованием критерия Манна–Уитни показал, что существует значимый фактор влияния категории при сравнении групп «Человек» ($M = 0,96$; $SD = 0,65$) и «Зловещее» ($M = 1,07$; $SD = 0,66$): $W = 205886$, $p < 0,001$, «Человек» и «Болезнь» ($M = 1,1$; $SD = 0,9$): $W = 130834$, $p < 0,001$. При этом для категорий «Болезнь» и «Зловещее» влияние фактора не является достоверным: $W = 168192$, $p = 0,16$.

Интерпретация

«Зловещесть» и «болезненность» лица достоверно влияет на время реакции, увеличивая его в сравнении с здоровым лицом. Это может говорить о том, что система переработки информации в обоих случаях сталкивается с ошибкой, которая не встречается при обработке обычных лиц.

Отсутствие различий в скорости категоризации двух целевых групп может говорить об одинаковых вычислениях, лежащих в ее основе, но мы не можем говорить о том, что скорость категоризации в группах снижается из-за того, что система обработки информации встречается с одной и той же ошибкой, однако мы точно можем утверждать, что эта ошибка решается с одинаковыми временными затратами.

Уточним природу ошибки, воспользовавшись данными о точности категоризации, которые свидетельствуют о том, что рассогласование между группой болезни и группой здоровья недостоверно, в то время как группа здоровья достоверно рассогласуется с группой «зловещих». Так, ошибка, влияющая на скорость двух целевых групп, влияет на точность только для одной из них.

Наши результаты согласуются с эволюционной гипотезой, хотя и оставляют некоторые вопросы. Мы получили отношения времени реакции, ожидаемые в контексте гипотезы («зловещие» и больные лица категоризируются с одинаковой скоростью, эта скорость отличается для здоровых лиц из контрольной группы).

The effects of plurilingualism and pluriculturalism on divergent thinking: Testing the moderating role of personality traits*

*V. Koncha (НИУ ВШЭ, Москва), A. Kharkhurin (НИУ ВШЭ, Москва),
M. Charkhabi (НИУ ВШЭ, Москва)*

This study continued an in-depth investigation of the Plurilingual Creativity paradigm. It looked at how Big Five personality traits moderated the relationship between plurilingualism/pluriculturalism and creativity. Data collection included assessments of language repertoire (measured by the number of languages spoken by participants), multicultural experience and desire (measured by Multicultural Experience Questionnaire), intercultural competence (measured by Integrative Intercultural Competence Survey), and divergent thinking (measured by Unusual Uses test). A series of regression analyses using moderation models obtained evidence that extraversion interacted with intercultural competence component, namely management of intercultural interaction in contribution to fluency, flexibility, and originality in divergent thinking. It also interacted with multicultural experience in contribution to fluency. No moderation was found for the link between language repertoire and divergent thinking. These findings emphasized one more time the importance of considering personality traits in the plurilingual creativity.

The finding that pluriculturalism can compensate for low extraversion in its contribution to divergent thinking can have far reaching conclusions. Notably, the effects of some stable personality traits such as extraversion can be modulated by development of competencies related to plurilingual/pluricultural practices. By introducing these practices to workplaces or educational settings, we can achieve a greater synergy in boosting individuals' creative potential regardless of their personality traits. If an individual's low extraversion could present some difficulties with expressing her or his creative poten-

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00958.

tial, plurilingual/pluricultural experience would compensate for this limitation. This idea found its realization in education: Plurilingual Intercultural Creative Keys educational system* combines strategies of plurilingual/pluricultural and creative training (Kharkhurin, Pasechnik, 2020). It aims at developing students' linguistic, intercultural, and creative competencies, which leads to a successful adaptation of a person in the modern world. Implementation of this program in school environment should present longitudinal empirical evidence for plurilingual creativity paradigm.

Moreover, the studies on personality traits and creativity reported in the introduction revealed an important role of motivation in this link. For example, Sung and Choi examined the interaction of the Big Five personality factors and the motivational orientations on creativity (Sung, Choi, 2009). They found that the positive relationship between openness to experience and creativity was stronger when the person revealed strong extrinsic motivation. They also found that agreeableness was a positive predictor of creative performance only when a person's extrinsic motivation was low. Similarly, Kaspi-Baruch demonstrated that the associations between the Big Five dimensions and divergent thinking were moderated by learning motivational goal orientation (which directs individuals toward learning or enhancing their qualifications) (Button, Mathieu, Zajac, 1996; Kaspi-Baruch, 2017). Individuals high in extroversion, emotional stability, and low in conscientiousness were most creative when they were oriented toward learning. Hence, we can anticipate that motivation can also mediate the link between plurilingualism/pluriculturalism and divergent thinking, and the personality traits can moderate this mediation. These research questions should be explored in the future studies.

Управляющие функции рабочей памяти в решении инсайтных задач[†]

С. Ю. Коровкин (ЯрГУ, Ярославль), А. Д. Савинова (ЯрГУ, Ярославль)

Данные о роли рабочей памяти в инсайтном решении достаточно противоречивы, поскольку есть работы, свидетельствующие о ее пользе (А. Chuderski, J. Jastrzębski, E. Nęcka et al.), вреде (М. DeCaro et al., А. Jarosz et al.) и нейтральном влиянии (I. Ash, J. Wiley, A. Lavric et al.)

---

* <https://pick.hse.ru/en>.

† Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00801-а.

на успешность инсайтного решения. В данной работе мы хотели исследовать связь центрального исполнителя рабочей памяти и инсайта, операционализируя центральный исполнитель в виде работы трех управляющих функций – обновление, переключение и торможение (А. Miyake et al.). Согласно А. Мияке с соавт., управляющие функции связаны друг с другом, но не сводимы одна к другой. В частности, функция обновления выполняет мониторинг информации и замену старой информации на более актуальную, торможение выполняет тормозный контроль и подавление нерелевантных ответов, а переключение – переход от одного «ментального набора» к другому, переключение между задачами. Мы предполагали, что разные управляющие функции важны на разных этапах решения задачи: в построении репрезентации должна активно участвовать функция обновления, в преодолении тупика – торможение, а в момент изменения репрезентации – переключение.

Для проверки данного предположения мы провели эксперимент с использованием методики когнитивного мониторинга. В эксперименте приняли участие 32 человека (14 женщин, 18 мужчин) в возрасте от 17 до 48 лет ($M = 24,3$, $SD = 5,7$). Им необходимо было решить 12 инсайтных задач, разделенных на два типа: с малым количеством действий (условие с короткой стадией поиска решения, решатель практически сразу попадает в тупик) и с большим количеством действий (продолженный поиск решения в неверной репрезентации). Одновременно с решением задач испытуемые выполняли дополнительные задания, организованные в виде зондов-мониторов и призванные загрузить ту или иную управляющую функцию, а затем оценить ее роль в процессе решения. Всего было три задания-зонда: на обновление, торможение и переключение.

Сравнение среднего времени реакции на задания-зонды при решении разных типов задач показало, что есть значимое влияние типа зонда, $F(1,6, 24,4) = 8,95$, $p = 0,002$, $\eta^2 = 0,374$; но отсутствует влияние типа задачи и взаимодействие факторов. Наибольшее время реакции наблюдалось при выполнении зонда на переключение: он отличается как от зонда на обновление, $t(30) = 5,19$, $p < 0,001$, $r = 0,431$; так и от зонда на торможение, $t(31) = 4,75$, $p < 0,001$, $r = 0,372$. При этом зонды на обновление и торможение не отличались друг от друга. Анализ динамики решения показал значимый рост времени реакции при выполнении зондов на переключение, $t(27) = -3,30$, $p = 0,022$, $r = -0,388$ и на торможение, $t(30) = -3,76$, $p = 0,007$, $r = -0,362$. Это означает, что оконча-

ние решения задачи более требовательно к данным типам управляющих функций.

В результате мы не подтвердили нашу идею о том, что управляющие функции должны различным образом проявлять себя на разных стадиях решения инсайтных задач. Это связано с тем, что мы не получили данных о специфическом взаимодействии конгруэнтных или неконгруэнтных заданий и задач. Взаимодействие между типами управляющих функций, типами и этапами инсайтных задач также не было обнаружено. Из этого мы делаем вывод о том, что большая загрузка ресурса рабочей памяти обеспечивается сложностью выполняемых заданий, а не спецификой используемой управляющей функции. Динамика инсайтного решения также подтверждает этот вывод. Мы не наблюдали специфики во взаимодействии типов управляющих функций с этапами инсайтного решения, но могли наблюдать изменяющуюся сложность процесса решения, что видно по увеличению загрузки в конце задачи. На наш взгляд, увеличение сложности в конце решения задачи может быть обусловлено двумя причинами:

- 1) в конце решения накапливаются идеи, открытия, информация и разнообразные уточнения условий задачи, которые необходимо одновременно учитывать и структурировать для успешного решения;
- 2) в конце решения происходит особое, ключевое событие, требующее для своей реализации большого объема ресурсов рабочей памяти.

Так как мы говорим об инсайтном решении, то в качестве подобного события может выступать изменение репрезентации. В связи с тем, что используемые нами задачи довольно просты, вполне ожидаемо, что изменение репрезентации должно происходить в самом конце решения, поскольку после него испытуемые быстро находят правильный ответ.

Соотношение творчества и зависимости

О. П. Макушина (ВГУ, Воронеж)

Проблема соотношения творчества и зависимости сложна и многогранна. С одной стороны, зависимое поведение и творчество несовместимы по своей сути, так как творчество подразумевает создание

качественно нового, уникального продукта, в то время как зависимость — это ригидная, стереотипная форма поведения, исключающая саму идею экспериментирования. С другой стороны, известно достаточно много творческих личностей, страдающих разными формами зависимостей (часто среди творческих лиц встречаются наркомания, алкоголизм, игромания).

Так как же соотносится зависимость и творчество? Обобщив различные эмпирические данные и приняв во внимание рассуждения ряда авторов, можно выделить следующие точки соприкосновения этих двух феноменов.

1. Психологический портрет зависимой личности включает те характеристики, которые характерны для творческих индивидов: высокая чувствительность, ранимость, оригинальность мышления, художественное восприятие мира, спонтанность, инфантильность, нестандартность, склонность к фантазированию и др. (В. Д. Менделевич). Следовательно, зависимая личность обладает творческим потенциалом.
2. Многие наркотические вещества (например, марихуана) на физиологическом уровне стимулируют воображение, ослабляют внутренний контроль, расфокусируют внимание, что, как минимум, на начальном этапе употребления способствует творческому процессу.
3. Творчество часто связано со страхом оценки, неприятия, так как создание принципиально нового продукта исключает возможность заранее быть уверенным в том, как он будет воспринят обществом. Поэтому творческие личности часто проявляют неустойчивость самооценки, эмоциональные перепады, тревожность, дезадаптированность и т. д. На этом фоне уход в зависимость выглядит как быстрый и легкий способ совладания с проблемами, который усиливает дезадаптацию.
4. И наконец, не стоит сбрасывать со счетов «третью переменную» — наличие у многих талантливых людей различных психических заболеваний (депрессий, эмоциональных расстройств, психозов и т. д.), которые инициируют употребление психоактивных веществ с целью высвобождения внутренних сил, подавленных болезнью.

Однако далеко не все творческие личности испытывали необходимость в психоактивных веществах и проявляли зависимое поведение. Естественно, источник таланта человека — не в наркотике или алкоголе. Бы-

ло бы очень большим упрощением допущение того факта, что именно зависимость является причиной творчества человека. По нашему мнению, творческие лица обладают большим творческим потенциалом, но не все могут его реализовать в силу чрезмерного внутреннего контроля, сниженной адаптированности, повышенной ответственности и т. д. Многие известные творческие лица, прибегавшие к наркотикам или алкоголю, в детстве были очень зажатými, «нормативными», послушными. Получается, что если родители не принимают естественность ребенка, его свободные проявления, а сразу накладывают на него рамки условностей, то они блокируют его творческий потенциал, ребенок, скорее всего, станет исполнителем, а не творцом. Поэтому, став взрослым, он прибегает к зависимости как способу внутреннего раскрепощения. Таким образом, на начальных этапах своего развития зависимость может способствовать творческому мышлению, но при этом она выступает не как источник творчества, а как способ ослабления внутренних ограничений, мешающих творческому процессу.

Преодоление ограничений на результат при решении ассоциативных задач*

*А. А. Медынцеv (ИП РАН, Москва), М. А. Левшина (МГЛУ, Москва),
А. И. Комаровская (РНИМУ им. Пирогова, Москва),
Н. Л. Левина (РНИМУ им. Пирогова, Москва)*

Негативное влияние индивидуального опыта является одним из факторов, налагающих ограничения на процесс решения задач. К примеру, именно актуализация математических знаний препятствует нахождению решения «математических задач со спичками» (matchstick arithmetic problems). И только ряд процессов, включающих «преодоление ограничений», приводит к решению (G. Knoblich et al.).

Большинство исследований, посвященных данному фактору, исследует преодоление ограничений налагаемые индивидуальным опытом на метод достижения результата (M. Öllinger et al.; Н. Ю. Лазарева, И. Ю. Владимиров и др.). Целью нашего исследования было изучить преодоление ограничений, налагаемых на результат.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-01371.

Методика

В нашем исследовании была использована методика «Ассоциативные задачи с буквами». В этих задачах испытуемым предъявлялось слово и буквы («АРМИЯ, СОЛДАТ, ЗВАНИЕ, Ж, Р, С»). От испытуемого требовалось придумать слово, которое бы ассоциировалось со всеми словами и в котором присутствовали бы все указанные буквы (СЕРЖАНТ).

Задачи предъявлялись на экране монитора компьютера. За ограниченное время испытуемый должен решить задачу либо отказаться от решения. После сделанного выбора испытуемому давалась обратная связь.

Главной особенностью задач были ограничения, внесенные в их решения. Их было три:

1. Слово-решение начиналось с крайней левой буквы из тех, что предъявлялась испытуемому («СТРОЙКА, ГВОЗДЬ, М, Т, К» – молоток).
2. Слово-решение состояло из двух слогов («СПОРТ, ПРЫЖОК, Т, П, М» – трамплин).
3. Слово-решение было одушевленным («ВОЙНА, ВОИН, С, Д, Л» – солдат).

Массив задач, предъявлявшийся испытуемому, состоял из задач четырех типов:

Тип 1: задачи, слово-решение которых содержало в себе все три ограничения (т.е. слово начиналось с крайней левой буквы из предъявленных, состояло из двух слогов, было одушевленным).

Тип 2: задачи, слово-решение которых содержало в себе любые два ограничения (т.е. либо состояло из двух слогов и было одушевленным, но не начиналось с крайней левой буквы из предъявленных; либо начиналось с крайней левой буквы из предъявленных и состояло из двух слогов, но не было одушевленным; и т.п.).

Тип 3: Задачи, слово-решение которых содержало в себе только одно ограничение из перечисленных.

Тип 4: Задачи, слово-решение которых не содержало ограничений вообще.

Эксперимент состоял из двух этапов. Ни один из испытуемых, принявших участие в первом этапе исследования, не участвовал во втором.

Целью первого этапа являлся отбор задач, равных по сложности. Испытуемым в случайном порядке предъявлялись задачи четырех типов. На решение одной задачи давалось полторы минуты. Перед началом исследования испытуемые получали инструкцию: *«Все задачи можно решить. Постарайтесь сделать это. Если вы чувствуете, что задача сложна для решения, то можете отказаться ее решать»*. В качестве обратной связи после сделанного выбора испытуемым предъявлялось слово-решение задачи.

Второй этап исследования состоял из двух стадий.

На первой стадии испытуемым предъявляли задачи типа 1 (с тремя ограничениями), перемешанные с задачами, не имеющими решения (случайным образом подобранные слова и буквы). На решение одной задачи давалось 30 с. Инструкция была следующей: *«Будут предъявлены два типа задач: решаемые и нерешаемые. Надо решить как можно большее число решаемых задач. Если вы поняли, что перед вами нерешаемая задача — откажитесь от решения, нажав соответствующую клавишу»*. В качестве обратной связи после сделанного выбора предъявлялось слово-решение задачи или сообщение *«Это нерешаемая задача»*.

На второй стадии испытуемым предъявляли задачи всех трех типов. Несмотря на то, что решить можно было все, инструкция была такой же, что и на первой стадии. После сделанного выбора испытуемым предъявлялось сообщение *«Правильно»* при правильном решении задачи и *«Неверно»* при ошибке. Если испытуемый считал задачу нерешаемой, это всегда приводило к сообщению *«Правильно»*.

Ожидалось, что у испытуемых, прошедших первую стадию, будет произвольно сформированы ограничения на результат, которые усложнят процесс решения задач всех типов, кроме типа 1.

В первом этапе исследования приняло участие 43 испытуемых (13 мужчин и 30 женщин, средний возраст — 24,5 лет). Им было предъявлено 69 задач типа 1, 96 задач типа 2, 164 задачи типа 3 и 58 задач типа 4. На основании полученных результатов были отобраны по 16 задач типа 1 и типа 2, 17 задач типа 3 и 14 задач типа 4. Все отобранные задачи имели одинаковое время решения и процент верных решений. Минимальный процент решения отобранных задач превышал 50%, максимальное время решения не превышало 30 с.

Во втором этапе исследования участвовали 53 человека (14 мужчин и 39 женщин, средний возраст — 23 года).

Результаты

В среднем испытуемые решили 53% задач всех типов. Среднее время решения составило 4230 мс.

Индекс решения

Для анализа числа решенных задач каждого типа рассчитывался индекс решения – отношение числа решенных задач к общему числу задач, предъявленных испытуемому. Распределение индексов решения по выборке отличалось от нормального (Колмогоров–Смирнов $D=0,0939$, $p=0,0299$).

Результаты сравнения индексов решения задач четырех типов показали различия в числе решений (Краскел–Уоллис $H=14,7$, $p=0,0021$). Больше всего решений пришлось на долю задач типа 1. Различий между задачами других типов обнаружено не было.

Время верных решений

Распределение времени решения по выборке отличалось от нормального ($D=0,1752$, $p<0,001$).

Сравнение времени решения задач четырех типов показало достоверные отличия ($H=13,7$, $p=0,0033$). Испытуемые быстрее решали задачи типа 1 по сравнению с задачами типа 4 (Манн–Уитни $U=813$, $p=0,0002$). Однако, помимо этого, достоверные различия были обнаружены при сравнении времени решения задач типа 4 и типа 2 ($U=1029$, $p=0,025$) и задач типа 2 и типа 1 ($U=1016$, $p=0,02$). Также были найдены достоверные отличия между во времени решения задач типа 3 и типа 1 ($U=1074$, $p=0,02$). Различия между задачами типа 4 и типа 3 были на уровне тенденций ($U=1110$, $p=0,058$). Достоверных различий между задачами типа 2 и типа 3 обнаружено не было.

Выводы

Ограничения на результат, сформированные на первом этапе, оказали влияние на процесс решения задач на втором этапе. Это отразилось в числе решенных задач и времени решения. Само по себе это было вполне ожидаемо. Более интересным результатом является обнаруженная зависимость времени решения задачи от числа ограничений. Достоверные различия, найденные между временем решения задач типа 1 и типа 2, а также типа 2 и типа 4, показывают, что чем меньше ограничений содержит в себе решение задачи, тем дольше испытуемые ее решают.

По нашему мнению, полученные данные свидетельствуют о том, что при решении задач снятие ограничений происходит не сразу, а постепенно одно за другим. Такое постепенное снятие может быть объяснено гипотетическим процессом «угасания акцептора будущего решения» (А. А. Медынцев, 2021).

Ага-переживание в условиях социального взаимодействия*

*А. А. Пантина (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),
С. Ю. Коровкин (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)*

Творчество в целом и решение инсайтных задач в частности может представлять форму социальной игры. Решение задач, разгадывание загадок, решение головоломок проходят в форме игры между решателем и человеком, дающим задание. В случае эксперимента такую роль играет экспериментатор (О. В. Филяева, С. Ю. Коровкин). Нами было сделано предположение, что ага-переживания, а также наблюдаемое поведение испытуемого, внешне демонстрирующего признаки инсайта, в момент обнаружения решения могут быть подвержены влиянию изменения фреймов социального взаимодействия. Гипотезой нашего исследования выступило предположение, что существуют различия в силе, содержании и демонстрации ага-переживаний при решении инсайтных задач в зависимости от наличия или отсутствия социального взаимодействия. Предполагалось, что в условиях наличия прямой коммуникации с экспериментатором испытуемые чаще демонстрируют характерные поведенческие паттерны инсайта, чем в условиях решения задачи в одиночестве. При этом ага-переживание субъективно оценивается как более яркое в условиях наличия прямого контакта с экспериментатором, чем в условиях косвенного контакта.

Выборка составила 32 человека в возрасте от 16 до 42 лет (4 мужчины и 28 женщин). Для проведения исследования нами были выбраны зрительные задачи со спичками (G. Knoblich) и вербальные инсайтные задачи. Испытуемым предлагалось решить 12 задач в двух условиях: 1) в отсутствии прямого контакта с экспериментатором; 2) в присутствии

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-2164.2022.2.

вии экспериментатора. Каждый испытуемый решал по три вербальных и три текстовых задачи в каждом условии.

В качестве зависимых переменных отслеживались эффективность решения задач, внешние поведенческие признаки инсайта и субъективные ага-переживания испытуемых. Для фиксации субъективных переживаний после решения каждой задачи испытуемому предлагалось заполнить опросник (А. Н. Danek, J. Wiley) с дополнительными шкалами, в котором ага-переживание оценивается по 10 параметрам: удивление, внезапность, изящность, субъективная сложность, драйв, уверенность, удовольствие, облегчение, тупик, чувство «ага!». В качестве контроля сопутствующей переменной измерялась склонность испытуемых к социальному взаимодействию. Для фиксации поведенческих паттернов решение задач фиксировалось на видео. Анализировались последние 30 секунд решения каждой задачи. Производился подсчет количества специфических признаков, степень и длительность их проявления, выраженность каждого признака оценивалась по 3-балльной шкале. В качестве характерных поведенческих паттернов инсайта использовались: улыбка; поднятие бровей; слова, выражающие радость; кивание головой; смех; междометия или звуки, выражающие обнаружение решения; громкий вздох или выдох; телесное расслабление.

Статистическому анализу были подвергнуты только решенные задачи, которые усреднялись по типу для каждого испытуемого. Исходя из полученных нами данных, тип задачи и социальные условия влияют на эффективность и время решения задач, а также на поведенческие паттерны. При сравнении поведенческих паттернов во время решения вербальных и зрительных задач нами было обнаружено, что вербальные задачи в большей степени провоцируют испытуемых на демонстрацию инсайтных поведенческих паттернов при социальном взаимодействии. Зрительные задачи решаются дольше в обоих условиях, при их решении наблюдается меньше экспрессий. Это может быть связано с необходимостью взаимодействия с экспериментатором для получения обратной связи о правильности решения, тогда как зрительные задачи в большей степени допускают возможность самостоятельной проверки правильности решения. Кроме того, важную роль может играть и доступность совместного внимания и зрительного контакта, менее доступные в зрительных задачах. Было обнаружено незначительное влияние условия на время решения. Наличие прямого контакта с экспериментатором способствовало более быстрому

нахождению решения, так как испытуемый получал больше обратной связи в виде вербальных и невербальных сигналов экспериментатора. При обработке самоотчетов в усредненном виде, а также отдельно по каждой шкале не было получено значимых различий между решением в присутствии и отсутствии экспериментатора. В то же время обработка результатов анкеты свидетельствует о том, что большинство испытуемых были более склонны к социальному взаимодействию во время решения задач в присутствии экспериментатора.

Таким образом были получены данные, свидетельствующие в пользу того, что изменение фреймов социального взаимодействия влияет на поведенческие паттерны решателя при решении инсайтных задач, но не оказывает значимого влияния на субъективные ага-переживания. В целом наблюдается эффект социальной фасилитации, проявляющийся в уменьшении времени решения в присутствии экспериментатора, а также наблюдаются эффекты увеличения количества и выраженности инсайтных экспрессий. При решении вербальных задач также повышается и длительность инсайтных поведенческих паттернов.

Ресурсность профессионального мышления: системогенетический подход*

*И. В. Серафимович (Институт развития образования Ярославской области
(ГАУ ДПО ЯО ИРО), Ярославль)*

Актуальность экологичного использования человеческого капитала и ресурсов психики, особенно когнитивных, обусловлена динамичным развитием общества (А. Г. Асмолов, А. Л. Журавлев, А. В. Карпов, Т. А. Нестик, Л. М. Митина, В. А. Бодров, Р. М. Шамионов, S. E. Hobfoll, J. Halbesleben, J.-P. Neveu, M. Westman, М. А. Холодная, С. А. Хазова). Как показано в исследованиях, когнитивные и метакогнитивные компоненты мышления (Т. Н. Адеева, А. В. Брушлинский, В. Н. Дружинин, В. В. Знаков, А. А. Карпов, А. В. Карпов, М. М. Кашапов, Т. В. Корнилова, Ю. В. Пошехонова, Л. А. Регуш, В. В. Селиванов, J. Vagon, J. Selwyn, A. Grant) могут оказывать в целом положительное влияние как на личностное развитие, так и на профессионализацию мышления, что пред-

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00602.

ставляет собой разную функциональную направленность мышления, которая на наш взгляд, может осуществляться в единстве за счет ресурсности мышления. Настоящее исследование выполнено в рамках апробации авторского подхода к трактовке понятия «ресурсность профессионального мышления» (М. М. Кашапов, И. В. Серафимович).

Системогенетический анализ (В. Д. Шадриков, А. В. Карпов, Ю. П. Поваренков, Е. Л. Солдатова) предполагает одним из направлений генетическое, которое было реализовано через выделение отличий и закономерностей развития когнитивной и метакогнитивной подсистем мышления в социономической группе профессий, на выборке студентов гностического и преобразующего класса профессий ($n = 120$). Выделены отличия в метакогнитивной подсистеме: у студентов гностической направленности повышается уровень социорефлексии и метакогнитивных знаний ($p < 0,01$), а у преобразующей – увеличивается метакогнитивная активность ($p < 0,05$), эмоциональная чувствительность к людям и направленность на совместное решение проблемных ситуаций ($p < 0,01$). Составляющие когнитивного компонента – подсистемы мышления – также развиваются по-разному в зависимости от целевой направленности: у студентов гностического типа профессий увеличивается осмысленность, структурированность и целостность понимания как общих, так и конкретных контекстов проблемных ситуаций ($p < 0,01$), а у студентов преобразующего типа профессий усиливаются компоненты, связанные с умением отреагировать и управлять чувствами и эмоциями в проблемных ситуациях, а также более четко выбирать и обосновывать стратегию поведения и разрешения ($p < 0,01$).

Направление функционального анализа трансформировалось в рассмотрение особенностей взаимодействия личностного компонента – подсистемы с другими подсистемами. Установлено, что к концу обучения у студентов социономической группы профессий связи метакогнитивных и когнитивных характеристик мышления и акцентуаций характера начинают совмещать в себе разнонаправленный характер: одновременно положительный и отрицательный ($p < 0,05$), что можно считать основой для ресурсности мышления у студентов социономических профессий на разных этапах обучения.

Структурный анализ профессионального мышления как системы с подсистемами (когнитивной, личностной, метакогнитивной) был выполнен по технологии А. В. Карпова и показал, что в процессе обучения в вузе повышается степень организованности одних компо-

нентов профессионального мышления и уменьшается других. Так, у студентов гностического класса (психологов) увеличение уровня организации личностной сферы мышления как ресурса (ИКС = 17→40, ИДС = 2→0, ИОС = 19→40) сопряжено с уменьшением уровня организации когнитивной и метакогнитивной сфер (ИКС = 193→161, ИДС = 79→43, ИОС = 272→204). У студентов преобразующего класса (менеджеров), наоборот, уменьшение уровня организации личностной сферы как ресурса (ИКС = 38→4, ИДС = 0→0, ИОС = 38→4) происходит одновременно с усилением организации когнитивно-метакогнитивной сфер (ИКС = 74→79, ИДС = 17→22, ИОС = 91→101). Предположительно наблюдается своеобразное взаимодействие через «мобилизацию» или «переход в латентное состояние» разных компонентов-субсистем профессионального мышления, что обусловлено как спецификой осваиваемой профессии, так и этапами освоения деятельности. Важно отметить, что при разработке концепции профессионального мышления в социономической группе профессий необходимо, с одной стороны, понимать, что обозначенные изменения на разных уровнях организации профессионального мышления – системном и компонентно-субсистемном – являются отражением принципов системогенеза (неравномерность, гетерохронность, консолидация). С другой стороны, представляется важным дополнение метасистемными исследованиями, позволяющими отслеживать «сложную разновидность системогенеза – метасистемогенез» (А. В. Карпов).

Негативное эмоциональное состояние подавляет поиск сложных решений*

*Н. П. Тяпкина (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),
С. Ю. Коровкин (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)*

В настоящее время в психологии мышления накопились довольно противоречивые данные о влиянии валентности эмоционального состояния на эффективность решения различных инсайтных задач (А. Isen, G. Kauffman, S. K. Vosburg et al.). Влияние эмоций на решение задач часто обсуждается как опосредованное модификацией процессов внимания – сужением фокуса внимания при негативной и расширением фокуса при положительной эмоции (см. обзоры Д. В. Люси-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-18-00358.

на). Позитивные эмоции и расширение фокуса внимания связывают с познавательной активностью и широтой поиска информации, которые сопровождают игровую активность и экспериментирование в использовании новых средств и приемов. В свою очередь, негативные эмоции связывают с необходимостью выживания и использованием надежных хорошо выученных и достаточно простых средств и способов решения. Часть противоречий может быть снято, если учитывать, что для решения разных инсайтных задач могут потребоваться разные стратегии, в разной степени доступные в эмоциональных состояниях. Негативные эмоциональные состояния в отличие от позитивных приводят к активизации стратегии оптимизации. Стратегия оптимизации, в свою очередь, подталкивает решателя на простой способ решения задач, что отрицательно сказывается на эффективности решения, если оно требует сложного способа. Изменения в способе решения, спровоцированные негативными эмоциями, касаются перехода на простые мыслительные процессы и операции (например, предпочтение простого комбинаторного перебора выработке принципа решения), сфокусированные на оценке условий задачи и адаптации под них, что согласуется со стратегией оптимизации. Таким образом, на задачи, требующие сложных решений, при негативном эмоциональном состоянии решателя тратится большее количество времени из-за предпочтения «простого» решения, активированного стратегией оптимизации.

Мы предположили, что отрицательные эмоциональные состояния (в частности, эмоция страха) снижают эффективность решения задачи сложным способом. Для индуцирования эмоционального состояния в качестве стимульного материала использовались по два видеофрагмента, которые были направлены на индукцию страха, радости и нейтрального состояния (B. Zupan, M. Eskritt). В качестве основного стимульного материала были выбраны спичечные арифметические задачи (G. Knoblich), на основе которых были разработаны задачи с двумя правильными решениями — условно простым и сложным. Испытуемым предлагалось последовательно найти два решения каждой из 6 арифметических задач со спичками, предварительно просмотрев один из 6 индуцирующих видеофрагментов. В качестве зависимой переменной фиксировались время решения, количество и последовательность найденных решений.

В исследовании приняли участие 30 человек, 16 мужчин и 14 женщин, в возрасте от 22 до 50 лет. В итоговый анализ были включены

только 5 задач, поскольку одна из разработанных задач оказалась слишком сложной для испытуемых. Большинство испытуемых справилось с нахождением обоих решений. Было показано, что в ситуации нейтрального эмоционального состояния существует примерно одинаковая вероятность обнаружения как простого, так и сложного решения первым. При любом эмоциональном воздействии увеличивается вероятность нахождения первым простого решения, а сложного решения – вторым. Было выявлено значимое влияние фактора эмоционального воздействия и взаимодействия факторов эмоционального воздействия со сложностью решения. Парные сравнения между условиями показывают, что в группе с индуцированным негативным эмоциональным состоянием значимо увеличивается время нахождения сложного решения. Согласно полученным результатам, основная гипотеза о подавляющем воздействии негативных эмоциональных состояний на эффективность решения задач сложным способом получила подтверждение.

Музыкально-творческое развитие личности в образовательном процессе с позиций эстетико-семиотического подхода

И. В. Черемисова (Академия ФСИН России, Рязань)

Исследования музыкальных феноменов, предпринятые в разных областях научного знания, позволяют выявить особенности влияния, оказываемого музыкой на человека. Музыка передает информацию о мире и человеке специфическим способом. Активное включение музыки во все сферы жизнедеятельности делает человека совершеннее, затрагивая сферу субъект-объектных отношений, влияя на ход разрешения проблем, связанных с жизнедеятельностью, а также способствуя гармонизации отношений между человеком и миром, человеком и другими людьми.

Философский уровень методологического анализа подтвердил, что проблема развития творческой личности средствами музыкального искусства находится на стыке культурной и философской антропологии, онтологии, гносеологии, аксиологии, философии культуры, эстетики, культурологии, искусствоведения, музыковедения, семиотики, лингвистики, семантики, психологии искусства, психо-

логии музыкальности и психологии индивидуальности, музыкальной психологии и педагогики, психологических теорий сознания, музыкального сознания, в силу этого может изучаться только в междисциплинарном дискурсе.

Анализ основных методологических и теоретических подходов к проблеме исследования и развития творчества позволил разработать и предложить эстетико-семиотический подход к развитию творческой личности и авторскую музыкально-семантическую модель музыкально-творческого развития личности, прошедшую практическую апробацию (И. В. Курышева).

Разработка и применение эстетико-семиотического подхода, интегрирующего филологические, лингвистические, педагогические и психологические знания, обосновано тем, что речемзыкальное родство обнаружено миллионы лет назад, что в известном смысле подкрепляет устоявшуюся практику называть музыку «музыкальной речью». Это название — не метафора, а психологическая, даже нейропсихологическая реальность (Д. К. Кирнарская).

Установлено, что восприятие музыки в своей развитой форме есть процесс творческий, принципиальная разница между актом художественного творчества и полноценным актом восприятия произведения искусства отсутствует (Г. В. Иванченко, В. Е. Семёнов).

Методологическую основу любого подхода составляют ключевые понятия — категории. Прежде всего к ним относится общепсихологическая категория «личность». Понятие «личность» с позиций эстетико-семиотического подхода отражает все многообразие аспектов бытия индивида — природный, исторический, социальный, духовный, космический. Личность — это человек, который является уникальным субъектом инкультурации и социализации.

Музыка с позиций эстетико-семиотического подхода понимается как сложный психосемантический текст, наполненный общечеловеческими и личностными смыслами (музыкальный текст как поле смыслов; стиль эпохи, композитора, национальная культура и т.д.); образование определяется как целенаправленно организованный процесс развития творческой личности в пространстве музыкальной культуры, процесс его освоения через развитие музыкального сознания и музыкальности личности через переживания и культурные значения; творческое развитие определяется как процесс становления и укрепления мотивационных, музыкально-когнитивных, коммуникативных, эмоциональных, деятельностных, ценностно-смыс-

ловых (духовно-нравственных) характеристик творческой личности в музыкально-творческой деятельности.

В процессе обретения, распознавания смыслов разного уровня происходит развитие творческих способностей личности и творческой личности в целом, обусловленное смысловой многогранностью и многозначностью музыкального текста.

Музыкальное искусство детерминирует творческое развитие личности через специфические особенности музыкального текста, особенно музыкальных шедевров, которые являются произведениями эстетико-художественного максимума и характеризуются бытийно-ценностной достоверностью, эмоционально-образной насыщенностью, духовно-нравственным содержанием, художественным совершенством, неисчерпаемостью смысловой интенции). Особое значение при отборе содержания придается воздействию «живой» классической музыки.

Основой музыкально-семантической образовательной модели выступает камертонная музыкальная культура (классическое музыкальное искусство, музыкальные произведения академических жанров композиторов-классиков).

В музыкально-семантической модели психологического сопровождения личности нашли свое воплощение основные положения эстетико-семиотического подхода, выводы о психологических условиях и психологических механизмах развития творческой личности средствами музыкального искусства, разработанная комплексная диагностическая методика музыкально-творческого развития личности, а также в конкретных мероприятиях, методах, приемах, видах работы разработанной программы психологического сопровождения творческого развития личности средствами музыкального искусства «По ступенькам музыки к вершинам творчества».

Результаты исследования позволяют оптимизировать процесс развития творческой личности в образовательном процессе и тем самым повышать его эффективность.

**Социальная
и экономическая
психология**

Предисловие к разделу

Т. А. Нестик

Сегодня социальная психология находится на пороге серьезных изменений, связанных не только с внутренней логикой развития научного знания и появлением новых методов исследований, но и с глобальными историческими процессами.

Преодолевая кризис воспроизводимости экспериментальных результатов, социальные психологи обращаются к изучению реальных групп и повышают экологическую валидность исследований; ищут механизмы, выступающие в качестве медиаторов и модераторов связи между изучаемыми переменными; стремятся рассматривать социально-психологические феномены в их динамике, сочетая разные уровни анализа: внутриличностный, межличностный, групповой, межгрупповой и макропсихологический. Растущая доступность больших данных о поведении людей, связанная с развитием социальных сетей и возможностями анализа цифровых следов личности и группы, открывает новые перспективы изучения индивидуальных и групповых феноменов. Так, например, анализ постов пользователей сетевых сервисов позволяет анализировать динамику поиска социальной поддержки в крупных социальных группах.

Использование поперечных срезов и переход к лонгитюдным исследованиям проливают свет на границы пластичности личностных и групповых характеристик в транзитивном обществе, в том числе при переживании трудноконтролируемых глобальных угроз. В частности, важное значение приобретает изучение влияния тревоги и страха во время пандемии COVID-19 на индивидуальные ценности и инновационность личности, генерализованное доверие и готовность к межкультурному взаимодействию.

В этих условиях происходит переосмысление целого ряда традиционных психологических понятий, таких как «образ мира», «рефлексия», «отношение», «представление», «переживание», «совладание», «социализация», которые все чаще рассматриваются на межличностном, групповом и социетальном уровнях анализа. Все более актуальным оказывается изучение процессов социальной категоризации при формировании образа мира, а также роль нарратива в конструировании групповых ментальных моделей.

Растет востребованность исследований, посвященных тому, как характеристики социальной идентичности и ценности влияют на самоопределение и адаптацию к культурным и экономическим изменениям в таких разных группах, как студенческая молодежь и собственники семейного бизнеса. Особую значимость приобретают исследования социально-психологических механизмов глобальной, гражданской и территориальной идентификации, формирования эмиграционных установок, готовности к межкультурному взаимодействию. В условиях «текущей современности» особый интерес представляют механизмы социального познания, в частности, конструирования возрастной и гендерной идентичности, восприятия изменений внешнего облика, пожилых людей и процесса старения.

Военные конфликты и социальные катастрофы обостряют актуальность целого ряда проблем в области психологии межгрупповых отношений, в том числе требуют ответа на вопросы о том, какую роль в формировании образа врага играют ресентимент, коллективный нарциссизм, вера в опасный мир и низкая политическая самоэффективность. Отдельного внимания заслуживают социально-психологические механизмы, играющие роль перцептивных защит в условиях кризиса, такие как вера в справедливый мир и оправдание социальной системы.

Под влиянием масштабных исторических изменений особое значение для исследователей в нашей стране и за рубежом приобретают феномены, так или иначе связанные с коллективной субъектностью и все еще мало изученные в социальной психологии: коллективный образ будущего, коллективное совладание, жизнеспособность личности и группы в условиях глобальных рисков. Необходимы дальнейшие исследования для уточнения того, какую роль в этих процессах играет поиск эмоциональной поддержки и проявление благодарности.

В психологии малых и больших социальных групп продолжается аффективная революция, связанная с изучением роли коллективных

переживаний в совместной жизнедеятельности. В этой связи большой интерес представляют исследования, направленные на прояснение механизмов динамики групповых эмоций, их влияния на особенности принятия совместных решений и психологическое благополучие членов группы, в том числе эмоциональное выгорание.

В условиях неопределенности растет востребованность исследований, посвященных факторам самоэффективности и ответственности личности в различных сферах общественной жизни. Эта тенденция находит свое отражение и в экономической психологии, где вновь приобретают актуальность проблемы мотивации предпринимательского поведения, финансовой ответственности, вторичной социализации самозанятых.

Расширение мегаполисов, развитие цифровых технологий ставят целый ряд проблем, связанных с изучением того, как среда жизнедеятельности, всё более искусственная и конструируемая, влияет на субъектность личности и группы: как ненормированный график влияет на временную перспективу, как цифровизация и переход к удаленной работе сказываются на межличностных отношениях в различных профессиональных группах, как музыкальная среда влияет на самоэффективность личности, а домашняя среда — на социальное взаимодействие.

Многие из этих проблем нашли отражение в материалах настоящего раздела. Хочется выразить надежду на то, что направления исследований, намеченные авторами, будут продолжены и дополняют друг друга, соединятся в новую картину современной отечественной социальной психологии. Переломные эпохи, как правило, сопровождаются расцветом наук о человеке. У сообщества российских социальных психологов есть все основания для того, чтобы внести свой уникальный вклад в повышение жизнеспособности нашего общества и человечества в целом, поддерживая богатые традиции и объединяя разные перспективы.

Особенности взаимодействия субъекта со «своими» и «чужими» партнерами по общению в его нарративных «образах мира»

В. Д. Альперович (АПП ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Многие психологи согласны с тем, что современное российское общество находится в ситуации транзитивности, когда строится демократический режим и функционирует рыночная экономика (А. Аянян, Н. А. Голубева, Е. М. Дубовская, Т. Д. Марцинковская). В фокусе внимания остаются исследования феномена «образ мира» личности, выступающего интегратором установок, репрезентаций различных социальных объектов, регулятором поведенческих стратегий. Соответствие «образа мира» условиям неопределенности и быстрой изменчивости социальной ситуации влияет на уровень выраженности субъективного благополучия.

В российской психологии наиболее разработаны деятельностный и психосемантический подходы к структуре и содержанию «образа мира». Данным концепциям соответствуют, например, следующие методики: «Семантический дифференциал», «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман (в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой), «Социальные верования» Дж. Даккита. В «образе мира» воплощаются процессы его осмысления и конструирования в общении субъекта с другими людьми. Поэтому в качестве компонентов «образа мира» в российской психологии также рассматриваются ментальные репрезентации – когнитивные структуры, выражающие концептуальные системы в сознании человека, его систему отношений к себе и другим людям. Ментальные репрезентации носят интерпретационный характер; «образ мира» реализует оценочную, объяснительную функции. Системы ментальных репрезентаций составляют социальные представления, в соответствии с теорией С. Московичи.

Цель нашего теоретического исследования заключалась в определении теоретико-методологических оснований исследования трансформации персонального «образа мира». Предметом исследования выступили когнитивные структуры, обеспечивающие функционирование «образа мира» личности, выраженные в биографических нарративах. Задачи исследования заключались в сравнении концептуальных моделей субъективного «образа мира»; в выявлении особен-

ностей когнитивных структур в нарративах респондентов об их «мире» и взаимодействии со «своими» и «чужими» партнерами по общению. Применены следующие методы: теоретический сравнительный анализ подходов к феномену «образ мира»; анализ результатов авторских эмпирических исследований.

С нашей точки зрения, нарративная психология позволяет изучить динамичность феномена «образ мира» в субъективном восприятии, поскольку нарративы создаются в обыденном общении. Нарратив как последовательность взаимосвязанных событий обеспечивает единство восприятия человеком собственной жизни, фиксирует «обыденные», на основе фреймовых структур, и «нетипичные» для субъекта жизненные ситуации и явления. В настоящий период актуальны исследования субъективного осмысления новой социальной реальности в нарративах, в том числе пандемии COVID-19. Показано, как в биографических нарративах молодежи отражаются новые дискурсивные контексты и социально-экономические практики.

В ситуации транзитивности дискуссионной остается динамика социальных представлений, ментальных репрезентаций и интерпретативных репертуаров восприятия других людей в разных категориях. Выполнен нарративный анализ ситуаций взаимодействия субъектов с партнерами по общению в качестве «своих» и «чужих», «врагов» и «друзей». 140 сотрудников предприятий г. Ростова-на-Дону и студентов Южного федерального университета 25–35 лет составляли рассказы об их «мире». Затем к этим рассказам были применены разработанные нами параметры нарративного анализа и методы математической статистики (В. Д. Альперович). Выявлены четыре типа «образа мира», представленные в нарративах респондентов. В нарративах проинтерпретированы социальные феномены (в том числе взаимодействие со «своими» и «чужими» партнерами), отражаются стереотипизированные и индивидуализированные компоненты опыта общения с «врагами» и «друзьями». Это согласуется с выводами отечественных авторов о том, что «ядерные» структуры социальных представлений обусловлены коллективной памятью и системой ценностей (Ю. И. Александров, Н. Л. Александрова, Н. Е. Харламенкова). Рассказы о значимых жизненных событиях демонстрируют динамику представлений респондентов.

Раскрыта авторская нарративная модель анализа взаимодействия с партнерами по общению в субъективном «образе мира». Возможнос-

ти нарративного анализа представлений субъекта о «своих» и «чужих» людях в его «образе мира» раскрыты на примере наших эмпирических исследований. Уточнены взаимосвязи «образа мира» с фреймами и ментальными репрезентациями в социальном познании.

Трансформации личностных ценностей и характеристик инновативности молодежи во время пандемии

И. В. Атаманова (ФГАОУ ВО НИ ТГУ, Томск), С. А. Богомаз (ФГАОУ ВО НИ ТГУ, Томск), И. А. Филенко (ФГАОУ ВО НИ ТГУ, Томск)

Интенсивное развитие современного мира, его изменчивость и сложность во многом опосредованы технологическими, организационными и социальными инновациями, связанными с дифференциацией социокультурных потребностей. Инновации — это внедрение новых или технологические улучшения существующих продуктов или процессов, которые играют существенную роль в успешном развитии отдельных организаций, регионов, стран. В современной психологии изучению психологических механизмов инновационного поведения уделяется пристальное внимание, поскольку существование барьеров к инновациям отражается на эффективности различных видов деятельности как на личностном, так и на организационном уровнях. В качестве психологических предпосылок к инновациям рассматривают такие характеристики человека, как креативность, оригинальность, вовлеченность, уверенность в себе, автономность, оптимизм, самоэффективность, личностные ценности, готовность к деятельности и др. (И. В. Атаманова, С. А. Богомаз; Н. М. Лебедева, Е. В. Бушина, П. Шмидт, В. А. Федотова, S. J. Dollinger, P. A. Burke, N. W. Gump, E. Purc, M. Laguna, F. Yuan, Woodman и др.).

В данном исследовании мы фокусируем внимание на предикторах инновационного поведения молодежи, ценностных характеристиках личности и особенностях личностной готовности к деятельности (ЛГД) в условиях пандемии. В современных исследованиях показано, что ценность открытости к изменениям позитивно связана с инновативностью (P. Schmidt, N. N. Lebedeva, S. Arieli, O. Tenne-Gazit), а преимущественная ориентация на ценность сохранения снижает ее проявления (С. М. Р. Sousa, F. Coelho, P. Schmidt, N. N. Lebedeva). В связи с этим гипотеза нашего исследования предполагала снижение харак-

теристик инновативности молодежи в период пандемии (2020) по сравнению с допандемийным периодом (2019).

Общая выборка численностью 252 студента вузов г. Томска (средний возраст – $18,6 \pm 0,9$ лет) включала две подвыборки по 126 человек (2019; 2020), которые были уравновешены по полу и возрасту. В исследовании использовались: «Портретный ценностный опросник – Пересмотренный» (Ш. Шварц), «Самооценка инновативных качеств личности» (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко), «Методика личностной готовности к деятельности» (С. А. Богомаз). Обработка данных осуществлялась в программе Statistica 10.0. Поскольку статистические показатели асимметрии и эксцесса по большинству шкал показали отклонение от нормального распределения, для обработки использовались непараметрические методы.

Результаты, полученные при сравнении респондентов обеих групп с использованием критерия Манна–Уитни, показали, что в 2020 г. в сравнении с 2019 г. наблюдается статистически значимое снижение показателей: Планирование с 3,49 до 3,12 ($p < 0,05$), индекса ЛГД с 3,61 до 3,44 ($p < 0,05$), а также повышение показателя Креативности с 3,66 до 3,89 ($p < 0,01$). Индекс инновативности показал незначимое увеличение (с 3,47 до 3,53). Показатели ценности Безопасности демонстрировали статистически незначимый прирост, а ценности Открытости – снижение. Отдельно были проанализированы результаты по группам мужчин и женщин. Для группы женщин 2020 г. в сравнении с группой 2019 г. было характерно снижение показателей: Планирование с 3,56 до 3,11 ($p < 0,01$), индекса ЛГД с 3,66 до 3,44 ($p < 0,05$), а также повышение показателя Креативности с 3,62 до 3,91 ($p < 0,001$). Индекс инновативности незначимо возрастал (с 3,42 до 3,49). Показатель ценности Открытости изменениям демонстрировал статистически незначимое снижение, а показатели ценностей Сохранение и Безопасность – незначимое повышение. При сравнении групп мужчин 2019 г. и 2020 г. никаких значимых изменений в исследуемых показателях не наблюдалось, хотя в 2020 г. фиксировался небольшой рост креативности и индекса инновативности.

На изменение личностных ценностей и характеристик инновативности могут неоднозначно влиять специфика сложных социальных ситуаций (фактор пандемии) и фактор пола, который опосредует восприятие сложных ситуаций. Женщины в ситуации пандемии остро воспринимают происходящее, переживают за здоровье близких и свое здоровье, поэтому для них характерно стремление к повыше-

нию уровня безопасности. Это отражается в росте показателей ценности Безопасности и Сохранения, снижении показателя ценности Открытости к изменениям и показателей Риска и Удовлетворенности жизнью. В качестве личностного ресурса преодоления сложной ситуации женщины используют креативность, стараясь решать новые социальные проблемы, поэтому у них наблюдается значимый рост данного показателя. Мужчины ситуацию пандемии воспринимают как угрозу невысокого уровня, поэтому изменения личностных ресурсов жизненной регуляции у них незначительны.

Отношение к дому современного жителя мегаполиса

В. А. Баранова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Городская среда как объект социально-психологического исследования имеет популярность и устойчивые традиции изучения. Наиболее распространенное направление представлено исследованиями восприятия города: образа города, оценки элементов и мест города и взаимосвязи этих элементов с удовлетворенностью местом жительства, эмоциональных оценок своего жилища, психологического благополучия и самочувствия в целом.

Утверждение, что городская среда должна отвечать интересам и удобству человека, является основополагающим в традиции изучения городского жителя (Д. Джекобс, К. Линч).

Среди факторов, определяющих чувства и оценки людей к своему месту жительства, называется целый комплекс факторов: отношения с соседями, безопасность района (двора, подъезда) проживания, транспортная доступность, близость и удобство социальной инфраструктуры, наличие зеленых природных зон, личностно-индивидуальные качества человека, его жизненные цели (Р. Гиффорд, С. Э. Габидулина, Л. В. Смолова, Д. Кантер и др.).

Понятия «место жительства» (жилище) и «дом» психологически различаются. «Жилище» в основном отражает характеристики, связанные с физическими параметрами, безопасностью, обеспечивающие возможность проживания в данном месте. «Дом» несет более глубокие смыслы архетипа, являясь одновременно феноменом коллективного и личного бессознательного, общества и личности. Феномен привязанности к дому проявляется как часть личности, ее

свойство, структурирующее физическое, социальное и психологическое бытие личности.

Исследование представлений о доме (68 человек) методом описательной феноменологии показало, что ключевыми темами являются: безопасности и заботы («ни одно место в мире мне не кажется таким безопасным», «дом — это место, которое тебя нежно обнимает и заботится о тебе»), эмоционального принятия («атмосфера добра, тепла и уюта», «где мне всегда становится тепло, хорошо и спокойно»); понимания Я (здесь «видят мою душу», «больше, чем где-либо еще, чувствую себя собой»), пристанища, дающего силы «возвращаясь домой, я чувствую счастье и радость, потому что я приезжаю в родное место, мое место», «мне всегда хочется возвращаться в свой дом снова и снова»), семьи («дом — это семья» (В.А. Баранова). В результате применения интерпретативной феноменологии можно выявить обобщающие психологические категории представлений о доме, которые в этом исследовании проявлены чувственными эмоциональными переживаниями и представляют собой некий экзистенциальный ресурс существования личности в мире.

В дипломной работе Е. Насыровой, выполненной под нашим руководством, исследовалась привязанность к дому и психологическое благополучие жителя мегаполиса (г. Москва). Для измерения психологического благополучия использована методика К. Рифф (Т. Шевеленкова, П. Фесенко), для изучения привязанности к дому — методика С. Бочавер, Н. Дмитриева, С. Резниченко. Привязанность исследовалась в двух ракурсах: как функциональность (определяется возможностями среды, которые она предоставляет индивиду), и в плане эмоционального отношения (определяется мерой позитивных или негативных переживаний, связанных с домом).

Корреляционный анализ ответов 86 респондентов — жителей Москвы — установил значимую связь между функциональным типом привязанности к дому и психологическим благополучием (r Спирмена = 0,41). Несмотря на гипотезу о том, что эмоциональный тип привязанности также положительно связан с психологическим благополучием, статистически подтвердить данную связь не удалось. На основании полученных в этом исследовании результатов можно сделать вывод о преобладании у жителя мегаполиса функционального типа привязанности к дому. Именно функционал дома определяет возможные ресурсы для общения, рекреации, обеспечивает личностные границы, регулирует территориальное поведение.

Таким образом, исследование отношения к дому у жителей мегаполиса, выполненные качественным и количественным методами, показывают различные результаты, что ставит задачу более глубокого осмысления проблемы и совершенствования методологической базы исследований элементов социального мира.

Ценностно-мотивационная сфера потенциальных предпринимателей сферы услуг

Е. В. Булатова (ТюмГУ, Тюмень), Ю. С. Мурзина (ТюмГУ, Тюмень)

Развитие малого бизнеса и предпринимательства является одной из главных задач государства, так как субъекты малого бизнеса играют важную роль в накоплении бюджета страны, в обеспечении занятости населения и диверсификации продукции. Малый бизнес создает благоприятные условия для оздоровления экономики в целом (С. О. Чупонов, Ф. Собуров). Государственные программы финансовой поддержки, обучения, льготные налоговые режимы – всё это целенаправленные действия государства по развитию предпринимательства. Но решение об открытии собственного дела принимают лишь единицы, кроме того, частое явление для начинающих предпринимателей – это закрытие своего бизнеса в течение первого года работы.

Выявление особенностей ценностно-мотивационной сферы будущих предпринимателей представляет актуальную научную и практическую проблему. Такие психологические знания помогут в разработке программ для активизации внутриличностных факторов развития предпринимательства, тем самым повысят эффективность поддержки начинающих предпринимателей.

Цель исследования – определить ценности и мотивы потенциальных предпринимателей в сравнении с аналогичными характеристиками реальных предпринимателей.

Ценности предпринимателя представлены в литературе в качестве антецедента, так как они изначально оказывают влияние сначала на склонность к предпринимательству, а в дальнейшем уже управляют поведением и определяют результативность деятельности предпринимателя («сознание определяет бытие»).

На принятие решения об открытии бизнеса оказывают влияние множество факторов, среди которых часто какой-либо один являет-

ся решающим. Наиболее часто к практическим действиям, направленным на создание собственного бизнеса, мешает приступить психологический барьер — совокупность негативных (часто ошибочных) установок, получаемых каждым человеком из новостей по телевидению, из газет и т. д. *Гипотеза*: ценностно-мотивационная сфера потенциальных предпринимателей будет отличаться меньшей ориентацией на достижение цели, в то же время будет преобладать стремление к обучению, самореализации.

Выборка представлена двумя группами: потенциальные предприниматели (ПП) — 20 человек, работающие по найму, планирующие открыть свое дело в течение 1–3 лет; реальные предприниматели (РП) — 20 человек, открывших собственный бизнес более 1 года назад и имеющих стабильный доход. Соотношение по полу — равное, возраст испытуемых — 25–45 лет. Методическая база: методика Ю. М. Орлова «Потребность в достижении цели»; опросник И. Г. Сенина «ОТеЦ-2»; Методика системной диагностики мотивационно-ценностной сферы личности «М-тест» Б. Н. Рыжова. Обработка результатов осуществлялась в программе Statistica 10.0, для сравнения двух независимых групп использовался критерий Манна–Уитни.

Результаты

Сравнение данных по методике «Потребность в достижении» показало, что эта потребность статистически ниже в группе ПП ($p=0,008$). Анализ данных по методике «ОТеЦ-2» выявил статистически достоверные различия между группами ПП и РП по трем сферам: профессиональная ($p=0,033$), семейная жизнь ($p=0,028$) общественная жизнь ($p=0,019$), при этом показатели РП значимо выше. Следовательно, РП считают профессиональную деятельность главным содержанием своей жизни и готовы тратить на работу большую часть времени. Высокая ценность семьи также присуща РП. Но больше всего отличает ПП и РП активность в общественно-политической жизни региона. РП проявляют ярче гражданскую позицию и включенность в решение общественных проблем. По терминальным ценностям статистически достоверные различия были зафиксированы только по ценности «сохранение собственной индивидуальности» ($p=0,003$). Из этого следует, что РП более стремятся к независимости от других людей в сравнении с ПП.

Анализ данных по методике «М-тест» показал, что значимы различия ($p=0,00$) по таким типам мотивации, как витальность, познание,

репродукция, самореализация, альтруизм, сохранение Я. При этом, судя по сумме рангов, уклон по типам мотивации «витальность», «познание», «самореализация» происходит в пользу ПП, а «репродукция», «альтруизм» и «сохранение Я» – в пользу РП.

Выводы

У ПП более низкий уровень потребности в достижении цели, их ценностно-мотивационная сфера направлена на познание, самореализацию, они значительно меньше по сравнению с РП проявляют общественно-политическую активность, для них менее значима профессиональная и семейная сферы жизни. Учитывая важность витальной мотивации, можно предположить, что решение об открытии собственного дела является скорее вынужденным. Для РП характерен высокий уровень потребности в достижении, независимости, продуктивности и альтруизма.

Полученные выводы можно использовать в создании тренинговых программ для ПП с целью развития ценностно-мотивационной сферы личности, актуализации таких ценностей, как продуктивность, независимость, альтруизм и т. д.

Резильентность как фактор адаптации у представителей разных культур (на примере студентов-иностранцев)

Ф. И. Валиева (СПбПУ Петра Великого, Санкт-Петербург)

Резильентность для человека особенно важна в периоды сложных социальных перемен, экономических и иных преобразований. Исследование данного феномена представляется особо важными в периоды активного становления человека, его индивидуального проявления. Одним из таких периодов является время, когда идет интенсивное обучение в вузе. Через образование резильентность студента начинает укрепляться за счет возникающих смыслов, формирующихся ценностей, которые являются базой для поддержания собственной устойчивости в мире.

Резильентность человека на протяжении всей жизни вытекает из следующих ключевых элементов:

- личностных характеристик и связанного с ними формирования смысла как ключевых преимуществ;

- интерактивного процесса, в ходе которого человек имеет возможность взаимодействовать с другими людьми в качестве реляционных ресурсов (родители, ровесники и др.), а также доступ к контекстным ресурсам;
- возникающей в результате этого способности успешно преодолевать невзгоды, проблемы или риски, с тем чтобы достичь и поддерживать положительное, устойчивое состояние (А. Мастен, М. Ангр, Л. Либенберг, А. В. Махнач и др.).

Культурные и социальные предпосылки и контекст, в котором люди оказываются, влияет на то, какие переживания считаются травмирующими или стрессовыми для них. Руководствуясь данным утверждением, автором была предпринята попытка выявить, насколько у представителей различных культур успешная адаптация связана с резильентностью и какие составляющие феномена устойчивости являются у них основополагающими.

Основной целью исследования было выявить факторы, влияющие на студентов-иностранцев в первые месяцы адаптации к новой академической среде. Экспериментальная выборка включала 3 группы студентов, приехавших из Китая, арабских стран и республик постсоветского пространства (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан). В общей сложности было опрошено около 160 человек, самую многочисленную группу составили китайские студенты. В качестве исследовательского инструментария были взяты шкала и опросники по выявлению культурного шока, резильентности, лингвистической тревожности. Полученные данные обрабатывались с помощью программы IBM SPSS Statistics v. 24.

Одним из самых значимых факторов успешной адаптации студентов-иностранцев, как показало исследование, является резильентность, включая социальную, эмоциональную, когнитивную, виды гибкости, успешную самоидентификацию в семье и в социуме. Корреляционный анализ выявил, что устойчивость, включающая эмоциональную гибкость, положительно коррелирует с социетальной идентификацией (0,676) и экологической резильентностью (0,553). Способность личности использовать свои внутренние переживания продуктивным способом взаимосвязана с ее самоопределением в процессе биологического и социального взросления, а также в процессе адаптации в социуме и социализации.

В свою очередь успешная социетальная идентификация положительно взаимосвязана с самооценкой (0,606), так как состояние личной

самотождественности индивида определяется уровнем его самооценки, а экологическая резильентность коррелирует с показателем боязни коммуникации. Закрывающиеся в экологической резильентности такие личностные характеристики, как состоятельность и самостоятельность, также играют немалую роль. От них напрямую зависят показатели социальной тревоги, заключающиеся в страхе коммуникации, особенно на изучаемом языке.

Факторный анализ, проведенный на основе результатов опроса студентов-иностранцев, обучающихся в Российской Федерации, еще раз доказал, что резильентность является одним из базовых показателей, обеспечивающих успешную адаптацию к иноязычной образовательной среде. Ярче всего составляющие резильентности проявились при анализе полученных данных китайской выборки. Так, генерализированный показатель успешности вошел во второй фактор с самым высоким весом (0,774), сюда же попала положительная идентификация в рамках семьи (0,608). В третий и четвертый факторы попали успешная социетальная идентификация, эмоциональная (0,862) и социальная (0,898) гибкость, а также социальная поддержка (0,900) и система ценностей. Несколько иные результаты факторного анализа были получены на основе выборки студентов из республик постсоветского пространства: во второй фактор вошли социальная гибкость (0,913) и социальная поддержка (0,886); в третий фактор попала социетальная идентификация (0,960). Положительная идентификация в семье оказалась во втором факторе с высоким, но отрицательным значением (-0,648). Обработка данных опроса арабских студентов не выявила валидных результатов.

Таким образом, можно констатировать, что для определенных групп студентов, в нашем случае китайских студентов, резильентность может быть демаркационным показателем. Для представителей данной культуры успешная идентификация в семье и социуме, а также система ценностей являются основополагающими при выстраивании адаптивных стратегий.

Музыкальные предпочтения и самооффективность представителей различных возрастных групп

А. В. Воронцова (МБОУ «Школа № 60», Ростов-на-Дону),

Т. А. Воронцова (ЮФУ, Ростов-на-Дону),

О. В. Денисова (МБОУ «Школа № 60», Ростов-на-Дону)

Музыка, ритм, танец сопровождают человека с момента возникновения человека (В. В. Ромм). В современную эпоху музыка превратилась в вид искусства, а также она включена во все сферы жизни человека: работу, досуг, сферу общения и развлечения. Доказано ее влияние на творческую деятельность (Л. А. Дикая), познавательные способности и высшие психические функции (Ю. В. Захарова, О. Н. Дувалина), на эмоциональную сферу личности (D. Kent, N. Guéguen, C. Jacob, L. Lamu). Наше исследование посвящено изучению музыкальных предпочтений людей разных возрастных групп и их связи с самооффективностью личности.

Цель исследования: выявление влияния музыки на людей разных возрастных групп и ее связи с самооффективностью личности. Гипотезами исследования выступили следующие предположения: 1) музыкальные предпочтения, самооффективность, самооценка влияния музыки на эмоциональную сферу и работоспособность у людей, принадлежащих к различным возрастным группам, возможно, будут различаться; 2) самооффективность людей, различающихся интенсивностью включения музыки в повседневную жизнь, может различаться: более самооффективными, вероятно, являются те люди, которые часто слушают музыку, в отличие от тех, кто ее не слушает или слушает редко. Эмпирические задачи исследования: 1) провести анализ музыкальных предпочтений, влияния музыки на эмоциональную сферу и работоспособность людей различных возрастных групп; 2) провести сравнительный анализ выраженности самооффективности, оценки влияния музыки на эмоциональную сферу, работоспособность у людей различных возрастных групп; 3) провести сравнительный анализ самооффективности людей, различающихся интенсивностью включения музыки в повседневную жизнь.

Эмпирическим объектом исследования выступили 126 респондентов в возрасте от 12 до 67 лет – учащиеся школ Ростова-на-Дону, студенты вузов, работающие взрослые и пенсионеры (подгруппы «школьники», «молодежь», «взрослые»).

Методы: специально разработанная анкета «Исследование психологического влияния музыки на человека» и Тест общей самооценочности Р. Шварцера и М. Ерусалема.

Результаты исследования

1. 51,6% респондентов слушают музыку каждый день, 17,5% – даже несколько раз в день.
2. Большинство опрошенных (более 50%) музыка «вдохновляет», «помогает расслабиться» и «является фоном для различных видов деятельности».
3. Рейтинг наиболее предпочитаемых музыкальных жанров следующий: 1-е место – поп-музыка (68,3%); 2-е место – классическая музыка (53%); 3 место – рок-музыка (46%); 4-е место – рэп/хип-хоп (45,2%); 5-е место – ретро/электронная, клубная музыка (34,9%).

Структура музыкальных предпочтений различных возрастных групп практически не отличается, за исключением пятого места: школьники и молодежь слушают электронную, а взрослые – ретро-музыку.

4. У большинства опрошенных есть много любимых песен (65,9%), а у 33,3% нет любимых песен.
5. В песнях для большинства опрошенных важен и текст, и музыка (70,6%), для 24,6% важна исключительно музыка.
6. Большинство респондентов (77%) танцуют, слушая музыку в одиночестве, 23% – не танцуют.
7. Большинство опрошенных высоко оценивают влияние музыки на свое эмоциональное состояние и работоспособность.

Для проверки первой гипотезы мы применили критерий Крускала – Уоллиса, позволяющий выявлять значимые различия данных нескольких независимых выборок. Нами не обнаружено значимых различий влияния музыки на эмоциональную сферу и работоспособность в группах «Школьники», «Молодежь», «Взрослые». Это означает, что выделенные выше тенденции характерны для всех возрастных групп.

При этом самооценочность значимо различается у изучаемых возрастных групп: она имеет достаточно высокий уровень в группе «Школьники», далее растет в группе «Молодежь» и снижается ниже уровня 30 баллов в группе «Взрослые».

Для доказательства второй гипотезы мы разделили всю выборку на 2 подгруппы по критерию «интенсивность включения музыки в повседневную жизнь». В первую подгруппу вошли те респонденты, которые слушали музыку каждый день, несколько раз в день или через день. Таких в общей выборке оказалось 89 человек. Во вторую подгруппу вошли 37 человек, которые слушают музыку редко/по настроению/не слушают музыку вообще. Далее был проведен сравнительный анализ самоэффективности в этих группах по критерию Манна–Уитни. Обнаружены значимые различия самоэффективности людей, различающихся по интенсивности включения музыки в повседневную жизнь: люди, которые часто слушают музыку, имеют более высокую самоэффективность, а, следовательно, являются более успешными и продуктивными.

Заключение

Первая гипотеза исследования доказана частично, вторая гипотеза доказана полностью. Полученные результаты позволяют рассматривать музыку как своеобразную копинг-стратегию, помогающую человеку справляться с различными жизненными трудностями, и рекомендовать включение музыки в повседневную жизнь тем людям, которые имеют низкую социальную успешность и самоэффективность.

Механизмы «сравнения» и «оценки» при конструировании воспринимаемого возраста мужчин и женщин-ровесников*

Т. А. Воронцова (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Актуальность исследования определяется тем, что при восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников может быть актуализирован целый комплекс проблем, связанных с гендерной и возрастной дискриминацией. Также проблема изучения гендерных аспектов восприятия возраста имеет фундаментальный характер, так как относится к проблеме социального познания, отправной точкой которого в данном случае является внешний облик человека, предоставляющий информацию о его возрасте. Воспринимаемый возраст («perceived age»)

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-01763.

представляет собой «результат социального восприятия одного человека другим» (Т.А. Шкурко, Е. Г. Николаева), «возраст, приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» (Т.А. Шкурко, В.А. Лабунская).

Анализ современных отечественных и зарубежных исследований показывает:

- 1) в современных исследованиях при изучении гендерного фактора конструирования возраста человека ученые анализируют переменные (как правило, пол и возраст), относящиеся как к объекту восприятия, так и к субъекту восприятия, что соответствует методологии отечественной психологии социального познания (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев), социальной психологии внешнего облика (В.А. Лабунская), коммуникативного подхода к исследованию когнитивных процессов в общении (В.А. Барабанщиков);
- 2) в исследованиях гендерных аспектов социального восприятия активно используются фотовизуальные технологии;
- 3) изучены гендерные различия в старении лица, вклад компонентов лица в воспринимаемый возраст на китайских, корейских и французских выборках. Исследований, в которых анализировались бы гендерные факторы в сочетании с возрастными в процессе конструирования воспринимаемого возраста на российских выборках нами не обнаружено; отсутствуют работы, в которых исследователи обращаются к анализу всех компонентов внешнего облика и их вклада в воспринимаемый возраст; нет данных относительно того, какие механизмы социального познания задействованы при конструировании воспринимаемого возраста незнакомого человека.

Целью нашего исследования стало изучение особенностей конструирования воспринимаемого возраста при восприятии возраста мужчин и женщин-ровесников. Основным методом исследования выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой (Т.А. Шкурко). Из комплекта фотографий № 1 были отобраны портретные и ростовые фотографии трех женщин и трех мужчин, возраст которых в парах женщина/мужчина примерно одинаков, при этом пары относятся к различным возрастным группам. Были использованы два способа определения воспринимаемого возраста: сравнение и оценка. «Сравнение» заключалось в сравнении респондента-

ми фотоизображений мужчин и женщин – ровесников (фотографии мужчины и женщины экспонировались одновременно, в одном акте восприятия), результатом чего выступало заключение «оценщика», есть ли различие в их возрасте. «Оценка» заключалась в экспонировании фотографий «моделей» в случайном порядке, причем одновременно «оценщик» видел только одну фотографию «модели». Относительно каждой фотографии респондентам был задан один вопрос: «Сколько лет человеку на фотографии?». В целом выбор способов определения воспринимаемого возраста базировался на понимании оценки объекта восприятия и его сравнения с другими социальными объектами как основных механизмов социального восприятия и познания. Для того чтобы избежать влияния способа предъявления фотографий на приписывание возраста «моделям», а также выяснить, влияет ли способ актуализации процессов конструирования возраста незнакомого человека у субъекта восприятия на результирующую его восприятия (в качестве которой выступает в первом случае решение о том, кто старше в паре или возраст одинаков, а во втором случае конкретная оценка возраста), первый и второй способ оценки возраста «моделей» был реализован на разных выборках. В исследовании в качестве субъектов восприятия на разных этапах исследования приняли участие 215 человек.

Результаты

В исследовании обнаружена гендерная асимметрия при сравнении воспринимаемого возраста мужчин и женщин – ровесников: молодая женщина воспринимается другими людьми старше мужчины аналогичного возраста, а зрелая женщина – моложе мужчины аналогичного возраста, при этом чем старше воспринимаемые мужчина и женщина – ровесники, тем эта тенденция значительнее. Актуализация исследователем различных механизмов конструирования возраста (сравнение, оценка) дают сходные результаты. Полученные результаты обсуждаются в контексте современной психологии социального познания, социальной психологии внешнего облика, проблем старения.

Соотношение хронологического, субъективного, воспринимаемого возраста, желаемой продолжительности жизни у взрослых в возрасте 50–59 лет*

*Т. А. Воронцова (ЮФУ, Ростов-на-Дону),
А. Г. Артамонова (ЮФУ, Ростов-на-Дону)*

В настоящее время в связи со значительным увеличением средней продолжительности жизни и пенсионного возраста возникает потребность в новых возрастных классификациях, которые бы выделяли возраст 50–59 лет. Этот возраст рассматривается учеными как «промежуточный период, когда человеку уже перевалило за 50, он уже не молод, но еще не стар, и его по-прежнему переполняют желания» (П. Брюкнер), как «новая возрастная категория», находящаяся между зрелыми и пожилыми людьми. Пятидесятилетние находятся в хорошей физической форме, имеют высокий уровень дохода, и, благодаря большому временному интервалу, который разделяет их возраст и предполагаемый возраст дряхления и смерти, имеют возможность изменить свою жизнь: работу, партнера, даже родить или усыновить ребенка. Эти дополнительные годы диктуют полный пересмотр всех оснований человеческой жизни, в том числе и отношение к своему внешнему облику, который на этом жизненном этапе претерпевает определенные возрастные изменения, но в силу активной социальной востребованности людей этого возраста не теряет своей «инвестиционной силы» (В. А. Лабунская). «Воспринимаемый возраст» (Т. А. Воронцова, В. А. Лабунская) в данном контексте как соединение в акте социального познания воспринимаемого и воспринимающего человека является индикатором активности, жизненной перспективы, жизненного потенциала и даже сексуальности воспринимаемого человека в глазах воспринимающего. Возникает термин «спасенные годы» (A. J. Zimm), которые представляют собой разницу между хронологическим и воспринимаемым возрастом. Это интервал, который отделяет человека от его реального возраста, возрастной отрезок, на который он выглядит моложе своего возраста, и, соответственно, может претендовать на привилегии и возможности предыдущего возрастного этапа.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-01763.

В рамках большого исследования, одной из задач которого является выявление соотношения хронологического, субъективно-го и воспринимаемого возраста у различных групп населения, дифференцированных по полу, возрасту, семейному статусу, профессии, проанализируем данные, полученные по выборке респондентов в возрасте 50–59 лет. На этом этапе исследования были опрошены 276 респондентов: 145 женщин и 131 мужчина, жители различных регионов Российской Федерации, средний возраст – 53,74 года. Для решения поставленной задачи была использована анкета «Самооценка возраста» Т. А. Воронцовой, которая позволила зафиксировать хронологический возраст (ХВ), субъективный возраст (СВ) (ответ на вопрос – «на сколько лет вы себя ощущаете»), самооценку воспринимаемого возраста (СВВ) (ответ на вопрос «на сколько лет, как вы считаете, вы выглядите»), желаемый воспринимаемый возраст (ЖВВ) (ответ на вопрос – «на сколько лет хотели бы выглядеть»), оценки возраста другими людьми (ОВВ) (ответ на вопрос – «на сколько лет, по мнению других людей, вы выглядите»), желаемую продолжительность жизни (ответ на вопрос – «до какого возраста планируете прожить?»). Для оценки собственно воспринимаемого возраста участников исследования они были сфотографированы (портрет/полный рост), фотографии были предъявлены другим людям (от 20 до 40 «оценщиков» в разных сериях предъявлений фотографий для оценки возраста), в соответствии с процедурой «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т. А. Воронцовой. Также была использована анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В. А. Лабунской и Е. В. Капитановой.

Далее нами была подсчитана разница между хронологическим и другими видами возраста, которая отражает, на сколько лет участники исследования чувствуют себя ($M = 10,56$ лет); считают, что выглядят ($M = 5,12$); хотят выглядеть ($M = 11,69$), сообщают о том, что другие люди считают их выглядящими ($M = 5,72$) и реально выглядят ($M = 1,14$) моложе или старше своих лет. Планируемая продолжительность жизни участников исследования колебалась от 60 до 120 лет ($M = 88,14$). Были получены также ответы «вечно», «пережил на 12 лет», а также цифры, выходящие за максимально зафиксированную продолжительность жизни человека (ответы 140, 200, 300 лет), эти данные не учтены при подсчете среднего значения. Разница между планируемой продолжительностью жизни и хронологическим возрастом (жизненная перспектива) составляла от 10 до 64 лет ($M = 34,38$).

Сравнение данных, полученных по женской и мужской подвыборкам по критерию Манна–Уитни, выявило значимые различия показателей ХВ-СВ (ср. ранг 1 гр. = 148,17; ср. ранг 2 гр. = 126,54; $Z = -2,266$, $p = 0,023$); ХВ-ЖВВ (ср. ранг 1 гр. = 148,71; ср. ранг 2 гр. = 126,05; $Z = -2,363$, $p = 0,018$); ХВ-ОВВ (ср. ранг 1 гр. = 150,15; ср. ранг 2 гр. = 119,95; $Z = -3,176$, $p = 0,001$); ХВ-ВВ (ср. ранг 1 гр. = 121,82; ср. ранг 2 гр. = 88,81; $Z = -3,847$, $p = 0,000$); обеспокоенность своим внешним обликом (ср. ранг 1 гр. = 147,27; ср. ранг 2 гр. = 122,64; $Z = -2,591$, $p = 0,010$); стремление к совершенствованию внешнего облика (ср. ранг 1 гр. = 147,05; ср. ранг 2 гр. = 122,87; $Z = -2,549$, $p = 0,011$); по показателям ХВ-СВВ, планируемой продолжительности жизни и удовлетворенности своим внешним обликом различий не обнаружено.

Особенности принятия совместных решений в группах с разным социально-психологическим климатом

К. М. Гайдар (ВГУ, Воронеж)

Современные условия жизни людей, глобальные вызовы и риски, с которыми сталкивается человек в самых различных сферах, повышают роль совместного принятия решений, которые нередко оказываются более эффективными, чем решения индивидуальные. Проблематика групповых решений давно уже стала традиционной как для отечественной, так и зарубежной социальной психологии. Тем не менее, и сегодня в ней есть вопросы, требующие дальнейшего уточнения в целях расширения научных представлений о психологии группы как коллективном субъекте принятия решений и выработки на этой основе практических рекомендаций по сопровождению и совершенствованию практики совместного принятия решений различными группами. Одним из таких вопросов является вопрос об особенностях принятия совместных решений группами с разным социально-психологическим климатом.

Предварительное изучение специальной литературы по тематике принятия групповых решений привело нас к заключению о том, что в процессе принятия совместных решений малой группой ярко проявляется ее субъектная природа как особого рода социальной системы. Под особенностями принятия совместных решений мы по-

нимаем скорость, согласованность, качество, удовлетворенность, активность поиска оптимального варианта.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что в группах с благоприятным социально-психологическим климатом такие особенности принятия групповых решений, как скорость, согласованность, качество, удовлетворенность, активность поиска оптимального варианта выражены ярче по сравнению с группами, имеющими неблагоприятный социально-психологический климат. Для ее проверки было проведено эмпирическое исследование, базой которого выступили шесть образовательных и производственных организаций г. Воронежа, в которых обследовались их подразделения (кафедры, научные лаборатории, отделы, бригады). Общий объем выборки составил 35 малых групп (487 человек).

В исследовании использовался следующий методический блок:

- 1) методика оценки уровня психологического климата коллектива (А. Н. Лутошкин), позволяющая определить уровни благоприятности или неблагоприятности социально-психологического климата коллектива;
- 2) интерактивный метод, представленный групповым решением ряда предлагаемых группам кейсов с учетом их профильной специфики;
- 3) методика наблюдения Р. Бейлза, позволяющая выявить особенности принятия совместных решений в процессе взаимодействия членов малой группы;
- 4) тест-опросник «Интегральная удовлетворенность процессом принятия группового решения» (разработан на основе опросника удовлетворенности трудом А. В. Батаршева) с целью изучить степень удовлетворенности процессом принятия совместного решения в группе.

По уровню благоприятности/неблагоприятности социально-психологического климата удалось выделить четыре типа групп: с высокоблагоприятным, здоровым климатом (8 групп, или 22,9% от выборки); с достаточно благоприятным, но неустойчивым климатом (13 групп, или 37,1% от выборки); со средне благоприятным климатом (7 групп, или 20,0% от выборки); с неблагоприятным климатом (7 групп, или 20,0% от выборки). Сравнение этих типов групп по особенностям принятия совместных решений (с использованием t-критерия Стьюдента) позволило выявить определенные статистически значимые на уровне $\alpha \leq 0,01$ различия:

- у групп с благоприятным, здоровым социально-психологическим климатом особенностями принятия совместного решения являются высокий уровень согласованности мнений, высокая активность поиска оптимального решения и скорость принятия решения на всех стадиях дискуссии, что обеспечивает высокое качество принятого решения и полную удовлетворенность процессом его выработки;
- группы с достаточно благоприятным, но неустойчивым климатом, а также группы со среднеблагоприятным климатом отличаются такими особенностями принятия совместного решения, как средний уровень согласованности мнений в процессе дискуссии, достаточно высокая активность поиска оптимального варианта и скорость принятия решения, но эти особенности выражены менее, чем у групп с высокоблагоприятным, здоровым психологическим климатом. В итоге у этих двух типов групп наблюдается среднее качество принятого совместного решения и умеренная удовлетворенность процессом его выработки;
- группы с неблагоприятным климатом имеют следующие особенности принятия совместного решения: низкий уровень согласованности мнений, низкая активность в поиске оптимального варианта, скорость и качество принятия решений, слабая удовлетворенность процессом его выработки.

Таким образом, гипотеза исследования нашла свое эмпирическое подтверждение. Предметом дальнейшего исследования могут стать такие вопросы, как динамика особенностей принятия совместных решений в группах с разным социально-психологическим климатом; особенности принятия совместного решения в спортивных командах и творческих коллективах.

Поиск эмоциональной поддержки как способ совладания горожан в период второй волны распространения COVID-19*

М. М. Дробышева (ГБУ «Система 112», Москва)

Ситуация, связанная с заболеванием COVID-19 негативно отразилась на разных сторонах жизни россиян (М. А. Падун, Н. В. Пизова

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00461.

и др.), снизив уровень психологического благополучия (А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова и др.), изменив характер коммуникационных связей населения (М. М. Дробышева и др.). Однако интерес исследователей к изучению психологических эффектов заболевания по мере его распространения снизился. В то время как выявление последствий заболевания в разные периоды его распространения имеет прогностическое значение для понимания динамики социально-психологических ресурсов населения в совладании с ним.

Целью настоящего исследования является анализ динамики коммуникативной активности пользователей социальной сети «Яндекс. Район» в период первой и второй волны ограничений (весна—осень 2020 г.). Предположили (гипотеза), что частичные ограничения после 2,5 месяцев послаблений (после полного локдауна весной 2020 г.) будут способствовать росту эмоциональных переживаний пользователей социальной сети как способа совладания с ситуацией распространения заболевания.

Объект исследования: коммуникации пользователей социального сервиса, проживающих Северо-Восточном АО г. Москвы (Останкинский район), представленные в виде постов на платформе «Яндекс.Район».

Предмет исследования — динамика коммуникаций сетевого общества в период ограничений второй волны коронавируса. Метод исследования: тематический контент-анализ постов (высказываний) участников социального сервиса «Яндекс.Район», проживающих в одном из районов Москвы. Выбор конкретного района определялся резким ростом количества эмоционально-негативных сообщений жителей этих районов осенью 2020 г. по сравнению с весной 2020 г.

Результаты исследования

Тематический анализ постов жителей района весной 2020 г. показал, что в первые недели введения локдауна поиск ими эмоциональной поддержки среди соседей оказался менее значим (23% от общего числа постов), чем обмен информацией о распространении коронавируса (42%) и обращение к соседям с поддержкой и предложениями по улучшению жизни в районе (28%). Эмоционально-негативные сообщения весной 2020 г. касались проблем вынужденной изоляции («не заказывайте ничего в этих магазинах», «вся не да не вся Москва на „самоизоляции“»), обсуждения правил локдауна и причин развития болезни («большое спасибо вам за отдых на Бали», «что за бред, уголовная от-

ветственность, если кто-то заразился от тебя») и закрытия парковых зон («Ботсад закрыт, это кому же в голову такое пришло?» и т. д.). Особенностью данного района города является невысокая плотность его населения при наличии больших территорий и зеленых парков (Ботанический сад и ВДНХ). На предыдущем этапе исследования было выявлено, что наличие в районах зеленых зон и возможность их посещения в период жесткого локдауна (прогулки с собачками) снижает количество и степень выраженности эмоционально-негативных высказываний жителей. Однако к началу второй волны коронавируса осенью 2020 г. (частичный локдаун) количество постов в категории «Поиск эмоциональной поддержки» существенно возросло (от 23% весной до 51% осенью). В то время как количество постов в категории «Обмен информацией» (от 42% до 31%) и «Поиск единомышленников» (от 28% до 17%) снизилось. Анализ тематики «эмоциональных постов» выявил высокий уровень раздражения населения, связанный с актуальными проблемами района («верните пешеходный переход», «безобразии в подземном переходе» и т. п.), ограничениями из-за пандемии («что-то весной на экономику ничего не повлияло, когда вводили карантин!», «люди мрут, а мы об экономике думаем» и т. п.), общим раздражением на соседей и ЖКХ, а также негативными комментариями, связанными с жизнью в стране («все 20 лет, правительство много чего обещает, но редко делает!», «честно говоря, мы сейчас выживаем» и т. п.). По всей видимости, в период второй волны пандемии состояние психической напряженности стало более устойчивым, несмотря на послабления в ограничениях. Нормализации (привыкания) к пандемии не произошло, что согласуется с данными других авторов. Переход от частных проблем к проблемам района, города, страны, поиск «виноватых» среди соседей, других горожан и власти указывает на осознание жителями района невозможности управлять своей жизнью. В таком случае рациональные способы совладания (обмен информацией, активные действия) сменяются эмоциональными, снижающими уровень психического напряжения в связи с накопленной усталостью от ограничений.

Экономическая социализация фрилансеров в новых геополитических условиях*

Т. В. Дробышева (ИП РАН, Москва), В. М. Касьянов (ИП РАН, Москва)

Новая геополитическая обстановка в мире и особое положение России в структуре мировой экономической системы, ее изолированность спровоцировали ситуацию, вследствие которой резко возросла значимость человеческих ресурсов в развитии российской экономики. В таких условиях личность (группа) как субъект экономических отношений (экономический субъект) становится ключевой фигурой в поисках выхода из ситуации нарастающей неопределенности, непредсказуемости в экономическом развитии российского общества, направляя свои социальные и психологические ресурсы на ее преодоление. Определяя роль экономического субъекта (личности и группы) как «локомотива» социально-экономического развития общества, мы тем самым акцентируем внимание на проблеме изучения процессов его экономической социализации, экономико-психологической адаптации в условиях экономической изоляции. Экономическая социализация (ЭС) понимается нами как процесс и результат включенности личности (группы) в систему экономических отношений общества посредством присвоения экономической культуры, опыта и последующей его реализации в экономическом поведении и экономической деятельности. Длительный период времени все исследования в этой области экономической психологии ограничивались процессами первичной ЭС, раскрывающими понимание детьми и подростками экономических явлений и объектов (И. В. Ермакова, Т. Ю. Миронова, М. Egan, С. Roland-Levy, J. Serido и др.). В последние годы исследователи обратили внимание на проблемы вторичной ЭС, ЭС людей позднего возраста, ЭС безработных и пенсионеров (Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, А. А. Тараданов и др.). В условиях вторичной ЭС традиционно изучаются проблемы экономико-психологической адаптации представителей разных социальных групп (возрастные, с разным видом деятельности, разной занятостью и т. п.) как эффекты экономических трансформаций в обществе. Проблемы ЭС фрилансеров ранее не рассматривались в этом контексте. В то время как данная категория работающих взрослых как социальная группа в новой экономии

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2021-0010.

ческой реальности испытывает большие трудности в решении своей ключевой задачи – материального и финансового самообеспечения и обеспечения своей семьи, чем работники, защищенные государством. Фрилансеры (юридическая форма – самозанятые) представляют собой независимых профессионалов, не состоящих в штате организаций и самостоятельно предоставляющих услуги различным заказчикам. Большинство из них работает удаленно от основного места работы. Их переход к данной форме занятости исследователи связывают с: особенностями профессиональной деятельности (специалисты ИТ-технологий, работники творческих специальностей, консультанты и т. п.), с мировоззренческой позицией, сложившейся жизненной ситуацией, с предпочитаемым стилем жизни и т. п., которые и определяют сознательное принятие фрилансерами таких условий труда (В. Е. Гимпельсон, М. И. Гурова, Д. О. Стребков, А. В. Шевчук и др.). В период пандемии их число существенно возросло. Однако российские фрилансеры не имеют официального статуса работников. В отличие от них зарубежные фрилансеры платят налоги, получают государственную поддержку в виде профессиональной переподготовки, и т. п. (A. Born, J. Ferguson, A. Witteloostuijn и др.). Более того, за рубежом видят во фрилансе своеобразную форму малого бизнеса (J. Kitching, D. Smallbone и др.), считая, самозанятых «человеческим капиталом» развития экономики в стране. По мнению исследователей, не все фрилансеры готовы к тому, чтобы начать свой бизнес. Многие из них продолжают работать как наемные работники или возвращаются к прежней форме трудовых отношений. В связи с этим на первый план выступает проблема перехода фрилансеров как носителей нестандартной формы занятости к предпринимательской деятельности. Данная стратегия экономического поведения рассматривается специалистами как продуктивный коупинг и как условие саморазвития экономического субъекта и экономического развития страны (T. Tyszka и др.). По нашему мнению, такой взгляд вполне оправдан. В таком случае психологическая готовность представителей самозанятых к предпринимательской деятельности воспринимается как перспективное направление работы в области вторичной экономической социализации. Несмотря на многолетние исследования данного феномена в зарубежной и в отечественной экономической психологии (V. Brandstaetter, F. Wärneryd, Д. А. Китова, В. П. Позняков и др.), вопросы изучения структуры и предикторов психологической готовности перехода фрилансеров обладают несомненной научной новизной

и актуальностью. Перспективность данного направления исследований выражена в его прикладном характере и практической значимости результатов исследования.

Факторы состояния тревоги у лиц предпенсионного возраста: восприятие будущего

*Т. П. Емельянова (ИП РАН, Москва),
М. А. Гагарина (Финансовый университет, Москва),
Е. Н. Викентьева (Финансовый университет, Москва)*

Приближение пенсионного возраста обостряет переживания, обращенные в будущее, что оказывает значительное воздействие на психологическое состояние человека. Люди предпенсионного возраста в современном мире являются активными субъектами трудовых отношений, в большинстве своем обладающими опытом и профессиональными знаниями, включенностью в соответствующие социальные отношения, но при этом испытывают на себе влияние эйджизма (В. В. Колосова), проявляющегося в том, что найти работу в этом возрасте становится труднее (И. В. Садкова, О. В. Панькова, А. Забелина и др.). Кроме того, приближение периода выхода на пенсию провоцирует нарастание озабоченности грядущим изменением образа жизни и финансовой тревожности (Т. П. Емельянова, Е. Н. Викентьева).

В исследовании ставилась цель изучить характер связи между параметрами восприятия будущего и реактивным состоянием тревоги и депрессии, а также выявить предикторы психоэмоционального состояния в исследуемой возрастной группе.

Выборка

В исследовании приняли участие 1310 человек, проживающих в городах шести федеральных округов России. Основная группа (группа 1) – 608 чел., 45–53 лет, (36,2% – женщины, 63,8% – мужчины). Группа сравнения (группа 2) – 702 чел. 38–44 лет, (47,3% – женщины, 52,7% – мужчины). Трудовая занятость в обеих группах более 85%.

Методы исследования

Долгосрочная ориентация личности Т. А. Нестика; методика учета будущих последствий А. Стратмена (CFC-14 – Consideration of Future

Consequences Scale) в адаптации Т. А. Нестика, короткая версия; краткая версия стэнфордского опросника временной перспективы Ф. Зимбардо, адаптированная русскоязычная версия, ZTPI-S; краткая версия «Опросника оценки здоровья пациента» (PHQ – Patient Health Questionnaire) PHQ-4 в адаптации Н. В. Погосовой с соавт. С помощью анкетирования выявлялись социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, образовательный статус, профессиональный статус). Полученные данные подвергались статистической обработке с использованием пакетов прикладных программ SPSS v. 23.0.

Анализ значимых различий с применением t-теста Стьюдента и дескриптивной статистики тестовых параметров показал следующие тенденции. В группе 1 (предпенсионеры) показатели по шкалам «Оптимизм в отношении долгосрочного будущего» (аффективный компонент долгосрочной ориентации) – $T=2,25$, $p=0,025$; «Вера в вознаграждение долгосрочных усилий» (когнитивный компонент долгосрочной ориентации) – $T=2,45$, $p=0,015$ и «Долгосрочное целеполагание и планирование» (поведенческий компонент долгосрочной ориентации) – $T=2,07$, $p=0,039$ значимо ниже по сравнению с группой 2. При этом показатели по шкале «Фаталистическое настоящее» методики ZTPI-S выше ($T=2,41$, $p=0,016$). Результаты показывают, что респонденты группы старше 45 лет (предпенсионеры) в сопоставлении с группой сравнения в большей степени ощущают свою беспомощность в отношении будущего и жизни в целом, менее оптимистичны и уверены в том, что усилия будут вознаграждены в будущем, а также меньше строят долгосрочные планы.

Данные, полученные с применением линейного регрессионного анализа методом «Ввод», позволили выявить характер предикторов по отношению к реактивному состоянию тревоги и депрессии в группе предпенсионеров таких параметров восприятия будущего, как низкая уверенность в результативности затраченных усилий, неопределенность и непредсказуемость будущего (значимые связи установлены для параметров «Вера в вознаграждение долгосрочных усилий» ($\beta = -0,155$; $t = -3,217$; $p = 0,001$), «Долгосрочное целеполагание и планирование» ($\beta = 0,093$; $t = 2,092$; $p = 0,037$), «Фаталистическое настоящее» ($\beta = 0,250$; $t = 6,291$; $p < 0,001$). Таким образом, аффективная составляющая психоэмоционального состояния респондентов предпенсионного возраста раскрывается как негативно окрашенная, с элементами напряженности, пессимизма, фаталистичности. Данные

результаты могут быть связаны с внутренней подготовкой к предстоящим изменениям своего социального статуса, а также с социальным контекстом, характеризующимся особым отношением работодателей к людям, перешедшим возрастную границу 45 лет.

Субъективная значимость профессиональной идентичности и эмиграционная активность: характер связи у студенческой молодежи трех стран*

М. Н. Ефременкова (МГППУ, Москва)

Выявление психологических факторов эмиграционной активности молодежи – актуальная задача современной науки. Профессиональная идентичность – один из ключевых факторов эмиграционной активности молодежи (B. S. Boneva, I. H. Frieze). В современном контексте интерес представляет сравнительный анализ связей эмиграционной активности с выраженностью профессиональной идентичности в образах настоящего и будущего Я у студентов университетов разных стран.

В онлайн-опросе приняли участие 658 студентов университетов в возрасте от 18 до 25 лет (208 граждан Белоруссии, 200 – Казахстана и 250 – России). В качестве показателей эмиграционной активности выступили 2 параметра: эмиграционное намерение и поведение по реализации этого намерения. Данные показатели в соответствии с теорией планируемого поведения А. Айзена оценивались с помощью 6 разработанных утверждений со шкалой ответов от 1 – «абсолютно не согласен/на» до 6 – «абсолютно согласен/на». Примеры утверждений: «Я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну» (шкала «намерение»), «Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу» (шкала «поведение»). Выраженность профессиональной идентичности оценивалась на основе анализа представленности профессиональных ролей в характеристиках настоящего Я и будущего Я респондентов по методике «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда. Респондентам предлагалось по 5 раз ответить на вопросы «Кто я сейчас?» и «Кто я буду через 5 лет?». Респондентам присваивался балл от 0 до 5 в соответствии с количеством указанных профес-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00156.

сиональных ролей. Проводился мультигрупповой анализ (MGSEM). Зависимыми переменными в модели выступили эмиграционное намерение и поведение по его реализации (2 латентных фактора, представленные тремя измеренными переменными), а предикторами – представленность профессиональных ролей в образах настоящего и будущего Я респондентов.

По результатам исследования выраженность эмиграционных намерений и поведения у студентов из Казахстана ($p=0,042/p=0,011$) и Белоруссии ($p=0,031/p=0,004$) статистически значимо выше, чем у россиян. Выявлены также различия в представленности профессиональных ролей в настоящем/будущем Я респондентов: у казахстанских студентов эти показатели выше, чем у белорусских ($p=0,005/0,000$) и российских ($p=0,000/0,001$) студентов. Мультигрупповая модель связи эмиграционных намерений и поведения с выраженностью профессиональной идентичности в образах настоящего и будущего Я респондентов имеет приемлемые показатели конфигурационной инвариантности ($p=0,361$; $\chi^2/df=1,37$; CFI=0,962; RMSEA=0,033; PCLOSE=0,721) и метрической инвариантности ($p=0,115$; $\chi^2/df=1,26$; CFI=0,966; RMSEA=0,041; PCLOSE=0,737), что позволяет сравнивать регрессионные связи в трех выборках. У студентов трех стран (белорусов ($\beta=0,123$, $p=0,001$), казахстанцев ($\beta=0,151$, $p=0,007$) и россиян ($\beta=0,131$, $p=0,008$)) обнаружена положительная связь эмиграционных намерений с выраженностью профессиональной идентичности в образе настоящего Я. Однако ни у белорусских, ни у казахстанских, ни у российских студентов не обнаружено статистически значимых связей эмиграционных намерений с выраженностью профессиональной идентичности в образе будущего Я. Так же как не обнаружено у них и статистически значимых связей поведения по реализации этого намерения с выраженностью субъективной значимости профессиональной идентичности в образе настоящего Я. В свою очередь, статистически значимые связи эмиграционных намерений с представленностью профессиональной идентичности в образе будущего Я обнаружены только у белорусов ($\beta=0,102$, $p=0,031$) и казахстанцев ($\beta=0,124$, $p=0,003$).

Таким образом, полученные результаты подтверждают универсальный характер связи текущей профессиональной идентичности и эмиграционных намерений у студенческой молодежи. В то же время белорусские и казахстанские студенты, демонстрирующие поведение по реализации эмиграционного намерения, отмечают значимость профессиональной идентичности для себя и в будущем. Отсутствие

данной связи у российских студентов может являться следствием меньшей выраженности у них эмиграционной активности в целом и профессиональной идентичности в образе будущего Я в сравнении со студентами из Белоруссии и Казахстана. Полученные результаты подтверждают факт, что ориентация на профессиональное развитие и поиск наиболее приемлемых условий для самореализации выступают значимыми движущими силами формирования эмиграционной активности молодежи. Учет полученных результатов важен с точки зрения предотвращения оттока молодого трудоспособного населения.

Когнитивные ресурсы информационно-психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам*

П. А. Кисляков (РГСУ, Москва), А.-Л. С. Меерсон (ИвГУ, Шуя)

Непрерывный рост и развитие различных видов массовой информации, информационных и коммуникационных технологий, глобальной сети Интернет и информационного общества оказывают прямое воздействие на интеллектуальное, психическое и физическое развитие подрастающего поколения, на формирование нравственного облика личности. Проведенные нами исследования позволили выделить три группы социокультурных угроз цифровой трансформации общества: когнитивно-коммуникационные, этнокультурные, социальные. С целью нивелирования каждой группы угроз необходимо формирование информационно-психологической устойчивости личности за счет развития соответствующих когнитивных ресурсов, ведущими из которых являются историческое сознание и критичность мышления.

Социокультурный кризис российского общества находит свое отражение в историческом сознании общества. При трансформации исторического сознания возникает угроза потери обществом своей социокультурной идентичности, раскола общества, переоценки ценностей исторического прошлого, фактов и явлений, утрачиваются культурные и исторические традиции (А. И. Донцов, Е. Б. Перелыгина, А. А. Гостев и др.). В педагогике и психологии высшего и общего

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-83.2020.6.

образования историческое сознание рассматривается как необходимый результат патриотического воспитания детей и молодежи, а также социогуманитарного образования.

Реализуемая нами программа формирования информационно-психологической устойчивости студентов вузов к социокультурным угрозам в системе психологического и гуманитарного образования начинается с актуализации социокультурной идентичности студентов посредством развития исторического сознания и когнитивной безопасности на основе проводимого ими историко-психологического анализа социокультурных угроз государству и обществу. В учебном процессе студенты изучают и анализируют работы, посвященные психоисторической войне, духовной безопасности, историческому сознанию и его роли в обеспечении национальной безопасности российского общества и психологической устойчивости личности (напр.: А. Л. Журавлев и др. «Нравственность современного российского общества: психологический анализ», В. Е. Лепский. «Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике)», Т. П. Емельянова. «Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход», А. И. Фурсов. «Психоисторическая война. Скрытые субъекты глобального управления и фальсификация истории», Ю. В. Ковалева, В. А. Соснин. «Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты» и др.), а также обсуждают доклады, представленные на конференциях «Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память», «Россия в XXI веке: образование как важный цивилизационный институт формирования и развития российской культурно-исторической идентичности»; «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны» и др.).

Современное поколение студентов активно использует технологии и имеет доступ к информации в любое время. Эффективное использование информации невозможно без навыков критического мышления. В рамках нашей программы студенты изучают следующие темы: виды когнитивных искажений и противодействие им; алгоритмы работы с информацией (критичность к воспринимаемой информации, выявление проблемных точек, анализ и подбор аргументации); манипуляции, их виды и способы противодействия. На занятиях анализируются работы, посвященные психологии манипуляции (С. Г. Кара-Мурза. «Манипуляция сознанием»; Е. Л. Доценко. «Психология манипуляции:

феномены, механизмы и защита»; А. А. Гостев. «Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты»; Г. В. Грачев. «Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия»). Практическая часть занятий включает анализ информационных ресурсов, размещенных в социальных сетях на предмет дезинформации, манипулятивных техник. Развитию критического мышления способствует разбор технологии «Окна Овертона», посвященной механизмам манипуляции общественным мнением и показывающей, как можно изменять социальные нормы, преобразуя область невозможного в сферу обычного и поэтому морально приемлемого (В. В. Знаков). Метод «окон Овертона» применяется нами при обсуждении проблем гомосексуализма, религиозности, терроризма, национализма и пр.

В итоге при реализации технологий развития исторического сознания и критического мышления студенты учатся вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различного опыта, идей и представлений; строят умозаключения и логические цепи доказательств; учатся выражать свои мысли ясно, уверенно и корректно по отношению к окружающим. Все это способствует освоению студентами социальных технологий и навыков успешной адаптации в условиях агрессивной информационной среды, негативных воздействий социума и, как следствие, минимизации социально-психологических причин и факторов асоциального поведения.

Мироощущение современных подростков

К. И. Клюева (КГУ, Курск), Г. Н. Ларина (КГУ, Курск)

Современный мир развивается очень стремительно, а политические изменения, происходящие сегодня, вызывают особую тревогу и неуверенность в завтрашнем дне. Это, конечно же, оставляет сильный отпечаток на внутреннем мире подростков.

Психологические особенности подросткового возраста, по мнению различных авторов, рассматривают как кризисные и связаны с перестройкой в трех основных сферах: телесной, психологической и социальной. На телесном уровне происходят существенные гормональные изменения, на социальном уровне подросток занимает промежуточное положение между ребенком и взрослым, на психо-

логическом подростковый возраст характеризуется формированием самосознания.

Ведущей деятельностью в данном возрасте становится общение со сверстниками. Подростки активно сравнивают себя со своими приятелями и друзьями, присматриваются к их ценностям, установкам и интересам, формируют свою картину внутреннего мира. Они начинают равняться на окружающих, поэтому так важно, чтобы к этому периоду у ребенка формировались собственные принципы.

В этом возрасте для формирующейся личности возрастает потребность в самоутверждении и самовыражении. Подростку важно получать внимание, понимание и признание со стороны взрослых.

Подросток ищет всевозможные способы самовыражения: кто-то делает акцент на внешних изменениях (меняют стиль одежды, красят волосы и т. д.), кто-то ищет себя, погружается в новые увлечения и хобби. Но очень часто эти изменения связаны с творчеством: игра на музыкальных инструментах, стихотворчество, рисование. Сегодня масштабными площадками для проявления себя становятся разные социальные сети: TikTok, Likee, «В контакте» и др.

В этот период полярные свойства психики проявляются попеременно: настойчивость и упертость могут меняться на импульсивность и неустойчивость; повышенная самоуверенность и безапелляционность в суждениях — сменяться легкой ранимостью и неуверенностью в себе; возвышенность чувств может уживаться с сухим рационализмом, циничностью, враждебностью и даже жестокостью.

В мироощущении современных подростков важным становится не только характер его ведущей деятельности, но и характер той системы взаимоотношений с окружающими его людьми, в которую он вступает на различных этапах своего развития. Поэтому общение подростков со сверстниками и взрослыми необходимо считать важнейшим условием их личностного развития.

Мы провели эмпирическое исследование, в котором приняло участие 79 респондентов в возрасте от 11 до 17 лет. Согласно результатам, каждый четвертый опрошенный подросток имеет некоторые трудности во взаимоотношениях с родителями. При этом большинство опрошенных (63,6%) отмечают, что их мироощущение сильно зависит от взаимоотношений между членами семьи. Это подтверждает, что психологический фон в семье очень сильно сказывается на внутреннем состоянии формирующейся личности.

Трудности и неудачи при общении со сверстниками особенно ведут к внутреннему дискомфорту и формированию негативных установок.

Для большинства респондентов характерно чувство одиночества, они испытывают непонимания со стороны близких людей. Каждый четвертый подросток, принявший участие в исследовании, часто испытывает тревогу и волнение на душе.

При этом их нельзя заменить и компенсировать другими высокими показателями в других сферах их жизни и деятельности. Круг общения становится гораздо шире, чем на предыдущих этапах развития. В большинстве случаев дети сами тянутся к знакомствам и более близкому общению.

Для подростка важно иметь референтную группу, ценности которой он принимает, на чьи нормы поведения и оценки ориентируется.

Теоретико-методологические аспекты структурно-функционального анализа конкурентоспособности личности

О. А. Ключева (ТвГУ, Тверь)

Проблема конкурентоспособности личности представляет собой перспективное и активно развивающееся направление исследований, объединяющее фундаментальные и прикладные области психологии в России и за рубежом (А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков и др.).

Многообразие дефиниций понятия «конкурентоспособность личности» формируется под влиянием широкого дисциплинарного и междисциплинарного контекста, посредством конкретизации решаемых вопросов в теоретико-эмпирических исследованиях и описания феноменологии конкуренции, конкурентоспособности. Конкурентоспособность личности рассматривается как интегральное или системное качество субъекта труда, обуславливающее профессиональную или социальную востребованность, эффективность и успешность в профессиональной деятельности; основное требование к субъектам профессиональных взаимодействий; ситуационно оптимальные паттерны поведения или форма межличностного взаимодействия, характеризующаяся достижением целей в условиях противоборства с добивающимися этих же целей другими инди-

видами или группами; стратегия конкурентного поведения; конкурентная ориентация; объект формирования, развития и управления и др. В исследованиях представлены различные типы конкурентоспособности в зависимости от вида функции и других параметров: социальная, профессиональная, доминантная, аффективная, интеллектуальная и др. (Л. М. Митина, M. Fülöp, R. M. Ryckman, M. Hammer и др.).

В современных исследованиях особенно актуальна идентификация и измерение переменных, которые обуславливают качественно различные конкурентные процессы и конкурентное поведение, а также конкурентоспособность.

В психоанализе соперничество рассматривается как важная составляющая психосексуального развития, оказывающая воздействие на формирование характера человека и повторяется в отношении того, как мы учитываем запросы других людей, жизненном сценарии через поступки и действия, что обуславливает архетипические сценарии антагонистической конкуренции (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Берн, Я. Стюарт, А. Г. Шмелев и др.). Рассматривая проблему невротической конкурентоспособности (*neurotic competitiveness*), К. Хорни (K. Horney) описала гиперконкурентоспособность (*hypercompetitiveness*) и избегание конкуренции (*recoiling from competition*) как способы защиты или компенсации базальной тревоги, а также особенности, которые позволяют их отличать от «нормальной» (*normal competitiveness*). Конструкты невротической конкурентоспособности как черты личности основывается на предположении, что индивиды характеризуются отличительными качествами, которые относительно инвариантны по сравнению с ситуациями и временем. В профессиональной деятельности, конкурентоспособность как форма деструктивного поведения может привести не только к продуктивной деятельности, но и стать риск-фактором развития профессиональных деформаций (R. M. Ryckman, M. Hammer, L. M. Kaczor и др.)

Эмпирические исследования конкурентоспособности как социального конструкта в контексте проблемы особенностей взаимодействия индивидов, групповых процессов в условиях конкуренции—кооперации как социальной ситуации представлены в работах, посвященных теории социальной взаимозависимости. Дихотомическая концептуализация основных понятий теории позволила конкуренцию и кооперацию как формы социального взаимодействия, определить как два экстремума для измерения поведения.

Конкуренция может варьировать от деструктивной до конструктивной (М. Дойч). Результаты исследований показали, что конкурентные и кооперативные стратегии сложно взаимосвязаны, а конкуренция и кооперация должны рассматриваться «как партнеры» (E. Van de Vliert, A. Bradenburger, B. Nalebuff и др.).

Анализ понятия «конкуренция» в контексте метакатегорий психологии (деятельности, общения), позволяет описывать конкурентную деятельность как специфический вид целенаправленной активности субъекта по отношению к объекту, удовлетворяющему его потребности. Конкурирующий субъект активно ставит перед собой цели, вырабатывает стратегические планы, а не просто реагирует на изменения во внешней среде. Ключевые качества и свойства личности являются основными предикторами эффективности профессиональной деятельности в условиях гиперконкуренции. В итоге конкурентоспособность личности – конструкт личностного развития в контексте профессиональной деятельности (А. Г. Шмелев, Л. М. Митина и др.).

При этом изучение вклада факторов среды ведутся в отрыве от исследований феноменологии конкурентоспособности личности, что сужает дифференциацию моделей, стратегий, редуцирует структуру конкурентоспособности личности.

Взаимосвязь эмоционального выгорания с характеристиками командной сплоченности юных футболистов

*К. Ю. Кондратьева (КФУ, Казань), О. Г. Лопухова (КФУ, Казань),
Ю. В. Пайгунова (ПГУФКСит, Казань)*

Принадлежность спортсменов к различным видам спорта влияет на специфику их эмоционального выгорания в данной профессии (R. E. Smith, T. D. Raedeke, A. L. Smith, G. W. Schmidt, G. L. Stein, J. Coakley, Г. Б. Горская, Е. И. Гринь, А. В. Родионов, Н. Б. Стамбулова). Эмоциональное выгорание – сложное явление в спортивной деятельности, имеющее личностно-индивидуальные, ситуативные и социально-психологические корни. У спортсменов, занятых в командных видах спорта, основными факторами эмоционального выгорания могут выступать социально-психологические характеристики их профессиональной деятельности, связанные с тренировочным

и соревновательным процессом в команде. Одной из таких характеристик является командная сплоченность. В отечественной и зарубежной социальной психологии спорта подчеркивается такая существенная для профессиональной деятельности особенность сплоченности, как связь успешности совместной работы спортсменов и состава группы, совместимости ее участников (Р. С. Немов, Т. В. Огородова). Многообразие подходов к изучению сплоченности свидетельствует о том, что она представляет собой сложный социально-психологический феномен, связанный, в частности, с эмоциональными характеристиками членов группы. Вполне вероятно, что в команде, где всегда происходит эмоциональное заражение состоянием друг друга, эмоциональное выгорание даже одного из членов может существенно снижать ее сплоченность. Можно предположить, что уровень и специфика групповой сплоченности спортивной команды будут воздействовать на индивидуальные параметры и динамику эмоциональных процессов и состояний у членов команды, в том числе и на их эмоциональное выгорание. Изучение этого процесса представляется перспективным, так как позволяет ответить на ряд важных в научном и практическом отношении вопросов, которые связаны с определением характера групповой сплоченности подростковых команд и его влиянием на эмоциональное выгорание спортсменов при налаживании эффективной работы в командных видах спорта.

В исследовании взаимосвязи эмоционального выгорания с характеристиками командной сплоченности приняли участие 60 юных спортсменов, занимающихся футболом, в возрасте от 11 до 16 лет; тренирующихся в футбольных командах футбольного клуба «Рубин» и Спортивной школы по футболу «Мирас» города Казани. Оценка параметров групповой сплоченности проводилась на основе опросника сплоченности в спортивных командах, согласно 4-факторной модели Group Environment Questionnaire (GEQ) W. N. Widmeyer, L. R. Brawley, A. V. Carron, в адаптации В. М. Девишвили, М. О. Мдивани, И. С. Корнеева. Оценка параметров эмоционального выгорания происходила по опроснику психического выгорания спортсменов ABQ (Athlete Burnout Questionnaire) T. Raedeke, A. Smith в адаптации Е. И. Бериловой.

В результате анализа полученных данных обнаружена взаимосвязь проявления уменьшения чувства достижения (стремления к достижению) с низкими показателями группового единства в деятельности. Выявлено, что эмоциональное выгорание связано с низкими показателями индивидуальной привлекательности отношений

и деятельности и с низким социометрическим статусом в спортсмена в команде.

Можно сделать заключение, что в командных видах спорта эмоциональное выгорание спортсмена является не изолированным индивидуальным феноменом, а значимым компонентом командного взаимодействия, определяя эффективность в соревновательной деятельности.

Взаимосвязь материализма и управления личными финансами у студентов*

*Д. С. Корниенко (РАНХиГС, Москва), М. В. Балева (ПГНИУ, Пермь),
Н. П. Ячменева (ПГНИУ, Пермь)*

Экономическое поведение студентов часто становится объектом исследования в связи со спецификой группы молодых взрослых, которым доступны многие финансовые инструменты, но в то же время ограниченных в возможностях изменения своего материального положения. Особенности управления личными финансами у студентов определяется совокупностью аффективных факторов и опыта при высокой роли фактора воспринимаемого контроля (B. Kidwell, R. Turrisi). Также в качестве показателя, характеризующего уровень экономического поведения студентов, рассматривается кредитно-заемное поведение на примере использования кредитных карт (C. R. Nayhoe). В качестве психологической характеристики, в значительной степени определяющей экономическое поведение, рассматривается материализм как потребительская ориентация человека, высоко оценивающего материальные объекты и рассматривающего обладание ими как цель жизни или как средство достижения успеха в жизни (M. Richins, S. Dawson). Показано, например, что материализм связан с импульсивным покупательским поведением и ориентацией на производителя и бренд продукта (M. E. Gornik-Durose, I. Pilch).

Целью данного исследования являлось установить взаимосвязи между материализмом и его составляющими с управлением личными финансами, а также рассмотреть различия в связи с использованием кредитных карт.

* Исследование выполнено при поддержке ИОН РАНХиГС, проект № 1994 (тема 13.15).

Исследование проводилось онлайн, участникам высылалась ссылка на опросники, которые они заполняли после предварительного согласия на участие в исследовании.

Выборка исследования составила 305 человек, студентов в возрасте от 17 до 25 лет ($M = 20,5$; $SD = 2,64$), 81% девушки.

Методы исследования

Шкала материализма (В. А. Хашенко), которая включает три шкалы: успех, центрированность на материальных ценностях, счастье. Шкала управления деньгами (J. J. Xiao, J. Dew), в которой оцениваются общенные установки человека по отношению к собственным финансам (показатель финансовая ответственность) и самооценка расходов (показатель финансового контроля). Кроме того, были заданы вопросы относительно доходов и расходов с фиксированной шкалой, об использовании кредитных карт и оценке возможности себя обеспечивать.

В связи с распределением показателя, отличного от нормального, использовались непараметрические статистические анализы: корреляционный анализ по Спирмену и сравнительный анализ по критерию Манна–Уитни.

По результатам описательной статистики было установлено, что 83% не используют кредитные карты, доходы и расходы не превышают 40 тысяч рублей в месяц у 85% и 90%

Результаты корреляционного анализа исследуемых переменных показали следующие значимые взаимосвязи. Показатель финансовая ответственность отрицательно связан с показателями материализма успех ($r = -0,15$, $p < 0,01$) и счастье ($r = -0,14$, $p < 0,05$), а также с расходами ($r = -0,19$, $p < 0,001$) и самооценкой финансового обеспечения ($r = -0,12$, $p < 0,01$). Показатель финансового контроля и суммарный показатель управления финансами обнаружил отрицательные связи с показателями доход ($r = -0,14$, $-0,14$, $p < 0,01$) и расходы ($r = -0,20$, $-0,24$, $p < 0,001$). Регрессионный анализ для показателей и контроль выявил следующие результаты. Модель для показателя «финансовая ответственность» определяет только 2% дисперсии при наличии одного значимого предиктора – успех как ценность материализма. Для показателя «финансовый контроль» и суммарного показателя «управление финансами» значимая модель не была получена.

Значимые различия были обнаружены между студентами, использующими и не использующими кредитные карты в показателе «финансовая ответственность» ($W = 7265$, $p < 0,05$), и суммарными по-

казателями управления финансами ($W = 7439$, $p < 0,03$). Пользователи кредитных карт в меньшей степени отслеживают свои траты и склонны больше тратить на основе эмоциональных мотивов и в целом меньше отслеживают свои финансы. Однако различий в доходах и расходах между пользователями кредитных карт и теми, кто не использует, не обнаружено. Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что более высокая выраженность материализма, а именно определение успеха и счастья через материальные ценности, связана с низкой ответственностью за собственные финансы и скорее приводит к большим тратам и нерациональному экономическому поведению, в частности, к эмоциональным покупкам. Кроме этого, большая выраженность личной финансовой стратегии, ориентированной на траты, связана с большей оценкой реальных расходов и низкой возможностью себя обеспечивать.

Финансовая ответственность как характеристика экономического поведения в недавнем прошлом скорее связана с ориентацией на материализм, чем общая стратегия обращения с финансами или их контроль, который в свою очередь связан именно с реальными расходами.

Использование кредитных карт в большей степени характерно для студентов с более низким управлением собственными финансами, прежде всего в части ответственности за свое экономическое поведение.

Проблема изучения территориального самоопределения жителей Северо-Востока России*

С. А. Кузнецова (МИП, Москва)

В настоящее время повышается значение обширных территорий Северо-Востока России. В связи с климатическими изменениями в Арктике усиливается геополитическая конкуренция за контроль Северного морского пути. Стала доступной разработка Арктического нефтеносного шельфа. Экономически усиливается значение добычи золота и редкоземельных металлов, которыми богаты эти территории, а также морских биологических ресурсов. Однако эти территории отличаются суровым климатом, слабым развитием социальной

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00579.

инфраструктуры и малонаселенностью. Существуют этническая специфика населения этих территорий. Если население Республики Саха (Якутия) в значительной степени представлено коренным этносом, то в Магаданской области доля коренного населения мала. В формировании ядра ее населения большое значение имела внутренняя миграция (как принудительная, так и добровольная), жители либо сами являются переселенцами из других регионов, либо их потомками во втором-третьем поколениях. Начиная с 1990-х годов происходит постоянный миграционный отток населения.

Таким образом, социализация молодежи происходит в условиях миграционно-подвижного региона, под влиянием менталитета, представляющего миграцию нормой. Оно проявляется как в микросоциальном окружении, так и в более широком социальном пространстве, что не может не откладывать отпечатка на процессы самоопределения личности. На наш взгляд, для изучения социализации молодежи в условиях миграционно-подвижных территорий продуктивным будет понятие «территориальное самоопределение». Этот процесс, включенный в жизненное самоопределение наряду с профессиональным, касается выбора и решения, с каким городом, территорией, страной связывать жизненные планы.

Социальная и личностная идентичность, жизненное самоопределение, формирование аттитюдов – традиционный предмет изучения социальной психологии. В отечественной психологии сильны традиции изучения различных видов самоопределения (личностного, профессионального, нравственного и др.). С позиции субъектного подхода самоопределение понимается как самодетерминация, преломление внешних воздействий внутренними условиями, определение своего способа жизни (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская). Самоопределение обосновывается как социально-психологическое понятие в связи с недостаточностью понятий «социализация» и «адаптация»: самоопределение предполагает большую степень автономности и самодетерминации; подчеркивается высокая роль нравственной составляющей в самоопределении (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко). В двухплановой модели самоопределения выделяются пространственно-временной и ценностно-смысловой аспекты (М.Р. Гинзбург).

Самоопределение личности предполагает ориентацию и занятие позиции в проблемной ситуации, в пространстве выборов (ценностей, смыслов, мире профессий и т.п.). Пространство выбора в ситуации

территориального самоопределения – социально-психологическое пространство, наполненное значениями и смыслами в контексте деятельности личности (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко, Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов). Территория представляет собой условие жизни, деятельности и самореализации, связана с системой отношений личности. Выбор сложен и неоднозначен. Часть потребностей, мотивов, целей и ценностей может быть удовлетворена, а часть фрустрирована в связи с условиями места жительства. Поскольку процесс территориального самоопределения – один из аспектов личностного самоопределения, он должен активизироваться в критические периоды жизни, в частности, в юношеском возрасте, когда самоопределение становится возрастным новообразованием личности (Л. И. Божович, И. В. Дубровина). В результате территориального самоопределения происходит либо упрочение территориальной идентичности, либо формирование миграционных намерений и установок. Но необходимо учесть, что миграционные установки касаются сложного поведения, имеющего долгосрочные последствия, биографическую значимость, поэтому они предполагают относительно продолжительный период формирования под влиянием ближайшего микросоциального окружения. Личностная зрелость, повышающаяся в процессе социализации, приводит к изменению уровня автономности миграционных установок, а также уровня регуляции, связанного с миграционными установками.

На основании концепции В. М. Ядова мы предполагаем, что в зависимости от уровня проблемы (локализуется ли она, по оценке субъекта, в отдельной деятельности или в контексте выбора дальнейшего жизненного пути) включаются либо совладающие, либо ценностно-смысловые механизмы регуляции социального поведения. Поскольку миграционные установки предполагают будущее переселение или планы, связанные со своим местом жительства, логично предположить их связь с временными перспективами. В настоящее время на основе представленных гипотез при поддержке гранта РФФИ проводится исследование территориального самоопределения молодежи Северо-Востока.

Предикторы миграционных установок молодежи Северо-Востока России*

*С. А. Кузнецова (МИП, Москва), Н. М. Мельникова (СВФУ, Якутск),
Е. В. Чарина (СВГУ, Магадан)*

Актуальность исследования обусловлена высокой миграционной мобильностью жителей Северо-Востока России, особенно молодежи. Мобильность – психологическая готовность к миграции (Л. Л. Рыбаковский), которая проявляется в миграционных установках. Представленная часть исследования отвечает на вопрос о том, могут ли защитно-совладающие и ценностно-смысловые регуляторы социального поведения быть предикторами миграционных установок?

В исследовании приняли участие 541 житель Северо-Востока: старшекласники, учащиеся учреждений среднего профессионального образования, студенты вузов, работающая молодежь, из них 244 жителя Магадана и 297 жителя республики Саха (Якутия).

Использованы методики: Шкала миграционных установок (С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов, А. В. Фешенко), «Тест смысло-жизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев), «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолла (Н. Е. Водопьянова), «Индекс жизненного стиля» (LSI) Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Конте (Е. С. Романова, Л. Р. Гребенников).

По всем исследованным группам, кроме студенческой молодежи, уровень миграционных установок у жителей Магадана статистически значимо выше, чем у жителей Саха (Якутии). У студентов двух городов уровень миграционных установок значимых различий не имеет, хотя несколько выше у студентов Якутска.

Для определения предикторов миграционных установок применялся регрессионный анализ (МРА) с помощью программы SPSS пошаговым методом. В уравнение регрессии включались переменные, чья частная корреляция с критерием имела уровень значимости не выше 0,1. По каждой выборке составлено уравнение регрессии, в качестве критерия выступила миграционная установка субъекта (УС).

На выборке испытуемых Магаданской области было получено следующее уравнение регрессии:

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00579.

$$УС_{\text{прогноз}} = 37,9 + 0,44 (\text{ПА}) - 0,97 (\text{отрицание})$$

Из множества предикторов в уравнение регрессии входят только два: показатель методики «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» — «ПА» с положительной корреляцией и показатель по методике «Индекс жизненного стиля» — психологическая защита «отрицание» с отрицательной корреляцией. Показатель «ПА» рассчитывается как сумма стратегий избегания, асоциальных и агрессивных действий. Содержательно он является мерой неконструктивных стратегий совладания.

На выборке испытуемых Якутии было получено следующее уравнение регрессии:

$$УС_{\text{прогноз}} = 68,2 - 0,52 (\text{процесс}) - 1,1 (\text{реактивное образование}) + 0,83 (\text{компенсация})$$

Из множества предикторов в уравнение регрессии входят три: один показатель методики Тест смысловых ориентаций — «процесс жизни» с отрицательной корреляцией и два показателя по методике Индекс жизненного стиля — психологические защиты «реактивное образование» с отрицательной корреляцией и «компенсация» с положительной корреляцией.

Таким образом, предикторами миграционных установок у магаданской молодежи являются неконструктивные стратегии совладания со стрессовыми ситуациями при отсутствии смягчающей психологической защиты в виде отрицания — склонности «закрывать глаза» на трудности. У молодежи республики Саха (Якутия) одним из предикторов миграционных установок является неудовлетворенность процессом своей жизни (воспринимающейся недостаточно эмоционально насыщенной и наполненной смыслом). Другими предикторами являются психологические защиты: компенсация — попытка справиться с ситуацией фрустрации путем фантазирования (возможно, о том, что с переездом ситуация разрешится сама собой) и отсутствие склонности к реактивному образованию («социализированной» склонности подчеркивания в поведении противоположных установок). Возможно, именно вклад неконструктивных стратегий совладания в качестве предиктора миграционных установок делает их более выраженными у магаданской молодежи, чем у молодежи Республики Саха (Якутия).

Диспозиционные и ситуационные предпосылки принятия решения в условиях неопределенности (на примере задачи «дилемма заключенного»)

Ж. Э. Кузьмичева (НИУ ВШЭ, Москва)

Изучение процесса принятия решения уже на протяжении нескольких десятилетий продолжает оставаться одной из значимых общепсихологических проблем. При этом исследование вопроса о прогнозировании выбора стратегий межличностного взаимодействия в условиях неопределенности занимает особое место в изучении проблематики принятия решения, в том числе с практической точки зрения.

Экспериментальные модели прогностических задач как, например, задача «дилемма заключенного», позволяют провести комплексную оценку включенности различных переменных в регуляцию выбора.

Исходя из идеи динамических регулятивных систем и многоуровневой регуляции принятия решения (Т. В. Корнилова, О. К. Тихомиров) можно выделить две тенденции обобщений возможных предпосылок: диспозиционные предпосылки (личностные черты «большой пятерки» и модели «темной триады», стилевые характеристики принятия решения, а также уровень доверия—недоверия), и ситуационные предпосылки принятия прогностического решения (например, дефицит времени, эмоциональное состояние).

Актуальность вопроса изучения предпосылок принятия решения о выборе межличностных стратегий взаимодействия возрастает в связи с отсутствием комплексных исследований, посвященных изучению диспозиционных и ситуационных предпосылок выбора стратегий взаимодействия в условиях неопределенности.

Проблема исследования заключается в изучении процесса принятия прогностического решения о выборе стратегий межличностного взаимодействия в контексте диспозиционных и ситуационных предпосылок. При этом важно понимание не последовательного влияния этих предпосылок на принятие решения, а их одновременного влияния на выбор стратегий межличностного взаимодействия.

Цель исследования состоит в изучении диспозиционных и ситуационных предпосылок принятия прогностического решения о выборе стратегий межличностного взаимодействия в условиях неопределенности (на примере «дилеммы заключенного»).

Таким образом, основная гипотеза исследования звучит так, что предиктором выбора стратегий межличностного взаимодействия в условиях неопределенности являются ситуационные и диспозиционные предпосылки в условиях их совместного влияния, так и в условиях влияния как независимых друг от друга предпосылок. Также сформулирован ряд частных гипотез: 1) с большей вероятностью ситуационные предпосылки в виде дефицита времени и эмоционального состояния вносят значимый вклад в выбор стратегий, чем диспозиционные предпосылки; 2) такие ситуационные предпосылки, как эмоциональное состояние, положительное и отрицательное, а также дефицит времени, оказывают влияние на выбор стратегии межличностного взаимодействия в условиях неопределенности; 3) существует связь между диспозиционными предпосылками и вероятностью выбора стратегий межличностного взаимодействия в условиях неопределенности.

Было проведено экспериментальное исследование с использованием ряда методик. В качестве стимульного материала для эксперимента была использована модифицированная классическая задача «дилемма заключенного». Эмпирическую базу исследования составили студенты российских вузов (208 испытуемых, $M = 22$ года, $SD = 1,9$).

В соответствии с выдвинутыми гипотезами проведено три исследования и были получены следующие результаты. В результате первого исследования было определено, что ситуационный фактор дефицита времени сам по себе имеет достаточно низкий размер эффекта в сравнении с другими значимыми предикторами выбора стратегий взаимодействия. Но, когда в сочетании с ним появляется диспозиционный фактор тревожности, то размер оказываемого эффекта в ситуации взаимодействия этих двух предикторов, значительно увеличивается.

Второе исследование основывается на анализе вероятности выбора стратегии взаимодействия сотрудничества при влиянии ситуационных предпосылок дефицита времени и эмоционального состояния. Удалось установить, что при дефиците времени и индукции отрицательных эмоций уменьшается вероятность выбора стратегии сотрудничества, при индукции положительных эмоций вероятность выбора стратегии сотрудничества увеличивается.

Третье исследование включает корреляционный анализ диспозиционных предпосылок и вероятности выбора стратегии сотрудничества

ва. Положительная связь обнаружена с переменными сознательности и приязни как одним из критериев доверия, а отрицательная связь была обнаружена с переменными бдительности и недостатка как одним из критериев доверия, а также с макиавеллизмом.

Можно сделать следующие ключевые выводы, что ситуационные и диспозиционные предпосылки могут рассматриваться в качестве регулятивных предпосылок принятия прогностического решения о выборе стратегий межличностного взаимодействия в ситуации по типу «дилеммы заключенного»; при совместном влиянии ситуационных и диспозиционных предпосылок значимым предиктором является взаимодействие дефицита времени и фактора тревожности. При наличии дефицита времени и высокого уровня тревожности увеличивается вероятность выбора стратегии конфронтации.

Оценка копинг-стратегий: адаптация экспресс-опросника COPE*

Е. В. Куфтяк (РАНХиГС, Москва), В. И. Косицина (РАНХиГС, Москва)

Копинг-поведение относится к различным когнитивным и поведенческим стратегиям, которые люди используют для управления своим стрессом (S. Folkman, J. T. Moskowitz). Изначально Р. Лазарус выделил два основных стиля совладания: ориентированный на проблемы и ориентированный на эмоции. К. Карвер отмечал важность этих стилей совладания, но указывал на дифференцию и расширение разновидностей копинг-стратегий. В основу методики COPE положены теоретические положения транзакционной модели стресса Р. Лазаруса и поведенческой модели саморегуляции К. Карвер и М. Шейер. Впоследствии опросник совладания COPE успешно прошел процедуру сокращения (К. Carver).

Нами была поставлена задача адаптации сокращенной версии опросника Brief COPE для экспресс-диагностики. Исследователи нуждаются в измерениях, позволяющих адекватно оценить исследуемые психологические качества за короткий промежуток времени. Опросник включает 28 пунктов, которые исследуют 14 страте-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ и МОНРЮО, проект № 21-513-07004.

гий совладания. Методика содержит оценку реакций совладания, которые рассматриваются и как потенциально дисфункциональные, и как адаптивные. Эти два преимущества – разнообразие изучаемых реакций совладания и опыт создания сокращенной версии опросника – позволили сделать выбор в пользу данной методики. Отметим, что, несмотря на широкое использование сокращенной версии опросника COPE, его факторная структура не была подтверждена в многочисленных исследованиях. Исследователи выделяют от двух до двенадцати факторов (L. Yuan). Это несоответствие может быть связано с различиями в моделях совладания в разных ситуациях и культурах.

Нами была проведена работа по адаптации русскоязычной версии экспресс-опросника COPE. В исследовании приняли участие 337 российских молодых людей в возрасте от 18 до 25 в соответствии с тематикой проекта.

Оценки надежности внутренней структуры экспресс-опросника совладания COPE была осуществлена с использованием эксплораторного факторного анализа пунктов с целью обеспечения корреляции между факторами. В результате этого анализа было получено восемь факторов с собственными значениями, превышающими 1,0, которые в совокупности составили 64% дисперсии ответов. Некоторые шкалы, например поиск эмоциональной поддержки и поиск инструментальной поддержки, образовали единый фактор, похожее наблюдалось в случае анализа, который проводился автором методики при разработке полноформатного опросника совладания COPE.

Второй показатель внутренней структуры экспресс-версии опросника COPE был получен в результате анализа надежности. Все коэффициенты надежности шкал соответствуют или превышают значение 0,50, считающееся минимально приемлемым (J. C. Nunnally). Полученные значения находятся в диапазоне от 0,49 до 0,87, что подтверждает внутреннюю надежность сокращенных вариантов шкал. Адаптированный экспресс-опросник COPE дает возможность исследователям быстро оценить потенциально важные типы совладания, что может стать аргументом для его широкого распространения.

На сегодняшний день завершен первичный этап адаптации на русский язык экспресс-опросника COPE. В качестве специфики работы выделяется то, что в настоящем исследовании данный психодиагностический инструмент впервые адаптируется на выборке российских молодых людей.

Свобода временных подростковых групп

Г. Н. Ларина (КГУ, Курск)

Актуальность данной проблемы обусловлена повышенным вниманием исследователей к феномену «свобода». Основными критериями выборки исследования выступили временный период жизнедеятельности и социальная/асоциальная направленность подростковой группы. В первую группу вошли 37 подростков с асоциальным поведением (состоящих на учете в ПДН), вторая группа была представлена отрядом профильного центра (32 человека). Проявления свободы группы анализировались по таким параметрам, как время, жизнедеятельность, саморазвитие, групповая рефлексия.

Анализируя параметр времени, можно сделать вывод о том, что группа подростков с асоциальным поведением не планирует свое будущее. Причем ни личностного — они не «видят» себя через несколько лет, не могут представить кем они станут и где они будут находиться; ни группового — затрудняются ответить, что будет с их группой. Подростки из профильного центра считают, что у них группа сплоченная, целеустремленная, которая ставит перед собой конкретные цели (главные и второстепенные) на ближайшее будущее. Параметр жизнедеятельности показывает, что уровень удовлетворенности группы с асоциальным поведением низкий в отличие от группы профильного центра, которая организует свою деятельность, исходя из требований вышестоящей организации, потребностью проявления личностной свободы. Данная группа подростков способна выбирать социально-эффективные приемы взаимодействия, распределять полномочия и в сложной ситуации мобилизоваться для достижения общей цели — отряда или центра. Следует отметить, что подростки из группы с асоциальным поведением не участвуют в организации деятельности и совместного досуга.

Анализируя параметр саморазвития, следует отметить, что группа подростков с асоциальным поведением проявляет полный отказ от социально-полезной деятельности, она не имеет ни намерения, ни стремления улучшить жизнь других, не только не желает все делать идеально, но и вообще не желает что-либо делать. В то время как подростки профильного центра стремятся быть первыми. Причем все члены выражают стремление быть частью лучшей команды в регионе, готовы на максимальную личностную самоотдачу.

Параметр групповой рефлексии свидетельствует о том, что члены подростковой группы с асоциальным поведением проявляют эгоистичную свободу, низкую сплоченность. Отсутствует присущее сплоченной группе представление о себе как «мы», каждый участвует только в своей жизни. В отличие от подростковой группы с асоциальным поведением группа из профильного центра работает над своими ошибками, члены группы понимают свои недостатки и слабые стороны. Примечательно, что даже в речи группа часто использует местоимение «мы».

Таким образом, подростковые группы, которые осуществляют разную по характеру жизнедеятельность — социально/асоциально направленную, проявляют и различную свободу. При этом фактор времени существования группы не влияет на проявление свободы группы в отличие от ее направленности. Социально направленная деятельность задает этический вектор свободы группы.

Исследование мироощущения и социального самоопределения городской и сельской молодежи Курской области

Г. Н. Ларина (КГУ, Курск), С. В. Сарычев (КГУ, Курск)

В современной России произошли значительные изменения социальной ситуации развития личности детей, подростков и молодежи, обусловленные социально-экономическими и общественно-политическими изменениями в жизни нашей страны, появлением глобальных рисков, связанных с угрозой ядерного противостояния, взаимодействием человека с искусственным интеллектом, широким распространением новых информационных технологий, использованием «послеправды» и дезинформации в социальных сетях, противоречия между глобальной, этнической и региональной идентичностью и др. (Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев). Это проявляется на разных уровнях существования человека — физиологическом, психологическом, социальном, что отражается в перестройке ментальности, смене целей, ценностей, ориентаций индивидов. В итоге возникают новые тенденции в мироощущении как образе мира в сознании индивида и в социальном самоопределении как «образе Я в этом мире»

Исследование мироощущения и социального самоопределения молодежи (лидеров, учащихся старших классов, студентов, временных молодежных групп), осуществленное в 2008–2018 гг. сотрудниками курской социально-психологической лаборатории (А. С. Чернышев, Л. И. Акатов, Д. В. Беспалов, С. Г. Елизаров, Ю. Л. Лобков, А. В. Матвеева), позволило определить различия социальной ориентации молодежи.

В структуре мироощущения молодежи региона оказалось наиболее выражено «чувство Я», сопричастность к наиболее крупным социальным объектам – большим городам и даже мегаполисам; а конкретная среда обитания исключается, происходит как бы «перешагивание» через нее. Была выявлена своеобразная фрагментированность «поля» мироощущения в структуре наиболее значимых переживаний: актуализируются в большей мере бытовые ситуации, реже – формы социально значимой активности, связанной с различными видами совместной деятельности. Из традиционного «веера деятельности» молодежи – учебной, трудовой, игровой, общественно-политической, художественной, спортивной, досуговой – предпочтение отдается спортивной и художественной, сельскими школьниками – трудовой деятельности. Учебная и общественно-политическая деятельности обесцениваются, что отражает своеобразный «вакуум» в организации жизни учащейся молодежи. Такое «игнорирование» наиболее жизненно значимых видов деятельности (учебной, трудовой и т. д.) тем не менее не исключает ощущения оптимизма и уверенности в настоящем и будущем и даже надежды на успешное решение прагматических задач, связанных с «добыванием» денег.

В структуре мироощущения старшеклассников базисную роль играет мотивация отношения к школе. Установлено, что отношение к своей школе у молодежи из села и города различно. Городских школьников радует общение с друзьями, дружный класс, учителя. Только около 30% горожан недовольны своей школой, в то время как среди селян – около 50%. В их ответах отражены основные проблемы образования на селе – низкий уровень обучения, «плохие учителя», «дефицит учителей» и т. д. 45% старшеклассников сельских школ придают важное значение в своей жизни общению с друзьями, а среди городских школьников таких около 18%. Это свидетельствует о более тесной связи между детьми в селе, так как они не могут заменить реальное общение виртуальным, для них живое общение – один из источников развлечения, в то время как городские ребята используют и другие способы общения: через компьютер, Интернет, театр, кино, дискотеки и т. д.

Свое поколение городская молодежь видит более позитивно, отмечая в сверстниках ум, современность, смелость, самостоятельность и т. д. Лишь около 9% горожан оценивают свое поколение негативно. Среди селян таких ответов более 60%. К отрицательным качествам поколения отнесены пагубные привычки, лень, отсутствие культуры и т. д. Старшекласники из села находят больше причин чувствовать себя несчастными в родном месте – это отсутствие возможностей, скука, невоспитанность людей и т. д. Среди горожан значительное количество опрошенных дали положительные ответы. Городские дети после окончания школы планируют остаться в родном городе, в то время как подавляющее число селян мечтают уехать.

В структуре мироощущения подростков и старшекласников не просматривается осознанной связи между жизненной перспективой и возможностями ее реализации. Достаточно легко приписывается себе удел «успешной личности» в будущем не только индивидами с высоким психологическим статусом, но и школьниками с проблемами в учебе, общении и поведении.

Несколько иная картина мироощущения присуща той части подростков и юношей, которые проживают (находятся) в качественно отличных от повседневных, развивающих социальных средах. У этой категории молодежи можно отметить социально обогащенный образ мироощущения, включающий значимые стороны жизни не только самого близкого окружения индивида, но и по восходящей – региона, страны и даже планеты, что является основой для формирования гражданской позиции современной молодежи в противовес узости мещанско-бытового содержания мироощущения молодых людей с узкоэгоистической направленностью.

Особенности социально-психологической пресыщенности условиями жизни в городе в разных группах жителей мегаполиса*

И. В. Ларионов (ИП РАН, Москва)

Условия жизни в мегаполисе в восприятии его жителей отличаются противоречивым характером. С одной стороны, в нем сосредоточены возможности разнообразного проведения горожанами досуга, полу-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00461.

чения образования, мест работы, с другой — он является источником стрессов в связи с высоким уровнем шума, пространственно-временной организацией среды, мультикультурным характером социальных связей и т. п., требующими психологической адаптации к условиям проживания (D. S. Glass, J. I. Singer, Ст. Милграм, Д. Н. Сазонов, О. С. Шемелина и др.). Исследователи в области психологии города, сопоставляя психологические характеристики жителей больших и малых городов, акцентируют внимание на их различиях в восприятии городской среды (С. В. Рослякова, А. В. Микляева, Д. Н. Сазонов и др.), тем самым подчеркивая особенности условий проживания в них. В то время как жизнь горожан в большом городе и мегаполисе часто не дифференцируется, а сами понятия рассматриваются как синонимичные. Это связано с применением демографического критерия (численность населения не менее 1 млн жителей) и критерия экономической значимости (центр экономики, науки и промышленности) к анализу жизнедеятельности горожан, часто без учета качественных критериев. В связи с этим актуальной становится проблема выявления качественных (психологических, социально-психологических) критериев мегаполиса, отличающих его от просто большого города. По нашему мнению, мегаполис характеризуется выраженной социальной, экономической, культурной неоднородностью населения, объемом и плотностью навязанных межличностных контактов с чужими людьми, чрезмерной информатизацией, огромным выбором альтернатив досуга (магазины, товары). Это приводит к снижению степени позитивных эмоциональных переживаний горожанами возможностей мегаполиса, актуализирует потребность психологически «капсулироваться» в поисках защиты от состояния пресыщения условиями жизни.

Москва как мегаполис выходит за пределы городской черты, субъективно объединяя в единое социальное и территориальное пространство ближнее Подмосковье, города-спутники. Жители Подмосковья большую часть времени проводят в Москве (на работе, в местах отдыха), возвращаясь домой вечером. Однако жизнь в черте города и в пригородных районах различается, что отражается на социально-психологической пресыщенности (СПП) горожан условиями жизни в мегаполисе. В рамках нашей работы данное понятие трактуется как психическое состояние адаптации к городской среде, проявляющееся в конативных, эмоциональных и когнитивных реакциях на избыток социальных и предметно-пространственных стимулов в городской среде.

На основе теоретического анализа и результатов предыдущих исследований была сформулирована цель исследования – проанализировать различия в проявлениях социально-психологической пресыщенности среди Москвиче и жителей Подмосковья.

Предположили, что проявления когнитивного, конативного и эмоционального компонентов социально-психологической пресыщенности будут различаться в группах жителей Москвы и Подмосковья: 1) жители Москвы стремятся избегать навязанного общения и испытывают негативные эмоциональные переживания по отношению к атрибутам городской среды; 2) жители Подмосковья воспринимают условия жизни в городе более позитивно, но при этом склонны избегать навязываемой мегаполисом информации. В исследовании приняло участие 300 респондентов (жителей города и пригородов поровну). В качестве методов исследования использовали авторские опросники «Конативные проявления СПП», «Когнитивные проявления СПП», «Аффективные проявления СПП».

Результаты показали, что, несмотря на низкий общий уровень выраженности СПП в двух группах, СПП в сознании горожан характеризуется негативными переживаниями, осознанием трудностей жизни в городе, предпочтением стратегий избегания источников пресыщенности. При этом жители Подмосковья и собственно города обнаружили различия в переживании СПП. Первые воспринимают мегаполис как неблагополучный для детей, утративший традиционные соседские отношения. Позитивно воспринимая его возможности (места работы и досуга), они демонстрируют пресыщенность информационной и коммуникативной средой мегаполиса (реклама, вынужденные контакты с большим количеством чужих людей), стараясь защитить свое психологическое и социально-психологическое пространство. По сравнению с ними москвичи более склонны к стратегиям избегания вынужденного общения, а также к восприятию города как менее благополучной среды для жизни. Выявленные в исследовании различия могут объясняться различиями в городской и социальной идентичности респондентов. Данное предположение будет проверяться в нашем следующем исследовании.

Психологические механизмы ценностно-аффективной поляризации социальной группы*

А. Н. Лебедев (ИП РАН, Москва)

В последние десятилетия все больше зарубежных и отечественных ученых интересуется феноменом психологической поляризации социальных групп. Это связано прежде всего с тем, что в современном глобальном мире процессы социальной дифференциации начали преобладать над процессами интеграции. Ценностно-аффективной поляризацией социальных групп называют феномен, когда взгляды, мнения и публичные высказывания людей по наиболее важным вопросам становятся диаметрально противоположными по содержанию и крайне негативными по форме (А. Н. Лебедев; E. Harteveld, A. Kokkonen, J. Linde, S. Dahlberg).

Следует отметить, что противоречия между разными относительно независимыми группами и даже межгрупповые конфликты поляризацией не являются. Поляризация – это разделение по принципу мировоззрения и ценностных суждений членов одной группы на две подгруппы меньшего размера. Эти подгруппы характеризуются хорошо скоррелированными внутри каждой из них ценностными суждениями (мнениями) по наиболее актуальным для людей вопросам. В значительных по величине группах чаще всего формируются не две, а три подгруппы: две наиболее активные имеют устойчивые противоположные мнения (меньшинство), а третья принимает точку зрения той подгруппы, аргументы которой кажутся наиболее убедительными. Это относительно нейтральное большинство.

В социальной психологии исследования групповой поляризации активно начали проводиться с конца 1960-х годов (S. Moscovici, M. Zavalloni) и в настоящее время по всему миру привлекают внимание не только психологов, но и социологов, политологов, политтехнологов, философов и других специалистов. В разных странах данный феномен проявляется по-разному. Так, например, в США поляризация в силу социально-политического устройства значимо проявляется между сторонниками двух основных политических партий: республиканской и демократической (M. Wagner, L. Russo; S. Jungkuz). В евро-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0005.

пейских странах ситуация сходная. В нашей стране поляризация общества проявляется по принципу: власть — оппозиция (А. Н. Лебедев).

Исследования феномена поляризации населения страны сегодня крайне актуальны в связи с проведением специальной военной операции. Они позволяют разработать меры для предотвращения социальных потрясений, вероятность которых возрастает в условиях трансформации ценностной поляризации в аффективную. Ценностная поляризация населения возникает не сразу — это достаточно длительный процесс. Так, например, многие полагают, что начало проведения специальной военной операции разделило население страны на две ценностно полярные группы. Однако в соответствии с теорией поляризации конкретная позиция каждого гражданина страны по отношению к возникшей ситуации определилась не в момент ее возникновения, а является результатом предшествующего этапа формирования его мировоззрения (А. Н. Лебедев).

В проведенных нами исследованиях было установлено, что в условиях поляризации люди очень часто становятся иррациональными и не меняют своих суждений. На это обращал внимание также С. Московиси, но в рамках его когнитивной модели механизм данного явления остался нераскрытым. Также было установлено, что определяющую роль трансформации ценностной поляризации в аффективную играют высшие социальные эмоции (чувства стыда, гордости, собственного достоинства, социального страха и др.), что неизбежно к иррациональности суждений оппонентов. Экспериментально показано: изменение мнений людей под влиянием аргументации оппонентов возможно лишь на этапе ценностной поляризации группы, при ее трансформации в аффективную этого чаще всего не происходит (А. Н. Лебедев, О. В. Гордякова).

При возникновении поляризации в процессе групповых дискуссий их участники становятся лишь более уверенными в своей первоначальной позиции и правоте и почти никогда не принимают противоположную точку зрения независимо от логики и аргументов оппонентов. Также было показано, что принятие определенной позиции респондентом и публичное высказывание, например в процессе эмоциональной дискуссии, приводит к своеобразной ценностной перестройке внутреннего мира человека на уровне его подсознания (А. Н. Лебедев).

Разработанная нами модель феномена ценностно-аффективной поляризации дает возможность получать устойчивые и валидные эм-

пирические данные на трех различных по характеристикам подгруппах. Это позволяет использовать для исследований меньшие выборки, чем в традиционных массовых социологических опросах при изучении больших по размеру социальных групп (А. Н. Лебедев, О. В. Гордякова).

Коммуникативный опыт личности: проблема сильных и слабых связей

О. И. Маховская (ИП РАН, Москва)

Статус категории общения был повышен основателем Института психологии РАН Б. Ф. Ломовым, что дало возможность изучать коммуникативные процессы наряду с познавательными, личностными, мотивационными, а личностный опыт соотносить с коммуникативным. На наш взгляд, в коммуникации тестируется идентичность личности, апробируются ее границы, валентность, векторность. Инструментом формирования коммуникативного опыта являются простые контакты, но результатом является изменение личностных по природе, но коммуникативных по механизмам диспозиций. Стремление сохранить позитивную идентичность влияет на развитие коммуникации в новых, неопределенных, рискованных событиях. Личность оказывается в проективной ситуации, когда значимые, глубокие сценарии поведения актуализируются и проходят новую апробацию. О силе слабых связей впервые заговорил экономист М. Гранновetter, но только недавно они стали предметом исследования в психологии. Происходит изменение и во внешней коммуникации — слабые связи становятся сильными, влияют на укрепление и позитивное изменение идентичности. При угрозе потери и ослабления важных социальных связей мотив инклюзии (символического включения) в социальные группы становится важным мотивом поведения. Так, во время пандемии социальные сети, объединяющие чужих людей, вызывали больше доверия, чем общение с близкими людьми, коллегами.

Виртуальные контакты делят на сильные (любовь, дружба, ненависть, зависть, ревность), слабые (френды, фолловеры, подписчики) и латентные, которые возможны технически, но пока не актуализируются в текстах. Слабые и латентные связи интенсифицируются в социальных сетях в кризисные периоды. Сильные связи делят на двусторонние и групповые.

Методом математического моделирования показано, что в процессе адаптации субъекты осваивают двусторонние обмены по типу импринтинга (ребенок—мать) быстрее, чем более сложные групповые транзакции, в ущерб эффективному достижению общей цели. Блокировка социальных сетей снижает связность и психотерапевтическую ценность новых виртуальных сообществ, если за их пределами нет дублирующих контактов, которыми характеризуются обычно сильные связи (А. Флеш).

Напротив, солидарность, усиление слабых связей, повышающее эффективность защит и действий, является альтернативой социальной изоляции. Наше исследование влияния медиа на установки солидарности в России показало, что психологическими предпосылками инфодемии остается потребность в контроле, сохранении позитивной идентичности, групповой защите (О. И. Маховская). Недооценивается роль социальных сетей в консолидации групп: виртуальные слабые и латентные связи интенсифицируются в условиях катастроф и могут быть использованы для информирования и проведения тренингов в условиях карантина. В стратегии работы медиа в период стихийных бедствий должны входить научно обоснованное просвещение, формирование и усиление солидарных установок в обществе в тесном контакте с академическими институтами. Медиа должны пропагандировать эффективные практики совладания с негативными эмоциями, усиливать психологический ресурс населения. Большие данные о масштабах пандемии нужно дополнять плотными, «жирными» данными этнографических исследований, которые подскажут людям, как себя вести в конкретных контекстах. В стратегии работы медиа в период стихийных бедствий должны входить научно обоснованное просвещение, формирование и усиление солидарных установок в обществе в тесном контакте с академическими институтами, ведущим из которых остается Институт психологии РАН, юбилей которого отмечается в текущем году.

Актуализация многоуровневого группового субъекта: социально-психологическое исследование

О. А. Мирошниченко (КГУ, Курск), С. В. Сарычев (КГУ, Курск)

Феномен многоуровневого группового субъекта недостаточно исследован, что проявляется в терминологической неопределенности

и дефиците моделей актуализации группового субъекта. Исследование феномена многоуровневости группового субъекта способствует уточнению представлений о совместной деятельности, общении и взаимодействии в малой группе. Многоуровневый групповой субъект целесообразно изучать с опорой на концепцию коллективного субъекта (А. Л. Журавлев), субъектную концепцию малой группы (К. М. Гайдар), параметрическую концепцию группы (Л. И. Уманский, А. С. Чернышев).

Планируя исследование, мы исходили из предположения о том, что в процессе жизнедеятельности социально-психологические особенности группового субъекта в различных условиях актуализируются в различной степени, в том или ином диапазоне совместной деятельности, общения, отношений.

Нами были исследованы малые молодежные группы. Интерес к молодежным группам вызван тем, что данная категория выступает одной из основ развития общества. В этот период жизни высокую значимость приобретает членство в группе, от которого во многом зависит формирование и развитие личности, приобретение опыта взаимодействия в группе, перенос этого опыта в другие группы. Базой проведения экспериментального исследования послужили молодежные организации Курской области. Жизнедеятельность молодежных групп в таких организациях представлена различными формами совместной жизнедеятельности: учебной, трудовой, спортивной, игровой, творческой, волонтерской и др., что дает возможность наблюдать за особенностями группы в различных ситуациях. Это позволяет включить данные группы в естественный эксперимент (во время летней лагерной смены) и проследить актуализацию группового субъекта от начала формирования группы и на протяжении всего ее существования.

Экспериментальное исследование включало два этапа, среди которых следует отметить реализацию отдельных аспектов программы эмпирического исследования актуализации многоуровневого группового субъекта в различных социальных условиях, в том числе изучение социально-психологических особенностей процесса актуализации группового субъекта в стандартных, оптимальных, напряженных социальных условиях, выявление зависимости актуализации группы от уровня ее субъектного развития, выявление различий в актуализации группы с разным уровнем субъектного развития в зависимости от степени напряженности условий их жизнедеятельности; выявление

ние особенностей актуализации многоуровневого группового субъекта в различных социальных условиях, раскрытие психологической сущности процесса актуализации группового субъекта в динамике (за весь период существования группы), выделение уровней и типов актуализации многоуровневого группового субъекта, разработка соответствующей экспериментальной модели.

Общий замысел экспериментального исследования заключался в том, что, помещая группы в оптимальные, стандартные и напряженные ситуации совместной групповой жизнедеятельности (манипулируя независимой экспериментальной переменной), мы наблюдаем за особенностями актуализации групп разного уровня субъектного развития, выявляем зависимость актуализации группового субъекта от различных социальных условий, что позволит выделить уровни групповой актуализации. Длительность естественного эксперимента составляла от восемнадцати до двадцати одного дня, включая организационный этап, основной и итоговый.

Было установлено, что по уровню субъектного развития группы представлены в равной степени: досубъектного уровня развития (23%), квазисубъектного уровня развития (23%), мезосубъектного уровня развития (23%), просубъектного (23%). Высокоразвитых групп оказалось около 8% (просубъектный уровень развития). Результаты исследования позволили выделить типы актуализации группового субъекта с разным уровнем развития в стандартных, оптимальных и напряженных условиях совместной деятельности. Актуализация группового субъекта классифицирована нами как эффективная, неэффективная и смешанная. Смешанный вариант актуализации группы предполагает наличие в ней значительных вариаций. Так, в отдельных ситуациях жизнедеятельности групповой субъект может актуализировать свои групповые свойства эффективно, в других проявляет более низкий уровень. В группах протосубъектного и просубъектного уровней развития процесс актуализации характеризуется полнотой отражения групповых возможностей, определяющих успешность актуализации. Включение группы в многообразные формы и ситуации совместной жизнедеятельности способствует появлению группового опыта, позволяющего наиболее рационально реализовывать потенциал группы.

Готовность российских студентов к межкультурному взаимодействию в период пандемии: роль страха перед COVID-19*

Н. В. Муращенкова (НИУ ВШЭ, Москва)

Два года мир живет в условиях своеобразного естественного эксперимента, в ходе которого обнаруживаются специфические взаимосвязи между различными психологическими феноменами, обусловленные влиянием пандемии. Так, например, существуют научные доказательства того, что выраженный страх перед COVID-19 может запускать стигматизацию и ксенофобию (В. И. Екимова и др., Y. Ren et al., A. Schimmenti et al.), что, в свою очередь, становится барьером на пути продуктивного межкультурного взаимодействия. Данные явления и взаимосвязи могут быть особенно актуальны для студенческой молодежи, признаваемой учеными группой риска с высокой вероятностью проявления неблагоприятных последствий пандемии (J. Deng et al., Y. Wang et al.). Современная университетская среда предполагает множество контактов с представителями различных культур (и из числа студентов, и из числа преподавателей), продуктивность которых может снижаться в связи со страхом перед COVID-19. В свою очередь, образованная молодежь является обычно генератором межкультурных контактов как наиболее открытая новому опыту группа. В связи с этим проблема изучения характера влияния пандемии на продуктивность межкультурного взаимодействия в среде студенческой молодежи становится особенно значимой.

Целью исследования стало изучение характера связи страха перед COVID-19 и показателей готовности к межкультурному взаимодействию у студентов российских университетов.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в ходе анонимного онлайн-опроса на платформе anketolog.ru с января 2021 по апрель 2021 г. (вторая волна пандемии). Ссылка на онлайн-анкету распространялась среди потенциальных респондентов преподавателями и студентами университетов. Итоговую выборку исследования составили 579 студентов российских университетов из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Пензы, Смоленска и Хабаровска. Все респонденты – граждане

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

России в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 20 лет; SD = 1,57; в выборке 16% мужчин).

Эмпирические данные были собраны с помощью валидного и надежного инструментария. Степень переживания страха коронавирусного заболевания определялась с помощью Шкалы страха COVID-19 (FCV-19S). Использовалась двухфакторная структура опросника: отдельно оценивались психофизиологические (α Кронбаха = 0,822) и психоэмоциональные ($\alpha = 0,772$) проявления страха COVID-19. Маркерами готовности к межкультурному взаимодействию выступили показатели шкал «межкультурная стабильность» ($\alpha = 0,800$), «межкультурный интерес» ($\alpha = 0,805$), «отсутствие этноцентризма» ($\alpha = 0,702$) и «управление межкультурным взаимодействием» ($\alpha = 0,708$) «Интегративно-опросника межкультурной компетентности» (О. Е. Хухлаев и др.).

В результате регрессионного анализа были обнаружены статистически значимые отрицательные связи психофизиологических проявлений страха перед COVID-19 со всеми маркерами готовности к межкультурному взаимодействию: межкультурная стабильность ($p = 0,000$), отсутствие этноцентризма ($p = 0,000$), управление межкультурным взаимодействием ($p = 0,000$) и межкультурный интерес ($p = 0,006$). Психоэмоциональные проявления страха оказались отрицательно связаны лишь с показателем «межкультурная стабильность» ($p = 0,005$).

Несмотря на существующие ограничения исследования (корреляционный дизайн и преобладание в выборке женщин), полученные результаты подтверждают возможное негативное влияние пандемии на продуктивность межкультурного взаимодействия в среде российской студенческой молодежи, в связи с чем данная область исследований требует дальнейшего внимания со стороны ученых и специалистов-практиков.

Эмигрировать или остаться жить в России: ценностные основания намерений студенческой молодежи*

*Н. В. Мураценкова (НИУ ВШЭ, Москва), В. В. Гриценко (МГППУ, Москва),
М. Н. Ефременкова (МГППУ, Москва)*

Изучение психологических факторов миграционной активности молодежи – актуальная задача современной науки, значимость которой

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00156.

определяется нарастающими темпами эмиграционной мобильности молодого населения России, что связано с необходимостью определения путей сохранения ценного человеческого капитала внутри страны. При учете подтвержденной роли психологических факторов в эмиграционной мобильности ощущается недостаток соответствующих эмпирических исследований.

Обзор существующих исследований (Н. В. Муращенкова) подтверждает тот факт, что психологические факторы выступают движущими силами эмиграционных намерений молодежи. Так, в частности, научные данные свидетельствуют о том, что предикторами эмиграционных намерений молодежи выступают базовые индивидуальные ценности (Н. В. Муращенкова, E. Tartakovsky, S. H. Schwartz). В свою очередь, для более глубокого понимания механизмов формирования эмиграционного поведения особый интерес представляет анализ роли индивидуальных ценностей в формировании не только намерений эмигрировать, но и намерений навсегда остаться жить в стране (K. Schewel).

Эмпирическое исследование направлено на изучение особенностей связей базовых индивидуальных ценностей студентов с выраженностью их намерений эмигрировать или остаться жить в России. В исследовании приняли участие 579 студентов университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Хабаровска, Смоленска, Пензы (граждан России) в возрасте от 18 до 25 лет (84% женщин, $M = 20$, $SD = 1,57$). Онлайн опрос проводился с использованием платформы anketolog.ru с января 2021 по апрель 2021 г.

Намерения молодежи эмигрировать или остаться жить в России оценивались с помощью разработанных в соответствии с теорией планируемого поведения А. Айзена утверждений: «Я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну», «Я готов(а) в ближайшие 5 лет переехать за границу», «Я уверен(а), что в ближайшие 5 лет передо мной жить в другую страну»; «Я хочу остаться жить в России навсегда», «Я готов(а) остаться жить в России навсегда», «Я уверен(а), что останусь жить в России навсегда» (с 6-балльной шкалой ответов от 1 — «Абсолютно не согласен/на» до 6 — «Абсолютно согласен/на»). Использовался также сокращенный вариант «Портретного ценностного опросника» Ш. Шварца (включающий 21 утверждение), разработанный для Европейского социального исследования (ESS-21). Применялся метод моделирования структурными уравнениями (SEM) с контролем переменных (пол, возраст, материальное положение, прожива-

ние в столице или регионе, опыт международной мобильности, владение иностранными языками, уровень религиозности, страх перед COVID-19). Использовалась программа IBM SPSS Amos v. 23. Были построены две модели, в которых в качестве зависимых переменных выступили намерение эмигрировать и намерение остаться жить в России. Зависимые переменные моделировались как латентные факторы, представленные тремя измеренными переменными-утверждениями. Предикторами в моделях выступили измеренные базовые индивидуальные ценности по Ш. Шварцу (самостоятельность, стимуляция, гедонизм, достижения, власть, безопасность, конформизм, традиция, благожелательность, универсализм).

Обе модели обладают приемлемыми индексами пригодности: CFI=0,99, RMSEA=0,04, PCLOSE=0,75, $\chi^2/df=2,00$, $p=0,01$ (зависимая переменная – намерение эмигрировать); CFI=1,00, RMSEA=0,02, PCLOSE=0,99, $\chi^2/df=1,27$, $p=0,19$ (зависимая переменная – намерение остаться жить в России). Согласно результатам исследования, эмиграционные намерения в большей степени выражены у студентов, ориентированных на такие ценности, как стимуляция ($p=0,00$) и власть ($p=0,01$), но отрицающих значимость ценности конформизма ($p=0,01$). Намерение же остаться жить в России навсегда, напротив, выражено у студенческой молодежи, отдающей предпочтение ценности конформизма ($p=0,01$) и отрицающей при этом значимость таких ценностей, как стимуляция ($p=0,00$), безопасность ($p=0,03$) и власть ($p=0,04$). Полученные результаты вносят вклад в понимание психологических механизмов формирования эмиграционной активности студенческой молодежи в современном российском контексте.

Этичны ли ценностные ориентации владельцев малого бизнеса?

Ю. С. Мурзина (ТюмГУ, Тюмень)

В современном мире научное сообщество и деловой мир признали необходимость повышения этического сознания представителей бизнеса и развития ответственности корпораций перед обществом. В основном нарушение этических норм в бизнесе связывается со стремлением владельцев бизнеса к зарабатыванию денег в ущерб интересам потребителей и общества. Однако само по себе зарабатывание де-

нег не является неправильным: именно манера поведения некоторых предпринимателей поднимает вопрос о неэтичности их поведения. Для решения этой проблемы в бизнес-сообществе была разработана «Клятва менеджеров», провозглашающая этические нормы делового взаимодействия. Однако в нашей стране такая клятва не получила широкого распространения. Учитывая, что в системе высшего образования курс «Этика бизнеса» не является «классическим» при подготовке студентов экономических направлений, встает вопрос: насколько этичным будет экономическое сознание владельцев малого бизнеса? Сформулируем исследовательский вопрос точнее: будут ли содержать этические принципы ценностные ориентации владельцев малого бизнеса?

Цель – оценить наличие этических принципов в системе ценностных ориентаций владельцев малого бизнеса.

Этические принципы берут свое начало в религиозных концепциях. Религия оказывает на этнос огромное воздействие в силу того, что в своей основе формирует установки по отношению к миру, определяет восприятие сущности и целей человеческого существования. Если для мусульманства Коран обозначает основные правила ведения предпринимательской деятельности, то для православных предпринимателей требуется помощь в трактовке священных текстов в экономическом контексте (Ю. С. Мурзина и др.). Таким примером может быть «Этический кодекс православного предпринимателя» (Союз православных предпринимателей).

Однако при формировании ценностных ориентаций (ЦО) личности необходимо рассматривать воздействие более комплексно, учитывая конкретные исторические, экономические, социокультурные и педагогические воздействия. С 2013 г. Академия труда и социальных отношений ввела Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности», который регламентирует этическое поведение бизнеса. Однако использование стандарта является рекомендательным, а не обязательным для предпринимателей. Так каким же должно быть этическое поведение организации? «Поведение организации должно основываться на ценностях: честность, справедливость и добросовестность. Эти ценности подразумевают заботу о людях, животных и окружающей среде, а также обязательство реагировать на воздействие, которое ее деятельность и решения оказывают на интересы заинтересованных сторон» (ГОСТ, 2012).

Гипотеза

ЦО владельцев малого бизнеса как результат комплексного воздействия среды на личность будут содержать принципы этического поведения организации.

Методика

Проективное интервью «Ценностные ориентации предпринимателей в сфере семьи и бизнеса», основанное на прототипических ситуациях-стимулах (Ю. С. Мурзина и др.). Общий объем выборки составил 131 человек – владельцев микро- и малого бизнеса, разделенных на 4 возрастные группы по времени существования их компаний на рынке 0–5 лет, 6–10 лет, 11–20 лет и 20+. Статистический анализ проводился с помощью пакета R Studio.

В ходе проверки гипотезы мы провели статистическое сравнение категориальных ценностных переменных критерием χ^2 . Полученные данные позволили выделить два вида ЦО:

- константные –ЦО, различия по которым незначимы, присутствуют во всех возрастных группах бизнеса и актуализируются не менее 20% испытуемых. Значимы такие ЦО – Ответственность, Избегание конфликтов, Независимость;
- переменные –специфические ЦО, значимо различающиеся по разным возрастам бизнеса, представлены в одной или нескольких возрастных группах у более 20% респондентов.

Содержательный анализ различий позволил сформулировать три закономерности в ЦО: 1) важность Профессионализма отмечена во всех жизненных циклах развития бизнеса (но особенно в группах, существующих 6–10 лет, 11–20 лет); 2) формирование этичной позиции бизнеса происходит в компаниях 20+ через проявление таких ЦО как Служение людям, Интуиция, Корпоративная этика; 3) цикличность в распределении энергии владельца на 4 жизненных этапах развития предприятия.

Таким образом, с годами малый бизнес все больше формирует просоциальную ориентацию: в системе приоритетов владельца появляется нравственно-этическая составляющая. Поэтому именно зрелые бизнесы реализуют благотворительные и социальные проекты, заботясь о формировании лояльности клиентов и сотрудников. Вместе с тем и для молодых компаний свойственны ЦО Ответствен-

ность и Профессионализм. Все это позволяет нам сделать вывод о наличии принципов этического поведения организации в системе ЦО владельцев малого бизнеса и подтвердить гипотезу.

Ценностные ориентации преемников семейного бизнеса*

Ю. С. Мурзина (ТюмГУ, Тюмень), Е. А. Седова (ТюмГУ, Тюмень)

Семейный бизнес — очень распространенная и эффективная форма хозяйствования в мире. Экономические потрясения такие компании переносят гораздо легче, чем другие модели предпринимательства. Однако у семейных компаний есть слабое место — процесс передачи бизнеса. Таким компаниям зачастую не удается существовать дольше, чем их основатели. Всего 7% компаний в России имеют документально оформленный план передачи бизнеса при условии, что передавать бизнес преемникам собираются 36% (Pricewaterhouse Coopers). В связи с этим появляются вопросы: почему так мало компаний стремятся к продолжению традиций семейного бизнеса? какие преемники не хотят продолжать общее дело? в чем специфика ценностно-мотивационной сферы реальных преемников бизнеса, готовых продолжить семейное дело?

Целью нашего исследования стало изучение ценностных ориентаций преемников семейного бизнеса в зависимости от их готовности продолжать бизнес.

P. Sharma, G. Irving выделили четыре вида мотивации, которые заставляют следующее поколение участвовать в «погоне» за карьерой в семейной фирме: 1) аффективная (вера в цели компании), 2) должностное, 3) расчет (осознание стоимости доли) и 4) мотивация неуверенности в себе (неуверенность в способности работать вне семейного бизнеса) (Ю. С. Мурзина).

Результаты исследования семейного бизнеса в рамках международного проекта «InterGen» показывают, что «решение продолжить семейный бизнес связывается с меньшим доверием к друзьям, чувством нелюбви к себе <...> с отсутствием идей о собственном бизнесе.

* Исследование выполнено в сотрудничестве с Международным исследовательским проектом «The intergenerational family businesses as a stress management instrument for entrepreneurs» («Angel Kancev» University of Ruse, Bulgaria).

Это приводит к выводу, что семейный бизнес воспринимается как традиция, обязательство» (The intergenerational family businesses as a stress management instrument for entrepreneurs). Значит ли это, что в семейный бизнес идут молодые люди по пути наименьшего сопротивления, менее социально успешные?

Гипотеза исследования

Ценностные ориентации реальных преемников, планирующих продолжить бизнес, отличаются от ценностных ориентаций потенциальных преемников, не желающих далее работать в семейном бизнесе.

Выборка исследования составила 40 человек (30% мужчины, 70% женщины) в возрасте 15–44 лет, поделена на две равные подгруппы – реальные преемники, планирующие продолжить семейный бизнес, и потенциальные преемники, не желающие этого. В работе использовался «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина. Данные обрабатывались критерием Манна–Уитни в программе Statistica v. 8.0, различия считались значимыми при $p \leq 0,05$.

Результаты исследования выявили, что все показатели методики ОТеЦ-2 (это 5 сфер жизни и 8 терминальных ценностей) выше в группе потенциальных преемников. Статистическое сравнение показало, что для потенциальных преемников значимо выше оказались такие сферы жизни, как Профессиональная жизнь ($p = 0,03$), Образование и обучение ($p = 0,04$), Увлечения ($p = 0,01$). В блоке терминальных ценностей значимо выше: Собственный престиж ($p = 0,04$), Креативность ($p = 0,02$), Активные социальные контакты ($p = 0,03$), Развитие себя ($p = 0,04$), Духовное удовлетворение ($p = 0,003$).

Анализ данных показывает, что потенциальные преемники имеют более высокую значимость профессиональной деятельности, они готовы много времени посвящать работе, учиться, важное место в их жизни занимают увлечения. Для реальных преемников все эти сферы жизни имеют средние значения. Потенциальные преемники делают только то, что интересно, стараются реализовать свой творческий потенциал, демонстрируют большее стремление к одобрению со стороны других, стремятся к общению и саморазвитию. Реальные преемники стремятся делать то, что необходимо, даже если это и неинтересно, в своих решениях ориентируются на свои жизненные позиции (а не одобрение других), предпочитают спокойную и размеренную жизнь без потрясений, не стремятся создавать большую сеть контактов, аккуратны с другими людьми, не стремятся к изменению своего характера.

Итак, гипотеза исследования подтвердилась: ценностные ориентации реальных и потенциальных преемников значимо различаются. Для реальных преемников характерны готовность нести бремя ответственности за семейное дело, закрытость в общении, консервативность. Выявленные особенности соответствуют «мотивации неуверенности в себе» (описанные в работе Р. Sharma) и подтверждают выводы Международного проекта InterGen. В такой ситуации считаем целесообразным в системе вузовского образования разрабатывать магистерские программы или отдельные элективные дисциплины, способные сформировать в представлениях молодежи статусность продолжения семейного бизнеса.

Трансформация социальных взаимодействий высокоорганизованных групп в условиях цифровизации: экопсихологическая модель*

В. И. Панов (ПИ РАО, Москва), Э. В. Патраков (УрФУ, Екатеринбург)

Цифровизация генерирует новые условия социального функционирования разных сообществ (А. Л. Журавлев, В. И. Панов, Т. П. Емельянова, Т. А. Нестик и др.), что ведет к трансформации форм и содержания социального взаимодействия. В наиболее широкой трактовке социальные взаимодействия предполагают обмен информацией и получение обратной связи (М. Вебер, А. И. Кравченко, Т. Парсонс). Но и С. Л. Рубинштейн писал, что «первейшее из первых условий жизни человека — это другой человек», обозначив психологическое содержание этого феномена. Мы фокусируемся на цифровой трансформации социальных взаимодействий в высокоорганизованных группах. Это исследование представляет собой своеобразное эхо исследований, проведенных в 2004–2008 гг. в рамках кандидатской диссертации о формировании команд (Э. В. Патраков). Характеристика деятельности групп, классификация их уровней исследуются на протяжении нескольких десятилетий рядом специалистов, в исследованиях, посвященных развитию социальной психологии труда (А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик). Цифровизация трансформировала структуру, содержание профессиональной деятельности, систему экономических отношений, а в неко-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-14067.

торых случаях приблизила игру и труд, что в итоге привело к трансформации социальных взаимодействий в разных видах деятельности (В. И. Панов, Э. В. Патраков).

Опыт тренингов в 2008–2016 гг. без учета цифровизации, в которых в общей сложности участвовало свыше 800 человек из нескольких десятков коллективов, позволил сформировать совокупность показателей, оценивающих уровень развития группы: организационно-психологическая группа показателей (цель, результативность, согласованность профессиональных ролей и функций) и социально-психологическая группа показателей (способ решения проблем, отношение к личности, межличностные отношения). Уровень каждого из перечисленных показателей предлагалось классифицировать по шкале от 1 до 5, где 5 – наибольший уровень выраженности показателя. Например, для целей группы значение «5» означает ее полную ясность, согласованность, принятие всеми участниками группы.

Интерпретация уровня развития групп с точки зрения экопсихологической теории субъект-средовых взаимодействий (В. И. Панов) заключается в следующем: базовый уровень социального взаимодействия характерен для самого начального этапа формирования групп. Такой уровень соответствует объект-объектному типу в системе отношений «индивид–группа». Группы данного уровня не участвовали в исследовании. Очень низкий уровень соответствует объект-субъектному или субъект-объектному типам взаимодействия (например, цель воздействия не вполне понятна субъектам взаимодействия, но они могут быть вынуждены подчиняться ей). Низкий уровень соответствует субъект-обособленному типу, поскольку цель и другие характеристики объявлены формально, результат взаимодействия можно охарактеризовать как отрицательный. Средний уровень соответствует субъект-порождающему типу, т. е. сотрудники находятся в процессе совместного обсуждения, чтобы позиция, ситуация, цель «устраивала всех» участников. Высокий уровень соответствует субъект-совместному типу, взаимодействие принимает коллективный характер согласованного совместного действия.

Проведение опроса по данной модели в период перевода на дистанционный режим работы ($n = 315$, 12 групп социономических, технономических и сигнономических профессий) и последующее сравнение по U-критерию Манна–Уитни позволили сделать выводы:

- для сигнономических специальностей различий между доцифровым и цифровым периодами не выявлено; мы можем это объ-

- яснить тем, что содержание деятельности и специфика взаимодействия специалистов в области ИТ не изменились;
- для технономических профессий была выявлена редукция социально-психологической группы показателей; это объяснимо тем, что минимизация «живых» социальных взаимодействий вела к снижению понимания, обеднению передачи информации;
  - для социономических специальностей имелась редукция по всем группам показателей: от субъект-совместного к субъект-порождающему, а для педагогов – к субъект обособленному, т. е. к поиску новых фактов, факторов, условий социальных взаимодействий, детерминированных цифровой средой. Экспресс-опрос групп данных специальностей, проведенный через полтора – два года (в настоящее время) показал, что группы вновь демонстрировали достаточно высокий уровень взаимодействия. Но, оставаясь прежними по цели, имели место изменения содержания и формы взаимодействия, что позволяет сделать интегральный вывод исследования о том, что субъект-порождающий и субъект-совместный типы взаимодействия в условиях цифровой информационной среды подвергаются наибольшей трансформации.

Личностные факторы ориентации во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке*

В. П. Позняков (ИП РАН, Москва), Ю. М. Панфилова (Агентство развития профессионального мастерства, Москва)

Широкая распространенность незарегистрированных браков как в России, так и в других странах обуславливает актуальность исследований взаимодействия партнеров в данных отношениях. Недостаточное количество научных оснований для рассмотрения новых реалий брачных отношений, в том числе взаимодействия в незарегистрированном браке, требует новых подходов и методов анализа. В нашем исследовании в качестве подобного подхода рассматривается ресурсно-ценностный подход к анализу социального взаимодействия, предложенный В. П. Позняковым и Т. С. Вавакиной. В рамках данного подхода выделяются две ориентации во взаимодействии с партнером: объектно-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-00356.

ресурсная, при которой партнер по взаимодействию рассматривается субъектом преимущественно в качестве объекта как ресурс, средство достижения собственных целей и удовлетворения своих потребностей, и субъектно-ценностная, при которой партнер рассматривается как равный себе субъект взаимодействия, имеющий собственные потребности и цели, а само взаимодействие с ним – как самостоятельная и важная ценность. Этот подход, реализованный авторами в исследовании партнерских отношений в деловой сфере, представляется конструктивным для анализа социального взаимодействия в самых разных сферах совместной жизнедеятельности. В рамках нашего исследования он использовался для анализа личностных факторов ориентации во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке. Выявлялись статистические факторы влияния личностных особенностей (ценностных ориентаций и личностных характеристик) на выраженность ориентаций во взаимодействии с партнером. Проведено сравнение личностных особенностей партнеров, зарегистрировавших брак через некоторое время после проживания в незарегистрированном браке, и партнеров, продолживших отношения в незарегистрированном браке.

В ходе исследования было опрошено 144 человека, состоящих в незарегистрированном браке, из них 72 мужчины и 72 женщины в возрасте 18–35 лет. Дополнительный этап исследования был выполнен через год после основного этапа исследования и выявил 52 респондентов, зарегистрировавших отношения после проживания в незарегистрированном браке из числа партнеров, состоявших на момент основного этапа исследования в незарегистрированном браке.

По результатам проведенного исследования установлено, что ключевым фактором ориентации во взаимодействии с партнером выступает личностная характеристика доброжелательности. Высокие значения этой характеристики являются статистическим фактором выраженности субъектно-ценностной ориентации, а низкие значения – фактором объектно-ресурсной ориентации. Это позволяет говорить о существенно полярной природе двух ориентаций во взаимодействии. Доброжелательное отношение к людям, готовность помогать и сотрудничать обуславливает субъектно-ценностную ориентацию, а объектно-ресурсную ориентацию детерминирует враждебность, недружелюбие, отстаивание только своих интересов и мнений.

У респондентов-мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, большую значимость, чем у женщин, имеют ценностные ориен-

тации достижения, гедонизма, самостоятельности, а также личностная характеристика открытости опыту. На основании этого можно сказать, что отношения в незарегистрированном браке для мужчин и для женщин имеют различное значение. Для мужчин — это нередко возможность иметь постоянного партнера для удовлетворения своих бытовых, сексуальных и других потребностей, а сами отношения с партнером мужчины в незарегистрированном браке рассматривают как комфортную среду для реализации социальных достижений и карьеры. В то время как для женщин отношения в незарегистрированном браке в большей степени — этап, предвещающий начало семейной жизни.

У партнеров, зарегистрировавших брак после проживания в незарегистрированном браке, обнаружена большая выраженность самотрансцендентных ценностей (универсализм, доброта) по сравнению с партнерами, продолжившими проживание в незарегистрированном браке. Это говорит о важности «просоциальных» личностных характеристик и ценностей для перспективности отношений с партнером. Также у партнеров, зарегистрировавших брак после проживания в незарегистрированном браке, в большей степени выражен показатель «нацеленность на рождение и воспитание детей», что позволяет говорить о центральном значении намерения воспитывать детей при переходе от незарегистрированного брака к официальным семейно-брачным отношениям. Перспективным представляется расширение диапазона исследований партнерского взаимодействия мужчин и женщин, состоящих в различных формах и видах близких отношений, как непосредственно семейно-брачных, так и предшествующих им.

Личностные и идеологические predispositions в оправдании системы*

И. С. Прусова (НИУ ВШЭ, Москва), Н. И. Богатырева (НИУ ВШЭ, Москва)

В последнее время исследователи обращаются к изучению широкого спектра социальных установок, которые люди используют для оправдания «статус-кво» в разных сферах общественной жизни (J. Jost). Среди таких установок рассматриваются меритократия, протестантская

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00142.

трудова́я этика, политический консерватизм, идеология «свободного рынка» и непосредственно оправдание системы как отдельного конструкта в социальной, политической, гендерной и экономической сферах. Ориентация на сохранение статуса-кво находит выражение и среди высокостатусных, и низкостатусных групп в капиталистических и в посткоммунистических странах (А. Сішо́ка, J. Jost). Предполагается, что оправдание системы определяется как личностными (личностные черты, потребность в когнитивной завершенности), так и идеологическими (правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование) predispositions. Однако некоторые исследования показывают противоречивые результаты относительно роли представленных факторов. Например, в некоторых работах экстраверсия положительно связана с оправданием системы, а в других – отсутствует связь между представленными переменными (С. М. Burton, J. E. Plaks, В. Peterson, D. Osborne, С. G. Sibley).

Цель исследования состояла в определении связи личностных, мотивационных и идеологических предикторов общего оправдания системы в российском контексте.

В исследовании 1 приняли участие 315 респондентов из России. Участники предлагалось заполнить методики на оценку личностных черт («Большая пятерка») и общего оправдания системы. Результаты показали, что экстраверсия положительно связана с оправданием ($r=0,13$, $p=0,016$), в то время как открытость опыту – отрицательно ($r=-0,11$, $p=0,046$).

В исследовании 2 приняли участие 243 респондента из России, которым предлагалось заполнить методики на оценку ценностей Ш. Шварца и общее оправдание системы. Результаты показали, что ценности «традиция» ($r=0,18$, $p=0,004$) и «стимуляция» ($r=0,13$, $p=0,035$) положительно связаны с оправданием системы.

В исследовании 3603 респондента из России заполняли методики, направленные на изучение представлений об опасном и конкурентном мире, потребности в когнитивной завершенности и общего оправдания системы. Результаты показали, что потребность в когнитивной завершенности ($r=0,14$, $p<0,001$) и вера в конкурентный мир ($r=0,17$, $p<0,001$) положительно связаны с оправданием системы.

В исследовании 4373 респондента из России заполняли методики по изучению ориентации на социальное доминирование, правого авторитаризма и общего оправдания системы. Результаты исследования показали, что правый авторитаризм ($r=0,34$, $p<0,001$) и ориента-

ция на социальное доминирование ($r=0,23$, $p<0,001$) положительно связаны с общим оправданием системы.

Полученные результаты свидетельствуют о приоритетной роли идеологических факторов (правый авторитаризм и ориентации на социальное доминирование) в оправдании системы. Потенциал будущих исследований, направленных на изучение личностных, мотивационных и идеологических предикторов в разных культурных контекстах, обсуждается в рамках теории оправдания системы.

Факторы психологического отношения к табакокурению

С. А. Решетко (ИП РАН, Москва)

Проблема табакокурения до сих пор не теряет своей актуальности, а в ситуации распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) вопрос сохранения здоровья стал особенно актуальным и значимым. Условно исследования курения можно разделить на три большие группы: исследования на макроуровне (политика государства и принимаемые меры в отношении профилактики курения, влияние рекламы), на микроуровне (влияние ближайшего окружения: семья, друзья, школьный или рабочий коллектив) и исследования на личностном уровне (изучение индивидуально-личностных особенностей как курящих, так некурящих и бросивших курить).

Анализируя результаты социально-психологических исследований, можно увидеть взаимосвязь макро-, микро- и личностного уровней. Так, проявление конформности (Е. И. Дубровинская) как личностного фактора невозможно без наличия рядом социальной группы (С. Alexander, М. Piazza, D. Mekos, T. Valente). Образ курящей женщины, пропагандируемый в рекламе, воспринимается как неотъемлемый образ независимой женщины (Ф. Зимбардо, М. Ляйппе). Взаимосвязанность факторов инициации и отказа от курения ставит необходимость комплексного изучения факторов.

Изучение психологического отношения к табакокурению было впервые реализовано в 2011 г. в работе В. Л. Хромовой «Межгрупповые различия в отношении к табакокурению: на примере курящих и некурящих мужчин и женщин». В рамках проведенного исследования были рассмотрены различия содержаний компонентов психологических отношений по половому признаку и опыту курения. В исследовании, проведенном нами в 2019 г. (В. П. Позняков, С. А. Решетко,

К. А. Багратиони), была предпринята попытка реализации комплексного подхода к изучению факторов психологического отношения, объединяющего изучение групповых и личностных факторов психологического отношения к курению.

Согласно полученным результатам, среди групповых предикторов психологического отношения к курению статистически значимым оказываются социально-психологические характеристики родительской семьи, в то время как сам факт курения лучшего друга не выступает фактором психологического отношения. Некурящие респонденты более высоко оценивали уровень сплоченности внутри родительской семьи, а курящие и бросившие курить оценивают свою семью как менее сплоченную. На важную роль семьи в формировании отношений к окружающей действительности указывал В. Н. Мясищев. Он подчеркивал, что первые шаги развития ребенок проходит чаще в родительской семье и уже позже расширяет круг общественных связей.

Среди личностных факторов статистически значимыми оказались ценности: красота природы и искусства, творчество, здоровье, счастливая семейная жизнь, уверенность в себе, активная и деятельная жизнь, познание.

Как было отмечено ранее, некурящие респонденты оценивают родительские семьи как сплоченные. В таких семьях родители выступают образцом для подражания. Ценность счастливой семейной жизни выступает фактором отрицательного отношения к табакокурению. Представляются интересными результаты группы респондентов, бросивших курить. Для данной категории людей ценность семьи выступает более значимой не только по сравнению с группой курящих, но и с группой некурящих респондентов.

Таким образом, была предпринята попытка комплексного изучения факторов психологического отношения к табакокурению на микросоциальном и личностном уровне.

Связь субъективного благополучия с эмиграционными установками российской молодежи

Ж. Ж. Ромашева (МГППУ, Москва)

Многие страны, в том числе Россия, характеризуются увеличением эмиграционной подвижности среди молодого образованного населения (М. McAuliffe, В. Khadria, М. Manchin, S. Orazbayev, Росстат,

GeekBrains). Одновременно наблюдается недостаточная изученность подготовительного этапа переезда за границу – возникновение эмиграционной установки, что актуализирует проблему и побуждает нас к проведению собственного исследования.

Большинство ученых изучают связь установки к эмиграции с отдельными компонентами субъективного благополучия: неудовлетворенностью жизнью (K. Silventoinen et al., R. Szilágyi, B. Varga), счастьем (J. Brzozowski, N. Coniglio, K. Aliyev et al.), восприятием неравенства доходов среди населения (A. Laurinavičius). Нами предпринята попытка комплексного анализа связи эмиграционной установки с субъективным благополучием и его компонентами, отражающие различные стороны благополучия (эмоциональное, экзистенциально-деятельностное, гедонистическое, социально-нормативное благополучие и эго-благополучие).

Выборка и инструментарий

В исследовании приняли участие 646 человек из России в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст – 20,4 года ($SD = 4,09$)), из них 78% женщин. Использовались «Шкала миграционных установок» (С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов, А. В. Фещенко), модифицированная в «Шкалу эмиграционных установок» (α Кронбаха = 0,93), и методика диагностики субъективного благополучия личности (Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова) (α Кронбаха = 0,88).

Результаты и обсуждение

С помощью регрессионного анализа проверено наличие связи эмиграционной установки с субъективным благополучием и его компонентами: экзистенциально-деятельностным, социально-нормативным, эмоциональным, гедонистическим благополучием, эго-благополучием. Согласно показателю R^2 (0,18), 18% изменений зависимой переменной (эмиграционной установки) объясняются влиянием независимых переменных (компонентами субъективного благополучия).

Не выявлены связи эмиграционной установки с экзистенциально-деятельностным благополучием ($\beta = 0,054$) респондентов. Это означает, что установки на переезд за границу молодежи России не зависят от событийно-смысловой насыщенности их жизни, оценки прилагаемых усилий для достижения благополучия. Аналогично не обнаружено связи эмиграционной установки с социально-нормативным благополучием ($\beta = -0,041$) молодых россиян, т. е. согласованность

личных ценностей молодых людей с социальными нормами не влияет на установки к эмиграции. Обнаружена положительная связь эмиграционной установки с эго-благополучием ($\beta = 0,228$) российской молодежи. Намерения к переезду за границу чаще высказывают молодые люди, удовлетворенные собой, своей внешностью и характером, уверенные в себе. Доказано, что уверенность в себе связана с готовностью к переменам, которая отражается в направленности к смене места жительства (Н. В. Батурина, В. В. Вяткина).

Выявлена отрицательная связь эмиграционной установки молодых людей и их эмоционального благополучия ($\beta = -0,205$), что свидетельствует о направленности на эмиграцию молодых россиян, которые ощущают себя несчастливыми и отличаются низкой степенью оптимизма. Подобные результаты получены и в других работах (J. Brzozowski, N. Coniglio, K. Aliyev и др.), где низкий уровень ощущения счастья рассматривается в качестве выталкивающего фактора из страны актуального проживания, одновременно способствуя переезду за границу.

Кроме того, отрицательная связь эмиграционной установки обнаружена с гедонистическим благополучием ($\beta = -0,404$) молодых людей. Так, ориентация на смену места жительства за пределы своей страны выражена у молодых россиян, не удовлетворенных базовыми потребностями в безопасности, комфортных жилищных условиях, благоприятных экологических условиях проживания, приемлемом уровне дохода. Подтверждение нашим данным мы находим в исследованиях зарубежных коллег (K. Silventoinen et al., R. Szilágyi, B. Varga), согласно которым эмиграционные установки выражены у людей, неудовлетворенных условиями жизни нынешнего места проживания.

В целом установлена отрицательная связь эмиграционной установки с общим показателем субъективного благополучия ($\beta = -0,253$) молодых людей. Другими словами, у молодежи, не испытывающей ощущение счастья, характеризующейся неудовлетворенностью условиями жизни, выражены установки к эмиграции.

Проведенное исследование позволило понять характер связей субъективного благополучия и его компонентов с эмиграционной установкой молодых людей. Исходя из полученных данных, мы допускаем, что потенциального эмигранта характеризуют уверенность в себе, положительная оценка себя, а точнее, удовлетворенность собой. В то же время молодой человек, ориентированный на переезд за границу, не испытывает счастья и радости в жизни, не удовлетворен условиями проживания в своей стране.

Благодарность как личностный ресурс в период социально-экономической трансформации и социальных кризисов

Е. С. Синельникова (ПГУПС, Санкт-Петербург)

В период социальных трансформаций, смены мирохозяйственных укладов и сопровождающих их социальных и экономических кризисов возрастает роль психологических ресурсов, которые позволяют личности сохранять устойчивость и успешно справляться с жизненными трудностями. Одним из важнейших психологических ресурсов, малоисследованных в России, является благодарность. Благодарность – моральное чувство, которое возникает в ответ на добро со стороны другого. Благодарность может также переживаться по отношению к внеличностным силам, например, по отношению к жизни, когда человек размышляет о том хорошем, что есть в его жизни, о тех возможностях, которые дает ему жизнь, а также о невзгодах, которых ему удалось избежать. В эмпирическом исследовании, проведенном нами с участием студенческой выборки (Е. С. Синельникова), были выявлены моральный, эмоциональный, экспрессивный, деятельностный и социально-нормативный аспекты благодарности в представлениях студентов. Моральный аспект благодарности включает: ценностный аспект – признание значимости и ценности того, что сделал другой человек, чувство долга и признательности, обязательства благодарного по отношению к тому, кто сделал ему добро. Эмоциональный аспект благодарности – переживания благодарности по отношению к другому. Респонденты отмечают положительную эмоциональную окрашенность переживания благодарности. Экспрессивный аспект благодарности – выражение своей признательности по отношению к другому человеку. Деятельностный аспект – ответная помощь и поддержка. Социально-нормативный аспект благодарности – выражение благодарности как этикетная форма поддержания социальных взаимоотношений, соблюдение социальных норм.

Систематические академические исследования благодарности начались только на рубеже XX–XXI вв. Однако уже накоплены убедительные эмпирические свидетельства позитивного вклада благодарности в здоровье и благополучие личности. Результаты исследований свидетельствуют о том, что благодарность связана с лучшим

физическим здоровьем и психологическим благополучием личности (A. Alcozei и др.). Благодарные люди менее склонны к суицидальному поведению, употреблению алкоголя и наркотиков (A. R. Kaniuka и др.). Благодарность способствовала большему психологическому и социальному благополучию французских студентов в период карантина во время пандемии COVID-19 (N. Pellerin, E. Raufaste). Благодарность в большей степени связана с удовлетворенностью жизнью, чем любовь, прощение, социальный интеллект и юмор (C. Peterson, M. E. Seligman). Отечественные исследования также подтверждают позитивную роль благодарности как внутриличностного ресурса. В исследовании С. К. Нартовой-Бочавер и Г. К. Кислицы было показано, что благодарность снижает переживание депрессии, связана с более высокой самооценкой и жизнестойкостью (С. К. Нартова-Бочавер, Г. К. Кислица).

Благодарность способствует эмоциональному здоровью личности. Она связана с переживанием позитивных эмоций (С. К. Нартова-Бочавер, Г. К. Кислица; V. A. Balgiu), способствует когнитивной переоценке ситуации, которая, в свою очередь, снижает симптомы депрессии (N. M. Lambert и др.).

Благодарность связана с более конструктивным психологическим совладанием. Благодарность позитивно взаимосвязана с поиском социальной поддержки, как эмоциональной, так и инструментальной, с позитивной переоценкой событий, активным совладанием и планированием. Благодарность также была связана с личностным ростом после жизненных трудностей. Благодарность негативно связана с дезорганизацией деятельности, употреблением психоактивных веществ, отрицанием и самообвинением (A. M. Wood и др.). Благодарные люди в большей степени склонны активно справляться с жизненными трудностями, адекватно оценивая ситуацию и вырабатывая план решения возникших проблем, опираясь на и активно актуализируя имеющиеся у них личностные и социальные ресурсы. Конструктивная эмоциональная регуляция помогает им не впадать в панику, которая могла бы дезорганизовать их деятельность, лишит возможности принимать адекватные решения. Эмоциональная регуляция в сочетании с отказом от саморазрушающего поведения в трудных ситуациях объясняет позитивное влияние благодарности на физическое и психологическое здоровье и благополучие личности. Сочетание благодарности и конструктивного совладания, позволяет личности не только успешно справляться с жизненными трудностями, благодарность так-

же была связана с личностным ростом после жизненных трудностей (А. М. Wood и др.).

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что благодарность является внутренней опорой личности, психологическим ресурсом, позволяющим ей справляться с трудными жизненными ситуациями, обусловленными как индивидуальными, так и социальными факторами.

Особенности родительско-детского взаимодействия матерей с приемными и родными детьми разного пола

В. Л. Ситников (СПбГУ МВД России, Санкт-Петербург),

А. А. Стреленко (ВГУ им. П. М. Машерова, Витебск, Белоруссия),

С. И. Кедич (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербург),

А. В. Комарова (СПбПУ, Санкт-Петербург),

Т. В. Слотина (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербург)

Как известно, главным и необходимым условием развития ребенка, формирования его внутренней позиции являются взрослые люди, в том числе родители. Именно родители через отношения с ребенком создают основу для формирования его будущего.

В нашем исследовании одной из гипотез стало предположение о том, что существуют достоверные различия при взаимодействии с детьми в зависимости от их половой принадлежности у биологических и приемных матерей.

Полученные результаты в двух группах испытуемых ($n = 228$) условно были разделены по половому признаку детей, т. е. мамы, описывающие образ мальчиков и особенности взаимодействия с ними, и мамы, описывающие образ девочек и особенности взаимодействия с ними. В первую группу вошли биологические матери, которые описывали свое взаимодействие с родными сыновьями ($n = 49$) в возрасте от 3 до 19 лет ($M = 10,32$, $SD = 4,63$), во вторую группу вошли биологические матери, которые описывали свое взаимодействие с родными дочерьми ($n = 49$) в возрасте от 3 до 18 лет ($M = 9,55$, $SD = 4,45$), в третью группу вошли приемные матери, которые описывали свое взаимодействие с приемными сыновьями ($n = 60$) в возрасте от 3 до 17,5 лет ($M = 12,58$, $SD = 3,87$), в четвертую группу вошли приемные матери, которые описывали свое взаимодействие

с приемными дочерьми ($n = 70$) в возрасте от 4 до 17 лет ($M = 12,97$, $SD = 3,30$).

В работе были использованы различные методы и методики, в частности, методика ВРР – «Взаимодействие родитель–ребенок» (И. М. Марковская). Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics v. 23 for Windows.

На основании проведенного анализа по сопоставлению средних значений особенностей родительско-детского взаимодействия с сыновьями и дочерьми в двух группах испытуемых (приемных и биологических матерей) достоверных различий обнаружить не удалось.

На следующем шаге при решении задачи об определении различий в тактиках взаимодействия с сыновьями и дочерьми у матерей с различной формой родительства были определены достоверные различия. При сравнении группы сыновей биологических матерей и группы сыновей приемных матерей были обнаружены различия по следующим шкалам: «Контроль» ($t = -4,645$, $p = 0,000$), «Принятие» ($t = 3,812$, $p = 0,000$), «Непоследовательность» ($t = -2,031$, $p = 0,045$), «Авторитетность» ($t = -2,712$, $p = 0,008$). При сравнении группы дочерей биологических матерей и группы дочерей приемных матерей были обнаружены различия по шкалам: «Контроль» ($t = -3,405$, $p = 0,001$), «Принятие» ($t = 2,774$, $p = 0,006$), «Непоследовательность» ($t = -2,725$, $p = 0,007$), «Авторитетность» ($t = -2,955$, $p = 0,004$). По таким параметрам, как «Требовательность», «Строгость», «Близость», «Сотрудничество», «Согласие», «Удовлетворенность», различий не обнаружено.

Установлены достоверные различия между матерями с различной формой родительства по контролю, принятию, непоследовательности и авторитетности в отношении сыновей и дочерей. В частности, выявлены различия в показателях контроля, непоследовательности и авторитетности приемных и биологических матерей. По сравнению с биологическими матерями у приемных матерей в большей степени проявляется контролирующее поведение к ребенку, отмечается более выраженная непоследовательность, которая может быть следствием эмоциональной неуравновешенности, воспитательной неуверенности, а также отвергающего отношения к ребенку (И. М. Марковская). При этом у приемных матерей отмечаются различия по параметру авторитетности.

Что касается различий по параметру принятия в отношении сыновей и дочерей, то он оказывается более выраженным у биологических матерей. Это свидетельствует о том, что биологические матери в большей мере проявляют уважение к детским правам, стремление

к пониманию их чувств, переживаний, учет состояний, применение ненасильственных методов воздействия. Такая позиция родителей позволяет строить эффективное взаимодействие с ребенком.

На основании проведенного количественного анализа можно заключить, что достоверные различия между биологическими и приемными матерями по показателям родительско-детского взаимодействия с сыновьями и дочерьми зависят не столько от половой принадлежности детей, сколько от типа их матерей – биологических или приемных.

Социально-перцептивные образы и жизнестойкость тувинской молодежи из семей разного типа

*В. Л. Ситников (СПбГУ МВД России, Санкт-Петербург),
С. И. Кедич (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербург),
С. М. Момбей-оол (ТувГУ, Кызыл), А. М. Салчак (ТувГУ, Кызыл),
А. А. Стреленко (ВГУ им. П. М. Машерова, Витебск, Белоруссия)*

Как отмечали С. Л. Рубинштейн, Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов и др., образы обеспечивают регуляцию поведения и деятельности. Социально-перцептивные образы – это основа Я-, Он-концепций личности, обеспечивающие прогнозирование ситуации, планирование взаимодействия с окружающими и собственного поведения. Можно предположить, что эти образы связаны с жизнедеятельностью, жизнестойкостью и жизнеспособностью личности.

Нами в период с 2016 по 2021 г., в Республике Тыве было проведено исследование связи социально-перцептивных образов с жизнестойкостью подростков и молодежи из семей разного типа. Выбор респондентов определялся, в частности, тем, что, по статистике последних лет, показатели качества жизни в Республике Тыве занимают последнее место в Российской Федерации.

Выборка исследования составила 930 представителей тувинской молодежи шести возрастных групп (в возрасте от 11 до 35 лет) из полных и неполных семей.

Методики исследования

«СОЧ(И) – Структура образа человека (иерархическая)» (В. Л. Ситников) и «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой).

Результаты исследования показали, что:

1. Чем старше становятся подростки и молодежь Тувы обоих полов, тем более сложными и разнообразными оказываются структура и содержание социально-перцептивных образов, отчетливо свидетельствуя о ярко выраженном половом диморфизме социально-перцептивных образов и Я-концепций тувинских подростков и молодежи из семей разного типа.
2. У половины опрошенных отмечается низкий уровень жизнестойкости. При этом в полных семьях подростков практически не отмечается достоверных различий показателей жизнестойкости, за парадоксальным исключением: принятие риска у девочек в этих семьях достоверно выше, чем у мальчиков. В то же время в осиротевших семьях подростков у мальчиков достоверно выше показатели жизнестойкости, за исключением принятия риска, которое незначительно, но в отличие от подростков из полных семей выше, чем у девочек.
3. По мере взросления тувинских подростков и молодежи от 11 к 35 годам происходит заметная трансформация между жизнестойкостью и компонентами структуры образов, при этом с возрастом достоверно снижается их уровень вовлеченности.
4. Динамика уровня вовлеченности и общие показатели жизнестойкости тесно связаны не только с возрастом, но и с типом семьи. Если у молодежи из полных семей по мере взросления эти показатели снижаются, то у молодых людей из неполных семей они, наоборот, повышаются: «вовлеченность» – $r=0,205$; «контроль» – $r=0,242$; общая жизнестойкость – $r=0,228$.
5. Жизнестойкость молодежи разного пола неоднозначно связана со структурами социально-перцептивных образов. Чем выше уровень контроля у представителей женского пола, тем больше внимания они обращают на свои волевые качества ($r_s=0,217$), в то время как у мужчин такой связи не отмечается.
6. У тувинской молодежи модальность (положительная, отрицательная или нейтральная) и связи между Я-образами и образами друзей являются основными социально-перцептивными индикаторами.

Предикторы суверенности психологического пространства личности в учебных группах полузакрытого типа*

С. В. Тарасов (ИП РАН, Москва), Т. В. Дробышева (ИП РАН, Москва)

В изучении учебной группы как коллективного субъекта одним из важнейших признаков субъектности является соотношение индивидуального и коллективного субъекта. Оно выражается в способности личности согласовывать свои интересы и достигать поставленной цели, с одной стороны, осознавать и учитывать потребности группы в своей деятельности – с другой. Проблема изучения механизмов в достижении этого баланса становится особенно актуальной в ситуации исследования полузакрытых групп. Ключевыми признаками таких групп является, во-первых, заданные ограничения по входу в группу, т. е. для вступления в группу личность должна продемонстрировать соответствие своих возможностей требованиям учреждения. Во-вторых, обучающиеся должны продемонстрировать готовность соблюдать нормы и правила учреждения, формулируемые в Уставе, своде правил поведения и иных нормативных актах. В рамках разрабатываемого нами подхода к исследованию коллективного субъекта полузакрытой учебной группы (Т. В. Дробышева и др., С. В. Тарасов) в качестве показателя соблюдения баланса между индивидуальным и коллективным (групповым) приняли выраженность показателей суверенности психологического пространства личности. По данным С. К. Нартовой-Бочавер, развитая суверенность психологического пространства личности обеспечивает индивиду чувство физической и психологической безопасности. Позитивно сформированное свойство суверенности личности выступает некоторым ориентиром для понимания других людей, выстраивания отношений с ними, способствует благоприятной атмосфере в группе, в то время как депривированность суверенности приводит к маргинализации, выраженной в агрессивном отношении к себе и к группе.

Цель исследования – проанализировать различия в выраженности суверенности психологического пространства в учебных группах полузакрытого типа с интернатным проживанием и без него.

Гипотеза: учебные группы полузакрытого типа с интернатным проживанием будут отличаться по выраженности суверенности пси-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

психологического пространства от учебной группы без интернатного проживания, поскольку интернатные условия жизнедеятельности учеников отличаются более жесткими требованиями соблюдения норм и правил, регулирующими межличностное взаимодействие, ограниченностью физического персонального пространства, более тесным и продолжительным взаимодействием членов группы. В исследовании приняло участие 11 учебных групп полузакрытого типа (5 групп ($N_{\text{общ.}} = 73$) кадетской школы и 6 групп ($N_{\text{общ.}} = 108$) кадетской школы-интерната). Применялись: опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» С. К. Нартовой-Бочавер, 12-балльная шкала ценностных ориентаций Е. Б. Фанталовой, метод социометрии, методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру), методика определения уровня рефлексивности личности А. В. Карпова, опросник групповой идентичности (А. В. Сидоренков и др.).

Результаты исследования подтвердили ранее полученные данные сравнительного анализа полузакрытых учебных групп интернатного типа и открытых учебных групп (см.: Т. В. Дробышева и др.), указывающие на специфику межличностных отношений в полузакрытых группах с интернатным проживанием. Было обнаружено, что характерной для полузакрытых групп (с интернатным и домашним проживанием) является зависимость выраженности показателей психологической суверенности от уровня рефлексивности личности, групповой идентичности, социометрического статуса и психологической атмосферы, что также совпадает с полученными ранее результатами на полузакрытых группах (см.: Т. В. Дробышева и др.). Посредством регрессионного анализа были выявлены различия в предикторах суверенности в полузакрытых группах с разными условиями проживания. Так, на выраженность суверенности кадет с интернатным проживанием оказывают влияние требования организационной среды жестко соблюдать предписания и правила. В связи с этим проявление членом группы суверенности, ведет к снижению показателей его групповой идентичности. Это указывает на его неспособность «встать на место другого» (как предписано в правилах), но повышает его социометрический статус в группе. В учебных полузакрытых группах с домашним проживанием связь показателей суверенности и групповой идентичности, ориентации на уверенность в себе и ценность друзей, наоборот, благоприятно отражается на психологической атмосфере в группе. Выявленные факты требуют дополнительного анализа. В дальнейшем изучении психологии полузакрытой группы предпо-

лагается рассмотреть новые факторы суверенности психологического пространства личности. В частности, ее связь с групповой рефлексивностью как группового свойства, способствующего анализу прошлого, настоящего и будущего.

Осознанность в межкультурной коммуникации: феноменологический анализ*

Н. В. Ткаченко (МГППУ, Москва), О. Е. Хухлаев (МГППУ, Москва)

Исследование межкультурного взаимодействия рассматривается в контексте межкультурной коммуникации, психологии межгрупповых отношений, социальной психологии. Разработка интегративной модели межкультурного взаимодействия (О. Е. Хухлаев, Н. В. Ткаченко) поставила перед исследователями вопросы о роли осознанности (*англ.* mindfulness) в межкультурной коммуникации, которая имеет хорошую представленность в научной литературе (S. Ting-Toomey, W. B. Gudykunst). Под осознанностью мы понимаем сочетание концентрации на настоящем, присутствие; внимательное осознание одновременно и себя, и другого; принятие другого без осуждения и сдерживание автоматических реакций. Таким образом, цель нашего исследования заключается в анализе вклада осознанности в ситуации межкультурного взаимодействия с помощью качественных методов исследования.

При обработке результатов использовались тематический анализ данных и феноменологический подход, ориентированный на изучение сущности переживания непосредственного опыта респондентов (J. W. Creswell). Его цель – описать смысл изучаемого явления (H. Starks, S. Trinidad).

В исследовании приняли участие 10 респондентов в возрасте ($M = 38,2$, $SD = 7,2$, $Me = 37$), 5 женщин и 5 мужчин. Средний стаж практики майндфулнесс ($M = 5,5$, $SD = 3,3$, $Me = 5$). Количество респондентов соответствует требованиям к качественным исследованиям, в рамках которых набор новых случаев завершается, когда исследователь в результате анализа получает повторяющиеся описания (С. Квале). В процессе формирования выборки для качественного ис-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00892.

следования нет необходимости соблюдения условия ее отражения в генеральной совокупности. Респондентами выступают носители специфического опыта, в данном случае опыта майндфулнесс, который является предметом исследования.

Наше исследование в целом подтвердило данные Тинг-Туми о роли осознанности в межкультурном взаимодействии. Особый вклад в переживание эффективности и осмысленности межкультурного взаимодействия вносит идея ценностей и нравственных императивов, которые позволяют участникам взаимодействия сделать тот или иной выбор в общении. Развитие осознанности как направленного внимания формирует особую чувствительность к телесным ощущениям и эмоциональным состояниям, что в итоге приводит к позитивному и эффективному межкультурному взаимодействию. Особый вклад в эффективность взаимодействия также вносит безоценочное принятие другого, выраженное в установках любящей доброты и толерантности, и сдерживание автоматических реакций как способ контроля реактивного поведения, иными словами, навык обращения к своему внутреннему состоянию в ответ на внешний сигнал обеспечивает необходимую паузу для анализа и контроля ситуации в межкультурном общении.

Экономический эгоизм и морально-нравственные ценности личности в современном российском обществе: разработка методики измерения

В. А. Хащенко (ИП РАН, Москва)

В результате теоретико-методического этапа исследования, направленного на изучение роли экономических ценностей в структуре ценностных ориентаций личности определены основные теоретические проблемы. Решение изучаемых вопросов актуализирует проблемы морально-нравственного состояния ценностного сознания общества, реальной (т. е. действенной), а не провозглашаемой роли ценностей в качестве регулятивов социального поведения человека, роли материализма личности в регуляции ее социального поведения, проблему конкуренции моральных и экономических ценностей в формировании ценностного сознания современного российского общества.

Теоретический анализ позволил сформулировать и эмпирически обосновать гипотезы: о преобладающей роли материальных ценностей над морально-нравственными в регуляции экономических достижений личности, формировании терминального материализма как социального типа направленности личности в современном российском обществе, о существовании различных уровней аморализма (ценностный релятивизм, аморальный цинизм и др.) как моральной основы («цены») экономических достижений личности; о содержании и факторной структуре экономического эгоизма личности, об опосредованности терминального материализма личности социально-экономическими и экономико-психологическими характеристиками личности. Выделены основные блоки показателей, которые позволили установить связь между используемыми понятиями и методиками, отобранными для их измерения: экономические ценности; ценностные конструкты личности (базовые ценности по Ш. Шварцу), экономико-психологические (ориентация на материализм, субъективное экономическое благополучие) характеристики личности. Эмпирическая база проведенного исследования — 100 чел., мужчины и женщины от 16—49 лет с разным уровнем образования, семейным и финансовым статусом.

Согласно полученным данным, роль экономических (материальных ценностей) в социальных отношениях чрезмерно гипертрофирована. 83,4% респондентов считают, что большинство окружающих их людей готовы пойти на различные «жертвы» ради получения материальной выгоды. Среди наиболее популярных вариантов поведения были указаны: готовность отказаться от интересной работы, поступиться карьерой, а также пойти на обман, ложь и совершить преступление. Почти 60% из них полагают, что люди готовы пойти на все ради больших денег.

Наиболее действенными конкурентами экономических ценностей выступают ценности Личной безопасности и Заботы (безопасность непосредственного окружения — семья, близкие родственники) как единый конструкт сознания. Семья как ценность выступает практическим императивом экономического поведения личности. Если человек признает допустимость отказа от него, то действие других моральных регуляторов (забота о других людях, социальная безопасность, конформизм, универсализм) уже полностью ослаблено — он готов «пойти на все» из-за больших денег. Причем последний экономический императив (автономия от морали) не зависит от оценки собственно-

го материального положения субъекта, т. е. аморальность поведения нельзя объяснить просто нуждой в деньгах. Суждения (социальные представления) большинства о поведении большинства в ситуации получения материальной выгоды (достижения богатства) выступают своеобразным моральным барометром общества, так как оценка большинством большинства, в сущности, означает общественную самооценку.

Наблюдается две тенденции в состоянии ценностного сознания общества. Первая: морально-нравственное состояние общества характеризуется превалированием мотива выгоды над традиционными ценностными императивами социального поведения человека, а также распространенностью в обществе явлений экономического эгоизма и цинизма — «ради достижения богатства» значительная часть общества готова пренебречь базовыми ценностями. В последней максиме отражается отношение к экономическому благополучию как высшей ценности жизни, а к окружающим людям как средству его достижения. Вторая тенденция характеризует ценностный релятивизм. Универсальность моральных принципов социального поведения отрицается, их значение в жизни неустойчиво и зависит от сложившихся обстоятельств или особенностей субъекта поведения. Причем ценностный релятивизм типичен для большинства базовых ценностей, не исключая и ценности Личной безопасности и Заботы (о близких).

Сформулирована гипотеза о существовании в сознании респондентов системы представлений о нравственной «цене» достижения богатства в обществе, характеризующейся соотношением (преобладанием) морали или выгоды в социальном поведении человека. Суждения (социальные представления) большинства о поведении большинства в ситуации получения материальной выгоды (достижения богатства) могут выступать своеобразным моральным барометром общества, так как оценка большинством большинства, в сущности, означает общественную самооценку. На этом основании можно предложить специальное психологическое измерение индивида, группы и общества по уровню экономического эгоизма, и разработать специальную методику для его оценки.

Актуальное экологическое сознание и потребительское поведение личности: программа исследования*

Н. Н. Хащенко (ИП РАН, Москва)

Теоретико-эмпирическое исследование направлено на изучение связи экологического сознания и потребительского поведения личности. Решение изучаемых вопросов вносит вклад в обоснование проблемы взаимосвязи экологических и социально-экономических факторов жизнедеятельности человека. Согласно теоретическим представлениям, лежащим в основе исследования, отношение личности к экологическим условиям жизни характеризует ее актуальное экологическое сознание. Актуальное экологическое сознание рассматривается нами как совокупность элементов экологического сознания, которые становятся ведущими, значимыми для личности атрибутами ее как субъекта жизнедеятельности, включающими наиболее значимые компоненты целостного отношения человека к экологической ситуации в различных условиях проживания (Н. Н. Хащенко).

На основании анализа характеристик отношения личности к экологическим условиям жизни, в числе которых значимость экологических проблем, удовлетворенность экологическими условиями, оценка благоприятности – неблагоприятности условий проживания, информированность о состоянии экологической ситуации в районе проживания, готовность участия в решении экологических проблем, ценностное отношение личности к природе, беспокойство личности за собственное здоровье в связи с экологическими условиями проживания, оценка психологической напряженности личности из-за состояния здоровья членов семьи и близких в связи с экологическими условиями проживания, определяется структура актуального экологического сознания личности (Н. Н. Хащенко).

Понятие «потребительское поведение» охватывает психологические и социальные процессы приобретения и присвоения людьми тех или иных товаров, услуг, идей, освоения практик, их использования и утилизации. В современном мире потребление рассматривается как неотъемлемая часть культуры и общественных отношений. Включенность потребления во многие социальные процессы выво-

---

* Исследование выполняется по Государственному заданию № 0138-2021-0010.

дит эту проблематику за рамки фундаментальных экономических или утилитарно-практических маркетинговых исследований и требует ее изучения в философии, социологии, психологии (Т. В. Фоломеева).

В современных условиях актуализируются проблемы эколого-ориентированного (проэкологического) потребления, обусловленного изменением отношения к экологии, готовности человека к эколого-сберегающему поведению и потреблению. Проэкологическим считается поведение, направленное на снижение вреда, наносимого окружающей среде, или же оказывающее на нее благоприятное воздействие. Социально-психологическими детерминантами проэкологического поведения выделяют социальные нормы и ценности, экологическую обеспокоенность, самоидентичность и другие конструкты (А. А. Иванова и др.).

Целью данного исследования является определение связи актуального экологического сознания и отношения к потреблению как характеристики потребительского поведения личности.

Основным методом исследования выступит опрос в технике «лицом к лицу» по специально разработанной анкете, а также онлайн опрос. В анкету наряду с вопросами, определяющими социально-демографические характеристики опрашиваемых, включены вопросы, направленные на выявление основных характеристик и показателей отношения личности к экологическим условиям жизни; отношение к потреблению как характеристики потребительского поведения (адаптированная шкала проэкологического поведения К. Брика — А. А. Иванова и др.); методические приемы для оценки социально-психологических (ценностные ориентации — методика базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца, удовлетворенность человека жизнью в целом и различными ее сторонами — «Шкала удовлетворенности жизнью» (SLS) В. А. Хашенко) и экономико-психологических (уровень материализма — опросник ориентации на материализм М. Ричинз) характеристик личности. Общий объем выборки составит 150–200 человек, проживающих в различных районах г. Москвы и Подмосковья. При анализе будут учитываться следующие социально-демографические характеристики: пол, возраст, уровень образования, семейный и экономический статус, сфера профессиональной занятости.

Таким образом, в результате теоретико-эмпирического исследования будет определена взаимосвязь отношения к экологическим условиям жизни (актуального экологического сознания личности) и отноше-

ния к потреблению как характеристики потребительского поведения личности. Предполагается, что связь экологического сознания и отношения к потреблению как характеристика потребительского поведения личности опосредована социально-психологическими и экономико-психологическими характеристиками личности; выраженность и стратегии эколого-ориентированного потребления связаны с ценностями личности, уровнем ее материализма, а также удовлетворенностью жизнью в целом и отдельными ее сторонами; определенные различия могут быть связаны с фактором возраста, пола, семейным и профессиональным статусом человека.

Карьерные ориентации и жизнеспособность молодежи в период профессионального обучения в университете

Е. Г. Щелокова (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербург)

В современной социальной психологии на протяжении первой трети XXI наблюдается устойчивый интерес к психологическим исследованиям феномена карьеры. Строить карьеру в современных социальных реалиях означает быть стойким по отношению к постоянным изменениям и обладать высоким адаптационным потенциалом, т. е. жизнеспособностью (Е. А. Рыльская) и иметь устойчивую систему карьерных ориентаций (О. П. Цариценцева, Е. Ф. Ященко, Е. Г. Щелокова).

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы определить связь между показателями жизнеспособности и карьерных ориентаций молодежи в период профессионального обучения в университете (студентов). Объектом исследования выступили карьерные ориентации (управление, предпринимательство, служение, мастерство) и жизнеспособность студентов, а предметом – взаимосвязь жизнеспособности с разными карьерными ориентациями у студентов. В исследовании приняли участие 55 студентов 4-го курса университета (средний возраст – 20 лет). Мы предположили, что показатели жизнеспособности и карьерной направленности имеют тесную положительную связь. Сбор эмпирических данных проводился посредством методики диагностики карьерных ориентаций Н. Н. Мельниковой, теста жизнеспособности Е. А. Рыльской.

По итогам проведения корреляционного анализа (критерий Спирмена) на определение значимых взаимосвязей показателей жизне-

способности с различными карьерными ориентациями были выявлены значимые положительные корреляции изучаемых параметров исследования.

Общий показатель карьерной направленности имеет тесную связь с общим показателем жизнеспособности ($r=0,597$, $p<0,01$) и со всеми ее компонентами. На основе этого можно утверждать, что студенты, заинтересованные в карьерном развитии, отличаются большими возможностями для адаптации, саморазвития, саморегуляции, более осмысленным планированием своей жизни.

Показатель адаптивных способностей имеет положительную связь с карьерной ориентацией (КО) на управление ($r=0,558$, $p<0,01$). Можно отметить, что студенты, ориентированные на продвижение по карьерной лестнице и занятие руководящих постов, отличаются легкостью приспособления к существующим в обществе социальным требованиям и нормам в данных социокультурных условиях. Показатель способностей саморегуляции имеет положительную связь с КО на управление ($r=0,482$, $p<0,05$): студенты, ориентированные на продвижение по карьерной лестнице и занятие руководящих постов, отличаются гибкостью реагирования на изменение условий, а также целеустремленностью, легкостью овладения новыми видами деятельности.

Показатель способностей саморазвития имеет положительную связь с КО на управление ($r=0,411$, $p<0,01$), служение ($r=0,403$, $p<0,05$), мастерство ($r=0,523$, $p<0,01$). Это можно объяснить как способность и готовность к личностному и профессиональному развитию современных студентов с разными типами карьерных ориентаций. Показатель по шкале «Осмысленность жизни» имеет положительную связь с КО на управление ($r=0,449$, $p<0,05$) и мастерство ($r=0,502$, $p<0,05$). На основании этого можно говорить о том, что будущие профессионалы, проектирующие свою карьеру в категориях продвижения по должностной лестнице или обретения профессионального мастерства, в целом удовлетворены своей жизнью, воспринимают ее как интересную, эмоционально насыщенную, имеют четкие цели, придающие жизни осмысленность и временную перспективу.

Общий показатель жизнеспособности имеет положительную связь с КО на управление ($r=0,499$, $p<0,05$) и мастерство ($r=0,457$, $p<0,05$). Можно предположить, что в современных социокультурных условиях жизнеспособных студентов в аспектах построения карьеры отличает ориентация на управление, т. е. продвижение по должностной лестнице с занятием руководящих постов, достижением высокого соци-

ального статуса в социальной иерархии, а также ориентация на профессиональное мастерство, т. е. стремление развиваться в выбранном профессиональном направлении.

Важно отметить, что показатель КО на предпринимательство не показал значимых взаимосвязей ни с одной шкалой теста жизнеспособности. Мы трактуем это как то, что среди студентов с ориентацией на предпринимательство можно встретить респондентов с разными уровнями жизнеспособности и ее компонентов. Дальнейшее изучение карьерных ориентаций будущих и действующих профессионалов представляется нам перспективным направлением теории и практики современной социальной психологии.

Психология личности

Предисловие к разделу

А. Н. Лебедев, А. М. Борисова, Л. Ш. Мустафина

Психология личности — одно из старейших научных направлений современной психологии. Пожалуй, нет ни одного крупного психолога, который бы не ставил перед собой задачу изучения личности и механизмов ее развития. Именно поэтому в настоящее время история психологии насчитывает не менее десятка типов теорий личности, разработывавшихся в различных научных парадигмах. В частности, это психодинамические, поведенческие, диспозиционные, биологические (эволюционные), социальные, когнитивные, гуманистические, деятельностные и другие теории.

С самого начала своего существования Институт психологии Российской Академии наук занимался проблемами изучения и развития личности, проблемами формирования наилучших личностных качеств у детей и подростков. Основателем научной школы психологии личности является выдающийся советский психолог С. Л. Рубинштейн. Над этими проблемами работали и работают такие ученые Института, как Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, В. Г. Асеев, А. В. Брушлинский, К. К. Платонов, Е. В. Шорохова, А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич и мн. др.

Наиболее актуальные и перспективные проблемы в рамках данного направления: структура личности, активность личности, характеристики личности (черты), тип личности, мотивация развития личности и феномен саморазвития, самоактуализация и личностный рост, Я-концепция, индивидуальные психологические различия, личность в социальном противоречивом мире, ценности и нормы, морально-нравственная регуляция личности и духовность, личность и патриотизм, идентичность и самоопределение личности (нравственное, профессиональное и пр.), личность и технический прогресс,

профессиональный отбор, выявление направленности и творческих способностей, психологическая устойчивость личности в экстремальных условиях, возрастные изменения личности, личность и новые психические патологии и мн. др.

Среди вышеуказанных проблем особой новизной характеризуются такие, как саморазвитие личности и морально-нравственная регуляция в ценностно поляризованном обществе, личность и последствия технического прогресса (цифровизация, теория поколений и пр.).

Арсенал методов изучения личности постоянно расширяется. Наряду с классическими методами (лабораторный и социальный эксперимент) и психодиагностическими тестами (16 PF Кеттелла, Big 5, ММРІ, индикатор типов Майерс–Бриггс, проективные тесты (ТАТ) и др.) для исследований в настоящее время применяются методы, которые для этих задач ранее не использовались, например, электроэнцефалография (ЭЭГ), позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ), а также функциональная магнитно-резонансная томография (ФМРТ), которая в настоящее время является наиболее широко используемым методом визуализации, помогающим локализовать черты личности в мозге.

Анализ тезисов, представленных по направлению «Психология личности», позволяет выделить широкий круг исследуемых вопросов, таких как самореализация и самоактуализация личности, взаимосвязь ассертивности и агрессивности, связь аутентичности и моральных мотивов, толерантность личности к неопределенности и ценностные ориентации, способы саморегуляции личности, рассматривается нравственная элита, моральное развитие личности; поднимаются вопросы конкурентоспособности, мотивационной сферы молодежи, цифровой идентичности, самооценки личности, затрагиваются вопросы благополучного старения и самореализации в пожилом возрасте.

Значительная доля представленных исследований посвящена вопросам профессионально-учебной деятельности молодежи, в рамках которой изучаются смысложизненные и ценностные ориентации, их взаимосвязь с учебной мотивацией и коммуникативными характеристиками, оценивается готовность к деятельности и умение организовать свою деятельность в условиях глобальных рисков, выявляется роль личностных и регуляторных ресурсов в формировании устойчивых профессиональных планов. Отдельное место занимают работы по изучению жизнестойкости, жизнеспособности в профес-

сиональной сфере, выделяются особенности данных характеристик, а также отмечается их взаимосвязь с ценностно-смысловой сферой.

Заметен интерес исследователей к проблемам субъектности личности. В частности, рассматриваются субъектность и ее связь с параметрами возможных Я; выделяются компоненты субъектности, отвечающие за активизацию личностных потенциалов, утверждается, что значимым условием для развития субъектности у подростков является их включенность в социально обогащенную образовательную среду.

Следует особо отметить появление новых предметов исследования в рамках психологии личности. Можно выделить исследования: по теоретическому обоснованию феномена стереотипизированной беспомощности; концепта «текущего субъекта»; понимания обмана в разных социальных контекстах; склонности к конструктивной и деструктивной зависти.

В представленных работах наряду с психодиагностическими методиками используются качественные методы исследования (проективные тесты, полуструктурированное интервью, описательный феноменологический анализ, контент-анализ, автобиографический метод и др.). Ряд авторов разрабатывает методический инструментарий в виде диагностических моделей (прямого и опосредованного влияния личностных черт на карьерную адаптивность; методику для определения содержания и типа устойчивости спортивной направленности спортсмена), помимо этого была проведена адаптация «Опросника конструктивной и деструктивной зависти» (BeMaS) Я. Крузиуса и Й. Ланге. Данный опросник может применяться как в исследованиях эмоций и мотивации, так и в ряде прикладных областей, например, в организационной психологии или при психологическом консультировании.

Прослеживается тенденция проведения междисциплинарных исследований. На предметном поле психологии личности освещаются проблемы педагогики, методологии психологии, общей психологии, возрастной психологии, психологии труда, спортивной психологии, что взаимодополняет и обогащает смежные отрасли научного знания.

Широта тем, поднимаемых исследователями в своих работах, разнообразный инструментарий, используемый для решения поставленных задач, свидетельствуют о неизменном интересе и стремлении познать всю многогранность и многослойность личности и ее проявлений.

Автобиографическое изучение личности в студенческом возрасте

*Л. Н. Азарова (РХТУ им. Д. И. Менделеева, Москва),
Л. И. Ларионова (МГПУ ИПиПО, Москва), О. В. Кондратенко (магистрант,
Москва), Н. Ф. Кочемирова (ГБПОУ «Воробьевы горы», Москва)*

Актуальность

Студенчество – это время, когда у человека формируется устойчивая система ценностей, осознается и развивается потенциал личности, самосознание претерпевает серьезные изменения, а окружающая среда оценивается с позиции потенциальных возможностей жизненного пути для развития и самореализации.

Знание особенностей жизненного пути личности на разных этапах онтогенеза может быть использовано для подготовки современной молодежи к успешной жизни (Т. А. Болдырева).

Многие ученые в своих исследованиях предлагают рассматривать студенческий возраст с позиции психологических новообразований, которые проявляются в этом возрасте и позволяют решать жизненные задачи, а показателем следует считать процесс самоактуализации (О. А. Идобаева).

Особое значение приобретает изучение жизненной перспективы в студенческом возрасте, когда представления о будущем, осознание прошлого являются основой жизненного самоопределения и влияют на последующие значимые события в жизни личности.

Проблема

В последнее время очень остро стоит вопрос о сложности выбора жизненного пути и расстановки целей личности в студенческом возрасте. Применение методики «Психологическая автобиография» Л. Ф. Бурлачука, Е. Ю. Коржовой позволило выявить приоритеты и ценности жизненного пути личности в период студенчества, определить трудности, связанные с жизненными событиями.

Автобиографическое изучение личности рассматривалось в психологии многими отечественными и зарубежными авторами, однако изучено недостаточно, поэтому по-прежнему вызывает интерес у представителей как науки, так и практики.

Исследование психологического времени и жизненного пути личности в отечественной психологии стало возможным благодаря ра-

ботам многих исследователей (С. Л. Рубинштейн, Л. И. Анцыферова, А. А. Кроник), которые рассматривали время как статус реальности, требующей специального научного анализа и исследования.

Метод

«Психологическая автобиография» авторов Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржовой. Испытуемым предлагается перечислить самые важные, с их точки зрения, события прошедшей и будущей жизни для получения сведений о переживаниях, связанных с наиболее значимыми периодами жизни.

Результаты

Исследования проводились на респондентах 18–22 лет ГБПОУ «Воробьевы горы» в количестве 64 человека. В результате исследования было установлено, что самым значимым для испытуемых является личностно-психологический тип событий (поступление в вуз, использование свободного времени), на втором месте биологический тип события, т. е. свое рождение, рождение ребенка. На третьем по значимости месте находятся события, относящиеся к изменениям социальной среды (вступление в брак, построение карьеры).

По виду событий преобладают события, связанные с категорией Я, такие как учеба, повышение квалификации. На втором месте – события, связанные с браком, рождением детей, здоровьем. Изучение времени ретроспекции и антиципации событий позволило установить, что средний показатель ретроспекции испытуемых значительно выше, чем средний показатель антиципации, что может свидетельствовать о большей значимости прошлого опыта в жизни личности. Но в то же время это может указывать на невысокую ресурсность будущего, некоторую «старость» испытуемых. Выявленная проблема нуждается в дальнейшем исследовании для организации дальнейшего сопровождения в студенческом возрасте.

Выводы

Наше эмпирическое исследование позволило выявить особенности восприятия жизненного пути личности в студенческом возрасте. На первом месте стоит деятельность, направленная на учебно-профессиональные цели (учеба, повышение квалификации) и целесообразное использование своего свободного времени, на последующих местах значится вступление в брак, рождение детей.

Многие студенты характеризуют свое прошлое, придавая ему позитивную окраску, тем не менее надеются на благоприятное будущее. Результаты показали невысокую ресурсность будущего жизненного пути личности в период студенчества и психологическую «старость», что является проблемой дальнейшего изучения.

Субъектность подростков поколения Z: возможности развития*

Т. А. Антопольская (КГУ, Курск), А. С. Силаков (КГУ, Курск)

Субъектность, понимаемая как способность к реализации своего уникального варианта реализации деятельности, с учетом всех внешних и внутренних факторов за счет самоорганизации собственных возможностей личности выступает одной из важнейших характеристик человека (К. А. Абульханова). Особенно важно ее развитие для личности формирующейся, только готовящейся к самостоятельной жизни. Современные подростки, относящиеся, согласно теории поколений (W. Strauss, N. Howe), к поколению Z, характеризуются стремлением к новому в сочетании с высокой активностью в использовании цифровых технологий. Однако существует опасность подмены полноценной активности на ее потребительский аналог, связанный с использованием предлагаемых извне идей, ценностей, продуктов культуры без собственного вклада в их появление. Поэтому важно обеспечить для подрастающего поколения возможность проявления и развития собственных потенциалов в доброжелательной, социально-комфортной среде.

Эксперимент по развитию субъектности подростков поколения Z, длящийся уже три года, ставит своей целью выяснение возможностей влияния на данный процесс специально организованной среды дополнительного образования (Т. А. Антопольская, В. И. Панов, А. С. Силаков). С помощью комплекса психодиагностических методик идет сопоставление ее динамики в контрольных группах, в состав которых вошли школьники, не имеющие опыта участия в работе системы дополнительного образования, и в экспериментальных,

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №-20-013-00073а.

состоящих из их сверстников, не менее года участвующих в деятельности Центра творческого развития «Диалог» г. Курска. В качестве независимой переменной выступила реализация на его базе специально разработанных программ, способствующих активизации личностных потенциалов подростков. Общий объем выборки на данное время превысил 700 человек.

Были выделены такие компоненты субъектности, как:

- социально-индивидуальный — отвечающий за способность личности к самопознанию, самоопределению, а также за возможность самореализации;
- социально-коммуникативный — обеспечивает возможность оценить поведение окружающих, особенности коммуникации, способность дифференцировать информацию, полученную как в непосредственном, так и в сетевом общении, адекватно воспринимать эмоциональные состояния как у себя, так и у окружающих;
- социально-интерактивный — дает возможность взаимодействовать на субъект-субъектном уровне, накапливать и анализировать этот опыт, реализовать свои лидерские потенциалы;
- социально-нравственный — готовность принимать ответственность за свои поступки, опираясь на принятую систему социально значимых моральных норм и ценностей.

Выяснилось, что участники экспериментальных групп уже на констатирующем этапе эксперимента продемонстрировали определенные расхождения между изучаемыми параметрами по сравнению с контрольными группами. Еще более ярко это проявилось на контрольном этапе, когда по большинству сопоставляемых характеристик между ними были обнаружены статистически значимые различия.

На качественном уровне они проявились в том, что подростки из экспериментальной группы больше заинтересованы в получении новых знаний, готовы принимать ответственность за свой выбор, чаще планируют свое будущее; они эффективнее используют данные, полученные из сети Интернет, видят в ней ресурс для саморазвития; у них сильнее выражен уровень самоконтроля в межличностном общении, лидерского потенциала, выше значимость собственной активности и возможности социального творчества; чаще наблюдаются установки, направленные на альтруистическое взаимодействие, в иерархии личностных ценностей лидирует самостоятельность, в то время как у большинства участников контрольной группы это гедонизм.

Результаты проведенного исследования показали, что включение подростков поколения Z в социально обогащенную среду дополнительного образования выступает значимым условием для развития их субъектности.

Специфика ценностных ориентаций и личностной готовности к деятельности вузовской молодежи в условиях пандемии COVID-19

*И. В. Атаманова (НИ ТГУ, Томск), С. А. Богомаз (НИ ТГУ, Томск),
А. Е. Федоровский (НИ ТГУ, Томск), И. А. Филенко (НИ ТГУ, Томск)*

Оценка специфики ценностных ориентаций вузовской молодежи и ее готовности к деятельности в условиях глобальных рисков представляет значительный научный и практический интерес в контексте личностно-профессионального становления этой категории населения.

Исследование проводилось онлайн в декабре 2021 г. на платформе OneClick survey* и было направлено на выявление специфики ценностных ориентаций и параметров личностной готовности к деятельности вузовской молодежи в условиях пандемии COVID-19. Выборку исследования составили студенты томских вузов в количестве 138 человек в возрасте от 19 до 28 лет (средний возраст – $20,7 \pm 1,61$; соотношение юношей и девушек: 33,8% и 66,2% соответственно).

Методическая база исследования включала следующие опросники: 1) «Портретный ценностный опросник-Пересмотренный» (Portrait Values Questionnaire-Revised – PVQ-R), модифицированный К. В. Сунгояевым; 2) «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (СОРБЦ); 3) «Личностная готовность к деятельности» (ЛГД). В целях унификации полученных данных была проведена нормализация показателей шкал и субшкал посредством приведения полученных результатов к средним значениям. Статистический анализ собранных данных проводился с использованием пакета Statistica v. 10.0; применялись процедуры описательной статистики, факторного и кластерного анализа.

В соответствии с задачами исследования анализ проводился по следующим показателям: метаценности «Открытость изменениям» и «Со-

* URL: <https://www.lka.si/a/354032>.

хранение» (методика Ш. Шварца); метаценности витальной, профессиональной, публичной и экзистенциальной самореализации (методика СОРБЦ); целеполагание, планирование, рефлексия, удовлетворенность жизнью и индекс личностной готовности к деятельности (методика ЛГД). Значения асимметрии и эксцесса указанных показателей свидетельствовали о том, что распределение исследуемых параметров близко к нормальному.

Факторный анализ осуществлялся с помощью метода главных компонент. Полученная факторная структура содержала два фактора и объясняла 66,7% дисперсии исходной корреляционной матрицы. В Фактор 1 вошли следующие показатели: метаценность «Открытость изменениям» (0,798), метаценность публичной самореализации (0,741), индекс личностной готовности к деятельности (0,680), метаценность экзистенциальной самореализации (0,619) и метаценность профессиональной самореализации (0,550). Фактор 2 объединил метаценность витальной самореализации (0,782), метаценность экзистенциальной самореализации (0,667), метаценность «Сохранение» (0,665), метаценность профессиональной самореализации (0,652) и метаценность публичной самореализации (0,457). Другими словами, полученная факторная структура указывает на фокусирование исследуемых показателей вокруг двух полюсов («Открытость изменениям» и «Сохранение»), что можно расценивать как ориентацию вузовской молодежи на инновационный и традиционный путь развития с точки зрения реализуемости базисных ценностей.

Кластерный анализ был реализован методом k-средних с использованием всех перечисленных ранее параметров. В результате была получена модель с тремя кластерами, которые включали 38, 53 и 47 респондентов соответственно. Данные кластеры статистически значимо различались по всем исследуемым параметрам на уровне $p < 0,01$, за исключением метаценности «Сохранение». Кластер 1 (38 человек) характеризуется наименьшими показателями по всем исследуемым параметрам, за исключением параметра «планирование»: $2,70 \pm 1,14$. Можно предположить, что респонденты, попавшие в этот кластер, испытывают определенные сложности с организацией своей деятельности и видят гораздо меньше возможностей для реализации своих базисных ценностей, особенно в плане профессиональной самореализации ($3,83 \pm 1,22$). Кластер 2 (53 человека), напротив, высоко оценивает потенциал городской среды в контексте реализации своих базисных ценностей и характеризуется самыми высокими значениями

по параметрам «целеполагание» ($3,97 \pm 0,68$), «планирование» ($4,03 \pm 0,67$) и «удовлетворенность жизнью» ($3,25 \pm 0,70$). Респонденты данного кластера в большей степени открыты изменениям ($4,23 \pm 0,46$). Кластер 3 (47 человек) в основном представлен промежуточными значениями исследуемых параметров, демонстрируя при этом самые высокие значения по метаценностям витальной ($6,59 \pm 0,56$) и профессиональной ($6,53 \pm 0,63$) самореализации и самые низкие значения — по параметру «планирование» ($2,47 \pm 0,64$).

Таким образом, проведенное исследование показало, что в условиях пандемии COVID-19 вузовская молодежь в контексте своих ценностных ориентаций может выбирать инновационный или традиционный путь развития с точки зрения организации своей деятельности. В то же время около четверти студентов испытывают серьезные трудности с организацией своей деятельности, поскольку они практически не видят возможностей для своей самореализации в сложившихся обстоятельствах.

Субъектность и ее связь с параметрами возможных Я у молодежи

А. В. Баранова (РязГМУ Минздрава России, Рязань; ИП РАН, Москва)

Подходы к соотношению субъекта и личности в психологии весьма различны, однако, если взять аспект построения личностью самой себя, ее саморазвития, внесения по своему усмотрению изменений в собственную структуру, логично рассматривать личность как субъекта собственного развития. В таком случае наиболее интересующей характеристикой становится субъектность, понимаемая как специфическая активность личности по воспроизведению своего бытия в мире (В. А. Петровский). Субъектность вбирает в себя способность личности к активности, степень опосредованности действий внешней социальной средой, сознание собственной ценности. Мера развития субъектности позволяет в большей или меньшей степени быть субъектом собственного жизненного пути (К. А. Абульханова), выбирающего различные стратегии реализации своего бытия, вследствие этого данная характеристика становится важной для оценки, например, вероятности достичь желаемого в будущем. Так как будущее рассматривается как потенциальное бытие, корректнее использовать

в данном случае термин «возможное», подчеркивая, что к этому могут быть направлены действия самого субъекта и зависящие от него, но также не исключая стечения обстоятельств, неподконтрольного данной личности. Вследствие этого, рассматривая связь субъектности и потенциального бытия самой личности мы обращаемся к конструкту «возможного Я».

Возможное Я понимается как представление личности о самом себе, не существующем в действительности, но имеющем определенный потенциал воплощения. Первоначально авторами оригинальной концепции закладывалось понимание возможных Я как надежд, опасений и ожиданий человека, также можно предположить выделение желаемых и избегаемых возможных Я по отношению личности к вероятности их воплощения. В настоящее время конструкт активно исследуется в отечественной психологии личности, разрабатываются его типы, виды, характеристики, но в то же время конструкт остается «оторванным» от базиса отечественной психологии. Вследствие этого встает необходимость исследовать связь параметров возможных Я с субъектностью как гипотетическим катализатором более высокой или низкой оценки степени вероятности воплощения возможного Я в действительность.

Нами был проведен анализ в рамках общего пилотного исследования факторов выбора возможных Я у молодежи. Использовались стандартизированная анкета возможные Я (адаптация протокола интервью возможные Я (L. D. Frazier, K. Hooker) в переводе Е. Ю. Василевской), опросник М. А. Щукиной «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ). Анализировались результаты 65 студентов 2-го курса лечебного факультета Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова в возрасте от 18 до 23 лет, для корреляционного анализа использовался критерий ρ Спирмена.

Полученные результаты показали, что для параметров желаемых и избегаемых возможных Я складываются различные корреляционные плеяды с характеристиками субъектности, причем наиболее прочные и разнообразные связи наблюдаются именно в случае желаемых возможных Я. Так, результаты по шкале «активность—реактивность» опросника УРСЛ имеют значимые корреляции с параметрами желаемых возможных Я «соответствие желаемого реальному Я» (0,307, $p=0,01$), «воспринимаемая эффективность» (0,313, $p=0,01$) и «ожидаемый результат» как для желаемого (0,45, $p=0,05$), в то вре-

мя как для избегаемого возможного Я результат наблюдается только по последнему параметру (0,452, $p=0,05$). Можно предположить, что респондент, склонный самостоятельно инициировать свою активность, выступать как субъект ее источником, более прочно ощущает связь желаемого возможного Я и себя в данный момент времени, выше оценивает вероятность и свою способность воплотить это возможное в действительность, а также вероятность того, что его активность позволит избежать нежелаемых последствий.

Таким образом, субъектность как способность строить собственный жизненный путь, приближая или отдаляя те или иные события в жизни личности, неоднозначно связана с самооценкой возможности данных событий, представленных в параметрах возможных Я. Данная тема нуждается в дальнейшей разработке.

Самочувствие личности в изменяющейся образовательной среде в условиях пандемии COVID-19

В. А. Баранова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

О. О. Савина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Оптимальную психологическую образовательную среду можно рассматривать как комфортное взаимодействие субъектов образовательного процесса, результатом которого является качественное образование, эмоциональное благополучие, состояние защищенности всех его субъектов, условия для развития личности. Образовательная среда может являться источником как поддержки, так и стресса, определяя уровень оптимизма учащихся и специфику копинг-стратегий (К. Д. Хломов и др.). Наиболее распространенными психологическими угрозами комфортной образовательной среде являются: игнорирование индивидуально-личностных особенностей учащихся при освоении программы; напряженность отношений и удовлетворенность процессом взаимодействия всех участников образовательного процесса; особенности педагогического влияния; специфика организации учебного процесса; отрицание ценностей образовательной среды, норм, намерение ее покинуть (И. А. Баева и др., В. А. Баранова и др., В. А. Ясвин и др.). К важным проблемам следует отнести и психологическое насилие, существующее в формах публичного унижения и оскорбления, в том числе его перемещения в виртуаль-

ное пространство и трансформации в кибербуллинг (Г. У. Солдатова, А. Н. Ярмина, А. А. Реан, А. А. Ставцев).

Ситуацию с пандемией COVID-19, сложившуюся весной 2020 г., следует рассматривать как экстремальную, ее характеристиками выступают: угроза здоровью и жизни человека, высокая цена риска заражения, неопределенность, непрогнозируемость, изменчивость, противоречивость требований и оценок происходящего, ценностные противоречия, смысловые конфликты, вводимые ограничения (М. Ш. Магомед-Эминов). Отметим, что самочувствие личности в связи со спецификой образовательной среды особо значимо проявилось в условиях введения социальных ограничений (самоизоляции и дистанционного обучения). Допандемические исследования свидетельствуют о краткосрочном и долгосрочном воздействии социальной изоляции на соматическое и психологическое здоровье детей и подростков, а также о кумулятивном эффекте хронической изоляции (Н. Е. Харламенкова, D. Ingram, R. L. London).

Проблемным полем исследования, проведенного в период весны 2020—осени 2021 г. явилось выявление и отслеживание стрессовых факторов благополучия учащихся в связи с ситуацией пандемии COVID-19. Информация, полученная в начале пандемии, через год после ее начала (собрана дистанционно, предоставлена на условиях анонимности и добровольности), предоставленная студентами младших курсов университета психологического профиля ($n = 31, 30$), учителями ($n = 19, 19$), психологами московских школ ($n = 6, 6$), школьниками — учениками 5—7-х классов $n = 76, 72$) и родителями школьников ($n = 18, 19$), обрабатывалась методом контент-анализа и тематического анализа с последующей экспертной оценкой.

Выявлено, что ситуация, определяемая пандемией COVID-19, изменяет понятие «образовательная среда». Традиционные требования к организации образовательного процесса дополняются факторами, являющимися следствием процесса «расширения» и «смещения» образовательной среды за счет перехода, с одной стороны, из школьной в условия домашней среды; с другой — из офф- в онлайн-формат. Новые требования к образовательной среде определялись дистанционным обучением, пребыванием в домашней среде, обеднением непосредственного общения, интенсификацией общения в сети и с близким окружением, необходимостью координации взаимодействия учителей и родителей, значимостью интернет-коммуникации. Особо значимые переживания у всех участников образовательного процесса

во время самоизоляции вызывали ситуации, связанные с динамикой семейных и межличностных отношений, здоровьем, физической средой дома, online-форматом учебного процесса. Показатели эмоционального благополучия определялись методикой САН, хотя и фиксировались в диапазоне средне-высоких значений, однако в течение первого периода пандемии (2020) произошло снижение по показателям «самочувствие» (для сравнения весной – $M(SD) = 54,0 (9,2)$, осенью $M(SD) = 47,0 (11,6)$, $p = 0,04$) и «активность» (для сравнения весной – $M(SD) = 56,0 (13,6)$, осенью $M(SD) = 42,5 (12,8)$, $p = 0,02$). При этом была выявлена направленность на решение жизненных задач, преодоление состояний, вызванных социальными, пространственными ограничениями, а также стремление к взаимопомощи и поддержке, внимание к изменениям своего Я, тем действенным усилиям, которые сам человек предпринимает по преобразованию среды общения, отношений, обучения.

Задачи обеспечения оптимальной для психологического благополучия человека образовательной среды сформулированы как приоритетные направления деятельности службы сопровождения в системе образования, которые на уровне образовательного учреждения конкретизируются в выборе технологий сопровождения личности.

Половозрастная специфика ценностных ориентаций личности

О. А. Белобрыкина (НГПУ, Новосибирск)

В условиях перманентного социального реформирования закономерно трансформируются нормы, ценности и правила социального поведения. Российское общество начала XXI в. ознаменовано тенденцией следования западным идеалам и ценностям, поощряющим индивидуализм, конкурентоспособность, материальное благосостояние, гедонистический образ жизни. В результате в общественном сознании россиян происходит смещение акцентов с интересов страны на потребности отдельной личности, переоценка ранее существующих ценностей и неоднозначное восприятие новых, поиск прочных жизненных ориентиров.

Ценностные приоритеты, преобладающие в обществе – это ключевой элемент культуры, так как они представляют собой централь-

ные цели, связанные со всеми аспектами поведения и деятельности человека. В настоящее время особую актуальность приобретают изменения, происходящие в сознании современной молодежи. Неизбежная в условиях ломки сложившихся устоев переоценка ценностей, их кризис в большей мере проявляются в сознании именно этой социальной группы. Вместе с тем непосредственное влияние на систему ценностей оказывает повседневный опыт человека в изменяющемся социально-политическом контексте. У каждого человека формируется своя система ценностей, в которой они выстраиваются в определенной иерархии. Поэтому ценности могут выступать индикатором для фиксации процессов общественного и индивидуального изменения, возникающего в результате исторических, социальных и личных событий. Кроме того, они могут быть положены в основу изучения различий между социальными культурами и субкультурами, которые появляются по мере того, как социальные общности развиваются в определенных направлениях в результате их уникального опыта.

Юношеский возраст является периодом интенсивного формирования ценностных ориентаций, оказывающих влияние на становление характера и личности в целом. Социальная ситуация юности такова, что в этот период происходит переход не вообще к самостоятельной взрослости, а именно к мужской и женской. Период ранней зрелости считается Э. Эриксоном формальным началом взрослой жизни, когда происходит проверка собственных жизненных ценностей. В этом контексте особую значимость приобретает исследование половых различий в ценностных ориентациях на разных возрастных этапах.

Исходя из актуальности обозначенной проблемы, нами осуществлено эмпирическое исследование половозрастной специфики ценностных ориентаций, к которому привлечено 152 испытуемых, из них 38 юношей и 32 девушки в возрасте 17–19 лет и 40 мужчин и 42 женщины в возрасте 20–25 лет. Диагностическими методами выступали «Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ)» (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина), «Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности» (В. Н. Карандашев).

Анализ результатов проведенного исследования позволил выявить следующее.

Идентичными по выраженности жизненными ценностями (по методике МТЖЦ) для юношей и девушек выступают «Достижения», «Высокое материальное положение» и «Сфера увлечений». Значимыми для девушек ценностями выступают «Собственный престиж», «Сфе-

ра профессиональной жизни» и «Сфера семейной жизни»; для юношей – «Развитие себя», «Сфера физической активности».

Содержание системы ценностей юношей и девушек по методике Ш. Шварца имеет схожую структуру, но на уровне убеждений количественных различий больше, чем на уровне конкретных поступков. Это показывает, что представления о том, как надо поступать, у молодых людей разные, а индивидуальные приоритеты более близкие, так как они зависят от группового давления.

Статистически значимые различия по половому признаку в ценностных ориентациях юношеского возраста обнаружены только по методике Ш. Шварца по шкале «Традиции». Эта ценность, включающая уважение, принятие обычаев и идей, существующих в культуре, является наименее значимой для обоих полов, отражая, по сути, социокультурную обстановку современного общества.

В период ранней зрелости содержание системы жизненных ценностей у мужчин и женщин также имеет некоторое сходство. Вместе с тем выявлена половая специфика в предпочтении определенных ценностей по методике МТЖЦ: у женщин – «Сохранение собственной индивидуальности», «Сферы семейной и профессиональной жизни»; у мужчин – «Развитие себя», «Сфера физической активности» и «Сфера общественной жизни». Значимые различия в системе ценностей мужчин и женщин в период ранней зрелости зафиксированы лишь по методике Ш. Шварца на уровне нормативных идеалов по шкале «Конформность» и на уровне индивидуальных приоритетов по шкалам «Конформность» и «Самостоятельность». Это указывает, что в период ранней зрелости для молодых людей важна самостоятельность мышления, выбора способов действия, автономность и независимость, что не противоречит главной задаче данного возрастного периода.

Выявлена специфика ценностных ориентаций по показателю возраста (юность и взрослость) у девушек и юношей. В частности, предпочтение девушками обеих возрастных групп схожих ценностей свидетельствует, что сформировавшаяся структура ценностей в юношестве остается практически неизменной в ранней зрелости, а меняется только иерархия значимости наиболее важных ценностей.

По методике МТЖЦ показатели как у девушек и юношей, так и у женщин и мужчин расположены в границах средних значений, что указывает на отсутствие у них четко выраженных ценностных приоритетов.

Достоверные различия, по методике Ш. Шварца, у девушек двух возрастов наблюдаются только по шкале «Стимуляция» на уровне нормативных идеалов, указывая, что в юности для девушек потребность в разнообразии и глубоких переживаниях более значима, чем в ранней зрелости.

В период ранней зрелости у мужчин в основном сохраняются приобретенные в юношеском возрасте ценностные приоритеты. Для юношей и для мужчин наиболее важным является личный успех в соответствии с социальными стандартами на уровне убеждений и самостоятельность мысли и действия на уровне конкретных поступков.

Значимые различия в ценностных ориентациях у юношей и мужчин, по методике Ш. Шварца, наблюдаются по шкале «Гедонизм». В период ранней зрелости чувственное удовольствие и наслаждение жизнью отходит на второй план и наиболее важным становится самостоятельность мышления и выбора способов действия, потребность в самоконтроле и самоуправлении, автономности и независимости.

Понимание обмана в различных контекстах

С. В. Бородулина (КГУ, Кострома), Т. Л. Крюкова (КГУ, Кострома)

Обман является неотъемлемой частью жизни и сознания людей. В качестве коммуникативного феномена он рассматривается как сообщение, в котором информация соответствует фактам, но предоставляется в таком виде и с такой целью, чтобы ввести собеседника в заблуждение (В. В. Знаков).

При широком распространении обмана в различных сферах жизни и деятельности человека неизбежно встает вопрос о дифференциации характеристик понимания обмана в зависимости от его включения в тот или иной контекст. Под контекстом понимается совокупность внутренних и внешних факторов, способствующих восприятию, пониманию и преобразованию конкретной ситуации, а также влияющих на ее осмысление (А. А. Вербицкий, Т. Л. Крюкова, Т. В. Гушина). В нашем исследовании это рассматривается с точки зрения того, как характеристики контекстов социального взаимодействия сказываются на понимании обмана.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить специфику понимания обмана в различных контекстах, а именно: в общении

с романтическим партнером, друзьями, родителями, коллегами, начальством, представителями сферы услуг, а также в социально-политическом контексте.

Гипотеза. Существует контекстуальная специфика в понимании обмана субъектом, выражающаяся в характеристиках его сопряженности с индивидуально-психологическими особенностями субъекта в рамках того или иного контекста.

Выборку составил 81 респондент в возрасте от 18 до 39 лет ($m = 23,26$, $SD = 5,12$). Из них 40 мужчин ($m = 24,64$, $SD = 4,75$) и 41 женщина ($m = 22,15$, $SD = 5,18$). Большинство имеют высшее образование или обучаются на данный момент в вузе (61 человек) и проживают в городах и селах Центрального региона РФ.

Методы представлены «Шкалой социального интереса» А. Адлера в модификации Дж. Крендалла, SIS (Е. В. Сидоренко); нарративами (Н. И. Колесникова); методикой «Формулировка проблем» (М. А. Холодная); диагностикой эмоционального интеллекта (Е. И. Ильин); опросником «Отношение ко лжи» (И. П. Шкуратова); авторской анкетой субъективной оценки понимания обмана в различных контекстах.

В результате проведенного исследования были получены данные о сопряженности индивидуально-психологических черт с пониманием обмана в том или ином контексте.

Предикторами понимания обмана в общении с романтическим партнером являются отношение ко лжи-сплетне ($R^2 = 0,239$, $p = 0,000$), субъективная оценка правдивости людей ($R^2 = 0,295$, $p = 0,000$) и субъективная оценка способности распознавать обман ($R^2 = 0,336$, $p = 0,000$). Исходя из модели здоровых романтических отношений, где партнеры ориентированы на переживание безопасности и уверенности в уважении личности друг друга (А. Лэнгле), наблюдается исключение возможности использования обмана. Это в совокупности с уверенностью в собственной способности успешно распознавать обман приводит к снижению восприимчивости субъекта к обману в контексте романтических отношений.

Предиктором понимания обмана в контексте общения с друзьями является самомотивация ($R^2 = 0,061$, $p = 0,026$). Умение управлять собственными эмоциями для формирования необходимых паттернов поведения приводит к повышению способности разбираться в особенностях поведения значимого Другого в силу общего контекста интересов.

Предикторами понимания обмана в контексте общения с начальством выступают субъективная оценка частоты использования

обмана субъектом ($R^2=0,071$, $p=0,016$) и субъективная оценка частоты использования обмана другими ($R^2=0,171$, $p=0,001$). Влияние данного предиктора выражается в том, что восприятие окружающих как часто использующих обман в общении приводит к обнаружению обмана там, где его может не быть.

Предиктором в контексте сферы услуг является самомотивация ($R^2=0,116$, $p=0,002$). В общении с представителями сферы услуг отсутствует ориентация собеседников друг на друга. В таком случае, акцент на собственных переживаниях повышает умение распознавать обман.

Предиктором понимания обмана в политике является социальный интерес ($R^2=0,064$, $p=0,022$). Обман в политике противопоставляется ориентации на потребности окружающих. В силу специфики собственной направленности личности, данное поведение распознается в силу несоответствия ожиданий и реальности.

Полученные данные свидетельствуют о том, что специфика понимания обмана в зависимости от контекста имеет свою специфику. Устойчивость в предикции имеют ориентация на собственные эмоции и субъективная оценка понимания обмана.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует необходимость продолжения изучения проблемы обмана в различных контекстах, это будет способствовать выявлению и коррекции черт, приводящих к повышению способности распознавать обман. Сейчас, когда средства массовой информации пользуются механизмами манипуляции фактами с целью сокрытия истинной информации, стойкость к воздействию со стороны является не просто положительной характеристикой в ряду схожих качеств, но и необходимым средством для сохранения собственной субъектности и психологического благополучия.

Психологические характеристики готовности к деятельности студентов в различных жизненных обстоятельствах: до пандемии и во время пандемии

Н. А. Буравлева (ТГПУ, Томск)

Психология как наука сегодня приобретает всё большую значимость в жизни как отдельного человека, так и общества, решает самые разнообразные задачи. Среди них особенности личности в меняющемся

мире, когда кардинально трансформируются средовые характеристики. Один из актуальных вопросов, требующих изучения: как влияет ситуация карантинных мероприятий, вызванных пандемией, на психологические характеристики человека?

Цель нашего исследования заключалась в оценке психологических характеристик готовности к деятельности студентов в различных жизненных обстоятельствах: до пандемии и во время пандемии. Логика исследования предполагала, что вынужденная изоляция так или иначе отразится на психологических характеристиках обучающихся.

В исследовании мы использовали шкалы «Целеустремленность» и «Планомерность» опросника самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой, шкалу «Системная рефлексия» опросника «Дифференциальный тест рефлексивности» (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин), шкалу «Удовлетворенность жизнью» (Э. Динер; в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина). Нами использовался также Индекс личностной готовности к деятельности (Индекс ЛГД), который представлял собой среднеарифметическое значение нормированных показателей: «Целеустремленность», «Планомерность», «Системная рефлексия» и «Удовлетворенность жизнью» (И. В. Атаманова, С. А. Богомаз).

В исследовании участвовали студенты университетов г. Томска. Выборка состояла из 660 респондентов, возраст $20,51 \pm 2,44$ лет, девушек – 65,4%, юношей – 34,6%. Статистический анализ включал описательную статистику (средние значения, стандартные отклонения, асимметрия и эксцесс) и кластерный анализ. Кластеризация диагностических данных проводилась методом К-средних. Были проанализированы результаты диагностики до пандемии и в период пандемии. В совокупности нами были изучены 5 шкал по 4 методикам.

Кластерный анализ разделил показатели девушек на 2 группы. Первая группа состояла из студенток, у которых до карантинных мероприятий были более высокие показатели психологических характеристик личностной готовности к деятельности. Следует отметить, что на них пандемия практически не повлияла, за исключением показателя «планомерность» (до пандемии – $4,29 \pm 0,46$; в период пандемии – $4,01 \pm 0,73$ балла, различия с $p = 0,003$, с критерием Левена – $p = 0,000$). А во второй группе девушек с более низкими показателями психологических характеристик личностной готовности к деятельности результаты до пандемии и во время пандемии статистически различались по 3 показателям – «планомерность», «рефлексия» и «индекс ЛГД»:

- планомерность до пандемии – $2,95 \pm 0,82$; во время пандемии – $2,22 \pm 0,74$ балла, различия с $p = 0,000$, с критерием Левена – $p = 0,381$.
- рефлексия до пандемии – $3,82 \pm 0,57$; во время пандемии – $3,50 \pm 0,70$ балла, различия с $p = 0,001$, с критерием Левена – $p = 0,019$.
- индекс ЛГД до пандемии – $3,39 \pm 0,38$; во время пандемии – $3,05 \pm 0,42$ балла, различия с $p = 0,000$, с критерием Левена – $p = 0,118$.

Сопоставляя результаты диагностики девушек до пандемии и во время нее, мы можем утверждать, что у девушек второй группы с более низкими показателями планомерности, рефлексии и индекса личностной готовности к деятельности в ситуации пандемии эти психологические параметры стали еще более низкими, что неизбежно скажется на эффективности их деятельности.

При анализе результатов тестирования юношей до пандемии и во время пандемии нами было выявлено, что психологические характеристики юношей с более высокими показателями существенно не изменились, за исключением показателя «удовлетворенность жизнью». Обращает на себя внимание тот факт, что этот параметр вырос во время пандемии (до пандемии – $3,25 \pm 0,77$; в период пандемии – $3,56 \pm 0,77$ балла, различия с $p = 0,029$, с критерием Левена – $p = 0,917$). Создается впечатление, что ситуация пандемии для юношей этой группы внесла и положительные моменты.

А во второй группе юношей с более низкими показателями личностной готовности к деятельности до пандемии в ситуации вынужденной изоляции снизился показатель «рефлексия» (до пандемии – $3,70 \pm 0,66$; во время пандемии – $3,03 \pm 0,98$ балла, различия с $p = 0,000$, с критерием Левена – $p = 0,009$).

Мы можем констатировать, что ситуация пандемии влияет на личностные характеристики молодых людей, их готовность к деятельности, и это будет отражаться на обеспечении их основных потребностей, самореализации, эффективности. Результаты исследования подтверждают мысль о значимости развития личности, так как в ситуации изменений, неопределенности уровень развития личности является важным ресурсом для человека, который помогает сохранять целостность, запас автономии, адекватно воспринимать реальное положение дел, утверждать свою субъектность и свое Я.

Отношение студентов-психологов первого курса к идеологии чайлдфри

*Е. А. Вагер (БГПУ, Минск, Белоруссия),
О. К. Войтко (БГПУ, Минск, Белоруссия)*

В молодежной среде все чаще можно встретить тех, кто категорически не хочет иметь детей, причем вне зависимости от пола. Современная молодежь пропагандирует свободу выбора, личностную независимость, саморазвитие, стремление к образованию карьеры. Особенно ярко можно характеризовать портрет юноши либо девушки XXI в. в интернет-пространстве.

Само понятие «чайлдфри» является не только субкультурой, но и целостной идеологией, в основе которой лежит сознательное желание не иметь детей (И. В. Романова). Это связано не с тем, что люди не могут иметь детей по различным медицинским показаниям либо откладывают рождение ребенка на более поздний срок. Речь идет именно о твердом и уверенном желании не обзаводиться детьми вообще.

Это движение не могло не коснуться и нашей страны — Белоруссии. Как известно из демографической статистики Белоруссии, количество рожденных детей в разы меньше количества зафиксированных случаев смертности. К сожалению, население стареет, наблюдается отрицательный естественный прирост. Может ли данная статистика иметь связь с распространением идеологии чайлдфри?

Среди многих представителей чайлдфри можно встретить тех, кто является жертвой детской травмы, одной из тех многих причин, что может скрываться за желанием осознанно отказаться от детей. К психологической травме, в особенности связанной с семейной историей, можно отнести и страх. Страх появления своих собственных детей на свет, страх забеременеть или узнать новость о том, что мужчина скоро станет отцом. Еще одной причиной является боязнь ответственности за свою будущую семью, детей, страх ожидания, что человек не справится, будет плохим родителем, не полюбит ребенка и мн. др.

Третьей причиной, связанной с отказом от деторождения, может быть отношение женщин к феминистскому движению, которое также сейчас набирает обороты. Такие женщины выбирают карьеру, стремятся к самореализации, совершают осознанный выбор своих собственных желаний в противовес всем стандартам общества о том, что каждая женщина должна стать матерью.

Целью проведенного исследования являлось изучение отношения студентов первого курса Института психологии Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка к идеологии чайлдфри.

Выборку исследования составили 27 испытуемых – студентов-психологов, из них 25 испытуемых – девушки и 2 испытуемых – юноши в возрастном диапазоне от 17 до 19 лет. Из всей выборки 11 студентов были единственным ребенком в семье, 12 студентов – из семей двумя детьми и лишь 4 студента из многодетных семей.

Методы исследования: анкетирование, метод контент-анализа.

В результате проведенного исследования была выявлена степень готовности первокурсников в будущем иметь детей, а также причины, которые заставляют молодое поколение репродуктивного возраста психологически подготовить себя к сознательному отказу от деторождения в будущем.

Так, 19 опрошенных желали бы иметь детей в будущем, 8 человек приняли решение отказаться от деторождения в связи с тем, что это очень большая ответственность – воспитать человека; испытывают страх стать родителем и, возможно, не справиться с этой задачей; не видят смысла; считают себя в определенной мере эгоистами и не желают уделять больше времени кому-либо, кроме себя; вообще не задумываются об этом.

Интерес представляют и ответы на вопрос, связанный с выяснением причин, почему молодые люди не желают иметь детей. Наиболее часто встречаемыми причинами являются: наличие психологических травм в детстве и отсутствие благоприятных условий в семье, а также неготовность к созданию семьи в силу собственного возраста. Однако на вопрос «Как вы относитесь к добровольному отказу людей от рождения детей?» 20 студентов из всей выборки относятся положительно, 1 студент – отрицательно, 6 студентов затруднились ответить на вопрос.

Полученные результаты обращают внимание психологов-исследователей на существующие положительной тенденции отношения студентов к идеологии чайлдфри. Это означает, что в процессе профессиональной подготовки будущих психологов следует целенаправленно формировать у них положительное отношение к материнству, семейным ценностям, воспитанию, так как их собственные представления об обществе и семье будут транслироваться в наше будущее.

Роль темперамента в структуре взаимосвязей между компонентами системы «Я» и способами саморегуляции психических состояний на примере студентов Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета*

М. Е. Валиуллина (ИПиО КФУ, Казань),

М. И. Карташева (ИПиО КФУ, Казань), И. С. Басина (ИПиО КФУ, Казань)

Одной из тем, давно занимающих умы многих представителей научной психологии является Я человека как многокомпонентная, сложная и недостаточно изученная до сих пор система. Попытки изучения, расшифровки структуры и механизмов формирования этой системы порождают не только интересные открытия, но и все новые и новые вопросы, на которые необходимо найти ответы. Среди отечественных ученых, непосредственно занимающихся в наше время проблемой Я как сложной, многоуровневой системой, можно назвать В. С. Агапова, Л. В. Бороздину, А. К. Болотову и мн. др.

На сегодняшний день проведен ряд исследований, посвященных проблеме структуры и формированию Я-образа студентов (А. А. Корнилова, А. В. Лагун, Г. В. Орлова и др.). Не меньший интерес в научных кругах занимает и проблема саморегуляции психических состояний. Широко известны исследования в этой сфере, проводимые учеными Казанского (Приволжского) федерального университета (А. О. Прохоров, А. В. Чернов, М. Г. Юсупов и др.).

Целью нашего исследования стало изучение влияния таких характеристик темперамента, как уровень процессов возбуждения, торможения, подвижности нервных процессов и уравновешенности по силе на структуру взаимосвязей между представлениями студентов о себе в контексте различных ситуаций и их самооценкой частоты выбора способов саморегуляции психических состояний. Причем студентам предлагалось оценить силу того или иного образа себя в реальном времени (время тестирования) и в будущем (через несколько лет).

Для проведения исследования были разработаны две анкеты (А. О. Прохоров, А. В. Чернов). В одной из анкет представлен список способов саморегуляции психических состояний (пассивный отдых, актуализация позитивных образов и воспоминаний, самовнуше-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076.

ние, активная разрядка напряжения, размышление, переключение на другую деятельность, общение) в стрессовых ситуациях, связанных с учебной деятельностью. В другой испытываемые должны были отметить степень выраженности у себя различных компонентов Я-образа: Я-интеллектуальное, Я-физическое, Я-эмоциональное, Я-социальное, Я-этическое, Я-творческое, Я-волевое, Я-поведенческое в настоящем и в будущем.

Характеристики темперамента определялись при помощи известного тест-опросника «Методика диагностики темперамента Стреляу» (Jan Strelau).

Наши исследования показали, что различные характеристики темперамента имеют достоверные взаимосвязи со многими компонентами Я-образа студентов. Причем структура взаимосвязей между показателями темперамента и различными типами Я-образа различна в том случае, когда речь идет о представлениях студентов о себе на момент тестирования (Я – в настоящем) и когда речь идет о представлениях студентов о себе в будущем.

Далее, кратко описывая результаты исследования, мы будем иметь в виду только достоверные связи с $p < 0,05$ или $p < 0,01$.

Когда речь идет о составляющих Я-образа в настоящем, ни одна из исследуемых характеристик темперамента не оказывает непосредственного влияния на формирование Я-эмоциональное. Обнаружено отсутствие достоверных взаимосвязей между характеристиками темперамента и представлениями испытуемых об образе Я-интеллектуальном в будущем. В остальных случаях всегда существуют взаимосвязи тех или иных характеристик темперамента с составляющими Я-образа студентов.

С характеристиками темперамента имеют взаимосвязи и различные способы саморегуляции, частоту использования которых определяли у себя студенты в процессе анкетирования. Исключение составляет лишь общение как способ саморегуляции.

Корреляционный анализ показал, что между представлениями о различных Я-образах и способами саморегуляции психических состояний существует и достаточно большое количество непосредственных взаимосвязей и при описании себя в настоящем, и при описании себя в будущем.

Итак, рассуждая о взаимосвязях между способами саморегуляции психических состояний и сформированностью (силой) компонентов целостного Я-образа как одной из ведущих структур системы Я, мы

можем отметить существование, как минимум, двух уровней, влияющих на формирование различных аспектов Я-образа студентов. Более глубокий уровень — это индивидуальные характеристики способов реагирования нервной системы на внешние и внутренние стимулы (особенности проявляемого темперамента того или иного респондента). Более поверхностный уровень формируется в процессе развития личности и предположительно обусловлен различными жизненными установками и индивидуальным опытом. Наличие этого уровня подтверждается существованием непосредственных взаимосвязей между различными Я-образами и предпочитаемыми способами саморегуляции как в представлениях о себе в настоящем (реальном) времени, так и в представлениях о себе в будущем.

Эмпирическое изучение внутреннего диалога как формы существования внутреннего конфликта

А. В. Визгина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Несмотря на широкий интерес к феномену внутреннего диалога (ВД) в современной литературе, его эмпирическое исследование наталкивается на существенные методические трудности, особенно когда речь идет об изучении процесса ВД в его спонтанном развитии. В данном исследовании мы поставили перед собой задачу эмпирического выявления ВД именно в таком его понимании, рассматривая его как форму существования и совладания с внутренним конфликтом.

В качестве ситуации, актуализирующей ВД респондента, нами была выбрана ситуация внешне-речевого общения в форме полуструктурированного глубинного интервью, сфокусированного на личности респондента. Мы предположили, что вопросы, затрагивающие внутренне конфликтные темы, будут вызывать спонтанное развертывание ВД респондента. В качестве такой потенциально конфликтной темы была выбрана проблема, связанная с трудностями реализации изменений в жизни (или самоизменения) респондента. При ответе на эти вопросы у человека, переживающего внутренний конфликт в связи с нереализованной интенцией к самоизменению, предположительно будет актуализироваться ВД, направленный на разрешение данного конфликта или совладание с ним.

Помимо проверки самой возможности спонтанной актуализации и развертывания ВД в устных ответах респондентов, нашими задачами были: 1) разработка формальных и содержательных категорий анализа, релевантных выявленным ВД; 2) классификация ВД с точки зрения критериев конструктивности-дисфункциональности и их описание с помощью разработанных категорий.

Из 130 транскрибированных ответов было отобрано 60 фрагментов внутреннедиалогичного текста, которые затем были подвергнуты специально разработанной процедуре качественного контент-анализа с опорой на известные схемы анализа ВД (Е.-L. Aveling, A. Gillespie). В результате были выявлены 2 крупные группы: дисфункциональные и конструктивные ВД.

В группу дисфункциональных вошли равноправные конфликтные ВД, а также диалоги с преобладанием одной из двух неконструктивных позиций: голоса защиты или голоса самообвинения. Равноправные конфликтные ВД характеризуются конфликтным противостоянием между позициями (например, между стремлением к самоизменению и констатацией неспособности достичь этого), их взаимным отвержением, а также развернутостью обеих позиций при отсутствии их развития. Диалог остается незавершенным, не приводя к результату. Для двусторонних неравноправных ВД с преобладанием неконструктивной самокритики характерна неаргументированность позиции самообвинения, с которой респондент солидаризуется, отвергая альтернативную позицию. В защитных ВД отрицания преобладает позиция отрицания проблем, направленная на убеждение себя в отсутствии необходимости изменений. Позиция защиты более развернута, респондент с ней солидаризуется, за ней остается последнее слово. Альтернативная позиция, выражающая неудовлетворенность собой или ситуацией, не развернута либо вообще скрыта. Взаимодействие между позициями отсутствует.

Конструктивные диалоги мы разделили на несколько подгрупп в зависимости от типа позитивной динамики. Так, конструктивными мы считали не только результативные, но и незавершенные ВД, в которых, однако, можно было проследить позитивную динамику, переводящую диалог на более высокий уровень диалогичности (например, переход от защитного одностороннего ВД к конфликтному двустороннему). В других случаях позитивная динамика ВД приводит к формированию новой интегральной позиции, учитывающей обе стороны диалога. Например, интегральная позиция может высту-

пать в форме позиции принятия, предполагающей признание своей неудовлетворенности жизнью и одновременно невозможности осуществить изменения в силу непреодолимых в настоящий момент трудностей, при сохранении намерения это сделать в дальнейшем. Другой вид интегральной позиции – это рефлексивная позиция, которая заключается в объяснении причин отсутствия желаемых изменений в своей жизни. Позитивная динамика может выражаться также в переходе от конфликтного противостояния между ценностями к осознанному аргументированному выбору одной из них (например, отказ от привлекательных изменений в жизни ради более значимых ценностей). Был обнаружен также вариант конструктивного ВД, который характеризуется направленностью на обоснование уже совершенного выбора. Позитивная динамика в этом случае заключается в наращивании и углублении аргументации в пользу ранее выбранной позиции. Если обобщить, основными формальными признаками конструктивных ВД являются: наличие диалогического взаимодействия между позициями, кооперативные отношения между ними, аргументированность высказываний, наличие позитивной динамики.

Исследование позволило не только подтвердить возможность спонтанной актуализации и развертывания ВД в устных ответах респондентов, но и описать их основные эмпирические формы с точки зрения критериев функциональности-дисфункциональности. В частности, была подтверждена возможность позитивной динамики ВД в ходе его развертывания в рамках одного высказывания.

Особенности взаимосвязи смысложизненных ориентаций, учебной мотивации и коммуникативных характеристик обучающихся, ориентированных на исследовательскую деятельность*

В. А. Егорова (ЮФУ, Ростов-на-Дону), В. С. Рыжова (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Данное исследование посвящено рассмотрению особенностей взаимосвязи смысложизненных ориентаций, учебной мотивации и личностных свойств новой категории обучающихся, ориентированных

---

* Исследование выполнено при поддержке Южного федерального университета, № ВнГр-07/2020-20-АП.

на исследовательскую деятельность. Актуальность и новизна исследования заключается, с одной стороны, в запросе педагогов и педагогов-психологов на изучение особенностей смысложизненных ориентаций и психологических характеристик обучающихся, ассоциированных с ними, с другой стороны, в отсутствии исследований по данной теме.

В современной науке достаточно хорошо изучен вопрос взаимосвязи мотивационных структур и смысложизненных ориентаций личности среди студентов (С. В. Мартюшев, М. А. Паскарь). Среди школьников и подростков проводились исследования учебной мотивации и ценностно-жизненных ориентаций как отдельных факторов (А. А. Родина, Н. Г. Абрамян, Н. Ц. Бадмаева, М. В. Матюхина). При этом следует обратить внимание на то, что вопрос изучения взаимосвязи данных сфер у обучающихся, ориентированных на исследовательскую деятельность, представлен недостаточно.

Целью данного исследования является изучение особенностей взаимосвязи смысложизненных ориентаций, учебной мотивации и личностных характеристик исследователей-юниоров.

В исследовании приняли участие 235 обучающихся Специализированного учебно-научного центра ЮФО и общеобразовательных школ. Средний возраст – 15 лет. Для диагностики смысложизненных ориентаций использовался Тест «СЖО» Д. А. Леонтьева, для изучения учебной мотивации – методика диагностики структуры учебной мотивации школьников М. В. Матюхиной и для исследования коммуникативных характеристик – тест «Саморегуляция и успешность межличностного общения» В. Н. Куницыной.

Статистическая обработка данных включала в себя сравнительный анализ с помощью t-критерий Стьюдента, критерий корреляции Спирмена и регрессионный анализ. Вычисления производились с помощью программы RStudio.

Сравнительный анализ по методике СЖО между группами обучающихся, ориентированных на исследовательскую деятельность, и обучающихся, не ориентированных на исследовательскую деятельность, показал достоверные различия по шкалам Осмысленность жизни ($p < 0,001$), Цели в жизни ($p < 0,01$), Процесс жизни ($p < 0,05$), Результативность ($p < 0,05$). Обучающиеся, ориентированные на исследовательскую деятельность, показывают статистически более высокие результаты по всем шкалам смысложизненных ориентаций, а также более высокие результаты по таким мотивам учебной деятельности, как познавательный мотив ($p < 0,05$), позиция школьника ($p < 0,05$)

и мотив достижения ($p < 0,01$). Также обучающиеся, ориентированные на исследовательскую деятельность, в большей степени владеют саморегуляцией ($p < 0,05$), тогда как обучающиеся, не ориентированные на исследовательскую деятельность, более застенчивые ($p < 0,05$), невротизированные ($p < 0,05$) и фрустрированные ($p < 0,05$).

Корреляционный анализ между показателями методик СЖО, СУМО и диагностики учебной мотивации показал наличие достоверных положительных взаимосвязей осмысленности жизни с познавательным мотивом ($r = 0,16$, $p < 0,05$), мотивами достижения ($r = 0,18$, $p < 0,05$) и позицией школьника ($r = 0,19$, $p < 0,05$). При этом осмысленность жизни отрицательно коррелирует с характеристиками, затрудняющими общение по методике СУМО, например с одиночеством ($r = -0,33$, $p < 0,05$).

Для оценки взаимосвязи психологических характеристик был использован регрессионный анализ. Опираясь на полученные ранее данные, была составлена регрессионная модель, где зависимой переменной был взят показатель осмысленности жизни, а независимыми выступили мотив позиции школьника, чувство одиночества и фактор образовательного учреждения. Также в модель добавлены пол и возраст как контролирующие переменные. Результат расчета данной модели представлен в уравнении:

$$Y = -0,84 + 0,17^* \text{ позиция школьника} - 0,29^{***} \text{ одиночество} + 0,43^* \text{ образовательное учреждение} + 0,05 \text{ возраст} - 0,01 \text{ мужской пол}$$

Доля объясненной дисперсии модели составила 12%.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при повышении уровня позиции школьника на одно стандартное отклонение осмысленность жизни повышается на 0,17 ($p < 0,05$), при этом при увеличении чувства одиночества на одно стандартное отклонение осмысленность жизни понижается на 0,3 ($p < 0,001$). Важно, что и обучение в специализированном учреждении также достоверно повышает уровень осмысленности жизни на 0,4 ($p < 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что осмысленность жизни у обучающихся, ориентированных на исследовательскую деятельность, достоверно взаимосвязана с их учебной мотивацией и коммуникативными характеристиками. Повышение учебных мотивов, а именно стремления овладеть различными способами приобретения знаний и обучение в специализированном центре способствуют повышению уровня смысловых ориентаций. Выявлено, что такая ком-

муникативная характеристика, затрудняющая общение, как чувство одиночества, достоверно отрицательно влияет на осмысленность жизни.

Паттерны компонентов настойчивости и ментальное здоровье учащейся молодежи разных ступеней образования*

*В. Г. Ерофеева (НИУ ВШЭ, Москва), В. А. Бардадымов
(Благотворительный фонд «Школы Мира», Москва), А. К. Серобян
(ЕГУ, Ереван, Армения), М. Р. Хачатурова (НИУ ВШЭ, Москва)*

Обучение в университете связано с возросшим риском развития психических заболеваний (S. M. Auerbach et al.). Настойчивость рассматривается в качестве ресурса, позволяющего студентам поддерживать благополучие (D. J. Disabato et al., B. J. D. Datu et al., M. A. Kwon, R. S. Weisskirch) и защищающего от депрессии, тревожности и стресса (B. J. D. Datu et al., P. M. Musumari et al., J. Jin et al., P. T. Wong et al.). Она включает устойчивость интересов и упорство (Duckworth). Однако недостаточно изучены связи между компонентами настойчивости, видами благополучия и формами психологической нестабильности.

Мы опираемся на концепцию благополучия, предложенную Э. Динером с соавт., в которой позитивный и негативный аффекты рассматриваются как независимые измерения ментального здоровья. Мы поставили следующие исследовательские вопросы: 1) как связаны компоненты настойчивости и измерения ментального здоровья? 2) как различаются гендерные группы по исследуемым параметрам? 3) как различаются группы в зависимости от ступени образования? 4) как связаны возраст и исследуемые параметры?

В исследовании приняли участие 239 студентов (Ж = 184, М = 55) бакалавриата (45), магистратуры (128) и аспирантуры (66) российских вузов в возрасте от 17 до 43 лет (М = 24,54, SD = 4,477). В качестве исследовательских методик использовалась краткая шкала настойчивости (Duckworth), шкала депрессии, тревожности и стресса «ДАСС-21» (А. А. Золотарёва) и краткая версия спектра психического здоровья,

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (РФ) и КН РА в рамках совместной научной программы 20-513-05014 и 20RF-164.

измеряющая эмоциональное, социальное и психологическое виды благополучия (Е. Н. Осин и др.). Полученные данные анализировались анонимно в обобщенном виде.

Для анализа связей между переменными проводился корреляционный анализ Пирсона. Постоянство интересов имеет более сильные связи с тревожностью и стрессом по сравнению с упорством ($r_{тг} = -0,229$, $r_{гс} = -0,234$, $p < 0,01$ vs $r_{гт} = -0,189$, $r_{гс} = -0,194$, $p < 0,01$). Показатели по депрессии примерно одинаковые ($r_{гд} = -0,299$ vs $r_{гд} = -0,303$, $p < 0,01$). Однако упорство имеет более сильные связи со всеми видами благополучия ($r_{гб} = 0,225$, $r_{гсб} = 0,286$, $r_{гпб} = 0,358$, $p < 0,01$ vs $r_{гб} = 0,139$, $p < 0,05$, $r_{гсб} = 0,182$, $p < 0,01$, $r_{гпб} = 0,149$, $p < 0,05$). Каждый из компонентов обладает своей функцией: постоянство интересов в большей степени защищает от негативных последствий, а упорство позволяет поддерживать благополучие.

Для сравнения двух групп по гендерному признаку использовался Т-критерий для независимых выборок с поправкой Уэлча для коррекции неоднородности дисперсий. Статистически значимые различия между группами обнаружены только по показателям психологической нестабильности: депрессии ($p = 0,20$, d Коэна = 5,161), тревожности ($p = 0,008$, d Коэна = 4,878) и стресса ($p = 0,002$, d Коэна = 5,321), а благополучие и настойчивость не зависят от гендера.

В результате однофакторного дисперсионного анализа обнаружены статистически значимые различия по следующим показателям: эмоциональное ($F_{2,236} = 4,905$, $p = 0,008$, $\chi^2 = 0,40$), психологическое благополучие ($F_{2,236} = 4,343$, $p = 0,014$, $\chi^2 = 0,35$), депрессия ($F_{2,236} = 3,448$, $p = 0,033$, $\chi^2 = 0,28$), тревожность ($F_{2,236} = 6,880$, $p = 0,001$, $\chi^2 = 0,55$), стресс ($F_{2,236} = 5,013$, $p = 0,007$, $\chi^2 = 0,41$).

Post-hoc тест Тьюки показал, что бакалавры имеют самые низкие показатели по эмоциональному благополучию по сравнению с магистрами ($p = 0,011$) и аспирантами ($p = 0,015$) и психологическому благополучию по сравнению с аспирантами ($p = 0,011$). Аспиранты оказываются более психологически стабильными по сравнению с бакалаврами, потому что они не только имеют более высокие уровни благополучия, но и менее подвержены депрессии ($p = 0,025$), тревожности ($p = 0,001$) и стрессу ($p = 0,005$).

Возраст имеет более сильные связи с депрессией ($r = -0,198$, $p < 0,01$), тревожностью ($r = -0,306$, $p < 0,01$), стрессом ($r = -0,239$, $p < 0,01$) и слабые с благополучием ($r_{гб} = 0,132$, $p < 0,05$, $r_{гпб} = 0,149$, $p < 0,05$). Поэтому обнаруженные различия по ступени образования могут быть частично

объяснены фактом взросления, а не адаптацией к учебному процессу. Однако благополучие лишь в малой степени объясняется возрастом. А настойчивость не имеет связей ни со степенью образования, ни с возрастом.

Таким образом, показатели психологической нестабильности оказываются в большей степени, чем виды благополучия, связаны с внешними критериями — гендерными, возрастными различиями и степенью образования. Студенческая вовлеченность позволяет снижать влияние негативных факторов. А упорство сильнее связано с благополучием, потому что позволяет людям чувствовать контроль над жизнью и планами.

Представления об идентичности и типы отношения к беременности будущих матерей

*И. А. Колинченко (ПГУ, Пятигорск), С. А. Никулина (ПГУ, Пятигорск),
Л. Б. Воронкина (ПГУ, Пятигорск)*

Исследователи отмечают, что беременность является критическим периодом жизни женщины, поскольку личностное развитие претерпевает изменения, во многом обуславливающие ее дальнейшую жизнь.

Период беременности заслуживает особого внимания, поскольку в организме женщины формируется новая жизнь. Адекватное представление беременных о своем образе Я поможет оптимизировать психическое здоровье матери и ребенка.

Период беременности порождает новые смыслы будущего, формирует психологическую готовность женщины к материнству (И. Г. Земюлина).

Идентификация с матерью важна для формирования материнской роли беременных (В. И. Брутман, О. В. Баженова, А. Я. Варга), а на физиологическом уровне возникает при условии получения в детстве любви и заботы от собственной матери. Нарушение становления материнской ролевой идентичности, по исследованию О. В. Магденко, приводит к деструктивной репродуктивной мотивации идентичности и роли матери, согласно гуманистической парадигме осознания Я.

Э. Эриксон приписывал идентичности значимую роль в развитии динамичной структуры образа Я и считал, что социальная идентификация личности преобразовывается при взаимодействии с други-

ми людьми и переменами в своей жизни (Э. Эриксон), что прослеживается в ситуации неопределенности (Е. В. Улыбина, В. А. Колотаев).

Идеи Э. Эриксона в интерпретации А. Валлона, Д. Винникота, М. Кляйн привели к представлению о «диадическом симбиозе» ребенка с матерью на ранней стадии развития; Г. Г. Филиппова считает связи этого симбиоза с субъективными переживаниями как общей идентичностью «совокупным объектом».

Испытуемые заполняли методики для измерения типов отношения к беременности, категорий идентичности (общих, личностных и групповых) и отношения к морали.

Методы исследования. С помощью пакета методик – И. В. Добрякова «Тест отношений беременной», модифицированной методики М. Куна-Макпартленда «Кто Я?» (Е. В. Улыбина) для оценки категорий идентичности, опросника «Оценка моральных суждений» (И. А. Колинченко) об отношении к морали – было проведено исследование представлений об идентичности и типах отношения к морали будущих матерей.

Статистический анализ различий между средними значениями групп проведен с помощью программ пакета Statistica for Windows 10. Для выявления связей между категориями был применен корреляционный анализ Спирмена.

Результаты корреляционного исследования показывают, что возраст положительно коррелирует с тревожным типом отношения к беременности и с суждением о моральных нормах, регулирующих общественную жизнь. Чем старше женщина, тем больше у нее опыта, знаний, в том числе и о возможных потерях, которые случаются с людьми. Тревожное отношение к беременности, различные страхи по поводу ее течения и развития ребенка усиливают неуверенность, приводят к росту значимости внешних факторов, норм морали.

Личностные категории идентичности положительно коррелируют с категориями личности, связанными с изменениями и их желательностью: чем больше беременные принимают свои личностные черты, тем сильнее они приветствуют возможность их изменений. Личностное развитие женщины в этот период неизбежно претерпевает трансформации, накладывающее отпечаток на образ Я.

Корреляция суждения о морали в религиозных традициях взаимосвязана с защитой как основой моральных норм: стремление беременных к обеспечению безопасности для ребенка переносится на понимание морали как защите других лиц, как и прописано в нормах религии.

Прослеживается отрицательная корреляция норм морали, от которых можно дистанцироваться с желательностью личностных категорий идентичности: отступление от моральных принципов приводит к уменьшению представлений о положительных личностных свойствах, чертах характера, а эти изменения нежелательны для испытуемых, поскольку нарушают их представления о позитивном образе Я беременной женщины.

Результаты исследования могут быть применены для психологического сопровождения беременных с кризисными представлениями, с нарушениями идентичности, особенно личностной идентичности.

Психологическое сопровождение беременных более старшего возраста (после 30 лет), а также тревожного типа с потребностью в опоре на мораль как внешний источник авторитетной информации должно быть направлено на формирование самодостаточности и уверенности в собственных силах. Это не исключает опору на следование моральным нормам как внешней поддержки без ее акцентирования, ведь мораль догматична, предполагает ограничения и может помешать в развитии личных категорий идентичности у беременных.

Ментальная репрезентация трудных жизненных ситуаций как предиктор защитного и совладающего поведения взрослых с когнитивными стилями: ригидный/гибкий познавательный контроль, когнитивная простота/сложность

М. А. Крылова (КГУ, Кострома)

Исследование проблемы развития личности в период взрослости в контексте динамичной, стрессогенной с высокой долей неопределенности социальной ситуации, постоянно предъявляющей требования к субъектности человека, невозможно без обращения к важнейшему жизненному дарованию личности — ее способности справляться, совладать со стрессом.

И в этом плане интерес представляет период взрослости, также богатый нормативными стрессами и изменениями: в этот период люди завершают образование, начинают профессиональную карьеру, выстраивают близкие отношения, создают семью.

Однако для адаптивных действий в стрессовой ситуации необходима оценка угрозы или вызова, построение релевантного образа ситуации. Поэтому актуальны исследования особенностей когнитивной сферы человека, в том числе когнитивных стилей, позволяющие ответить на вопросы о том, как процессы переработки информации влияют на регуляцию и саморегуляцию активности в трудных жизненных ситуациях. Остается открытым и вопрос о влиянии ситуационных факторов, а именно тех особенностей восприятия ситуации, которые могут выступать предикторами совладающего поведения.

Выборка: 169 респондентов (120 женщин и 49 мужчин) в возрасте от 19 до 35 лет, средний возраст – 25,4 года.

Методический инструментарий

Когнитивные стили: 1) ригидный/гибкий познавательный контроль; использовалась методика свободных ассоциаций Р. Гарднер и др.; 2) когнитивная простота/сложность; был применен Метод репертуарных решеток Д. Келли; для изучения ментальной репрезентации проведены следующие психосемантические методики:

- Направленный ассоциативный эксперимент. Инструкция: «Напишите как можно больше прилагательных, соответствующих понятию «трудная жизненная ситуация»».
- Семантический дифференциал оценки трудных жизненных ситуаций (составлен для целей исследования).

Для изучения защитного и совладающего поведения использовались: 1) опросник способов совладания (ОСС) Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и др.; 2) опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) в адаптации Л. И. Вассермана и Е. А. Трифионовой.

Обсуждение результатов

Участники исследования, принадлежащие к полюсу гибкого познавательного контроля, чаще воспринимают трудную жизненную ситуацию с точки зрения временных характеристик ($\beta = 0,320$, $R^2 = 0,097$, $p = 0,000$), возможности ее разрешимости ($\beta = 0,274$, $R^2 = 0,075$, $p = 0,000$) и безопасности ($\beta = 0,306$, $R^2 = 0,094$, $p = 0,000$), оптимистического прогноза ($\beta = 0,182$, $R^2 = 0,033$, $p = 0,018$). Отметим, что гибкий познавательный контроль характеризуется склонностью к более детальной оценке и тщательному обдумыванию поступающей информации, поэтому

и принятие решения будет более обоснованным, менее спонтанным. Это в свою очередь актуализирует Самоконтроль ($\beta=0,224$, $R^2=0,050$, $p=0,003$), определяет выбор совладающего поведения, направленного на Принятие ответственности ($\beta=0,177$, $R^2=0,064$, $p=0,018$), Поиска социальной поддержки ($\beta=0,206$, $R^2=0,033$, $p=0,007$), уменьшает вероятность выбора Бегства-Избегания ($\beta=-0,161$, $R^2=0,197$, $p=0,021$) и использования механизмов психологической защиты по типу Вытеснения ($\beta=-0,185$, $R^2=0,114$, $p=0,013$), Реактивных образований ($\beta=-0,177$, $R^2=0,031$, $p=0,020$) и Регрессии ($\beta=-0,205$, $R^2=0,244$, $p=0,003$).

С возрастом когнитивной сложности высока значимость возможности прогнозируемости ($\beta=0,177$, $R^2=0,031$, $p=0,022$) и изменения происходящих событий ($\beta=0,173$, $R^2=0,079$, $p=0,022$). Вероятно, чем когнитивно более сложен человек, тем ему легче построить умственную модель трудной ситуации, просчитать пути решения. Это определяет тот факт, что в совладании с трудной жизненной ситуацией респонденты не склонны к Конфронтативному копингу ($\beta=-0,230$, $R^2=0,053$, $p=0,001$) и Бегству-Избеганию ($\beta=-0,256$, $R^2=0,165$, $p=0,000$).

Интересным является такой эмпирический факт: при возрастании гибкости познавательного контроля и когнитивной сложности снижается вероятность использования Бегства-Избегания, поскольку более дифференцированное восприятие событий позволяет более адекватно действовать в ТЖС.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что ментальная репрезентация является предиктором защитного и совладающего поведения у представителей разных когнитивных стилей. В свою очередь, когнитивные стили являются предикторами ментальной репрезентации трудной жизненной ситуации в период взрослости.

Жизнестойкость и смысложизненные ориентации молодых людей

Л. М. Кузнецова (РязГМУ им. И. П. Павлова, Рязань),

А. М. Лесин (РязГМУ им. И. П. Павлова, Рязань)

Личность современного молодого человека существует в пространстве изменяющегося мира, непрерывно предъявляющего новые требования к ее компетентности и предоставляющего спектр возможностей

выбора пути развития (А. В. Баранова). Это обуславливает актуальность исследования вопросов, связанных с изучением ресурсов молодежи, способствующих совладанию с трудностями и осуществлению подобного выбора. Одним из них является жизнестойкость личности. Это интегративная личностная характеристика, основанная на трех жизненных убеждениях: вовлеченности в процесс жизни, возможности контроля над ним и готовности к принятию риска (С. Мадди). При этом устойчивость личности во многом определяется ее ценностно-смысловыми ориентациями (С. В. Оспенников, Р. А. Субботина), которые выступают в качестве способа конструирования собственной жизни, фактически сжатой ее программой в виде смысловых единиц направленности личности.

Цель данного исследования заключалась в определении взаимосвязей выраженности жизнестойкости и смысложизненных ориентаций личности молодых людей. В нем приняли участие 120 человек обоих полов в возрасте от 18 до 23 лет. Были использованы методики: «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой, «Тест смысложизненных ориентации» Д. А. Леонтьева.

В ходе исследования были установлены положительные взаимосвязи выраженности всех компонентов жизнестойкости: вовлеченности, контроля, принятия риска и в целом интегративного показателя жизнестойкости с общим уровнем осмысленности жизни и всеми его компонентами: наличием цели, эмоциональной насыщенностью, результативностью, управляемостью жизни, локусом контроля-Я. Эти данные могут указывать на то, что в картине мира современных молодых людей жизнестойкость тесно связана с возможностью ставить значимые цели, конструировать жизненный путь в соответствии с собственными ценностно-смысловыми ориентирами. Увеличение осмысленности, удовлетворенности процессом жизни способствует возможности молодых людей сопротивляться стрессу, сохраняя психическое здоровье.

Если рассматривать отдельно выраженность каждого компонента жизнестойкости, можно отметить, что вовлеченность, контроль и принятие риска были положительно связаны со всеми показателями осмысленности жизни. Другими словами, по мнению молодых людей, их активности, включенности в ритм жизни способствует наличие смыслов и целей, ощущение удовлетворенности настоящими и прошлыми моментами жизни. Напротив, ощу-

щение онтологической пустоты может препятствовать проявлению инициативности, заинтересованности происходящим. Эти результаты указывают на то, что уровень осмысленности жизни во многом определяет включенность молодых людей в различные социальные процессы.

Возможность контроля над происходящим, самостоятельного выбора деятельности и жизненного пути также была положительно связана с осмысленностью жизни. Вероятно, что четкие смыслы и наличие целей для молодых людей способствуют формированию убеждения в возможности управлять собственной жизнедеятельностью. Очевидно, что устойчивые смысловые ориентации, обладающие значительным мотивационным потенциалом, могут являться важным личностным ресурсом, участвующим в процессах контроля и саморегуляции и во многом определять возможную сферу влияния молодых людей в общественной жизни.

Готовность к принятию риска также была положительно взаимосвязана со всеми компонентами осмысленности жизни. По мнению молодых людей, возможности принимать происходящие события как жизненный опыт, смело действовать без надежных гарантий успеха способствовало представление о себе как о сильной личности, конструирующей свой жизненный путь в соответствии с собственными ценностями и смыслами. Переживание ценности жизни и реализации себя в ней было связано с готовностью принимать новый опыт независимо от его валентности. Эти результаты могут указывать на то, что осмысленность жизни способствует свободному самовыражению личности, а ее нехватка, вероятно, обуславливает ощущение зависимости, скованности и нежелание встречаться с новым опытом.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что устойчивость личности молодых людей тесно связана с их ценностно-смысловой сферой. Осмысленность жизни способствует вовлеченности молодых людей в социальные процессы, контролю над ними, возможности смело действовать, несмотря на риски. В картине мира молодых людей возможность успешно действовать, сохраняя резистентность в трудных жизненных ситуациях, наличие значимых целей в жизни, эмоциональная насыщенность жизни, ощущение продуктивности прошлого, возможность конструировать свой жизненный путь в соответствии с собственным замыслом тесно взаимосвязаны и обуславливают жизнестойкость личности молодежи.

Ценностные ориентации младших и старших подростков

А. С. Кучеренко (АлтГПУ, Барнаул), О. Г. Холодкова (АлтГПУ, Барнаул)

В системе психологического знания в последнее время наблюдается возрастание научного интереса к проблеме ценностных ориентаций в различные возрастные периоды. Особый интерес в этом контексте представляет подростковый возраст, являющийся активатором развития ценностно-смысловой сферы личности.

Современные подростки живут в период интенсивного развития общества, современных технологий, открывающих для них новые возможности, которые позволяют реализовать себя в различных видах деятельности. Однако очень важно, что взросление и формирование системы ценностных ориентаций большинства современных российских подростков происходит в рамках выраженной нестабильности политической, экономической и культурно-ценностной сфер развития общества. Сегодня в сознании подростков делается наиболее популярным экономически доходное поведение, идущее вразрез с традиционными ценностями, что, несомненно, оказывает влияние на формирование и последующую динамику ценностных ориентаций у детей подросткового возраста.

Несомненная динамика и различия во всех аспектах становления ценностно-смысловой сферы личности на протяжении подросткового возраста отмечена такими исследователями, как М. Р. Гинзбург, А. И. Жуков, М. О. Зенкевич, Е. К. Казарина-Волшебная, Е. В. Логунова, Т. В. Малютина, А. С. Муратова, В. Е. Петров, М. А. Чулкова и др. Как раз на стыке младшего и старшего подросткового возрастов ценностные ориентации ребенка вступают в противоречие со сложившейся системой мотивов и потребностей, приводя их к качественной перестройке (Д. И. Фельдштейн).

Для выявления динамики содержания и структуры ценностных ориентаций при переходе от младшего к старшему подростковому возрасту нами было организовано и проведено эмпирическое исследование. Выборку составили 100 младших (5-й класс) и старших (9-й класс) подростков школ г. Барнаула Алтайского края.

Для диагностики использовались методика изучения ценностных ориентаций В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной и методика диагностики устойчивости и динамики развития ценностных ориентаций «По-

ложительные и отрицательные качества личности». Получены следующие результаты:

1. У подростков в процессе взросления наблюдается динамика в развитии потребности в познании, а познавательный процесс у значительного числа старших подростков вызывает в большей мере позитивные эмоции по сравнению с младшими подростками и является важным содержательным моментом в жизни.
2. Выявлена динамика в развитии ценностных ориентаций у подростков от младшего к старшему возрасту по шкале «Я—ценность»; младшие подростки еще недостаточно уверены в себе и не имеют четко сформированных представлений о своих возможностях, о своих способностях, о ценности своей личности.
3. Распределение результатов по шкале «другой—ценность» показало, что младшие подростки высоко оценивают индивидуальность окружающих, относятся к ее проявлениям с пониманием и уважением, в то время как старшие подростки опираются по большей части на себя, свои личные суждения и ощущения.
4. Установлена динамика в развитии ценности «общественно полезной деятельности». Большинство старших подростков понимают важность общественно полезной деятельности и готовы отдавать ей некоторую часть своего времени и сил, но не всегда это становится результатом их личной инициативы и самостоятельности. При этом было выявлено, что среди младших подростков больше учащихся, которые не осознают значимости участия каждого отдельного индивида в общественно полезной деятельности, занимаются ею с большой неохотой и не представляют в ней своей значительной роли.
5. Зафиксирована динамика в развитии ценности ответственности в процессе взросления подростков, поскольку у старших подростков в большей степени присутствует чувство ответственности как особо важной личностной характеристики, а также они признают ответственность в качестве базовой характеристики личности. У достаточного количества старших подростков преобладает интернальный (внутренний) контроль, достаточно сильно развита рефлексивная позиция и стремление к самоанализу.
6. Ценностные ориентации в сфере личностных качеств у младших подростков распространяются на уверенного в себе, волевого человека, который является непреклонным в своих идеях и убеждениях, готов при необходимости проявить агрессивность и даже

жестокость, при этом он должен быть аккуратным, добросовестным, пунктуальным, справедливым и коммуникабельным, чтобы производить благоприятное впечатление на окружающих. Старшие подростки ценят в личности честность, благородство, искренность, бережливость, отзывчивость.

Таким образом, у подростков в процессе взросления изменяется содержание, и структура ценностных ориентаций с положительной динамикой в направлении формирования ценности действительно положительных качеств личности.

Психологические барьеры адаптации к условиям учебной деятельности вьетнамских студентов в России

Ч. Х. Ле (МИИТ, Москва), С. А. Мудрак (МГСУ, Москва)

Учеба за границей является важной составляющей культурно-образовательного сотрудничества, способствует популяризации иностранного языка и обмену достижениями, но является критической ситуацией для личности обучающегося. Адаптация иностранных учащихся в вузах России представляет собой сложный процесс, включающий много различных аспектов (А. Л. Арефьев, Л. Г. Дикая, Д. С. Дрожжина, А. Л. Журавлев, А. А. Реан, А. Н. Ременцов, Н. Н. Ширкова и др.).

В настоящее время более 6 тысяч юношей и девушек из Вьетнама проходят обучение в 180 университетах 60 городов России. В последние годы вьетнамские студенты столкнулись с трудностями явно психологического плана, снижающими результаты их обучения (Ч. Х. Ле, В. У. Нгуен, Т. Х. Нгуен и др.). В рамках этой проблемы нами было проведено эмпирическое исследование особенностей психологической адаптации и самоорганизации вьетнамских студентов с целью выделения психологических барьеров адаптации к учебной деятельности вьетнамских студентов, обучающихся в российских вузах.

На основе анализа научной литературы и бесед со студентами из Вьетнама определены пять психологических барьеров; составлена анкета для определения специфики влияния психологических барьеров на адаптацию к учебной деятельности и проведен опрос среди вьетнамских студентов; проведено сравнительное эмпирическое исследование самоорганизации вьетнамских (17 человек) и русских сту-

дентов (20 человек) с помощью Опросника самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой (выборки уравнены по полу и возрасту); осуществлен анализ данных опроса, сравнительный анализ результатов эмпирического исследования, их статистическая обработка (использовались методы описательной статистики и U-критерий Манна–Уитни), сделаны выводы.

Нами выделены пять психологических барьеров, которые напрямую влияют на личностное развитие и адаптацию к учебной деятельности вьетнамских студентов в России, это языковой барьер; «барьер неуверенности» – низкая уверенность в себе из-за культурных различий; «барьер надежды» – надежда на легкую учебную программу для иностранцев; «барьер оптимизма» – чрезмерный оптимизм в отношении новой учебной среды; «барьер самовосстановления» – низкое самовосстановление после получения плохих результатов.

По результатам опроса установлено, что более 70% вьетнамских студентов считают языковой барьер основной проблемой адаптации и осознают, что им необходимо больше времени изучать русский язык для успешной коммуникации и учебы. За короткий срок обучения на подготовительном факультете учащиеся не могут в достаточной степени овладеть русским языком. Трудно за это время усвоить лексический минимум, навыки письменной речи и поискового чтения литературы по специальности, что очень важно для восприятия учебного материала и записи лекций на последующих курсах (М. Н. Кожевникова, Ч. Х. Ле, Е. А. Шерина, С. Н. Юсупова и др.).

Многие вьетнамские студенты не имеют достаточного понимания русской культуры и глубокого интереса к ней, прежде чем принимают решение учиться в России (65%). В начальный период адаптации они находятся в «шоковом» состоянии от культурного своеобразия новой среды, информационной перенасыщенности на всех уровнях, от необходимости самостоятельного быстрого принятия решений и разрешения проблем.

Новая современная учебная среда – это желаемый выбор иностранных студентов, который требует высокого уровня самоорганизации, развития коммуникативных, волевых качеств и мыслительных способностей. 86% опрошенных вьетнамских студентов испытывают трудности в интеграции и взаимодействии с русскими студентами. 73% испытывают кризис, депрессивные переживания в процессе учебы. Психологическая нестабильность, страхи и плохие учебные результаты друзей отрицательно влияют на них.

Проведенное сравнительное эмпирическое исследование самоорганизации вьетнамских и русских студентов выявило статистически значимые различия по параметрам настойчивость ($M_1 = 20,41$ и $M_2 = 23,1$, $U = 106$, $p < 0,5$) и фиксация на цели ($M_1 = 22,06$ и $M_2 = 19,2$, $U = 115,5$, $p < 0,5$), где M_1 – среднее по шкале в группе вьетнамцев, M_2 – среднее по шкале в группе русских. Специфика самоорганизации вьетнамских студентов заключается в снижении настойчивости и возрастании трудности преодоления препятствий на пути к цели при сильной фиксации на цели, т. е. цель не корректируется под реальные обстоятельства. Общий уровень самоорганизации деятельности вьетнамских юношей выше, чем общий уровень самоорганизации деятельности вьетнамских девушек.

Необходимо уделять больше внимания психологическим аспектам адаптации к учебной деятельности вьетнамских студентов, обучающихся в российских вузах, учитывать возникающие специфические психологические барьеры и особенности самоорганизации для разработки эффективных мер психологической и тьютерской поддержки.

Устойчивость спортивной направленности личности: модель и диагностический инструментарий

О. Г. Лопухова (КФУ, Казань), Л. Р. Фёдорова (КФУ, Казань)

Направленность является системообразующей характеристикой личности и ведущим компонентом в ее структуре. В направленности личности представлены ее цели, мотивы, субъективные отношения к различным сторонам действительности, а содержание и вектор направленности личности определяют развитие и проявление компонентов структуры личности, а также характер протекания психических процессов (Л. И. Божович, М. С. Неймарк, Ю. М. Забродин, Б. А. Сосновский). Устойчивость направленности личности характеризуется длительностью и сохранностью побуждений к деятельности, что очень важно при реализации профессиональной, в частности, спортивной карьеры. Учет особенностей спортивной направленности в детско-юношеском спорте приобретает особую актуальность, поскольку позволяет ответить на ключевые вопросы практической деятельности тренера: «Почему юные спортсмены приходят в спорт вообще или в конкретный вид спорта?», «Как занятия спортом вли-

яют на становление направленности личности и процесс социализации в целом?».

В исследовании была поставлена цель – разработать и апробировать диагностическую методику для определения содержания и типа устойчивости спортивной направленности личности юного спортсмена.

Оригинальная методика диагностики устойчивости спортивной направленности личности в детско-юношеском спорте разработана по аналогии с методикой диагностики устойчивости профессиональной направленности личности (О. Г. Лопухова). Диагностика внутренних составляющих спортивной направленности осуществлялась на основе модели мотивов спортивной деятельности А. В. Шаболтас. Основным приемом оценки устойчивости спортивной направленности являлось проективное задание, направленное на моделирование реального поведения испытуемого в ситуации, обуславливающей или допускающей возможность смены вида спорта, своего профессионального самоопределения в спорте. Это позволяет определить, насколько осознанно юный спортсмен относится к своему виду спорта или спортивной деятельности как таковой.

В методике А. В. Шаболтас определяются 10 потребностей для двукратной оценки степени их удовлетворения в «своем» виде спорта и «желаемом» (в ситуации возможности изменения вида спортивной деятельности) по 5-балльной шкале: «Чувствовать радость движения и физических усилий»; «Проявить себя, быть лучшим, чувствовать уважение среди знакомых, иметь поклонников»; «Развиваться физически, совершенствовать характер и волю»; «Быть в центре спортивных событий, чувствовать их эмоциональный накал»; «Чувствовать себя значимой частью спортивной команды, вместе стремиться к успеху, иметь хороший контакт с партнерами, тренером» и др.

В результате двукратного оценивания одного и того же списка потребностей, получаются две структуры оценок: для осваиваемого и для желаемого вида спорта. Различия в структурах этих оценок для каждой потребности позволяют оценить устойчивость внутреннего содержания иерархической структуры мотивов спортивной деятельности.

Выборка апробации и стандартизации методики составила 100 юных спортсменов – представителей различных видов спорта – в возрасте от 14 до 19 лет.

Диагностическая методика устойчивости спортивной направленности личности в детско-юношеском спорте, как показывают

результаты исследования, позволяет выявлять и описывать типы устойчивости спортивной направленности по критериям направленности на вид спорта и внутренней иерархии спортивной мотивации юных спортсменов разных видов спорта. Данная методика будет применяться в практике психологического сопровождения детско-юношеского спорта, при решении проблем, связанных с формированием и поддержанием мотивации на всех этапах спортивной карьеры, выработки рекомендаций спортсменам в ситуации перестройки спортивной карьеры или при переходе к другой карьере после ухода из спорта.

Измерение склонности к конструктивной и деструктивной зависти: адаптация опросника ВеМаS

Д. В. Люсин (ИП РАН, Москва)

В психологической науке существуют различные определения зависти; одно из наиболее распространенных определений состоит в понимании зависти как отрицательной эмоции, которая возникает, когда человеку хочется обладать тем, что есть у другого, либо желать, чтобы у другого человека этого предмета обладания не было (W. G. Parrott, R. H. Smith); при этом предмет зависти должен иметь высокую личностную значимость. Больше всего внимания уделяется негативным аспектам зависти, однако в литературе последних лет предлагается различать два вида зависти — конструктивную и деструктивную (benign and malicious envy; N. van de Ven et al., J. Crusius, J. Lange).

Конструктивная зависть связана со стремлением к самосовершенствованию и достижению высоких результатов, желанием подняться до уровня того, кому завидуют. Деструктивная зависть связана с враждебностью по отношению к другому человеку, стремлением принести ему вред. Для нее характерно желание низвести того, кому завидуют, до своего уровня. Собственно, именно эта эмоция чаще всего и называется завистью в естественном языке. Любой из этих видов зависти основан на социальном сравнении себя с другим: у другого человека есть нечто (имущество, привилегии, достижения, личные качества), чего я желаю, но мне это сейчас не доступно. Важно также, что любой из этих видов зависти является отрицательной эмо-

цией. Однако существенное различие между двумя видами зависти состоит в том, на чем сосредотачивается человек, переживающий зависть, — на отрицательном отношении к другому или на стремлении достичь того, что у другого есть.

Я. Крузиус и Й. Ланге разработали «Опросник конструктивной и деструктивной зависти» (ВеМаS), который состоит из десяти утверждений, объединенных в две шкалы, измеряющих склонность испытывать два вида зависти — конструктивную и деструктивную. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы осуществить русскоязычную адаптацию этого опросника и провести первичную оценку ее психометрических свойств.

Методика была переведена на русский язык и проведена на 254 испытуемых (82 мужчины, 172 женщины) в возрасте от 17 до 55 лет. Факторный анализ показал, что она имеет четкую двухфакторную структуру, соответствующую оригинальному опроснику ВеМаS. Шкалы конструктивной и деструктивной зависти обладают высокой надежностью, α Кронбаха равна 0,84 для каждой из них. Шкалы практически независимы друг от друга. Это означает, что человек может иметь склонность сразу к двум видам зависти или только к какой-то одной из них.

Для проверки валидности опросника его результаты сопоставлялись с рядом других методик. Получены положительные связи шкал опросника с чертами Темной триады (r от 0,24 до 0,51) и с ориентацией на сравнение способностей (r от 0,24 до 0,38); шкала деструктивной зависти положительно коррелирует со склонностью давать социально желательные ответы ($r = -0,24$). Примечательно, что эта связь слабая, поэтому можно считать, что в целом опросник устойчив по отношению к социальной желательности, по крайней мере, в ее наиболее прямолинейных формах.

В целом результаты психометрического анализа подтверждают, что адаптированная методика обладает удовлетворительной валидностью. Опросник конструктивной и деструктивной зависти может применяться как в исследованиях эмоций и мотивации, так и в ряде прикладных областей, например, в организационной психологии или при психологическом консультировании. Продуктивным направлением представляется разработка версий опросника, измеряющих склонность к зависти в конкретных областях, таких как работа или политика.

Аутентичность личности и мораль: есть ли связь?*

С. К. Нартова-Бочавер (НИУ ВШЭ, Москва)

Аутентичность личности — это верность себе, своему истинному я (true self) — индивидуальности, жизненному пути и предназначению. Традиционно исследователи акцентируют те бонусы аутентичной личности, которые приобретает сам субъект: многочисленные данные свидетельствуют об однозначно благотворной роли этого личностного качества для разных параметров психологического благополучия. Относительно недавно в исследованиях аутентичности стали обращать внимание на необходимость соответствия не только своей природе, но также и контексту бытия, тем обстоятельствам, в которые человек оказался «вброшен», и социальному миру вокруг. Аутентичность стали пытаться рассматривать не только как интра-, но и как интерпсихологическое качество (R. S. C. Carvalho Chinelato et al., V. Grégoire et al., S. I. Reznichenko et al., R. M. Sutton, C. J. Thomaes et al., С. К. Нартова-Бочавер, В. В. Пак).

Результаты исследований противоречивы: социальная и «возвышающая» функция аутентичности подтверждается нестабильно. Возможно, это связано с несовершенством конструкта. В данном исследовании мы предприняли попытку рассмотрения связи аутентичности, понимаемой в контексте трех парадигм (личностно-ориентированной, экзистенциальной и субъектной) и моральных мотивов, рассматриваемых в рамках концепции Р. Янофф-Бульман. Гипотеза состояла в наличии положительных связей между показателями аутентичности и моральными мотивами.

Выборку составили 430 респондентов ($M_{age} = 19,2$, $SD_{age} = 1,2$, 342 женского пола). Шкала аутентичности (A. Wood et al., три показателя: Аутентичная жизнь, Отсутствие Принятия внешнего влияния и Самоотчуждения), Опросник аутентичности (M. H. Kernis, B. M. Goldman, четыре показателя: Осознанность, Непредвзятость, Поведение и Отношения) и Московская шкала аутентичности (S. I. Reznichenko et al., 2021), включающая один общий показатель. Для изучения зависимой переменной использовался опросник Модель моральных мотивов (R. Janoff-Bulman, N. C. Carnes, 2013), включающий шесть показателей: помощь, непричинение вреда, усердие, социальный порядок, социальная справедливость и самоограничение.

* Исследование подготовлено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00262.

Было показано, что все моральные мотивы, за исключением самоограничения, предсказываются показателями аутентичности, что наиболее сильные модели получены для мотивов помощи и непричинения вреда, однако связи все равно слабее, чем в исследованиях с переменными психологического благополучия (коэффициенты детерминации не превышают $R^2 = 0,20$). В целом в однородной картине слабых или умеренных положительных связей, подтверждающих гипотезу, обращают на себя внимание неожиданно положительные связи между самоотчуждением и мотивами социальной справедливости, социального порядка и усердия.

Результаты побуждают задуматься о феномене самоотчуждения в контексте его моральной ценности, а также вернуться к когда-то популярной для отечественной психологии идее разведения адаптивных и психоразвивающих качеств. Самоотчуждение предстает как неожиданно ресурсный для нравственных качеств феномен, что, безусловно, нуждается в острой интерпретации и дополнительных исследованиях.

Роль эгоцентризма как формы девиантного поведения в развитии моральной сферы личности

*А. А. Ощепков (ДИТИ МИФИ, Димитровград, Ульяновская обл.),
В. Б. Салахова (УлГУ, Ульяновск)*

В теории морального развития Дж. Гиббса идеи, касающиеся эгоцентризма, играют важную роль. Они основываются на идеях Ж. Пиаже и включаются в детальное рассмотрение развития морали человека. В этом плане, используя принцип равновесия Ж. Пиаже, Дж. Гиббс утверждает, что при прохождении следующей стадии морального механизма эгоцентризм играет роль механизма перехода, когда человек, преодолевая собственный эгоцентризм, переходит на новый уровень моральных суждений. Поэтому в соответствии с принципом равновесия Ж. Пиаже развитие может быть рассмотрено как расширяющаяся перспектива, возможная на основе рефлексии и формирования все более абстрагированных понятий. В итоге формируется моральная сфера личности, беспристрастно отражающая все точки зрения и согласующаяся с традиционной этикой, изложенной в трудах философов от И. Канта до Дж. Хабермаса (J. Habermas).

В теории морального развития Л. Кольберга и более известной теории морального развития Дж. Гиббса идеи Ж. Пиаже, рассматривающие эгоцентризм, центрацию и децентрацию, играют важную роль. Однако, несмотря на общие черты названных теорий, направленных на преодоление релятивистского подхода в сфере морали человека, каждая из них имеет свою специфику. Так, Дж. Гиббс полагает, что моральное развитие направлено на более зрелую и адекватную мораль. В этом же плане Л. Кольберг обосновывает прохождение стадий морального развития в стремлении ко все более лучшей морали.

Общие черты и различия в теориях Дж. Гиббса и Л. Кольберга можно проследить в их подходе к разделению на стадии процесса морального развития. Дж. Гиббс разделяет процесс морального развития личности на две большие фазы, которые, в свою очередь, подразделяются на стадии и уровни. Первая фаза у Дж. Гиббса начинается с обыденной морали, за которой следует фаза экзистенциального морального развития. В свою очередь, фаза развития обыденной морали включает два пересекающихся уровня, которые развиваются в рамках двух соответствующих стадий. Если провести достаточно условную аналогию, то фаза обыденной морали Дж. Гиббса соответствует первым четырем стадиям морального развития у Л. Кольберга. А фаза экзистенциального морального развития Дж. Гиббса соответствует пятой и шестой стадиям Л. Кольберга. При этом можно выделить некоторые различия в системах Дж. Гиббса и Л. Кольберга, заключающиеся в выявлении идеальной моральной взаимности на третьей стадии.

Очевидно, что деление на стадии морального развития, несомненно, может объяснить сам процесс становления моральной сферы личности, однако остается нерешенным вопрос о самом переходе от одной стадии к другой, который мог бы раскрыть сам механизм морального развития.

Во-первых, согласно точке зрения Дж. Гиббса, развитие требует децентрации от эгоцентричного способа мышления. Такая децентрация позволяет ребенку увидеть множество перспектив и скоординировать их, ребенок должен удерживать в уме больше предметов, больше аспектов ситуации и координировать эти аспекты в более сложных формах по сравнению с более ранними стадиями.

Во-вторых, развитие предполагает более высокого порядка мысли, и, соответственно, проявления нового уровня упорядоченности моральных суждений. Например, при переходе от второй к третьей стадии, по Дж. Гиббсу, происходит переход от прагматичной к иде-

альной взаимности, что предполагает обусловливание моральных суждений логической необходимостью. Также данный переход предполагает проявление гипотетического мышления и формальных операций, что, кстати, демонстрирует связь морального развития с развитием когнитивной сферы личности по Ж. Пиаже. И хотя и прагматичная, и идеальная взаимность могут мотивировать определенное поведение, идеальная взаимность может служить более надежным источником зрелой моральной мотивации. В позитивных условиях конкретное ожидание может быть удовлетворено, но в условиях недоверия, приводит к девиантным формам застревания морального развития на стадии прагматичности.

И наконец, в-третьих, наиболее важным механизмом становления зрелой морали, и по Дж. Гиббсу, и по Л. Кольбергу, выступает социальный конструктивизм, который выражается в выборе и проигрывании детьми социальных ролей. При этом социальное ролевое поведение занимает самое важное место в моральном развитии и в случае недостатков в развитии на предыдущих стадиях приводит к девиантному развитию.

Поэтому для решения обозначенных проблем предлагается обратиться к работе М. Хоффмана об эмпатии как профилактике девиантного поведения. Данная программа обосновывается решением трех вопросов. Во-первых, без проявления зачатков нового морального мышления нет оснований для проявления следующей стадии морального развития. Во-вторых, более продвинутое моральное мышление должно определенным образом производить соответствующую мотивацию поведения. И наконец, необходим осязаемый механизм (в нашем случае эмпатия), который можно положить в основу программы профилактики девиантного поведения.

Взаимосвязь ассертивности и агрессивности личности

Д. А. Парфенова (СЗГМУ им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург),

А. Г. Портнова (СЗГМУ им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург),

А. М. Иванова (СЗГМУ им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург)

Ассертивность как способность отстаивать свои права, настойчиво добиваться собственных целей, способность конструктивно взаимодействовать с другими людьми важна в коммуникации. Она являет-

ся альтернативой манипулятивному поведению. По данным исследований, она способствует устойчивости в ситуации манипулятивного воздействия (В. П. Шейнов), психическому здоровью (J. A. Goldman, P. V. Olczak), ассертивные люди реже сталкиваются с тревожностью (M. Paterson, J. M. Green, C. Basson), эмоциональным выгоранием. Ассертивность медицинских работников улучшает результаты лечения их пациентов (навыки ассертивного общения с пациентами, большая удовлетворенность от работы, укрепление авторитета, умение справляться со стрессом) (M. R. Andersen, J. Abullarade, N. Urban).

Ассертивность – личностное качество, необходимое для успешной деятельности человека. Данное качество имеет особое значение, так как для достижения результата важны целеустремленность, активность, уверенность в себе, открытость, инициативность, настойчивость, энергичность человека (И. Г. Лебедева).

Однако в вопросе соотношения ассертивности и агрессивности в различных публикациях представлены противоречивые результаты. В. Каппони и Т. Новак предлагают всё коммуникативное общественное поведение рассматривать с точки зрения трех возможных типов внешних и внутренних реакций человека: ассертивного, агрессивного и пассивного. С их точки зрения, агрессивность предполагает достижение своих целей в ущерб другим людям. Себя субъект оценивает высоко, а окружающих обесценивает, нарушает их права и границы, у него высокие требования к окружающим и низкая требовательность по отношению к себе.

В свою очередь, ассертивный человек, с точки зрения Т. Новака и В. Каппони, уверен в себе, предъявляет единые требования к себе и к окружающим, осознает собственную ценность и ценность окружающих, настойчив в достижении целей. Другой человек в такой коммуникации рассматривается как партнер, а не как условный враг.

Это предполагает наличие в ассертивном человеке ряда моральных принципов и прав, особой системы ценностей, таких как альтруизм, честность, справедливость, честь, уважение прав и свобод партнера.

Ассертивный человек – это социально- и психологически зрелая личность, понимающая смысл собственной жизни, свое призвание и цели, которых она настойчиво добивается и при этом ориентируется на внутреннюю систему ценностей, в которой другой человек феноменально, как и она сама, представлен первостепенной ценностью (А. А. Хохлов, А. Г. Портнова).

Однако, по данным некоторых исследований (Е. В. Хохлова), ассертивность положительно связана с высокой агрессивностью и низкой враждебностью, при этом ценностные ориентации ассертивных личностей – рост, развитие, альтруизм. Ассертивные характеризуются смелостью, настойчивостью, позитивной открытостью, эмоциональной включенностью. Проявление сильных сторон личности без уверенности в себе невозможно, что дает основание предполагать положительную связь конструктивной агрессивности как способности преодолевать трудности, настаивать на собственной точке зрения и пр.

По данным И. В. Лебедевой, мотивационная и ценностно-смысловая сферы обуславливают, детерминируют развитие ассертивности.

Поскольку ассертивность является признаком зрелости личности, вопрос взаимной обусловленности ассертивности и агрессивности актуален в отношении личности в период ранней взрослости.

Нами было проведено исследование данной взаимосвязи посредством применения следующих эмпирических методик: А. Басса, А. Дарки и С. А. Ратуса. В исследовании приняли участие 40 человек в возрасте 17–25 лет.

Установлено, что вербальная агрессия (7,2) оказалась наивысшим маркером агрессивности в исследуемой выборке. Это свидетельствует о том, что молодые взрослые склонны к проявлению в социальной среде именно словесной агрессии. Однако общие индексы враждебности и агрессивности нормативные (8,58 и 17,08).

Общий уровень ассертивности выше среднего значения (71,3), что свидетельствует об уверенности, активности и настойчивости в реализации своих ассертивных прав.

Проведенный корреляционный анализ не обнаружил взаимосвязи между агрессивностью и ассертивностью личности испытуемых, что, по нашему мнению, согласуется с описанием агрессивного, пассивного и ассертивного типов социального поведения личности Э. Фроммом.

Таким образом, в период ранней взрослости из компонентов зрелости личности формируется ассертивность, не обусловленная агрессивностью в отстаивании своих прав.

Средовые факторы как предикторы благополучного старения*

*М. Д. Петраш (СПбГУ, Санкт-Петербург),
О. Ю. Стрижицкая (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Проблема конструирования продуктивной старости является междисциплинарной, так как к вопросам продолжительности жизни, изучению факторов, способствующих не только ее увеличению, но и качеству, обращаются ученые из разных областей научного знания: медицины, биологии, социологии, психологии.

В настоящее время имеется большой массив данных, свидетельствующий о важности и значимости образа жизни в формировании благополучного старения. Результаты подобных исследований важны и интересны не только для современного научного знания, они имеют большое практическое значение. Изучение литературы, посвященной исследованиям в области старения, а именно факторов и механизмов, оказывающих влияние на качество старения, позволяет говорить о трех группах факторов, различающихся по степени их моделируемости: «немоделируемые и сложно моделируемые (пол, личностные и генетические факторы); условно моделируемые (социальные факторы); легко моделируемые» (О. Ю. Стрижицкая, М. Д. Петраш). К третьей группе относятся средовые факторы, а именно: компоненты здорового образа жизни (ответственность за здоровье, физическая активность, питание), а также качество и режим сна. Разумеется, для того, чтобы средовые факторы работали в направлении формирования благополучного старения, необходим осознанный подход к выбору образа жизни, а накопление ресурсов должно происходить на более ранних возрастных этапах.

В представленном пилотном исследовании мы рассмотрели средовые факторы в качестве предикторов благополучного старения и выдвинули предположение о том, что поведение, направленное на здоровый образ жизни, связано с убеждениями о том, что человек способен контролировать события собственной жизни в старости и «последствия» старения оцениваются как позитивные. Другими словами, контроль событий собственной жизни в старости возможен.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-00869.

Выборка пилотного исследования составила 37 человек в возрасте от 40 до 56 лет. Для изучения образа жизни мы использовали шкалы опросника «ПроЗОЖ»: ответственность за здоровье, физическая активность и питание (М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкая, И. Р. Муртазина). Отношение к старению изучалось с помощью анкеты «Восприятие старения» «The Ageing Perceptions Questionnaire – APQ» (Barker, 2007). Мы использовали следующие шкалы: «Наличие контроля над жизнью в старости», «Отсутствие контроля над жизнью в старости», «Позитивные последствия старения», «Негативные последствия старения».

С помощью регрессионного анализа нами выявлено, что ответственное отношение к здоровью и правильное питание дают возможность контролировать собственную жизнь в старости. Другими словами, человек убежден в том, что от того, как он относится к своему здоровью и какова культура его питания, будет зависеть, продолжит ли он жить полной жизнью.

А физическая активность положительно сказывается на последствиях старения, т. е. способствует улучшению здоровья. Результаты ожидаемы и созвучны данным, которые были получены зарубежными исследователями относительно культуры питания (М. Kuzuya) и физической активности (М. Stevens, Т. Cruwys). Неожиданно проявил себя показатель «режим сна» (когда человек засыпает в одно и то же время и спит необходимое количество часов), а именно: соблюдение режима сна связано с убеждением в том, что контроль событий собственной жизни в старости невозможен. Возможно, данный факт является проявлением конкретной выборки, так как анализ данных с помощью метода «Бутсреп» на 1000 образцов не подтвердил полученного результата. В то время как взаимосвязи факторов «питание», «физическая активность» и «ответственное отношение к здоровью» со шкалами «Восприятие старения» были подтверждены.

Результаты пилотного исследования показали значимую роль средовых факторов «питание», «физическая активность» и «ответственное отношение к здоровью» в конструировании благополучного старения и неоднозначную роль сна, что можно рассматривать в качестве ограничения пилотного исследования.

Скаффолдинг – метод актуализации когнитивных и коммуникативных предикторов субъекта научного творчества*

Л. М. Попов (КФУ, Казань), П. Н. Устин (КФУ, Казань)

Задача

В условиях перехода аспирантуры на программу подготовки аспирантов как субъектов научного творчества к защите диссертации возникла задача максимального приближения аспирантской подготовки, включая курс по психологии, к главной цели – создать и защитить диссертацию.

Возможность оказания психологической поддержки состоит в нахождении адекватных средств, побуждающих аспиранта к актуализации когнитивных, регулятивных и коммуникативных ресурсов, позволяющих успешно справиться с диссертационной задачей.

Метод Скаффолдинг и его теоретическое обоснование. Скаффолдинг – это метод достижения зон ближайшего развития (А. А. Марголис) и оказания психологической поддержки по актуализации мотивационно-смыслового, когнитивно-личностного и деятельностного компонентов научного творчества субъекта научно-образовательной деятельности.

Теоретической основой метода являются положения работ: о единстве психического в виде когнитивного, регулятивного и коммуникативного компонентов (Б. Ф. Ломов); о зонах ближайшего развития (Л. С. Выготский); о творчестве как механизме развития в условиях субъект-объектного взаимодействия (Я. А. Пономарев); о структуре личности (С. Л. Рубинштейн) в единстве мотивации (хочу), способностей и дарований (могу), Я-концепция (какой Я); об автокоммуникации (Ю. М. Лотман); о взаимодействии как созерцании и преобразовании Мира и самого себя (С. Л. Рубинштейн).

Актуализация творческого потенциала – это процесс перевода желаний, мыслей, чувств, внутренних представлений из потенциального состояния в актуальное. Цель актуализации – показать путь преодоления «расстояния между уровнем актуального развития субъекта и уровнем его возможного развития по Л. С. Выготскому (А. А. Марголис).

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00253.

Описание метода Скаффолдинг

В основу метода и выделенных предикторов положена идея С.Л. Рубинштейна о структуре личности (Хочу-Могу-Какой Я), где к элементам «Хочу» и «Могу» добавлено «Действую». При этом использована идея о «полезном результате» как системообразующем факторе складывающейся функциональной системы (П. К. Анохин), что придает не столько созерцательный, сколько действенно-преобразующий характер. Выделим блоки и предикторы когнитивной составляющей метода.

«Хочу» — это мотивационно-смысловой блок, периферическое звено творчества, где определяется цель и смысл для субъекта достижения поставленной цели — «ради чего». Это мотивационный предиктор.

«Могу» — это блок личностно-когнитивных ресурсов, предиктор способностей и личностных качеств («Какой Я») для достижения целевого успеха. В варианте «хочу, но не могу» данный блок включает волевой компонент. Блок включает симбиоз интеллектуально-творческих способностей и личностных качеств действующего субъекта.

Блок «Действую» включает два звена: звено планирования действий (предиктор действия) и звено реального преобразующего действия по отношению к внешней среде и к самому себе.

Таким образом, когнитивная часть научного творчества аспирантов включает в себя три основных предиктора: мотивационно-смысловой; предиктор способностей и необходимых для решения актуальных задач личностных качеств; предиктор действия.

Коммуникативная составляющая научного творчества аспирантов включает предикторы внешнего и внутреннего общения. Остановимся на их характеристике.

Внешнее информационное общение осуществляется как «научная социализация» (Л. М. Попов, П. Н. Устин). Она предполагает обширное взаимодействие аспиранта с культурой вообще и с научной культурой в избранном направлении. Здесь включается созерцательная часть взаимодействия. Активное наполнение новой информацией происходит у аспиранта в процессе общения с научным руководителем, членами научного сообщества, с психологами, а также при ознакомлении с книжной и онлайн-продукцией. При этом осуществляется быстрый прирост знаний, но сохраняется тенденция резкого разделения общества на передающих и принимающих, возникновение психологической установки на получение истины в качестве го-

тового сообщения о чужом умственном усилии, т. е. создается тенденция умственного потребительства (Ю. М. Лотман).

Внутреннее общение как условие самопреобразования, автокоммуникация (Ю. М. Лотман) строится в виде общения с самим собой, т. е. «Я–Я», когда информация перемещается не в пространстве, а «во времени» и осуществляется в виде письменного текста. В системе «Я–Я» функционально значимо: уяснение внутреннего состояния пишущего (Ю. М. Лотман); постижение смысла поведения и деятельности, снятие эмоционального напряжения, оказание поддержки себе (В. В. Мацута); создаются условия для нового социального опыта, происходит обращение субъекта к объектам своего внутреннего мира (Н. А. Фатеева). Последнее подтверждает позиция Я. А. Пономарева о роли объекта в субъект–объектном взаимодействии, который каждый раз открывается с новой стороны, а результат воплощается в эффекте нового «побочного продукта». Тем самым подтверждается идея наличия динамизма не только в процессе внешнего общения, но и в процессе автокоммуникации.

Переживание чужести в контексте жизненных отношений личности

В. Е. Потехина (НИУ ВШЭ, Москва)

Обращение к ценности межличностных отношений и акцент на достижение близости в них просматривается во многих научных исследованиях нашего времени и прошедших веков (М. М. Бахтин, Е. Б. Старовойтенко). Близость рассматривается как несомненное благо для здоровых отношений, а значит, и для поддержания психического здоровья человека. Способность вступить в отношения и быть в них, способность относиться — одно из ведущих качеств гармонично развитой личности. Однако некоторые авторы (Б. Вальденфельс) отмечают, что наряду с диалогичностью и близостью в здоровых отношениях необходимым элементом также является возможность почувствовать себя чем-то иным, отличным от партнера. Таким образом, соединение и отождествление являются двумя процессами, неизменно присутствующими в здоровых отношениях. Исследование переживания чужести в контексте жизненных отношений личности — с собой, близкими и миром — является центральным образующим вопросом данного проекта.

Идея изучать чужест в психологическом ключе появилась из прочтения классической русской литературы XVIII–XIX вв., в особенности из представления о «лишних людях» в романах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, А. С. Грибоедова. Также по антропологии с литературой (Л. Леви-Брюль) оказалась важной в исследовательском плане мысль о тождестве языка как средства понимания реальности и управления поведением. Л. Леви-Брюль описывал туземное племя, подчеркивая, что оно будет тщательно скрывать свой язык от другого племени (в том числе все священные ритуалы и песни исполняя на незнакомом для других языке). Язык – это средство управления поведением. Таким образом, если враг узнал мой собственный язык, то он с помощью моего языка может управлять моим поведением.

В психологической и философской литературе можно найти описание отношений в модусе «Я–Другой» как путь преодоления разделенности, где Другой доконструирует Я, дарит новый образ Я (М. М. Бахтин, М. Бубер, 1993, Е. Б. Старовойтенко, В. А. Петровский). Однако не рассматривается вопрос о том, всегда ли хорошо это доконструирование и может ли быть чужест защитой от ненужных внешних воздействий, которая помогла бы сохранить Я. Исходя из теоретических представлений о диалогичности и ее продуктивности, была предпринята попытка качественного феноменологического исследования переживания чужести в отношении к себе, другим и миру. Целью исследования являлась разработка структурной модели феномена «Я как чужой» в контексте отношений на основании теоретического представления культурной психологии личности о продуктивности диалогического отношения (Е. Б. Старовойтенко). С исследовательской точки зрения было важно посмотреть: в каких формах современный человек переживает свою чужест, является ли это переживание ресурсным или разрушительным, является ли оно знаком, что необходимы другие отношения. В исследовании приняло участие 8 респондентов (4 женщины, 4 мужчины в возрасте от 19 до 32 лет). Респонденты были набраны с помощью интернет-площадок, на которых было размещено объявление о проведении исследования для тех, кто хотя бы раз переживал себя чужим себе, другим или миру. Таким образом, основным критерием формирования выборки было наличие в жизненном опыте представления о чужести. Было проведено полуструктурированное интервью с каждым из участников исследования (длительность от 1 до 2,5 часов). В качестве метода обработки текстовых

данных интервью использовался описательный феноменологический анализ по А. Джорджи (A. Giorgi).

Качественный анализ, выполненный в идеографическом подходе, позволил выделить компоненты структурной модели рассматриваемого переживания чужести. Согласно методу А. Джорджи, феноменологический анализ предполагает выделение инвариантных и вариативных компонентов структуры исследуемого переживания. В данном исследовании в качестве инвариантных компонентов были выделены следующие: непринятие себя как такового, трудности в доверии, ценностные противоречия Я и окружающих, неопределенность места в мире. К вариативным составляющим были отнесены следующие: восприятие внешних воздействий исключительно как негативных, незнакомая группа людей, невзаимные чувства, отсутствие единомышленников.

В целом, по данным настоящего исследования, было показано, что переживание чужести окрашено в эмоциональном, когнитивном и волевом плане как однозначно негативный опыт. Предположение о том, что чужесть может являться определенным ресурсом для личности в ситуациях самозащиты, не получило своего подтверждения на данной выборке и с данными вопросами интервью. Гипотеза о том, что чужесть может являться ресурсом в форме «хорошо не быть близким» в ситуациях, угрожающих собственному благополучию, нуждается в дальнейшей проверке на других выборках и с доработкой методологического инструментария.

Личностные особенности родителей, воспитывающих детей с аутизмом

А. С. Распопова (КГУФКСТ, Краснодар)

Семьи, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра, зачастую оказываются замкнутыми в своей проблеме, им не хватает необходимых знаний о способах взаимодействия с ребенком, методах обучения, коррекции поведения детей (О. С. Никольская).

Оказавшись в трудной жизненной ситуации, родители переживают тяжелый стресс, появляются депрессии, гневливость, резкость в обращении с детьми, отчаяние (Ю. М. Босенко). В подобных ситуациях и взрослые, и дети нуждаются в поддержке и помощи, которая

может и должна быть оказана всеми специалистами, которые взаимодействуют с ребенком и его семьей (О. В. Раздорова).

Степень изученности психологических аспектов функционирования семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, остается недостаточной. Авторы в основном уделяют внимание изучению нарушений в развитии детей и коррекционной работе, а вопросы изучения родителей практически не затрагиваются исследователями (Т. Н. Высотина). Эффективность коррекционного воздействия зависит от качества функционирования семьи, благополучия родителей, их ценностных ориентаций.

Цель исследования – изучить особенности взаимосвязи родительского отношения и самоотношения родителей, воспитывающих детей с аутизмом. В качестве методов использовались методика исследования самоотношения С. Р. Пантелеева, тест-опросник родительского отношения А. Я. Варги и В. В. Столина. В исследовании принимали участие 14 семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, 8 семей, воспитывающих нормально развивающихся детей. Исследование проводилось на базе организации содействия развитию детей с расстройствами аутистического спектра, г. Краснодар. Возраст испытуемых от 27 до 43 лет.

Анализируя результаты, полученные в ходе исследования, можно сделать выводы, что показатели самоотношения имеют незначительные различия между родителями, воспитывающими нормально развивающихся детей и родителями детей с аутизмом. Особенности самоотношения родителей, воспитывающих детей с нормативным развитием и с аутизмом, заключаются в том, что родители, воспитывающие детей с расстройством аутистического спектра, менее уверены в себе, уровень самоотношения и саморуководства ниже, чем у родителей, воспитывающих нормально развивающихся детей. В свою очередь, эти родители менее открыты и честны с самими собой, не склонны к рефлексии и самопознанию.

Особенности детско-родительских отношений родителей, воспитывающих детей с аутизмом, заключаются в том, что из-за диагноза стили воспитания искажаются, ребенок становится «кумиром семьи» и освобождается от малейших трудностей или болезней ребенка становится центром, на котором фиксировано внимание всей семьи. Родителям детей с аутизмом сложно принять диагноз и особенности ребенка, поэтому дети часто чувствуют эмоциональное отвержение, ощущают, что ими тяготеются, что они – обуза в жизни родителей.

Особенности взаимосвязи родительского отношения и самоотношения родителей детей с аутизмом заключаются в отсутствии прямых связей между компонентами родительского отношения и самоотношения родителей детей с аутизмом. Родители детей с аутизмом – в отличие от родителей нормально развивающихся детей – принимают особенности своего ребенка при низких значениях уверенности в себе; негативно оценивают сложившиеся отношения с другими людьми при высоких значениях принятия особенностей своего ребенка, при этом близкая психологическая дистанция между родителем и ребенком с расстройством связана с низкой самооценностью родителя. Родители нормально развивающихся детей в отличие от родителей детей с аутизмом стремятся к кооперации и симбиозу в детско-родительских отношениях при высоких значениях замкнутости и низкой самооценности. Они стремятся стать друзьями для своих детей при низкой внутренней конфликтности и отсутствии самообвинения. Такие родители принимают своих детей при достаточной осознанности собственной ценности.

Родители детей с нормой развития характеризуются высоким уровнем замкнутости, выраженным в стремлении родителей соответствовать социальным нормам и ведущим к высокой кооперации родителей с детьми и высокой эмоциональной близости, что выражается в стремлении к сотрудничеству со своим ребенком, желании быть причастным к его делам. Родители нормально развивающихся детей с высокой самооценностью, безусловно, принимают особенности своих детей, находя в них отражение уважаемых в себе качеств. Родители с высоким уровнем самооценности склонны доверять решениям своих детей, обладающих уважаемыми родителями чертами. Высокий уровень внутренней конфликтности родителя, выражаемый в несогласии с собой и беспокойной рефлексии, ведет к дистанцированию родителя и ребенка, отсутствию близкой эмоциональной связи.

Влияние решений в отношении значимого Другого на проявление самоактуализации личности

Д. А. Ремезов (НИУ ВШЭ, Москва)

Личность человека формируется в процессе интериоризации опыта. Одной из важнейших сторон формирования личности являются

ся отношения с Другими и в особенности отношения со значимыми Другими (Е. Б. Старовойтенко, Э. Берн). Значимые другие формируют паттерны поведения и отношения с другими и миром в целом при помощи разрешений и предписаний (М. Гулдинг, Р. Гулдинг). Человек принимает решение в отношении этих посланий и формирует внутренний образ Других, их отраженную субъектность внутри себя (В. А. Петровский). В отношении людей и их образов принимаются решения, которые могут ограничивать часть потенциала личности (А. Маслоу, Д. А. Леонтьев) за счет отрицания части самого себя — интериоризированных Других в личности. Однако влияние решений в отношении значимых Других в современной психологии до сих пор не изучено.

Нами была выдвинута гипотеза, что образ значимого Другого, в отношении которого было принято решение «быть не похожим», приведет к снижению компонентов самоактуализации.

Исследование носило предварительный характер. Выборка состояла из 43 респондентов (32 женщины) в возрасте от 18 до 48 лет. Участников просили заполнить МЦМ и опросник «Детские мысли» в адаптации В. А. Петровского, после чего при помощи процедуры рандомизации респонденты были распределены на 3 группы для заполнения опросника САМОАЛ. Контрольная группа (N = 16) получила стандартную инструкцию опросника САМОАЛ. В инструкцию для групп 2 (N = 13) и 3 (N = 14) были внесены изменения: «Представьте себе того значимого, близкого человека, на которого вы не хотите быть похожи ни при каких обстоятельствах (для группы 2) / на которого вы хотите быть похожи (для группы 3). Представьте, что он находится рядом с вами и просит заполнить опросник, который он для вас будет читать», — после чего шла стандартная инструкция.

Полученные данные обрабатывались при помощи пакета Statsoft Statistica v. 12. Для выявления статистически значимых различий использовался критерий Манна–Уитни.

Были выявлены достоверные различия между контрольной группой и двумя экспериментальными по параметру «контактность». У групп 2 и 3 выше стремление к установлению теплых, близких отношений с другими в сравнении с контрольной группой. Также «потребности в познании» и «гибкость в общении» достоверно выше в группе 2 по сравнению с группой 3. Группа, для которой была предусмотрена инструкция, активизирующая образ Другого, на которого они не хотят быть похожи, обладает более выраженным стремлени-

ем к новым впечатлениям, познавательным интересом, а также более направлена на самораскрытие и близкие теплые отношения с другими. Таким образом, гипотеза опровергнута.

Активация образа значимого Другого приводит к усилению потребности к установлению теплых, интимных отношений с другими. Образ значимого Другого, на которого человек «не хочет быть похожим», может приводить к усилению стремления к знаниям, установлению новых фактов и закономерностей и более гибкому отношению с миром и другими. Образ значимого Другого, на которого хочет быть похожим человек, способен усиливать ригидность в отношениях и снижать потребность в познании и поиска нового.

Главным ограничением исследования является малая выборка и невозможность в полной мере контролировать образ значимого Другого, который представляют респонденты. Результаты исследования требуют дальнейшего уточнения на большей выборке. Исследование позволяет улучшить понимание влияния образов значимых Других на самоактуализацию личности. Хотя и не было установлено значимых различий в общем уровне самоактуализации, однако различия в «потребности в познании» и «гибкости» между респондентами с активными образами значимых других и усиление «контактности» при активации образа значимого Другого позволяет лучше понять личностные особенности человека.

Магистратура как часть жизненного проекта личности на различных этапах зрелости

З. И. Рябикина (КубГУ, Краснодар), Н. А. Яворчук (КубГУ, Краснодар)

Новый виток социальных преобразований вернул общество к дискуссии о «болонском процессе», о целесообразности двухступенчатого образования. Различающиеся позиции участников обсуждения связаны с различной аргументацией. Один из серьезных аспектов — магистратура с точки зрения жизненной траектории личности.

Обучение в магистратуре — это не только возможность углубиться в выбранную специальность, но и иногда радикальная смена профессии, к которой обращаются в более зрелом возрасте.

Субъектный подход к личности предполагает внимание к телеологическому аспекту в ее интерпретации (К. Юнг) и обращение

к понятиям «жизненная перспектива», «жизненный план», «стратегия жизни» (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова и др.). В субъектно-бытийном подходе акцентируется авторство личности как субъекта бытия (З. И. Рябикина и др.).

В предпринятом исследовании решение человека обучаться в магистратуре рассматривалось как элемент проекта самореализации личности, характеризуемый различиями в реалистичности и длительности перспектив в зависимости от этапа личностной зрелости (в соответствии с возрастной периодизацией Э. Эриксона). В исследовании приняли участие магистранты Кубанского государственного университета двух возрастных периодов: ранняя (20–25 лет) и средняя зрелость (26–45 лет).

Предполагалось, что более зрелой личности, принимающей решение вернуться к обучению (возможно, прерывая сложившуюся профессиональную карьеру), свойственны более конкретные, реалистичные планы самоосуществления и более «дальний» горизонт планирования.

В качестве одного из инструментов исследования использовалась форсайт-сессия, позволившая выявить представления участников об основных трендах и направлениях развития профессии «психолог» в ближайшем будущем. Анализ материалов сессии показал, что магистранты периода средней зрелости имеют более глубокое понимание тенденций изменения окружающей реальности, продуцируют более проработанные образы будущего и имеют более детализированные представления о путях достижения этого будущего.

В качестве психодиагностических методик использовались: анкета «Целеполагание и жизненное планирование» (В. Р. Манукян), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова). В качестве инструментов математической статистики были применены: непараметрический критерий Манна–Уитни для определения значимости различий; корреляция Пирсона для исследования взаимосвязи показателей.

Результаты исследования

Магистранты периода средней зрелости выдвигают меньше краткосрочных (1–2 года) целей ($p < 0,01$), больше среднесрочных (3–5 лет) ($p < 0,05$), долгосрочных (от 5 лет) ($p < 0,05$) и вневременных ($p < 0,01$)

целей, чем магистранты периода ранней зрелости по аналогичным показателям.

Магистрантам периода ранней зрелости свойственно называть больше целей с продуманными путями достижения ($p < 0,01$), и они формируют больше взаимосвязанных целей ($p < 0,01$), чем магистранты средней личностной зрелости. Это можно трактовать как меньшую гибкость, отсутствие готовности к изменению намеченного, к переориентации в изменяющихся обстоятельствах бытия. Некоторая ригидность системы целей, ориентированность на слишком строгую последовательность действий могут быть индикаторами сниженной реалистичности.

Магистранты периода средней зрелости формируют больше целей по собственному устремлению (не из подражания или по чьему-либо совету) ($p < 0,01$) и формируют больше высокозначимых целей ($p < 0,01$), которые характеризуются более высоким потенциалом осуществления.

В исследовании саморегуляции магистрантов обнаружены различия по показателям: планирование ($p < 0,01$), моделирование ($p < 0,01$), программирование ($p < 0,01$), гибкость ($p < 0,01$), а также по общему уровню саморегуляции ($p < 0,01$). Это подтверждает, что магистранты периода средней зрелости склонны формировать более устойчивые, реалистичные цели и гибко реагировать на непредвиденные ситуации.

Общий показатель саморегуляции имеет сильную прямую корреляцию с возрастом ($r = 0,703$, $p < 0,01$) и слабые отрицательные корреляции с показателями: «продуманность путей достижения» ($r = -0,376$, $p < 0,05$), «взаимосвязанность системы целей» ($r = -0,342$, $p < 0,05$), «количество среднезначимых целей» ($r = -0,345$, $p < 0,05$). Т. е. чем более зрелый респондент, тем выше у него способность к разработке жизнеспособных планов и тем больше он формирует высокозначимых целей.

Выводы

Магистранты периода средней зрелости формируют более реалистичные цели. Им свойственна более длительная перспектива планирования. Они осуществляют более эффективную саморегуляцию в процессе исполнения своих проектов.

Таким образом, магистратура как продолжение образовательного цикла личности и этап профессионального становления играет различную роль в зависимости от этапа личностного становления субъекта образовательного процесса.

Особенности структур связей ценностей в зависимости от толерантности личности к неопределенности

Н. Р. Салихова (К(П)ФУ, Казань),

А. Б. Салихова (Первый МГМУ им. И. М. Сеченова, Москва)

Проблема исследования

Ключевая роль ценностей в отношении человека к разным сторонам действительности широко известна (Б. С. Алишев). В настоящее время неопределенность становится основным вызовом современного мира для человека (А. Г. Асмолов). При этом недостаточно изучено, какие именно ценности детерминируют отношение к неопределенности, задавая эффективные способы взаимодействия с ней. Возможно, поддержка позитивного отношения к неопределенности зависит не только от отдельных ценностей, но от структуры их взаимосвязей, образующих целостные ценностные структуры семантически близких ценностей, различающих толерантное и интолерантное отношение человека к неопределенности и ее составляющим. Психологи показали наличие существенных вариаций в семантических полях одних и тех же понятий в различных группах людей, при этом в основном исследовались понятия, отражающие те или иные свойства личности. Мы предполагаем, что поддержка позитивного отношения к неопределенности зависит не только от отдельных ценностей, но от структуры их взаимосвязей между собой, образующих ценностные структуры, различающие толерантное и интолерантное отношение человека к неопределенности и составляющим ее аспектам. Цель исследования – выявить особенности структур взаимосвязей ценностей в зависимости от толерантности личности к неопределенности.

Методы исследования

Для определения толерантности к неопределенности использовалась «Шкала общей толерантности к неопределенности» Д. Маклейна (MSTAT-1), адаптированная Д. А. Леонтьевым с соавт. Иерархия ценностей, позволяющая раскрыть внутренние ценностные предпочтения и направленность личности, определялась с помощью методики ценностных ориентаций М. Рокича в модификации Е. Б. Фанталовой. Данные анализировались методами корреляционного анализа взаимосвязей толерантности к неопределенности с параметром важ-

ности ценностей с использованием коэффициента корреляции Спирмена как в общей выборке, так и в контрастных группах.

Результаты

Выявлено, что существует одна универсальная группа семантически похожих между собой ценностей близких межличностных отношений, к которым относятся и ценность любви, и ценность счастливой семейной жизни, т. е. ценности, которые противостоят большинству других ценностей. Общей для высоко- и низкотолерантных испытуемых является связь ценностей творчества и красоты природы и искусства при оценке их доступности, отсутствующая, однако, при оценке их важности. Остальные ценности образуют между собой разные конstellации для низкотолерантных и высокотолерантных к неопределенности испытуемых. Связь уверенности в себе со свободой, а также познания и творчества есть только у высокотолерантных к неопределенности испытуемых как в отношении важности этих ценностей, так и в отношении их доступности, что содержательно соотносится с ранее полученными данными о связи толерантности к неопределенности с внутренней мотивацией (N. R. Salikhova, M. F. Lynch, A. B. Salikhova). Существует также общая для высоко- и низкотолерантных к неопределенности испытуемых связь ценности материально обеспеченной жизни с ценностью интересной работы, однако если для низкотолерантных она существует при оценке важности этих ценностей, то для высокотолерантных — при оценке их доступности. Только в группе низкотолерантных к неопределенности испытуемых появляется связь материальной обеспеченности и здоровья при оценке их доступности. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ психологических тренингов для повышения устойчивости личности к условиям неопределенности современного мира и формирования эффективного отношения человека к разным аспектам неопределенности, а также для помощи в преодолении неэффективных форм реагирования на неопределенность в рамках психологического консультирования.

Связь близости в романтических отношениях и сепарации от родителей в юношеском возрасте*

А. Г. Самохвалова (КГУ, Кострома), Е. В. Тихомирова (КГУ, Кострома)

Романтические отношения как частный случай диадических отношений характеризуются высокой избирательностью и относительной устойчивостью. Они основаны на сильных положительных/амбивалентных эмоциях, физиологически обусловлены сексуальными потребностями, выражаются в стремлении партнеров быть уверенными во взаимности чувств (А. А. Кроник, Е. А. Кроник). В романтических отношениях важное значение приобретает близость как их качественная характеристика, которая включена в периодизацию развития человека как важнейшая задача при переходе к взрослой жизни (D. H. Olson). Она играет функцию поддержания близких отношений и связана с диадическими паттернами соответствия, определяется с позиции интимности, самораскрытия и эмоциональной отзывчивости (Л. В. Куликов, М. М. Пастушик). Однако важно понимать, что позволяет субъектам достигать близости, выдерживать здоровый баланс автономии и связанности в отношениях (E. S. Kluwer, J. A. Feeney). В основу данного исследования были заложены представления о необходимости рассмотрения близости в отношениях с партнером в рамках сепарационной феноменологии.

В исследовании приняли участие 56 человек (24 юноши, 32 девушки, $M = 21,6$). Методический комплекс: опросник «Psychological Separation Inventory» Дж. Хоффмана (1984) в адаптации Т. Ю. Садовниковой, В. Н. Дзукаевой; Персональная оценка близости в отношениях «Personal Assessment of intimacy in Relationships» М. Т. Шефер, Д. Х. Олсон, полуструктурированное интервью.

Установлено, что в период перехода от поздней юности к ранней взрослости молодые люди в большей степени сепарированы от отца, чем от матери. Преобладает функциональная сепарация ($M = 4,1$). Эмоционально же связь с родителями остается тесной ($M = 3$). При этом чем выше показатели по шкале «конфликтологическая сепарация от матери», свидетельствующая об отделенности субъекта, тем ниже оценка эмоциональной ($r = -0,34^{**}$) и интеллектуальной ($r = -0,4^{**}$)

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № FZEW-2020-0005.

близости с партнером романтических отношений. При отсутствии гнева, тревоги, недоверия в сепарационных отношениях с фигурой матери в отношениях с романтическим партнером нивелируется желание делиться своими чувствами, эмоциями, убеждениями. Это связано с возросшей самостоятельностью, независимостью, достижением определенного уровня личностной зрелости, что позволяет переживать эмоции и оценивать жизненные ситуации самостоятельно, активно не вовлекая партнера. Взаимосвязанность интеллектуальной, эмоциональной, сексуальной и социальной близости ($0,33 \leq r \leq 0,45^{**}$) позволяет говорить также об опосредованной связи конфликтологической сепарации от матери с такими типами близости, как сексуальная и социальная.

При изучении специфики связи между сепарацией и близостью в группе респондентов с благополучным стилем сепарации от родителей ($N = 28$) было выявлено, что чем выше значения по шкале конфликтологическая сепарация от матери, тем ниже интеллектуальная близость ($r = -0,41^*$). Отделенность же от мнения матери – аттитудная сепарация ($r = 0,45^*$) – позволяет развиваться близости, основанной на обмене опытом, интересами, общим хобби с романтическим партнером (рекреационная близость). В группе с неблагополучной сепарацией ($N = 27$) выявлена обратная связь функциональной сепарации от отца с оценкой интеллектуальной близости с партнером ($r = -0,5^{**}$). Самостоятельность в принятии решений ведет к тому, что партнер будет редко обмениваться идеями, обсуждать жизненные вопросы с романтическим партнером, полагаясь в этих вопросах на самого себя.

По результатам полуструктурированного интервью респонденты с благополучным стилем сепарации от родителей оценивали степень психологической близости с партнером выше. При этом близость с ним они видят в доверии (1P), понимании (2P), открытости (3P) и общности интересов (4P), взаимоподдержке (5P), интимной близости (5P) и совместном времяпрепровождении (6P). Респонденты с неблагополучной сепарацией под близостью понимают также доверие (1P), но при этом близость для них – это и возможность поговорить, поделиться секретами и переживаниями (2P), получить поддержку (3P), понимание (4P), особое значение приобретает верность (5P), т. е. прослеживается действие компенсаторных механизмов и механизмов переноса модели отношений с родителями на модель партнерских отношений.

У юношей выявлена связь рекреационной близости с партнером и конфликтологической сепарации от матери; аттитюдной и функциональной сепарации от матери ($r=0,44^*$). У девушек – обратная связь интеллектуальной близости с партнером с конфликтологической сепарацией от матери ($r=-0,4^*$), эмоциональной от отца ($r=-0,37^*$) и функциональной от отца ($r=-0,44^*$). Аттитюдная сепарация от матери связана с социальной близостью с партнером ($r=0,39^*$), функциональная сепарация от отца с развлекательной близостью ($r=0,45^{**}$). Таким образом, для оценки близости с партнером у юношей более важна сепарированность от матери, однако это касается преимущественно сферы совместного досуга. А у девушек для переживания близости с партнером значима сепарированность от обеих родительских фигур.

«Текущий субъект»: трансформации современной идентичности

Е. Е. Сапогова (МПГУ, Москва)

Начало XXI в. отмечено осознанием влияния на человека нарастающей во всех сферах его жизни неопределенности, выступающей для него обычно в форме непредсказуемой проблематизации собственного будущего. Распахивая пространство для развития, неопределенность одновременно уничтожает возможность задать в социализации четкие траектории жизненного пути личности и устойчивые «нормативные» ориентиры в планировании будущего. Совладание с ситуациями неопределенности требует их самостоятельного смыслового доопределения и/или переопределения, а следовательно, использования возможных стратегий уклонения от привычных парадигм и необходимости постоянного «сканирования горизонта». Последнее становясь частью механизма смыслообразования и превращает человека из «туриста», однозначно определившего цель своего маршрута и движущегося к ней без значительных отклонений, в «рационального фланера», пересматривающего свой жизненный маршрут на каждом шагу и перепределяющего его в зависимости от новой информации (Н. Талеб).

Необходимость доопределять неопределенность принуждает человека перейти от восприятия самого себя как стабильного, неизменного субъекта (И. Кант) к эмпирическому «субъекту-в-становлении» (А. В. Ямпольская), перейти от «сделанного» к бесконечно «делаемому»

(В. Шкловский). В итоге это приводит к противоречию самопонимания: в осознании самого себя гуссерлевско-кантовский опыт сознания, устанавливающий некую истину и норму, сталкивается с вне-эпистемологическим опытом-испытыванием, лишенным твердых ориентиров истинности и нормативности (К. Холторф). Так возникает «текущий субъект», для которого реализуемый им проект собственного бытия частично или полностью утрачивает внутреннюю ясность. Ему приходится многократно строить новое тождество самому себе — каждый раз новую, возможно, разную, но всегда временную определенность себя и реальности.

Это приводит к смене значимых для жизни характеристик — смысловых и ценностных ориентиров человека. Концепт «текущего» субъекта находит отражение в идее утраты личностью собственной подлинности, «множественной», «лоскутной» идентичности М. Каstellса, в процессуальной теории идентичности Г. Брейкуэлл в модели М. Берзонски, описывающей стили взаимодействия субъекта с «текущей реальностью» и последствия их выбора, «мини-Я» (Т. Башкирова). Помимо «всегда незавершенной», открытой в будущее идентичности, исследуются «возможные Я», выбранные и потерянные варианты Я-строительства («невоплощенные Я», их «отставание от своих возможностей»). Но в гипотетическом «контейнере возможностей» человеку становится сложнее выбрать «тот самый», «свой» путь.

Существование в неопределенности меняет ценностные системы «текущего субъекта», ослабляя его «приверженность собственной идентичности» и формируя новые ценности: времени/скорости жизни, ассертивности, индивидуальной сложности, самоэффективности, жизненного минимализма, реализма. Сложности существования «текущего субъекта» связаны с несколькими процессами, заставляющими думать о том, что в формировании новой взрослости человечество проходит некий «переходный период».

Первая из них — трансформация антропоцена в «новацен» (Дж. Лавлок). Если социокультурная история антропоцена определялась нарастанием попыток человека контролировать разные сферы реальности, то ситуация «новацена» имеет обратный вектор: сегодняшний человек передоверяет «когнитивным гаджетам» функцию контроля за реальностью, а вместе с тем частично передает им и функцию управления им самим (посредством нейросетей, искусственного интеллекта и пр.).

Вторая сложность — превращение информации в основной ресурс развития (Л. Флориди): информация не просто становится важ-

ной частью бытия, а превращается в само бытие. Человеческая жизнь трансформируется в новую форму существования – «онлайн», а сам человек, проводя в онлайн больше времени, чем где-либо еще, уже не чувствует, не знает его границ с реальностью и даже не нуждается в иной реальности, кроме информационной.

Третья сложность: алгоритмы contra культура. В «новацене» и «онлайн» развивается преимущественно «информационная сущность» человека: к распределенной когнитивной сети, помимо людей (пусть даже самых умных и великих), присоединяются алгоритмы. Формируется новый тип культуры – «алго-когнитивный» (С. Карелов).

Четвертая сложность – размывание специфики возрастных субкультур и смена вертикальной социализации горизонтальной. Специфические задачи возрастов универсализируются, и цифровая культура взрослых мало отличается от цифровой культуры детей как по средствам навигации в ней, так уже и по содержанию. Взрослеющий человек социализируется преимущественно в среде сверстников и ровесников и меньше ориентируется на социальные, эмоциональные, нравственные образцы, транслируемые взрослыми.

Эмпирическое исследование мотивационной сферы студенческой молодежи

Е. А. Семенова (СПбГИК, Санкт-Петербург)

В современных условиях, характеризующихся изменчивостью, динамичностью, неопределенностью, проблема мотивации является актуальной для многих специальностей, в том числе для творческих направлений подготовки вузов культуры и искусств. Потребностно-мотивационная сфера представляет собой сложное образование, совокупность мотивов, потребностей, интересов, убеждений, целей, которые детерминирует человеческую деятельность (В. Г. Асеев). Учет гендерных особенностей мотивационной сферы студентов представляется необходимым для совершенствования образовательно-воспитательного процесса в вузах. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского государственного института культуры. В качестве респондентов выступили 200 студентов (140 девушек и 60 юношей) в возрасте от 17 до 19 лет. Диагностический комплекс состоял из следующих методик: «Опросник определения маскулинности

и феминности» С. Бэм, «Методика диагностики учебной мотивации студентов» А. А. Реана, В. А. Якунина, «Диагностика степени удовлетворения основных потребностей» В. В. Скворцовой, «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» Т. Элерса. При статистической обработке результатов была выявлена достоверность различий между группами согласно t-критерию Стьюдента. Сравнительный анализ ведущих потребностей с учетом гендерной специфики выявил следующие различия: потребность в самореализации достигла наиболее высоких показателей у феминных юношей по сравнению с маскулинными ($t = 6,709$ при $p < 0,001$). У андрогинных юношей (47%) потребность в самореализации выражена слабее, чем у феминных (68%) ($t = 2,956$ при $p < 0,01$). Потребность в безопасности и потребность в межличностных связях преобладают у феминных юношей, данные по этим шкалам значительно выше, чем у маскулинных юношей ($t = 4,627$ при $p < 0,001$). Потребность в высоком материальном положении больше всего выражена у маскулинных юношей, а менее всего — у феминных студентов ($t = 9,713$ при $p < 0,001$). У андрогинных же юношей данная потребность выражена слабее, чем у маскулинных ($t = 2,717$ при $p < 0,05$), но сильнее, чем у феминных юношей ($t = 5,323$ при $p < 0,001$). Потребность в уважении со стороны также преобладает у маскулинных респондентов, а менее всего представлена у феминных юношей ($t = 4,963$ при $p < 0,001$). У андрогинных и феминных студентов значимых различий по шкале «потребность в уважении со стороны» не выявлено. Результаты исследования показали, что потребность в высоком материальном положении больше всего выражена у маскулинных девушек, а менее всего — у феминных ($t = 6,481$ при $p < 0,01$). У андрогинных же студенток данная потребность выражена слабее, чем у маскулинных, но сильнее, чем у феминных девушек ($t = 2,03$ при $p < 0,01$). Потребность в уважении со стороны также является доминирующей у маскулинных девушек, а менее значимой для феминных студенток. Для феминных студенток, напротив, более существенными являются потребности: в самореализации, межличностных связях и безопасности, а наименее существенными — потребности в уважении со стороны и материальном положении. Что касается андрогинных девушек, то у них (как и у феминных), потребность в самореализации выражена сильнее, чем у маскулинных девушек ($t = 1,863$ при $p < 0,01$), а наименее выраженной является потребность в безопасности. Можно предположить, что потребность в самореализации более характерна для андрогинных студентов. Данные на-

шего исследования свидетельствуют о том, что у большинства маскулинных юношей мотивация достижения успеха достигает умеренно высокого уровня, а у большинства фемининных юношей данная мотивация находится на среднем уровне ($t = 2,178$ при $p < 0,05$). Низкий уровень мотивации избегания неудач наблюдается у 63% маскулинных юношей, у 44% – андрогинных и у 3% фемининных студентов. Мотивация достижения успеха у большинства маскулинных девушек находится на умеренно высоком уровне, а у фемининных – на среднем уровне ($t = 1,758$ при $p < 0,05$). Мотивы избегания неудач, напротив, выражены сильнее у фемининных девушек по сравнению с маскулинными ($t = 3,628$ при $p < 0,001$). Как показали результаты опроса, учебно-познавательные мотивы оказались более выражены у девушек (73%), чем у юношей (51%). Коммуникативные и социальные мотивы также оказались более значимы для девушек (72%), чем для юношей (61%). Профессиональные мотивы также преобладают у девушек (73%), тогда как у юношей более выражена потребность в материальном положении (71%). Сравнительный анализ гендерных особенностей мотивации студентов показал, что для маскулинных респондентов наиболее характерными являются мотивы престижа и профессиональные мотивы. У фемининных студентов более выражены социальные и учебно-познавательные мотивы. Для андрогинных обучающихся наиболее значимыми являются профессиональные и социальные мотивы. Анализ полученных данных свидетельствует, что существуют гендерные различия в мотивационной сфере студентов института культуры и искусств, которые требуют дальнейшего междисциплинарного исследования.

Регуляторный потенциал имплицитных концепций личностной зрелости

Л.Л. Скворцова (ГрГУ имени Янки Купалы, Гродно, Белоруссия)

Личностная зрелость – феномен, привлекающий внимание исследователей в связи с его высокой функциональной значимостью в обеспечении регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности в целом.

В современном понимании личностная зрелость в генетическом плане рассматривается как процесс и результат постепенного овладения личностью собственными произвольными психическими процессами, сопровождающийся возрастанием сложности форм и спосо-

бов интерпретации себя и окружающего мира, развитием самосознания, самодетерминации и саморегуляции. При этом субъективная картина становления личностной зрелости остается малоизученной.

С позиции культурно-исторического подхода личностная зрелость представляет идеальную форму развития в период взрослости, является своего рода эталоном, ориентиром и одновременно культурно-историческим нормативом развития личности, в соответствии с которым реальный человек управляет собственным развитием. Данная идеальная форма находит отражение в обыденном сознании в виде имплицитных концепций личностной зрелости.

Имплицитные концепции личностной зрелости мы рассматриваем как совокупность культурно-исторически выработанных, социально разделяемых, обусловленных индивидуальным опытом представлений о зрелой личности и ее функционировании, на основе которых индивид формирует и описывает образ зрелой личности, интерпретирует собственное и чужое поведение, использует в качестве эталона (ориентировочной основы) в решении жизненных задач и саморазвития.

Содержательные свойства имплицитных концепций личностной зрелости определяются конкретной композицией личностных характеристик, наполняющих субъективный образ зрелой личности. Являясь компонентом обыденного сознания, имплицитные концепции личностной зрелости обладают рядом присущих ему формальных дифференциально-психологических свойств: многоуровневым иерархическим строением, разной степенью интегрированности осознаваемых и неосознаваемых элементов, сложностью, динамичностью. Вышеперечисленные свойства, с одной стороны, лежат в основе индивидуально-психологических различий носителей концепций, а с другой, влияют на особенности функционирования имплицитных концепций личностной зрелости как психического регулятора.

Достижение личностной зрелости может быть принято индивидом в качестве значимой цели собственного развития либо восприниматься как необходимое условие, средство, инструмент, ресурс для решения определенных жизненных задач. В этом случае личностная зрелость приобретает статус терминальной либо инструментальной ценности и, таким образом, является компонентом подсистемы смысловой регуляции поведения, деятельности, жизнедеятельности, где личность выступает субъектом системы психической регуляции. Субъектная детерминация личностного развития превращает дви-

жение к обретению личностной зрелости в сознательный и произвольный процесс, в реализации которого имплицитные концепции личностной зрелости как субъективный образ зрелой личности, отраженный в сознании, выступают в качестве важного функционального компонента регуляции.

В проведенном нами исследовании теоретически обосновано и эмпирически доказано, что имплицитные концепции личностной зрелости в самодетерминации личностного развития реализуют побуждающую, направляющую, оценочную функции. При этом различные структурно-содержательные компоненты имплицитных концепций личностной зрелости обладают различным регуляторным потенциалом.

В реализации побуждающей функции наиболее влиятельными предикторами являются структурно-содержательные компоненты имплицитных концепций личностной зрелости, отражающие качественные проявления продуктивности жизнедеятельности. Механизм направляющей функции зависит от содержания имплицитных концепций личностной зрелости ее носителя, в котором фиксируется инструментальная ценность отдельных свойств в достижении личностной зрелости. Оценочная функция имплицитных концепций личностной зрелости связана с опосредованием процессов оценивания в контексте самодетерминации личностного развития. Оценка собственной личности как личностно зрелой отражается на уровне самосознания в виде переживаний, связанных с отношением к себе. Реализуя оценочную функцию, различные структурно-содержательные компоненты имплицитных концепций личностной зрелости детерминируют изменение самоотношения как целостной системы и обуславливают изменения различных частных его составляющих.

От выученной к стереотипизированной беспомощности: теоретический подход*

О. Ю. Стрижицкая (СПбГУ, Санкт-Петербург),

М. Д. Петраш (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема выученной беспомощности появилась в научной, прежде всего психологической, литературе достаточно давно – в 1978 г. (L. Y. Abramson, M. E. Seligman, J. D. Teasdale). Под выученной беспомощностью

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00869.

мощностью понималось негативное состояние, при котором потенциальный результат действия воспринимается как неизбежно неблагоприятный, это ощущение, что человек находится в ловушке и не обладает контролем над ситуацией — объективным или субъективным (B. Lee, S. Agarwal, H. Kim).

Современные исследования выученной беспомощности обращаются к разным возрастным группам: так, выученная беспомощность наблюдается как у подростков и молодых людей в ситуациях обучения, так и у пожилых людей (R. Solomon), также она может выступать модератором психических явлений и у взрослых людей (L. G. Landry et al.). При этом японские исследования (на крысах) показали, что существует генетическая предрасположенность к этому феномену (K. Muneoka). Исследования, как правило, связывают выученную беспомощность с депрессивными симптомами, однако недавние исследования показывают, что эта связь не так однозначна. Результаты демонстрируют, что эта связь опосредуется психологической гибкостью человека, т. е. выученная беспомощность будет приводить к депрессии в тех случаях, когда человек ригиден и не готов попытаться найти альтернативные способы решения задачи (I. A. Trindade et al.). Отечественные авторы отмечают (Д. А. Циринг, К. С. Шалагинова, Е. В. Декина, Т. И. Куликова), что выученная беспомощность начинает формироваться в детстве, под влиянием различных факторов и, вероятно, продолжает развиваться или видоизменяться в течение жизни, что приводит нас к мысли о необходимости изучения не только структуры этого феномена, но и возрастной динамики.

Вся концепция выученной беспомощности базируется на негативном опыте, после которого человек под влиянием внешних или внутренних факторов принимает решение о неспособности добиться в этой деятельности успеха и прекращает попытки. И таким образом, ключевым для формирования такой беспомощности является опыт. Вместе с тем на опыте работы с респондентами последние 10 лет (возраст 45–85, N = 658) мы увидели, что основой поведения «по сниженным стандартам», т. е. отказа от определенных действий или поведения в силу убежденности в собственной несостоятельности, может служить не только реальный опыт, но и существующие социальные установки, предрассудки и стереотипы. Поведение, вызываемое ими, также несет в себе представление о неблагоприятном исходе ситуации и нежелании сделать попытку, но не имеет в своей основе реального опыта. Такую беспомощность мы назвали «стереотипизированной».

Стереотипизированная беспомощность — это не только избегание определенных типов поведения, но и модификация поведения в соответствии с определенными стереотипами. В основе такого поведения могут лежать возрастные, гендерные культурные стереотипы.

В нашем исследовании мы сфокусировались на возрастных стереотипах о пожилых людях и том, как они модифицируют поведение пожилого человека. Пожилой возраст остается одним из наиболее стигматизированных, неся в себе значительное количество негативных представлений о способностях пожилого человека. Эти стереотипы, с одной стороны, снижают «привлекательность» периода старения, мешая конструированию благополучной старости взрослыми людьми, с другой же — создают целый репертуар поведенческих реакций, снижающих активность пожилого человека, как бы оправдывающих его «неспособность», зачастую исключительно субъективную, выполнить те или иные действия. Таким образом, исследование стереотипизированной беспомощности имеет не только теоретическое, но и широкое практическое значение.

Особенности формирования Я-концепции конкурентоспособной личности у молодежи

*И. В. Терелянская (Волгоградский институт управления РАНХиГС,
Волгоград)*

На данный момент стоит острый вопрос с безработицей. В особенности это ощущают на себе молодые люди — выпускники школ, техникумов, вузов. По данным Росстата РФ, уровень безработицы в России в начале 2022 г. составил 4,2%. Количество молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, не имеющих работу, за последний год увеличилось на 2% и составило 16% от всех безработных. Таким образом, проблема развития конкурентоспособности студентов является особенно актуальной в современном мире.

Понятие «конкуренция» было впервые употреблено в 1776 г. А. Смитом и имело значение «соперничества в процессе обретения богатства или удовлетворения личного интереса». Э. Ф. Зеер рассматривал конкурентоспособность как основу профессиональной идентичности. Ф. Р. Туктаров останавливался на психофизиологической, социальной и культурной детерминации этого явления. Л. М. Митина

считала, что конкурентоспособность тесно связана с самореализацией. И. В. Терелянская изучала влияние креативности на конкурентоспособность личности.

Несомненно, для выпускника вуза — претендента на вакантную должность — важны его потенциальные возможности в будущей профессии, как он выглядит в глазах работодателя. Но не в меньшей степени важно умение выгодно преподнести свои навыки на суд будущего руководителя, что возможно при адекватной самооценке личности. Последняя, по мнению О. Н. Молчановой, является важнейшим психологическим ресурсом личности не только в России, но и за рубежом.

В психологической науке самооценка рассматривается как совокупность представлений человека о себе, которое сформировалось на основе сравнения себя с окружающими и является составляющей более широкого понятия — Я-концепция.

Данное словосочетание было введено в научную практику Ф. Хоппе в начале XX в. (Л. В. Бороздина). Но исчерпывающее определение феномену сформулировал только в 1986 г. английский психолог Р. Бернс: «Я-концепция — это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой. Описательная составляющая Я-концепции — это образ Я, или картина Я; составляющая, связанная с отношением к себе или к отдельным своим качествам, — это самооценка или принятие себя» (Р. Бернс).

К. Роджерс рассматривал Я-концепцию через образ Я личности; Р. Бернс занимался теоретической разработкой понятия Я-концепция; Э. Эриксон рассматривал данный термин через индивидуальное развитие личности.

В отечественной науке исследованиями данной темы занимались: Д. А. Леонтьев, говоривший о том, что Я-концепция развивается через онтогенез; В. В. Столин и В. И. Андреев, рассматривавшие Я-концепцию как регулирующую структуру всех жизненных аспектов, и др.

В связи с вышесказанным нами была выдвинута гипотеза, что уровень конкурентоспособности зависит от сформированности Я-концепции.

Для выявления этой зависимости нами было проведено исследование, в котором приняло участие 107 студентов-первокурсников (73 женщины и 34 мужчины) из вузов города Волгограда.

Объектом исследования стала особенность формирования структуры Я-концепции личности у студенческой молодежи.

Предмет исследования — когнитивный компонент Я-концепции в контексте конкурентоспособной личности.

Для изучения личностных качеств участников и определения уровня самооценки нами была применена методика С. Я. Дембо-Рубинштейн для исследования самооценки в модификации А. М. Прихожан.

Уровень конкурентоспособности личности студентов мы измеряли с помощью теста В. И. Андреева.

Диагностика Я-концепции у испытуемых осуществлялась по шкале Пирса–Харриса в адаптации А. М. Прихожан.

По результатам тестирования мы разделили всех испытуемых на три неравные группы: с высоким (20% из опрошенных), средним (64%) и низким (16%) уровнем конкурентоспособности.

Шкала Пирса–Харриса в нашем исследовании показала, что в группе конкурентоспособных студентов наблюдается почти в 1,5 раза больше респондентов со средним уровнем сформированности Я-концепции (43%), чем с высокой (28%) и низкой (24%). Различия в количестве молодых людей в группе со средним уровнем конкурентоспособности по уровню сформированности Я-концепции незначительны: высокий уровень у 29% опрошенных, средний – у 30%, низкий – у 24%. В группе неконкурентоспособных почти в два раза больше студентов с низким уровнем сформированности Я-концепции (52%), чем с высоким (33%) и средним (27%).

В результате мы выяснили, что между уровнем конкурентоспособности и профессиональной идентичностью ($p=0,621>0,05$), а также уровнем конкурентоспособности личности и уровнем самооценки ($p=0,567>0,05$) существует тесная положительная взаимосвязь. А вот между уровнем конкурентоспособности и уровнем сформированности Я-концепции ($p=0,000<0,05$) корреляционная связь отсутствует.

Таким образом, наша гипотеза о том, что уровень конкурентоспособности зависит от сформированности Я-концепции, в результате эмпирического исследования не подтвердилась.

Нравственная элита как форма репрезентации нравственного идеала личности

А. Е. Фрай (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема изучения нравственной элиты в современном российском обществе определяется недостатком нравственности как механизма регуляции общественных отношений. Нередко формирование нравст-

венных ценностей и норм происходит на основе ложных представлений о нравственном идеале, в результате воздействия на общественную мораль и нравственность со стороны власти и СМИ. На фоне возрастающей роли нравственных качеств и свойств личности в жизни современного общества, появления новых сложных социальных ситуаций возрастает и значимость нравственного самоопределения личности, поиска собственного образца или идеала нравственности.

Как человек рождается в череде поколений, так и нравственная ценность рождается по мере прохождения личностью своего жизненного пути (моральный выбор, нравственные переживания и др.). Нравственная культура личности воплощается в создаваемом человеке прочном на уровне сознания образе идеального «нравственного Я» (А. Б. Купрейченко, А. Е. Воробьева), в котором нравственный идеал предстает как конкретное нравственное образование (стержень). Поэтому рассматривать нравственную культуру в отрыве от других сторон личности невозможно, а главное, только на основе такого рассмотрения можно прийти к ответу на вопрос о сущности нравственной элиты как особой формы репрезентации нравственного идеала личности.

В нашем исследовании мы опираемся на разработку проблемы нравственного идеала и те существующие формы его опредмечивания, которые представлены в следующих работах:

1. Понятие нравственного («порядочного») человека (М. И. Воловикова). Смысл духовности связывает с устоявшимися смыслами народных традиций, с культурой праздника. Происходит знакомство человека с духовным опытом окружающего его мира, а также единства с людьми. Итог – происходит развитие нравственного идеала личности.
2. Понятие «нравственная элита» (А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко). Социальная категория людей, которая характеризуется высоким уровнем развития свойств, качеств, способностей и которая успешно реализует их синтез в определенных сферах жизнедеятельности общества (социальная функция).
3. Понятие «нравственное самоопределение» (А. Е. Воробьева, А. Б. Купрейченко) – это процесс ориентации человека в системе духовных ценностей и нравственных образцов; группы людей, которые являются носителями этих образцов и идеалов; осмысленный поиск, отбор и создание собственных моральных и нравственных эталонов.

Такие понятия, как «нравственная надежность» (Е. Ю. Стрижов), «совесть как механизм нравственного сознания» (В. Х. Манёров) и др., в той или иной степени являются отражением представлений людей о совершенстве личности, воплощают наилучшие моральные ценности и служат примером (эталонном) подражания и регулятором нравственного поведения. Другими словами, это реконструкция образа нравственного идеала через различные формы его опредмечивания (феномен нравственной элиты не является исключением).

Особенностью образа нравственной элиты как особой формы такого опредмечивания является то, что здесь воплощается не только положительный полюс нравственного идеала, но и его негативная коннотация, возможно, в скрытой, имплицитной форме. Воплощение морального совершенства в образе человека или группы предполагает и отличие этой группы от других, возможно, даже необходимость признать кого-либо безнравственным, субъект морали способен выпасть из сообщества, став неравным, непригодным, если перестанет выполнять предписанные нормы и правила.

Таким образом, мы рассматриваем феномен нравственной элиты как особую форму опредмечивания нравственного идеала в сознании людей, как некоторое решение проблемы вертикали, неравенства субъектов морали. Нравственный идеал играет важную роль в процессах, формирующих общественное сознание людей. Это ориентир в формировании идеалов отдельных людей. Нравственное же формирование личности – это не только поиск идеалов, а процесс самопознания и саморазвития личности. Именно самопознание является залогом формирования нравственной самооценки и условием нравственного самоопределения. Способность преодолевать препятствия к достижимым целям и готовность прилагать усилия для их достижения, являются важным качеством нравственной личности.

Взаимосвязь психических состояний и регуляторно-личностных свойств студентов на экзамене*

А. Р. Халфиева (КФУ, Казань)

В процессе обучения в вузе для студентов самым тревожным периодом считается период зачетно-экзаменационной сессии. Однако этот

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07072.

период на разных курсах обучения по-разному переживается студентами, соответственно это влияет на их приемы и способы справляться с ситуацией стресса во время экзамена. В данном материале приводятся результаты сравнительного анализа способов саморегуляции и личностных свойств студентов первого и четвертого курсов обучения.

В исследовании приняли участие студенты-математики первого курса – 69 человек (примерный возраст респондентов – 18–19 лет) и четвертого курса – 43 человека (примерный возраст респондентов – 22–23 года).

Всего для изучения взаимосвязи психических состояний и регуляторно-личностных свойств студентов были отобраны пять методик изучения личностных характеристик студентов: «Самооценка переживаний» А. О. Прохорова, «Методика исследования самоотношения» С. Р. Пантелеева (МИС), опросник рефлексивности Карпова, Тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Морсановой (28 показателей); три методики по изучению регулятивных характеристик студентов: «Рельеф психического состояния личности» (краткий вариант) А. О. Прохорова и М. Г. Юсупова, опросник способов саморегуляции, эффективность саморегуляции (40 показателей). Для исследования взаимосвязей использовался корреляционный анализ по Спирмену.

Данные корреляционного анализа по Спирмену показывают, что на первом и четвертом курсе студентов-математиков есть разница в количестве взаимосвязей между психическими состояниями и регулятивно-личностными свойствами во время экзаменов. На первом курсе количество взаимосвязей – 55, а на четвертом – 40. Здесь указаны значимые взаимосвязи на уровне $p < 0,05$ и $p < 0,01$.

У студентов-математиков, обучающихся на первом курсе во время экзамена, в большей степени выявлены взаимосвязи показателей методики краткого рельефа психических состояний с показателями опросника способов саморегуляции. Было выявлено, что основные стороны психического состояния, такие как психические процессы, физиологические реакции, переживания и поведение, связаны с такими способами саморегуляции студентов, как поисковая активность (поиск решения проблемы и др.), релакс (расслабление), размышление-рассуждение (использование логики).

В связи с этим можно говорить о том, что к концу семестра, к зачетно-экзаменационной сессии студенты научаются использовать

приемы саморегуляции своих психических состояний, которые позволяют им справляться с ситуацией проверки знаний. Чем выше уровень активности переживаний на разных подструктурах психических состояний, тем чаще они используют переключение на другую деятельность, пытаются анализировать текущую ситуацию, рационально подходить к такой форме учебной деятельности, как сдача экзамена.

Важно также обозначить отрицательную взаимосвязь между показателями переживаний и программирования на уровне $p < 0,05$ ($-0,423^*$). Это свидетельствует о том, что чем больше студент переживает ситуацию экзамена, тем ниже у него потребности продумать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, детализированности и развернутости разрабатываемых программ.

Что касается взаимосвязей психических состояний и регулятивно-личностных свойств студентов-математиков, обучающихся на четвертом курсе, то здесь можно отметить немного другой характер взаимосвязей. Например, у всех подструктур психических состояний (переживание, когнитивные, соматические процессы, поведение) прослеживается положительная корреляция с показателями саморегуляции «активация положительных волевых состояний» (на уровне $p < 0,01$) и «самоконтроль» (на уровне $p < 0,05$), а также с «общим уровнем эффективности саморегуляции» (на уровне $p < 0,01$). Как видно, к четвертому курсу студенты уже лучше оценивают свою эффективность саморегуляции во время экзамена. В том числе включаются более сложные регулятивные свойства личности, которые предполагают совершение волевых усилий над собой, большей натренированности, наличие опыта в похожих ситуациях. Следовательно, можно сказать, что к четвертому курсу они с помощью воли и самоконтроля могут регулировать разные подструктуры психических состояний.

Таким образом, можно сделать вывод, что студенты как на первом, так и на четвертом курсе во время экзаменов активно используют приемы саморегуляции, но при этом стоит отметить разницу в качестве показателей. Если на первом курсе больше задействованы такие регулятивные свойства личности, как уход в самоанализ, рассуждения, размышления, переключение внимания, релакс, то к четвертому курсу больше используются такие личностные качества, как ответственность за события своей жизни (локус контроля), за свои действия, воля, а также определение значимости и смысла деятельности.

Мотивационные характеристики готовности педагогов к инновационной деятельности

*Т. Е. Черчес (БГПУ им. Максима Танка, Минск, Белоруссия),
А. М. Савельева (Центр дополнительного образования детей и молодежи,
Бобруйск, Белоруссия)*

Современные общественные условия требуют создания инновационной системы образования, внесения значительных изменений в форму и методы преподавания, а главное — смещения акцента на развитие творческих способностей и умений. Процесс обновления образования производится с учетом его максимального комфорта для учащихся, в то время как педагогам необходимо самостоятельно ориентироваться и адаптироваться в новых условиях, что может вызвать негативное отношение к нововведениям. Указанные причины обуславливают необходимость разработки и внедрения обучающих программ, включающих психологическое сопровождение педагогических работников в процессе инновационной деятельности, что позволит снизить риск психологического дискомфорта в новых условиях труда.

Понятие «инновация» рассматривается как процесс реализации новой идеи в любой сфере жизнедеятельности человека, способствующей удовлетворению существующей потребности и приносящей экономический эффект. Одним из важнейших условий реализации инноваций является готовность к инновационной деятельности. Инновационная деятельность в образовании рассматривается как целенаправленное введение новшеств в образовательные системы разного уровня с целью повышения качества образования (Е. Э. Воропаева). Она определяется комплексом психологических факторов, таких как уровни мотивации к достижению успеха и мотивации к избеганию неудач, готовности к риску (Е. А. Родионова).

Целью нашего исследования явилось изучение мотивационных характеристики личности педагогов как факторов их готовности к инновациям. Нами был использован комплекс диагностических методик: «Оценка готовности педагога к участию в инновационной деятельности» В. А. Слостенина, «Самооценка педагога своей готовности к инновациям», «Диагностика личности на мотивацию к успеху» и «Диагностика личности на мотивацию к избеганию неудач» Т. Элерса, «Диагностики степени готовности к риску» А. М. Шуберта, а также методы математической и статистической обработки данных.

В исследовании приняли участие 63 педагога дополнительного образования ГУО «Центр дополнительного образования детей и молодежи г. Бобруйска» в возрасте 24–32 лет, стаж работы в сфере образования от 1 года до 10 лет.

По результатам исследования готовность педагогов к инновационной деятельности представлена преимущественно низким и средним уровнем выраженности; высокий уровень представлен незначительно.

На основании диагностики самооценки готовности педагогов к инновациям выявлено, что большинство опрошенных (46%) имеют низкий уровень готовности к инновациям, средний уровень показали 40%, а высокий уровень выявлен у 24%. Исходя из полученных данных, сделан вывод, что проблема готовности к инновациям требует решения, в том числе и путем организации психологического сопровождения педагогов в условиях перехода к инновационной деятельности.

Исследование мотивации к достижению успеха показало, что высокий уровень представлен у 22% педагогов, средний уровень выявлен у 40%, а низкий уровень показали 38% из числа респондентов. Диагностика мотивации к избеганию неудач показала, что высокий уровень характерен для 16%; средний уровень выявлен у 37% испытуемых; низкий уровень показали 22% респондентов; крайне высокий уровень мотивации к избеганию неудач диагностирован у 25% педагогов. В ходе исследования степени готовности к риску было установлено, что у 13% педагогов обладают высокой склонностью к риску, 37% испытуемых показали средний уровень, а у 50% педагогов был выявлен низкий уровень склонности к действиям в условиях неопределенности.

На основании корреляционного анализа были выявлены сильные положительные связи между переменными «мотивация к успеху» и «готовность к инновациям», которые свидетельствуют о том, что педагоги, мотивированные на достижение успехов в профессиональной деятельности, имеют высокую степень готовности к инновациям. Положительная связь установлена между показателями «уровень готовности» и «склонность к риску». Следовательно, высокая способность к действиям в условиях неопределенности связана с ростом уровня готовности к работе в условиях внедрения инноваций. Установлена положительная связь между мотивацией к успеху и склонностью к риску и отрицательная связь с переменной «избегание неудач». Показатель «склонности к риску» также имеет обратную связь с показа-

телем мотивации избегания неудачи. Можно сделать вывод, что педагоги, ориентированные на успешную деятельность и способные на действия в условиях неопределенности, будут быстрее и успешнее адаптироваться в условиях внедрения инновационных форм обучения.

Разработанная нами программа оптимизации готовности педагогов к инновациям, в которой была учтена роль мотивационных факторов, показала при апробации положительную динамику уровня готовности педагогов к инновационной деятельности. Следовательно, психологическое сопровождение педагогических работников в этом процессе помогает внедрять инновации в работу учреждения образования более результативно и благоприятно для психологического комфорта педагогов.

Об интегративном и континуальном характере состояния безопасности

*Т. Л. Чудакова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль),
Л. Ю. Субботина (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)*

В настоящее время все больше внимания в научных исследованиях уделяется проблематике безопасности: безопасности личности, безопасности труда, безопасности среды. Один из важных для психологии вопросов состоит в том, какая категория психических явлений в полной мере опишет безопасность на личностном уровне. Здесь исследователи приходят к разным результатам. Это и «способность личности сохранять устойчивость...» (Н. Н. Баев, И. А. Баева); и «состояние динамического равновесия...» (Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец); и «потребность (стремление) личности» (К. Хорни, А. Маслоу, Г. С. Салливан), «базовая ценность» (Ш. Шварц) и др. Таким образом, по мнению разных исследователей, безопасность занимает различное место в структуре психики человека.

Поиск ответа на этот вопрос привел нас к категории психического состояния. Состояние безопасности обладает следующими признаками данной категории психических явлений: энергетический потенциал, временная ограниченность переживания, наличие ряда отличительных признаков (Т. Л. Смирнова), ситуационная зависимость, влияние на поведение и деятельность личности («единство переживания и деятельности») и др. Состояние безопасности – это личност-

ное состояние, основанное на потребности в безопасности и реализующееся в восприятии стабильности и предсказуемости ситуации при отсутствии (субъективной незначимости) физической угрозы или угрозы Я (Л. Ю. Субботина, Т. Л. Смирнова).

Состояние безопасности носит континуальный характер: оно представлено континуумом, постепенным переходом от «состояния опасности» к безопасности. Полной, абсолютной безопасности не существует, она всегда сопряжена с определенной, хотя и незначительной долей опасности. Можно предположить, однако, что субъективно положение воспринимаемой ситуации на данном континууме будет дискретно: человек делает вывод в целом о ситуации как опасной или безопасной, за исключением достаточно высокого уровня рефлексивности.

Состояние безопасности – личностное состояние, которое влияет не только на отдельные категории психических явлений и характеристики деятельности, но и на личность в целом. Нельзя однозначно определить, к какой группе психических состояний можно отнести состояние безопасности: оно интегративное и включает признаки всех групп состояний (когнитивных, эмоциональных, функциональных и т. д.). По Л. Ю. Субботиной, состояние безопасности – интегральное состояние личности, включающее систему взглядов и отношений личности к окружающему миру; систему ценностей и убеждений разного уровня; качества личности: тревожность, склонность к риску, стрессоустойчивость, экстернальность (Л. Ю. Субботина).

Останавливаясь на категории интегральных (интегративных) психических состояний, нельзя не упомянуть об интегральных психических процессах, выделенных А. В. Карповым. Представляя общую организацию системы психических процессов как иерархию пяти уровней, А. В. Карпов относит интегральные психические процессы (целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль) к субсистемному уровню. В соответствии с данной концепцией, к метасистемному (высшему) уровню относится сознание, к системному – рефлексивные процессы, к субсистемному – вышеуказанные интегральные процессы, к компонентному – основные классы психических процессов (когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные), к элементному – психические функции. На наш взгляд, систему психических состояний можно рассматривать по аналогии с системой психических процессов. Так, не останавливаясь на элементном и метасистем-

ном уровне (которые аналогичны в отношении процессов и состояний), к компонентному уровню мы относим различные психические состояния, к субсистемному – интегративные психические состояния, характеризующиеся значимыми регулятивными и детерминирующими функциями, к системному – рефлексию как состояние. Состояние безопасности с такой точки зрения обладает свойствами интегративных состояний и относится к субсистемному уровню.

Действительно, переживание собственной опасности/безопасности определяет, во-первых, субъективный комфорт человека, во-вторых, особенности его поведения, характеристики деятельности (вплоть до возможности/невозможности ее осуществления). Состояние безопасности влияет на первичные (когнитивные) и регулятивные психические процессы, определяя особенности их протекания. Данное состояние, наконец, может сопровождаться переживанием различных состояний компонентного уровня: радости, довольства, спокойствия, умиротворения, готовности к деятельности и др. Тем самым обосновывается интегративный характер состояния безопасности.

Таким образом, состояние безопасности обладает континуальным и интегративным характером. Безусловно, в дальнейшем представляется необходимым выяснить на эмпирическом уровне: компонентный состав состояния безопасности, его структуру, динамику протекания, основные определяющие факторы.

Самоактуализационные характеристики и субъективное благополучие будущих психологов с высоким уровнем самоактуализации

Е. Ф. Яценко (ПГУПС, Санкт-Петербург)

Исследование самоактуализации и субъективного благополучия как научной проблемы актуально уже на протяжении 50 лет и в зарубежной, и в отечественной психологии. Предложенная К. Роджерсом и А. Маслоу идея самоактуализации оказала огромную практическую помощь человеку в кризисе, подтвердила для него значение бытийных ценностей и сохранения психического здоровья во все периоды онтогенеза и на всех этапах жизненных перемен.

Целью исследования явилось определение самоактуализационных характеристик и субъективного благополучия у будущих психо-

логов – студентов-первокурсников петербургского вуза в количестве 60 человек. Определялись различия между показателями субъективного благополучия студентов с низким, средним и высоким уровнем самоактуализации по методикам «Шкала субъективного благополучия» Ferrudet-Badoux, Mendelsohn и Chiche в адаптации М. В. Соколовой (обратная шкала) и Самоактуализационный тест Э. Шостром в адаптации Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, М. В. Загика, М. В. Кроза. Были получены значимые различия между средними значениями психиатрической симптоматики ($F=4,763$ при $p<0,01$) и общим субъективным благополучием ($F=3,187$ при $p<0,05$). Они выше у студентов-психологов с низким уровнем самоактуализации (по психиатрической симптоматике: $M_{\text{низ.ур.}} = 18,43$, $M_{\text{сред.ур.}} = 16,65$, $M_{\text{выс.ур.}} = 13,25$; общему субъективному благополучию: $M_{\text{низ.}} = 66,57$, $M_{\text{сред.}} = 61,41$, $M_{\text{выс.}} = 53,50$): у них больше признаков депрессии, рассеянности, раздражительности и меньше – субъективного благополучия, чем у студентов с высоким уровнем самоактуализации.

Для выявления связей между показателями самоактуализации, субъективного благополучия, а также эмоциональной направленности (Опросник «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова), уровня счастья (Оксфордский опросник счастья М. Аргайла) и направленности личности (Методика диагностики направленности личности Б. Басса) у студентов с высоким уровнем самоактуализации был проведен корреляционный анализ. Компетентность во времени обратно связана со степенью удовлетворенности повседневной деятельностью (обратная шкала) ($r=-0,65$), коммуникативными эмоциями ($r=-0,70$) и прямо связана с уровнем счастья ($r=0,73$): чем выше продуктивность жизни студентов, бережнее отношение ко времени своей жизни, тем выше удовлетворенность повседневной деятельностью, уровень счастья и тем меньше они хотят испытывать эмоции, связанные с общением. Ценностные ориентации обратно связаны с изменением настроения ($r=-0,58$) и прямо – с альтруистическими эмоциями ($r=0,62$): ценностные ориентации студентов соотносятся с их настроением, но это не уменьшает ценность для них альтруистических эмоций. Спонтанность прямо связана с уровнем счастья ($r=0,68$): чем больше им удастся проявлять свои эмоции и чувства, тем выше их уровень счастья. Самоуважение прямо связано с альтруистическими ($r=-0,65$) и пугническими эмоциями ($r=0,75$): чем выше студенты оценивают свои достоинства, тем больше предпочитают переживать альтруистические эмоции и эмоции, свя-

занные с борьбой и преодолением трудностей. Самопринятие обратно связано с напряженностью и чувствительностью (обратная шкала) ($r = -0,63$) и прямо – с романтическими эмоциями ($r = 0,51$): чем больше будущие психологи принимают себя такими, какие они есть, тем более они напряжены, чувствительны и готовы переживать романтические эмоции. Синергия обратно связана с напряженностью и чувствительностью ($r = -0,58$): целостность восприятия мира и людей будущими психологами связана с напряженностью и чувствительностью. Принятие агрессии прямо связано с уровнем счастья ($r = 0,61$): чем больше студенты способны идти к намеченной цели и отстаивать свою точку зрения, тем выше уровень их счастья. Положительное отношение к природе человека обратно связано с коммуникативными эмоциями ($r = -0,66$) и прямо с практическими эмоциями ($r = 0,70$): положительное принятие человека связано с потребностью в общении и переживании эмоций от трудовой деятельности. Познавательные потребности обратно связаны с коллективистской направленностью личности ($r = -0,70$): чем больше студенты стремятся к приобретению знаний, тем меньше они направлены на общение, видимо, нуждаясь в сосредоточении на обучении. Креативность обратно связана с глорическими эмоциями ($r = -0,62$): чем больше у студентов выражена творческая направленность личности, тем меньше они испытывают потребность в самоутверждении и славе.

Вывод

Переживание счастья у будущих психологов с высоким уровнем самоактуализации связано с изменениями настроения, значимостью для них социального окружения, самооценкой здоровья и удовлетворенностью повседневной деятельностью, общим субъективным благополучием. Собственное развитие сопряжено с напряжением, внутренней работой по принятию других людей и себя, по налаживанию контактов с окружающими людьми, преодолению трудностей, переживанию альтруистических эмоций.

Многомерность способностей и ментальных ресурсов человека

Предисловие к разделу

Е. В. Волкова

За последние десятилетия отмечается стабильный рост исследований в области психологии способностей и ментальных ресурсов, существенно расширяется их проблематика, намечаются достаточно успешные перспективы преодоления границ между разными школами и направлениями исследований и междисциплинарной интеграции. Отмечается переход от одномерных линейных моделей описания психологических феноменов к многомерным и нелинейным. Цифровая реальность открывает исследователю дополнительные возможности, но изменяет структуру способностей и ментальных ресурсов человека, ситуацию исследования и обеспечивает разработку принципиально новых методов, что нашло свое отражение в тезисах докладов. Традиционно актуальными остаются исследования памяти, мышления, когнитивных стилей, компетентности, рефлексии. Через анализ изобразительного искусства XX–XXI вв. показан путь расчеловечивания, обездушивания образа человека, отношение к нему как к вещи, объекту, функции. В переломный для современного мира период особенно востребовано изучение «человеческого в человеке» — духовных способностей, оказывающих преобразующее воздействие на поведение, телесность и помогающих человеку совладать со стрессом, духовным кризисом, поддержать психологическое здоровье; изучается природа мудрости, компоненты, факторы, способствующие и ограничивающие способность поступать мудро; анализируется способность человека управлять собственными физиологическими и ментальными процессами. В конструкте «совладающий интеллект» предложено принципиально новое решение проблемы продуктивности/непродуктивности совладания. Быстро изменяющийся мир требует обращения к разработке новых конструктов soft-skills и hard-skills. Динамично развивается

направление изучения специальных способностей. Предложено понимание способностей кинорежиссера как функциональных свойств структур его ментального опыта, позволяющих осуществлять процесс перевода понятийного содержания в чувственную форму, используя выразительные средства киноязыка для смысловой и эстетической организации экранного образного целого и достижения эффективного художественного воздействия. На протяжении всей истории человечества выдающиеся умы современности бились над проблемой способностей к постижению истины, в настоящее время все больше ученых обращаются к изучению способности ко лжи (или даже таланта), которая рассматривается как свойство личности, являющееся условием успешного осуществления сознательного искажения истины, что свидетельствует о революционной ситуации развития в области психологии способностей и ментальных ресурсов.

Духовно-нравственная регуляция поведения как фактор морального компонента духовных способностей

К. П. Алексеенко (Северо-Западная академия остеопатии и медицинской психологии, Санкт-Петербург)

В настоящее время широкомасштабного искажения и нарушения общечеловеческих принципов морали особое значение приобретает духовно-нравственная ориентация личности. Актуальность изучения духовно-нравственной регуляции поведения становится очевидной для многих психологов (А. А. Гостев, В. В. Знаков, Д. А. Леонтьев, Г. В. Ожиганова, Л. М. Попов, В. Е. Семенов, В. Д. Шадриков, А. В. Юрвич и др.).

Современные исследования показывают, что поведение может контролироваться, подавляться и деформироваться через активное формирование и широко распространенное использование цифровых технологий во всех сферах жизни (И. Д. Котляров, В. А. Плотников, А. Н. Швецов). Фактором, изменяющим поведение субъекта деятельности, часто становятся социальные страхи (Н. Н. Ярушкин), возникающие в результате слабо сформированного нравственного сознания и являющиеся следствием работы принципа системы социального рейтинга как формы государственного контроля над обществом (Ю. В. Катрашова, Г. Ю. Митяшин, В. А. Плотников). Развитие

способности осознавать свои страхи и причины их возникновения — это главное достижение на пути превращения человека в зрелую личность, следующую духовно-нравственным ценностям (Е. Г. Логинова). А. В. Котенева пишет, что духовное начало является главным в человеке и при нормальной организации оказывает преобразующее воздействие на поведение и телесность. Все это открывает новые горизонты психологического исследования поведения и его регуляции в связи с духовной ориентацией личности. Мы считаем, что духовно-нравственная регуляция поведения помогает человеку совладать со стрессом, духовным кризисом, поддержать психологическое здоровье.

Важную роль в духовно-нравственной регуляции поведения играет субъектная активность человека. Н. В. Мельникова отмечает, что нравственно воспитанная личность, готовая к нравственным поступкам, проявляет себя как субъект, глубоко осознающий нравственные принципы и нормы, использующий их как принципы собственного поведения, нравственно регулирующие его действия на основе долга, совести и чести. Внешнее требование совершить нравственный акт превращается во внутреннее требование личности к самой себе; стремление к нравственным поступкам определяет синтез интеллектуального и эмоционального компонентов.

Т. А. Флоренская соотносит проявления духовной жизни с нравственной установкой личности, ориентирующей свое поведение на голос совести.

Духовно-нравственная регуляция поведения имеет прямое отношение к духовным способностям. В. Д. Шадриков, положивший начало изучению духовных способностей в СССР, рассматривает их в свете способностей человека как субъекта деятельности и отношений в единстве с нравственными качествами человека как личности.

В исследованиях Г. В. Ожигановой нравственное поведение также связано с проявлением духовных способностей, с помощью которых реализуются высокие нравственные качества. В психологической модели духовных способностей Г. В. Ожигановой выделяется моральный компонент, в состав которого входят высшие моральные способности, связанные с направленностью на соблюдение общечеловеческих принципов морали («бескорыстная любовь к людям», проявляющаяся на личностном уровне как духовная альтруистическая направленность). Согласно Г. В. Ожигановой, духовность личности с помощью духовных способностей проявляется в добродетельном поведении, служит духовно-нравственным регулятором поведения. Автор счи-

тает, что важнейшим критерием проявления моральных способностей и отнесения к уровню «духовная личность» является альтруистическая направленность, когда другой человек наделяется абсолютной и безусловной самооценностью.

Таким образом, духовно нравственная регуляция как фактор морального компонента духовных способностей сопряжена с такими характеристиками субъекта, как активность, целостность, социальность, осознанность, ответственность и свобода выбора и заключается в мотивированном действии, совершающемся не только ради себя, но и в большой мере ради других. Сформированное нравственное сознание внешне проявляет себя в форме добровольного альтруистического акта. Согласно Г. В. Ожигановой, духовная личность обнаруживает себя особенно ярко и в высоких (героических) поступках, и в повседневной жизнедеятельности (в любви и заботе об окружающих людях), что свидетельствует о широком диапазоне духовно-нравственной регуляции поведения человека.

Биологическая обратная связь как опосредующий знак бессознательно протекающих процессов. Новые внутриспихические возможности человека

*А. П. Бачкала (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
О. В. Митина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

Согласно данным ВОЗ, психические проблемы являются основной причиной нетрудоспособности в мире и существенно снижают качество жизни людей. Развитие экономики и технологий движет мир к удовлетворению физических потребностей подавляющего большинства людей. Но внутренние психические проблемы лишь усугубляются и приводят к снижению качества жизни.

Психологические процессы, за исключением некоторых, протекают как динамическая адаптация, подчиняясь собственным законам, и не могут быть анатомически найдены или хотя бы универсально локализованы (З. Фрейд). К сожалению, по дискуссионным причинам в отечественной психологии бессознательным процессам уделяется малое внимание (Н. А. Хохлов)

Согласно результатам исследования Ю. И. Александрова, кожно-гальваническая реакция (КГР) является компонентом ориенти-

ровочного рефлекса, связана с работой симпатической нервной системы и позволяет определить наличие психического напряжения, оценить субъективную значимость представленного испытуемому материала. Когда человек получает биологическую обратную связь (БОС), например, в виде графика, об изменении своей КГР, повторяющееся изменение реакции в результате воздействия определенных стимулов зачастую не является предсказуемым и очевидным для него. Если в конкретном случае это так, то здесь, по всей видимости, мы имеем дело с бессознательно протекающим процессом и свидетельством в пользу наличия психологических защит испытуемого по отношению к стимульному материалу.

Поистине удивительный феномен применения БОС заключается в способности человека научиться управлять собственными физиологическими процессами, относительно которых он получает обратную связь (Е. Ю. Можейко). Наша гипотеза состоит в том, что бессознательно протекающий процесс обретает БОС как свой опосредующий знак. В результате интериоризации появляющаяся способность человека управлять им по своей форме является высшей психической функцией, по Л. С. Выготскому. С точки зрения нейрофизиологии это явление может быть обусловлено нейропластичностью, которая возможна только при участии сознательного внимания, наличие которого обеспечивается обратной связью, подобно указательному жесту в контексте развития ребенка. Помимо этого, согласно нашему опыту, БОС КГР реагирует даже на субъективно эмоционально значимые мысли, что позволяет человеку самостоятельно узнавать о себе то, что недоступно непосредственно его внутреннему взору.

Для собственного использования на основе платы Arduino мы разработали недорогое портативное оборудование, которое позволяет записывать данные КГР (по Фере), фотоплетизмограммы и датчика дыхания, а также демонстрировать обратную связь относительно соответствующих процессов. Было показано, что устройства на базе этой платформы пригодны для использования в качестве оборудования для психологических лабораторий (А. D'Ausilio). Первые результаты свидетельствуют в пользу валидности получаемых с нашего прибора данных.

Наличие переносного оборудования позволяет проводить исследования вне лабораторий. Финансовая доступность может привести к его широкому распространению, а увеличение количества наблюдений потенциально может способствовать качественному прорыву

в этой области. По словам А. Ш. Тхостова, новые технологии не только открывают человеку дополнительные возможности, но и изменяют его самого, так как становятся его продолжением.

Когнитивный стиль «Гибкий/ригидный познавательный контроль» и академическая успеваемость

Е. Г. Будрина (ИП РАН, Москва)

Традиционно решается вопрос изучения характеристик, влияющих на успешность процесса школьного обучения. Формат школ постепенно меняется, это связано с увеличением потока информации, адресованной обучаемому с самых первых дней в школе. Одно из условий соответствия школы новому образовательному стандарту – это внедрение высокоскоростного интернета, электронных дневников, ведение урока с использованием интерактивного контента, ноутбук, планшетов.

Объем информации, который должен усвоить ученик в течение всего периода обучения, обуславливает и особые требования к познавательным и регуляторным аспектам его учебной деятельности. Управление учебным процессом невозможно без качественной и количественной информации о субъекте обучения. Наряду с традиционными и проверенными психодиагностическими методиками (тесты достижений, тесты способностей, тесты интеллекта и др.) для изучения продуктивности интеллектуальной деятельности и потенциальных возможностей учащегося стали применять тесты когнитивных стилей.

Одним из когнитивных стилей, которые отражают индивидуальные различия людей в регуляции познавательной деятельности, является «Гибкий/ригидный познавательный контроль», который характеризует степень субъективной трудности в смене способа переработки информации в ситуации когнитивного конфликта (вербального и сенсорно-перцептивного) (М. А. Холодная). Тест Струпа «Словесно-цифровая интерференция» для изучения данного когнитивного контроля был разработан в 1935 г. Струп-эффект/эффект интерференции возникает в ситуации, когда становятся активными два конкурирующих процесса, имеющих отношение к решению задачи, но для получения результата следует руководствоваться только одним из них.

Процедура проведения теста «Словесно-цифровая интерференция» заключается в чтении трех карт с изображением словесных (Т1), цветowych (Т2) и словесно-цветовых (Т3) сигналов по 100 заданий, требующих селективности выбора. Задания методики от первой к третьей карте несут когнитивную нагрузку в виде наращивания сложности с учетом эффекта интерференции.

Основной показатель гибкости—ригидности познавательного контроля — результат измерения величины словесно-цветовой интерференции, которая вычисляется как разность времени (в секундах) выполнения третьей (цветные слова) и второй (цвет) карт теста, т. е. по формуле $T_3 - T_2$. Чем больше эта разница, тем сильнее выражен эффект интерференции, т. е. тем более выражена ригидность (жесткость) познавательного контроля. В такой ситуации респондент испытывает значительные затруднения в переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным и наоборот. Низкий показатель интерференции (маленькая разница) свидетельствует о гибком познавательном контроле. Это означает способность тормозить более мощные по своей природе вербальные функции, чтобы воспринять цвет.

Также в данной методике оценивается второй, дополнительный показатель — коэффициент вербальности: соотношение времени выполнения карты «цвет» и карты «слова» (T_2/T_1). Его предложил ученый Д. Броверман для определения степени автоматизации познавательных функций. Можно считать этот коэффициент индикатором способности к словесно-образному переводу: чем он меньше, тем сильнее интегрированы (скоординированы) основные «языки» переработки информации.

Гибкий познавательный контроль подразумевает сильную автоматизацию познавательных функций, а ригидный (т. е. жесткий) познавательный контроль — слабую автоматизацию познавательных функций. В процессе обучения такой когнитивный стиль, как ригидный познавательный контроль, имеет взаимосвязь с невысокими показателями запоминания, низкой успеваемостью, а также импульсивностью и нейротизмом, в то время как высокая гибкость познавательного контроля позволяет учащемуся ловко переключаться с одной стратегии или стиля обработки информации на другой.

Согласно М. А. Холодной, когнитивный стиль «Гибкий/ригидный познавательный контроль» показывает сильную связь с механизмами торможения иррелевантных реакций, а также с когнитивными структурами ментального опыта, которые репрезентуют то,

что словесно-речевой и сенсорно-перцептивный способы кодирования информации интегрированы. Группу «гибких» составляют испытуемые, которые легко справляются с когнитивным конфликтом благодаря тому, что их опыт интегрирован за счет того, что механизм произвольного контроля внимания работает отлично. «Ригидными» являются испытуемые, которым трудно дается преодоление когнитивного конфликта из-за того, что две базовые формы опыта плохо интегрированы.

Учебная деятельность насыщена различными учебными ситуациями и задачами, по-разному представленными. Учащиеся часто находятся в условиях дефицита времени и информационной перегрузки и в ходе решения задач сталкиваются как раз с эффектом интерференции. Следствием могут быть ошибки, пропуск части информации, увеличение времени выполнения заданий, напряженность в работе, развитие утомления и т. п.

Многомерная природа совладающего интеллекта

Е. В. Волкова (ИП РАН, Москва), И. О. Куваева (УрФУ, Екатеринбург)

За последние тридцать лет стресс из частного вопроса превратился в центральную концепцию психологии (А. Н. Занковский). Несмотря на общепризнанность тезиса о многомерной природе человека современные исследования стресса и совладания настойчиво воспроизводят классические шаблоны редукционизма в познании поведения человека в трудных ситуациях. В огромной массе фрагментарных исследований по различным аспектам стресса и совладания растворилось представление о целостной природе человека.

Человек как микрокосм воплощает в себе всю многомерность бытия, поэтому понимание многомерности человека и его поведения в стрессовых ситуациях должно быть связано:

- со способностью человека воспроизводить в своих предметно-преобразующих действиях универсальные меры вещей — как действительные, так и возможные;
- с эмпирически-пространственной многоуровневостью (макро-, мезо- и микроуровнями анализа);
- с расчлененностью на структурные компоненты и элементы системы;

- со множественной детерминацией совладающего поведения (каузальные связи, внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредующие звенья);
- с анализом множества взаимодействующих и взаимодействующих систем, построенных на качественно своеобразных принципах и субординированных между собой для обеспечения совладания со стрессовыми ситуациями;
- с феноменом изотипии, когда за одинаковыми стратегиями совладания могут скрываться разные особенности организации стресс-совладающей системы (ССС).

Представление о единой СССР отражено в фольклоре и современных исследованиях (Т. Л. Крюкова, А. Б. Леонова, К. Макгоникал, С. К. Нартова-Бочавер, Р. Sterling, J. Eyar). В концепции совладающего интеллекта А. В. Либиной главным фактором, определяющим индивидуальный репертуар стратегий совладания и субъективную удовлетворенность жизни (т. е. результат совладания), выступают формально-динамические свойства индивидуальности (темперамент). Собственная активность человека, направленная на концептуализацию стрессовой ситуации, а также субстрат, психическая основа способностей остаются вне зоны внимания автора, что сводит конструкт «совладающий интеллект» в задаток, в анатомо-физиологические особенности нервной системы. В отличие от задатков, способность к совладанию, или совладающий интеллект, — это «закрепленная в индивиде система обобщенных психических деятельностей» (С. Л. Рубинштейн), результат приобретенного ментального опыта разрешения стрессовых ситуаций.

Опираясь на понимание интеллекта М. А. Холодной, совладающий интеллект (СИ) можно обозначить как особую форму организации ментального опыта по разрешению трудных жизненных ситуаций.

Совладающий интеллект представлен тремя взаимосвязанными уровнями — биологическим, психологическим и социокультурным. Биологический уровень отражает биохимические и нейрональные изменения, возникающие во время стрессовой ситуации (повышение адреналина/кортизола, активизация сердечно-сосудистой, дыхательной, кровеносной систем и т. д.). Психологический уровень соотносится с индивидуально-психологическими особенностями субъекта, его оценкой трудной ситуации, процессами концептуализации ресурсов и выбором стратегий совладания. Социокультурный уровень соотносится с совокупностью внешних факторов, обуславливающих индивидуальное восприятие стрессовых ситуаций и выбор

копинг-стратегий. В случае согласованных действий членов группы достигается синергетический эффект, благодаря которому субъект преодолевает стрессовую ситуацию; при несогласованных действиях происходит растрата, истощение ресурсов каждого индивида внутри коллективного субъекта вплоть до полного его самоуничтожения (гибель цивилизации).

В качестве опосредующего фактора между биологическим и социальными уровнями ССС выступает процесс концептуализации, т. е. построения концепта «Стресс и регуляция поведения на его основе». Конгруэнтность уровней СИ обеспечивает рост организации (снижение энтропии) и повышение стрессоустойчивости субъекта. Неконгруэнтность уровней ССС приводит к повышению энтропии системы, требуется большая затрата ресурсов для достижения полезного результата. В случае разрешения стрессовой ситуации субъект приобретает новый опыт, реорганизующий ССС.

Прогрессивное развитие СИ, обусловленное ростом интеграции компонентов ССС, сопровождается возрастанием легкости, скорости и вариативности совладания, появлением оригинальных решений трудных ситуаций; снижением риска развития стресс-сопряженных заболеваний. Регрессивное развитие СИ проявляется в понижении уровня организации ССС, в обеднении функциональных возможностей и высокой вероятности наступления промежуточного состояния между здоровьем и хроническим заболеванием. Стабильное функционирование СИ реализуется в знакомых ситуациях, ранее встречающихся в опыте; риск развития стресс-сопряженных заболеваний оценивается как средний.

Темперамент и понятийные способности как факторы жизнестойкости*

Н. Э. Волкова (ИП РАН, Москва)

Жизнестойкость, в терминах С. Мадди, «психологическая живучесть», «расширенная эффективность», — это интегральное свойство личности, обеспечивающее оптимальную реализацию человеком своих психологических возможностей в неблагоприятных жизненных ситуа-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2021-0007.

циях. Е. И. Рассказова и Р. И. Стецишин понимают жизнестойкость как личностно-психический ресурс, лежащий в основе мотивационной направленности. Д. А. Леонтьев рассматривает феномен жизнестойкости в контексте концепции личностного потенциала и определяет ее как интегративную характеристику личности, ответственную за успех в преодолении ею различных жизненных трудностей.

На данный момент работ, посвященных проблеме связи жизнестойкости и понятийных способностей, крайне мало. В нашей работе было показано наличие взаимосвязи понятийных (категориальных и концептуальных) способностей и показателей жизнестойкости человека, – в первую очередь, такого ее компонента, как контроль (Н. Э. Волкова).

В работе О. И. Даниленко и И. В. Алексеевой, посвященной исследованию связи компонентов жизнестойкости и свойств темперамента, были получены следующие результаты: обнаружены связи между показателями свойств темперамента в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах и показателями жизнестойкости – общим и трех ее компонентов. Выявлены статистически значимые прямые корреляции: общего показателя жизнестойкости с коммуникативной эргичностью и скоростью, интеллектуальной пластичностью и скоростью; показателя шкалы вовлеченности с коммуникативной эргичностью и скоростью, интеллектуальной пластичностью и скоростью, психомоторной пластичностью; показателя шкалы контроля с коммуникативной эргичностью, интеллектуальной пластичностью; показателя шкалы принятия риска с коммуникативной пластичностью и скоростью, интеллектуальной пластичностью и скоростью. Обнаружены также обратные корреляции – общего показателя жизнестойкости и ее отдельных компонентов с показателями эмоциональности во всех трех сферах: психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной. Использование интегральных показателей позволило этим авторам установить наличие положительных корреляций общего показателя жизнестойкости и ее компонентов с общей активностью и обратную корреляцию с общей эмоциональностью.

Цель настоящего исследования состоит в построении модели функциональных взаимосвязей между жизнестойкостью («Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой) и темпераментом и понятийными способностями (способности к классификации объектов, способность к элементарным логическим операциям, категориальные и концептуальные способности).

Мы провели две серии исследований в зависимости от типа модели. В первой задействованы ответы 292 студентов городов Москвы и Калуги в возрасте от 17 до 25 лет ($19,44 \pm 1,48$), среди них 62% девушек. Во второй серии участвуют 707 респондентов из Костромы, Москвы, Пензы, Перми и Таганрога в возрасте от 18 до 24 лет ($19,32 \pm 1,48$), среди них 79,2% девушек. Статистическая обработка данных проведена на базе программного пакета IBM SPSS Statistics v. 27.

Были выдвинуты следующие эмпирические гипотезы: 1) показатели темперамента оказывают влияние на градацию показателей жизнестойкости; 2) показатели понятийных способностей оказывают влияние на градацию показателей жизнестойкости.

Основываясь на анализе теоретических работ, предполагалось получить следующие модели, где АИ – активность интеллектуальная, ЭИ – эмоциональность интеллектуальная, GA – концептуальные способности, CaA – категориальные способности, ACI – способность к классификации, ELO – способность к элементарным логическим операциям: темперамент как фактор жизнестойкости: жизнестойкость: свободный член + гр_АИ + гр_ЭИ + гр_АИ * гр_ЭИ; первая модель: жизнестойкость = свободный член + АИ + ЭИ + АИ * ЭИ; понятийные способности как фактор жизнестойкости: жизнестойкость = свободный член + GA + CaA + ACI ELO + все варианты взаимодействий между этими группами; вторая модель: жизнестойкость = свободный член + гр_GA + гр_CaA + гр_ACI + гр_ELO + гр_GA * гр_CaA + гр_GA * гр_ACI + гр_GA * гр_ELO + гр_CaA * гр_ACI + гр_CaA * гр_ELO + гр_ACI * гр_ELO + гр_GA * гр_CaA * гр_ACI + гр_GA * гр_CaA * гр_ELO + гр_GA * гр_ACI * гр_ELO + гр_CaA * гр_ACI * гр_ELO + гр_GA * гр_CaA * гр_ACI * гр_ELO.

Дальнейший эмпирический анализ данных продемонстрировал, что показатели темперамента оказывают статистически значимое влияние на градацию показателей жизнестойкости, однако показатели понятийных способностей не оказывают статистически значимого влияния на градацию показателей жизнестойкости.

Взаимосвязь показателей эмоционального интеллекта и способности к эмпатии

*Е. В. Воробьева (ЮФУ, Ростов-на-Дону),
М. Д. Петровская (ЮФУ, Ростов-на-Дону)*

Успешность в профессиях, связанных с работой с людьми, во многом определяется высоким уровнем эмоционального интеллекта как способности понимать свои эмоции и эмоции других людей и эмпатии как способности сопереживать эмоциональному состоянию других людей (М. В. Сизикова, М. М. Царенкова).

Современные научные представления об эмоциональном интеллекте складываются из двух противоположных направлений: эмоциональный интеллект как черта личности и эмоциональный интеллект как способность (Р. Salovey, J. D. Mayer, R. Baig-On, И. Н. Андреева, Д. В. Люсин, Е. А. Сергиенко, Е. А. Хлевная, Т. С. Киселева, А. А. Никитина, Е. И. Осипенко). В рамках первого подхода методики для диагностики и эмоционального интеллекта, и эмпатии представляют собой самооценочные опросники. Второй подход предполагает применение для диагностики эмоционального интеллекта специальных заданий, составленных по принципу тестов для диагностики способностей. Согласно представлениям Дж. Майера, П. Саловея и Д. Карузо, понятие эмоционального интеллекта включает способность перерабатывать информацию, содержащуюся в собственных эмоциях и эмоциях других людей: определять их значения и связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений. В структуре эмпатии также выделяются несколько компонентов: эмоциональный, рациональный, предикативный.

В ряде исследований показано, что и эмоциональный интеллект, и эмпатия могут рассматриваться как ресурс совладания со сложными жизненными ситуациями (Ж. В. Рзаева, Е. А. Хлевная, Т. С. Киселева, А. А. Никитина, Е. И. Осипенко, Е. А. Сергиенко).

Цель исследования – провести изучение взаимосвязи показателей эмоционального интеллекта и способности к эмпатии.

В исследовании приняли участие 90 студентов, средний возраст в общей выборке составил $20,98 \pm 0,89$, в экспериментальной группе студентов-психологов этот показатель равен $21,16 \pm 1,07$, в контрольной группе студентов-информатиков он составляет $20,8 \pm 0,63$.

Были использованы тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭМИн), тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0), методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, опросник эмоциональной эмпатии А. Мехрабиана и М. Эпштейна. Применялись следующие методы математической статистики: дескриптивная статистика, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, U-критерий Манна–Уитни.

Согласно результатам корреляционного анализа, показатели эмоционального интеллекта, оцененные с применением методики ЭМИн Д. В. Люсина, положительно взаимосвязаны с показателями эмпатии, преимущественно с показателем «проникающая способность в эмпатии», по методике для оценки уровня эмпатических способностей В. В. Бойко: общий уровень эмоционального интеллекта ($r=0,472$, $p<0,01$), межличностный эмоциональный интеллект ($r=0,399$, $p<0,01$), внутриличностный эмоциональный интеллект ($r=0,431$, $p<0,01$), понимание эмоций ($r=0,331$, $p<0,05$), управление эмоциями ($r=0,484$, $p<0,01$). Показатели межличностного эмоционального интеллекта положительно взаимосвязаны с идентификацией в эмпатии ($r=0,305$ при $p<0,05$). Кроме того, были выявлены отрицательные взаимосвязи показателей внутриличностного эмоционального интеллекта и рационального ($r=-0,309$ при $p<0,05$), а также эмоционального ($r=-0,372$ при $p<0,05$) каналов эмпатии.

При этом среди показателей эмоционального интеллекта, оцененных с применением теста Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект», только показатель «Использование эмоций в решении проблем» положительно взаимосвязан с показателем «Эмоциональный канал в эмпатии» по методике для оценки уровня эмпатических способностей В. В. Бойко ($r=0,299$ при $p<0,05$).

Таким образом, было установлено, что взаимосвязь показателей эмоционального интеллекта и способности к эмпатии выражена для данных, получаемых с применением самооценочной методики для диагностики эмоционального интеллекта Д. В. Люсина.

Эмпирическая верификация когнитивного ресурса: сопоставление различных подходов*

А. Н. Воронин (ИП РАН, Москва), Н. Б. Горюнова (ИП РАН, Москва)

Развивая идею Ч. Спирмена о влиянии общего фактора интеллекта на успешность решения различных тестовых задач и основываясь на представлениях о ресурсах, лимитирующих умственные усилия в зависимости от уровня активации, В. Н. Дружинин ввел понятие «когнитивный ресурс» для обозначения «протоспособности» когнитивной сферы – общего базиса, основания интеллекта в самом широком его понимании. Когнитивный ресурс обеспечивает порождение и поддержание в активном состоянии той части «субъективной реальности», которая представлена в ментальном плане в виде модели, отражающей проблемную ситуацию. В качестве наиболее общей характеристики когнитивного ресурса было предложено рассматривать сложность когнитивной системы, проявляющейся в способности создавать многомерные модели реальности, выделяя в ней множество взаимосвязанных сторон. Сложность когнитивной системы обеспечивает приемлемый уровень правильности решения все более сложных задач в условиях информационной избыточности (А. Н. Воронин, Н. Б. Горюнова). Эмпирическое изучение когнитивного ресурса при таком его понимании предполагает исследование познавательных способностей во все более усложняющихся условиях. Эти условия могут касаться самых различных аспектов ситуации решения задач. По сути, речь идет о моделировании ситуации проявления когнитивного ресурса, о ситуации как независимой переменной, определяющей величину когнитивной нагрузки и степень вовлеченности когнитивного ресурса в процесс решения задачи. При этом можно предложить как минимум два подхода к усложнению ситуации, требующей все большей нагрузки на когнитивный ресурс: усложнение проблемного поля задачи и усложнение самого задания.

Исследование проводилось с использованием ранее разработанной нами (Н. Б. Горюнова, А. Н. Воронин) онлайн-платформы изучения когнитивного ресурса, которая позволяет настраивать параметры предъявления «элементов проблемного поля» и «поля ответов» и проводить онлайн-обследование испытуемых с фиксацией време-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00495.

ни выполнения отдельных действий и правильности решения. Демонстрация онлайн комплекса представлена на сайте*. Для эмпирической верификации когнитивного ресурса по эффективности решения задач в усложняющихся условиях была сформирована батарея познавательных задач возрастающей сложности на основе тестов SPM Равена, теста I-S-T 2000R Амтхауэра и теста Саймона. Задачи были упорядочены по степени сложности и разделены на две параллельные серии. Первая серия предъявлялась обычным образом, вторая — с использованием различных эффектов, усложняющих ситуацию решения: простых, сложных и требующих активных действий для изменения визуализации проблемного поля. Задачи предъявлялись испытуемым рандомизированно в процессе онлайн-тестирования. В качестве дескрипторов когнитивного ресурса использовались показатели кратковременной памяти, время реакции выбора из множества альтернатив и мерность когнитивного пространства, предложенные ранее (Н. Б. Горюнова, В. Н. Дружинин).

Анализ полученных данных показал, что эмпирическая верификация когнитивного ресурса может быть успешно осуществлена двумя способами: при сопоставлении продуктивности решения «простых» и «сложных» задач в обычных условиях и при сопоставлении продуктивности решения задач в обычных условиях и условиях «усложнения проблемного поля». Проведенный множественный регрессионный анализ продемонстрировал, что обе модели когнитивного ресурса являются приемлемыми и имеют достаточную предсказательную силу, однако модель когнитивного ресурса, рассчитанная по продуктивности решения задач в обычных и «усложненных» условиях, имеет более высокие оценки. Наиболее значимыми предикторами когнитивного ресурса в обеих моделях являются правильность реакции в тесте, время реакции выбора, мерность когнитивного пространства, время подбора признаков.

Многомерность способности ко лжи

С. М. Гайнуллина (БашГУ, Уфа)

В научной психологической литературе присутствует достаточно много работ, с различных сторон описывающих феномен лжи. Так,

* URL: http://cr.solvent-game.ru/cgi-bin/cr_demo.html.

по В. В. Знакову, ложь представляет собой сознательную передачу информации, которая не соответствует реальности. Е. П. Ильин под ложью понимает сообщение, в котором факты преднамеренно искажаются или замалчиваются. С. Б. Уолтерс характеризует ложь как осознанный когнитивный и ментальный процесс введения в заблуждение или передачи дезинформации. А. А. Дупак вводит определение способности (и даже таланта) ко лжи как свойства личности, являющегося условием успешного осуществления сознательного искажения истины. Отличительными характеристиками носителя такой способности являются стремление к самостоятельности, индивидуализм, конформизм, различные виды агрессии, асоциальное поведение, активное применение механизмов психологической защиты. Д. С. Зеленов описывает склонность к обману как направленность личности на деятельность, а также на социально-психологическое взаимодействие, связанные с ситуацией нравственного выбора между обманом и правдой, при которой предпочтение отдается обману. Для обманщика также характерно широкое использование защитных механизмов. Эту точку зрения поддерживает В. В. Знаков, который отмечает, что «обращаясь к анализу психологических механизмов вранья, нередко его нужно рассматривать как внешнее проявление защитных механизмов личности, направленных на устранение чувства тревоги, дискомфорта, вызванного неудовлетворенностью субъекта своими взаимоотношениями с окружающими».

С. Лиам рассматривает ложь как многомерный феномен и выделяет последовательные уровни лжи в зависимости от сложности ее организации: 1) манипуляция субъекта лжи объектом лжи без намерения повлиять на его убеждения; 2) манипуляция субъекта лжи объектом лжи на основании осведомленности о его убеждениях; 3) манипуляция субъекта лжи объектом лжи на основании осведомленности о том, что объект лжи оценивает его убеждения.

А. С. Чахойян позиционирует ложь как сложное сплетение интенциональных аспектов когнитивной и нравственной сферы личности, которое сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя грань между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных экзистенциальных ценностей.

Таким образом анализ литературы показывает, что на сегодняшний день накоплен большой материал, характеризующий ложь как личностную особенность, но недостаточно внимания уделено изучению феномена лжи как многомерной способности. Для устранения этого

противоречия представляется целесообразным проведение как теоретических, так и эмпирических исследований, посвященных многомерности психологического конструкта способности ко лжи.

Факторы эффективности намеренного забывания: эмпирическое исследование*

А. А. Гофман (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Анализ популярных экспериментальных парадигм исследований намеренного забывания (M. C. Anderson, E. Huddleston, R. A. Bjork, D. LaBerge, R. Legrand, L. Sahakyan, C. M. Kelley) приводит к констатации игнорирования в них субъекта мнемического действия. Данная лакуна проявляется прежде всего в отсутствии разработки проблемы взаимодействия мнемической цели забывания и обеспечивающего ее реализацию приема (операционального состава действия). Кроме того, можно указать на ряд факторов, способных неоднородно влиять на результат выполнения действия забывания, которые, однако, не были изучены в рамках единой исследовательской программы.

Первый из них – степень исходного кодирования материала. Вопреки тривиальному прогнозу линейной обратной зависимости эффективности забывания от силы следа можно предположить, что попытка забыть слабо заученный материал требует дополнительных операций по его извлечению (сначала вспомнить то, что затем нужно забыть). В связи с этим максимальная эффективность намеренного забывания может наблюдаться относительно средних по силе мнемических следов. Во-вторых, значим интервал между интенцией забыть и попыткой вспомнить. В-третьих, поскольку факт забывания обнаруживается при воспроизведении, существенную роль играет чувствительность применяемого теста в диапазоне от полного воспроизведения до узнавания или угадывания. В-четвертых, учитывая то, что итоговый эффект намеренного забывания представляет собой результирующую двух разнонаправленных процессов – произвольного забывания и произвольного воспроизведения, существенным должен быть вклад общего уровня развития произвольности участников исследования. И наконец, в-пятых, мишенью забывания может быть как само

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07069.

конкретное содержание, так и ассоциативная связь между несколькими содержаниями. Обоснованно предположить, что адекватные амнезогенные приемы для успешного решения задач забывания могут требовать конгруэнтности типу мишени забывания.

С учетом сказанного выше, программа эмпирического исследования включала в себя систематическое варьирование степени начального кодирования материала (от полного надежного заучивания до поверхностного знакомства с материалом); интервалы воспроизведения от часа до года; тесты различной чувствительности; дифференциацию выборок по критерию уровня развития произвольности; использование материала различного типа и разработку комплекса потенциально амнезогенных приемов.

В серии из трех экспериментов в совокупности приняло участие 235 добровольцев студенческого возраста.

В рамках первого эксперимента был реплицирован полученный ранее в когнитивной психологии эффект непродолжительного (часы) снижения полного воспроизведения как после предъявления изолированной команды «забыть», так и после реализации изолированных приемов без определенной мнемической цели на материале полностью заученных пар «слово—псевдослово». На продолжительных интервалах (месяцы) сам факт переработки материала в рамках реализации мнемической цели регулярно повышал вероятность воспроизведения соответствующих следов. В связи с этим узнавание материала было равно высоким вне зависимости от того, какая команда — «забыть» или «помнить» — относилась к тому или иному стимулу на стадии экспериментальной интервенции.

Второй эксперимент показал качественную специфику эффекта реализации цели забыть на материале слабых мнемических следов по сравнению с попытками забыть полно зафиксированный материал. В связи с тем, что реализация любой цели требует удержания объекта, на который она направлена, негативная мнемическая интенция в случае слабых мнемических следов привела к парадоксальному улучшению воспроизведения за счет дополнительных операций по усилению доступности слабого мнемического следа (вспомнить то, что требуется забыть). Данный эффект наблюдался в тесте узнавания на фоне низкого уровня полного воспроизведения. Также в условии сочетания цели забыть и адекватного амнезогенного приема было преодолено детерминированное наличием мнемической цели улучшение отсроченного доступа за счет формирования психологической

системы «цель—операция». Указанное сочетание позволило получить выраженный эффект намеренного забывания.

В третьем эксперименте на материале, заученном до безошибочного узнавания, сочетание цели забыть и амнезогенного приема фрагментации стимула оказало выраженный эффект снижения воспроизведения. Была обнаружена положительная связь между развитием произвольности (по результатам тестов исполнительных функций) и эффективностью сочетания мнемического приема и цели забыть.

Таким образом, результаты эмпирической работы поддерживают гипотезу о том, что амнезогенная эффективность целенаправленного действия забывания обусловлена закономерным сочетанием силы мнемического следа, способа тестирования, общего уровня развития произвольности субъекта, принятия им цели забыть и оснащения принятой цели адекватным мишени забывания амнезогенным приемом.

Целенаправленное действие забывания в перспективе деятельностного подхода к памяти*

*А. А. Гофман (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
В. В. Нуркова (МГУ им. М. В. Ломоносова, РАНХиГС, Москва)*

Результаты экспериментов представителей современной когнитивной психологии констатируют феномен намеренного забывания — затруднения воспроизведения материала после того, как в отношении него была поставлена негативная мнемическая цель «забыть» (М. С. Anderson, E. Huddleston, R. A. Bjork, D. LaBerge, R. Legrand, L. Sahakyan, С. М. Kelley). Полученный эффект объясняется тремя основными механизмами: замещением в сознании альтернативным материалом, прямым подавлением воспроизведения и изменением контекста воспроизведения (М. С. Anderson, J. С. Hulbert).

Достижения когнитивной науки в данной области, однако, не включают в себя качественное различие между целенаправленным действием забывания и иными амнезогенными факторами, подразумеваемая эквивалентность вынужденного и намеренного забывания.

В то же время в отечественной психологии сложилась традиция анализа качественного своеобразия сознательных целенаправлен-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07069.

ных процессов. С. Л. Рубинштейн в работе 1935 г. настаивал на том, что «сознательное действие отличается от несознательного в самом своем объективном обнаружении: его структура иная и иное его отношение к ситуации, в которой оно совершается; оно иначе протекает». В. А. Иванников отмечает, что «непроизвольная регуляция характеризуется достаточностью условий для автоматического исполнения действий... При произвольной регуляции субъект действия вынужден намеренно регулировать отдельные параметры действий и психических процессов». Таким образом, переход от вынужденного автоматического функционирования к реализации осознанного намерения наблюдается при возникновении необходимости дополнительной регуляции. В рамках этого перехода наличие осознанной цели, во-первых, обеспечивает устойчивый мотивационный импульс выполнения действия, которое в противном случае бы не состоялось. Это происходит за счет конструирования цели как образа последствий еще не выполненного, а только планируемого действия, который и становится причиной и регулятором осуществляющейся активности субъекта. Во-вторых, осознаваемые параметры цели позволяют субъекту разработать адекватный инструментарий действия, что критически важно при неэффективности сложившихся ранее в опыте способов решения задачи или ее новизне. Важно подчеркнуть, что принципиально осознанный характер цели детерминирует контролируемость лежащих в основе ее реализации психических процессов, что зафиксировано в законе «овладения через осознание»: по словам Л. С. Выготского, «в основе осознания лежит обобщение собственных психических процессов, приводящее к овладению ими».

Выдвинутый в деятельностном подходе тезис о продуктивности комплексного анализа взаимодействия мотивационного, целевого (осознаваемого) и операционального уровней организации деятельности получил серьезную эмпирическую поддержку в психологии памяти. Получены убедительные данные о зависимости мнемического эффекта от места материала в структуре деятельности (П. И. Зинченко) и мотивационно-смысловой динамики деятельности, в частности, в форме принципа деятельностной специфичности кодирования и извлечения (В. В. Нуркова, Е. Е. Васюкова, О. В. Митина), о значимости влияния на воспроизведение материала соответствия цели и операционального состава действия (З. М. Истомина). К данной традиции можно отнести трактовку механизма влияния мнемической цели (независимо от ее содержания) как высшего уровня перера-

ботки информации (В. Н. Challis, F. I. M. Craik, Б. М. Величковский). Фундаментальной ценностью в контексте проблемы произвольности мнемических процессов обладает общий закон «параллелограмма развития памяти» (А. Н. Леонтьев), согласно которому мнемический эффект обусловлен намеренным формированием опосредствованного культурным приемом мнемического цикла, где средство запоминания впоследствии выступает средством извлечения материала из памяти. Дальнейшую конкретизацию данный закон получил в концепции запоминания как формирования мнемосхемы, включающей в себя процедуру кодирования и декодирования материала (В. Я. Ляудис). Хотя проблема забывания не ставилась прямо, обоснованно предположить, что полученные закономерности могут быть распространены на этот мнемический процесс. Однако в связи с тем, что процесс забывания может реализовываться как симметричными запоминанию, так и специфическими механизмами (по словам В. П. Зинченко, «забывание — это не просто стирание или погружение запечатленного материала в некоторый более глубокий слой, а особая „зашифровка“ содержания этого материала, т. е. особый семиотический процесс»), актуально эмпирическое тестирование соответствующих гипотез.

Таким образом, методология деятельностного подхода — это перспективная платформа для разработки проблематики намеренного забывания, где действие забывания может быть рассмотрено как выстраивание операционального состава цели забыть. Критерием успешного результата данного процесса является формирование интегрированной в поток деятельности психической структуры «цель забыть — амнезогенный прием».

Поиск психологических и психофизиологических маркеров когнитивных стилей «Импульсивность/рефлексивность»

Д. А. Докучаев (ИП РАН, Москва)

Одним из важнейших конструктов в психологии является нейроэффективность. Данный феномен был описан в работе Р. Дж. Хайера и его коллег, обнаруживших обратную зависимость между уровнем энергопотребления головного мозга и результатами тестов интеллекта. Проведенный нами обзор современных исследований по этой проб-

леме выявил наличие парадоксальных данных, иногда прямо противоречащих гипотезе Хайера.

В современной дифференциальной психологии уделяется также большое внимание когнитивным стилям, в частности, конструкту «Импульсивность–рефлексивность». Дж. Каган, анализируя стиль решения проблем сложного выбора, обнаружил, что одни респонденты быстро выдвигают гипотезы, но при этом допускают много ошибок (импульсивные), а другая группа, напротив, характеризуется более замедленным темпом принятия решения и меньшим количеством ошибок (рефлексивные).

По словам А. Р. Лурии, «важнейшим положением... является идея о том, что высшие психические функции надо сопоставлять не с морфологическим субстратом, а с физиологическими процессами, которые осуществляются в тех или иных мозговых структурах во время реализации функции». Такая устойчивая характеристика личности, как когнитивный стиль, как бы изменяет морфологическую и физиологическую структуру головного мозга, подобно принципу общего конечного пути, по Чарльзу Шеррингтону, что можно зафиксировать с помощью ЭЭГ.

Целью нашего исследования стало выявление параметров, характеризующих когнитивные стили «Импульсивность/рефлексивность».

Применялись опросник CPS-Q (Е. В. Волкова, В. М. Русалов), опросник формально-динамических особенностей индивидуальности «ОФДСИ» (В. М. Русалов) и тест «Сравнение сходных фигур» (J. Kagan), который проводился на персональном компьютере с помощью программы InTesting (Е. В. Волкова, М. Н. Нилопец). Запись ЭЭГ осуществлялась с помощью электроэнцефалографа Encephalan-EEGR-19/26 Medicom MTD. Для оценки биоэлектрической активности головного мозга использовался параметр «спектр мощности ЭЭГ», разделенный на основные ритмы с помощью преобразования Фурье.

В исследовании приняли участие 201 респондент (101 юноша, 100 девушек), средний возраст 15 лет ($\pm 2,6$ лет).

Статистическая обработка эмпирических данных была осуществлена в программе SPSS v. 22.

Путем кластерного анализа выборка была поделена на две группы – «Импульсивные» и «Рефлексивные» – по результатам прохождения теста «Сравнение сходных фигур». У «Рефлексивных» среднее время решения одного задания составило 28 секунд, а количество неправильных выборов в среднем составило 17, в то время как «Им-

пульсивные» затрачивали 11 секунд на одно задание и совершили 41 неправильный выбор.

По результатам опросника формально-динамических свойств индивидуальности статистически достоверные различия были выявлены в пластичности (значение выше у импульсивных) и в скорости моторной (значение выше у рефлексивных) реакции.

По опроснику CPS-Q статистически достоверные различия выявлены по полнезависимости, причем значение выше у импульсивных.

В диапазоне альфа-ритма ЭЭГ (8–12 Гц) различия были выявлены в лобных (F3, Fp2, Fz, Fpz, Fcz), височных (T3, T5), теменных (P4, Pz, Cz, CP3, Cpz, CP4), лобно-теменных (FC4), теменно-височных (TP8) и затылочных (Oz) областях. В диапазоне бета1 (12–20 Гц) выявлены различия в затылочной (O1, Oz), теменной (P4, Cz), лобной (F8, Fpz) и лобно-теменной (FC4) долях. Достоверные различия в бета2-диапазоне (20–35 Гц) не выявлены, а в тета-диапазоне (4–8 Гц) – представлены одним отведением P4 (теменная доля).

Такое разнообразие областей коры головного мозга со статистически достоверными различиями спектра мощности связано с многогранностью теста «Сравнение сходных фигур». Стимульный материал подавался через зрительный анализатор, а следовательно, есть связь с затылочной корой. Логические операции, проводимые респондентом в уме для поиска сходств и различий сходных фигур, объясняют наличие изменения спектра мощности в лобных долях. Височные доли, ответственные за память, в данном случае скорее всего связаны с запоминанием фигуры стимула для последующего сравнения ее с вариантами, представленными в тесте. Теменные, теменно-височные и лобно-теменные доли выполняют функцию построения «карт внешнего мира», что также необходимо для поиска сходств и различий фигур: респондент как бы строит карту пространства, где отмечаются подходящие и неподходящие для ответа фигуры.

Важно подчеркнуть, что во всех отведениях спектр мощности ниже, что свидетельствует о большей «нейроэффективности» данной стратегии поведения.

Итак, для импульсивных респондентов характерны более высокие значения моторной пластичности по ОФДСИ; по опроснику CPS-Q они характеризуются более высоким значением полнезависимости. У рефлексивных респондентов выше значение моторной скорости и ниже спектр мощности всех исследованных ритмов ЭЭГ.

Академическое отчуждение и духовно-нравственная ориентация студентов

Т. Ю. Ивчина (ИАТЭ НИЯУ МИФИ, Обнинск)

Интерес к исследованию особенностей проявления отчуждения продиктован потребностями образовательной среды вузов и современного высокотехнологичного социума, нуждающегося в квалифицированных кадрах. Все большее количество преподавателей отмечают слабую успеваемость и формальную активность студентов на занятиях, равнодушие к учебной и внеучебной деятельности, отсутствие понимания приобретаемых компетенций (М. И. Заславская, Р. Жамгарян). Психологи-консультанты высшей школы указывают на слабость субъектной позиции, произвольности современных студентов, отмечают их отстраненность от учебы (Д. Н. Сазонов, Я. В. Гальчун).

В работах исследователей, занимающихся проблемой отчуждения, в частности, академического отчуждения, рассматриваются сферы и формы его проявления, однако мало внимания уделяется описанию факторов, противостоящих возникновению состояния отстраненности. Одним из таких факторов может быть духовно-нравственная ориентация личности, выступающая как противоположность отчуждения. Ее важными признаками являются духовная альтруистическая направленность и наличие духовно-нравственных качеств, что имеет отношение к духовным способностям. Согласно Г. В. Ожигановой, духовные способности присущи «человеку дающему» (духовной личности) как антиподу «человека берущего» (бездуховной личности), т. е. отчужденной, отстраненной.

Таким образом, целью нашего исследования стало выявление сопряженности показателей академического отчуждения и духовно-нравственной ориентации личности, имеющей отношение к выраженности ее духовно-нравственных качеств.

Предполагалось, что между показателями академического отчуждения и показателями духовно-нравственных качеств, отражающих духовно-нравственную ориентацию, будет выявлена отрицательная взаимосвязь.

Исследование было проведено весной 2022 г. с помощью Google-опросника. Выборку составили студенты первого курса техничес-

кого института г. Обнинска (N = 53); среди них 32 юноши и 21 девушка. Были использованы опросник «Субъективное отчуждение учебного труда» В. Н. Косырева и опросник «Духовная личность» А. Хусейна и М. Анаса (в адаптации Г. В. Ожигановой). Опросник В. Н. Косырева включает сферы «учение», «университетская жизнь», «межличностные отношения», «самоотношение» и четыре формы – «вегетативность», «бессилие», «нигилизм» и «авантюризм», в которых проявляется учебное отчуждение. Опросник «Духовная личность» представлен пятью шкалами: «Высокая нравственность и мудрость», «Самоконтроль», «Надежность и ответственность», «Духовность отношений», «Правдивость и удовлетворенность». В обеих указанных методиках имеется суммарный показатель.

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) показал наличие значимых отрицательных взаимосвязей сфер и форм отчуждения от учебы и показателей выраженности духовно-нравственных качеств личности, свидетельствующих о духовно-нравственной ориентации.

Шкала «Учение» имеет отрицательные корреляции со шкалами «Надежность и ответственность» ($r = -0,397$, $p < 0,01$), «Правдивость и удовлетворенность» ($r = -0,439$, $p < 0,01$). Шкала «Межличностные отношения» демонстрирует наличие следующих отрицательных взаимосвязей: со шкалой «Духовность отношений» ($r = -0,439$, $p < 0,01$) и с общим баллом по опроснику «Духовная личность» ($r = -0,368$, $p < 0,01$). Отчуждение в отношении к себе отрицательно коррелирует с общим показателем духовной личности ($r = -0,358$, $p < 0,01$).

Шкала «Вегетативность» имеет отрицательную взаимосвязь с общим показателем духовной личности ($r = -0,374$, $p < 0,01$). По шкале «Бессилие» выявлены обратные взаимосвязи с такими показателями, как «Надежность и ответственность» ($r = -0,387$, $p < 0,01$), «Правдивость и удовлетворенность» ($r = -0,333$, $p < 0,01$), суммарный балл по духовной личности ($r = -0,384$ при $p < 0,01$). Нигилизм как форма отчуждения отрицательно взаимосвязан с суммарным баллом по духовной личности ($r = -0,277$, $p < 0,05$). Коэффициент корреляции суммарных баллов учебного отчуждения и духовной личности составил $r = -0,352$ при $p < 0,01$.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: чем в большей мере у студентов наблюдается отчуждение от учебы, тем в меньшей степени у них выражены духовно-нравственные качества, т. е. духовно-нравственная ориентация.

Многомерность ментальных ресурсов как основа профессионального мышления субъекта*

М. М. Кашанов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В области психологии мышления существуют многомерные модели, ибо сама по себе предметная область мышления многогранна, а следовательно, многоаспектна, что выражается в существовании большого количества научных школ, продуктивно изучающих мышление. Корневой системой этих школ в определенной мере служит экспликация ресурсов.

Понятие «ресурс» употребляется в самых различных сочетаниях: «когнитивный ресурс» (В. Н. Дружинин), «интеллектуальный ресурс», «ментальный ресурс» (М. А. Холодная), «ресурсы контроля поведения» (Е. А. Сергиенко), «ресурсы интеграции» (В. М. Шлаина), «личностные ресурсы» (А. Б. Рогозян), «ресурсные состояния» (В. В. Козлов), «ментальное пространство человека» (В. Е. Ключко), «психологический ресурс» (Н. Е. Водопьянова).

Основные теоретические положения современных теорий помогают понять психологическую сущность ментального ресурса. Существенный вклад в такое понимание внесли идеи, представленные в рамках субъектно-ресурсного подхода (Н. Е. Водопьянова, Г. С. Никифоров), ресурсного подхода (Ю. В. Синягин, А. А. Мударисов).

Ментальный ресурс личности, согласно модели «интеллектуально-го диапазона», предложенной В. Н. Дружининым, заключается в структурной организации когнитивных процессов. Когнитивный ресурс определяется им как количественная характеристика когнитивной системы, а именно — мощность множества связанных когнитивных элементов, которая отвечает за активное создание многомерных моделей реальности в процессе решения задач разного уровня сложности.

Ментальные структуры, подчеркивает М. А. Холодная, составляют основу ментального опыта. Это своеобразные психические механизмы, в которых в «свернутом» виде представлены наличные интеллектуальные ресурсы субъекта и которые могут «развертывать» при столкновении с любым внешним воздействием особым образом организованное ментальное пространство. При этом в качестве интегрирующего фактора ментального ресурса выступает мышление.

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00602.

Существенный вклад в понимание ментального ресурса как содержательной, относительно устойчивой характеристики внутреннего мира субъекта внесен С. А. Хазовой. Ментальный ресурс рассматривается ею как актуальное психическое свойство, проявляющееся в конкретной деятельности и оказывающее прямое влияние на ее эффективность.

Важную роль в реализации ментального ресурса играют, по утверждению А. Н. Воронина, дискурсивные способности личности, которые позволяют эффективно взаимодействовать даже в условиях конфликтного противоборства. По его словам, данные способности связаны с обширностью и структурированностью индивидуального тезауруса.

Созданные ментальные ресурсы образуют основу личностного и профессионального развития. В случае необходимости создаются нужные ментальные конструкции, если старые перестают работать. Нахождение и реализация прорывного ресурса позволяет своевременно разрешать проблемы, возникающие при активизации ментальных ресурсов: соотношение неравномерности и гетерохронности в становлении мышления. Например, развитие профессионального мышления субъекта может опережать его личностное развитие и наоборот, однако это может происходить лишь до достижения определенного уровня профессионализма. После прохождения этого уровня наступает кризис, происходит профессиональная деформация личности.

Решение подобного рода проблем, реализованное в наших исследованиях, позволяет установить следующие закономерности: сензитивность развития мышления характеризуется чувствительностью к выработке конкретных качеств творческого мышления на определенных этапах развития профессионала: чем «ниже» уровень профессионального мышления, тем большую роль играют процессы и качества оперативной переработки информации о ситуационных характеристиках; чем «выше» уровень профессионального мышления, тем большую роль играют качества надситуативного осмысления и понимания информации, личностные особенности субъекта. Обнаружение надситуативной проблемности профессионалом позволяет ему «подняться над фактом», достигнуть такой глубины обобщения, которая необходима для адекватного понимания сущности познаваемой и преобразуемой ситуации. В условиях реализации надситуативной проблемности осуществляется ориентация познавательного процесса на наполнение личностным содержанием выполняемой деятельности.

Следовательно, оптимальность профессиональных решений в большей мере определяется не автономными влияниями со стороны отдельных компонентов мышления субъекта, а синергетической эффективностью их взаимодействия, которое обусловлено закономерностями как повторяющимися связями и отношениями между элементами. Значимая и стабильная связь существует между продуктивностью этих решений и степенью их интегрированности в ментальные структуры профессионального мышления.

Интеллектуально-личностные предикторы учебной успешности студентов

И. А. Кибальченко (ЮФУ, Таганрог), Т. В. Эксакусто (ЮФУ, Таганрог)

Успешность личности, являясь одновременно и предиктором, и дескриптором уверенности человека, его веры в свои возможности, закладывается еще на этапе раннего развития и продолжается на всех последующих этапах становления личности, включая обучение в школе, вузе. Теоретический анализ современных исследований успешности в учебной деятельности показал, что она может проявляться через множество маркеров: от эффективности решения когнитивно-логических задач (Д. М. Рамендик) до коэффициента правильности ответа и уверенности принятия решения (А. С. Баканов, М. Е. Зеленова). При этом предикторами учебной успешности выступают различные переменные, которые условно можно разделить на интеллектуальные, личностные и ситуативные (связанные с заданием, их сложностью, объемом и т. п.). Обобщая результаты исследований интеллектуальных и личностных предикторов учебной успешности, можно предположить, что наиболее перспективным является подход, направленный на интеграцию этих переменных. Именно совокупность интеллектуально-личностных особенностей, а не отдельно выявленные переменные определяют качество академической успеваемости и учебную успешность в целом. Системообразующим фактором в таком подходе становятся ментальные репрезентации, их содержание. Взаимосвязанные с интеллектуально-личностными особенностями человека и представляющие собой сложившуюся картину мира, социума и самого себя, ментальные репрезентации являются важнейшим прогностическим показателем успешности в различных видах

деятельности (Ya. I. Sipovskaya, M. A. Холодная). Особый интерес представляют такие малоизученные проявления ментальных репрезентаций, как принятие имплицитных теорий интеллекта и личности, представления о собственном Я, самооценка метакогнитивных знаний и собственной успешности. Таким образом, настоящее исследование направлено на изучение интеллектуально-личностных предикторов учебной успешности студентов как специфической формы «видения» происходящего.

В исследовании приняли участие 212 студентов Южного федерального университета. В исследовании использовался множественный регрессионный анализ для определения влияния интеллектуально-личностных особенностей на учебную успешность.

В результате получена линейная регрессия, определяющая вклад ряда независимых переменных в вариацию зависимой (критериальной) переменной. Зависимой переменной выступила успеваемость (рейтинговый показатель), предикторами (с учетом константы = 432,470), соответственно, выступили: фактор «Активность» («Я сам»), метакогнитивные знания, самооценка обучения, экстерниоризация успеха, фактор «Оценка» («Я сам»), принятие теории «обогащаемой» личности, фактор «Сила» («Я сам»), принятие целей обучения, показатель самооценки потенциальной успешности при субъективной оценке своих возможностей, интериоризация успеха, метакогнитивная активность.

В соответствии со значением F-критерия Фишера (1,927; $p = 0,033$), можно признать статистическую значимость регрессии в целом. Количество степеней свободы ($df = 12$) является показателем количества предикторов. Исключены из модели две переменные: показатель самооценки актуальной субъективной успешности и показатель самооценки идеальной субъективной успешности. Из 14 переменных наиболее иерархически значимыми в регрессионной модели стали фактор активности («Я сам»), метакогнитивные знания, самооценка обучения в аспекте имплицитных теорий и целей обучения и экстерниоризация успеха; переменными средней значимости – фактор оценки себя («Я сам»), фактор принятия теории «обогащаемой» личности в аспекте имплицитных теорий и целей обучения, фактор силы («Я сам»), фактор принятия целей обучения в аспекте имплицитных теорий и целей обучения. Наименее значимыми стали фактор объективной оценки своих возможностей, фактор принятия теории «наращиваемого» интеллекта в аспекте имплицитных теорий и целей обучения, интериоризация успеха и метакогнитивная активность.

Таким образом, обнаружено многомерное влияние интеллектуально-личностных переменных на учебную успешность студентов. По результатам исследования возможна разработка высокоэффективных психотехнологий развития интеллектуально-личностных предикторов успешности в целом и успешности обучения – в частности.

Эксплицитное и имплицитное научение новым словам: глубина интеграции семантических свойств в ментальный лексикон*

*А. С. Кирсанов (СПбГУ, Санкт-Петербург), Е. И. Перикова (СПбГУ, Санкт-Петербург), М. Г. Филиппова (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Е. Д. Благовещенский (СПбГУ, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, Москва),
К. Г. Мирошник (СПбГУ, Санкт-Петербург), О. В. Щербакова (СПбГУ, Санкт-Петербург), Ю. Ю. Штыров (Орхус, Дания)*

В современной психолингвистике существуют две противоположные точки зрения на процесс усвоения новых слов: согласно одной фонологические и семантические особенности словоформ могут усваиваться быстро (Е. С. Карπούла), согласно другой считается, что усвоение новой языковой информации требует нескольких дней или недель (I. Bakker, Y. Shtyrov). Исследования имплицитного научения (fastmapping, FM) свидетельствуют в пользу того, что новые смыслы усваиваются практически мгновенно (Y. Shtyrov). Однако ряд критических исследований ставит под вопрос глубину их интеграции в лексикон, объясняя полученные ранее FM-результаты эффектом эпизодической памяти (E. Cooper, A. Gilboa). С целью преодоления ограничений предыдущих исследований был проведен эксперимент с использованием выверенного аудиовизуального стимульного материала, сбалансированной обучающей парадигмы, включением в процесс научения артикуляции новых слов и учетом интеллектуальных способностей респондентов.

Участники эксперимента – 50 человек (32 женщины) в возрасте от 18 до 38 лет ($M = 24$, $SD = 3,5$), праворукие носители русского языка, не имеющие психических заболеваний и не принимавшие в период исследования сильнодействующих медикаментов. Эксперименталь-

---

* Исследование выполнено при поддержке Правительства РФ, проект № 14.W03.31.0010.

ная процедура состояла из трех последовательных этапов: 1) измерения интеллектуальных способностей, 2) обучения с предъявлением новых и знакомых словоформ, обозначающих предметы или животных, либо эксплицитным, либо ФМ-способом при наличии или отсутствии артикуляции и 3) проверки глубины интеграции словоформ в лексикон. Анализ данных проводился с использованием логистической регрессии в программе R-Studio v. 2021.09.1.

Для задания «Узнавание на слух» была получена статистически значимая модель ($\chi^2(3, N=366)=9,96, p=0,020, \text{McFadden's } R^2=0,06$) с такими предикторами, как экспериментальное условие (эксплицитное; OR=0,47, 95% CI [0,18; 1,11]), тип семантической привязки («предметы»; OR=2,57, 95% CI [1,06; 6,86]) и категориальные способности (здесь и далее – результаты теста «Обобщение трех слов» (М. А. Холодная); OR=0,90, 95% CI [0,77; 1,03]). Правильность классификации модели составила 92%.

Для задания «Семантическое суждение» была получена статистически значимая модель ($\chi^2(4, N=267)=18,49, p<0,001, \text{McFadden's } R^2=0,05$) с такими предикторами, как экспериментальное условие (эксплицитное; OR=2,00, 95% CI [1,22; 3,32]), тип семантической привязки («предметы»; OR=1,65, 95% CI [1,00; 2,72]), условие артикуляции (отсутствие артикуляции; OR=1,71, 95% CI [1,04; 2,84]) и категориальные способности (OR=1,09, 95% CI [1,00; 1,18]). Правильность классификации модели составила 54%.

Для задания на установление семантического соответствия между словом и изображением была получена статистически значимая модель ($\chi^2(3, N=389)=15,47, p<0,002, \text{McFadden's } R^2=0,03$) с такими предикторами, как экспериментальное условие (эксплицитное; OR=1,85, 95% CI [1,17; 2,95]), тип семантической привязки («предметы»; OR=1,47, 95% CI [0,94; 2,33]) и уровень психометрического интеллекта (матрицы Равена; OR=1,05, 95% CI [1,01; 1,10]). Правильность классификации модели составила 72%.

Полученные данные свидетельствуют в пользу того, что интеллектуальные способности являются значимым фактором в процессе усвоения новых словоформ вне зависимости от стратегии научения. Можно отметить, что ФМ-усвоение словоформ более эффективно на поверхностном лексическом уровне: шанс правильного ответа на слова, предъявляемые в ФМ-условии в обучающей серии, выше на 53%, чем в случае эксплицитного научения, что подтверждает ряд ранее полученных данных о преимуществах ФМ-научения. В тестах,

относящихся к более глубокому, семантическому уровню интеграции, шанс правильного ответа выше для слов, выученных в эксплицитном условии, что может быть связано с повышенными требованиями к системе внимания и когнитивного контроля при таком научении. Новые слова с семантической привязкой к неодушевленным предметам усваиваются значительно лучше, чем к животным, в пользу чего свидетельствуют данные всех трех проверочных заданий; данный результат противоречит ранее полученным данным и может быть связан с особенностями конкретного стимульного материала или обучающей парадигмы. Фактор артикуляции значимо связан с результатами задания «Семантическое суждение»: выученные без артикуляции словоформы усваиваются лучше. Последнее может указывать на то, что дополнительное требование артикуляции ряда новых словоформ создает избыточную когнитивную нагрузку, мешая их первичному усвоению. При этом не было обнаружено значимых взаимодействий между такими факторами, как экспериментальное условие, тип семантической привязки, условие артикуляции, уровень категориальных способностей и уровень психометрического интеллекта.

Когнитивные способности и саморегуляция у студентов инженерно-технического профиля

Т. П. Коваленок (РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, Москва)

В настоящее время особую актуальность для развития социума приобретает подготовка высококвалифицированных специалистов с набором конкретных умений, обусловленных развитием когнитивных способностей, обеспечивающих эффективную реализацию профессиональной деятельности, а также формирование у этих специалистов определенных «метапрофессиональных качеств», создающих условия для их высокой адаптивности и продуктивности как профессионалов.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи развития познавательной сферы (когнитивные функции) и личностной сферы (регулятивные функции).

Мы предположили, что существует положительная связь между показателями умственного развития (когнитивная сфера) и показателями уровня саморегуляции (личностная сфера).

Эффективность функционирования когнитивной сферы оценивалась на основе успешности решения заданий «Школьного теста умственного развития» (ШТУР, версия 2 К. М. Гуревич, М. К. Акимовой, Е. М. Борисовой, В. Г. Зархина, В. Т. Козловой и Г. П. Логиновой), связанной с выполнением мыслительных операций анализа, синтеза, с умением выделять логические связи и закономерности в информации, представленной в разных видах (понятия, числа, образы). Для изучения меры выраженности регулятивных способностей использовался опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой, позволяющий оценить развитость процессов планирования, моделирования, контроля деятельности и индивидуально-типологических качеств, определяющих их характеристики.

Выборку составили 96 человек (84 юношей, 12 девушек) в возрасте 16–17 лет, студенты первого курса агроинженерных направлений подготовки РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, г. Москва.

Для определения связи когнитивных и регулятивных функций был проведен корреляционный анализ показателей умственного развития и саморегуляции будущих инженеров (использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Выявлены значимые корреляции, показавшие, что теснее всего с когнитивными способностями связан показатель способности к оценке результатов собственной деятельности, а на успешность осуществления всех регулятивных процессов влияет уровень развития умения выделять логические связи между понятиями. Показатели по шкале «Оценка результатов» положительно связаны с успешностью осуществления различных мыслительных действий и операций, с общей осведомленностью в научных и культурных понятиях. Чем выше показатели умственного развития, тем более адекватной является самооценка, критерии оценки результативности собственных действий. Низкие показатели свидетельствуют о недостаточной критичности к своим действиям, резком ухудшении результатов деятельности в сложных условиях. Общий уровень развития саморегуляции оказался тесно связан с осведомленностью в научных и культурных понятиях, умением действовать по аналогии и обобщать, со способностью выявлять закономерности в числовых рядах. Процессы планирования определяются эффективностью умозаключений по аналогии и точностью обобщений. Моделирование также предполагает умение действовать по аналогии.

Таким образом, корреляционный анализ выявил тесную связь умственного развития и процессов саморегуляции субъекта. Это позволяет говорить о том, что когнитивная и личностная сферы не являются независимыми друг от друга. В процессе обучения развитие специфических технических знаний и умений, связанное с развитием общего интеллекта студентов, может и должно протекать параллельно с формированием саморегулятивных способностей, обеспечивающих, в свою очередь, возможность формирования особых личностных качеств, необходимых будущим инженерам для успешной профессиональной самореализации.

Психология субъекта способностей: к многомерному определению способностей

*Т. И. Короткина (СПбГУП, Санкт-Петербург),
А. П. Якунин (ЦДС «Потенциал», Санкт-Петербург)*

Целью доклада является определение многомерного плана исследования способностей человека с позиций принципа субъекта и принципа детерминизма.

Ранее были сформулированы положения психологии способностей человека с точки зрения категории «индивидуальный субъект», обосновывающие многомерность способностей в рамках диалектики человека как субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности в процессах интериоризации и экстериоризации. Одним из положений, обосновывающих многомерность способностей, стало положение о разной структурной организации способностей, проявляющихся в процессах интериоризации и экстериоризации. Были представлены теоретические модели способностей В. Н. Дружинина и В. Д. Шадрикова как схемы структурной организации способностей, проявляющихся в этих двух процессах, а именно: в процессе интериоризации — модель В. Н. Дружинина, в процессе экстериоризации — модель В. Д. Шадрикова (А. П. Якунин, Т. И. Короткина).

Предлагаемое разделение структурной организации способностей человека определяется не только структурной организацией психологии человека как индивидуального субъекта, но и многочисленными эмпирическими исследованиями в области психологии способностей, подтверждающими положения принципа детерминизма. Согласно

но принципу детерминизма, элементы в рамках одного пространства находятся во всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности (Б. Ф. Ломов). В психологии положение о взаимосвязи элементов подтверждается методом корреляционного анализа, а положение о взаимообусловленности — методом факторного анализа (Б. Ф. Ломов). Эмпирические исследования показали обусловленность формирования субъективного уровнем способностей и отсутствие такой обусловленности в формировании объективного (В. Н. Дружинин, М. А. Холодная). Согласно полученным результатам, теория общих способностей (интеллектуальных способностей) обладает высокой валидностью для процесса интериоризации и, напротив, низкой валидностью в отношении процесса экстериоризации. Одной из попыток решения проблемы стала теория когнитивных стилей (М. А. Холодная). На наш взгляд, возможное решение лежит в рамках теории способностей В. Д. Шадрикова.

Теоретическая схема структуры способностей человека В. Д. Шадрикова базируется не на априорном определении способностей как интеллекте человека, а на функциональной природе способностей в отношении познания реальности. Познание как вид деятельности, которая является одной из форм объективации психологии человека, стало «единицей» определения сущности способностей. Таким образом, многомерная модель способностей В. Д. Шадрикова обосновывает овладение объективным (познание как вид деятельности), а не субъективным. Поэтому она включает механизмы отражения действительности, механизмы принятия решения, смысл и мотивы деятельности, обогащение операционных механизмов и т. д., не указывает на когнитивные процессы (восприятие, представление и мышление), принятые модели общих способностей. Безусловно, проверка теоретической валидности модели В. Д. Шадрикова требует создания новых стандартизированных методик исследования, отличных от известных, например, методик Д. Векслера и Дж. П. Гилфорда. В перспективе нами планируется эмпирическая проверка модели В. Д. Шадрикова с использованием факторного анализа, в результате которого можно будет подтвердить или опровергнуть высказанную гипотезу об обусловленности овладения объективным уровнем способностей.

В конце доклада подчеркнем, что модели способностей В. Н. Дружинина и В. Д. Шадрикова не исключают друг друга, а дополняют теоретическое понимание общей природы субъектности способностей человека в его жизнедеятельности.

Представления о ресурсах у подростков с тяжелыми нарушениями речи*

М. А. Крылова (КГУ, Кострома), У. Ю. Севастьянова (КГУ, Кострома)

Люди с ограниченными возможностями здоровья в современном мире постоянно сталкиваются со стрессовыми ситуациями, в особенности связанными с нарушением их здоровья и жизнедеятельности. Ресурс, в определении С. А. Хазовой, отражает устойчивую связь в ментальном опыте с полезностью, преимуществами и эффективностью деятельности. Значение ресурсов для человека состоит в преодолении трудных жизненных ситуаций, сохранении психологического благополучия личности. Поэтому данное исследование направлено на определение субъективных представлений о ресурсах у детей с ограниченными возможностями здоровья.

Участники исследования – 15 человек (3 девушки и 12 юношей), средний возраст 16 лет, имеющие статус ОВЗ, обусловленные общим недоразвитием речи II и III уровней; 54 подростка нормативного развития (24 девушки и 30 юношей), средний возраст – 16 лет.

Используемые методики:

1. Определение трудных жизненных ситуаций и их характеристик (инструкция: «Трудные ситуации и стрессы бывают в жизни каждого человека. Назови твои трудные ситуации. Отметь, что характерно для трудных ситуаций»).
2. Словесное описание понятия «ресурс» (инструкция: «Представь себе, что тебе встретился человек, который про это ничего не знает. Как бы ты мог объяснить ему, что такое „ресурс“»).
3. Собственные ресурсы (инструкция: «Перечисли 10 самых важных ресурсов, которыми обладаешь лично ты»).

Обратимся к анализу полученных данных.

В описании трудных ситуаций и стрессоров в своей жизни у подростков с ТНР в процентном соотношении первое место занимает учеба/школа (66,7%), второе место – конфликты с одноклассниками (16,7%), а также смерть близких людей (16,7%). Аналогичные ответы присутствуют и у подростков с нормативным развитием.

Характеризуя трудную жизненную ситуацию, подростки с ТНР дали следующие ответы: «С ней трудно справиться» (46,7%), «Труд-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00435-А.

ная ситуация вызывает сильные чувства» (46,7%), «Трудная ситуация приводит к тому, что люди могут плохо думать обо мне» (40%). Юноши и девушки с нормативным развитием отличительными чертами трудной ситуации называют ее неожиданность (66,4%), связь с сильными чувствами (66,2%), прежде всего отрицательными (51,8%), а также отмечают, что она вызывает большое напряжение сил (54,6%). Мы не обнаружили значимых различий между группами при применении данной методики. Возможно, это связано с тем, что трудные ситуации в подростковом возрасте типичны как для нормативного развития, так и для ОВЗ.

В словесном описании понятия «ресурс» подростки с ТНР часто давали однозначные ответы, называя при этом сам ресурс («это сила»), в отличие от детей нормативного развития, которые определяли ресурс более точно и полно («это сила, которая не дает человеку сломотаться», «это человеческие качества, которые нужны в учебе»). Это связано со структурой дефекта: детям с ТНР трудно подобрать определение в связи с нарушением грамматического строя, связной речи и малым лексическим запасом.

В результате проведенной процедуры ранжирования по перечислению собственных ресурсов были определены следующие доминанты. Первые три ранга у подростков с ТНР занимают такие ресурсы, как деньги (60%), здоровье (47%), семья (40%). Наименьший ранг был присвоен ресурсу «любовь» (7%). Подростки с типичным развитием называют в основном материальные (92,6%), природные (75,9%), личностные (53,7%) и трудовые (51%). Таким образом, обе группы респондентов в первую очередь выделяют материальные ресурсы. Отметим, что для юношей и девушек с ОВЗ одним из важных ресурсов в преодолении стрессовой ситуации становится здоровье: респонденты отмечают, что хорошее самочувствие дает силы и уверенности в себе.

Итак, в нашем исследовании выделяется ряд определяющих признаков ресурсов, которые характерны для подростков с ТНР. Ситуации, наиболее часто провоцирующие применение тех или иных ресурсов, для детей с ОВЗ такие же, как и для сверстников с типичным развитием. Но в качестве значимых конструкторов, определяющих ресурсы, подростки с ОВЗ выделяют здоровье.

Полученные в ходе исследования научные данные изучения ресурсов подростков с ТНР актуальны и необходимы для оказания консультативной и коррекционной помощи детям с ОВЗ.

Принципы формирования метакогнитивной компетентности будущих воспитателей дошкольного образования

В. М. Ланевская (БГПУ им. Максима Танка, Солигорск, Белоруссия)

Формирование метакогнитивной компетентности будущих специалистов образования является необходимым условием становления специалиста, способного творчески решать профессиональные задачи, учитывая не только интересы и особенности всех участников образовательного процесса, но и личностные особенности и ресурсы.

Способность понимать, оценивать, использовать и регулировать ментальные ресурсы описывают метакогниции, формирование которых приобретает особую актуальность в контексте становления креативного класса. Наиболее благоприятным периодом развития ментальной сферы личности является период юности – период становления мировоззрения, формирования способов и стратегий деятельности, решения различного рода задач. Сегодня уровень профессионального образования наполняется новыми смыслами и функциями в целом, что увеличивает необходимость решить задачу формирования метакогнитивной компетентности будущего специалиста. В рамках профессиональной подготовки будущих педагогов дошкольного образования формирование метакогнитивной компетентности базируется на принципах, обеспечивающих поэтапное включение учащихся в рефлексивную деятельность как основу метакогнитивности.

Профессиональное обучение направлено на осознание себя в профессии, своих личностных качеств и ценностей, интересов и склонностей как ресурсов, позволяющих опираться на сильные стороны и нивелировать недостатки. Принцип персонализации или аксиологической опосредованности преломляет получаемые знания через призму индивидуально-личностных характеристик.

Ведущей целью подготовки педагогических кадров является формирование индивидуального стиля педагогической деятельности. Разнообразие профессиональных функций воспитателя дошкольного образования опосредует гибкое использование различных стилей индивидуальной педагогической деятельности в зависимости от ведущих факторов выполнения профессиональных функций, что определяет принцип гибкости.

Специфика профессиональной деятельности воспитателя дошкольного образования опосредует рассмотрение индивидуального стиля педагогической деятельности как стиля комбинированного, интегрирующего в себе различные стили на основе игрового, т. е. интеграцию игровой позиции воспитателя и его личностных качеств, способностей, в том числе творческих.

Решение профессиональных задач педагогом предполагает наличие рефлексивной позиции. Принцип рефлексивности позволяет формировать у будущего воспитателя способность наиболее полно и адекватно отражать педагогическую действительность в своем сознании. Рефлексивность как качество личности является основой формирования метакогнитивной компетентности, обеспечивающей способности к целеполаганию, планированию, прогнозированию, принятию эффективных решений.

Методическая сторона вопроса формирования метакогнитивной компетентности будущих воспитателей дошкольного образования определяет особые подходы к дидактическому аспекту профессионального образования.

Принцип интегративности, реализуемый на нескольких уровнях, определяет интеграцию фундаментальных идей таких моделей обучения, как активизирующая, личностная, обогащающая, развивающая (методологический уровень). На целевом уровне данный принцип обеспечивает повышение уровня познавательной активности учащихся, обогащение индивидуального ментального опыта на основе внутриличностной интеграции; на деятельностном уровне — предполагает интегрирование различных стилей педагогической деятельности на основе игрового как базового.

На уровне определения формы обучения реализуется принцип цикличности, предполагающий выстраивание способов вовлечения учащихся в процесс обучения в определенной последовательности: от приобретения знаний через обсуждение и исследование — к практике, сотрудничеству и производству.

Принцип модульности позволяет развернуть вектор внимания не только на результат обучения и рассматривать его как самоцель, но и на процесс его достижения, рассматриваемый как личностный ресурс, потенциал профессионального развития.

Оценочный компонент процесса формирования метакогнитивной компетентности будущего специалиста определяет принцип квалиметрической ориентации, определяет систему оценки дости-

жения образовательных целей через осознание процесса обучения, оценку своих когнитивных ресурсов при освоении профессиональных компетенций.

Конкретизирует принцип квалитетической ориентации принцип дифференциации, описывающий целевой блок модели как открытую систему результатов соответственно трем уровням.

Оптимальным средством формирования компетентности, в том числе метакогнитивной, является проектная деятельность, что обуславливает выделение принципа проектной направленности.

Ментальные ресурсы человека определяют его удовлетворенность деятельностью и ее эффективность, в том числе профессиональной. Учитывая тот факт, что деятельность воспитателя дошкольного образования является в высокой степени психоэмоционально напряженной, формирование у него метакогнитивной компетентности является важной задачей педагогического образования.

К вопросу о необходимости психолого-педагогического сопровождения soft skills в условиях вуза

М. А. Матюшина (НГТУ, Новосибирск)

Хотя взаимосвязь между интеллектом, профессиональными навыками и профессиональным успехом широко признавалась на протяжении многих лет (G. Georgiou, J. Hunter), некоторые статистические данные свидетельствуют о том, что интеллект – не единственная переменная, позволяющая предсказывать профессиональный успех.

Э. Ф. Зеер и Л. Н. Степанова в своих исследованиях указывают на то, что высшее образование должно быть ориентировано на профессиональную мобильность, психологическую гибкость и способность обнаружить и реализовать свой потенциал в изменяющемся мире, что может быть достигнуто через развитие soft skills у студентов.

В исследованиях Федерального института профессионального образования в Бонне были получены данные о том, что профессиональный успех зависит от soft skills в 40% случаев.

В 2017 г. на Всемирном экономическом форуме Сбербанк представил результаты опроса, свидетельствующие о том, что свыше 90% работодателей считают soft skills фактором успешного карьерного продвижения и необходимым условием при отборе кандидатов.

Несмотря на выраженный запрос на изучение soft skills, до сих пор не существует единой классификации и способов их формирования.

К вопросу развития soft skills у студентов обращались как отечественные, так и зарубежные ученые (M. Wats, R. K. Wats, O. Kruse, D. Kluster, K. Peggy, A. Churches, А. И. Ивонина, О. Л. Чуланова, Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова и др.).

Можно выделить несколько трактовок понятия soft skills:

- отдельные навыки, качества и атрибуты личности (E. J. Cobb, D. Goleman);
- навыки межличностного общения (P. Blackmore, M. Robles);
- навыки, ориентированные на человеческие отношения, а также характеристики, составляющие эмоциональный интеллект, способность личности осуществлять поведенческие и когнитивные задачи (T. O. Peterson, D. Van Fleet).

Определим soft skills как динамические психологические характеристики, которые описывают различные способы обучения, мышления и действий человека (O. Kallioinen, G. Georgiou).

Soft skills способствуют пониманию способов обучения, мышления и деятельности, поскольку они представляют собой необходимые основания, позволяющие правильно применять жесткие навыки (J. J. Heckman, T. Kautz, M. R. Weber).

Можно выделить две проблемы в классификациях soft skills. Первая связана с тем, что элементы, включенные в классификацию, изменяются в зависимости от контекста или типа выполняемой задачи, что приводит к отсутствию надежной и универсальной теории, объясняющей, какие личные стили позволяют нам определять soft skills (H. Gibb). Вторая проблема связана с отсутствием четкой границы между soft skills и hard skills (A. Hendarman, U. Cantner). По мнению некоторых ученых (V. Devedzic), когда soft skills оценивается и измеряется как когнитивная способность, его можно считать техническим навыком.

Несмотря на эти проблемы, обобщим существующие классификации и выделим несколько основных групп soft skills:

- социально-коммуникативные навыки (M. Robles, L. Nikitina, F. Furuoka, I. Grugulis, S. Vincent, S. Jain, S. A. Hurrell, R. Crosbie, Ю. В. Сорокопуд, Р. В. Козьяков, Е. Ю. Амчиславская), в эту категорию входят как коммуникативные и межличностные навыки, так и навыки групповой работы;

- когнитивные навыки (S. Jain, I. Grugulis, S. Vincent, M. Matteson, Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова), чаще всего к этой категории относятся критическое мышление, навыки решения проблем, когнитивные процессы, креативность, тайм-менеджмент, способность к прогнозированию;
- навыки, связанные с эмоциональным интеллектом (D. Goleman, M. Matteson, Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова, Ю. В. Сорокопуд, Р. В. Козьяков, Н. Е. Матюгин, Е. Ю. Амчиславская) – эмпатия, саморегуляция, мотивация и др.

В настоящее время в образовательном контексте продолжают дебаты о том, как измерять и оценивать soft skills (M. Sá, S. Serpa). Предпринимаются попытки создать универсальный инструментарий для оценки сформированности soft skills (A. Escola-Gasc, J. Gallifa), однако на русском языке пока таких методик нет.

Р. И. Платонова и Г. Б. Михина пишут о том, что формирование гибких навыков в условиях среднего профессионального и высшего образования может эффективно осуществляться на основе действующих ФГОС в рамках учебных дисциплин, модулей, внеаудиторной деятельности и самостоятельной работы студентов.

В своих исследованиях Л. К. Раицкая и Е. В. Тихонова отмечают, что у значительной части студентов выявлена дефицитарность таких soft skills, как аналитические навыки и доказательное мышление, уверенность в себе и навыки самопрезентации, мотивация на овладение профессией. Это может затруднить освоение профессии и актуализацию потенциала личности.

Полученные данные подчеркивают необходимость психолого-образовательного сопровождения, нацеленного на формирование и развитие soft skills как фактора наличия активной, творческой позиции по отношению к собственной жизни и к профессии – в частности.

Сопряженность показателей саморегуляции и духовно-нравственных качеств личности

А. Ф. Машарина (ИП РАН, Москва)

Несмотря на все возрастающий интерес к вопросам саморегуляции личности, проблема ее развития в процессе активизации духовно-нравственных аспектов мало изучена.

Цель исследования — рассмотрение саморегуляции с точки зрения включения в ее структуру духовного компонента для анализа саморегулятивных способностей в связи с духовно-нравственными качествами личности.

Задача исследования: рассмотреть связь духовно-нравственных качеств личности с показателями саморегуляции.

Гипотеза исследования: предполагается наличие связи между духовно-нравственными качествами личности и показателями саморегуляции.

Саморегуляция изучалась нами с помощью методики «Стиль саморегуляции поведения» ССПМ (В. И. Моросанова), для исследования духовно-нравственного аспекта личности был применен опросник «Духовная личность» А. Хусейна и М. Анаса в адаптации Г. В. Ожигановой. Дополнительно применялась диагностика самооценки мотивации одобрения — методика «Шкала лжи» Д. Марлоу и Д. Крауна.

Исследование проводилось в России и странах ближнего зарубежья. Всего в нем было задействовано 119 человек. Объем окончательной выборки составил 109 человек.

Согласно полученным результатам, духовно-нравственные качества личности связаны с показателями саморегуляции: значимые коэффициенты корреляции Спирмена получены по ряду показателей. Положительно коррелируют с такими показателями духовно-нравственных качеств личности, как самоконтроль, надежность и ответственность, духовность отношений, правдивость и удовлетворенность следующие показатели саморегуляции: гибкость, моделирование, программирование, оценивание результатов. Общий уровень саморегуляции и общий показатель духовности личности также коррелируют ($r=0,242$, $p=0,01$).

Полученные данные подтверждают связь саморегуляции и духовно-нравственных качеств. Выявленные в исследовании корреляционные связи показателей духовно-нравственных качеств личности и саморегуляции согласуются с результатами других исследований, например, с результатами исследования осознанной саморегуляции (В. И. Моросанова) и особенностей ценностной сферы студентов с различным уровнем саморегуляции (А. О. Ряжкин).

Задача будущих исследований состоит в изучении ресурсов саморегуляции в аспекте духовно-нравственных качеств личности на большей выборке, а также в установлении характера связи между рассматриваемыми показателями.

Мудрость и личностные характеристики

Н. Н. Мехтиханова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

В настоящее время мудрость является общепризнанным объектом изучения в психологической науке: изучается природа этого феномена, компоненты, факторы, способствующие и ограничивающие способность поступать мудро. Сложились различные подходы к изучению мудрости, которые отличаются как по способу ее изучения, так и по взглядам на ее структуру и компоненты.

Помимо споров о содержании и определении мудрости обсуждается вопрос о фиксированности конструкта: является ли мудрость устойчивой и неизменной индивидуальной предрасположенностью, т. е. психологической чертой, или же она понимается и описывается как непрерывный процесс, состоящий из примеров мудрого и немудрого поведения, т. е. является психологическим состоянием (I. Grossmann, F. Y. H. Kung, H. C. Santos).

Эссенциалистский подход предполагает, что человек по своей природе является либо мудрым, либо нет, и с течением времени данную характеристику не изменить. В этом аспекте мудрость – характеристика стабильная, естественная и однородная: она рассматривается как набор медленно развивающихся черт, для проявления которых требуется течение времени и пассивное накопление опыта; мудрый человек всегда действует мудро независимо от обстоятельств.

Конструктивистский подход – теоретический взгляд на мудрость, дающий ей абстрактную, деконтекстуализированную оценку, предполагающий, что человек может развивать мудрость в процессе активного конструирования. Мудрость в данном случае – характеристика, которая может быть изменена преднамеренным обучением и практикой, что говорит о ее слабой стабильности на уровне черт и подчеркивает непоследовательность мудрости в разных областях жизни.

Как и другие психологические конструкты, мудрость, по всей видимости, является как чертой, так и состоянием – характеристики как самого человека, его мышления и рассуждений, так и ситуации могут оказывать на мудрость влияние, обеспечивая или ограничивая ее. Поэтому считается целесообразным рассмотрение мудрости сквозь призму обоих подходов (I. Grossmann, N. M. Weststrate, M. Ardelt, J. P. Brienza, M. Dong, M. Ferrari, M. A. Fournier, C. S. Hu, H. C. Nusbaum, J. Vervaeke).

Нами проведено эмпирическое исследование мудрости, которое демонстрирует взаимосвязь этого конструкта с личностными характеристиками.

Мудрость понимается нами как метакогнитивная характеристика субъекта, образующаяся в ходе жизненного пути, которая отражает результаты функционирования практического интеллекта во взаимосвязи с личностными чертами, направляет и оптимизирует индивидуальное развитие и обеспечивает успешность в практической стороне жизни.

Целью нашего эмпирического исследования является изучение соотношения мудрости и личностных характеристик человека.

Исходя из поставленной цели исследования, нами была выдвинута следующая гипотеза: испытуемые, дифференцируемые по уровню мудрости, обладают разным уровнем выраженности личностных характеристик.

Выборка: 66 человек различных возрастов (от 18 до 63 лет), из которых 20 – мужчины, 46 – женщины.

Применялись следующие методики: опросник на определение уровня мудрости Н. Н. Мехтихановой, шестнадцатифакторный опросник Р. Кеттелла (А. Н. Капустина), шкала самооценки мудрости Дж. Вебстера (С. Э. Дровосеков, О. В. Митина, Н. А. Низовских).

При помощи сравнительного анализа с применением U-критерия Манна–Уитни проведено сравнение показателей двух групп испытуемых – с высоким и низким уровнем мудрости – по баллам опросника на определение уровня мудрости Н. Н. Мехтихановой.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования, подтвердилась. Установлено, что мудрых испытуемых отличает от не мудрых:

- высокая, но не завышенная самооценка;
- легкость в общении, готовность к сотрудничеству, легкость включения в активные группы людей;
- смелость, склонность к авантюризму и принятию неординарных решений;
- самостоятельность, настойчивость и уверенность в своих действиях;
- умение вести себя в обществе, проницательность, склонность к анализу, опытность;
- эмоциональная зрелость, устойчивость, умение трезво оценивать действительность;

- уверенность в себе и в своих силах, спокойствие и самонадеянность;
- внимание к своим эмоциям и чувствам, способность видеть едва уловимые эмоции, проявлять чувствительность;
- богатство эмоциональных переживаний, склонность к романтизму, сочувствию; сопереживание и понимание других людей;
- требовательность к себе, ответственность, добросовестность и склонность к морализации;
- уважение к принципам, морализаторство, склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей и людей;
- готовность постоянно пробовать новое, принятие других людей и событий;
- багаж решений жизненных проблем, основанный на самостоятельном их преодолении и извлечении урока;
- способность к распознаванию иронии, использование шуток как копинг-стратегий, умение использовать и понимать тонкий юмор.

Дальнейшие исследования позволят выявить структурные взаимосвязи мудрости и личностных особенностей.

Вопросы определения и изучения способностей кинорежиссера

*В. А. Мосс (ВГИК им. С. А. Герасимова,
Институт современного искусства, Москва)*

Научных работ, изучающих фундаментальные теоретические, научно-практические и методологические аспекты психологии специальных способностей режиссера кино, раскрывающих их природу, структуру и критерии оценки, диагностику и развитие, практически нет. Для понимания специфики способностей режиссера кино необходимо различать следующие понятия: *кинорежиссер* как субъект деятельности со всеми его индивидуально-личностными характеристиками, *кинофильм* как предмет профессиональной деятельности режиссера и его художественные особенности, *киноязык* как совокупность материала и специальных выразительных средств, а также *культурное поле* – художественные каноны, социальные нормы, социокультурная ситуация, состояние кинематографа.

Фильм как произведение искусства есть изображение кинематографическими средствами фрагмента образа мира режиссера и его проблемной ситуации, преломленной через систему его бытия и личностных смыслов. Любой фильм имеет три составляющие: *мир*, его истинность и правдоподобность, как отображение реальности; *образ мира* — осмысление реальности режиссером в соотношении с его внутренним миром для самовыражения; *изображение образа мира* — особенности режиссерского воплощения (индивидуальный режиссерский стиль, киноязык). Зритель при восприятии фильма проходит обратный путь — «от изображения мира к миру через видение мира автором» (Д. А. Леонтьев).

Вся совокупность способностей режиссера участвует в рождении *режиссерского (за)мысла* (что за «мыслию») — экранной оптико-акустической метафоры основного процесса, обладающей единством внутреннего содержания и внешней формы и имеющей потенциал для оформления конкретным кинематографическим инструментарием в видимом, слышимом и осязаемом пространственно-временном воплощении. Формула режиссерского замысла (кто? что? как?) предполагает интеграцию трех компонентов: самобытность автора-режиссера, чувство содержания, чувство формы.

Специфической особенностью способностей кинорежиссера является *чувство кинематографичности*, т. е. кинематографический слух, чувство киноформы, чувство экрана, проявляющееся в идентификации режиссерского замысла как пригодной формы для передачи смысла, используя только экранные образы. Как отмечал Н. И. Жинкин, «произведение искусства не может быть повторено в другом виде искусства <...> в произведениях искусства нет синонимии...».

Вся цепочка режиссерской деятельности: *реальность—кинорежиссер—кинофильм—зритель* строится с участием различных форм кодирования и передачи информации. В работе режиссерской мысли участвуют разные виды материалов: знаковый (вербальный и письменный, знаки естественные и искусственные), изобразительно-образный (статичные визуальные образы), пластически-образный (пластические действенные образы) и образно-звуковой (звуковые образы), но доминирующая роль все же отводится *визуально-образной* составляющей.

Р. А. Ли выделяет три уровня мышления, которые являются базовыми для кинорежиссера: рудиментарный (впечатления о физическом мире без связи с языком), концептуальный (взаимодействие символической системы языка и ментальных явлений), креативный (рождение новых идей).

К основным видам режиссерского мышления, являющимся ядерным образованием структур ментального опыта кинорежиссера, относятся *смысловое, событийно-действенное* и *ассоциативно-образное*.

Смысловое мышление является ведущим и отвечает за *смыслогенез* — иерархическую матрицу художественных смыслов (явных и скрытых), представляющий собой трансформацию образов воображения в аудиовизуальные экранные образы с последующим оформлением целостности, т. е. невидимые (виртуальное, тьма) образы воображения превращаются в видимые (материальное, свет) образы кинофильма.

Единицей событийно-действенного мышления выступают *со-бытия* — значимые процессуальные изменения бытия, посредством которых раскрывается смысловое содержание кинофильма.

Ассоциативно-образное мышление выступает как инструментальное средство воплощения смысла. Специфика ассоциативно-образного режиссерского мышления состоит в поэтизации предмета, человека, события, борьбы и т. д., а не в буквальности ассоциирования. В зависимости от того, какие выразительные средства использует режиссер, «бедные» или «богатые», развитие драматической ситуации будет либо примитивное, либо метафорически подвижное.

Событийно-действенное мышление больше движется от содержания к форме, а ассоциативно-образное, наоборот, — от формы к содержанию.

Анализ литературных источников и собственных эмпирических данных позволяет рассматривать *способности кинорежиссера* как особые функциональные свойства структур его ментального опыта, позволяющие осуществлять процесс перевода понятийного содержания в чувственную форму, используя выразительные средства киноязыка для смысловой и эстетической организации экранного образного целого и достижения эффективного художественного воздействия.

Стратегия выполнения прогрессивных матриц Равена

*Д. А. Наумова (СПбГУ, Санкт-Петербург),
К. А. Скуратова (ИФ РАН, Санкт-Петербург)*

Прогрессивные матрицы Равена — тест, предназначенный для диагностики уровня интеллектуального развития. Выделяется две стратегии решения данного теста (F. Vigneau, A. F. Caissie, D. A. Bors). Система-

тическая стратегия (systematic strategy) заключается в том, что испытуемый анализирует структуру матрицы и на основе мыслительных операций, к которым обращены задания (поиск взаимосвязи, поиск аналогии, поиск прогрессивных изменений в фигурах матрицы, перегруппировка фигур матрицы, разложения фигур матрицы на элементы), формулирует ответ и переходит к его поиску среди предложенных вариантов. При стратегии переключения (toggling strategy) происходит проверка каждого варианта ответа путем подстановки в матрицу, т. е. решение выполняется методом подбора или исключения.

Пилотное исследование позволило изучить особенности стратегии выполнения прогрессивных матриц Равена программистами. Было обнаружено, что они совершают в 3,2 раза больше фиксаций на матрице, чем на ответах (для сравнения, контрольная группа студентов-психологов совершает в 2,2 раза больше фиксаций на матрице, чем на ответах). При этом можно отметить, что при увеличении сложности заданий данный коэффициент возрастает. Для программистов характерно меньшее число переключений между матрицей и вариантами ответа по сравнению с контрольной группой. Время до первого переключения внимания на варианты ответа у них выше, чем у контрольной группы. Исходя из полученных результатов, мы можем предположить, что для программистов характерна более ярко выраженная систематическая стратегия выполнения прогрессивных матриц Равена.

Наше дальнейшее исследование направлено на поиск зависимости точности и скорости ответа от стратегии решения. Научная новизна исследования заключается в анализе стратегии восприятия самой матрицы, так как мы предполагаем, что более равномерное распределение внимания к ячейкам матрицы приведет к большей точности ответов. Для этих целей нами была собрана выборка объемом 50 человек (средний возраст 23 года, выборка уравнена по полу). Регистрация движений глаз и ответов испытуемых осуществлялась при помощи программно-аппаратного комплекса Нейробюро. Полученные данные могут быть использованы для построения модели, в которой индивидуальные различия в интеллекте объясняются не только факторами скорости и точности, но и стратегическими факторами.

Межкультурная компетентность и интеллектуальные способности личности: перспективы комплексных исследований

*И. А. Новикова (РУДН, Москва), М. В. Гридунова (РУДН, Москва),
А. Л. Новиков (РУДН, Москва), Д. А. Шляхта (РУДН, Москва)*

Проблемы исследования межкультурной компетентности (МК) не теряют своей актуальности в современном быстро меняющемся социуме, несмотря на локдауны в связи с пандемией COVID-19, рост международной напряженности, развитие процессов глобализации мирового сообщества. Для России как многонационального государства тематика развития и формирования МК и близких понятий (межкультурная сенситивность, межкультурная коммуникативная компетентность, культурный интеллект, межкультурная эффективность и др.) имеют особую теоретическую и практическую значимость.

Зарубежными и отечественными учеными разработано более 60 моделей МК (Н. В. Черняк), из которых наиболее известными являются *Development Model of Intercultural Sensitivity* (М. Bennett), *Intercultural Communicative Competence Model* (М. Вугам), *Cultural Intelligence Model* (Р. С. Earley, S. Ang), *Комплексная модель межкультурной компетентности* (О. Е. Хухлаев и др.). В то же время пока не выработано общепринятого определения МК и единого подхода к ее изучению и диагностике. В связи с этим мы предлагаем рассматривать МК в самом широком смысле, как обобщающее определение феномена, характеризующего активность и эффективность личности в поликультурной среде по отношению к различным аспектам межкультурного разнообразия и диалога.

Индивидуально-личностные факторы широко представлены в различных моделях МК наряду с социально-психологическими, социально-культурными и другими ситуативными факторами. На наш взгляд, одними из наиболее изучаемых в зарубежной психологии индивидуально-личностных факторов различных аспектов МК являются черты личности, рассматриваемые на основе пятифакторной модели личности, или «Большой пятерки». Установлено, что *открытость опыту* является наиболее универсальным предиктором МК (S. Bakalis, T. A. Joiner, T. J. Huang, W.-L. Wang, G. S. Ching). В русскоязычных исследованиях факторов МК, рассматриваемой на основе

модели М. Беннета, было показано, что наиболее тесно с отношением к культурному разнообразию из черт личности связана *добросовестность* (М. В. Гридунова, И. А. Новикова).

Среди индивидуально-личностных факторов МК изучаются и способности, что особенно характерно для компетентностного подхода: МК рассматривается как одна из *способностей* личности (В. Г. Апальков, И. Ф. Птицына). В контексте исследований МК рассматриваются способности к коммуникации, разрешению конфликтов, эмпатии, к осознанию этнических стереотипов и выявлению межкультурных сходств и различий, в том числе невербальных (В. Г. Апальков, Ю. А. Логашенко, D. K. Deardorff, W. B. Gudykunst, S. Ting-Toomey).

Однако существует гораздо меньше исследований связей МК с интеллектуальными способностями, понимаемыми как способности человека обрабатывать, хранить и извлекать информацию. Можно назвать общий анализ когнитивных аспектов межкультурной компетентности (W. J. Lonner, S. A. Hayes), а также более конкретные исследования роли метапознания в межкультурном обучении (M. W. Morris); способностей к построению когнитивных схем в контексте аккультурации (M. W. Driscoll, L. Torres) и взаимосвязей между межкультурным опытом и креативностью (C. Dunne, E. De Prada, M. A. Bultseva, N. M. Lebedeva).

Нами было проведено исследование интеллектуальных способностей школьников, диагностируемых с помощью «Школьного теста умственного развития» (ШТУР-2), как предикторов МК, рассматриваемой на основе русскоязычной адаптации модели М. Беннета. В исследовании приняли участие 106 учащихся девятых классов московской школы (51 мальчик и 55 девочек).

В результате выявлено: 1) школьники, не склонные абсолютизировать культурные различия и не рассматривающие их как барьеры межкультурного взаимодействия (т. е. с более развитым этнорелятивизмом), как правило, имеют более развитые интеллектуальные способности; 2) наиболее значимыми предикторами индикаторов МК из изученных интеллектуальных способностей являются *аналогия* и *обобщение*, но *обобщение* имеет противоположный вклад в развитие межкультурной компетентности в выборках мальчиков (отрицательный вклад) и девочек (положительный вклад).

Исследование имеет следующие перспективы: 1) комплексное изучение вклада различных предикторов МК (социальные установки, черты личности, уровень интеллекта, когнитивные способности, кре-

ативность и др.); 2) расширение выборки и изучение не только школьников и студентов вузов, но и взрослых респондентов; 3) использование дополнительных методов диагностики МК, интеллектуальных способностей и других переменных, а также дополнительных методов статистического анализа; 4) разработка и апробация программ совершенствования МК школьников и студентов, обучающихся в многокультурной образовательной среде, с учетом их познавательных способностей и других психологических особенностей.

Духовные способности: взаимосвязь духовно-нравственных качеств и добродетелей-ценностей

Г. В. Ожиганова (ИП РАН, Москва)

В современном мире особую актуальность приобретают духовные способности, ведущие не только к яркой личностной самореализации, но и позволяющие человеку вносить весомый вклад в поддержание благополучия общества, связанного с его нравственным состоянием.

В предложенной нами психологической модели духовных способностей выделяются три компонента: моральный, ментальный и трансцендентный. Основу духовных способностей составляет их моральный компонент, охватывающий ценностно-нравственную сферу личности. В качестве субкомпонента духовных способностей рассматриваются духовно-нравственные качества личности (милосердие, сострадание, доброта, прощение, чистота мыслей и др.), определяемые нами как «устойчивые свойства личности, которые связаны с высокоморальным отношением к людям и миру в целом, отражая ориентацию на высшие ценности» (Г. В. Ожиганова).

Актуальным и важным представляется исследовать, как выделенные духовно-нравственные качества личности соотносятся с общечеловеческими ценностями, которые воплощены в универсальных добродетелях. Проведенное в рамках позитивной психологии изучение философских и духовно-религиозных трудов позволило выявить шесть добродетелей, которые являются общими для разных эпох, цивилизаций, культур и народов. К ним относятся: 1) мудрость и знание; 2) мужество; 3) любовь и гуманизм; 4) справедливость; 5) умеренность; 6) трансцендентность, или духовность. Этим добродетелям

соответствуют 24 положительных качества личности (М. Е. Селигман с соавт.). Вышеуказанные добродетели и соответствующие им качества могут рассматриваться как имеющие отношение к общечеловеческим ценностям.

Цель исследования — сопоставление духовно-нравственных качеств личности, входящих в состав морального компонента духовных способностей, с добродетелями-ценностями.

Предполагается установление положительной взаимосвязи духовно-нравственных качеств личности с добродетелями-ценностями.

В исследовании участвовали 79 респондентов — студенты российских вузов (очной и заочной форм обучения) в возрасте от 18 до 30 лет, 60 — женского пола, 19 — мужского пола.

Использовались следующие методики:

- 1) опросник «Духовная личность» А. Хусейна и М. Анаса (адаптация Г. В. Ожигановой), направленный на изучение меры выраженности духовно-нравственных качеств;
- 2) опросник «Ценности в действии: инвентаризация достоинств» К. Петерсона и М. Селигмана, сокращенный вариант VIA-IS под названием «24 достоинства» (адаптация С. А. Башкатова), который отражает шесть универсальных добродетелей-ценностей.

Корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена показал следующее. Были выявлены значимые положительные связи показателя методики «Духовная личность» (суммарный балл) с тремя добродетелями-ценностями опросника «Ценности в действии»: «Мужество» ($r = 0,338$, $p = 0,002$), «Справедливость» ($r = 0,367$, $p = 0,001$), «Умеренность» ($r = 0,299$, $p = 0,008$).

Проведенный корреляционный анализ связи каждой из шкал опросника «Духовная личность» с каждой из шести добродетелей-ценностей, отраженных в опроснике «Ценности в действии», позволил выявить значимую положительную корреляцию шкалы «Самоконтроль» (опросник «Духовная личность») со шкалой «Мудрость и познание» опросника «Ценности в действии» ($r = 0,329$, $p = 0,003$). Сходные результаты получены в исследовании И. А. Николаевой; они свидетельствуют о том, что ценностная насыщенность жизни положительно связана с большим количеством идеалов, искренностью и хорошим самоконтролем.

В заключение можно сказать, что в результате проведенного нами исследования была установлена значимая положительная взаимо-

связь духовно-нравственных качеств личности, входящих в состав морального компонента духовных способностей, с добродетелями «Справедливость», «Мужество», «Умеренность», «Мудрость», относящимися к категории универсальных общечеловеческих ценностей.

Когнитивная флексибельность как предиктор исследовательского потенциала личности

А. Н. Певнева (ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, Белоруссия)

Актуальность проблемы исследования обусловлена современной образовательной ситуацией, траектория которой направлена на самореализацию и профессиональное развитие субъектов образования. Это порождает потребность личности в совершенствовании способности гибко реагировать в соответствии с требованиями ситуации (Т. В. Kashdan, J. Rottenberg). Под организацией познавательной деятельности и интеллектуального поведения в соответствии с изменившимися условиями Е. Ю. Осаволук и С. С. Кургинян понимают когнитивную флексибельность (*flexibility*). Гибкость включает как торможение нежелательных реакций (гибкий когнитивный контроль), так и гибкое переключение целей, поведенческих установок (*альтернативное* поведение) в ответ на меняющиеся условия ситуации (Т. Goschke).

Гибкость, предположительно, может быть предиктором успешной реализации исследовательского потенциала личности студента в научно-исследовательской деятельности, которая является неотъемлемой частью высшего образования и профессиональной подготовки специалистов. Она представлена многомерной разноуровневой системой, где совокупность индивидуально-психологических качеств личности обеспечивает ее «способность эффективно и результативно выполнять исследовательскую деятельность, решать исследовательские задачи» (Н. В. Бордовская, С. Н. Костромина, С. И. Розум, Н. Л. Москвичева). Все вышеописанное обусловило постановку цели исследования, направленной на выявление когнитивной флексибельности в качестве предиктора исследовательского потенциала студентов.

Добровольцами явились студенты N = 226 (от 17 до 21 года) ведущих вузов Белоруссии, из них 73 человека первого курса, 52 респондента второго курса, 54 человека третьего курса и 47 – четвертого курса.

Сбор данных проводился с помощью опросника когнитивной флексибельности (J. P. Dennis, J. S. Vander Wal, адаптация Е. Ю. Осаволюк и С. С. Кургинян), опросника исследовательского потенциала (Н. В. Бордовская и др.). С целью моделирования влияния одной или нескольких независимых переменных на значение зависимой использован регрессионный анализ (Statistica 6.0).

У респондентов первого курса выявлены высокие показатели когнитивной флексибельности по шкале «Контроль» (40,82) и ее интегральному показателю ($m_1 = 103,27$). Однако значение альтернативы ниже у первокурсников (62,45), по сравнению с испытуемыми второго курса (62,71). У последних показатель контроля составил 40,19; интегральный – 102,90. Отмечается рост показателей когнитивной флексибельности у студентов третьего и четвертого курсов: показатель по шкале «Альтернатива» у первых составил 63,61, у вторых – 64,10; интегральный – 99,91 и 102,72, соответственно, а по шкале «Контроль» разница достигает уровня тенденции (36,30 и 38,61, соответственно).

Общий уровень исследовательского потенциала (ОУИП) у студентов первого курса представлен значением 323,75, второго курса – 320,23, третьего курса – 312,48 и четвертого курса – 318,62. Мотивационный компонент имеет следующие показатели: 75,79 у первокурсников, 70,15 у второкурсников, 72,37 у третьекурсников и 82,15 у четверокурсников; когнитивный компонент: 119,41 у первокурсников, 118,35 у второкурсников, 118 у третьекурсников, 117,02 у четверокурсников; поведенческий компонент: 139,46 у первокурсников, 134,54 у второкурсников, 134,79 у третьекурсников и 138,15 у четверокурсников. Все показатели выражены на среднем уровне.

В ходе регрессионного анализа установлено следующее.

Предикторами исследовательского потенциала у студентов первого курса являются альтернатива и контроль: $ОУИП = 114,72 + 1,77(A) + 2,40(K)$; $R^2 = 0,29$; $F(2,70) = 14,31$; $p < 0,001$.

На исследовательский потенциал студентов второго курса большее воздействие оказывает шкала альтернативы: $ОУИП = 151,69 + 1,68(A)$; $R^2 = 0,21$; $F(2,49) = 6,41$; $p = 0,003$.

На исследовательский потенциал студентов второго курса большее воздействие оказывает шкала контроля: $ОУИП = 197,53 + 1,97(K)$; $R^2 = 0,20$; $F(2,51) = 6,52$; $p = 0,003$.

У студентов четвертого курса предиктором исследовательского потенциала являются шкалы альтернативы и контроля: $ОУИП = 110,24 + 1,83(A) + 2,35(K)$; $R^2 = 0,44$; $F(2,44) = 17,28$; $p < 0,001$.

Проявление когнитивной гибкости в реализации исследовательского потенциала в научной деятельности и в организации своей познавательной активности во многом определяется курсом обучения. Следовательно, реализовывать научный потенциал студентам необходимо с первого курса, так как уже на этом этапе задействованы все виды проявления когнитивной гибкости: когнитивный контроль и альтернативное поведение.

Таким образом, можно отметить, что когнитивная гибкость является предиктором исследовательского потенциала студентов, характеризующегося их готовностью и способностью к проведению исследования. Воздействие когнитивной гибкости на исследовательский потенциал студентов носит характер U-образной кривой. Полученные результаты необходимо учитывать при фасилитации исследовательского потенциала студентов в научной деятельности.

Размерность телесного опыта при алекситимии

Т. А. Ребеко (ИП РАН, Москва)

Развивается идея И. Матте-Бланко, согласно которой в бессознательном действует принцип симметрии. «Симметричные связи являются частью бессознательного разума (mind)» (I. Matte-Blanco). Симметричный модус репрезентации автор соотносит со способностью к переживанию опыта «различия», который он назвал принципом асимметрии. Принцип асимметрии, по мысли автора, лежит в основе нашего сознательного размышления.

Развивая идею симметричной/асимметричной логики, И. Матте-Бланко выводит представление о размерности пространства. На уровне сознания пространство репрезентируется как трехмерное, на более примитивном уровне оно может иметь как большую, так и меньшую размерность. По мере развития трехмерного опыта пространства тела происходит дифференциация «внутри—снаружи». Заметим, что описанный таким образом процесс согласуется с моделью ЭУС (Я. А. Пономарев) и моделью «эмоции—сознание» (Yu. Alexandrov, M. Sams), моделью ментального опыта (М. А. Холодная, Я. И. Сиповская).

Замысел настоящей работы состоит в выявлении размерности телесной репрезентации, которая по тем или иным причинам осталась недифференцированной.

В качестве феноменологической модели недифференцированного чувственного опыта была выбрана алекситимия. Г. Кристал рассматривает алекситимию как следствие травмы и говорит, что эмоции алекситимиков часто недифференцированы, «являются смутными и неспецифическими, как если бы они представляли собой недифференцированную форму общих предшествеников аффектов» (Г. Кристал).

В исследовании проверялась эмпирическая гипотеза о существовании сопряженной связи между выраженностью алекситимии, количеством татуировок и репрезентацией границы телесного Я. В нем приняли участие 64 человека в возрасте от 18 до 50 лет ($M = 42$). Экспериментальную группу составили женщины с татуировками (48 человек), контрастную группу – женщины без татуировок (16 человек). Исследование проводилось на добровольной основе.

Были использованы опросник «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS-26) (в адаптации Д. Б. Ерьско с соавт.) и методика «Я – структурный тест Аммона» (ISTA).

В качестве зависимой переменной выступала переменная «алекситимия». Данные по методике были переведены в ранговую шкалу на пяти уровнях (в соответствии с квантилями). Независимыми переменными выступили количество татуировок (на трех уровнях) и шкалы внешнего и внутреннего Я-отграничения (конструктивные, деструктивные и дефицитарные) («Я – структурный тест Аммона») (на трех уровнях).

Для обнаружения внутренней связи между изучаемыми переменными был проведен конфигурационно-частотный анализ, который позволил выделить четыре типа как достоверное сочетание факторов и их предикторы (пакет KFA, J. Krauth).

Анализ предикторов позволяет сделать следующий вывод. В том случае, если предиктором является алекситимия на максимально выраженном уровне (5), то тип организован прежде всего переменными внешнего и внутреннего дефицитарного Я-отграничения. В том случае, если предиктором является алекситимия на минимально выраженном уровне (1), то тип организован прежде всего переменными внешнего и внутреннего конструктивного Я-отграничения. В том случае, если предиктором является переменная «татуировки» на максимальном уровне, то тип организован прежде всего внешними Я-отграничениями, а если тип обусловлен переменной «татуировка» на минимальном уровне, то его профиль описывается переменными внешнего и внутреннего конструктивного Я-отграничения.

Полученные результаты позволяют предположить, что в том случае, если опыт тела детерминирован переменными «алекситимия» и «татуировка» на максимальных уровнях, из типа изымаются конструктивные Я-отграничения, что свидетельствует о снижении мерности ментальной репрезентации тела.

Актуальные тренды психологии способностей: библиометрический анализ*

П. А. Сабадош (ИП РАН, Москва)

Целью исследования было выявить актуальные и перспективные направления психологии способностей на основе анализа литературы. Поскольку объем публикаций по данной тематике измеряется тысячами, применялись библиометрические методы анализа, реализованные в пакетах *bibliometrix*, *tm*, *topicmodels* и *ldatuning* для среды *R*.

Источником данных служил набор англоязычных библиографических баз *Clarivate's Web of Science Core Collection*, откуда было извлечено порядка 24000 записей о журнальных статьях и материалах конференций в сфере психологии с 1975 г. по настоящее время, содержащие термин «abilities» в названии, аннотации либо ключевых словах, авторских и дополнительных (*Keywords Plus*).

Ежегодное число публикаций до 1990 г. колеблется от 92 до 135, затем практически линейно растет до 1264 в 2019 г. и вновь выходит на плато (по-видимому, в связи с тем, что еще не все свежие публикации попали в базу данных). В топ-20 самых цитируемых вошли тексты 1984–2011 гг. с индексом цитирования 1123–3759, большей частью посвященные имплицитным представлениям о способностях, самоэффективности, управляющим (*executive*) функциям, мотивации достижения, методам анализа данных.

В аналогичном списке публикаций 2016–2019 гг. оказались тексты с индексом цитирования 136–339 об общем и эмоциональном интеллекте, математических способностях, гендерном дисбалансе в STEM-образовании, профадаптации и стрессоустойчивости, соотношении генетических и средовых факторов когнитивного развития.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

Однако индекс цитирования как показатель обладает некоторой инерцией, поэтому помимо прямого цитирования анализировались показатели *социтирования*, т. е. совместной встречаемости ссылок на два источника в одном списке литературы, позволяющие построить сеть из кластеров с одновременно цитируемыми публикациями.

При сравнении таких сетей из публикаций разных десятилетий выделен отдельный кластер *методов клинической диагностики*, с которым в 2020–2022 гг. сливаются *управляющие функции*. Они в свою очередь возникли в последнее десятилетие на базе кластера *рабочей памяти*; тогда же исчез самостоятельный кластер *развития навыков чтения*, а в кластере *пространственной способности* затухла проблематика половых различий. В то же время в одном кластере с самоэффективностью вместо теории целей появился эмоциональный интеллект. Тогда же из *моделей интеллекта* в отдельный кластер выделяются *личностные черты и производительность (performance)*, а в 2020–2022 гг. обособляется кластер *методологии* (методы работы с данными, включая их получение, т. е. планирование исследования, проблемы надежности, валидности и т. п.), чья проблематика раньше была распределена по другим кластерам.

Для выделения актуальных трендов представляется целесообразным наряду с анализом цитирования использовать также методы, основанные на формальном анализе сведений о содержании публикаций. Так, совместная встречаемость ключевых слов в публикациях 2016–2022 гг. анализировалась при помощи тематического картирования по двум измерениям: центральности (релевантности) и плотности (уровня разработанности). Выделено четыре кластера терминов:

- 1) «мейнстрим» (оба показателя высокие): дети, способности, навыки, знания, язык;
- 2) «хайповые» (высокая релевантность, низкая разработанность): способность, производительность, достижение, память, половые различия;
- 2) «полунишевые» (высокая разработанность, средняя релевантность): интеллект, метаанализ, модель, когнитивная способность;
- 4) «возникающие либо затухающие» (оба показателя низкие): индивидуальные различия, рабочая память, внимание, когнитивные способности, управляющие функции.

Для выделения вместо кластеров более гибких единиц анализа — латентных тем, объединяющих ключевые слова — применялось тема-

тическое моделирование методом латентного размещения Дирихле (LDA). В результате анализа ключевых слов Keywords Plus было выделено 43 темы, 8 из которых демонстрировали подъем на протяжении последних двух десятилетий: карьера, адаптация и самоэффективность; распознавание лицевой экспрессии и эмпатия; разновидности математических способностей; управляющие функции и саморегуляция; академические достижения и Я-концепция; принятие решений и мышление; модели личностных черт и интеллект; овладение языком и нарушения речи. Напротив, падала популярность следующих тем: модели Раша; половые различия и межполушарная асимметрия; развитие навыков чтения; синдром дефицита внимания и гиперактивности; кросс-культурные исследования; развитие коммуникации у младенцев; социально-исторические факторы когнитивных способностей и эффект Флинна.

Таким образом, в последние десятилетия число публикаций, затрагивающих проблемы психологии способностей, демонстрирует стабильный рост. В качестве восходящих трендов можно выделить исследования самоэффективности и стрессоустойчивости в профессиональной деятельности, математических способностей, эмоционального интеллекта, управляющих функций.

Способность художников выразить ментальность своей эпохи

В. Е. Семенов (НП ЦППИ, Санкт-Петербург)

Обобщая наши наблюдения над живописью конца XIX в. до настоящего времени, можно вывести некоторую условную закономерность изменения в ней образа человека:

- человек разумный, одухотворенный, «психологический» (многообразные формы *реализма*);
- человек менее психологичный, скорее, его декоративное изображение, порой как некоего прекрасного растения (*импрессионизм*);
- человек примитивный, гротескный, подчеркивание животных начал и инстинктов в человеке (*фовизм, экспрессионизм, различные виды примитивизма*);
- человек геометризованный, схематизированный, порой двумерный (*футуризм, кубизм, супрематизм* и т. п.);

- человек мистифицированный, психопатологический, галлюцинаторный (*символизм, сюрреализм*);
- отсутствие образа человека, только его знак, след (разновидности *абстракционизма, концептуализма*);
- человек-вещь, робот, муляж, порой фотографически изображенный, но неодушевленный (*pop-art, фотореализм, гиперреализм* и т. п.);
- человек-пародия, карикатура на образцы классической живописи (*постмодернизм*).

Таков путь расчеловечивания, обездушивания образа человека в изобразительном искусстве XX–XXI вв. Художники уловили и отображали, пусть гротескно, этот процесс в современном им обществе: отношение к человеку как к вещи, как к объекту, как к функции.

Перестав быть искусством любви, уважения к человеку, тем, что творится по глубокой *внутренней мотивации* или в сочетании с интериоризированной социально-духовной стимуляцией, искусство и само становится рыночным псевдоискусством, которое подразумевает деятельность художника не как ценностно-духовную, а как *дизайнерско-манипулятивную*. Поэтому здесь не может быть речи о личностной совместимости художника и зрителя, о духовно-интуитивном сотворчестве, здесь речь идет только об узкофункциональной целевой совместимости, о механизме воздействия, совпадающем с механизмом рекламы – обратить внимание, привлечь, вовлечь и главное, как сверхзадача – продать. Поэтому здесь используются механизмы массового воздействия на аудиторию общества потребления: психического заражения (на уровне эмоций), подражания (на уровне поведения), внушения (на когнитивном уровне).

Факторы совладающего поведения, лежащие в основе академических достижений в старшем подростковом возрасте

Я. И. Сиповская (ИП РАН, Москва)

Копинг-поведение – это совокупность механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, которые направлены на повышение приспособленности подростков к изменяющимся условиям внешней или внутренней среды.

Следует отметить, что все стратегии совладания различаются преобладанием когнитивного или эмоционально-личностного компонента деятельности. Однако не следует оперировать понятиями продуктивности или непродуктивности какой-либо из стратегий (Е. И. Расказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин). Эффективность той или иной стратегии зависит от особенностей текущей ситуации, степени актуализации самой стратегии, избирательности применения и имеющихся ресурсов.

Тем не менее, ряд стратегий копинг-поведения (например, самоконтроль, ответственность) связан с рефлексивно-познавательным компонентом деятельности, а другие (например, конфликтный, дистанцирующий копинги) — с различными способами эмоционального решения проблемной ситуации. Так, Н. И. Быкасова и Е. А. Калягина указывают на то, что когнитивные копинг-стратегии, которые ориентированы на активное разрешение стрессовых ситуаций, способствуют адаптации подростков. Эмоциональные же копинг-стратегии, напротив, направлены на избегание проблем, что приводит к психологическому и поведенческому неблагополучию подростков, например, к замкнутости, снижению самооценки, повышению тревожности и т. д. Соответственно, следует ожидать преобладания когнитивно нагруженных копинг-стратегий у хорошо успевающих школьников и предпочтение эмоциональных копинг-стратегий, связанных с избеганием активного решения проблем, у слабоуспевающих школьников (Ю. И. Александров и др., А. В. Трифонова).

Таким образом, ставится задача поиска общих факторов, лежащих в основе копинг-стратегий сложного объекта, а именно — успеваемости в школе.

Теоретическая гипотеза исследования: за совокупностью копинг-стратегий стоит объединяющий их более общий признак, который связан с успешностью старших подростков.

Субъект исследования — взаимосвязь копинг-стратегий старших подростков со школьной успеваемостью, а объект — старшие подростки с разной успеваемостью в школе и предпочитаемые ими копинг-стратегии.

Выборку составили 158 подростков в возрасте 15–17 лет с разным уровнем успеваемости.

Были использованы данные электронного дневника школьника и опросник «Методы совладающего поведения» Р. Лазаруса (в адаптации Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтяк).

В исследовании представлены результаты факторного анализа концептуальных способностей и копинг-стратегий. Результирующая факторная структура состоит из двух факторов, объясняющих 50% общей дисперсии.

Первый фактор сочетает в себе стратегии конфронтации, дистанцирования, поиска социальной поддержки, принятия ответственности и избегания. Все стратегии, кроме взятия на себя ответственности и поиска социальной поддержки, не направлены на решение насущной проблемы и характеризуются отрешенностью от нее, уклонением от анализа ситуации и совершения каких-либо действий, что позволяет назвать их пассивными (С.А. Богомаз, А.Л. Филоненко). С другой стороны, по мнению М.А. Холодной, возможно, такая ситуация характеризует эклектичное использование своих ментальных ресурсов или временный отказ от решений проблемных ситуаций. Сочетание этих шкал со стратегией принятия на себя ответственности может свидетельствовать о том, что учащиеся осознанно выбирают такие стратегии поведения, понимая и принимая последствия своего бездействия. Такая интерпретация согласуется с выводами Ю.А. Рокитской относительно процесса активного формирования совладающего поведения в подростковом возрасте, когда копинги выступают предикторами психологического и физического благополучия, а также успешности в деятельности. Автор указывает на то, что для старших подростков характерна ориентация на поиск социальной поддержки ввиду овладения этим ресурсом и активного использования его для решения возникающих трудностей.

Во второй фактор вошли показатели школьной успеваемости и условно активные копинг-стратегии: самоконтроль, планирование решения проблемы, положительная переоценка. Самоконтроль и планирование решения проблемы в своих положительных сторонах имеют способность целенаправленно и планомерно разрешать проблемную ситуацию. К минусам этих стратегий можно отнести потенциальное игнорирование эмоционального решения проблемы, интуитивности и спонтанности в поведении. Положительная переоценка, наоборот, предполагает попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой путем ее позитивного переосмысления, рассматривая ее как стимул личностного роста. Таким образом, этот фактор описывает наиболее гармоничную ситуацию интеллектуального развития.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что подростки с более высоким уровнем интеллектуальных способностей склонны

использовать стратегии, которые считаются проблемно-ориентированными, рационалистическими (в отличие от эмоциональных) и активными.

Особенности движений глаз при ментальном вращении

К. А. Скурацова (ИФ РАН, Санкт-Петербург)

Пространственные способности, в том числе и ментальное вращение, являются важными когнитивными навыками, которые используются как в различных повседневных задачах, так и в академической деятельности (R. N. Shepard, J. Metzler). Исследователи пытаются раскрыть когнитивные процессы, лежащие в основе ментального вращении, но пока не пришли к окончательному ответу на этот вопрос. Предполагается, что в процессе ментального вращении задействованы три этапа: поиск, преобразование и сравнение, подтверждение соответствия или несоответствия между изображениями (M. A. Just, P. A. Carpenter).

В исследовании приняли участие 50 человек (средний возраст 23 года) с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Регистрация движений глаз, а также ответов испытуемых производилась при помощи программно-аппаратного комплекса Нейробюро.

Эксперимент состоял из 20 стимулов, каждый из которых содержал двухмерную фигуру и 4 варианта ответа. 10 стимулов были цветные, 10 – серые. Стимулы были разработаны автором исследования. Фигура представляла собой квадрат, состоящий из 36 маленьких квадратов, 10 из которых были окрашены и объединены в три группы. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы повернуть предложенную фигуру по часовой или против часовой стрелки и найти ее среди вариантов ответа.

Варианты ответа содержали один правильный ответ (повернутую по часовой или против часовой стрелки фигуру) и три неправильных ответа, а именно: отраженную фигуру, отраженную и повернутую по часовой или против часовой стрелки фигуру, измененную и повернутую по часовой или против часовой стрелки фигуру. Данный доклад посвящен анализу влияния типа ответов на их восприятие.

В целом испытуемые уделяют наибольшее внимание правильным ответам, причем на повернутых по часовой стрелке ответах испытуе-

мые совершают большее число фиксаций и чаще к ним возвращаются, чем к фигурам, повернутым против часовой стрелки. Мы можем предположить, что правильный ответ, повернутый по часовой стрелке, распознается легче. Время решения задач с таким вариантом правильного ответа подтверждает это. В дальнейшем будет оценена точность решения заданий в зависимости от типа правильного ответа.

Важно отметить, что при ментальном вращении серых фигур средняя продолжительность фиксаций выше, чем при вращении цветных. Таким образом, можно предположить, что когнитивная нагрузка при ментальном вращении серых фигур выше.

Для того, чтобы отвергнуть ответ, содержащий измененную и повернутую фигуру, требуется меньше всего фиксаций.

Дальнейший анализ полученных результатов будет направлен на выявление стратегии ментального вращении. Также мы планируем определить, какие именно элементы фигуры являются ключевыми для процесса ментального вращении.

Многомерная (нелинейная) природа рефлексии и арефлексии*

М. А. Холодная (ИП РАН, Москва)

Можно выделить следующие отличительные признаки рефлексии: во-первых, рефлексия — это осознанное, произвольное состояние/ процесс; во-вторых, рефлексия характеризуется Я-центрированной направленностью, т. е. всегда выступает в форме самосознания и реализуется в виде внутреннего диалога («разговора с самим собой»); в-третьих, суть рефлексии составляет ее регулирующая функция, которая включает рефлексия в процесс взаимодействия субъекта с физическим и социальным миром; в-четвертых, рефлексия предполагает реализацию различных мыслительных действий, связанных с изучением объекта рефлексирования (анализом, сравнением, обобщением, интерпретацией, прогнозированием и т. д.).

При любом традиционном подходе к исследованию рефлексии доминирует представление о том, что уровень рефлексии связан с различными проявлениями психической активности линейной зависимос-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2021-0007.

тью: чем выше уровень рефлексии, тем выше показатели успешности деятельности и психологического благополучия человека.

Проведенный анализ феноменологии рефлексии с учетом связей уровня рефлексии с особенностями интеллектуальной деятельности и личностными свойствами, в том числе с эффективностью интеллектуального и социального поведения, позволяет говорить о позитивных и негативных проявлениях и высокого, и низкого уровня рефлексии (т. е. имеют место «эффекты расщепления» высоких и низких показателей рефлексии).

Полюс высокой рефлексии может скрывать как продуктивные формы саморегуляции с позитивными последствиями (повышение успешности деятельности, самоэффективность, системная рефлексия и т. п.), так и дезадаптивные формы саморегуляции с негативными последствиями (снижение успешности деятельности, руминация, гиперперсональный контроль, иллюзорный контроль, интроспекция, квазирефлексия).

В свою очередь, полюс низкой рефлексии (арефлексии) также «расщепляется» на две разные составляющие: продуктивные формы саморегуляции с позитивными последствиями (имплицитное обучение, интеллектуальное поведение экспертов, вторичный контроль, избирательная осмысленность, творческий процесс) и дезадаптивные формы саморегуляции с негативными последствиями (снижение успешности деятельности, выученная беспомощность, психологическая инкапсуляция).

В качестве механизма, обеспечивающего эффект расщепления высоких и низких показателей рефлексии, выступают метакогнитивные способности (способность к произвольному и непроизвольному контролю собственной психической активности). При высоком уровне метакогнитивных способностей на полюсе рефлексии и полюсе арефлексии имеет место поведение на основе продуктивной саморегуляции (произвольной в случае рефлексии и непроизвольной — в случае арефлексии). Напротив, при низком уровне метакогнитивных способностей на полюсе рефлексии и полюсе арефлексии может проявляться дезадаптивная форма саморегуляции (в виде защитного поведения в случае рефлексии либо импульсивного поведения — в случае арефлексии).

Таким образом, показатель рефлексии с одной и той же количественной мерой выраженности (либо высокой, либо низкой) характеризуется психологической неоднозначностью, скрывая за собой ра-

дикально разные типы психической организации и разные типы поведения. Результаты исследования позволяют сделать вывод о многомерной (нелинейной) природе рефлексии.

Взаимосвязь составляющих системы Я и рефлексии в процессе саморегуляции психических состояний студентов*

А. В. Чернов (КФУ, Казань)

Система Я является центральным звеном ментальной регуляторной системы. Последняя представляет собой структуру взаимоотношений между характеристиками сознания: репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, ментальный (субъективный) опыт (А. О. Прохоров). В совокупности весь регуляторный комплекс является составляющей частью субъективного (ментального) регуляторного опыта человека. Ментальный (субъективный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания (личностный смысл, ценности, конструкты, смысловые установки и ориентации и др.), мнемические характеристики, ментальные репрезентации, входящие в структуру знаний (ассоциативные, оценочные, понятийные, образные характеристики), переживания, значения с категориальными структурами сознания, рефлексии и ее виды, образы, процессы понимания (А. О. Прохоров).

В исследовании приняло участие 88 студентов третьего курса, обучающихся по направлению «Психология». Были использованы различные стандартизированные методики диагностики рефлексии (А. В. Карпов, И. М. Скитяева). С целью определения самооценки студентов была создана анкета, позволяющая выявить степень выраженности различных составляющих системы Я (Я-интеллектуальное, Я-физическое, Я-эмоциональное, Я-социальное, Я-этическое, Я-творческое, Я-волевое, Я-поведенческое, Я-идеальное, Я-настоящее, Я-прошлое и Я-будущее) с опорой на субъективную оценку испытуемых. На следующем этапе студентам был предложен перечень из 104 наименований психических состояний различной модальности. Испытуемым необходимо было оценить по пятибалльной шкале, насколько часто и интенсивно они испытывали перечисленные со-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076.

стояния в ходе учебного процесса на лекции, семинаре и экзамене. Для обработки полученных данных применялась программа SPSS.

В результате применения дисперсионного анализа (ANOVA) установлено влияние образа Я-идеального и общего уровня рефлексии на подструктуры психических состояний ($p=0,005$). Наиболее интенсивные состояния переживаются студентами с высоким или низким уровнем рефлексивности и образом Я-идеального. Наименее интенсивные состояния характерны для высокорефлексивных студентов с низким уровнем Я-идеального. Отдельное влияние указанных показателей на психические состояния не установлено.

Показано влияние актуальной рефлексии при разном уровне выраженности образа поведенческого Я у студентов ($p=0,031$). Высокие показатели поведенческого составляющего системы Я связаны с высоким уровнем интенсивности проявления психических состояний. По мере повышения уровня актуальной рефлексии деятельности у студентов с низким уровнем проявления поведенческого Я происходит снижение выраженности переживаемых состояний.

Низкий уровень образа Я-прошлого по-разному влияет на состояния студентов с разным уровнем рефлексии будущего ($p=0,030$). Рефлексия будущей деятельности при низком уровне образа Я-прошлого связана с переживанием студентами наиболее негативных состояний. В свою очередь, низкорефлексивные студенты проявляют наиболее интенсивные состояния. Высокая оценка своих качеств в прошлом в сочетании с высокой эффективностью саморегуляции на занятиях приводит к переживанию более оптимальных состояний (спокойствие и сосредоточенность).

Наиболее оптимальные по интенсивности состояния установлены у студентов с высокой оценкой собственных волевых качеств (волевое Я) и рефлексии текущей деятельности ($p=0,032$). У низкорефлексивных студентов состояния характеризуются наибольшей интенсивностью проявлений. Однако у лиц с низкой оценкой собственных волевых качеств по мере роста рефлексии текущей деятельности происходит снижение интенсивности всех подструктур состояний до наименьших значений. Последнее проявляется в глубоком погружении в собственные мысли в сочетании с нежеланием преодолевать возникающие трудности, что влечет к негативным состояниям низкой интенсивности проявления.

Установлена взаимосвязь во влиянии онтогенетической рефлексии (рефлексии прошлого опыта) и оценки своего места в обществе

(Я социальное) в их совокупном влиянии на интенсивность переживаемых состояний на занятиях ($p=0,045$). Обнаружено, что студенты с высокой рефлексией прошлого опыта характеризуются одинаково средним уровнем переживаний при низком или высоком показателе оценки своих качеств другими. Низкий уровень онтогенетической рефлексии при низкой оценке своего социального Я сопровождается низкоинтенсивными негативными состояниями, в то время как высокая оценка Я-социального характеризуется наиболее высоким уровнем выраженности позитивных переживаний.

Самораскрытие способностей: диагностические возможности*

В. С. Чернявская (ВГУЭС, Владивосток)

Способности человека играют ключевую роль во всех областях человеческой деятельности. Категория способностей давно и глубоко исследуется в теоретических и экспериментальных работах отечественных ученых: В. Н. Дружинина, Я. А. Пономарева, Б. М. Теплова, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной, психологов Ярославской школы.

Для нас важным стало понимание человеком того, что он обладает определенными способностями. Этот феномен был определен как самораскрытие способностей. Возрастные особенности подростков (рост самосознания, рефлексивных возможностей, значимость профессионального самоопределения) таковы, что именно они стали основной группой респондентов для исследования самораскрытия способностей.

В подростковом возрасте внутренний диалог с собой, открытость своему опыту позволяют человеку обнаружить у себя способности и согласиться с признанием себя их субъектом. В этом случае происходит «размещение» способностей в Я-концепции, что позволяет человеку идентифицироваться с ними. Поэтому критерием самораскрытия способностей является наличие категории способностей в составе Я-концепции, что отражается в самоописании личности, как в момент, например, психологического исследования, так и в других слу-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00281-ОГН.

чаях. Момент самораскрытия способностей требует дальнейшего исследования. Его рассмотрение может иметь будущее в рамках теории инсайта, как определенное чувство или озарение, которому предшествовал скрытый и неосознанный процесс восприятия себя способным в какой-то конкретной области (Е. А. Валужева, Д. В. Ушаков).

Для диагностики самораскрытия способностей мы использовали методику М. Куна и Т. Макпартленда с дальнейшей специфической обработкой текстовых материалов. Эксперты выделяли категории идентифицированных способностей в текстах самоописания, вычислялась согласованность их мнений, на основе полученных результатов подростки разделялись на две группы. Сравнивались группы подростков с самораскрытием способностей и без него. Оказалось, что первые достоверно более успешны в учебе, у них более выражены показатели удовлетворенности фундаментальных мотиваций (по А. Лэнгле), которая проявляется как внутреннее согласие, ощущение «правильности происходящего» (С. В. Кривцова). Различия оказались достоверными (В. Р. Малахова, В. С. Чернявская), т. е. внутренняя идентифицированная речь, которая отражает способности субъекта, предопределяет реальные результаты его учебной деятельности и определенные аспекты субъективного благополучия его личности.

Диагностический контекст исследования самораскрытия способностей подростков на сегодняшний день требует последующего развития. Поскольку в основе феномена лежит внутренняя речь, которая следует за смыслом (Н. И. Жинкин), образующимся до ее возникновения, то его диагностика, на наш взгляд, связана с психолингвистическим подходом. Возможность применения этого подхода подтверждается, поскольку текст самоописания ограничивается одной темой и позволяет анализировать и дифференцировать все содержание самоописания на основе семантико-стилистических особенностей субъективного опыта личности (Е. Ю. Артемьева, М. М. Абдуллаева, В. П. Белянин, Н. И. Жинкин).

Среди подростков-респондентов встречались авторы таких самоописаний, которые содержат не одну, а целый ряд категорий способностей. Таких подростков в разных выборках встречалось до 20%. Результаты нашего пилотного исследования говорят о том, что количество указанных категорий конкретных идентифицированных способностей может выступить дифференцирующим признаком, что позволяет нормировать методику диагностики самораскрытия способностей. Обнаружены достоверные связи ($N = 55$) количества ка-

тегорий способностей в составе Я-концепции с числом глаголов (0,63), с количеством найденных сильных сторон личности (0,58), с количеством существительных (0,47). Это говорит о принятии, глубоком знании себя, ресурсе речевого самовыражения, конкретизации, широком спектре принятых разных видов деятельности у тех подростков, которые включили в текст самоописания категории способностей, и чем большее число таких способностей указано, тем в большей мере выражены характеристики субъектности, идентичности со своими способностями.

Опросник «Склонность к совершению ошибок» как средство диагностики способности к критическому мышлению

А. А. Шахов (БашГУ, Уфа), С. А. Башкатов (БашГУ, Уфа)

В процессе жизни человек неизбежно делает ошибки, уменьшая таким образом эффективность своего поведения. Ошибка в наиболее общем виде представляет собой «результат действия, совершенного неточно или неправильно, вопреки плану, но самое главное, что результат, который получен, не соответствует намеченному или заданному, требуемому» (Ю. К. Стрелков). Не вызывает сомнений наличие запроса общества в отношении профилактики и коррекции совершения человеком ошибок, при этом многие авторы (R. Covin и др.) отмечают, что решению этого вопроса мешает дефицит психодиагностических методик, измеряющих ошибки. Одним из вариантов решения проблемы является оценка склонности человека к совершению ошибок, определяемой как устойчивая тенденция поведения, и ее профилактика. В связи с тем, что склонность к совершению ошибок представляет собой «готовность к их совершению в рамках определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности» (И. М. Кондаков), то эту склонность можно рассматривать в качестве установки в рамках одноименной теории Д. Н. Узнадзе. Продолжая анализ, приходим к заключению о возможности изучать склонность к совершению ошибок в рамках совокупности научных положений А. Г. Асмолова об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности. С учетом приведенных аргументов целью настоящей работы явилась разработка и валидизация

на вышеуказанной методологической основе опросника склонности к совершению ошибок (ОССО). По А. Г. Асмолову, выделяются три уровня установочной регуляции – операциональный, целевой и смысловой, и поэтому конструкция ОССП предполагает измерение трех уровней склонности к совершению ошибок: операционального, целевого и смыслового.

При валидации ОССО, проведенной на 329 респондентах обоего пола в возрасте от 18 до 52 лет, учитывалось, что психологическое измерение производилось с помощью неметрических измерительных шкал, поэтому применялись исключительно непараметрические методы статистической обработки. Эксплораторный факторный анализ, проведенный с использованием коэффициентов ранговой корреляции Спирмена, позволил выделить 18 пунктов теста, которые распределились по трем факторам, интерпретируемым как склонность к ошибкам операциональной установки, склонность к ошибкам целевой установки и склонность к ошибкам смысловой установки. Результаты эксплораторного факторного анализа были полностью подтверждены непараметрическим конфирматорным факторным анализом с использованием пакета lavaan (Y. Rosseel). Полученные результаты свидетельствуют, что трехфакторная модель заданной структуры из 18 переменных демонстрирует достаточно высокие значения глобальных критериев соответствия: CFI=0,957, TLI=0,95, RMSEA=0,021 (90% доверительный интервал от 0 до 0,035), SRMR=0,084, отношение статистики χ^2 к числу степеней свободы составляет 1/14. Данный вывод сделан на основании сравнения с традиционно рекомендуемыми стандартами: CFI>0,9, RMSEA<0,08, SRMR<0,08, отношение $\chi^2/df \leq 2$ (D. A. Kenny, R. Schoot). Проверка внутренней согласованности с расчетом коэффициентов α Кронбаха, дискриминативности с расчетом коэффициентов δ Фергюсона, ретестовой надежности, внешней валидности дала положительные результаты.

Таким образом, опросник склонности к совершению ошибок показал достаточные надежность, валидность и соответствие психометрическим требованиям. Возможно его применение в качестве теста экспресс-диагностики склонности человека к совершению ошибок как следствия трехуровневой установочной регуляции.

В качестве иллюстрации практического применения методики ОССО на 128 респондентах обоего пола в возрасте 18–29 лет было проведено исследование способности к критическому мышлению. Для этого мы использовали Шкалу когнитивных искажений (ШКИ)

Р. Ковина в адаптации Т.Л. Крюковой с соавторами. Расчет коэффициентов ранговой корреляции Спирмена позволил выявить статистически значимые корреляционные связи ($p < 0,05$) между шкалами ОССО и ШКИ. Были установлены положительные корреляционные связи средней силы между склонностью к ошибкам операциональной установки и шкалой «Наклеивание ярлыков», которая свидетельствует о безоценочном причислении себя к определенной группе; между склонностью к ошибкам целевой установки и шкалами «Эмоциональные доводы» и «Персонализация», которые свидетельствуют о бездоказательной убежденности в своей правоте и ответственности за несодеянное; между склонностью к ошибкам смысловой установки и шкалой «Мышление: все или ничего», свидетельствующее о категоричности суждений в части смысложизненных ориентаций. Выявленные корреляционные связи позволяют сделать вывод о том, что методика ОССО может быть использована в качестве дополнения к Шкале когнитивных искажений для уточнения диагностики способности к критическому мышлению и конкретизации психологических механизмов его нарушений.

**Принцип развития
в современной психологии.
Проблемы возрастной психологии**

Предисловие к разделу

Е. А. Сергиенко

Разработка и реализация принципа развития в психологии имеет не только теоретико-методологическое, но и практико-ориентированное значение. Понимание того, какие силы становятся определяющими в развитии и регуляции человеческой индивидуальности, человеческих взаимодействий и какие отрезки жизненного пути оказываются наиболее значимыми в развитии, что ограничивает и что усиливает различные аспекты человеческого поведения, позволяет регулировать социально-экономическую политику и финансовые затраты общества для обеспечения эффективного и благополучного состояния общества в целом и молодого поколения – в частности. Так, индивидуальные различия существенно ограничены такими факторами, как образование, возможность выбора работы, социальная мобильность, что определяет, может ли индивид приобрести и использовать свою компетентность или нет. Следовательно, финансовые вложения общества связаны с необходимостью учета и обеспечения индивидуального развития своих членов. Прогнозирование социально-экономической политики предполагает опору на научные разработки представлений о развитии человека, его индивидуальности, закономерностей, этапов становления и их факторов.

Общенаучный принцип развития приобретает особенное значение для психологии и становится предметом изучения в психологии развития.

Психология развития, возникнув как наука о специфике и изменениях в психической организации человека в детском возрасте, а затем и на протяжении всей жизни, ставила в качестве основных задач изучение движущих сил, закономерностей и условий развития психики человека, ее универсальных и уникальных характеристик.

Основной современной тенденцией в психологии развития становится акцент на изучении интегративных способностей, типа жизнеспособности, модели психического, саморегуляции, контроля поведения, эмоционального интеллекта, совладания и др. на всем протяжении онтогенеза человека. Если на начальных этапах становления больший акцент делался на детском возрасте, то в настоящее время авторы стремятся, во-первых, к сравнению развития той или иной способности в разных возрастных диапазонах, во-вторых, стали интенсивными исследования среднего и пожилого возрастов, которые долгое время оставались в тени. В-третьих, происходит усиление обращения психологии развития к нейронаукам, что означает стремление совместить поведенческие исследования с изучением мозговых механизмов.

Кроме того, претерпевают серьезное изменение и внешние условия развития ребенка. Изменения охватывают все социальные системы от макро- до микроуровней. Это социальные сдвиги в обществе, антропогенные и социальные катастрофы и стрессы, изменение семьи – ее форм и видов (монородительство, например), воспитательных стратегий (интенсивное родительство, депривационное и девиантное родительство), стратегий воспитания и обучения в цикле развития ребенка (раннее обучение, изменение школьной среды, обучающих программ), усиление информационных воздействий – гаджетов, виртуального пространства Интернета – и их роли в развитии человека, смены вербально доминирующей информации на визуальную. Все эти характеристики социальных изменений ставят перед психологией развития задачи изучения их роли в психическом развитии ребенка.

Новые методические решения в психологии развития тесно вплетены в те теоретико-методологические изменения, которые происходят в психологии. Это прежде всего создание надежных тестов измерений тех или иных способностей, например, детского теста эмоционального интеллекта, теста на оценку модели психического, жизнеспособности и других, с учетом возрастных и культурных особенностей.

В последние десятилетия можно отметить значительные достижения в психологии развития, которые позволяют пересмотреть многие устоявшиеся, традиционные представления о психике человека и ее природе. Кардинальный вопрос психологии – природа познания – именно в психологии развития привел к революционным открытиям (подробнее см. наши работы 2006 и 2021 г.). Многие из этих открытий связаны с младенческим возрастом: репрезентативный младенец

вместо сенсорного, раннее понятийное становление и его особенности, развитие субъектности, оснащенность раннего познания ядерными системами знаний (субстанциональности, числа, инерции, законов движения, отличий живого от неживого). Открытием последних лет стало обоснование имплицитной модели психического (автоматической, непровольной, неосознаваемой), понимание некоторых ее составляющих, (например, ключевой составляющей – понимания неверных мнений) у маленьких детей до развития речи, которой приписывалась основная роль в развитии понимания психических состояний человека. Значительный акцент в психологии развития ставится на развитии распознавания и понимания эмоций как основы социальных взаимодействий. Последние работы в области социального познания показали, что новорожденные оснащены врожденными системами не только для выявления структурных свойств языка, но и для идентификации его использования в самой коммуникации, т. е. для обмена информацией между сторонними социальными агентами даже за пределами диады «мать–младенец» (B. Forgács, T. Tauzin, G. Gergely, J. Gervain). Установлено, что способность использовать отличительные взаимодействия (с кем можно пить из одной бутылки или стакана) для вывода о категориях отношений возникает в раннем возрасте в 7–8 мес. без явного обучения, что позволяет быстро определять близкие отношения как внутри семьи, так и за ее пределами (A. T. Thomas, B. Wool, D. Nettle, E. Spelke, R. Saxe).

Эти примеры указывают на новые интуитивные механизмы, обеспечивающие социальные взаимодействия без специального обучения, что означает оснащенность психологическими механизмами социального познания.

Обобщая современные исследования, можно отметить переход от парадигмы воздействия к парадигме взаимодействия с ребенком как субъектом развития.

Психология развития включена фактически во все области психологии. Принцип развития стал всеобщим и важнейшим и используется в разных психологических дисциплинах. Для педагогики психология развития становится фундаментом для разработки программ обучения и воспитания. Междисциплинарность психологии развития на современном этапе тесно взаимосвязана с нейронауками, психолингвистикой, биологией, эволюционной психологией, что позволяет подойти к ответам на вопросы о происхождении речи, о мозговых механизмах психики, о преемственности фило- и онтогенеза человека,

о возможностях обучения. Проведение генетико-молекулярных исследований открывает возможность обосновать доказательство природы психологических механизмов.

Представляется, что основные перспективы развития психологии связаны с реализацией принципа развития в междисциплинарных исследованиях, а также с межпарадигмальным изучением, обогащающим возможности психологии развития.

Специфика мотивационной готовности современных дошкольников к обучению в школе

Е. И. Буданова (СГТИ, Обнинск), Л. К. Тушнова (ГНИИИ ВМ, Санкт-Петербург), Н. В. Еркин (школа № 2117, Москва)

Вопросы психологической готовности детей к обучению в школе рассматриваются сегодня с учетом стремительного развития информационных технологий. Появление современных развивающих компьютерных программ кардинально изменило окружающий мир, оказывая существенное влияние на различные виды деятельности людей, включая и образовательную (Е. Б. Пучкова).

Большинство исследователей в области педагогики, психологии, физиологии признают тот факт, что нынешнее поколение — это дети, которые существенно отличаются от своих сверстников 1960—1980-х и даже 1990-х годов значительной возросшей информированностью и многообразием способов социализации и индивидуализации (Е. С. Николаева). Данный факт максимально актуализирует процесс подготовки современных детей к школьному обучению с учетом специфики их психического развития. В связи с этим в области образования возникает противоречивая ситуация, не имеющая достаточно логического объяснения: с одной стороны, в процесс подготовки к школьному обучению активно внедряются информационные технологии, что вытесняет из жизни дошкольника характерные для него виды деятельности, способствуя когнитивному развитию, с другой — научное сообщество акцентирует внимание на развитии личностной и мотивационной готовности детей к школьному обучению. Именно это приводит к быстрому взрослению детей по познавательным компонентам, но к отставанию в развитии по социальным (Е. А. Сорокомова).

С целью изучения особенностей развития мотивационной готовности у детей старшего дошкольного возраста к школьному обучению нами было проведено экспериментальное исследование дошкольников подготовительной группы (14 девочек и 6 мальчиков) и воспитателей. Психодиагностический инструментарий исследования был представлен методиками «Беседа о школе» Т. А. Нежной, «Ранжирование мотивов учения детей дошкольного возраста» Н. В. Нижегородцевой и В. Д. Шадрикова и «Исследование мотивации учения у старших дошкольников» М. Р. Гинзбурга.

По результатам исследования мы выявили, что у детей в преобладающем количестве недостаточно развиты представления об обучении в школе, проявляется снижение ценности знаний, повышение инфантилизации, прослеживается желание идти в школу, но интерес в основном касается внешней атрибутики школьной жизни. По оценкам педагогов, дети нетерпимо относятся к критическим замечаниям, ожидая безусловного принятия себя и своих поступков; похвала, одобрение, положительная оценка взрослого являются одним из наиболее эффективных стимулов активности ребенка.

Для развития мотивационной готовности у детей старшего дошкольного возраста к школьному обучению с применением современного подхода, основанного на реализации преемственности между дошкольным и начальным образованием, мы провели комплекс мероприятий с учетом особенностей дошкольников современного цифрового поколения, который включал 1) создание интерактивной развивающей среды и работу с педагогами, 2) создание у дошкольников мотивации к обучению в школе и работу с родителями воспитанников, а также 3) встречи с выпускниками детского сада и учителями начальной школы.

В результате проведенной работы мы можем сделать следующие выводы: использование педагогами интерактивных технологий позволило перейти от объяснительно иллюстративного способа обучения к деятельностному, при котором ребенок принимал активное участие в данной деятельности. Электронная библиотека, которую мы использовали в совместной работе с родителями и детьми, включала презентации на различные темы, физкультминутки, дидактические игры, наблюдения, сюжетные картинки по составлению рассказов, готовые раскраски (по образцу), познавательные фильмы. Движения, звук, мультипликация привлекали внимание дошкольников и способствовали повышению у них интереса к изучаемому материалу, ув-

лекали детей перспективой школьного обучения, вызывали стремление, осознанное желание учиться в школе.

Интерпретация результатов повторной диагностики позволила проследить положительную динамику в представлении детей об обучении в школе, в желании учиться, в проявлении инициативности и предпосылках появления волевых качеств. У дошкольников повысился уровень развития внутренней позиции школьника, школьно-учебной ориентации и позитивного отношения к школе. По данным воспитателей, в группе появились дети, которые хорошо занимались, если на занятии использовалось много пособий и наглядного материала; у детей появился интерес к новой социальной роли ученика, потребность в социальном признании и одобрении педагога. Уменьшилось количество детей с игровыми мотивами поведения.

Таким образом, процесс подготовки дошкольников к обучению в школе должен рассматриваться в плане социокультурного развития общества и общего развития ребенка цифрового поколения, в частности, специфики его психологической готовности к систематическому школьному обучению.

Психические состояния в разных ситуациях образовательной деятельности

С. В. Велиева (ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, Чебоксары)

Реалии сегодняшнего дня обуславливают расширение проблемного поля исследований феномена психических состояний. В этих исследованиях показано, что психические состояния оказываются образованием, которое отображает характер функционирования психики (А. О. Прохоров), влияет на организацию и динамику психических процессов (Н. Д. Левитов, М. С. Капица), на формирование психологических свойств (Г. Ш. Габдрева), выступает системообразующим звеном деятельности, обеспечивая адаптацию (А. Б. Леонова, Г. М. Лыдова) и эффективность личности (Ю. В. Зарецкий, Ю. Е. Сосновинова) в разных ситуациях. Получены данные, подтверждающие влияние психических состояний на мыслительные процессы (М. Г. Юсупов), на успех в разных формах занятий (В. А. Иванников, А. Ю. Маленова, В. Н. Шляпников), на эффективность учебной (Л. И. Бершедова, Э. Н. Рычихина) и образовательной (А. В. Климанова, А. В. Чернов) деятельности.

В данной статье представлены результаты изучения особенностей психических состояний обучающихся в ситуациях с разным уровнем напряженности и неопределенности (в повседневной, на лекциях и устных экзаменах). Выборка исследования включала 114 магистрантов психолого-педагогического направления (средний возраст 24 ± 3). Ретроспективному, корреляционному, статистико-математическому анализу (t Стьюдента) подвергались данные, полученные с помощью методик самооценки психических состояний А. О. Прохорова («Анкета психических состояний», «Рельеф психических состояний»), Г. Ю. Айзенка («Самооценка психических состояний»), А. Wessman, D. Ricks («Методика самооценки психических состояний»), методики ОРДПС С. С. Шипшина.

В результате исследования выявлено преобладание функциональных отрицательных и положительных психических состояний в каждой из изучаемых ситуаций. Это свидетельствует об их существенной роли в интеграции психических функций и регулятивных процессов, в координировании психики и свойств организма, отвечающих за адекватность ресурсов личности потребностям структурных компонентов деятельности.

Обнаружено уменьшение числа психических состояний, обеспечивающих результативность субъекта при усложнении ситуации, повышении напряженности и неопределенности исхода (с 21 до 11). Это может быть связано с концентрацией субъекта на решении конкретной задачи при игнорировании других, с явлением «туннельного» восприятия ситуации.

В повседневных ситуациях жизнедеятельности выявляются положительные деятельностные состояния (44,1%), состояния общения (33,1%) и эмоциональные состояния (29,4%). Менее всего в картине типичных представлены отрицательные интеллектуальные и волевые (по 4,6%) состояния.

На лекциях (усложненной ситуации информационной напряженности) регистрируется превалирование позитивных деятельностных (43,4%), интеллектуальных (32,4%) состояний и состояний общения (28,0%), мотивационных и волевых (23,6%) состояний средней и высокой интенсивности, что обеспечивает включенность в учебную деятельность, эффективность усвоения учебного материала.

Устный экзамен характеризуется повышением тонической составляющей, ответственности за собственный результат, неопределенностью, значимостью оценки и ошибки, строгой временной

регламентацией и оперативностью систематизации усвоенной информации.

В ситуации экзамена актуализируются отрицательные эмоциональные (30,4%), деятельностные (29,4%), гуманитарные (23,6%) и мотивационные (15,7%) состояния низкой и высокой степени интенсивности.

Информационно насыщенная, полифункциональная, содержательная деятельность активизирует как положительные, так и отрицательные деятельностные и эмоциональные психические состояния высокой и средней степени интенсивности и активности.

Респонденты, демонстрирующие высокие показатели положительных интеллектуальных, гуманитарных, волевых и мотивационных состояний средней и высокой степени интенсивности, легче и успешнее адаптируются и владеют собой в ситуациях с высокой напряженностью и неопределенностью.

Подструктуры состояний более согласованны в повседневных ситуациях: физиологические ($t_{\text{эмп}} = 4,6$) и психические функции ($t_{\text{эмп}} = 4,4$), переживания ($t_{\text{эмп}} = 4,4$) и поведение ($t_{\text{эмп}} = 4,4$). Повышение напряженности и неопределенности ситуации актуализирует отрицательные деятельностные и эмоциональные, мотивационные и волевые состояния низкой степени интенсивности, положительные психофизиологические, мотивационные состояния и состояния общения: переживания ($t_{\text{эмп}} = 5,3$), физиологические и психические функции ($t_{\text{эмп}} = 5$), поведение ($t_{\text{эмп}} = 4,9$).

Положительные психические состояния средней и высокой интенсивности оказываются маркерами психофизического и психологического благополучия, освоения учебной деятельности и успешной адаптации. Состояния низкой интенсивности препятствуют решению проблемных задач, снижают эффективность деятельности в напряженных ситуациях.

Контроль поведения у младших школьников и стиль родительского отношения

Г. А. Виленская (ИП РАН, Москва)

Изучение взаимосвязи родительского воспитания и детского контроля поведения в рамках системно-субъектного подхода и концепции контроля поведения даст возможность понять механизмы ком-

плексного влияния родительского поведения на различные аспекты саморегуляции ребенка.

Изучение вклада родителей в развитие саморегуляции детей первоначально касалось преимущественно влияния семьи на становление эмоциональной регуляции в раннем возрасте, где выявилась ключевая роль сензитивности родителя к эмоциям ребенка (Дж. Боулби, Р. Мухамедрахимов, Р. Fonagy, G. Kochanska, С. Kopp, S. Neufeld, Р. Shaver, М. Mikulincer). Вклад семейного окружения в развитие саморегуляции ребенка включает способы обращения родителя с ребенком, наблюдение ребенка за поведением родителей, эмоциональный климат в семье (Е. А. Сергиенко, Е. Variola, S. Calkins, А. Hill, Е. Kiel, А. Kalomiris, А. Morris, Т. Power).

При исследовании исполнительных функций – когнитивного компонента саморегуляции – была выявлена связь позитивного, поддерживающего, сензитивного родительского поведения с развитием когнитивной регуляции в раннем возрасте (S. Carlson, А. Bernier, I. Korucu, Z. Susic-Vasic). Отечественные исследования связи детской саморегуляции и родительского отношения немногочисленны и касаются отдельных ее аспектов (О. М. Вербианова). В рамках изучения контроля поведения была исследована связь стиля родительского воспитания и контроля поведения у детей раннего возраста (Е. А. Сергиенко), но нет данных о соотношении этих переменных на последующих этапах развития.

Мы предположили, что отношение родителей к младшему школьнику будет закономерно связано с уровнем развития у него контроля поведения (родительское принятие и кооперация будут позитивно связаны с контролем поведения ребенка, а симбиоз и инфантилизация ребенка – негативно) и что при этом специфические аспекты родительского отношения будут связаны с отдельными компонентами контроля поведения (например, когнитивный контроль – с гиперсоциализацией, эмоциональный контроль – с принятием, контроль действий – с инфантилизацией).

Для оценки контроля поведения детей использовался опросник BRIEF (G. Gioia) в адаптации Е. Ю. Гориной и Т. В. Ахутиной. Он позволяет оценить не только когнитивный контроль в виде исполнительных функций, но и контроль эмоций, контроль импульсивности как составляющую волевого контроля, т. е. охватывает все компоненты контроля поведения. Шкалы имеют обратный характер, т. е. чем выше значение шкалы, тем хуже развит соответствующий показатель.

Для оценки родительского отношения использовался «Опросник родительского отношения» (А. Я. Варга, В. В. Столин), содержащий пять шкал: принятие/отвержение, кооперация, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация (АГ), «маленький неудачник».

Часть родителей заполняла опросники онлайн (62 человека), часть – оффлайн (69 человек), итого в исследовании приняли участие 131 человек в возрасте 6,5–11,5 лет.

Для проверки гипотезы были подсчитаны корреляции (r Спирмена) между показателями контроля поведения ребенка и показателями родительского отношения.

Шкалы опросника BRIEF, используемые для оценки контроля поведения у детей, оказались связаны с показателями принятия и АГ (все шкалы, связи отрицательные в диапазоне от $-0,44$ до $-0,53$ при $p < 0,00$ и от $-0,20$ до $-0,40$ при $p < 0,03$ соответственно), инфантилизацией (кроме шкалы инициативности, связи положительные ($r = 0,23–0,35$ при $p < 0,01$)). Также обнаружены отрицательные связи симбиоза с торможением, эмоциональным контролем, порядком в вещах и оценкой результатов ($r = -0,26, -0,19, -0,35, -0,30$ при $p < 0,04$).

Первая часть гипотезы подтвердилась частично: высокий уровень принятия матерью ребенка позитивно связан с его показателями контроля поведения, а инфантилизация ребенка связана с ними отрицательно; однако не обнаружено связей со шкалой кооперации, а высокие значения симбиоза и АГ также связаны с высокими показателями контроля поведения.

Вторая часть гипотезы не подтвердилась: не было обнаружено специфики связей отдельных компонентов контроля поведения и конкретных характеристик родительского отношения – с показателями принятия, АГ и инфантилизации ребенка связаны все субшкалы методики BRIEF, используемые для оценки контроля поведения.

Полученные результаты в целом согласуются с литературными данными о значимости позитивного отношения родителя к ребенку, о важности подтверждения представления ребенка о себе как о компетентном и умелом для развития у него саморегуляции. Связи между высоким контролем поведения и высокими показателями симбиоза и АГ предположительно могут объясняться спецификой родительского восприятия поведения ребенка и собственных воспитательных практик, а отсутствие специфики в связях родительского отношения с различными компонентами контроля поведения может объясняться тесной корреляцией всех шкал опросника BRIEF между собой. Даль-

нейшее изучение связи родительского отношения и контроля поведения у детей надо продолжить с привлечением более разнообразных и тонких методов оценки обоих этих характеристик.

Динамика востребованности запросов родителей на психолого-педагогическую консультацию от начальной к старшей школе

А. А. Вихман (ПГГПУ, Пермь)

Способность родителей выполнять свои родительские функции зависит от наличия у них разнообразных компетенций, знаний и умений, адекватной воспитательской позиции и гармоничного стиля воспитания (Л. Б. Шнейдер, А. С. Огнев, Р. В. Овчарова). Развитие родительской компетентности связано с ориентацией родителя на получение специального родительского образования и с принятием консультативной поддержки от психологов, педагогов, юристов. На данный момент ощущается дефицит аналитики родительских запросов на психологическую консультацию с учетом региона. Редко такая аналитика формируется на больших выборках родителей с учетом возрастного этапа развития ребенка. Вместе с тем потребность родителей в получении консультаций на темы развития, воспитания и социализации их детей требует детального научного анализа, создания и апробации диагностических инструментов родительской компетентности, выявления динамики родительских запросов и дефицитов, обсуждения их количественных и качественных особенностей.

В рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование» в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете создан центр изучения и развития родительской компетентности «Родительский университет», в рамках деятельности которого были проанализированы актуальные родительские запросы на психолого-педагогическую консультацию. С помощью специально разработанных анкет «Запросы родителя младшего школьника» и «Запросы родителя подростка», на выборке 22474 родителей детей от 7 до 16 лет были выявлены наиболее актуальные запросы родителей на консультацию, обобщены кластеры таких запросов, проанализирована их динамика в логике продольных срезов (псевдолонгитюда).

Обнаружено, что востребованность запросов родителей на психологическую консультацию снижается по мере взросления их детей. В группе родителей семилетних наблюдается большее количество запросов на консультацию, чем в группе родителей восьмилетних детей. И эта тенденция продолжается до конца младшего школьного возраста, а наименьшее количество запросов на консультацию в начальной школе демонстрируют родители десятилетних детей. Схожая динамика снижения потребностей в консультативной помощи наблюдается у родителей подростков. Если объединить результаты двух исследований, то мы можем наблюдать постепенную динамику снижения количества родительских запросов на психологическую консультацию на протяжении всей начальной и средней школы с двумя заметными спадами после 7 лет и 13 лет. Резкий спад спроса родителей на психологическую консультацию после семи лет проявляется в сокращении запросов на помощь логопеда, запросов, связанных с научением детей письму и чтению, а также с разрешением проблем с адаптацией детей и родителей к школьной жизни. Родители детей тринадцати лет и старше обозначают смещение интереса к консультации с проблем кризиса подросткового возраста на вопросы цифровой социализации, предэкзаменационного стресса и профессионального самоопределения их детей.

Анкеты включали в себя 50 содержательных тем-предложений для консультаций. И родители младших школьников, и родители подростков отмечали потребность в консультации в среднем на 10–12 тематик: 10,8 и 11,8 соответственно. Большая часть проанкетированных родителей принадлежит к данной группе. Вместе с тем с увеличением возраста ребенка группа родителей, отмечавших потребность в консультации большее количество раз (больше 20 запросов от одного родителя), заметно уменьшается. Таким образом, мы видим, что родительские запросы по мере взросления их детей уточняются, индивидуализируются.

Анализ качественного изменения тематик актуальных запросов показывает различные тенденции. У родителей младших школьников наблюдается тенденция к снижению спроса на логопедическую помощь, на решение проблем с чтением и письмом и проблемы низкой самостоятельности в обучении, однако увеличивается востребованность в консультировании по проблемам и рискам цифровой социализации ребенка. В группе родителей подростков обнаружены другие качественные тенденции изменения актуальных запросов:

родителей меньше интересуют вопросы самостоятельности подростка в обучении, конфликтов и трудностей в общении, но значительно больше – вопросы о преодолении стресса и тревоги в ситуации сдачи экзаменов (ОГЭ); растёт актуальность консультации на темы механизмов реагирования на риски цифровой социализации и выбора будущей профессии.

Анализ наиболее востребованных тем психологических консультаций родителей, динамика их актуальности в ракурсе взросления детей, индивидуализация родительских запросов, уточнение запросов в отдельных кластерах помогает выявить актуальные точки роста родительской компетентности родителей и выстроить систему профессионального сопровождения психологов-консультантов. Без подробной статистики родительских запросов трудно сформировать список актуальных услуг для консультативных психологических центров и школьных социально-психологических служб в отдельно взятом регионе.

Взаимосвязь стадий становления субъектности и смысложизненных ориентаций старшеклассников*

Е. С. Волкова (МГПУ, Самара), А. В. Капцов (МГПУ, Самара)

Понятие «субъект» в трудах выдающихся ученых рассматривается через данность уже сформировавшихся, состоявшихся личностных, профессиональных и иных качеств (С.Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский). Онтологическая модель становления субъектности В. И. Панова, напротив, изучает становление субъектности личности. Экопсихологический подход В. И. Панова предполагает, что становление субъектности включает семь стадий: 1) субъект мотивации (имеющий потребность); 2) субъект восприятия (наблюдатель); 3) субъект подражательного действия (подмастерье); 4) субъект планирования и произвольного выполнения действия с опорой на внешний контроль (ученик); 5) субъект внешнего контроля за выполнением действия другими (критик); 6) субъект планирования и произвольного выполнения действия с опорой на внутренний контроль (мастер); 7) субъект развития, использую-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00238.

щий освоенное действие в качестве субъективного средства для дальнейшего развития самого себя, в том числе для творческого самовыражения (творец) (В. И. Панов).

Для диагностики стадий становления субъектности нами была использована модифицированная методика Дембо-Рубинштейн (А. В. Капцов, Е. С. Волкова). Данная методика обладает внутренней согласованностью шкал, причем степень согласованности и структура взаимосвязей зависит от пола испытуемых.

Так как вышеназванная методика позволяет оценить актуальный, идеальный и возможный уровень стадий становления субъектности, целесообразно провести анализ корреляций со шкалами теста «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева, в котором первые три шкалы («цели», «процесс», «результат») представляют собой смысложизненные ориентации в трех временных координатах — будущем, настоящем и прошлом.

В качестве испытуемых выступили учащиеся 9 класса общеобразовательной школы численностью 30 человек, из них 14 юношей и 16 девушек, средний возраст 15,4 лет. Математический анализ проводился с помощью коэффициента корреляции Кендалла в среде Statistica v. 10.0.

В результате статистического анализа взаимосвязь шкал теста СЖО со стадиями становления субъектности была выявлена только у юношей; у девушек не обнаружено ни одной статистически значимой взаимосвязи. Подобное отсутствие взаимосвязей наблюдается также у девушек старшего возраста, студенток 2 курса. Это означает, что данное противоречие в результатах зависит не от возраста девушек, а от более глубоких факторов, которым необходимо уделить внимание в будущих исследованиях.

Что касается юношей, установлена взаимосвязь высокого желаемого уровня творческих способностей с осмысленностью своих результатов, с восприятием процесса жизни в настоящем и с достаточной осознанностью своих целей в будущем. Можно констатировать, что учащиеся, которые понимают значение созидания в учебной деятельности, осознанно подходят к своей жизни, будь то прошлое, настоящее или будущее.

Проведенный анализ также показал, что старшеклассники, сосредоточенные на восприятии процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом, не обращают внимание на ошибки других. Уровень их критического мышления,

несмотря на признание в государственных образовательных стандартах важности его развития, остается очень низким, что подтверждается многочисленными исследованиями (Ю. Н. Корешникова).

Юноши, положительно оценивающие продуктивность и осмысленность прожитой части своей жизни, признают себя состоявшимися «мастерами» и «творцами». Иначе говоря, старшеклассник, удовлетворенный своими результатами в прошлом, считает, что он всё делает наилучшим образом, а также привносит в свою деятельность новизну и творческую идею. При этом в настоящем и будущем времени успешный старшеклассник не уверен в своих умениях.

Таким образом, у юношей-девятиклассников мы обнаруживаем взаимосвязь стадий становления субъектности и смысложизненных ориентаций, в то время как у девушек такой взаимосвязи нет, что требует дальнейших исследований.

Представления студентов об эмоциональной саморегуляции

А. А. Гец (школа № 13, Брест, Белоруссия),

Е. Е. Марченко (БрГУ им. А. С. Пушкина, Брест, Белоруссия)

Способность к саморегуляции рассматривается в психологии как системообразующая характеристика человека как субъекта жизнедеятельности (К. Роджерс, И. Ялом, С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова и др.). Способность к саморегуляции эмоциональных состояний понимается как результат достаточно позднего развития, который в дальнейшем выступает предпосылкой психологического благополучия личности (Р. Лихи, М. Лайнер, Д. В. Ковпак и др.).

В период студенчества в юношеском возрасте в связи с учебно-профессиональной деятельностью, когда юноши и девушки выступают как автономные субъекты деловых и межличностных отношений, складываются такие особенности социальной ситуации развития, которые, с одной стороны, требуют, а с другой — развивают способность к саморегуляции эмоциональных состояний и их проявлений. Особую актуальность задача по управлению переживаниями и их проявлениями приобретает в контексте подготовки будущих педагогов, профессиональная деятельность которых сопряжена с разнообразными стрессовыми ситуациями на фоне высоких требований с точ-

ки зрения этикета и этики. Известно, что когнитивная составляющая (представления об эмоциях) рассматривается как основа для закрепления и формирования определенных паттернов выражения и саморегуляции эмоций. Представленные тезисы определили актуальность изучения представлений об эмоциональной саморегуляции у студентов, осваивающих педагогические специальности с помощью специально разработанной анкеты, проективной рисуночной пробы и пробы «Неоконченные предложения». Выборку исследования составили 103 студента Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина дневной формы обучения в возрасте от 17 до 21 года (специальности «Начальное образование», «Практическая психология», «Физика и информатика»).

На основе анализа полученных результатов было выявлено следующее.

Студенты в целом воспринимают себя как типичных представителей белорусского общества с точки зрения проявления эмоций, обнаруживая стереотипность в оценке допустимости переживаний и их выражения. Злость типично воспринимается юношами и девушками как наиболее порицаемая эмоция, страх и грусть как допустимые, но нежелательные, а радость — как поощряемая в обществе, но тем не менее не всегда открыто выражаемая и в ближайшем окружении, и самими студентами.

Телесные проявления злости, страха, грусти, радости у студентов имеют свою специфику. Злость и страх чаще всего сопровождаются локальными или точечными проявлениями в теле, случаи обширных проявлений или, наоборот, отсутствия осознаваемых проявлений в теле единичны. В целом самооценка обширности проявлений в теле по грусти и радости у студентов сходна: они, как правило, осознаются студентами через локальные и точечные телесные проявления. По сравнению со злостью и страхом, относительно грусти и радости больше доля лиц, испытывающих эти эмоции в сопровождении обширных телесных реакций, однако по выборке они являются меньшинством. Даже радость, осознаваемая студентами как социально поощряемая эмоция, не сопряжена у них с выраженными телесными проявлениями.

Переживание злости, страха, грусти и радости у юношей и девушек выражается в различных вариантах поведения. При переживании страха и грусти для респондентов в целом характерно снижение активности в деятельности и общении. Злость и радость характеризуются большей внешней активностью. При этом обнаруживается специфический феномен: студенты чаще осознают не само переживание,

а желание тут же совладать с эмоцией, и сфокусированы на нем. Застывание на негативных переживаниях (руминации) являются типичным феноменом эмоциональной сферы юношей и девушек.

По способности осознавать собственные эмоции студенты представляют неоднородную группу. Типичным (68,6%) выступает вариант, характеризующийся отдельными проявлениями рефлексии своего эмоционального состояния и последующего реагирования. Представления об эмоциях у респондентов данной категории дифференцированы, у них присутствуют попытки осмысления эмоционального состояния и разработки способов его регуляции. Примерно одна пятая часть (21,4%) студентов могут быть обозначены как «погруженные»: это студенты с выраженной рефлексией своего эмоционального состояния при склонности к руминациям. Каждый десятый студент может быть обозначен как неинтересующийся собственными переживаниями. Это юноши и девушки со сложностями осознания содержания и проявлений своих переживаний. Общее представление об эмоциях у респондентов данной категории носит упрощенный характер, их ответы в анкете были краткими и однотипными.

Полученные данные позволяют определить актуальные задачи психолого-педагогического сопровождения профессионально ориентированной подготовки будущих педагогов с целью достижения студентами личностной зрелости как центральной задачи юношеского возраста: развитие эмоционального интеллекта, формирование научно обоснованных представлений о функциях различных эмоциональных состояний, освоение студентами конструктивных эмоциональных схем и когнитивных стратегий эмоциональной саморегуляции.

Монородительство как макро- и микрофактор формирования жизнеспособности подростка*

К. Б. Зув (ИП РАН, Москва), А. В. Махнач (ИП РАН, Москва)

Традиционно исследования влияния монородительства на развитие детей строятся по схеме сравнения их психологических характеристик в зависимости от типа семьи. Такой подход можно обозначить как изучение влияния макрофактора, и он полностью соответствует современным трендам в изучении жизнеспособности подростков

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0001.

(А. В. Махнач, А. И. Лактионова). Семья как социальный институт переживает глобальную трансформацию, которая в том числе проявляется в признании монородительства как нормы организации семейной жизни. В то же время многие авторы (Э. М. Хетерингтон и др.) указывают на влияние изменения формы семьи на формирование жизнеспособности детей и подростков. Данное влияние не обязательно носит строго негативный характер, в отличие от влияния других макрофакторов, таких как миграция, войны. Но все же дети, выросшие в неполных семьях, нередко проявляют более низкую жизнеспособность и в целом склонны испытывать трудности в построении своей семьи во взрослом возрасте. Также отмечается, что продолжают изменяться содержание и функции семьи вследствие глобальной трансформации этого социального института. В современном обществе само наполнение понятия «семья» становится все более и более размытым. От формальных и/или экономических характеристик, таких как зарегистрированный брак, совместное ведение хозяйства и пр., происходит переход к психологической близости, определяемой через любовь, уважение и доверие. По всей видимости, будущее семьи связано в первую очередь с эмоциональной близостью, а не с формальной фиксацией отношений. В этой связи представляется важным исследовать не только макрофакторы, но и микрофакторы, влияющие на формирование жизнеспособности молодежи, т. е. конкретные показатели отношений внутри семьи, но не в отрыве от ее типа (полная или неполная), а во взаимодействии с ним.

Для изучения описанных выше тенденций в институте семьи подростковый возраст был выбран нами в связи с тем, что именно в этот период жизни человека зачастую происходит манифестация проблем, вызванных монородительством. Также применительно к подросткам можно изучать характеристики жизнеспособности, во многом формирующиеся в данном возрасте.

В русле этих положений было проведено исследование жизнеспособности подростков, которая была операционализирована на основании схемы, предложенной А. В. Махначем. Были изучены локус контроля (тест «Уровень субъективного контроля») и уровень суверенности (тест «Суверенность психологического пространства») как показатели жизнеспособности подростков.

В качестве микрофактора были выбраны детско-родительские отношения, изученные с помощью теста «Подростки о родителях».

Выборку исследования составили 356 подростков из двух московских школ. Возраст испытуемых — от 13 до 16 лет, средний возраст

14,3 года. В исследовании приняли участие 110 мальчиков и 102 девочки из полных семей, 66 мальчиков и 78 девочек из монородительских материнских семей.

Обработка данных проводилась при помощи двухфакторного дисперсионного анализа, где в качестве независимых переменных выступали тип семьи и представления подростков о воспитательных тактиках матери, в качестве зависимой — показатели жизнеспособности подростков.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Семья влияет на формирование жизнеспособности подростка на макро- и микроуровнях.
2. Наиболее чувствительным компонентом жизнеспособности к монородительству является суверенность психологического пространства. Высокий уровень директивности, враждебности и непоследовательности матери приводят к снижению суверенности. Возрастающий позитивный интерес матери к подростку, напротив, обуславливает рост его суверенности.
3. Общая суверенность и суверенность мира вещей подвержена совместному воздействию со стороны типа семьи и тактик материнского воспитания. Разница между подростками из полных и неполных семей проявляется при демонстрации матерью социально неодобряемого поведения, которое выражается в высоких показателях директивности и низких показателях позитивного интереса к подростку.
4. Уровень субъективного контроля подростков имеет в целом схожую структуру, независимую от типа их семьи и от пола.

Проактивное совладание со стрессом: возрастной контекст*

Е. В. Куфтяк (РАНХиГС, Москва)

Проактивное совладание представляет собой особую форму реализации личностью активности, связанной с инициацией использования ресурсов для предотвращения и/или уменьшения потенциаль-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 21-513-07004 МОН РЮО_a.

ных будущих стрессоров (L. G. Aspinwall, S. E. Taylor). Проактивный уровень совладания отличается от реактивного совладания, поскольку требует накопления, перераспределения ресурсов и преодоления трудной (стрессогенной) ситуации, которая, возможно, произойдет в ближайшем или отдаленном будущем. Проактивное совладание имеет ряд важных преимуществ: во-первых, оно может свести к минимуму уровень стресса, переживаемого при столкновении с жизненными трудностями (S. E. Hobfoll); во-вторых, соотношение ресурсов совладания к степени стрессогенности события будет благоприятным, так как стрессор преодолевается на начальной стадии; в-третьих, так как трудная ситуация еще не произошла, то существует большая вариативность в выборе способов ее преодоления; в-четвертых, хронический стресс может быть предупрежден и уменьшен, поскольку человек способен предотвратить или минимизировать факторы стресса (L. G. Aspinwall, S. E. Taylor). Таким образом, по сравнению с традиционными моделями совладания, которые подчеркивают реактивность на вред или потери, совладание, ориентированное на будущее, имеет дело с возможными стрессовыми событиями заранее (Т. Л. Крюкова, Е. П. Белинская, Е. В. Куфтяк). Установлено, что проактивное совладание предсказывает позитивные психологические и поведенческие результаты на протяжении всей жизни. По данным исследователей, высокий уровень осознанности (mindfulness) взаимосвязан с проактивной стратегией совладания (Е. П. Белинская, М. Р. Джураева); для личности с проактивным стилем совладающего поведения будущее превращается в актуальное, тем самым увеличивая ее временные возможности (ресурсы) (Е. С. Старченкова); проактивное совладание положительно коррелирует с позитивным аффектом и удовлетворенностью жизнью (Е. В. Куфтяк, Е. О. Секацкая); уровень выраженности реактивности совладания выступает основой стратегического планирования (А. А. Бехтер, О. А. Филатова).

Обращение к возрастной динамике выбора стратегий проактивного совладания поможет уточнить ее временную, активную роль в жизнедеятельности человека. Отличительной чертой проактивного копинга является то, что он интегрирует планирование и превентивные стратегии с проактивной саморегуляцией достижения целей. Время как своего рода ресурс в некоторой степени может иллюстрировать связанный с возрастом сдвиг в фокусе целей. Молодые люди обычно воспринимают оставшееся им время как обширное, поэтому они предпочитают долгосрочные цели (например, цели, связанные

со знаниями) и стремятся оптимизировать будущее (L. L. Carstensen). Люди, имеющие за плечами достаточный жизненный опыт, склонны рассматривать оставшуюся им жизнь как ограниченную по времени, в связи с чем они меньше заботятся о расширении своего кругозора, что приводит к снижению акцента на достижениях (D. T. A. M. Koopij, P. M. Bal, R. Kanfer).

Среди задач исследования – выявление специфики выбора проактивного совладания в период новых (неопределенных), будущих трудных жизненных ситуаций и его предикторов с учетом возраста.

С помощью качественно-количественных методов – проективный рисунок, мини-сочинение, бланковые методики для измерения уровней стресса – получены некоторые результаты. Обнаружено влияние принятия напряжения перед новой ситуацией на проактивное совладающее поведение в период ранней взрослости: высокий уровень толерантности к неопределенности предполагает вероятность проявления проактивных стратегий, направленных на создание ресурсов для будущего совладания, позитивную оценку будущих трудностей и достижение поставленной цели.

С возрастом отмечается более частое обращение к превентивному преодолению. Так, чем старше человек, тем более он склонен к выбору стратегии «превентивное преодоление», которая представляет собой предвосхищение потенциальных стрессоров и подготовку действий по нейтрализации негативных последствий еще до того, как само стрессовое событие наступило.

Установлено, что в период ранней взрослости на выбор проактивного копинга влияют экстраверсия и позитивный аффект, негативное влияние оказывает негативное прошлое. В период средней взрослости на проактивное совладание оказывает влияние самоконтроль, экстраверсия, пластичность и позитивный аффект.

Полученные данные демонстрируют перспективность исследуемого вопроса. Концепция проактивного совладания обладает прогностическим потенциалом в плане адаптации к будущим стрессогенным ситуациям.

**Валидизация шкалы
«Проактивные аттитюды» Р. Шварцера:
результаты конфирматорного факторного анализа
(исследование на молодой русскоязычной выборке)***

*Е. В. Куфтык (РАХИНГС, Москва), А. А. Бехтер (ТОГУ, Хабаровск),
О. А. Филатова (ТОГУ, Хабаровск)*

На данный момент шкала «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера является единственной методикой, позволяющей измерить проактивные аттитюды как позитивную установку на будущее, что отражает ее значимость для психодиагностики проактивного совладающего поведения человека. В период ранней молодости неопределенность будущей ситуации положительно влияет на отношение к будущему, является определяющей в построении жизненных планов (Е. В. Куфтык).

Ранее мы провели первичную адаптацию и валидизацию шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера на выборке русскоязычной молодежи (А. А. Бехтер, О. А. Филатова). Были установлены однофакторная структура шкалы («Возможность независимого выбора») и общая приемлемая надежность (общая α Кронбаха составила 0,78). Однако остается вопрос о возможном наличии латентных факторов в структуре шкалы. Поэтому целью настоящей работы было подтверждение факторной модели шкалы «Проактивные аттитюды» Р. Шварцера на молодой выборке с помощью конфирматорного анализа на основе однофакторной модели шкалы.

В основном этапе исследования (для стандартизации и валидизации шкалы) участвовало 400 респондентов (272 женского и 128 мужского пола). Исследование проводилось онлайн в мае–июне 2021 г. с помощью инструмента Google Forms. Участники были из разных городов России (Москвы, Новосибирска, Владивостока, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Мурманска). Для обработки результатов исследования была использована программа Jamovi v. 2.3.6.

Первая конфирматорная модель (однофакторная) показала слабое соответствие данным ($\chi^2 = 116,1$, показатель CFI = 0,840 неприемлем, SRMR = 0,587 слабо приемлем, SMSEA = 0,115 неприемлем при 90% доверительном интервале 0,09–0,135). Нагрузки пунктов

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ и МОН РЮО, проект № 21-513-07004.

на фактор находятся в диапазоне от 0,386 до 0,667 и являются достоверными. Обладающие выраженным весом индексы модификации, связанные с ковариациями вопроса 2 («Я чувствую личную ответственность за происходящее вокруг меня») с вопросами 3 («Ответственность за мою жизнь лежит только на мне»), 8 («Впереди у меня масса возможностей») и 4 («Я действую согласно своим ценностным установкам»), были включены в модель, что существенно улучшило ее показатели. Так, вторая модель показала следующие параметры соответствия: $\chi^2 = 59,1$; CFI=0,934, SRMR=0,45, SMSEA=0,728 при 90% доверительном интервале 0,056–0,101. Таким образом, вторая модель улучшила свои показатели соответствия и показала две связи переменных, не обусловленные основным фактором: «Ответственность» и «Ценность будущего» (по Р. Шварцеру, «Уверенность в себе и собственном будущем»). В своей концепции проактивного совладающего поведения Р. Шварцер указывал, что для развития проактивности человек должен обладать ответственностью за свои решения и быть уверенным в своих силах; косвенным индикатором указанных качеств являются проактивные аттитюды. Таким образом, выделенные нами латентные дополнительные показатели в шкале согласуются с теоретической концепцией проактивного совладающего поведения (R. Schwarzer, M. Jerusalem).

Для дальнейшей проверки модели была проведена кросс-валидация простым способом (случайным делением имеющейся выборки на две части – по 200 человек). На первой части испытуемых был проведен эксплораторный факторный анализ, который снова подтвердил однофакторную структуру шкалы и адекватные нагрузки на фактор по пунктам, варьирующиеся от 0,364 до 0,728 (схожие с нашим первым результатом при проверке) (А. А. Бехтер, О. А. Филатова). Результаты второй части выборки были подвергнуты подтверждающему факторному анализу. Первая подтверждающая модель (однофакторная) показала слабое соответствие данным ($\chi^2 = 83,1$, показатель CFI=0,741 неприемлем, SRMR=0,074 неприемлем, SMSEA=0,130 неприемлем при 90% доверительном интервале 0,091–0,135). Мы снова ввели в модель индексы модификации, связанные с ковариациями вопросов 2 («Я чувствую личную ответственность за происходящее вокруг меня») и 3 («Ответственность за мою жизнь лежит только на мне»), что несколько улучшило показатели соответствия: $\chi^2 = 42,3$, CFI=0,900, SRMR=0,511, SMSEA=0,08 при 90% доверительном интервале 0,051–0,118.

Таким образом, проведенный нами конфирматорный факторный анализ говорит в пользу одномерности шкалы проактивных аттитюдов с наличием латентных заложенных параметров в шкале — ответственность и уверенность в будущем, что не противоречит теории создания самой шкалы и общей концепции проактивных аттитюдов. Перспектива работы состоит в дальнейшей валидизации и адаптации шкалы проактивных аттитюдов (проведение мультигруппового КФА, оценка репрезентации и валидизации в кросскультурном аспекте, оценка надежности в других возрастных группах).

Динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин в разных возрастных группах

А. И. Лактионова (ИП РАН, Москва)

Жизнеспособность — это «способность динамической системы успешно адаптироваться к нарушениям, которые угрожают ее функции, или развитию» (A. S. Masten). На сегодняшний день важнейшие области для исследований жизнеспособности человека включают: 1) целенаправленные усилия по совершенствованию оценки, имеющей международную и кросс-культурную валидность; 2) разработку проектов, в рамках которых используются более интенсивные стратегии фенотипирования; 3) изучение результатов на разных уровнях и в разных областях; 4) интеграцию концепций жизнеспособности с индивидуального уровня в более широкий социальный контекст на уровне здоровья населения. Предполагается, что все более сложные и подробные концептуальные рамки в сочетании с исследованиями, основанными на достижениях генетики, молекулярной биологии, возросшей вычислительной мощности и более крупных и разнообразных наборах данных, смогут принести значительные прорывы в изучении жизнеспособности человека в следующие десятилетия. В настоящий момент исследования жизнеспособности как за рубежом, так и в России расширяются, приобретая системный характер с одной стороны, а с другой — включая все более широкий спектр изучения взаимовлияния различных систем. Однако и в российской, и в мировой психологии практически остается неизученным вопрос возрастных различий жизнеспособности человека. Несмотря на солидное количество исследований, мы не обнаружили работ, в которых анализируется динамика раз-

вития жизнеспособности с учетом возрастных и гендерных различий. На данный момент исследования жизнеспособности человека в основном сосредоточены на изучении детей, подростков, молодежи и людей преклонного возраста (О. Н. Белоусова, А. Н. Ильницкий, Е. В. Куфтяк, А. И. Лактионова, А. В. Махнач, С. Н. Морозюк, А. А. Нестерова, М. Э. Паатова, Ю. В. Постылякова, А. R. Carroll, G. Gabrielli). Изучению гендерных различий жизнеспособности человека посвящен целый ряд исследований (Е. В. Куфтяк, А. И. Лактионова, А. В. Махнач, N. Berezin Cohen, S. Iimura, K. Taku). Тем не менее, их результаты неоднозначны, в ряде исследований (Jing Chu Hu, Nao Yu) сообщается об отсутствии обнаруженных гендерных различий. Причиной этому могут служить, во-первых, разные методики изучения жизнеспособности, во-вторых, культурные различия в социальных нормах, в-третьих, изучаемые возрастные группы, имеющие свои особенности.

В результате проведенного нами исследования динамики развития жизнеспособности у мужчин и женщин в четырех возрастных группах от 15 до 65 лет с учетом гендерных различий, понимаемых как психологические, социальные и культурные особенности человека (А. И. Лактионова), были получены следующие результаты:

1. Динамика структуры жизнеспособности человека: в группах 15–17 лет и 46–65 лет ведущую роль играют индивидуальные и семейные ресурсы; в группах 18–25 лет и 26–45 лет ведущую роль играют индивидуальные ресурсы.
2. Возрастная траектория развития жизнеспособности от 15 лет до 65 лет: установлены значимое снижение всех показателей жизнеспособности в возрасте 18–25 лет, затем подъем показателей семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в возрасте 26–45 лет и отсутствие различий между возрастными группами 26–45 и 46–65 лет.
3. Гипотеза исследования о том, что динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин имеет свою специфику и различается в разные возрастные периоды, подтвердилась частично. Различия в характеристиках жизнеспособности наблюдаются только в группах 18–25 и 26–45 лет. В возрастных периодах 15–17 и 46–65 лет в динамике развития жизнеспособности между мужчинами и женщинами различий нет.
4. У женщин 18–25 лет по сравнению с 15–17-летними снижаются только значения показателей индивидуальной и семейной жизнеспособности, значения контекстуальной жизнеспособности оста-

ются прежними. В группе мужчин 18–25 лет все значения показателей жизнеспособности (включая контекстуальную) снижаются, по сравнению с группой 15–17-летних.

5. У 26–45-летних женщин все значения показателей жизнеспособности значимо выше, чем у 18–25-летних. У мужчин 26–45 лет по сравнению с 18–25-летними значимо возрастают только значения показателей контекстуальной жизнеспособности. Других отличий не обнаружено.
6. Несмотря на то, что и у мужчин, и у женщин в 18–25 лет, по сравнению с группами 15–17-летних, снижаются значения показателей семейной и индивидуальной жизнеспособности, а у мужчин еще и контекстуальной, у последних они все равно выше.

Взаимосвязь модели психического и популярности в кругу сверстников у детей младшего школьного возраста

Е. И. Лебедева (ИП РАН, Москва)

В младшем школьном возрасте социальный опыт расширяется за счет более тесных взаимоотношений со сверстниками, что должно приводить к усилению связи между моделью психического как показателем социального познания и популярностью в группе сверстников как оценкой социальной компетентности ребенка.

Популярность в кругу сверстников как показатель успешного овладения социальными навыками исследуется достаточно давно на разных возрастных этапах (К. М. LaFontana, А. Н. Cillessen). Результаты метаанализа продемонстрировали, что дети младшего школьного возраста, более компетентные в понимании ментальных состояний других людей, демонстрируют более эффективное социальное поведение, что приводит к их популярности у сверстников, в то время как дети с более низким уровнем модели психического не пользуются такой популярностью (V. Slaughter, К. Imuta, С. С. Peterson, J. D. Henry). Также были выявлены различия в оценках социальной компетентности у детей, которые нравились сверстникам (популярность была оценена с помощью социометрии), и у воспринимаемых как популярные (популярность оценивалась с помощью прямого опроса сверстников) (К. Košir, S. Pečjak). У тех детей, которые нравились сверстникам,

высокий уровень модели психического был связан с отзывчивостью, коммуникативными способностями и просоциальным поведением (С. Frentz, F. M. Gresham, S. N. Elliott, A. F. Newcomb, W. M. Bukowski, L. Pattee). В то время как у детей, которые воспринимались популярными, высокий уровень модели психического был связан не только с просоциальным поведением, но и со сложными видами реляционной агрессии. Эти результаты подтверждают мнение о том, что модель психического является «нейтральным социальным инструментом», который может быть использован детьми для повышения своего социального статуса и достижения социальных целей (С. Doenyas, P. K. Smith).

На предыдущих этапах нашего исследования были выявлены достоверные, но фрагментарные взаимосвязи между оценкой социальной компетентности детей 7–9 лет родителями/педагогами и моделью психического. Учитывая полученные результаты, мы формулируем цель настоящего исследования как изучение роли модели психического в социальной компетентности детей младшего школьного возраста, оцененной педагогами, и популярности детей в среде сверстников. Гипотезы исследования таковы: 1) развитие модели психического будет связано с отдельными аспектами социальной компетентности детей по оценкам взрослых (педагогов); 2) развитие модели психического детей будет связано с популярностью их в среде сверстников.

В исследовании приняли участие 90 детей 9–12 лет ($M_e = 10$ лет; 47 девочек).

Для оценки модели психического использовался тест «Взгляд» (RMET, S. Baron-Cohen), позволяющий проанализировать развитие способности распознавать ментальные состояния по их внешним проявлениям в поведении (мимике). Для оценки популярности в кругу сверстников использовались социометрические методы: социометрический статус («С кем бы ты хотел(а) дружить?») и воспринимаемая популярность («Кто наиболее/наименее популярный в классе?»). Чтобы оценить социальную компетентность детей, классным руководителям задавались вопросы о социальном поведении детей (например, «Насколько для ребенка характерно дружелюбное, помогающее поведение (делится с другими детьми, помогает, утешает)?» (от 1 – «совсем нехарактерно» до 10 – «характерно практически всегда»). Всего было 10 вопросов о социальном поведении ребенка и один вопрос о его академических достижениях.

Результаты исследования показали достоверную взаимосвязь между успешностью распознавания ребенком ментальных состоя-

ний по выражению глаз человека и его популярностью, воспринимаемой сверстниками ($r=0,297$, $p=0,004$). Однако мы не получили достоверных связей между моделью психического и социометрическим статусом детей.

Рассматривая модель психического как один из механизмов социальной компетентности детей, мы смотрели взаимосвязи между оценками по тесту «Взгляд» и оценкой социального поведения детей их учителями. Обнаружились достоверные взаимосвязи между успешностью распознавания ментальных состояний детьми и частотой обращения сверстников к этому ребенку с предложением игры или помощи ($r=0,337$, $p=0,009$), а также способностью к убеждению ($r=0,317$, $p=0,014$), по мнению учителей. Также выявилась взаимосвязь между моделью психического детей и оценкой их популярности в кругу сверстников учителями ($r=0,274$, $p=0,036$).

Таким образом, развитие модели психического в младшем школьном возрасте оказалось связанным именно с воспринимаемой популярностью в кругу сверстников, как по оценке самих сверстников, так и учителей. Эти результаты согласуются с данными коллег (V. Slaughter, K. Imuta, C. C. Peterson, J. D. Henry). Дети, которые более успешны в распознавании ментальных состояний, более популярны в классе, более убедительны, чем их ровесники; к ним чаще обращаются за помощью, чаще приглашают принять участие в совместной деятельности.

Условия становления субъектности в подростковом возрасте*

*Э. В. Лидская (ПИ РАО, Москва), М. О. Мдивани (ПИ РАО, Москва),
Р. И. Суннатова (ПИ РАО, Москва), Г. В. Шукова (ПИ РАО, Москва)*

Одним из важнейших условий становления субъектности в подростковом возрасте является учебная активность школьника; причем уровень такой активности может рассматриваться в качестве показателя уровня становления субъектности личности подростка (экопсихологическая модель развития психики В. И. Панова). В данном теоретическом контексте проведено эмпирическое исследование психологи-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00667а.

ческих ресурсов становления субъектности в подростковом возрасте в целях расширения представлений о психологическом статусе современных школьников средней и старшей ступеней обучения.

Исследование осуществлено на выборке 296 учащихся 8–11 классов общеобразовательной московской школы с использованием авторских методик «Личностный ресурс и предикторы ненормативного поведения» и «Учебная лень, или Причины нежелания учиться». Гипотеза заключалась в предположении о связи уровня и форм учебной активности подростка с 1) удовлетворенностью отношением значимых людей и 2) определенными личностными характеристиками.

По данным методики «Учебная лень, или Причины нежелания учиться» ведущей причиной критичного для развития субъектности снижения учебной активности является представление о бессмысленности школьной учебы (33,1% опрошенных); следом идут плохое самочувствие (30,4%) и неудовлетворенность отношением взрослых (25,0%).

Установлены статистически значимые связи ($p < 0,001$) между выделенными нами причинами поведения, называемого «ленью», и оценкой удовлетворенности отношением значимых взрослых: неудовлетворенность отношением учителей ($-0,508$) и родителей ($-0,467$); плохое самочувствие подростка в школе ($-0,401$) и дома ($-0,414$); низкий уровень понимания смысла школьной учебы ($-0,302$); отсутствие веры в себя ($-0,290$); экстернальный локус контроля ($-0,311$) и пассивный гедонизм ($-0,286$). Таким образом, учебная лень как снижение активности субъекта в учебе является производной от определенных психологических условий.

Методика «Личностный ресурс и предикторы ненормативного поведения» позволила установить связи между неудовлетворенностью подростков отношением значимых взрослых и деструктивными направлениями в их личностном развитии. Склонность к ненормативному поведению в школе связана с неудовлетворенностью отношением учителей ($0,422$) и в семье ($0,417$). Склонность к суицидальному настроению связана с не удовлетворяющим подростка отношением к нему учителей ($-0,434$) и в семье ($-0,692$). Показана значимость личностного ресурса в осуществлении позитивного сценария становления субъектности подростка таких характеристик, как ответственность и склонность к ненормативному поведению ($-0,276$), склонность к суицидальному поведению ($-0,192$); самоуправление ($-0,509$ и $-0,610$, соответственно) и вера в себя ($-0,076$ и $-0,585$).

Неудовлетворенность подростка отношением к нему родителей и педагогов чревата возможностью возникновения склонности к нарушению норм поведения, а неудовлетворенность отношением к нему одноклассников – суицидальных переживаний. Связь суицидальных настроений с верой в себя составляет $-0,585$, и вполне очевидно отсутствие такой связи между склонностью к нарушению поведенческих норм и верой в себя.

Результаты исследования показывают:

- условием становления субъектности старшеклассников может выступать их личностный ресурс, включающий 1) удовлетворенность отношением к ним значимых людей и 2) личностные характеристики: ответственность, самоуправление и веру в себя;
- препятствием к становлению субъектности старших школьников выступает эмоционально-действенное состояние, блокирующее их учебную активность, – феномен учебной лени, объединяющий такие причины нежелания учиться, как непонимание значимости школьного обучения, отсутствие уверенности в своих учебных возможностях, неудовлетворенность отношением к себе учителей и плохое самочувствие;
- удовлетворенность подростка отношением значимых взрослых и сверстников можно рассматривать как сформированное в ближайшем социальном окружении школьника некое защитное образование против возникновения ненормативного поведения;
- такие личностные характеристики, как ответственность, самоуправление и вера в себя, могут рассматриваться как условия, блокирующие возникновение склонности к нарушению норм и к суицидальному настроению.

В целом полученные данные расширяют представления о субъектности современных старших подростков: эмпирически показано, что в семейном и образовательном пространствах современного детства критически высок вес ряда средовых факторов, способствующих стагнации субъектного развития. Результаты углубляют понимание процесса становления субъектности (субъекта продуктивного развития) в экпсихологической модели развития психики, когда его ключевым условием выступает активность человека.

Динамика психоэмоционального состояния детей дошкольного возраста на занятиях с интерактивным оборудованием с применением технологий дополненной реальности

А. С. Мальцева (ЮУрГУ, Челябинск)

Современный ребенок оказывается в специфичных условиях развития, пронизанных цифровыми технологиями. Формируется новая социальная ситуация развития, в которой Интернет и разнообразные цифровые технологии становятся не просто средствами, но средой обитания для ребенка, специфично влияющей на развитие его высших психических функций, коммуникативных навыков, личностных особенностей (Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик). Развивая идеи теории поколений, исследователи описывают современных детей как новое, особое поколение «Альфа» (М. McCrindle, Е. Wolfinger).

Цифровые технологии активно входят в систему образования. Так, в настоящий момент реализуется федеральный проект «Цифровая образовательная среда». В этом контексте важно подбирать и развивать технологии, экологичные по отношению к естественным законам развития мозга и психики, способные уравновесить требования высокотехнологичного цифрового общества, эффективность образовательного процесса и естественный ход развития ребенка.

В исследовании влияния различных цифровых технологий (AR, VR, ИКТ) встречаются противоречивые данные. Ряд исследований показывают их отрицательное влияние на развитие и усвоение знаний (Н. С. Денисенкова, К. Fröhlich-Gildhoff, М. Spitzer). Другие, напротив, все чаще указывают на эффективность и пользу их применения: наблюдаются положительная динамика эмоционального состояния (В. Г. Аникина, П. А. Побокин, Ю. Ю. Ивченкова), повышение продолжительности концентрации внимания и вовлеченности (Г. У. Солдатова, О. И. Теславская), эффективное развитие высших психических функций и улучшение качества усвоения материала (Ю. Ю. Дюличева, М. Ablyayev, Н. Gil)

Представленное исследование направлено на выявление динамики психоэмоционального состояния, личностных и мотивационных особенностей старших дошкольников, участвовавших в апробации курса занятий, направленных на развитие коммуникативных навыков с применением интерактивного оборудования и технологий до-

полненной реальности (AR-технологии). Курс занятий разрабатывался на основе образовательных режимов «Интерактивной песочницы», предложенной отечественной компанией «Инновации детям», и включал 20 объединенных сюжетом занятий. Занятия проводились 2 раза в неделю в мини-группах по 4–6 человек.

В исследовании на разных его этапах приняли участие 104 ребенка из дошкольных образовательных учреждений различных регионов Российской Федерации. Использовались цветовой тест М. Люшера (8 цветов), рисуночный тест Э. Вартегга, протокол наблюдения, разработанный на основе карт наблюдений А. М. Щетиной и М. А. Никифоровой.

На первом этапе, до реализации программы занятий, исследовалась динамика психоэмоционального состояния детей в процессе работы с интерактивным оборудованием с помощью цветового теста М. Люшера. На данном этапе в исследовании участвовали 26 детей из дошкольных образовательных учреждений Челябинска. Основная динамика была отмечена по синему и зеленому цветам: синий смещался к началу ряда, а зеленый — к концу. Можем проинтерпретировать данную тенденцию как снижение возбуждения, обращение к ощущению покоя, безопасности и принадлежности, благодаря тому что занятия с оборудованием проходят в интерактивной форме: дети имеют возможность активно двигаться, взаимодействовать друг с другом, контактировать с природными материалами и динамичным интерактивным пространством, которое изменяется благодаря их активности.

Далее формировались группы детей в ДООУ регионов России. По результатам наблюдения была отмечена положительная динамика в развитии коммуникативных качеств личности и умений детей (критерии эмпатийности, доброжелательности, заинтересованности в общении, инициативности и соблюдении границ в процессе общения). Педагоги отметили значительное повышение включенности детей в процесс совместной деятельности, усложнение сюжета игры и развитие совместной творческой активности в процессе занятий.

Наконец, исследовалась динамика некоторых личностных особенностей детей, проходивших курс занятий, направленных на развитие коммуникативных навыков, с помощью методики Э. Вартегга. Замеры проводились непосредственно перед началом реализации курса и после его завершения через 2,5 месяца. Наибольшая динамика наблюдалась по трем стимулам методики. При дорисовывании стимула № 1, содержательно связанного с уверенностью/неуверенностью в се-

бе, после прохождения курса повысилась центрированность изображения, чаще стали появляться живые объекты. При дорисовывании стимула № 2, содержательно связанного с проявлениями контактности и эмоциональности, во втором замере чаще стали появляться более определенные и завершенные объекты, и чаще живые. При дорисовывании стимула № 4, содержательно связанного с неосознаваемыми аспектами страха, с ощущением опасности, сократились пространство штриховки и количество объектов, чаще стали появляться границы. В целом прослеживались тенденции к уравниваемости и центрации Я, к повышению актуальности эмоциональных контактов, к направленности на общение, к снижению уровня тревожности.

Образовательные и карьерные перспективы у подростков с различными траекториями взросления*

А. В. Микляева (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Процессы взросления, понимаемого как диалектическое единство экстерииоризации и интерииоризации социального опыта во взаимодействии ребенка и взрослых, в ходе которого складывается ключевой вектор развития личности, определяющий направления ее изменений, — образ взрослости (С. А. Безгодова, А. В. Микляева), — сегодня происходят в условиях дестандартизации жизненного пути, определяющей разнообразие траекторий взросления. Траектория взросления понимается нами как аффективно окрашенное представление подростка о последовательности будущих событий и ролей в разных сферах жизни (семья, карьера, образование, общественная жизнь) и их соотношении, мотивирующее его к освоению элементов роли взрослого человека и их последующей реализации в собственном поведении. Траектории взросления подростков воплощаются в построении субъективной временной перспективы, в конструировании образа будущего (И. М. Богдановская, Н. Н. Королёва, А. Б. Углова), в том числе в построении образовательных и карьерных планов. Цель данного исследования — проследить особенности образовательных и карьерных перспектив у подростков с различными траекториями взросления.

---

* Исследование выполнено по государственному заданию Минпросвещения России № FSZN-2020-0027.

Для определения траекторий взросления, реализуемых подростками, использовались модифицированные шкалы Дембо-Рубинштейн. Образовательные и карьерные перспективы изучались с помощью методики «Якоря карьеры» Э. Шейна и опросника мотивации выбора профессии И. М. Богдановской и А. Н. Кошелевой. В исследовании приняли участие учащиеся школ из различных регионов России в возрасте 12–17 лет в количестве 1031 человек, из них 362 юноши и 669 девушек. В соответствии с теоретико-методологическими основаниями исследования, типологизация траекторий взросления осуществлялась на основе сопоставления показателей, характеризующих мотивацию к взрослению и субъективный уровень достигнутой зрелости (А. В. Микляева, С. А. Безгодова). С помощью метода контрастных групп в выборке были выделены 4 подгруппы: «уверенное взросление» (высокие показатели субъективной зрелости и мотивации к взрослению, $n = 374$); «инфантильное взросление» (низкие показатели субъективной зрелости и мотивации к взрослению, $n = 45$); «постмодернистское взросление» (высокие показатели субъективной зрелости при низких показателях мотивации к взрослению, $n = 84$); «запаздывающее взросление» (низкие показатели субъективной зрелости при высоких показателях мотивации к взрослению, $n = 28$). Статистическая обработка осуществлялась с помощью программного пакета Statistica v. 10.0 и включала расчет описательных статистик, а также однофакторный дисперсионный анализ (F).

Наибольшая определенность образовательного и профессионального маршрута характерна для подростков, демонстрирующих «уверенное взросление» ($5,97 \pm 2,21$ и $6,51 \pm 1,98$, соответственно), наименьшая — для подростков с «инфантильным взрослением» ($4,47 \pm 2,28$ и $4,80 \pm 2,21$), в группах подростков с «постмодернистским» и «запаздывающим» взрослением наблюдаются промежуточные значения этих показателей ($5,41 \pm 2,28$ и $5,55 \pm 2,39$; $5,14 \pm 2,35$ и $4,86 \pm 2,49$), различия между подгруппами достоверны: $F = 8,84$ при $p < 0,001$ для показателей определенности образовательного маршрута и $F = 14,53$ при $p < 0,001$ для показателей определенности профессионального маршрута. Карьерные ориентации в контрастных группах различаются по параметрам «профессиональная компетентность» ($F = 2,84$ при $p < 0,05$), «менеджмент» ($F = 11,40$ при $p < 0,001$), «автономия» ($F = 2,76$ при $p < 0,05$), «служение» ($F = 2,55$ при $p < 0,05$), «вызов» ($F = 6,96$ при $p < 0,001$) и «предпринимательство» ($F = 3,53$ при $p < 0,01$). В структуре карьерных ориентаций подростков с «уверенным» и «постмодернистским» взрослением преобладают карьер-

ерные ориентации «служение», «автономия» и «менеджмент» ($8,18 \pm 2,03$, $7,94 \pm 1,97$, $7,90 \pm 1,94$ и $8,16 \pm 2,00$, $8,28 \pm 1,86$, $7,77 \pm 1,95$, соответственно). «Служение» и «автономия» преобладают и в группе подростков с «запоздавающим» взрослением ($7,96 \pm 1,96$, $8,04 \pm 2,01$), помимо них в этой группе выражена карьерная ориентация «профессиональная компетентность» ($7,75 \pm 1,78$). В группе подростков с «инфантильным» взрослением приоритетными карьерными ориентациями также являются «служение» и «автономия», однако соответствующие показатели ниже, чем в остальных группах ($7,20 \pm 2,65$ и $7,47 \pm 2,42$).

В результате исследования установлено, что наиболее определенные образовательные и профессиональные перспективы характерны для подростков, демонстрирующих «уверенное» взросление, наименее определенные — для подростков с «инфантильным» взрослением. Карьерные ориентации подростков с разными траекториями взросления имеют преимущественно количественные различия и являются в наибольшей степени определенными у подростков с высокими показателями субъективной зрелости.

Факторы психологического благополучия женщин старшего возраста

Е. А. Никитина (ИП РАН, Москва)

Многочисленные исследования продемонстрировали важную роль автономии (С. Charry, R. Going, I. Martinez), самопринятия (U. K. Rashid, B. K. Dey, T. A. Tushar, M. S. Sultana), самооценки (A. Assor, M. Benita et al.; S. Singhal, N. Prakash), осмысленности жизни (A. Bano), характера межличностных отношений (M. Ishii-Kuntz; K. Okabe-Miyamoto, S. Lyubomirsky), здоровья (L. Sapranaviciute-Zabazlajeva et al.), состояния общества (V. Lun, M. H. Bond; K. Krys, Y. Uchida, S. Oishi, E. Diener) и многих других факторов для психологического благополучия личности.

В то же время в разных возрастных группах может различаться степень значимости индивидуальных и личностных особенностей респондентов, а также факторов их социального окружения, коррелирующих с уровнем благополучия.

Целью данной работы было выделение значимых факторов психологического благополучия женщин старшего возраста.

В исследовании приняло участие 30 женщин в возрасте от 61 до 88 лет ($M = 71$ год); 13,8% из них работают, 86,2% – на пенсии; 40% имеют высшее образование, 60% – среднее или среднее специальное; 37,9% замужем. Большинство респондентов оценивают свои экономическое положение (79,3%) и состояние здоровья (69,0%) как такое же, как у их ровесников. Критерий включения – результат выполнения теста SAGE – от 15 баллов.

В исследовании использовались следующие методики: «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева, шкалы Дембо-Рубинштейн на самооценку внешности, интеллекта и характера, опросник осознанности в адаптации Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной, опросник социальной поддержки SOZU-22 в адаптации А. Б. Холмогоровой, методика «Социотропность–самодостаточность» О. Ю. Стрижицкой, М. Д. Петраш, И. Р. Муртазиной и Г. А. Варганян.

Корреляционный анализ, проведенный по данным группы, в целом продемонстрировал, что в исследуемом возрастном интервале удовлетворенность жизнью не зависит от возраста, однако выявлены значимые корреляции с восприятием социальной поддержки в целом, с эмоциональной и инструментальной поддержкой (Spearman $\rho = 0,389$, $0,421$ и $0,368$ при $p < 0,05$), а также с самооценкой интеллекта (Spearman $\rho = 0,647$ при $p < 0,01$) и (на уровне тенденции) с самооценкой внешности.

При сравнении группы «самодостаточных» (10 женщин с самодостаточностью выше медианы и социотропностью ниже медианы) и группы «социотропных» (11 женщин с самодостаточностью ниже медианы и социотропностью выше медианы) различий в удовлетворенности жизнью, осознанности и общем уровне социальной поддержки не обнаружено. В то же время более самодостаточные женщины показывают меньшее расхождение между оценками своей реальной и идеальной внешности и несколько выше оценивают свою удовлетворенность социальной поддержкой.

Далее мы сравнили результаты женщин двух возрастных групп: 61–74 лет, т. е. пожилого возраста ($N = 19$), и старше 75 лет – старческого возраста ($N = 11$), согласно периодизации Всемирной организации здравоохранения. Значимых различий в самодостаточности и социотропности, самооценке внешности и характера между группами не обнаружено.

Значения удовлетворенности жизнью и оценки эмоциональной поддержки со стороны окружающих несколько выше (на уровне тен-

денции) у женщин старше 75 лет, они также значимо выше оценивают свой интеллект и в меньшей степени отмечают неудовлетворенность им. В этой группе удовлетворенность жизнью значимо связана с самооценкой интеллекта, внешности и характера, которые, в свою очередь, тесно связаны между собой. Самооценка интеллекта в этом возрасте значимо коррелирует с уровнем образования.

В группе женщин 61–74 лет удовлетворенность жизнью связана с эмоциональной и инструментальной поддержкой и семейным статусом, а также с самооценкой интеллекта.

Таким образом, мы видим, что у женщин с увеличением возраста подведение итогов прожитой жизни приводит к изменению соотношения внутренних и внешних факторов удовлетворенности жизнью – к принятию себя и повышению вклада фактора самооценки при снижении значения роли социальной поддержки в психологическом благополучии. Следует, однако, обратить внимание на то, что в исследование были приглашены только те респонденты, которые успешно выполнили геронтокогнитивный тест SAGE, т. е. наиболее благополучные по ментальному статусу женщины, доля которых в общей выборке с возрастом уменьшалась.

Исследование психологического благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем, в позднем онтогенезе*

*Н. С. Павлова (ИП РАН, Москва), О. Г. Ворончихина (ГЦ «Забота»,
Ульяновск)*

Особую важность приобретает исследование психологического благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем, на этапе позднего онтогенеза, когда проблемы здоровья становятся чрезвычайно актуальными и непосредственно влияют на все сферы жизнедеятельности человека. Новейшие исследования (Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, О. Ю. Стрижицкая, N. Galdona, С. Martínez-Taboada и др.) указывают на ключевую роль влияния субъективных (внутренних) факторов на показатели качества жизни и здоровья. Такой ракурс исследования позволяет раскрыть ресурсные механизмы самого субъекта.

* Исследование выполнено по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0138-2022-0005.

Мы полагаем, что в позднем онтогенезе наблюдается реорганизация ментальных ресурсов личности и субъекта, что проявляется в психологическом благополучии и субъективной оценке качества жизни и здоровья.

Нами проведены два исследования с участием пожилых людей. Первая научно-исследовательская работа реализована на базе Центра социального обслуживания г. Москвы с привлечением неработающих пенсионеров, проживающих у себя дома ($N=48$). Средний возраст респондентов – $73,5\pm 9,8$ лет. Второе исследование (продолжающееся сейчас) организовано с участием людей, постоянно проживающих в ОГАУСО «Геронтологический центр «Забота» в г. Ульяновске» ($N=155$). Средний возраст респондентов – $71,5\pm 10,5$ лет.

Применялось индивидуальное тестирование с использованием следующих психодиагностических методик: SF-36 «Health status survey» (К. Г. Гуревич, Е. Г. Фабрикант), «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленкова и П. П. Фесенко, авторская анкета для изучения образа жизни.

Результаты показали, что здоровье и его поддержание – это ведущие цели и критерии идеальной жизни людей позднего возраста. При этом, несмотря на довольно низкие показатели качества жизни, связанного со здоровьем, уровень психологического благополучия соответствует высокому и среднему интервалу. На основе этого сделан вывод о множественных вариантах благополучного старения, что обеспечивается опорой на внутренние ресурсы личности (Н. С. Павлова, Е. А. Сергиенко).

Качество жизни, связанное со здоровьем, напрямую сопряжено с общим психологическим благополучием и его компонентами: позитивное отношение с окружающими, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие (Н. С. Павлова, Е. А. Сергиенко). Выявлена прямая взаимосвязь самооценки здоровья с уровнями субъективного счастья и удовлетворенности жизнью.

Также был проведен сравнительный анализ самооценки здоровья и субъективного благополучия у людей с отсутствием и разной группой инвалидности. Принимая группу инвалидности или ее отсутствие за объективную оценку соматического здоровья, получены два важных результата:

Объективное состояние здоровья не отражается на удовлетворенности жизнью, т. е. рефлексивно-оценочной составляющей субъективного благополучия, но сказывается на субъективном счастье, т. е. на эмоционально-чувственном аспекте субъективного благополучия.

Статистически значимые различия по уровню качества жизни, связанного со здоровьем, установлены только по шкале «Физическое функционирование».

У людей с I группой инвалидности наблюдается следующая особенность: при адекватной объективному состоянию оценке своих физических ограничений (т. е. более низких оценках по шкале «Физическое функционирование», по сравнению с людьми без инвалидности ($U = 99,0$, $p = 0,000$) и с людьми со II ($U = 539,0$, $p = 0,001$) и III ($U = 296,0$, $p = 0,000$) группой инвалидности), они имеют более высокие показатели уровня субъективного счастья, по сравнению с людьми с III группой инвалидности ($U = 353,5$, $p = 0,004$). По-видимому, это реализуется за счет механизмов гиперкомпенсации посредством личностных ресурсов, что позволяет человеку принять свои соматические заболевания и физическую дефицитарность, жить вопреки им и чувствовать себя счастливым. Третья группа инвалидности является рабочей, т. е. в социальном восприятии фактически уравнивает ее носителя с людьми без инвалидности. В действительности же человек, имея серьезное заболевание, может переживать связанные с ним болевые ощущения и ограничения в жизнедеятельности. Таким образом, он постоянно сталкивается с необходимостью соответствовать в физическом плане людям без инвалидности, но при этом состояние его здоровья не дает возможности сделать это. Сфокусированность на болезни не позволяет принять свои физические ограничения и сформироваться эффективным компенсаторным механизмом, что, в свою очередь, проявляется в снижении уровня субъективного счастья, по сравнению с людьми с I и II группой инвалидности ($U = 709,0$, $p = 0,009$).

Таким образом, самооценка здоровья и уровень удовлетворенности жизнью у людей с инвалидностью может быть выше, чем у людей без инвалидности, и наоборот, люди, имеющие объективно лучшее состояние здоровья, могут субъективно ниже оценивать качество жизни и удовлетворенность жизнью. Такие результаты говорят о перспективности исследования субъективных факторов благополучного старения.

Моторная и вербальная оценка иллюзий Понзо и Мюллер-Лайера у детей дошкольного и младшего школьного возраста в сравнении со взрослыми испытуемыми*

*Н. И. Романова-Африкантова (СПбГУ, Санкт-Петербург),
В. Ю. Карпинская (СПбГУ, Санкт-Петербург), В. А. Ляховецкий
(Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, Санкт-Петербург)*

Исследователи перцептивных иллюзий неоднократно показывали отличия в величине иллюзорного эффекта у взрослых и детей разного возраста. Вопрос же о том, созревание каких именно когнитивных механизмов влияет на силу иллюзорного искажения, оставался нерешенным.

Целью исследования стало получение данных о силе иллюзорного эффекта у детей разного возраста и у детей с разной степенью зрелости отдельных компонентов зрительного восприятия.

Задача была реализована при помощи специально созданного программного обеспечения. На экране компьютера предьявлялись пары горизонтальных отрезков: отрезки, обрамленные стрелками, направленными внутрь и наружу (иллюзия Мюллера–Лайера) и отрезки, помещенные на фоне двух сходящихся к горизонту линий (иллюзия Понзо) и отрезки, обрамленные вертикальными короткими линиями (в качестве контрольных стимулов). Программа фиксировала силу иллюзорного эффекта, при сравнении длин отрезков вербально (испытуемые устными командами подравнивали нижний отрезок под эталон – верхний отрезок) и моторно (испытуемые проводили пальцами по экрану от начала до конца каждого отрезка сверху вниз слева направо).

В эксперименте участвовали три группы испытуемых: взрослые, дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Экспериментальные группы помимо оценки силы иллюзий проходили также диагностику зрелости зрительного восприятия при помощи методики М. Безруких и Л. Морозовой.

Статистически сравнивались данные о величине иллюзорного эффекта:

- между вербальным и моторным ответом внутри каждой группы;

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-18-00074.

- между группой взрослых и группами детей отдельно по вербальному и моторному ответу;
- между детьми дошкольного и детьми младшего школьного возраста;
- между детьми, разделенными по результатам диагностики зрительного восприятия на две группы – по уровню зрелости константности зрительного восприятия.

Найдено достоверное отличие силы иллюзорного эффекта у детей и взрослых, что согласуется с данными предыдущих исследований (С. Rival et al.; С. Hanish et al.). Размер отличий зависит от иллюзии и способа оценки иллюзорного эффекта (вербально или моторно).

Константность зрительного восприятия является более надежным предиктором силы иллюзии Понзо, чем возраст испытуемых.

Реализация деятельностного подхода в высшем образовании как фактор развития личности студента*

Т. Е. Титовец (БГПУ, Минск, Белоруссия)

Согласно деятельностному подходу, разработанному в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, именно через деятельность и в процессе деятельности человек становится самим собой, происходят его саморазвитие и самоактуализация его личности.

Реализация деятельностного подхода в высшем образовании состоит в организации интенсивной, постоянно усложняющейся деятельности, через которую студент усваивает науку и культуру, новую профессию, способы познания и преобразования мира, формирует и совершенствует свои личностные качества. Она базируется на принципах студентоцентрированности образовательного процесса, практикоориентированности учебно-дидактических материалов, постоянной обратной связи.

Студентоцентрированность образовательного процесса означает отказ от традиционной трансляции знаний от преподавателя к студенту и переход студента из статуса объекта педагогического воз-

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования Белоруссии, проект № ГР 20220691.

действия в статус субъекта педагогического взаимодействия. Этот принцип способствует повышению активности студентов в процессе обучения, развивая не только их профессиональные компетенции, но и компетенции, ведущие к самоутверждению и лидерству. Студентоцентрированность также предполагает переход от внешней мотивации обучения к внутренней саморегуляции будущего специалиста, от разомкнутой схемы контроля знаний – к осуществлению полноценной обратной связи в организации процесса корпоративного обучения. С целью реализации принципа студентоцентрированности, во-первых, в учебное содержание образовательной программы включается профессионально ориентированный материал, работа с которым мотивирует обучающихся к выбору того или иного способа познавательной деятельности. Во-вторых, в образовательном процессе на постоянной основе используется диагностическое оценивание – диагностика готовности студента к освоению нового модуля и сформированности его ключевых умений. В-третьих, студенты получают доступ к описательной матрице всех используемых в модуле методов и образовательных технологий для конкретных условий их реализации. Наконец, студентам предоставлена возможность самостоятельно отслеживать свои затруднения и выявлять природу (или причины) несоответствия полученных результатов ожидаемым.

Таким образом, студентоцентрированность способствует эффективному усвоению различных способов деятельности студентов, поскольку акцент делается на их активности и самостоятельности в переосмыслении и коррекции своего способа мышления и деятельности.

Реализация принципа практикоориентированности образовательного процесса включает в себя следующие компоненты:

1. Фокусность задач учебно-дидактических материалов, предполагающую их направленность на достижение реальных образовательных результатов за определенный промежуток времени, а также релевантность заявленных результатов обучения задачам и содержанию учебной дисциплины.
2. Отражение в содержании учебно-дидактических материалов актуальных проблем современности, знание которых повышает профессиональную компетентность специалиста как стратега, менеджера.

3. Обязательную праксиологическую компоненту учебно-дидактических материалов, которая требует разработки учебно-дидактических материалов деятельностной направленности: решение кейсов, проблемных ситуаций, проведение микроисследований, защиту проектов, демонстрацию усвоенных навыков в ролевых играх, учебных квестов, тренинговых тестов открытого типа, деловых игр симуляционного типа и т. д.
4. Многоуровневость учебно-дидактических материалов, обеспечивающую гибкость их применения для студентов с различным уровнем когнитивной, эмоционально-волевой и деятельностной готовности к решению учебных задач.
5. Кумулятивность учебно-дидактических материалов, при которой в каждом следующем по уровню учебном задании имплицитно представлены практические умения, отработанные в ходе освоения предыдущего уровня.
6. Метакогнитивное наполнение учебно-дидактических материалов, их ориентированность на формирование умений рефлексии личного опыта учебной и профессиональной деятельности.
7. Методолого-пропедевтическую направленность учебно-дидактических материалов, предполагающую поэтапное введение студента в исследовательскую деятельность и игровую симуляцию различных этапов научных исследований.

Принцип постоянной обратной связи означает не только своевременное предоставление студентам качественной и количественной оценки их деятельности. Данный принцип также открывает возможность своевременного обновления содержания и механизмов реализации программы на основе оценки всех заинтересованных сторон.

Таким образом, при деятельностном подходе значительно возрастает доля самостоятельной познавательной активности студента по разрешению проблемных учебных ситуаций, и личность обучающегося выступает как активное творческое начало, как субъект жизнедеятельности.

Взаимосвязь понимания ментальных состояний по выражению лица и социальной компетентности, измеренной учителями, у детей школьного возраста*

*А. Ю. Уланова (ИП РАН, Москва), Е. И. Лебедева (ИП РАН, Москва),
Г. А. Виленская (ИП РАН, Москва), Н. С. Павлова (ИП РАН, Москва),
О. Е. Филиппу (Школа №2116, Москва)*

В современной зарубежной литературе наблюдается интерес к изучению социального познания детей в сопоставлении с проявлениями их социальной компетентности и социального поведения. Отчасти это объясняется тем, что индивидуальные различия в понимании детьми ментальных состояний обнаруживают взаимосвязь с различными аспектами социального поведения как в группах типично, так и атипично-развивающихся детей (J. H. Flavell; C. Hughes, S. Leekam).

Подход «модель психического» (*Theory of mind*), описывающий систему репрезентаций о психических феноменах (знаниях, мнениях, эмоциях и др.), показывает свою продуктивность в изучении процесса социализации на разных этапах онтогенеза (Е. А. Сергиенко, А. Ю. Уланова, Е. И. Лебедева). Однако, несмотря на огромный интерес к развитию понимания ментального мира Другого, подавляющее большинство исследований обращено к дошкольному или даже младенческому периоду. Развитие модели психического в младшем школьном и особенно подростковом возрасте изучено недостаточно. Большинство исследований в этом возрастном диапазоне сосредоточено на понимании неверных мнений второго порядка и понимании обмана, в то время как развитие социальной компетентности, просоциального поведения и их связь с развитием модели психического изучены слабо.

С целью комплексного изучения роли модели психического в проявлении социального функционирования в детском и подростковом возрастах был разработан и реализуется проект исследования «Когнитивные основы социальной компетентности». Данная публикация представляет результаты первого этапа анализа полученных данных.

Цель данного исследования — изучить взаимосвязь в развитии модели психического (на примере понимания ментальных состояний по выражению лица) и социальной компетентности, измеренной учителями, в среднем подростковом возрасте.

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00474.

Участниками исследования стали ученики 6-х, 7-х и 8-х классов МБОУ «Петровская средняя общеобразовательная школа», в общей сложности 108 человек 12–15 лет. Также в исследовании приняли участие классные руководители тех классов, в которых обучались респонденты. После исключения участников с неполным комплектом заполненных методик выборка исследования составила 87 человек: 22 ученика 6-х классов, 44 ученика 7-х классов и 21 ученик 8-х классов.

Для оценки модели психического была использована русскоязычная версия методики «Тест чтения психического других людей по глазам» («Reading the Mind in the Eyes», S. Baron-Cohen). Данный тест позволяет оценить уровень, на котором находится модель психического у испытуемого, через оценку его умения понимать термины ментальных состояний и соотносить их с выражением лица. В тесте представлено 28 фотографий глаз людей, участнику предлагается выбрать наиболее подходящий термин ментального состояния из четырех предложенных под каждой картинкой.

Для изучения социальной компетентности респондентов был использован метод внешней экспертной оценки. В авторском опроснике учителям было предложено оценить по 10-балльной шкале общую академическую успешность и 10 различных проявлений социального поведения респондентов: выраженность агрессивного поведения, просоциального поведения, популярность среди сверстников, востребованность в межличностном общении и играх, успешность в убеждении, подверженность чужому влиянию, подверженность насмешкам со стороны одноклассников, использование юмора в общении, выраженность манипулятивного поведения и саморегуляции.

Для оценки взаимосвязи между изученными параметрами был проведен корреляционный анализ r Спирмена. Уровень понимания ментальных состояний по выражению лица (общий балл) сопоставлялся с одиннадцатью показателями социальной компетентности. В результате анализа были получены две значимые корреляции: с показателями просоциального поведения ($r = 0,218$, $p = 0,043$) и популярности среди сверстников ($r = 0,242$, $p = 0,024$). Таким образом, дети, лучше понимающие ментальные состояния по выражению лиц, чаще оценивались учителями как дружелюбные, склонные проявлять помогающее поведение (делиться с другими детьми, помогать, утешать), а также более популярные в среде сверстников. Среди прочих оцениваемых учителями параметров именно эти проявления социального поведения сочетаются с выраженностью социокогнитивных способностей самих респондентов.

Аналогичные данные были получены в других исследованиях на выборке детей дошкольного и младшего школьного возраста при изучении популярности (V. Slaughter) и просоциального поведения (K. Imuta). Подобные взаимосвязи в период среднего детства только начинают изучаться.

В продолжении данного исследования полученные результаты будут сопоставлены с другими показателями модели психического и социальным поведением, оцененным с помощью экспериментальных процедур.

Эмоциональная оценка жизненных ситуаций детьми 8–12 лет*

Н. Е. Харламенкова (ИП РАН, Москва),

Н. Е. Шаталова (ИП РАН, Москва)

Рассматривая тревожность как состояние или черту, исследователь чаще всего соотносит их с индивидуально-психологическими особенностями личности. Современные работы (С. Н. Костромина, Н. В. Гришина, И. А. Мироненко) показывают, как важен для адекватного изучения личности социальный контекст. Соотнести эти две позиции может помочь использование особых исследовательских приемов, таких, например, как сопоставление отношения человека к тревожной ситуации с самооценкой приятного/неприятного контекста. Данный прием позволяет избежать социально желательных ответов на прямо поставленный вопрос, а также частично оценить тревожное состояние взрослого и ребенка путем его сопоставления с представлением и оценкой тревожной или стрессовой ситуации.

Целью исследования стало изучение отношения детей разного пола 8–12 лет к тревожной, стрессовой, эмоционально нейтральной и радостной ситуациям.

Гипотеза исследования такова: у детей 8–12 лет эмоциональная оценка тревожной ситуации отличается от стрессовой, нейтральной и радостной, причем девочки и мальчики, определяющие свое актуальное состояние как спокойное, т. е. нетревожное, различают эти ситуации успешнее.

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00972.

Выборку составили учащиеся 3–4 классов ГОУ СОШ № 1 г. Лосино-Петровск Московской области ($N = 132$ чел.) в возрасте от 8 до 12 лет (средний возраст 9,8 лет) – 61 девочка и 71 мальчик. Большинство детей живет в полных (в т. ч. многодетных) семьях, несколько человек воспитывается одной матерью или бабушкой.

Для выявления особенностей актуального эмоционального состояния использовался краткий «Цветовой тест отношений» (ЦТО). К стандартной процедуре – ранжированию 8 цветов по степени их приятности для респондента – были добавлены несколько вопросов, касающихся отношения ребенка к различным ситуациям. Детей просили подобрать цвет к тревожной, стрессовой ситуациям, радостному и спокойному событию. Статистический анализ данных был проведен с использованием программного пакета Statistica v. 10; применялись U-критерий Манна–Уитни и T-критерий Уилкоксона.

На основе полученных данных было проведено кодирование ответов в соответствии с удаленностью выбранного к той или иной ситуации цвета-ассоциации от позиции этого цвета в основной раскладке.

Для проверки гипотезы был осуществлен поиск различий в отношении к тревожной, стрессовой, радостной и спокойной ситуациям. Статистический анализ показал, что дети хорошо дифференцируют радостную ситуацию от всех остальных – тревожной ($T = 2722$, $p = 0,0002$), стрессовой ($T = 2384,5$, $p = 0,00001$) и спокойной ($T = 2380$, $p = 0,00001$).

Ориентируясь на то, какая по цвету карточка занимала у детей первое место в раскладке, и на положение в этой раскладке цветной карточки, выбранной для тревожной ситуации, всю выборку разделили на подгруппы: тревожных девочек ($n = 29$) и тревожных мальчиков ($n = 33$), нетревожных девочек ($n = 32$) и нетревожных мальчиков ($n = 38$).

Статистический анализ данных показал, что нетревожные девочки хорошо различают все предлагаемые им ситуации между собой, успешно их дифференцируя ($p < 0,02$). Нетревожные мальчики также успешно различают все ситуации, за исключением спокойной и стрессовой ($T = 323$, $p = 0,6$). Такая же проблема обнаружена в подгруппах тревожных мальчиков и девочек, у которыми дополнительно не дифференцируются радостная и стрессовая ситуации. Отдельно следует сказать о тревожных мальчиках, одинаково оценивающих три пары ситуаций: спокойную и стрессовую, радостную и стрессовую, спокойную и радостную.

Сравнение внутри подгрупп респондентов показало, что тревожные и нетревожные девочки по-разному относятся к спокойному событию: нетревожные соотносят его со своим актуальным состоянием в большей степени, чем тревожные ($U = 281, p = 0,008$). В подгруппах мальчиков различия получились по показателю «радостная ситуация», которую нетревожные мальчики склонны идентифицировать со своим состоянием в момент исследования ($U = 392, p = 0,006$).

Поскольку ЦТО отражает актуальное состояние респондента, можно предположить, что выбор цвета-ассоциации соответствует той ситуации, которую переживает ребенок на момент исследования и которая может быть связана с его учебной или спортивной деятельностью, ситуацией в семье и т. п. Способность нетревожных, спокойных детей эмоционально дифференцировать самые разные ситуации указывает на их открытость опыту, чувствительность к разнообразию. Идентичная оценка спокойной, стрессовой и радостной ситуаций тревожными мальчиками свидетельствует о доминировании у них напряженного состояния.

Половые различия в оценках ситуаций, противопоставляемых тревожной, можно объяснить следующим образом. Радостные события у девочек, вероятнее всего, происходят чаще и воспринимаются как неотъемлемая часть бытия, и по этой причине тревожной ситуации противопоставляется спокойная, т. е. нейтральная ситуация. Для мальчиков в силу различных причин (как личностных, так и особенностей воспитания) характерно более спокойное, малоэмоциональное отношение к происходящему. Видимо, по этой причине в группе мальчиков противопоставляются события, предполагающие сильные эмоции: чем ближе тревожное событие к актуальному состоянию мальчика, тем дальше — радостное событие, и наоборот.

Родительские практики воспитания ответственности как компонент развития детской самостоятельности*

Е. М. Цыганова (НИУ ВШЭ, Москва), А. А. Бочавер (НИУ ВШЭ, Москва)

Как в российском, так и в международном контексте образовательный дискурс смещается в сторону признания ценности детской самостоятельности как одной из задач образования. Однако первой

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-18-00416.

средой, в которой могут развиваться различные навыки широко понимаемой самостоятельности, является семья, в которой ребенок осваивает умения целеполагания, планирования, экспериментирования, совершения выбора, проявления инициативы, а также ответственного отношения к собственным поступкам и их последствиям. Понятие ответственности связано с осознанным выбором человека поступать определенным образом, с ощущением готовности выполнять действие и с пониманием, что только от него зависит его выполнение, что он сам — актер своей деятельности. Ответственность включает самостоятельную регуляцию и детерминации своей деятельности и сочетает в себе когнитивные, моральные, эмоциональные и социальные компоненты.

Для изучения родительских практик, направленных на развитие ответственности в детях, были проведены полуструктурированные интервью. Гайд интервью включал 20 вопросов по четырем темам:

- определение ответственности;
- методы, используемые родителем для воспитания ответственности;
- роль работы по дому в воспитании ответственности;
- воспринимаемая собственная ответственность родителя.

В исследовании приняли участие 14 родителей детей в возрасте 7–11 лет.

Понимание родителями, что такое ответственность, разделяется на три категории: понимание последствий действий (в том числе санкций за проступки); самостоятельность (выполнение своих обязанностей без вовлечения взрослого); послушание, выполнение родительских просьб.

Выделенный репертуар родительских практик включал ряд показателей: направление ребенка (просьба, напоминание); предоставление выбора в описанных границах; предоставление обратной связи в разных формах; распределение обязанностей; демонстрация примера; совместная деятельность; поддержание режима, рутины; контроль результатов деятельности; поощрение инициативы; последовательность в делегировании ребенку ответственности; внимание к степени свободы, личному выбору ребенка; привлечение ребенка к заботе о ком-то третьем.

Как показывает анализ литературы (C. Schatschneider, J. M. Fletcher, D. J. Francis, C. Carlson; W. S. Grolnick, E. M. Pomerantz; B. Soenens, M. Vansteenkiste; C. S.-S. Cheung, E. M. Pomerantz), наиболее подходя-

щими практиками в воспитании ответственности являются те, которые обеспечивают независимость и поддержание автономии ребенка, формируют структуру и поведенческий контроль, включают материальную и эмоциональную вовлеченность. Выявленные нами практики соответствуют описаниям, содержащимся в литературе. Напротив, не способствуют в долгой перспективе развитию ответственности такие практики, которые содержат психологический контроль (манипуляции чувством вины, стыда, индукция тревоги) и формируют зависимость ребенка от родителя (невозможность совершить выбор самостоятельно, незнание собственных интенций к действию), а также физические наказания (В. Soenens, М. Vansteenkiste).

Дальнейшие исследования могут быть направлены на межкогортное и ретроспективное изучение родительских практик (включение в выборку прародителей).

Взаимосвязь саморегуляции с рефлексивностью и самооценкой у подростков

*А. И. Чернова (МТКИ им. Л. Б. Красина, Москва,
КГУ им. Н. А. Некрасова, Кострома)*

Саморегуляция собственных психических состояний позволяет личности сохранять здоровье, радость и вдохновение на пути к целям. Человек, умеющий осознанно регулировать свою деятельность и поведение, достигает высокого результата в процессе достижения целей.

Одним из механизмов, необходимых для успешного осуществления процесса саморегуляции, является самоанализ, в качестве которого может выступать рефлексия, а функцию механизма соотнесения текущего состояния с заданным критерием может нести самооценка. Исследование взаимосвязей саморегуляции с указанными механизмами представляет особый интерес именно в подростковом возрасте, сензитивном к их формированию. Это обусловило цель нашего исследования: выявить взаимосвязь саморегуляции с рефлексивностью и самооценкой у подростков.

Выборку исследования составили 40 подростков, обучающихся на первом курсе техникума по креативным направлениям, в возрасте 15–16 лет, из них двое юношей и тридцать восемь девушек.

В методический комплекс вошли методики для исследования саморегуляции (сокращенный вариант опросника ССПМ В. И. Моросанова), рефлексии (Методика дифференциальной диагностики рефлексивности Д. А. Леонтьева, Е. М. Лаптевой, Е. Н. Осина и А. Ж. Салиховой) и самооценки (Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн, в модификации А. М. Прихожан. Для статистической обработки результатов применялся корреляционный анализ (r -ранговая корреляция Спирмена).

В процессе анализа и интерпретации данных было установлено, что показатели саморегуляции «Гибкость», «Моделирование», «Программирование», «Оценка результатов» и «Общий уровень саморегуляции» положительно коррелируют с уровнем самооценки по шкалам «Характер», «Авторитет у сверстников» и «Уверенность в себе» ($p < 0,05$). Это связано, вероятно, с тем, что развитие в подростковом возрасте навыка самоанализа, оценивания себя как личности и как члена общества позволяет соотнести свои возможности и результаты деятельности, учитывая мнения окружающих и собственные требования к себе, к своему характеру, к умению выстраивать взаимодействие в коллективе. Подросток легче овладевает новыми видами активности, увереннее чувствует себя в незнакомых ситуациях и меняющихся условиях, проявляя гибкость, моделируя новые ситуации. Это говорит о развитии навыка осознанной саморегуляции.

Уровень интроспекции отрицательно связан с такими шкалами саморегуляции, как «Гибкость» ($r = -0,633$, $p = 0,000$), «Моделирование» ($r = -0,701$, $p = 0,000$), «Программирование» ($r = -0,532$, $p = 0,000$), «Надежность» ($r = -0,626$, $p = 0,000$), «Оценка результатов» ($r = -0,661$, $p = 0,000$), «Общий уровень саморегуляции» ($r = -0,805$, $p = 0,000$). Это позволяет сделать вывод о том, что излишняя концентрация на собственных внутренних состояниях и переживаниях, свойственная подросткам, приводит к отсутствию учета внешних условий в достижении целей, что снижает общий уровень саморегуляции и уровень развития ее компонентов.

Если же, напротив, подросток уходит в размышления, не связанные с настоящим моментом и ситуацией «здесь и сейчас», то это снижает его способность продумывать свои действия в текущей ситуации, а следовательно, и возможности программирования своей деятельности, что подтверждает отрицательная связь уровня квазирефлексии со шкалой саморегуляции «Программирование» ($p = -0,338$, $r = 0,033$).

В результате исследования выявлены достаточно сильные связи общего уровня саморегуляции и ее шкал с уровнем самооценки подростков. Это говорит о высокой роли самооценки в формировании регулятивных процессов в подростковом возрасте.

Анализ связей рефлексивности и саморегуляции позволяет сделать выводы о необходимости баланса анализа внутреннего состояния и внешних факторов для успешной саморегуляции деятельности. Излишняя концентрация на одном из таких рефлексивных процессов, как интроспекция и квазирефлексия, снижает возможности саморегуляции. Это говорит о важности оптимального уровня развития рефлексивности.

Характеристика картины мира детей-сирот в контексте их жизнеспособности

А. М. Щербакова (МГППУ, Москва)

Задачи психолого-педагогического сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее – дети-сироты), определяются необходимостью искать эффективные пути и способы подготовки воспитанников к самостоятельной жизни. Известно, что многие из выпускников институциональных учреждений испытывают трудности личностного и профессионального самоопределения, переживают проблемы адаптации, неудачи в попытках самореализации (А. М. Щербакова, Н. В. Москаленко). С уровнем социальной адаптации напрямую связан феномен жизнеспособности: чем выше коэффициент жизнеспособности, тем выше коэффициент социальной адаптации (А. И. Лактионова, А. В. Махнач). Результаты многочисленных исследований и наблюдений говорят о преимущественно недостаточной жизнеспособности сирот.

Жизнеспособность понимается как ключевой фактор, обеспечивающий преодоление трудных ситуаций за счет управления ресурсами – как персональными, так и средовыми. Такое управление требует ориентировки в социальной среде, осознания встречающихся проблем, выбора активности, наиболее соответствующего задаче решения проблемы.

Согласно утверждению Е. А. Рыльской, индивидуально-типологические особенности жизнеспособности проявляются в специ-

фике образа мира, что направляет наше внимание на изучение связи этих феноменов.

Образ мира является образом объективной реальности, «мира, как он есть» (А. Н. Леонтьев) и служит «ориентировочной основой» поведения. Согласно С. Д. Смирнову, образ мира – постоянный фон, предваряющий чувственные впечатления различной модальности, которые, обобщаясь до символов, оформляются в картину мира. Указывая на различие мира образов и образа мира, В. В. Петухов вводит понятие «представление мира», связанное с практической «вовлеченностью» человека в мир, определяемой его субъективным опытом. Картина мира понимается как «способ описания мира» (Е. Ю. Артемьева). Отсюда, являясь репрезентацией образа мира, картина мира выступает как особое средство ориентации и регулятор деятельности индивида.

Институциональные условия воспитания вносят в развитие детей-сирот определенные особенности, которые не могут не отражаться на формирующейся у них картине мира. Следует учитывать также наличие у детей либо последствий ранней депривации, либо негативного (вплоть до травматического) опыта воспитания в асоциальной семье. Несформированная, фрагментарная или хаотичная картина мира связана с затруднениями ориентировки в окружающей действительности, что ведет за собой определенные ограничения жизнеспособности, становясь преградой к самоопределению и самореализации.

Мы предприняли пилотное эмпирическое исследование картины мира подростков-сирот, в котором использовали тест жизнеспособности детей и молодежи СУРМ-28 (в адаптации А. В. Махнача и А. Н. Лактионовой), методику выявления индивидуального смысла понятий А. М. Щербаковой, а также методику «Мечты, надежды, страхи, опасения» А. М. Прихожан. Для наглядной репрезентации «своего мира» детям предлагалось изобразить его картину на бумаге с помощью предложенных средств (краски, карандаши, пластилин).

Полученные результаты свидетельствуют о качественном своеобразии картины мира подростков-сирот в сравнении с их сверстниками, воспитывающимися в семье. Сироты демонстрируют менее насыщенные картины: в них меньше деталей, цветов; ни на одной картине не изображают себя самого; многие говорят «не знаю, что рисовать» (у детей, воспитывающихся в семье, такие ответы не встречаются). При включении в рисунок негативных, болезненных деталей (что, хотя и реже, встречается и в группе сравнения), дети-сироты не дают

им объяснений даже при прямом вопросе, тогда как их сверстники, воспитываемые в семье, готовы давать таким элементам картины рефлексивное разъяснение. Анализ лексики, используемой при вербальной характеристике детьми-сиротами своего мира, показал, что зачастую им нечего сказать о нем, в их ответах отсутствует лексика, семантически связанная с интересом к миру, к взаимодействию с ним, с развитием в его рамках, присутствующая в ответах детей, воспитываемых в семье («место новых возможностей», «помогает понять себя», «сложная игра», «развитие», «путь»). Для ряда описанных в анализе лексики позиций удалось обнаружить значимые связи с уровнем жизнеспособности детей-сирот.

Повышение жизнеспособности является одной из ключевых задач психолого-педагогической реабилитации. Исходя из предположения, что уровень жизнеспособности детей-сирот – воспитанников институциональных учреждений – связан с характером их картины мира, целесообразно в работу по формированию и коррекции их жизнеспособности включать работу по обогащению, структуризации и гармонизации их картины мира, постепенно подходя к содержательному конструированию «своего жизненного поля, включающего в себя как индивидуальные жизненные смыслы, так и пространство реального действия – актуального и потенциального» (Р. М. Гинзбург).

**Проблемы
современной клинической психологии**

Предисловие к разделу

М. А. Падун, Ю. В. Быховец

Клиническая психология интенсивно развивается в соответствии с тенденциями развития современного мира, под влиянием расширяющихся глобальных и локальных запросов. Тематика представленных на секции «Проблемы современной клинической психологии» докладов отражает отдельные направления этого развития.

Одной из социальных проблем современного мира является высокая нагрузка, которую государства несут в связи с работой систем здравоохранения. Несоответствие затрат на здравоохранение и результатов его работы приводят к кризисам систем здравоохранения в развитых странах. Соответственно, научные дисциплины, так или иначе связанные с этой проблематикой, призваны разрабатывать эффективные методы диагностики и лечения. В данном контексте может быть выделена проблема ранней диагностики психологического неблагополучия, которое со временем может приобрести клинические формы. На конференции представлены результаты разработки и апробации экспресс-методики оценки психического неблагополучия (SCL-9-K). Специалисты также обращаются к возможностям метода нейропсихологического синдромного анализа в экспертной психиатрической практике. Следует отметить психодиагностические возможности некоторых психотерапевтических направлений (например, танцевально-двигательная терапия) для оценки особенностей моторики и невербальных коммуникаций пациентов психиатрического стационара.

Основные задачи клинической психологии – разработка теоретических основ и эмпирическое обоснование методов психологической помощи людям с соматическими и психическим расстройствами – реализуются с разных сторон. В частности, это теоретический трансдиагностический подход к диагностике и лечению, который

позволяет описать общие и специфические психологические факторы развития разных расстройств. В рамках исследования психосоматических соотношений на конференции представлены результаты изучения психологического неблагополучия у людей с соматическими заболеваниями. Так, предметом исследования стали особенности проявления суеверности лицами, страдающими хроническими соматическими заболеваниями, а также взаимосвязь опыта материнства и терминальных ценностей у женщин с онкозаболеваниями.

Изучение факторов уязвимости в развитии психических расстройств производится в рамках диатез-стресс моделей. В этом смысле пандемия COVID-19 стала источником риска развития тревожно-депрессивных расстройств и расстройств, связанных со стрессом. На конференции представлены работы по изучению переживания пандемии COVID-19 как на уровне популяции в целом, так и отдельными группами населения (психически больные респонденты, респонденты с разным статусом COVID-19). Отдельным направлением является изучение стрессовых факторов для определенных психологически уязвимых групп населения, к которым современные авторы относят семьи с ребенком-инвалидом, пожилых людей с хронической инсомнией и т.д.

В качестве приоритетного направления в развитии клинико-психологических исследований можно выделить разработку научно обоснованных методов психологической диагностики и психологической помощи на базе цифровых технологий. Цифровые технологии позволяют повысить доступность и эффективность психологической помощи. Таким образом, это направление можно обозначить как один из трендов в развитии российской клинической психологии и выразить надежду на то, что оно будет представлено на будущих конференциях.

Особенности проявления суеверности лицами, страдающими хроническими соматическими заболеваниями*

И. Р. Абитов (К(П)ФУ, Казань), Р. Р. Акбирова (К(П)ФУ, Казань)

Среди людей, страдающих различными заболеваниями, широко распространены суеверные представления и различные ритуальные действия. Отмечается, что более 40% американцев прибегают к немедицин-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00644а.

ским формам лечения заболеваний (D. Graeupner, A. Coman). Само физическое заболевание иногда связывается в сознании с суеверными причинами. Так, в исследовании, проведенном в Иране, 40% пациентов считали такие иррациональные причины, как «сглаз» и «порча», источником соматических болезней (M. Taher et al.). Африканские исследователи также отмечают тот факт, что пациенты связывают заболевания и исцеление с магическим воздействием (E. Y. Tenkorang). В Африке до 70% пациентов используют для лечения своих заболеваний магию и ритуалы (T. Puckree). Исследование, проведенное в Нигерии, показало, что суеверные люди не соблюдают должным образом инструкции врачей (O. Omeje, C. Nebo). В исследовании, проведенном австралийскими учеными, были выявлены такие факторы, оказывающие влияние на соблюдение режима приема лекарств, как культурно обусловленные верования и духовные и религиозные представления (W. Shahin).

В нашем исследовании участвовали 60 испытуемых (42 женщины и 18 мужчин). Были использованы следующие методики: «Опросник суеверности» И. Р. Абитова, «Опросник верований и суеверий» И. Я. Стояновой, а также экспериментальные задания, направленные на выявление приверженности испытуемых различным суеверным представлениям, связанным с заболеванием и процессом лечения, их склонности использовать различные ритуалы. Вся выборка была разделена в зависимости от объективной тяжести заболевания на две группы: 1) испытуемые, страдающие хроническими заболеваниями с более высокой степенью объективной тяжести, которая определяется высокой вероятностью хронификации и инвалидизации, а также высокой вероятностью летального исхода (33 человека). К данной группе были отнесены испытуемые, страдающие онкологическими заболеваниями, ишемической болезнью сердца, стенокардией, почечной недостаточностью, пороком сердца; 2) испытуемые, страдающие заболеваниями с более низкой степенью объективной тяжести (27 человек). К данной группе были отнесены респонденты, страдающие такими заболеваниями, как сахарный диабет 2 типа, гастрит, артрит, гипертония.

В группе испытуемых с низкой степенью объективной тяжести заболевания были обнаружены более высокие значения по шкалам прагматического восприятия ($p < 0,05$, $U = 297$) и активного применения прагматической защиты ($p < 0,05$, $U = 283$). Для респондентов с низкой объективной тяжестью заболеваний различные приметы и суеверия

имеют более высокое значение, они более склонны верить в наличие необъяснимых, магических сил, оказывающих благоприятное или негативное воздействие на жизнь людей. Данные испытуемые более склонны применять верования и ритуалы в повседневной жизни в целях защиты от негативного воздействия сверхъестественных сил и верить в эффективность такого рода защиты. В группе больных, страдающих заболеваниями с более высокой степенью объективной тяжести, более выражено представление о влиянии на начало их заболевания зависти знакомого человека ($p < 0,05$, $U = 132$). Также респонденты данной группы более высоко оценивают влияние на развитие их заболевания таких факторов, как наказание со стороны высших сил за ошибки, совершенные родителями и другими старшими родственниками ($p < 0,05$, $U = 145$), и испытание их жизнестойкости и/или веры высшими силами ($p < 0,001$, $U = 156$). Больные, страдающие заболеваниями с более высокой степенью объективной тяжести, выше оценивают степень влияния на результат операции или другой медицинской манипуляции таких факторов, как «легкая рука» врача или медицинской сестры ($p < 0,001$, $U = 163,5$), выбор благоприятного дня для проведения операции или медицинских манипуляций (в соответствии с астрологическим прогнозом, с рекомендацией экстрасенса, с собственными предчувствиями) ($p < 0,05$, $U = 144,5$).

Таким образом, респонденты с более низкой степенью объективной тяжести хронического заболевания более склонны верить в распространенные в российской культуре приметы и суеверия, у них более выражена вера в сверхъестественные силы и они более склонны применять эти верования и ритуалы в повседневной жизни. А у респондентов с высокой степенью объективной тяжести хронического заболевания более выражены верования, являющиеся частью внутренней картины болезни и связанные с причинами заболевания, факторами, влияющими на его развитие и на успешность лечения. Данные верования представляют поведенческий компонент вовлеченности и, вероятно, выполняют компенсаторную функцию в ситуации объективно тяжелого соматического заболевания, в то время как более высокие значения праологического восприятия (суеверности) и активного использования праологической защиты в большей степени, вероятно, направлены на регуляцию негативного эмоционального состояния, связанного с проявлениями заболевания (боли, ухудшение физического состояния, ограничения в связи с болезнью).

Пандемия COVID-19 и психическое здоровье людей, ранее обращавшихся за психиатрической помощью

*О. М. Бойко (НЦПЗ, Москва), О. Ю. Воронцова (НЦПЗ, Москва),
С. Н. Ениколопов (НЦПЗ, Москва), О. Ю. Казьмина (НЦПЗ, Москва),
Т. И. Медведева (НЦПЗ, Москва)*

О влиянии пандемии COVID-19 на психическое здоровье людей начали говорить еще в самом ее начале, опираясь на исследования стрессогенности масштабных инфекционных процессов и противоэпидемических мер. Однако по мере увеличения числа переболевших специалисты области психического здоровья столкнулись с пониманием, что даже перенесенная в легкой форме инфекция способна приводить к дебюту психических расстройств – в основном тревожных и депрессивных состояний (С. Н. Мосолов). При этом вне поля зрения большинства исследователей остались люди с ранее имеющимися психическими заболеваниями, их реакции на пандемию в целом и на меры противодействия ей, а также на перенесенное заболевание, несмотря на предупреждения ряда специалистов уже в самом начале пандемии о высокой уязвимости людей с психическими заболеваниями.

Немногочисленные исследования, проведенные с тех пор, показали, что в переживании пандемии людьми с психическими заболеваниями есть особенности, которые необходимо учитывать при психологической работе с ними.

Во-первых, для людей с психическими заболеваниями был выявлен более высокий риск заражения COVID-19 за счет худшего соблюдения гигиенических правил (L. Fonseca, E. Diniz, G. Mendonca), более низкого социально-экономического статуса, меньших возможностей выбрать более безопасную с эпидемиологической точки зрения удаленную работу (D. Richter, H. Hoffmann). Это приводит к необходимости учета объективных ограничений и показывает одно из направлений психокоррекционной работы – упрочнение гигиенических навыков.

Во-вторых, установлено, что характер психического заболевания влияет на краткосрочную и отсроченную реакцию. Так, наиболее быструю и выраженную декомпенсацию наблюдали у людей с расстройствами депрессивного спектра. У людей с расстройствами

ми тревожного спектра в ситуации пандемии растет число используемых стратегий совладания, однако часть их (чтение новостей о заболевании, чтение статей экспертов и т. д.), наоборот, способствуют повышению уровня тревоги. Декомпенсация у людей с расстройствами шизофренического спектра наступает позже и выражается в десоциализации, потере и так хрупких социальных связей (С. Е. Vissink, Н. Н. van Hell, N. Galenkamp). Соблюдение противоэпидемических мер также оказалось связанным с особенностями психического заболевания человека. Так, лучше всего, даже по сравнению с нормативной выборкой, их соблюдали люди с расстройствами тревожного спектра. Наименьшую комплаентность проявили люди с расстройствами депрессивного спектра, чья частота контактов даже во время локдаунов оставалась допандемической (N. Dalkner, M. Ratzenhofer, E. Fleischmann). Все это свидетельствует о необходимости специально адаптированных интервенций, связанных с COVID-19, для людей с психическими расстройствами, дебютировавшими до пандемии.

Одновременно с этим были выявлены дополнительные стрессовые факторы, привносимые пандемией в жизнь людей, страдающих психическими заболеваниями. Например, необходимость изменения ежедневных рутин (P. Kolbaek, O. H. Jefsen, M. Speed), трудности с соблюдением режима лечения (E. Mutlu, A. E. Anil Yağcıoğlu), снижение доступности психиатрической помощи, а также наличие сопутствующих физических заболеваний, отягощающих течение COVID-19 (T. E. Van Rheenen, D. Meyer, E. Neill). Это требует дополнительной помощи в преодолении бытовой дезорганизации и в формировании новых рутин, в информировании о возможностях получения необходимой медицинской помощи.

Кроме того, интенсивное пролонгированное стрессовое воздействие, оказываемое пандемией, зачастую приводит к резкому ухудшению внутрисемейных отношений, что в части случаев способствует дебюту/утяжелению домашнего насилия как в отношении человека, страдающего психическим заболеванием, так и от него по отношению к домочадцам. В связи с этим необходима дополнительная профилактическая работа в отношении домашнего насилия.

Таким образом, пандемия COVID-19 предъявляет дополнительные требования к работе клинических психологов с людьми, страдающими психическими заболеваниями.

Особенности моторики и невербальных коммуникаций пациентов психиатрического стационара в процессе танцевально-двигательной терапии

Д. Ю. Борисова (ПБ №1 им. П. П. Кащенко, Санкт-Петербург)

Психиатр Пауль Шильдер предполагал, что каждому человеку свойственна персональная телесная картина, в основе которой лежат индивидуальные кинестетические движения, находящиеся в ситуативном преобразовании. Танец являет собой собирательную телесную картину, по которой можно поставить диагноз пациенту, назначить лечение.

Эта идея получила свое развитие в последние годы. Наблюдения за особенностями моторики и невербальными интеракциями пациентов психиатрического стационара в процессе танцевально-двигательной терапии (ТДТ) могут внести значимые дополнения в клиническую картину заболевания, дать информацию о текущем психическом состоянии пациента (Н. Ю. Оганесян, Д. Ю. Борисова).

На базе ПБ №1 им. П. П. Кащенко групповая и индивидуальная ТДТ ведется с 2008 г., более 3000 тыс. пациентов приняли в ней участие. ТДТ может назначаться пациентам со следующими диагнозами: шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства, биполярно-аффективные расстройства (БАР), умственная отсталость, сосудистые заболевания головного мозга (СЗГМ), синдром зависимости и т. д.

Оценка двигательных и коммуникативных характеристик пациентов проводилась по методике Н. И. Озерецкого и М. О. Гуревича «Мотоскопия» и методике «Телесный анализ» Н. Ю. Оганесян.

Далее представлено описание внешних признаков моторики, полученных путем наблюдения за пациентами с шизофренией в процессе ТДТ: более половины исследуемых пациентов испытывают моторную скованность, угловатость, нарушение мелкой и крупной моторики, отмечается наличие навязчивых движений, нарушение ритма. Положение головы: наклон вперед или вбок, взгляд в сторону, вниз, ускользящий, бедность мимики, рот приоткрыт. Плечи опущенные, гипертонус воротниковой зоны, спина округлая. Отмечается сниженный тонус ног, колени согнуты, стоит на одном месте, может наблюдаться отклонение корпуса назад, отстранение. По качеству движения вялые, не связанные. Речь монотонная, наблюдается расстройство артикуляции.

Были выявлены следующие особенности моторики при БАР. Маниакальная фаза характеризуется двигательным возбуждением, движения беспорядочны, сопровождаются оживленной жестикуляцией, разговорчивостью, неутомимостью. Танец исполняется в собственном ритме, ему присущи чрезмерная веселость, игривость. Голова поставлена прямо или приподнята вверх, грудь выставлена вперед, плечи приподняты, спина прямая. Положения тела разнообразны, активно задействуются в танце руки и бедра. Движения по качеству большие, быстрые, напористые, зачастую не связанные, слышимые/шумные (хлопки и т. д.). Задействуется все пространство зала. Внимание затруднено, наблюдаются повышенная отвлекаемость и невозможность повторять движения. Взгляд пристальный, пациент испытывает потребность тактильного контакта, не улавливает эмоциональное состояние участников группы. Депрессивная фаза характеризуется двигательной заторможенностью, нежеланием двигаться, наблюдается бедность поз, снижение физической работоспособности; внимание ослаблено, пациент неспособен отзеркаливать движения. Мимика выражает безразличие, тоску или беспокойство. Присутствуют психосоматические симптомы, псевдоболи. Выраженная депрессия с бредовыми идеями самоубийства является противопоказанием для ТДТ.

У умственно отсталых пациентов наблюдаются следующие особенности: они достаточно легко идут на контакт, но при этом часто отмечают трудности вхождения в задание, в имитации различных танцевальных движений, в построении алгоритма движения. Движения рассогласованные, хаотичные, элементарно-бытовые. Отмечаются нарушения пространственного представления (вправо—влево, вверх—вниз), нарушение равновесия; недоразвиты пальцевой праксис и зрительно-моторная координация.

Группа пациентов с СЗГМ характеризуется распадом двигательных и когнитивных функций, перепадами настроения. Такие пациенты больше ориентированы на индивидуальное функционирование, чем на работу в парах, в меньшей степени способны работать с предметом (мяч, лента) в силу физической слабости, снижения ловкости и скорости реакций.

В завершении хочется отметить, что разнообразные психические нарушения неизбежно приводят к изменению моторной картины и индивидуальной кинестетической активности пациента, что требует внимания при ведении пациента и назначении соответствующих коррекционных вмешательств.

Эмпирическое исследование представлений о невидимых угрозах: вирусная угроза и террористические акты*

Ю. В. Быховец (ИП РАН, Москва)

Переживание угроз — тема, которая стала актуальной в последнее время в связи с появлением в декабре 2019 г. в Ухане (Китай) случаев атипичной пневмонии, которые позже Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определила как коронавирусное заболевание 2019 г. — COVID-19, а 11 марта 2020 г. объявила вспышку данной инфекции глобальной пандемией коронавируса COVID-19. Пандемия способствовала росту интереса к исследованиям переживания угроз в связи с широким охватом и скоростью своего воздействия на повседневную жизнь каждого человека, когда особенности переживания и представления о вирусной угрозе определяли поведение людей по соблюдению масочного режима и социальной дистанции в общественных местах, необходимости прививок, онлайн-формату взаимодействия т. д.

Изучение переживания вирусной угрозы является логическим продолжением наших исследований невидимых стрессоров, в частности — террористической угрозы для косвенных жертв терактов (т. е. тех, кто воспринимает террористическую угрозу через различные СМИ) и радиационной опасности вследствие аварии на Чернобыльской АЭС. Террористическая угроза характеризуется следующими особенностями: сложностью прогнозирования (время, место и тип теракта невозможно предсказать), бескомпромиссным характером угрозы и размытым образом врага (у террористической угрозы нет конкретного «лица») (Ю. В. Быховец). Отличительными признаками пандемии как невидимого глазом стрессора выступают многофакторность воздействия, тотальность распространения, изоляция и контроль/предупреждение заражения.

Основная часть психологических исследований переживания вирусной угрозы использует методики, направленные на оценку психопатологического статуса населения (L. E. Buttanshaw, L. R. Purnell, S. M. El-Leithy, A. S. Pain, L. Madrigal, A. Blevins, O. K. Аленина, A. B. Ди-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0005.

денко, Н. А. Бохан, С. Н. Ениколопов, О. Ю. Казьмина, О. Ю. Воронцова, Т. Ю. Медведева, О. М. Бойко). Проведенный нами сравнительный анализ уровня выраженности отсроченной психопатологической симптоматики, в частности, посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), показал, что у 19,6% ликвидаторов аварии на ЧАЭС диагностировано ПТСР, у 24% косвенных жертв терактов и у 10% лиц, переболевших COVID-19, также выявлено ПТСР.

Другое направление исследований последствий переживания невидимых стрессоров — это изучение представлений о невидимых угрозах. Целью настоящей работы стало изучение представлений населения Российской Федерации о вирусной угрозе и сопоставление этого представления с образом террористического акта для косвенных жертв.

Исследование было проведено с 05.02.2022 г. по 12.05.2022 г. на выборке 163 взрослых респондентов от 18 до 51 года (средний возраст 25,91 лет, 152 женщины и 11 мужчин), переболевших COVID-19, и 138 респондентов, не болевших и не болеющих COVID-19 на момент проведения опроса, также в возрасте от 18 до 51 года ($M = 26,45$, 124 женщин и 14 мужчин), живущих в Москве, Казани, Армении, Екатеринбурге, Ярославле. Исследование проводилось в онлайн-формате с использованием Google Forms. Респондентов просили написать те ассоциации (слова, словосочетания), которые вызывает у них словосочетание «вирусная угроза».

Также в работе использовались данные нашего исследования 2006 г. по изучению представлений о террористическом акте жителями РФ: 494 респондента из Москвы, Чеченской Республики и Забайкалья (средний возраст 24,087 лет) (Н. В. Тарабрина, О. А. Ворона, Ю. В. Быховец).

На выборке переболевших респондентов ($n = 172$) было получено 858 определений вирусной угрозы. На основе полученных данных был составлен перечень наиболее часто используемых слов для определения вирусной угрозы: болезнь (44 чел.), опасность (37 чел.), страх (35 чел.), смерть (32 чел.), маска (28 чел.), дистант (21 чел.), карантин (20 чел.), тревога (16 чел.), изоляция (16 чел.). Полученные данные свидетельствуют о том, что вирусная угроза в представлении той части населения, которая переболела коронавирусом, видится как опасная болезнь, вызывающая чувство страха из-за различных факторов: неопределенности, изменения экономического благосостояния, формата работы или взаимодействия с близкими, отсроченными последствиями для здоровья и пр.

На выборке не болевших и не болеющих COVID-19 на момент проведения исследования респондентов (n = 132) было получено 821 определение вирусной угрозы и на их основе составлен перечень наиболее часто используемых слов для определения вирусной угрозы: болезнь (52 чел.), страх (41 чел.), опасность (40 чел.), вирус (37 чел.), маска (22 чел.), карантин (21 чел.), изоляция (18 чел.), пандемия (16 чел.).

Таким образом, получены данные о сходстве представлений о вирусной угрозе не болевших и переболевших участников исследования. Мы получили данные о том, что обобщенный образ переживания вирусной угрозы включает такие определения, как болезнь, опасность, страх. Полученные результаты согласуются с данными исследования В. В. Гриценко с коллегами, в котором показано, что больше трети испытуемых имеют высокий уровень переживания страха перед коронавирусной инфекцией (В. В. Гриценко, А. Д. Резник, В. В. Константинов, Т. Ю. Маринова, Н. В. Хоменко, Р. Израйловиц).

Далее мы сравнивали представления о вирусной угрозе, поделив выборку по критерию вакцинации. В подгруппе сделавших прививку от COVID-19 (n = 208, средний возраст – 25,44) было получено 1484 определения вирусной угрозы. Наиболее часто используемыми определениями были следующие: болезнь (86 чел.), страх (72 чел.), больница (63 чел.), опасность (67 чел.), смерть (64 чел.), маска (45 чел.), тревога (29 чел.). В подгруппе не вакцинированных от коронавируса (n = 57, средний возраст 26,36 лет) получены 402 определения вирусной угрозы, наиболее частыми среди которых стали болезнь (17 чел.), опасность (17 чел.), страх (16 чел.), смерть (15 чел.), маска (14 чел.) и угроза (10 чел.).

Получены данные о том, что образ вирусной угрозы в представлении населения достаточно стабилен и может быть описан через такие определения, как болезнь, опасность, страх. Показано, что эти представления не зависят от таких факторов, как наличие личного опыта заболевания коронавирусом COVID-19, наличия или отсутствия прививки от данного заболевания.

В нашем исследовании представлений о террористическом акте в 2006 г. получены данные о том, что наиболее часто используемыми словами для определения террористического акта стали страх (264 чел.), смерть (224 чел.), взрыв (129 чел.).

Сравнивая полученные образы вирусной угрозы и террористического акта, можно отметить, что сходным является использование слова «страх». Это инвариантная составляющая изучаемых нами неви-

димых угроз. Далее для вирусной угрозы определяющим стало слово «опасность», которое, на наш взгляд, подчеркивает потенциальный риск вирусной угрозы, способной привести к негативным последствиям. Использование слова «болезнь» при определении вирусной угрозы, вероятно, отражает сущность этой опасности для человека, точно так же, как и использование слов «взрыв» и «смерть» при определении понятия «террористический акт».

Таким образом, нами получены данные о том, что инвариантной составляющей представления о невидимых угрозах выступает слово «страх», что является манифестацией некоторого общего уровня тревожности, озабоченности проблемой вирусной угрозы или террористического акта. Страх возникает в ситуациях предвосхищения угрозы биологическому или социальному существованию. В зависимости от характера угрозы, интенсивность и специфика переживания страха варьируется в достаточно широком диапазоне оттенков: от опасения, боязни, испуга до ужаса.

Влияние опыта материнства на терминальные ценности у женщин с онкогинекологическими заболеваниями

И. С. Виноградова (РязГМУ, Рязань), А. Г. Фаустова (РязГМУ, Рязань)

В современной науке до сих пор нет единого мнения относительно проблемы сохранения репродуктивной функции у женщин с онкогинекологическими заболеваниями. При этом материнство и семейное благополучие остаются одними из важнейших ценностей в социальной действительности женщин.

Онкологическое заболевание является тяжелой соматической патологией, которая вносит заметные изменения в структуру ценностно-смысловой сферы. Значимость некоторых ценностей (духовного удовлетворения, креативности, ценностей в сфере физической активности) более выражена у онкологических больных, чем у здоровых людей (А. Ю. Бергефельд). Другой значимой сферой для онкологических больных, помимо направленности на самого себя и свое здоровье, является сфера семейных отношений (Т. В. Тарасова, Е. В. Арсентьева). Мы предполагаем, что у женщин с онкогинекологическими заболеваниями по-разному — в зависимости от их опыта материнства — реализуются терминальные ценности.

Целью исследования стало изучение влияния опыта материнства на терминальные ценности у женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы.

Выборку составили 56 женщин репродуктивного возраста с онкологическим заболеванием репродуктивной системы (рак тела матки, рак шейки матки, рак яичников). Они были распределены на две группы: 26 женщин, не имеющих опыта материнства (средний возраст 30,1 лет), и 30 женщин, имеющих материнский опыт (средний возраст 40,1 лет).

Были использованы следующие методы и методики: Опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина, «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, методика изучения родительских установок (PARI) Э. Шефер и Р. Белл в адаптации Т. В. Нешерет. Для обработки результатов использовались методы математической статистики.

В результате сравнения двух групп по U-критерию Манна–Уитни обнаружено, что женщины без детей приписывают большую значимость следующим ценностям: креативность, развитие себя, духовное удовлетворение, сохранение индивидуальности, профессиональная жизнь, обучение и образование, семейная жизнь, общественная жизнь и увлечения. При этом женщины, имеющие детей, не демонстрируют большую выраженность ни по одной шкале значений терминальных ценностей. Таким образом, система ценностей у женщин без детей шире, чем у женщин, имеющих материнский опыт, что может быть связано с желанием «компенсировать» отсутствие детей успехом и собственной значимостью в других ценностных сферах. Это подтверждают результаты, полученные по методике Ж. Нюттена, показывающие, что ориентация на смысложизненные цели и на самореализацию более значима для женщин, не имеющих опыта материнства. По этой же методике обнаружены значимые различия показателей по шкале материнства: женщины, не имеющие материнского опыта, направлены на него значительно больше, чем женщины, имеющие детей. Достоверные различия также получены по шкале направленности временной ориентации будущего на болезнь. Выраженность показателей данной шкалы выше у женщин, имеющих детей, что позволяет нам предположить, что наличие детей может являться дополнительным фактором ориентироваться на болезнь, на выздоровление, поскольку забота о детях – важный смыслообразующий мотив.

Терминальная ценность собственного престижа в группе женщин без детей взаимосвязана с некоторыми дисфункциональными

родительскими установками. Собственный престиж связан с ощущением самопожертвования в роли матери, сверхавторитетом матери, безучастностью мужа, доминированием матери, зависимостью, несамостоятельностью матери. Низкий уровень собственного престижа связан с благоприятным восприятием материнства. Таким образом, собственный престиж может поддерживаться дисфункциональными установками в отношении материнства. Для них важно иметь ребенка и быть поглощенной ролью матери. В социальной действительности во многом доминируют представления о дисфункциональной материнской позиции: доминировании матери в семье, ощущении самопожертвования в роли матери. Женщины этой группы считают способом поддержать собственный престиж рождение ребенка и возможное формирование такой материнской позиции, которая принята в социальной действительности.

Таким образом, опыт материнства оказывает влияние на систему ценностей у женщин с онкогинекологическими заболеваниями.

Психопатология и ее диагностика с помощью русскоязычной версии SCL-K-9

*А.А. Золотарева (НИУ ВШЭ, Москва, Научно-образовательный
российско-китайский центр системной патологии, Челябинск—Ухань)*

В первых попытках психометрического анализа проблемы коморбидности психических расстройств исследователи обнаружили два фактора психопатологии — фактор интернализирующих психических расстройств и фактор экстернализирующих психических расстройств (B. Weiss, K. Süsser, T. Catron). Примером первого фактора служат тревожные или депрессивные расстройства, т. е. такие расстройства, при которых происходит удержание дезадаптивных эмоциональных и поведенческих реакций. В качестве примера второго фактора можно привести антисоциальное поведение или психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ, т. е. такие расстройства, при которых дезадаптивные эмоциональные и поведенческие реакции направлены на других или окружающую среду. Позднее специалисты разработали бифакторную модель психопатологии, включающую, помимо специфических факторов интернализирующих и экстернализирующих психических

расстройств, общий латентный фактор психопатологии, или р-фактор, который определяет то, что является общим для всех психических расстройств и объясняет их коморбидность (K. Gluschkoff, M. Jokela, T. Rosenström).

В середине 1970-х годов американский психолог Л. Дерогатис разработал симптоматический опросник (Symptom Checklist – 90 – Revised, SCL-90-R), ставший самым распространенным инструментом для оценки психопатологии во всем мире (L. R. Derogatis, R. S. Lipman, L. Covi). Позднее была апробирована краткая версия SCL-90-R – симптоматический опросник Symptom Checklist-K-9 (SCL-K-9). Этот опросник содержит всего 9 тестовых пунктов (по одному пункту из каждой основной шкалы SCL-90-R): неконтролируемые вспышки гнева (симптом враждебности); ощущение, что трудно начать что-то делать (симптом обсессивности–компульсивности); чувство чрезмерного беспокойства (симптом депрессии); ощущение слишком сильной эмоциональной уязвимости (симптом межличностной сензитивности); ощущение, что другие наблюдают за тобой или говорят о тебе (симптом паранойяльных тенденций); чувство тревоги и взволнованности (симптом тревожности); ощущение тяжести в руках и ногах (симптом соматизации); ощущение нервозности, когда человек предоставлен сам себе (симптом фобической тревожности); чувство одиночества, даже когда человек с кем-то находится (симптом психотизма).

В силу краткости SCL-K-9, его высокого научного и практического потенциала в диагностике психопатологии целью настоящего исследования стала адаптация русскоязычной версии данного опросника.

В исследовании приняли участие 1079 респондентов (543 женщины и 536 мужчин) в возрасте от 18 до 84 лет ($M = 41,39$, $SD = 12,38$). Помимо русскоязычной версии SCL-K-9, все участники исследования заполнили шкалу депрессии, тревоги и стресса (Depression, Anxiety, and Stress Scale-21, DASS-21).

Первым шагом в психометрическом анализе русскоязычной версии SCL-K-9 стала оценка ее факторной структуры. Модель, оценивающая оригинальную структуру SCL-K-9, показала хорошее соответствие данным (Satorra-Bentler $\chi^2(27) = 181,182$, $p < 0,001$; TLI = 0,956; CFI = 0,967; RMSEA = 0,074 (0,064–0,084)). На следующем этапе коэффициент α Кронбаха подтвердил внутреннюю надежность адаптированного опросника ($\alpha = 0,903$). На последнем этапе были обнаружены тесные прямые связи между общим показателем психопатологии по SCL-K-9 и показателями депрессии ($r = 0,705$, $p < 0,001$), тревоги

($r=0,703$, $p<0,001$) и стресса ($r=0,717$, $p<0,001$) по DASS-21, что свидетельствует в пользу конвергентной валидности русскоязычной версии опросника.

Проведенные психометрические испытания русскоязычной версии SCL-K-9 позволяют рекомендовать опросник в качестве инструмента для скрининга и мониторинга психопатологических особенностей в популяционных условиях, однако ограничивают его применение в условиях клинических исследований и обследований. Перспективой дальнейшей психометрической оценки адаптированного опросника является его валидизация и стандартизация в группах лиц с тревожными, депрессивными, обсессивно-компульсивными, соматоформными и прочими расстройствами, связанными с психопатологической симптоматологией.

Структура жизнеспособности семей, воспитывающих детей с инвалидностью*

Д. В. Лубовский (МГППУ, Москва)

Актуальной проблемой современной клинической психологии является помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов. Целью настоящего исследования является сравнительный анализ структуры жизнеспособности семей с детьми-инвалидами и семей с детьми без инвалидности.

Выборку исследования составили 260 человек в возрасте от 17 до 65 лет (238 – представители семей с детьми без инвалидности, 22 – из семей с детьми-инвалидами). Исследование проходило в марте–апреле 2022 г. с помощью Yandex Forms. Были использованы русскоязычная версия «Шкалы оценки жизнеспособности семьи» М. Сиксби (Е. С. Гусарова, М. А. Одинцова, М. Г. Сорокова), опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова, М. Г. Сорокова) и модификация опросника «Опыт близких отношений» (К. А. Чистопольская и др.).

Обработка данных при помощи факторного анализа с варимакс-вращением в SPSS v. 26.0 выявила трехфакторные решения для обеих групп. У представителей семей, воспитывающих детей с инвалидностью

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00820.

тью, в первый фактор вошли с высокими положительными значениями показатели негативного опыта близких отношений (тревожность, избегание), некоторые показатели неблагоприятных семейных коммуникаций (критика, элиминирование эмоций, суммарный балл по опроснику) и с высокими отрицательными значениями – большинство шкал жизнеспособности семьи. Структура фактора отражает отрицательную связь неблагоприятного опыта близких отношений, негативных аспектов семейной коммуникации и жизнеспособности семей с детьми-инвалидами; фактор получил название «Отрицательный опыт семейных отношений». Во второй фактор, названный «Жизнеспособность семьи», вошли все шкалы одноименного опросника, а также показатель внешнего благополучия и (с отрицательным значением) фиксации на негативных переживаниях. Фактор отражает связь в сознании семей с детьми-инвалидами жизнеспособности и необходимости поддерживать видимость благополучия, не фиксируясь на негативных эмоциях. В третий фактор, получивший название «Перфекционизм и тревога» по названию показателей с максимальным факторным весом, вошли многие шкалы опросника «Семейные коммуникации». В целом факторная структура отражает выраженное отрицательное влияние на жизнеспособность семей с детьми-инвалидами негативного опыта близких отношений в сочетании с необходимостью избегать фиксации на негативных переживаниях как одним из условий жизнеспособности семьи.

Факторная структура жизнеспособности семей с детьми без инвалидности существенно отличается. В первый фактор, названный «Жизнеспособность семьи», вошли все шкалы одноименного опросника и с отрицательными значениями – показатели негативного опыта близких отношений (тревожность, избегание, суммарный балл по опроснику). Данный фактор, очевидно, отражает представления участников исследования о связи жизнеспособности семьи и отсутствия тревоги и избегания в близких отношениях. Во второй фактор вошел ряд показателей благополучия в семейной коммуникации (суммарный балл одноименного опросника, критика, элиминирование эмоций, внешнее благополучие). Третий фактор «Фиксация на тревоге» (индуцирование тревоги, фиксация на негативных переживаниях, сверхвключенность, суммарный показатель по опроснику семейных коммуникаций) отражает связь спектра негативных эмоций в семье и чрезмерной включенности родителей в жизнь ребенка или подростка. В целом такое сочетание факторов отражает соотно-

шение в сознании респондентов данной группы жизнеспособности семей и факторов, снижающих ее.

Ограничения полученных данных связаны с неравновесием численности подгрупп и отсутствием разделения в зависимости от семейного статуса (родители, дети). Перспективы дальнейших исследований по данной проблеме состоят в увеличении выборки представителей семей, воспитывающих детей с инвалидностью, и в анализе жизнеспособности в связи с семейным статусом респондентов.

Исследование выявило существенные различия структуры жизнеспособности семей, воспитывающих детей с инвалидностью и без нее. Такие особенности жизнеспособности семей с детьми-инвалидами, как связь жизнеспособности и необходимости поддерживать видимость благополучия, не фиксируясь на негативных эмоциях, и отрицательная связь жизнеспособности и неблагоприятного опыта близких отношений, могут выступать препятствием в решении жизненных задач, но для практики психологической помощи указывают ее направления.

Субъективный возраст как предиктор хронической инсомнии у пожилых людей

А. И. Мелёхин (Гуманитарный институт им. П. А. Столыпина, Москва)

За последние несколько лет самыми распространенными у людей пожилого возраста являются жалобы на изменения качества сна, на состояние депрессии и чувство одиночества. 40–70% людей 60 лет и старше испытывают хронические проблемы со сном. Хроническая бессонница (инсомния) в пожилом возрасте связана со спектром психических расстройств, когнитивными нарушениями, нейроэндокринными, сердечно-сосудистыми заболеваниями, патологией желудка, болевым синдромом, широким использованием медицинских услуг, удваивает риски падений и смертности. Обычно для того, чтобы оценить изменения качества сна у пожилого пациента, дать рекомендации по гигиене сна, используется оценка хронологического возраста. Однако субъективный возраст выступает более прогностическим биопсихосоциальным маркером течения старения, так как фиксирует актуальное и прогнозирует физическое и психологическое функционирование человека. Субъективная возрастная идентичность выпол-

няет функцию регуляции поведения, отражая возможности пожилого человека справиться с жизненными задачами, открывает экзистенциальные аспекты возраста, личное восприятие процесса старения. На основе этого возникает вопрос о выявлении индивидуальных вариантов оценки субъективного возраста, которые позволили бы более детально изучить взаимодействие возрастной идентичности с оценками удовлетворенности качеством сна. Цель нашего исследования – провести анализ индивидуальных вариантов оценки субъективного возраста и их взаимосвязей с оценками удовлетворенности качеством сна в пожилом и старческом возрасте.

Участники исследования: 1) 55–60 лет – 100 человек (16 мужчин и 84 женщины, Med = 56,8, Min = 55, Max = 60); 2) 61–74 лет – 100 человек (13 мужчин и 87 женщин, Med = 66, Min = 61, Max = 74) и 3) 75–90 лет – 100 человек (12 мужчин и 88 женщин, Med = 78,1, Min = 75, Max = 88).

Методики исследования: шкала оценки субъективного возраста Б. Барака, ISI, PSQI, GDS-30, ESS, CIRS-G, UCLA-LS, дневник сна с фиксацией сновидений.

Были получены следующие результаты. 63% респондентов заявили, что чувствуют себя моложе, 14% – идентично, а 16,3% – старше по сравнению со своим хронологическим возрастом.

В соответствии с показателями хронологического возраста наблюдалась неудовлетворенность характеристиками собственного сна (по PSQI, ISI), присутствовали пресомнические (расстройства инициации сна) и интрасомнические (расстройства поддержания сна) нарушения сна. Выяснилось, что люди 75–90 и 61–74 лет чаще, чем лица 55–60 лет, просыпаются в первые часы сна, им свойственно первичное и вторичное напряжение, они склонны преувеличивать длительность периода засыпания и преуменьшать продолжительность сна. Отмечались долгое (20–60 минут) и очень долгое (1,5–3 часа) время засыпания, наличие частых (2–4 раза) ночных пробуждений с ощущением тревоги с дальнейшими трудностями засыпания; утренняя сонливость (по ESS).

У людей 75–90 лет, по сравнению с 55–60-летними и 61–74-летними, наблюдались большие изменения в понимании причин развития и поддержания бессонницы, что влияет на их удовлетворенность качеством жизни. Это сопровождалось изменениями в открытости к пониманию факторов нарушения сна, чрезмерным контролем режима засыпания.

В отличие от хронологического, субъективный возраст позволяет детальнее описывать динамику удовлетворенности качеством сна в позднем возрасте. Пожилые люди, которые оценивают свой субъективный возраст и внутренние возрасты (биологический, эмоциональный, социальный) моложе, отмечают недолгое время засыпания, долгую продолжительность сна, редкие (1 раз) ночные пробуждения, временами присутствуют сновидения, качество сна и пробуждения они оценивают как хорошее.

При оценке субъективного возраста, а также биологического и эмоционального «идентично» и «старше» хронологического возраста наблюдаются долгое время засыпания, короткая продолжительность сна с частными ночными пробуждениями (2–3 за ночь), множественными тревожными сновидениями. Качество сна и пробуждения оценивается как плохое. Эти респонденты чаще прибегают к приему лекарств для улучшения качества сна.

В пожилом и старческом возрасте полиморбидный статус, наличие симптомов депрессии и переживаний чувства одиночества, изменений в качестве сна выступают факторами, влияющими на оценку субъективного возраста.

Связь между оценкой субъективного возраста и удовлетворенностью качеством сна опосредована полиморбидным статусом и наличием изменений в эмоциональном состоянии (симптомы депрессии и чувство одиночества).

Показано, что наличие изменений в оценке субъективного возраста связано с 15–59% рисками нарушений сна в пожилом и старческом возрасте.

К проблеме объективизации критериев экспертной оценки: возможности применения методов нейропсихологического обследования

Д. А. Пилечев (НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, Москва),

Ю. В. Микадзе (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

В. В. Вандыш-Бубко (НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, Москва)

Нейропсихология является востребованной в различных областях здравоохранения и постоянно расширяет спектр своего применения, что требует анализа ее возможностей, а также ограничений практичес-

кого применения (Е. Ю. Балашова). Представляется перспективным использование метода нейропсихологического синдромного анализа в экспертной практике. Многие психические расстройства имеют сопутствующие когнитивные нарушения, которые представляют собой континуум различных по тяжести состояний и могут быть предпосылкой разных экспертных решений о вменяемости (Г. В. Тарасова), что дает возможность через их оценку обосновать связь когнитивных нарушений с компонентами психологического критерия формулы вменяемости, в частности, применяя метод нейропсихологического факторного анализа.

Нейропсихологический синдромный анализ ориентирован на оценку состояния психических функций и является оптимальным для описания возможного дефицита в их функционировании (психологической структуры дефекта), а также для обнаружения функциональных дефицитов в работе разных зон мозга (установление топического диагноза). Следует отметить, что нейропсихологическая диагностика позволяет получить на основе выявленной структуры дефекта информацию о возможном дефицитарном функционировании как органически поврежденных зон мозга, так и тех, в отношении которых нет свидетельств о их повреждении (Е. Ю. Микадзе). Метод чувствителен к минимальным нарушениям психических функций и к функциональной недостаточности разных зон мозга, что может сделать его использование востребованным в том числе и при психозах, неврозах и т. д., уже на начальных этапах заболевания (А. У. Тархан). Данный метод обладает вариативностью выбора методик, учитывающих индивидуальные возможности пациента, может быть использован при необходимости доказательного подтверждения или отрицания когнитивных дефицитов, а при необходимости может применяться и количественная оценка данных нейропсихологического обследования (Ж. М. Глозман).

К числу ограничений синдромного анализа, ориентированного на качественный анализ состояния психических функций, относят высокую степень субъективности, отсутствие нормативных данных, что требует для проведения общего обследования высоких профессиональных навыков нейропсихолога, умение формировать и изменять тактику использования различных проб в ходе обследования, а также усложняет возможность сопоставления выявляемых нарушений психических функций (Е. Ю. Микадзе).

Задачи нейропсихологического обследования в группе подэкспертных:

1. Проведение функциональной диагностики – оценка состояния высших психических функций (ВПФ), например – программирования, регуляции и контроля, мнестической деятельности, интеллектуальных операций, энергетического обеспечения и т. д., выявление структуры и степени выраженности имеющихся нарушений, а также определение сохраненных звеньев ВПФ, что может способствовать большей объективизации экспертного решения на уровне психологического критерия.
2. Выявление нейропсихологических синдромов, с указанием ведущего синдрома или закономерного сочетания синдромов – метасиндрома, указывающих на специфичность сочетания дисфункциональных зон мозга и психических функций при определенной нозологии, что может способствовать верификации экспертного решения на уровне биологического критерия.

По результатам нейропсихологического обследования был проведен сравнительный анализ структуры и выраженности нарушений высших психических функций и нейропсихологических синдромов у 90 подэкспертных мужского пола (возраст 43 ± 13), из них 54 человека с диагнозом «органическое психическое расстройство», 11 имеют расстройство зрелой личности, 10 – смешанное расстройство личности, 7 – эмоционально-неустойчивое расстройство личности, 6 больны шизофренией, 2 – истерическим расстройством личности. Из них признанных вменяемыми 59 чел., невменяемыми 31 чел. В группе лиц, признанных невменяемыми, степень тяжести нарушений высших психических функций была более выражена относительно группы вменяемых, с наиболее значимыми различиями между группами ($p=0,01$) по функциям программирования, регуляции и контроля, нейродинамического обеспечения, слухоречевой памяти, зрительно-пространственных и квазипространственных синтезов (Д. А. Пилечев).

Подтвердилось, что информативным с точки зрения вклада в экспертную оценку может быть установление структуры и степени выраженности нейропсихологических нарушений (позволяющих соотнести расстройство психических функций и дисфункцию/повреждение соответствующих зон мозга) в первую очередь для некоторых категорий органически обусловленных психических расстройств и сопутствующих им когнитивных нарушений. Результаты нейропсихологического обследования могут быть дополнительным источником верификации экспертного решения как на уровне медицинского критерия, так и дополнительным источником объективизации категории «вменяемости».

Математическая психология: методология, теория, модели

Предисловие к разделу

Т. Н. Савченко, Г. М. Головина

В настоящее время в области развития математической психологии в России следует выделить следующие направления исследования: когнитивная система поддержки принятия решений; компьютеризированный качественный анализ текста; синергетический подход, самоорганизация и теория научных революций; синергетический подход в моделировании пандемий; использование нечетких когнитивных моделей, «мягкое моделирование» для моделирования сложных систем; новый подход к диагностике внутренних процессов на основе теории графов и психодинамического подхода; моделирование динамики на макроуровне на основе результатов моделирования микродинамических процессов. Новые прикладные исследования: потребность в достижениях у инноваторов, изменчивость моральных оценочных суждений в постоянной среде и другие работы; моделирование реального мира, предпринимательства, сознания (объединение пространства и времени в сознании), динамики поведения клиента в процессе терапии.

Среди современных зарубежных исследований наиболее интересны освещающие взаимодействие входной структуры и когнитивной архитектуры в моделях семантического развития, пространственные отношения и нечеткие методы: экспериментирование и моделирование пространства знаний студентов, основанное на теории intelligent tutoring system, анализ изображений проективных рисунков пациентов с шизофренией, включение мелкозернистого поиска с помощью моделирования субъективных свойств, обнаружение макрокогнитивных влияний в микропознании.

Новое развитие в трудах зарубежных и российских исследователей получило использование квантового формализма для моделирования принятия решений, использование квантовых представлений

в психодиагностике, моделирования функционирования бессознательного, квантовой контекстуальности, распространенной на произвольные содержательно-контекстные системы.

Среди когнитивных моделей можно выделить модели когнитивного выбора, самоорганизации, революций, войн, искусственного интеллекта, развития эпидемий, извлечения данных и др. Большое внимание уделяется развитию подхода к когнитивному моделированию поведения человека при выборе альтернатив.

Объединяя результаты исследований в области когнитивной науки, эти работы закладывают основу для развивающейся междисциплинарной области когнитивного моделирования.

В представленных тезисах обсуждаются вопросы достижений последних лет и перспектив современного развития математической психологии в России и за рубежом. Особое внимание уделено когнитивному моделированию и современным методам анализа данных. Рассмотрено применение непараметрических статистик в следующих случаях: для сравнения эмпирических распределений при анализе движения глаз; для единой системы оценки выполнения диагностических проб в детской нейропсихологии; для использования частных корреляций в процессе анализа данных психологических исследований и др. Доказаны преимущества квантовых представлений при решении задач психологической диагностики. Представлены современные подходы к моделированию ментального пространства (семиотическая модель) с использованием в качестве базы знаний неструктурированных данных сети Интернет (свободный текст); изучается развитие байесовского подхода вероятностного прогнозирования, лежащего в основе психофизических теорий обнаружения сигнала и случайных блужданий и др.

Реальная типология зависимостей и «значимая» корреляция в психологическом исследовании

М. М. Басимов (НАНО ВО «ИМЦ», Москва),

П. М. Басимова (НАНО ВО «ИМЦ», Москва)

Для изучения статистических связей в работе использовался авторский метод, позволяющий исследовать наряду с линейными связями простейшие нелинейные зависимости: с максимумом и с минимумом, монотонные и почти монотонные, далекие от линейных. Это

позволяет не только расширить спектр выявляемых связей и избавиться от многочисленных ошибок традиционной интерпретации коэффициента корреляции, но и лучше понять сложный психологический предмет конкретного исследования.

Для демонстрации типологии статистических зависимостей были подобраны психологические данные для 120 испытуемых по 9 популярным методикам: ММПИ, опросники Р. Б. Кеттелла, Дж. Олдхема и Л. Морриса, Т. Лири, Р. МакКрея и П. Коста, Смишека, А. Басса и А. Дарки, В. Бойко, К. Томаса, результаты диагностики по которым дают 114 количественных показателей. Всего пар между различными показателями для матрицы размерности 114×114 будет $6441 = (114 \times 114 - 114) / 2$. Причинно-следственную картину в рамках отобранных психологических переменных начнем анализировать с линейных корреляций Пирсона.

Корреляций, не попадающих в определение значимых ($|r| \leq 0,18$), нашлось 4305 (66,84%). Значимых корреляций разной силы ($0,18 < |r| \leq 1$) имеем достаточно большое количество — 2136 (33,16%). Это почти третья часть от всех возможных пар переменных, поэтому если следовать негласному правилу и отбирать как представляющие интерес все значимые корреляции, то их хватит для любой тематики в рамках анализируемых данных, а также для большого количества гипотез, характеризующих причинно-следственную картину. Очень слабых корреляций в интервале $0,18 < |r| \leq 0,2$ имеем 332 (5,16%); слабых корреляций в интервале $0,2 < |r| \leq 0,3$ — 1059 (16,44%); умеренных корреляций в интервале $0,3 < |r| \leq 0,5$ — 639 (9,92%); средних корреляций в интервале $0,5 < |r| \leq 0,7$ — 89 (1,38%); сильных корреляций в интервале $0,7 < |r| \leq 1$ — всего 17 (0,26%).

Если рассматривать только «значимые» корреляции, то их распределение по интервалам следующее: очень слабых корреляций в интервале $0,18 < |r| \leq 0,2$ — 332 (15,54%); слабых в интервале $0,2 < |r| \leq 0,3$ — 1059 (49,58%); умеренных в интервале $0,3 < |r| \leq 0,5$ — 639 (29,91%); средних в интервале $0,5 < |r| \leq 0,7$ — 89 (4,17%); сильных в интервале $0,7 < |r| \leq 1$ — 17 (0,80%). Причем все сильные связи — это зависимости в рамках одной методики (6 — ММПИ, 11 — Лири).

При таком раскладе среди «значимых» корреляций сильных связей меньше 1%, а слабых и очень слабых — более 65% (65,12%). Но самое важное, что среди пар переменных, связанных слабыми и очень слабыми корреляциями, существуют пары, связанные сильными простейшими нелинейными связями.

Среди значимых, но при этом очень слабых и слабых зависимостей ($0,18 < |r| \leq 0,3$) в модели для кварт было найдено 33 сильных (коэффициент силы связи при использовании авторского метода $SV > 0,7$) простейших нелинейных зависимостей (ошибка 2 типа). В этом случае сторонники «значимой» корреляции будут интерпретировать зависимость с несимметричным максимумом или минимумом как линейную.

Среди зависимостей, которые не попали в зону значимости в модели для кварт, было найдено 38 сильных ($SV > 0,7$) простейших нелинейных зависимостей (ошибка 1 типа). И чем ближе к нулю значение коэффициента корреляции в таких зависимостях, тем ближе изучаемая зависимость к зависимости с симметричным максимумом или минимумом, тем более она односторонняя, т. е. однозначно определяется переменная-причина и переменная-следствие. В противоположность этому: чем ближе зависимость к линейной форме, тем она более симметричная в плане смысла (причина или следствие) задействованных переменных. Линейная зависимость абсолютно симметричная, что хорошо иллюстрируется зависимостями переменных от самих себя. Например, в зависимости $Y(X)$ (ошибка 2 типа) раздражения от циклотимности наблюдается явный максимум (сравнительная весомость равна +43133) на 3 кварте (5 баллов по шкале теста) циклотимности. Первоначально наблюдается рост раздражения с -22893 (1 кварта, 0–3 баллов) до -4135 (2 кварта, 4 балла) и далее до +43133. После чего наблюдается спад раздражения до +3450 на 4 кварте (6–8 баллов) циклотимности. Качественно можно показать, что график на основе средних значений переменных полностью отражает форму зависимости. Однако средние значения, как и стандартные баллы, нельзя напрямую использовать для расчетов коэффициентов силы связи SV . Сила рассмотренной зависимости характеризуется коэффициентом $SV = 1,02$ при слабой, но значимой линейной корреляции $r = 0,30$.

Сильные связи также присутствуют и среди части зависимостей, которые по коэффициенту корреляции относятся к умеренным и средним. Среди 639 умеренных по линейной корреляции ($0,3 < |r| \leq 0,5$) зависимостей найдено 137 сильных по коэффициенту SV связей $Y(X)$, которые представляют собой монотонные или близкие к ним зависимости. Среди 89 умеренных по линейной корреляции ($0,5 < |r| \leq 0,7$) зависимостей найдено 86 сильных по коэффициенту SV связей.

Движения глаз как случайный процесс: методы статистического анализа*

*В. Е. Дубровский (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
Е. Г. Лунякова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

Движения глаз являются сложным динамическим многомерным случайным процессом, анализ которого позволяет получать различную информацию о когнитивных механизмах. Современные модели айтрекеров обеспечивают высокоточную и высокоскоростную регистрацию направления взора. Ее статистическая обработка, как правило, сводится к разбиению записи на последовательность участков, каждый из которых классифицируется как отдельное событие: фиксация, саккада или моргание. Событие характеризуется одним или несколькими показателями (например, фиксация — позицией, длительностью, дисперсией, саккады — амплитудой, средней и пиковой скоростью и т. п.). Таким образом, однократной записи движений глаз или совокупности таких записей ставится в соответствие ряд показателей, вообще говоря, случайных и имеющих некоторое распределение, почти всегда отличающееся от нормального.

Традиционно для обработки данных айтрекинга используется ограниченный набор программ, выдающих результаты разной степени обобщенности: как в виде «сырых» данных, т. е. координат направления взгляда в каждый момент времени, так и в форме интегральных характеристик отдельных событий или результатов усреднения определенных показателей по подвыборке событий. Зачастую специалистов интересуют именно интегральные показатели или их сравнение в разных экспериментальных условиях. Однако вопрос об информативности подобных методов статистического анализа данных айтрекинга поднимается редко. Поскольку предположение о нормальности распределений показателей в реальности не выполняется, простые статистики — выборочные средние и дисперсия — не являются достаточными. Если опираться только на них, то теряется значительная часть информации. Поэтому необходимо применять более сложные методы обработки данных.

Первый, более популярный и доступный путь — это использование непараметрических статистик для сравнения эмпирических рас-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00474.

пределений. Альтернативой непараметрическому анализу выборочных распределений «в целом», предоставляющей более широкие возможности для дальнейшей интерпретации, является подбор подходящего класса распределений, параметры которых в этом случае оцениваются методом максимального правдоподобия. Насколько глубокие результаты можно при этом получить, демонстрирует книга Р. Д. Люса (R. D. Luce, «Response times: Their role in inferring elementary mental organization»), содержащая детальный анализ распределения времени реакции. Отметим, что по форме оно похоже на типичное распределение длительности фиксации (G. Feng). Поэтому представляется перспективным использование подхода, аналогичного подходу Люса, к анализу данных айтрекинга.

Используя записи движений глаз 32 участников, выполнявших задачу зрительного поиска объекта (от каждого участника получено по 48 записей длительностью от 0,99 до 95,5 с каждая, медиана 13,3 с), мы попытались найти класс распределений, максимально соответствующих полученным эмпирическим данным, и подобрать параметры для разных экспериментальных условий. Анализировались длительности отдельных фиксаций и амплитуды саккад. Аналогичная задача решалась в вышеуказанной работе Г. Фенга, на материале записей движений глаз, полученных в процессе чтения. Его данные по длительности фиксаций хорошо аппроксимировались смесью логнормальных распределений. Для наших данных эта аппроксимация оказалась неоптимальной. И длительность фиксаций, и амплитуда саккад в зрительном поиске имеют распределения с тяжелым хвостом (*heavy-tailed distributions*), которые лучше аппроксимируются логлогистическим распределением и его обобщением, распределением Барра. Качество аппроксимации проверялось с использованием критериев Колмогорова—Смирнова и Крамера—фон Мизеса (омега-квадрат) и метода графика «квантиль—квантиль» (*Q—Q plot*). Наилучшим образом распределения длительности фиксаций и амплитуды саккад описываются распределением Барра. Мы провели сравнение вида и параметров распределений в разных экспериментальных условиях (в задачах поиска символов, лиц-смайликов и бессмысленных конфигураций разных типов на одинаковых поисковых таблицах). Оказалось, что во всех этих случаях распределение имеет один и тот же вид, однако оцененные методом максимального правдоподобия параметры различаются для разных экспериментальных задач.

Полученные нами результаты показывают, что распределения таких широко используемых в практике характеристик движений глаз, как длительность фиксации и амплитуда саккад, имеют тяжелые хвосты. При такой форме распределения моменты (в том числе, математическое ожидание и дисперсия) могут не существовать (так как расходятся соответствующие интегралы), а их оценка оказывается бессмысленной. Такую возможность необходимо учитывать при использовании интегральных характеристик, вычисляемых стандартными программами обработки данных айтрекинга.

Описываемый метод анализа распределений характеристик движений глаз в большей степени соответствует эмпирическим данным и может оказаться более информативным, чем непараметрические методы статистического анализа.

Попарное упорядочивание и рейтинги по пятибалльной Ликертовской шкале для оценки нетранзитивности и сходства мотивов*

А. А. Кисленкова (НИУ ВШЭ, Москва),

М. Ю. Лебедева (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, Москва),

Ю. В. Судоргина (НИУ ВШЭ, Москва), Ю. А. Тюменева (НИУ ВШЭ, Москва)

Вопрос о порядковой структуре психологических признаков редко изучается экспериментально, хотя порядковая шкала Ликерта часто используется в психологических исследованиях. Немногочисленные работы (S. D. Morris, J. W. Grice, R. A. Cox; Y. Tyumeneva, K. Vergeles) показывают, что хотя большинство респондентов может упорядочить свои оценки психологических признаков, соблюдая транзитивность (если $a > b$, $b > c$, то $a > c$), около 40% респондентов не могут этого сделать.

В данном исследовании мы проверяли, как паттерны упорядочивания при попарном сравнении признаков отражаются в рейтингах шкалы Ликерта, а именно: 1) будут ли различия в рейтингах важности разных мотивов (внутренняя и внешняя мотивация, амотивация) отражать их взаимный порядок, субъективное равенство мотивов и наличие ошибок транзитивности, полученные при попарном упо-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию, проект № FZNM-2020-0005.

рядочивании мотивов; 2) как совпадение субъективной классификации мотивов с предполагаемой сказывается на паттернах упорядочивания и на ликертовских рейтингах тех же мотивов.

В онлайн-исследовании приняли участие 247 студентов, которые, во-первых, сравнивали субъективную важность трех мотивов для посещения академических занятий по утверждениям опросника академической мотивации (мы взяли по три утверждения для каждого мотива) Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина. Респонденты могли выбрать какое-то одно утверждение, репрезентирующее специфический мотив, либо прибегнуть к опции «одинаково», если считали мотивы одинаково важными. Во-вторых, респонденты оценили те же самые утверждения с помощью пятибалльной шкалы Ликерта. В-третьих, мы просили респондентов классифицировать те же утверждения по трем типам мотивации (внутренней, внешней, амотивации).

При анализе, во-первых, выявлялись паттерны упорядочивания мотивов в каждой триаде: строгая транзитивность ($a > b$, $b > c$ и $a > c$), слабая транзитивность ($a \geq b$, $b \geq c$, $a \geq c$), нетранзитивность; во-вторых, рейтинги каждого мотива по пятибалльной шкале Ликерта; в-третьих, совпадение классификации мотивов, предоставленной респондентом, с предзаданной классификацией (какие утверждения к какой шкале должны принадлежать) (консистентность).

Результаты показали, что среди 2223 триад 8% были нетранзитивные и они были сделаны третью респондентами. Это значит, что распределение ошибок транзитивности в целом не отличалось от того, что было получено в других исследованиях, поэтому мы имели дело с общими закономерностями. Дисперсионный анализ показал, что средняя разница в рейтингах мотивов была значимо ниже для респондентов с нетранзитивными ответами, чем в группе с транзитивными ответами, хотя такая связь обнаружилась только для пары «Внутренняя мотивация—амотивация».

Корреляция между количеством выборов опции «одинаково» при сравнении двух мотивов и разницей в их рейтингах была отрицательной и значимой, т. е. чем чаще использовалась опция «одинаково» при сравнении мотивов, тем меньше была разница между мотивами в баллах по Ликерту. Таким образом, в среднем разница в рейтингах была меньше для мотивов слабо упорядоченных и с ошибками транзитивности, чем для строго упорядоченных мотивов.

Предложившие «неконсистентные» классификации 38% респондентов чаще давали нетранзитивные паттерны упорядочивания. Не бы-

ло обнаружено значимых различий в рейтингах по Ликерту между «неконсистентными» и «консистентными» респондентами.

Таким образом, попарное сравнение утверждений еще раз показало, что значительная доля респондентов способна транзитивно упорядочивать психологические признаки, по крайней мере мотивационные, что свидетельствует о порядковой структуре этих признаков. Рейтинги частично отражают паттерны упорядочивания, хотя дают меньше информации, чем может дать прямое попарное сравнение (например, шкала Ликерта не различала нетранзитивность от слабого порядка). Кроме того, не удалось определить пороговое значение разницы рейтингов (по крайней мере по пятибалльной шкале) для различения паттернов порядка мотивов, полученных из попарных сравнений.

Гипотеза о том, что «неконсистентность» интерпретации респондента с предполагаемой интерпретацией отражается в их рейтингах, не подтвердилась, следовательно, было невозможно, опираясь на значения шкалы, идентифицировать «неконсистентных» респондентов. Таким образом, можно сделать общее заключение: попарное упорядочивание дает больше информации о респондентах, чем «числовые» рейтинги по пятибалльной Ликертовской шкале.

Семиотическая модель ментального пространства

А. А. Кулинич (ИПУ РАН, Москва)

Ментальное пространство — одно из фундаментальных понятий когнитивной психологии — определяется как динамическая форма ментального опыта, которая актуализируется в условиях познавательного контакта субъекта с реальным миром. В рамках ментального пространства возможны разного рода мысленные перемещения. Например, В. Ф. Петренко считает, что субъективное ментальное пространство — это «дышащее» образование, размерность которого зависит от характера решаемой субъектом задачи. Интерес представляют ментальные пространства, образованные из слов. В этом случае в ментальных пространствах образуются семантические структуры, а при манипуляции элементами этой структуры, по мнению Р. Гласера, могут образовываться такие семантические структуры, которые способны привести к решению задачи, «озарению» — инсайту.

В этой работе предложена семиотическая модель ментального пространства, использующая в качестве базы знаний неструктурированные данные сети Интернет (свободный текст), которые структурируются с использованием методов обработки естественного языка.

Семиотическая модель ментального пространства основана на исследованиях логиков и философов в области науки о знаках и знаковых системах. Построена математическая модель, основанная на модели знака-символа Г. Фреге, представлениях Ч. Пирса и Ч. Морриса о структуре семиотики (науке о знаках и знаковых системах) и работах Д.А. Поспелова и Г.С. Осипова о возможных приложениях семиотики в областях информационных технологий и искусственного интеллекта (прикладная семиотика). Математическая модель семиотической системы включает три связанные параметрами модели предметной области: синтаксическую, семантическую и прагматическую. Синтаксическая модель описывает множество элементов системы в виде знаков-символов и отношения между ними (отношения «часть—целое» и «причина—следствие»). В семантической модели представлена качественная модель предметной области, которая определяется в виде частично упорядоченного множества возможных классов состояний синтаксической модели. Такая качественная модель называется концептуальным каркасом предметной области и считается качественной онтологией этой области. В семантической модели определены родовидовые отношения предметной области. В прагматической модели определена линейная свертка параметров синтаксической модели и экспертных предпочтений.

Изменения состояния семиотической модели ментального пространства происходят при решении прямой задачи (получение прогнозов развития ситуации при изменениях любых параметров ситуации) и обратной задачи (вычисление параметров ситуации для перевода ее из текущего в целевое состояние). Однако все решения представляются формально в виде абстрактных математических символов и требуют интерпретации в предметной области. Для интерпретации разработаны методы, основанные на исследованиях психологами процессов классификации и категоризации. На основе работ Л.С. Выготского предложен метод составных имен, определяющих имя класса решений на ограниченном естественном языке, составленном из элементов синтаксической модели (имена базовых параметров и оценок их изменения в решениях). Другой метод основан на теории прототипов (категорий) Э. Рош. Здесь имя класса определяется по имени прототипа (объекта),

часто употребляемого для обозначения категории. Для определения имени прототипа необходима база знаний. В качестве базы знаний семиотической модели используется полученный из сети Интернет корпус текста, релевантный предметной области, в которой построена субъективная семиотическая модель ситуации. Для интерпретации получаемых решений в предметной области предложен семантический калькулятор, который использует метод извлечения родовидовых отношений из корпуса текста на основе лексико-синтаксических шаблонов (Е. И. Большакова), и метод определения частоты совместной встречаемости слов в решении на основе дистрибутивного анализа корпуса текста (Word2Vec) (Т. Mikolov). Предложены обобщенные структуры подсистем семиотической системы поддержки принятия решений. Это подсистема мониторинга состояния ситуации, основанная на обработке неструктурированных данных сети Интернет (свободный текст с новостных лент), и подсистема принятия решений, основанная на семиотической модели и методах обработки естественного языка. Разработан программный макет подсистемы принятия решений. Эксперименты показали эффективность этого подхода.

Возможности использования частных корреляций для анализа данных психологических исследований*

О. В. Митина (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Подавляющее число психологических исследований базируются на данных, получаемых по множеству переменных. Эти переменные могут быть измерены в разных шкалах — от номинативной до шкалы отношений — и в соответствии с этим допускают разные методы анализа: параметрические и непараметрические. В данной работе речь пойдет о переменных, измеренных в шкалах, допускающих именно параметрические методы. Задача о многих переменных предполагает установление связей между переменными. Простейший корреляционный анализ используется для установления попарной связи всех переменных со всеми, т. е. для построения корреляционной матрицы. Но как быть, если, согласно модели исследования, необходимо определить совместное влияние друг на друга сразу нескольких переменных? Если направленность влияния известна, то используются мето-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 21-18-00624.

ды многомерного регрессионного анализа, позволяющего установить влияние сразу нескольких независимых переменных на одну зависимую. При этом для каждой независимой переменной определяется свой регрессионный коэффициент. Путевой анализ позволяет установить совместное влияние нескольких независимых переменных на несколько зависимых, т. е. коэффициенты детерминационной связи для каждой пары переменных, одна из которых независимая, а другая — зависимая, в контексте всех остальных переменных. Схема медиаторного анализа позволяет вводить промежуточные переменные, опосредующие влияние независимой переменной на зависимую. Медиаторный анализ не только позволяет определить коэффициенты детерминации, но на основании семантики всех переменных ответить на вопрос, каким образом реализуется связь между независимой и зависимой переменными. Например, если установлена последовательная связь переменных $x \rightarrow y \rightarrow z$, где x — независимая переменная, z — зависимая переменная, а y — медиатор, то мы можем сказать, что с возрастанием x возрастает (или, наоборот, убывает) y , а с возрастанием y возрастает (или убывает) z . И эти две детерминации совместно объясняют влияние x на z . Кроме того, мы можем посмотреть, насколько непосредственная связь между x и z объясняется y , или есть еще что-то, что связывает x и z . В таком случае говорят о неполной медиации, т. е. существовании другого объяснения влияния x на z . Более того, влияние через y может иметь один знак, а остаточное влияние — другой знак, и тогда говорят об амбивалентном влиянии x на z .

Однако в большинстве психологических исследований направленность связи между переменными очень трудно установить. Если это не какие-то базовые демографические характеристики, первопричинность которых несомненна, например, пол и возраст, то направленность всех остальных связей устанавливается очень трудно. Требуется строгое экспериментальное исследование, которое также в свою очередь имеет ограничение. Направленность всех связей между переменными можно обосновать как в одну сторону, так и в другую, и все рассуждения о направленности напоминают споры о том, что было раньше: курица или яйцо. Поэтому корректнее говорить о двунаправленных связях. И в этом случае корректно говорить именно о корреляционных связях.

Для одновременного учета связей сразу многих переменных в корреляционном анализе существуют частные и множественные коэффициенты корреляции. Множественные коэффициенты корреляции позволяют определять совместное влияние группы переменных на одну,

в то время как частные корреляции, наоборот, позволяют элиминировать влияния каких-то переменных при исследовании связи между двумя изучаемыми переменными.

Использование частного коэффициента корреляции позволяет реализовать аналитические возможности медиаторной модели, но в случае ненаправленных связей $x \rightarrow y \rightarrow z$.

Пусть R_{xy} , R_{xz} и R_{yz} – попарные коэффициенты корреляции между переменными, x , y , z . Частную корреляцию между x и z без учета y обозначают R_{xyz} .

Тогда интерес для анализа представляют ситуации, когда 1) R_{xy} статистически значимо, а R_{xyz} незначимо; 2) R_{xyz} значимо, R_{xy} незначимо; 3) R_{xy} и R_{xyz} статистически значимы, но противоположны по знаку ($\text{sign}(R_{xyz} * R_{xy}) = -1$).

Первый случай описывает ситуацию, когда вся связь между x и z объясняется за счет присутствия переменной y . Во втором и третьем случае введение переменной y в рассмотрение взаимосвязи x и z «расщепляет» ситуацию и позволяет диагностировать амбивалентные отношения между x и z . При этом во втором случае должно обязательно соблюдаться условие $\text{sign}(R_{xyz} * [R_{xy} * R_{yz}]) = -1$.

Заметим, что, подобно медиаторному анализу, возможно использование не одной промежуточной переменной, а произвольного их числа.

Таким образом, использование частных корреляций позволяет более корректно подходить к трактовке взаимосвязи между переменными, не навязывать принудительную схему направленности влияния, которое трудно доказать и всегда есть аргументы как за, так и против. Поэтому в некоторых случаях нам кажется обоснованным использовать этот подход.

Современные направления развития русской и зарубежной математической психологии*

Т. Н. Савченко (ИП РАН, Москва), Г. М. Головина (ИП РАН, Москва)

Термин «математическая психология» появился в 1822 г., в России математическая психология начала развиваться в семидесятых годах XX столетия. Она направлена на изучение теоретических вопросов при-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

менения математического аппарата в психологии, математическое моделирование сложных психических систем, разработку и применение математических методов.

Применение системного подхода к исследованиям в России сделало возможным изучение сложных, открытых, динамических, самоорганизующихся систем, позволило подойти к моделированию неопределенных, неустойчивых, нелинейных систем, к которым относятся и психические системы.

Выделенные В. Ю. Крыловым в 1990-е годы актуальные проблемы математической психологии: моделирование принятия решений в различных условиях; теория измерений в психологии; развитие нетрадиционных математических методов; моделирование процессов обучения и памяти; моделирование социального и группового поведения – не потеряли своей актуальности и сегодня. А синергетический подход, развиваемый В. Ю. Крыловым и сотрудниками лаборатории математической психологии ИП РАН, является в настоящее время одним из ведущих методов моделирования динамических процессов в психологии (В. Ю. Крылов, Т. Н. Савченко).

К основным областям исследований математической психологии (в области когнитивных наук) в настоящее время можно отнести следующие: разработку моделей ощущений и восприятия, обучения, памяти и мышления; фундаментальное измерение и масштабирование; принятие решений; нейронное моделирование и сети; мягкое моделирование; психофизика и обнаружение сигналов; нейропсихологические теории; психолингвистика; мотивационная динамика; исследование поведения животных; психометрическая теория, моделирование макропроцессов как результат микромоделей.

Развиваются новые направления моделирования реального мира, предпринимательства, сознания (объединение пространства и времени в сознании), поведения клиента в процессе терапии. Анализ российских исследований 2016–2021 гг. позволил выделить следующие направления: когнитивная система поддержки принятия решений (А. А. Кулинич, В. М. Шендяпин); компьютеризированный качественный анализ текста (А. Данилова, О. В. Митина); синергетический подход, самоорганизация и теория научных революций (Г. Г. Малинецкий); синергетический подход в моделировании пандемий (Г. Г. Малинецкий, Т. Н. Савченко, Г. М. Головина); использование нечетких когнитивных моделей, «мягкого моделирования» для моделирования

сложных систем (В. М. Борисов, Н. А. Митин, Т. Н. Савченко, Г. М. Головина); новый подход к диагностике внутренних процессов на основе теории графов и психодинамического подхода (Д. В. Сочивко, Г. М. Головина, Т. Н. Савченко); моделирование динамики на макроуровне на основе результатов моделирования микродинамических процессов (Т. Н. Савченко, Г. М. Головина, Л. Ф. Петров). Появились новые прикладные исследования: потребности в достижениях у инноваторов (сравнение математических моделей, В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева), изменчивости моральных оценочных суждений в постоянной среде (А. Н. Сурдина) и др.

Отметим множество проведенных в эти годы зарубежных исследований следующих явлений: взаимодействия входной структуры и когнитивной архитектуры в моделях семантического развития (Ф. Хюбнер, Дж. Виллитс), пространственных отношений и нечетких методов: экспериментирования и моделирования (Д. Уорд, Р. Сент-Амант), пространства знаний студентов, основанного на теории *intelligent tutoring system* (Е. Робусто), изображений проективных рисунков пациентов с шизофренией (К. Такэмура, К. Кавасуги), включения мелкозернистого поиска с помощью моделирования субъективных свойств (К. Вагнер, Д. Маккалох), обнаружения макрокогнитивных влияний в микропознании (Р. Вест).

Новое развитие в трудах зарубежных и российских исследователей получило использование квантового формализма для моделирования принятия решений (А. Я. Хренников, И. Т. Басиева), использование квантовых представлений в психодиагностике (Л. С. Куравский) и моделировании функционирования бессознательного (И. В. Данилевский), изучение квантовой контекстуальности, распространенной на произвольные содержательно-контекстные системы (С. Детливсен, Э. Джафаров).

Среди когнитивных моделей можно выделить модели когнитивного выбора, модели самоорганизации (теория революций, войн), искусственного интеллекта, развития эпидемий, извлечения данных и др. Большое внимание уделяется развитию подхода к когнитивному моделированию для изучения поведения человека при выборе. Объединяя результаты исследований как в области когнитивной науки, так и в области поведения при выборе альтернатив, эти работы закладывают основу для развивающейся междисциплинарной области когнитивного моделирования.

Количественная оценка диагностических проб в детской нейропсихологии: унификация, стандартизация, нормирование

*Н. А. Хохлов (Центр тестирования и развития
«Гуманитарные технологии», Москва)*

Актуальной проблемой детской нейропсихологии является отсутствие единой системы оценки выполнения диагностических проб, позволяющей количественно обрабатывать получаемые результаты и сравнивать их между собой.

В целях унификации предложены две системы качественных оценок: тринадцатибалльная и шестибалльная.

Тринадцатибалльная (0–12) система служит для детализированной оценки комплексных проб, в которых допускается дозированная подсказка психолога. При выставлении оценки нужно ориентироваться на основные и дополнительные опорные градации. Основные опорные градации соответствуют баллам 0, 4, 8, 12, где 12 – нормальное выполнение, нарушений нет, 8 – обследуемый иногда допускает ошибки, их может быть несколько, но они существенно не влияют на результат выполнения пробы, он сам их замечает и исправляет; 4 – обследуемый допускает ошибки, которые влияют на результат выполнения пробы, своих ошибок не замечает, но может их исправить по указанию психолога; 0 – допускаются множественные ошибки, недоступные никакой коррекции. Дополнительные опорные градации располагаются между основными: 2, 6, 10, где 10 – обследуемый допускает единичные ошибки, не влияющие на результат выполнения пробы, сам их замечает, легко исправляет и больше не повторяет; 6 – обследуемый допускает негрубые ошибки, которые умеренно влияют на результат выполнения пробы, часть ошибок замечает и пытается исправить; 2 – обследуемый допускает грубые ошибки, которые влияют на результат выполнения пробы, своих ошибок не замечает, по указанию психолога может исправить часть ошибок, однако некоторые ошибки исправлению недоступны. Диагносту следует сначала ориентироваться на основные опорные градации, а при наличии сомнений – на дополнительные. Если возникают колебания между соседними опорными градациями, используются промежуточные значения: 1, 3, 5, 7, 9, 11.

Шестибалльная (0–5) система служит для оценки простых проб, в которых детализированная оценка не имеет смысла. Весь диапазон оценок делится на две части: от 0 до 2 – проба не выполнена, от 3 до 5 – проба выполнена. Оценка 5 ставится, если обследуемый быстро и правильно выполнил задание. Оценка 4 ставится, если обследуемый правильно выполнил задание, но сначала допустил негрубую ошибку, которую сразу же сам исправил. Оценка 3 ставится, если обследуемый в целом выполнил задание, однако оно вызвало у него многочисленные затруднения, он допускал неоднократные ошибки, которые в итоге смог самостоятельно исправить. Оценка 2 ставится, если обследуемый не выполнил задание, но был близок к тому, чтобы справиться с ним. Если проба допускает подсказку, то оценка 2 ставится, когда обследуемый не может выполнить задание самостоятельно, но при указании психолога на ошибку справляется с ним. Оценка 1 ставится, если обследуемый начал делать задание, но из-за множественных ошибок не смог приблизиться к правильному решению и отказался продолжать его выполнять. Оценка 0 ставится, если обследуемый сразу отказался выполнять задание, отметив, что оно слишком сложное, либо сказав, что не знает, как его выполнить.

Повышение надежности возможно при вынесении оценок несколькими независимыми экспертами с контролем их согласованности.

Сырые баллы, исходно представленные в шкале порядка, подвергаются процентильной стандартизации (форсированной нормализации). Под процентилем понимается сумма процента испытуемых, имеющих значение меньше заданного, и половины процента испытуемых, имеющих заданное значение. Для перевода процентильных значений в z -оценки (0 ± 1) следует использовать функцию обратного нормального распределения. В результате мы получаем шкалу интервалов.

При работе с детской выборкой нужно учитывать, что успешность выполнения проб зависит от возраста. Для описания траектории развития можно воспользоваться логистическими уравнениями, например, функциями Ферхюльста или Гомпертца. Не для всех проб результаты растут с возрастом монотонно, поэтому иногда лучше использовать многочлен степени n . Анализ функций первой и второй производных позволяет выявить периоды роста и снижения, а также их замедления или ускорения.

Показатель каждого испытуемого нормируется с учетом того, какой результат выполнения пробы соответствует его возрасту. Из исходного стандартизированного значения нужно вычесть ожидаемое

среднее, предсказанное с помощью функции роста, и полученное значение разделить на стандартное отклонение. В реальности стандартное отклонение не всегда равно 1, поэтому рекомендуется отдельно вычислить его на подвыборке нужного возраста. Зависимость мер разброса от возраста можно описать с помощью метода скользящего окна. В целом этот прием позволяет работать с разновозрастными выборками.

Задачно-ориентированная модель принятия решения и оценки уверенности в восприятии

В. М. Шендяпин (ИП РАН, Москва)

Б. Ф. Ломов обосновал системный подход в психологии, включающий математическое моделирование поведения человека. При моделировании реальное явление заменяется его упрощенным и идеализированным математическим «портретом» — моделью. Концептуальное ядро нормативной модели выделяет конечное число наиболее значимых факторов задачи, что позволяет при проведении исследований использовать аналитический метод и сокращать затраты времени и средств на эксперимент (А. А. Самарский, А. П. Михайлов). Настоящая работа ведется в русле традиций математического моделирования в отечественной психологии (В. Ю. Крылов, Т. Н. Савченко, Г. М. Головина, О. В. Митина), психофизике (Ю. М. Забродин, Ю. А. Индлин, Е. Н., Соколов Ч. А. Измайлов, Ю. П. Леонов, Г. С. Шляхтин) и в зарубежной науке (см. ниже).

Ключевой компонент деятельности — принятие решения (ПР). В условиях неопределенности основное средство субъективного прогноза и контроля эффективности решений (часто ошибочных) — уверенность (Ув) в них человека. Известен ряд классов математических моделей ПР и Ув для типичных задач неопределенности — порогового сенсорного различения (обзоры см. у В. М. Шендяпина и И. Г. Скотниковой). Но концептуальная бедность психологических основ этих моделей не позволяет дать убедительные определения таким узловым понятиям, как уверенность и свидетельство в пользу выбираемой альтернативы решения.

Предлагаемая модель развивает байесовский подход вероятностного прогнозирования, лежащий в основе психофизических теорий обнаружения сигнала и случайных блужданий. Она описывает про-

цесс восприятия как дискретную последовательность микроинтервалов времени. Предполагается, что наблюдателю известно отношение априорных вероятностей воспринимаемых объектов λ . На текущем i -м микроинтервале в рецепторах и прилегающим к ним нейронам формируется вектор x_i независимых элементарных отсчетов всех значимых нормально распределенных параметров сенсорной репрезентации объекта. Далее нейроны более высокого уровня преобразуют вектор отсчетов x_i в соответствующий отсчет логарифма отношения правдоподобия $\ln[l(x_i)]$. Текущая сумма $\Psi = \ln(\lambda) + \sum \ln[l(x_i)]$ используется для ПР как решающая переменная.

В работе впервые аналитически показано, что переменная Ψ может использоваться как свидетельство, на основе которой формируется Ув субъекта, а также принимается решение путем сравнения Ψ с критерием $\Psi_{кр}$, определяемым премиями за верные ответы, штрафами – за ошибочные, а также штрафами – за отказ субъекта от ПР на текущем i -ом микроинтервале времени.

Показано, что переменная Ψ позволяет оценивать вероятности правильности и средние полезности решений наблюдателя, растущие с ростом Ψ по закону гиперболического тангенса. Ψ – неосознаваемая переменная, промежуточная между входной сенсорной информацией и финальным актом ПР. В зависимости от задачи степень Ув субъекта в решении определяется либо величиной Ψ , либо $\Psi_{кр}$. При высоких рисках решений критерий $\Psi_{кр}$ разделяется на два с зоной сомнений между ними, т. е. модель объясняет, при каких условиях наблюдатель становится осторожным. Доказана монотонная связь между Ув в правильности ответа и объективной правильностью, известная ранее лишь эмпирически (обзор см. у И. Г. Скотниковой).

Описаны ПР и Ув в трех усложняющихся задачах: 1) выбор наиболее правильного ответа; 2) либо наиболее полезного; 3) либо гарантирующего, что средняя полезность ответа превышает заданный уровень затрат (В. М. Шендяпин). Т. е. задача выступила системообразующим фактором ПР и Ув в развитие задачного подхода в психофизике (А. Г. Асмолов, М. Б. Михалевская, Ю. М. Забродин, А. Н. Гусев).

Обоснована структура ПР в восприятии:

- а) наличие у наблюдателя априорного свидетельства $\ln(\lambda)$ о вероятностях появления воспринимаемых объектов;
- б) получение на i -м микроинтервале вектора x_i сенсорного впечатления о наблюдаемом объекте;

- в) преобразование его в апостериорное сенсорное свидетельство $\ln[l(x_i)]$;
- г) суммирование априорного и апостериорных свидетельств в интегральное свидетельство Ψ и переживание его в виде Ув;
- д) сравнение текущего Ψ с критерием $\Psi_{кр}$ и ответ наблюдателя, ПР.

Обоснованное использование, кроме стандартных дихотомических ответов (да, нет, $>$, $<$, $=$, $\neq$), неопределенного ответа («сомневаюсь», «не знаю») уменьшает число уверенных ответов, но зато повышает долю верных среди них; среди уверенных ответов частота верных больше, чем во всем массиве ответов; поведение рефлексивных и осторожных лиц ближе к поведению идеального наблюдателя, так как они чаще используют ответы «сомневаюсь» и потому в большей степени повышают правильность ПР, чем импульсивные и рискующие. Это подтверждено в задачах « $>$, $<$ » и « $=$, $\neq$ » для пространственных и временных зрительных стимулов, симультанных и сукцессивных соответственно (по данным В. М. Шендяпина, И. Г. Скотниковой, Е. В. Головиной).

Модели ПР и Ув (и наша исходная модель) были разработаны для простых однопризнаковых стимулов. Далее мы расширили модель на восприятие сложных многопризнаковых перцептивных объектов. Векторные модели многомерных сенсорных пространств не затрагивают ПР либо описывают его на одномерной сенсорной оси. Мы ввели обобщенную ось ПР (где интегрируются сенсорные признаки по каждой отдельной оси) с ее единицей – величиной Ψ . Т. е. ПР моделируется на более высоком, чем уровень сенсорных впечатлений, уровне целостного восприятия, например, лиц (В. М. Шендяпин).

Введение в теоретическую концепцию модели микроинтервалов времени и штрафов за отказ от ПР на текущем i -ом интервале позволяет изучать восприятие сложных объектов на материале еще более сложной задачи, в которой время ПР определяет сам наблюдатель. Поведение наблюдателя при этом зависит от «стоимости» единицы времени, затраченного на ПР. Если общая стоимость времени сопоставима со штрафом за ошибку, то наблюдатель работает в режиме «на скорость», в противном случае – «на точность». Визуализация в процессе наблюдения накапливающегося проигрыша позволяет наблюдателю самостоятельно контролировать адекватность исполнения инструкции задачи.

**Психология дискурса
современного информационного общества**

Предисловие к разделу

И. А. Зачесова, Т. А. Кубрак, В. В. Латынов

Развитие информационного общества формирует новые исследовательские установки в изучении дискурса и его психологической структуры. Сегодня жизнедеятельность человека осуществляется в информационной среде, где огромную роль играет не только моментальное распространение информации, но и включенность в коммуникативные процессы миллионов людей, выступающих источниками сообщений и дающих отклики на актуальные события. В связи с этим значимость приобретают виды дискурса, связанные с новыми цифровыми технологиями, с образованием социальных сетей и онлайн-сообществ, а их исследования определяют приоритетные направления научного поиска.

Описание механизмов формирования дискурса и эмпирическое изучение дискурсивной реальности имеют исключительную важность для оценки динамики сетевых процессов, решения вопросов, связанных с формированием образа мира в сознании, таргетированного воздействия, противодействия угрозам информационно-психологической безопасности. Закономерный интерес появляется к постсобытийному интернет-дискурсу, возникающему как отклик на сообщение, новость, событие и приобретающему первостепенное значение в осмыслении опыта и формировании картины мира.

Интернет всё активнее выступает средством, способствующим образованию новых социальных групп, существование которых неразрывно связано с информационным обменом в социальной среде и имеет дискурсивную природу. В связи с этим возникает необходимость изучения сетевого дискурса в целях создания новых инструментов анализа социальных медиа и прогнозирования группового поведения в онлайн-среде.

Новый импульс получают подходы к описанию процесса взаимодействия собеседников, стратегий и тактик, служащих достижению целей коммуникации. Становятся реальными задачи масштабных корпусных исследований эмоциональных, когнитивных, мотивационных и других личностных проявлений в дискурсе.

Развитие информационных технологий вызывает постоянную модификацию форм оказания воздействия. Важнейшим вектором исследований становится изучение потенциала воздействия тех видов дискурса, которые получают распространение в современном информационном обществе. Новые перспективы в исследовании эффектов коммуникативного воздействия открывает становление индустрии «больших данных». Появляется возможность изучения воздействия в условиях реальной жизни на материале многомиллионных выборок респондентов. Разрабатывается интегративная модель психологического воздействия в социальных сетях, учитывающая как общие закономерности, так и их частные варианты, зависящие от конкретных особенностей субъектов, объектов и ситуации воздействия. Данная модель не только обобщает и направляет эмпирические исследования дискурсивного воздействия, но также выступает в качестве основания агент-ориентированного моделирования, которое в последние годы начинает применяться для анализа эффективности различных стратегий воздействия как при «спонтанной» коммуникации в Интернете, так и в условиях специально организованных пропагандистских кампаний.

С развитием алгоритмов прогнозирования психологических характеристик человека по его цифровым следам обозначаются возможности применения персонализированного воздействия, предполагающего учет индивидуальных особенностей объекта воздействия в целях повышения эффективности изменения аттитудов и поведения. Смещение акцента на характеристики объекта воздействия отвечает современной тенденции в изучении психологического воздействия, которая сопряжена с признанием активности человека — объекта воздействия, проявляющейся как в выборе тактики реагирования, так и в глубине обработки поступающих сообщений.

Современные достижения компьютерной лингвистики, в основе которой лежит замена слов цифровыми значениями, открывают новые возможности применения данных технологий для контент-анализа в психологических целях. Развитие цифрового кодирования информации, относящейся к семантике и синтаксису текста, расши-

ряет перспективы разработки современных моделей компьютерной лингвистики, позволяющих более адекватно оценить представленную в тексте информацию о словах и их связях.

Активный методический поиск, отличающий рассматриваемую научную область, ознаменован многими новыми достижениями, однако преимущественное развитие получили подходы, связанные с созданием инструментов автоматической обработки речевых материалов. В настоящее время в русле интент-анализа разрабатываются новые инструменты изучения дискурсивного пространства Интернета. Реализуются задача обнаружения маркеров речевых интенций субъектов общения и разработка на этой основе метода их эмпирической оценки. Намечается разработка технологии оценки интенциональных характеристик речи на основе методологии экспертного интент-анализа и математических методов анализа естественного языка.

В целом полученные к настоящему времени данные свидетельствуют о значительном продвижении в исследовании дискурса информационного общества и разработке новых методов его анализа.

Новые возможности и старые проблемы контент-анализа*

*Н. А. Алмаев (ИП РАН, Москва), О. В. Мурашева (ИП РАН, Москва),
Т. Д. Сальников (ИП РАН, Москва)*

На сегодняшний день в сети Интернет имеется широкий доступ к большим массивам текстовых данных. В социальных сетях постоянно ведутся оживленные обсуждения насущных тем. Тем самым перед исследователями раскрываются большие возможности для изучения общественно значимых явлений. Остается определиться с методами анализа полученных данных.

Изучение общественно значимых явлений, находящих свое выражение в дискурсах и нарративах значительного количества людей, требует обработки внушительных объемов текстовой информации, ведь обычно каждый участник дискуссии генерирует далеко не одно сообщение по теме.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0004.

Исследовательской задачей в машинном обучении является тематический анализ, его цель – сокращение переменных, это аналог факторного анализа. Соответственно, актуальным является применение к текстам методов статистики, обеспечивающих уменьшение количества переменных (например, методов, подобных факторному и кластерному анализам), но адаптированных для текстовых сообщений.

Одним из таких методов является метод латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA), алгоритм которого впервые был предложен Дэвидом Блэйем (D. Blei). Алгоритм LDA был реализован в таких средах, как R, Matlab, а также в экосистеме языка Python, в последней – в составе пакетов scikitlearn и gensim. Мы пользовались скриптами программ, входящих в состав scikitlearn (F. Pedregosa).

LDA применяется в основном в англоязычной IT-сфере для тематического анализа новостей и разработки рекомендаторов (программ, находящихся материалы по определенным темам и предоставляющих ссылки на них). Наблюдаемые появления слов в корпусе документов рассматриваются в LDA как проявление некоторого числа латентных тем, которые надо реконструировать. Авторы метода подчеркивают, что данная задача не имеет однозначного решения, тем не менее, его можно аппроксимировать благодаря повторению ряда шагов, сводящихся к нахождению минимумов неравенства Куллбака–Лейблера с помощью байесовских методов.

В исследовании были использованы обсуждения в журналах трех различных пользователей ЖЖ за ноябрь 2021 г. с тэгами «коронавирус», «COVID-19». Сгружались из Интернета и обрабатывались только комментарии, но не исходные тексты блогеров. По каждой теме были представлены основные термины в виде двух слов (биграмм) с частотой встречаемости данного сочетания слов в корпусе текста.

В результате анализа дискуссий в Интернете на основе «мешка слов» удалось определить, что LDA может быть применено к задаче тематического анализа дискуссий: метод достаточен для первичного ознакомления с корпусом текстов без прочтения самого текстового корпуса исследователем. С помощью LDA оказалось возможным релевантное выделение тем, которые сохраняют свою уникальность вне зависимости от изначально установленного количества тем в LDA, а благодаря отдельным однозначным биграммам возможна содержательная идентификация тем: на данной основе могут быть созданы рекомендаторы или автоматические резюме.

Однако отдельные осмысленные суждения перемежаются огромным количеством «пустой породы» – бессмысленных случайных биграмм. Но поиск тематических содержаний в Интернете так и происходит, таким образом учатся нейросети.

Похожие выводы мы обнаруживаем в работе китайских ученых (Н. Jelodar et al.). Однако исследователи ограничиваются словарным подходом, что может быть отчасти оправданным в аналитических языках с четким порядком слов (английский, китайский). В русском языке (синтетический язык) с почти произвольным порядком слов подобный подход требует переосмысления.

Отметим, что сам подход к выделению слов чисто стохастический (текст = «мешок слов») при поисках глубинной мотивации «антиваксерства» и ковид-диссидентства в самих темах обнаруживается много информационного шума, случайных биграмм с низкой содержательностью, не интерпретируемых вне контекста предложения (субъекты без предикатов, предикаты без субъектов). Для дальнейшего смыслового наполнения данной методики представляется целесообразным включить уровень синтаксического разбора предложения в первый этап обработки текста – токенизацию, и передавать на дальнейшую векторизацию коллекции суждений (биграммы, связанные отношениями субъект–предикат).

Технически это не так трудно сделать в силу «защитости» синтаксиса в разметку корпусов русских текстов. Предложение разбирается, выделяются связки субъект-предикат, им присваивается суммарный вектор и далее анализируются вектора этих пар. Бессмыслица исключается уже на самом базовом уровне.

Восприятие школьниками образов героев отечественных и зарубежных мультфильмов как элементов современного медиадискурса*

*Т. Я. Аникеева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
Л. В. Матвеева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
Ю. В. Мочалова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

В современный период развития информационного общества дети и подростки становятся частью аудитории, наиболее уязвимой к воздействию медиадискурса. Дискурсивное воздействие способствует развитию идентичности личности, ее коммуникативной компетентности и социального статуса (Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова, А. Н. Воронин). Основной формой контента для детей и подростков являются отечественные и зарубежные мультфильмы. Именно герои мультфильмов могут быть примером для подражания и включаться в круг значимых Других, оказывающих влияние на формирование картины мира.

Результаты сравнительного анализа (Л. В. Матвеева) показывают, что культурные коды — ценности, символы, ритуалы, понятия времени и пространства, образы и поведение героев в художественных медийных продуктах, выполненных в традициях различных цивилизационных матриц, отличаются, хотя сюжетные линии могут совпадать. Демонстрация детям мультфильмов, выполненных в рамках другой культуры, требует обсуждения и интерпретации для них различий по основным параметрам культурной матрицы, иначе могут возникнуть трудности в формировании цивилизационной идентичности у целого поколения.

Задачами нашего исследования стали изучение воздействия развлекательного дискурса медиасреды на детскую аудиторию и сравнительный анализ восприятия школьниками героев отечественных и зарубежных мультфильмов, экранизирующих волшебные сказки, имеющие в основе сходный сюжет. Применялся метод психосемантического шкалирования с последующей факторизацией. Рассматривались герои отечественных м/ф «Аленький цветочек» и «Царевна-лягушка» и американских м/ф «Красавица и Чудовище» и «Принцесса и лягушка», — соответственно, Настенька и Чудище, Царевна-лягушка и Иван-царевич, Бэль и Чудовище, Тиана и Принц. В исследова-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-01156.

нии принимали участие школьники 13 и 16 лет, всего 40 подростков, 23 мальчика и 17 девочек.

В обеих группах выделено по шесть факторов/категорий восприятия, объясняющих в каждом случае около 70% общей дисперсии данных. Категория морально-этической оценки поведения героев является наиболее значимой в двух группах и включает как основную шкалу «заботится о других—эгоист». На втором месте категория «харизматичности» — внешней привлекательности героя, связанной для младших подростков с его способностью вызывать доверие, а у старших — с его энергией, яркостью и успешностью. Категория «героизма» (сила, смелость) у старших согласуется с характеристиками общительности и нравственности. Психологическая дистанция («свой—чужой») связана в обеих группах с возможностью высмеивания поступков героя, а у младших подростков еще и с когнитивной доступностью его поведения («понятный—загадочный»).

Значимые различия выявлены у младших подростков между образами героев по следующим категориям: «морально-этическая» — образ Настеньки на положительном полюсе и Чудища и Чудовища на отрицательном; «харизматичность» — образы Настеньки и Бэль на положительном полюсе и Чудища на отрицательном; «психологическая дистанция» — образ Настеньки на положительном полюсе и Чудовища на отрицательном.

Значимые различия получены у старших подростков между образами персонажей по категориям «харизматичность» (образ Ивана-царевича на положительном полюсе и Тианы и Принца на отрицательном) и «психологическая дистанция» (образы Принца и Тианы на положительном полюсе и образы Царевны-лягушки и Ивана-царевича на отрицательном).

Получены следующие выводы:

1. Выявлена дифференцированность восприятия школьниками образов героев мультфильмов разных культурных традиций по категориям «харизматичность» и «психологическая дистанция» в обеих группах подростков и «морально-этическая» у младших подростков.
2. Различие образов по категории психологической дистанции («свой—чужой») как предиктора цивилизационной идентичности в наибольшей степени проявляется у старших подростков: герои отечественного мультфильма воспринимаются ими как «чужие»

и «смешные», а американского — как «свои» и не подлежащие осмеянию. Это можно объяснить смещением критериев оценки поведения персонажей под влиянием современного медиадискаурса, а также особенностями выразительных средств самих мультфильмов.

3. Школьники 13 лет различие между героями основывают на понятиях добра и зла и на доверии к персонажу, связанному с его внешней привлекательностью, школьники 16 лет — на понятиях внешней привлекательности, яркости, энергичности и успешности героев.

К проблеме словаря интенциональных категорий сетевого дискурса*

В. А. Афиногенова (ИП РАН, Москва), Н. Д. Павлова (ИП РАН, Москва)

С развитием Интернета и перемещением в него значительной части социальных отношений на первый план выходит анализ сетевого дискурса, что определяет усиливающийся интерес к созданию технологий автоматической оценки речевых материалов. Большую роль при этом играют словари оценочной лексики, компьютерного жаргона, тематические и пр., на основе которых осуществляется соотнесение речевых средств пользователей с различными категориями анализа (Т. В. Батура, И. В. Смирнов, М. А. Пильгун, J. Zhao, В. Schutze и др.). Новизна представляемого подхода состоит в выявлении психологических характеристик сетевого контента на основании репрезентирующих интенции субъектов общения лексических показателей. В сопоставлении с подходами sentiment-анализа это намечает перспективы получения более дифференцированной информации об обсуждаемых темах и целевом замысле высказываний.

Создание подходов к объективной оценке модальности речи сдерживалось трудностями сбора больших массивов контекстно однородных данных. Развитие социальных медиа снимает это ограничение, позволяя решать задачу определения валидных показателей речевых интенций субъектов общения и разработки на этой основе метода

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0004.

их эмпирической оценки. Вместе с тем на новом уровне актуализируются вопросы типологии интенциональных актов и, главное, тех дифференциальных признаков, которые различают их между собой и должны учитываться при оценивании. В русле развиваемого подхода проведено исследование, в котором использовались эмпирические списки интенций (свыше 50 категорий), составленные по материалам интент-анализа обсуждений на различных интернет-площадках (в социальных сетях, личных блогах, мессенджерах, на форумах, сайтах СМИ и др.). На основании разработанных психолингвистических процедур и экспертной оценки выявлялись относящиеся к каждой интенциональной категории лексические показатели: глаголы, отглагольные существительные, ассоциативно связанные слова, устойчивые выражения и пр. Привлекались также данные о средствах отражения в речи иллокутивных актов, представленные в литературе (И. А. Стернин, В. И. Карасик, Т. В. Дубровская и др.).

По результатам исследования формируется словарь интенциональных категорий, включающий описание интенции, ее частотность в сетевом дискурсе, лексические показатели и контекстные образцы реализации. Приведем пример словарной статьи.

«Обвинить» (6%) – предъявить кому-либо обвинения, претензии в совершении действий, посчитать виновным в чем-либо. Обвинение следует отличать от соседствующих категорий «оскорбить» и «осудить», из которых первую маркирует умаление интеллектуальных, нравственных и других качеств личности, вторую – акцент не на действиях как таковых, а на их моральной оценке. В сетевом контенте не обнаруживается случаев выражения обвинения с использованием перформативной формы соответствующего глагола («Я обвиняю»). Стремление обвинить реализуется при помощи оценочной лексики, характеризующей действия или высказывания субъекта как негативные, противоречащие нормам. Интенция может выражаться посредством прямого (от первого лица) или косвенного (от третьего лица) предъявления вины с использованием: 1) каузальных конструкций («Это из-за вас»); 2) лексики с семантикой деликта («Людей шантажом принуждают»); 3) описания последствий поступка («Поглядите, что из этого вышло!»); 4) отсылки к будущему («Они еще будут эксплуатировать наше терпение»). С учетом контекста выделены лексические показатели данной интенциональной категории: «безответственность», «из-за вас», «вне закона», «нарушение», «подвергать опасности» и др., которые установлены, к примеру, в следующих высказываниях: «Ну это ты чего врешь:

в нарушение всего на локдаун закрыли всех — и привитых, и непривитых!», «В прошлом году я потерял трех самых близких родственников, в том числе и маму, из-за вот таких безответственных тварей, как вы».

Обсуждая достигнутые результаты и задачи дальнейших исследований, отметим широкую представленность в сетевом контенте таких сложных для описания интенциональных категорий, как «высмеять», «пошутить», «похвастаться». Приведенная словарная статья относится к числу наиболее разработанных, однако и в ее составе недостает оценки частотности выделенных лексических показателей и анализа их специфики с учетом возможного перекрытия другими категориями. Вместе с тем, поскольку высказывания нередко совмещают признаки двух и более интенций, дальнейшего рассмотрения требует вопрос выделения комплексных форм выражения, а также выбора релевантной контексту меры общности/конкретности интенциональных категорий. В научно-практическом плане описание лексических показателей речевых интенций и составление специализированного словаря должно составить основу программы автоматического анализа текстов, которую тоже предстоит разработать.

Роль репрезентации в обработке нарратива (на примере решения текстовых задач)*

Н. Б. Горюнова (ИП РАН, Москва)

Изучалась роль репрезентации в обработке нарратива через конструирование ментальной модели ситуации, описанной в тексте задачи, на примере задач-головоломок. На основе анализа современных концепций обработки нарратива показано, что репрезентация ситуации является ключевым аспектом обработки текста.

Проблема репрезентации до сих пор остается дискуссионной. В когнитивной парадигме генеративные модели отражают «реконструируемые, внутренние репрезентации» мира, в то время как в динамической парадигме генеративные модели проявляются как свободные от репрезентаций сети нейронных взаимодействий и порождают действия, которые используют возможности («аффордансы») окружающей среды. Согласно А. Констант с соавт., в рамках генератив-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00495.

ной модели нейронная архитектура может реализовывать как репрезентативные, так и нерепрезентативные процессы: выбор действий, основанный на выводах о латентных состояниях мира, предполагает реконструируемые репрезентации, в то же время действия, основанные непосредственно на наблюдениях, свободны от них (Constant, Clark, Friston, 2021).

Гипотетически, понимание нарратива предполагает мысленное моделирование описанных в тексте событий путем реактивации и интеграции следов памяти из множества перцептивных и моторных модальностей, сформированного ранее в нейрокогнитивных структурах. Важным условием понимания текста является реконструкция ментальной модели ситуации, в которой содержание анализируемого текста преломляется через структуру индивидуальных знаний. Чтобы получить связное представление о тексте, активированная нерелевантная информация должна быть удалена из ситуационной модели. Индивидуальные различия в способности игнорировать нерелевантные признаки, вероятно, играют ключевую роль в репрезентации проблемной ситуации.

Цель исследования состояла в выявлении взаимосвязи между типом ментальной модели, реконструируемой в процессе понимания текста задачи, и успешностью ее решения. Гипотетически, в процессе чтения условий задачи в рабочей памяти активизируются элементы опыта в виде когерентных ментальных структур или модели, что обуславливает индивидуальные различия в степени включения релевантных когнитивных элементов в репрезентацию проблемной ситуации. Конструирование и поддержание в активном состоянии ментальной модели предполагает симультанное «схватывание» некоторого множества элементов ситуации, удержание его в фокусе внимания и оперирование им. Различия в степени релевантности ментальной модели, конструируемой в процессе решения текстовой задачи, обусловлены индивидуальным набором когнитивных характеристик.

В исследовании приняли участие 29 студентов (79% женщин) университета ГАУГН в возрасте от 18 до 30 лет, которым предлагалось выполнить следующие методики: тест Равена (ППМ), Тест дискурсивных способностей, текстовую задачу (задачу-головоломку).

На данной выборке была выявлена корреляция между когнитивной продуктивностью (по тесту Равена) и уровнем дискурсивных способностей ($r = -0,41$, $p < 0,05$). Одно из объяснений отрицательной корреляции может состоять в том, что продуктивный (общий, флю-

идный) и репродуктивный (вербальный, кристаллизованный) компоненты когнитивного функционирования имеют разнонаправленные векторы развития.

При анализе протоколов решения задачи-головоломки условно были выделены формальные этапы: на основе вербального описания построить пространственную модель; преобразовать пространственную модель с учетом временных характеристик; совершить обратное преобразование временных характеристик в пространственные и осуществить «попадание точки в интервал»; выполнить числовые операции. Трудности в формализации условий данного типа задач могут возникать из-за неспособности игнорировать нерелевантную информацию. Выявленная отрицательная корреляция между количеством контекстных ассоциаций и успешностью решения задачи-головоломки ($r = -0,37$, $p < 0,05$) косвенно подтверждает предположение о том, что фокусирование внимания на несущественных признаках не позволяет увидеть формальную структуру задачи и реконструировать релевантную модель ситуации, значительно снижая вероятность ее решения.

Допущение о взаимодействии активированных элементов опыта и знаний в рабочей памяти с «аффордансами», заложенными в тексте задачи, требует дополнительной эмпирической проверки и модификации дизайна исследования. Развиваемые идеи и результаты могут быть использованы в образовательных программах, предполагающих работу с текстовыми задачами и тестами, основанными на вербальном материале.

Линии развития обсуждения в экологическом интернет-дискурсе*

И. А. Зачесова (ИП РАН, Москва)

В современном обществе интернет-дискурсу, охватывающему миллионы пользователей, принадлежит кардинальная роль в осмыслении острых вопросов и формировании образа реальности в индивидуальном и социальном сознании. Особое место в обсуждениях

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0004.

в социальных сетях и других интернет-площадках занимает проблема эволюции и сохранения окружающей среды. Экологическому интернет-дискурсу принадлежит определяющая роль в формировании групповых представлений о реальности эволюции среды обитания человека, коллективного экологического сознания.

Настоящее исследование нацелено на выявление особенностей организации экологического интернет-дискурса, связанных с интенциональной направленностью субъектов общения.

Использовался интент-анализ, позволяющий реконструировать стоящие за речью интенции субъектов общения и выявлять элементы интенционального содержания, сопряженные с текущим взаимодействием (Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова). Проанализированы 5 сообщений экологической направленности и их обсуждение (194 комментария) на интернет-площадках Ответы mail. ru, в новостной ленте Яндекс-Дзен и в социальной сети ВКонтакте. В обсуждениях участвовали 67 человек.

Выделялись следующие категории: 1) референциальные объекты, на которые направлены интенции коммуникантов: интерактивные, относящиеся к взаимодействию участников обсуждения («Сообщество», «Собеседник», «Я», «Автор»), и топик-объекты, относящиеся к теме обсуждения («Продажа воды», «Причины катастрофы», «Отходы», «Власть», «Виновные» и др.); 2) интенциональные категории и реализация интенций каждой категории в речи; 3) группы интенций позитивных, направленных на поддержку собеседника, негативных, связанных с критикой и дискредитацией, и нейтральных, направленных на выражение собственного мнения по обсуждаемой теме, анализ ситуации или точки зрения участников обсуждения. Для оценки различия в выраженности долей и пропорций использовался критерий χ^2 Пирсона, критерий χ^2 Пирсона с поправкой Йетса для парных сравнений и точный критерий Фишера. Для расчета использовалась программа Statistica v. 10.

Лаконичные иницирующие сообщения вызывают обсуждение, в котором количество основных референциальных объектов относительно исходного увеличивается в три раза за счет появления новых интерактивных и топик-объектов. В интенциональном пространстве экологического дискурса выявлены 47 категорий интенций. Распределение интенций разной направленности в отношении интерактивных и топик-объектов обсуждения позволило охарактеризовать основные линии его развития.

Иницирующие последующее обсуждение сообщения различаются по характеру их функциональной направленности. Одни информируют сообщество о резонансном экологическом событии или глобальной экологической проблеме (дискурс информационный). Другие мотивируют сообщество к реальным действиям, разумному использованию ресурсов планеты, формированию экологичного образа жизни (дискурс мотивационный).

Информационный и мотивационный дискурсы, различающиеся по характеру функциональной направленности, имеют разную коммуникативную структуру и линии развития.

Мотивационный дискурс нацелен на обсуждение реальных действий коммуникантов, способствующих разумному использованию ресурсов планеты, формированию экологичного образа жизни. Его развитие осуществляется преимущественно за счет направленности на комментарии собеседников и связанные с ними интерактивные объекты. Доминирующая направленность на объект «Собеседник», как и высокая частота реализации интенций говорит о выраженности диалогических интенций, потребности в совместном осмыслении возможных действий и значительной активности участников обсуждения. По сравнению с информационным, такой дискурс характеризуется высокими значениями направленных на интерактивные объекты положительных интенций. Реализуемые интенции выражают поддержку, одобрение мнения собеседника, согласие с ним и др.

Информационный дискурс развертывается вокруг обсуждения глобальной экологической проблемы и развивается в основном за счет направленности коммуникантов на иницирующее сообщение и связанные с ним топик-объекты («Продажа воды», «Причины катастрофы», «Отходы», «Власть», «Виновные» и др.). В приоритете у коммуникантов выражение собственного мнения. Реализуемые в ходе обсуждения сложившейся экологической ситуации и ее интерпретации интенции носят преимущественно негативную окраску. Негативная тональность в отношении возникшей экологической ситуации проявляется в выражении возмущения, негодования, огорчения, опасения и др. Данному виду дискурса не свойственны возражения собеседнику и критика его мнения, в реакциях на комментарии участников обсуждения преобладают нейтральные аналитические интенции выяснения и представления своей позиции. По сравнению с мотивационным дискурсом, не столь высока частота реализации интенций, диалогичность выражена в меньшей степени.

Изменение психотерапевтического дискурса в условиях дистанционного консультирования*

А. Н. Воронин (ИП РАН, Москва), О. В. Чвилева (ГАУГН, Москва)

Всеобъемлющая цифровизация современного общества обусловила существенный рост популярности психологического консультирования и психотерапии в дистанционном формате. Эффективность онлайн-консультирования подтверждена в ходе проведения нескольких метаанализов и средневзвешенная величина эффекта в онлайн-условиях составила 0,53, что очень приближено к показателям эффективности традиционного очного консультирования. Наиболее востребованными сетевыми платформами для оказания психологической помощи онлайн на сегодняшний день являются WhatsApp, Skype, Zoom и Viber. «Гаджетизация» в целом изменила формы взаимодействия людей и процесс коммуникации, а опосредованное социальными сетями общение создало новую культурно-языковую ситуацию и привело к изменению институциональных дискурсов, — в частности, психотерапевтического, под которым в широком смысле понимают все воздействия (в том числе и речевые акты), призванные повлечь личностные изменения, а в узком — диалоги терапевта и клиента.

Пилотное качественное исследование (интервью о жизненной истории Д. Макадамса и анализ нарратива по схеме В. Лабова и Дж. Валецкого) диалогов психотерапевтических сессий, проведенных оффлайн и онлайн (28 и 30 текстов, соответственно), показало, что при дистанционном консультировании происходят следующие изменения терапевтического дискурса: увеличивается время установления рабочего альянса, возрастает число односложных ответов на вопросы терапевта, его текст становится менее развернутым, чаще соблюдается формально правильная структура предложения, увеличивается количество апелляций к опыту терапевта, текст клиента становится более подробным и пространственным, текст терапевта содержит больше уточнений, пояснений, чаще происходит смена тем, в речи клиента появляется больше извинительных слов, происходит ослабление тематических ограничений и т. д.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0004.

Дальнейшее изучение различий в психотерапевтическом дискурсе при переходе на дистанционный формат осуществлялось путем анализа семантико-синтаксической структуры высказываний с помощью метода реляционно-ситуационного анализа (РСА), позволяющего выявлять семантику текста, ставя в соответствие синтаксемную структуру предложения логической структуре действий. Всего было проанализировано 100 психотерапевтических бесед: 50 бесед проводились в очном формате, 50 – онлайн. Оценка сдвига между показателями РСА (298 показателей) при очных и онлайн консультациях проводилось попарно по нормализованным значениям с помощью теста Манна–Уитни. При сравнении каждого признака между группами обе выборки очищались от выбросов при помощи межквартильного интервала и проверялись на нормальность распределения. Для анализа были оставлены показатели, где p -value было меньше 0,05. Сравнение текстов реплик терапевтов, проводящих консультации очно и онлайн, показало, что имеются значимые различия по 49 различным показателям РСА. При сравнении реплик клиентов значимые различия были получены по 52 показателям.

Полученные результаты позволяют в самом общем виде описать изменения в дискурсе при переходе к онлайн-консультациям. Так, при дистанционном консультировании предложения психотерапевтов стали короче, снизилась тональность высказываний, их логическая связанность и синтаксическая завершенность, повысился уровень негативно окрашенной аффектогенности и т. п. При этом тональность высказываний клиентов повысилась, как и их аффектогенность. Речь клиентов при онлайн-консультациях более разнообразна и содержит значимо больше уникальных слов. В репликах клиентов уменьшилось количество сложных предложений при одновременном повышении эмоциональной стабильности. Высказывания клиентов при дистанционном сеансе носят более конкретный характер и значимо чаще носят форму личных заявлений. Характер высказываний клиентов имеет более социетальный характер, отражая при этом большие уверенность, включенность и позитив. Компактное и обобщенное описание полученных различий в дискурсе терапевтов при проведении онлайн-консультаций возможно при использовании факторного анализа, позволяющего выявить латентные переменные. В нашем случае будет уместно трактовать полученные факторные решения как гиперроли – «стержневые роли», представляющие собой объединение нескольких элементарных ролей и/или иных показателей РСА.

Психологические закономерности выбора фильмов в период распространения пандемии COVID-19*

Т. А. Кубрак (ИП РАН, Москва)

В ранее проведенных нами исследованиях были выявлены корреляты кинопредпочтений российской молодежи, относящиеся к устойчивым индивидуально-психологическим характеристикам (Т. А. Кубрак, Т. А. Гребенщикова, Н. Д. Павлова). В то же время есть данные, что выбор фильмов может определяться и другими, менее стабильными психологическими переменными, а также обуславливаться ситуативными факторами.

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на все аспекты жизнедеятельности людей во всем мире, в том числе на повседневную жизнь, привычки и потребности каждого человека. В период введения ограничительных мер, вызванных распространением коронавируса, многие люди значительную часть свободного времени стали уделять просмотру фильмов и сериалов.

Целью исследования стало выявление психологических коррелятов кинопредпочтений в ситуации пандемии COVID-19. В онлайн-опросе, проведенном в мае–июне 2020 г., приняли участие 1109 человек; отобраны данные опроса 811 человек (34,9% мужчин и 65,1% женщин) в возрасте от 18 до 59 лет ($M = 36$, $SD = 10,2$). Использовались оригинальная методика «Кинопредпочтения», краткий тест Большой пятерки TIPI-RU, методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана, «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергера и анкета «Отношение к пандемии».

Выяснилось, что в ситуации пандемии почти половина респондентов (46,1%) стала смотреть фильмы чаще, в особенности женщины (48,9% по сравнению с 41% мужчин). Не было выявлено значимых различий в выраженности ситуативной тревожности между теми, кто стал смотреть фильмы чаще, и теми, у которых привычки не изменились. В то же время такие различия обнаружены для показателя «Тревога» (фактор «Отношения к пандемии»), отражающего рефлексию респондента по поводу угроз коронавируса: среди тех, кто стал смотреть фильмы чаще, выраженность опасений оказалась выше.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию №0138-2022-0004.

В результате факторного анализа данных, полученных с помощью методики «Кинопредпочтения», определена шестифакторная структура жанровых предпочтений: «Эмоциональная напряженность», «Сила», «Легкость», «Фантазийность», «Арт», «Реализм».

Множественный регрессионный анализ обнаружил связи пола и индивидуально-психологических характеристик субъектов с их кинопредпочтениями. В качестве зависимой переменной выступали факторы кинопредпочтений, в качестве независимых переменных — пол, черты личности (экстравертность, дружелюбие, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость новому опыту), стратегии совладания со стрессом (разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание проблем), уровень ситуативной тревожности, отношение к пандемии (фактор «Тревога»). Принадлежность к мужскому полу явилась предиктором выбора фильмов, относящихся к факторам «Эмоциональная напряженность», «Сила», «Фантазийность», к женскому — «Легкость» и «Реализм». Экстравертность явилась положительным предиктором жанровых предпочтений «Сила», «Легкость», «Реализм» и отрицательным — «Арт». Дружелюбие было положительно связано с факторами «Легкость», «Фантазийность», а добросовестность положительно — с легкостью, отрицательно — с фантазийностью. Открытость новому опыту была отрицательным предиктором жанровых предпочтений «Сила» и позитивным — «Фантазийность», «Арт», «Реализм». Стратегия совладания «Разрешение проблем» была положительно связана с фактором кинопредпочтений «Реализм», «Избегание проблем» — с фактором «Сила». Стратегия «Поиск социальной поддержки» явилась положительным предиктором фактора «Легкость» и отрицательным — «Реализм». Высокий уровень тревожности был отрицательно связан с факторами кинопредпочтений «Сила» и «Легкость», а выраженность опасений в отношении пандемии — с фактором «Реализм».

Можно сделать следующие выводы. В период распространения пандемии COVID-19 и введения ограничительных мер обращение к просмотру фильмов определялось как социальными, так и психологическими факторами. Люди стали смотреть фильмы чаще не только потому, что появилось больше времени, но и стремясь избежать пугающей реальности. Выбор конкретных фильмов в большей степени определялся устойчивыми характеристиками. Пол и черты личности являлись сильными предикторами большинства жанровых предпочтений. В то же время менее стабильные психологические харак-

теристики (стратегии совладания со стрессом, показатели тревоги) определяли выбор фильмов определенной направленности – реалистичных и развлекательных. Во время локдауна люди обращались к таким жанрам не только в силу своих индивидуально-психологических особенностей, но и исходя из актуальных потребностей.

Интерпретация семантики и функционирования иноязычных элементов в художественном тексте (на материале психолингвистического эксперимента)*

*М. А. Ланно (НГПУ, Новосибирск),
А. А. Уразбекова (РЦНК, Будапешт, Венгрия)*

В докладе анализируются результаты психолингвистического эксперимента, посвященного восприятию и пониманию иноязычных элементов польского происхождения в художественном тексте. Устанавливаются закономерности интерпретации степени «чуждости» предъявляемого от типа предъявляемого заимствования (полонизм, экзотизм, вкрапление) и возможности идентификации его значения в контексте.

Механизм адаптации иноязычного слова, идиомы, любой другой единицы языка/речи включает в себя компонент восприятия и понимания, интерпретации его контекстного или ситуативно обусловленного значения. Исследователями отмечается «необходимость в комплексном изучении процесса освоения иноязычных новаций: в системе языка, с одной стороны, и носителями языка – с другой» (О. С. Борисова). Специального внимания заслуживает вопрос типологического изучения заимствований в соотношении со спецификой восприятия каждой группы слов. В свою очередь, восприятие и понимание текста – сложная система, в основе которой лежит идентификация лексических значений, «именно слово оказывается критической единицей сегментации текста, позволяющей проследить взаимодействие между означающими и означаемыми, между данным в тексте и извлекаемым из памяти» (А. А. Залевская). Несмотря на то, что «роль слова в общении, в том числе в понимании текста, исключительно велика», она «не выяснена в достаточной мере» (А. А. Залевская).

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 21-512-23003 РЯИК-а.

Эксперимент, связанный с восприятием и пониманием иноязычных элементов польского происхождения во фрагментах художественных текстов XIX–XXI вв., проводился в период с конца 2020 по начало 2022 г., в нем приняли участие 95 студентов-филологов 1–2 курсов Новосибирского государственного педагогического университета. Испытуемым было предложено выявить и проанализировать разные типы иноязычных элементов польского происхождения, а именно полонизмы (поляк, пан, ксендз, мазурка, сейм), в том числе экзотизмы, маркирующие реалии польской культуры и отсутствующие в российской действительности (кляштор, хлоп), а также лексемы с показателями грамматики польского языка (специализированные суффиксы и грамматические формы). Помимо этого, в предложенных фрагментах текстов были использованы полные и частичные польские вкрапления, особенно широко распространенные как в русской литературе XIX в., так и в современной исторической прозе, описывающей этот период.

Вопросы и задания, предъявленные респондентам, можно разделить на три группы: 1) выписать иноязычные элементы и определить их значение; 2) определить, из какого языка пришли данные элементы, и описать маркеры данного языка; 3) выявить функции иноязычных элементов в художественном тексте.

Из представленных к анализу 35 иноязычных элементов было выявлено 28 (80%), при этом описано значение данных элементов в около 50% случаев, а адекватная идентификация смысла имела место в 85% интерпретаций. Существенную роль в идентификации текстовой единицы как элемента польского происхождения играют его фонетический состав и графическая форма. Наличие «грубого звучания», «малогласия» оказывает значительное влияние на идентификацию лексем как полонизмов. При этом важным оказывается возможность или невозможность опознать лексическое значение слова в предлагаемом контексте, понимание значения слова как принадлежащего к польскому миру без опознавательных фонетических маркеров способствует включению его в группу заимствованных слов. Эксперимент показал, что имена собственные, онимы различных видов, равно как и иноязычные аффиксы занимают особое положение в системе языка и в языковом сознании носителей языка, к ним применяются другие критерии в определении степени «чуждости». Нулевые вкрапления не идентифицируются как иноязычные элементы. Частичные вкрапления подчиняются тем же правилам восприятия, что и лекси-

ческие полонизмы. Полные польские вкрапления, т. е. элементы текста, переданные средствами польской графики, чаще всего указываются как иноязычные. Однако в данном случае работает обратный закон, нежели при восприятии лексических полонизмов: чем непонятнее значение данного фрагмента, тем выше индекс «чужеродности».

Наличие в художественном тексте иноязычных элементов оказывает влияние на его оценку как сложного и нагруженного определенными задачами. Наиболее распространенным ответом явилось указание на создание национального колорита (35,8%). В отдельную группу были вынесены ответы, которые демонстрируют наивное языковое сознание респондентов (12,6%). Такие читатели уверены, что специальными задачами автора являются нравоучительное воздействие на адресата, обучающая роль текста или даже задача сохранения русского языка.

О влиянии информационного дискурса: к постановке проблемы

Т. Г. Лешкевич (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Дискурс в академической практике всегда оценивался как «мыслеречь», как совокупность вербальных реализаций, позволяющая реконструировать как идеи, так и ментальные состояния индивидов. Дискурсивные практики помогают субъектам проявиться, занять определенное место и конституировать те или иные нормы. Изменение коммуникативных основ современной цивилизации характеризуется сдвигом в сторону информационных форм взаимодействия, которые становятся могущественными «посредниками» современного существования и претендуют на весомую степень доминирования. Поэтому основная проблема заключается в том, что в условиях современного информационного общества дискурс зачастую является инструментом создания симулятивных ситуаций, которые, не имея референтов, произвольно конструируют фрагменты реальности, тем самым делая возможным появление квазиобъектов, квазисобытий и квазисостояний. В этом отношении прав М. Фуко, указывая, что дискурсы – это практики, систематически формирующие те объекты, о которых они говорят (М. Фуко). Емкое выражение «власть дискурса» в полной мере отражает его значение.

Информационная эпоха, распространив цифровой «новояз», усекающий смысл и глубину межличностного общения, имеет в качестве ведущей тенденции унификацию, производит существенные трансформации в психоментальной сфере человека. Чтение превращается в технику «пропуска лишнего», ценностная система сводится к доминированию количества лайков и фолловеров. Значимым приоритетом становится установка нарастить «цифровые мускулы», чтобы поспеть за стремительным бегом цифровых технологий. Принятие сетевых практик и искусственного интеллекта выступает в качестве основы функционирования всех сегментов жизненного мира. Рефлексия, осмысление, «тяжелая работа думания» оттеснены на периферию современной информационной эпохи.

Следует подчеркнуть, что особенностью дискурса современного информационного общества является то, что он приводит к подвижности границ и предельной релятивности существующей картины мира. «Меморизация» прошлого, имеющего объективную историческую значимость, в результате информационной обработки приводит к преобразованиям, навязывающим готовые синтезы, отвечающим задачам определенного видения мира. Обратим внимание на то, что механизмы информационного влияния дискурса, предстающие как сложно организованная деятельность, включают в себя создание специального контекста ситуации коммуникации и программирование информационного посыла, «вложенного» в дискурс. При формировании стратегий дискурсивного воздействия значение приобретают такие инструменты, как атрибуция, сочленение, обозначение и деривация, которые в соответствии с заданным прагматическим или идеологическим выбором позволяют создать область нормативности и актуальности. Вместе с тем для оказания психологического воздействия на потребителя информации дискурс должен впитывать в себя установленные языковые (вербальные) стереотипы, совместимые с принятыми коммуникативными практиками данного сообщества, и опираться на них. Здесь эффективным инструментом выступает тезаурус как определенное множество смысловыражающих слов и словосочетаний, использование и повторение которых работает на восприятие информационного посыла с заданными целями.

При анализе или «расколдовывании» воздействия информационного меседжа важно понять, что, во-первых, право на доминирующий дискурс закреплено не за анонимной, а за точно определенной группой индивидов; во-вторых, при осуществлении психологичес-

кого воздействия значение имеют точки совместимости, точки эквивалентности и сцепления определенных сюжетных линий информации, усиливающих «вес» информационного контента; в-третьих, «борьба за умы» посредством информационного моделирования мира сопровождается формированием у потребителя информационного контента чувства неуверенности в качестве собственного дискурса и умаления его достоинств. При этом уровень осмысленности поступающей информации катастрофически снижается, исчезает и способность к критическому мышлению, направленному на преобразование информации.

На наш взгляд, для реорганизации манипулятивного воздействия информационного дискурсивного поля особое значение имеют сопоставление альтернативных позиций и аргументов, чтение и рефлексивное осмысление, интерпретация и память, позволяющие выволить дискурс из заданных внешних границ информационного контекста. Важно понимать, что субъект, являясь носителем смыслов, выступает средоточием пересечения различных исторических дискурсов. Это поможет избавиться от прессинга информационного воздействия, в котором настоящее ускользает от самого себя, а субъект отдаляется от возможности реализовать свой личностный потенциал.

Речевые намерения субъектов интернет-дискуссий*

*Н. Д. Павлова (ИП РАН, Москва), В. А. Афиногорова (ИП РАН, Москва),
Т. А. Кубрак (ИП РАН, Москва), И. А. Зачесова (ИП РАН, Москва)*

В современном цифровом обществе Интернет становится доминирующим ресурсом, где задаются точки зрения, транслируются установки, осуществляется воздействие. Миллионы людей выступают источниками сообщений и дают отклики на значимые события общественной жизни. В дискуссиях на различных интернет- площадках социальных медиа отражаются, формируются и трансформируются позиции пользователей и их оценки текущих событий, в связи с чем в исследованиях интернет-дискурса комментариям как особому его компоненту уделяется все большее внимание (Б. Г. Вульфович, Е. В. Выровцева, Д. М. Иванова).

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-01511.

Цель исследования – анализ дискурса социальных медиа и выявление особенностей интенциональной организации интернет-обсуждений актуальных событий. Мы поставили следующие задачи:

- 1) описать основные, многократно упоминаемые объекты исходных сообщений и последующих дискуссий;
- 2) охарактеризовать интенциональное содержание актуального дискурса социальных медиа, определив намерения субъектов, получающие наибольшее развитие в ходе обсуждения;
- 3) разработать шкалу интенсивности негативных интенций, присущих дискурсу социальных медиа, и оценить степень его негативной окрашенности.

Участниками исследования стали 168 человек – 94 мужчины и 74 женщины; материалом исследования – 6 информационных сообщений о локдауне, объявленном в ноябре 2021 г. в связи с резким увеличением количества заболевших COVID-19, и их обсуждение на различных онлайн-площадках (326 комментариев, $M = 54$, $\min = 46$, $\max = 63$). Использовался экспертный метод интент-анализа, позволяющий оценить психологическое содержание речи и реконструировать намерения коммуникантов (Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова).

Кратко изложим результаты и выводы.

1. В анализируемых интернет-дискуссиях выделяются относящиеся к взаимодействию пользователей интерактивные объекты и топик-объекты, связанные с рассматриваемой темой. Количество референциальных объектов значительно (в 1,6–4 раза) увеличивается как в ходе обсуждения постов, содержащих информацию из официальных источников, так и постов, отражающих мнение пользователей по теме временного локдауна; на первый план выходят такие интерактивные объекты, как «Собеседник», «Я», «Сообщество». Сходство интерактивных объектов в обсуждениях различной тематики, изученных ранее (Н. Д. Павлова, В. А. Афиногенова, Т. А. Кубрак, И. А. Зачесова), свидетельствует об общности коммуникативной структуры дискурса. Его специфику отражают топик-объекты, в составе которых, наряду с типовыми для социальных медиа объектами «Российская власть», «Другие страны», «Третьи лица», представлены и другие объекты, такие как «Локдаун», «Ковид», «Ситуация».

2. Интенциональное пространство дискурса содержит 54 категории интенций (774 реализаций). Неотъемлемой чертой интернет-дискуссий выступает разнообразие нейтральных и негативных интенций субъектов общения (19 и 21 категория соответственно), позитивно окрашенные интенции малочисленны (14 категорий). В структуре топик-объектов доминируют негативные интенции; структура интерактивных объектов разнородна и может обнаруживать как превалирование нейтральных (объект «Сообщество») или позитивных интенций (объект «Я»), так и равномерную представленность интенций негативного и нейтрального характера («Собеседник»). Отмечается тенденция нарастания негативной оценочности при переходе от нейтрального в целом поста к дальнейшему обсуждению, в котором на первый план выходят интенции негативной заряженности. В целом, раскрывается преобладающая негативная направленность дискуссий в отношении большинства выделяемых референциальных объектов. Вместе с тем значительно проявление и нейтрально окрашенных речевых намерений, направленных на анализ ситуации или точки зрения собеседника, а также представление своей позиции без осуждения или критики Другого.
3. Разработанная шкала интенсивности превалирующих в дискурсе социальных медиа негативных интенций позволила определить преобладание интенций блока дискредитации ($n = 236$), обладающих наибольшей интенсивностью: выразить возмущение, оскорбить, обесценить и пр. Частотность такого рода интенций, как и слабая выраженность интенций блока «Обнаружить свои переживания, эмоции» ($n = 31$), имеющих наименьшую интенсивность, свидетельствуют о направленности на конфронтацию и сниженной роли позитивных интенций сопереживания и поддержки.
4. Актуальный дискурс социальных медиа характеризуется высокой диалогичностью и негативной окрашенностью. Дискуссия развивается прежде всего за счет направленности на комментарии собеседников и соответствующие интерактивные объекты, что соотносится как с потребностью в совместном анализе и осмыслении событий, так и с растущей конфликтностью и агрессией.

Экспериментальное исследование влияния семантического прайминга

М. А. Семенова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

С появлением современных методов исследования возникают новые средства ответа на вопрос о роли активности семантических сетей человека при решении креативных задач. В основе современных экспериментальных подходов по исследованию семантических сетей лежат работы С. Медника, который предположил, что индивидуальные различия в креативности определяются характером распределения ассоциаций. Менее креативные люди обладают относительно крутыми иерархиями ассоциативных ответов, вследствие чего у них весьма рельефно проявляются конвенциональные ассоциации. У индивидов со сравнительно плоскими иерархиями ассоциативная сила ответов распределена более ровно, что делает возможным отдаленные ассоциации (С. Медник).

В работе выявляются и анализируются факторы, влияющие на активацию семантической сети и определяющие успешность или неуспешность выполнения испытуемым заданий теста отдаленных ассоциаций С. Медника.

Всего в группе исследований приняло участие 738 человек, из них 576 женщин и 162 мужчины в возрасте от 17 до 57 лет (средний возраст – 26 лет). Анализировались слова из шести словарей (с последующим сопоставлением ассоциативных цепочек по частоте встречаемости данного слова в словаре): «Словарь ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева, «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю. Н. Караулова, «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» и «Славянский ассоциативный словарь» Г. А. Черкасовой, «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» В. Е. Гольдина и онлайн-словарь ассоциаций русского языка*. Далее проводилось исследование с использованием платформы Google Forms. В нем приняли участие 604 человека, каждому испытуемому было предъявлено 193 слова. По результатам исследования были составлены новый ассоциативный словарь и семантические цепочки. По результатам данного исследования сделали стимульный материал для серий основного эксперимента. Каждая

---

* URL: <https://sociation.org>.

серия была разбита на тренировочный этап и 25 экспериментальных этапов.

В данном очном экспериментальном исследовании приняло участие 134 человека. Использовался компьютер и специальный монитор (240 Гц) со специальным экраном для проведения исследований с семантическим праймингом.

В качестве инструкции каждому испытуемому были даны разъяснения относительно последовательности действий и предъявлено требование в обязательном порядке с особым вниманием запоминать слова красного или зеленого цвета (в зависимости от экспериментальной серии), которые предъявлялись в таком порядке: фиксационный крест (300 мс) → специальная маска (или маскировка прайминга) (200 мс) → слова, окрашенные черным шрифтом (300 мс) → маскировка (200 мс) → слова, окрашенные в зеленый/красный цвет (300 мс.) → маска (200 мс). Далее последним слайдом была инструкция вслух произнести слова красного/зеленого цвета. Испытуемый произносил слова вслух, а экспериментатор фиксировал эти слова на специальном бланке. После этого испытуемый нажимал «пробел», далее предъявлялась одна тройка из теста С. Медника.

Данные были обработаны в программах Microsoft Excel (MS Office 2010) и SPSS v. 22. Испытуемые были разделены на две группы – с зелеными праймами (66 человек) и с красными праймами (68 человек). Согласно критерию Колмогорова–Смирнова, выборки не имеют по шкалам нормального распределения. Анализировались данные по U-критерию Манна–Уитни, который используется для оценки различий между двумя независимыми выборками.

Результаты оказались следующие: группа с зеленым праймингом лучше выполняла задания к тесту, с меньшим количеством ошибок, были обнаружены различия на уровне статистической тенденции ($U = 1918$, $p = 0,069$). Испытуемые, у которых прайминг был зеленого цвета, наиболее успешно справились с заданиями, чем испытуемые, у которых прайминг был красного цвета. Это говорит нам о том, что влияние прайминга на распространение активации по семантической сети в данном исследовании наблюдается. Также нами были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости ($U = 1913,5$, $p = 0,00$) при анализе перехода с названия одного цвета слов на противоположный и различия на уровне статистической тенденции ($U = 1905$, $p = 0,057$) при назывании искомого слова вместо ответа. Нами обнаружены статистически достоверные различия

($U = 1740$, $p = 0,025$) при сравнении средних значений показателей по скорости ответа испытуемых во всех тройках. В среднем испытуемые, которым предъявлялся прайминг зеленого цвета, отвечали на тест С. Медника быстрее испытуемых, у которых прайминг был красного цвета. Можно допустить, что ассоциации, которые несет в себе цвет, его культурная сигнализация об опасности, тоже каким-то образом влияют на восприятие этого цвета даже в ситуации быстрых предъявлений, и таким образом происходит торможение активности семантической сети. В нашем исследовании во всех тройках были медлительнее испытуемые именно с красными праймами, а также ответы у этих испытуемых отличались более низкими баллами чем у испытуемых, у которых прайминг был зеленого цвета.

Состояние транспортиции: определение и методы измерения

А. А. Старостина (ГАУГН, Москва), Т. А. Кубрак (ИП РАН, Москва)

В современном обществе значительная часть информационного влияния осуществляется уже не посредством прямого риторического убеждения, а через историю – нарративное (повествовательное) убеждение. Особую значимость эффекты нарративного убеждения приобретают в массовой культуре. Это обуславливает потребность в расширении подходов к исследованиям воздействия медиа и искусства со стороны отечественных психологов. На данный момент не существует релевантного психометрического инструмента для измерения степени воздействия нарратива на русскоязычного реципиента, тогда как зарубежные исследователи психологии массовой коммуникации предложили решение данной проблемы. В 2000 г. американские психологи-исследователи из Университета штата Огайо М. Грин и Т. Брок представили теорию транспортиции (Transportation theory), которая описывает склонность реципиентов мысленно втягиваться в авторскую реальность (М. С. Green, Т. С. Brock). Теория основывается на том, что степень погружения реципиента в историю любой модальности коррелирует с эффективностью влияния этой истории на его реальные убеждения, независимо от того, вымышленной или реальной является сама история.

Концепт «транспортиции» можно описать как особое состояние погружения реципиентом в повествование, включающее эмоцио-

нальные и когнитивные реакции на его содержание. Термин заимствован из психолингвистических трудов Р. Геррига, где тот сравнивает читателя с путешественником, который «перемещается с помощью некоторых транспортных средств» – «is transported by some means of transportation» (R. J. Gerrig). Состояние транспортиции – это конвергентный ментальный процесс, в котором интегрируются и сливаются внимание, образы и чувства реципиента, обусловленный сосредоточением на событиях нарратива и временным дистанцированием от событий реального мира. Транспортиция усиливает воздействие нарративов и в зависимости от их содержания влияет на установки, аттитюды и поведение реципиента. М. Грин отмечает, что состоянием транспортиции можно манипулировать с помощью предварительных инструкций или положительного/отрицательного информирования о стимульном материале (M. C. Green). Тем не менее, самым сильным детерминантом остается качество повествования (R. Tukachinsky).

Теория транспортиции была представлена авторами вместе с соответствующим психометрическим инструментом – «Шкалой транспортиции» (Transportation Scale, TS). TS представляет собой форму самоотчета с набором утверждений, оцениваемых по семибалльной шкале Ликерта, которая заполняется реципиентом после потребления стимульного материала. Шкала отражает 5 аспектов погружения в нарратив: эмоциональная вовлеченность в нарратив, познавательное внимание к нарративу, чувство неизвестности, отсутствие осознания окружающего и ментальные образы. TS включает в себя 15 пунктов, из которых 11 – общие элементы транспортиции и 4 касаются визуальных образов главных героев конкретного нарратива (адаптируются под стимульный материал путем включения в них имен персонажей). В результате анализа М. Грин и Т. Брок приняли решение в пользу трехфакторной структуры TS: когнитивный фактор (пункты 1, 3, 4), эмоционально-аффективный фактор (пункты 5, 7, 11) и визуальные образы (пункты 12, 13, 14, 15). Пять пунктов (2, 6, 8, 9, 10) не учитывались ни одним из трех факторов. В 2015 г. была представлена краткая версия TS – Transportation Scale-Short Form (TS-SF) из 6 пунктов с одномерной факторной структурой, которая позволяет более экономично измерить общий уровень транспортиции (M. Appel, T. Gnambs, T. Richter, M. C. Green). TS-SF доступна на английском и немецком языках.

Шкала транспортиции подходит для любых реципиентов вне зависимости от их характеристик, в том числе пола и возраста, склон-

ностей и жизненного опыта. Отмечается, что с ней обычно сильно коррелирует «Шкала вовлеченности» (R. Busselle, H. Bilandzic), но ее использование полезно при необходимости сосредоточиться на конкретных измерениях повествовательного опыта (M. C. Green).

Исследование состояния транспортиции позволяет рассматривать воздействие любого нарратива в целостности, не фокусируясь на отдельных составляющих произведения. Применение данного подхода в отечественных исследованиях поможет взглянуть на проблемы психологического восприятия и воздействия медиа и искусства под новым углом, выявить особенности комплексного проживания реципиентом нарратива и получить представления об эффектах его целостного воздействия на личность. Исследования в русле теории транспортиции начинались с использованием в качестве стимульных материалов текстовых произведений (M. C. Green, T. C. Brock), а впоследствии – аудиовизуального контента (M. C. Green, S. Kass, J. Carrey, R. Feeney, B. Herzig, J. Sabini).

Оценка понимания речевых намерений интернет-пользователей*

А. Г. Харазян (ИП РАН, Москва)

В современной информационной среде огромную роль приобретает включенность в коммуникативные процессы множества людей, которые выступают источниками сообщений и реализуют отклики на актуальные события. В этих условиях важным направлением исследований становится функционирование дискурса социальных медиа как неотъемлемой части жизни современного общества (М. А. Пильгун, Г. В. Градосельская, Д. А. Китова, А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова, Т. А. Гребенщикова, Т. А. Кубрак, В. А. Афиногенова, M. T. Bastos, D. Mercea, A. Charpentier, A. D. Santana и др.). Он не только отражает происходящее, но и создает определенную картину мира, поэтому особую актуальность приобретает определение речевых намерений субъектов социальных медиа. Они составляют психологическую основу дискурса и непосредственно связаны с целями деятельности и «видением мира» субъекта, его желаниями, нуждами, установка-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-01511.

ми. Понимание интенционального подтекста высказываний – необходимая составляющая коммуникации собеседников, что объясняет неизменный интерес исследователей к данной проблеме (Т. Н. Ушакова, К. И. Алексеев, В. А. Цепцов, Н. Д. Павлова, Е. А. Пескова и др.). Согласно современным представлениям, понимание речи не ограничивается уяснением высказанного суждения. Суждение может быть произнесено с разной целью (требование, просьба и т. п.), и от характера интенции зависит смысл сказанного.

Важно отметить, что понимание интенций не всегда однозначно: их выражение может быть имплицитным, определяться порядком слов, конвенциями сферы общения и пр. Существует фактор «размытости интенций», который составляет важную сторону функционирования языка и связан с его глубинной природой. Определение речевых намерений, как и других психологических характеристик речи, до последнего времени опиралось в основном на субъективную экспертную оценку, которая неизбежно сталкивается с влиянием индивидуально-личностных свойств привлекаемых экспертов. Объективная оценка речевых намерений субъектов предполагает использование набора дискурсивных маркеров, установленных по результатам специальных эмпирических исследований и экспериментальных процедур.

Настоящее исследование выполнено в русле комплексного эмпирического изучения речевых намерений субъектов социальных медиа и их дискурсивных маркеров. Его целью является верификация набора установленных маркеров речевых намерений с использованием экспериментальной процедуры оценки понимания высказываний. Ставилась задача разработки набора экспериментальных высказываний, содержащих те или иные дискурсивные маркеры интенций на основе моделирования аутентичных комментариев пользователей.

Для экспериментальной проверки понимания речевых намерений по их дискурсивным маркерам были отобраны пять категорий интенций: «похвалить», «возразить», «выразить иронию», «попросить», «выразить недовольство». Критериями отбора явились частотность этих намерений в дискурсе, а также специализированность относящихся к ним речевых маркеров. Каждая категория интенций представлена в нескольких высказываниях, которые включают относящиеся к ней маркеры («*Как же меня раздражает старшее поколение с их старомодными установками!*», «*Да, конечно, так я тебе и поверил*», «*Очень круто написал, видно, что с умом и вдумчиво*» и др.). Каждое высказывание сконструировано для проверки определенной экспери-

ментальной гипотезы, которая в общем виде формулируется следующим образом: «Данный дискурсивный маркер (слово/словосочетание) обеспечивает распознавание данной категории интенций в высказывании». Таким образом, бланк содержит 30 высказываний, в которых респонденты должны оценить представленность интенций по дихотомической шкале («Да/нет»).

Для апробации экспериментальной процедуры проведено пилотное исследование, в котором приняли участие 10 респондентов (4 мужчины, 6 женщин, возраст — 24–28 лет). Обнаружены сложности в распознавании некоторых категорий интенций («выразить иронию», «выразить недовольство»). Анализ показал, что такие труднодифференцируемые категории интенций имеют частично совпадающий набор речевых маркеров. Для проведения основного этапа исследования будут смоделированы высказывания, содержащие различные комбинации маркеров. Это позволит оценить понимание интенций, выраженных в различных речевых формах, и проверить гипотезу о том, что для передачи интенции важно сочетание дискурсивных проявлений.

**Психология труда, эргономика,
инженерная и организационная
психология в Институте психологии РАН:
продолжая традиции Б. Ф. Ломова,
К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина,
В. А. Бодрова и др.**

Предисловие к разделу

А. Н. Занковский

Создание Института психологии РАН в начале 1970-х годов во многом было обусловлено потребностями решения практических задач, связанных с развитием новых технологий и их влиянием на профессиональную деятельность. Неоценим вклад Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина, В. А. Бодрова и других сотрудников Института в решение психологических проблем в этой сфере. Сегодня вновь после продолжительной паузы во всем мире наблюдается заметный рост интереса к психологическим проблемам, связанным с трудом, организацией и новыми технологиями. Это обусловлено тем, что именно в данной сфере происходят значимые изменения, которые затрагивают сущность и характер профессионального труда, базовые принципы функционирования и развития организации, а также методологию взаимодействия человека и объектов высоких технологий. Активное внедрение новых информационно-коммуникационных технологий создает принципиально новую организационную среду и меняет систему тех требований, которые традиционно стояли перед индивидуальным и групповым субъектами труда в недавнем прошлом.

Указанные тенденции нашли всестороннее отражение в работах, представленных на юбилейную конференцию. Здесь и исследования профессионального взаимодействия, опосредованного новыми технологиями, и оценка влияния информационных систем на процессы организационного управления, и особенности профессиональных предпочтений поколений Y и Z, и вопросы инженерно-психологического проектирования на современном этапе, и проблемы субъективного благополучия персонала в условиях внедрения инноваций, и детерминанты профессиональной жизнеспособности специалистов.

Проблематика представленных работ наглядно отражает те социальные, экономические и технологические изменения и вызовы, которые сегодня стоят перед психологией труда, инженерной и организационной психологией. Широкий и разнообразный спектр использованных исследовательских методов и подходов, среди которых и традиционно разрабатываемые в ИП РАН, и новейшие теории и концепции.

Представленные исследования, а также анализ российских и зарубежных работ последних лет позволяют выделить несколько перспективных направлений психологических исследований: 1) организационная культура; 2) здоровье, благополучие и безопасность сотрудников; 3) жизнеспособность индивида и организации; 4) виртуальная организация и удаленная работа; 5) труд и современные технологии. Эти сферы, разумеется, не покрывают весь спектр проблем, порожденных глобальными трансформациями. Тем не менее, на наш взгляд, они являются приоритетными как с исследовательской, так и с прикладной точек зрения. Каждая из указанных сфер требует комплексного междисциплинарного рассмотрения и серьезных исследовательских усилий. Представленные на конференцию работы можно рассматривать как важный шаг в этом направлении.

Роль образа приемного ребенка в деятельности приемного родителя*

*А. А. Алдашева (ИП РАН, Москва), О. Н. Сиваш (ИП РАН, Москва),
О. В. Рунец (ИП РАН, Москва)*

Проблема профессионального отбора успешно разрабатывалась, начиная с основания Института психологии Академии наук СССР. Теоретической базой стали концепции свойств личности, профессиональных способностей, профессионально важных качеств, функциональных особенностей, оперативного образа деятельности, получившие обоснование в работах В. А. Бодрова, Н. Д. Заваловой, В. Д. Небылицына, Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина. Психический образ рассматривался авторами с позиций системного подхода как сложное, многокомпонентное и целостное образование, объективируе-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

мое посредством конкретных действий, структурно-смысловых единиц или понятий, а также на основе использования разнообразных знаковых систем. Образ является «идеальным субъективным образованием», «интегративным отражением дискретной части действительности», регуляторная функция которого тесно связана с характеристиками отражаемого объекта (Н. Д. Завалова, Б. Ф. Ломов, В. А. Пономаренко). Данное положение легло в основу изучения роли социально-перцептивных образов в воспитательной деятельности, в которой восприятие и формирование образа ребенка базируется на общих законах социальной перцепции (Э. Бернс, Е. И. Николаева, А. А. Реан, В. Л. Ситников, G. J. Craig, W. L. Dunn), поскольку является результатом социального взаимодействия и общения (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев).

Теоретические и эмпирические исследования роли образа в профессиональной деятельности позволили сформулировать цель исследования: изучение особенностей социально-перцептивного образа ребенка-сироты у приемных родителей в зависимости от формы опеки и количества детей, принятых в семью на воспитание.

Анализ результатов показал, что социальный компонент в структуре образа приемного ребенка характеризует его как субъекта взаимоотношений. Среди значимых качеств для всех категорий приемных родителей (приемных родителей и кровных опекунов) выделяются характеризующие приемного ребенка как субъекта взаимодействия деятельностный и поведенческий компоненты. Такая особенность профиля перцептивного образа приемных родителей отличает его от типичного профиля кровных родителей, где наиболее значимыми выступают социальный и эмоциональный компоненты. Выявленные структурные особенности отражают характер объективных проблем, с которыми сталкивается семья при воспитании сирот, имеющих опыт психической травматизации и особенности поведения.

Другим важным результатом исследования явилось выделение в перцептивном пространстве приемных родителей структурно-смысловых единиц, отражающих ценностное отношение ребенка к жизни в замещающей семье: это характеристики, относящиеся к категории «вредные привычки и аддикции». Выделенные единицы позволили дополнить типичную структуру образа ребенка, полученную В. Л. Ситниковым, двумя новыми компонентами – «ценность семьи» и «вредные привычки», которые определили структурную специфику перцептивного образа приемного ребенка у приемных родителей и опекунов.

Одним из важных результатов исследования является выделение образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка. При этом обнаружена схожесть профилей «хорошего» у всех категорий приемных родителей. Что касается образа «плохого» приемного ребенка, то восприятие многодетных приемных родителей (имеющих от шести и более приемных детей) в большей мере, по сравнению с респондентами с одним—двумя детьми, сфокусировано на таких характеристиках, как: «вредные привычки», деятельностный и поведенческий компоненты, что может быть объяснено трудностями бытового, воспитательного и психологического характера.

Имеющиеся эмпирические работы позволяют интерпретировать полученные факты структурной идентичности образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у приемных родителей как следствие неполной личностной вовлеченности в осуществляемую деятельность. Среди причин можно выделить следующие: особенности личности, «эмоциональное выгорание», возникающее в результате повышенной стрессонаполненности жизни приемной семьи.

Таким образом, проведенное исследование позволило получить эмпирические результаты, раскрывающие особенности социальной перцепции, характерные для приемных родителей, и показать структуру ментального образа приемного ребенка с разной формой опеки. Полученные данные были использованы при разработке профессиональной программы, включающей основные критерии и требования к приемным родителям как особой группе профессионалов, а также при обучении и подготовке приемных родителей и работников социальных служб.

Исследование феномена доверия в профессиональном взаимодействии, опосредованном информационными системами*

А. С. Баканов (ИП РАН, Москва)

Доверие сплачивает и консолидирует трудовой коллектив, является тем фундаментом, без которого невозможно себе представить ни одну жизнеспособную организацию. Именно поэтому исследование такого системообразующего феномена, как доверие, является акту-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

альным и востребованным направлением не только в психологии труда, но и вообще в гуманитарных науках. Среди работ российских ученых, посвященных феномену доверия, необходимо отметить работы А. А. Алдашевой, А. Н. Татарко, А. Л. Журавлева, Т. А. Нестика, В. С. Сафонова, И. В. Антоненко, Л. А. Журавлевой, В. П. Зинченко, В. П. Познякова, Т. П. Скрипкиной, В. А. Сумароковой, П. Н. Шихирева, А. Б. Купрейченко.

Исследование феномена доверия выходит за рамки гуманитарных наук, в том или ином виде его можно отнести и к техническим наукам (например, в области информационной безопасности). Феномен доверия также имеет отношение и к экономическим наукам (трастовые фонды, венчурное финансирование и т. д.), и к историческим, и к ряду других.

Проблемы, связанные с изучением феномена доверия, многогранны и сложны, однако их исследование дополнительно усложняется также и тем, что этот феномен является нравственно-психологическим, в части доверия себе, доверия другим людям, доверия обществу и социальным институтам (А. А. Алдашева). Доверие может являться детерминантой как нравственно-психологических феноменов (А. Б. Купрейченко), так и феноменов межличностного, межгруппового, социального взаимодействия (А. Л. Журавлев, В. А. Сумарокова).

Традиционно трудовой коллектив воспринимается как совокупность людей или субъектов трудовой деятельности. Однако появление и стремительное распространение информационных систем и систем искусственного интеллекта трансформирует наше восприятие трудового коллектива как сообщества исключительно людей. Возникает новый тип профессионального взаимодействия, новый тип трудового коллектива, в котором люди, информационные и интеллектуальные системы, а также роботизированные комплексы будут совместно осуществлять трудовую деятельность (А. С. Баканов). Удаленное взаимодействие между сотрудниками организации посредством информационных систем изменило характер трудовой деятельности и предоставило новые возможности проведению исследований трудовой деятельности.

Информационные системы и технологии позволили повысить оперативность трудовой деятельности, предоставили новые возможности взаимодействия сотрудников в организации, оказали влияние на эффективность ее деятельности (Н. Б. Баканова). Они предоставили новые возможности как для контроля и мониторинга за деятельностью

трудового коллектива, так и для исследования трудовой деятельности. Используя корпоративные информационные системы, осуществляя мониторинг и анализируя информационное взаимодействие сотрудников коллектива (А. С. Баканов, О. Н. Сиваш), возможно исследовать, какие доверительные отношения существуют в коллективе, изучить процесс возникновения доверия между членами коллектива, своевременно выявить отсутствие доверительных отношений.

Возможности использования информационных систем в организационном управлении

Н. Б. Баканова (ИПМ им. М. В. Келдыша РАН, Москва)

Любая организация представляет собой динамичную структуру, существующую и развивающуюся во внешней, конкурентной, а подчас и агрессивной среде. Адаптация к вызовам внешней среды является ключевой особенностью, позволяющей существовать и развиваться организации. Как в свое время конкурентным преимуществом организации было использование научного менеджмента в целях повышения эффективности и рационализации индивидуального труда (Ф. У. Тейлор, А. Файоль), так в настоящее время использование информационных технологий и информационных систем в управлении организацией позволяет ей отвечать вызовам настоящего времени.

Основным назначением информационных систем организационного управления является автоматизация рутинных работ управленческой деятельности. Информационные системы обеспечивают выполнение конкретных прикладных задач, связанных с управлением крупными организационными структурами: министерством, агентством, ведомством, холдингом, корпорацией и т. п.

В процессе эксплуатации информационных систем происходит накопление информационного фонда организации. В «Концепции использования информационных технологий в федеральных органах государственной власти» отмечено, что использование накопленного информационного фонда организаций и создание на его основе сервисов поддержки управленческой деятельности является важной составной частью задач совершенствования управления в организационных структурах.

Основной формой представления информации в организационных структурах является управленческий документ. Главная функция такого документа – обеспечение целенаправленной деятельности предприятия. В документах отражаются все процессы управления, протекающие в крупных организационных структурах, процессы взаимодействия с внешними, подведомственными и вышестоящими организациями, фиксируются результаты деятельности организации. Через управленческие документы передаются управляющие воздействия от субъекта к объекту управления и принимается информация об обратной реакции.

Перечисленные свойства документа позволяют считать системы электронного документооборота базовой основой систем информатизации управленческих организаций. На основе использования информационных массивов документооборота можно определять и контролировать 1) сравнительные характеристики качества процессов обработки документов (по подразделениям); 2) сравнительные характеристики исполнительской дисциплины; 3) проблемные направления работ организации; 4) оперативность взаимодействия с вышестоящими и подведомственными организациями; 5) сроки проведения событий, указанных в документах.

Психологические уязвимости человеко-компьютерного взаимодействия*

Ю. В. Бессонова (ИП РАН, Москва)

Исследования психологических рисков и роли человеческих факторов в человеко-компьютерном взаимодействии становятся трендом последних трех лет. В фокусе внимания – целый спектр проблем: от специфики принятия решений с учетом ситуационной осведомленности, особенностей представления информации, информационной загруженности до учета состояния, мотивации и когнитивных установок.

Повышение эффективности и надежности осуществляется путем адаптации и персонификации интеллектуальных интерфейсов, а также оптимизации распределения функций между человеком и систе-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2021-0010.

мой. Однако эффективность и надежность технологий сталкивается с комплексом нерешенных вопросов.

Примером является профессиональная деятельность в дистанционном формате. Соцопросы 2020–2021 гг. (Gallup, HeadHunter) показали неоднозначное отношение пользователей к дистанту, получившему распространение в период пандемии. Основной тенденцией стало доминирование позитивного отношения к дистанту как среди работников, так и среди работодателей. Ряд проблем был связан с технической и психологической адаптацией и к началу второго года пандемии оказался решен. Другие же были связаны с дизайном исследований и содержательной неоднородностью выборок. Основные проблемы эффективности дистанционной работы оказались связаны не с техническими или организационными, а с психологическими аспектами самой удаленной работы и взаимодействия человека с интерфейсом коммуникационных платформ (вовлеченностью, доверием, сплоченностью, психологическим благополучием).

Речь идет о психологических уязвимостях – потенциальных свойствах личности и психики, проявляющихся в процессе взаимодействия человека с техникой под влиянием внешнего средового воздействия. Уязвимости являются объективными рисками по человеческому фактору и обладают огромной практической значимостью, поскольку позволяют выявить узкие места, последствия и ситуационные детерминанты, способствующие переходу потенциальных рисков в актуальное состояние.

Целью исследования было дифференцировать влияние на отношение пользователей технических средств дистанционной работы и психологических факторов, а также составить тезаурус психологических уязвимостей, ошибок пользователей при взаимодействии с платформами видеоконференций и средовых факторов, в которых они проявляются.

В исследовании приняли участие 30 пользователей, имеющих опыт дистанционной работы (преподаватели), и 5 экспертов для составления праймов ассоциативного теста.

Дизайн исследования включал синтез психологического тестирования с методиками юзабилити-тестирования. Респондентов просили выполнить основные пользовательские задачи в сервисе удаленного юзабилити-тестирования MUIQ с использованием трех известных пользователям платформ видеоконференций (Zoom, PruffMe, Skype).

Регистрировались UX-метрики оценки эффективности: карта кликов, количество ошибок, среднее время прохождения задания, на основании которых выводился интегральный индекс SUM (Single Usability Metric).

С респондентами проводилось интервью, включающее оценку опыта использования других сервисов, общей и дифференциальной удовлетворенности, затруднений и проблем, возникающих при решении отдельных задач, и действий для их преодоления. На основании результатов интервью составлена обобщенная карта пути пользователя (Customer Journey Map, CJM).

Для выявления неявных когнитивных установок использовались Implicit Association Test (IAT) и The Post-Study System Usability Questionnaire (PSSUQ) для оценки отношения пользователя к интерфейсу.

Результаты свидетельствуют, что отношение респондентов к дистанционному формату профессионального взаимодействия в значительной степени связано больше с отношением к средствам этого взаимодействия, с освоенностью этих средств и с соответствием их технических возможностей решаемым задачам, чем к изменившимся условиям профессиональной деятельности.

Эмоции, испытываемые пользователем при взаимодействии с интерфейсом, являются существенным фактором снижения их эффективности. Наибольшее количество ошибок ассоциировано с переживанием паники, тревоги и раздражения. Выявлены факторы, способствующие позитивному либо негативному отношению пользователя к интерфейсам онлайн-коммуникации (в том числе специфика пользовательского опыта). Выявлены основные профессиональные ситуации («Что происходит?») и эмоциональные реакции («Как вы к этому относитесь?»), когнитивные суждения («Что вы в этот момент думали? Почему? Что это значит для вас?») и их поведенческие проявления. Составлен перечень когнитивных установок пользователей, вызывающих те или иные их действия, которые, в свою очередь, способствуют возникновению конкретных ошибок. Установлена специфичность взаимосвязи ошибок с определенными типами установок пользователя. Выявлены ситуационные факторы (профессиональные, временные, связанные с особенностями интерфейса или ситуации взаимодействия), способствующие повышению вероятности неправильных действий пользователя при доминировании у него тех или иных установок.

Методика и технические средства исследования рабочей нагрузки летчика вертолета*

*А. В. Богомолов (СПб ФИЦ РАН, Санкт-Петербург),
С. О. Коронков (ГЛИЦ им. В. П. Чкалова, Ахтубинск)*

Не вызывает сомнений, что безопасность полетов вертолетов зависит не только от надежности и безотказности авиационной техники, но и от рабочей нагрузки летного состава при взаимодействии в системе «экипаж—вертолет—среда». Это обуславливает актуальность совершенствования методики исследования рабочей нагрузки летчика вертолета и реализующего ее комплекса технических средств.

Вопросы исследования рабочей нагрузки летчика на тренажерных комплексах воздушных судов государственной авиации исследованы в работах В. А. Пономаренко, А. В. Чунтула, И. М. Жданько, В. В. Лапы, В. А. Бодрова, Ю. А. Кукушкина и других ученых. Однако вопросы методического обеспечения исследования рабочей нагрузки летчика вертолета оставались недостаточно исследованными.

Методика изучения рабочей нагрузки летчика предназначена для получения количественной оценки рабочей нагрузки летчика при выполнении как отдельно взятых элементов полета, так и всего полета в целом. Исследование рабочей нагрузки летчика с помощью разработанной методики включает пять основных этапов:

- 1) разработка программы исследования рабочей нагрузки;
- 2) доработка вертолета разработанным комплексом технических средств исследования резервов внимания летчика вертолета («РВЛ-В»);
- 3) определение рабочей нагрузки летчика с использованием комплексом технических средств «РВЛ-В»;
- 4) определение интегрального показателя рабочей нагрузки летчика;
- 5) оформление заключения по результатам исследования.

Целью первого этапа является разработка программы исследования рабочей нагрузки летчика, полетных заданий и методических указаний к проведению исследований по определению показателей рабочей нагрузки летчика. Результатом этапа являются разработанная

---

* Исследование выполнено при поддержке Президента РФ для ведущих научных школ РФ № НШ-122.2022.1.6.

программа исследования рабочей нагрузки, полетные задания и методические указания к ним или решение о нецелесообразности исследования рабочей нагрузки летчика на текущем этапе жизненного цикла вертолета.

Целью второго этапа является доработка полунатурного стенда (тренажерного комплекса) комплексом технических средств «РВЛ-В» для проведения исследования рабочей нагрузки летчика. В состав аппаратных средств комплекса «РВЛ-В» входят: монитор с независимым блоком питания; пульт управления; контроллер; микропроцессор. Монитор предназначен для предъявления знакографической информации по одной из семи реализованных программ. Пульт управления предназначен для реализации управляющих действий летчика (реакции выбора) на информацию, отображаемую на мониторе. Контроллер предназначен для управления компонентами комплекса, обеспечивая их совместное функционирование. Микропроцессор предназначен для управления программой «РВЛ-В» статистом-оператором, создания управляющих команд на выдачу по случайному закону на монитор знакографической информации, изменения угловых размеров индицируемых знаков, регулировки уровня яркости и контрастности между изображением и фоном, определения правильности реагирования летчика на предъявляемую информацию, фиксации продолжительности этапов полета, сохранения информации в базе данных результатов.

Целью третьего этапа является получение с использованием комплекса технических средств «РВЛ-В» информации о рабочей нагрузке летчика на различных этапах полета. Для этого в случайном месте на экране монитора предъявляется сигнал случайного цвета (зеленый, красный, желтый), летчик нажимает на пульте ответных реакций кнопку, соответствующую цвету цветового сигнала. Нажатие любой из этих кнопок является сигналом выключения предъявляемой фигуры и включения нового цветового сигнала. Фиксируются события: наличие и истинность ответной реакции. Производится определение следующих показателей: количество ответных реакций летчика на тестовые сигналы (количество нажатий на кнопки) за 1 мин (КР); количество правильных ответных реакций (количество нажатий кнопок, соответствующих предъявляемому цвету) за 1 мин (КПР); количество ошибочных ответных реакций (количество нажатий кнопок, не соответствующих предъявляемому) за 1 мин (ЧОР). Рассчитывается отношение КОР/КПР. Величина рабочей нагрузки находится

ся по результатам сравнения полученных (текущих) и нормативных (фоновых) значений КПР и КОР/КПР.

Целью четвертого этапа является наполнение базы данных интегральных показателей рабочей нагрузки летчиков на различных этапах полета.

Целью пятого этапа является выдача заключения по результатам исследования рабочей нагрузки летчиков. Разработанный алгоритм расчета интегрального показателя рабочей нагрузки летчика обеспечивает возможность комплексирования полетных заданий по персонализированным величинам рабочей нагрузки, определенным на полунатурных моделирующих комплексах для каждого элемента полета.

Применение результатов исследования в практике позволяет обосновывать замечания и рекомендации промышленности по доработке и совершенствованию компоновки кабин вертолетов, аргументированно комплексировать пункты полетного задания и интенсифицировать процесс профессиональной подготовки летного состава государственной авиации.

Развитие саморегуляции юных кадетов как фактор мотивации успеха в профессиональной деятельности будущего военнослужащего

А. Э. Валеев (ПГУФКСиТ, Казань), Ю. В. Пайгунова (ПГУФКСиТ, Казань)

Психолого-педагогическая специфика кадетских заведений заключена в том, что здесь почти всегда наблюдаются высокая дисциплина и культ высоких оценок. Кадеты дополнительно мотивированы на успешную учебу тем, что в перспективе у них есть гарантия к поступлению в патронажные профильные вузы (связанные с силовыми структурами). В перспективе выпускники кадетских школ выбирают высшие заведения, связанные с службой в различных силовых структурах, от армии до МВД. Следовательно, для юных кадетов должен быть характерен высокий уровень мотивации на успех. Мотивация достижения целей является значимым параметром их готовности к предстоящей профессиональной деятельности. В процессе пилотного анкетирования кадетов экспериментальной группы выяснилось, что более 80% опрошенных ребят связывают свое будущее с получением высшего образования в вузах военного профиля. В связи с высо-

кой мотивацией достижения важным является и определение уровня саморегуляции поведения, так как высокая мотивация достижения имеет свои психологические требования к личности – необходимы высокая стрессоустойчивость, самостоятельность, моральная нормативность, самоэффективность в деятельности и общении.

Для кадетских школ в виду их специфики – направленность учащихся на раннюю профессионализацию (готовность к военному служению) – развитие саморегуляции ребят с самого младшего возраста имеет существенное значение. По мнению В. И. Моросановой, под саморегуляцией понимаются интегративные (целостные) психические явления, процессы и состояния, которые обеспечивают самоорганизацию различных видов психической активности человека, целостность его индивидуальности и становление его бытия. Высокий общий уровень саморегуляции индивидов характеризует их как самостоятельных и осознанно стремящихся к достижению цели. Саморегуляция зачастую определяет надежность профессиональной деятельности, что особенно важно в таких профессиях, как военнослужащий и сотрудник силовых структур (Т. Л. Заслонова, М. А. Скрыбченко). В исследовании на базе государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Казанская кадетская школа-интернат им. Героя Советского Союза Б. К. Кузнецова» участвовало 50 юных кадетов в возрасте 13–14 лет. Была использована комплексная психодиагностика по следующим методикам: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП-98) В. И. Моросановой, тест-опросник самоэффективности Дж. Маддукса и М. Шеера в адаптации А. В. Бояринцевой, тесты Т. Элерса «Мотивация к успеху» и «Мотивации к избеганию неудач».

Применение корреляционного анализа позволило установить особенности взаимосвязи показателей мотивации достижения (самоэффективности в общении и деятельности, мотивации к успеху и избегания неудач) со стилем саморегуляции поведения кадетов.

Была обнаружена прямая связь уровня мотивации достижения с высоким уровнем саморегуляции ($r=0,4$, $p=0,05$) и обратная связь с мотивацией избегания неудач ($r=-0,39$, $p=0,05$). Прямая связь с мотивацией достижения обнаружена для такого показателя саморегуляции, как самостоятельность ($r=0,38$, $p=0,05$).

Самоэффективность в предметной деятельности оказалась связана с такими показателями саморегуляции, как моделирование ($r=0,34$, $p=0,05$) и самостоятельность ($r=0,35$, $p=0,05$), а самоэффектив-

ность в общении связана также и с оценкой результатов деятельности ($r=0,35$, $p=0,05$).

Стиль саморегуляции, включающий высокие показатели самостоятельности, говорит о высоком развитии представлений о системе внешних и внутренних значимых условий деятельности, об осознанности поведения и адекватности действий. Такой стиль мы считаем оптимальным для развития качеств будущего профессионала-военнослужащего. Испытуемые с высокими показателями самостоятельности способны выделять значимые условия достижения целей, что выражается в адекватности программ их действий планам деятельности и в соответствии получаемых результатов принятым целям, что сказывается на готовности достижения успехов. У таких ребят выражено развитие регуляторной автономности, способности самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели и контролировать ход ее выполнения. Как показало исследование, данный стиль саморегуляции взаимосвязан с высокой мотивацией достижения.

Научное наследие Г. Е. Журавлева

И. И. Васильева (ИП РАН, Москва)

Геннадий Евгеньевич Журавлев (1936–2015) – один из ведущих отечественных эргономистов и один из основателей научного направления культуры безопасности в СССР. Инженер-энергетик по первому образованию, он внес большой вклад в прикладную физику, инженерную, математическую, теоретическую, прикладную психологию, научную методологию.

Геннадий Евгеньевич закончил МЭИ с отличием, его дипломный проект занял третье место на Всесоюзном конкурсе. Вскоре по окончании института он принял участие в разработке твердых топлив для баллистических ракет в ИНС АН СССР, за что был награжден Академией наук СССР и получил ряд авторских свидетельств на изобретения.

С переходом в Институт автоматической аппаратуры он стал заниматься математическим моделированием группового поведения в лаборатории системотехники Д. Ю. Панова, где в то время работали В. А. Лефевр, В. Н. Садовский, В. П. Зинченко, под руководством которого Г. Е. Журавлев защитил в 1971 г. на факультете психологии

МГУ кандидатскую диссертацию «Энтропийная зависимость времени реакции человека».

В 1972 г. Е. Журавлев пришел в ИП АН СССР, в лабораторию инженерной психологии, где занимался имитационным моделированием процессов забывания, деятельности руководителя и групп операторов СЧМ, искусственным интеллектом, теорией игр и теорией информации в психологии, принятия решений и другими задачами. Его монография 1983 г. «Системные проблемы развития математической психологии» отразила основные результаты этого периода деятельности ученого.

В середине 1980-х годов он основал кафедру психологии управления в Институте повышения кадров Минэнерго. За два месяца до Чернобыльской аварии он по своей инициативе посетил ЧАЭС, обратив внимание руководства министерства на критически слабую подготовку персонала. После аварии не раз посещал ЧАЭС и входил с ликвидаторами в радиоактивную зону, разработал эргономические рекомендации по обеспечению надежности объекта «Укрытие» ЧАЭС, организовал совместно с В. Н. Абрамовой первые семинары по культуре безопасности в энергетике, разработал с американскими коллегами эргономическую анкету и провел по ней уникальные сопоставительные обследования на электростанциях России, США, Венгрии.

В конце 1980-х годов Г. Е. Журавлев создал психофизиологическую лабораторию на ТЭЦ-25 в Москве, где проводил эргономическую оптимизацию оборудования, рабочих мест, кодирования информации, инструкций, создавал методики профотбора, для чего разработал совместно с Миннесотским университетом ряд дополнительных шкал к ММРІ. Лаборатория по факту стала отраслевым центром методической поддержки психологов в энергетике. В период массовой приватизации Геннадий Евгеньевич разрабатывал психологически обоснованные алгоритмы акционирования. Его совместный с ЦЭ-МИ РАН и Газпромом проект оптимизации кадровой работы лежал у истоков «теории фирмы», активно развивающейся ныне.

Главным достижением автора стала разработка системной методологии. В его монографии «Активные системы» 2009 г. дан масштабный анализ системных представлений, показавший, что гуманитарные, естественные и социальные науки разными путями приходили к пониманию своих объектов как систем. Предложено фундаментальное понятие активной системы как носителя активности. В ка-

честве трех ее основных форм (базовых моделей) определены познание, деятельность и общение, включающее обмен и коммуникацию, чем преодолевается терминологическая множественность этих понятий. Сформулированы принципы активных систем: целостности и разбиения, консолидации, относительности и др., которые определяют применимые к ним познавательные операции. Представлены основные направления разворачивания активных систем – синхрония и диахрония.

Концепция активных систем Г. Е. Журавлева – это целостное представление о закономерностях мира человека, универсальная системная методология для решения практических задач. Например, на представление об активных системах опираются упомянутые модели оптимизации кадровой работы.

Последним трудом автора стала фундаментальная четырехтомная монография «Человек в Древней Индии», раскрывающая системное содержание древнеиндийских Упанишад. Они оцениваются автором как исключительное интеллектуальное достижение человечества, превышающее значимость древнегреческой философии. Этот вывод опирается на концептуальное сопоставление понятийного аппарата древних философов и языка современной системологии. Так, понимание Брахмана (абсолюта) соответствует понятию активной системы, и всё мировоззрение авторов Упанишад – системное, эксплицирующее современные законы разворачивания систем. В Упанишадах содержится глубокое понимание проблем памяти, мышления, воли, мотивации, функциональной асимметрии мозга, значения сна для усвоения прожитого и подготовки будущего. Важнейшим достижением древних индусов автор считает разработку понятия установки, тождественного понятию Д. Н. Узнадзе, хотя терминологическое представление их различно.

Значительность полученных результатов, высокий уровень обобщения делает наследие Г. Е. Журавлева исключительно ценным вкладом в науку, источником идей, имеющим широкие перспективы дальнейшей разработки.

Возможности применения «Тренинга проактивного поведения» при формировании приверженности врача профилактической работе

Н. М. Воищева (Петербургская школа психотерапии и психологии отношений, Санкт-Петербург), В. Ю. Слабинский (Петербургская школа психотерапии и психологии отношений, Санкт-Петербург)

Актуальной задачей здравоохранения является не только лечение, но и профилактика заболеваний. Еще в 1921 г. на Первой конференции по научной организации труда В. М. Бехтерев утверждал, что «конечный идеал трудовой проблемы в такой организации трудового процесса, которая дала бы максимум эффективности в сочетании с минимумом вреда для здоровья, отсутствием усталости и стала залогом крепкого здоровья и всестороннего личностного развития трудящихся». Однако теоретический анализ материалов по данной теме показал, что недостаточная приверженность врачей к профилактической работе может быть связана не только с высоким уровнем их профессионального выгорания, но и с привычными для них реактивными копинг-стратегиями в сочетании с ориентацией на прошлый опыт, что вызвано традиционным консерватизмом медицинского сообщества и приверженностью к доказательному подходу в медицине (О. А. Абрамова, А. Н. Татарко, М. А. Абдина, Н. Н. Лепехин, А. Cybal-Michalska, S. K. Parker, J. Liao, B. R. Thude, S. E. Thomsen, E. Stenager, E. Hollnagel).

В 1948 г. В. Н. Мясищев писал: «Глубокая перспектива (проактивность) – это задача и цели, проецированные далеко в будущее; это структура личности, ее поведения и деятельности, в которых конкретные и лабильные отношения остро текущего момента подчинены устойчивому отношению, интегрирующему множество моментов настоящего, прошлого и будущего». Ряд авторов связывают опережающее, ориентированное на будущее (проактивное) совладание с профилактикой заболеваний и укреплением здоровья (Е. С. Старченкова, Н. Е. Водопьянова, Е. А. Столярчук, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, А. И. Ерзин, Г. А. Епанчинцева, Е. В. Куфтяк, А. А. Бехтер, Е. П. Белинская, М. Р. Джураева).

Целью нашего исследования стала оценка эффективности авторского «Тренинга проактивного поведения» при формировании приверженности врача профилактической работе. Выборка составила 125 человек (112 женщин, 13 мужчин) в возрасте от 24 до 68 лет. Стаж в профессии от менее 1 года до 45 лет. Экспериментальная и контрольная

группы – 64 и 61 человек. Были использованы следующие методики: Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI), Maslach Burnout Inventory (MBI), Proactive Coping Inventory (PCI), БАК-конфликт, проективный тест «Моя работа», кейс-метод (unstructured cases). Для сравнения результатов тестирования до и после тренинга был применен критерий Уилкоксона, для проверки статистически значимых различий частоты встречаемости выделенных критериев использовался критерий Фишера, для обработки результатов кейс-метода использовался контент-анализ.

Выявлено, что у врачей первичной медико-санитарной помощи «Тренинг проактивного поведения» развивает систему проактивных копинг-стратегий («проактивное преодоление», «рефлексивное преодоление», «превентивное преодоление», «поиск инструментальной поддержки» и «поиск эмоциональной поддержки»); снижает уровень ПВ (увеличивает «профессиональную успешность» и уменьшает «эмоциональное истощение»); усиливает временную перспективу («позитивное прошлое»). Обнаружено положительное влияние тренинга на эмоционально-образное восприятие врачами своей профессиональной деятельности, что подтверждается результатами проективного теста «Моя работа». У участников тренинга отмечено развитие таких черт характера, как усердие, оптимизм, нежность, что способствует проявлению более человеческого отношения к пациентам и, как следствие, большей результативности деятельности врача в плоскости профилактики. Приведенные результаты, а также данные контент-анализа текстов задач, выполненных врачами, и отзывы руководителей медицинских организаций, чьи сотрудники участвовали в тренинге, подтверждают эффективность «Тренинга проактивного поведения» при формировании приверженности врачей первичной медико-санитарной помощи профилактической работе.

К вопросу о рассмотрении коммуникации детских врачей-стоматологов в условиях инклюзии

*Б. Г. Гарамян (МГОУ, Москва), Г. А. Мишина (ИКП РАО, Москва),
А. С. Поляков (МГОУ, Москва)*

Проблема коммуникации в детской стоматологии остается актуальной, так как в основе стоматологического лечения детей с ОВЗ стоит триада лечения «ребенок–родитель (или законный опекун)–команда медработников» (G. Z. Wright, A. Kupietzky).

Для того, чтобы уход за зубами и их лечение были эффективными, все участники триады должны сотрудничать и общаться. С одной стороны, дети с ОВЗ нуждаются в особом внимании со стороны стоматолога, которому необходима полная информация о развитии ребенка. С другой стороны, уверенные в себе родители, как показывают исследования, имеют и чувство уверенности в заботе о своих детях. Это влияет на то, как они справляются с потребностями своих детей в отношении лечения зубов, включая профилактический уход на дому (D. H. Willard, A. J. Nowak).

Для ведения профилактических мероприятий по предупреждению заболеваний полости рта требуется как установление доброжелательных взаимоотношений с семьями, так и наличие у врача эмпатических установок в отношении людей, имеющих детей с ОВЗ (U. Trulsson, G. Klingberg). Команда стоматологического персонала обязана развить необходимые навыки и получить психологические знания для лечения детей с ОВЗ (D. Faulks), так как исследования (R. Bedi, U. Hallberg) показывают, что многие стоматологи и другие члены стоматологической команды чувствуют профессиональную неуверенность в лечении детей с ОВЗ, и им становится затруднительно установить взаимосвязь с пациентом и родителем. Вследствие недостаточной подготовки в рамках учебных программ последипломного образования многие стоматологи избегают оказания стоматологической помощи детям с ОВЗ, (P. S. Casamassimo, L. P. Dao). Таким образом, стоматологическое лечение этой категории пациентов во многом зависит от квалификации врачей-стоматологов.

Несмотря на большое количество и значимость исследований, посвященных организации стоматологической помощи детям с ОВЗ, они большей частью выполнены в рамках медицинского подхода. Психологическая составляющая организации стоматологической помощи детям с ОВЗ пока слабо изучена.

В рамках исследования нами были проанализированы данные изучения направленности личности в общении (методика С. Л. Братченко) 25 врачей-стоматологов из частных московских стоматологических клиник.

В процессе сравнительного исследования направленности в общении у врачей-стоматологов, работающих с детьми с ОВЗ и без ОВЗ было выявлено, что у врачей, часто работающих пациентами первой группы, доминирует диалогический тип направленности в общении, а у врачей-стоматологов, редко либо никогда не работающих с деть-

ми с ОВЗ, в общении с пациентами преобладает авторитарный тип направленности.

Результаты исследования указывают на необходимость психологического сопровождения не только детей с ОВЗ в качестве пациентов стоматологической клиники, но и самих врачей, оказывающих им стоматологические услуги.

Гражданское поведение работника: развитие концепции*

А. А. Грачев (ИП РАН, Москва)

В последние годы исследования организационного гражданского поведения (ОГП) существенно возросли. Это имеет как теоретические основания (развитие предметного поля организационной психологии), так и прикладные (в исследованиях обнаружены связи ОГП с организационной эффективностью и с психологическим здоровьем сотрудников). В теоретическом аспекте можно отметить тенденцию к возрастанию уровня обобщенности концепции ОГП. Наиболее явно это представлено в работах Д. Органа, который рассматривает ОГП как индивидуальное поведение, являющееся сверхнормативным, прямо или явно не признающимся формальной системой вознаграждения и способствующим эффективному функционированию организации (D. W. Organ). Его концепция ОГП в современном виде включает в себя и две другие концепции — экстраролевого и просоциального организационного поведения, которые выступают частными случаями общей концепции. Правомерность расширения концепции ОГП подтверждается и исследованиями, проведенными с использованием этой концепции: обнаружены связи ОГП не только с психологическим здоровьем, но и с трансформационным лидерством и коллективизмом (N. Christoph, H. Guido, D. W. Organ).

Среди факторов, с которыми обнаружена связь с ОГП, обращает на себя внимание включенность работника в решение вопросов (N. Vanuypere, A. Berg, M. Willering). Именно этот фактор кажется перспективным в аспекте дальнейшего развития концепции ОГП. Более того, есть основания для рассмотрения включенности работника

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

в решение вопросов не как фактора, а как необходимого компонента общей концепции ОГП, определяющего его содержание и операциональную составляющую.

Возможное решение этой проблемы предлагает модель включенности работника в решение социальных вопросов (А. А. Грачев), использованная нами в эмпирическом исследовании (работники разного рода организаций – рабочие и служащие – в количестве 366 чел.). В качестве основного инструмента использовалась «Шкала для оценки включенности работника в решение социальных вопросов», содержащая три блока вопросов (всего 21 вопрос), представляющих собой жизненные интересы работника в подразделении и выходящие за рамки его должностных обязанностей (сверхнормативные вопросы): а) содержание и организация труда (подбор рабочего задания для себя и/или для других, разработка предложений, направленных на повышение производственной эффективности, оценка результатов труда работников и т. п.); б) условия труда (организация рабочего места, здоровых условий труда, условий для питания и т. п.), в) социальная активность (участие в самоуправлении в подразделении, помощь новичку при адаптации в коллективе, помощь товарищам по работе и т. п.). Каждый вопрос оценивался по трем позициям: оценка реального участия в решении вопроса, оценка своего желания решать вопрос, оценка возможностей для решения вопроса. Анкета прошла апробацию на выборке из 393 чел.

Выводы по результатам исследования:

1. Существует общая ориентация работника на решение сверхнормативных вопросов (если работник проявляет желание решать, то он и высоко оценивает возможности для решения, и реально участвует в решении вопросов). При этом наиболее высоко работник оценивает свои возможности решать вопросы, ниже всего – свою реальную включенность в решение.
2. Руководитель в значительной степени влияет на включенность работника в решение вопросов: условие включенности во всех ее видах – высокая оценка работником своего взаимодействия с руководителем, а желания решать – низкая директивность руководителя. При этом более высокую включенность проявляют работники: а) видящие организационные проблемы, б) имеющие неблагоприятные отношения с товарищами по работе. Скорее всего, в российской культуре благоприятные отношения выпол-

- няют функцию социальной поддержки и компенсируют организационные недостатки.
3. При использовании на практике методика включенности работника в решение вопросов может корректироваться с точки зрения определения списка вопросов с учетом организационной культуры, типа организации и системы управления ею.
  4. Модель включенности работника в решение вопросов, основанная на определении списка сверхнормативных организационных задач, расширяет и теоретические, и прикладные возможности общей концепции организационного гражданского поведения.

Психологическая безопасность личности педагогов в условиях внедрения цифровых образовательных технологий*

*Л. Н. Гридяева (ВГПУ, Воронеж), Ю. В. Клепач (ВГПУ, Воронеж),
В. Р. Петросянци (ВГПУ, Воронеж), Т. Л. Худякова (ВГПУ, Воронеж)*

На современном этапе развития образования именно обеспечение психологической безопасности личности педагога является одной из главных задач образовательного процесса. Безопасность образовательной среды можно рассматривать как такое состояние ее организационных, пространственно-предметных и социальных аспектов, которое, помимо обеспечения жизни и здоровья субъектов образования, выступает необходимым условием для развития и формирования личности педагогов и обеспечивает их правовую, социальную, психологическую, информационную защищенность.

Создание условий психологической безопасности в образовательной среде может способствовать более полному личностному и профессиональному развитию ее участников и выступать профилактикой асоциального поведения.

Однако в период пандемии особенно кардинально и стремительно меняются формы, подходы и методы преподавания в сфере образования, почти все университеты России перешли на дистанционное обучение с использованием цифровых образовательных технологий,

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию Минпросвещения № 073-03-2021-045/3.

процесс обучения полностью или частично осуществляется с помощью компьютеров и телекоммуникационных технологий и средств. Субъект дистанционного образования удален от педагога, а также от прочих учебных средств и образовательных ресурсов. В связи с этим появились новые угрозы психологической безопасности личности педагогов.

Для оценки психологической безопасности личности педагогов средних образовательных учреждений в условиях внедрения цифровых образовательных технологий было проведено обследование 222 педагогов. В исследовании приняло участие 206 лиц женского пола (92,79%), 16 (7,2%) – мужского пола. Средний возраст респондентов составил $47,15 \pm 10,06$ лет, средний стаж – $24,49 \pm 11,37$.

Для определения уровней психологической безопасности педагогов в образовательной среде была использована методика «Психологическая безопасность образовательной среды» И. А. Басовой. Для оценки психологической безопасности личности педагогов в условиях внедрения цифровых образовательных технологий была использована разработанная нашим авторским коллективом экспресс-методика.

Проведенное исследование позволило определить ряд особенностей психологической безопасности образовательной среды включенных в нее участников в условиях внедрения цифровых образовательных технологий.

Для педагогов средних общеобразовательных школ характерен высокий уровень референтности образовательной среды, удовлетворенности ее основными характеристиками и защищенности от угроз во взаимодействии с другими субъектами образовательных отношений.

Данные респонденты в условиях реализации цифровых образовательных технологий сохраняют положительное отношение к образовательной среде, умеренную готовность работать в условиях цифровизации, испытывают небольшие затруднения в организации педагогической деятельности, связанные с внедрением цифровых образовательных технологий.

Педагоги отмечают свое стремление к самосовершенствованию и получаемую поддержку от администрации в повышении их профессиональной компетентности в области внедрения цифровых технологий. Применение цифровых технологий в образовании повышает профессиональную мотивацию педагогов.

В условиях внедрения цифровых образовательных технологий педагоги демонстрируют средний уровень удовлетворенности зна-

чимыми характеристиками образовательной среды и защищенности от рисков и угроз ее психологической безопасности.

Уровень удовлетворенности педагогов значимыми характеристиками образовательной среды и защищенности от рисков и угроз ее психологической безопасности в условиях применения цифровых технологий достоверно ниже, чем при их отсутствии.

Особенности временной перспективы у сотрудников с ненормированным графиком работы

А. В. Данилова-Релина (РГГУ им. Л. С. Выготского, Москва)

Прогресс во всех сферах общества влияет на жизнь каждого человека, так как жизнь вне социума невозможна. В современном мире ненормированный график работы и внезапность выхода на работу уже не являются исключением, а становятся частью современной профессиональной культуры.

ВЦИОМ осуществил исследование отношения россиян к удаленному графику работы в феврале 2021 г. в связи с тем, что многие компании частично или полностью перевели сотрудников на удаленный режим работы. По данным этого исследования, 65% россиян считают, что их график при переходе на удаленный режим работы стал ненормированным.

Бизнес-платформа ОНФ совместно с онлайн-сервисом YouDo.com в ходе анкетного опроса, проведенного в мае 2021 г., выяснили, что рабочий день 42% самозанятых в России является ненормированным.

Важным моментом исследования было определение границ понятия «ненормированный рабочий график». Для решения этой проблемы нами были определены следующие его критерии: работа вне установленного работодателем графика, просьбы руководителя выйти в неустановленное время.

Ненормированный график — это бич современности. Данный феномен сейчас ярко освещается как в психологии, так и в социологии. Несмотря на это, в психологии совершенно не проработана связь временной перспективы и графика работы. Ненормированный рабочий день «размывает» границы рабочей и личной жизни людей. Изучение временной перспективы поможет нам понять, как именно строится

ориентация во времени и восприятие времени у сотрудников с ненормированным графиком работы.

У каждого человека есть субъективная временная перспектива, которая им не осознается. Люди воспринимают время линейно. На самом деле в физике линейность времени не доказана и, более того, является далеко не единственной и далеко не самой популярной концепцией времени. Однако пока что других альтернативных теорий не существует.

Для организации собственной жизни человек делит свой опыт на временные отрезки. Такое устройство придает смысл определенным временным периодам и помогает ориентироваться в различных событиях. Временные отрезки могут быть повторяющимися периодами (смена времен года, ежегодные праздники и т. д.) или единичными событиями, которые являются точками, разделяющими жизнь на «до» и «после» (смерть близкого, свадьба, покупка недвижимости и т. д.). Человек использует временные перспективы для планирования событий, кодирования информации, проработки планов и актуализации уже полученных знаний. Понимание того, как и какое преимущество дает определенная временная перспектива в жизни, позволяет анализировать ситуации, когда временная перспектива мешает нам и нашему развитию (Ф. Зимбардо).

Целью проведенного исследования является изучение особенностей временной перспективы у сотрудников с ненормированным рабочим графиком.

Выборка представлена двумя группами респондентов: группой сотрудников с ненормированным рабочим графиком (34 человека, из них 15 мужчин и 19 женщин в возрасте от 20 до 42 лет; средний возраст 26,6 лет, стаж работы 3,86 года) и группа сотрудников с нормированным рабочим графиком (32 человека, из них 18 мужчин и 14 женщин в возрасте от 18 до 58 лет, средний возраст 27,5 лет, средний стаж работы 2,36 года).

В работе были использованы методики «Опросник временной перспективы Зимбардо» (ZTPИ), «Опросник временной перспективы трансцендентного будущего» (ТТПИ) и авторская анкета «Условия работы».

По итогам исследования выявлено, что независимо от графика работы преобладает временная перспектива будущего: 67,6% работают систематически ненормированно, 64,7% респондентов удовлетворены своим графиком работы. В среднем респонденты работают вне нормы работы в неделю 8,5 часов, в месяц 47 часов. В среднем респон-

денты узнают о необходимости работать ненормированно за 22 часа, но стоит отметить, что диапазон варьируется от отсутствия уведомления до построения ненормированного графика на полгода вперед.

Также наблюдается связь между шкалами «Будущее» ($t = 0,04$, $p < 0,05$) и «Трансцендентное будущее» ($u = 0,03$, $p < 0,05$) и женским полом, т. е. женщины, работающие ненормированно, в большей степени, нежели мужчины, ориентированы на будущее и на жизнь после смерти. Обнаружено наличие положительной связи между шкалами «Фаталистическое настоящее» и «Негативное прошлое» ($r = 0,51$, $p < 0,01$) и отрицательной связи – между шкалами «Фаталистическое настоящее» и «Будущее» ($r = -0,40$, $p < 0,05$). В группе ненормированного графика работы выявлено, что чем старше респондент, тем дольше он работает на последнем месте работы ($r = 0,65$, $p < 0,01$).

Планируется дальнейшее изучение временной перспективы будущего, а именно долгосрочной ориентации не только в отношении групп с различным графиком работы, но и в разных профессиональных коллективах с применением более глубоких методик, а именно биографического интервью.

Психология труда, эргономика, инженерная и организационная психология в Институте психологии РАН: традиции, достижения, перспективы*

А. Н. Занковский (ИП РАН, Москва)

В организационной психологии плодотворно разрабатывается и эффективно используется концепция жизненных циклов организации, согласно которой организации, как и люди, проходят последовательные этапы своего развития от рождения к смерти (Адизес, 2004). Но, в отличие от человека, организация не только способна предотвратить свой упадок, но и может бесконечно долго продлевать стадии своего организационного роста и расцвета. И действительно, если посмотреть список 500 наиболее эффективных компаний, который ежегодно публикует журнал «Fortune», то увидим, что в течение многих десятилетий этот список почти не изменяется.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

Оценивая экспертным взглядом историю Института психологии РАН, можно отметить ряд причин, которые обусловили полувековой успех и расцвет: могучие заделы-ресурсы, которые на этапе формирования привнесли с собой лидеры будущей научной организации; организационная культура и синергетические эффекты, возникшие при творческом объединении людей, увлеченных научным поиском (научные школы), и, наконец, роль руководителей института, оказавшихся способными соединить в один узел формальную власть, научный авторитет и личностную харизму, что позволило обеспечить эффективное функционирование института в условиях кардинальных политических, экономических и социальных изменений.

Рассмотрение указанных аспектов в рамках всего института — задача фундаментальной монографии, поэтому в настоящей статье мы ограничим обсуждение указанных факторов в нескольких смежных областях психологической науки, связанных с трудом — важнейшим процессом, обеспечивающим создание материальных и духовных благ, без которых невозможно выживание ни индивида, ни общества. Такими областями являются психология труда, эргономика, инженерная и организационная психология, хотя, несомненно, различные аспекты трудовой деятельности изучаются и другими отраслями психологии.

У истоков основания ИП РАН стояла целая плеяда великолепных ученых, научный талант которых проявился во многих сферах, включая и указанные области психологии, связанные с трудовой деятельностью. В силу ограничений формата настоящей статьи мы вспомним имена лишь нескольких великих ученых: Б. Ф. Ломова, В. Ф. Рубахина, К. К. Платонова и В. А. Бодрова. Именно они внесли огромный вклад в разработку методологических основ указанного блока психологических наук. Это и положения о системной организации субъекта труда и трудовой деятельности, и антропоцентрический подход, и структурно-эвристическая концепция послышной переработки информации оператором, и структурно-динамический подход к профессиональному отбору операторов, и фундаментальные психологические исследования профессиональной пригодности, авиационно-космической, управленческой и других видов профессиональной деятельности.

Одна из задач, которая стояла перед ИП РАН в период становления, — психологические исследования, связанные с освоением космоса. Для этих целей в институте была создана лаборатория специальных прикладных проблем, которая впоследствии трансформировалась

в лабораторию психологии труда, а затем — в лабораторию психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии.

На начальном этапе работы лаборатории для изучения деятельности космонавтов отдельные факторы реального полета моделировались в лабораторных условиях. В институте была создана современная экспериментальная база, проводились длительные научные экспедиции, осуществлялось плодотворное научное сотрудничество с НИИ авиационной и космической медицины, Институтом медико-биологических проблем МЗ СССР, Центром подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина. Эти работы позволили выявить закономерности психической регуляции деятельности космонавтов, изменений в психологической структуре деятельности в экстремальных условиях, особенности изменений психических образов при управлении космическим кораблем в разных режимах. Были разработаны методы оценки качества и надежности деятельности космонавтов, определены психологические и психофизиологические критерии оценки их работоспособности и многое другое.

В последующие годы значительное внимание уделялось изучению психологических аспектов работоспособности, стресса, утомления, монотонии; разрабатывались системотехнические и психологические принципы проектирования деятельности оператора; изучались психологические проблемы надежности человека и систем управления; исследовались вопросы профессионального обучения, профессионального отбора, аттестации и т. д. В эти годы в лаборатории плодотворно работали Л. Г. Дикая, Л. А. Китаев-Смык, А. Н. Костин, Е. П. Ермолаева и многие другие.

В 1990-е и «нулевые» годы наблюдался заметный спад интереса общества и самих психологов к проблематике труда, что, несомненно, отражало и общую ценностную тенденцию того времени, выраженную в прославлении идей монетаризма и спекулятивного капитализма и принижении значения труда и его этических начал. Тем не менее, ни в теоретическом, ни в прикладном отношении нельзя представить ни организационный, ни инженерно-психологический уровни анализа в полном отрыве от изучения труда и профессиональной деятельности. Более того, экономическая нестабильность, непредсказуемые кризисы и неудовлетворенность существующей в мире финансово-экономической моделью приводят многих к переосмыслению потребительско-индивидуалистских лозунгов и заставляют вновь обращаться к труду как базовой ценности и основе человечес-

кой жизнедеятельности. Эта тенденция проявляется и в возрождающемся интересе к проблематике труда и наукам, которые труд изучают, и в большей представленности психологии труда в организационно-психологической проблематике, и во все большем взаимопроникновении подходов, методов и сфер исследования психологии труда, инженерной и организационной психологии.

Сегодня, продолжая традиции Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова, В. Ф. Рубахина, В. А. Бодрова и др., лаборатория исследует системные изменения в мире профессий и профессиональной деятельности, разрабатывает новые модели организационной культуры, изучает вопросы жизнеспособности, здоровья, благополучия и безопасности работников, исследует проблемы виртуальной организации и удаленной работы, решает задачи эффективного взаимодействия человека и современных технологий. Непрерывные изменения в сфере профессиональной деятельности порождают множество совершенно новых и неожиданных проблем для субъекта труда, которые воспринимаются психологами труда не только как вызовы, но и как новые возможности.

Организационная жизнеспособность и субъективное благополучие персонала в условиях внедрения инноваций

Л. Н. Захарова (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород)

XXI век принес и закрепил новый тренд в оценке эффективности компаний – организационную жизнеспособность, которая состоит в успешном развитии компании в долговременной перспективе в условиях многообразной турбулентности. Важнейшим фактором жизнеспособности компании является психологическая жизнеспособность персонала, состоящая в его способности сохранять высокую эффективность деятельности без дистресса в условиях многочисленных угроз и вызовов, включая внедрение инноваций. Менеджмент компаний и исследователи в сфере организационного развития и психологии управления персоналом все большее внимание уделяют вопросам субъективного благополучия (СБ) на рабочем месте, рассматривая его как альтернативу дистрессу без достаточно серьезных подтверждений связи между СБ сотрудника и требуемыми поведенческими характеристиками, хотя со времен исследований, проведенных Ф. Герцбер-

гом, известно, что качество трудовой жизни относится не к мотивирующим, а к гигиеническим факторам.

Безусловно, качество трудовой жизни и СБ персонала имеют большое гуманитарное значение, но в контексте проблемы жизнеспособности компании является не самоцелью, а только фактором, способствующим повышению психологической жизнеспособности персонала. В России, занимающей в 2021 г. 45-е место в Глобальном индексе инновационности, с 56 местом по результативности деятельности, связанной с инновациями, и производительностью труда, в 2–3 раза меньшей, чем в развитых странах, проблема повышения инновационности, раскрытия условий, при которых СБ приобретает силу мотивирующего фактора принятия персоналом инноваций, приобретает решающее значение.

Проведено исследование СБ как социального действия интерактивной природы с системной детерминацией на уровне культуры общества, организационной культуры (ОК), личности и на психофизиологическом уровне при внедрении технологических инноваций. В исследовании принял участие разновозрастный мужской и женский персонал инновационных и ординарных медицинских и производственных компаний (N = 850). Инновационные компании высоко жизнеспособны, менеджмент ординарных компаний ставит задачи инновационного развития, но испытывает значительное сопротивление персонала.

Тип ОК в инновационных компаниях рыночно-иерархический с выраженным адхократическим компонентом. Тип ОК ординарных компаний иерархически-клановый, характерный для командно-административной модели экономики и сохранившийся во многих компаниях до настоящего времени, с минимальной представленностью адхократического компонента. В производственных компаниях есть спортзалы, в медицинских – well-being программы практически отсутствуют, за исключением общих для всех компаний корпоративных праздничных мероприятий.

В качестве показателей СБ изучены усталость от трудовой деятельности и организационных условий, уровень переживаемого стресса, самооценка здоровья, возрастная самооценка и психологическое самочувствие в трудовом коллективе. В качестве эффектов рассмотрены индивидуальные ценности организационного развития, актуальная и перспективная трудовая вовлеченность, участие в самостоятельном повышении профессиональной квалификации.

Установлено следующее:

1. Показатели СБ и его эффекты существенно различаются в инновационных и ординарных компаниях. Сотрудники инновационных компаний, независимо от типа бизнеса, гендерной принадлежности и возраста, чувствуют себя более работоспособными, здоровыми, молодыми, чем их сверстники в ординарных компаниях. Они являются приверженцами ценностей инновационного развития, вовлечены в трудовую деятельность и активно занимаются самостоятельным профессиональным развитием.
2. СБ имеет функции повышения доверия менеджменту и эмоционального регулятора принятия персоналом инноваций. Ключевой детерминантой СБ является ОК компании, которая служит посредником между влияниями культуры общества с ценностями стабильности и безопасности и требованиями менеджмента, решающего задачи инновационного развития, носителем и транслятором инновационных ценностей, а также соответствующих им моделей поведения, фактором профилактики организационного стресса.
3. Инновационность сама по себе является фактором СБ, если она реализуется в модели ОК, имеющей выраженный адхократический компонент, и в соответствующих управленческих практиках: в отказе от возрастных и гендерных стереотипов, в ценностной переориентации персонала, в поддерживающей и сервисной моделях управленческого взаимодействия, в сокращении дистанции власти.

Факторами сдерживания инновационного развития могут явиться отсутствие учета разной готовности сотрудников к принятию инноваций, усиление кланового компонента ОК, желаемого большей частью персонала, отсутствие компетенций в реализации поддерживающего управленческого взаимодействия, возможный переход к автократической модели управления при развитии мобилизационного сценария экономического развития.

Теоретический обзор зарубежных исследований профессиональной жизнеспособности специалистов помогающих профессий

В. А. Капустина (НГТУ, Новосибирск), А. А. Осинцева (НГТУ, Новосибирск)

Современные реалии профессиональной деятельности специалистов различной направленности зачастую предполагают накопительный эффект стресса, который напрямую связан с благополучием данных работников, психологическим и физическим. В связи с этим актуализируется проблема изучения профессиональной жизнестойкости как основы сохранения психического здоровья специалистов.

В зарубежной литературе представлен довольно большой объем теоретических и эмпирических исследований, посвященных изучению профессиональной жизнеспособности специалистов помогающих профессий (медицинских работников, (врачей, медицинских сестер, интернов), социальных работников, психологов и психотерапевтов). Профессиональная жизнеспособность в этих работах рассматривается в контексте взаимосвязи с эмоциональным выгоранием и общей удовлетворенностью жизнью (Y. Song, K. Foster), культурным интеллектом (A. Azevedo, M. J. Shane), моральным стрессом (A. M. Rivard, C. A. Brown). Отличительной особенностью понимания профессиональной жизнеспособности в зарубежных исследованиях является то, что данное психологическое явление рассматривается как некий инструмент самопомощи, заботы о себе и своем психологическом состоянии.

Рассмотрим примеры некоторых современных научных работ по данной теме.

С. Д. А. Литам, К. Д. Ауслос, Дж. Дж. С. Харричанд в своем исследовании профессиональной деятельности консультантов (психотерапевтов), оказывающих помощь людям в период пандемии COVID-19, обнаружили, что те консультанты, у которых наблюдался более высокий уровень жизнеспособности, с меньшей вероятностью испытывали эмоциональное выгорание. Авторы объясняют это тем, что данные специалисты еще во время обучения развивали устойчивую заботу о себе, осваивали эффективные стратегии преодоления трудностей, что позволило им применять данные навыки непосредственно в своей профессиональной деятельности и использовать их в качестве

ве защитного фактора от эмоционального выгорания (S. D. A. Litam, C. D. Ausloos, J. J. S. Harrichand). Жизнеспособность позволяет специалистам помогающих профессий выстоять в трудные времена, используя проблемы и невзгоды как катализаторы индивидуального роста и позитивных действий (A. M. Rivard, C. A. Brown). А. М. Ривард и К. А. Браун считают, что обязательное наличие времени для саморефлексии, сосредоточенность на цели своей профессиональной деятельности и на ее значении, внимание к собственным достижениям, развитие своих профессиональных компетенций, знаний и навыков, адекватная профессиональная идентичность, а также следование своей профессиональной интуиции позволяют развивать профессиональную жизнеспособность (A. M. Rivard, C. A. Brown). Дж. М. Ньюэлл пришел к выводу о том, что постоянная практика заботы о себе будет способствовать повышению жизнеспособности специалистов, в данном случае работников социальных служб (J. M. Newell). Предлагаемая модель заботы о себе предполагает создание определенных условий деятельности, включающих комплексный подход и охватывающих биологические, межличностные, семейные и организационные аспекты жизни профессионалов.

Отдельно хотелось бы отметить тот факт, что многие зарубежные исследователи видят необходимость создания определенных условий, способствующих повышению профессиональной жизнеспособности, еще на этапе профессиональной подготовки. Так, К. Хичкок и его коллеги считают, что повышение профессиональной жизнеспособности студентов при подготовке к будущей практике социальной работы должно осуществляться за счет отбора кандидатов на социальную работу, целевого предоставления знаний и инклюзивных образовательных процессов (C. Hitchcock et al.). П. Уолш и его коллеги отмечают, что повышение жизнеспособности медицинских работников в период обучения возможно за счет акцента на развитии самоэффективности, способности к рефлексии и уверенности в себе через создание определенных условий в процессе обучения, к числу которых авторы относят совместную деятельность со сверстниками, рефлексивные практики, проблемно-ориентированное обучение, целенаправленные исследования и эмпирическое обучение (P. Walsh et al.).

Коучинговая программа по повышению профессиональной жизнеспособности интернов-хирургов, реализованная И. Сонг с коллегами, показала качественное изменение уровня жизнеспособности данной группы медицинских специалистов, хотя изменений в пара-

метрах, измеряющих эмоциональное выгорание и удовлетворенность жизнью, не произошло, при этом большинство участников программы считали, что опыт коучинга дает полезные навыки, но сомневались в длительности эффекта программы (Y. Song et al.).

Проведенный теоретический обзор зарубежных исследований позволяет сделать вывод, что в настоящее время проблема профессиональной жизнеспособности изучена преимущественно для специалистов помогающих профессий, но, по мнению авторов, требуется расширение как теоретической, так и эмпирической базы данных, затрагивающих другие сферы профессиональной деятельности.

Особенности жизнеспособности личности творческих работников (на примере профессиональных танцоров)

В. А. Капустина (НГТУ, Новосибирск), В. А. Марчук (НГТУ, Новосибирск)

Последние несколько лет люди сталкиваются с глобальными и стремительными изменениями мира, что создает запрос на быструю адаптацию к новым реалиям, в том числе в профессиональной деятельности, а значит, становится актуальным изучение характеристик жизнеспособности личности у представителей разных профессий. Стоит отметить, что значительная часть исследований жизнеспособности человека направлена на оценку выраженности данного свойства у представителей помогающих профессий (Т. Ю. Лотарева, О. А. Плющева, Ю. С. Моздокова), хотя условия труда творческих работников предполагают достаточно сильное влияние стресса, связанного с публичностью профессий. Вышесказанное позволяет предположить необходимость изучения жизнеспособности представителей творческих профессий, к числу которых относятся и профессиональные танцоры.

Объектом исследования является жизнеспособность личности, предмет исследования – специфика жизнеспособности и регуляции эмоций у профессиональных танцоров. Выборку составили люди от 17 до 25 лет (средний возраст 20,46), всего 61 человек, среди которых 31 профессиональный танцор (24 девушки, 7 юношей), и 30 человек, не занимающихся танцами (26 девушек, 4 юноши).

Были использованы следующие методики: тест «Жизнеспособность человека» Е. А. Рыльской, опросник «Когнитивная регуляция

эмоций» в адаптации О.Л. Писаревой и А. Гриценко (CERQ), пяти-факторный опросник личности (SPFQ). Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью критерия Манна–Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена и метода структурограмм А. В. Карпова.

Достоверных различий по показателю общей жизнеспособности и остальным параметрам изучаемого феномена обнаружено не было. Отметим, что по интегративному показателю и параметрам «способности к адаптации», «способности саморегуляции» группа танцоров имеет более высокие средние ранговые значения, что позволяет только предполагать наличие у танцоров более развитых способностей к адаптации и регуляции в структуре жизнеспособности.

Проведенный анализ с использованием U-критерия Манна–Уитни показал значимые различия между группами в использовании стратегии «позитивная переоценка» ($U = 326,5$, $p < 0,05$): профессиональные танцоры более склонны переосмысливать события своей жизни, выделяя в них позитивные аспекты, которые способствуют их личностному росту.

Сравнение результатов по пятифакторному опроснику личности показало достоверные различия групп в таких первичных факторах, как активность ($U = 227,5$, $p < 0,01$), общительность ($U = 302,5$, $p < 0,05$), артистичность ($U = 301,5$, $p < 0,05$), депрессивность ($U = 318$, $p < 0,05$), и основных факторах – экстраверсии ($U = 271,5$, $p < 0,01$) и экспрессивности ($U = 293$, $p < 0,05$). Это означает, что для профессиональных танцоров больше характерны интерес и тяга к коллективным мероприятиям, потребность в общении и разнообразной деятельности, которая сопровождается удовлетворением любопытства и поиском новых, ярких впечатлений. Также для танцоров в большей степени характерно доверие своей интуиции и чувствам, им свойственны ощущение контроля над своими эмоциями, эмоциональная комфортность.

Корреляционный анализ выявил следующие наиболее значимые связи. Интегративный показатель жизнеспособности профессиональных танцоров связан с тревожностью ($r_s = 0,473$, $p < 0,01$). Вероятно, тревожность позволяет танцору спрогнозировать наступление стрессовых событий, тем самым быть готовым к ним и при их наступлении успешно преодолевать трудности. Способности саморазвития танцоров взаимосвязаны с руминацией ($r_s = 0,52$, $p < 0,01$): стремление к самопознанию и убежденность субъекта в том, что весь получаемый опыт и знания способствуют его развитию, в большей степени свя-

зано со склонностью к сосредоточению на своих мыслях и чувствах, возникших в результате стрессовой ситуации.

В целом связи танцоров отражают направленность их внимания на свои внутренние процессы (эмоции, независимость своего мнения, прислушивание к своей интуиции и чувствам), тогда как связи у не танцоров больше отражают коммуникативную сторону жизни личности (общительность, соблюдение норм и правил, активность в установлении контактов, сопереживание другим и прочее).

Структурный анализ показал, что структуры являются гетерогенными ($r = 0,218$, $p > 0,05$). Базовыми элементами в структуре жизнеспособности профессиональных танцоров являются «эмоциональная неустойчивость», «руминация» и «самодостаточность».

Таким образом, проведенное исследование частично подтверждает гипотезу о различиях групп: профессиональные танцоры значительно отличаются от представителей других сфер деятельности по выраженности стратегии регуляции эмоций «позитивная переоценка», больше проявляют активность, общительность, черты экстраверсии, артистичность и экспрессивность, и им присуща эмоциональная комфортность.

К вопросу о субъектных детерминантах информационной деятельности*

А. В. Карпов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль)

Одним из важнейших факторов эффективности профессиональной деятельности в целом и деятельности IT-специалистов, в частности, является, как известно, совокупность ее субъектных детерминант. В свою очередь, определяющее место в ней занимает система индивидуальных качеств личности, в особенности тех, которые выступают в функции профессионально важных качеств (ПВК). Исследования последнего времени свидетельствуют о наличии специфического симптомокомплекса ПВК для деятельности IT-специалистов и в особенности для деятельности программистов (Н. Н. Демиденко, Е. А. Ератина). По отношению к последней в функции ПВК дифференцируются и такие достаточно общие качества, как интернальный

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 21-18-00039.

локус контроля и интровертированность. Вместе с тем, до настоящего времени их дифференциация производится практически полностью описательными и профессиографическими средствами, а эмпирические и тем более экспериментальные данные в этом плане фактически отсутствуют. В связи с этим нами было предпринято исследование, направленное на решение данного вопроса.

В исследовании приняло участие 160 профессиональных программистов. Из них 99 мужчин и 61 женщина в возрасте от 24 до 49 лет, все с высшим образованием, работающие в различных профильных организациях Ярославля, Рыбинска и Москвы. Для диагностики локуса контроля применялась методика Дж. Роттера, а для диагностики меры интровертированности – методика Г. Айзенка. Для определения результативных и процессуальных параметров деятельности использовался метод экспертной оценки в нашей модификации.

Были получены следующие основные результаты.

Во-первых, выявлено, что между интернальным локусом контроля и интровертированностью, с одной стороны, и эффективностью деятельности, с другой, *существуют* положительные корреляционные связи, представленные, правда, в достаточно умеренном виде, то есть при $p < 0,01$. Это свидетельствует о том, что они, действительно, могут быть поняты в качестве ПВК информационной деятельности. Данное обстоятельство следует рассматривать как эмпирическую верификацию существующих данных профессиографического, т. е. описательного, плана.

Во-вторых, между этими качествами установлена и положительная корреляционная связь ($p < 0,05$), что свидетельствует о возможном наличии у них сложных *взаимоопосредствующих* связей и отношений. В этом плане следует отметить также, что, к сожалению, до сих пор вопрос о такого рода связях остается практически полностью не исследованным, хотя априорно вполне вероятно, что эти качества не только могут, но и должны быть связаны закономерными отношениями. Решающим аргументом в пользу этого выступает атрибутивное сходство тех конструктов и, соответственно, тех реальностей, которые в них зафиксированы. Поэтому данный результат следует трактовать и в *общем плане* – как аргумент в пользу позитивного решения вопроса о наличии взаимосвязей между данными качествами в целом.

В-третьих, между интернальным локусом контроля как обобщенным личностным качеством и индивидуальной мерой выраженности интроверсии выявлены и более сложные взаимосвязи, эксплициру-

емые методом корреляционного отношения (η^2). Так, степень интровертированности оказывает значимое воздействие на интернальный локус контроля, что проявляется в наличии статистически значимого коэффициента корреляционного отношения. Обратного непосредственного влияния интернального локуса контроля на меру выраженности интровертированности не эксплицируется. Данный результат означает, что *активным* началом во взаимосвязи интернального локуса контроля и интровертированности выступает именно вторая. Это согласуется со статусом свойства интровертированности как одного из базовых личностных качеств.

В-четвертых, между данными качествами существуют и еще более имплицитные взаимосвязи, эксплицируемые методологией факторного исследования. Они проявляются в том, что между ними обнаруживается значимый «коэффициент взаимодействия» (F. J. McGuigan), причем принадлежащий ко вполне определенному типу — *фасилитирующему*, т. е. усиливающему их автономные влияния на эффективность деятельности. Иначе говоря, смысл такого результата — обнаруженного фасилитирующего взаимодействия — состоит в том, что одно качество выступает фактором, усиливающим позитивное влияние другого на эффективность деятельности, и наоборот. Конкретно это означает, что мера позитивного влияния интернальности на эффективность деятельности вырастает при повышении степени выраженности интровертированности. И наоборот, мера влияния интровертированности на эффективность деятельности возрастает при повышении степени интернальности.

Особенности скрытой мотивации специалистов экстремальных профессий с оптимальным и базовым уровнями жизнеспособности

С. В. Котовская (МГТЭУ, ИП РАН, Москва)

Определение внутренних побуждений к деятельности, управляющих поведением, формирующих направленность, организацию, устойчивость и активность субъекта, является одним из ключевых вопросов в области психологии труда. Вопросы формирования и сохранения жизнеспособности специалистов экстремальных профессий наибольшую актуальность приобретают в настоящее время, когда проводится спе-

циальная военная операция по защите ДНР и ЛНР, по демилитаризации и денацификации Украины.

Для установления особенностей скрытой мотивации специалистов с оптимальным и базовым уровнями жизнеспособности из числа всех испытуемых мужского пола различных профессиональных групп, повседневная деятельность которых на содержательном уровне включала экстремальный компонент, была выделена группа с оптимальным и базовым уровнем жизнеспособности. В исследовании приняли участие 10 профессиональных групп, повседневная деятельность которых включала экстремальный компонент: военнослужащие Министерства обороны Российской Федерации; специалисты МЧС Российской Федерации и специалисты гражданских профессий. На добровольной основе с подписанием согласия на проведение исследования испытуемым была предложена методика психосемантической диагностики скрытой мотивации И. Л. Соломина.

Диагностика скрытой мотивации, скрытых потребностей и отношений И. Л. Соломина ориентирована на выявление содержания и структуры истинных потребностей, мотивов деятельности, диагностики осознанных и неосознанных отношений, чувств и переживаний и состоит из модифицированного варианта метода семантического дифференциала Ч. Осгуда с выделением классических факторов ценности, силы, активности и с проведением кластерного анализа.

В результате проведенного анализа было установлено, что для специалистов с оптимальным уровнем жизнеспособности ценностью является семья, профессия, хобби и жизненный опыт, ассоциирующийся с угрозой для жизни и неприятностями. Респонденты этой группы проявляют активность в случаях получения жизненного опыта при неприятностях и угрозах, при взаимодействии с референтным окружением, в процессе творческой деятельности и в случаях получения выгоды. Ресурсы для деятельности такие испытуемые получают в общении с детьми, в достойной заработной плате при достижении успеха, в приобретении выгоды и видят реализацию собственных возможностей в будущем.

В результате кластеризации данных и построения дендограммы было выделено четыре кластера: страх неприятия референтной группой, достижение профессионального мастерства, профессиональная самореализация и семейное благополучие.

Траектория удовлетворения базовых потребностей берет свое начало в прошлом и продолжается в настоящем. Базовыми потреб-

ностями у специалистов с оптимальным уровнем жизнеспособности является учеба, увлечения, профессия, личная независимость, материальное благополучие, состояние здоровья, самопринятие и сбалансированные межличностные взаимоотношения. Самооценка, сформированная в прошлом, корректируется в настоящем, базируясь на профессиональных достижениях. Профессиональная деятельности воспринимается как интересное занятие в настоящем, приносящее материальное благополучие и самодостаточность. Семейное, межличностное и профессиональное благополучие ассоциируется с достижением успеха в будущем.

Группа специалистов с базовым уровнем жизнеспособности ценностями считают настоящее, профессиональную деятельность, референтное окружение, получение выгоды и доминирующий социальный статус. Они готовы проявлять активность при наличии неприятностей, угроз и при межличностном взаимодействии с референтным окружением. Возможности связываются с достижением успеха и получением выгоды в будущем, базирующихся на ресурсах, заложенных в прошлом.

При построении дендограммы было выявлено три кластера: страх потери семейного, профессионального и материального благополучия в настоящем; признание и успех в прошлом, фрустрирующая самореализацию психастения в будущем.

Специалисты с базовым уровнем жизнеспособности планируют удовлетворить свои актуальные потребности в настоящем. К ним респонденты этой группы относят семью, хобби, материальное благополучие, доминирующий социальный статус и наличие свободного времени. Самооценка зависит от мнения социального окружения, уровня заработной платы и в настоящем размыта, однако апперцепция себя в прошлом более позитивна, чем в будущем.

Делая вывод, можно утверждать, что особенностями скрытой мотивации специалистов с оптимальным уровнем жизнеспособности является самореализация, развивающаяся по траектории от прошлого к настоящему. Семейное, межличностное и профессиональное благополучие – перспектива будущего. Респонденты этой группы мотивированы на перманентное поступательное удовлетворение базовых и актуальных потребностей. Специалисты с базовым уровнем жизнеспособности ориентированы на удовлетворение потребностей в настоящем, признавая успехи в ретроспективе, а перспектива ассоциируется с достижениями успеха за счет с негативных последствий для состояния здоровья.

О влиянии личностных и регуляторных ресурсов на профессиональные планы молодежи*

Н. Г. Кондратюк (ПИ РАО, Москва), А. В. Бурмистрова-Савенкова (ПИ РАО, Москва), Н. В. Копалина (МАОУ гимназия № 69, Липецк)

Уже с момента окончания девятого класса старшеклассникам приходится не только задумываться о своем профессиональном пути, но и предпринимать действия, направленные на его определение — если не на всю жизнь (что в современном мире по отношению к очень многим профессиям может оказаться неким атавизмом), то, по крайней мере, на обозримую перспективу и ближайшие несколько лет. Вопросы определенности и дальнейшей возможности реализации профессиональных планов молодежи дополняются сегодня новыми смыслами, связанными с происходящими тектоническими сдвигами самого бытия человека. Именно поэтому для устойчивого профессионального развития в эпоху изменений миропорядка и имеющей место неопределенности как никогда актуален ответ на вопрос: от чего же зависят профессиональные планы молодежи, их определенность, устойчивость, реалистичность, наполненность смыслом?

Цель исследования — выявить вклад личностных и регуляторных особенностей в повышение определенности и устойчивости профессиональных планов молодежи и определить характер отношений между всеми исследуемыми показателями. Отдельно ставилась задача исследовать значимость осознанной саморегуляции как общепсихологического регуляторного ресурса человека и карьерной адаптивности как карьерно-ориентированного регуляторного ресурса.

Личностные особенности исследовались согласно диспозиционной модели личности (Г. Олпорт, Р. Кеттел, Г. Айзенк) «Большая пятерка» (R. R. McCrae, P. T. Jr. Costa). Осознанная саморегуляция человека рассматривалась в соответствии с современными представлениями научной школы психологии саморегуляции, развиваемой в Психологическом институте РАО (В. И. Моросанова). Карьерная адаптивность изучалась в рамках теории построения карьеры М. Л. Савикаса, в контексте динамического подхода, преобладающего в настоящее время в профессиональной психологии и делающего акцент на активной позиции самого человека в отношении своей профессиональной жизни, профессионального саморазвития, карьеры (M. L. Savickas).

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00741.

Выборка составила 529 учащихся 9-х, 10-х и 11-х классов (58,4% девушек) в возрасте от 14 до 19 лет ($M = 16,01$, $SD = 0,92$). Были использованы 4 методики: опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» (В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк), «Шкала карьерно-адаптационных способностей» М. Савикаса и Э. Порфели в нашей русскоязычной адаптации (Н. Г. Кондратюк, А. В. Бурмистрова-Савенкова, В. И. Моросанова), «Опросник Большой пятерки – 2» К. Сото и О. Джона в русскоязычной адаптации (Shchebetenko S. et al.), анкета профессиональных планов (разработана для данного исследования), включающая 7 вопросов, направленных на оценку трех факторов: определенность профессиональных планов, влияние ситуации пандемии на профессиональные/образовательные планы и устойчивость профессиональных предпочтений. Целесообразность и правомерность выделения трех факторов для изучения психологических аспектов профессиональных планов молодежи была теоретически обоснована (см., например: И. И. Харченко, Н. М. Арсентьева, Е. Н. Шарова, Т. В. Мулина) и эмпирически подтверждена (полная объясненная дисперсия по результатам эксплораторного факторного анализа методом главных компонент с варимакс вращением в 5 итераций с нормализацией Кайзера составила 77,62%, внутренняя согласованность показателей анкеты от 0,67 до 0,83). Данные были собраны в ноябре–декабре 2020 г.

С использованием методов структурного моделирования построена модель взаимосвязи личностных черт, осознанной саморегуляции и карьерной адаптивности с определенностью и устойчивостью профессиональных планов старшекласников. Результирующая модель ($\chi^2(df = 242) = 368,63$; CFI = 0,93; RMSEA = 0,051; SRMR = 0,056 (90% интервал от 0,04 до 0,06)) показывает, что осознанная саморегуляция способствует определенности и устойчивости профессиональных планов старшекласников через сформированность их карьерно-адаптационных особенностей, которые выступают медиатором этого влияния. Влияние личностных черт на определенность и устойчивость профессиональных планов прослеживается только на уровне их связи с осознанной саморегуляцией и карьерной адаптивностью. Показано прямое и опосредованное (через осознанную саморегуляцию) влияние личностных черт на карьерную адаптивность.

Задачи дальнейших исследований связаны с рассмотрением возрастной инвариантности полученных закономерностей на выборках студентов и взрослых респондентов от 25 лет.

Описание личности в спортивной психологии

В. М. Мельников (СГУ, Сочи), И. А. Юров (СГУ, Сочи)

Традиционно в отечественной психологии под структурой личности понимается четырехкомпонентная модель, включающая в себя темперамент, характер, направленность личности, способности (С. Л. Рубинштейн).

К. К. Платонов в предложенной концепции динамической функциональной структуры личности выделил четыре подструктуры: 1) социально-обусловленная подструктура; 2) опыт; 3) индивидуальные особенности различных психических процессов; 4) биологически обусловленная подструктура.

В отечественной психологии сложился целый ряд школ и направлений, в которых психические свойства личности (личностные свойства) исследуются в разных аспектах. Одни психологи рассматривают личность в социальном качестве (Б. Г. Ананьев), другие – в связи с анализом ее деятельности (А. Н. Леонтьев), третьи – в связи с анализом ее психологических отношений (В. Н. Мясишев), четвертые – ее установок (Д. Н. Узнадзе), пятые – ее социальных позиций (Л. И. Божович), шестые – общения (Б. Ф. Ломов). По мнению К. К. Платонова, личность – это человек как носитель сознания.

Б. Г. Ананьев считал, что строить структуру личности следует «не по одному, а по двум принципам одновременно: 1) субординационному, или иерархическому, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные социальные и психофизиологические свойства; 2) координационному, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т. е. относительную автономию каждого из них».

В последнее время в современной психологии происходит интеграция и конвергенция различных парадигм теорий личности.

Целеполагание – сознательный, осознанный план жизни, смысл жизни (по А. Маслоу, В. Франклу, К. Роджерсу), жизненный план (по Э. Эриксону), сценарий жизни (по Э. Берну), генеральные, стержневые цели жизни (по Б. Г. Ананьеву), жизненные цели личности (по Б. Ф. Ломову), личностный смысл (по А. Н. Леонтьеву). Спортивная жизнь (спортивная карьера) – это многолетние занятия человека спортом, нацеленные на высокие достижения и связанные с постоян-

ным самосовершенствованием в спорте вообще и в избранном виде спорта. Особенностью спортивной карьеры, по сравнению с другими видами деятельности и профессий, является ее раннее начало, ранняя специализация и кульминация и раннее окончание. Конкретно на психологическом уровне план и сценарий спортивной жизни осуществляется через уровень притязаний и уровень ожидания. Уровень притязаний – это то, что планирует спортсмен в своей карьере. Уровень ожидания – то, что спортсмен реально может достичь (Ф. Хоппе). Соотношением между уровнем притязаний и фактическим уровнем исполнения и определяется качественная оценка результатов деятельности, т. е. ее успех или неуспех (А. Ребер). Уровень притязаний – одна из характеристик личности, поскольку в нем отражено существенное для личности соотношение ее «потенций и тенденций» (Б. Г. Ананьев), мера трудности цели, которую ставит перед собой команда или отдельный спортсмен (Е. П. Ильин).

Цель не может быть достигнута и уровень притязаний не может быть реализован без мотивации (побуждения к деятельности). Мотивация – совокупность факторов, мотивов, механизмов, побуждений к деятельности, поддерживающих, направляющих и определяющих поведение и деятельность, динамический процесс формирования мотива (К. К. Платонов, И. А. Джидарьян). В спорте большое значение придается уровням эмоции, воли, характера, психодинамики, агрессивности, фрустрации, саморегуляции, специальной подготовки.

Общая схема описания свойств личности спортсмена такова:

- Блок I: целеполагание → уровень притязаний → мотивация → эмоции → воля → опыт (теоретическая подготовка).
- Блок II: черты личности → характер → темперамент (психодинамика) → агрессивность → фрустрация → опыт (саморегуляция, функциональная подготовка).
- Блок III: компетентность и опыт (техническая, тактическая, моральная, психологическая подготовки) → способности → интеллект → креативность.

В данной схеме подструктуры личности связаны и с анализом ее деятельности, и с анализом психологических отношений, и с ее социальными позициями, смыслообразующими факторами, что, в конечном счете, представляет собой интегральную системно-комплексную структуру личности. При задании описания личности спортсмена необходимо исследовать все взаимосвязанные подструктуры личности.

Только это позволит иметь представление о достаточных, объективных и адекватных характеристиках спортсмена. Полученные данные способствуют выбору форм и методов индивидуализированного психологического сопровождения спортсмена по критериям квалификационной, возрастной и половой дифференциации.

Отдельные характеристики совместной деятельности тренера и спортсмена как основные критерии ее успешности

Т.А. Мухаджиева (ЧГПУ, Грозный)

Совместная деятельность спортсмена и тренера имеет сложный и многокомпонентный характер, включает в себя черты многих видов деятельности: игровой, трудовой, учебной.

Совместный характер анализируемой деятельности состоит прежде всего в наличии у спортсмена и тренера единой цели. Такой общей для них целью выступает всестороннее гармоничное физическое и личностное развитие спортсмена, достижение высоких результатов в спорте, победы на соревнованиях, раскрытие резервных возможностей психики и организма.

Результат деятельности также является общим, достигается в совокупности взаимных усилий всех ее участников. Более того, его достижение невозможно при исключении вклада одного из них. Результат данной деятельности имеет системный характер и включает в себя возрастание уровня спортивного мастерства, победы спортсменов на соревнованиях, их личностное развитие, физическое и психологическое здоровье, увеличение роли спорта в жизни людей, повышение престижа спортивной команды, города, страны в целом.

Результатом совместной деятельности тренера и спортсмена выступают четыре основных ее компонента (эффекта), отражающие единство спортивной подготовленности, спортивных достижений, развития личности спортсмена, повышения уровня его здоровья.

Совместная деятельность тренера и спортсмена регулируется их общением, межличностной коммуникацией. Общение выступает связующим звеном в организации деятельности, напрямую определяет ее эффективность. От характера коммуникации тренера и спортсмена зависит эффективность овладения последним спортивными уме-

ниями и навыками на тренировках, результативность выступлений на соревнованиях.

Успешность деятельности тренера и спортсмена определяется различными способами и формами их взаимодействия. Взаимодействие выступает сквозным процессом данной деятельности, реализуется в информационном обмене, передаче знаний и опыта спортсмену, в совместном выполнении движений и действий или выполнением их спортсменом с опорой на образцы, презентуемые тренером, а также в планировании деятельности, в рефлексивном анализе ошибок.

Через взаимодействие осуществляются личностная поддержка спортсмена тренером, воспитательские воздействия, оптимизация психоэмоционального состояния спортсмена. Можно говорить о том, что вне взаимодействия деятельность тренера и спортсмена не может быть реализована, что являются существенным доказательством ее совместного характера (А. А. Деркач, А. А. Исаев, Г. Д. Горбунов, Э. Стоунс, А. Н. Николаев и др.).

В совместной деятельности тренера и спортсмена наблюдается интегрированность и координированность их функций, четкое разделение различных действий, операций, функций при их согласованности и направленности на общий результат. Так, деятельность спортсмена состоит в овладении основными операциями и действиями, характерными для избранного вида спорта, в совершенствовании двигательных умений и навыков, в саморазвитии физических и личностных качеств, в выступлении на спортивных состязаниях.

Деятельность тренера заключается в организации психолого-педагогических, организационных, материальных и других условий для оптимальной подготовки спортсмена и повышения уровня его здоровья, в руководстве его спортивной деятельностью, трансляции спортивных знаний и опыта, подготовке к соревнованию, воспитании спортивно важных качеств личности, формировании и поддержании конструктивных мотивов деятельности, в управлении спортивной командой, организации досуговой деятельности спортсменов, в привлечении детей и юношей к занятиям спортом и т. д.

В системе «тренер—спортсмен» разделение аспектов совместной деятельности осуществляется по принципу «руководитель (организатор)—исполнитель», или «учитель—ученик». Разделение ролей и функций в данной системе не предполагает директивности взаимодействия. Для достижения ее высокой эффективности важным является сотрудничество, партнерское взаимодействие.

Исходя из выделенных нами основных характеристик совместной деятельности тренера и спортсмена, мы можем выделить основные критерии ее успешности. Во-первых, это результативный критерий: выраженность основных эффектов, составляющих результат совместной деятельности, — образовательного, оздоровительного, воспитательного и соревновательного; во-вторых, это процессуальный критерий: оценка успешности общения и взаимодействия тренера и спортсмена в процессе деятельности.

Безусловно, отношения тренера и спортсменов выступают значимым фактором успешности их совместной деятельности в спорте. Для более глубокого понимания специфики совместной деятельности в системе «тренер—спортсмен» и ее успешности необходимо обратиться к анализу проблемы их взаимоотношений.

Инженерно-психологическое проектирование: проблемы и перспективы развития*

А. А. Обознов (ИП РАН, Москва)

Вопрос инженерно-психологического проектирования был поставлен в 1960–1970 гг. в связи с практической задачей создания систем «человек—машина» (СЧМ). Взаимодействие с ними осуществлялось человеком-оператором с помощью интерфейсов, т. е. опосредствованно. На интерфейсах отображались сигналы о состоянии СЧМ, а также размещались средства управления ими. Более полувека тому назад Б. Ф. Ломов подчеркивал, что, выбирая форму сигналов, конструктор СЧМ тем самым предопределял (осознавал он это или нет) будущий способ протекания психических процессов человека-оператора, включенных в восприятие, оценку и преобразование информации, получаемой от сигналов. При этом способ обработки информации человеком-оператором был функцией от отношений между задачами деятельности человека-оператора и формой сигналов. Неудачно выбранная форма сигналов приводила к затруднениям восприятия и оценки сигналов человеком-оператором, возрастанию его нервно-психического напряжения, быстрому утомлению и снижению надежности всей технической системы (Б. Ф. Ломов). Таким образом,

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

выбирая (проектируя) форму сигналов, конструктор задавал проект будущего способа организации психических процессов. Цель специальных инженерно-психологических исследований, проводившихся в те годы, заключалась в изучение зависимостей способов обработки сигналов человеком-оператором от отношений между его задачами и формой представления этих сигналов на интерфейсе.

В последние годы существенно изменились как задачи, которые ставятся перед человеком-оператором в СЧМ, так и технические возможности формы представления сигналов на интерфейсах. Указанные изменения можно рассмотреть на примере системы «летчик—летательный аппарат». Благодаря внедрению технологий автоматического управления и искусственного интеллекта роль летчика становится принципиально иной, чем ранее. Он освобождается от задач ручного выдерживания заданных режимов полета, его основными задачами являются поддержание ситуационной осведомленности, в том числе прогнозирование развития полетной обстановки, своевременные обнаружение и оценка внешних угроз безопасности полета, принятие решения о применении имеющихся средств защиты. Кроме того, летчик должен быть готов к переходу к непосредственному управлению летательным аппаратом. Для отображения информации, необходимой для выполнения новых задач, на бортовых индикаторах стал применяться широкий спектр новых технических возможностей: когнитивная графика, виртуальная реальность, трехмерный звук и др. Вследствие этого у конструкторов летательных аппаратов появились ранее недоступные варианты форм представления сигналов, которые не становились предметом специального инженерно-психологического изучения зависимости способов обработки сигналов летчиком от отношений между его задачами и вновь предложенными формами представления этих сигналов. В данных условиях выбор конструкторами определенной формы представления сигналов, соответствующих новым задачам летчика, во многом приобретал характер интуитивного поиска. Как отметил генеральный директор Государственного научно-исследовательского института авиационных систем академик РАН С. Ю. Желтов, такой выбор происходил в основном в волюнтаристическом духе: какой-то конструктор говорит, что его вариант лучше другого, но научного обоснования такого выбора нет.

Добавим, что подобный «провал» в своевременном проведении указанных инженерно-психологических исследований сопровождался выраженным уменьшением рядов квалифицированных ин-

женерных психологов и эргономистов, фактическим прекращением их профессиональной подготовки в большинстве профильных высших учебных заведений, общим снижением эргономической культуры конструкторов СЧМ.

Устранение этих барьеров потребует годы. В этой связи перспективным направлением возрождения и усиления рассматриваемых инженерно-психологических исследований является ускоренное развитие методов моделирования с применением технологий виртуальной реальности и искусственного интеллекта.

Проявление профессионального типа личности студентов-психологов в процессе обучения

Ю. А. Полещук (БГПУ им. Максима Танка, Минск, Белоруссия)

Трансформация современного рынка труда предъявляет новые требования к выпускнику учреждения высшего образования. Становятся актуальными не только владение общепрофессиональными компетенциями, но и умение планировать собственный профессиональный путь, строить профессиональную карьеру. Это возможно при сформированной профессиональной направленности личности.

Профессиональная направленность как относительно устойчивое образование личности входит в структуру общей ее направленности, выражает собой систему потребностей и преобладающих мотивов, ценностных ориентаций и воплощается в профессиональных целях, установках и активности личности по их достижению (Ю. А. Полещук). Этап профессиональной подготовки выступает одним из наиболее актуальных периодов развития профессиональной направленности.

Изучение профессиональной направленности проводилось на базе учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка» среди 120 студентов-психологов, обучающихся на 1–4 курсах, в возрасте от 17 лет до 21 года. Для диагностики применялся опросник Дж. Голланда «Профессиональная направленность личности», который позволяет определить шесть профессиональных типов личности: реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциальный, предприимчивый, артистический. Каждому профессиональному типу соответствует профессиональная среда, которая имеет идентичное ему название.

Выраженность профессиональных типов личности на каждом курсе колеблется от 13% до 22%. Наиболее представлены социальный и артистический типы. Так, у студентов первого курса социальный тип отмечен у 23% респондентов, артистический тип – у 21%. На втором курсе проявление данных типов составляет 21% и 20%, соответственно, на третьем – 21% и 22%. У студентов четвертого курса социальный тип представлен у 21% испытуемых, проявление артистического типа составляет 18%. Реалистический, предприимчивый и конвенциальный типы личности максимально отмечены у студентов четвертого курса (17%, 15%, 15%, соответственно), исследовательский тип – у студентов второго курса (16%). Полученные данные могут объясняться психологическими особенностями данной выборки.

Применение критерия Краскела–Уоллиса показало наличие значимых различий в проявлении артистического профессионального типа личности ($p < 0,01$).

Профессиональной средой будущих психологов выступает социальная среда, для которой, по мнению Дж. Голланда, оптимальным выступает социальный тип, допустимыми – артистический и предприимчивый типы. Поскольку два из указанных типов преобладают у студентов всех лет обучения, можно предположить, что это создает благоприятный прогноз для будущей профессиональной деятельности.

Изучение профессиональных типов личности служит предпосылкой успешного развития профессиональной направленности в целом. Одним из путей данного развития выступает психологическое сопровождение обучения профессии.

В дальнейшем интересно провести исследование компонентов профессиональной направленности у студентов на разных этапах обучения.

Индивидуальная жизнеспособность студентов в период обучения в вузе*

Ю. В. Постылякова (ИП РАН, Москва)

В исследованиях жизнеспособности наличие у человека образования рассматривается как составляющая жизнеспособности, позитивно влияющая на процессы адаптации, совладания с неблагоприятны-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

ми ситуациями, на саморазвитие. Наряду с этим, интерес ученых касается и вопросов построения, формирования и проявлений индивидуальной жизнеспособности в разных обстоятельствах, в разные периоды жизни человека и в разных контекстах. Человек может проявлять индивидуальную жизнеспособность в одной ситуации, но оказывается нежизнеспособным в другой. Это связано с тем, что новая, сложная ситуация или обстоятельства, незнакомая среда предъявляют человеку новые требования, на которые он не умеет, не знает как или не в силах отвечать. Именно по этой причине ученые фокусируют внимание на изучении проявлений индивидуальной жизнеспособности в различных контекстах.

За последние годы выросло число исследований академической жизнеспособности учащихся (M. Cunningham, D. Swanson, A. Sandoval-Hernandez, D. Cortes, V. Cheng, J. Catling, S. Cassidy, Н. Т. Селезнева, Ю. В. Постылякова и др.). Понятие «академическая жизнеспособность» (*academic resilience*) – контекстно-специфическая или контекстно-ориентированная форма индивидуальной психологической жизнеспособности, предназначенная для оценки и прогноза в исследованиях жизнеспособности (S. Colp, D. Nordstokke). Академическая жизнеспособность контекстуализирует конструкт жизнеспособности и отражает повышенную вероятность успеха в области образования, несмотря на невзгоды (S. Zeisman-Pereyo). Академическая жизнеспособность тесно связана с индивидуальной психологической жизнеспособностью и касается проявления последней в образовательном контексте. Она определяется как способность преодолевать внезапные и/или хронические невзгоды, которые представляют для студента главную угрозу в процессе образования (A. Martin), как способность студента эффективно взаимодействовать с неудачами, стрессом и давлением в академической среде, а также с социальными и физическими проблемами, такими как бедность, плохое здоровье, неблагоприятные социальные условия (A. Martin, H. Marsh, H. Waxman, J. Gray, Y. Padron). Жизнеспособность в образовании рассматривается не как неизменное свойство того или иного студента, но как то, что может помогать ему достигать успехов в обучении и жизни путем использования своих сильных сторон или ресурсов (Ю. В. Постылякова).

В период обучения в вузе студент сталкивается со специфическими трудностями образовательного процесса и с необходимостью справляться с ними. Поэтому важно оценивать не просто некий об-

общенный уровень его индивидуальной жизнеспособности, но его способность проявлять свою жизнеспособность именно в данной среде (контексте).

На основе системного и экологического подходов, экологической модели развития человека (U. Bronfenbrenner), ресурсного подхода (S. Hobfoll, С. А. Хазова, Ю. В. Постылякова и др.), социально-экологической модели жизнеспособности, дающей понимание роли защитных факторов в развитии жизнеспособности в образовательной среде (M. Ungar), нами была разработана экологическая модель жизнеспособности студентов, которая позволяет учитывать различные факторы риска, прямо или опосредованно оказывающие влияние на студента в процессе его обучения в вузе, и защитные факторы, к которым он может обращаться для ответа на требования или угрозы, идущие от факторов риска. Эти две группы факторов позволяют определить контекст образовательного пространства вуза, способствующий проявлению студентом индивидуальной жизнеспособности или затрудняющий ее. В ходе эмпирических исследований нами были выделены основные факторы риска для студентов в период обучения в вузе: проблемы с преподавателями; академические трудности; проблемы, связанные с организацией учебного процесса. Основные факторы защиты, помогающие справляться с трудностями в процессе учебы, таковы: собственная мотивация к учебе, вера в себя и свои силы, поддержка семьи, помощь преподавателей. Факторы риска для студента содержатся на всех уровнях экологической системы: это индивидуальные проблемы (трудности в освоении учебной программы, собственная неорганизованность и др.), проблемы близкого окружения (сложные взаимоотношения с друзьями, одногруппниками, преподавателями и др.), проблемы с вхождением в профессиональную среду, с приобретением практических навыков будущей профессии, сокращение часов в учебных планах, а также проблемы более глобального порядка (например, пандемия), прямо или опосредованно влияющие на жизнь студента. Для совладания с ними студенты используют факторы защиты (ресурсы), которые находятся в их непосредственном окружении (семья, друзья, одногруппники и отзывчивые преподаватели). Возможности вуза, которые могли бы являться ресурсными для студента (организация профильной практики, техническое оснащение учебных аудиторий, формирование удобного расписания), используются не в полной мере или остаются незадействованными.

Структурные особенности мотивации труда в эпоху среднего возраста

М. В. Прохорова (ННГУ, Нижний Новгород)

Цель исследования – выявить и описать структурные особенности мотивации труда в эпоху среднего возраста. Методологией исследования послужила системная периодизация развития Б. Н. Рыжова, разделяющего жизненный путь человека на эры и эпохи с учетом актуальной мотивации личности. С эпохи среднего возраста, основной смысл которой состоит в сохранении порядка, продолжающейся с 49 до 60 лет, начинается эра сохранения. Перед проведением исследования выдвинута гипотеза о детерминирующем влиянии мотивации личности на трудовую мотивацию.

Сбор данных проводился с помощью авторского ситуационного интервью «Мотивация трудовой деятельности работника на разных этапах организационного развития» (СИМ), основанного на проективном подходе. Интервью позволяет оценивать готовность респондента работать на четырех этапах бизнеса, а также с помощью контент-анализа выявлять структуры положительных и отрицательных мотивов труда. Для количественной обработки данных использовались методы описательной статистики и таблицы сопряженности.

В исследовании приняли участие 160 респондентов в возрасте 49–60 лет, мужчин и женщин равное количество.

Респонденты эпохи среднего возраста предпочитают работать в интенсивно развивающихся (95%) или стабильных (93,75%) организациях, положение которых на рынке отличается устойчивостью. Выбор в пользу этих двух типов организаций достоверно значительно различается с готовностью работать как в регрессирующих компаниях (49,38%), так и в стартапах (45,00%).

Семнадцать положительных мотивов труда, выявляемых с помощью ситуационного интервью, разделяются на шесть уровней, достоверно различающихся между собой по силе выраженности мотивов. Первый уровень представляет один трудовой мотив, который отражает суть мотивации личности работника в эпоху среднего возраста – сохранение того, что было достигнуто ранее (Б. Н. Рыжов). Достоверно значимо этот мотив, побуждаемый потребностью в безопасности (А. Маслоу), отличается от следующего на втором уровне мотива высоко-

кой заработной платы, занимающего такое же место и в общей популяции (М. В. Прохорова, В. С. Кравченко, А. Е. Баранкина, О. С. Шамина). Сложным по своему смыслу является третий уровень в структуре положительной мотивации, побуждаемой целым комплексом потребностей: в самореализации, признании и уважении, общении. Наряду с высокозначимыми в генеральной совокупности мотивами (интересная работа, перспективы, карьерный рост), на третьем уровне представлен чувствительный к возрастным изменениям мотив помощи организации, смысл которого состоит в сохранении своих достижений и успехов, привычного и устоявшегося в трудовой деятельности посредством удержания на плаву компании работодателя. Самым многочисленным по своему составу становится четвертый уровень в структуре положительной мотивации. Сюда попадают большинство внутренних по своей направленности мотивов труда, побуждаемых потребностями в признании и уважении, самореализации: новизна, профессиональный рост, самореализация, принятие решений. На четвертом уровне также находятся социальные мотивы: хороший коллектив, принадлежность к рабочей группе. К ним добавляется побуждаемый базовыми потребностями мотив хороших условий работы. Пятый уровень образуют три мотива, в основе которых лежат потребности роста: истоки, важная работа, достижения. Наконец, на шестом уровне находится слабо выраженный мотив престижа организации.

Структура отрицательных мотивов труда проще структуры положительной мотивации. Одиннадцать отрицательных мотивов труда, по причине которых может происходить отказ от работы, образуют всего три уровня. На первом уровне находится ключевой отрицательный мотив нестабильной и ненадежной работы, доля которого в структуре отрицательной мотивации превышает половину. Следующим по значимости отрицательным мотивом, отрывающим второй уровень, является боязнь увольнения. Доля двух наиболее важных отрицательных мотивов, побуждаемых потребностью в безопасности, стремится к 70%. На втором иерархическом уровне также представлен мотив низкой заработной платы, который в структуре отрицательной мотивации разновозрастной выборки лидирует. На третьем уровне находятся все остальные мотивы, влияние которых незначительно: нездоровая психологическая атмосфера, отсутствие карьерного роста, отсутствие перспектив, работа как таковая, неинтересная работа, плохие условия работы, отсутствие новизны.

Итак, особенности мотивации труда в эпоху среднего возраста проявляются в стремлении работников закрепиться на ранее достигнутых высотах, сохранить привычную профессиональную среду, избежать рисков. Это находит отражение в выборе работодателей, имеющих устойчивое положение на рынке труда, а также в структурах положительной и отрицательной мотивации, где лидируют побуждаемые потребностями в безопасности мотивы.

Профессиональные предпочтения поколений У и Z*

М. В. Прохорова (ННГУ, Нижний Новгород),

А. В. Савичева (ННГУ, Нижний Новгород)

Доля представителей поколения Z (2003–2023 г. р.) в возрасте от 14 до 19 лет составляет 23% от совокупного числа российской молодежи (Росстат). В настоящее время они уже выходят на рынок труда, увеличивая число работающих на нем поколений, в числе которых «беби-бумеры» (1943–1963 г. р.), поколение X (1964–1984 г. р.), поколение Y (1985–2002 г. р.) (У. Штраусс, Н. Хоув). Каждое поколение объединено общими ценностями, сформировавшимися под влиянием экономических, социальных факторов и событий из внешнего мира (технологических, общественных, политических). Это уникальное сочетание рабочей силы отражается не только в различном поведении, трудовых ценностях и мотивации поколений, но и на распределении занятых по видам экономической деятельности, а также на внутренних бизнес-процессах в организациях. Установлены особенности смыслообразующей мотивации и ориентации труда беби-бумеров, поколений X и Y (А. Е. Баранкина, М. В. Прохорова, О. С. Шамина). Результирующая ориентация трудовой деятельности наиболее выражена у работников поколения Y. Трудовые ориентации поколения Z недостаточно изучены. В связи с этим актуально исследовать профессиональные предпочтения поколения Z, а также их сходства или различий с предыдущим поколением, что нашло отражение в цели данной работы – выявить профессиональные предпочтения и готовность к построению научной карьеры поколений Y и Z.

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Министерства науки и высшего образования РФ «Приоритет 2030».

В первую выборку, представляющую поколение Y, вошли 218 респондентов, родившихся в 1996–2002 гг., среди которых 118 девушек и 100 юношей, являющихся студентами Университета Лобачевского. Вторую выборку, включающую 204 респондента поколения Z, составили учащиеся средних школ Нижегородской области, родившиеся после 2004 г. В их числе 100 девочек и 104 мальчика. В третью выборку вошли 42 представителя поколения Z (2004 г. р.) и 92 представителя поколения Y (2000 г. р.), обучающиеся в бакалавриате пяти российских вузов. Выявление профессиональных предпочтений проводилось с помощью разработанного Е. А. Климовым дифференциально-диагностического опросника (ДДО), который предъявлялся первой и второй выборкам. Третья выборка отвечала на вопрос о готовности к построению научной карьеры, который оценивался по трехбалльной шкале: два балла присваивались респондентам, которые планируют посвятить свою жизнь науке; один балл присваивался, если молодые люди рассматривали профессиональный путь в области науки как один из этапов карьерного пути; ноль баллов получали респонденты, не планирующие заниматься научной деятельностью. Для количественной обработки данных использовались методы описательной статистики, t-критерий Стьюдента, таблицы сопряженности 2×2 с критерием χ^2 Пирсона.

Профессиональные предпочтения представителей поколения Z были распределены по четырем достоверно различающимся уровням. На первом уровне находятся профессии типа «человек–художественный образ» (4,8). Далее следуют выборы в пользу социально-гуманитарного направления «человек–человек» (4,5). Третий уровень занимают профессии сразу трех типов, получившие наименьшее количество выборов: «человек–знаковая система» (3,7), «человек–техника» (3,5), «человек–природа» (3,4). Большинство молодых людей, относящихся к поколению Z, не готовы заниматься профессионально научной деятельностью (69,1%), некоторые респонденты рассматривают работу в научной сфере как один из этапов своей карьеры (19,1%) или готовы посвятить ей всю свою жизнь (11,9%). Профессиональные предпочтения поколения Z в целом схожи с выборами поколения Y, которые распределены на четырех иерархических уровнях. Если ранги первых четырех типов сохраняются, то доля профессиональных предпочтений типа «человек–природа» значительно уменьшается. Поколение Y в меньшей степени ориентировано на профессии этого типа, делая чаще выборы в пользу техники или знаковой системы. Следует отметить бла-

гоприятную тенденцию, состоящую в том, что студенческая выборка поколения Y (4,4%) уступает своим молодым коллегам по готовности посвятить свою жизнь науке.

Анализ профессиональных предпочтений поколений Y и Z позволяет спрогнозировать ситуацию в профессиональном образовании и на рынке труда. Профессиональные профили двух поколений имеют много общего, что проявляется прежде всего в популярности выборов в пользу типов «человек–художественный образ» и «человек–человек». Поколение Z отличает умеренное возрастание выборов профессий типа «человек–природа», а также повышение готовности к построению научной карьеры. Текущие выборы, с одной стороны, отражают тенденции роста творческих видов деятельности по мере передачи рутинных функций в машинное управление (см. Атлас новых профессий), а с другой – вызывают беспокойство по поводу дефицита кадров в стратегически важных для импортозамещения отраслях экономики и обозначают необходимость профессиональной пропаганды.

Организационно-фрактальная концепция психологической жизнедеятельности человека*

В. Б. Рябов (ИП РАН, Москва)

Попытки разработки целостной модели жизнедеятельности человека в настоящее время связаны, во-первых, с естественным развитием психологической науки и, во-вторых, с социальным запросом со стороны разработчиков искусственного интеллекта (Ушаков, 2022). Как правило, разрабатываемые авторами модели, рассматривающие жизнедеятельность человека в целом, ориентируются на какой-то один (хотя и важный) аспект или феномен жизнедеятельности и не содержат способа включения в себя других психологических феноменов и механизмов. Кроме того, они, как правило, не учитывают такую важнейшую особенность жизнедеятельности, как ее нелинейный характер. Разрабатываемые мною организационно-фрактальная концепция и модель жизнедеятельности человека учитывают

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0010.

эти требования и особенности жизнедеятельности человека. Помимо этого, они включают модель сознания в число основных компонент модели жизнедеятельности человека, что важно для разработчиков систем искусственного интеллекта.

В основе концепции лежат понятия «организации» и «фрактала». Теорию фракталов, разработанную Бенуа Мандельбротом, активно применяют в физике, биологии, экономике и других естественных и социальных науках. К сожалению, психология до настоящего времени выпадает из этого списка.

Модель жизнедеятельности имеет рекурсивную структуру. Человек видит свою жизнь как мозаику маленьких самостоятельных в смысловом отношении жизней, обладающих фрактальными свойствами, — в частности, свойством самоподобия. В свою очередь, сами «маленькие жизни» могут включать в себя еще более маленькие жизни, и т. д. Примечательно, что межфрактальные переходы позволяют придавать моделям жизнедеятельности и поведения человека свойство нелинейности.

Ключевое слово «организационный» в названии концепции связано с сущностным свойством человека как живого существа — необходимостью, стремлением и способностью управлять объектами внешнего мира для удовлетворения собственных жизненных потребностей. Там, где есть управление, функцию управления всегда выполняет соответствующая организационная система. Поэтому человек, который управляет своей жизнедеятельностью, соответствующим образом организует окружающую действительность и создает так называемые субъективные организационные системы, обеспечивающие достижение целей.

Основой формализованной модели психологической жизнедеятельности человека выступает структурный элемент, представляющий собой модель «маленькой жизни», который я назвал «фрактальная жизнь». Каждая фрактальная жизнь — это «субъективная организационная система», специально сформированная человеком как живым организмом для выполнения предназначения и выполнения жизненных функций. Критерием оценки своей жизнедеятельности выступает оцениваемое качество собственной жизни, рассмотрение которого в концепции принципиально отличается от используемого в настоящее время психологами понятия «субъективное качество жизни». В настоящее время предложена модель фрактальной жизни, которая успешно апробирована в сфере трудовой жизни человека.

Одновременно ведется разработка модели целостной структурной организации жизнедеятельности человека. При этом ориентация всей разработки осуществляется в направлении анализа возможностей создания полноценного искусственного интеллекта.

Построение модели жизнедеятельности человека на основе организационно-фрактального подхода позволяет осуществлять последующую интеграцию психологических знаний, а также давать новые интерпретации некоторым существующим психологическим феноменам и понятиям, используя модель жизнедеятельности как интегрирующую основу для этой цели.

Компетентностный и ПВК-подход: задачи, возможности, ограничения, перспективы*

*В. А. Толочек (ИП РАН, Москва),
А. С. Машкова (ИП РАН, Москва)*

В подходах к решению комплекса задач управления человеческими ресурсами (подбора, отбора, оценки, аттестации, обучения, перемещения и пр.) с середины 1970-х в зарубежной психологии, а с 1990-х и в отечественной регулярно используется компетентностный подход (К-подход). Широкое и часто некритичное его применение, простое замещение рабочих понятий (профессионально важных качеств на компетенции; профессиограмму и психограмму на модели и профили и т. п.) едва ли оправдано и едва ли безусловно необходимо.

Целью исследования стало сопоставление особенностей двух вариантов решения научных и практических задач – изучения профессионально важных качеств (ПВК-подхода) и компетентностного подхода (К-подхода). Мы предположили, что «ПВК-подход» и «К-подход» как разные научные концепции отражают разные научные парадигмы, имеют свои границы возможностей и ограничений.

Становление ПВК-подхода проходило в первой четверти XX столетия. В описания профессий (понимаемых как целостные и устойчивые образования) были введены понятия «психограмма» (В. Штерн), «профессионально важные качества» (О. Липман) и др. Профессио-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00250.

графический подход активно разрабатывался в русле психотехники, зарубежными и отечественными учеными — С. Г. Геллерштейном, И. Н. Шпильрейном и др.

С середины 1970-х годов в зарубежной психологии утверждается понятие «компетенции», презентующее ментальные, поведенческие, профессиональные особенности людей, влияющие на эффективность их работы и ее экологические параметры (затраты времени, сырья и пр.). Если в ПВК-подходе базовой единицей и контекстом изучения субъекта выступала «профессия», то в К-подходе — работа на конкретном месте, решение работником конкретных специфических задач (его «заточенность» на задачи). Соответственно, основными вопросами выступали мера общей и специальной подготовки человека, адекватность уровня развития его отдельных качеств (их оптимальный интервал), их соответствия групповым нормам и субкультуры организации (R. E. Boyatzis, D. C. McClelland).

Другими словами, некоторая неудовлетворенность ученых и практиков возможностями ПВК-подхода через полвека привела к уменьшению «единиц анализа» (описание профессий заменили описанием работы на конкретном рабочем месте) и большей детализации анализа процессов и результатов работы человека. Но такая детализация не снимает задачи более общего плана и масштаба (выбора профессии, обучения и подготовки, построения профессиональной карьеры и др.).

На протяжении XX столетия изменялись социально значимые характеристики оценки людей и их деятельности, изменялись и развивались методы и методология науки. Сопоставляя особенности двух вариантов решения научных и практических задач — ПВК-подхода и К-подхода, можно констатировать: ПВК-подход как парадигму отличают широкие обобщения и масштабные «единицы анализа», множество прямо и латентно постулируемых положений (сохранности уровня развития ПВК на протяжении профессиональной жизни субъекта и др.); К-подход характеризуют прагматизм целей и задач, эмпиризм в оценке качеств субъекта, экстенсивный подход к изучению компетенций, ограниченность шкал оценок и «горизонта видения» вопросов развития человека как субъекта и как личности. Можно ожидать, что при должной методологической рефлексии возможности и ограничения двух альтернативных подходов получат адекватную оценку и будут обозначены области их согласованного применения.

Сформированность у спортсменов волевых качеств личности

*Е. А. Романюк (Футбольный клуб «Рух», Брест),
Д. Э. Синюк (БрГУ им. А. С. Пушкина, Брест)*

Спорт предъявляет серьезные требования к личности людей, которые им занимаются. Для успешного овладения спортивной деятельностью и ее осуществления профессиональным спортсменам необходимо развивать у себя волевые качества. В настоящем исследовании мы использовали опросник «Самооценка волевых качеств спортсменов» Н. Е. Стамбуловой. Выборку исследования составили 80 профессиональных спортсменов в возрасте от 17 до 21 года.

Низкий уровень целеустремленности был выявлен лишь у незначительного числа респондентов (3,75%). Данных спортсменов пугают неудачи, во время тренировки им надоедает работать в соответствии с планом, после неудавшегося выступления на соревновании они не могут заставить себя тренироваться в полную силу. Более чем половина обследованных спортсменов (52,5%) характеризуются средним уровнем целеустремленности. Они склонны усердно тренироваться даже после неудачи, стараются доводить дело до конца. У 43,75% респондентов обнаружен высокий уровень целеустремленности. Данные спортсмены после неудачи тренируются с удвоенной энергией; неуклонно стремятся к достижению цели; планируя работу, заранее намечают конкретные задачи.

Низкий уровень смелости и решительности характерен для десятой части опрошенных. Для них осознание, что соперник сильнее, является серьезным препятствием; они, как правило, избегают рискованных ситуаций. Средний уровень смелости и решительности был выявлен у большей части респондентов (67,5%). Данные спортсмены характеризуются тем, что, принимая решение, обычно реально оценивают свои возможности; придерживаются распорядка дня, который установили для себя. Высокий уровень смелости и решительности обнаружен у 22,5% спортсменов. Они не испытывают страха перед сильным соперником; им легко удается справиться со своими сомнениями; как правило, возможность рискнуть доставляет им радость.

Низкий уровень настойчивости и упорства был выявлен у небольшого числа респондентов (6,25%). Они, как правило, не в состоянии

принудить себя тренироваться на фоне усталости; неудача в ходе соревнований резко снижает их активность и желание продолжать борьбу. Более чем для половины опрошенных (56,25%) характерен средний уровень настойчивости и упорства: они обычно до конца отстаивают свое мнение, если уверены, что правы; для них характерны планомерность и систематичность в работе. Высокий уровень настойчивости и упорства был выявлен у 37,5% респондентов. Эти спортсмены умеют мобилизовать свои возможности для длительной борьбы с трудностями и преодоления препятствий; испытывают особое удовлетворение, если успех достался с большим трудом.

Для 15% респондентов характерен низкий уровень инициативности и самостоятельности. Данных спортсменов обычно не привлекает процесс творчества; отсутствие тренера на соревновании, как правило, снижает их результаты. Средний уровень инициативности и самостоятельности был выявлен у большинства опрошенных (80%). Лишь у незначительной части респондентов (5%) обнаружен высокий уровень инициативности и самостоятельности. Они умеют не поддаваться влияниям различных факторов, которые могут отвлечь от достижения цели; результаты их выступлений в соревнованиях практически не зависят от того, присутствует ли на них тренер; практически в любую работу они стремятся внести что-то новое.

У 11,25% респондентов был выявлен низкий уровень самообладания и выдержки. Данные спортсмены не могут нормально тренироваться, если их что-то тревожит; долгое ожидание очень мучительно для них; в сложной ситуации обычно теряются, не могут быстро принять нужное решение. Средний уровень самообладания и выдержки характерен для большей части опрошенных (67,5%). Волнение, как правило, не сказывается на целесообразности их действий и поведения; в сложной ситуации они владеют собой и могут принять нужное решение; умеют затормозить действия, чувства и мысли, мешающие осуществлению принятого решения. Более чем у пятой части опрошенных (21,25%) был обнаружен высокий уровень самообладания и выдержки. Данные спортсмены могут заставить себя действовать, преодолевая боль, если это крайне необходимо; в течение всего соревнования они четко контролируют свои мысли, чувства, действия, поведение.

Итак, для большей части обследованных спортсменов характерен средний уровень смелости и решительности, а также самообладания и выдержки. У большинства опрошенных выявлен средний уровень

инициативности и самостоятельности. При этом такие волевые качества, как целеустремленность, смелость и решительность, настойчивость и упорство, а также самообладание и выдержка чаще сформированы у остальных спортсменов на высоком уровне, нежели на низком. А инициативность и самостоятельность, наоборот, у оставшихся респондентов чаще сформирована на низком уровне, нежели на высоком.

Горизонты эргономики

Е. А. Трофимов (НИИ ИАТ, Москва)

Эргономика позиционируется на международном уровне как «наука, изучающая взаимодействие человека и других элементов системы, а также сфера деятельности по применению теории, принципов, данных и методов этой науки для обеспечения благополучия человека и оптимизации общей производительности системы» (Международная ассоциация эргономики, 2010). Такое витиеватое определение фактически сужает фронт задач эргономики до проблем организации операторской деятельности. В действительности современный технологический уклад, ориентированный на искусственный интеллект (ИИ), требует пересмотра концепции эргономики.

Операторская деятельность становится только частью этого предмета. Практически во всех сферах жизнедеятельности человеку приходится взаимодействовать (наряду с техническими средствами) с системами ИИ, которые не только самообучаются, но и (предположительно) будут самостоятельно принимать решения. В связи с этим появляется масса совершенно новых факторов, определяющих эффективность такого взаимодействия. Кроме того, Интернет и большое число социальных сетей создают виртуальную среду, в которой человек остается практически беззащитным. В этих условиях зачастую вместо «эффективности» приходится говорить о «выживаемости». Раз существуют информационные войны, то должны существовать и средства индивидуальной защиты. Собственных ресурсов человеческой психики (интеллекта, эмоциональной устойчивости, когнитивной работоспособности) здесь недостаточно. Все это является новыми горизонтами эргономики.

Включение в контур управления элементов ИИ неизбежно приведет к изменению самой постановки задачи по сопряжению деятель-

ности человека-оператора и технической части системы управления. В этих условиях разработанная А. И. Галактионовым «Концепция согласования внешних и внутренних средств деятельности (концептуальных моделей деятельности)» приобретает совершенно новое качество. Действительно, делегирование искусственному интеллекту функций управления вызывает изменения структуры психической деятельности человека-оператора (в части концептуальных моделей его деятельности). Чем дальше индустрия ИИ продвигается по пути создания сильного ИИ, тем востребованнее будут научные результаты эргономических исследований в этой области.

Обращаясь к опыту продолжительной совместной работы с Анатолием Ивановичем Галактионовым по реализации многих значимых проектов (таких как «Система управления мобильной атомной станцией», «Олимпиада 80» и др.), можно утверждать, что разработанная им методология будет эффективна и в новых условиях современного технологического уклада. В проводимых в этом направлении исследованиях, инженерно-психологических экспериментах и проектно-конструкторских работах активное участие принимали многие научные сотрудники ИП РАН и отраслевых НИИ – В. Н. Янушкин, В. Б. Рябов, Е. Ф. Горский, Н. А. Бахарева, И. П. Беляев, Е. А. Трофимов и др.

Существует еще один важный аспект управленческой деятельности, который должен находиться под пристальным вниманием эргономической науки. Речь идет о погружении человека в виртуальный мир, в котором он фактически остается беззащитным от вредоносного контента. Системы Касперского здесь недостаточно – она ориентирована только на программные продукты. Концепция виртуального защитника – наиважнейшая задача всех отраслей психологической науки, в том числе и эргономики. В 2021 г. в научном докладе «Психология и вызовы искусственного интеллекта» академик Д. В. Ушаков ввел понятие «индивидуального цифрового ангела», тем самым поставив конкретную задачу для научного сообщества.

Анализ, проведенный нами в 2021 г. совместно с И. Г. Городецким и Е. Н. Городецкой, позволил выделить ряд наиболее значимых направлений эргономики, которые нашли отражение в программе ее развития. Центральным звеном программы является концептуализация эргономики, создание адекватной системы понятий, составляющих ее предметную область в условиях нового технологического уклада (и на обозримую перспективу).

Этапность личностно-профессионального развития студентов

Е. В. Эгамбердиева (МГОУ, Москва)

Вопрос личностно-профессионального развития студентов является актуальным на сегодняшний день. Вузы заинтересованы в подготовке высококвалифицированных специалистов, что формирует имидж образовательного учреждения на современном рынке образования и труда.

Изучением профессионального развития личности занимались такие отечественные ученые, как Е. А. Климов, Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев и другие. Джордж Келли рассматривал личность как «присущий каждому индивидууму уникальный способ осознания жизненного опыта».

По мнению Р. Кеттела, ядро личностной структуры образуется шестнадцатью исходными чертами: добросердечность, интеллект, эмоциональная устойчивость, напористость, жизнерадостность, добросовестность, смелость, мягкосердечность, подозрительность, мечтательность, пронизательность, ранимость, гибкость, самостоятельность, самоконтроль, фрустрированность.

А. Бандура рассматривал личность в виде сложного паттерна непрерывного взаимовлияния индивидуума, поведения и ситуации.

Личностно-профессиональное развитие, с точки зрения Е. А. Климова, представляет собой «противоречивый, длительный динамический процесс целенаправленного изменения личности, на который оказывают влияние социальные воздействия и собственная активность индивида, направленная на самосовершенствование и самоактуализацию в результате последовательно взаимосвязанных этапов».

В своих работах Б. Г. Ананьев писал, что «ступени общественного воспитания, образования и обучения, составляющие совокупность подготовительных фаз жизненного пути, формирования личности, стали определяющими характеристиками периодов роста и созревания индивида».

Б. Н. Гузанов выделяет следующие этапы личностно-профессионального развития студентов: 1) адаптация в вузе; 2) самоактуализация; 3) становление профессиональных умений; 4) выработка умения анализировать свои возможности, способности, владеть необходимыми видами деятельности, объективно оценивать себя как профессионала.

В свою очередь, структурно-содержательная модель личностно-профессионального развития студентов включает в себя три этапа:

1. Самоорганизация. Данный этап изучает способность личности к планированию своей деятельности, самостоятельность, ответственность. Самоорганизация подразумевает умение личности организовать себя (Л. В. Фалеева).
2. Самоуправление. Данный этап включает в себя прогнозирование, целеполагание, самоконтроль. Под самоуправлением рассматривается «сознательное самовоздействие личности на себя в целях эффективного использования своих способностей и возможностей» (Е. В. Кулеш).
3. Соуправление. На данном этапе рассматривается способность студентов к профессиональному сотрудничеству и профессиональным действиям. Соуправление считается «особой формой организационно-управленческих отношений в образовательных учреждениях: ученическое и школьное соуправление, предполагающее совместное и публичное принятие и выполнение управленческих решений всеми участниками образовательного процесса (учащимися, педагогами, родителями), что помогает организовать свободное пространство саморазвития каждого в сотрудничестве на основе демократических норм соуправления детей и взрослых и активного участия каждого в соуправлении» (Н. Б. Крылова).

Таким образом, анализ работ отечественных ученых позволяет сделать вывод, что личностно-профессиональное развитие студентов является важной составляющей образовательного процесса в современных вузах. Для качественной подготовки будущих специалистов необходимо сформировать у студентов личностные и профессиональные качества, необходимые им в будущей профессиональной деятельности.

**Взаимодействие фундаментальных
и практико-ориентированных
исследований в психофизиологии
и нейронауках**

Предисловие к разделу

Ю. И. Александров

В последнее время все большее влияние на развитие подходов в фундаментальных и практико-ориентированных исследованиях, а также на взаимодействие этих групп исследований, оказывают данные и представления, получаемые в психофизиологии и нейронауке (в частности, когнитивной нейронауке). От того, насколько профессионально, методологически обоснованно (а не на основе «нейромифов» и «нейроспекуляций») используются эти данные и представления в психологии, социологии, экономике, политологии, медицине, образовании, технике, юриспруденции, организации труда, искусстве, лингвистике, философии и многих других областях науки и практики, зависит эффективность использования научного знания в жизни человека, а также развитие самой фундаментальной науки и ее авторитет в обществе.

Понятно, что подобные пути развития тесно, даже неразрывно, связаны с междисциплинарностью в науке. Представление о перспективности именно междисциплинарного пути познания было четко сформулировано еще в XVII в. Р. Декартом. В самое последнее время произошло «официальное признание» существования уже вполне сформировавшихся междисциплинарных исследовательских полей и специальностей как фундаментального, так и прикладного свойства; создан специальный экспертный совет ВАК по междисциплинарным исследованиям.

На пути продвижения в направлении развития междисциплинарных исследований в фундаментальной науке и применения результатов этих исследований в практической деятельности возникают следующие вопросы: на какой методологии должен основываться междисциплинарный синтез, переход между разными уровнями ис-

следования? Каким наиболее эффективным образом могут быть применены результаты фундаментальных исследований в практической деятельности?

Что касается первого вопроса, ответ на него состоит в значительной мере в сопоставлении редукционистского и холистического подходов: формулируя его, авторы приводят аргументы как в пользу первого, так и, гораздо чаще, в пользу второго. Спектр позиций достаточно широк: от апологии редукционизма до рассмотрения его в качестве серьезной опасности на пути междисциплинарного синтеза. Упомянутые сопоставления проводились давно и продолжают до последнего времени, но именно сейчас, в связи со все более широким распространением «междисциплинарных практик», результаты подобных дискуссий особенно важны.

Что же касается ответа на второй вопрос, есть достаточные основания считать, что достижения фундаментальной науки должны внедряться в практику не путем прямого переноса, не путем использования выводов, сделанных на основе данных фундаментальной науки, непосредственно для практического приложения, каким бы очевидным и привлекательным такой путь иногда ни казался. Понимание и интерпретация данных фундаментальной науки, как правило, многовариантны. Из одного и того же эмпирического явления могут «прористекать» разные факты, если парадигмы, а потому словари и интерпретации авторов различаются. Наиболее эффективным путем построения перехода от фундаментального знания к практике могут быть результаты специальных практико-ориентированных исследований, проводимых в экологически валидных условиях, в которых проверяются практически значимые предположения, сформулированные на основе данных фундаментальной науки. Подобные исследования преодолевают опасность причинения вреда в результате «упрощенного» толкования результатов фундаментальных исследований, подразумевающего прямой переход от них к определенным «практическим действиям». Специальные, связанные с фундаментальной наукой, исходящие из нее исследования практико-ориентированного типа могут рассматриваться как наиболее эффективный мост между практикой и академической наукой. Проведение этих исследований не только позволяет получить важные для практики результаты, но и модифицирует компоненты того фундаментального знания, которое составляет основу реализации указанных исследований. Таким образом происходит взаимообогащение: использование междис-

циплинарных фундаментальных исследований, очевидно, не только позволяет достигать тактические «прикладные цели», но и приближает фундаментальную науку к статусу действенно-преобразующего знания (по Я. А. Пономареву), эффективно способствуя достижению и стратегических целей. Достижение этих целей не только предопределяет решение локальных, практико-ориентированных задач – оно позволяет развернуть широкий фронт новых как фундаментальных, так и практико-ориентированных исследований.

Обучение с чередованием заданий и «цена переключения» при их воспроизведении*

*Ю. И. Александров (ИП РАН, Москва), А. В. Бахчина (ИП РАН, Москва;
ННГУ, Нижний Новгород), А. А. Созинов (ИП РАН, Москва)*

Способ предъявления материала при обучении влияет на характеристики дальнейшего использования индивидом этого материала (Л. С. Выготский, В. Я. Ляудис). Обучение с чередованием заданий может давать преимущество в результативности отсроченного воспроизведения двигательных упражнений (см., например: D. A. Simon et al.), хотя показатели усвоения оказываются выше при блочном обучении. Преимущество обучения с чередованием многократно показано для заданий по иностранному языку, математике, астрономии, рисованию, а также для заданий на исправление ошибок и усвоение категорий (L. M. Van Peppen et al.). В то же время прикладные исследования распределенного/массированного обучения, блочного обучения и обучения с чередованием заданий не выявили универсального правила эффективности (D. Rohrer, K. Taylor, L. K. Son, D. A. Simon).

Согласно данным, полученным в нашей лаборатории при анализе активности нейронов, структура формируемого опыта различается при разной истории обучения (А. Г. Горкин, Д. Г. Шевченко, Yu. I. Alexandrov, E. A. Kuzina): обучение с чередованием заданий характеризуется бóльшим различием наборов нейронов, обеспечивающих выполнение новых актов поведения, по сравнению с блочным способом обучения (А. А. Sozinov et al.). Ранее мы предположили, что обучение с чередованием заданий и блочное обучение различают-

* Исследование выполнено по договору Института психологии РАН и Фонда новых форм развития образования № РУОМ1019 от 28.10.2019.

ся по эффективности за счет формирования индивидуального опыта разной структуры: при выполнении заданий, усвоенных с чередованием, актуализируется более дифференцированный опыт (А. А. Созинов, Ю. И. Александров).

Полученные результаты показали, что обучение с чередованием сопровождалось большей точностью отсроченного воспроизведения материала. Если эти различия обусловлены характеристиками структуры опыта, то различия показателей воспроизведения материала, усвоенного с чередованием и без него, могут быть выявлены при дальнейшем использовании и реорганизации этого опыта. В настоящей работе мы оценивали указанные различия с помощью показателя «цены переключения» (см. ниже) на той же выборке участников в специальной серии исследования.

В качестве материала, который можно разделить на элементы содержания и предъявить их разными способами, был выбран раздел программы по русскому языку в 8 классе «Словосочетание». Исследование проводили в двух образовательных организациях г. Кирова. В исследовании приняли участие 129 учеников. С использованием PsychoPy была разработана компьютерная методика для предъявления однотипных примеров каждого элемента содержания. После предъявления словосочетания участнику необходимо было нажать клавиши на клавиатуре ответить, каков вид этого словосочетания (именное, глагольное или наречное, если в данной пробе использовался элемент содержания «Виды словосочетаний») или каков тип связи в этом словосочетании (управление, согласование или примыкание, если в данной пробе использовался элемент содержания «Тип связи») (далее – ТС и ВС, соответственно). Элементы содержания предъявлялись по 2–3 примера. Показатель «цена переключения» был получен путем вычитания медианы времени ответа после повторения задания из медианы времени ответа после смены задания.

Участники двух групп имели сходные показатели точности и скорости выполнения проб (критерий Манна–Уитни, $p > 0,2$). Время ответа в пробах после смены элемента содержания было выше, чем время после повторения в обеих группах участников (критерий Вилкоксона, $p < 0,0005$). Следовательно, на групповом уровне в обеих группах участников имел место эффект «цены переключения».

Следует отметить, что выполнение примеров на ТС оказалось труднее, чем примеров на ВС (в обеих группах доля верных ответов в примерах на ТС была ниже, а медиана времени ответа – выше,

чем в примерах на ВС, критерий Вилкоксона, $p < 0,01$). При выполнении ВС различий в «цене переключения» между группами не выявлено (критерий Манна–Уитни, $U = 1602,5$, $p = 0,283$), в то время как при выполнении ТС этот показатель оказался выше в группе с чередованием, чем в группе с блочным обучением ($U = 1375,0$, $p = 0,035$). Следовательно, в группе участников с чередованием элементов содержания при обучении потеря времени при переходе к выполнению более трудного элемента содержания выше, чем в группе участников с блочным обучением (при этом время ответа и доля верных ответов ни в пробах после смены, ни после повторения между группами не различается).

Мы предполагаем, что выявленные различия являются проявлением особенностей структуры опыта, сформированного при обучении с чередованием и в блочном обучении, и следствием реорганизации опыта.

Мозговое обеспечение и его динамика при приобретении нового навыка различения коротких интервалов времени*

*В. В. Апанович (ИП РАН, Москва), Э. А. Арамян (ИП РАН, Москва),
Д. Л. Гладиллин (ИП РАН, Москва), К. С. Юдаков (ИП РАН, Москва)*

Предметом представленного исследования являлся процесс научения, который рассматривался нами с позиций системно-эволюционного подхода (СЭП). В СЭП структура индивидуального опыта отражает историю его формирования (Ю. И. Александров и др.). В настоящем исследовании процесс научения рассматривался в континууме и проводилось сопоставление динамик амплитуд характеристик связанных с событиями потенциалов (ССП) с результативностью решения задачи.

В исследовании приняли участие 28 человек, не имевших опыта решения используемой нами задачи. На основе анализа результатов прохождения эксперимента были сформированы четыре группы участников исследования: 1) не решавшие задачу исходно и научившиеся ее решать в ходе исследования; 2) не решавшие задачу и не научившиеся; 3) решавшие задачу статистически неслучайно на начальном этапе исследования и не улучшившие этот навык; 4) решавшие задачу статистически неслучайно на начальном этапе исследования и улуч-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-18-00435.

шившие навык. В данном исследовании рассматриваются результаты, полученные при анализе показателей первой группы участников (научившиеся) как наиболее гомогенной, $N = 10$. Предполагается, что данные индивиды приобрели навык в контролируемых условиях, что может говорить о минимизации вклада прочих побочных переменных.

В ходе исследования его участники решали задачу по методу «Данет» (А. Н. Гусев). Вначале предъявлялся белый квадрат размерами 3×3 см, экспонировавшийся 400 мс. После паузы предъявлялся второй квадрат, который мог экспонироваться либо 400 мс (пустая проба), либо 466/492 мс (сигнальная проба). Участнику исследования нужно было оценить, предъявлялся ли второй квадрат столько же по времени или дольше первого, и дать ответ нажатием соответствующей клавиши (обоснование выбранных параметров предъявления см. в работе В. В. Апанович с соавт.). Всего предъявлялось 500 проб, разбитых на 10 серий. Между сериями участникам исследования давался минутный интервал для отдыха.

Было показано, что оценка результативности (d') после прохождения порога научения может увеличиваться и уменьшаться, что, видимо, говорит о количественной природе навыка, а не о дискретном разделении «решает—не решает».

Нами выделялись компоненты ССП, связанные с разными этапами предъявления оцениваемого сигнала. Начало предъявления оцениваемого сигнала сопровождалось позитивным колебанием, которое мы связываем с началом акта оценки сигнала. В середине интервала предъявления оцениваемого сигнала (180—230 мс) наблюдались следующие подряд негативное и позитивное высокоамплитудные колебания, по своей форме сходные с потенциалом универсальной конфигурации (И. О. Александров, Н. Е. Максимова). Используя имеющуюся в СЭП интерпретацию, можно говорить о выделении двух субэтапов процесса оценки сигнала: его первой и второй половины. Конец предъявления оцениваемого сигнала сопровождался негативным колебанием.

Было показано, что амплитуды компонентов, связанных с началом и концом предъявления, негативно коррелируют с результативностью: при более высокой их выраженности наблюдались низкие показатели d' . Раскрывая детальнее, можно отметить, что компонент, связанный с началом предъявления оцениваемого сигнала, в первых пробах имел положительную корреляцию с результативностью при том, что результативность оставалась на низком уровне (маркировалось как не отличавшееся от случайного решение задачи). Точка научения

преодолевалась после появления обратной связи между амплитудой позитивного компонента, связанного с началом предъявления, и результативностью, в среднем через 56 проб после установления обратной связи ($T = 1$, $p = 0,046$).

Компоненты, связанные с серединой интервала предъявления, имеют положительную взаимосвязь с результативностью. Также надо отметить, что рост амплитуды позитивного компонента «середины интервала» и результативности обладает некоторой гетерохронией. Амплитуда перестает расти в среднем за 19 точек анализа до прекращения роста результативности ($T = 39,5$, $p = 0,025$), после чего наблюдается плато амплитуды или ее падение.

Интерпретируя эти данные, можно говорить о том, что при внешне наблюдаемом однотипном поведении с помощью анализа компонентов ССП возможно выделение субъективных субэтапов. В качестве гипотезы для будущих исследований можно выдвинуть утверждение о том, что поведенческий акт оценки сигнала разбивается на две части (первую и вторую половину). При этом высокая выраженность этого субъективного разделения сигнала сопровождается увеличением результативности и может рассматриваться в качестве предиктора научения различению коротких интервалов времени. Компоненты, связанные с моментом начала и конца предъявления оцениваемого сигнала, напротив, являются субъективно менее значимыми: актуализация большего количества систем опыта (В. В. Гаврилов) в эти моменты времени не позволяет успешно справляться с задачей.

Мы предполагаем, что продолжение этой линии исследований может способствовать выявлению закономерностей, которые могут быть применены на практике в сфере обучения, позволяя более дифференцированно раскрывать процесс приобретения и реализации навыка.

Использование показателей тремора в фундаментальных и практико-ориентированных психофизиологических исследованиях

А. В. Белинский (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

В современной психофизиологии важно сочетать теоретические и практические методы исследования, поскольку это позволяет сохранять проверяемость теорий и постоянно изучать новейшие области. При из-

учении тремора и его характеристик это сочетание имеет особое значение, поскольку тремор как показатель тех или иных психологических состояний изучен мало из-за комплексности этого явления и множества факторов, формирующих тремор в каждый момент времени.

Тремор имеет сложную структуру, он разделяется на центральный с частотой 8–12 Гц (R. J. Elble, T. Novak, K. M. Newell) и механически обусловленный с частотами ниже 7 Гц (C. V. Yap, B. Boshes, A. Nagamori). Также тремор бывает и с другими частотами, которые имеют различную природу. Более того, изучение даже центрального тремора усложняется тем фактом, что он может меняться под воздействием значительного числа факторов, в том числе произвольно (B. Carignan et al.), при наличии обратной связи (J. Keogh et al.), при стрессе (A. Y. Aleksandrov). Тремор также различается по характеру в зависимости от условий его активации – существует тремор покоя, поструральный, изометрический и кинетический виды тремора, в которых также выделяют различные подвиды (K. P. Bhatia et al.).

Все эти факторы одновременно влияют на характер тремора, и все их необходимо учитывать при проведении экспериментальных исследований, что было бы невозможно без соответствующей теоретической базы, основанной на фундаментальных исследованиях.

В то же время без исследований, ориентированных на практический результат, невозможно глубокое понимание частных процессов, стоящих за психофизиологическими феноменами, поскольку именно практика позволяет проверить полученные в фундаментальных исследованиях данные.

Например, проводится анализ спектрально-частотных характеристик тремора (Е. А. Александрова и др.) у людей с патологическим и физиологическим видами тремора. Ведутся исследования с обратной связью для проверки гипотез о произвольном контроле тремора (J. F. Daneult et al.), о воздействии негативных эмоций (R. L. Blakemore et al.) и тревоги на характер изменения треморограммы (J. R. Carrie).

Также известно значительное количество исследований, направленных на увеличение точности проводимых измерений и создание нового математического аппарата, позволяющего извлечь больше данных из измерений при их статистической и математической обработке. Для более глубокого изучения тремора предлагается использовать акселерометры (R. J. Elble, J. McNames) и тензометрические датчики (Z. Aleksanyan et al.), ЭМГ (И. А. Иванова-Смолен-

ская и др.). Проводятся сравнительные исследования, определяющие область применения, точность и характеристики каждого из этих методов.

Используя наработки исследователей, опирающихся на метод тензотрёморометрии, в настоящей работе предлагается компенсировать часть проблем данного метода путем использования нового вида тензодатчиков — датчиков силы, или силочувствительных резисторов. Такие датчики имеют более высокую чувствительность на определенном уровне силы, что позволяет использовать их в условиях, когда задача подразумевает удержание определенного уровня силы для ее выполнения. Предлагается использовать такие датчики в сочетании с программно-аппаратным комплексом для обработки данных письма, поскольку при письме прикладывается определенное усилие для удержания ручки, что усложняет регистрацию тремора с помощью классических тензодатчиков. В качестве методики обработки может быть использована фильтрация на частотах 8–16 Гц как характерных для физиологического тремора, а затем обработка отдельных участков данных методом «скользящего окна», т. е. обработка участков по очереди со сдвигом на определенное количество миллисекунд. В сочетании с более чувствительными датчиками такой метод позволяет исследовать особенности тремора в ситуациях, в которых ранее это было сопряжено со значительными трудностями технического характера.

Влияние бианодной транскраниальной стимуляции постоянным током на обучение человека бимануальным движениям

*Д. Н. Берлов (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург),
Т. С. Глинин (СПбГУ, Санкт-Петербург), К. Е. Калашникова
(РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург), Е. А. Никитина
(РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; ИФ РАН, Москва)*

Многие виды деятельности требуют скоординированных движений рук, однако механизмы формирования бимануальных моторных программ изучены недостаточно. Специфика формирования бимануальных движений может определяться рядом факторов, включая выраженные транскаллозальные тормозные связи между центрами

управления левой и правой руками и перестройку доминантно-субдоминантных отношений между ними в процессах обучения.

Транскраниальная стимуляция постоянным током (transcranial direct current stimulation, tDCS) позволяет оказывать неинвазивное воздействие микротоками на определенные области коры больших полушарий мозга для получения положительного эффекта в различных видах деятельности человека. Считается, что tDCS-стимуляция создает повышенную возбудимость в области приложения анода, которая может облегчать процессы моторного обучения.

Целью настоящей работы было изучение влияния транскраниальной стимуляции постоянным током на обучение человека определенной бимануальной двигательной задаче. Мы предположили, что эффективным может быть режим стимуляции, связанный с повышением возбудимости в кортикальных центрах, ответственных за контроль движений каждой из рук.

В исследовании приняло участие 40 условно здоровых человек в возрасте от 23 до 35 лет, поровну поделенных на экспериментальную и контрольную группы.

Для проведения исследования была разработана методика бимануального письма, относительно независимая от степени ранее сформированного навыка письма на родном языке. Использовались бланки формата А4, заполненные контурами букв греческого алфавита крупного размера (по 6 букв на строке). Бланки закреплялись на столе при помощи липкой ленты. Задача участников исследования заключалась в том, чтобы как можно быстрее и аккуратнее заполнить в бланке ручками две строки букв греческого алфавита двумя руками одновременно, не выходя за границы напечатанных буквенных эталонов.

Исследование проводилось в течение 3 дней подряд. В экспериментальной группе за 5 минут до начала выполнения задания с помощью нейростимулятора «Brainstorm» (производства ООО «Нейротехнологии», Россия) включалась транскраниальная стимуляция постоянным током (2 мА). Электростимуляция прекращалась через 5 минут после окончания выполнения задания. Таким образом, общее время воздействия составляло от 12 до 15 минут (в зависимости от времени выполнения задания).

Два анодных (стимулирующих) электрода крепились в областях черепа, соответствующих первичной моторной коре левого и правого полушарий; катодный (тормозный) электрод располагался с левой

стороны, в районе перехода трапецевидной мышцы в затылок. Такое расположение катода использовалось для минимизации тормозного эффекта на кору больших полушарий.

Для статистической оценки различий между средними значениями в группах испытуемых был использован критерий Стьюдента. Эффективность обучения бимануальному навыку оценивали по показателям скорости и точности выполнения задания. Эти показатели прогрессивно улучшались в обеих группах, ежедневные изменения достигали статистической значимости между любыми попарными групповыми сочетаниями ($p < 0,05$). Исключением было число ошибок в контрольной группе, достоверно уменьшившееся между первым и третьим днями ($p < 0,05$), но достоверно не различавшееся при сравнении ежедневных изменений.

При этом в экспериментальной группе прогресс происходил значительно быстрее, чем в контрольной. Скорость выполнения задания между первым и третьим днями увеличилась на 25,2% в экспериментальной группе и на 12,9% в контрольной группе. Точность выполнения задания, оцененная по числу заступов за границы контуров, между первым и третьим днями увеличилась на 50% в экспериментальной и на 23,1% в контрольной группах.

В результате, при отсутствии достоверных различий между группами в скорости выполнения задания в первый день ($133,6 \pm 14,46$ и $144,6 \pm 20,36$ с в экспериментальной и контрольной группах, соответственно), такие достоверные различия обнаружились на второй ($119,9 \pm 14,08$ и $137,3 \pm 25,47$ с, $p < 0,05$) и третий ($104,7 \pm 14,77$ и $126 \pm 23,8$ с, $p < 0,01$) дни исследования. Число ошибок в экспериментальной группе на третий день исследования оказалось достоверно ($p < 0,05$) ниже ($6,55 \pm 2,76$), чем в контрольной ($10,2 \pm 5,94$), при отсутствии различий в первые два дня.

Мы предполагаем, что наблюдаемый эффект был достигнут благодаря одновременной анодной стимуляции двух моторных зон коры больших полушарий, приводящей к ускоренным нейрональным перестройкам, связанным с улучшением координации движений рук.

Таким образом, tDCS-стимуляция увеличила эффективность обучения формируемому бимануальному навыку по показателям скорости и точности выполнения задания. Разработанная методика обучения человека определенному бимануальному навыку может быть использована для дальнейших исследований бимануальной координации.

Практико-ориентированное исследование выраженности стрессовой регрессии*

А. И. Булава (ИП РАН, Москва), Ю. И. Александров (ИП РАН, Москва)

Проблемная ситуация, т. е. ситуация, требующая формирования нового опыта и расширения имеющегося репертуара поведения, характеризуется процессом рассогласования имеющегося у индивида опыта с требованиями среды. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о стрессовом характере такого рассогласования. Аспекты этого состояния исследуются в рамках разных научных дисциплин и с использованием специфических теорий и терминов этих дисциплин. Несогласованность понятийного аппарата данных теорий затрудняет возможность комплексного описания стресса как мультифакторного состояния человека, включающего социокультурные, психологические, физиологические и эпигенетические аспекты. Это обуславливает необходимость мультидисциплинарных исследований, основанных на единой теоретической базе.

В ситуациях стресса актуализация высококодифференцированного опыта зачастую снижена, т. е. наблюдается феномен «регрессии» — увеличение вклада в обеспечение поведения сравнительно менее дифференцированных систем. Такая адаптация позволяет быстрее перейти от неэффективного в новой ситуации ранее сформированного поведения к «поисковой активности». С позиций системно-эволюционного подхода, предполагающего и методологически обеспечивающего междисциплинарные исследования, а также на основе результатов фундаментальных исследований в области памяти и научения нами было проведено практико-ориентированное исследование стрессовой регрессии (Ю. И. Александров) в условиях урока. Оценивался эффект стрессовой регрессии у учеников в условиях школьного занятия при формировании нового знания на успешность выполнения проверочных работ, требующих актуализации высококодифференцированного сравнительно недавно сформированного опыта. Психофизиологическими показателями динамики функционального состояния и выраженности стресса являлись показатели вариабельности сердечного ритма (ВСР). Работа была проведена с участием учеников

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0002.

7-х классов ($N=97$) общеобразовательных школ. Были сконструированы специальные уроки, содержащие ключевые образовательные этапы: рассогласование содержания индивидуального опыта с текущими условиями (новизна), приобретение навыков решения задач нового для индивида типа (научение) и решение задач в условиях «экзаменационного» стресса (контроль усвоения ранее приобретенного знания при высокой значимости результата для индивида). Было проведено анкетирование учеников с целью выявления исходного уровня тревожности с помощью адаптированной для российской выборки шкалы СМАС (И. Б. Дерманова). В ходе специальных уроков у детей регистрировали кардиоритм посредством беспроводных электрокардиографов.

Была выявлена выраженная индивидуальная динамика значений показателей ВСП в ходе специальных уроков. У всех участников, у которых была зарегистрирована ритмограмма сердца, обнаружены переходные состояния (изменения значений показателей ВСП с высокой статистической значимостью $p<0,000$) как между этапами специального урока, так и внутри этапов. Была выявлена сильная положительная связь уровня тревожности с выраженностью стресса при выполнении заданий (Спирмен, $R=0,88$, $p=0,02$). В ходе анализа динамики показателей ВСП были также обнаружены значимые изменения адаптационных возможностей в зависимости от того, в какое время проводились проверочные работы. Так, выявлены различия средних значений показателей ВСП у учеников двух параллельных классов, с которыми специальный урок проводился с разницей в два часа, которые указывают на увеличение степени выраженности стресса в течение дня (Манн–Уитни, $Z=-2,21$, $p=0,026$). Анализ результативности выполнения задач выявил значимый эффект стрессовой регрессии, индуцированной новизной, на актуализацию высококодифференцированного опыта: дедифференциация, связанная с формированием нового опыта, затрудняет актуализацию высококодифференцированного опыта, что в данном случае приводит к снижению результативности выполнения заданий, основанных на использовании ранее изученного материала (Вилкоксон, $W=0,94$, $p=0,016$).

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд предварительных выводов и рекомендаций: с целью повышения результативности выполнения проверочных работ с высокой степенью субъективной значимости необходимо учитывать кумулятивный эффект стрессоров и не проводить более одной такой работы в день; в день

проведения проверочной работы с высокой степенью субъективной значимости перед ее началом не следует давать ученикам материал, способный вызвать эффект стрессовой регрессии, связанной с новизной; следует проводить предварительную оценку уровня тревожности учеников для своевременной профилактики острых и хронических стрессовых состояний у учеников с высоким риском.

Психофизиологическое исследование совместного поведения у крыс*

В. В. Гаврилов (ИП РАН, Москва)

Одним из важных вопросов в психофизиологических исследованиях является вопрос об организации активности мозга при взаимодействии субъекта с социальной средой и, в частности, вопрос о сходстве и особенностях организации активности мозга при реализации одного и того же поведения в «физической» и «социальной» среде. Исследования в two-body neuroscience обычно связаны либо с поиском структур мозга с повышенной активностью в совместном поведении («социальный мозг»), либо с поиском моментов синхронизации потенциалов мозга у субъектов при реализации совместной деятельности. Кроме того, для объяснения разных феноменов социального поведения (например, theory of mind, эмпатии) часто используются представления о системах «зеркальных нейронов».

В системно-эволюционном подходе к изучению мозга, поведения и психики (В. Б. Швырков) субъект рассматривается как «сгусток опыта», структура которого зависит от истории соотношения со средой и определяет особенности поведения субъекта, различия поведения и его описания – психологические характеристики – разных субъектов. В наших исследованиях (В. В. Гаврилов, Н. Е. Максимова, И. О. Александров) на основе сопоставления импульсной активности нейронов с колебаниями суммарной электрической активности мозга в поведении животных, а также анализа данных литературы о разных видах колебаний ЭЭГ у людей, было установлено соответствие колебаний суммарной активности мозга динамике отношений эле-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0002.

ментов опыта при реализации поведения. Тем самым появилась возможность использовать ЭЭГ для исследования актуализации разных элементов опыта и их отношений в разных видах поведения. Целью наших исследований было сравнение колебаний ЭЭГ при формировании и реализации одного и того же поведения индивидуально и совместно с конспецификом.

В разных сериях исследований мы регистрировали суммарную электрическую активность мозга у крыс в инструментальном пищедобывательном поведении. Крысы научались нажимать на педаль для получения пищи в кормушке. ЭЭГ-потенциалы усреднялись от моментов начала и окончания нажатия на педаль и от опускания головы в кормушку и вынимания головы из нее. Усредненные потенциалы состыковывались в соответствии с длительностью актов поведения и таким образом получали конфигурацию связанных с поведением потенциалов (СПП) в цикле «кормушка—педаль—кормушка». Таким образом, у нас была возможность сопоставить потенциалы на разных этапах реализации исследуемого поведения индивидуально и совместно или в присутствии конспецифика (при наблюдении за поведением, кооперации, содержании в изоляции или скученности, эмпатии).

У мягко фиксированной в гамаке и адаптированной к нему крысы, наблюдавшей за поведением конспецифика, были выявлены различия в колебаниях ЭЭГ в зависимости от имеющегося у нее опыта этого поведения: у наивных наблюдателей колебания ЭЭГ не выявляются, в то время как у имеющих опыт этого поведения крыс выявляются колебания ЭЭГ, по конфигурации сходные с таковыми при реализации поведения, но меньшие по амплитуде и со смещением пиков влево, что, возможно, отражает предвидение актов поведения крысы-актера (В. В. Гаврилов).

В кооперативном поведении, когда получение пищи крысами было связано с одновременным нажатием ими на педали, расположенные в разных углах клетки, в колебаниях ЭЭГ, усредненных от отрезков исследуемого поведения, наблюдались различия при сравнении с таковыми в индивидуальном поведении на этапах подхода к педали и нажатия на нее, т. е. на критически важном этапе поведения, от которого зависит его результат (В. В. Гаврилов).

В наших исследованиях эмпатии найдены различия в колебаниях ЭЭГ в разных отведениях на разных этапах реализации поведенческого цикла, хотя крысы продолжали нажимать на ближнюю к кормушке, более «удобную» и предпочитаемую педаль, что приводило

к электрокожному раздражению лап конспецифика, т. е. не проявляли эмпатии на поведенческом уровне (В. В. Гаврилов).

В наших исследованиях установлено, что крысы крайне редко издают ультразвуки в индивидуальном поведении, в то время как в поведении с конспецификом количество ультразвуков возрастает, а связь их с разными этапами реализации поведенческого цикла зависит от вида совместного поведения. Иногда ультразвуки, издаваемые парой крыс, чередуются, что напоминает «диалог».

Таким образом, при сопоставлении компонентов связанных с поведением потенциалов мозга при реализации одного и того же инструментального поведения крысами индивидуально или в присутствии конспецифика, а также в совместном поведении наблюдается сходная конфигурация потенциалов, отражающая динамику отношений между элементами опыта при реализации поведения. При этом значимые различия в отдельных компонентах потенциалов в разных видах реализации того же поведения совместно означают особенности этих отношений, по-видимому, связанные с актуализацией «дополнительных» элементов опыта, связанных с конспецификом.

Проявление структуры опыта в параметрах активности популяции корковых нейронов*

А. Г. Горкин (ИП РАН, Москва), Е. А. Кузина (ИП РАН, Москва)

На действенно-преобразующем уровне развития психологического знания предметом психологии становится субъективный опыт индивида (Я. А. Пономарев). Ключ для его объективного изучения был получен с открытием явления специализации нейронов головного мозга относительно отдельных элементов субъективного опыта (В. Б. Швырков). Однако применение этого ключа к изучению субъективного опыта человека невозможно по этическим основаниям. В связи с этим изучение закономерностей формирования и реализации индивидуально-опыта в основном осуществляется на животных. Нами ранее было показано, что существует большое сходство строения структур индивидуального опыта, выявляемых на основе анализа поведения че-

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0002.

ловека и на основе анализа активности популяции корковых нейронов животного (И. О. Александров и др.). Структура индивидуального опыта состоит из элементов, связанных между собой определенными отношениями. Репертуар элементов индивидуального опыта может быть выявлен и описан набором нейронных специализаций, а отношения между элементами — на основании анализа уровней актуализации конкретного элемента при реализации других элементов опыта. Этот уровень актуализации проявляется в частоте спайковой активности специализированного нейрона при реализации других элементов опыта (В. Б. Швырков). Соответственно, анализ распределения активности популяции специализированных нейронов в поведении позволяет реконструировать структуру индивидуального опыта, лежащую в основе данного поведения.

В данном исследовании была поставлена задача сравнить разные показатели активности популяции корковых нейронов, выявляемые на основе нейронных специализаций, с количественными параметрами поведения. В качестве анализируемого поведения была использована модель циклического пищедобывательного поведения (ЦИПП) крыс, заключающаяся в добывании животным пищи из кормушек после нажатия педалей на двух сторонах экспериментальной клетки. Для количественного описания этого поведения были выбраны показатели длительности отдельных поведенческих актов ЦИПП и целых циклов вместе с показателями их вариативности, а также доля ошибочных реализаций циклов ЦИПП. Для сравнения с этими показателями мы взяли следующие показатели активности нейронных популяций: доля идентифицированных специализированных нейронов, значение отношения частоты специфической активности к активности в остальном поведении для группы специализированных нейронов, а также значение дифференцированности активности в поведении для всей популяции зарегистрированных нейронов. Последний показатель определяли на основании расчета для каждого нейрона числа достоверных различий нейронной активности в полном наборе пар сравниваемых поведенческих актов. Этот показатель является косвенным показателем числа отношений между отдельными элементами опыта в анализируемом репертуаре поведенческих актов.

Для решения задач исследования мы взяли две группы животных разного возраста — взрослых (9–12 месяцев) и старых крыс (более 18 месяцев). Анализ показателей поведения этих групп в нашей модели ЦИПП выявил достоверные различия между этими группами

по медианным значениям выбранных показателей. У восьми животных была зарегистрирована и проанализирована нейронная активность в ретроспленальной коре при реализации ЦИПП. В группе взрослых животных у 4 крыс было проанализировано 243 зарегистрированных нейрона, а в группе старых крыс – 261 нейрон. Доля специализированных нейронов в выборке, зарегистрированной у взрослых животных, была достоверно выше, чем в выборке у старых крыс (Фишера, $p < 0,01$). Также достоверно различались медианные значения отношений специфической активности к активности в остальном поведении (Манна–Уитни, $Z = -1,84$, $p < 0,033$). И по показателю дифференцированности группы специализированных нейронов у животных разного возраста достоверно различались (Манна–Уитни, $Z = -4,04$, $p < 0,001$). Для сравнения степени связанности данных показателей популяционной активности и выбранных показателей поведения мы рассчитали корреляцию межиндивидуальной вариации по критерию Спирмена. Оказалось, что все показатели поведения были связаны корреляцией между собой, а также высокодостоверной корреляцией с показателем дифференцированности ($R = -0,905$, $p = 0,002$). Два других показателя популяционной активности не имели корреляции с показателями поведения.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что показатель дифференцированности активности в поведенческих актах в популяции корковых нейронов является наиболее чувствительным для выявления различий в структуре опыта у отдельных индивидов. На наш взгляд, это связано с тем, что индивидуальные структуры опыта одного и того же сформированного обучением в экспериментальной клетке поведения различаются в первую очередь паттерном отношений отдельных элементов опыта, определяемым различием индивидуальных способностей и историй формирования поведения.

Осцилляторы живых организмов

Т. Н. Греченко (ИП РАН, Москва)

В экспериментах, выполненных на живых существах, стоящих на разных ступенях эволюции, получены результаты, показывающие, что пейсмекер (инициатор осцилляторных процессов) – это древнейшая форма эндогенной электрической активности. Экспериментальные

данные указывают на его участие в многогранных функциях организма на разных этапах его жизни. Он обнаружен у прокариотов и одноклеточных эукариотов. В эволюции при переходе к многоклеточной развитой нервной системе пейсмекер становится свойством многих клеток, принадлежащих разным мозговым структурам. Когда начинают проявляться генераторные свойства клеток? Присущи они клеткам зрелого организма или проходят своеобразный путь развития? Является ли пейсмекерный механизм универсальным для нейронов живых существ разного эволюционного уровня? На одноклеточных эукариотах парамециях, эмбрионах лягушки *Rana temporaria*, прокариотических клетках цианобактерии, системных и изолированных нейронах моллюска *Helix lucorum* выполнена регистрация внутриклеточной электрической активности и полевых потенциалов.

На эмбрионах травяной лягушки от 64 единиц в стадии ранней клеточной дифференциации у 70% клеток зарегистрирована осцилляторная электрическая активность. Уровень мембранного потенциала, ионные токи и мембранная проводимость зависят от стадии деления клетки. Амплитуда колебаний составляла 5–15 мВ. Осцилляции организованы в веретена, содержащие до 40 колебаний возрастающей амплитуды. Осцилляторная активность бластомеров генетически задана.

Древняя цианобактерия *Oscillatoria terebriformis* – это одноклеточный фотосинтетический прокариот, возраст которого около 3,5 миллиарда лет. Она может акклиматизироваться к широкому ряду изменений окружающей среды, демонстрируя удивительную адаптивность поведения. Изучение поведения цианобактерий показало, что они достигают высокого уровня приспособляемости благодаря «социальным» отношениям в их колониальных объединениях (Е. Л. Сумина), а электрофизиологические опыты позволили обнаружить сложные информационные процессы, функциональное значение которых скорее всего заключается в установлении взаимодействия между членами сообщества. Регистрация электрической активности внутриклеточным микроэлектродом показала, что генерируются осцилляции мембранного потенциала частотой от 0,1 до 3 Гц.

Микроэлектродные регистрации, предпринятые для исследования электрических процессов, происходящих у *Paramecium caudatum*, позволили обнаружить взаимодействие нескольких эндогенных осцилляторов. Частота зарегистрированных колебаний составила от 1 до 50 Гц, амплитуда – от 2–3 мВ до 30 мВ.

Функциональное назначение пейсмекеров различно, поэтому и рабочие режимы клеток отличаются, что проявилось у нейронов полуинтактного препарата и изолированных нейронов моллюсков *Helix pomatia* и *Helix lucorum*. По задачам, которые решают эти пейсмекерные нейроны, можно выделить по меньшей мере следующие: командные нейроны, нейроны-часы, интернейроны, нейроны-генераторы ритмов функционального состояния. Для многих клеток нервной системы активное проявление пейсмекерного механизма является нормой: например, для командного нейрона эндогенная ритмика – это способ реализации внутренней программы, определяющей будущую двигательную активность, для нейрона-модулятора – инструмент регуляции состояния целых нейронных популяций.

Эксперименты показывают, что клетки, имеющие эндогенные осцилляторы, регулируют функциональные состояния, могут быть генераторами ритмов, участвуют в явлениях памяти, в управлении движениями (Е. Н. Соколов, Н. А. Тушмалова). Пейсмекерная активность – самая ранняя форма электрической активности развивающегося организма. Включаясь в определенных условиях, такие пейсмекерные нейроны приводят ансамбли клеток к гармоничному взаимодействию и, следовательно, к адаптивному поведению живого существа.

Роль скелетообразования в развитии психики

Е. Л. Сумина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), Д. Л. Сумин (СНИИПЭБ, Москва), Т. Н. Греченко (Институт психологии РАН, Москва)

Движение – способ существования материи. У живых организмов это свойство выражено наиболее явно и полно. В изучении процессов становления биоразнообразия первостепенную роль играют палеонтологические данные. В основном это история развития способности организмов к образованию скелетов. Разнообразие живых существ, населяющих водную среду и сушу, требовало разных способов осуществления подвижности. В водной среде требования к организации и прочности скелета существенно ниже, чем на суше. В связи с этим среди скелетов водных животных преобладают раковины, а для выхода на сушу необходимы сложные подвижные скелеты, такие как хитиновый экзоскелет членистоногих или внутренний скелет позвоночных. Массовое, геологически одновременное появление скелетов у большого числа эволюционно независимых групп животных – от одно-

клеточных до многоклеточных — известно как «кембрийское событие», которое произошло около 540 миллионов лет назад.

Большинство скелетов являются органическими или минеральными твердыми телами, их вещество создается в результате биохимических процессов. Одновременное возникновение скелетов у эволюционно независимых групп живых существ может означать, что оно является отражением принципиального изменения свойств среды, одновременно повлиявшего на эволюцию биоты (А. Ю. Журавлев). Если докембрийская эпоха была временем господства мягкотелых организмов, то позже наступила эпоха скелетных форм. В ходе «кембрийского взрыва» лишь проявилось существование организмов современного типа, все основные характеристики их планов строения сложились гораздо раньше того, как их скелеты стали настолько массивными, чтобы сохраняться в ископаемом состоянии. Можно сказать, что уже тогда были заложены предпосылки будущего выхода этих организмов из моря на сушу и завоевания ими всей поверхности Земли. Фактически выход на сушу является следствием дальнейшей оксигенизации гидросферы и атмосферы, с одной стороны, и морфологического и иных способов обеспечения подвижности организмов, с другой. Постоянно расширялось разнообразие взаимодействий живых существ с усложняющейся окружающей средой. Это вызвало появление новых органов передвижения и резко расширило возможности взаимодействия живых существ с жизненным пространством. В свою очередь, это не могло не привести к возрастанию количества информации об окружающем пространстве, признаках объектов, влияющих на выживание, а также к изменению репертуара движений живых существ. Возникновение органов движения привело к увеличению разнообразия способов осуществления активных передвижений живых существ, к совершенствованию комплекса поведенческих реакций, например, агрессии и форм защиты, выслеживания и др. (R. Wood et al.). Соответственно, происходило развитие и обогащение памяти и расширение адаптивных возможностей. Следовательно, образование скелетов привело к усложнению поведения как процесса взаимодействия со средой обитания живых существ и требовало развития способности воспринимать, хранить и перерабатывать информацию, используя ее для самосохранения и роста. Помимо усложнения поведения самих организмов, образование скелета требовало и усложнения поведения в морфогенезе организмов предыдущего иерархического уровня (Д. Л. Сумин, Е. Л. Сумина).

Оксигенизация гидросферы привела к смещению основного разнообразия организмов от сидячих к активно подвижным. Это, в свою очередь, привело к принципиальному усложнению поведения как при индивидуальном образе жизни, так и при образовании сообществ.

Психофизиологические механизмы принятия решения в условиях дилеммы между стратегиями исследования и использования: магнитоэнцефалографический анализ динамики бета-осцилляций*

*Б. В. Чернышев (МГППУ, Москва), Г. Л. Козунова (МГППУ, Москва),
А. С. Мясникова (МГППУ, Москва), К. И. Пульцина (МГППУ, Москва),
В. Д. Третьякова (МГППУ, Москва)*

В вероятностной среде люди часто оказываются перед дилеммой исследования-использования. Выполняя последовательно множественные выборы между двумя и более альтернативами в такой среде, характеризующейся высокой неопределенностью, большинство людей опытным путем находят относительно выгодную опцию и далее предпочитают ее остальным альтернативам. Те редкие случаи, когда на фоне устойчивого применения такой выгодной стратегии использования человек переключается на альтернативные опции, можно рассматривать как стратегию исследования, имеющую целью восполнить дефицит информации о редко выбираемых опциях. Хотя в краткосрочной перспективе исследовательские выборы несут в себе риски потерь, в долгосрочной перспективе в естественных условиях такая стратегия может быть адаптивной и выгодной.

Целенаправленный поиск информации в ущерб сиюминутному выигрышу является отличительной чертой стратегии целенаправленного исследования (directed exploration), в отличие от стратегии случайного исследования (random exploration), при которой человек просто игнорирует приобретенный им ранее опыт (или не имеет такового) и начинает решать задачу «с чистого листа». Очевидно, что именно целенаправленное исследование имеет наибольшее практическое значение, в том числе в профессиональной деятельности, требующей частого принятия решений в условиях неопределенности — напри-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00252.

мер, в области экономики, бизнеса и др., а также в быту. Однако подавляющее большинство работ в литературе относится к стратегии случайного исследования, реализуемой человеком при неожиданно изменяющихся условиях задачи, – в то время как стратегия целенаправленного исследования остается малоизученной, а психофизиологические механизмы переключения между стратегиями практически неизвестны.

В нашем недавнем пупиллометрическом исследовании (G. L. Kozunova et al.) с помощью экспериментальной модели вероятностного двухальтернативного выбора (M. J. Frank et al., G. L. Kozunova et al.) мы показали, что стратегия целенаправленного исследования сопряжена с конфликтом между решениями – выбрать знакомую выгодную альтернативу в соответствии с прагматической моделью, приобретенной на собственном опыте, или выбрать менее знакомую альтернативу с целью снизить неопределенность в отношении этой альтернативы.

Настоящая работа направлена на то, чтобы выяснить, действительно ли в мозге производится усиленная обработка данных в процессе принятия конфликтного решения, приводящего к исследовательскому выбору, а также рассмотреть, как происходит мозговая обработка сигналов обратной связи после исследовательских выборов в сравнении со стратегией использования.

Участники эксперимента выполняли вероятностную двухальтернативную задачу с выигрышами и проигрышами. Им было предложено выбирать между двумя стимулами, представленными на экране одновременно. Выгодный стимул был связан с большей вероятностью денежных выигрышей, по сравнению с проигрышами, тогда как невыгодный стимул был связан с большей вероятностью проигрышей, по сравнению с выигрышами. Вероятности выигрышей и проигрышей были постоянными в пределах каждого экспериментального блока. Участники научались предпочтению выгодного стимула методом проб и ошибок в каждом блоке эксперимента. Инструкция мотивировала испытуемых накопить к концу игры как можно больше очков любым способом. В анализ были взяты только такие периоды записи, во время которых участники отдавали устойчивое предпочтение выгодному стимулу. Магнитоэнцефалограмму регистрировали непрерывно в течение всего эксперимента. Анализировали мощность осцилляций в бета-диапазоне (15–30 Гц).

Получены два основных результата. Во-первых, десинхронизация бета-осцилляций была значительно глубже перед объективно невы-

годными исследовательскими выборами, по сравнению с выгодными выборами, соответствующими стратегии использования. Эффект начинался не менее чем за 800 мс до поведенческого ответа. Локализация источников показала, что десинхронизация бета-осцилляций при исследовательских выборах была глубже в медиальных и латеральных теменных областях, а также в задней части поясной извилины.

Во-вторых, мы обнаружили, что паттерн бета-синхронизации в ответ на обратную связь был парадоксальным образом инвертирован для исследовательских выборов: мощность бета-осцилляций увеличивалась после сигнала отрицательной обратной связи, но не после сигнала положительной обратной связи.

На основании полученных результатов мы заключаем, что преднамеренные рискованные решения, связанные со стратегией целенаправленного исследования, требовали дополнительных ресурсов обработки от теменной коры и связанных с памятью областей задней части поясной извилины. Мы также предполагаем, что, поскольку исследовательский выбор представляет собой поиск информации, совершаемый участниками вопреки усвоенной ими прагматической модели, то получение отрицательной обратной связи после такого выбора фактически работает на усиление и восстановление исходной прагматической модели.

Спектральный анализ ЭЭГ при обучении: от рассогласования к эффективному поведению

Е. А. Кокушева (МФТИ, Москва), О. Е. Сварник (МФТИ, ИП РАН, Москва)

Известно, что индивидуальные способности к формированию нового опыта довольно сильно варьируют от человека к человеку. Какие особенности мозговой активности связаны с быстрым обучением, в настоящее время остается недостаточно исследованным. В данной работе мы проводили регистрацию поведения и суммарной мозговой активности (ЭЭГ) у испытуемых в процессе поиска логических закономерностей решения задачи (выполнения определенной последовательности действий с тремя светофорами в компьютерной игре для обнаружения возможности поместить машинку в гараж). Анализ спектральной мощности позволяет оценить степень дифференцированности актуализированного индивидуального опыта (Т. Н. Греченко и др.).

Регистрация ЭЭГ проводилась с помощью хлорсеребряных электродов по международной системе 10–20. Каждая траектория поведения (последовательность поведенческих актов) испытуемых была представлена в виде n -мерного вектора, где каждый акт закодирован числом, и это число – координата вектора.

Анализ поведения, проведенный на основании косинусного сходства между траекториями (оценки угла между их векторными представлениями) выявил, что все испытуемые делятся на три группы: научившиеся к концу эксперимента, находившиеся в поиске решения до конца эксперимента и сразу нашедшие решение. Поведение считалось успешным, если соседние траектории обладали высоким сходством и приводили к достижению результата.

Между первыми двумя группами обнаружилась тенденция к достоверному различию в длительности принятия решения на втором светофоре (критерий Манна–Уитни, $p = 0,06$): успешно научившиеся быстрее принимали решения в конце эксперимента.

Спектральный анализ ЭЭГ для соответствующих поведенческих актов показал, что изменения мощности осцилляций в частотном диапазоне дельта, тета и альфа к концу эксперимента являются разнонаправленными у групп успешных и неуспешных испытуемых: в первом случае мощность уменьшается на последних этапах выполнения задачи, а во втором увеличивается, особенно во фронтальных отведениях.

Полученные результаты могут свидетельствовать в пользу того, что затянувшееся научение (рассогласование) у неуспешных испытуемых связано с большей дедифференцированностью актуализированного опыта.

Увеличение телесной составляющей в школьном обучении как способ повышения его эффективности*

М. Г. Колбенева (ИП РАН, Москва)

Обучение в школе навыкам абстрактных действий (чтение, письмо, математические действия) часто не опирается на имеющиеся у ребенка конкретные знания. При этом конкретные знания являются не-

* Исследование выполнено при поддержке Фонда новых форм развития образования, договор № РУОМ1019 от 28.10.2019.

обходимой основой для формирования абстрактных знаний. Показано, что метафоры для обозначения абстрактных понятий (поиска истины, участия в конфликте, влюбленности) основаны на конкретных знаниях и действиях (поиск объектов, преодоление препятствий, опыт драк, падений, болезни) (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Это означает, что при формировании абстрактных знаний происходит перенос уже известных действий с конкретных объектов на новые абстрактные понятия, аналогично процессу интериоризации (Л. С. Выготский). Жесты, являясь более ранним способом указания на объекты у детей, чем слова, помогают формированию речи: дети соединяют жесты и слова (например, указывают на чашку и говорят «папа») для формирования более сложных понятий, которые они еще не могут выразить в виде сочетания слов («папина чашка») (M. Novack, S. Goldin-Meadow).

Представление о том, что абстрактное знание неотделимо от телесного опыта, было заложено в теории функциональных систем П. К. Анохина, согласно которой любая функциональная система является общеорганизменной. В процессе развития этого положения в рамках системно-эволюционного подхода (В. Б. Швырков, Ю. И. Александров) было экспериментально показано, что любое поведение реализуется набором функциональных систем, сформированных на различных этапах онтогенеза. Таким образом, поздно формируемые виды поведения (в том числе навыки абстрактных действий) неразрывно связаны с рано формируемыми (практическими действиями). Представление о том, что рано формируемые знания являются ступенью в процессе обучения новому знанию – одно из следствий закона «преобразования этапов развития системы в структурные уровни ее организации и ступени дальнейших развивающих взаимодействий» (Я. А. Пономарев).

На важность практических знаний при обучении указывается в рамках системо-мыследеятельностной методологии. В схеме мыследеятельности Г. П. Щедровицкого все виды деятельности человека разделяются на три разных типа («пояса»): 1) чистое мышление, 2) мысль-коммуникацию и 3) мыследействие (предметно-практическая (чувственно-конкретная) деятельность человека). Отмечается, что какое-либо знание в мышлении человека становится полноценным, только если представлено для человека во всех трех «поясах» (В. Г. Богин с соавт.).

Важность практических действий ребенка для обучения абстрактным знаниям подчеркивается в рамках концепций о воплощенном познании (*embodied cognition*) (см. обзор: Р. М. Рехман), согласно которым тело с момента рождения ребенка естественным образом связано с формированием новых знаний, и активное вовлечение движений тела учеников в процесс школьного обучения является необходимым фактором его успешности (L. Shapiro, S.A. Stolz). Так, имитация движений животных при изучении названий животных помогает четырехлетним детям лучше запоминать эти названия на иностранном языке, по сравнению с традиционным способом заучивания иностранных слов (K. Toumpaniari et al.). Обучение детей соотносить между собой расположение своих рук в пространстве служит хорошим посредником для понимания детьми математических понятий, таких как пропорция (D. Abrahamson, R. Sánchez-García). Использование учителем жестов при объяснении биосферных явлений и их повторение учениками помогает учащимся лучше понять эти явления (M. P. Kaschak et al.). Выполнение телом движений, соответствующих изучаемому физическому явлению, помогает студентам дольше помнить изученный материал (M. C. Johnson-Glenberg et al.).

Возможность сформировать новый телесный опыт повышает вовлеченность подростков в обучение: на уроках программирования они более заинтересованы при программировании роботов, которых могут трогать и физически ими манипулировать, чем при написании программы для обычного компьютера (A. Merkouris et al.).

«Поворот к телу», основанный на феноменологической концепции М. Мерло-Понти, является главной тенденцией современной философии образования. Формирование нового телесного опыта на уроках драмы, танца, музыки и физической культуры позволяет развивать у учеников осознание своих и чужих эмоций (эмпатию), рефлекссию, память, мышление, воображение (С. В. Волкова).

Согласно положениям единой концепции сознания и эмоций (Ю. И. Александров, М. Е. Sams), эмоции в большей степени характеризуют реализацию систем, формирующихся на самых ранних этапах онтогенеза и обеспечивающих минимальный уровень дифференциации. Формирование у детей связей между осваиваемыми ими абстрактными знаниями и имеющимися у них практическими знаниями позволяет сделать процесс освоения абстрактных знаний более эмоционально насыщенным.

Особенности восприятия танца людьми с разным танцевальным опытом

Т. О. Колотова (филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, Ташкент),

А. П. Бачкала (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

О. В. Митина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

С середины XX в. изучается процесс воздействия танца на психологическое состояние человека. Современные исследования в основном направлены на разработку и введение в практику танцевальной терапии, которая эффективна при работе с эмоциями (B. Blasing, M. Puttke). Однако, как отмечал Л. С. Выготский, проблема восприятия произведений искусства – одна из важных проблем психологии искусства, что актуально и сегодня.

В данной работе изучались особенности восприятия танца как с использованием психологических методик, так и процедур измерения физиологических показателей.

В исследовании был применен прибор, разработанный авторами на основе микро-ЭВМ Arduino Nano, который позволял регистрировать физиологические показатели: сердечно-сосудистую активность, дыхание, кожно-гальваническую реакцию (КГР) (А. П. Бачкала, О. В. Митина, Е. П. Бичев).

Выборку составили 66 человек в возрасте 18–40 лет, из них 54 женщины и 12 мужчин. Респонденты были разделены на группы, исходя из их танцевального опыта: 13 преподавателей танцев (постановщики), 15 профессиональных танцоров (исполнителей), 19 танцоров-любителей, занимающихся «для себя», и 19 человек, которые не имели танцевального опыта (зрители). Участниками были студенты филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Ташкенте, учащиеся танцевальных школ и центров («CarminaDance», «MerciDanse», «Re_Forma»), хореографической академии Узбекистана и эстрадно-циркового колледжа им. Карима Зарипова. Среди участников были 47 танцоров различных танцевальных направлений: 3 танцора балета, 16 исполнителей национальных танцев, 14 исполнителей балльных танцев, 14 исполнителей современных танцев. Стаж танцевального опыта у респондентов варьировал от 0 до 20 лет.

В качестве стимульного материала были использованы видеоматериалы пяти различных танцевальных направлений: балет, узбек-

ский национальный танец, русский народный танец, балльный и современный танец. Стимульный материал (видеозаписи с фрагментами танцев) и процедура его предъявления в соответствии с экспериментальным планом «латинский квадрат» были разработаны М. М. Мирсидовым.

Для сопоставления физиологических показателей (сердечно-сосудистой активности, дыхания) в естественном состоянии и при восприятии различных танцев был применен анализ повторных измерений. Выявлено, что независимо от танцевального опыта при просмотре танца происходят изменения в физиологических показателях ($p < 0,005$): во время естественного состояния респонденты дышали более ровно и спокойно (усредненная ширина между пиками была больше), чем при просмотре танцев. Наблюдалась значительная изменчивость параметров дыхания при просмотре современного танца. В то же время усредненная ширина между пиками сердечной активности статистически различалась в зависимости от танцевального опыта и демонстрируемого материала ($p < 0,001$). Физиологические показатели танцоров-любителей отличались от показателей остальных респондентов: во время естественного состояния и при просмотре видеофрагмента с исполнением балета сердце танцоров-любителей билось более учащенно. При просмотре танцев всех остальных жанров сердцебиение танцоров-любителей было более ровным, что указывает на процесс успокоения (расстояние между пиками увеличивалось). В то же время показатели сердечной активности профессиональных танцоров и преподавателей значимо не изменялись. Частые изменения в показателях наблюдались у зрителей (не имеющих танцевального опыта): при переходе от естественного состояния к просмотру балета и русского народного танца сердцебиение учащалось. Однако следует отметить, что усредненные показатели дыхания у разных респондентов статистически не различались.

Также проводился сопоставительный анализ показателей кожно-гальванической реакции между группами с разным танцевальным опытом по критерию Манна–Уитни. Оказалось, что при восприятии балета преподаватели танцев испытывали эмоциональное напряжение, проявляющееся в КГР (снижение сопротивления кожи). Этого эффекта не было при просмотре преподавателями других танцев. Танцоры-любители тоже испытывали напряжение, но при просмотре русского народного и современного танцев.

Таким образом, можно говорить о том, что восприятие танца отчасти имеет «терапевтический» эффект. Просмотр узбекского национального и бального танцев может приводить к снижению эмоционального напряжения, тогда как просмотр современного танца, балета и русского танца может приводить к повышению напряжения.

Результаты данного исследования восприятия танца ограничены использованным стимульным материалом. Требуется более всестороннее изучение восприятия танца людьми с разным танцевальным опытом. Полученные данные могут быть применены для расширения теоретической и практической базы знаний в области танцевально-двигательной терапии.

Оценки сложности нейронной активности*

А. К. Крылов (ИП РАН, Москва)

Оценка сложности нейронной активности представляет теоретический и практический интерес – позволяет оценивать изменения сложности активности нейрона в различных поведенческих актах и оценивать различия между разными нейронами, а также имеет парадигмальное значение.

Изучалась возможность оценить сложность активности нейронов по данным, полученным при регистрации нейронной активности у свободно подвижных животных во время выполнения поведенческой задачи (данные предоставлены А. А. Созиновым, Институт психологии РАН). Всего проанализирована активность 210 нейронов.

Для оценки сложности нейронной активности использовался расчет фактора Фано и фактора Аллана (А. Б. Дымов, М. С. Teich et al.) и метод расчета DFA (detrended fluctuation analysis) (J. Bhattacharya et al., R. Hardstone). Эти методы неоднозначны в своем применении, поскольку предполагают построение соответствующей кривой и далее ее линейную аппроксимацию, что требует проверки формы самой кривой и выбора границы линейного участка. Угол наклона этой линейной аппроксимации и есть интересующий показатель, описывающий степень сложности нейронной активности, меру ее фрактальности.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0002.

Поскольку спайковая активность нейронов математически аналогична пульсовому ритму сердца, для анализа нейронной активности можно использовать методы, разработанные для анализа пульса. Один из таких методов – «анализ символической динамики» (Ю. В. Гуров) – основан на дроблении ритма сердца на фазы преобладания симпатического или парасимпатического тонусов. Этот метод АСД адаптирован нами (А. К. Крылов) для анализа нейронной активности. Другим методом анализа сложности сердечного ритма является расчет SampEn (sample entropy), который успешно используется для анализа сложности на разных системных уровнях организации психофизиологических процессов (A. V. Bakhchina et al.).

Нами были использованы упомянутые методы для анализа нейронной активности в поведении – фактор Фано, DFA, АСД, SampEn. Все они показали наличие сложности в динамике нейронной активности, признаки фрактальности. Такая высокая сложность динамики активности нейронов вызывает сомнения в возможности моделировать работу мозга на уровне моделирования спайковой активности отдельных нейронов, что является весьма распространенным подходом.

Среди показателей не было выявлено взаимных корреляций. Это означает, что методы оценивают разные аспекты сложности нейронной активности и, вероятно, могут дополнять друг друга.

Ни одним из методов не были обнаружены различия по показателям сложности динамики активности между нейронами, принадлежащими к системам разного уровня дифференциации, и между нейронами, имеющими разную поведенческую специализацию. Нейронная активность, обеспечивающая реализацию разных поведенческих актов, обладает сходной вариативностью сложности. Этот вывод, однако, ограничен выбранным отделом коры мозга, в котором зарегистрированы проанализированные нейроны.

В целом, наиболее информативным методом анализа нейронной активности является метод выявления их поведенческой специализации – сопоставление активности нейронов с поведением (В. Б. Швырков). Именно такое рассмотрение нейронной активности на более высоком системном уровне, нежели последовательность спайковой активности, как реализации функциональных систем, обнаруживает структурность и организацию, в отличие от более хаотических процессов на уровне спайковой активности нейрона. В связи с этим моделирование работы мозга на языке системной специализации нейронов, элементов опыта представляется наиболее перспективным.

Динамика вариабельности сердечного ритма в условиях релаксационной VR-среды как показатель адаптационных ресурсов у людей с шизофренией в состоянии лекарственной ремиссии*

*Е. Ю. Никонова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
Г. Е. Рупчев (НЦПЗ, Москва), М. А. Морозова (НЦПЗ, Москва),
Д. С. Бурминский (НЦПЗ, Москва)*

При шизофрении наблюдается развитие дисфункции вегетативной нервной системы под действием самого заболевания и фармакологического воздействия (J. M. Montaquila), что может проявляться в снижении стрессоустойчивости. Оно характеризуется повышением воздействия симпатического и снижением влияния парасимпатического отделов нервной системы (D. Basset). Длительность заболевания, выраженность симптомов, возраст, фармакологическое лечение и образ жизни также значительно влияют на работу вегетативной нервной системы и могут отражаться в снижении показателей вариабельности сердечного ритма (ВСР).

Повышение ВСР улучшает стрессоустойчивость, снижает тревожность, повышает адаптацию и снижает риски развития сердечно-сосудистых заболеваний. Для повышения ВСР используются аутогенные тренировки, релаксационные тренинги и медитативные практики (S. Terathongkum). В настоящее время большую эффективность показывают релаксационные тренинги с использованием технологии виртуальной реальности (VR) как для людей со здоровой психикой (S. Riches), так и для людей с психическими расстройствами (W. Veling).

Цель пилотного исследования – изучение возможностей повышения показателей ВСР у больных шизофренией с длительным стажем заболевания в состоянии лекарственной ремиссии при использовании систем виртуальной реальности. Мы предположили, что иммерсивные релаксационные тренинги увеличивают показатели ВСР и влияние парасимпатических отделов нервной системы. Были проведены серии из 5 тренингов по релаксации с использованием при-

---

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

ложения Nature Treks VR в очках виртуальной реальности Samsung Gear VR. Измерение variability сердечного ритма происходило с помощью одноканального кардиорегистратора «Омега» НПФ «Динамика» (Санкт-Петербург). Показатели ВСР снимались до и после проведения тренинга.

В исследовании приняли участие 10 человек с шизофренией (9 мужчин, 1 женщина) в стабильной ремиссии в возрасте от 29 до 47 лет (средний возраст 37,3 лет). Продолжительность заболевания от 8 до 27 лет (средняя длительность заболевания $17,2 \pm$). Все участники не имели ранее опыта погружения в виртуальную реальность.

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics v. 24 и включала корреляционный анализ с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена и многомерного дисперсионного анализа (ANOVA).

У всех участников исследования наблюдалось выраженное снижение показателей ВСР и повышенные ЧСС. Статистически значимых изменений параметров ВСР обнаружено не было, однако были выявлены их минимальные изменения, которые могут указывать на недостаточное количество тренингов. Участники исследования продемонстрировали высокую стрессовую реакцию и низкую адаптацию во время проведения релаксационных сессий. Для всех участников погружение в VR-среду происходило впервые, что вызывало заметное повышение ЧСС в первом тренинге ($95-121$, $m = 106,1$) и медленное снижение значений пульса в последующих тренингах.

Значения SDNN (стандартное отклонение интервалов NN) были снижены у всех участников исследования, среднее значение до тренинга было 17, а после – 18 при норме 30–100. Средние показатели RMSSD (среднеквадратичное значение последовательных различий) также имели сниженные значения: до тренинга – 10,68, после – 9,99 (норма 15–45).

По показателю LF/HF (соотношение низкочастотного компонента спектра к высокочастотному) только одна участница исследования имела выраженную ваготонию (преобладание парасимпатической регуляции), остальные участники были отнесены к группе симпатотонии (преобладание симпатической регуляции).

В ходе тренингов показатели парасимпатической нервной системы начинали незначительно увеличиваться (рост HF), не достигая статистически значимых значений, что говорит о процессах более длительной адаптации и высоком напряжении регуляторных систем.

В исследованиях была показана чувствительность ВСП к эмоционально негативным и позитивным аудиовизуальным стимулам у людей с шизофренией (S. H. Jang). Так, на позитивные стимулы ВСП увеличивалась менее выражено, по сравнению с группой нормы, а на негативную стимуляцию реакция совпадала. В проведенном исследовании было показано, что на снижение или повышение ВСП повлияла субъективная оценка участниками VR-среды. В средах, вызывающих приятные ассоциации с прошлым опытом, у участников исследования происходило увеличение спектральной мощности ВСП и показателей парасимпатического отдела.

Проведенное пилотное исследование демонстрирует возможный потенциал использования релаксационных VR-сред для повышения стрессоустойчивости и расширения адаптационных ресурсов. Однако для получения позитивной динамики, возможно, необходимо проведение большего количества тренингов и применение более персонализированного подхода к их содержанию.

Нейропсихологический дефицит у детей с первичной цилиарной дискинезией

*А. А. Новак (НИКИ педиатрии и детской хирургии им. акад. Ю. Е. Вельтищева РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России, Москва),
Л. А. Троицкая (РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Москва),
О. П. Шевченко (РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Москва)*

Многие тяжелые соматические и хронические заболевания, а также врожденные патологии могут оказывать негативное влияние на развитие психики ребенка и препятствовать его обучению и полноценной адаптации в обществе. При нарушении функционирования различных отделов головного мозга возникает ряд нейропсихологических синдромов, однако, так как психика ребенка представляет собой динамически развивающуюся систему, некоторые ее звенья могут оставаться сохранными и служить основой для компенсации.

В отличие от многих других классов заболеваний (неврологических, психиатрических), пульмонологические заболевания еще не были подробно исследованы с точки зрения влияния патологических состояний на психическое развитие детей. Более того, некоторые заболевания, такие как первичная цилиарная дискинезия, имеющая

генетически детерминированный генез заболевания, наследуются преимущественно по аутосомно-рецессивному типу, вследствие чего характеризуются хроническим вариантом течения.

Первичная цилиарная дискинезия характеризуется рядом особенностей, которые потенциально могут оказать влияние на развитие мозга и психики ребенка. Наиболее существенными факторами являются хроническая дыхательная недостаточность, приводящая к снижению сатурации крови и кислородному голоданию (гипоксемии), хроническому поражению ЛОР-органов и хроническим бронхолегочным процессам с бронхоэктазами. Для детей с первичной цилиарной дискинезией характерно развитие кондуктивной тугоухости, которая способна препятствовать нормальному развитию речи и мышления. Первичная цилиарная дискинезия может сочетаться и с другими врожденными пороками развития внутренних органов. Тяжесть соматических заболеваний, необходимость вести малоподвижный образ жизни, обусловленный дыхательной недостаточностью, синдром госпитализма вследствие дефицита общения и воспитания из-за частого пребывания в стационаре и другие факторы влияют на развитие психики ребенка.

В данном исследовании впервые был применен метод нейропсихологической диагностики состояния высших психических функций у детей с первичной цилиарной дискинезией. Проведенное исследование показало, что у этих детей наблюдается нейропсихологический дефицит, причем когнитивное снижение отличается по качеству и степени выраженности у детей разного возраста. Среди детей разных возрастов обнаруживается тенденция к недостаточности психических функций, реализуемых теменно-височно-затылочной зоной (зоной ТРО). Среди наиболее характерных симптомов были выявлены недостаточность пространственной организации движений и ориентации во внешнем зрительном пространстве, трудности графического праксиса. Также в ряде случаев были обнаружены трудности составления последовательности действий при решении простых математических задач, сочетавшиеся с трудностями выполнения счетных операций при переходе через десяток.

Влияние ТМС первичной моторной коры на семантическое усвоение новых слов при выполнении обучающих заданий с элементами движения*

Е. И. Перикова (СПбГУ, Санкт-Петербург),

Е. Н. Блинова (СПбГУ, Санкт-Петербург),

Е. А. Андриющенко (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Взаимосвязь моторного и языкового опыта человека была подтверждена в большом количестве эмпирических исследований (Н. И. Логинов, В. Ф. Спиридонов, L. J. Taylor, R. A. Zwaan, H. E. Matheson, L. W. Barsalou), однако природа данного феномена остается предметом дискуссий. Авторами ведутся споры о том, является ли активация моторной системы необходимым элементом соответствующих когнитивных процессов или их функционально нерелевантным последствием (A. S. David, C. Senior). Так, в ряде исследований была продемонстрирована причинно-следственная связь активности сенсомоторных областей головного мозга (ГМ) и эффективности усвоения значений новых слов у здоровых людей (N. Vukovic, Y. Shtyrov, B. Hansen, T. E. Lund, S. Jespersen) и людей с речевыми нарушениями (L. J. Taylor, C. Evans, J. Greer, C. Senior, K. R. Coventry, M. Ietswaart). Было показано увеличение количества ошибок при усвоении глаголов после стимуляции первичной моторной коры ГМ, по сравнению с контрольными условиями (N. Vukovic, Y. Shtyrov). Однако неисследованным остается влияние данной области ГМ на эффективность усвоения семантики новых существительных, изученных на основе использования различных стратегий: явного кодирования (explicit encoding) и быстрого картирования (fast mapping).

Для восполнения этого пробела было проведено исследование эффективности семантического научения, в котором модулировались 1) стратегия научения (явное кодирование/быстрое картирование), 2) способ ответа (высокоамплитудное движение руки/низкоамплитудное движение пальцев), 3) среда обучения (ВР/монитор компьютера) и 4) режим стимуляции (реальная стимуляция первичной моторной коры ГМ/плацебо). Для реализации последнего условия был использован неинвазивный метод транскраниальной магнитной сти-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ, проект № МК-2021.2021.2.

муляции (ТМС), позволивший локализовать торможение целевого отдела коры ГМ (M1, поле 4 по Бродману) в результате генерации наведенных электрических полей (реальная стимуляция), а также провести плацебо-стимуляцию. ТМС проводилась при помощи тета-частотного протокола, при котором три последовательности импульсов 50 Гц применялись в виде двухсекундных «пачек», повторяющихся каждые 8 секунд на протяжении 40 секунд (использовался стимулятор MagPro Compact MagVenture, система навигации Localite TMS Navigator и 8-образный индуктор MCF-P-B65).

Выборку исследования составили 64 человека (18–35 лет; из них 19 мужчин). Респонденты были разделены на две группы стимуляции с помощью процедуры рандомизации. После сессии ТМС каждый участник выполнял обучающее задание на усвоение 16 новых слов при их аудиальном предъявлении с семантической привязкой к изображению: 8 слов изучались респондентом в ВР-среде и 8 слов – на мониторе компьютера. В условии явного кодирования использовалось прямое указание на объект (например, «Это НЯЧ»), после которого следовал вопрос («Металлический ли он?»), при этом участнику исследования предлагались изображения целевого и нецелевого (филлера) объектов. В условии быстрого картирования вопрос относительно содержания одного из двух изображений – знакомого и неизвестного объекта – включал наименование последнего (например, «Металлический ли НЯЧ?»). В половине случаев в обеих обучающих средах респондентам предлагалось осуществлять выбор ответа «Да» или «Нет» высокоамплитудным движением руки, в половине – низкоамплитудным движением пальцев. Для проверки усвоения слов использовалась задача их узнавания при аудиальном предъявлении сразу после обучающей серии (учитывались точность и время реакции при правильном узнавании слов). Анализ данных проводился с использованием дисперсионного анализа с повторными измерениями.

Правильность узнавания новых слов во всех условиях превышала уровень случайного угадывания (>60%). Время реакции при узнавании значимо не различалось после реальной и плацебо-стимуляции ($F(1,64) = 0,003$, $p = 0,956$), но было обнаружено значимое взаимодействие факторов «Группа стимуляции», «Способ ответа» и «Среда обучения» ($F(1,55) = 6,753$, $p = 0,019$). После плацебо-стимуляции при высокоамплитудных движениях руки увеличивалось время узнавания слов, изученных в ВР (1480 мс > 1221 мс), и уменьшалось время узнавания слов, изученных на мониторе компьютера (1242 мс < 1475 мс).

При стимуляции моторной зоны обнаружено увеличение времени реакции для слов, усвоенных при высокоамплитудном движении рукой, в сравнении с низкоамплитудными движениями пальцами (ВР: 1378 мс > 1339 мс; монитор: 1435 мс > 1400 мс) для обеих сред обучения.

Таким образом, торможение первичной моторной коры не оказывает влияния на эффективность усвоения респондентами новых существительных, однако замедляет узнавание слов, изученных при выполнении высокоамплитудных движений рукой, в сравнении с низкоамплитудным движением пальцев. Данные результаты вносят существенный вклад в фундаментальные представления о природе воплощенного познания и могут быть использованы в практической сфере при языковом обучении детей и взрослых, а также при компенсации речевых дефицитов пациентов.

Пространственно-временные паттерны мозговой активности, связанные с реализацией номинативной и денотативной языковых функций*

*А. В. Пилечева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
С. А. Исайчев (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), А. М. Черноризов
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), Т. В. Адамович
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; ПИ РАО, Москва), Ю. В. Микадзе
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; ФЦМН ФМБА России, Москва)*

Психолингвисты сходятся во мнении, что номинация (присвоение имени представленному объекту) и денотация (узнавание объекта по имени) — это два процесса, состоящие из идентичных по содержанию компонентов, но идущих в противоположных направлениях (P. Indefrey). Однако имеется расхождение между психолингвистическими моделями и данными нейропсихологии, согласно которым эти процессы имеют разную мозговую организацию, что проявляется при локальных поражениях мозга, когда нарушение номинативной функции сочетается с сохранной денотативной функцией. Ярким примером служит явление «аномии» (А. Р. Лурия, I. G. DeLeon). Цель нашего исследования — прояснить причину этого расхождения методами психофизиологического исследования активности мозга

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00655.

во время решения номинативных и денотативных задач здоровыми участниками исследования.

В исследованиях приняли участие 20 здоровых добровольцев (20 мужчин и 18 женщин) в возрасте от 18 до 23 лет и 40 добровольцев с умеренными когнитивными нарушениями (MCI) (38 женщин, 2 мужчин) в возрасте от 49 до 84 лет. В качестве стимульного материала мы использовали стандартный психолингвистический набор речевых заданий. В ходе эксперимента требовалось назвать предъявляемое изображение и подобрать нужное изображение в ответ на слово-название. В процессе принятия решения регистрировались простая сенсомоторная реакция (СМР), электроэнцефалограмма высокой плотности (ЭЭГ), связанные с событиями потенциалы (ССП) и условно негативная волна (CNV). ЭЭГ, ССП и CNV регистрировались с использованием электроэнцефалографа (64 канала) и программного обеспечения (Brain Vision Analyzer 2.0). Построение топографических карт распределения амплитуд компонентов ССП осуществлялось с использованием функции «mne.viz.plot_topomap». Статистическую обработку проводили с использованием ANOVA с post hoc анализом и тестом Тьюки, ANOVA для повторных измерений, методов топографического картирования, Т-критерия кластерной перестановки.

Результаты анализа амплитудно-временных параметров и топографического распределения основных компонентов ССП и CNV указывали на различия в пространственно-временной организации номинативных и денотативных функций. Различия проявлялись в составе активированных областей мозга, их временной последовательности и интенсивности возбуждения. Согласно данным кластерного Т-теста, статистически значимые различия между выполнением заданий на номинацию и денотацию выявляются в промежутках времени 676–1766 мс и 1766–2238 мс. Задержки компонентов СМР и ССП в период денотации превышают задержки для периода номинации на 70 мс и 200–350 мс, соответственно. Эти различия в основном выражены у участников с MCI. Анализ пространственно-временных параметров CNV обнаруживает эффект предвосхищения на этапе реализации денотативной функции речи.

Динамические свойства основных компонентов ССП и CNV, а также их амплитудно-временные характеристики и топография распределения могут быть использованы в качестве информативных объективных показателей состояния импрессивного и экспрессивного компонентов речевых функций.

Психофизическая проверка предположений А. Н. Леонтьева о механизмах формирования кожно-оптической чувствительности*

В. А. Разживин (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

А. И. Ковалев (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

Г. В. Разживин (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Изучение механизмов возникновения ощущений у человека при воздействии световой стимуляции на кожную поверхность является важной задачей для психологии и нейронауки (Н. Arnheiter). При этом известные работы А. Н. Леонтьева еще более 80 лет назад обнаружили принципиальные проблемы в изучении механизмов возникновения ощущений при световом раздражении кожной поверхности тела человека. С учетом развития современных экспериментально-психологических технологий и недостаточного количества повторений классических экспериментов А. Н. Леонтьева существует необходимость строгой проверки выдвинутой им гипотезы о возникновении неретинальной чувствительности к световым стимулам в ситуации деятельности по их активному обнаружению.

Целью настоящей работы стала экспериментальная проверка идей А. Н. Леонтьева в условиях психофизического исследования. Его участниками стали 48 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Они были разделены на две группы, которые различались способом организации исследования.

Стимуляция предъявлялась с помощью специально сконструированной авторской установки. Основной частью установки является светодиодная матрица TDS-P030LAF25: длина волны излучаемого света 525 нм, световая мощность 2200 лм, мощность 30 Вт с излучением в диапазоне 515–530 нм. Основная часть установки смонтирована на столе. Свет, испускаемый матрицей, вводился в волоконный световод длиной 1 м. Другой конец световода подходил к столу снизу и располагался на расстоянии 20 мм под прозрачным оргстеклом толщиной 2,4 мм, наклеенным на поверхность стола экспериментальной установки. Диаметр отверстия в столе составлял 30 мм. Участник исследования помещал ладонь левой руки на поверхность орг-

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ «Мозг, когнитивные системы и искусственный интеллект».

стекла (из-за неплотного прилегания кожи к поверхности оргстекла вследствие индивидуальной формы ладонной поверхности руки испытуемых расстояние от кожи руки до выхода светодиода могло различаться на 1–2 мм). Рука участника закрывалась двумя слоями специальной ткани Blackout, не пропускающей свет.

Программа управления экспериментальной установкой, сбора и обработки результатов измерений была создана в среде программирования LabView фирмы National Instruments. При запуске программы активировался генератор случайных чисел, на выходе которого получалось число в диапазоне от 0 до 1, это число поступало в блок сравнения, и если оно было больше 0,5, то в переменную X записывалась «1». Если меньше или равно 0,5, то записывалась «2». После этого сигнал поступал на первый цикл по условию («Фаза № 1»), если X = 1, то подавался сигнал на включение светодиода на 5 сек, если X = 2, то программа ждала 5 с. После окончания первой фазы работы программа ждала 1 с, после чего ноутбуком издавался второй звуковой сигнал, а сигнал подавался на второй цикл по условию («Фаза № 2»). Во втором цикле по условию снова анализировалась переменная X: если X = 2, то подавался сигнал на включение светодиода на 5 сек, если X = 1, то программа ждала 5 с. Фиксировался результат нажатия оператором кнопок «1» или «2» на клавиатуре ноутбука.

Методика исследования является экспериментальной реализацией метода двойного слепого вынужденного выбора, основанного на методе двухальтернативного вынужденного выбора (А. Н. Гусев и др.). Исследование состояло из трех серий тестов (циклов) для каждого участника: сначала давались 10 циклов для фиксации исходного состояния, потом следовали 100 циклов для обучения и в конце — 10 циклов для фиксации конечного состояния.

Первой группе участников исследования ничего не объясняли. Предлагали просто выбрать, когда они что-то чувствовали ладонью руки. Второй группе предлагали обнаружить стимул в процессе активной поисковой деятельности. После каждой серии давали обратную связь в наглядной графической форме. Если участники желали провести еще серию из десяти циклов, чтобы лучше разобраться в своих ощущениях, им предоставлялась такая возможность. К следующей серии предъявлений переходили только тогда, когда участник исследования был готов.

Результаты показали, что участники из первой группы не демонстрировали способность к обнаружению светового сигнала — в среднем

они давали правильный ответ в 50% случаев ($t = 0,355$, $p = 0,722$ – сравнение с 50% вероятностью). У участников из второй группы среднее по всем циклам, проведенным после обучающей серии из 100 циклов, статистически значимо отличалось от 0,5 – среднее значение составляло 0,56 ($t = 2,269$, $df = 379$, $p = 0,024$).

Таким образом, было показано, что в условиях формального предъявления стимуляции без обратной связи для участников исследования у них не вырабатывается способность к обнаружению светового стимула, действующего на поверхность кожи. Однако при предоставлении обратной связи, а также возможности более внимательного отношения к своим ощущениям участники исследования сформировали навык опознания светового стимула. Полученные результаты имеют большое значение для развития идей А. Н. Леонтьева и открывают новые возможности для исследований возможностей кожной чувствительности.

Показатели вариабельности сердечного ритма студентов при достижении поощрения и избегании потери*

А. А. Созинов (ИП РАН, Москва), А. В. Бахчина (ИП РАН, Москва; ННГУ, Нижний Новгород), Ю. И. Александров (ИП РАН, Москва)

Внешне сходные действия, выполняемые в рамках поведения «приближения» (approach, достижения) или «удаления» (withdrawal, также approach противопоставляется термину avoidance, избегания), различаются по показателям точности и скорости, а также имеют различное мозговое обеспечение (Yu. I. Alexandrov et al., С. Н. М. Brunia et al.). Различия характеристик поведения этих двух типов выявляются в широком спектре когнитивных исследований (см. А. J. Elliot). Согласно нашим представлениям, эти различия связаны с тем, что достижение желательных событий и избегание нежелательных фиксируются в опыте индивида в виде двух доменов (Ю. И. Александров), элементы которых – функциональные системы – группируются по типу достигаемых результатов. Различия этих доменов, с точки зрения характеристики структуры опыта, заключаются в том, что поведение, направленное на избегание, является более сложным (Н. В. Морощ-

* Исследование выполнено по Госзаданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0138-2021-0002.

кина и др., M. Roskes et al.), более дифференцированным, обеспечивается бóльшим числом систем (Yu. I. Alexandrov et al.), чем поведение, направленное на достижение. Это различие также выражается в том, что перенос научения в поведении достижения менее выражен, чем в поведении избегания (A. A. Sozinov et al.).

В предыдущем исследовании мы зарегистрировали показатели ритмограммы сердца у студентов, выполнявших экзаменационный тест для максимизации приобретения или минимизации потери баллов, в ситуации стресса (А. В. Бахчина и др.). Так как стресс связан с временной дедифференциацией системной организации поведения (понижением уровня дифференцированности активированных систем; Ю. И. Александров и др.), мы предполагали, что при стрессе уменьшится разница в степени дифференцированности систем и различия между вегетативным обеспечением достижения и избегания будут менее выражены, чем без стресса. Действительно, большинство показателей variability ритма сердца в группе достижения (Д) и группе избегания (И) при стрессе были сходными (А. В. Бахчина и др., Bakhchina A. V. et al.).

В настоящем исследовании те же задания давались студентам с указанием на то, что проводится репетиция экзаменационного теста и полученная оценка не будет вносить вклад в оценку за семестр. Согласно нашим представлениям, различия между группами Д и И, отражающие глубокие различия сравниваемых доменов опыта, в этом случае могут быть выявлены. В исследовании участвовали 33 студента, которые проходили компьютерное экзаменационное тестирование. Направленность поведения на достижение и избегание задавали инструкцией и способом предъявления обратной связи. У всех участников исследования непрерывно в процессе тестирования измеряли сердечный ритм, используя для этого систему беспроводной кардиоинтервалографии (С. А. Полевая и др.).

В докладе представлены результаты сравнения поведенческих показателей выполнения тестов, спектральных характеристик колебаний сердечного ритма групп Д и И в период тестирования, а также коэффициентов их изменения. Ранее показанное нами (А. В. Бахчина, А. В. Демидовский, А. А. Созинов) отсутствие различий вегетативного обеспечения поведения достижения и избегания в ситуации стресса при их наличии в ходе тестирования без стресса может позволить проверить предположение о различии дифференцированности опыта достижения и избегания и ее связи с показателями

вегетативного обеспечения поведения, а также дополнить представление о стрессе как регрессии (дедифференциации системной организации поведения).

Латерализация обработки высоты тона и формантной структуры гласных в слуховой коре детей и взрослых*

К. А. Фадеев (МЭГ-центр МГППУ, Москва),

Т. А. Обухова (МЭГ-центр МГППУ, Москва),

Д. Е. Гояева (МЭГ-центр МГППУ, Москва), Т. А. Строганова

(МЭГ-центр МГППУ, Москва), Е. В. Орехова (МЭГ-центр МГППУ, Москва)

Гласные звуки являются важнейшими элементами языка: помимо участия в смысловоразличении, они служат опорой при определении ритмического строения слова и его границ. Формантная структура и периодичность (высота тона) — основные свойства гласного звука. Спектральная формантная структура определяет идентичность гласного и несет лингвистическую информацию, а периодичность характеризует говорящего.

Известно, что обработка речи латерализована в мозге, однако остается неясным, латерализована ли обработка гласных, и если да, то какие свойства являются определяющими для этой латерализации. Неизвестно также, меняются ли механизмы нейронной обработки свойств гласных, включая степень латерализации, от детства к взрослому возрасту. Для того, чтобы исследовать временную динамику и межполушарную латерализацию обработки свойств гласных звуков в слуховой коре, мы использовали метод магнитоэнцефалографии (МЭГ), который не только обладает высоким временным разрешением, но и позволяет локализовать источники активности в мозге человека.

В исследовании приняли участие 21 ребенок в возрасте 7–12 лет и 20 взрослых. Ответы слуховой коры регистрировали во время пассивного прослушивания серии спектрально сложных звуков длительностью 800 мс, в которых мы независимо манипулировали периодичностью и формантной структурой гласных. Были использованы: 1) искусственно сгенерированные гласные («периодические гласные»), а также 2) звуки сходных физических свойств, но с нарушенной пе-

* Исследование выполнено на уникальном научном оборудовании Центра нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центр) МГППУ.

риодичностью («непериодические гласные»), 3) звуки с нарушенной формантной структурой («периодические не-гласные») и 4) с нарушенной периодичностью и формантной структурой («непериодические не-гласные» – контрольные стимулы). Мы сосредоточились на негативном устойчивом компоненте слухового ответа, который отражает активность нейронов слуховой коры, вовлеченных в селективное представление свойств звука. Для определения латерализации мы изучали разность ответов на тестовые (непериодические гласные или периодические не-гласные) и контрольный стимулы в области слуховой коры в правом и левом полушариях.

Было обнаружено, что у детей и взрослых периодичность или формантная структура звука, по сравнению с контрольным стимулом, приводила к раннему (до 100 мс после начала стимула) и длительному (до 400 мс и более) увеличению негативности устойчивого компонента в слуховой коре (т. е. к более негативному «разностному ответу»). У взрослых разностные ответы на периодичность и формантную структуру были латерализованы к правому и левому полушариям, соответственно, причем латерализация наблюдалась уже в окне 100–200 мс после подачи стимула. У детей разностный ответ на периодичность, как и у взрослых, характеризовался правополушарным преобладанием, в то время как для формантной структуры не наблюдалось полушарной латерализации.

Сравнение взрослой и детской выборок показало, что отсутствие левополушарного преобладания в обработке формантной структуры у детей и наличие такового у взрослых происходит не из-за увеличения ответа в левом полушарии, а из-за уменьшения ответа в правом.

Данные о динамике устойчивого компонента ответа слуховой коры взрослых свидетельствуют о противоположных паттернах латерализации для двух характеристик гласных – формантной структуры и периодичности. У взрослых формантная структура, которая определяет идентичность гласных, анализируется преимущественно левым полушарием, тогда как высота тона гласных – преимущественно правым полушарием. Мы предполагаем, что у взрослых людей левополушарное доминирование обработки гласного звука возникает в потоке слуховой обработки еще до того, как речевой сигнал будет отображен в лингвистической и семантической репрезентации. Этот паттерн латерализации отсутствует у детей, у которых правополушарный вклад в обработку формантных структур является сильным и уменьшается только в подростковый период.

Пластичность мембран нейронов и механизмы действия экотоксикантов

Л. К. Хлудова (МГУ, Москва)

Воздействующие на человека экологически вредные факторы — экотоксиканты — обычно разделяют на следующие группы: физические, химические, биологические, климато-географические, психологические, социально-экономические, действие которых может быть повторно кратковременным или непрерывным и длительным. Экологически вредные вещества на планете имеют природный характер или являются результатами промышленной и сельскохозяйственной деятельности человека. Наиболее опасными экотоксикантами являются радионуклиды и 13 металлов, токсичных во всех своих водо-, щелоче- и кислотнорастворимых соединениях. К этим металлам относятся издревле известный как яд мышьяк, считавшийся до недавнего времени нетоксичным алюминий и представляющие особую угрозу тяжелые и редкоземельные металлы: кадмий, кобальт, марганец, барий, свинец и ртуть. Кобальт и марганец вместе с натрием, калием, кальцием и другими элементами относят к незаменимым, т. е. таким, которые входят в состав ферментов, гормонов и витаминов. Некоторые из них связаны с процессами роста, размножения, кроветворения, клеточного дыхания, обмена веществ, так как образуют с белками металлоорганические соединения, являющиеся регуляторами биохимических реакций. В организме человека кальций играет роль в формировании структуры клеток, гидролизе, переносе фосфата, препятствует активирующему действию магния в ферментных процессах, исключительно важна его роль в процессе электрогенеза нервных клеток и синаптической передаче.

В конце 1970—начале 1980-х годов исследование пластичности командных нейронов (КН) перешло на мембранный уровень. Путем последовательной замены и инкубации препарата в физиологических растворах — бескальциевом (замена хлорида кальция на хлорид кобальта, кадмия или марганца), безнатриево (замена хлорида натрия буфером), и безнатриево + бескальциевом (замена хлорида натрия буфером и хлорида кальция хлоридом кобальта, кадмия или марганца) — изучались реакции потенциалзависимых ионных каналов мембраны нейронов и пейсмекерных потенциалов (Л. К. Хлудова). Путем

последовательной замены и инкубации препарата в физиологических растворах разного состава проводилось тестирование электрической чувствительности КН при действии внутриклеточных деполяризационных импульсов разной интенсивности в восходящем и нисходящем порядке и привыкания к надпороговому раздражителю.

Последовательная инкубация интактных и изолированных КН в физиологических растворах различного ионного состава показала, что генерация потенциалов действия в них полностью определяется натриевой и кальциевой проводимостью мембраны. Пейсмекерные потенциалы могут быть как натриевой, так и кальциевой природы. При последовательной функциональной изоляции каждого вида проводимости они сохраняются, изменяется только порог их появления при действии внутриклеточного деполяризующего тока. В целом электрогенез командных нейронов имеет смешанный характер, и определенный вклад в него вносит также и пейсмекерный потенциал. Функционирование пейсмекерного механизма в КН может быть обеспечено как медленным входящим кальциевым током, так и натриевым током в сочетании с медленным выходящим калиевым током. Вклад ионных проводимостей в пейсмекерный механизм и электрогенез командных нейронов полностью подтвердился и при изоляции нейронов из нервной системы (Л. К. Хлудова, Т. Н. Греченко, Е. Н. Соколов).

Пластические изменения в реакциях командных нейронов в составе ЦНС и полностью изолированных тестировались многократными применениями внутриклеточного деполяризационного импульса постоянной амплитуды. В этих условиях пластичность командного нейрона проявляется в виде снижения числа потенциалов действия при блокаде отдельно натриевого и кальциевого компонентов входящего тока и может определяться инактивацией пейсмекерного механизма. Пластичность пейсмекерных потенциалов представлена изменениями амплитуды и частоты по мере развития привыкания. Для отнесения постепенного снижения числа потенциалов действия к эффекту привыкания использовались различные экстрасимулы, приводившие к растормаживанию, т. е. восстановлению исходного ответа на деполяризующий ток.

Опасность действия экотоксикантов заключается в том, что, в силу физических и химических особенностей строения молекулы, они проникают внутрь нервных клеток, где конкурируют с кальцием и тем самым грубо искажают работу нейронов, а следовательно, и всей нервной системы. Широкое применение кадмия, кобальта, марганца

и других металлов в промышленности и сельском хозяйстве вызывает серьезные нарушения в организме человека и животных, поэтому понимание механизмов действия этих веществ необходимо для разработки адекватных мер защиты и мониторинга их воздействий с использованием данных нейрональных исследований.

Взаимосвязь компонентов жизнеспособности и психофизиологических характеристик функционального состояния организма обучающихся в вузе

Д. Н. Церфус (ПГУПС Императора Александра I, Санкт-Петербурге)

В последнее десятилетие возрос интерес к исследованиям жизнеспособности в рамках психологии, философии, социологии, нейробиологии и других наук, имеющих междисциплинарный характер. Актуальность исследования обусловлена влиянием большого количества стрессогенных воздействий на организм человека, приводящих к нарушению физического и психического здоровья индивида (И. А. Баева, С. В. Чермянин, В. А. Корзунин и др.). Особую значимость приобретают исследования жизнеспособности обучающихся в условиях образовательной среды в вузе. Данные многомерные конструкты, связанные с преодолением человеком трудных жизненных ситуаций, зависящие от личностных характеристик, волевых усилий, особенностей функционального состояния организма, являются необходимым условием жизни.

В настоящее время существует достаточно большое количество исследований данного феномена (И. А. Баева, А. В. Махнач, В. А. Толочек, С. В. Котовская, Е. А. Рыльская). Согласно мнению многих авторов, он представляет некий «социальный гомеостаз», зависящий от социальных, средовых, психологических, нейробиологических и генетических факторов. В настоящее время отечественными специалистами в дополнение к зарубежным методологическим подходам предлагается целостный подход для изучения жизнеспособности (А. В. Махнач, В. А. Толочек и др.). В рамках данного подхода конструкт жизнеспособности рассматривается в контексте взаимосвязанных компонентов, таких как индивидуально-личностные характеристики человека, семейные и социальные взаимоотношения, духовность (А. В. Махнач).

Согласно мнению В. А. Толочка, к числу перспективных исследований относится детализация объективных критериев ресурсных возможностей человека, обуславливающих развитие и поддержание данной характеристики.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи компонентов жизнеспособности и психофизиологических характеристик функционального состояния организма обучающихся в ведомственном и гражданском вузах. В пилотном исследовании приняли участие 60 человек, из них 30 курсантов СПб УГПС МЧС России и 30 студентов ПГУПС Императора Александра I, юношей в возрасте от 19 до 24 лет. Для изучения жизнеспособности и оценки функционального состояния организма применялись методика «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнач, пятифакторный личностный опросник Р. Мак-Крея и П. Косты «Большая пятерка», сложная зрительно-моторная реакция (СЗРМ) с использованием УПФТ1/30 – «Психофизиолог», расчетные физиологические показатели оценки функционального состояния (В. П. Загрядский).

Анализ результатов исследования показал, что для получения объективной оценки данного феномена необходимо применять целостный подход с изучением всех его структурных компонентов, с учетом социальных, средовых, психологических, психофизиологических факторов.

Было установлено, что для обучающихся ведомственного вуза характерны более высокие адаптивные способности, что напрямую отражается на их жизнеспособности и свидетельствует об оптимальном функционировании организма. Они в большей степени испытывают потребность в эмоциональной поддержке со стороны семьи и социума (при $p < 0,01$). У студентов был обнаружен достоверно более высокий уровень напряжения функционального состояния организма, чем у курсантов.

При сравнительном анализе результатов сложной зрительно-моторной реакции (СЗРМ) установлено достоверно большее число упреждающих реакций у курсантов, чем у студентов, что связано с высокой скоростью реакций курсантов в условиях многокомпонентной задачи выбора. Для студентов характерно более высокое качество выполнения задания с меньшим количеством ошибок, для курсантов – более быстрое выполнение задания (при $p < 0,01$).

Корреляционный анализ показателей жизнеспособности в группе студентов показал, что чем выше ответственность за свои дейст-

вия, за происходящее в жизни и оптимистичность в нахождении позитивных решений, тем ниже уровень напряжения функционального состояния (при $p < 0,01$). Чем продуктивнее поведенческие стратегии, связанные с удовлетворением потребностей в неблагоприятных условиях, тем ниже уровень напряжения гемодинамической нагрузки на сердце, при этом сохраняется достаточный уровень обменно-энергетических процессов. Таким образом, учитывая результаты изучения объективных критериев оценки функционального состояния, можно утверждать, что жизнеспособность студентов тесно связана с уровнем их адаптивных способностей.

Результаты исследования могут быть полезны в системе психолого-педагогического сопровождения обучающихся в вузе с целью мониторинга показателей напряженности регуляторных систем. Важную роль в обеспечении и поддержании жизнеспособности играет система социальных связей, поэтому создание такой системы в вузе позволит снизить проблемы адаптации студентов на начальных курсах обучения.

Методология выявления и распознавания психической деятельности мозга человека на основе вейвлетного анализа электроэнцефалограммы*

Е. А. Юматов (НИИ НФ им. П. К. Анохина, Москва)

Несмотря на огромные достижения современной психофизиологии и нейрофизиологии, существующие в данных областях методы не позволяют непосредственно регистрировать и изучать паттерны психической деятельности мозга. Для раскрытия природы психической деятельности мозга необходима разработка принципиально новой информационной методологии, позволяющей расшифровать в нейрофизиологических процессах проявления психической деятельности мозга.

В последние годы получил развитие современный математический метод непрерывного вейвлетного анализа ЭЭГ (А. Н. Павлов с соавт., А. А. Короновский с соавт., Р. В. Исаков с соавт.). Вейвлетный анализ имеет существенное преимущество перед классическим ме-

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-07-00725/16.

тодом спектрального анализа ЭЭГ, поскольку позволяет проводить частотно-временной анализ сложных нестационарных сигналов, одним из которых является ЭЭГ.

Общая цель исследования – разработка информационной технологии и экспериментальных моделей для выявления психической деятельности мозга человека на основе непрерывного вейвлетного анализа сигнала ЭЭГ при различных психических состояниях мозга.

Студенты-добровольцы Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (мужчины 17–20 лет) дали информированное согласие на обработку персональных данных и участие в исследовании. Проведение исследования одобрено на заседании локального этического комитета ФГАОУ ВО «Первого МГМУ им. И. М. Сеченова» № 10-18 от 05.12.2018.

Запись ЭЭГ осуществлялась в разных структурах мозга в 10 отведениях ЭЭГ с помощью электроэнцефалографа «Нейрон-спектр», монополярно по схеме «10–20» в затылочных (O2, O1), теменных (P4, P3), центральных (C4, C3), лобных (F4, F3) и височных (T4, T3) отведениях. Объединенные референтные электроды располагались на мочках ушей. Полоса фильтрации составляла 0,5–75,0 Гц, постоянная времени – 0,32 с, режективный фильтр – 50 Гц. Частота оцифровки – 200 Гц. Статистическая обработка результатов проводилась с помощью критерия Уилкоксона для связанных выборок.

С помощью непрерывного вейвлетного преобразования ЭЭГ нами установлена принципиальная возможность прямой объективной регистрации различных видов психической деятельности мозга человека: осознания смыслового содержания изображения, правдивых или лживых мысленных ответов, мысленного извлечения (воспоминания) информации из памяти (Е. А. Юматов с соавт.).

Вейвлетный анализ фрагментов записи ЭЭГ показывает, что основным ритмом ЭЭГ, по которому можно судить о наличии смыслового восприятия зрительного изображения, является альфа-ритм. Выявлены достоверные различия в его динамике при осознании людьми смыслового содержания изображения и при отсутствии сознательно-го восприятия смыслового содержания изображения.

В проведенном исследовании на основе непрерывного вейвлетного анализа в разных частотных диапазонах ЭЭГ показана принципиальная возможность установления критериев участия разных структур мозга в формировании лживых и правдивых мысленных ответов.

Для изучения механизмов извлечения информации из памяти мозга проведено сравнение по электроэнцефалографическим показателям мыслительных состояний человека, когда он вспомнил и дал правильный ответ на вопрос и когда он не знал или не смог вспомнить ответ. Полученные данные указывают на то, что на основе непрерывного вейвлетного анализа ЭЭГ можно выявить в психической деятельности мозга процесс извлечения информации из памяти.

Раскрытие механизмов психической деятельности мозга является фундаментальной общебиологической, актуальной проблемой науки, решение которой открывает широкие возможности для разработки и практического использования принципиально новых информационных технологий.

**Актуальный, повседневный,
травматический стресс
и его психологические последствия**

Предисловие к разделу

Н. Е. Харламенкова

Тематика повседневного, травматического и посттравматического стресса широко представлена в научной литературе, в исследованиях ученых и в работе практических психологов. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что перечень проблем, нашедших отражение в современной литературе по психологии стресса, соответствует содержанию работ, представленных на данной секции. Среди наиболее острых вопросов – психологические последствия военной, вирусной угроз, угроз, связанных с физическим, эмоциональным и другими видами насилия. Обсуждается спектр психических нарушений, вызванных воздействием интенсивных стрессоров. Это – враждебные и агрессивные реакции, депрессия, высокая тревожность, нарушение межличностных отношений, гипертрофированное чувство вины, виктимность, признаки посттравматического стресса и другие нарушения.

В качестве новых тенденций в исследовании стресса следует назвать дифференцированное исследование групп стрессоров, в том числе повседневных, выделение их структуры и построение профиля психопатологических признаков в зависимости от типа стрессора. Системный характер стрессогенного влияния исследуется в разных возрастных группах с учетом фактора пола. Существенное внимание обращается не только на традиционно изучаемый учебный стресс, но и на анализ так называемого пенсионного стресса, родительского стресса в разных его проявлениях, в том числе и в условиях «нормативного» родительства, в семьях, воспитывающих ребенка с ОВЗ, и др. Актуальными стали работы, посвященные проблеме буллинга и кибербуллинга в ее новом формате: исследуются не только острый стресс, вызванный этим фактором, но и его отдаленные последст-

вия, а также влияние стресса ребенка на эмоциональное состояние семьи.

Остро актуальна тема психологических последствий переживания вирусной угрозы и когнитивных, эмоциональных нарушений, вызванных утратой близких, перенесенным вирусным заболеванием, нарушением семейных отношений вследствие пандемии COVID-19. Проводятся срезовые и лонгитюдные, скриннинговые исследования, анализируются отдельные случаи, семейные пары, пары ребенок–родитель и др.

В истории психологии посттравматического стресса наиболее ранние исследования в этой области приходится на изучение актуального и отсроченного стресса у военнослужащих – участников боевых действий и гражданских лиц, находившихся на территории ведения войны. В современных исследованиях, включая материалы тезисов, формулируются не только научные, но и практические проблемы, решение которых может устранить угрозу кардинального нарушения адаптации человека, перенесшего тяжелое жизненное событие – реальную ситуацию военной агрессии. Актуальными остаются тема субъективного переживания военной угрозы, тема повреждающего характера угрозы у косвенных жертв.

В качестве новой тенденции следует отметить изучение стрессогенности вандално поврежденных объектов городской среды, исследование личностных особенностей и других видов переменных, в совокупности усиливающих вызванное фактором вандализма тревожное и депрессивное состояние.

Гуманистическая направленность исследований, посвященных проблеме стресса, проявила себя в обсуждении разнообразных ресурсов совладания с переживанием стресса и тревоги. Это – темы жизнестойкости и жизнеспособности, совладающего поведения, осознанной саморегуляции, социальной поддержки и др.

Методическое обеспечение исследований включает в себя традиционные валидизированные методики, а также оригинальные приемы сбора данных, позволяющие избежать ретравматизации и одновременно устранить проблему социальной желательности.

Перспективы исследований в области психологии повседневного, травматического и посттравматического стресса видятся в разработке подходов к систематизации исследований по проблеме так называемого ситуативного стресса (например, экзаменационного стресса) и стресса, вызывающего тяжелые и длительно переживаемые психические

состояния. Перспективными можно считать научные разработки, направленные на исследование комплекса или системы стрессогенных факторов, оценка психологических последствий воздействия которых соответствует высокому уровню внешней валидности исследования.

Следует ожидать, что идентичная картина будет складываться в области изучения ресурсов совладания со стрессом, т. е. с более дифференцированным и полным анализом оптимальных способов успешного переживания стресса, с выделением не отдельных (например, эмоциональной поддержки близких), а целых групп факторов, обеспечивающих сохранение и поддержание оптимального уровня психологического благополучия человека.

Роль типа стрессора высокой интенсивности в формировании специфического профиля тревожности у женщин

А. А. Агишева (ИП РАН, Москва)

Проблемы посттравматического стресса и тревожности личности достаточно подробно и глубоко изучены, однако их взаимосвязь раскрывается в литературе в меньшей степени. Специфический профиль тревожности личности непрерывно формируется в течение жизни, начиная с его организации в соответствии с конституциональными индивидуальными особенностями и видоизменяясь в зависимости от актуального уровня благополучия и жизненной ситуации человека. Несмотря на то, что личностная тревожность является одним из предикторов развития посттравматического стресса, современные исследования указывают на вариативность и нелинейность ее связи с интенсивностью проявлений признаков психотравматизации. При этом показатели тревожности имеют тенденцию к нарастанию по мере отягощения течения посттравматического стресса (Т. Д. Азарных).

Наиболее тяжелый по интенсивности посттравматический стресс вызывают ситуации, которые несут угрозу одновременно физическому и психологическому благополучию человека (Н. Е. Харламенкова, Д. А. Никитина). К ним относят ситуации физического, сексуального насилия, а также опасные для жизни заболевания и травмы.

Целью данной части исследования является продолжение изучения роли типа стрессора высокой интенсивности в формировании специфического профиля тревожности.

Исследовательская гипотеза: посттравматический стресс у женщин, имеющих в течение жизни контакт с идентичными стрессорами высокой интенсивности, сопровождается схожими специфическими проявлениями тревожности.

Использованы следующие методики: Шкала самооценки тревожности Спилбергера–Ханина (STAI), Я-структурный тест Аммона (ISTA), опросник PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist) в русскоязычной адаптации (Н. В. Тарабрина), опросник LEC-5 (Life Events Checklist) (Н. В. Тарабрина с соавт.). При анализе и интерпретации данных был использован метод триад, позволяющий сделать акцент на наиболее значимых взаимосвязях между изучаемыми параметрами.

В рамках исследования рассмотрены три профиля респондентов, двое из которых имеют в анамнезе опыт сексуального насилия в несовершеннолетнем возрасте, в то время как третий транслирует отсутствие контактов со стрессорами высокой интенсивности. Респондент А: женщина в возрасте 33 лет, пережившая серию насильственных сексуальных воздействий со стороны близкого родственника, демонстрирующая умеренные и средние показатели конструктивной, деструктивной, дефицитарной и ситуативной тревоги при выраженном посттравматическом стрессе. Респондент Б: женщина в возрасте 25 лет, столкнувшаяся с регулярным сексуальным насилием, исходящим от дальнего родственника, демонстрирующая высокий уровень ситуативной тревожности, средние показатели по шкалам деструктивной и дефицитарной тревоги и пониженный уровень конструктивной тревоги при наличии частичного посттравматического стресса. Респондент В: женщина в возрасте 31 года, отрицающая опыт контакта с потенциально психотравмирующими событиями, показывающая средние результаты по шкалам конструктивной и дефицитарной тревоги при высоком уровне деструктивной и низком уровне ситуативной тревожности. Все участники имеют высокий уровень личностной тревожности. Респонденты А и Б подчеркивают, что, кроме сексуального насилия, контактов с высокоинтенсивными стрессорами иного генеза в их биографии не было.

Анализируя кейсы, можно отметить, что первые два респондента имеют ряд общих черт в структуре профилей тревожности: средние показатели по шкалам деструктивной и дефицитарной тревоги, нали-

чие выраженных и эпизодических проявлений посттравматического стресса, высокий уровень личностной тревожности. Что касается различий, то респондент Б имеет высокий показатель ситуативной тревожности, в то время как респондент А – умеренный. Также респондент Б демонстрирует пониженный уровень конструктивной тревоги; тенденция может быть охарактеризована как нарушение способности к адекватному дифференцированию опасностей, что может являться закономерным последствием нарушения чувства базовой безопасности у жертв сексуального насилия (П. Т. Тюрин). Отраженные в профилях различия могут быть обусловлены личностными особенностями, общим уровнем благополучия, а также опытом прохождения психокоррекционных мероприятий респондентом А. Интерес представляет выраженное повышение показателя по шкале деструктивной тревоги у респондента В. Данное отклонение может быть охарактеризовано неадекватно сильным беспокойством и формироваться в результате вытеснения из памяти психотравмирующих эпизодов или как следствие «рассеивания» высокого уровня личностной тревожности при отсутствии фиксации на конкретном психотравмирующем факторе.

Полученные в результате анализа сведения не могут быть экстраполированы на всю выборку, однако дают возможность выявить схожие тенденции в формировании профилей тревожности у женщин, имеющих в истории жизни идентичный опыт контакта со стрессорами высокой интенсивности.

Высокая тревожность: связь с полом, стрессами, акцентуациями характера

Т. Д. Азарных (ВГУИТ, Воронеж)

Целью исследования являлось изучение связи между высоким уровнем тревожности и наличием в истории жизни тяжелых стрессов, дезадаптационных состояний (ДС) и акцентуаций характера у студентов с учетом пола.

Определялась выраженность следующих показателей: 1) тревожности Тейлор в сырых баллах ТТ (в адаптации Л. Н. Собчик) (дополнительная шкала СМИЛ), 2) депрессии BDI (А. Т. Beck et al.), 3) симптомокомплексов и индексов психопатологической симптоматики

(SCL-90-R) (L. R. Derogatis et al.), 4) стрессов в истории жизни (LEQ, пункты 2–4) (в адаптации Н. В. Тарабриной с соавт.), 5) акцентуаций характера (В. М. Русалов).

Исследования проведены на студентах государственных вузов Воронежа дневной формы обучения в возрасте 18–20 лет. Всего в исследовании приняло участие 804 чел., 537 девушек и 267 юношей.

Анализируемая выборка является нормативной. Об этом свидетельствуют следующие показатели:

- а) отсутствие в ней студентов с наличием посттравматического стресса и острой реакции на стресс, при которых высокая ТТ встречается коморбидно (по данным метаанализа (N. Jakšić et al.);
- б) величина индекса травматизации ИТ ($M = 2,2$, $SD = 0,91$ у девушек и $M = 1,9$, $SD = 0,75$ у юношей) (о наличии посттравматического стресса можно говорить при $ИТ > 3$ (Н. В. Тарабрина)).

Следует отметить, что стрессы из опросника LEQ встречаются в 92,1% случаев у девушек ($N = 1594$ чел.) и в 87,4% случаев у юношей ($N = 704$ чел.) (фронтальное тестирование) (Т. Д. Азарных), т. е. степень травматизации у студентов высокая.

Установлено, что уровень ТТ составляет (в баллах): 18,0 ($SD = 6,84$) у девушек, 13,2 ($SD = 6,03$) у юношей, при этом у девушек он выше ($U = 43162,5$, $p < 0,001$). Для дальнейшего анализа были выделены группы с высокой ТТ. Точкой деления служили значения верхнего квартиля: 25 баллов у девушек и 19 у юношей ($N = 2298$ чел.) (Т. Д. Азарных).

В группе с высокой ТТ, по сравнению с низкой, из 36 видов анализируемых стрессов статистически значимо чаще встречаются следующие (в %): у девушек – отдача в детстве на воспитание или усыновление (5 и 0,5; $\chi^2 = 13,051$, $p < 0,001$), наличие близкого с глубокой депрессией или хроническим пристрастием к алкоголю, наркотикам (24 и 12,8; $\chi^2 = 8,031$, $p < 0,01$), эмоциональное оскорбление или пренебрежение (25 и 9,8; $\chi^2 = 16,912$, $p < 0,001$), изнасилование (3 и 0,7; $\chi^2 = 3,942$, $p = 0,047$), сексуально-окрашенные действия (8 и 2,1; $\chi^2 = 9,368$, $p < 0,01$), нападение без оружия и причинение травмы (6 и 2,1; $\chi^2 = 4,654$, $p = 0,031$); у юношей – семейное насилие с причинением травмы (10 и 3,7; $\chi^2 = 7,097$, $p < 0,01$), грабеж или групповое нападение (43,3 и 26,6; $\chi^2 = 6,185$, $p = 0,013$), природные катастрофы (18,3 и 9,2; $\chi^2 = 3,909$, $p = 0,048$), эмоциональное оскорбление или пренебрежение (16,7 и 6,8; $\chi^2 = 5,577$, $p = 0,018$), физическое пренебрежение (недостаточное питание, очень плохая, не со-

ответствующая сезону одежда или отсутствие необходимого ухода во время сильной болезни или в детстве) (8,3 и 2,4; $\chi^2 = 4,519$, $p = 0,034$). Возраст на момент стресса (за одним исключением) составляет 11–17 лет у девушек и 12–16 лет у юношей, т. е. стрессы произошли в подростковом возрасте.

Высокая ТТ не является изолированной особенностью личности. Об этом свидетельствуют следующие данные.

В группе с высокой ТТ, по сравнению с низкой, независимо от пола чаще встречаются ДС в виде депрессии (BDI), симптомокомплексов (SOM), обсессивности–компульсивности (О-С), межличностной сензитивности (INT), депрессии (DEP), тревожности (ANX), враждебности (HOS), фобической тревожности (PHOB), паранойяльности (PAR), психотизма (PSY), индекса тяжести дистресса (GSI): 32–51% и 5,9–16,5%, $\chi^2 = 24,120$ –88,072 у девушек, 33,3–56,7% и 8,2–16,4%, $\chi^2 = 11,893$ –55,575 у юношей, $p < 0,001$ во всех случаях. О наличии ДС свидетельствовали высокие значения, границей которых служил верхний квартиль, отсекающий 25% выборки с наибольшей выраженностью показателя.

В группе с высокой ТТ независимо от пола выше частота встречаемости четырех акцентуаций характера (в %) (до косой черты у девушек, после – у юношей): тревожной (40,2 и 26; $\chi^2 = 7,615$, $p < 0,01$) / (12,5 и 2,4; $\chi^2 = 9,210$, $p < 0,01$), циклотимной (70,1 и 35,7; $\chi^2 = 37,415$) / (42,9 и 12,5; $\chi^2 = 24,110$), возбудимой (33 и 13,6; $\chi^2 = 19,968$) / (33,9 и 13,1; $\chi^2 = 12,191$), экзальтированной (43,3 и 7,6; $\chi^2 = 29,040$) / (26,8 и 7,7; $\chi^2 = 13,932$) (везде $p < 0,001$), у девушек также застревающей (39,2 и 19,9; $\chi^2 = 15,739$, $p < 0,001$), эмотивной (44,3 и 28,3; $\chi^2 = 9,140$, $p < 0,01$), педантичной (30,9 и 7,8; $\chi^2 = 8,116$, $p < 0,01$), дистимной (40,2 и 9,7; $\chi^2 = 53,770$, $p < 0,001$) и меньше – гипертимной (6,2 и 19,9; $\chi^2 = 10,303$, $p = 0,001$).

Выводы:

1. В уровне ТТ существует разница по полу: у девушек он выше.
2. За высокой ТТ стоят определенные пережитые в подростковом возрасте тяжелые стрессы.
3. Высокая ТТ сопровождается наличием а) других ДС, что утяжеляет психическое состояние личности, б) акцентуаций характера, что снижает как минимум ситуативную адекватность реагирования и увеличивает вероятность долгосрочных негативных последствий для личности, в том числе и через увеличение вероятности агрессивного поведения.

Биопсихологические аспекты пенсионного стресса в Российской Федерации*

Т. Н. Березина (МГППУ, Москва)

Цель исследования — изучение влияния пенсионного стресса на биопсихологический возраст и образ жизни у мужчин и женщин в России. Испытуемые — 1546 человек (809 женщин) в возрасте от 26 до 88 лет, разделенные на 9 возрастных групп. Используются следующие методы: измерение биологического возраста, оценка субъективного психологического возраста, ожидаемого пенсионного возраста, анкета жизненного пути. Биологический возраст оценивался с помощью формулы, включавшей в себя показатели обмена веществ, работы сердечно-сосудистой, дыхательной систем и системы органов равновесия, также использовался психологический опросник здоровья. Психологический возраст оценивался по стобальной шкале, где 0 баллов — возраст новорожденного, у которого все впереди, а 100 баллов — возраст человека, завершающего свой жизненный путь. Ожидаемый пенсионный возраст высчитывался как среднее по нескольким шкалам, по которым испытуемый оценивал свой идеальный возраст выхода на пенсию, максимально и минимально допустимый, реальный и определяемый по закону.

Получены следующие результаты. Обнаружено два вида психологического стресса, влияющего на биологический возраст человека: стресс ожидания выхода на пенсию и стресс от выхода на пенсию. По результатам исследования было установлено, что в России биологический возраст человека связан с календарным перевернутой U-образной зависимостью. Пик относительного старения попадает на предпенсионный и постпенсионный возраст. Под влиянием пенсионного стресса также происходит рассогласование биологического и психологического старения. Мужчины и женщины, приближаясь к пенсионному возрасту, начинают быстрее стареть биологически, но психологически, наоборот, чувствуют себя моложе. Биологически мужчины стареют сильнее, чем женщины. Пенсионный стресс влияет также на образ жизни: происходит увеличение количества вредных привычек, изменяется количество хобби. Ожидаемый пенсионный возраст не показал заметной динамики, связанной с пенсионным стрессом.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00058.

Итак, удалось установить, что 1) существуют два вида пенсионного стресса – стресс ожидания пенсии и стресс выхода на пенсию; 2) пенсионный стресс приводит к ускорению биологического старения, рассогласованию биологического и психологического возрастов, изменению количества вредных привычек и количества хобби.

Давность переживания оскорбления и посттравматический стресс в период средней зрелости

А. А. Бузина (Москва)

Оскорбление, представляя собой стрессор высокой интенсивности, имеет длительный характер воздействия, который проявляется в актуальном переживании травмы независимо от ее давности (Н. Е. Харламенкова). С другой стороны, очевидно, что интенсивность симптомов посттравматического стресса (ПТС) может снижаться со временем (Н. Н. Казымова).

Цель исследования – выявление взаимосвязи интенсивности ПТС, вызванного переживанием оскорбления, и давности этого травматического события.

Гипотеза исследования: интенсивность ПТС, вызванного оскорблением, ослабевает со временем.

Участниками исследования стали 74 человека (56 женщин и 18 мужчин, средний возраст 47 лет).

Каждый участник исследования заполнял следующие опросники:

1. Опросник травматических ситуаций (LEQ) (J. S. Norbeck, I. G. Sarason, J. H. Johnson, J. M. Siegel), адаптированный на русский язык Н. В. Тарабриной, который позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии признаков ПТС.
2. Опросник «The Posttraumatic Stress Disorder Checklist for DSM-5» (PCL-5), адаптированный на русский язык коллективом лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН (Н. В. Тарабрина и др.), который служит для оценки тяжести симптомов, соответствующих отдельным критериям ПТСР – навязчивого повторения, избегания, негативных изменений в когнитивно-эмо-

циональной сфере и возбудимости. Также подсчитывается итоговый показатель тяжести симптомов.

Все участники исследования отметили пункт 26 LEQ, относящийся к переживанию оскорбления (с указанием даты события).

Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программных пакетов MS Excel и Statistica v. 10.

В ходе проверки гипотезы был проведен корреляционный анализ показателей интенсивности ПТС по опроснику PCL-5 и давности оскорбления по LEQ. Давность оскорбления определялась величиной лет, прошедших с момента травматического события.

Статистический анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена (r_s) выявил обратную взаимосвязь давности оскорбления, с одной стороны, и итогового показателя тяжести симптомов, а также симптомов навязчивого повторения, симптомов избегания по PCL-5 ($r_s = -0,342$, $p = 0,002$; $r_s = -0,372$, $p = 0,001$; $r_s = -0,322$, $p = 0,005$, соответственно) – с другой. Корреляционная связь симптомов негативных изменений в когнитивно-эмоциональной сфере и возбудимости с давностью оскорбления выявлена не была ($r_s = -0,219$, $p = 0,06$; $r_s = -0,147$, $p = 0,211$, соответственно).

Статистический анализ позволил подтвердить выдвинутую гипотезу. Корреляция давности оскорбления и итогового показателя тяжести симптомов отрицательна: чем больше времени прошло с момента события, тем слабее интенсивность переживания.

Как правило, воздействие стрессоров высокой интенсивности, к которым можно отнести и оскорбление, носит длительный характер: люди настойчиво воспроизводят в памяти травматическое событие, оно продолжает негативным образом сказываться на их состоянии. Тот факт, что участники исследования эффективно справляются с последствиями оскорбления, позволяет предположить наличие у них неких психологических ресурсов (например, поддержки близких). Этот вопрос представляет собой тему отдельного исследования.

Для ряда респондентов травматичная ситуация оскорбления осталась в прошлом (в частности, в случае смены места работы, развода). Отсутствие в нынешней жизни источника оскорбления играет позитивную роль: новые взаимоотношения и впечатления вытесняют старые, доставлявшие травматичные переживания. Это подчеркивает обратная корреляция давности оскорбления и симптомов навязчивого повторения: со временем воспоминания меркнут, люди извлекают уроки из негативного опыта.

Стоит отметить и особенности периода средней зрелости: респонденты этой возрастной категории имеют опыт переживания негативных событий, а также обладают достаточными силами, чтобы эффективно противостоять последствиям оскорбления. Многие респонденты способны к взвешенному анализу оставшегося в прошлом оскорбления, что подтверждает обратная корреляция давности события и симптомов избегания.

Необходимо учитывать особый характер такого стрессора, как оскорбление: оно наносит урон чувству собственного достоинства и психологическому благополучию человека. Даже оставшись в прошлом, оскорбление способно непроизвольно напоминать о себе раздражением, гневом, неспособностью сосредоточиться. Это находит отражение в отсутствии корреляционной зависимости давности оскорбления и симптомов негативных изменений в когнитивно-эмоциональной сфере и возбудимости.

Половозрастные особенности взаимосвязи чувства вины как признака посттравматического стресса и смысложизненных ориентаций*

Ю. В. Быховец (ИП РАН, Москва), Д. О. Хохоня (ГАУГН, Москва)

Актуальность работы обусловлена социальной значимостью проблемы переживания посттравматического стресса и отсутствием эмпирических исследований взаимосвязи чувства вины как признака посттравматического стресса и смысложизненных ориентаций (СЖО) в отечественной литературе. Данное исследование позволяет более полно описать структуру их взаимосвязи.

Новизна исследования: впервые на российской выборке студентов и взрослых людей проведено исследование взаимосвязи чувства вины как признака посттравматического стресса и СЖО.

Объект исследования: студенты различных московских вузов и взрослые люди, занятые в различных сферах профессиональной деятельности. Всего в исследовании приняло участие 100 человек в возрасте от 18 до 45 лет.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию №0138-2022-0005.

Предмет исследования: патологическое чувство вины в соотношении с содержанием смысложизненных ориентаций.

Цель исследования: изучение половозрастных особенностей взаимосвязи чувства вины как признака посттравматического стресса и смысложизненных ориентаций.

При проведении исследования были использованы следующие методики: опросник оценки влияния стрессовых событий PCL-5 «Posttraumatic Stress Disorder Checklist» (F. W. Weathers), адаптированный коллективом лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН в 2016 г., тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева, опросник «Trauma-Related Guilt» (E. S. Kubany) в адаптации Ю. В. Быховец.

Результаты проведенного исследования: показано, что смерть близкого человека является наиболее психотравмирующим событием, которое сопровождается тяжелыми переживаниями длительное время.

В отношении половозрастной специфики взаимосвязи СЖО и признаков ПТС можно отметить следующее: женщины 18–22 лет с высоким уровнем негативных когнитивно-эмоциональных изменений, связанных с травматическим событием, характеризуются меньшим ощущением контроля над своей жизнью, восприятием осмысленности и удовлетворенности своей жизнью в настоящем; для женщин 23–45 лет больший спектр беспокоящих их проявлений признаков ПТС взаимосвязан с низким уровнем осмысленности жизни, с отсутствием источников смысла жизни в прошлом, настоящем и будущем; у мужчин 18–45 лет выявлена сходная с группой женщин среднего возраста картина взаимосвязей признаков ПТС и смысложизненных ориентаций.

Изучение половозрастной особенности взаимосвязи чувства вины и СЖО позволило получить следующие данные: для женщин 18–22 лет интенсивность предчувствия наступления травматического события (как составляющая чувства вины) взаимосвязана с высоким уровнем осмысленности жизни, поиском источника смысла в будущем, с большим ощущением контроля над своей жизнью; для женщин 23–45 лет интенсивность испытываемого чувства вины, ответственности за произошедшее травматическое событие взаимосвязаны с низким уровнем осмысленности жизни; у мужчин интенсивность и содержание переживания чувства вины, вызванного травматической ситуацией, не связаны со спецификой смысложизненных ориентаций.

Оценка взаимосвязи чувства вины и признаков посттравматического стресса дала следующие результаты: для женщин юношес-

кого возраста получены данные об отсутствии взаимосвязи признаков ПТС с параметрами чувства вины; у женщин среднего возраста выраженность чувства вины и ответственности за произошедшее событие сопряжены со всеми признаками посттравматического стресса; для мужчин интенсивность чувства вины также взаимосвязана со всеми признаками ПТС. Дополнительной является связь ощущения недостатка оправдания собственным действиям (как составляющая чувства вины) с таким признаком ПТС, как навязчивое повторение травматического события в виде воспоминаний, мыслей и пр.

Выводы:

1. Для респондентов юношеского и среднего возраста высокотравмирующим событием является утрата близкого человека.
2. Показано, что женщины среднего возраста более уязвимы к переживанию ПТС и паталогического чувства вины, нежели женщины 18–22 лет. Для мужчин фактор возраста не является значимым в оценках интенсивности этих переживаний.
3. Выявлены возрастные различия во взаимосвязи признаков ПТС и смысложизненных ориентаций между женскими подгруппами 18–22 лет и 23–45 лет. У мужчин 18–45 лет выявлена сходная с группой женщин среднего возраста картина взаимосвязей признаков ПТС и смысложизненных ориентаций.
4. Показана половозрастная специфика взаимосвязей проявлений чувства вины и смысложизненных ориентаций.
5. Определены половозрастные различия во взаимосвязи параметров чувства вины и признаков ПТС у женщин и мужчин среднего возраста.

Выгорание студентов, обучающихся в российских вузах: кросс-культурный аспект

*Ф. И. Валиева (Гуманитарный институт СПбПУ, Санкт-Петербург),
М. С. Стёпкина (Гуманитарный институт СПбПУ, Санкт-Петербург)*

В последние десятилетия выгорание было предметом научных исследований в основном психологов и социологов. За это время появились различные подходы его к определению как научной катего-

рии. Некоторые ученые полагают, что причиной выгорания является стресс, связанный с профессиональной деятельностью (К. Маслак, Дж. Джексон, Дж. Гринберг, В. Е. Орел, Н. Е. Водопьянова, С. Б. Величковская и др.). Синдром профессионального выгорания прослеживается на всех этапах становления профессиональной личности. В последние годы исследователей волнует распространение проблемы выгорания среди студентов. Молодые люди в начале своего профессионального обучения часто имеют ожидания, представления о том, как будет проходить учебный процесс, студенческая жизнь, какие предметы они будут изучать. Но в процессе обучения нередко первоначальные ожидания студентов не оправдываются. Они начинают ощущать давление от ежедневной рутины, связанной с написанием работ, с домашним заданием, с подготовкой к экзаменам и исследовательским проектам.

Если рассматривать студентов, которые получают образование за рубежом, то, помимо вышеперечисленных проблем, они сталкиваются с различием менталитетов, культур, возникают трудности с преодолением языкового барьера и с социальной адаптацией, самореализацией и интеграцией в новом социуме, а также с развитием толерантного отношения к участникам межкультурного общения.

Исследование проводили с помощью интернет-опроса респондентов с использованием методик, определяющих уровни общей удовлетворенности процессом обучения, профессионального выгорания, эмоционального интеллекта, резильентности, локуса контроля. В рамках исследования был также использован авторский опросник по выявлению факторов учебной жизни, способствующих выгоранию обучающихся. Всего в исследовании приняли участие 115 студентов в возрасте от 18 до 25 лет. Группа включала иностранных (60% от общего количества испытуемых) и российских студентов (40% от общего количества испытуемых).

В группе иностранных студентов, которая состояла из представителей Китая, в большей степени выражено профессиональное выгорание, нежели в группе российских студентов. Показатель выгорания у иностранных студентов значительно выше, что говорит об их психической и физической истощенности. Обучение в университете дается им достаточно сложно, межличностные контакты редки. Фактором, в немалой степени способствующим выгоранию, можно назвать и языковые сложности, особенно у китайских студентов. При этом

российские студенты проявляют в заметной степени снижение чувства собственной учебной компетентности. Показатели по уровню локуса контроля и резильентности у иностранных и российских студентов схожи.

Основную часть констатирующего эксперимента составлял математико-статистический анализ полученных данных. Обработка результатов происходила при помощи программы MS Excel и SPSS Statistics v. 25. Корреляционный и факторный виды анализа производились отдельно для иностранных и российских студентов.

Были выявлены некоторые общие черты: результаты показали, что цинизм (деперсонализация) имеет прямые корреляции с рабочей нагрузкой (0,469) и эмоциональным истощением (0,690) и обратную – с резильентностью (–0,301). У иностранных студентов в большей степени проявляется эмоциональное истощение в тех случаях, когда они начинают погружаться в процесс обучения. Российские студенты также выгорают сильнее при высокой ориентации на рабочую нагрузку, изучении новой учебной информации сверх нормы, которая предусмотрена университетом. Интересно, что у иностранных студентов наблюдается тенденция к управлению своими эмоциями только в случае их понимания. У российских студентов прямые корреляции были выявлены между редукцией профессиональных достижений и отношением к вознаграждению (0,439), контактами с одноклассниками (0,422).

Факторный анализ был проведен с целью выявления компонентов, которые в разных сочетаниях могут влиять на профессиональное выгорание иностранных и российских студентов. Нами использовался метод главных компонент. У представителей иностранных студентов было извлечено четыре основных фактора: эмоционально-волевой (управленческий), фактор выгорания, ценностный и индивидуальный. Факторный анализ данных по российской выборке также выявил четыре компонента: фактор выгорания, коммуникативный, эмоциональный и морально-этический факторы.

Также был проведен факторный анализ данных, включая показатели авторского опросника «Факторы учебной жизни обучающихся». По результатам анализа было выявлено, что в большей степени на развитие синдрома выгорания студентов влияют такие блоки, как вознаграждение, отношения с одноклассниками, рабочая нагрузка, социокультурная адаптация и справедливость.

Структура стрессоров повседневной жизни девушек-подростков

*О. С. Галашева (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Л. А. Головей (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Проблема повседневной стрессовой нагрузки привлекает все большее внимание исследователей. Увеличение интереса к этой теме объясняется усложняющимся характером жизни, увеличением ее темпов, предъявлением все более высоких требований к психологической устойчивости человека. Ряд авторов, обсуждая необходимость исследований повседневного стресса, указывают на его кумулятивный характер, за счет чего он оказывает негативное влияние на психологическое и соматическое здоровье и функционирование личности (С. D. Ryff, С. L. M. Keyes, Н. Е. Харламенкова). При этом следует отметить, что большая часть исследований повседневного стресса выполнена на взрослых выборках. Имеются исследования, показывающие негативное влияние повседневного стресса подростков на его социально-психологическую адаптацию; выявлена связь высокого уровня повседневного стресса с суицидальным поведением (А. С. Рахимкулова, В. А. Розанов). Исследователи показали, что сферами жизни, вызывающими наибольшие трудности у подростков, являются сфера отношений со взрослыми, друзьями, школьная сфера (В. К. Зарецкий и др.). Изучение половых особенностей реагирования на стресс выявило более сильные реакции у девушек, по сравнению с юношами (В. L. Hankin, R. Mermelstein, L. Roesch). Следует отметить, что остается малоизученным содержание стрессоров, сферы их изучения чаще всего достаточно ограничены.

Исходя из вышеизложенного, целью работы стало исследование восприятия стрессоров повседневной жизни девушками подросткового возраста, выявление частоты и силы переживания стрессовых событий, а также сфер жизни, вызывающих стресс. В исследовании приняли участие 122 девушки, обучающиеся в средних общеобразовательных учебных заведениях, в возрасте 13–17 лет.

Был использован авторский опросник повседневного стресса для подростков, который включал список из 93 событий. Испытуемых просили выделить события, которые произошли с ними в течение последних двух недель и отметить по 10-балльной шкале силу переживания каждого из выбранных событий. Помимо этого, применял-

ся стандартизованный опросник «Шкала воспринимаемого стресса – 10» (ШВС-10) В. А. Абабкова с соавт.

Проведенное исследование выявило довольно высокий уровень присутствия повседневных стрессоров во всех сферах жизни девушек. Общее количество стрессоров колебалось от 8 до 89 за две недели при среднем 43,7. Это свидетельствует о том, что ежедневно подростки сталкивались примерно с тремя событиями, вызывающими напряженность. Факторный анализ позволил выявить сферы стрессовых переживаний. Ими оказались как сферы внутренних переживаний – «Одиночество, страхи», «Отвержение», «Самоотношение», – так и сферы, связанные с внешними факторами – «Финансы», «Школа, учеба», «Общение со старшими», «Дела, планирование». Корреляционный анализ выявил положительные взаимосвязи всех стрессоров между собой (при $p < 0,01, 0,05$), что свидетельствует о наличии индивидуальной восприимчивости к стрессорам. Показатели количества стрессоров и силы их переживания взаимосвязаны с уровнем перенапряжения, с сопротивлением стрессу и с воспринимаемым стрессом (ШВС-10). Таким образом, видно, что повседневная жизнь подростков насыщена событиями, вызывающими стрессовое напряжения, что может негативно влиять на их психологическое благополучие.

Особенности жизнеспособности семей и эмоциональной семейной коммуникации лиц с инвалидностью*

Е. С. Гусарова (МГППУ, Москва), Д. В. Лубовский (МГППУ, Москва)

Целью пилотного исследования являлось сравнение показателей жизнеспособности семьи, эмоциональных семейных коммуникаций и стилей привязанности у людей с наличием инвалидности или ОВЗ и условно здоровых.

Сбор данных проходил в марте-апреле 2022 г. с помощью Yandex Forms. В исследовании приняли участие 108 человек в возрасте от 18 до 56 лет: 42 участника с наличием инвалидности или ОВЗ ($M = 27,1, SD = 10,7$), из них 28,8% мужчин и 71,2% женщин, и 66 условно здоровых участников ($M = 26,6, SD = 9,1$), из них 25% мужчин и 75% женщин. Различий по полу ($\chi^2 = 0,180, p = 0,672$), возрасту ($\chi^2 = 0,180, p = 0,672$)

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00820.

и уровню образования ($\chi^2 = 5,032$, $p = 0,412$) не выявлено. Однако группы различаются по статусу отношений ($\chi^2 = 8,632$, $p = 0,035$). Участники с наличием инвалидности или ОВЗ чаще отмечали «холост/не замужем». Также следует указать на тенденцию к различиям в отношении статуса занятости ($\chi^2 = 9,427$, $p = 0,051$). Большая часть (73,8%) участников с наличием инвалидности или ОВЗ заняты учебной, работают 14,3%, в то время как условно здоровые участники распределены в группе более равномерно: 45,5% учатся, 37,9% работают.

Участники исследования заполняли социобиографическую анкету, опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова, М. Г. Сорокова), краткую версию переработанного опросника «Опыт близких отношений» (К. А. Чистопольская и др.) и «Шкалу оценки жизнеспособности семьи» (Е. С. Гусарова, М. А. Одинцова, М. Г. Сорокова), в которую была добавлена субшкала духовности семьи и изменены варианты ответов.

Выявлена следующая частота встречаемости неблагоприятных событий в семье: смерть близких – 29,6%, ссора в семье – 18,5%, болезнь – 13%, развод – 13%, потеря работы и материальное неблагополучие – 10,2%, переезд – 8,3%, длительная разлука с членами семьи – 2,8%, война и участие в боевых действиях – 2,8%, событие не указано – 1,9%. Различий в частоте встречаемости тех или иных событий у участников с наличием инвалидности или ОВЗ и условно здоровых выявлено не было ($\chi^2 = 10,890$, $p = 0,208$). Интенсивность переживаний этих событий и лица с инвалидностью или ОВЗ ($M = 8,1$, $SD = 2,5$), и условно здоровые ($M = 8$, $SD = 2,1$) оценивают одинаково высоко ($U = 1500,5$, $p = 0,453$). Различий в изменении связи в семье после наступления неблагоприятного события также не обнаружено ($\chi^2 = 2,240$, $p = 0,326$).

У участников с наличием инвалидности или ОВЗ и условно здоровых не было выявлено различий в оценке жизнеспособности семьи ни по общему показателю ($U = 1368$, $p = 0,910$), ни по одной из субшкал: семейная коммуникация и связность ($U = 1372$, $p = 0,930$), позитивный прогноз и решение проблем ($U = 1328$, $p = 0,714$), принятие и гибкость ($U = 1188$, $p = 0,210$), социальные ресурсы ($U = 1337$, $p = 0,757$), духовность семьи ($U = 1352,5$, $p = 0,833$).

Различия между группами в отношении эмоциональных коммуникаций в родительской семье были получены по шкале «Сверхвключенность» ($U = 1052$, $p = 0,033$, $r = 0,241$). Данный показатель выше в группе условно здоровых участников. Различий по другим параметрам

рам – критика ($U = 1278,5$, $p = 0,497$), индуцирование тревоги ($U = 1364$, $p = 0,889$), элиминирование эмоций ($U = 1159$, $p = 0,148$), фиксация на негативных переживаниях ($U = 1336,5$, $p = 0,752$), внешнее благополучие ($U = 1320,5$, $p = 0,677$), семейный перфекционизм ($U = 1190,5$, $p = 0,212$), общий балл ($U = 1273,5$, $p = 0,478$) – выявлено не было. Также не было обнаружено различий в отношении стилей привязанности у участников из разных групп: тревожности ($U = 1361,5$, $p = 0,877$) и избегания ($U = 1252$, $p = 0,398$).

В целом, результаты исследования указывают на то, что лица с наличием инвалидности или ОВЗ и условно здоровые сталкиваются с похожими неблагоприятными событиями в своих семьях, одинаково высоко оценивают их по интенсивности переживания и отмечают изменения эмоциональной связи в семейных отношениях после тяжелых событий. Показатели жизнеспособности семьи, эмоциональных коммуникаций, кроме сверхвключенности, а также выраженность стилей привязанности схожи в обеих группах.

Ресурсы стрессоустойчивости студентов с разным уровнем социальной адаптации

Ю. А. Дмитриева (ЮУрГУ (НИУ), Челябинск)

Учебная деятельность в университете обладает рядом особенностей: неопределенность при выполнении проектов, сложность освоения дисциплин, большой диапазон вариантов выполнения, наличие множества стрессогенных ситуаций оценивания результатов деятельности. Одни студенты быстро адаптируются к сложным и вариативным условиям деятельности, максимально раскрывая и реализовывая свой потенциал, в то время как другие студенты, наоборот, регулярно испытывают различные трудности в учебной деятельности, плохо адаптируются, неспособны справляться с повседневными стрессорами. Выход из стрессовой ситуации может быть различен: как адаптация к сложившейся ситуации и рациональный выход из нее, внутреннее переживание стресса, так и внешние проявления, направленные на окружающих, – агрессия, асоциальное поведение. В целом, адаптивное поведение в ситуации фрустрации понимается как нормативность поведения в критических ситуациях. Адаптация личности как ее развитие через усвоение норм группы рассматривается в социально-

психологической концепции личности А. В. Петровского. В процессе адаптации происходит развитие личности через усвоение как просоциальных, так и асоциальных ценностей группы. В контексте расширенного понимания адаптации возможно рассмотрение феномена преадаптации, обсуждаемого А. Г. Асмоловым в контексте предвосхищения возможных направлений будущего развития общества.

Цель исследования: изучить широкий спектр личностных свойств, которые определяют уровень переживания стресса и просоциальное или асоциальное поведение в ситуации фрустрации.

Выборка исследования: 104 человека, студенты технических специальностей ЮУрГУ. Вся выборка была разделена на две группы по уровню общей социальной адаптации: 1) студенты с высоким уровнем социальной адаптации ($n_1 = 56$, $GCR > 47,3$); 2) студенты с низким уровнем социальной адаптации ($n_2 = 48$, $GCR < 47,3$).

Методики исследования: «Фрустрационный тест Розенцвейга», адаптированный Л. А. Ясюковой; «Шкала психологического стресса» Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой; методика SACS С. Хобфолл в адаптации Н. Е. Водопьяновой; методика «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина; пятифакторный опросник Р. МакКрае и П. Коста в адаптации В. Е. Орла, А. А. Рукавишниковой, И. Г. Сенина, Т. А. Мартина; методика «Типология личностного выбора жизненного пути» В. Г. Грязевой-Добшинской и А. С. Мальцевой; опросник жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. В. Рассказовой; методика АКТ-70 К. У. Эттриха, адаптированная И. П. Шкуратовой.

Структура ресурсов стрессоустойчивости анализировалась на основании факторного анализа данных психологической диагностики в двух группах студентов, дифференцированных по уровню общей социальной адаптации. Выявлена специфика переживания стресса и ресурсов стрессоустойчивости студентов с разным уровнем социальной адаптации. У студентов с высоким уровнем социальной адаптации ресурсами стрессоустойчивости являются жизнестойкость и включенность в деятельность, что свидетельствует об их личностной зрелости. У студентов с низким уровнем социальной адаптации специфика переживания стресса связана со вступлением в социальные контакты, поиском социальной поддержки и полезависимостью. Ресурсами стрессоустойчивости для них будет выступать развитие автономии и способность выполнять деятельность и принимать решения без опоры на мнение окружающих людей. У всех студентов, не-

зависимо от уровня социальной адаптации, обнаружена тенденция избегания конфликтов.

Выявлены оптимальные стратегии преодоления негативных (асоциальных, агрессивных) последствий переживания стресса и ситуаций фрустрации у студентов с разным уровнем социальной адаптации. У студентов с высоким уровнем социальной адаптации для снижения агрессии рекомендуется развивать открытость по отношению к новому, принятие сложности и трудности окружающего мира. Для снижения проявлений асоциального поведения рекомендуется развивать дружелюбие и готовность к сотрудничеству с другими людьми.

У студентов с низким уровнем социальной адаптации для снижения проявлений асоциального поведения рекомендуется развивать их дружелюбие, открытость новому опыту и уделять большее внимание развитию рефлексии и поддержки внутренней сложности. При этом развитие открытости опыту может вызвать снижение склонности к согласию, т. е. развитие большей самостоятельности, независимости.

Выявлены оптимальные просоциальные стратегии преодоления стресса и ситуаций фрустрации у студентов с разным уровнем социальной адаптации. Студенты с высоким уровнем социальной адаптации обладают ресурсами, необходимыми для оказания помощи в трудных жизненных ситуациях. В группе студентов с низким уровнем социальной адаптации действующие стратегии преодоления стресса не связаны с личностными ресурсами и основываются на поиске социальной поддержки и вступлении в социальные контакты.

Удовлетворенность социальной поддержкой и восприятие стрессовой ситуации младшими школьниками*

Е. Н. Дымова (ИП РАН, Москва), Д. А. Никитина (ИП РАН, Москва)

В процессе обучения в школе уверенность в окружающей поддержке позволяет ребенку активнее проявлять себя в процессе обучения, увереннее познавать окружающий мир и быстрее адаптироваться к изменяющейся социальной среде. В понятии «социальная поддерж-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 22-28-00972.

ка» выделяют такие ее формы, как принимаемая и воспринимаемая поддержка. Удовлетворенность ребенком социальной поддержкой скорее является воспринимаемой формой поддержки и подвержена многообразному воздействию извне. На уровень удовлетворенности социальной поддержкой оказывают влияние актуальное настроение ребенка, его физическое и психологическое состояние, а также особенности ситуации, в которой он находится. Мы предполагаем, что если ребенок оценивает актуальную ситуацию как тревожную, стрессовую, потребность в социальной поддержке и уровень воспринимаемой удовлетворенности социальной поддержкой претерпевают изменения. По причине того, что дети очень эмоциональны, восприимчивы и чувствительны, диапазон жизненных ситуаций, оцениваемых ими как стрессовые, достаточно широк. Следовательно, изучение переживания ребенком стрессовых событий и удовлетворенности социальной поддержкой не теряет своей актуальности и требует детального научного подхода.

Целью данного исследования является анализ половых различий в сопряженности уровня удовлетворенности социальной поддержкой с пониманием стрессовой ситуации как близкой актуальному состоянию ребенка. Выдвинута гипотеза о том, что удовлетворенности социальной поддержкой сопутствуют особенности в восприятии стрессовой ситуации, различающиеся у девочек и мальчиков младшего школьного возраста.

В исследовании принимали участие младшие школьники МБОУ СОШ № 1 г. Лосино-Петровский Московской области ($N = 131$) в возрасте 9–12 лет.

В качестве методического материала использовались «Цветовой тест отношений» (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинды ЦТО – для анализа рангов предпочитаемых цветов, ассоциируемых с таким понятием, как «стрессовая ситуация», «Опросник социальной поддержки» F-SOZU-22 (G. Sommer, T. Fydrieh) в адаптации А. Б. Холмогоровой и Г. А. Петровой – с целью определения удовлетворенности и типов социальной поддержки в младшем школьном возрасте. Статистическая обработка данных была проведена с использованием программного пакета Statistica v. 10 и включала в себя описательную статистику (вычислялись медианы – Me) и анализ групповых различий с помощью U -критерия Манна–Уитни.

Респонденту предлагалось выбирать цвета в порядке предпочтения, начиная с «самого приятного» и заканчивая «самым некраси-

вым, неприятным» цветом и отдельно цвет, ассоциируемый с понятием «стрессовая ситуация». При интерпретации данных цвету, ассоциируемому с понятием «стрессовая ситуация», приписывался ранг в соответствии с последовательностью предпочитаемых цветов. Дополнительно каждого респондента просили объяснить, что такое стрессовая ситуация.

Для проверки гипотезы респонденты ($n = 131$) были разделены на две группы по переменной «пол» (девочки $n = 60$ и мальчики $n = 71$); каждая из которых была поделена на подгруппы по уровню выраженности показателей удовлетворенности социальной поддержкой (УСП) (девочки $Me = 3$ и мальчики $Me = 4$).

При сравнении респондентов с высокими показателями УСП между мальчиками и девочками не было обнаружено различий по косвенной оценке стрессовой ситуации с помощью методики ЦТО ($p > 0,05$). Различия были выявлены при сопоставлении подгрупп с низкими показателями УСП (девочки – $Me = 5$, мальчики – $Me = 4$, $U = 514$, $p = 0,02$). Мальчики с низким показателем УСП чаще девочек приписывают переменной «стрессовая ситуация» предпочитаемый цвет (это 1–4 ранги). При объяснении, что такое стрессовая ситуация, мальчики с низкими показателями УСП отдают предпочтение конкретным примерам («пожар», «получил двойку») или отказываются дать определение («не знаю»). Девочки с низким УСП, наоборот, стараются более подробно ответить на данный вопрос, эмоционально окрашивая свой ответ, – например, «когда плачу, переживаю за близких» или «грустно, когда родители расстались».

В группе мальчиков с низким УСП, по сравнению с девочками, были выявлены более низкие показатели по эмоциональной (девочки – $Me = 39$, мальчики – $Me = 38$, $U = 432$, $p = 0,002$) и инструментальной (девочки – $Me = 17$, мальчики – $Me = 16$, $U = 547$, $p = 0,05$) поддержке.

Низкая удовлетворенность социальной поддержкой, а также потребность в эмоциональной и инструментальной ее составляющих у мальчиков способствует восприятию стрессовой ситуации как более актуальной, но менее осознанной. В отличие от мальчиков, девочки с низкой УСП воспринимают стрессовую ситуацию менее актуально, но более содержательно.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что удовлетворенности социальной поддержкой сопутствуют особенности в восприятии стрессовой ситуации, различающиеся у девочек и мальчиков младшего школьного возраста, частично подтвердилась.

Особенности диадического копинга на разных этапах близких отношений партнеров*

О. А. Екимчик (КГУ им Н. А. Некрасова, Кострома)

Проблема формирования, развития диадического копинга (Г. Боденманн, К. Кайзер, Т. Ревенсон, Т. Л. Крюкова и др.), его структуры (М. Фальконе) и соотносённости с индивидуальным совладанием в близких отношениях (О. А. Екимчик, Е. Л. Калугина, Е. В. Куфтяк) остается актуальной и недостаточно разработанной в отечественной психологии. Детальное изучение диадического совладания в близких отношениях партнеров углубит понимание механизмов сохранения одних отношений и разрушения других.

Ранее анализировалось следующее: как статус близких отношений партнеров обуславливает различия в способах совладания (Е. М. Королёва), в степени интимности отношений (О. А. Екимчик), в удовлетворенности качеством этих отношений (Д. А. Захарченко, Т. Л. Крюкова), в готовности к прекращению отношений. Статус близких отношений можно соотнести с этапами их развития: встреча, романтические отношения (период ухаживания), совместное проживание («пробный брак»), зарегистрированные отношения (брачные отношения), распад отношений (их завершение, связанное с разрывом/разводом или смертью одного из партнеров) (Е. А. Дорьева, Е. М. Королёва).

Мы предположили, что диадический копинг партнеров будет иметь свою специфику, сопряженную с этапом развития близких отношений (их статусом).

Выборку исследования составили 319 гетеросексуальных пар от 18 до 55 лет ($m_m = 25,7$ лет, $SD_m = 5,5$ года; $m_x = 23,6$ лет, $SD_x = 4,7$ года). Пары были распределены по трем группам: 1) 95 пар состоят в романтических отношениях от 0,5 года до 7 лет ($m_1 = 2,13$, $SD_1 = 1,68$); 2) совместно проживают в незарегистрированных отношениях 127 пар, продолжительность совместной жизни от 0,5 года 9 лет ($m_2 = 2,57$, $SD_2 = 1,74$); 3) 97 пар находятся в зарегистрированном браке от 0,5 до 26 лет ($m_3 = 3,56$, $SD_3 = 3,57$).

Исследование проводилось преимущественно лично (80%) путем заполнения опросников каждым партнером индивидуально, 20% ре-

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, проект № FZEW-2020-0005.

спондентов – это данные Google Forms. Все пары дали согласие на участие в исследовании, были проинформированы об обработке данных и конфиденциальности.

Использовались «Опросник диадического копинга» (DCI) Г. Боденманна в адаптации О.А. Екимчик и Т.Л. Крюковой, и статистические методы (однофакторный дисперсионный анализ, сравнительный анализ парных выборок).

С помощью дисперсионного анализа было выявлено, что этап развития отношений (их статус) определяет особенности отдельных индивидуальных диадических стратегий у партнеров. Женщины на этапе романтических встреч реже рассказывают о своем стрессе партнеру ($F = 5,53$, $p = 0,01$), не прибегают к делегированному копингу субъекта ($F = 5,53$, $p = 0,01$). На этапе совместного проживания в незарегистрированных отношениях женщины отмечают у себя ($F = 3,48$, $p = 0,04$) и у партнера ($F = 4,73$, $p = 0,01$) чаще выраженный негативный диадический копинг.

Мужчины на этапе романтических встреч также отмечают, что партнерши не прибегают к делегированному диадическому копингу ($F = 3,63$, $p = 0,03$), в отличие от тех, кто проживает совместно либо состоит в браке. В отношении негативного диадического копинга как партнера ($F = 14,35$, $p = 0,000$), так и субъекта ($F = 6,29$, $p = 0,01$) выявлена специфика, аналогичная женской выборке: к нему чаще прибегают мужчины при совместном проживании в незарегистрированных отношениях.

В начале отношений женщины реже выступают инициаторами коммуникации в стрессовой ситуации с партнером, не стремятся взять на себя часть его обязанностей в ситуации диадического стресса. Мужчины и женщины, проживающие в незарегистрированных отношениях, чаще проявляют амбивалентность и поверхностность в отношении диадических стрессов, могут быть враждебны к партнеру, когда он нуждается в поддержке. Парадоксально, что влияние статуса близких отношений на общий диадический копинг и оценку его эффективности не выявлено ни у женщин, ни у мужчин. Также не установлено различий в совместном совладании и оценке его эффективности при сравнении диадического копинга внутри пары на разных этапах близких отношений. При этом выявлены различия в индивидуальных диадических копинг-стратегиях: делегированный диадический копинг субъекта больше выражен у мужчин, нежели у их партнерш на этапе романтических встреч ($p = 0,001$) и в зарегист-

рированном браке ($p=0,02$). Негативный диадический копинг субъекта более присущ мужчинам, чем женщинам при совместном проживании в незарегистрированных отношениях ($p=0,01$). Мужчины в браке чаще берут на себя обязанности и заботы партнерши в ситуации диадического стресса, чем женщины ($p=0,03$). На всех этапах отношений женщины чаще выступают инициаторами коммуникации в ситуации диадического стресса ($p=0,01$), что также отмечают их партнеры ($p=0,01$).

Итак, гипотеза подтвердилась полностью: диадический копинг партнеров близких отношений имеет свои особенности на каждом этапе развития близких отношений. Следовательно, можно говорить об изменениях диадического копинга партнеров близких отношений.

Описанные особенности диадического копинга имеют отношение к повседневным и нормативным стрессорам близких отношений.

Организация работы с эвакуированными жителями Украины: опыт психологов ЮФУ

Е. В. Зинченко (ЮФУ, Ростов-на-Дону),

А. А. Осипова (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Военные конфликты наряду с материальными разрушениями и потерями приводят к гибели не только участников боевых действий, но и значительного количества мирных жителей. Угроза безопасности и возможной смерти вынуждает людей покидать привычные места и искать убежища в других регионах и странах. Вооруженный конфликт в Донецкой и Луганской областях породил поток беженцев и вынужденных переселенцев, который резко увеличился в феврале–марте 2022 г. в связи с начавшейся спецоперацией. Основной поток беженцев приняла на себя Ростовская область. Люди останавливались у родственников, друзей, знакомых, но основная масса вынужденных переселенцев находилась в пунктах временного размещения, которые открылись во многих городах и поселках области.

Эвакуация из зоны военного конфликта у большинства вынужденных переселенцев сопровождалась угрозой гибели (бомбежки, обстрелы, мины на дорогах), что является причиной стрессовых и постстрессовых расстройств. Многими авторами, исследующими психологические проблемы мигрантов и вынужденных переселен-

цев (Н. В. Тарабрина, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, Е. О. Лазебная, Н. М. Лебедева, А. В. Котельникова, А. Г. Маклаков и др.), отмечают присущие им высокий уровень стресса, кризис идентичности, резкое изменение структуры самосознания, снижение самооценки. Для оказания помощи вынужденным переселенцам Психологический службой Южного Федерального университета совместно с Ростовским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» был разработан и реализуется проект «Оказание психосоциальной поддержки эвакуированным жителям ДНР и ЛНР», а также открыта «Горячая линия психологической помощи», которая работает как в формате телефонных, так и очных консультаций.

В реализации проекта приняли участие преподаватели, сотрудники психологической службы, аспиранты, магистранты и студенты старших курсов бакалавриата и специалитета Академии психологии и педагогики ЮФУ, которые прошли серию специализированных тренингов, направленных на формирование специальных навыков оказания первой психологической помощи. Были сформированы мобильные команды, включающие в себя 1–2 преподавателей и 2–3 студентов, которые выезжали в пункты временного размещения эвакуированных лиц и проводили там психологические консультации, оказывали необходимую психологическую помощь и поддержку. В марте–апреле 2022 г. мобильные бригады посетили 46 пунктов временного размещения в 16 населенных пунктах Ростовской области, где психосоциальную помощь получили 620 человек, из них 302 взрослых и 318 детей. Наиболее типичными проблемами, с которыми обращались за психологической помощью, оказались следующие:

- высокий уровень агрессивности;
- переживание утраты близких;
- депрессия;
- симптоматика ПТСР (флэшбеки, ночные кошмары, вторичный энурез и трихотилломания у детей и т. п.)
- переживание чувства одиночества и беспомощности;
- страхи (неопределенности, потери близких, материальных потерь, ухудшение здоровья и/или смерти);
- высокий уровень тревоги;
- чувство «вины выжившего»;
- эмоциональная нестабильность и различные эмоциональные расстройства;

- трудности коммуникации;
- виктимность;
- ухудшение межличностных взаимоотношений (особенно в семьях с детьми).

С обратившимися за психологической помощью проводилась как индивидуальная работа (по запросу), так и групповые формы работы (мини-тренинги, мини-дискуссии, обучение навыкам психологической самопомощи, арт-терапевтические занятия различной направленности). Особое внимание волонтеры уделяли детям с ОВЗ, которые были эвакуированы как целыми учреждениями, так и отдельными группами.

На «Горячую линию психологической помощи» в марте-апреле 2022 г. поступило свыше 65 обращений не только из Южного Федерального округа, но и из других регионов страны и даже из дальнего зарубежья. Номер телефона «Горячей линии» был представлен на сайте ЮФУ, размещен в местных СМИ и на визитных карточках, которые волонтеры распространяли в пунктах временного размещения. Большинство запросов было связано с потребностью в снижении чувства тревоги (как собственной, так и близких), что не противоречит данным, имеющимся в психологической литературе (А. Н. Моховиков, О. А. Москвитина, Н. А. Усатова, Р. Кочюнас).

Оказание психологической помощи беженцам, вынужденным переселенцам, эвакуированным требуется не только на период проведения спецоперации, но и в дальнейшем, на этапе возвращения к мирной жизни.

Предикторы буллинга и кибербуллинга

Е. А. Истомина (Пункт отбора на военную службу по контракту 1 разряда по г. Санкт-Петербургу), Н. Ф. Михайлова (СПбГУ, Санкт-Петербурге)

Буллинг и кибербуллинг – виды насилия, тесно связанные между собой, как две стороны одной медали. Кибербуллинг, появившись благодаря Интернету, является новой формой буллинга и представляет собой намеренные оскорбления и издевательства на протяжении длительного времени (N. Strabic, A. T. Milakovic). Агрессоры, боясь совершать нападки на жертву в реальной жизни из-за угрозы быст-

рого наказания, используют анонимность социальных сетей и SMS как идеальный способ психологического насилия над жертвой. Его главная особенность — сложность прекращения оскорбительного контента, оказывающего давление на жертву. Травмирующее влияние кибербуллинга сильнее, чем у буллинга, поскольку при последнем есть возможность отстраниться от события и постараться «избавиться» от воспоминаний о нем. При кибербуллинге постоянно поддерживается существование компрометирующей информации, из-за чего любое онлайн-взаимодействие между двумя людьми может потенциально существовать вечно, не искажаясь со временем и не подвергаясь переоценке ситуации.

Целью исследования стала оценка долгосрочных последствий буллинга и кибербуллинга — уровня виктимизации и агрессии, особенностей личности, способов совладания, дезадаптивных схем и режимов функционирования у взрослых, а также выявление предикторов виктимизации и кибервиктимизации, агрессии и киберагрессии.

В исследовании участвовали 100 студентов вузов из разных городов России (37 юношей и 63 девушки) в возрасте 17–29 лет. Оценивались следующие показатели: буллинг — с помощью «Retrospective Bullying Questionnaire» (I. Rivers) и «Illinois Bully Scale» (D. L. Espelage), кибербуллинг — с помощью «Cyberbullying and Online Aggression Survey» (S. Hinduja, J. W. Patchin) и «Cyber-aggression and Cyber-victimization Scale» (J. D. Shapka, R. Maghsoudi), копинг — с помощью WCQ (R. Lazarus, S. Folkman), ранние дезадаптивные схемы — с помощью YSQ-S3R (J. Young), режимы их работы — с помощью SMI (J. Young) в адаптации П. М. Касьяник и Е. В. Романовой, личностные индикаторы психического здоровья — с помощью TRF (P. Becker, B. Minzel). Для статистической обработки данных был произведен регрессионный анализ.

По результатам исследования, у жертв буллинга наблюдаются следующие предикторы виктимизации ($R^2=0,407$): частота буллинга ($\beta=0,348$), кибервиктимизация ($\beta=0,348$) при отсутствии агрессии ($\beta=-0,389$) и киберагрессии ($\beta=-0,251$), а также (при $R^2=0,670$) мысли о суициде ($\beta=0,167$), симптомы ПТСР ($\beta=0,660$) и негативная оценка времени, проведенного в школе ($\beta=-0,187$). Личностными предикторами виктимизации ($R^2=0,432$) стали депрессивность ($\beta=-0,426$), низкая самооценка ($\beta=-0,362$), автономия ($\beta=0,257$) и эмпатия ($\beta=0,565$), а также использование стратегий (при $R^2=0,134$, $\beta=0,366$) «бегство/избегание». Предикторами виктимизации также стали следующие

дезадаптивные схемы ($R^2=0,299$): дефективность ($\beta=0,627$) и социальная отчужденность ($\beta=0,267$) при несформированности схем зависимости ($\beta=-0,392$) и привилегированности ($\beta=-0,217$). Режим функционирования схемы (при $R^2=0,303$) «Требовательный родитель» ($\beta=0,571$) при отсутствии режима функционирования схемы «Разгневанный ребенок» ($\beta=-0,525$) также способствовали виктимизации.

Предикторами агрессии стали ($R^2=0,631$) частота случаев буллинга ($\beta=0,504$) и киберагрессия ($\beta=0,474$), но не у жертв буллинга ($\beta=-0,266$) и кибербуллинга ($\beta=-0,199$). Личностными предикторами агрессии ($R^2=0,434$) стали плохой поведенческий контроль ($\beta=-0,394$) и неспособность к эмпатии ($\beta=-0,444$), а также отсутствие конструктивного копинга «планирования решения проблем» (при $R^2=0,184$, $\beta=-0,429$). Лица с выраженной агрессией отличались наличием ранних дезадаптивных схем ($R^2=0,314$): привилегированность ($\beta=0,251$), недостаточность самоконтроля ($\beta=0,330$), запутанность ($\beta=0,435$), и в то же время отсутствием схем подавленности эмоций ($\beta=-0,398$) и поиска одобрения ($\beta=-0,456$). Проявлению агрессии способствовало использование режимов функционирования схем ($R^2=0,436$) «Разгневанный ребенок» ($\beta=0,407$), «Агрессивный задира» ($\beta=0,327$) при отсутствии режима «Наказывающего родителя» ($\beta=-0,350$).

Предикторами кибервиктимизации стали ($R^2=0,528$) опыт виктимизации в буллинге ($\beta=0,202$) и кибербуллинге ($\beta=0,386$), киберагрессия ($\beta=0,378$), а также наличие симптомов ПТСР ($\beta=0,255$). Склонность к кибервиктимизации была у лиц ($R^2=0,435$) с низким поведенческим контролем ($\beta=-0,374$), низкой самооценкой ($\beta=-0,323$), депрессивностью ($\beta=-0,323$) и зависимостью от других ($\beta=-0,377$), часто использующих стратегии (при $R^2=0,297$) «избегания» ($\beta=0,587$) и редко – «самоконтроля» ($\beta=-0,309$). Кибервиктимизации способствовали схемы ($R^2=0,299$) дефективности ($\beta=0,627$) и социальной отчужденности ($\beta=0,267$), при несформированности у них схем зависимости ($\beta=-0,392$) и привилегированности ($\beta=-0,217$), а также режимы функционирования схемы (при $R^2=0,315$) «Импульсивный ребенок» ($\beta=0,711$), но при отсутствии режима «Сердитый ребенок» ($\beta=-0,409$).

Предикторами киберагрессии стали ($R^2=0,730$) наличие опыта агрессии как в реальной жизни ($\beta=0,348$), так и онлайн ($\beta=0,408$), а также кибервиктимизация ($\beta=0,341$), что свидетельствует о том, что «агрессоры» первоначально были виктимизированы, и это в дальнейшем и подтолкнуло их к ответной агрессии. Предикторами киберагрессии стало частое использование копинг-стратегий ($R^2=0,164$) «из-

бегания» ($\beta=0,341$) при отсутствии стратегий «планирования решения проблем» ($\beta=-0,228$) и «самоконтроля» ($\beta=-0,249$). К киберагрессии ($R^2=0,321$) были склонны лица с плохим поведенческим контролем ($\beta=-0,464$), низкой самооценкой и принятием себя ($\beta=-0,280$), зависимые ($\beta=-0,393$), неспособные к эмпатии ($\beta=-0,183$).

Для лиц, склонных к киберагрессии, было характерно наличие схем ($R^2=0,206$) привилегированности ($\beta=0,252$) и зависимости ($\beta=0,545$), при отсутствии схем дефективности ($\beta=-0,397$), а также режим функционирования схем (при $R^2=0,178$) «Агрессивный ребенок» ($\beta=0,486$) и отсутствие режима «Сердитый ребенок» ($\beta=-0,219$).

Буллинг и кибербуллинг – это преемственные виды насилия, фактически представляющие единую модель насильственного поведения, реализуемую в разных (оффлайн и онлайн) условиях личности, обладающей специфическими чертами характера, несформированными конструктивными способами совладания, использующую специфические для нее дезадаптивные схемы поведения и режимы их функционирования.

Особенности переживания вирусной угрозы при разном уровне жизнеспособности*

Н. Н. Казымова (ИП РАН, Москва)

Текущая эпидемиологическая ситуация, вызванная пандемией коронавируса, представляет собой серьезный вызов психологической устойчивости общества, последствия которого следует рассматривать как в ближней, так и долгосрочной перспективах. Основанием для проведения исследования стало предположение о том, что комплексное негативное воздействие переживания вирусной угрозы на психику человека опосредовано параметрами психологической жизнеспособности.

Цель исследования – изучение особенностей переживания вирусной угрозы и выявление его взаимосвязей с психологической жизнеспособностью, с одной стороны, и признаками психологического неблагополучия (психопатологическими симптомами), с другой.

---

* Исследование выполнено по Государственному заданию №0138-2022-0005.

В исследовании приняли участие 108 человек в возрасте от 20 до 60 лет (средний возраст 40,19 лет) из разных регионов РФ. Выборка включала в себя 74 женщины (средний возраст 39,47 лет) и 34 мужчины (средний возраст 41,76 лет). Сбор данных был проведен онлайн в период с 1 по 20 октября 2021 г. Были использованы следующие методики: «Опросник переживания вирусной угрозы» Ю. В. Быховец, тест «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнача; «Опросник психопатологической симптоматики SCL-90-г в адаптации Н. В. Тарабриной с коллегами. Статистическая обработка данных включала в себя проведение процедур описательной статистики, непараметрические методы сравнения независимых выборок (U-критерий Манна–Уитни), расчет коэффициента корреляции Спирмена.

Показано, что интенсивность переживания вирусной угрозы сопряжена на значимом уровне со всеми показателями психопатологического неблагополучия (по шкалам SCL-90-г) ($p < 0,05$). Полученный результат свидетельствует о высокой стрессогенности этого переживания и показывает его вклад в повышение психопатологической симптоматики у населения.

Корреляционный анализ связи интенсивности переживания вирусной угрозы и шкал жизнеспособности на общей выборке показал статистически значимое наличие связи только с одним параметром жизнеспособности – «Духовность» ($r = 0,21$, $p = 0,0325$).

Изучение корреляционных связей параметров жизнеспособности и психопатологических симптомов показало множество результатов, среди которых можно выделить наиболее важные на наш взгляд. Наибольшее число связей получили такие параметры жизнеспособности, как «Совладание и адаптация» и «Семейные и социальные взаимосвязи». Количество и отрицательный характер данных взаимосвязей говорит о наибольшей ресурсности данных параметров («Совладание и адаптация» и «Семейные и социальные взаимосвязи») в преодолении негативных психологических переживаний. Параметр жизнеспособности «Внутренний локус контроля» не обнаружил ни одной значимой корреляционной связи с психопатологической симптоматикой. Параметр «Духовность» обнаружил положительные взаимосвязи с психопатологическими симптомами соматизации, враждебности, психотизма, а также с обобщенным индексом количества отмечаемых симптомов. Соотнося данный результат с предыдущим (о связи показателя духовности и интенсивности переживания вирусной угрозы), можно предположить, что в нашем исследовании данный параметр

проявился не как показатель ресурсности, а, напротив, как фактор уязвимости к возникновению и развитию интенсивных негативных переживаний в условиях вирусной угрозы.

Далее, интенсивность переживания вирусной угрозы была изучена в группах респондентов с разным уровнем жизнеспособности (разделение было осуществлено по суммарному баллу по всем шкалам опросника). Сопоставление выделенных групп показало отсутствие различий как в переживании вирусной угрозы, так и в выраженности психопатологической симптоматики ($p > 0,05$). Относительная новизна и неожиданность появления вирусной угрозы в жизни человечества в конце 2019—начале 2020 г. вызвала широкую волну негативных переживаний: от растерянности, тревоги, стресса до паники, депрессии, фобии и т. д. Именно специфика самой вирусной угрозы (ее появления и развития с течением времени) может быть причиной высокой стрессогенности ее переживания независимо от уровня жизнеспособности человека. По-видимому, мы можем предполагать различное соотношение между жизнеспособностью человека и его способностью противостоять угрозам и преодолевать негативные последствия их воздействия. Опираясь на теоретические и эмпирические данные, полученные в других исследованиях, можно предполагать, что лица с высокой жизнеспособностью вполне вероятно могут быстрее адаптироваться к изменившимся условиям и справляться со своими негативными состояниями, возвращаясь к нормальной жизни и оптимальному функционированию.

Переживание военной угрозы: содержание, структура, функции

К. В. Карпинский (ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, Белоруссия)

Одной из форм психологической представленности войны в индивидуальном и групповом сознании является переживание военной угрозы. Военная угроза — это потенциальный риск начала войны, обусловленный состоянием и динамикой развития внутрисоциальных или межгосударственных отношений. По своей психологической сущности переживание военной угрозы представляет собой интегральную форму опережающего отражения личного и общественного будущего. Сложность данной формы психического отраже-

ния детерминируется целым рядом объективных обстоятельств, тесно связанных со спецификой отражаемой реальности.

Во-первых, в отличие от индивидуально-биографических событий («микрособытий», «жизненных событий», или «событий личной жизни»), война является общественно-историческим событием («макросоциальным», или «макрособытием»), что существенно затрудняет процесс построения ее адекватного образа. В пока что немногочисленных исследованиях, посвященных психологическим механизмам и закономерностям познания макросоциальных событий и конструирования субъективной картины истории, показано, что для индивидуального сознания эта познавательная задача гораздо сложнее, чем формирование субъективного образа жизненного пути и отражение автобиографических событий.

Во-вторых, в случае переживания военной угрозы предметом отражения является не действительное настоящее, а возможное будущее, в силу чего психическое отражение приобретает опережающий характер и осуществляется в режиме вероятностного прогнозирования. Как на уровне личной биографии, так и на уровне общественной истории познание еще не наставшего будущего представляет большую сложность, нежели психическое отражение минувшего прошлого и текущего настоящего.

В-третьих, любое вероятностное прогнозирование осуществляется на основе актуализации прошлого опыта и оценки наличной ситуации, в силу чего предвосхищение войны как общественно-исторического события обычно протекает в условиях высокой информационной неопределенности. Причем это касается как специально подготовленных экспертов и аналитиков, так и простых обывателей. Житейские представления и повседневный жизненный опыт не обеспечивают подавляющему большинству обывателей надлежащей ориентировки в вопросах мира и войны. Это значит, что переживание военной угрозы у большинства обывателей возникает на основе информационного дефицита и когнитивной неопределенности, что, как правило, ведет к неадекватному завышению или занижению вероятности наступления войны.

В-четвертых, хотя война и является дискретным событием, она всегда вплетена в определенный исторический контекст, имеет исторические причины и последствия, а это значит, что предвидение и переживание военной угрозы требует от субъекта мысленного «встра-

ивания» данного события в целостную историческую перспективу. По сути, это задача на понимание объективных причинно-следственных связей и закономерностей, мысленное восстановление которых приводит к субъективной оценке войны как совершенно невозможного, маловероятного либо весьма правдоподобного события будущего.

В-пятых, у любой войны, помимо объективных причин и следствий, не зависящих от сознания и воли людей, есть и субъектное изменение, а именно военные замыслы, враждебные намерения и агрессивные действия конкретного индивида и социальной группы. Отсюда следует, что предвосхищение и переживание военной угрозы отягощено процессами социального познания тех индивидуальных и коллективных субъектов, которые вовлечены в военную кампанию (в роли «агрессора», «союзника», «оккупанта», «пособника» и др.). Поэтому при прогнозировании военной угрозы субъект решает задачу не только на установление безличных причинно-следственных взаимосвязей возможной войны с другими историческими событиями, но также и на выявление целе-средственных связей, в свете которых война воспринимается как средство достижения чьих-то целей и интересов. В переживании военной угрозы в снятом виде содержится оценка инструментальной ценности войны для того субъекта, который воспринимается как источник военной угрозы (потенциальный агрессор и враг).

Таким образом, субъективное переживание военной угрозы является психическим состоянием, которое результирует сложные процессы вероятностного прогнозирования, эмоционального оценивания и смыслообразования, направленные на макросоциальные события, локализованные в исторической перспективе, а также процессы социального познания, нацеленные на раскрытие намерений индивидов, малых и больших социальных групп, выступающих в роли субъектов истории. Принципиально важным условием превращения чисто рациональной оценки (когнитивного расчета) вероятности войны в подлинное переживание выступает наделение данного события личностным смыслом. Лишь с приобретением личностного смысла прогнозируемая война начинает восприниматься не только как общественное событие, относящееся к исторической перспективе, но и как событие личной жизни, включенное в жизненную перспективу личности.

Особенности взаимосвязи стрессоустойчивости и активности медицинских работников

*И. В. Ковынев («Центр социальной адаптации», Пермь),
С. И. Смирнова (Кировский ГМУ, Киров)*

В связи с интенсивным увеличением стрессогенности окружающей среды возрастает нагрузка на все системы индивидуальности человека. При этом одними из тех, кому наиболее тесно приходится взаимодействовать с последствиями актуальных мировых событий, являются специалисты медицинской сферы. Поэтому сегодня становится важным изучать те переменные личности медицинских работников, которые связаны со способностью продуктивно преодолевать жизненные трудности, особенно в ситуации их активного роста. К ним мы относим такие профессионально важные качества медицинских работников, как стрессоустойчивость, оптимизм и активность.

Таким образом, целью нашего исследования являлось изучение особенностей взаимосвязи стрессоустойчивости и уровня оптимизма и активности у медицинских работников. Мы предположили, что существуют взаимосвязи как между показателем стрессоустойчивости и уровнем оптимизма, так и между показателем стрессоустойчивости и уровнем активности медицинских работников.

В соответствии с целью были сформулированы и реализованы следующие эмпирические задачи исследования:

1. Выявление выраженности характеристик стрессоустойчивости, оптимизма и активности у мужчин и женщин, работающих в медицинской сфере, а также среди групп, сформированных по виду должности, и определение их особенностей.
2. Определение особенностей взаимосвязи стрессоустойчивости с уровнем оптимизма и активности у медицинских работников.
3. Разработка на основе результатов исследования программы по развитию стрессоустойчивости медицинских работников через такие личностные характеристики, как оптимизм и активность.

В работе использовались следующие методики: Бостонский тест на стрессоустойчивость, опросник определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге, опросник «Тест на оптимизм» Р. С. Немова, опросник «Шкала оптимизма и активнос-

ти», адаптированная Н. Е. Водопьяновой и М. В. Штейном методика «AOS» (И. С. Шуллер, А. Л. Комуниан), опросник «Самочувствие. Активность. Настроение» (САН), разработанный сотрудниками Первого Московского медицинского института им. И. М. Сеченова. Настоящее исследование было реализовано на базе ЧУЗ «Клиническая больница «РЖД-медицина» города Киров».

В рамках констатирующего эксперимента установлено, что чем выше способность медицинских работников сопротивляться стрессу, тем меньше количество стрессовых ситуаций в их жизни. Это можно объяснить тем, что чем выше навык медицинского работника справляться с экстремальными сложными событиями, тем меньшее количество стрессовых ситуаций будет спровоцировано им в жизни.

Обнаружена прямая взаимосвязь между эффективностью медработника преодолевать дезадаптирующие ситуации и его оптимистичным взглядом на жизнь. Выявлена взаимосвязь прямого характера между способностью медработников противостоять стрессам и их оценкой своей активности на момент выполнения теста.

Выяснилось, что медицинские работники мужчины и женщины не отличаются друг от друга способностью сопротивляться стрессам. Наиболее «защищены» от психоэмоционального выгорания представители руководителей и специалистов с высшим немедицинским образованием; они же оказались более оптимистичными. Младший медицинский персонал наиболее подвержен стрессогенным факторам и склонен смотреть на мир пессимистично, ожидая худшего.

В основном медицинским работникам присущ пороговый уровень стрессонаполненности: в пределах года в их жизни присутствует немалое количество ситуаций, вызывающих стресс, как положительных, так и отрицательных. Большая часть сил медицинских работников уходит на стабилизацию своего психологического состояния. В целом им присущ трезвый, реалистичный взгляд на мир, основанный на нормальном оптимизме. Уровень стрессоустойчивости медицинских работников прямо пропорционально связан с количеством стрессовых ситуаций в их жизни.

Проблема взаимосвязи различных свойств личности со способностью преодолевать стрессы остается актуальной и требует дальнейшей научной разработки. Особый интерес, на наш взгляд, представляет вопрос влияния условий профессиональной деятельности медицинских работников на их стрессоустойчивость.

Проблема надежности и гибкости системы осознанной саморегуляции человека в условиях стресса и неопределенности

Н. Г. Кондратюк (ПИ РАО, Москва)

Поведение человека в условиях стресса изучалось с позиций разных научных школ и теоретических подходов. Круг проблем и широта их охвата, казалось бы, учитывали если не все, то подавляющее большинство проблемных зон и вероятностных контекстов. С приходом пандемии COVID-19 в научный обиход основательно вошло слово «неопределенность», не обделенное вниманием в психологических исследованиях, но никогда еще в современной истории развития психологической науки не знавшее такого количества и частоты употреблений в названиях статей и их содержании.

Одним из регуляторов жизнедеятельности человека — в частности, в психологически напряженных условиях — являются механизмы осознанной саморегуляции его произвольной активности. Ранее была доказана определяющая роль регуляторной надежности (как устойчивости самоорганизации психической активности и практической деятельности человека) для надежности и эффективности действий и поведения людей в стрессовых профессиональных ситуациях (см., например: В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк), при сдаче итоговых экзаменов (В. И. Моросанова, Е. В. Филиппова), в условиях соревновательной борьбы (В. И. Моросанова). Было выдвинуто предположение, что и в условиях пролонгированной неопределенности, начавшейся с масштабной пандемии коронавируса в мире, безотносительно к специфике какой-либо деятельности именно устойчивость системы осознанной саморегуляции будет сохранять активность личности и способствовать эффективной самоорганизации жизни. Допускалась возможность, что ответная реакция на ситуации стресса и ситуации неопределенности задействует одни и те же регуляторные механизмы. И в широком смысле — да, система осознанной саморегуляции человека упорядочивает хаос, который с разной степенью интенсивности может возникнуть как ответная реакция на внешние события, несущие стресс и неопределенность. Но, как оказалось, для стрессовых ситуаций и ситуаций неопределенности внутри этой системы задействуются разные ее составляющие, отвечающие за те или иные характеристики функционирования саморегуляции как системы. И если в стрессовых условиях адекватность ре-

агирования на ситуацию связана с надежностью осознанной саморегуляции, то в условиях неопределенности значение имеет регуляторная гибкость как пластичность индивидуальной адаптации, обеспечивающаяся перестройкой системы саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий деятельности (см., например: Н. Г. Кондратюк с соавт., D. Dawson, N. Golijani-Moghaddam, Y. P. Zinchenko et al.).

С точки зрения настройки и работы системы саморегуляции человека, принципиальные различия в стрессовых ситуациях и ситуациях неопределенности связаны с тремя референтными точками: образ цели, время, пространство.

В стрессовых условиях человеку принципиально важно применить имеющийся и накопленный регуляторный опыт и использовать привычные регуляторные средства. В ситуациях неопределенности необходимо модифицировать систему саморегуляции, несмотря на имеющийся у человека регуляторный опыт, изменить привычные регуляторные средства и, более того, проявить в отношении саморегуляции эмерджентность (появление новых свойств) как обязательное условие адаптивности системы.

В целом, постановка проблемы об имеющихся место различиях в регуляторах, применяющихся человеком при стрессе и в ситуации неопределенности, и само исследование особенностей регуляторов жизнедеятельности человека в этих условиях, по сути, предполагает ответ на вопрос о механизмах выживания человечества как вида, с одной стороны, а с другой – о возможностях и специфике тонкой настройки системы осознанной саморегуляции в зависимости от контекста. Отметим, что разрешение данной проблемы невозможно без анализа и рассмотрения саморегуляции как системы развивающейся (Д. А. Ошанин, В. И. Степанский, В. И. Панов), в противовес доминирующим в современных теориях и подходах взглядам на саморегуляцию как систему закрытую и/или открытую.

Черты «темной триады» и совладающего поведения у военнослужащих различных категорий

В. И. Косицина (РАНХиГС, Москва)

Феномен «темной триады» (нарциссизм, макиавеллизм, психопатия) как трехфакторная структура взаимосвязанных черт негативных сто-

рон личности получил широкое распространение в связи с изучением его влияния на поведение человека. В настоящее время есть убедительные данные, которые указывают, что «темная триада» оказывает влияние на эффективность профессиональной деятельности. В зависимости от выраженности данных черт, личность может по-разному вести себя в конфликтных ситуациях, справляться со стрессами в процессе труда, что отражается не только на выполнении должностных обязанностей, но и на взаимодействии с другими членами коллектива.

В Вооруженных силах России служат офицеры и военнослужащие контрактной службы, которые имеют ряд специфических отличий. Офицеры заканчивают военные учебные заведения, владеют большим количеством знаний по военной специальности, обладают высокой скоростью адаптации к военной службе. Военнослужащие контрактной службы обучаются в гражданских вузах, не владеют знаниями по военной специальности, чаще выполняют хозяйственные работы или исполняют приказы, обладают сниженной скоростью адаптации к военной службе (Н. В. Чеботарева).

Деятельность военнослужащих пропитана самыми различными стрессами: высокая психическая и физическая нагрузка, дежурства, особенности подчинения не только своим непосредственным руководителям, но и вышестоящим военнослужащим. Для того чтобы справиться с напряжением, военнослужащие опираются на совладающее поведение, которое с опорой на сознательные действия, адекватные как особенностям индивида, так и возникшей ситуации направляют активность личности на разрешение сложившейся ситуации (Л. И. Анцыферова).

Мы выдвигаем гипотезу о том, что существует специфика связи показателей черт «темной триады» и стратегий совладания со стрессом у военнослужащих различных категорий.

На основании данного предположения было проведено исследование, в котором участвовали 314 военнослужащих мужского пола (166 офицеров, 148 военнослужащих контрактной службы), средний возраст 35,5 лет, стаж службы 10 лет. В диагностике использовались «Короткий опросник Темной триады» (SD3) в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой и О. В. Паршиковой и методика Brief-COPE (N. Eisenberg et al.) в адаптации Е. В. Куфтяк и В. И. Косициной. Статистический анализ проводился при помощи одновыборочного критерия Колмогорова—Смирнова и расчета коэффициента корреляции Спирмена.

В результате у офицеров была выявлена значимая связь между макиавеллизмом и стратегиями самобичевания ($r_s = 0,250$, $p < 0,01$). Психопатия в группе офицеров связана с показателем самобичевания ($r_s = 0,195$, $p < 0,05$). В группе военнослужащих контрактной службы макиавеллизм связан с юмором ($r_s = 0,184$, $p < 0,05$), поведенческим абстрагированием ($r_s = 0,172$, $p < 0,05$). Психопатия имеет связь с такими копингами, как планирование ($r_s = 0,198$, $p < 0,05$) и катарсис ($r_s = 0,184$, $p < 0,05$).

Мы предполагаем, что данная специфика связана с осознанностью выбора офицерами военных университетов и дальнейшей службы в армии, где происходит профессиональная деформация. На них лежит ответственность за коллектив, так как у них в подчинении находятся контрактники.

Военнослужащие контрактной службы связывают свою жизнь с армией позже, что дает им возможность набраться иного жизненного опыта, который позволяет использовать продуктивные копинг-стратегии для разрешения стрессовых ситуаций.

Таким образом, наша гипотеза о специфике связи показателей черт «темной триады» и стратегий совладания со стрессом у военнослужащих различных категорий подтвердилась.

Стрессогенность вандално поврежденных объектов городской среды и личностные факторы сензитивности*

*О. В. Кружкова (УрГПУ, Екатеринбург), И. В. Воробьева
(УрГПУ, Екатеринбург), А. И. Матвеева (УрГПУ, Екатеринбург)*

Вандалное повреждение городской среды наносит существенный материальный ущерб, поскольку преобразованные пространства нуждаются в уборке и восстановлении. Без корректирующих воздействий появление следов вандализма будет приводить к новым вандалным актам, еще большим повреждениям и деградации пространства. В то же время следы вандализма наносят урон не только сохранности материального пространства города, но и психологическому благополучию жителей, сталкивающихся с вандално преобразованными объектами городской среды. С одной стороны, объекты с вандаль-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00830.

ными преобразованиями воспринимаются как «сломанные», «грязные», «испорченные», «ветхие» и т. п. (М. Р. Бабилова, О. А. Блинова и др.), с другой – нахождение в вандално поврежденном пространстве вызывает тревогу и чувство дискомфорта (А. Г. Оболенская), виктимизируя человека в городской среде (S. Rezaee, S. P. Rao, E. Arbi), способствуя усилению городского стресса. Наличие вандалных повреждений в среде города достаточно часто связывают и с неблагоприятной или даже криминогенной ситуацией, что вызывает у человека, находящегося в этой среде, опасения за свою физическую безопасность. Тем не менее, распространенность и типичность вандалных повреждений может восприниматься как фоновая характеристика пространства города, не вызывая негативных переживаний и не привлекая к себе внимание как к самостоятельному явлению. Возможно, что разница в реакции на вандално поврежденную городскую среду обусловлена личностными факторами сензитивности, способствующими восприятию вандализма как особого стресс-фактора.

Целью проведенного исследования стала оценка роли личностных характеристик студентов, детерминирующих субъективно более острую реакцию на вандално поврежденные объекты городской среды. В исследовании приняли участие 518 студентов четырех организаций среднего и высшего образования г. Екатеринбурга в возрасте от 16 до 25 лет (41 % юношей и 59% девушек). Диагностика осуществлялась посредством анкеты по оценке субъективной значимости стресс-факторов городской среды (в представленной части исследования учитывались данные по стресс-фактору «Многочисленные объекты городской среды, поврежденные вандализмом»), психодиагностической методики НЕХАСО для определения просоциальных личностных характеристик респондентов и психодиагностической методики «Темная триада» для определения негативных личностных характеристик респондентов. Для обработки данных применялись математико-статистические методы: линейный регрессионный анализ с принудительным включением и последовательным исключением предикторов, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), сравнительный анализ (критерий Стьюдента для независимых выборок).

В результате проведенного анализа было обнаружено, что для 32,6% респондентов вандалное преобразование городской среды является значимым стресс-фактором. При этом пол и возраст респондентов не взаимосвязаны с их субъективной оценкой стрессогенности вандално поврежденного городского пространства. В то же время

изменчивость показателя субъективной стрессогенности вандально поврежденного городского пространства зависит от совокупности личностных особенностей респондентов (показатели регрессионной модели $F = 4,45$ при $p = 0,001$). Так, статистически значимыми предикторами в модели стали скромность-искренность ($\beta = 0,103$ при $p = 0,034$), эмоциональность ($\beta = 0,091$ при $p = 0,042$), добросовестность ($\beta = 0,139$ при $p = 0,005$), открытость новому опыту ($\beta = 0,105$ при $p = 0,017$) и психопатия ($\beta = 0,144$ при $p = 0,009$). То есть определенная эгоистичность, приоритетная ориентация на собственные интересы и потребности, некоторая агрессивность при наличии эмоциональной лабильности, любознательности, развитом эстетическом чувстве и перфекционизме провоцирует более острую ответную реакцию на вандально поврежденные объекты городской среды.

Таким образом, вандальные повреждения среды являются значимым стресс-фактором практически для трети респондентов, отличающихся, с одной стороны, развитым эстетическим чувством и перфекционизмом, а с другой – повышенной эмоциональностью и агрессивностью. Тем не менее, сама городская среда может нуждаться в определенных «гомеопатических» дозах вандализма, побуждающего жителей, в том числе активных представителей молодежи, к объединению в рамках гражданских инициатив для противостояния криминализации и деградации пространства города (О. В. Кружкова, И. В. Девятковская, М. Zinganel).

Применение деятельностно-смыслового подхода в анализе экстремальной ситуации пандемии

*М. Ш. Магомед-Эминов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
Е. А. Карачева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
О. Г. Квасова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
О. И. Магомед-Эминова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
О. О. Савина (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

Жизнь современного общества и человека характеризуется динамичностью, чрезвычайной мобильностью, кризисностью, происходит в условиях поликультуральности, разнообразия и несовпадения поведенческих норм, культурных образцов, социокультурных практик, проникновении новых информационных процессов и виртуальных

технологий в обыденную реальность. События современности обостряют необходимость изучения человека в многообразии способов его существования. Возрастает потребность в подходах, которые изучают, объясняют и выстраивают психологическую работу с живым, конкретным, телесным человеком в его жизни. Это определяет актуальность разработки культурно-деятельностной методологии психологической помощи, философских и антропологических оснований практики с учетом специфики психологии людей в экстремальных, кризисных жизненных ситуациях. В деятельностно-смысловом подходе (М. Ш. Магомед-Эминов) проблематизируется современное понимание и объяснение конкретного человека в его бытии, утверждается связь между принятием экстремальной ситуации пандемии и работой личности над собой. Данная работа направлена на изучение людей, решающих смысловые задачи в ситуации пандемии COVID-19. В противовес традиционным в психологии теориям травмы и адаптации, мы интерпретируем пандемию COVID-19 как экстремальную ситуацию (М. Ш. Магомед-Эминов), конкретизируя реакции людей на основе триады «страдание—устойчивость—рост».

Исследование было осуществлено с помощью адаптированных на российской выборке (M. Magomed-Eminov et al.) шкала страха COVID-19 (D. K. Ahorsu et al.), Индекса перитравматического дистресса COVID-19 (J. Qiu et al.), самоофективности копинга (M. Chesney et al.), теста воздействия стрессовых событий, опросника посттравматического роста личности (R. G. Tadeshi, L. G. Calhoun), контент-анализа неоконченных предложений. Письменные рассказы российских респондентов были собраны в ходе онлайн-опроса во время пандемии в марте-октябре 2021 г. Респондентов попросили сообщить свой пол, возраст, были ли они больны или нет. В исследовании приняли участие 434 человека, 81% женщин и 19% мужчин, средний возраст 23,5 лет. Большинство респондентов были студентами старших курсов.

Обнаружены достоверные связи ($p < 0,01$) между выраженностью перитравматического дистресса COVID-19 и показателями страха COVID-19 с травматическими тенденциями переживания стрессового события, между показателями страха COVID-19 и показателем посттравматического роста ($p < 0,001$). Самоэффективность копинга отрицательно связана с травматическими тенденциями переживания стрессового события ($p < 0,02$) и положительно — с посттравматическим ростом личности ($p < 0,001$). Показатели перитравматического дистресса у переболевших COVID-19 выше, чем у не болевших ($p = 0,02$).

Болезнь COVID-19 предъявляет к человеку требования, несопоставимые с обычными переживаниями, поэтому человеку приходится обращаться к внутренним ресурсам – вести «внутреннюю работу» с самим собой и поддерживать других, заботиться о них, что помогает сохранять равновесие в бедственном положении, восстанавливать нарушенный образ жизни, эффективно адаптироваться и развиваться. Жизненные катастрофы вызывают не только негативные реакции, но и позитивные трансформации, которые определяются «использованием» человеком страдания, негатива как источника роста, развития и мужества. Рост подразумевает внутренние изменения – трансформацию личности. Смысловая трансформация личности осуществляется в смысловой работе, в которой смыслы бытия, смыслы жизни рассматриваются в связи со смыслом небытия, смыслом смерти.

Пандемия COVID-19 и моральные решения

*Т. И. Медведева (НЦПЗ, Москва), О. М. Бойко (НЦПЗ, Москва),
С. Н. Ениколопов (НЦПЗ, Москва), О. Ю. Воронцова (НЦПЗ, Москва)*

Пандемия COVID-19 поставила проблемы морального выбора перед большим количеством людей. Это и медики, которым на начальном этапе пришлось принимать решения о том, кого из пациентов спасать в первую очередь в условиях ограниченных ресурсов, и ученые, которые были вынуждены предлагать не до конца проверенные методы лечения и профилактики. Это же касается всех людей, которым пришлось решать, пожертвовать ли своим удобством ради общего блага.

Одним из инструментов, позволяющих изучать принятие моральных решений, являются моральные дилеммы. В нашем исследовании мы использовали моральные дилеммы, предложенные Дж. Д. Грином (J. D. Greene), которые делятся на группы: «нейтральные», «морально безличностные» и «морально личностные». «Морально безличностные» дилеммы затрагивают мораль и эмоции, но не вызывают сильного внутреннего конфликта между утилитарными соображениями и эмоциональными ограничениями или запретами (например, дилемма «Вагонетки»). «Морально личностные» дилеммы требуют решения острого конфликта между утилитарными соображениями и необходимостью совершить своими руками поступок, против которого восстают эмоции (например, дилемма «Толстяк»).

Данные получены в результате интернет-опроса в начале пандемии (с марта по август 2020 г.), $N = 349$, и в ее продолжении (с сентября 2020 г. по июнь 2021 г.), $N = 371$. Всем испытуемым было предложено 30 моральных дилемм.

Получены следующие средние значения положительных личностных выборов в разные периоды времени: $2,99 \pm 1,9$ в начале пандемии и $3,85 \pm 2,1$ в продолжении пандемии. Предыдущие исследования показали влияние пола, возраста и наличия психического заболевания на количество личностных выборов. Влияние этих факторов было проверено при анализе результатов. Подгруппы ответивших в разные периоды времени были выровнены по полу, но не были выровнены по возрасту. Поэтому был проведен однофакторный дисперсионный анализ с ковариатой «возраст».

Дисперсионный анализ показал, что ковариата («возраст») оказывает влияние на количество личностных выборов ($F = 99,9$, $p = 0,000$), однако фактор периода времени оказывается также статически значимым ($F = 3,76$, $p = 0,04$). Оценка влияния ковариаты «обращение к психиатру» также показало, что психическое заболевание приводит к увеличению личностных выборов ($F = 7,48$, $p = 0,006$), однако фактор периода времени оказывается также статически значимым ($F = 24,85$, $p = 0,000$).

Набор из используемых 30 моральных дилемм изначально включал две дилеммы на тему вакцинации. Первая из них такова: «По всему миру распространилась эпидемия вируса, которая убивает миллионы людей. Вы разработали 2 вещества в своей лаборатории. Вы знаете, что одно из них – вакцина, но вы не знаете, какое именно. Вы также знаете, что другое смертельно. Как только вы узнаете, какое вещество является вакциной, вы сможете спасти миллионы жизней. У вас есть 2 человека, которых вы лечите, и единственный способ узнать, какое вещество является вакциной, – дать эти два вещества этим людям. Один из них умрет, другой останется в живых, и вы сможете начать спасение людей с помощью вакцины. Вы убьете одного человека смертельной вакциной, чтобы найти настоящую вакцину и спасти миллионы жизней?» Вторая дилемма: «Вы работаете в правительственном совете по здоровью. Вы принимаете решение, разрешить ли использовать недавно разработанную вакцину. Огромное большинство людей после вакцинации приобретут иммунитет против смертельной болезни. Но очень небольшое количество людей умрет от этой вакцины. Вы будете настаивать на использовании этой вакцины?»

Анализ показал, что по мере развития пандемии значительно увеличилось число положительных ответов на первую дилемму (55% положительных ответов в начале и 73% в продолжении пандемии), но не изменилось на вторую. Очевидно, с точки зрения рационального выбора наименьшего общественного «вреда» рискнуть жизнью одного человека кажется более допустимым, чем жизнью группы людей. Но при этом возросло число людей, готовых брать на себя личную ответственность.

Одним из объяснений увеличения количества личностных выборов по мере развития пандемии может быть увеличение психопатологической симптоматики на фоне переживаемого стресса. Другое возможное объяснение состоит в том, что по мере развития пандемии увеличивается количество переболевших COVID-19. Так, в исследовании, целью которого было изучение рискованного поведения и процессов принятия решений у выздоровевших пациентов с COVID-19 с использованием теста Айова (IGT), выздоровевшие пациенты демонстрировали более высокую склонность к рискованному поведению, которая связана со снижением опоры на эмоциональный опыт (A. Egeli). Это может быть результатом преодоления угрозы COVID-19 и, как следствие, уменьшения тревоги и эмоциональной уязвимости. Однако это может быть связано и с неврологическим поражением орбитофронтальной коры у переболевших.

Признаки посттравматического стресса в различных культурно-психологических контекстах

С. Г. Мелик-Карамян (ЕУА, Капан, Армения)

Посттравматический стресс — затяжная или отсроченная по времени реакция человека на психотравмирующее событие. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это тяжелый и аномальный вариант проживания психотравмы, когда человек застревает на ней вместо нормального переживания и выздоровления. В 11-й редакции Международного классификатора болезней (МКБ-11) ПТСР рассматривается как отдельное расстройство и характеризуется симптомами искажения и избегания, негативными последствиями для когнитивных способностей и настроения, измененным уровнем сознания и реактивности человека.

Очень часто в психологической работе за постановкой индивидуальных диагнозов упускается из виду вопрос о влиянии травмирующих событий не только на отдельные личности, но и в целом на общество, представители которого прошли через ужасающие события. Причины травм, называемых коллективными, могут различаться, однако доказано, что одним из наиболее сильных травматических факторов, влияющих как на индивидуальном, так и на общественном уровне, является война.

Согласно данным ВОЗ, у 15% людей, переживших психические травмы подобной тяжести, могут проявиться симптомы ПТСР. Эпидемиологические данные о заболеваемости ПТСР варьируются от 2,6% от общего числа обследуемого населения до 73–92% в группах риска (жители областей, пострадавших от стихийных бедствий, катастроф, военных конфликтов). Процент заболеваемости может меняться также в зависимости от других факторов, например, от характера психотравмы, пола, возраста обследуемых групп и социально-культурных особенностей.

Г. Тисен-Вомерслей (G. Theisen-Womersley) подчеркивает важность контекстуального подхода к изучению травмы и учета особенностей прошлого жизненного опыта каждой отдельной личности, особенностей историко-социального контекста, культуры, в которой она сформировалась, особенностей ее субъективного восприятия ситуации и себя, а также понятия травмы как таковой.

Членство в группе и идентичность являются центральными элементами в определении ПТС и согласно мнению О. Т. Малдун: автор доказывает, что учет социальных групп как формирующих социальный контекст для каждой конкретной личности позволяет пересмотреть иллюзорный «вакуум», в котором находится человек (О. Т. Muldoon).

Влияние культурных факторов на переживание психической травмы и ее последствия анализируются в работе М. А. Падун и А. В. Котельниковой. Они отмечают важность того, как воспринимает человек самого себя и окружающий мир. Индивидуалистичность или коллективистичность Я, убеждения о справедливости мира и удаче, locus контроля, жизненные цели, удовлетворенность самореализацией могут определять, каковы наибольшие угрозы для личности в психотравмирующей ситуации.

По прошествии одного года после 44-дневной войны 2020 г. между Азербайджаном и населенным армянами регионом Нагорного Карабаха, последствия которой повлияли также на жителей Республики

Армения, мы провели исследование с применением «Опросника выраженности психопатологической симптоматики» SCL-90-R (Symptom Check List – 90 – Revised) на выборке жителей одного из приграничных городов Армении – г. Капан (n = 35). На основании полученных данных можно видеть повышенный по сравнению с нормой уровень показателей психопатологической симптоматики у людей, переживших войну. Особенно выраженными оказались показатели по шкалам навязчивости (0,98), депрессии (0,81) и паранойяльности (0,81). Уровень выраженности показателей по различным шкалам в среднем ниже показателей групп с ПТСР, но сравним с данными, полученными при проведении данной методики в исследовании групп беженцев, также перенесших травму войны (Н. В. Тарабрина и др.).

Учитывая воздействие множества информационных ресурсов на современного человека, даже будучи далеко от места происходящих катастроф, зритель/слушатель может переживать событие так, как если бы оно происходило с ним на самом деле, что расшатывает информационную безопасность людей (Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова, М. А. Падун, И. С. Хажуев и др.). Мы считаем, что именно поэтому армяне, проживающие в других странах, но идентифицирующие себя со своим народом и следящие за ходом войны в своем национальном государстве, также подверглись косвенной травматизации. Проведение более масштабного исследования позволит проверить установленные ранее закономерности и уточнить их проявления в случае переживших войну этнических армян, проживающих как в самой Армении, так и в других странах (в частности, в Российской Федерации) и находящихся под влиянием разных культурных контекстов.

Копинг-стратегии и жизнестойкость подростков-инвалидов и их родителей*

М. А. Одинцова (МГППУ, Москва),

А. О. Саркисян (Школа «Технологии обучения», Москва)

В условиях инвалидности семья становится важнейшим институтом, который помогает справиться с таким жизненным испытанием. Семья играет особую роль при заболеваниях детей, угрожающих их жизни,

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00820.

одним из которых является онкология головного мозга. В исследованиях подчеркивается, что родители становятся образцами и источниками формирования совладающего поведения своих детей как проявления общей адаптации к инвалидности.

Целью исследования стал анализ специфики копинг-стратегий и жизнестойкости подростков с онкологией и их родителей.

Участниками исследования были 19 пар: подростки с онкологией головного мозга и их матери (преимущественно) ($N = 38$).

Использовались «Опросник ролевой виктимности» (М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова), «Тест жизнестойкости» (Е. Н. Осин, Е. И. Рассказова) и «Опросник COPE» (Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин).

Исследование показало, что у родителей в большей степени, чем у подростков, при совладании с трудностями развиты активное преодоление ($t = -3,408$, $p = 0,003$), обращение к религии ($t = -6,325$, $p = 0,000$), прием успокоительных ($t = -2,365$, $p = 0,029$), планирование ($t = -2,857$, $p = 0,01$), а также высоки показатели по шкале «Вовлеченность» теста жизнестойкости ($t = -2,548$, $p = 0,021$). Подростки чаще, чем их родители, используют стратегию юмора ($t = 2,642$, $p = 0,017$). При этом предпочитаемыми из всего арсенала копинг-стратегий как для родителей, так и для подростков становятся следующие: активное совладание (ср. знач. для подростков – 12,3 балла, для родителей – 14,7 баллов), позитивное переформулирование (ср. знач. и для подростков, и для родителей – 11,8 баллов), обращение к религии (ср. знач. для подростков – 10,1, для родителей – 13,3 балла) и принятие (ср. знач. для подростков – 11,6, для родителей – 11,7 баллов).

Корреляционный анализ копинг-стратегий, жизнестойкости, ролевой виктимности родителей подростков с онкологией головного мозга позволил обнаружить отрицательные связи характеристик жизнестойкости и копинг-стратегий ($p < 0,05$): концентрация на эмоциях ($r = -0,512$), сдерживание ($r = -0,461$), использование успокоительных ($r = -0,533$), а также всех характеристик ролевой виктимности (от $r = -0,580$ по социальной роли жертвы до $r = -0,665$ по игровой роли жертвы и $r = -0,685$ по ролевой виктимности в целом). Контроль, принятие риска и общий уровень жизнестойкости родителей снижается в результате предпочтения ими этих трех копинг-стратегий и поведенческих проявлений игровой и социальной ролей жертвы.

Корреляционные связи в группе подростков схожи с корреляционными связями их родителей ($p < 0,05$). Однако выделяется страте-

гия юмора, которую чаще используют подростки и которая усиливает их вовлеченность ($r=0,616$) как интерес к миру, людям и общий уровень жизнестойкости ($r=0,461$), а также поведенческий уход от проблем, который снижает их умение контролировать происходящее ($r=-0,528$).

Корреляционный анализ парных выборок показал, что родительская и подростковая копинг-стратегия «Обращение к религии» тесно взаимосвязаны ($r=0,802$). Чем чаще используется данный копинг родителями подростков с онкологией головного мозга, тем выше вероятность того, что эта стратегия будет использоваться и самими подростками. Корреляционный анализ также показал взаимосвязь переживания родительской и подростковой стигматизации (социальная роль жертвы) ($r=0,473$). Переживание стигматизации родителями повышает аналогичные переживания у их детей.

Выводы:

1. Родители подростков с онкологией головного мозга чаще своих детей используют активное совладание, планирование, обращение к религии и прием успокоительных, они же в большей мере вовлечены в происходящее. Подростки чаще своих родителей используют стратегию юмора.
2. В условиях жизнеугрожающего заболевания и для родителей, и для детей активное совладание, позитивное переформулирование, принятие и обращение к религии становятся необходимыми ресурсами.
3. Общий уровень жизнестойкости родителей и подростков снижают такие копинг-стратегии, как концентрация на эмоциях, использование успокоительных и ролевая виктимность. Общий уровень жизнестойкости у родителей снижает стратегия сдерживания, а у подростков – поведенческий уход от проблем. Повышает уровень жизнестойкости подростков стратегия юмора.
4. Обращение к религии становится одной из важнейших копинг-стратегий семьи с ребенком-инвалидом, передается от родителей к детям и становится ресурсом для совладания с болезнью. Переживания стигматизации родителями может негативным образом сказаться на переживаниях подростков.

В условиях онкологического заболевания все это важно учитывать при выстраивании стратегий психологической помощи семьям с детьми-инвалидами.

Особенности переживания утраты домашнего питомца у подростков и молодых взрослых

А. Г. Одношивкина (частная практика, Москва)

В современном мире представление о семье и ее составе трансформируется: люди наделяют своих домашних питомцев статусом членов семьи (L. Irvine), переживают по отношению к ним ощущения привязанности и даже эмоциональной зависимости (Е. Ю. Федорович, А. Я. Варга). Наделенные статусом членов семьи, домашние питомцы, наряду с людьми, могут выполнять свою роль в семье и участвовать в поддержании гомеостаза семейной системы (Е. Ю. Федорович и др.).

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, на 2019 г. в 73% семей России проживают домашние животные, из них 54% кошки и 38% собаки. Каждая из этих семей рано или поздно сталкивается с утратой домашнего питомца, что может переживаться членами семьи не менее остро, чем утрата близкого человека (L. M. Eckerd et al.). Утрата питомца может повлечь за собой нарушение функционального равновесия семейной системы (Е. Ю. Федорович и др.). Ввиду недолгой продолжительности жизни домашних питомцев, семья, заводя очередных питомцев и неизбежно сталкиваясь с их смертью, может переживать повторяющийся опыт тяжелой утраты (С. Westgarth et al.).

В нашей культуре нет образцов реагирования на утрату домашнего питомца; существует проблема непризнания обществом смерти или разлуки с домашним питомцем как полноценной утраты (N. Thompson, G. R. Cox); смерть домашнего питомца зачастую становится первым опытом утраты у подростков и молодых взрослых. Таким образом, актуальным становится исследование особенностей переживания утраты домашнего питомца в семье с детьми-подростками и молодыми взрослыми детьми и обогащение научного знания об этом опыте с целью усовершенствования моделей психотерапевтической помощи. Впервые на российской выборке исследуются особенности переживания утраты домашнего питомца в семье в связи с его психологической функцией и особенностями коммуникации в семье.

Исследование состояло из двух этапов. Качественный этап был проведен на базе онлайн-опроса и онлайн-интервью с пятью респондентами в возрасте от 27 до 38 лет, пережившими утрату кошки или со-

баки в подростковом возрасте, живя в родительской семье (мы сочли, что понять, как рассматривает свое переживание человек через призму микро- и макрофакторов, возможно в ретроспективном исследовании). Мы получили от респондентов информацию о том, какую роль в их жизни играл питомец, как они переживали его утрату и как была устроена коммуникация в их семье (опросник СЭК, А. Б. Холмогорова и др.). Всю информацию, полученную на этом этапе, мы анализировали как качественную. По итогам тематического анализа текстов интервью и сопоставления всех полученных данных мы сформулировали следующие гипотезы:

- а) дисфункция семейной коммуникации связана с выраженностью реакции горя на утрату домашнего питомца (здесь и далее под дисфункцией семейной коммуникации мы понимаем неспособность членов семьи открыто общаться между собой, нарушение циркуляции информации в семье (С. В. Воликова, А. Б. Холмогорова));
- б) в семьях, где после смерти питомца сохраняется его психологическая роль, которой он был наделен при жизни, дисфункция в семейной коммуникации будет выражена больше, чем в семьях, где роль не сохраняется;
- в) использование погребальных ритуалов, обсуждение переживания утраты домашнего питомца внутри семьи и с социальным окружением снижает вероятность осложненной реакции горя на его утрату;
- г) в ситуации, когда питомец пропал, а также в ситуации вынужденной разлуки с ним осложненная реакция горя будет встречаться чаще, чем в ситуации его естественной смерти или усыпления;
- д) существует связь между особенностями коммуникации в семье в ситуации переживания утраты близкого человека и домашнего питомца.

Количественный этап исследования был проведен на базе онлайн-опроса среди 109 респондентов, молодых женщин и мужчин в возрасте от 14 до 25 лет, проживающих в родительской семье и переживших утрату кошки или собаки. Для проверки гипотез мы использовали следующие методики: авторская анкета, основанная на тексте опросников «Structured Questionnaire Instrument to Evaluate Grief in People Who Have Lost a Companion Dog» (S. Uccheddu et al.) и «Texas Revised Inventory of Grief» (S.A. Montano), шкалы коммуникации опросника «Фрайбургский семейный опросник» (С. В. Воликова) и опросни-

ка «Faces IV» (М. С. Зеленская). По итогам статистического анализа данных мы пришли к следующим выводам:

- а) дисфункция семейной коммуникации связана с выраженностью реакции горя на утрату домашнего питомца;
- б) обсуждение переживания утраты домашнего питомца внутри семьи снижает вероятность осложненной реакции горя на его утрату;
- в) у респондентов, расставшихся с домашним питомцем или столкнувшихся с его исчезновением, осложненная реакция горя будет встречаться чаще, чем в ситуации естественной смерти или усыпления питомца, а выраженность реакции горя будет так же высока, как у тех, кто пережил утрату питомца в результате несчастного случая;
- г) существует связь между особенностями коммуникации в семье и ситуацией переживания утраты близкого человека и домашнего питомца.

Взаимосвязь родительского стресса и удовлетворенности родительство^{*}

У. Ю. Севастьянова (КГУ им. Н. А. Некрасова, Кострома)

В последнее десятилетие как в России, так и за рубежом большое внимание уделяется изучению удовлетворенности родительство как проявлению успешности воспитания ребенка. Современные семьи часто подвержены стрессу травматического характера и испытывают раздражение в детско-родительских отношениях. Данное явление обусловлено в первую очередь личностными особенностями как самих родителей, так и их детей, спецификой семейной системы.

Целью настоящего исследования является выявление связи родительского стресса и удовлетворенности родительство.

Использовались опросник «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» J. O. Berry, W. H. Jones в адаптации Ю. В. Мисиюк и И. В. Тихоновой и методика исследования удовлетворенностью родительской ролью в адаптации Е. В. Куфтяк.

В исследовании приняли участие 56 респондентов (11 мужчин и 45 женщин), средний возраст – 37,8 лет. Все респонденты состо-

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00678.

ят в браке, среднее количество супружеских лет – 11,4, средний возраст детей – 10,8.

Рассмотрим подробнее полученные результаты.

Анализируя данные по методике исследования родительского стресса, мы можем отметить следующее. При сопоставлении данных методики по шкале «Родительские стрессоры» нами обнаружено превалирование данного параметра ($M = 9,61$, $SD = 2,25$). Так, родители испытывают стресс при выполнении ежедневных задач, в том числе связанных с воспитанием. Трудности возникают при заботе о ребенке, уходе за ним, и проявляются в увеличении затрат времени и сил, а также в финансовом бремени. Поведение ребенка также усиливает стресс. Эти данные подтверждает и выраженность совокупного показателя по шкале «Общий уровень стресса» у респондентов ($M = 43,7$, $SD = 8,47$).

В то же время матери и отцы, выполняя родительские обязанности и требования, не утрачивают контроль над своей жизнью в результате рождения и воспитания ребенка. Так, среднее значение по шкале «Потеря контроля» имеет низкий показатель ($M = 7,45$, $SD = 2,29$).

Несмотря на наличие стрессовой ситуации, родители испытывают удовлетворенность своей ролью («Родительское удовлетворение» ($M = 8,37$, $SD = 1,96$), «Родительское вознаграждение» ($M = 8$, $SD = 2,05$)).

При подсчете средних значений шкал по методике исследования удовлетворенности родительской ролью выявлены наибольшие показатели по шкале «Важность роли родителя» ($M = 53,87$, $SD = 10,39$). Родители придают большую значимость воспитанию и родительской роли. Также матери и отцы отмечают, что родительство требует большого труда, значительных усилий («Тяжесть роли родителя» ($M = 49,02$, $SD = 8,88$)).

Минимальную выраженность имеет шкала «Удовольствие, получаемое от воспитания и родительства» ($M = 38,84$, $SD = 5,36$). Родители в меньшей степени ощущают чувство радости, успеха, успокоения от исполнения ежедневных рутинных обязанностей.

Для изучения взаимосвязей родительского стресса и удовлетворенности родительской ролью нами был использован критерий корреляции r Спирмена. Корреляционный анализ показал наличие значимых обратных связей по шкалам «Общий уровень стресса» и «Общий показатель удовлетворенности» ($r_s = -0,54$, $p < 0,01$), «Удовольствие, получаемое от воспитания и родительства» ($r_s = -0,39$, $p < 0,01$), «Важность роли родителя» ($r_s = -0,63$, $p < 0,01$).

На наш взгляд, обнаруживается известная закономерность — наличие родительского стрессора и снижение удовлетворенности родительской ролью. Чем выше стресс у родителей, тем менее матери и отцы довольны выполнением своих функций.

Требования родительской роли в виде «Родительского стрессора» ($r_s = -0,51, p < 0,01$) и «Потери контроля» ($r_s = -0,62, p < 0,01$) отрицательно связаны с «Важностью роли родителя», т. е. тяжесть выполнения функций родителя, а также переживание утраты контроля над своей жизнью в результате воспитания ребенка уменьшают значимость родительской роли.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие заключения: для современных родителей характерны взаимосвязь родительского стресса и удовлетворенности данной ролью, большая осмысленность целей воспитания детей, повышенная требовательность к себе как родителю, высокая направленность на развитие ребенка.

Вопрос о взаимосвязи уровня стресса и удовлетворенности у родителей требует дальнейшей проработки.

Содержание и субъективная оценка травматических стрессов «нормативного» родительства*

*И. В. Тихонова (КГУ им Н. А. Некрасова, Кострома),
Т. Н. Адеева (КГУ им. Н. А. Некрасова, Кострома)*

Научные исследования роли родителей в развитии ребенка привели к двойственным социальным эффектам: появилось понимание родительского детерминизма и утвердилась ориентация на родительскую осознанность, но выросли уровень социальных ожиданий от родителей и уровень родительского напряжения. Все это, а также признанное в науке существование парадокса родительства (К. М. Rizzo et al., К. М. Nomaguchi) показывает необходимость внимания к его субъективно-эмоциональной стороне (Е. В. Куфтяк). Родительский стресс активно изучается в зарубежной психологической науке и не так давно стал предметом интереса и в отечественной психологии. Родительский стресс — это дисбаланс между восприятием требований родительств-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00678.

ва и наличных ресурсов у родителей, связанный как с особенностями детей, так и с особенностями самих родителей, возникающий, когда требования, предъявляемые к роли родителя, слишком высоки. Проявляется как реакция в виде эмоциональных переживаний, связанных с неудовлетворенностью реализации родительской роли (К. Deater-Deckard, С. С. Савенышева). Родительский стресс может испытываться каждым родителем и распространен повсеместно (К. Deater-Deckard, О. О. Заплетина).

Научный интерес нашего коллектива сосредоточен на родительском стрессе дезадаптивного уровня, что вызвано наблюдением в практике консультирования патопсихологических состояний, связанных с выполнением родительской роли. В научных обзорах и исследованиях существует множество сходных понятий, отражающих состояния дезадаптации как последствие влияния стрессоров родительства: родительское выгорание (А. Lebert-Charron et al., Т. Ю. Фадеева), родительский дистресс (С. А. Duchovic et al.), травматический и посттравматический стресс родителей (М. В. Дан, Н. В. Тарабрина, Н. В. Майн, М. Pinqart).

Дезадаптивные стрессы родительства изучаются в рамках воздействия стрессоров очевидно травматического типа, угрожающих жизни или благополучию ребенка или семьи. В данных ситуациях очевидна такая составляющая стресса, как «сверхсильное влияние» стрессора. Однако травматизация присуща не только «особому» родительству. Значительная индивидуальная вариабельность в когнитивных установках, ожиданиях от родительской роли, оценках и переживаниях событий родительской жизни – их субъективной значимости – закономерно приводит к различной выраженности дистресса у родителей.

Целью настоящего пилотного исследования являлось изучение субъективных оценок и содержания травматических стрессовых событий родительской жизни. Исследовательская выборка состояла из 50 родителей (10 отцов и 40 матерей), имеющих ребенка с нормотипичным развитием, средний возраст 38,8 лет (min = 25, max = 56). Среди них: родители 1 ребенка – 19 человек, 25 человек имеют двое детей, 6 человек имеют трое детей. Родителей, имеющих опыт воспитания детей до трех лет – 4 человека, от трех до шести лет – 12 человек, от семи до одиннадцати – 12 человек, от двенадцати до пятнадцати – 8 человек, от шестнадцати до двадцати – 6 человек; старше двадцати лет – 8 человек (опыт оценивался по возрасту старшего ребенка).

Использовался метод полуструктурированного интервью, изучающего травматические стрессовые события родительской жизни в разные периоды развития ребенка, включающий использование приёма «стресс-термометра», шкалирования, разработанный перечень родительских трудностей и психосоматических индикаторов стресса. Для анализа высказываний применялся метод контент-анализа и методы дескриптивной статистики.

Было установлено, что больше всего стрессовых событий, оцениваемых как «травматические», родители описывают в ранний и дошкольный период развития ребенка (независимо от стажа родительства) — 60% интервьюируемых. В качестве таковых выступают события, связанные с реальными болезнями и травмами ребенка, но также и гипотетическая угроза его здоровью. Травматическими стрессовыми событиями являются эмоциональные и поведенческие реакции ребенка, нестандартные для родителя. Стрессоры-события имеют возрастную обусловленную специфику: по мере взросления ребенка как травмирующие воспринимаются трудности обучения, конфликты со сверстниками, экзамены и пр. Актуализируя значимые стрессовые события родительской жизни, респонденты относили к ним чаще реальные факты из жизни ребенка, но около 20% родителей описывали события внутреннего мира — состояния, переживаемые ими впервые. В качестве травматических стрессовых событий субъективно могут оцениваться и неординарные эмоциональные переживания родителей. Было выявлено, что интенсивный родительский стресс может проявляться как реакция на стрессовые события, происходящие в семейной системе. Средняя субъективная оценка выраженности родительского стресса довольно высока в каждый период развития ребенка, но максимум наблюдается в период раннего развития ($M=8$). Эмоциональные симптомы в картине родительского стресса являются преобладающими во все возрастные периоды (растерянность, страх, тревога), некоторые родители указывают на проявления психических симптомов (снижение концентрации внимания, настроения, влечений).

Выраженность ранних дезадаптивных схем и отношение к собственному телу у людей, имеющих травматический опыт в детском и подростковом возрасте

А. Д. Трусова (РязГМУ, Рязань), А. Г. Фаустова (РязГМУ, Рязань)

В настоящее время вопросы травматического опыта и его последствий становятся все более актуальными. Особое внимание уделяется возрасту, в котором человек сталкивается с травмирующей ситуацией, и степени воздействия этой ситуации. В современных исследованиях выявлено, что травмы, пережитые в детском и подростковом возрасте, обладают своей спецификой, уровень ПТСР у них значимо выше (Н. Е. Харламенкова). При переживании травматических событий в детстве у ребенка формируются ранние дезадаптивные схемы, которые предписывают паттерны поведения во взрослом возрасте. За рубежом исследователи отмечают, что стиль пищевого поведения может быть объяснен несколькими факторами, одним из которых являются ранние дезадаптивные схемы (А. Maher).

Цель исследования – определение выраженности взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и отношения к собственному телу у людей, переживших травматические события в детском и подростковом возрасте, имеющих различный индекс массы тела (ИМТ).

Для достижения поставленной цели использовались следующие методики: авторская анкета, опросник травматических событий «Life Experience Questionnaire» (LEQ) Дж. Норбек, И. Сарасон и др. в адаптации Н. В. Тарабриной и др., «Young Schema Questionnaire – Short Form Revised» (YSQ-S3R) для диагностики ранних дезадаптивных схем Д. Янг в адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой, «Multidimensional Body-Self Relations Questionnaire» (MBSRQ) – мультимодальный опросник отношения к собственному телу Т. Ф. Кэша в адаптации Л. Т. Баранской и С. С. Татауровой.

В исследовании приняли участие 200 девушек в возрасте 22–30 лет. Исследуемые были разделены на три группы по показателю индекса массы тела (ИМТ) согласно ВОЗ. Первую группу составили 48 девушек, имеющие ИМТ меньше 18, что соответствует дефициту массы тела. Вторую группу составили 73 девушки, имеющие ИМТ 18–24,9, что соответствует норме. Третью группу составили 79 девушек с ИМТ 25–40, что соответствует показателям избыточного веса и ожирения.

Сопутствующие соматические патологии, влияющие на изменение веса, отрицались. В анамнезе все респонденты упоминали о травматическом событии в детском или подростковом возрасте, которое оказало на них значимое влияние.

Согласно результатам применения методики LEQ, для всех групп наиболее сильное влияние (индекс травматизации 3,5–4,43) оказали ситуации физического или сексуального насилия, а также категория «другие», включающая в себя ситуации социально-психологического характера (такие как развод родителей, психические расстройства близких или употребление ПАВ). Криминальные ситуации и природные катастрофы встречались в 10% случаев, однако индекс травматизации по данным шкалам варьировался от 2,28 до 3.

По результатам проведенного исследования, у девушек, имеющих низкий ИМТ, наиболее выражены такие ранние дезадаптивные схемы, как недоверие к миру (домен «потребность в надежной привязанности»), социальная отчужденность, зависимость, дефектность, уязвимость (домен «потребность в автономии и чувстве идентичности»), т. е. им свойственна убежденность в опасности близких контактов, чувство «непохожести» на других и постоянный страх отвержения. В оценках отношения к собственному телу (по методике MBSRQ) отмечаются высокая ориентация на внешний вид и при этом низкая ориентация на здоровье, неудовлетворенность верхними конечностями и весом.

У девушек с ИМТ в пределах нормы ярко выражены схемы поиска одобрения и самопожертвования (домен «потребность свободно выражать свои чувства и переживания»), т. е. данной группе свойственна уверенность, что они не имеют права заботиться о своих потребностях, а должны заботиться о других, они зависимы от оценки других людей. При оценке отношения к собственному телу в равной степени выражены ориентации на внешний вид и на здоровье. Однако показатели оценки внешнего вида значимо ниже показателей оценки здоровья. Девушки из данной группы больше удовлетворены лицом, ростом и внешним видом в целом.

У девушек с ИМТ выше 25 характерными ранними дезадаптивными схемами выступают покинутость (домен «потребность в надежной привязанности»), недостаточность самоконтроля («потребность в реалистичных границах») и потребность в спонтанности. Девушки уверены, что за несовершенство нужно наказывать себя и других; при этом присутствует частая потеря контроля над эмоциями, вследствие чего они злоупотребляют едой. Отношение к собственному телу доста-

точно противоречивое: при высокой ориентации на внешний вид его оценка оказывается низкой. Выявлены высокие показатели по шкале «проблема избыточного веса», что подчеркивает значимость этой проблемы. Девушки данной группы больше удовлетворены своим ростом, их также устраивает состояние собственных волос.

Таким образом, в исследовании нами было выявлено, что травматический опыт в детском и подростковом возрасте отражается на когнитивных схемах и паттернах поведения во взрослом возрасте. Эти паттерны формируют пищевые привычки и некоторые особенности отношения к собственному телу.

Психологическое благополучие педагогов, работающих в инклюзивном и специальном образовании*

А. М. Федосеева (ИКП РАО, Москва), Н. В. Бабкина (ИКП РАО, Москва)

Проблема инклюзивного образования продолжает вызывать противоречивые оценки. Наряду с трудностями, связанными с качеством такого образования, в инклюзии достаточно остры проблемы компетентности педагога (который должен иметь широкий круг профессиональных компетенций) и его высокой психологической и эмоциональной нагрузки. Очевидно, что психологическое состояние педагога, его работоспособность являются важным условием качественного образования. Необходимость выдерживать повседневный стресс, связанный с необходимостью гибко перестраивать методику преподавания, постоянная необходимость корректировать свои педагогические ожидания и, соответственно, требования к образовательному результату ученика, приводят к профессиональному выгоранию учителя и снижению уровня его психологического благополучия в целом.

На данный момент психологическое благополучие (well-being) является активно исследуемым феноменом в психолого-педагогических науках (К. Рифф). Мы решили дополнить показатели психологического благополучия педагогов, работающих в условиях инклюзивного образования, проявлениями психологического неблагополучия: по-

* Исследование выполнено по Госзаданию Министерства просвещения РФ № 073-00028-22-00.

казателями эмпатии (в частности, личным дистрессом) и выявлением шкал профессионального выгорания. Мы предположили, что у педагогов с разным опытом работы в ситуации инклюзии уровень психологического благополучия будет отличаться.

Для участия в исследовании нами была выбрана категория детей с задержкой психического развития (ЗПР) как наиболее частотная в условиях инклюзии. Были выделены следующие группы педагогов: 1) педагоги, работающие в специальных школах; 2) педагоги, работающие в инклюзивных школах; 3) педагоги, которые имеют большой опыт работы с учениками с ЗПР в прошлом и сейчас есть небольшое количество учеников с ЗПР и стойкими трудностями в обучении; 4) педагоги, у которых нет опыта работы с учениками с ЗПР.

Для диагностики психологического благополучия была использована методика К. Рифф в адаптации П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой. Также использовалась методика профессионального выгорания (опросник выгорания К. Маслач), многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса (Interpersonal Reactivity Index, IRI) в адаптации Т. Д. Карягиной. Использован пакет прикладных программ статистической обработки данных SPSS.

Анализ полученных результатов эмпирического исследования показал, что существует ряд различий в уровне выраженности шкал психологического благополучия и шкал эмпатии и профессионального выгорания у учителей с разным опытом обучения учеников с ЗПР. По результатам вычисления критерия Краскела–Уоллиса, были получены статистически значимые различия по следующим шкалам психологического благополучия: самопринятие ($p=0,039$), управление средой ($p=0,055$ на уровне тенденции), эмпатическая децентрация ($p=0,044$), личный дистресс ($p=0,000$) и по всем шкалам профессионального выгорания.

Самопринятие оказалось значимо ниже у педагогов специальных школ, по сравнению с педагогами, не имеющими опыта работы с детьми с ЗПР и с педагогами инклюзивных школ. Шкала «управление средой» значимо ниже в группе педагогов инклюзивных школ, по отношению к педагогам трех других групп. Показатели по шкале «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация» значимо ниже в группах учителей специальных школ и без опыта работы с детьми с ЗПР. Шкала «редукция профессиональных достижений», напротив, статистически значимо ниже в группе педагогов инклюзивных школ, по сравнению с педагогами, работающими в специальных

школах. По шкалам измерения эмпатии уровень эмпатической децентрации значимо ниже у педагогов без опыта работы с учениками с ЗПР, у педагогов всех других групп этот показатель значимо выше. Личный дистресс значимо более высокий у педагогов из инклюзивных школ и тех, что работают в обычной школе, где в классе есть несколько учеников с ЗПР.

В результате анализа различий, полученных по четырем группам педагогов с разным опытом работы с учениками с ЗПР, можно сделать следующий обобщенный вывод: учителя, работающие в условиях инклюзивного образования, вне зависимости от количества учеников (несколько учеников в классе и инклюзивная школа) имеют более высокие показатели профессионального выгорания, по сравнению с учителями специальных школ или с учителями без опыта работы с учениками с ЗПР.

В заключение необходимо отметить, что задача сохранения психологического благополучия учителей требует изучения паттернов их реагирования в профессионально трудных ситуациях и разработки стратегий их психолого-педагогической поддержки.

**Психология индивидуальных различий.
Психология индивидуальности**

Предисловие к разделу

Е. А. Сергиенко, С. С. Белова, Н. Е. Харламенкова

Психология индивидуальных различий — одна из уникальных областей психологической науки, благодаря которой давние споры о номотетическом и идиографическом методах и возможности их использования для репликации научного знания в психологии так или иначе разрешаются. Выделяя различные типы мышления, например, рассматриваемые как предикторы иррационального поведения, особенности эмоционального интеллекта, доминирующие мотивы, стратегии регуляции эмоций и мн. др., исследователь определяет критерии, в соответствии с которыми допустима та или иная классификация, типология. Одновременно с этим общее знание о части реальности не теряет своей структуры и может быть верифицировано на истинность и при наличии его вариативности.

Современные исследования в области психологии индивидуальных различий строятся на традиционных для психологии приемах определения этих различий, ориентируются на новейшие данные в этой области.

Так, психология развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях не только не исключает, но, наоборот, предполагает изучение индивидуальных различий, поскольку субъект всегда максимально индивидуален. Раскрывается данное положение в таких исследованиях, как изучение контроля поведения (как индивидуально выраженных способностей когнитивного, эмоционального и волевого контролей) в разных возрастах, типов и возможностей становления на его основе саморегуляции и защитного поведения; исследование индивидуальной выраженности способности понимания психических состояний (модели психического) в разных возрастах от раннего детства до старения, особенностей архитектуры данной способнос-

ти и ее индивидуальной динамики. Особенно важно изучение социальных условий развития на становление модели психического и ее роли в социальных взаимодействиях.

Изучение субъективного возраста также максимально индивидуально, что дает основание проследить динамику возрастной идентичности в разных условиях и возрастах. Субъективный возраст выступает как индивидуальный механизм регуляции реализации собственных ресурсов в нормальных и стрессовых состояниях.

В рамках исследований в области психологии творчества в дифференциально-психологической перспективе проверяется ряд предположений о взаимосвязях базовых личностных диспозиций (факторов «Большой пятерки») с дивергентной продуктивностью, изучаются эффекты их взаимодействия с социокультурными факторами. Познавательная потребность как личностная характеристика исследуется как фактор успешности решения проблемных задач. Уточняются измерения профессионального мышления студенческих популяций, корреляты исследовательской продуктивности школьников.

Проблема индивидуально-психологических различий типично обсуждается в области исследования психологии личности, социальной, инженерной, клинической психологии, психологии труда, общей психологии. Выделение психологии индивидуальных различий в отдельное направление послужило стимулом для обсуждения широкого круга проблем: от фундаментальных методологических вопросов, связанных с интеграцией общего и особенного в изучении интеллекта, личности, креативности и др. до обсуждения традиционного для психологии вопроса о валидности используемых тестов. Адекватным для современного состояния научного знания и запросов практики становится подход, в соответствии с которым любая универсальная закономерность может быть рассмотрена с точки зрения проявления ее особенностей при учете дополнительных дифференцирующих эту реальность факторов.

Существенным стимулом для развития этой области знания остаются формулируемый социумом запрос на разработку программ обучения детей и взрослых с нормальным и отклоняющимся от нормы психическим и физическим развитием, на проведение исследований по проблеме принятия решений, на выявление причин рационального и иррационального поведения, оценку разнообразия в осуществлении интеллектуального, морального и иных типов выбора и т. д. с целью построения краткосрочных и долгосрочных прогно-

зов психического развития человека в разных сферах его жизнедеятельности и с разными индивидуально-психологическими особенностями.

Взаимосвязь предикторов иррационального поведения с некоторыми индивидуально-типологическими особенностями личности: пилотное исследование*

И. Р. Абитов (К(П)ФУ, Казань)

Одной из важных проблем на сегодняшний день являются предупреждение иррациональных поступков, влекущих за собой тяжелые негативные последствия, и тесно связанная с ним проблема определения индивидуально-типологических предикторов иррационального поведения. Последнее позволило бы выявить группу риска, с которой можно вести целенаправленную профилактическую и коррекционную работу, направленную на снижение рисков иррационального поведения и возникновения неблагоприятных последствий в виде уголовного преследования, обострения конфликтов, повышения уровня стресса и т. д.

Ряд исследователей обращали внимание на связь иррациональности и внешнего локуса контроля, который означает, что люди приписывают жизненные события судьбе, удаче или силам тьмы (R. J. Scheidt, S. M. Fluke et al.). Были выявлены значимые корреляции суеверных представлений с открытостью опыту и нейротизмом («Большая пятерка») (M. Anyaegbunam et al.); обнаружена прямая связь между иррациональными верованиями и такими компонентами «Большой пятерки», как нейротизм и экстраверсия (A. Perdue); выявлена корреляция между верой в реинкарнацию, колдовство, экстрасенсорное восприятие и астрологию с такими характеристиками, как импульсивность, рефлексивность, невротичность и шизоидность (G. Windholz, L. Diamant).

Для проведения исследования нами использовались Google Forms, которые распространялись в социальной сети «ВКонтакте». В исследовании приняли участие 36 испытуемых в возрасте от 20 до 58 лет (31 респондент женского пола и 5 мужского). При проведении исследова-

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета «Приоритет – 2030».

ния использовались опросник суеверности И. Р. Абитова, опросник верований и суеверий И. Я. Стояновой, опросник конструктивного мышления С. Эпштейна (адаптация С. Н. Ениколопова и С. В. Лебедева), тест акцентуации свойств темперамента, индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик. Для выявления взаимосвязей между исследуемыми характеристиками использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

Были выявлены обратные взаимосвязи общего показателя конструктивного мышления с показателями аггравации ($p = 0,003$, $r = -0,476$), интроверсии ($p = 0,002$, $r = -0,498$), сензитивности ($p = 0,002$, $r = -0,509$), тревожности ($p < 0,001$, $r = -0,730$) (по методике ИТО), а также с показателями нейротизма ($p < 0,001$, $r = -0,677$), сензитивности ($p < 0,001$, $r = -0,599$), робости ($p < 0,001$, $r = -0,792$), агрессивности ($p < 0,001$, $r = -0,575$) и эмоциональной неустойчивости ($p < 0,001$, $r = -0,662$) (по методике ТАСТ). Чем более выражены у испытуемого такие качества, как склонность подчеркивать свои проблемы, погруженность в свои переживания, чувствительность к внешним воздействиям, склонность испытывать тревогу, беспокойство, психовегетативная неустойчивость и переживание физического неблагополучия, ранимость и впечатлительность, низкая самооценка и неуверенность в себе, а также вспыльчивость и раздражительность, тем менее выражена способность конструктивно мыслить, подстраивая свое мышление к изменяющейся ситуации. Обнаруживаются прямые взаимосвязи показателя категорического мышления с показателями аггравации ($p = 0,004$, $r = 0,494$) и нейротизма ($p = 0,002$, $r = 0,470$). Чем более выражено у испытуемых переживание физического неблагополучия и склонность подчеркивать свои проблемы, тем более они склонны мыслить в категориях «черное или белое» и принимать однозначные и поспешные решения. Выявлены прямые взаимосвязи показателя личностно-суеверного мышления с показателями нейротизма ($p = 0,007$, $r = 0,443$), робости ($p < 0,001$, $r = 0,609$), сензитивности ($p = 0,003$, $r = 0,487$), эмоциональной лабильности ($p = 0,004$, $r = 0,464$) (по методике ТАСТ), интроверсии ($p = 0,004$, $r = 0,474$) и тревожности ($p = 0,001$, $r = 0,516$) (по методике ИТО). Чем более выражены у испытуемых такие свойства, как психовегетативная неустойчивость, неуверенность в себе и низкая самооценка, чувствительность к внешним воздействиям, склонность к перепадам настроения, тревожность и застенчивость, тем более они склонны создавать свои собственные верования и ритуалы, направленные на избегание негативных эмоций.

Таким образом, в пилотном исследовании выявлены взаимосвязи конструктивного, категорического и личностно-суеверного мышления с целым рядом свойств темперамента и характера. Данные особенности могут рассматриваться как повышающие риск иррационального поведения. Полученные результаты требуют проверки в дальнейших исследованиях.

Смысложизненные ориентации обучающихся образовательных центров по работе с одаренными детьми*

*Л. А. Дикая (ЮФУ, Ростов-на-Дону),
В. С. Рыжова (ЮФУ, Ростов-на-Дону)*

Среди множества подходов к особенностям обучения одаренных детей наиболее распространены два следующих: 1) полное погружение в образовательную среду в специализированных центрах общего образования, например, как в Специализированном учебно-научном центре ЮФО; 2) кратковременные программы с углубленным изучением предметов как, например, в образовательном центре «Сириус» или учреждениях дополнительно образования. В настоящее время сложилось противоречие между запросом педагогов-практиков, работающих в специализированных центрах, на информацию об особенностях смысловых ориентаций одаренных детей, и отсутствием исследований по данной теме в контексте обучения с разным периодом пребывания в таких учреждениях.

В отечественной психологии изучение смысловых ориентаций проводилось в контексте развития личности (И. В. Абакумова, А. Н. Леонтьев), академических достижений студентов (Т. А. Дворецкая, Л. Р. Ахмадиева), одаренности (О. В. Тельнова). Однако работ, направленных на изучение особенностей смысловых ориентаций одаренных детей, обучающихся в различных образовательных учреждениях, в научной литературе не представлено.

Цель исследования – изучить смысловые ориентации во взаимосвязи с учебными мотивами и коммуникативными харак-

---

* Исследование выполнено при поддержке Южного федерального университета, проект № ВнГр-07/2020-20-АП.

теристиками обучающихся образовательных центров по работе с одаренными детьми.

В исследовании приняли участие 410 обучающихся СУНЦ ЮФО, образовательного центра «Сириус» и общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону. Средний возраст 15 лет. Психологическое тестирование проведено по следующим методикам: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, «Диагностика структуры учебной мотивации школьника» М. В. Матюхиной и тест «Саморегуляция и успешность межличностного общения» (СУМО) В. Н. Кунцыной. Статистическая обработка данных включала в себя сравнительный (по U-критерию Манна–Уитни), корреляционный (по критерию Спирмена) и регрессионный анализы. Вычисления проводились с помощью программы RStudio.

В результате сравнительного анализа выявлены достоверно более высокие показатели по шкалам осмысленности жизни ($p < 0,01$), целей в жизни ($p < 0,01$), результативности ($p < 0,01$) у обучающихся образовательных центров по работе с одаренными детьми, в сравнении с учащимися общеобразовательных школ. У обучающихся специализированных центров более выражены такие учебные мотивы, как познавательный ($p < 0,05$), позиция школьника ($p < 0,05$), мотив достижения ($p < 0,01$). Обучающиеся общеобразовательных школ обладают более выраженными характеристиками, затрудняющими общение (застенчивость ($p < 0,05$), невротизация ($p < 0,05$) и фрустрированность ($p < 0,05$)), в отличие от обучающихся специализированных центров, которые в большей степени владеют саморегуляцией ($p < 0,01$) и навыками, облегчающими общение ($p < 0,01$).

Анализ корреляционных связей между показателями методик СЖО, СУМО и диагностики учебной мотивации показал наличие достоверных положительных взаимосвязей осмысленности жизни с познавательным мотивом ($r = 0,26, p < 0,05$), мотивами достижения ($r = 0,32, p < 0,05$) и позицией школьника ($r = 0,22, p < 0,05$). При этом осмысленность жизни отрицательно коррелирует с характеристиками, затрудняющими общение, например, с одиночеством ($r = -0,33, p < 0,05$).

На основе этих данных составлена логистическая регрессионная модель, где зависимой переменной выступил бинарный показатель осмысленности жизни, а независимыми – мотив позиции школьника, познавательные мотивы, навыки общения, саморегуляция и обучение в определенном образовательном учреждении. Также в модель добавлены пол и возраст как контролирующие перемен-

ные. Результат расчета модели представлен в уравнении (где * – $p < 0,05$, *** – $p < 0,001$).

$$Y = -2,68 + 0,51^{***} \text{ позиция школьника} + 0,42^{***} \text{ познавательные мотивы} + 0,34^* \text{ навыки} + 0,3^* \text{ саморегуляция} + 0,68 (*) \text{ СУНЦ} + 0,57^* \text{ Сириус} + 0,11 \text{ возраст} - 0,37 \text{ мужской пол}$$

Предельные эффекты рассчитанной модели показали, что позиция школьника при увеличении на одно стандартное отклонение может до 9% увеличить вероятность обладания высоким уровнем осмысленности жизни; познавательные мотивы – до 8%, саморегуляция – до 5%, навыки общения – до 6%. Наиболее важным результатом является статистически достоверное влияние выбора образовательного учреждения на обладание высоким уровнем осмысленности жизни: у обучающихся образовательного центра «Сириус» до 11%, у учеников из СУНЦ – до 13% выше осмысленность жизни, в сравнении с учениками общеобразовательной школы ($p < 0,05$).

Таким образом, повышение учебных мотивов и обучение в специализированном учреждении способствует повышению уровня смысловых ориентаций. Осмысленность жизни у обучающихся образовательных центров по работе с одаренными детьми достоверно взаимосвязана с их учебной мотивацией и коммуникативными характеристиками. Также выявлено, что коммуникативные характеристики, облегчающие общение, достоверно положительно влияют на осмысленность жизни. Обучающимся для реализации своих планов нужно иметь широкий круг социальных связей и уметь раскрыть себя в общении, строить партнерские взаимоотношения.

Индивидуально-интеллектуальные интеграции: каузальный след*

Л. Я. Дорфман (ПГИК, Пермь), А. Ю. Калугин (ПГГПУ, Пермь)

Современная психологическая наука характеризуется «фасеточностью» (Д. В. Ушаков), при этом не хватает целостного взгляда на человека. Я. А. Пономарев в свое время предложил два пути решения данной проблемы: синтез «сверху–вниз» (от теории к поиску эмпири-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07046.

ческих свидетельств) и синтез «снизу—вверх» (от эмпирических данных к теоретическим обобщениям). Можно обозначить также третий путь: интеграция «сверху» и «снизу» совместно, т. е. теоретически и эмпирически с единых позиций, что позволяет обеспечить дополненность теории и эмпирии.

В третьем пути можно выделить три линии интеграции: теоретические совместно с эмпирическими, кросс-теоретические и кросс-эмпирические. Нами была проведена эмпирическая верификация этих линий на примере интеграции теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина, структурно-динамической теории интеллекта Д. В. Ушакова и теории креативного мышления Дж. Гилфорда. На основе теоретического анализа, а затем эмпирической проверки были выделены индивидуально-интеллектуальные интеграции, которые изучались в трех временных периодах: настоящем, будущем и послебудущем. Это позволило рассматривать индивидуальность, интеллект и креативное мышление как операциональный маркер каузальных цепей (КЦ).

Выделяют четыре разновидности КЦ (Л. Я. Дорфман): 1) КЦ как последовательные события с корневой причиной и отсутствием множества причин; 2) КЦ как ряд относительно независимых, но сопрягающихся причин; 3) КЦ с акцентом на переходах следствий прежних причин в новые причины; 4) КЦ как одновременное действие причины и последовательного ряда ее множества следствий.

Целью исследования было изучить ресурс и потенциал теорий В. С. Мерлина, Д. В. Ушакова и Дж. Гилфорда для интеграции и рассмотреть индивидуально-интеллектуальные интеграции с акцентом на переходах следствий прежних причин в новые причины.

В исследовании приняли участие 211 студентов высших учебных заведений г. Перми, обучающихся по направлениям гуманитарного профиля, из них 161 девушка и 50 юношей в возрасте от 17 до 22 лет на момент первого замера ($M = 18,56$, $SD = 0,83$). Тестировались свойства интегральной индивидуальности (свойства нервной системы, свойства темперамента, черты личности, показатели Я-концепции), кристаллизованный и флюидный интеллект, креативное мышление в трех временных периодах – настоящем, будущем, послебудущем. Методом анализа данных было структурное моделирование.

Операциональным маркером переходов следствий прежних причин в новые причины служили три лонгитюдные медиаторные модели: 1) свойства индивидуальности в настоящем как экзогенные перемен-

ные; флюидный и кристаллизованный интеллект в будущем как медиаторы; свойства индивидуальности в послебудущем как эндогенные переменные; 2) свойства индивидуальности в настоящем как экзогенные переменные; креативное мышление в будущем как медиатор; свойства индивидуальности в послебудущем как эндогенные переменные; 3) свойства индивидуальности в настоящем как экзогенные переменные; флюидный и кристаллизованный интеллект совместно с креативным мышлением в будущем как медиаторы; свойства индивидуальности в послебудущем как эндогенные переменные.

Все модели, согласно индексам пригодности, имели отличную ($p(\chi^2) > 0,05$, $\chi^2/df < 2$, $CFI > 0,95$, $RMSEA < 0,05$) либо приемлемую ($RMSEA < 0,08$) согласованность с эмпирическими данными. Было установлено, что кристаллизованный интеллект, флюидный интеллект и креативная гибкость обеспечивают переходы между свойствами интегральной индивидуальности в ранние и поздние периоды времени. Однако креативные беглость и оригинальность функции медиаторов не выполняли. Скорее всего, они выполняют роль среды, на почве которой действуют лонгитюдные медиаторные модели.

Таким образом, эмпирическую поддержку получили индивидуально-интеллектуальные интеграции, указывающие на каузальный след. Теории В. С. Мерлина, Д. В. Ушакова и Дж. Гилфорда можно подвергать интеграции по каузальному критерию. Выявлено, что лонгитюдные медиаторные модели носят избирательный характер и могут служить эмпирическими маркерами каузальных цепей в форме переходов следствий прежних причин в новые причины.

Результаты исследования могут лечь в основу разработки программы комплексного учета индивидуально-интеллектуальных интеграций как основы образовательного капитала личности.

Индивидуальность как система

В. С. Емельянов (СГУ, Сочи), И. А. Юров (СГУ, Сочи)

Проблема индивидуальности является одной из самых актуальных в современной психологии. Ряд авторов (К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов) считают, что следует говорить об индивидуальности личности. Индивидуальность переводится как целостность и неделимость, следовательно, и личность целостна и неделима. Однако нет лите-

ратурных данных о точке перехода от индивидуальности к личности. Можно предположить, что на этом переходе теряется способность к социализации и последующему формированию личности.

Индивидуальность – это «единство многообразного» (многое в одном), неделимое. Отдельные свойства человека могут быть поняты адекватно не сами по себе, а лишь как проявления его индивидуальности. Индивидуальность есть структурное биопсихосоциальное образование, характеризующееся целостностью, неделимостью, своеобразием качеств каждого отдельного человека, эффективностью деятельности.

Структура – одна из основных характеристик целостного объекта. В. Г. Афанасьев отмечает, что целостную систему можно определить как совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интегративных качеств, не свойственных образующим ее частям (компонентам) (В. Г. Афанасьев). Системный подход в характерном для него отражении действительности исходит прежде всего из качественного анализа целостных объектов и раскрытия механизмов их интеграции (В. П. Кузьмин). Структура представляет собой единство элементов, их связей и целостности (Н. Ф. Овчинников).

Система – это комплекс взаимодействующих компонентов; системой называется совокупность любым способом выделенных из остального мира реальных или воображаемых элементов. Эта совокупность является системой, если: 1) заданы связи, существующие между элементами; 2) каждый из элементов внутри системы считается неделимым; 3) с миром вне системы система взаимодействует как целое; 4) при эволюции во времени совокупность будет считаться одной системой, если между ее элементами в разные моменты времени можно провести однозначное соответствие (Л. Блюменфельд). М. Познер и Д. Левитин считают, что хотя диапазон человеческих различий кажется бесконечным, эти различия включены в систему, конечную в своем генетическом, анатомическом и феноменологическом определении.

По мнению В. А. Ганзена, человек как предмет исследования психологической науки является целостным объектом и к нему применимы все закономерности, управляющие целостными и гармоничными структурами.

Человек одновременно и целостный организм, представитель биологического вида *Homo Sapiens*, и член общества, личность, субъект

ект труда, познания и общения. И это не просто констатация факта, а основополагающий принцип комплексного изучения человека. Индивидуальность – многомерная и одновременно многосвязная система. Полный набор характеристик человека – необходимое условие понимания его индивидуальности. Рассматривая человека как целостную систему, Г. И. Акинщикова, В. А. Ганзен и Л. А. Головей ставят вопрос об уровнях ее организации, выделяя восемь подструктур: 1) генетическую и биохимическую 2) подструктуру метаболической организации клетки, тканей, органов, систем и организма человека в целом; 3) подструктуру морфофизиологической организации человека; 4) подструктуру сенсорно-перцептивной организации человека; 5) подструктуру психомоторной организации человека; 6) уровень интеллектуальной организации человека; 7) уровень личностной организации человека; 8) уровень социальной организации человека. Феномен индивидуальности относится не к какой-то отдельной части человеческой конституции, а есть качество целостного человека (Б. Г. Ананьев).

Субъект, по А. В. Брушлинскому, – это «наиболее широкое, всеохватывающее понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д. Личность, напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида».

Таким образом, индивидуальность следует рассматривать как интегральную целостную иерархическую систему, включающую в себя свойства индивида, личности и субъекта деятельности, обладающей саморегуляцией.

Трансформация эмоционального интеллекта в условиях цифровизации

Е. Н. Левшунова (НГПУ, Новосибирск)

Цифровые технологии прочно вошли в жизнь каждого современного человека. Цифровизация меняет жизнь людей, оказывая влияние на ключевые аспекты развития социума. Она представляет собой внедрение цифровых технологий во все сферы общества для повышения качества жизни, создания комфортных бытовых условий, по-

лучения быстрых услуг и т. д. Цифровизация как внешний фактор влияет на формирование компетенций, необходимых для адаптации в новых условиях.

Одним из важных умений современного человека является способность ориентироваться в эмоциональном поле, понимать свои эмоции и переживания других людей, уметь контролировать эмоциональные проявления. Расширение цифровых технологий и их внедрение в жизнь людей оказало влияние на данные способности человека. В связи с этим важно проанализировать происходящие изменения в эмоциональной сфере, а именно трансформацию характеристик эмоционального интеллекта.

Эмоциональный интеллект – это многомерная конструкция. По мнению И. Н. Андреевой, «индивиды с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта обладают выраженными способностями к пониманию эмоций (собственных и других людей), выражению эмоций и к управлению эмоциональной сферой, что обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении и деятельности». На сегодняшний день существует разные точки зрения на этот феномен и его структурные компоненты. Несмотря на некоторые расхождения в вопросе о лучшей модели эмоционального интеллекта, исследователи соглашаются с тем, что он находит выражение в способах, используемых во внутриличностном плане (регулирование настроения, управление стрессом и восприятие собственных эмоций) и в межличностных отношениях (социальные навыки, восприятие эмоций других).

Нами было проведено исследование характеристик эмоционального интеллекта и предпринята попытка проанализировать их изменения с 2005 по 2021 г. Точками контроля мы выбрали 2005 г. (период до активного развития социальных сетей, начальный этап внедрения цифровых технологий), 2010 г. (расширение цифрового социального пространства) и 2021 г. (период активного роста и развития цифрового общения).

В данной работе представлен фрагмент исследования по результатам, полученным по опроснику Н. Холла, и приведено сравнение данных за 2005, 2010 и 2021 г. Основой эмпирической выборки стали студенты Новосибирского государственного педагогического университета в возрасте от 18 до 23 лет, по 50 человек в каждый обозначенный год. По методике Н. Холла, эмоциональный интеллект включает в себя пять характеристик: эмоциональную осведомленность, управ-

ление своими эмоциями, распознавание эмоций других людей, эмпатию и самомотивацию.

На основании полученных данных были рассчитаны средние значения по шкалам и достоверность различий по критерию наименьшей значимой разности (НЗР). Результаты обработаны с использованием Statistica 10.0. Зафиксированы значимые различия по данному критерию по трем шкалам с вероятностью ошибки менее 1%: «Управление своими эмоциями», «Самомотивация», «Распознавание эмоций других людей».

По параметру «Управление своими эмоциями» между данными 2010 г. и 2021 г. получены достоверные различия. Способность контролировать свои эмоции повышается к 2010 г. и снова снижается к 2021 г. (НЗР=0,050 при $p<0,05$).

По параметру «Самомотивация» между данными 2010 г. и 2021 г. обнаружены значимые различия (НЗР=0,032 при $p<0,05$). Самомотивация повышается к 2010 г. и снова снижается к 2021 г. Происходит трансформация способности планировать будущее, ставить перед собой перспективные цели и достигать их, желая добиваться успеха и развиваться. Эти результаты требуют дополнительного изучения и представляют интерес для дальнейшего исследования.

По параметру «Распознавание эмоций других людей» между данными 2005 г. и 2021 г. найдены различия, и они, на наш взгляд, имеют веские основания (НЗР=0,051 при $p<0,05$). Способность понимать эмоции других людей формируется на основе опыта, приобретенного человеком в процессе взаимодействия с другими людьми. Распознавание эмоций происходит по вербальным и невербальным каналам, как узнавание и интерпретация того, что чувствует другой. С 2005 г. личное взаимодействие постепенно заменяется заочным, дистанционным, цифровым. Доступность цифровых технологий облегчает жизнь человека, но обезличивает коммуникации и делает процесс общения более холодным.

Таким образом, характеристики эмоционального интеллекта изменяются в процессе цифровизации общества. Полученные данные могут стать основой для дальнейшего исследования эмоционального интеллекта и его трансформации в современных условиях.

Изучение индивидуальных различий психодиагностическими методами

С. И. Малахова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Психология индивидуальности возникла как область психологии, изучающая два важных вопроса: каким образом и почему люди в разной степени психологически отличаются друг от друга. Несмотря на то, что большое количество направлений в психологии придерживается широких обобщений, связанных с поведением людей, тем не менее, исходной посылкой является понимание того факта, что существует значительная межиндивидуальная вариативность, начиная от психофизиологических показателей и заканчивая высшими психическими функциями. Понимание природы индивидуальных различий связано с изучением их структуры и с исследованием процессов, лежащих в основе каждой структуры. Различные теории, связанные с исследованием природы индивидуальных различий и процессов, лежащих в их основе, требуют разработки точных психометрических средств диагностики индивидуальных различий для проверки этих теорий. Не менее важным является вопрос о том, какого рода данные следует использовать для обнаружения индивидуальных различий.

В настоящее время существует определенная степень согласия в области структуры личности и способностей, в том числе относительно их генетической основы, однако проблема врожденного и приобретенного так и остается неразрешимым вопросом. Достигнуто взаимопонимание относительно способов конструирования и валидации шкал, измеряющих черты личности и способности. Факторный анализ корреляций между заданиями в тестах способностей может помочь выявлению базовой структуры способностей. Такой исследовательский прием позволяет измерять индивидуальную результативность в широком диапазоне заданий, требующих умственного напряжения для их правильного решения. Последующий подсчет корреляций между баллами, полученными за решение этих заданий, и факторизация матрицы корреляций приводят к выявлению факторов, представляющих основные виды способностей, структура которых зависит от теоретических предпочтений исследователей. Такая же технология применяется для выявления личностных характеристик, называемых «личностными чертами», которые причинно влияют на поведение людей в зависимости от степени выраженности определенных личностных черт. Однако проблема количества личностных

черт и реальности их существования с подтверждением влияния генетических, биологических, социальных, возрастных и когнитивных переменных находится в начальной стадии осмысления.

Несмотря на совершенствование старых и появление новых методов факторного анализа продолжается дискуссия, начавшаяся в 1970-е годы, относительно вопроса воспроизводимости факторных структур при наличии данных должного качества. Имеется насущная потребность в более качественных тестах по числу выделяемых факторов, а также во включении в основные пакеты программного обеспечения существующих тестов. Так, как в основе современных моделей личности и способностей лежит психометрическая техника факторного анализа, необходимо понимание основных принципов этого метода, его сильных и слабых сторон и, соответственно, понимание методологии, на которой базируется и развивается та или иная теория. Пользователи тестов должны понимать, как эти измерительные инструменты конструируются, предъявляются испытуемым, обрабатываются и интерпретируются, каков уровень ошибок измерения, искажения, насколько показатели данного теста соответствуют поставленной задаче и дают удовлетворительное операциональное определение понятия, выбранного для оценки изучаемого явления.

Таким образом, несмотря на достигнутый уровень в понимании основных параметров личности и способностей, открывается огромное поле для психометрических исследований, потому что остается нерешенной главная проблема поиска средств измерения человеческих характеристик. Изучение индивидуальных различий и их оценка, правильное использование психологических тестов является перспективным направлением как для общества, так и для отдельных людей при условии соблюдения этических принципов пользователями тестов для достижения поставленных целей.

Соотношения между индивидуально-психологическими особенностями принятия решения*

Е. В. Зайцева (ВГУ, Воронеж), И. Г. Скотникова (ИП РАН, Москва)

Принятие решения (ПР) — узловое звено деятельности человека. Часто оно происходит в типичных сегодня ситуациях неопределенности. Стремительные изменения жизни требуют от человека оператив-

* Исследование выполнено по Государственному заданию № 0138-2022-0007.

ного реагирования. Способности к нему индивидуально различны. Поэтому актуально изучение индивидуально-психологических особенностей ПР.

ПР – «этап волевого акта, связанный с выбором цели и способа действия» (Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко) для достижения требуемого результата. Обычно ПР – это выбор из возможных альтернатив (хотя не всегда, см. работы И. Г. Скотниковой), происходящий в ситуации неопределенности, если альтернатив много и/или последствия непредсказуемы. Выделяют ряд индивидуальных особенностей ПР: решительность, уверенность в себе, склонность к риску, импульсивность и др. (И. Г. Скотникова, В. В. Кочетков, Т. В. Корнилова, А. И. Санников).

Мы изучаем названные особенности ПР, а также смелость, тревожность, силу воли, тенденцию «принятия/избегания борьбы» для выяснения специфических ролей всех этих свойств в ПР. На основе теоретического анализа, мы так понимаем их проявления в ПР: импульсивность как склонность к непродуманным решениям; решительность как способность не уклоняться от принятия серьезных решений; риск как выбор решения, основанный на определенной вероятности успеха; уверенность в себе как позитивную оценку себя, достаточную для достижения значимых целей; смелость как способность к ПР при возможных опасных последствиях; тревожность как предвосхищение опасности при выборе решения; силу воли как настойчивость в достижении трудных целей; тенденцию «принятия/избегания борьбы» как готовность/неготовность вступать в активные конфликты для разрешения сложных проблем взаимодействия.

Гипотеза исследования такова: возможны положительные взаимосвязи между импульсивностью, решительностью, уверенностью в себе, склонностью к риску, смелостью, принятием борьбы и отрицательные взаимосвязи между этими свойствами и тревожностью, а также силой воли. Она проверялась эмпирически на выборке из 40 юношей и 40 девушек 18–19 лет по следующим опросникам: «Анкетная методика измерения импульсивности» В. Н. Азарова, методика «Решительность» Л. Ю. Субботина, «Методика определения склонности к риску» Н. Когана и М. Валлаха, «Тест уверенности в себе» В. Г. Ромека, «Тест-опросник по выявлению способов реагирования в ситуациях опасности в юношеском возрасте» В. Г. Маралова и др. (для оценки смелости), «Личностная шкала проявления тревоги» Дж. Тейлор, «Определение силы воли» Р. С. Немова, «Q-сортировка» Б. Стефан-

сона (шкала «Принятие/избегание борьбы»). Проведен качественный и количественный (ранговая корреляция Спирмена) анализ полученных данных.

Обнаружены значимые корреляции: положительные – между импульсивностью и тревожностью ($r=0,501$, $p<0,01$), риском и тревожностью ($r=0,403$, $p<0,01$); отрицательные – между импульсивностью и силой воли ($r=-0,318$, $p<0,01$), риском и принятием борьбы ($r=-0,325$, $p<0,01$), уверенностью в себе и тревожностью ($r=-0,560$, $p<0,01$), тревожностью и принятием борьбы ($r=-0,306$, $p<0,01$).

Таким образом, гипотеза подтвердилась частично. Положительная связь между импульсивностью и тревожностью означает, что человек, склонный к непродуманным, скороспелым решениям и часто ошибающийся, стремится к предвосхищению опасности при выборе решения. Это не согласуется с нашим пониманием данных свойств и их соотношения. Однако положительная связь импульсивности с тревожностью получена ранее и объяснена тем, что тревога снижает эффективность механизмов восприятия и переработки информации, тем самым влияя на скорость и правильность решений (Л. А. Жердева).

Положительная связь между склонностью к риску и тревожностью означает, что человек, склонный к выбору решения с невысокой вероятностью успеха, одновременно стремится к предвосхищению опасности при выборе решения. Такой результат также оказался неожиданным. Однако тревожность выделяется как один из личностных факторов рискованного поведения: напряженность и эмоциональное неблагополучие, возникающие при высокой тревожности, человек стремится преодолеть рискованным поведением (И. Ф. Шиляева).

Отрицательная связь между импульсивностью и силой воли означает, что человек, склонный к импульсивным действиям, обладает низкой настойчивостью в достижении трудных целей. Это ожидаемо: импульсивные решения быстрые, но часто ошибочные, действия же на основе силы воли обдуманно и избирательно (С. Л. Рубинштейн).

Отрицательная связь между склонностью к риску и принятием борьбы означает, что человек, склонный к выбору решения с невысокой вероятностью успеха, стремится избегать активных конфликтов для разрешения сложных проблем взаимодействия. Этот факт оказался неожиданным, так как склонность к риску предполагает лучшую адаптацию к опасности и потому активное поведение в конфликте (Е. В. Матвеева, И. Г. Скотникова). Причиной полученной отрицательной связи может быть применение опросника, а не «экс-

периментальной методики с обрывом», дающей более объективную оценку склонности к риску.

Отрицательная связь между уверенностью в себе и тревожностью означает, что для человека, позитивно оценивающего себя, нетипично предвосхищение опасностей. Это ожидаемо и согласуется с другими данными (Е. В. Головина).

Отрицательная связь между тревожностью и принятием борьбы означает, что человеку, предвосхищающему опасность при выборе решения, не свойственно активное поведение в социальных конфликтах. Это ожидаемо: тревожность характеризуется, в частности, беспокойством в решении проблем общения (В. Г. Баженов, В. П. Баженова).

Итак, индивидуально-психологические особенности ПР по-разному связаны между собой. Мы планируем использовать экспериментальные методики их изучения для получения более объективных данных, нежели те, что дают опросники.

Ответы студентов с инвалидностью и их здоровых сверстников на вызовы цифровой образовательной среды*

*М. А. Одинцова (МГППУ, Москва), Н. П. Радчикова (МГППУ, Москва),
М. Г. Сорокова (МГППУ, Москва)*

Вызов, с которым сталкивается сегодня высшее образование, несмотря на трудности, создает необходимые условия для развития специалистов будущего и требует адекватного ответа, выражающегося в высокой концентрации психологических ресурсов. Среди психологических ресурсов выделяют ресурсы саморегуляции и самоактивации.

Цель – проанализировать психологические ресурсы студентов с инвалидностью и их здоровых сверстников как ответы на вызовы цифровой образовательной среды (далее ЦОС).

Исследование проводилось в ноябре 2021 г. с участием 154 студентов разных вузов, из них 50 с инвалидностью в возрасте от 18 до 22 лет. Группы не различались по полу ($\chi^2=0,976$, $p=0,213$), возрасту ($t=-0,571$, $p=0,569$), курсу обучения ($\chi^2=0,693$, $p=0,875$), длительности обучения в ЦОС (от 1,5 до 2-х лет, $t=-1,767$, $p=0,082$).

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-00820.

Отношение студентов к ЦОС изучалось при помощи «Шкалы оценки цифровой образовательной среды университета» (М. Г. Соколова, М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова), методики «Лица и чувства» М. Аргайла, в которой предлагалось 7 изображений лиц с разными эмоциями от положительных до отрицательных, и трех вопросов, выявляющих отношение студентов к ЦОС.

Ответы студентов на вызовы ЦОС изучались при помощи «Методики самоактивации личности» М. А. Одинцовой и Н. П. Радчиковой, опросника «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» В. И. Моросановой и Н. Г. Кондратюк и опросника «Переживание в учебной деятельности» Д. А. Леонтьева с соавторами.

Всего 24% студентов считают, что обучение в ЦОС хуже традиционного очного формата, не лучше и не хуже – 54,5%, лучше – 21,4% всей выборки. Различий между группами не обнаружено ($\chi^2 = 1,899$, $p = 0,387$). 58,7% здоровых и 40% студентов с инвалидностью полагают, что качество образования при обучении в ЦОС понизится; 33,7% здоровых и 44% студентов с инвалидностью считают, что качество не изменится, 7,7% здоровых и 16% с инвалидностью убеждены, что качество образования повысится ($\chi^2 = 5,453$, $p = 0,065$). Большинство студентов выборки (70,8%) предпочли бы перейти к смешанному обучению как сочетанию ресурсов ЦОС и очных занятий, 17,5% выразили желание учиться в ЦОС полностью дистанционно и 11,7% хотели бы вернуться к традиционному очному формату. Различий между студентами с инвалидностью и их здоровыми сверстниками в ответах на данный вопрос не обнаружено ($\chi^2 = 2,186$, $p = 0,335$). В выборе лиц, которые отражают разные эмоции в учебной деятельности в ЦОС, различий между студентами двух групп также не выявлено ($\chi^2 = 5,718$, $p = 0,455$). Большинство выбирают эмоцию умеренного удовлетворения учебной деятельностью в ЦОС.

По «Шкале оценки ЦОС университета» выявлено, что удовлетворенность коммуникативным взаимодействием и мотивация к обучению в большей степени характерна для студентов с инвалидностью ($t = -2,176$, $p = 0,032$); а большую стресснапряженность в ЦОС испытывают здоровые студенты ($t = 2,096$, $p = 0,038$). В характеристиках саморегуляции между двумя группами различий не обнаружено. Имеются различия в физической самоактивации ($t = 2,721$, $p = 0,007$) и самоактивации в целом ($t = 2,280$, $p = 0,024$) – они снижены у студентов с инвалидностью. Переживание пустоты в учебной деятельности в ЦОС в большей степени свойственно здоровым сверстникам ($t = 2,343$, $p = 0,021$).

Таким образом, за 1,5–2 года обучения в ЦОС отношение студентов к цифровой реальности достаточно спокойное, большинство предпочитают смешанный формат. Прогнозы относительно качества образования при обучении в ЦОС оптимистичнее у студентов с инвалидностью. Они же в большей степени мотивированы на такое обучение и удовлетворены коммуникативным взаимодействием, в отличие от здоровых сверстников, для которых цифровая реальность более стресснапряженная, сопровождающаяся переживанием пустоты.

Таким образом, цифровая реальность для студентов с инвалидностью становится едва ли не единственной возможностью реализации себя в учебе и будущей профессиональной деятельности, позволяет почувствовать свою причастность к общему делу, снизить ощущение уязвимости. Недостаток физической самоактивации и самоактивации в целом у студентов с инвалидностью может быть компенсирован за счет саморегуляции в учебной деятельности, а также большей удовлетворенностью коммуникативным взаимодействием и мотивацией к обучению в ЦОС. Переживание же пустоты и стресснапряженности в ЦОС здоровыми студентами компенсируется за счет самоактивации.

Четырехфакторная модель гендера: структурный анализ*

О. И. Титова (СибЮИ МВД России; КГПУ им. В. П. Астафьева, Красноярск)

Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных гендеру и гендерным особенностям психологических явлений, эмпирических моделей структуры гендера с оценкой их пригодности современными математическими методами в них не представлено.

Гендер – системное свойство личности, характеризующее ее жизнедеятельность в пространстве отношений мужчин и женщин, существование мужского и женского в социокультурной среде конкретного общества. Выступает способом программирования людей по поводу содержания и форм отношений представителей разного пола, вариантов реализации себя в разных сферах жизни общества. Представляет совокупность установок по поводу состава семьи и роли мужчины

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00757.

и женщины в воспитании детей, характеристик эмоциональной сферы мужчин и женщин, отношения мужчин и женщин к сексу, включенности мужчин и женщин в политическую сферу и др. (Hofstede, 2011). Измеряется показателями маскулинности и фемининности, где маскулинность – это акцент на различиях между мужчинами и женщинами в эмоциях и жизненных устремлениях, на их разном вкладе в семью, политику и т. п. Соответственно, фемининность – это представления с акцентом на сходстве, на отсутствии различий, обусловленных полом, между мужчинами и женщинами, на их равноправном вкладе в семью, политику, на подобие переживаемых ими эмоций и личностных устремлений.

Для выявления компонентов гендера и определения связей между ними выполнены факторный анализ по методу главных компонент с варимакс-вращением и моделирование структурными уравнениями (SPSS Amos v. 27.0).

В ходе эксплораторного факторного анализа выделены компоненты (объясняют 75,9% дисперсии): 1) семейный уклад; 2) эмоциональные различия мужчин и женщин; 3) неприятие женщин в политике; 4) равенство мужчин и женщин в проявлении чувств, заботы и амбиций; 5) восхищение сильными; 6) моральное отношение к сексу; 7) секс как взаимоотношения людей; 8) симпатии слабым; 9) равновесие между семьей и работой.

Соответствие компонентов, выделенных в результате эксплораторного факторного анализа, эмпирическим данным проверялось путем конфирматорного факторного анализа с использованием AMOS SPSS v. 27.0. Конфирматорный факторный анализ определяет, насколько точно предварительно определенная структура латентных факторов объясняет реально существующие между ними связи, рассчитанные по эмпирическим данным. Компоненты в модели гендера рассматривались в структурном анализе как латентные факторы, а исходные индикаторы каждой компоненты, выделенной в эксплораторном факторном анализе, выступали манифестными переменными.

Для оценки эмпирической пригодности модели гендера сопоставлялись три конфирматорные модели – однофакторная, двухфакторная и четырехфакторная. Двухфакторная модель описывает гендер через призму двух традиционных измерений – маскулинности и фемининности. Мы предположили, что они могут выступать «суперфакторами» для выделенных нами компонентов, обобщать их. В этой модели девять факторов, полученных в эксплораторном анализе, были раз-

делены на две группы с учетом наличия в них установок маскулинного или фемининного типа (Титова, 2020).

Однофакторная модель предполагает наличие общего для всех компонентов гендера «суперфактора», объединяющего их в один латентный фактор, условно обозначенный нами как «гендерная направленность».

Третья, основная для нас теоретическая модель изначально содержала все девять выделенных в эксплораторном анализе компонентов. Но в ходе ее корректировки для повышения точности один из компонентов был исключен (фактор 6 «Моральное отношение к сексу»). Взаимосвязи между другими компонентами, выступавшими в конфирматорном анализе в качестве латентных переменных, изменились, и произошло перераспределение индикаторов. Процесс корректировки показал, что первые четыре компонента являются в структурной модели ключевыми, что и определило название – четырехфакторная модель гендера.

Пригодность статистической модели оценивалась по шести индексам. Сравнение индексов по результатам конфирматорного анализа показало, что по всем параметрам пригодности наиболее оптимальной является четырехфакторная модель гендера: $CMIN/DF = 1,96$; критерий согласия $GFI = 0,955$; исправленный критерий согласия $AGFI = 0,933$; $RMSEA = 0,046$; показатель точности модели $PCLOSE = 0,726$.

Таким образом, получила эмпирическое подтверждение модель гендера, в которой исходные индикаторы объединены в четыре фактора, являющиеся компонентами структурной модели: «семейный уклад», «сходство эмоций мужчин и женщин», «принятие женщин в политике», «ожидание от мужчин и женщин в проявлении чувств, заботы и амбиций».

Четырехфакторная модель более точно описывает структуру гендера, чем однофакторная и двухфакторная, что подтверждается статистически. Вместе с тем следует отметить, что однофакторная и двухфакторная модели гендера тоже являются эмпирически пригодными, так как показатели имеют достаточный уровень для такой их оценки – они все не ниже приемлемого уровня.

**Традиционные и новые подходы
к проведению междисциплинарных
исследований в современной психологии**

Предисловие к разделу

*Е. С. Самойленко, Е. А. Сергиенко, А. Н. Лебедев,
С. С. Белова, В. В. Латынов*

Традиционно, междисциплинарное исследование предполагает интеграцию данных, полученных в разных дисциплинах, и выработку общей теоретической и методологической позиции рассмотрения их в единой системе (Б. Ф. Ломов). Современные подходы также фокусируются на вопросах системной интеграции качественных и количественных (в том числе инструментальных) методов, используя стратегию теоретической и методической триангуляции, а также процедуры индуктивного анализа, применяемые в ситуациях, приближенных к естественным условиям жизни и практической деятельности человека, с учетом социокультурных факторов. Важная тенденция организации междисциплинарных исследований связана не только с интеграцией разных психологических дисциплин, но и других областей, затрагивающих прежде всего вопросы разработки новейших информационно-коммуникационных технологий.

Кроме того, традиционные подходы обычно опираются на определенную парадигму, с позиций которой проводятся междисциплинарные исследования, — например, теорию деятельности или культурно-историческую теорию. Инновационными можно считать образование междисциплинарных подходов, которые пытаются объединить разные оптики и с их позиций изучить тот или иной психологический феномен или процесс. Например, историко-эволюционный подход, который на базе междисциплинарных знаний обосновывает механизмы адаптации и преадаптации, объединяя биологию, физиологию, системную эволюцию и культурно-исторический подход, или теория сетевой организации К. В. Анохина, которая объединяет сетевую парадигму, теорию функциональных систем и когнитивную психологию.

Опыт междисциплинарного исследования генетико-молекулярных механизмов контроля поведения, выполненного аспиранткой Н. В. Чистяковой, показал, что индивидуальные различия в способе согласования механизмов саморегуляции системы «Мать—плод» обусловлены функциональными связями гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы, особенности формирования которых в онтогенезе генетически опосредованы. Впервые выявлено, что генетические маркеры rs2070951, rs5522 и rs6195 в генах минерало- и глюкокортикоидного рецепторов при высоком содержании кортизола связаны с риском развития низкого контроля поведения и, как следствие, дисрегуляции системы «Мать—плод» (Чистякова, 2013).

Социальный аспект современных междисциплинарных исследований обусловлен влиянием на человека множества факторов — непосредственного общения, общения в интернет-среде, восприятия социальных, природных, географических объектов, объектов городской среды. Довольно явно эта особенность проявляется при исследовании творчества в современном социальном контексте. Показано, что динамичность современной культуры и ее макротренды, владение иностранными языками и индивидуальный опыт взаимодействия с различными культурами на современном этапе концептуально закрепляются в качестве факторов, определяющих креативность и как индивидуально-психологический феномен, и как феномен социально-культурного уровня.

Практически со всеми существующими на сегодняшний день отраслями психологии, а также со всеми другими социальными и гуманитарными науками связана проблематика психологии личности. Среди междисциплинарных исследований особое внимание привлекают такие направления, как социальная психология личности, нейропсихология личности (нейронауки), детская, возрастная и педагогическая психология личности, клиническая и патопсихология личности, изучение стрессоустойчивости личности в экстремальных ситуациях, дифференциальная психология личности и многие другие. Сегодня понятие личности и психологические теории личности не теряют своей актуальности и становятся крайне востребованными в таких смежных с психологией науках, как философия, социология, политология, экономика, лингвистика и многих других. В рамках этих наук ученые все чаще обращаются к психологическим теориям личности и к эмпирическим материалам, получаемым в этой отрасли психологии.

В области новых подходов к проведению междисциплинарных исследований реализуется изучение процессов психологического воздействия в социальных сетях с помощью агент-ориентированного моделирования. Данный вид моделирования применяется для анализа систем, состоящих из большого количества взаимодействующих друг с другом агентов. С его помощью возможно решение широкого круга вопросов, относящихся к психологии воздействия: это вопросы, имеющие отношение к определению условий изменения индивидуальных установок и их влияния на социальные изменения, к выявлению причин появления так называемых эхо-камер, к определению наибольшей эффективности тех или иных предвыборных кампаний и др.

Ориентация фундаментальной науки на междисциплинарные исследования является одним из показателей выраженности интеграционных процессов, наблюдаемых в области проведения научных исследований.

Сравнительно-иерархический анализ воздействия ценностных ориентаций на значимость привлекательного внешнего облика в сфере межличностного общения, романтических отношений*

О. Р. Гура (ЮФУ, Ростов-на-Дону), Е. В. Капитанова (ЮФУ, Ростов-на-Дону), В. А. Лабунская (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Несмотря на однозначность выводов о значимости внешнего облика (ВО) в социальной жизни людей, в последнее время исследователи (Т. А. Gonzalez, Р. R. Burrissobert et al.) задаются вопросом, имеет ли большое значение привлекательный ВО для успешного общения, дружеских, романтических отношений, а также ставят проблему влияния способов, типов взаимодействия на увеличение/уменьшение значимости привлекательного ВО в социальном взаимодействии (К. F. Albada, M. L. Knapp, K. E. Theune). В очередной раз ставится задача поиска факторов, предикторов, изменяющих значимость привлекательного ВО (J. L. Jarry et al.).

В процессе создания многофакторной модели отношения к ВО мы рассмотрели большое количество исследований, анализ которых представлен в ряде обобщающих работ (В. А. Лабунская, Г. В. Сериков,

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-01641.

Т. А. Андриенко). Разнообразие подходов к исследованию ВО привело к выводу о том, что за пределами изучения факторов, определяющих значимость ВО в жизнедеятельности человека, осталось рассмотрение ценностных ориентаций (ЦО). Анализ работ также показал, что необходимо перейти к сравнительно-иерархическому изучению факторов, учитывая их воздействие на различные уровни значимости ВО, в различных контекстах взаимодействия. В этой связи цель данного исследования заключалась в том, чтобы выявить иерархическую совокупность ЦО в качестве предикторов различных уровней значимости ВО в таких сферах социального взаимодействия, как общение, дружеские, семейно-брачные, романтические отношения.

В исследовании проверялась гипотеза о различной интенсивности влияния совокупности ЦО на уровни значимости ВО и гипотеза об обусловленности сферой жизнедеятельности интенсивности воздействия ЦО на уровни значимости ВО.

Исследование было проведено с помощью анкеты «Значимость ВО в различных сферах жизнедеятельности», разработанной совместно с Г. В. Сериковым (В. А. Лабунская, Г. В. Сериков), и модифицированного варианта опросника С. С. Бубновой «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности», в который были включены суждения, отражающие ценностную ориентацию на привлекательный ВО.

Мы использовали сокращенный вариант анкеты. Участникам исследования предлагалось ответить на вопрос «Насколько изменились бы ваше общение, дружеские отношения, семейные и романтические отношения, если бы вы обладали более привлекательным внешним обликом?» (по пятибалльной шкале). На основе полученных ответов участники исследования были разделены на четыре подгруппы в соответствии с уровнем значимости ВО (низкий, ниже среднего, выше среднего, высокий).

При обработке результатов использовались кросстабуляция, критерий Краскела–Уоллиса (H) для K независимых выборок, регрессионный анализ. В исследовании приняли участие 172 человека, в возрасте от 18 до 25 лет, из них 50% женщин.

Учитывая объем, предъявляемый к тезисам, мы пропускаем ряд промежуточных результатов, в частности, данные кросстабуляции и показатели H. В процессе регрессионного анализа, где в качестве предикторов рассматривались все изучаемые ЦО, а в качестве зависимых переменных – «Уровни значимости привлекательного ВО для сферы общения, дружеских отношений» и «Уровни значимости

привлекательного ВО для семейно-брачных, романтических отношений», было установлено следующее.

Совокупность ЦО в большей степени влияет на «значимость привлекательного ВО для семейно-брачных, романтических отношений». Об этом свидетельствует процент дисперсии переменных «значимости привлекательного ВО для общения, дружеских отношений» ($R^2=0,305$) и для «семейно-брачных, романтических отношений» ($R^2=0,383$).

В иерархии интенсивности влияния ЦО на значимость ВО в области общения, дружеских отношений и семейных, романтических отношений, на первом и втором местах находятся ЦО на «признание, уважение, влияние» и «привлекательность ВО».

Остальные ЦО в качестве предикторов изменяют свое место в иерархии интенсивностей воздействий в зависимости от сферы жизнедеятельности. Так, с третьего по пятое место по силе воздействия на «значимость ВО в семейно-брачных, романтических отношениях» занимают ЦО на «социальную активность», на «высокий социальный статус» и «высокое материальное благополучие». С третьего по пятое место по силе воздействия на «значимость ВО для общения, дружеских отношений» занимают ЦО на «высокий социальный статус», «стремление наслаждаться прекрасным, познавать новое».

Полученные результаты частично подтверждают выдвинутые гипотезы. Они не позволяют говорить о том, что с увеличением выраженности определенных ЦО прямолинейно будет повышаться значимость ВО. Совокупное воздействие ЦО наиболее остро проявляется в подгруппе с высоким уровнем значимости привлекательного ВО. Независимо от сочетания сферы жизнедеятельности со сложившимся уровнем значимости привлекательного ВО в качестве предикторов первые места занимают ЦО на «Признание, уважение, влияние» и «Привлекательный ВО».

Отношение личности к негативным оценкам и самооценкам внешнего облика в связи с ее социально-психологическими характеристиками

И. И. Дроздова (ЮФУ, Ростов-на-Дону),

Г. В. Сериков (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Обеспокоенность человека своим внешним обликом, неудовлетворенность теми параметрами своего тела, которые не соответствуют

навязанным СМИ, индустрией моды и кинематографом «идеалам» внешности, повышает сензитивность к ее негативным самооценкам и оценкам других людей, вызывает страх отвержения, фрустрацию, невротические расстройства, патологическое пищевое поведение (Е. Т. Cash). При этом привлекательный внешний облик может рассматриваться субъектами как «инструментальная ценность», позволяющая достичь жизненно важных для личности «терминальных ценностей»: уверенности в себе, любви, интересной работы, общественного признания и признания друзей, материального благополучия и т. п. (Г. В. Сериков). В отечественной социальной психологии внешнего облика была создана «Многофакторная модель изучения отношения к внешнему облику» (В. А. Лабунская), в которой структурно представлены актуальные и потенциальные направления исследований внешности в связи с различными социально-психологическими, личностными и социокультурными факторами.

Среди множества аспектов изучения данной проблемы важное место занимает анализ социально-психологических механизмов, которые приводят субъекта к негативному отношению к своему внешнему облику, интолерантности к его оценкам и самооценкам (Е. Halliwell, E. T. Higgins).

Многие современные исследования сфокусированы на изучении групп риска – молодежи, подростков, студентов, поскольку в связи с закономерностями формирования самооценки внешности именно они наиболее подвержены влиянию оценок значимых других, прежде всего родителей и сверстников (И. И. Дроздова, Г. В. Сериков).

В выполненном нами эмпирическом исследовании на выборке в 112 респондентов (учащиеся в возрасте 16–17 лет; юноши – 46%, девушки – 54%) с помощью авторской методики «Значимость ценности внешнего облика и его влияния на жизненные перспективы и возможности человека» (В. А. Лабунская, Г. В. Сериков) изучалась взаимосвязь показателей выраженности значимости оценки внешнего облика субъектов другими людьми, в том числе значимость негативных оценок с социально-психологическими характеристиками личности, диагностируемыми методикой «Пятифакторный личностный опросник» (P. T. Costa, R. R. McCrae). Наличие значимых взаимосвязей определялось с помощью коэффициента корреляции r Пирсона. В результате были получены данные, свидетельствующие о существовании статистически значимых взаимосвязей между выявленными показателями. В первую очередь это касается таких групп личност-

ных характеристик, как импульсивность, отсутствие настойчивости, низкий самоконтроль ($p < 0,01$); эмоциональная нестабильность, ранимость ($p < 0,05$); склонность к интроверсии ($p < 0,05$). Так, оказалось, что подростки с высоким уровнем нейротизма, у которых чаще, чем у других наблюдаются беспокойство, возбудимость, тревожность, неуверенность в себе, заторможенность, углубленность в свой внутренний мир, в большей степени, чем другие, чувствительны к оценкам их внешнего облика и к его негативным самооценкам. Для таких людей больше, чем для других, важно то, как окружающие оценивают их внешность. В зависимости от этого изменяется их эмоциональное состояние и поведение. Они сильнее реагируют на неудачи, неблагоприятные жизненные обстоятельства, страдают от низкой самооценки, в том числе от самооценки внешнего облика.

Таким образом, на основании результатов, полученных в нашем исследовании на данной выборке, можно сделать предположение о том, что вышеперечисленные личностные особенности подростков во многом определяют их отношение к негативным оценкам и самооценкам внешнего облика. Это, на наш взгляд, следует учитывать при определении целевой аудитории и составлении программ социально-психологических тренингов, направленных на снижение влияния «лукизма», «бьютизма», «лукофобии», а также на повышение толерантности к негативным оценкам и самооценкам внешности у молодежи.

Исследование межличностных отношений в семье с помощью социогаммы

Н. Д. Елисеева (Институт психологии СВФУ им. М. К. Аммосова, Якутск)

Исследование особенностей межличностных отношений в семье в большинстве своем основывается на различных опросниках, направленных на самооценку или референтную оценку членов семьи. В нашем исследовании мы использовали методику «Социогамма семьи» и клиническое интервью как вспомогательный метод для исследования особенностей межличностных отношений в семье. Выборку составили 99 человек в возрасте от 54 до 82 лет. В результате исследования был выявлен ряд интересных особенностей, характерных для якутской семьи.

Во-первых, следует отметить включение респондентами своих родственников, в первую очередь родных братьев и сестер и их де-

тей, в социограмму семьи. Особенно часто это встречалось среди респондентов женского пола. Из общей выборки 42% респондентов показали данную тенденцию. Результаты социометрии, на наш взгляд, отражают на практическом уровне, что такое расширенная семья в якутском обществе: это не столько многопоколенная семья, сколько расширенный род.

Во-вторых, респонденты не указывают в структуре семьи своих невесток и зятей. При заполнении социограммы 53% респондентов отметили только своих супругов, детей и внуков. Более того, когда экспериментатор указывал на данное упущение, респонденты испытывали смущение. При этом в интервью респонденты положительно отзывались о своих зятях и невестках. Данный факт респонденты объясняли тем, что зятя и невестки являются в первую очередь детьми своих родителей: «имеют другое воспитание», «у них своя мама имеется, что я буду к ним лезть», «я считаю, что я их не воспитывала, поэтому мне им не указывать». Таким образом, данный факт, на наш взгляд, говорит о сильной взаимосвязи взрослых детей с родителями.

В-третьих, в социограмме отмечается наличие семейных подсистем по поколенческому параметру. Данный факт встречается в 71% от общего количества выборки и характеризует якутскую семью как языческую (В. Н. Дружинин) и традиционную (Г. И. Захарова). Респонденты схематически изображают свою семью по старшинству и по поколениям. Четкого разделения по нуклеарным семьям, к примеру, семья старшей сестры или старшего сына, не имеется.

Таким образом, результаты исследования показывают, что качественные проективные методы исследования можно использовать не только в практике психологического семейного консультирования, а также в научных исследованиях межличностных отношений в семье.

Система поддержки принятия решений в судебной психологической экспертизе на основе искусственной нейронной сети

*В. Ф. Енгальчев (КГК им. К. Э. Циолковского, Калуга),
Д. А. Курдин (Академия ФСИН, Рязань)*

Психодиагностический инструментарий судебной психологической экспертизы (СПЭ), а также комплексной экспертизы с участием пси-

холога включают в себя как строгоформализованные, так и слабоформализованные методы и методики. К последним традиционно относят психологический анализ материалов дела, наблюдение, экспертную беседу и др. Использование результатов применения слабоформализованных инструментов в СПЭ нередко вызывает критику со стороны оппонентов и участников судебного процесса в силу их неоднозначности. Но в целом и весь инструментарий СПЭ мало соответствует требованиям современного этапа развития судебной науки по ряду причин, ведущими среди которых являются следующие: 1) отсутствие унифицированной и согласованной батареи обязательных методов и методик, адекватных конкретному виду и типу судебного кейса; 2) неразработанность единой (общегосударственной) базы кейсов СПЭ, где должны быть представлены результаты экспертного исследования и критерии, в соответствии с которыми эксперт принял решение; 3) субъективность в принятии решений, которая присутствует даже при наличии алгоритма экспертной процедуры. Все это, на наш взгляд, составляет до сих пор неотрафлексированную экспертным сообществом серьезную научно-практическую проблему.

Принципиально возможно усовершенствовать деятельность эксперта-психолога путем объективизации принятия решения при экспертизе почти любого кейса. Рассмотрим, например, ситуацию диагностики сильного душевного волнения (аффекта). Средством, помогающим в принятии решения, может служить система поддержки принятия решений (СППР) (Decision Support System, DSS). Среди различных подходов СППР наиболее близким к задачам задач СПЭ является подход, разработанный специально для психологических исследований (J. H. Stephen, A. S. David). В его основе лежит простая линейная модель в сочетании с компьютеризированной базой данных. База данных должна иметь унифицированную архитектуру и открывать доступ к ней всех профессиональных судебных экспертов-психологов для приближения к генеральной совокупности аффекта и аффектоподобных состояний. Содержание базы данных, помимо общепринятых строк содержания информации, должно включать в себя ответы и реакции подэкспертного, критерии, соответствующие разным психологическим (психическим) состояниям, имеющим правовое значение, и пр.

Для анализа и выработок предложений в СППР используются разные методы, среди которых следующие: информационный поиск,

интеллектуальный анализ данных, рассуждение на основе прецедентов, имитационное моделирование, эволюционные вычисления, генетические алгоритмы, ситуационный анализ, когнитивное моделирование и, в частности, искусственные нейронные сети (ИНС). Последние были разработаны в рамках исследований искусственного интеллекта и функционально удобны для обработки неограниченного объема разнородного материала, статистического анализа базы данных и подготовки решений.

ИНС — это математическая модель (а также ее аппаратно-программное воплощение), построенная по принципу организации и функционирования системы биологических нейронных сетей. Другими словами, это распределенный процессор с массовым параллелизмом, обладающий естественным свойством сохранять эмпирические сведения и операции их обработки, делать их доступными для использования.

Использование ИНС возможно для решения сложных задач, требующих аналитических вычислений. Самыми распространенными способами применения нейронных сетей является классификация (распределение данных по параметрам), предсказание (возможность прогнозировать явления каких-либо событий), распознавание (так называемое «компьютерное зрение») и др.

Основой нейросети служит нейрон, который состоит из входных данных (X), весов связей (W), сумматора, функции активации и выходных данных (Y). Входные данные — это показатели числового вида, которые могут поступать из любых согласованных источников, — в частности, это результаты психодиагностики подэкспертных при проведении СПЭ. Веса связей — результат обучения ИНС, т. е. изменяемые числа, благодаря которым ИНС обретает «опыт» предыдущих итераций. Сумматор и функции активации — внутренние инструменты ИНС, необходимые для ее функционирования. Таким образом, значительная часть нетворческих этапов работы судебного эксперта-психолога сможет быть передоверена искусственной нейронной сети, которая будет «подсказывать» ему основания для принятия конкретного решения о наличии либо отсутствии признаков аффекта (сильного душевного волнения).

Исследование особенностей восприятия различных элементов архитектурной среды города в рамках психологии окружающей среды

О. А. Капцевич (ДВФУ, Владивосток)

В связи с продолжающейся урбанизацией перед психологией встает вопрос о влиянии среды города на психику человека. Данная проблематика активно разрабатывается в рамках такого междисциплинарного направления, как психология окружающей среды.

К настоящему времени в данном направлении накоплен достаточно большой объем данных, подтверждающих различное влияние природной и рукотворной (часто встречающейся в городе) визуальной среды на психические процессы, состояния и свойства человека: визуальное восприятие изображений природы способно оказывать благоприятное воздействие на эмоциональный фон, улучшать произвольное внимание, снижать стресс, в то время как визуальный контакт с изображениями различных рукотворных объектов города (прежде всего, зданий) может приводить к противоположным эффектам (R. S. Ulrich, M. G. Berman et al., D. Valtchanov и др.).

При этом существуют значительные пробелы в исследовании эффектов восприятия различных рукотворных элементов городского окружения. Существующие немногочисленные работы выявляют, что здания с большим количеством деталей и орнаментом оцениваются как более способствующие восстановлению (A. E. Van den Berg et al.). Исторические строения и места могут способствовать большему благополучию, обуславливать более положительный эмоциональный фон восприятия (M. P. Galindo, M. C. Hidalgo, И. В. Воробьева), в то время как новые высотные здания могут оказывать негативное влияние на эмоциональное состояние человека (R. Mazumder et al.).

Однако городская застройка характеризуется существенным многообразием, и более тонкие градации влияния разных зданий на психику горожан остаются малоизученными, в то время как постоянное взаимодействие с часто встречающимися элементами городской застройки может «задавать» определенный эмоциональный фон воспринимающего, следовательно, влиять на его состояние, шире – на уровень субъективного благополучия, поведение и отношение к данной среде.

Целью исследования является изучение психологических реакций человека на разные виды жилых зданий, наиболее часто встречающихся в повседневной жизни жителей Владивостока. Задачи: выявить критерии предпочтения различных зданий; изучить особенности смыслового содержания образов восприятия жилых зданий. Гипотезы: респонденты предпочитают здания, характеризующиеся большей уникальностью; восприятие «старинных», исторических зданий отличается положительными смысловыми коннотациями; молодые респонденты в большей степени предпочитают современные строения, по сравнению с пожилыми.

Выборка составила 100 человек (средний возраст – 38 лет, 66% женщин) и была разделена на три возрастные группы/когорты: молодые люди/студенты (n = 30, средний возраст – 21 год, 57% женщин), респонденты среднего возраста (n = 43, средний возраст – 31 год, 55% женщин), представители пожилого возраста (n = 28, средний возраст – 67 лет, 93% женщин).

В ходе исследования респондентам предъявлялись десять черно-белых фотографий жилых зданий, наиболее часто встречающихся в городе Владивостоке (все фотографии сделаны автором). Предлагалось расположить их в порядке убывания предпочтения, а также записать первые пришедшие ассоциации для каждого здания.

С помощью метода многомерного шкалирования обнаружено два критерия предпочтения жилых зданий: воспринимаемая комфортабельность/новизна и неординарность/индивидуальность. Респонденты предпочитают более неординарные/индивидуальные здания (такowymi оказались новые высотные и старинные дома). При этом большинство построек воспринимаются, напротив, как обыкновенные, лишённые своеобразия, что обнаруживает рассогласование предпочитаемого и фактического. Критерий «воспринимаемая комфортабельность/новизна» оказался важным для группы студентов: они в большей степени тяготеют к полюсу комфорта/новизны, на котором оказались новые высотные дома.

С помощью контент-анализа данных ассоциативного эксперимента и построения ассоциативных полей обнаружено, что восприятие «старинных» зданий отличается положительной эмоциональной окрашенностью и преимущественно позитивными эстетическими коннотациями. Восприятие «старых» малоэтажных и пятиэтажных зданий («хрущёвок») характеризуется наиболее негативными характеристиками: плохая благоустроенность, неэстетичность. Наиболь-

шей межгрупповой согласованностью характеризуются образы восприятия «старинных»/исторических и «старых» малоэтажных зданий.

Выявленные критерии предпочтения и семантические аспекты восприятия жилых зданий обогащают знания о факторах городской среды, влияющих на психологическое состояние горожан, и могут использоваться для улучшения характеристик визуальной среды города в целях повышения уровня субъективного благополучия его жителей.

Междисциплинарное исследование образа России и образов ее регионов у молодежи из различных субъектов страны*

В. Ю. Литвинов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),

Л. В. Матвеева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Актуальные процессы глобализации, происходящие во всем мире, оказывают трансформирующее влияние как на микро-, так и на макроуровне (Н. М. Abu-Rayya, D. L. Sam). Происходит конструирование совершенно новых норм как в социальной жизни общества, так и в экономических, географических ее аспектах (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Д. У. Берри). Поэтому особенно важно изучать систему представлений о собственном государстве, понимать ее значимость.

Довольно много исследований в последние годы посвящено образу России. В одних работах данный образ рассматривается с точки зрения политического восприятия (Е. Б. Шестопал, Н. В. Смутькина, И. В. Морозикова), в других анализируются географические основания формирования такого образа (Г. М. Авилов, Е. А. Кранзеева, Л. С. Яницкий), некоторые концентрируются на социологических методах его исследования (З. В. Сикевич), а часть во главу угла ставит культурно-исторические аспекты восприятия страны (И. А. Снежкова и др.). Но в целом можно говорить о том, что данная тема актуальна на сегодняшний день и объединяет в себе подходы, реализованные в различных научных дисциплинах.

Целью нашего исследования стало проведение сравнительного анализа категориальной структуры представлений о России с категориальной структурой представлений о собственном регионе проживания у молодежи страны.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-313-90069.

Главная гипотеза исследования состояла в том, что характер отношения к образу России у молодежи, проживающей в различных регионах страны, связан с характером отношения к образу своего региона проживания.

Испытуемым предлагалась психосемантическая шкала, которая включала в себя 33 биполярные характеристики. Необходимо было оценить изучаемые объекты (отдельно образ России, отдельно образ собственного региона) по каждой из характеристик по семи-балльной шкале (от -3 до $+3$). Используются шкалы, релевантные тем, которые прошли валидизацию в исследованиях Л. В. Матвеевой с соавт. по определению категориальной структуры образа России и на предварительном этапе нашего эмпирического исследования (В. Ю. Литвинов).

В исследовании приняли участие 755 человек из 8 макрорегионов Российской Федерации (Север России, Центральная Россия, Черноземье, Юг России, Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток). Возраст респондентов – от 14 до 35 лет ($M = 24,5$, $SD = 10,2$). Из них 68% составляли женщины и 32% мужчины.

Всего было выделено шесть основных факторов, репрезентующих образ России для молодежи, проживающей в различных регионах страны: процветания и безопасности, социальной дистанции («свой – чужой»), силы и могущества, духовности и патриотичности, когнитивной сложности, самобытности.

Также впервые было выделено шесть факторов, которые репрезентуют категориальную структуру представлений о собственном регионе проживания у молодежи страны: процветания и силы, безопасности и миролюбия, духовности и патриотичности, визуальной привлекательности, социальной дистанции, когнитивной сложности.

В ходе проведения сравнительного анализа факторных значений по каждому из факторов в представлениях о России и о собственном регионе проживания обнаружилась особая закономерность: молодежь оценивает весь образ России, исходя из тех эмоциональных и визуальных впечатлений, которые связаны с образом их родного региона проживания. И данные представления о своем регионе переносятся на представления о России в целом у молодежи, проживающей в этих регионах.

У тех представителей макрорегионов, у которых большинство показателей по обозначенным факторам были максимальны для образа России, обнаружилось большинство максимальных значений факто-

ров и для образа собственного макрорегиона (макрорегионы Черноземья и Юга России). Такая же тенденция прослеживается и для оценок респондентов из макрорегионов, где значения по факторам были минимальны и для образа страны, и для образов собственных регионов (макрорегионы Урала, Севера России, Центральной России).

У молодежи из макрорегионов Черноземья и Юга России были обнаружены высокие показатели по выделенным факторам образа собственных регионов и образа России. Несколько ниже средних значений эти показатели у молодежи из макрорегионов Урала, Севера России и Центральной России, из чего следует, что негативная и позитивная модальность отношения к образу собственного региона в некоторой степени соответствует позитивному или негативному отношению к образу России. Представители молодежи, которые позитивно воспринимают образ собственных регионов (макрорегионы Черноземья и Юга России), в определенной степени позитивно воспринимают и образ России в целом. Представления о России у молодежи складываются в месте своего проживания, на территории своей малой Родины. И те эмоции, которые они испытывают к собственному региону, переносятся на целостный образ России.

Поиск различий между быстрым картированием и явным кодированием: новый подход*

*Е. И. Перикова (СПбГУ, Санкт-Петербург), Д. С. Гнедых (СПбГУ, Санкт-Петербург), М. Г. Филиппова (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Д. Н. Макарова (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Речь — это особая когнитивная способность человека. Однако, несмотря на ее очевидную значимость, языковые механизмы до сих пор остаются одной из самых недостаточно изученных когнитивных функций (S. Pinker). В частности, одной из актуальных проблем в данной области является поиск оптимальных стратегий изучения новых понятий и терминов. Усвоение большого объема словарного запаса происходит в течение всей жизни и включает как проблемы изучения профессионального тезауруса, так и восстановление речевой функции в результате клинического поражения.

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-01040.

В решение данных проблем включен широкий спектр специалистов – психологов, нейрофизиологов, лингвистов. Эти ученые внесли вклад в изучение двух стратегий усвоения новых слов – быстрого картирования (*fast mapping*, FM), связанного с пониманием информации из контекста, т. е. через дедукцию, и явного кодирования (*explicit encoding*, EE), обеспечивающегося прямой инструкцией и повторением материала.

Несмотря на интуитивно кажущуюся очевидность различий между этими стратегиями, на практике их оказалось крайне трудно обнаружить. В отношении эффектов быстрого картирования для лиц с нарушениями памяти клинические психологи показывают противоречивые результаты от значимого положительного эффекта научения (T. Sharon, M. Moscovitch, A. Gilboa) до его полного отсутствия (D. E. Warren, D. Tranel, M. C. Duff). На здоровых испытуемых в одних исследованиях при использовании задания на соотнесение ассоциации слова и картинки для проверки усвоения понятий показано значимое улучшение узнавания слов, выученных с помощью EE-стратегии (E. Cooper, A. Greve, R. N. Henson), в других – не обнаружено различий между двумя стратегиями при эффективности обеих на уровне выше случайного угадывания (D. E. Warren, D. Tranel, M. C. Duff; Y. Shtyrov, M. Filippova, E. Blagovechtchenski, A. Kirsanov, E. Nikiforova, O. Shcherbakova). Одни нейропсихологи показывают различия в мозговых структурах и динамике амплитуд вызванных потенциалов при использовании разных стратегий научения (M. Merhav, A. Karni, A. Gilboa), другие – отсутствие каких-либо различий (R. N. Henson).

Еще одним предположением о различиях между данными стратегиями научения является идея о меньшей осознанности знаний, приобретенных с помощью FM-стратегии. Так, например, одни авторы сообщают о возможности хранения знания, усвоенного посредством FM-стратегии, в уникальном статусе гипотезы (T. N. Medina, J. Snedeker, J. C. Trueswell, L. R. Gleitman); в другом исследовании выявлены различия между рассматриваемыми стратегиями, связанные с разной скоростью лексической интеграции (M. N. Coutanche, S. L. Thompson-Schill). Показано, что EE-стратегии свойственно постепенное закрепление ассоциаций (характерное для работы декларативной памяти), чему соответствует отсутствие признаков лексической интеграции сразу после обучения. В противоположность этому респонденты, использующие FM-стратегию, демонстрируют признаки лексического соровнования уже через десять минут после обучения.

В наших работах были показаны различия этих двух стратегий научения, связанные с анализом их косвенных измерений, а не прямых сопоставлений успешности. Обработав два массива собранных нами данных (Y. Shtyrov, M. Filippova, E. Blagovechtchenski, A. Kirsanov, E. Nikiforova, O. Shcherbakova; E. Perikova, E. Blagovechtchenski, M. Filippova, O. Shcherbakova, A. Kirsanov, Y. Shtyrov), мы обнаружили наличие отрицательной корреляции между временем и точностью узнавания слов, выученных с помощью ЕЕ, и отсутствие таковой для FM. При этом меньшая осознанность знания, усвоенного посредством FM-стратегии, не снижала эффективности данной стратегии научения. Таким образом, поиск различий между стратегиями научения имеет смысл осуществлять не столько путем прямого сравнения их успешности, сколько путем сопоставления особенностей кодирования понятий, усвоенных с помощью той или иной стратегии.

Согласно нашим предположениям, процессы быстрого картирования могут быть основаны на анализе деталей усваиваемого объекта, а процессы явного кодирования — предполагать концентрацию внимания на общем виде объекта. Это открывает перспективы применения традиционной парадигмы двух типов обработки информации — снизу вверх и сверху вниз — в области лингвистических задач. Можно предположить, что FM-научение запускает стратегию обработки информации снизу вверх, поскольку здесь испытуемый вынужден обращать внимание на визуальные элементы при сравнении двух изображений, а ЕЕ-научение — стратегию обработки информации сверху вниз, когда испытуемый акцентирует внимание на названии объекта, не концентрируясь на его визуальных подробностях.

Проверка гипотезы об использовании разных стратегий кодирования понятий, выученных с помощью FM-научения и ЕЕ-научения, является новым подходом в области языкового научения, который подразумевает возможность использования методов, ранее в этой области не применявшихся.

Психологические и психофизиологические характеристики виртуальной экотерапии*

*О. М. Разумникова (НГТУ, Новосибирск), М. А. Бакаев (НГТУ, Новосибирск),
А. В. Давыдов (НГТУ, Новосибирск)*

Позитивные для состояния здоровья эффекты взаимодействия человека с природой («экотерапия») (G. N. Bratman et al., C. Chalquist, J. K. Summers et al.) обнаруживаются не только при погружении в естественную природную среду, но и при представлении природы в виртуальном формате (например, видео естественных ландшафтов). Реабилитационное природное воздействие осуществляется на автономном уровне посредством комплекса психологических и физиологических реакций (S. Grassini et al., M. Lee et al., M. A. van den Bosch, M. H. Depledge). В результате улучшается самочувствие человека, его эмоциональное состояние и стрессоустойчивость, отмечается положительное влияние на внимание и память (G. N. Bratman et al., C. A. Capaldi et al., E. Largo-Wight, N. S. Schutte et al.). С использованием электроэнцефалографических коррелятов восприятия природных сцен (фото или фильм в формате 2D) показаны процессы релаксации в функциональном состоянии мозга согласно изменениям мощности α -ритма при более позитивном эмоциональном отношении к природным стимулам, по сравнению с урбанистическими картинками (О. М. Разумникова, А. В. Алешина, S. Grassini et al.).

Виртуальная реальность в последнее время все чаще применяется для когнитивно-поведенческой терапии, позволяя корректировать активность мозга для более успешной адаптации в условиях стресса или измененных психических состояниях (Y. Álvarez-Pérez et al., A. R. Landowska et al.). Предъявление природных сцен в 3D-формате может способствовать более выраженному эффекту релаксации и улучшению эмоционального состояния.

Нами было проведено ЭЭГ-исследование восприятия природных стимулов в форматах 2D и 3D и сравнение показателей активности мозга с субъективной оценкой эмоционального состояния при предъявлении одних и те же кадров фильма: прогулка по лесу.

В исследовании приняли участие 20 студентов вуза в возрасте $20,5 \pm 1,9$, из них 10 юношей. Регистрацию ЭЭГ выполняли в четырех

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-01017.

экспериментальных ситуациях в течение 3–5 минут: фон с открытыми глазами (f2D), предъявление природных стимулов в формате 2D (2D), контроль для природных стимулов в формате 3D (f3D) и предъявление природных стимулов в формате 3D (3D). После каждого этапа регистрации ЭЭГ участники исследования оценивали свое эмоциональное состояние с использованием девятибалльной шкалы для показателей модальности, активации и амплитуды испытываемой в эксперименте эмоции.

Для регистрации ЭЭГ применяли энцефалограф в комплектации Neuvo EEG 64ch Compumedics/Neuroscan с соответствующим программным обеспечением. Удаление артефактов из записи выполняли методом независимых компонентов с применением плагинов EEGLAB. Показатели мощности биопотенциалов в семи частотных диапазонах от δ до γ (0,5–40 Гц) вычисляли на основе преобразования Фурье. Для статистического анализа использовали логарифмированные значения средних показателей мощности для каждого из диапазонов.

Анализ самооценки эмоциональной реактивности показал, что в трех экспериментальных ситуациях (f2D, 2D, f3D) участники исследования отмечали нейтральное эмоциональное состояние (медиана равна 5) со смещением его в более положительную сторону на предъявленные стимулы в формате 3D, по сравнению с f3D ($p < 0,002$, согласно критерию Вилкоксона). Погружение в виртуальную среду вызывало значимо более высокую оценку возбуждения, по сравнению с ситуацией 2D. Ситуация 2D характеризовалась тенденцией к повышению амплитуды эмоции, по сравнению с f2D, а 3D – по сравнению с 2D ($0,07 < p < 0,09$). Следует отметить существенные индивидуальные различия в самооценке показателей эмоциональной реактивности для рассмотренных экспериментальных ситуаций при сравнительно меньшей оценке уровня активации в психическом состоянии для f2D.

Таким образом, можно заключить, что, согласно оценке респондентов, погружение в виртуальную реальность само по себе вызывает повышенное активационное состояние вследствие новизны ситуации, а предъявление природных стимулов усиливает положительные эмоции.

В результате анализа показателей мощности биопотенциалов при сравнении четырех экспериментальных ситуаций обнаружен общий для всех частотных диапазонов эффект повышения мощности биопотенциалов при погружении в виртуальную среду

(10,88 < F(3,54) < 14,21; p < 0,0000001). Из сравнения полученных данных следует, что α -осцилляции являются наиболее информативным ритмом для различия ситуаций 2D и 3D.

Эффект релаксации с меньшими затратами ресурсов внимания отмечен у восприятия природных сцен, по сравнению с урбанистическими (S. Grassini et al.). Однако обнаруженное нами повышение мощности в диапазоне 0,5–10 Гц в условиях 3D наряду с эффектами ее снижения при сравнении 3D и 2D с контрольными условиями можно рассматривать как сумму нескольких процессов: привыкание к ситуации регистрации ЭЭГ и, соответственно, синхронизация биопотенциалов низкочастотных диапазонов, к которой добавляется активация (т. е. снижение мощности этих ритмов), вызванная рассматриванием природных стимулов, предъявляемых в формате 2D или 3D.

Способ организации обучения в виртуальной среде и выраженность эффекта присутствия как факторы успешности обучения*

*Ю. А. Роголева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва),
А. И. Ковалев (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)*

Технологии виртуальной реальности (VR) в последнее время стали одним из инструментов цифровой трансформации образования (Ş. K. Avcı et al., J. Zhao et al.). Наиболее актуальным направлением исследования является изучение влияния способа организации обучения в виртуальной образовательной среде (ВОС) и выраженности влияния эффекта присутствия на успешность обучения. Данное исследование имело своей целью изучение этих вопросов.

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) способ организации учебной деятельности в ВОС влияет на актуализацию учебных знаний; 2) привлекательность ВОС, мера вовлеченности и общее удовлетворение средой будут зависеть от способа организации ВОС. В выборку вошли 60 студентов МГУ им. М. В. Ломоносова в возрасте от 17 до 23 лет (51 женщина и 9 мужчин).

В качестве стимуляции была выбрана ВОС в двух форматах (формат VR и формат 2D). Для оценки эффекта присутствия был использован опросник ITC-SOPI (Б. Б. Величковский). Также в ходе работы

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 19-78-10148-П.

был разработан специальный инструмент, обозначаемый как «ориентировка», позволяющий изменять способ организации учебной деятельности в ВОС через «осмысление» своей деятельности. Для проверки актуализированных предметных знаний были разработаны тесты по химии, состоящие из десяти вопросов. Стимуляция предьявлялась посредством шлема виртуальной реальности HTC Vive Pro с углом обзора 110° и видеоадаптера NVIDIA GeForce RTX 3070 с процессором Intel Core i7 11700K @3.60 GHz.

Изначально испытуемые выполняли тест на уровень базовых знаний по химии. Далее выборка делилась на две группы: «с ориентировкой» и «без ориентировки». Каждая группа проходила обучение в двух форматах в случайном порядке (формат VR и формат 2D). Каждый формат был посвящен изучению конкретной темы. Группе «с ориентировкой» перед каждой учебной сессией задавалась цель пребывания в среде и инструкция, состоящая из восьми задач. После каждой учебной сессии участникам предлагались тест на уровень приобретенных знаний и опросник на эффект присутствия.

В ходе анализа результатов обучения в формате VR показатель прироста баллов в группе «с ориентировкой» оказался выше, нежели в группе «без ориентировки» ($p = 0,063 > 0,05$). В формате 2D статистически значимых различий между группами по изменению прироста нет ($p = 0,196 > 0,05$). Анализ выраженности эффекта присутствия в формате VR показал значимые различия между группами «без ориентировки» и «с ориентировкой» по параметрам «привлекательность и правдоподобность» ($Z = -4,245$, $p = 0,000 < 0,05$), «мера вовлеченности» ($Z = -3,395$, $p = 0,000 < 0,05$), «общее удовлетворение» ($Z = -3,117$, $p = 0,000 < 0,05$). По параметру «негативные эффекты» значимых различий обнаружено не было ($Z = -1,211$, $p = 0,226 > 0,05$). Анализ выраженности эффекта присутствия в формате 2D показал значимые различия между группами «без ориентировки» и «с ориентировкой» по всем четырем параметрам: «привлекательность и правдоподобность» ($Z = -4,215$, $p = 0,000 < 0,05$), «мера вовлеченности» ($Z = -3,669$, $p = 0,000 < 0,05$), «общее удовлетворение» ($Z = -3,447$, $p = 0,000 < 0,05$), «негативные эффекты» ($Z = -2,113$, $p = 0,035 < 0,05$).

Наибольший интерес вызывает тенденция к значимым различиям в формате VR между группами «без ориентировки» и «с ориентировкой», в то время как наблюдаются незначимые различия в сравнении прироста знаний в формате 2D между двумя группами. Предположительно, для работы в формате VR необходимо формирование образа

виртуальной среды, включающего в себя процесс кристаллизации конкретных отношений и «открытие» личностного смысла. «Ориентировка» в данном случае будет способствовать созданию некоей ментальной карты, что способствует актуализации базовых знаний для построения нового знания (Н. М. Dai et al.). Во время работы в формате 2D у студентов актуализируются уже устоявшиеся методы и способы работы с подобными ВОС.

Анализ эффекта присутствия показал, что существуют значимые различия ВОС между группами «без ориентировки» и «с ориентировкой» в форматах VR и 2D по параметрам «привлекательность и правдоподобность», «мера вовлеченности», «общее удовлетворение». Эффект присутствия был выше в группе «без ориентировки». В таком случае деятельность приобретала образовательный контекст, что снижало интерес к самой среде, так как игры-симуляторы задействуют эмоциональные и познавательные процессы обучающихся (R. D. Tennyson, R. L. Jorczak).

Использование виртуальной реальности для улучшения процессов обучения является открытым вопросом. Разработанная в рамках данной работы «ориентировка» является уникальным инструментом для пространственного позиционирования и исследования предметного состава элементов среды. Способ организации обучения в ВОС VR-формата должен включать в себя инструменты для формирования сознательной картины мира в момент взаимодействия со средой.

Психологические аспекты здоровья и жизнеспособности педагогов школ-интернатов в условиях Крайнего Севера

В. В. Семикин (ГАУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», Салехард)

Общеизвестно, что профессия «учитель» — это особо сложная, ответственная и трудоемкая специальность, связанная с интеллектуальными и эмоциональными перегрузками, а также стрессами, требующая больших умственных, душевных и психологических затрат. Эти затраты обеспечиваются и восполняются определенными внутренними ресурсами, связанными с жизнеспособностью (А. В. Махнач, Е. А. Рыльская).

Не будет преувеличением сказать, что педагогическая профессия очень ресурсоемкая, поэтому успехи в этой деятельности су-

щественно зависят от комплекса ресурсов, которыми обладают педагоги. Мы полагаем, что он включает педагогическое мастерство (содержательные и технологические ресурсы), творчество (креативный ресурс), психологическую культуру (социально-психологический ресурс) и здоровье (психофизический ресурс). В этом комплексе ресурсов здоровье является самым уязвимым и в то же время базовым ресурсом, истощение которого (или «истощение», как принято говорить в современной психолого-педагогической науке) приводит, как правило, к личностным деформациям и серьезным проблемам в профессиональной деятельности (Л. Н. Молчанова, А. А. Кузнецова).

Наша исследовательская гипотеза заключалась в том, что экстремальные условия Арктики создают высокие риски и угрозы для здоровья и истощения жизненных ресурсов работающих там специалистов, в том числе педагогов. При формировании цели и задач исследования авторы статьи исходили из того, что педагоги школ-интернатов в Арктике испытывают на себе совокупное воздействие трех мощных факторов, вызывающих повышенное напряжение всех основных систем организма, психики и личности:

- экстремальные климатогеографические условия на Ямале;
- сложность и ответственность педагогической деятельности, требующая высокой самоотдачи;
- специфика работы с детьми коренных малочисленных народов Севера, проживающих в интернатах.

Эмпирическое исследование проводилось в 2020–2021 гг. в пяти школах-интернатах, расположенных в отдаленных поселках на Ямале, с помощью комплекса стандартизированных методик, обеспечивающих регистрацию жизненных показателей человека на трех уровнях его организации: физиологическом, психофизиологическом и психическом. Выборка респондентов включала в себя 215 педагогов, средний возраст которых составил $42,7 \pm 9,5$ года. Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу (В. В. Семикин, Т. Л. Попова, О. Ю. Межина, Р. А. Кочкин).

Для обследованных педагогов характерны высокий уровень тревоги (73,5%), состояние нервного напряжения (41,8%); 48% респондентов признают, что «к концу рабочего дня чувствуют себя совершенно истощенными физически и психически». Высокий уровень «нервно-психической устойчивости» показали лишь 12,8% респон-

дентов. У 30% обследованных педагогов был отмечен высокий уровень эмоционального истощения, а у 26,9% – высокий уровень деперсонализации. Также были установлены достоверно значимые корреляции между уровнем стресса и фактором истощения жизненных сил, изменениями некоторых личностных и коммуникативных характеристик педагогов.

Проведенные исследования свидетельствуют о необходимости использования для педагогов Крайнего Севера специальных методов комплексной профилактики и программ повышения адаптивных ресурсов и жизнеспособности.

Параллельно с этими эмпирическими исследованиями научными сотрудниками ГАУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» ведется разработка и экспериментальная проверка корпоративной оздоровительной программы и проекта масштабного внедрения этой программы в педагогических коллективах школ Ямала.

Импульсивность и особенности движений глаз при восприятии эмоционально-окрашенных изображений

*К. А. Скуратова (Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН,
Санкт-Петербург), А. В. Косякова (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Д. А. Наумова (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Некоторые особенности движений глаз могут являться маркерами высокой импульсивности и использоваться в диагностических целях (L. Cirilli et al.). Однако на сегодняшний день наблюдается дефицит научных исследований в этой области.

Целью актуального исследования явилось изучение взаимосвязей импульсивности и различных показателей движений глаз при восприятии эмоционально окрашенных изображений. Согласно нашей гипотезе, импульсивность отрицательно связана с общей продолжительностью просмотра, общим количеством фиксаций и средней продолжительностью фиксаций вне зависимости от эмоциональной окраски стимулов.

В исследовании приняли участие 49 человек (средний возраст 23 года), выборка нормирована по полу. У всех испытуемых было нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Оценка импульсивности производилась с помощью русскоязычной версии шкалы импульсивности Баррата (BIS-11) в адаптации С. Н. Ениколопова и Т. И. Медведевой.

Испытуемым было предложено просмотреть 20 экспериментальных стимулов, состоящих из четырех изображений различной эмоциональной окрашенности (позитивные, дисфорические, угрожающие, нейтральные) и пяти контрольных стимулов (только нейтральные изображения). Часть стимулов содержала только изображения с людьми (либо с лицами, либо с фигурами), другая часть — изображения неодушевленных предметов или животных. Изображения были отобраны на основе экспертной оценки. Задачей испытуемых было внимательно просматривать наборы изображений и выбирать наиболее привлекательные. Время просмотра не ограничивалось. В процессе фиксировалось направление взгляда испытуемых с помощью айтрекера GP3. Сбор и анализ данных осуществлялись с помощью программного обеспечения Нейробюро. Был использован корреляционный анализ данных. Рассчитывался индекс внимания к эмоционально-окрашенному изображению (соотношение времени его просмотра к общему времени просмотра стимула).

При просмотре нейтральных изображений предметов и животных были обнаружены значимые положительные корреляции между уровнем импульсивности и такими показателями глазодвигательной активности, как общая продолжительность просмотра, общее количество саккад, общая длина пути сканирования (сумма амплитуд всех саккад), индекс внимания.

Также импульсивность оказалась положительно связана с общей продолжительностью просмотра, общим количеством фиксаций, средней амплитудой саккад, общим количеством саккад, общей длиной пути сканирования и индексом внимания при просмотре позитивных изображений, содержащих фигуры или лица людей. Импульсивность положительно коррелировала с продолжительностью первой фиксации, совершаемой на изображениях предметов или животных.

Отрицательные корреляции наблюдались для импульсивности и общего количества возвратов и индекса внимания к дисфорическим изображениям, содержащим лица или фигуры людей.

Для угрожающих изображений, содержащих лица или фигуры людей, также были обнаружены отрицательные корреляции между импульсивностью и общим количеством возвратов, общим количеством фиксаций, общим количеством саккад, общей длиной пути ска-

нирования и индексом внимания. Положительная корреляция наблюдалась между показателем импульсивности и временем до первой фиксации, а также между этим показателем и продолжительностью первой фиксации на угрожающих изображениях людей.

Таким образом, испытуемые с высокими показателями импульсивности уделяют наибольшее внимание нейтральным изображениям предметов и животных и позитивным изображениям, содержащим фигуры или лица людей. При этом импульсивные люди избегают дисфорические и угрожающие изображения.

В будущем полученные данные могут быть применены для разработки объективных методов диагностики с использованием метода отслеживания движений глаз.

Сопоставление разных методов измерения эмоциональной дифференцированности

*Е. А. Сучкова (НИУ ВШЭ, Москва),
Д. В. Люсин (НИУ ВШЭ, ИП РАН, Москва)*

Эмоциональная дифференцированность (ЭД) — степень дробности эмоционального опыта человека, иначе говоря, того, насколько человек хорошо различает свои эмоции (M. Feldman, L. Barrett). В современной литературе описывается ряд методов оценки ЭД. Все методы можно разделить на лабораторные и основанные на многократных замерах эмоционального состояния. Разные методы регулярно применяются в исследованиях ЭД, и полученные с их помощью выводы обобщаются на ЭД в целом, хотя сопоставления результатов этих методов не проводилось.

В данной работе сообщены результаты сравнения разных методов оценки ЭД. Использовалась методика многократных замеров эмоционального состояния и две методики для оценки ЭД в лабораторных условиях: методика оценки дифференцированности гипотетических эмоций, вызываемых сценариями (задача с ситуациями), и методика оценки дифференцированности эмоций, вызываемых изображениями (задача с изображениями).

Ожидалась положительная связь между показателями, получаемыми с помощью разных методик, при этом более тесная связь ожидалась между показателями лабораторных методик в силу эффекта метода.

В исследовании приняло участие 44 человека в возрасте от 18 до 44 лет ($M = 28,14$, $SD = 7,45$), из них 37 женщин.

Методика многократных замеров проводилась с использованием приложения для смартфонов m-Path*. Данные собирались в течение 10 дней. Каждый день во псевдослучайные моменты времени интервала бодрствования испытуемому приходило семь уведомлений о необходимости оценить свое эмоциональное состояние. Испытуемым давалось двенадцать названий эмоций: шесть отрицательных (грусть, раздражение, беспокойство, стыд, зависть, вина) и шесть положительных (радость, воодушевление, предвкушение, гордость, удовлетворение, веселье). Надо было оценить, в какой степени они выражают состояние испытуемого, при помощи шестибалльных ликертовских шкал от 1 – «очень слабо» – до 6 – «очень сильно». Также был предусмотрен вариант ответа «Не испытываю данную эмоцию».

Были использованы также задачи с ситуациями. Испытуемый читал описания ситуаций, представлял себя на месте героя и сообщал, какие эмоции у него могла бы вызвать каждая ситуация. Был использован адаптированный к российской культуре перевод сценариев из методики SRT (M. T. Boden et al.). Оценивать свои гипотетические эмоции нужно было при помощи семибалльных ликертовских шкал от 0 – «совсем нет» – до 6 – «чрезвычайно сильно». Испытуемому давался список существительных, состоящий из названий шести отрицательных (беспокойство, вина, грусть, злость, страх, стыд) и шести положительных (веселье, восторг, гордость, предвкушение, радость, удовлетворение) эмоций.

Методика задач с изображениями была создана с опорой на описание методики PED-task (Y. Erbas et al.). В качестве стимулов применялись 21 изображение из баз эмоциональных изображений IAPS (P. J. Lang, M. M. Bradley, M. M. Cuthbert) и OASIS (B. Kurdi, S. Lozano, M. R. Banaji). Испытуемому предлагалось сообщить, какие эмоции вызывает у них каждое из изображений, при помощи семибалльных ликертовских шкал от 0 – «совсем нет» – до 6 – «чрезвычайно сильно». Для оценки давалось двенадцать названий эмоций: шесть отрицательных (вина, грусть, злость, страх, презрение, отвращение) и шесть положительных (веселье, восторг, нежность, предвкушение, радость, спокойствие).

Во всех задачах показатель ЭД рассчитывался как обратное значение α Кронбаха для 1) только положительных эмоций, 2) только отрицательных эмоций и 3) всех эмоций.

* URL: <http://m-path.io>.

Для проверки гипотезы о связях между показателями разных методов оценки ЭД был проведен корреляционный анализ. В задаче с ситуациями положительная и отрицательная ЭД оказались значимо связаны ($r(44) = 0,71$, $p < 0,001$), аналогичная связь была обнаружена в задаче с изображениями ($r(44) = 0,49$, $p = 0,001$), общие показатели ЭД этих методик также оказались значимо связаны ($r(44) = 0,49$, $p = 0,001$). Для методики многократных замеров значимых связей положительной и отрицательной ЭД, а также связи общего показателя ЭД с показателями других методик обнаружено не было.

Согласно предварительным результатам исследования, используемые методики оценки ЭД нельзя считать эквивалентными. Лабораторные методики не повторяют структуру связей методики многократных замеров, показатели этих двух типов методик не коррелируют друг с другом.

Отсутствие связи между общими показателями ЭД, полученными в разных типах методик, свидетельствует о том, что лабораторные методики показывают сходные результаты, в то же время никак не связанные с результатами, получаемыми при помощи многократных замеров эмоционального состояния. Следовательно, методики этих двух типов измеряют разные аспекты ЭД. Метод многократных замеров представляется более валидным, так как позволяет получить данные, основанные на реальных эмоциональных состояниях испытуемых, но этот метод более трудоемкий и требует высокой приверженности исследованию со стороны испытуемых.

Культурное пространство как фактор формирования городской идентичности*

О. Р. Тучина (КубГТУ, Краснодар), Л. А. Посметюха (КубГТУ, Краснодар)

Городская идентичность, характеризующая процесс социокультурной консолидации сообщества, проживающего на определенной территории, понимания себя как представителя городского пространства и общности, признания уникальности своего места проживания является социокультурным основанием формирования городской среды. Перспективным аспектом исследования городской идентич-

---

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-20292.

ности, объединяющим социально-психологическое и культурологическое направления, является изучение влияния городского искусства на идентификационные стратегии горожан (Е. В. Титарь, А. А. Федулин, В. Э. Багдасарян).

Городская идентичность основана на символах, смыслах и образах города, значениях его достопримечательностей для жителей. При этом не менее важным является осознание человеком себя как представителя определенного городского сообщества. В настоящее время город превращается в арт-пространство, в котором переплетены разновременные пласты объектов искусства, традиции модерна и постмодерна. Подобное переплетение актуализирует проблему взаимосвязи изобразительного искусства с трансформацией локальной идентичности. Научный интерес вызывают исследование объектов искусства в контексте динамики формирования культурного пространства города, а также представленность и значимость объектов искусства в пространстве личностных смыслов горожан. Такое исследование способно прояснить фундаментальную проблему взаимовлияния объектов городского искусства и локальной идентичности горожан, а также состояние этой проблемы в ситуации современного города.

В нашем исследовании городская идентичность концептуализируется как самоопределение человека в городской среде (С. А. Литвина, О. И. Муравьева), поиск и нахождение личностных смыслов в бытийном пространстве города (И. А. Аполлонов, О. Р. Тучина). Цель исследования – выявить влияние городского культурного пространства на особенности городской идентичности.

Выборку пилотного исследования составили 207 человек, студенты вузов и колледжей г. Краснодара. В качестве метода исследования городской идентичности был использован «Опросник идентичности с городом» (С. А. Литвина, О. И. Муравьева) в авторской модификации (И. А. Аполлонов, О. Р. Тучина). Для исследования городского культурного пространства был разработан авторский опросник, выявляющий, какие аспекты городского культурного пространства вызывают у респондентов чувство гордости, эмоциональный подъем, вдохновение, несут в себе творческий заряд. В результате регрессионного анализа, проведенного методом обратных шагов, были выявлены предикторы исследуемых параметров городской идентичности.

Предикторами эмоциональной привязанности респондентов к городу являются чувство гордости за свой город и земляков при виде красоты городских улиц и парков Краснодара ($p=0,007$), городской

скульптуры ($p = 0,043$), изделий народных мастеров ($p = 0,021$). Предикторами оценки уникальности города являются положительные эмоции от прогулок по центральной части города ($p = 0,001$), гордость за свой город при виде городской скульптуры ($p = 0,010$), монументов, памятников, мемориальных досок ($p = 0,028$), творческий заряд при виде креативной наружной рекламы на улицах города ($p = 0,039$), уличных выставок городских художников, народных мастеров ($p = 0,047$). Предикторами планирования будущего, связанного с городом, являются гордость за свой город при виде городской скульптуры ($p = 0,000$), положительные эмоции от прогулок по центральной части города ($p = 0,041$). Предикторами оценки личного вклада в развитие города являются положительные эмоции от посещения музеев и выставок ($p = 0,012$), гордость за свой город при виде городской скульптуры ($p = 0,000$), вдохновение, творческий заряд от участия в культурных акциях города («Ночь музеев» и т. п.) ($p = 0,002$).

Результаты пилотного исследования показали, что городское культурное пространство является значимым фактором формирования городской идентичности. Наиболее весомый вклад в формирование идентичности краснодарцев вносит городская скульптура. Дальнейшее исследование предполагает выявление социальных представлений о культурном пространстве Краснодара, личностно-смыслового аспекта городской идентичности в контексте культурного пространства города.

Научное издание

**ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ
В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Материалы Международной юбилейной научной конференции,
посвященной 50-летию создания Института психологии РАН,
16–18 ноября 2022 г., Москва

Корректоры – *Т. А. Сарыева, О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ерьсько*

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
www.ipras.ru
E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 01.11.22. Подписано в печать 11.11.22. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonC
Уч.-изд. л. 50. Усл.-печ. л. 60. Тираж экз. Заказ
Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6

